ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ә.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

МАРҒҰЛАН ОҚУЛАРЫ – 2022:

халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары

Алматы қ., 12–13 сәуір 2022 ж.

Алматы
2022

ӘОЖ 902/904
КБЖ 63.4
М 22

Жинақ Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің 2022–2023 жж. нысаналы қаржыландыру бағдарламасы, ЖТН BR11765630 жобасы аясында шығарылды

Баспаға Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Ғылыми кеңесі ұсынған

Бас редактор
А. Оңғар, тарих ғылымдарының кандидаты

Жауапты редактор
Т.Б. Мамиров, тарих ғылымдарының кандидаты

Рецензенттер:
М. Қожа, тарих ғылымдарының докторы, профессор
В.Г. Ломан, тарих ғылымдарының кандидаты

Редакциялық алқа:
И.В. Мерц, тарих ғылымдарының кандидаты, философия докторы (PhD); Г.С. Жұмабекова, тарих ғылымдарының кандидаты; Ә.М. Манапова, тарих ғылымдарының кандидаты; Ғ.А. Базарбаева, тарих ғылымдарының кандидаты; Т.Н. Лошакова; Д.А. Байтілеу, тарих ғылымдарының кандидаты; Е.Ш. Ақымбек, философия докторы (PhD); Ж.Р. Утубаев, тарих ғылымдарының кандидаты, философия докторы (PhD); А.К. Айтқали, философия докторы (PhD); Б.М. Хасенова, философия докторы (PhD); Я.С. Шаяхметова

Марғұлан оқулары–2022: халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары (Алматы қ., 12–13 сәуір 2022 ж.). Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. 450 б.

Жинақта тас дәуірінен Жаңа заманға дейінгі кең хронологиялық кезеңге жататын археологиялық ескерткіштерді зерттеу нәтижелері ғылыми айналымға енгізілген. Мақалалар тақырыптары аясы Қазақстан мен өзге де елдердің ежелгі және ортағасырлық тарихының әртүрлі аспектілерін қамтиды. Басылымда 2021 ж. далалық зерттеулер нәтижелерінің қорытындылары, жаңа әдістер мен технологиялардың қолданылуы, теориялық өңдеулер мен жинақтаулар келтірілген.

Жинақ археологтарға, тарихшыларға, этнологтарға және Қазақстанның мәдени-тарихи мұрасына қызығушылық танытатын көпшілікке арналады.

ISBN 978-601-7312-94-7

© Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. МАРГУЛАНА

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. АЛЬ-ФАРАБИ

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2022:

материалы международной научно-практической конференции

г. Алматы, 12–13 апреля 2022 г.

Алматы
2022

УДК 902/904
ББК 63.4
М 22

Сборник издается в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на 2022–2023 гг.,
ИРН проекта BR11765630

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Главный редактор
А. Онгар, кандидат исторических наук

Ответственный редактор
Т.Б. Мамиров, кандидат исторических наук

Рецензенты:
М. Кожа, доктор исторических наук, профессор
В.Г. Ломан, кандидат исторических наук

Редакционная коллегия:
И.В. Мерц, кандидат исторических наук, доктор философии (PhD); Г.С. Джумабекова, кандидат исторических наук; А.М. Манапова, кандидат исторических наук; Г.А. Базарбаева, кандидат исторических наук; Т.Н. Лошакова, Е.Ш. Акымбек, доктор философии (PhD); Д.А. Байтлеу, кандидат исторических наук; Ж.Р. Утубаев, кандидат исторических наук, доктор философии (PhD); А.К. Айткали, доктор философии (PhD); Б.М. Хасенова доктор философии (PhD); Я.С. Шаяхметова

Маргулановские чтения–2022: материалы международной научно-практической конференции (г. Алматы, 12–13 апреля 2022 г.)**.** Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. 450 с.

В сборнике вводятся в научный оборот результаты исследований археологических памятников обширного хронологического периода – от эпохи камня до Нового времени. Тематика статей охватывает различные аспекты древней и средневековой истории Казахстана и ряда других стран. В издании представлены итоги полевых исследований 2021 г., опыт применения в них новых методов и технологий, теоретические разработки и обобщения.

Сборник адресован археологам, историкам, этнологам, а также всем, кто интересуется историко-культурным наследием Казахстана.

ISBN 978-601-7312-94-7

© Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
COMMITTEE OF SCIENCE
MARGULAN INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

AL FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

MARGULAN READINGS – 2022:

proceedings of the International scientific and practical conference

Almaty, Aprile 12–13, 2022

Almaty
2022

UDC 902/904
LBC 63.4
M 22

The collection is published within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan 2022–2023, IRN of the project is BR11765630

Recommended for press by the Scientific Council of the Margulan Institute of Archaeology
of the Committee of Science
of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Editor-in-chief
A. Onggar, Candidate of Historical Sciences

Executive editor
T. Mamirov, Candidate of Historical Sciences

Reviewers:
M. Kozha, Doctor of Historical Sciences, Professor
V. Loman, Candidate of Historical Sciences

Editorial board:
I. Merz, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD); G. Jumabekova, Candidate of Historical Sciences; A. Manapova, Candidate of Historical Sciences; G. Bazarbayeva, Candidate of Historical Sciences; T. Loshakova, D. Baitileu, Candidate of Historical Sciences; Ye. Akymbek, Doctor of Philosophy (PhD); Zh. Utubayev, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD); A. Aytqaly, Doctor of Philosophy (PhD); B. Khassenova, Doctor of Philosophy (PhD); Ya. Shayakhmetova

Margulan readings–2022: proceedings of the International scientific and practical conference (Almaty, Aprile 12–13, 2022). Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2022. 450 p.

The collection represents the results of archaeological monuments research during an extensive chronological period – from the Stone Age to Modern Times. The articles cover various aspects of the ancient and medieval history of Kazakhstan and a number of other countries. The publication presents the results of field research in 2021, the experience of using new methods and technologies, theoretical developments and generalizations.

The collection is for archaeologists, historians, ethnologists, as well as anyone interested in the historical and cultural heritage of Kazakhstan.

ISBN 978-601-7312-94-7

© Margulan Institute of Archaeology, 2022

АЛҒЫСӨЗ

Аталған жинақтың мақалаларының тақырыптары Қазақстан мен өзге елдердің аумағындағы археологиялық ескерткіштерді зерттеудің әртүрлі аспектілеріне арналған. Жинақта Қазақстанның – Нұр-Сұлтан, Алматы, Атырау, Есік, Жезқазған, Қарағанды, Қызылорда, Павлодар, Түркістан, Орал, Өскемен, Шымкент секілді қалаларының ғылыми орталықтары, сонымен қатар АҚШ (Нью-Йорк), Бельгия (Ле Клоссе), Италия (Неаполь), Қырғызстан (Бішкек), Қытай (Пекин), Өзбекстан (Нүкіс, Самарқан, Шахрисабз), Ресей (Астрахань, Екатеринбург, Қазан, Москва, Челябинск), Түркия (Анкара) секілді алыс және жақын шетелдік авторлардың 51 мақаласы жинақталған.

Жинақты құрастыру барысында редакциялық алқа географиялық және тақырыптық принциптерге сүйенді. Алғашқысына сәйкес «Арал-Каспий мыңжылдықтар көрінісінде», «Жетісудың таулы және тау етегіндегі кеңістігінің әртүрлі кезеңдердегі игерілуі», «Археологиялық деректер бойынша Қазақ Алтайы мен Тарбағатайдағы мәденигенез процесі», «Сарыарқа және шектес аудандар жаңа зерттеулер аясында» секілді бөлімдер жинақталды. Евразия кеңістігіндегі дала мен қала қарым-қатынасы мәселесі антикалық және ортағасыр кезеңдері ескерткіштерін зерттеудің маңызды бөлігі болып табылады. Осы тақырып бойынша мақалалар «Уақыт пен кеңістіктегі дала мен қала: мәдениеттер диалогы» бөліміне топтастырылды. «Жартастағы жылнамалар: петроглифті кешендер туралы жаңа мәліметтер», «Экспонат эволюциясы: консервация, реставрация, музеефикация мәселелері. Археологиядағы бағдарламалық қызмет көрсетулер: қолдану бойынша ұсыныстар» бөлімдері өткеннің материалдық мәдениетін зерттеудің жекелеген мәселелеріне арналған.

2022 жылы Қазақстанның археология ғылымы орны толмас қазаға душар болды Виктор Федорович Зайберт (1947–2022) пен Ерлан Қазизов (1983–2022) өмірден озды. Осы ғалымдардың 2021 ж. далалық маусымдағы зерттеулерінің нәтижелері жинаққа енгізілді. Туыстары мен жақындарына қайғыра көңіл айтамыз.

Жинақ мақалалары графикалық материалдар мен фотосуреттерден тұрады.

Аталған жинақта берілген пікірлер мен қорытындылар, сондай-ақ ұсынылған материалдар авторлардың жеке жауапкершілігінде.

Осылайша, жинақта жарық көрген зерттеулер қазіргі заманғы археология ғылымының әртүрлі аспектілерін қамтиды және археология ғылымының дамуына үлкен үлес қосары даусыз.

Авторларға басылымға үлес қосқандары үшін шын жүректен алғыс білдіреміз!

Құрметпен,
редакциялық алқа

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тематика статей настоящего сборника посвящена различным аспектам изучения археологических памятников на территории Казахстана и других стран. В сборнике представлена 51 статья авторов из научных центров городов Казахстана – Нур-Султана, Алматы, Атырау, Есика, Жезказгана, Караганды, Кызылорды, Павлодара, Туркестана, Уральска, Усть-Каменогорска, Шымкента, а также из ближнего и дальнего зарубежья Бельгии (Ле Клоссе), Италии (Неаполь), Китая (Пекин), Кыргызстана (Бишкек), России (Астрахань, Екатеринбург, Казань, Москва, Челябинск), США (Нью-Йорк), Турции (Анкара), Узбекистана (Нукус, Самарканд, Шахрисабз).

При составлении сборника редколлегией учитывался географический или тематический принцип. Следуя первому, выделены такие разделы, как «Арало-Каспий в панораме тысячелетий», «Освоение предгорных и горных пространств Жетысу в различные эпохи», «Процессы культурогенеза в Казахском Алтае, Тарбагатае по археологическим источникам», «Сарыарка и сопредельные регионы в свете новых исследований». Важную часть в исследовании памятников эпохи античности, Средневековья традиционно занимает проблема взаимоотношений города и степи в евразийском пространстве. Статьи по этой теме объединены в разделе «Степь и город во времени и пространстве: диалог культур». Изучению отдельных категорий материальной культуры прошлого посвящены разделы «Летописи на скалах: новые данные о комплексах с петроглифами», «Эволюция экспоната: вопросы консервации, реставрации, музеефикации. Программное обеспечение на службе археологии: рекомендации по использованию».

Археологическая наука Казахстана в 2022 году понесла невосполнимую утрату, ушли из жизни Виктор Федорович Зайберт (1947–2022), Ерлан Казизов (1983–2022). В сборнике содержатся результаты их исследований, полученные в ходе полевого сезона 2021 г. Хотим выразить слова поддержки родным и близким.

Статьи сборника содержат графический материал и фотографии.

Выводы и мнения, изложенные в настоящем сборнике, а также предоставленный материал остаются на персональной ответственности авторов.

Таким образом, публикуемые в сборнике работы охватывают различные аспекты современной археологической науки и, несомненно, вносят существенный вклад в развитие археологии.

Выражаем искреннюю благодарность авторам за участие в издании!

С уважением,
редколлегия

УАҚЫТ ПЕН КЕҢІСТІКТЕГІ ДАЛА МЕН ҚАЛА: МӘДЕНИЕТТЕР ДИАЛОГЫ

СТЕПЬ И ГОРОД ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

М.К. ХАБДУЛИНА

Марал Калымжановна Хабдулина,
НИИ им. К.А. Акишева при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан; mk_khabdulina@mail.ru

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КОЗЫКОШ конца XIX – начала XX в.*

Аннотация. В статье изложены особенности пространственной планировки крупного этнографического поселения Козыкош XIX–XX вв. Описаны архитектура, конструкция жилища № 1, построенного в начале XX в.

Ключевые слова: Козыкош, казахское жилище, пространственная планировка, Нура, Ишим

XX ғ. басы – XIX ғ. аяғындағы Қозыкөш этнографиялық елді мекені

Аннотация. Мақалада XIX–XX ғғ. Қозыкөш ірі этнографиялық елді мекенінің кеңістіктік жоспарының ерекшеліктері баяндалған. XX ғ. басында салынған № 1 тұрғын үйдің сәулеті, құрылымы сипатталған.

Түйін сөздер: Қозыкөш, қазақ тұрғын үйі, кеңістіктік жоспарлау, Нұра, Есіл

The ethnographic settlement of Kozykosh of the late 19th – early 20th century

Abstract. The article describes the features of spatial planning of a large ethnographic settlement Kozykosh of the 19th–20th century. The architecture and construction of dwelling no. 1, built in the early 20th century, are described.

Keywords: Kozykosh, Kazakh dwelling, spatial layout, Nura, Ishim

Новым, активно развивающимся направлением казахстанской археологии последних десятилетий становится исследование памятников позднесредневековой археологии: казахских кыстау, этнографических поселений, мавзолеев. Обращение к этой теме является логическим развитием казахстанской археологии, накопившей значительный объем материала по древним эпохам, и стремлением довести его до Средних веков, чтобы на основе археологического источника реконструировать ход исторического процесса.

Актуальность этой темы осознавалась с первых десятилетий становления казахстанской археологии, и в программных документах неоднократно подчеркивалось, что важным теоретическим направлением, требующим исследования, является проблема изучения оседлой культуры кочевников. Она особенно важ-

© 2022 Хабдулина М.К.
**Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта грантового финансирования Комитета науки МОН РК 2020–2022, ИРН проекта AP08857699.*

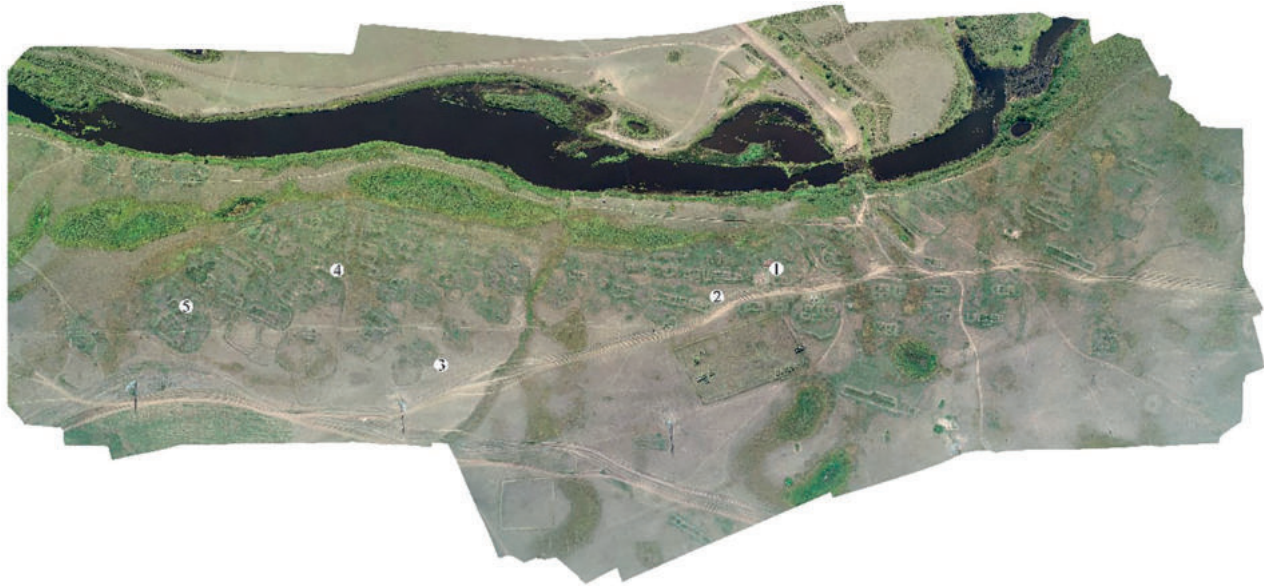

Рис. 1. Поселение Козыкош. Ортофотоплан

на для решения вопроса этногенеза казахов и сложения казахской государственности. Подчеркивая это, К.А. Акишев писал в 1972 г., что «археологические изыскания должны быть максимально приближены к событиям XV–XVIII вв., объектом исследования <…> должны быть памятники материальной и духовной культуры собственно казахского народа. <…> Совершенно необходимы поиски и раскопки развалин зимовок, остатков летних стоянок, монументальных построек, ирригационных сооружений и семейно-родовых кладбищ XV–XVIII вв.» [Акишев и др. 1972: 207].

Изучение оседлой культуры кочевников в последние десятилетия активно разрабатывается различными археологическими коллективами Казахстана. Объем накопленного материала позволяет разделить стационарные памятники позднесредневековой эпохи на два хронологических периода: памятники периода Казахского ханства XV–XVIII вв. и этнографического времени XIX–XX вв. [Бейсенов 2019: 12].

Есильская археологическая экспедиция Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва провела первые раскопки поселения этнографического времени в 2018 г. На поселении Саркырама были исследованы четыре жилища. Получены материалы по сырцовой архитектуре, строительному делу казахов XIX в. [Дукомбайев 2020: 136–158].

Объектом масштабных раскопок 2021 г. стало поселение на реке Козыкош, которое находится на окраине г. Нур-Султана, состоит из более чем 80 отдельных усадеб. Это самое крупное этнографическое поселение в столичном регионе. Руины его строений занимают площадь 160 га. Географические координаты памятника: С.Ш. 51° 08’ 30,77”, В.Д. 071° 10’18,82”.

Выбор места под поселение обусловлен прекрасными природными условиями, сочетающими неограниченное количество свежей речной воды с просторами луговых и степных пастбищ. Немаловажную роль играет геостратегическое положение самой речки Козыкош, соединявшей воды двух рек – Нуры и Ишима и служившей активной коммуникационной магистралью.

Река Козыкош длиной 40 км, течет в меридиональном направлении от Нуры до Ишима. По пути она принимает массу безымянных степных речек и два крупных притока – Мүкүр и Қарасу. Их воды, петляя, то сливаются с руслом реки Козыкош, то текут параллельно, создавая удобные луговые пространства. Такие условия благоприятны для стационарного обитания, пастушеского скотоводства, земледелия и сенокошения.

Река Козыкош известна с давних времен. Неоднократно упоминается в путевых записках и статистических обзорах XIX – начала XX в. [Шангин 1820: 102; Красовский 1868: 187]. Берега ее на всем протяжении насыщены древними объектами: зиратами, зимовками, летовками.

Наибольший интерес представляет планировочная структура поселения Козыкош. Руины строений тянут-

ся узкой лентой длиной 2,0 км, шириной 0,2–0,4 км по поверхности возвышенного участка коренной террасы левого берега реки Козыкош. Топография, размещение объектов повторяют меридиональное направление русла реки. Все жилые конструкции имеют прямоугольную форму, длинная ось их параллельна руслу реки. Жилища многосекционные, длина их не менее 30 м, ширина 16 м. Визуально в рельефе каждого дома выделяются два ряда комнат, иногда осложненные пристройками.

По архитектурно-планировочной композиции жилищно-хозяйственных комплексов территория поселения делится на два отдельных блока: северный и южный. Их происхождение связано с хронологической последовательностью. Состав выделенных блоков различается внутренней планировкой, плотностью застройки и планировкой казахских усадеб. Структурные блоки отделяются поперечными рубежами, выраженными в рельефе террасы.

Яркой граничной линией является сай (овраг), рассекающий территорию памятника в поперечном направлении. Сай ограничивает с юга северную, плотно застроенную структурную часть памятника. Этот лог является естественной весенней протокой, функционирующей в половодье. И, судя по пространственному размещению жилищных комплексов, он существует не одну сотню лет. По крайней мере, в период поселенческого обживания поверхности террасы он уже был. Выделенные структурные части имеют примерно одинаковые размеры, различаются внутренней топографией и планировкой усадеб. Северный блок – это плотно и хаотично застроенная часть поселка. Южный блок – это группа жилищ, спланированная в два ряда и разделенная улицей шириной 10–20 м. В каждом ряду по 10–12 усадеб, расположенных близко друг к другу.

Архитектурные объемы жилищно-хозяйственных ансамблей свидетельствуют о начале застройки поселения с северной части. В этнографическое время, судя по ландшафту и внутренней структуре усадеб, заселение началось с небольшой сезонной зимовки. Появление ее связано с местом исторического брода через речку Козыкош. По этнографическим сведениям, зимовки возникали возле переправ, и эти переправы или броды даже носили название хозяина зимовки [Оразбек 2015: 137].

Северная зона береговой террасы рельефно ограничена с юга глубоким саем, с севера – поворотом реки. В результате образуется компактное плато длиной более 1 км. На его поверхности каждая усадьба сопровождается крупным огороженными рвом и валом, площадками различных форм. Чем ближе к реке, тем площади их меньше, они часто перекрывают рвы и валы соседних ансамблей. Чем дальше от реки, тем размещение их более свободное, разреженное. Они имеют четкие овальные, квадратные и прямоугольные очертания. Многие из них накладываются друг на друга, показывая горизонтальную стратиграфию. Эти огражденные площадки относятся к хозяйственным сооружениям и обязательно одной стороной примыкают к жилищам. Огороженные площадки, включающие жилые и хозяйственные строения, – характерная черта казахских кыстау [Глухов 1927: 123–127].

Усадьбы следующего хронологического среза, организованные в уличную планировку, не имеют таких пространственно выделенных дворов. Они обладают строго прямоугольной формой, в конфигурацию которой вписаны хозяйственные помещения, примыкающие, как правило, к торцовым краям. Такая планировочная организация характерна для сельских поселений совхозного периода.

Различия в топографии, планиграфической структуре привели к выбору для раскопок пяти усадеб в разных частях поселения Козыкош. Две усадьбы, разные по площади и высоте развалов стен, исследованы в южной части памятника, три усадьбы – в северном, скученно застроенном блоке (рис. 1).

В настоящей статье излагаются материалы раскопок жилища 1 поселения Козыкош. Оно находится в середине прибрежной линии домов. Раскоп размером 15×12 м охватил прямоугольник выступающих на поверхность валообразных стен. С северной стороны вдоль стены просматривается легкое углубление, и к нему примыкают развалы следующего дома. Для фиксации строительных конструкций и находок была сделана разметка квадратов: буквенная по линии В–З и цифрами по линии Ю–С. В центре валообразного прямоугольника видны два углубления от западин комнат.

Практически сразу под дерном в квадратах 1/Б, В обнажились два ряда дерновых кирпичей южной стенки жилища (рис. 2). Внешний ряд кирпичей выложен поперек, внутренний – вдоль стенки; размер кирпичей 24×17 см. В западных профилях зафиксированы два нижних слоя кирпичной кладки. Наиболее высокие отметки сохранившегося основания стены равны 0,6 м. Кирпичи плотные по структуре, темно-серого цвета.

Стены жилища 1 поселения Козыкош на разных участках имеют различную технологию строительства. Внешние ряды кирпичей южной и северной стены положены поперек, внутренний ряд – продольно. Ширина кладки 0,5 м. Западная и восточная стена дома более

Рис. 2. Поселение Козыкош. Жилище 1. Ортофотоплан

широкая (0,6 м) и между рядами кирпичей засыпана узким слоем глины. Западная стена самая высокая (0,5–0,6 м), сохранилась на высоту четырех слоев кирпичной кладки. В плане они уложены в два ряда: продольный внешний и поперечный внутренний. В профиле и на плане зафиксированы ряды кирпичей, упавших внутрь комнаты. Стены дома снаружи покрыты глиняной штукатуркой. Глиняная обмазка хорошо сохранилась на поверхности западной и южной кладки стен.

Профили дают представление о мощности культурных напластований, о характере развала стен, их конструкции и горизонтальных слоях. В рельефе профилей видны поднятия, показывающие сохранившиеся остовы стен.

Западные профили (рис. 3). Квадраты линии А имеют склон на восток, в сторону реки. Уровень материка находится на глубине 15–20 см от современного юго-восточного угла квадрата 1/А. Напластования, которые фиксируются в квадратах 2–5/А, – это развалы восточной стены жилища. В профиле 1/А слои, указывающие на затекание развала восточной стенки жилища, отсутствуют. Здесь расчищены только более поздние столбовые ямки. Этот ряд столбовых ям тянется на поверхности всех восточных квадратов. Во многих из них сохранились основания бревенчатых столбов. Их расположение характеризует оформление стороны дома, обращенной к реке. Возможно, здесь была некая конструкция типа крытой веранды.

Западные профили квадратов 2–3/А состоят из горизонтальных слоев золистого грунта, перемешанного с глиной. Они показывают картину разрушения и затекания кирпичных стен дома. Основание профиля подбито тонкой полоской гумуса и глины буквально в 2 см.

В результате раскопок выявлено жилище подквадратной формы 9,0×8,5 м, длинной осью направленное вдоль русла реки. Жилище продольной перегородкой разделено на два помещения. Западное помещение имеет ширину 3 м, восточное – 4 м. От внутренней пе-

регородки шириной 0,7 м частично сохранились нижний слой кирпичей и фрагмент деревянной доски длиной 2 м в кв. 2/Г (рис. 2).

В восточном помещении в квадрате 3/В расчищены прямоугольные жженые кирпичи, выложенные в пять рядов одним слоем на участке размерами 1,3×0,5 м. Очертания выкладки, ее топография в пределах жилища свидетельствуют о том, что это основание кирпичной печи. Печь торцом примыкает к межкомнатной перегородке, устьем обращена на восток. Перед устьем груда битого кирпича (1,5×0,8 м). Пол вокруг основания печи вымощен кирпичами.

В этом же восточном помещении на материковом уровне зафиксированы многочисленные темные пятна без чёткой формы (рис. 2). Они исчезают при углубленной зачистке и, скорее всего, являются следами активного хождения. Такая натоптанность характерна обычно для привходовой части. И на самом деле, здесь в квадрате 1/В намечается разрыв в кирпичной кладке южной стены жилища. Разрыв шириной 0,8 м. Таким образом, жилище имело вход с юга, который вел в восточное помещение, выполнявшее хозяйственные функции. Это расположение полностью соответствует традициям, известным по разделению сторон в юрте: левая западная сторона – мужская, правая от входа восточная – женская половина.

В двухкамерном жилище Козыкош 1 западное помещение – парадное. Пол и стена, сохранившаяся на высоту 0,6 м, покрыты белым алебастром. Восточное помещение, возможно, выполняло функцию кухни.

Жилище имеет пристройки. Одно из них в виде комнаты размером 3,0×2,3 м примыкает снаружи к северо-восточному углу дома. Ее кирпичные стены обнажились в квадрате 3/А на глубине 0,4 м. На верхних горизонтах она не фиксировалась, оказалась перекрыта слоями глины, золы и перемешанного гумуса. Заполнение и картина горизонтальных слоев западного профиля квадрата 3/А, в который упираются кирпичи пристройки, свидетельствуют о том, что эта конструкция существовала до строительства жилища и была намеренно завалена. Позднее на поверхность кирпичей вкопаны деревянные столбы (рис. 2).

Вторая пристройка находилась у северного торца дома. Две крайние стены ее обозначены фрагментами кирпичных стен, выступающих за пределы жилища с западной и восточной стороны. Эти фрагменты стен образуют какую-то пристройку, сооруженную в более позднее время. Уровень ее пола углублен на 20 см в материк. Судя по находкам шифера, фрагментам железной арматуры в квадратах линии 5, это могло быть сделано в середине XX в., что подтверждается и вещественными находками (портсигар, мелкие украшения, глиняные поплавки для рыболовной сети).

Полевые наблюдения и анализ профилей показывают, что мы зафиксировали на разных участках только нижние 2–4 слоя кладки кирпичных стен жилища. Следовательно, верхняя часть стен разрушена временем. Практически на всех профилях на внешнюю сторону наклонно спускается полоска желтой глины, а под стеной виден слой перемешанного гумуса. Ширина его основания 0,5–0,7 м. Его расположение похоже на специальную подсыпку стен дома, типа утепляющей завалинки. В центральных квадратах культурный слой отсутствует, сразу под дерном обнажается материк. Толщина профилей здесь всего 15–20 см. До раскопок в рельефе жилища в этом месте располагались западины двух углублений, как выяснилось, это две камеры, разделенные стеной-перегородкой.

Жилище Козыкош 1 наземное. Стены толщиной 0,5 м (два ряда кирпичей). Для их возведения площадка была расчищена до твердого материкового грунта. В кладке стен встречаются два варианта кирпичей: темно-серые гумусные с большим включением песка, что придает прочность и комковатость строительному материалу; реже использовали глинобитный кирпич светлых оттенков. Кирпичи разноформатные: 24×17×15 см; 35–37×22×16 см. Связующий раствор встречается в кладке западной стены. Какие-нибудь конструкции кровли не найдены. По этнографическим материалам можно предположить, что она была плоская или с небольшим скатом. Высота жилища достигала 2,8 м [Шнэ 1894: 2]. От кирпичных стен остались только четыре слоя кирпичей. Развал был направлен наружу. Отметим, что это быстрое по времени разрушение дерновых стен. Как было выяснено историко-этнографическими исследованиями, жилище Козыкош 1 было оставлено в середине XX в. Получается, что разрушение и утеря дерновых стен произошли довольно быстро – в течение 70 лет.

Перегородка, разделяющая дом на две секции, согласно этнографическим материалам, до потолка не доходила. Есть многочисленные описания аналогичных конструкций [Глухов 1927: 119, 120; Бейсенов 2019: 24, 25], названных К.А. Акишевым «печка-стенка» [Акишев и др. 1982: 134]. Этот термин появился при описании системы отопления в отрарских домах, известных по средневековым материалам как каны.

По мнению исследователей, эта традиция занесена монголами в XIII в. и получила свою трансфор-

Рис. 3. Поселение Козыкош. Жилище 1. Профили западных бровок

мацию в планировке средневековых жилищ Отрара. Объясняя отопление при помощи канов, встроенных в суфы, К.А. Акишев приводит параллели с казахским домостроительством, в котором строили специальные стены-перегородки с внутренними зигзагами дымохода [Глухов 1927: 119]. Такая система решала проблему тепла и одновременно делила жилое пространство на разнофункциональные секции. В жилище Козыкош 1 расположение развалов печи рядом со стенкой подтверждает возможность вывода дымохода в толще стенки-перегородки.

Этнографические сведения. Обширный круг этнографических данных о казахских кыстау, землепользовании, кочевках содержится в трудах статистических экспедиций российских чиновников XIX в., служилых людей, представителей царской администрации, пытавшихся оценить возможности использования казахских земель. Интерес к новым землям, быту и культуре азиатских народов породил множество зарисовок, описаний, научных публикаций о природных условиях, климате, хозяйственной специфике казахов [Шнэ 1894; Рахимов 2012: 141–149].

В XIX в. в степном Казахстане эволюционное развитие номадного скотоводства шло по линии формирования фермерского товарного животноводства, постепенного складывания товарно-капиталистических отношений. Об этом свидетельствуют данные о владении многими знатными казахами пятитысячных табунов лошадей и торговле ими на рынках Китая, России, Средней Азии [Обзор Акмолинской… 1899: 49; Бейсенов и др. 2020: 241, 248].

Впечатляющие прогнозы эффективности казахского скотоводства при создании необходимых условий приведены в небольшой публикации 1926 г. Автор пишет, что по приблизительным данным в 20-х гг. XX в. существовало свыше полумиллиона казахских ауловкыстау. «<…> Запасы имеющейся пастбищной площади могут обеспечить кормами до 75 миллионов разного скота, то есть в три раза более того количества, которое имеется сейчас, и при рационализации скотоводческого хозяйства Казахстан смог бы целиком покрыть все потребности Союза на все виды продукции животноводства <…>» [Полочанский 1926]. Это было одно из рациональных предложений в период новой эконо-

мической политики, и оно показывает социально-экономическую эффективность традиционного казахского землепользования. Но, как известно, проекты новой экономической политики были свернуты уже к концу 1920-х гг. Исторически казахский аул прекратил свое существование в середине XX в.

Значение раскопок поселения Козыкош заключается в первом масштабном опыте получения материалов, подтверждающих и конкретизирующих этнографические описания казахских зимовок, описание строительной технологии. Пять жилищ, раскопанных в разных частях поселения общей площадью 900 кв. м, позволяют проследить изменения в архитектуре и конструкции традиционного казахского жилища, произошедшие на переходе от XIX к XX в. Жилища северного блока наземные, многокамерные, имеют в планировке суфы из глиняных кирпичей, очаги на поверхности суф. Стены домов гораздо толще (ширина 0,75–1,2 м), более крупные дерновые кирпичи, чем в жилищах начала XX в. Хозяйственные постройки окружают жилье с трех сторон. Усадьбы этого времени еще хранят остатки традиционной собственности на семейные участки в виде огороженных пространств, примыкающих к каждому домохозяйству. Этого нет в жилищах начала XX в.

Объект Козыкош – это оседлый тип поселения, возникший в эпоху кардинальных историко-политических перемен, вызванных колонизацией территории Казахстана в XIX в. и последующей вынужденной седентаризацией в начале XX в. в период коллективизации. Архитектурно-пространственная планировка памятника – яркая иллюстрация этих процессов, коренной ломки казахского народного жилища и исчезновения кыстау как исторического архетипа в середине XX в.

ЛИТЕРАТУРА

Ажигали С.Е. Эпоха культурно-исторического перелома в казахской степи: середина XIX в. // Труды Центрального музея. Алматы: Ғылым, 2004. Т. 1. С. 67–71.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: Наука, 1972. 256 с.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара (XVI–XVIII вв.) // Жилище народов Средней Азии и Казахстана / Отв. редакторы Е.Е. Неразик, А.Н. Жилина. М.: Наука, 1982. С. 121–137.

Бейсенов А.З. К.А. Акишев и вопросы изучения памятников казахского времени // Маргулановские чтения 2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Гл. ред. Б.А. Байтанаев, отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 10–38.

Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т., Дуйсенбай Д.Б. Кызылшилик, зимовка семьи Хасена Акаева // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АГУ, 2020. С. 240–251.

Глухов А.Н. Зимнее жилище актюбинских и адаевских казаков // Казаки. Антропологические очерки / Под ред. С.И. Руденко. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 108–134.

Дукомбайев А.Т. Раскопки казахского поселения Саркырама // Сакральный ландшафт Сарыарки: Коллективная монография / Отв. ред. Д. Тлеугабулов. Нур-Султан; Рим, 2020. 222 с.

Красовский Н.И. Область сибирских киргизов: [Стат. описание обл.] / Сост. Ген. штаба подполк. материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб.: Тип. Траншеля, Ретгера и Шнейдера, 1868. Ч. 1. 472 с.

Обзор Акмолинской области за 1898 год. Омск: Тип. Акмолин. обл. правления, 1899. 130 с.

Оразбек Е.Ж. Традиционное хозяйство казахов междуречья Буланты и Билеуты (по материалам этнографической экспедиции 2010 г.) // Бұланты шайқасы: Зерттеулер тарихы. ғыл.-ақпараттық альбом / Халықар. ғыл.-практ. конф. мен 2010–2014 жылдары өелізілген «Бұланты» археоэтнограф. экспедицияларының мат. Ұлытау: «Ұлытау» ұлттық тарихи-мәдени және табиғи қорық-мұражайы, 2015. С. 132–139 (каз., рус.).

Полочанский Е. За новый аул-кыстау. М.: Казахское представительство, 1926. 38 с.

Рахимов Е.К. Казахские зимовки-кыстау XIX в. (по письменным источникам) // Материалы 1-го и 2-го симпозиумов по казахскому памятниковедению (г. Актобе, 15 сентября 2011 г.; г. Атырау, 22–24 ноября 2012 г.) / Отв. ред. С.Е. Ажигали. Алматы; Атырау: Агатай, 2012. С. 141–149.

Шангин И.П. Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 году // Сибирский вестник. 1820. Ч. XI. С. 90–112.

Шнэ В. Зимовка и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области // Записки Западносибирского отдела ИРГО. 1894. Кн. 17. Вып. 1. С. 21–44.

А.С. ГАНИЕВА
С.К. САКЕНОВ
Б.М ХАСЕНОВА

Айнагуль Сабитовна Ганиева, ganieva@mail.ru;
Сергазы Кайырбекович Сакенов, sergazi_82@mail.ru;
Бакыт Мулдашевна Хасенова, alicar@inbox.ru
Государственный историко-культурный
музей-заповедник «Бозок», г. Нур-Султан, Казахстан

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КЫСТАУ БОЗОК II (АКМОЛИНСКОЕ ПРИИШИМЬЕ) в 2021 г.*

Аннотация. В статье публикуются результаты исследования в 2021 г. кыстау Бозок II, который находится на южном берегу озера Бузукты, расположенного в аллювиальной пойменной долине левого берега реки Ишим, в 5 км юго-западнее места традиционной переправы через реку Ишим – Караоткель. Полученные материалы пополнили сведения о традициях казахского домостроения Акмолинского Приишимья. Изучение истории казахского домостроения в настоящее время является одним из важных и перспективных направлений научного поиска. В археологии Казахстана назрела необходимость в его активном исследовании. В результате проведенных работ был выявлен фундамент двух домов прямоугольной формы из необожженного кирпича с печами. Также исследовано пространство вокруг домов, расчищены колодец и загон для скота. На основании полученных данных и аналогий удалось выяснить, что дома были двухкомнатными, с толстыми стенами, кровля перекрывалась балками, жердями, спрессованным камышом, а сверху дополнительно утеплялась золой. В культурном слое обнаружено большое количество костей МРС, изделий из железа, керамики, стекла.

Ключевые слова: Нура-Ишимское междуречье, казахи, кыстау, архитектура, предметы быта, хозяйство, Бозок II

2021 жылғы Бозоқ II қыстауында (Ақмолалық Есіл бойы) жүргізілген зерттеулердің нәтижелері

Аннотация. Мақалада Есіл өзенінің сол жағалауындағы аллювиалды жайылма алқабында Бұзықты көлінің оңтүстік жағалауында, Есіл өзенінен өтетін дәстүрлі Қараөткел өткелінен оңтүстік-батысқа қарай 5 км жерде орналасқан Бозоқ II қыстауындағы 2021 ж. жүргізілген зерттеу нәтижелері жарияланған. Алынған материалдар Ақмолалық Есіл бойы қазақ тұрғын үй құрылысының дәстүрлері туралы мәліметтерді толықтырды. Қазақ тұрғын үй құрылысының тарихын зерттеу қазіргі уақытта ғылыми зерттеулердің маңызды және перспективті бағыттарының бірі болып табылады. Қазақстан археологиясында оны белсенді зерттеу қажет. Жүргізілген жұмыстардың нәтижесінде пештері бар күйдірілмеген кірпіштен қаланған төрт бұрышты екі үйдің іргетасы анықталды. Үйлердің айналасы да зерттеліп, құдық пен мал қорасы тазартылды. Алынған деректер мен ұқсастықтарға сүйене отырып, үйлердің екі бөлмелі, қабырғалары қалың, төбесі ағашпен, сырықтармен, сығымдалған қамыстармен жабылып, үстінен күлмен қосымша жылыланғанын анықтауға мүмкіндік берді. Мәдени қабаттан көптеген мал сүйектері, темір, керамика, шыны бұйымдары табылды.

Түйін сөздер: Нұра-Есіл қосөзені, қазақтар, қыстау, сәулет, тұрмыстық заттар, шаруашылық, Бозоқ II

The results of the study of kystau Bozok II (Akmola Ishim River region) in 2021

Abstract. The article publishes the results of the study in 2021 of the kystau Bozok II, which is located on the southern shore of Buzukty lake, located in the alluvial floodplain valley of the left bank of the Ishim River, 5 km southwest of the place of the traditional crossing of the Ishim River - Karaotkel. The materials obtained have added to the information on the traditions of Kazakh house-building in Akmola Ishim River region. Research of history of the Kazakh house-building nowadays is one of the important and perspective directions of scientific search. In archaeology of Kazakhstan the need

© 2022 Ганиева А.С., Сакенов С.К., Хасенова Б.М.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования МКС РК 2021–2023, ИРН проекта BR10164134.*

for its active research is overdue. As a result of the works, the foundations of two rectangular shaped houses made of adobe bricks with stoves were revealed. The space around the houses was also investigated, a well and a cattle corral were cleared. Based on the obtained data and analogies, it was possible to find out that the houses were two-roomed, with thick walls, the roof was covered with beams, poles, compressed reeds, and the top was additionally insulated with ash. Large quantities of small cattle bones, items of iron, ceramics and glass were found in the cultural layer.

Keywords: Nura-Ishim interfluves area, Kazakhs, kystau, architecture, household items, economy, Bozok II

Изучение истории казахского домостроения в отечественной науке сегодня становится одним из важных направлений научного поиска, так как назрела необходимость в его максимально полном исследовании. В настоящее время имеется лишь одна монография, посвященная поселениям казахов XV–XVIII вв. [Жолдасбаев 2017]. На необходимость разработки этого типа памятников обращали внимание С. Ажигали, К.А. Акишев, А.З. Бейсенов [Ажигали 2011: 82; Хабдулина 2014: 140; Бейсенов 2021: 8]. По мнению С. Ажигали, они должны изучаться в рамках такого направления, как «этнографическое памятниковедение». Основными объектами этого научного направления являются, по предложению ученого, мемориально-культовые сооружения, остатки поселений, эпиграфические памятники [Ажигали 2011: 77].

Сведения о традициях казахского домостроения Акмолинского Приишимья пополнили раскопки кыстау Бозок II, который находится на южном берегу озера Бузукты, расположенного в аллювиальной пойменной долине левого берега реки Ишим, в 5 км юго-западнее места традиционной переправы через Ишим – Караоткель.

Кыстау Бозок II в стратегическом и хозяйственно-культурном плане занимает самое удобное положение в Нура-Ишимской ландшафтной зоне. Объект находит-

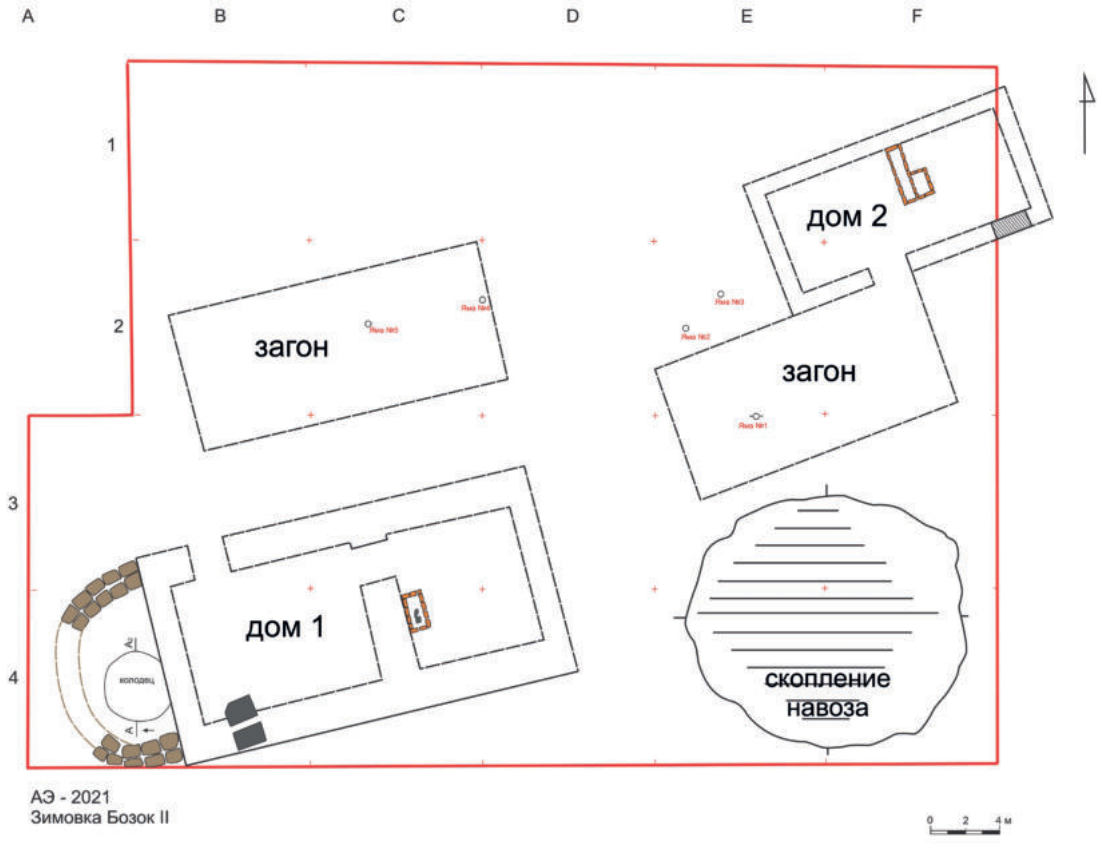

Рис. 1. Кыстау Бозок II. План раскопа

ся между двумя крупными водоразделами в северном регионе Сарыарки: с одной стороны в 5 км к северу р. Нура, которая протекает по всей территории Центрального Казахстана и впадает в оз. Кургальжино, а в 7 км к юго-востоку с другой стороны несет свои воды Ишим.

Регион богат пастбищными угодьями и водными ресурсами и может обеспечивать содержание большого количества скота. Вдоль рек Нура и Ишим залегают типичные пойменные почвы, занимающие полосу от 1–2 до 10–15 км в различных районах. В месте расположения кыстау Бозок II находится граница двух пересекающихся ландшафтных зон. В юго-западной части открывается равнинная степь, а в северо-восточной начинается лесостепная полоса. Растительность представлена преимущественно злаковыми травами: Stipa (ковыль), Festúcavalesiáca (типчак), Artemisia (полынь, жусан). Заливные луга в долинах обеих рек богаты разнотравьем. Лес представлен отдельными колками и рощами: Bétula (береза), Pópulustrémula (осина), Salicaceae (тальник).

На данный момент кыстау Бозок II входит в черту города, расположен в 7,5 км к юго-востоку от центра г. Нур-Султан и в 1,5 км от микрорайона «Үркер». До раскопок памятник представлял собой два прямоугольных сооружения с неглубокими рвами и расплывшимися валами.

Первое сооружение прямоугольной формы, длинными стенами ориентированное по линии З–В. Эти стены фиксировались в виде оплывших структур высотой 0,15 м, длиной 12 м. Длина коротких стен 7 м. Во внутреннем пространстве прямоугольного строения выявлены стены шириной 1 м, формирующие несколько отдельных комнат. В юго-восточной части сооружения в стене фиксируется проход в виде разрыва шириной 1 м.

Второе сооружение представлено аналогичной конструкцией, длинными стенами ориентированной по линии З В. Размеры сооружения 8×12 м. Остатки стен фиксируются в виде расплывшегося вала высотой 0,2 м, шириной 0,8 м. Все строение опоясывает небольшой ров шириной 1 м, глубиной 0,1 м.

Для исследования данного памятника использована методика сплошного вскрытия. Размеры раскопа 25×20 м, исследованная площадь составила 625 кв. м. Раскопки велись послойным снятием грунта с оставлением продольных и поперечных бровок (рис. 1).

Описание жилого дома № 1. Остатки строения зафиксированы в квадратах В, С, D/3, 4. В квадрате В/3, 4 уже на уровне 0,1 м зафиксированы основания двух длинных стен и одной торцовой стены. Длинные стены ориентированы с запада на восток, представлены кладкой из сырцовых кирпичей. Тщательная расчистка позволила выявить структуру кладки и ширину стен – 1,1 м, выложенных из необожженных кирпичей в четыре ряда.

С западной части квадрата В/3, 4 на уровне 0,2 м обнаружено темное пятно в плане круглой формы, рядом зафиксированы два темных пятна прямоугольной формы. Все это свидетельствует о существовании хо-

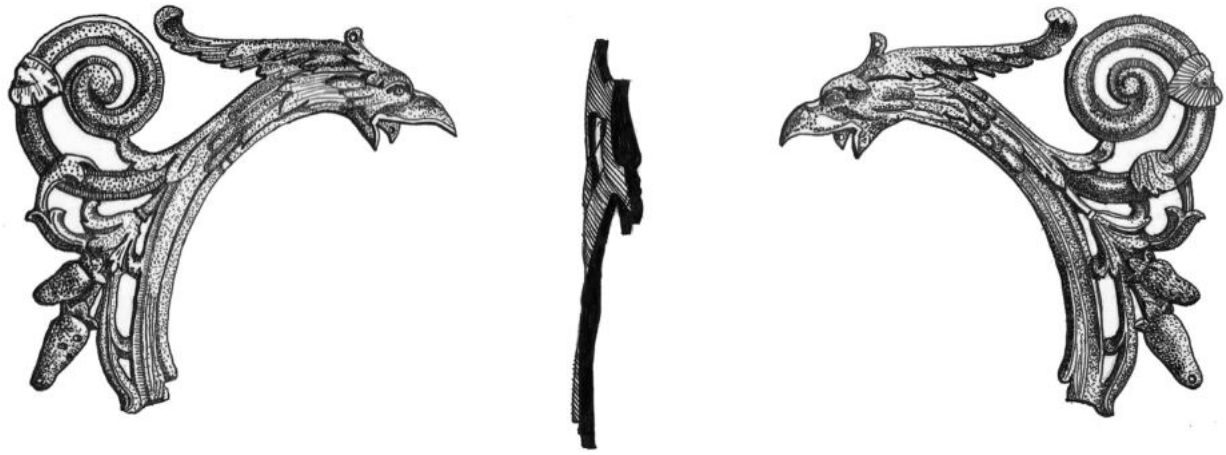

Рис. 2. Кыстау Бозок II. Деталь украшения предмета интерьера

зяйственных строений за пределами торцовой стены дома.

Продолжение длинных стен зафиксировано в квадрате C/3, 4, а короткая торцовая стена выявлена в квадрате D/3, 4. Остатки коротких восточных стен, зафиксированные в квадрате D/3, 4, сохранились частично, это связано с жизнедеятельностью представителей местной фауны. В данном квадрате по всему периметру есть слой чистой глины, оставленный сурками при рытье нор.

В квадрате C/4 хорошо прослеживается межкомнатная стена, а также печь, выложенная из обожженного кирпича. В северо-западном углу квадрата C/4 межкомнатная стена прерывается – здесь фиксируется проем двери стандартной ширины 0,9 м. Межкомнатные стены довольно широкие – до 1 м. Они выложены в четыре ряда простыми саманными кирпичами.

Печь прямоугольной формы установлена вдоль межкомнатной стены. Длина печи 1,25 м, ширина 0,6 м. Стены выложены в один ряд из стандартных обожженных кирпичей размером 25×10×5 см. Пространство вокруг печи расчищено от мощного слоя золы, копоти и обугленных дров. У некоторых стен хорошо фиксируются следы прокала.

В квадрате D/4 зафиксирована торцовая стена, ориентированная по линии С–Ю. Общая длина около 6 м, толщина 0,8 м. Состоит из необожженных кирпичей, выложенных в три ряда.

В квадратах B, C, D/3, 4 выявлены все стены прямоугольного двухкомнатного дома № 1, длинные стены которого ориентированы по оси З–В. Размеры дома 12×6 м (рис. 1). Размер большой комнаты 6×6,2 м1 (1Размеры стен взяты по внешним краям.). Стены выложены из сырцового кирпича в четыре ряда. Общая ширина стены 1 м. В северо-восточном углу зафиксирован проход в помещение шириной 0,9 м, в северо-западном углу – проход в малую комнату шириной 0,9 м.

Малая комната квадратной формы, размерами 3,5×3,5 м. С восточной стороны к внутренней перегородке пристроена печь из обожженных кирпичей. Длина печи 1,25 м, ширина 0,6 м.

Внутренняя часть дома полностью расчищена от сажи и золы. В некоторых местах хорошо сохранился спрессованный слой камыша. Скорее всего, он образовался вследствие обрушения кровли. Совокупность имеющихся данных позволяет резюмировать, что дом был двухкомнатным, с толстыми стенами, кровля перекрывалась балками, жердями, спрессованным камышом, а сверху дополнительно утеплялась золой.

Исследование пространства около жилого дома № 1. Вокруг наружных стен жилого дома зафиксировано крупное скопление золы. Такая предусмотрительность характерна для всех казахских зимовок Северного и Центрального Казахстана: скотоводы Нового времени использовали золу в качестве материала для утепления дома, а также для предотвращения затекания воды в дома в период весеннего половодья.

С западной стороны за пределами торцовой стены дома обнаружен колодец диаметром 1,5 м. В полевом сезоне 2021 г. его удалось расчистить до глубины 2 м. При расчистке найдены несколько предметов быта и скелет собаки.

Загон для животных построен параллельно с домом. Кирпичных или каменных кладок не обнаружено. Скорее всего, он был каркасно-столбового типа и сооружался в виде изгороди из бревен, связанных ветками и жердями. Спрессованный навоз – қи хорошо фиксируется и занимает площадь 10×5,5 м. Основа деревянных столбов не сохранилась, под навозом они полностью сгнили. Кровля была двускатной. Балки кровли с одной стороны опирались на центральный поперечный столб (так называемый конек), проходящий вдоль всего строения. В некоторых местах внизу он поддерживался несколькими вертикально вкопанными столбами, другой конец упирался в длинные стены. При перекрытии кровли использовались жерди, ветки, спрессованный камыш, а затем сверху насыпали золу. В процессе разрушения строения вся масса кровли рухнула, что хорошо читается на плане и в стратиграфии.

Описание жилого дома № 2. Второе жилое строение на кыстау Бозок II зафиксировано в квадратах E, F/1 (рис. 1). После снятия первого слоя земли проявились остатки строения прямоугольной формы. Дом ориентирован длинными стенами по линии СВ–ЮВ. Общая длина продольных стен составляет 8 м, коротких торцовых – 4 м.

Дом состоит из двух комнат, разделенных стенками печи бес құдық, которая обогревала обе комнаты с двух сторон. Длина печной стены 1,75 м, ширина 0,4 м. Стена выложена из обожженного кирпича. Размеры топочной части печи 0,5×0,8 м. С южной стороны развала печи обнаружен железный кинжал. Маленькая комната размером 3,6×4 м. В юго-восточном углу имеется выход. Большая комната размерами 4,25×4 м, в южной стенке есть проход на скотный двор шириной 0,9 м.

Стены данного дома толщиной не более 0,5 м. Дом был сооружен из простого саманного кирпича. Сохра-

нилось два ряда кладки у основания. Вокруг внешних стен фиксируется мощный слой золы, что свидетельствует о длительном использовании печи для приготовления пищи и обогрева дома в зимнее время.

Сравнительный анализ архитектурных особенностей двух домов показывает, что первый жилой дом был построен намного раньше и имел отопительную печь старого типа. В жилом доме № 2 использованы новые архитектурные каноны, это в первую очередь уменьшение толщины стен – при их кладке обходились двумя рядами кирпичей. Во внутреннем интерьере главной особенностью является печь с пятью колонками дымохода. Хорошая сохранность нижних кладок печи свидетельствует о применении при строительстве огнеупорного и высококачественного стандартного кирпича размерами 25×10×5 см. Такое теплотехническое сооружение в домах, построенных из самана, давало хороший коэффициент отапливаемости помещения и экономию топлива. В начале XX в. подобные печи широко распространились в жилых домах казахских зимовок именно в северных регионах страны, что связано, прежде всего, с суровым и затяжным зимним периодом.

Вокруг дома по всему периметру наружных стен имеются следы складирования золы. На данном участке с юго-восточной части зафиксированы остатки помещения, скорее всего, это привходовая часть дома, так называемая веранда.

Так же как в первом доме, возле второго дома находилось строение, предназначенное для содержания домашнего скота. Сооружение имеет прямоугольную форму, длинные стены равны 8 м, короткие стены – 4 м. Около скотного двора зафиксировано множество столбовых ям, которые связаны с дополнительными пристройками. В южной части скотного двора, согласно анализу стратиграфии продольных и поперечных бровок, зафиксирован складированный слой навоза мощностью 1,2 м. Чередование слоев спрессованного навоза и речного песка свидетельствует о том, что загон для скота подчищался один раз в год в весеннее время. Накопленный за всю зиму навоз весной вывозился на улицу и складировался. За летне-осенний период он превращался в сухое твердое топливо – қи, использовавшееся для топки печей в зимнее время.

Судя по полученным данным, хозяйство обитателей кыстау Бозок II базировалось на скотоводстве. В стаде доминировал мелкий рогатый скот, далее шли лошади и в небольшом количестве имелся крупный рогатый скот. Обе сельскохозяйственные постройки предназначались для содержания мелкого рогатого скота. В культурном слое обнаружено большое количество изделий из железа, используемых в хозяйстве, среди них вилы, кочерга, детали сепаратора, крючки, сельскохозяйственные орудия труда и т. д. (рис. 2).

В северных регионах Казахстана стационарные жилища отличаются по нескольким архитектурным признакам, главным образом они подчинены окружающей среде и ландшафту. При строительстве стационарных жилищ использовались природные материалы: глина, песок, жерди, камыш. К примеру, стены двух стационарных домов, исследованных в полевом сезоне 2021 г., возведены из необожженного кирпича. В строительстве первого дома использовались кирпичи трех стандартов: 60×20×12 см, 25×12×12 см, 40×20×10 см, а при строительстве второго дома обошлись лишь одним стандартом кирпичей 30×12×10 см Строители предусмотрели холодный и суровый климат, и все строения были подготовлены к этому. В частности, стена первого дома была шириной до 1 м и выложена из четырех рядов саманного кирпича. Высота домов не превышала 2,6 м. Длина коротких стен составляла 6 м. Кровля была односкатной, сооружалась из наката бревен и жердей, утеплялась спрессованным камышом, глиняной стяжкой и ежегодно дополнительно подсыпалась золой.

Сырцовый кирпич, учитывая характеристику почв Нура-Ишимского водораздела, от чрезмерной сырости мог разрушаться. Для решения этой проблемы жители зимовок размещали золу по низу стен дома, то есть зола препятствовала проникновению сырости и служила утеплителем с наружной стороны здания. Зола является еще и хорошим водоизоляционным материалом, также ее химический состав не позволял насекомым проникать внутрь. Дома отапливались печами, возведенными по центру, или же печь бес құдық разделяла помещение на две комнаты.

Одним из архитектурных решений, связанных с хозяйственной деятельностью, стало возведение хозяйственных сооружений для скота вблизи жилого дома и соединение их общим проходом. Согласно размерам и строительным материалам, которые использованы при возведении, скотный двор был приспособлен только для содержания мелкого рогатого скота. При анализе профилей зафиксировано несколько слоев спрессованного навоза, который после сушки под открытым небом использовали как топливо. По этнографическим данным, это топливо қи, которое формируется только от экскрементов мелкого рогатого скота.

Необходимо подчеркнуть, что казахские кыстау относятся к числу малоизученных в археологической

науке Казахстана. Не столь часто следы жизни обычных людей становятся объектом изучения ученых. Как уже было отмечено выше, на сегодняшний день имеется лишь одна монография, подготовленная С.Ж. Жолдасбаевым на основании изучения казахских поселений Южного и Центрального Казахстана. В других регионах проводились только эпизодические исследования.

Именно С.Ж. Жолдасбаев является исследователем, практически целиком посвятившим себя изучению этого типа памятников прошлого [Бахытбаев, Ақымбек 2021]. Им была разработана классификация поселений Южного и Центрального Казахстана, относящихся в хронологическом диапазоне к XV–XVIII вв.: 1) қыстау – зимовка; 2) қыстақ – зимовка-поселение; 3) қорғандар – временные замки, укрепленные земляными или каменными стенами со рвом; 4) кент (қала) – городище [Жолдасбаев 2017: 148]. Судя по частоте использования фактов и информации из трудов С.Ж. Жолдасбаева в работах последующих авторов, касающихся этой тематики, созданная ученым классификация остается до сих пор актуальной. На основании внешнего вида, топографии, расположения исследователем были выделены два вида памятников. Поселения первого типа локализуются на берегах рек. Как правило, они состоят из двух-, трехкамерных круглых, продолговатых землянок и полуземлянок длиной от 3 до 5 м, глубиной от 0,5 до 1 м. Памятники второго типа, по данным С.Ж. Жолдасбаева, локализуются в горных ущельях. Преимущественно они представляли собой наземные каменные жилища [Жолдасбаев 2017: 148, 149].

Интерес со стороны исследователей к данному типу памятников был также обусловлен тем, что ранние его объекты можно использовать в контексте изучения формирования Казахского ханства. Именно исходя из этого в качестве одного из важнейших объектов научного поиска для К.А. Акишева при изучении ранних страниц истории казахской государственности стали поселения в местности Козыбасы, являющейся территорией формирования ханства. Здесь были зафиксированы остатки поселений, водяных мельниц, ирригационных, гидротехнических сооружений, датируемых в результате проведенных разведочных работ XV–XVIII вв. [Акишев 2013: 138–140].

Еще одним важным направлением в изучении казахских поселений стало исследование архитектуры. Несмотря на то, что к этой теме обращались специалисты из разных сфер, не только археологи, при этом всегда внимание акцентировалось на выяснении преемственности, осуществлялся поиск истоков, приведших к формированию традиций казахского домостроительства. По наблюдениям К.М. Байпакова, «планировка вытянутых домов типа қоржын-үй на казахских зимовках близка планировке позднесредневековых жилищ Отрара, так называемой линейной, или анфиладной. Позднесредневековое жилище, как удалось относительно недавно установить, почти без изменений сохранялось вплоть до современности в городах и селах Южного Казахстана – как раз в том регионе, где существовала средневековая городская культура» [Байпаков 2014: 366]. Предложенная Л.Р. Турганбаевой типология показала, что эволюция объемно-пространственной структуры традиционного казахского поселения развивалась от динамического способа освоения пространства к статическому [Турганбаева 2020: 110].

Изучение казахских кыстау в Акмолинском Приишимье имеет небольшую, но насыщенную историю. В составе Ишимской стационарной археологической экспедиции в 2010 г. был сформирован отряд по их изучению на территории Акмолинской области. В результате проведенных разведочных работ было выявлено более 50 объектов. Выделены два ареала наибольшего распространения подобных памятников, условно они обозначены как Нуринско-Ерейментауский и Терисаккано-Ишимский микрорайоны. Обнаружены жилые постройки различных размеров и архитектурных решений; в основной своей массе они представлены подчетырехугольными либо продолговатыми четырехугольными конструкциями, ориентированными длинными сторонами в большинстве случаев по линии В–З с небольшими меридиональными отклонениями. Также зафиксированы строения хозяйственной направленности, используемые либо для загона и содержания скота, либо для ограждения хозяйственных площадок. На местности подобные сооружения чаще всего представлены овальными площадками, огороженными невысоким валом и образованным в процессе его возведения небольшим рвом [Свиридов и др. 2014].

Целая череда публикаций последних лет показывает потенциал исследования этого вида памятников прошлого [Бейсенов 2020; Бейсенов и др. 2020а; 2020б; Ажигали, Турганбаева 2021]. Изучение кыстау Бозок II продлится и в дальнейшем; на данном уровне исследования выполнены описание обнаруженных артефактов, проанализированы остеологические материалы [Ганиева, Хасенова 2022; Шагирбаев и др. 2022]. Продолжает оставаться актуальным вопрос о датировке таких памятников.

А.З. Бейсеновым предложена следующая хронология памятников казахского времени:

1. Памятники периода Казахского ханства (XV–XVIII вв.).

2. XIX – начало и первая половина XX в. [Бейсенов 2019: 12].

Интересующие нас памятники относятся ко второму хронологическому периоду.

Исследователь также предложил выделить три хронологические группы существования кыстау. Появление первой группы датируется 40–50 гг. XIX в. [Бейсенов 2019: 30]. «Дату второй хронологической группы, наиболее многочисленной, условно можно определить периодом последней трети XIX – 30-ми гг. XX вв. Основным признаком является сильная руинизированность строений, задернованность площадок, зарастание кустарником, высокой травой, отсутствие кусков бетона, заводского кирпича, шифера, стекла, наличие фрагментов изделий кузнечного производства» [Бейсенов 2019: 32]. Третья группа кыстау относится ко времени появления в советский период первых колхозов [Бейсенов 2019: 32].

Обычно кыстау датируются концом XIX – 30-ми гг. XX в. на основании найденных там фрагментов изделий из кузнецовского фарфора. Следующее наблюдение А.З. Бейсенова позволяет в определенных ситуациях более точно определить верхнюю дату. Изучение надписей на кулпытасах, расположенных в непосредственной близости от кыстау, позволило отнести их возведение к началу XX в. «По некоторым данным, в особенности по востоку Казахского мелкосопочника, в начале XX в. могилы людей, напрямую связанных с той или иной зимовкой, начинают сооружаться уже вблизи последней. Возможно, такие данные по мере увеличения позволят с большей уверенностью отнести зимовки с рядом расположенными могилами хозяев к началу XX в.» [Бейсенов 2019: 31].

Еще одним основанием для датировки являются клейма на керамической посуде. К сожалению, практически все обнаруженные фрагменты посуды не имели сохранившихся частей, на которые наносились клейма. Так, например, обнаруженное в этой же местности поселение Козыкош 3 дало гораздо больше материала для датирования фарфоровой посуды [Егинбай и др. 2021]. Тем не менее, обнаружен один фрагмент кузнецовского фарфора, имеющий более узкую, чем обычно, дату. Согласно сохранившемуся клейму на дне одного из фарфоровых изделий с кыстау Бозок II, оно было произведено в период с 1864 по 1872 г. [Марки... 2003: 178].

Коллекция предметов, найденных при раскопках кыстау, относит время его функционирования ко второй половине XIX – началу XX в. Его хозяйство было связано с экономикой г. Акмолинска. С городских ярмарок в кыстау доставлялись утварь и предметы быта; в свою очередь, он снабжал город скотоводческой продукцией, об этом свидетельствуют находки металлических гирь. Проведенные стационарные исследования на территории кыстау Бозок II позволили пополнить конкретными фактами и расширить сведения по истории современной столицы Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А. Древние и средневековые государства на территории Казахстана (этюды исследования) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 192 с.

Ажигали С.Е. Судьбы современного памятниковедения на постсоветском пространстве // Вестник Омского ун-та. Сер. «Историч. науки». 2018. № 3 (19). С. 74–89.

Ажигали С.Е., Турганбаева Л.Р. Культово-жилищный комплекс Кайнар второй половины XVIII – начала XX в. на Северном Устюрте как историко-культурный и архитектурный памятник // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. № 4. С. 109–119.

Байпаков К.М. Города и поселения Казахского ханства // Восхождение к вершинам археологии: м-лы междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева (г. Алматы, 26 28 мая 2014 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 343–383.

Бахтыбаев М.М., Ақымбек Е.Ш. Жолдасбаев Сәйден Жолдасбайұлы (1936–2021) // Археология Казахстана. 2021. № 4. 170–181-бб.

Бейсенов А.З. К.А. Акишев и вопросы изучения памятников казахского времени // Маргулановские чтения 2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Гл. ред. Б.А. Байтанаев, отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 10–38.

Бейсенов А.З. Размышления у старой зимовки Абая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. науч. ст. / Гл. ред. А.А. Тишкин. Барнаул, 2020. № 26. С. 229–240.

Бейсенов А.З. Вопросы изучения и сохранения казахских зимовок // Сохранение и изучение культур-

ного наследия Алтайского края: сб. науч. ст. / Гл. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2021. С. 7–16.

Бейсенов А.З., Ахияров И.К., Джуманазаров Н.Ш. Карашокы, старая зимовка в долине Аксары в Центральном Казахстане // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2020а. № 15. С. 6–25.

Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т., Дуйсенбай Д.Б. Кызылшилик, зимовка семьи Хасена Акаева // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. науч. ст. / Гл. ред. А.А. Тишкин. 2020б. № 26. С. 240–251.

Ганиева А., Хасенова Б. Научный потенциал музейных коллекций // Музей и наука: м-лы Всерос. науч.-практ. с междунар. участием конф. к 45-летию со дня основания музея «Археология, этнография и экология Сибири» (г. Кемерово, 11 ноября 2021 г.). Кемерово, 2022. В печати.

Егинбай А.Е., Тлеугабулов Д.Т., Дукомбайев А.Т. Проблемы датирования поселений казахов степной Сарыарки: находки бытовых изделий // 30 лет независимости Республики Казахстан: исторический курс, вехи развития и перспективы: м-лы XVIII междунар. евразийского форума (г. Нур-Султан, 29 октября 2021 г.) / Гл. ред. Е.Б. Сыдыков. Т. 2. ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2021. С. 366–374.

Жолдасбаев С. Оседлые поселения казахов в XV–XVIII вв. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2017. 304 с.

Марки российского фарфора и фаянса. 1750–1960 / Сост. Т.И. Дулькина. М.: Изд-во Ирины Касаткиной, 2003. 421 с.

Свиридов А.Н., Ярыгин С.А., Дукомбайев А.Т. Кыстау-зимовки Акмолинского региона // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: м-лы междунар. научной конф., посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева (г. Астана, 22–24 апреля 2014 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: Сарыарка, 2014. С. 568–575.

Турганбаева Л.Р. К проблеме изучения объемно-планировочной структуры традиционного казахского поселения // Вестник Омского ун-та. Сер. «Историч. науки». 2020. Т. 7. № 3 (27). С. 104–111.

Хабдулина М.К. К.А. Акишев и Ишимская археологическая экспедиция // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ АН Казахстана. В 2-х т. / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 119–125.

Шагирбаев М.С., Ганиева А.С., Сакенов С.К. Хозяйство казахов Нура-Ишимского междуречья XIX – начала XX в. (по остеологическим материалам зимовки Бозок II) // Археология Казахстана. 2022. № 1. С. 146–163.

М.Қ. ТҰЯҚБАЕВ
М.М. БАХТЫБАЕВ
С.С. МУРГАБАЕВ
Б.С. СИЗДИКОВ

Марат Қымызұлы Тұяқбаев,
marat_tuiakbayev@gmail.com,
«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени
музейі-қорығы, Түркістан қ., Қазақстан;
Мэлс Маратұлы Бахтыбаев,
mels.bakhtybayev@ayu.edu.kz,
Сағынбай Серікбайұлы Мұрғабаев,
sagynbay.murgabayev@ayu.edu.kz,
Бағдәулет Сапарбайұлы Сиздиков,
bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz,
Қожа Ахмет Ясауи атындағы
Халықаралық қазақ-түрік университеті
Археология ғылыми-зерттеу институты
Түркістан қ., Қазақстан

«ХАН ОРДАСЫ» КЕШЕНІНДЕ 2020 ж. ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ ЖҰМЫСТАРЫ

Аннотация. Ел мен жер қазақ халқының рухани-мәдени және тарихи құндылықтарының арқауы, ұлттық бірегейлік пен мемлекеттік тұтастықтың негізі. Түркі халықтарының рухани астанасы, қасиетті де құтты мекені – Түркістан өңірінің тамырлы тарихы ұзақ жылдар бойы зерттеліп келеді. Зерттеу жұмыстарының нәтижесінде, Түркістанның тарихы сонау ерте кезеңнен бастау алатындығы анықталды. Оның мұрағаты – тарихи-мәдени ескерткіштер болып табылуда. Ал бұл тарих пен мәдениеттің өте нәзік куәсі және құжаты. Сондықтан да, тарихи-мәдени ескерткіштерімізді зерттеудің нәтижесінде, өткен тарихымыз бен мәдениетімізді өскелең ұрпаққа және әлемге таныта аламыз. Сонымен қатар, бүлініп жатқан тарихи-мәдени ескерткіштеріміздің жай-күйін жақсарта отырып, келешек ұрпаққа сақтап, мұра етіп қалдыра аламыз. Осы мақсатта, рухани астанамыз Ескі Түркістан қаласында орналасқан Хан Ордасында 2020 жылы жүргізілген археологиялық ғылыми-зерттеу жұмыстарының нәтижелерін талдап, ғылыми айналымға енгізуді жөн санадық. Мақалада Ескі Түркістан қаласында XVII–XVIII ғғ. екі Хан Ордасы болғандығы және жазба деректерде олар жайлы келтірілген мәліметтер баяндалды. Хан Ордасының орнын анықтау мақсатында жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстарының нәтижелері және 2020 ж. жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында анықталған мәдени қабаттар баяндалды. Ғылыми-зерттеу жұмыстарының нәтижесінде анықталған мәдени қабатырдың XVII ғ. соңы мен XX ғ. басына жататындығы анықталды.

Түйін сөздер: Ескі Түркістан, Хан Ордасы, қазба, кесік, керамика

Археологические исследования 2020 г. на комплексе «Ханская ставка»

Аннотация. Степные просторы являются источником духовных, культурных, исторических ценностей и национального самосознания казахского народа, а также основой государственной целостности страны. История духовного центра тюркского мира – города Туркестана изучается на протяжении многих лет. Исследования последних лет показали, что история Туркестана восходит к глубокой древности, тому доказательство сохранившиеся памятники истории и культуры, являющиеся безмольвными свидетелями прошлого. В результате исследования историко-культурных памятников мы можем показать молодому поколению нашу прошлую историю и культуру. В то же время мы можем предпринять мероприятия по охране памятников истории и культуры и сохранить их для будущих поколений. В 2020 г. были проведены археологические исследования на комплексе «Ханская

© 2022 Тұяқбаев М.Қ., Бахтыбаев М.М., Мургабаев С.С., Сиздиков Б.С.

ставка», расположенном в духовной столице Туркестане, и ввести результаты исследовании в научный оборот. В статье говорится о существовании двух ханских ставок на городище Ески Туркестан в XVII–XVIII вв. и приводятся сведения из письменных источников. Представлены результаты исследований культурных слоев, выявленных в ходе археологических раскопок на комплексе «Ханская ставка» в 2020 г. В ходе исследований установлено, что культурный слои датируется концом XVII – началом XX в.

Ключевые слова: городище Ески Туркестан, Ханская ставка, раскоп, разрез, керамика

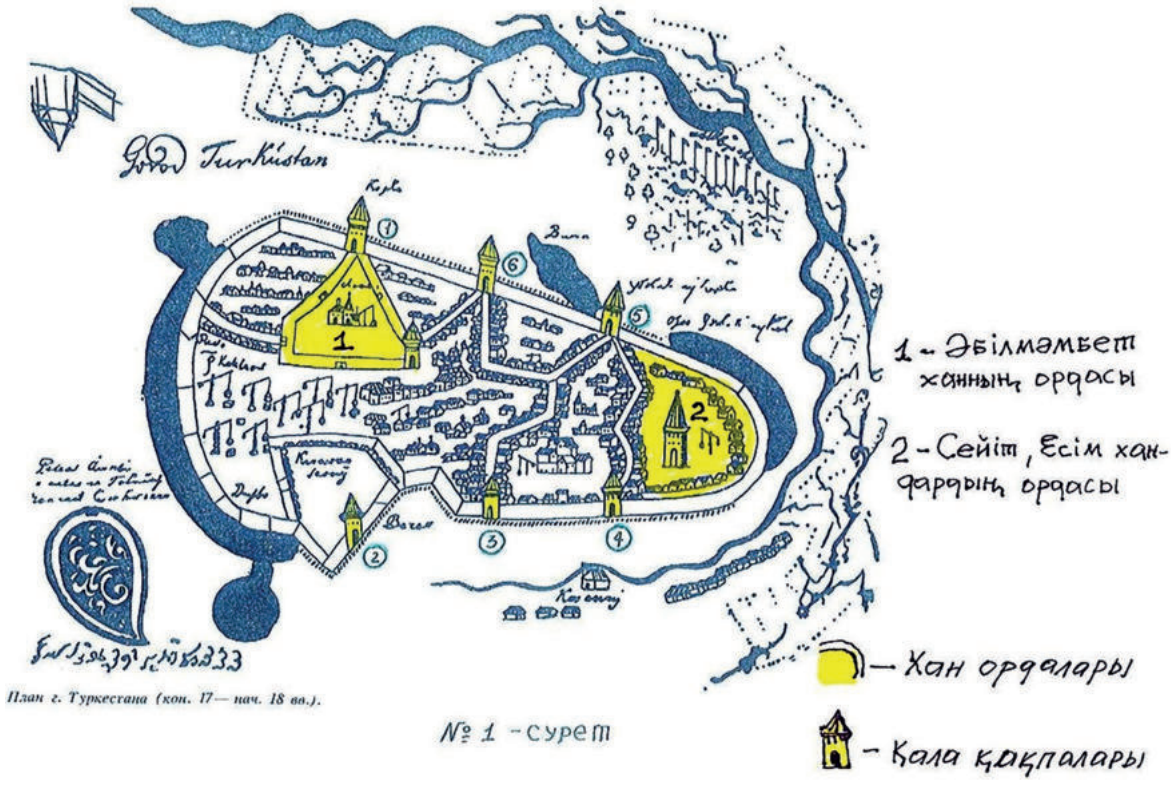
Archaeological research in the «Khanskaya Stavka» complex conducted in 2020

Abstract. By researching historical and cultural monuments, we can bring our past history and culture closer to the young generation. At the same time, we can take measures to protect historical and cultural monuments and preserve them for future generations. In 2020, archaeological research was carried out at the Khanskaya Stavka complex, located in the spiritual capital of Turkestan, and the results of the research were introduced into scientific circulation. The article describes the existence of two khan's headquarters at the settlement of Eski Turkestan in the 17th–18th centuries and provides information from the written sources. The results of studies of cultural layers identified during archaeological excavations in the Khanskaya Stavka complex in 2020 are presented. In the course of the research, it was established that the cultural layers date back to the end of the 17th and the beginning of the 20th centuries.

Keywords: settlement Eski Turkestan, Khanskaya Stavka, excavation, section, ceramics

Кіріспе

«Ескі Түркістан қаласында орналасқан Хан Ордасында жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстар» атты ғылыми жоба «Қазқайтажаңғырту» республикалық мемлекеттік мекемесі тапсырмасы бойынша орындалды. Ғылыми жобаны орындау барысында археолог С.С. Мұрғабаев пен т.ғ.к. М.Қ. Тұяқбаевтың жетекшілігімен «Мәдени мұра» ғылыми-зерттеу орталығының Ескі Түркістан археологиялық экспедициясы археологиялық ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізді. Зерттеудің негізігі мақсаты кейінгі ортағасырлық Ескі Түркістан қаласында орналасқан Хан Ордасындағы нысандарды

1-сур. Д.Г. Мессершмидтің картасы ([Туякбаева, Проскурин 2000: 19]: бойынша)

2-сур. Ескі Түркістан қаласының әуеден көрінісі

қалпына келтіру мақсатында қазба жұмыстарын жүргізу болып табылады. Қазба барысында Хан Ордасының солтүстік, шығыс және оңтүстік-шығыс бөліктерінде қазба жұмыстары жүргізілді. Қазба жұмыстарының нәтижесінде төрт құрылыс қабаты анықталып зерттелді. Зерттеу барысында тұрғын үй планиграфиясы, қорған қабырғасы, тұйық көше және кешеннің шығыс бөлігінің толық құрылымы анықталып, мәдени қабаттардың XVII ғ. соңы мен XX ғ. басына жататындығы анықталды.

Тарихи жазба деректерден XVIII ғ. Ескі Түркістан қаласында екі Хан Ордасы қатар өмір сүргенін біле-міз. Бұл жайлы И.В. Ерофееваның «Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX в.» [Ерофеева 1997: 76–82] атты еңбегінен және Б.Т. Тұяқбаева мен А.Н. Проскуриннің «Проект регенерации цитадели в городе Туркестане» атты мақаласынан толыққанды деректер табуға болады [Туякбаева и др. 2000: 17–19]. Соңғы мақалада Сібір генерал губернаторы Фон Фрауендорфтың Сыртқы істер Коллегиясына 1763 ж. жолдаған рапорты баяндалған. Онда: «<...> өткен 1762 жылдың көктемінде Әбілмәмбет хан мен Абылай сұлтан және қырғыз қайсақтардың (қазақтардың) орта жүздің басқа да старшындары жоғарыда айтылған Қаракесек ұлысындағы Қазыбек биге жиналды да, олардың барлығы жабылып Әбілмәмбет хан мен Есім сұлтанды татуластыруға тырысты және де осы негізде Түркістан қаласы мен уездік қалаларға екеуін де хандық құруға шақырды, <...> бұл үшін Түркістан қаласы мен уездік қалаларды екіге бөлді және қаланың бір жартысын ондағы қақпалары және сол беттегі қалаларымен бірінші ханға, ал екінші жартысын сол беттегі қақпалары және қалаларымен екінші ханға берді, сондықтан да өткен 1762 жылдың күзінде Әбілмәмбет хан Түркістанға қыстау үшін және өз бөлігіне билік жүргізу үшін кетті» делінген [Туякбаева и др. 2000: 10; Смағұлов және т. б. 2009: 3–4].

Ал, тарихшы И.В. Ерофееваның мақаласындағы деректерде 1743-1745 жж. аралығында Түркістанды және оның айналасындағы қалаларды Әбілмәмбет хан мен Сәмеке ханның үлкен ұлы Сейіттің екіге бөліп билегені айтылған. Әбілмәмбет ханға 1749-1750 жж. аралығында бұл қалаларды Тұрсын ханның ұлы Барақ ханмен бөлісуіне тура келді, ал 1762–1771 жж. аралығында Әбілмәмбет ханмен бірге қала мен аймақты Сәмекенің кіші ұлы Есім бөлісіп билейді. Әбілмәмбет өлген соң оның ұлы Болат хан мен Есім хан екеуі бұл қалаларды 1771–1780 жж. тең бөліп басқарады. Ал, 1780–1798 жж. арасында Болат хан

билігін Абылай ханның ұлы Әділ сұлтанмен бөлісуіне тура келді. Көріп отырғанымыздай XVIII ғ. ортасынан аяғына дейін Түркістанда екі хан ордасы қатар өмір сүрген. Бұл жайлы ең алғашқы деректі XVII ғ. соңында жасалған Д.Г. Мессершмидтің картасынан көре аламыз (1-сур.). Бұл поляк суретшісі ауызша деректерге сүйене отырып Түркістан қаласының XVII ғ. соңындағы картасын сызады. Картаның астына Тәуке ханның мөрі басылған. Тәуке хан елшілерінің бірі хандықтың астанасы жайлы түсінік беру үшін жасаттырған болуы мүмкін. Картада қаланың батыс бөлігінде үш жағы көшемен шектеліп, дуалмен қоршалған көлемі 1 га жерге «Ханово место» деген анықтама жазылған. 2008 ж. Е.А. Смағұлов және М.Қ. Тұяқбаев Д.Г. Мессершмидтің картасындағы қаланың 1875 ж. жобасы мен 1954 ж. картасын және кейінгі жылдардағы жоба-сызбалары салыстыра отырып «Хан ордасының» орынын анықтаған (2-сур.) [Смағұлов және т. б. 2009: 3–4].

Ескі Түркістан қаласының орнындағы шығыстан батысқа бағытталған үлкен магистралды көшенің оң қапталында орналасқан Хан Ордасының солтүстік, шығыс және оңтүстік-шығыс бөліктерін толық ашып зерттеу мақсатында археологиялық қазба жұмыстары жүргізілді. Археологиялық қазба жұмыстары алдымен Хан Ордасының солтүстік бөлігін толық ашып зерттеу мақсатында қазба салынды. Қазба жұмысы барысында ашылған құрылыстардың бағытына қарай қазба алаңының кеңейтілетіндігі жоспарланды. Хан Ордасының солтүстік, шығыс және оңтүстік-шығыс бөліктерінде қазба жұмыстары жердің беткі қабатынан 1,8 м тереңдікке дейін жүргізілді, нәтижесінде төрт құрылыс қабаты анықталып зерттелді (3–4-сур.). Хан Ордасының жоғарыда аталған бөліктері аталмыш кешеннің сыртқы қамал қабырғасына дейін толық ашылды. Қазба жұмысы барысында анықталған құрылыс қабаттар толық ашылып фиксацияланып, құрылыс нысандарының сипаттамалары жасалынды. Сонымен қатар, құрылыс нысандарының құрылымын, орналасуын және аталмыш нысандардан табылған жәдігерлерді негізге ала отырып, құрылыс нысандардың жеке-жеке қандай мақсатта пайдаланғандығы және хронологиясы анықталды.

2020 ж. Хан Ордасында жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижесі.

Бірінші құрылыс қабаты

Хан Ордасының солтүстік, шығыс және оңтүстік-шығыс бөліктерінде жүргізілген қазба жұмысы барысында, жаңбыр және қар суларының салдарынан бірінші құрылыс қабатына жататын құрылыс нысандарының нашар сақталынғандығы анықталды. Себебі бірінші құрылыс қабатына жататын нысандар жердің беткі қабатынан 0,25 м тереңдіктен анықтала бастады. Қазба жұмыстары нәтижесінде аталмыш қабатқа жататын нашар сақталған төрт иелікке қарасты тұрғын үйдің төрт

3-сур. Қазба алаңының оңтүстік жағынан әуеден көрінісі

4-сур. Қазба алаңының шығыс жағынан әуеден көрінісі

жатын бөлмесі, екі шаруашылық бөлмелері, екі аула, сынық кірпіш төселген едендер, қоқыс шұқырлары, қамба, ошақ және тандыр орындары анықталып сипаттамасы жасалынды (5-сур.). Археологиялық қазба жұмыстары кезінде жоғарыда аталған барлық бөлмелер мен оларға қатысты шаруашылық аймақтарынан табылған заттай деректер жиналды. Қазба кезінде табылған археологиялық заттай деректер бірінші құрылыс қабатына жататын құрылыс нысандардың XIX ғ. аяғы – XX ғ. басына жататындығын айғақтайды. Себебі, аталмыш құрылыс қабатынан табылған саз ыдыстардың үлгілері Түркістан археологиялық экспедициясының 1998 ж. «Тоған» қазбасы барысында және Күлтөбе археологиялық экспедициясының 2019 ж. Күлтөбе қалажұртында жүргізген қазба жұмыстары барысында табылған [Смагулов и др. 1998; Хазбулатов и др. 2019; Туякбаев 2009; Туякбаев және т. б. 2018]. Сонымен қатар, қазба жұмыстарының нәтижесінде Хан Ордасының бірінші құрылыс қабаты 1-2 белдеулерде (ярус) орналасқаны анықталды.

XIX–XX ғғ. жататын құрылыс қабаттан табылған саз ыдыстарға келер болсақ, бұл қабатынан ауыз ернеуінің сыртқы жиегіне толқын тәріздес шымшымалы өрнектер салынған құмыралар мен кеселердің ауыз ернеулері, иық негізінен бастап қоңыр-қара түсті ангоб шашырата жағылған құмыралардың бүйір сынықтары алынды. Бұл деңгейден сонымен бірге, жалпақ, тік немесе шеңбер иінді етіп жасалған жапсырмалы тұтқа бөліктері іріктеліп алынды. Сырлы ыдыстар қатарын ашық-сары, сары, жасыл, қоңыр түсті сыр жағылып үстінен қара, қоңыр, көк түсті сырмен өрнектер салынып шығылтырланған орта кесе бөліктері мен Первомайский, Кузнецов фабрикаларында жасалған фарфор бөліктері көптеп кездеседі. XIX ғ. жататын керамикалық бұйымдардың қатарынан шеберхана иесінің мөр тәрізді етіп: 6,2 см келетін шеңбер сызығының ішіне парсыша «Калай калам ұста Юнус ибн мажитбай», яғни, «Аға құмырашы ұста Жүніс мәжитбай баласы» деген жазуы бар құмыраның бүйір сынықтарының табылуы бұл жерде сол кезеңдерде өзіндік қолтаңбасы

бар құмырашылар мектебінің қалыптасқандығын біл-діреді.

Екінші құрылыс қабаты

Хан Ордасының солтүстік, шығыс және оңтүстік-шығыс бөліктерінде жүргізілген қазба жұмысы барысында жердің беткі қабатынан 0,9 м тереңдіктен екінші құрылыс қабатына жататын құрылыс нысандар анықталды. Қазба жұмыстары нәтижесінде аталмыш қабатқа жататын төрт иелікке қарасты тұрғын үйдің төрт жатын және алты шаруашылық бөлмелері, үш аула, екі дәліз, кірпіш төселген едендер мен ташнау орындары, ас пісіруге және бөлме жылытуға арналған ошақтар анықталып зерттелді (6-сур.). Археологиялық қазба жұмыстары кезінде жоғарыда аталған барлық бөлмелер мен оларға қарасты шаруашылық аймақтарынан табылған заттай деректер жиналды. Қазба барысында екінші құрылыс қабатынан табылған бірқатар керамикалық заттарға жасалынған зерттеулердің нәтижесінде, екінші құрылыс қабатының XIX ғ. басы мен ортасына жататындығы анықталды. Олардың ішінде Қоқандық үлгідегі керамикалармен қатар Ресейдің Кузнецов заводынан шыққан фаянс ыдыстарын да кездестіруге болады [Смагулов и др. 2013: 88–100]. Хан Ордасының екінші құрылыс қабаты 2–3 белдеулерде (ярус) орналасқаны анықталды.

Үшінші құрылыс қабаты

Хан Ордасында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында үшінші құрылыс қабатына жататын құрылыс нысандар, екінші құрылыс қабатына жататын нысандардың құрылымы өзгеріссіз қайталанып, олардың екінші едені негізінде ажыратылды. Жоғарыда айтып өткеніміздей аталмыш кешендегі құрылыс нысандар негізгі құрылымын жоғалтпай, тек қосымша жөндеулер мен едендердің негізінде ажыратылуда. Осы себепке байланысты, Хан Ордасында жүргізіген археологияық қазба жұмыстары нәтижесінде екінші және үшінші қабаттарына жататын нысандардың өзгеріссіз бір-бірінің жалғасы болып табылатындығы, олардың тек едендер бойынша ажыратылатындығы анықталды. Себебі, М. Тұяқбаев Хан Ордасында 2008 және 2013 жж. жүргізген қазба жұмыстары барысында аталмыш қабаттардың тек едендер бойынша ажыратылатындығын дәлелдеп, хронологиясын белгілеген. Маусымдық далалық зерттеу жұмыстарымыздың нәтижесінде екінші құрылыс қабытының екінші еденінен жинақталған заттай деректерге салыстырмалы талдау жасай отырып, аталмыш қабаттың XVIII ғ. соңына жататындығы анықталды. Хан Ордасының үшінші құрылыс қабаты 3–4 белдеулерде (ярус) орналасқан (7-сур.).

Төртінші құрылыс қабаты

Хан Ордасында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында жердің беткі қабатынан 1,75 м тереңдіктен төртінші құрылыс қабатына жататын оңтүстіктен солтүстік-батысқа бағытталған тұйық көше, көшенің екі қапталынан он сегіз бөлме, төрт аула және бір дәліз анықталып зерттелді. Анықталған нысандар оңтүстіктен солтүстікке қарай шартты түрде белгіленді. Анықталған құрылыс нысандардың толық сипаттамасы жасалынып, фиксатцияланды, суретке түсіру жұмыстары жүргізіліп, сызбалары сызылды (8-сур.). Археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесінде төртінші құрылыс қабатына жататын құрылыс нысандардың, Хан Ордасында 2008 және 2013 жж. ашылған төменгі құрылыс қабатына жататын құрылыс нысандармен байланысып жатқандығы, кешеннің солтүстік және шығыс бөліктері тұтастай қамал қабырғасымен қоршалғандығы анықталды. Төртінші құрылыс қабатына жататын нысандардың архитектуралық ерекшелігін және аталмыш қабаттан алынған заттай деректерге салыстырмалы талдау жасай отырып, төртінші құрылыс қабатының XVII ғ. соңы мен XVIII ғ. басына жататындығы анықталды. Олардың ішінде Қазақ хандығы тұсында кеңінен таралған сырлы, беті шыңылтырланған, гүл дестелері тәрізді өрнектермен безендірілген ыдыстарды кездестіруге болады [Акишев и др. 1981: 1–4]. Хан Ордасының төртінші құрылыс қабаты 4–5 белдеулерде (ярус) орналасқандығы анықталды.

Түркістан өңірін бірнеше жыл зерттеген М. Тұяқбаевтің зерттеулеріне сүйенсек, кейінгі ортағасырдың аяғына қарай XVII–XVIII ғғ. керамика өндірісі тоқырауға ұшырай бастағанын көре аламыз. Осы кезеңнің керамикаларының ішкі беттері бұлыңғыр тәрізді мұнартқан ақ, көгілдір түсті бояулармен және түссіз шыңылтырлармен көмкерілген. Сырт жағынан ақ түсті ангобпен боялып, қара сырмен ернеу жиектері мен ішкі табан бөлігіне айналдырыла сызықтар түсіріліп, екі сызық ортасы гүл дестелері тәрізді өрнектермен безендірілген, тұтастай немесе жоғары бөліктері сырланып, беттері аздап шыңылтырланған [Туякбаев және т. б. 2018: 132–133]. Осындай өрнектеу мәнеріне ие керамика бөліктері Күлтөбе қалажұртының цитадель және рабат бөліктерінен табылса [Хазбулатов и др. 2020: 72–110], ұқсастары Саухым-Ата, Төркүл-Бабайқорған, Төрткүл-II, Қарашық қалажұрттарында жүргізілген қазба жұмысы барысында табылған [Тұяқбаев және т. б. 2018: 167–182].

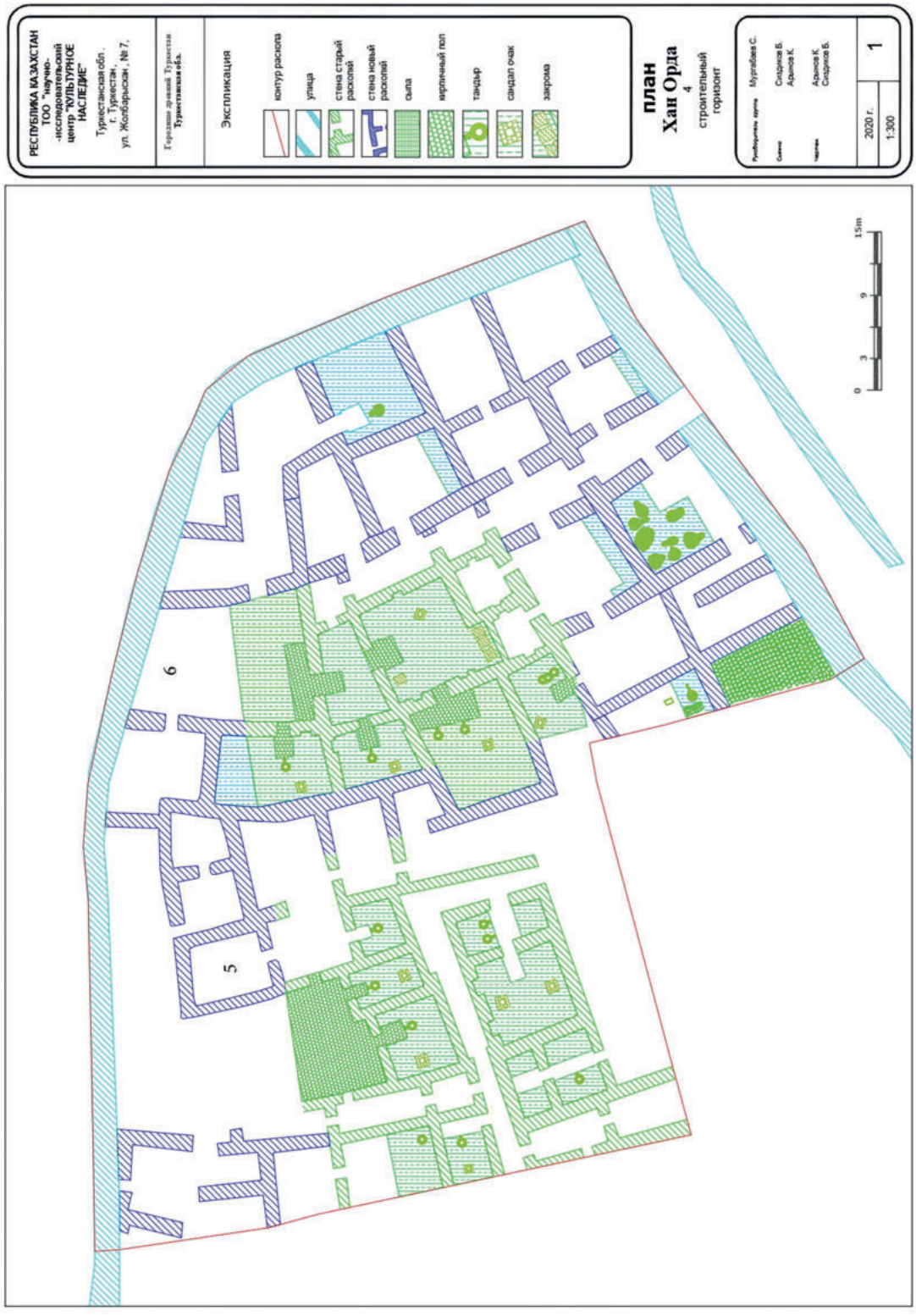
5-сур. Хан Ордасы бірінші құрылыс қабатының жобасы

6-сур. Хан Ордасы екінші құрылыс қабатының жобасы

7-сур. Хан Ордасы үшінші құрылыс қабатының жобасы

8-сур. Хан Ордасы төртінші құрылыс қабатының жобасы

Қорытынды

Қорытындылай келе, тарихи жазба деректер мен археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесіне сүйене отырып XVII–XVIII ғғ. Ескі Түркістан қаласында екі Хан Ордасы болғандығы, Түркістанды және оның айналасындағы қалаларды Әбілмәмбет хан мен Сәмеке ханның үлкен ұлы Сейіттің, содан соң Болат хан мен Есім хан, кейін Болат ханмен Абылай ханның ұлы Әділ сұлтанның билегендігі анықталды. Хан Ордасының орны Е.А. Сұмағұлов пен М.Қ. Тұяқбаевтың 2008 ж. жүргізген ғылыми-зерттеу жұмыстарының нәтижесінде анықталды. Аталмыш нысандағы алғашқы археологиялық қазба жұмыстар «Мәдени мұра» бағдарламасы аясында 2008 және 2013 жж. жүргізіліп, Әбілмәмбет хан мен Тәуке ханның билігі тұсына жататын құрылыс нысандар анықталып зерттелді. Жоғарыда аталған зерттеу жұмыстарының нәтижесінде Хан Ордасының орнымен қоса, стратиграфиялық мәдени қабаттары анықталған болатын. Дегенмен 2008 және 2013 жж. жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары нәтижесінде кешеннің толық құрылымы және қақпасы мен көшелері анықталмаған болатын. Осы себептерге байланысты Хан Ордасының толық құрылымы және кірер қақпасын анықтау мақсатында археологиялық қазба жұмыстары 2020 ж. жалғасын тауып, нәтижесінде Хан Ордасының солтүстік, шығыс және оңтүстік-шығыс бөліктері толық ашылып зерттелді. Зерттеу жұмыстарының нәтижесінде Әбілмәмбет хан мен Тәуке ханның билігі тұсына жататын Хан Ордасының планиграфиясы, қамал қабырғасы, тұйық көше және кешеннің шығыс бөлігінің толық құрылымы ашылып, мәдени қабаттардың XVII ғ. соңы мен XX ғ. басына жататындығы анықталды. Сонымен қатар, маусымдық зерттеу жұмыстарының нәтижесінде, Хан Ордасының солтүстік, шығыс және оңтүстік бөлігі тұтастай қорған қабырғасымен қоршалғандығы, кешеннің шығыс бөлігіне оңтүстіктен солтүстік-батысқа бағытталған тұйық көше арқылы кіретіндігі анықталды. Ашылған қорған қабырғасының жалпы ұзындығы 120 м, ені 1,6–2 м құрайды.

ӘДЕБИЕТ

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата: Наука, 1981. 343 с.

Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования: материалы к летнему университету по истории и культуре Центральной Азии и Казахстана (г. Алматы, 4–23 августа 1997 г.). Алматы: Ин-т философии МН–АН РК, 1997. С. 76–82.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Цитадель древнего Туркестана: некоторые итоги изучения. 2011–2012 гг. // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2013. № 3. С. 82–100.

Смагулов Е.А. Туякбаев М.К. Туркестанская археологическая экспедиция: Отчет по итогам работ в 1998 г. // Архив музея-заповедника «Азрет Султан». Инв. № 3. Фотоальбом. I-168-I-170, I-165-167.

Смағұлов Е.А., Тұяқбаев М.Қ., Ержигитова А.А., Күмісбаева Ұ., Өсеров Т., Ілияс С. Ескі Түркістан қаласының 2009 жыл жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының есебі. Түркістан, 2009. С. 3–4.

Туякбаев М.К. «Отчет отряда Ески Туркестан» ТАЭ: археологические исследования на старом шахристане. XV–XVIII вв. городище Ески Туркестан по программе «Культурное наследие» // Архив музея заповедника «Азрет Султан», инв. № 12 (Рукопись). Туркестан, 2000.

Туякбаев М.К. Историческая топография и развитие городов и поселений Туркестанского оазиса (XIII–XIX вв.). Алматы: ТОО «Эффект», 2009. С. 23–51.

Туякбаев М.К., Егеубаева А.М. Түркістан жазирасының қыш ыдыстары. Түркістан: Изд-во «Золотая Книга», 2018. С. 76–77.

Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. О цитаделях города Туркестана // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. 2000. Вып. 1 (230). С. 17–27.

Хазбулатов А., Ақылбек С. Күлтөбе қалажұртында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының есебі. Түркістан, 2019. 1873 б.

Хазбулатов А., Петров П., Шайгозова Ж., Ержігітова А. Күлтөбе қазынасы: каталогтық альбомы. Нұр-Сұлтан: Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институты, 2020. 192 б. (Қазақша, орысша, ағылшынша).

Ә.Қ. МҰҚТАР
А. ТҰРАРҰЛЫ

Әбілсейіт Қапизұлы Мұқтар, muktar64@mail.ru,
Айбек Тұраруұлы, aibek_tu@mail.ru,
«Сарайшық» мемлекеттік тарихи-мәдени
музей қорығы» РМҚК,
Атырау қ., Қазақстан

САРАЙШЫҚТАҒЫ «ХАН МОЛАСЫН» ІЗДЕУ және ОНЫҢ АЛҒАШҚЫ НӘТИЖЕЛЕРІ*

Аннотация. Мақалада ортағасырлық Сарайшық қаласы орнындағы «Хан моласы» нысанының қазба жұмыстары туралы мәліметтер келтірілген. Көптеген дереккөздер бойынша Сарайшықта жерленген қазақтың ханы Қасым Жәнібекұлының бейітін іздестіру мақсатындағы жұмыстардың алғашқы нәтижелері мен осыған қатысты ақпараттар қарастырылған. Қазба материалдары осы жерде беделді адамдар жерленген элиталық жерленімдер орналасқанын көрсетті. Археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижесі көптеген сұрақтарға жауап беретін бірегей дереккөз бола алады.

Түйін сөздер: Сарайшық, Алтын Орда, Қасым хан, көрхана, ғаныш, радиокөміртегі әдісі

Поиски «Хан моласы» в Сарайшыке и его первые результаты

Аннотация. В статье приведены сведения о раскопках объекта «Хан моласы», расположенного на территории средневекового городища Сарайшык; рассматриваются первоначальные результаты поиска могилы казахского хана Касыма Жанибекулы, по многим источникам захороненного в Сарайшыке и связанные об этом данные. Раскопки показали, что здесь находятся захоронения знатных людей. Результаты археологических исследований могут быть уникальным источником, дающим ответы на многие вопросы.

Ключевые слова: Сарайшык, Золотая Орда, Касым хан, курхана, ганч, радиоуглеродный метод

Search for «Khan molasy» in Sarayshyk and its first results

Abstract. The article provides information about the excavations of the Khan Molasy object located on the territory of the medieval settlement of Sarayshyk; the initial results of the search for the grave of the Kazakh khan Kasym Zhanibekuly, buried in Sarayshyk according to many sources, and related data are considered. Excavations have shown that there are burials of notable people here. The results of archaeological research can be a unique source that provides answers to many questions.

Keywords: Sarayshyk, Golden Horde, Kasim Khan, kurkhana, ganch, radiocarbon method

Атырау облысы, Махамбет ауданы, Сарайшық ауылы маңындағы ортағасырлық Сарайшық қалашығы аумағында Жошы Ұлысы мен Қазақ Хандығы хандары мен Ноғай Ордасы билері жерленгені туралы ақпараттар әркез елдің, соның ішінде ғалымдардың да назарын аударып келген. Әсіресе, қазақтың ұлы ханы Қасым хан Жәнібекұлының жатқан орны ерекше қызығушылық тудырып келеді. Тарихи тұлға Қасым ханның Сарайшықта жерленгені туралы алғашқы нақты деректі Қадырғали Жалайыри өз еңбегінде берген. 1602 жылы жазып аяқтаған «Шежірелер жинағы» еңбегінде Қасым хан турасында: «Оның хикаясы әр жерде айтылады, сондықтан мәлім, мәшһүр болды. Ақырында Сарайшықта дүние салды. Бұл күндері оның қабірі Сарайшықта жатыр» дейді [Жалайыри 1997: 121].

Қасым ханның Сарайшықта жерленгені XIX ғ. орыс зерттеушісі В.В. Вельяминов-Зерновтың [Вельяминов-Зернов 1864: 1452] және кеңестік тарихшы А.П. Чулошниковтың еңбектерінде де нақтыланады. А.П. Чулошников 1925 ж.: «Хана Касима в это время не было живых, он умер еще за несколько лет до этого (около 1518/1520 гг.), в г. Сарайчике, где и был похоронен, уже как повелитель и Дешт-Кипчака» дей келе, түсініктемесінде «мы говорим Дешти-Кипчака – имея в виду пространство от среднего течения реки Урала до такового же р. Сыр-Дарья. Ибо в более широком смысле Дешти-Кипчаком называлась вся степь от самого Дуная. Еще в начале XVII в. в г. Сарайчике можно было

© 2022 Мұқтар Ә.Қ., Тұраруұлы А.
**Мақала Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігінің 2021–2023 жылдарға арналған ғылыми нысаналық қаржыландыру BR10164208 жобасы аясында шығарылды.*

видеть гробницу хана Касима» деп жазады [Чулошников 1924: 127].

Мұхамеджан Тынышпаевта: «По киргизским преданиям он похоронен в Сарайчике» [Тынышпаев 1993: 133] деп жазса, Әлкей Марғұлан 1950 ж. тамыз айында Сарайшықтағы археологиялық қазбадан соң: «Жазба көздерінен байқауымызша, XV-XVI ғасырлардағы тамаша сәулет ескерткіштері қазақ хандары Жәнібек пен Қасымханға Сарайшықта тұрғызылды <...> 1524 жылы Сарайшықта қазақ ханы – Қасымның қаза тауып, жерленгені қайнар көздерінен белгілі» деп жоғарыдағы пікірлерді қолдайды [Марғұлан 2010: 404, 406].

1861 ж. Сарайшыққа келген әскери топограф А.Е. Алексеев: «Первое, что мне бросилось в глаза, были неправильные возвышения городского вала и развалившиеся остатки когда-то бывшей тут цитадели. Местность здесь совершенно ровная и имеет грунт солонцеватый, перемешанный с обломками кирпича, камня и разной посуды. Поверхность этого неприветливого пустыря не оживляется никакой растительностью и только в двух местах виднеются деревянные с перилами ограды, сделанные в 1846 году, татарами-торговцами, по распоряжению бывшего хана Букеевской орды, Джангира. Ограды эти построены над склепами, где по словам казаков, есть несколько кирпичных гробов, залитых известью». «В западной части развалин города есть цитадель, стены которой гораздо выше описанного вала. Фигуру цитадель имеет неправильную, длина ее 200 сажень, а ширина 100 сажень. Внутри цитадели есть признаки развалившихся построек и склепов, которые, как видно, были сделаны из хорошего жженого кирпича и изразца. Из склепов сохранился только один, который называют «ханской могилой». Внутри есть гробницы, сделанные из кирпича, и имеющие шесть вместилищ, два больших и 4 маленьких, так что можно полагать тут похороненным целое семейство. Подобных еще два склепа есть в восточной части города» [Сарайшық бабалар мұрасы 2015: 55] деп нақтылай түседі.

1-сур. А.Е. Алексеевтің топографиялық сызбасы

Сонымен, Қазақ хандығының билеушісі Қасым ханның Сарайшықта жерленгені еш дау туғызбайтын тарихи шындық. Осы тарихи деректер мен пікірлерді қорыта келе, «Сарайшық» музей-қорығының археологтары 2020 ж. бастап «Хан моласының» (Ханская могила) орнын іздеуді қолға алды.

Алдымен, бұрын ғалымдар қолына түспеген, кейінгі жылдары ғылыми айналымға енген әскери топограф А.Е. Алексеев сызған Сарайшықтың сызбасы сараланады (1-сур.). Сызбада цитадель ішіндегі «Аульё (склеп)» орны анық көрсетілген және астына «въ 1835 году поставлен памятникъ» деп жазылған.

Тағы бір дерек 1998 ж. «Егемен Қазақстан» газетіне этнограф Ахмет Тоқтабайдың «Сарайшықтағы аққу көлі» атты мақаласы жарияланған болатын. Ғалым мақаласында атыраулық қоғам қайраткері Ш. Қаржауовтың: «Әкем Мырзағали Қаржауов 1937 жылы қайтыс боларда мені хан бейітіне, Қасым ханның жанына жерлеңдер, бейіттің жанында мешіт болуға тиіс деп өсиет етті. Әкемнің өсиетін орындайын деп мәйітін Гурь-

2-сур. Көрхананың жалпы көрінісі мен еденге төселген кірпіштері

евтен (Атыраудан) Сарайшыққа әкелдім. Сұрастыра жүріп 90-ға келіп қалған бір ноғай шалына кездестім. Ол Қасым хан бейітінің баспалдақпен түсетін жартылай жер асты мешітінде екендігін айтты. Мешіттің бір қабырғасы түгелдей шымылдықпен жабулы тұр, ары қарай хан бейітінің үстінен шығасың. Әкемді сол жерге жерлеп моласын соқтық» деп еске алғанын жариялады [Сарайшық – бабалар мұрасы 2015: 20].

1999 ж. археолог З. Самашев жетекшілік еткен экспедиция Сарайшықта хандар жерленген зират аумағының орнын болжап, ол жерді арнайы метал тормен қоршатқан болатын.

Музей-қорық археологтары 2020 ж. көктемде зират ішіне алдын ала зерттеу жұмыстарын жүргізіп, «Хан моласы» орнын шамамен белгіледі. Алғашқы қазба барысында жер бетінен 1,20 м тереңдіктен ортағасырлық қабірхананың сақталған бір бұрышы анықталды. А.Е. Алексеевтің топографиялық сызбасы, ондағы «Әулие (склеп)» орны, А.Е. Алексеев жазбасындағы «Хан моласы» туралы мәліметтер, ел ішіндегі фольклорлық деректер және жүргізілген археологиялық қазбаның алғашқы қорытындылары бір-бірін толықтыра түсті. Ең қызығы, Алексеев сызбасындағы «Әулие (склеп)» орны мен халық арасындағы деректерде айтылатын Мырзағали Қаржауов жерленген орын бір жер екені анықталды.

Ендігі жерде толыққанды қазба жұмыстарын жүргізу үшін алдымен оның үстіне, жанына кейінгі кезде жерленген мәйіттерді көшіру мәселесі туындады. Ол жұмыстар тек 2021 ж. қолға алынып, жер бетінен анық белгісі көрініп тұрған бейіттер «Құлметен» зиратына ағайындарының келісімімен және қатысуымен, мұсылмандық салт-жоралары сақталып көшірілді. Осыдан соң толыққанды қазба жұмыстары басталды. Қазба аумағының бастапқы көлемі 12×8 м, ал тереңдігі 2 м болды. «Хан моласы» атауына ие болған нысанда жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары нәтижесінде жобасы төртбұрышты, күмбезді келген төбесі бұзылған, үш бұрышы ғана сақталған көрхана ашылды (2-сур.). Көрхананың төртінші бұрышы, өкінішке орай, толығымен бұзылған. Көрхананың ішкі көлемі 4×4 м. Қыш кірпіштердің көлемі 22×22×5, 23×23×5 см. Көрхана күмбезінің ұшар басының бөлігі ғаныштан (гипс) құйылған, ол іш жағынан жапсырылған кірпіш қалдықтарымен бірге еден деңгейінен табылды. Бұл көрханадан ағаш табыттың қалдықтары да табылды. Көрхана ішкі жағынан ғаныш ерітіндісімен (гипс) сыланған. Сылақ тегіс түзу жапсырылған. Сондай-ақ, кірпіштерді байланыстырушы ерітінді де ғаныштан дайындалған. Көрхана ауыз қуысы дромос тәріздес, ұзын дәліз түрінде салынған. Оның ұзындығы 3,77 м,

ені 97 см. Ауыз қуысы астына табалдырық ретінде екі қатар кірпіш қаланып, ғаныш ерітіндісімен бекітілген. Табалдырықтан өлшегендегі дәліздің биіктігі 82 см. Табалдырық тұсындағы көрхана ауыз қуысының жоғарғы жағы тарыла қаланғаны байқалып тұр. Соған қарағанда, ауыз қуысының үсті аркалы жабылған болса керек. Дәліз қабырғасына сылақ жағылмаған. Ал, кірпіштерін саз балшықты ерітіндімен қалаған. Дәліздің шеті кірпіштермен қаланып бітелген. Едені көрхана ішіне қарай тереңдеп еңкіш келген [Ортағасырлық Сарайшық 2022].

Көрхананың оңтүстік-шығыс бұрышының биіктігі – 95 см, солтүстік-шығыс бұрышының сақталған биіктігі – 70 см болды. Ал, оңтүстік-батыс бұрыштың биіктігі – 105 см. Құрылыстың солтүстік-батыс бұрышы түгелге жуық бұзылған, бұл жерде еденнен төменгі деңгейде ғаныш ерітіндісі бар қабырға іргетасының кішкене бөлігі сақталып қалған.

Көрхана құрылысын салу үшін жерге арнайы шұңқыр қазылып, қабырғалары соның түбінен қалана бастаған. Қазылған жердің топырағы сұрғылт саз аралас. Мәдени қабатта сүйек қалдықтары, күл араласып жатыр. Көрхана еденіне де қыш кірпіштер төселген. Анықталған адам сүйектеріне қарап 35–37 адамның қаңқасы бар деп есептеуге болады. Еденге 5 адамның сүйегі қойылғаны анықталды. Басқа сүйектер құланды топырағымен араласып кеткен. Сүйектердің сақталуы нашар. Көрхана еденінен сақталуы нашар ағаш табыттың қалдықтары да анықталды. Көрхананың солтүстік жағынан шұңқыр қазылып, көрхана кірпіштерін бұзып алғаны байқалады. Көрхананы бұзғандар мұндағы сүйектерді де қопарып, топырақпен араластырып жіберген. Адам сүйектерінің анатомиялық тәртібі сақталмаған. Көрхана еденіне дейін үш күрек қалыңдығындай құланды арасы адам сүйектеріне толы болды. Қазба барысында топырақ арасынан сырлы және сырланбаған керамика сынықтары, құрылыс кірпіштері, жануар сүйектері кездесіп отырды.

«Хан моласы» қазбасында бұл көрханадан басқа солтүстік-батыс жағынан 2 м жерден тағы бір көрхана анықталды (3-сур.). Ол да толық қазып ашылды. Бұл көрхана да жобасында тік төртбұрышты. Бұрыштары жоғары қараған жебе тәріздес күмбезделген. Тек бір бұрышының күмбезі бүлінген. Оның еденіне кірпіш төселмеген, алебастр ұнтақтары төгіліп нығыздалған. Оның да ұзын дәлізі бар. Дәліз кірпіштері саз балшықты ерітіндімен бекітілген. Дәліз бен көрхананың қосылған жерінде кірпіштер байланыспаған, соған қарағанда бұл дәліз кейінірек салынған болса керек.

Бұрын Сарайшықта жұмыс істеген археологтар қазба стратиграфиясын және табылған тиындарды есепке алып осындай көрханаларды ноғай-қазақ кезеңіндегі жерленім үлгісі деген қорытынды жасаған болатын.

3-сур. Екінші көрхананың жалпы көрінісі

1-кесте. Радиокөміртегі сараптамасының қорытындысы

Ескерткіштің атауы	Зертхана шифры, мерзімдеу нөмірі	^{14}C-мерзім, ж.б.	$\delta^{13}C,0$ (SD=±0.15‰)	$\delta^{15}N,‰$ (SD=±0.2‰)	pMC
«Хан моласы»	FTMC-YA98-1	457±30	- 18.7	14.37	94.47±0.35

Сонымен «Хан моласы» қазбасында табылған 2 көрханада төмендегідей ерекшеліктер бар екенін хабарлаймыз:

1) екі көрхананың да ауыз қуысы оңтүстік-батысқа қараған және көрханалардың ұзын дәлізі бар. Дәліз көрхана құрылысынан бөлек салынған;

2) екі көрхананың да ішкі қабырғасы ғанышпен сыланған. Кірпіштерді бекіткен ерітінді де ғаныштан дайындалған;

3) екі көрханада адам сүйектерінің көптеп табылуы және оларда анатомиялық тәртіптің бұзылғаны. Сондай-ақ көрханалардың тоналғанын, кірпіштерінің арнайы бұзылып алынғанын көрсетеді;

4) екі көрхана да 1,2 м тереңдіктен анықталды. Көрхананың табаны жер бетінен 2,2 м төмен;

5) көрханалар ішінен түймелік бекітпе (заклепка) тәріздес мыс бұйымдар табылды. Сонымен қатар темір белдік тоғасы, қалпақты шегелер, т. б. темір бұйымдар қалдықтары, ағаш, мата қалдығы табылды.

2021 ж. қазба барысындағы фотолар мен видеоны мұқият саралаған астрахандық археолог В. Плахов: «Такие длинные входные коридоры характерны для ногаев Крыма. Выделяющаяся отделка интерьера предполагает родовой склеп, возможно семьи мангытского аристократа» деп жазды.

Қазбаның алғашқы нәтижелері мен мамандардың пікірлері біздің ойымызша көрханалардың ерекшелігін ғана емес, сонымен бірге оның маңыздылығын да көрсетеді. Осыны ескере отыра, біз көрханалардан табылғанматериалдарменғылыми-зерттеужұмыстарын жалғастырдық. Көрхана еденінен табылған сүйек үлгісін радиокөміртегі әдісімен жасын анықтау мақсатында Литваға, Вильнюс қаласындағы лабораторияға жіберілді. Бұл ғылыми үлгімен жұмыс жасаған мамандардың сараптамасы 457 жасты көрсетті, енді бұған + 30 жасты қосады. Яғни, біздің есептеуімізше 1493 жылға сәйкес келеді, нақтырақ айтсақ, 1463 1523 жылдардың аралығын көрсетеді (1-кесте.). Бұл уақыт бойынша Ноғай Ордасы мырзаларының элиталық жерленімі деп есептеуге негіз бар. Сүйекте көміртегінің тұрақты изотопы мөлшерден аз, азоттың тұрақты изотопы мөлшерден тыс көп болды. Бұл зерттеудегі жеке тұлғаның мал етін, балық етін, сүтті тағамдарды көп тұтынғанын, ал, көкөністерді аз тамақтанғанын көрсетеді [Ортағасырлық Сарайшық 2022].

Көрханадан табылған мата қалдығын «Margulan Centre» ғылыми-археологиялық орталығының реставраторы Татьяна Крупа зерттеуге қабылдады. Алдынала тазарту нәтижесінде ақ түсті жіптермен өрнектер салынған қызыл барқыт матасы екені хабарланды. Бұл материал әлі де зерттелу кезеңінде.

Алдағы кезде генетикалық сараптамалар жүргізу мәселесі тұр. Бұл бағытта мамандармен келісімдер жүргізілуде.

Дегенмен, А.Е. Алексеевтің жазбасындағы «Хан моласының» сипаттамасына қарап, бұл көрханаларды «Хан моласы» деуге әлі де қисын жоқ екенін ашық айтуымыз керек. Сондықтан «Хан моласы» қазбасындағы ізденістер әлі де жалғаса береді деген ойдамыз.

ӘДЕБИЕТ

Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о Касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Импер. акад наук,1864. Ч. 2.

Жалайыр Қ. Шежірелер жинағы. Алматы: Қазақстан, 1997. 128 б.

Марғұлан Ә. Көп томдық шығармалар жинағы / Шоқан Уәлиханов. Алматы: «Толағай групп», 2010. Т. 9. 472 б.

Ортағасырлық Сарайшық қаласы аумағындағы «Хан моласы» нысанының археологиялық зерттеу жұмыстарының ғылыми есебі. Сарайшық, 2022.

Сарайшық – бабалар мұрасы. Сарайшық қалашығының тарихы туралы дереккөздер / Құр. Ж.К. Жұмабаева, М.Қ. Кипиев / Ғыл. ред. Ж.К. Жұмабаева. Атырау: «Ағатай» баспасы, 2015. 224 б.

Тынышпаев М. История казахского народа / Сост. и авторы предисловия А.С. Такенов, Б. Байгалиев. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993. 224 с.

Чулошников А.П. Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Часть первая. Древнее время и средние века. Оренбург: Киргизское государственное издательство, 1924. 291 с.

Я.А. ЛУКПАНОВА
Д.В. МАРЫКСИН

Яна Амангелдиевна Лукпанова,
lukpanovayana@gmail.com,
Денис Валерьевич Марыксин,
maryksin@mail.ru,
Западно-Казахстанский
историко-краеведческий музей,
г. Уральск, Казахстан

МАВЗОЛЕЙ ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (сообщение по итогам раскопок 2020–2021 гг.)

Аннотация. В статье приводятся результаты раскопок 2020–2021 гг. средневекового мавзолея и сырцовой оградки из курганного комплекса Жанабай (Шалкар). При строительстве мавзолея использованы сырцовые и жженые кирпичи, как правило, стандартных размеров. Ранее известные раскопанные золотоордынские мавзолеи в регионе имели неширокие стены, в исследуемом же мавзолее стены достигают ширины более 1,5 м. Мавзолеи являлись отражением политики исламизации, проводимой Золотой Ордой на подконтрольных ей территориях.

Ключевые слова: Западный Казахстан, Шалкар, Жанабай, степная элита, мавзолей, сырцовая оградка, конструкция, погребение

Алтын Орда дәуірінің кесенесі (2020–2021 жж. қазба жұмыстарының қорытындысы бойынша хабарлама)

Аннотация. Мақалада ортағасырлық кесене мен Жаңабай (Шалқар) обалы кешеніндегі шикі кірпіштен тұрғызылған қоршауда жүргізілген 2020-2021 жж. қазба жұмыстарының нәтижелері келтірілген. Кесенені салу барысында қалыпты өлшемдегі шикі және күйдірілген кірпіштер пайдаланылған. Өлкеде бұрын қазба жүргізілген Алтын Орда кесенелерінің қабырғалары аса жалпақ емес болып келсе, бұл зерттеу жүргізілген кесененің қабырғаларының ені 1,5 м-ден асады. Бұл кесенелер Алтын Орданың өз бақылауындағы аумақтарда жүргізген исламдану саясатының көрінісі болып табылады.

Түйін сөздер: Батыс Қазақстан, Шалқар, Жаңабай, дала элитасы, кесене, шикі кірпішті қабырға, конструкция, жерлеу

Mausoleum of the Golden Horde era (report on the results of excavations in 2020–2021)

Abstract. The article presents the results of excavations in 2020-2021 of a medieval mausoleum and an adobe fence from the Zhanabai (Shalkar) burial mound complex. Raw and burnt bricks, usually of standard sizes, were used in the construction of the mausoleum. Previously known excavated Golden Horde mausoleums in the region had narrow walls, in the studied mausoleum the walls reach a width of more than 1.5 m. The mausoleums were a reflection of the policy of islamization carried out by the Golden Horde in the territories controlled by it.

Keywords: Western Kazakhstan, Shalkar, Zhanabai, steppe elite, mausoleum, adobe fence, construction, burial

В полевом сезоне 2020–2021 гг. археологический отряд отдела истории и археологии Западно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея под руководством старшего научного сотрудника Я.А. Лукпановой провел раскопки на мавзолее Жанабай (Шалкар).

Мавзолей был обнаружен в ходе археологической разведки в 2018 г., проводившейся по территории Теректинского района ЗКО. Выглядел он в виде земляной насыпи и расположен на могильнике раннего железного века. Первоначально комплексу было дано название «Шалкар» с привязкой к оз. Шалкар. Позже при прове-

© 2022 Лукпанова Я.А., Марыксин Д.В.

дении археологических раскопок и опросе местного населения был переименован в Жанабай (Шалкар), так как местность, на которой расположен памятник, носит наименование «Жанабай». Вероятно, это связано с историей данной местности, что вызывает необходимость провести дополнительные исследования по ономастике и установить происхождение этого названия.

Земляные работы по исследованию мавзолея проводились вручную. В процессе раскопок кургана нивелировалось местонахождение всех артефактов от единого нулевого репера, за который принималась самая высокая точка насыпи, от которой даются все глубины.

Курганный комплекс Жанабай (Шалкар) расположен в 20,0 км юго-восточнее пос. Сарыомир (Теректинский р-н, ЗКО) (рис. 1). Состоит из семи курганных насыпей, вытянутых цепочкой по оси З–В. На самом высоком кургане могильника установлен геодезический знак.

На поверхности кургана № 2 были обнаружены фрагменты жженого кирпича. В северо-западной части кургана зафиксирована воронка, насыпь находилась в аварийном состоянии вследствие антропогенного воздействия. В ходе опроса местного населения выяснилось, что курган № 2 неоднократно подвергался ограблению.

Земляные работы на курганах проводились без использования специальной техники, курганы раскапывались вручную с оставлением двух осевых бровок, проходящих через условный центр кургана по оси С–Ю, З–В. В полевом сезоне 2020 г. была исследована северная часть кургана.

Насыпь кургана овальной формы высотой 1,5 м, диаметром З–В – 17,0 м, С–Ю – 20,0 м. При снятии насыпи и зачистке стен мавзолея в западной периферии были обнаружены разбросанные кости человека, животного, а также фрагменты гончарного сосуда, покрытого ангобом.

Здание мавзолея было в плане квадратной формы, длина его стен по внешнему наружному обмеру составляет от 7 до 8 м (рис. 2). Стены мавзолея толщиной 1,6 м, сложены из сырцовых кирпичей в семь рядов (рис. 3), обложенных с двух сторон квадратными и прямоугольными обожженными кирпичами размерами 26×26 см и 26×12 см в два ряда, чередующихся для связки.

Мавзолей представлял собой подквадратное в плане однокомнатное здание, вход находился в южном секторе (рис. 4). Стены стояли на залитом и забутованном фундаменте из гумуса (?) черного цвета, предварительно выровненном. Посередине восточной и западной стены были сделаны ниши шириной от 0,8 до 1,5 м. Внутреннее помещение было квадратным в плане, расстояние между противоположными внутренними углами здания составляло 4,60 м. Высота сохранившихся стен 1,10 м. Пол был вымощен жженым кирпичом размером 26,0×26,0 см, пространство между плитами залито мелосодержащим жидким раствором серовато-белого цвета. К сожалению, пол сохранился лишь в северной части мавзолея, центральная часть была разрушена грабителями. У южной стенки зафиксирован грабительский лаз и обнаружена яма прямоугольной формы. Заполнение ямы представляло собой перемес жженого и сырцового кирпича. На глубине 0,90 см была найдена сердоликовая шестигранная уплощенная бусина коричневого цвета, дно ямы зафиксировано на глубине 1,80 м, в яме кроме бусины ничего не выявлено.

Погребение обнаружено в центре раскопанного квадратного строения на глубине 1,64 м от высшей точки насыпи кургана. Прямоугольная яма вытянута длинными сторонами по оси З–В, дно ямы и стенки выложены жженым кирпичом, тем самым представляя собой кирпичный склеп (рис. 5). В яме находился костяк взрослого человека, предположительно мужчины. Ребра, верхние конечности, позвонки человека потревожены в результате грабительских раскопок, проведенных местным жителем. Головой мужчина ориентирован на запад, лежал вытянуто на спине. Склеп сверху перекрыт мастабой. Инвентарь не обнаружен.

В 2021 г. исследования продолжились. Были открыты юго-западный и юго-восточный секторы кургана, где обнаружен мавзолей. В юго-восточном секторе выявлен угол мавзолея, а в юго-западном оказался завал камней, при зачистке которого выявлено, что это остатки стены. Юго-западный угол мавзолея был разрушен и обвалился. Выявлен вход в мавзолей с южной стороны (рис. 6).

При расчистке юго-западного угла мавзолея обнаружена сырцовая оградка, в плане круглая, сложена из сырцовых кирпичей различного размера (рис. 7). Толщина кладки составляла от семи до восьми рядов кирпичей. Прослеженная высота кладки оградок в некоторых случаях достигала 6–8 слоев и равнялась с северной стороны 0,90 м, с южной – 0,4 м. Внутри оградки на уровне древнего горизонта были выявлены два надгробия в виде саганы, ориентированные по оси З–В, соответственно, погребение № 1 – южное, погребение № 2 – северное. Размеры погребения

1–2,1×0,6 м, 2–2,25×0,85 м. Вход в могильные ямы был закрыт сырцовыми и красными кирпичами (рис. 8).

Погребение № 1 находилось в округлой яме южной части, стенки могилы прямые, южная стена ямы выпуклая во внешнюю сторону. В яме выявлен скелет взрослого человека, предположительно мужчины, лежавшего вытянуто на спине, головой на запад с небольшим отклонением на юго-запад. Череп лежал лицевой частью к югу. Скелет не потревожен, левая рука согнута в локте, кисти рук расположены на тазовых костях. Правая рука вытянута вдоль корпуса, ноги выпрямлены, пятки сведены. Длина скелета 1,65 м.

Погребение № 2 находилось в северной части подпрямоугольной ямы, стенки могилы прямые с уступом с южной стороны, на глубине 0,35 м от древнего горизонта. Дно ямы выстелено органикой белого цвета. В яме выявлен скелет взрослого человека, головой ориентированного на запад с некоторым отклонением на юго-запад. Череп лежал лицевой частью к югу. Скелет не потревожен, руки вытянуты вдоль корпуса, ноги вытянуты, стопы сведены. Длина скелета 1,72 м. У изголовья найден фрагмент дерева.

Таким образом, в полевом сезоне 2020–2021 гг. были исследованы мавзолей эпохи Золотой Орды и погребения с сырцовой оградкой. Архитектура мавзолея является одной из редких. Нам известны в Западно-Казахстанской области два мавзолея, выстроенные из жженого кирпича, – на городище Жайык [Байпаков и др. 2002: 36] и мавзолей Жанабай (Шалкар). Стены большого мавзолея на городище Жайык толщиной 2,5 м, но в отличие от мавзолея Жанабай внутреннее пространство стен забито строительным мусором либо обломками кирпичей. В исследованном строении стены выложены рядами сырцовых кирпичей.

Золотая Орда достигла расцвета во времена правления хана Узбека (1313–1341 гг.) и его сына Джанибека (1342–1357 гг.). В начале 1320-х гг. именно Узбек-хан провозгласил ислам государственной религией, и ярким отражением распространения ислама являлись погребальные памятники, в том числе мавзолеи (дюрбэ, кесене, мазар, кумбез) [Васильев 2007: 8], которые появились вследствие идеологических реформ хана Узбека [Васильев 2008: 9]. Строились они не только возле поселений, но и в степи, часто на более ранних памятниках и являлись символом распространения ислама, при этом строительство такого мощного сооружения могла себе позволить только степная элита.

Стены мавзолеев на городище Жайык не превышают в ширине 1,0 м. Мавзолей, исследованный в 2020 г., построен из жженого и сырцового кирпича, толщина стенок достигает 1,6 м. В мавзолее обнаружено одно погребение эпохи Золотой Орды. Е.П. Мыськов отмечает, что люди, похороненные в мавзолеях, публично декларировали принадлежность к исламу, но на самом деле они могли в жизни оставаться язычниками и сохранять приверженность традиционным обрядам и обычаям [Мыськов 2015: 21].

И.В. Матюшко объясняет расположение мавзолеев в степи на курганных комплексах, возведенных раньше, тем, что в эпоху Средневековья территория скоплений курганов воспринималась как специальное священное место для совершения захоронений [Матюшко 2011: 146]. Кирпич, по всей видимости, изготавливался рядом с местом строительства. Предстоит тщательный поиск по выявлению печи, а также дальнейшее исследование мавзолея. Сооружение печей на местах строительства надмогильных сооружений обусловлено в первую очередь удобством доставки кирпичей к возводимым объектам. Данный мавзолей, а также строения из жженого кирпича, выявленные в Приуралье [Гарустович 2014: 98, 99], относятся к «среднеазиатской периферийной» архитектурной школе зодчества.

Начало строительства мусульманских усыпальниц связано с политикой исламизации государства, предпринятой ханом Узбеком и его последователями в XIV в. Процесс исламизации в Золотой Орде насаждался от аристократии к простым людям кочевого мира. Это, безусловно, приводило к конфликтам между сторонниками и противниками ислама [Васильев 2007: 24], поэтому строительство мавзолеев в кочевой среде могло являться одним из направлений пропаганды ислама [Харламов 2018: 192].

Мавзолеи строились для представителей аристократии. Уже с первых лет своего существования монументальные постройки превращаются в степном регионе в объекты общественной значимости, в священные места поклонения предкам, в сакральные памятники родовых территорий. Н.А. Мажитов отмечает, что монументальные сооружения строились над могилами богатых феодалов, а бедные таких почестей не удостаивались. Мавзолеи символизировали «торжество, превосходство мусульманской религии над языческой» [Мажитов 1973: 175, 180].

Строительство мавзолея в открытой степи было значимо для кочевников; такие места со временем назывались «святыми местами», потом «очень быстро обрастали целыми “городами мертвых”». Подобные кладбища «обычно образовывались вокруг могилы

святого: по народному мнению, святой должен помочь тем, кто лежит рядом, пройти в рай» [Басилов 1970: 81].

Сырцовые оградки характерны для Казахстанского Приуралья, аналогичные оградки были выявлены на могильниках Мокринский 1, Караултобе 1, Лебедевка 8. Относятся они к ранним мусульманским архитектурным памятникам Золотой Орды. Среди всего разнообразия надмогильных сооружений Средневековья Западного Казахстана особый интерес представляют сырцовые оградки. В Западном Казахстане данные конструкции выявлены в 16,1% памятников XIII–XIV вв. [Бисембаев 2003: 122], наиболее известными из которых являются Мокринский I, Караултобе I, Целинный I, Саралжин [Марыксин 2012а: 111–119; Кригер, Марыксин 2008: 194–207; Бисембаев 2001: 61–66; Гарустович 1993: 86–90].

Особый интерес среди них представляет могильник Караултобе I, так как здесь обнаружены оградки-мавзолеи округлой формы. Исследование данного памятника позволило прийти к следующим выводам. Во-первых, сырцовые оградки, по всей видимости, не являются подкурганными, а лишь занесенными землей открытыми комплексами, об этом свидетельствует присутствие оградки сразу под гумусным слоем толщиной 10–15 см. Об этом же говорит археозоологический материал. Признаки ветровой эрозии, обнаруженные на костях, свидетельствуют, что кости долгое время находились в открытом виде или имеют более позднее происхождение. Во-вторых, вполне возможно допустить гипотезу о достаточно позднем возведении подобных конструкций, так как в могильнике нет погребений с инвентарем, но для подтверждения нашего предположения отсутствуют датированные комплексы. В-третьих, представляется перспективным связать появление сырцовых оградок с приходом какой-либо новой группы населения, вполне возможно, что хорезмийского происхождения [Марыксин 2012б: 243]. Кроме данного могильника, ограды округлой формы выявлены в могильниках Тонкерис 3 и Лебедевка 8.

Исследователи Золотой Орды сходятся во мнении, что сооружение подобных надмогильных конструкций каким-то образом связано с процессом утверждения ислама. Е.П. Мыськов отмечает, что основные расхождения наблюдаются лишь по вопросам времени появления этих своеобразных памятников и степени влияния мусульманских погребальных традиций на процесс их формирования. По мнению исследователя, подавляющее большинство захоронений, окруженных кирпичными оградами, совершено с соблюдением всех основных норм мусульманской погребальной обрядности. Классические памятники такого рода представляют собой подквадратные (гораздо реже – круглые) сырцовые ограды, ориентированные по сторонам света, внутри которых расположены два безынвентарных захоронения (обычно мужское и женское) в простых или заплечиковых прямоугольных ямах с деревянными или кирпичными перекрытиями. Умершие похоронены в дощатых гробах в вытянутом положении на спине, головой на запад, лицом к югу [Мыськов 2005: 223].

Статистический анализ 93 погребений в оградках, проведенный Д.В. Васильевым, показал, что отсутствует прямая зависимость между ними и мусульманизацией населения Степи. Первоосновой данного погребального обряда является языческий, предусматривающий как сопровождение покойного инвентарем, так и цикл поминальных действий (тризна, наличие оградки, надгробия). Вполне возможно, что с принятием частью населения ислама данный обряд приобрел компоненты канонических исламских традиций [Васильев 2006: 218].

ЛИТЕРАТУРА

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы: Credo, 2005. 221 с.

Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1970. 144 с.

Бисембаев А.А. Раннемусульманские погребения могильника Целинный I // История и культура Арало-Каспия: сб. ст. / Под общ. ред. С. Ажигали. Алматы: Кусжолы, 2001. Вып. 1. С. 61-66.

Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2003. 235 с.

Васильев Д.В. Статистический анализ золотоордынских захоронений в подкурганных оградках // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2006. № 1, 2. С. 218–222.

Васильев Д.В. Ислам в Золотой орде (Историко-археологическое исследование). Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. 170 с.

Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2008. 179 с.

Гарустович Г.Н. Могильник Саралжин I (к вопросу об исламизации Джучиева улуса) // Новое в средневе-

ковой археологии Евразии: сб. науч. трудов / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: Историко-культурная ассоциация «Артефакт», 1993. С. 86–90.

Гарустович Г.Н. «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 95−120.

Кригер В.А., Марыксин Д.В. Могильник Караултобе I (к вопросу о захоронениях в сырцовых оградках) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 1 / Отв. ред. С.Ю. Гуцалов. С. 194–207.

Мажитов Н.А. Тайны древнего Урала. Уфа: Башкнигоиздат, 1973. 136 с.

Марыксин Д.В. Комплекс сырцовых оградок у аула Айдархан // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2012а. № 1 / Гл. ред. М.Н. Сдыков. С. 111–119.

Марыксин Д.В. Об одном типе сырцовых оградок Западного Казахстана // Известия Самарского научного центра РАН. 2012б. Т. 14. № 3. С. 243–248.

Матюшко И.В. Средневековые мавзолеи в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2011. Вып. 9. С. 146−156.

Мыськов Е.П. Погребальные сооружения с кирпичными оградками могильника Маляевка VI у северо-западного пригорода Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. 2005. Вып. 6. С. 222–229.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Волгоградский филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.

Харламов В.П. Золотоордынские кирпичные мавзолеи Западного Оренбуржья // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 193–196.

А.И. БУГАРЧЕВ
В.Ю. ИСАЕВ
А.Е. КУПЦОВ

Алексей Игоревич Бугарчев,
Abugar.61@rambler.ru,
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ,
г. Казань, Россия;
Владимир Юрьевич Исаев,
isaev-vladimir@inbox.ru,
нумизмат-исследователь,
г. Москва, Россия;
Андрей Евгеньевич Купцов,
kuptsov-an@mail.ru,
нумизмат-исследователь,
г. Москва, Россия

О БУЛГАРСКОМ ДИРХАМЕ XIII в. с ИЗОБРАЖЕНИЕМ СОЛНЦА

Аннотация. В статье рассматривается тип серебряной монеты, выпущенной в Булгарском регионе. Дирхам с изображением солнца стал известен совсем недавно, его нет в ранее опубликованных каталогах. Тип анэпиграфный – без указания эмитента, времени и места чекана. Авторы считают, что данные монеты чеканились в 1270–1280-х гг. Исследовав метрологию 17 экз., авторы пришли к выводу, что дирхамы с солнцем выпускались с ориентацией на значение 1,39 г. Приводятся аналогии с монетами других династий и эпох.

Ключевые слова: дирхам, Менгу-Тимур, Булгарский регион, XIII в., монета, денежная реформа

XIII ғ. күн бейнеленген болгар дирхеміттуралы

Аннотация. Мақалада Болгар аймағында шығарылған күміс тиынның түрі қарастырылады. Күнбейнесі бар Дирхам жақында белгілі болды, ол бұрын жарияланған каталогтарда жоқ. Түрі анэпигралы – эмитентті, уақыты мен соғылған орны көрсетілмеген. Авторлар бұл монеталар 1270-1280 жылдары соғылған деп санайды. 17 дананың метрологиясын зерттей отырып, авторлар 1,39 мәніне назар аудара отырып күн сәулесімен дирхамдар шығарылды деген қорытындыға келді. Басқа династиялар мен дәуірлердің тиындарымен ұқсастықтар келтірілген.

Түйін сөздер: дирхам, Менгу-Тимур, Болгар аймағы, XIII ғ., тиын, ақша реформасы

About the Bulgar dirham of the 13th century with the image of the sun

Abstract. The article discusses the type of silver coin issued in the Bulgar region. The dirham with the image of the sun became known quite recently, it is not in previously published catalogs. The type is non-epigraphic without specifying the issuer, time and place of minting. The authors believe that these coins were minted in the 1270s – 1280s. After examining the metrology of 17 copies, the authors came to the conclusion that dirhams with the sun were issued with an orientation to the value of 1.39 g. Analogies with coins of other dynasties and epochs are given.

Keywords: dirham, Mengu-Timur, Bulgar region, 13th century, coin, monetary reform

В 665/1266–1267 гг., после прихода к власти первого золотоордынского хана Менгу-Тимура, в Булгарском регионе была проведена денежная реформа. Было выпущено большое количество дирхамов и их фракций разных типов[1] . В дальнейшем монеты с одним изображением исчезали, а вместо них чеканились новые. Большинство типов периода 665–730/1266–1330 гг. – это анонимные или анэпиграфные дирхамы. На них не было ни года чеканки, ни имени эмитента, ни указания монетного двора, только «двуногая» тамга Менгу-Тимура. После его смерти в 681/1282–1283 гг. проставление тамги Менгу-Тимура стало обязательным элементом для булгарской чеканки. Последние монеты с тамгой – это булгарские пулы 732–736/1331–1336 гг.

© Бугарчев А.И., Исаев В.Ю., Купцов А.Е.

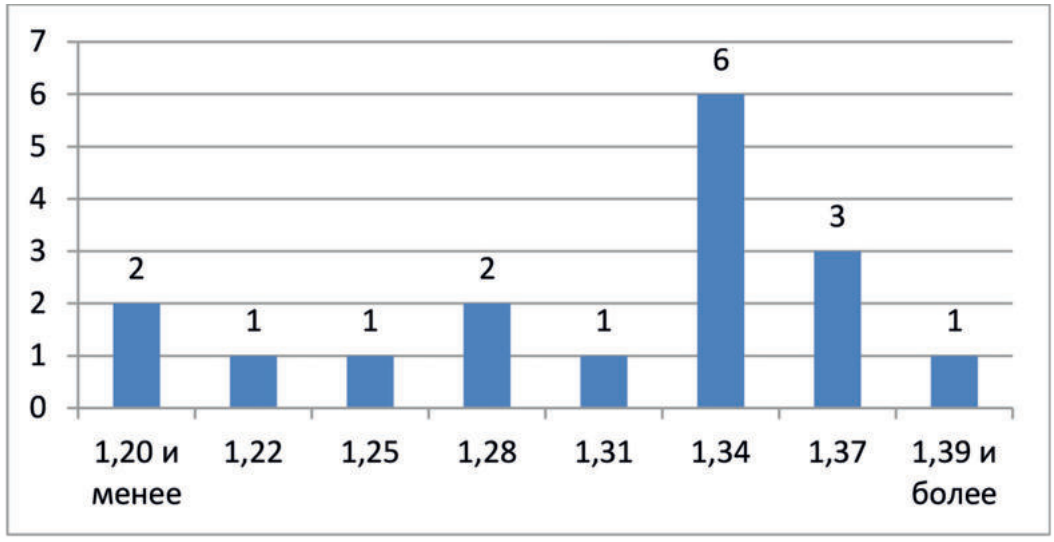
[1] *Тип – за критерий типа принимаются два внешних параметра – композиционное оформление и содержание легенд на каждой из сторон монеты [Петров 2010: 126]*

В данной статье мы рассмотрим анэпиграфный дирхам с изображением лика солнца. Данный тип был обнаружен сравнительно недавно – первая публикация датируется 2006 г. (база данных ZENO.RU, № 31480). Ни в знаменитой работе Х.М. Френа, ни в монографии А.З. Сингатуллиной дирхам с солнцем не упоминается [Френ 1832; Сингатуллина 2003]. О его редкости можно говорить, исходя из собранной авторами информации – для написания данной статьи мы нашли сведения только о 18 экз.

Отсутствие выпускных данных на «серебре» XIII – первой трети XIV в., чеканенных в Золотой Орде, затрудняет датировку региональных эмиссий. На помощь приходит метод изучения и сопоставления составов кладов. Используя принцип взаимозаменяемости и хронологического распределения, удалось установить примерное время чеканки для 94 типов [Бугарчев, Петров 2018: 138]. Тип с солнцем встречается в двух кладах: Кокрятский № 23 (сокрыт до 690/1291 г.) и № 20 (сокрыт примерно в 1270-е гг.) [Бугарчев, Петров 2018: 133]. Исходя из опубликованного состава Кокрятского клада, чеканку изучаемого дирхама можно отнести к 1270–1280-м гг., до 1291 г.

Место чеканки остается невыясненным, можно только сказать, что монетный двор, выпускавший «солнышки», находился на территории бывшей Волжской Булгарии.

Рассмотрим метрологию монет с солнцем. Нам известен вес 17 экз. Конечно, этого мало для полноценного анализа, но за неимением большего рады тому, что есть. Приведем гистограмму.

Гистограмма. Зависимость количества монет с солнцем от значения их веса. Учтено 17 экз. (Зено – 5 экз., Ревюдетектор – 3 экз., Кокрятский клад, С. Албум Аук. 9 – по 1 экз., фотоархив авторов – 7 экз.). Шаг 0,03 г

Мода 1,34±0,02 г – 6 экз. Средний вес (без учета крайних значений) – 1,30 г. Очевидно, что дирхамы с солнцем входили в группу номиналов в 4½ данга (указанный вес 1,39 г).

В фототаблице приводятся все известные авторам экземпляры, в том числе из коллекции покойного К.К. Хромова (без указания веса). Монеты из базы данных ZENO.RU и Кокрятского клада, как ранее изданные, в фототаблице не представлены.

Изображения солнца в виде человеческого лица – популярный образ в мусульманской нумизматике. В работе В.П. Лебедева приводятся прорисовки пяти типов крымских пулов – М8, М9, М16, М17 и М32. Судя по наличию тамг, они чеканились в конце XIII – начале XIV в. [Лебедев 2000]. Можно указать на медный динар среднеазиатского Балха с датой 911 г.х. (1505–1506) [Камышев 2012: 178]. В XVII–XIX вв. образ лика солнца использовался при оформлении персидских фулусов таких городов, как Хамадан 1062 г.х., Тбилиси 1075 г.х., Шемаха 1088 г.х., Ардебиль 10(?)95 г.х. и 1118 г.х., Ереван 1125 г.х. и 1130 г.х., Гянджа 1127 г.х., Саудж-Булаг 1130 г.х. и 1142–1143 гг.х. и др.

Изображениям птиц, зверей и рыб на булгарских монетах XIII – начала XIV в. была посвящена отдель-

ная работа [Бугарчев 2021]. Конечно, образ солнца не подходил ни в одну из перечисленных групп, поэтому изучению данного типа было выделено отдельное место.

Прорисовка типа в фототаблице взята из монографии А.И. Бугарчева и П.Н. Петрова [Бугарчев, Петров 2018: 92].

ЛИТЕРАТУРА

Бугарчев А.И. Изображения зверей, птиц и рыб на серебряных монетах булгарского региона в XIII–XIV вв. // Археология Казахстана. 2021. № 1 (11). С. 145–159.

Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой четверти XIV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с., ил.

Камышев А.М. Зооморфные изображения на медных монетах Шейбанидов как продолжение золотоордынской традиции XIV в. // Нумизматика Золотой Орды. 2012. Вып. 2. С. 175–186.

Лебедев В.П. Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII – начало XV в.) // Вестник Одесского музея нумизматики. 2000. № 2. 48 с.

Петров П.Н. Клад из Дев-кескенкала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. 2010. Вып. 3. С. 121–149.

Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.

Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. Из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К. Фукса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету, с краткими объяснениями и указаниями Х.М. Френа. СПб., 1832. 80 с.: XVII табл. ил.

Фототаблица. Монеты с изображением солнца

Д.Ә. ТАЛЕЕВ

Докей Әбдікерімұлы Талеев,
doc19_59@mail.ru
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

ҚАРАТАУДЫҢ ТЕРІСКЕЙ БЕТІНДЕГІ КЕЙІНГІ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚАЛАЛАР: СОЗАҚ, ҚАРАҚҰРЫМ және ИЛАН-ҚАРАУЫЛ*

Аннотация. Мақалада Қаратаудың теріскей бетіндегі Қазақ хандығы тұсындағы қалалар мен қамалдар жайлы жазба дерек мәліметтері қарастырылып, олардың археологиялық зерттелуі және баламалану мәселесі әңгіме болады. Жазба деректер мәліметі бойынша XV ғ. 70-ші жылдарынан бастап Қазақ хандығының құрамына кірген Созақ қаласы мен оның маңындағы Кара-Курум, Илан-Карауыл қамалдары мемлекеттің саяси-экономикалық және рухани тірегіне айналды. Оны өңірде жүргізілген археологиялық зерттеулер нәтижелері де растап отыр. Әсіресе Созақ қаласының орнында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары оның жаңа қалыптасқан мемлекеттің іргесінің кеңейіп, күш-қуатының нығаюына үлкен үлес қосқандығын көрсетті. Ауыл ақсақалдарының айтуына қарағанда Созақтың орнында болған екі «Хан мазары» XX ғ. 50-ші жылдарына дейін құламай тұрған. Сол мазарлардың орны әлі табылған жоқ.

Түйін сөздер: Қаратау, жазба дерек, зерттеу, қала, қамал, Созақ, Қарақұрым, Илан-Қарауыл

Позднесредневековые города на северном склоне Каратау: Созак, Кара-Курум и Илан-Караул

Аннотация. В статье рассматриваются сведения письменных источников о городах и замках Казахского ханства, расположенных на северном склоне Каратау, а также результаты археологических исследований и вопросы локализации. По данным письменных источников, город Созак и прилегающие к нему замки Кара-Курум, Илан-Караул, входившие в состав Казахского ханства с 70-х гг. XV в., стали политико-экономической и духовной опорой государства. Это подтверждают и результаты археологических исследований, проведенных в регионе. Археологические раскопки на месте города Созак показали, что он внес большой вклад в расширение и укрепление могущества нового сложившегося государства. По словам аксакалов села, два «ханских могильника», которые находились на месте Созака, еще сохранялись до 50-х гг. XX в. Место расположения этих могил в настоящее время не выявлено.

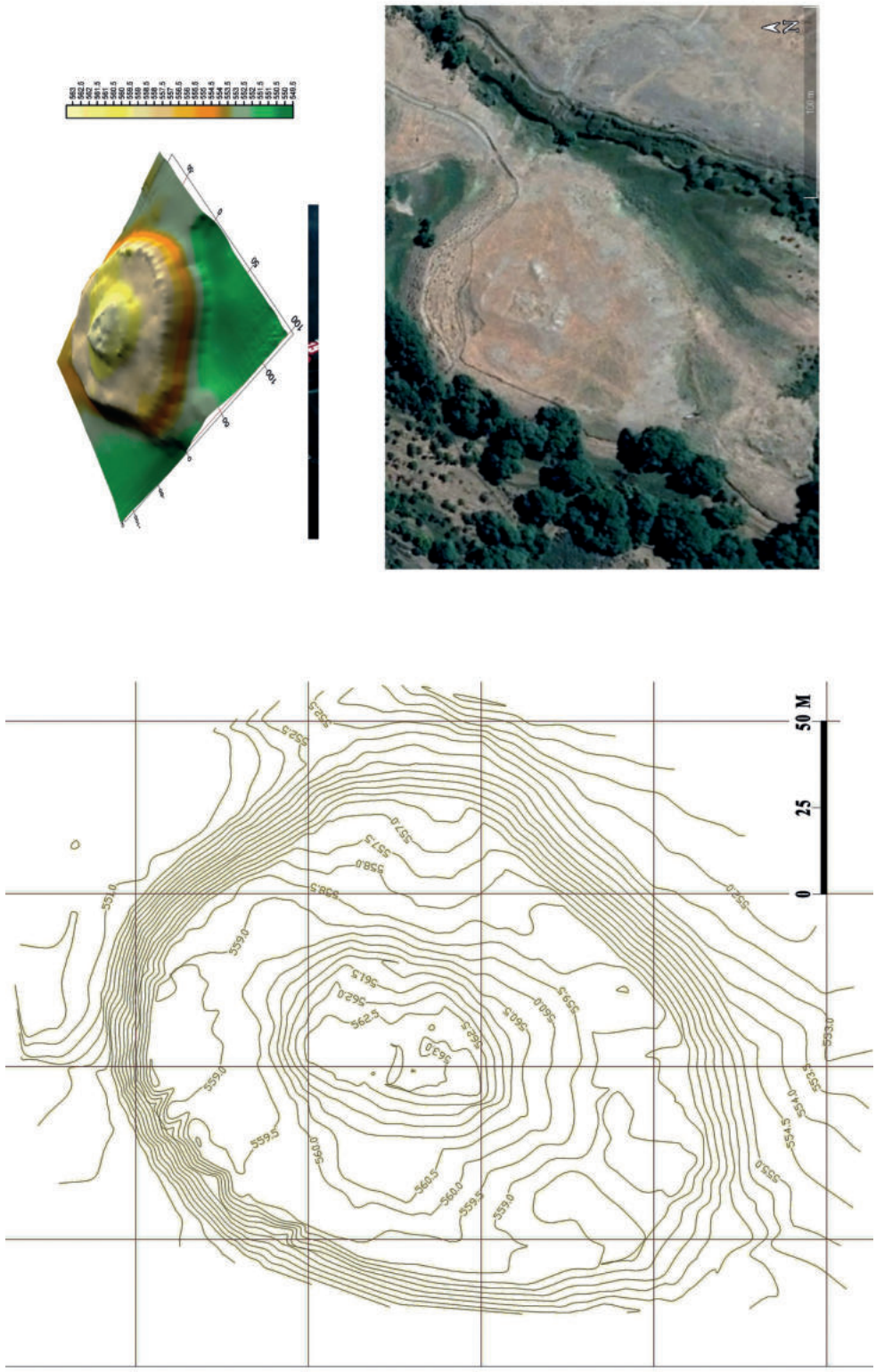
Ключевые слова: Каратау, письменные источники, исследования, город, замок, Созак, Кара-Курум, Илан-Караул

Late Medieval towns on the northern slope of Karatau: Sozak, Kara-Kurum and Ilan-Karaul

Abstract. The article deals with the compilation of the written sources of cities and castles of the Kazakh Khanate located on the northern slope of Karatau, as well as their archaeological research and localization. According to the written sources, the city of Sozak and the adjacent castles of Kara-Kurum, Ilan-Karaul, which belonged to the Kazakh Khanate since the 70s of the 15th century, became the political, economic and spiritual basis of the state. This is confirmed by the results of archaeological research conducted in the region. Archaeological excavations carried out at the site of the city of Sozak have shown that it contributed greatly to the expansion and strengthening of the power of the newly established state. According to the elders of the village, two «khan burial grounds», which were located on the Sozak site, were preserved until the 50s of the 20th century. The location of these graves has not been found yet.

Keywords: Karatau, written sources, research, city, castle, Sozak, Kara-Kurum, Ilan-Karaul

© 2022 Талеев Д.Ә.
Мақала Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру ЖТН OR11465566 жобасы аясында шығарылды

1-сур. Күлтөбеде қалашығының әуеден көрінісі мен жобасы (М. Елеуов бойынша)

XV ғ. екінші жартысында Керей мен Жәнібек сұлтан бастаған көш Шу өңіріндегі Қозыбасы жотасына табан тіреді. Көп ұзамай көшпен келген бір түмен ел Тұлпарсазда Керейді хан көтерді. Жаңа құрылған хандық уақыт өте қанатын кеңейте бастады. Осы кезде көшпелі өзбектерді билеген Әбілхайыр ханның қол астында наразылық күшейді. Ханның жүргізген саясаты мен жоңғар шапқыншылығына қарсы дәрмен көрсете алмағанына риза болмаған көптеген жұртшылық хандықты тастап, Керей мен Жәнібектің туы астына біріге бастады. Жан-жақтан келіп қосылған жұртшылық есебінен хандықтың саны өсе берді. Жаңа қалыптаса бастаған Қазақ хандығы үшін елдің басын біріктіріп, шекарасын нығайту басты қажеттілікке айналды. Елдің іргесін нығайтып, әкімшілік бірлігі мен саяси-экономикалық күш-қуатын арттыруда сауда мен қол өнерінің, орталықтарына айналған Сыр бойының қалалары мен бекіністі мекендері аса маңызды еді. Сондықтан да қанаты қатая бастаған хандық ең алдымен Түркістан өңіріндегі (Сырдария бойының) қалалары үшін күресу күн тәртібінде тұрды.

Әбілхайыр хан қайтыс болғаннан кейін (1469–1470 жж.) оның ықпалында болған Дешті қыпшақ даласын өз иелігіне айналдыру мақсатында қазақ хандары батыл әрекетке кірісті. Басты кезекте Сырдария жағалауындағы Түркістан қалаларын алу тұрды. К.М. Байпақов хандық болашағы үшін Сыр бойындағы қалалар стратегиялық қорғаныс бекеттері ретінде маңызды еді дейді [Байпақов 2014: 18]. Әбілхайыр ханның тікелей мұрагері Шайх-Хайдар-ханда қалалардағы билікті сақтап қалу үшін барынша тырысып, бақты. 1470 ж. қысында Жәнібек ханның баласы Махмұт сұлтан Қаратаудың теріскей бетіндегі Созақ қаласы мен маңындағы мекендерді алды. Ал оның екінші ұлы Жиренші сұлтан Сауранды иеленді. Осыдан бастап Қаратаудың теріскей бетіндегі қалалар мен бекініс қамалдар соның ішінде Созақ қаласы қазақ хандығының табан тіреген тірек қаласына айналды. Оның маңында болған бірқатар бекіністер де хандықтың құрамына енді.

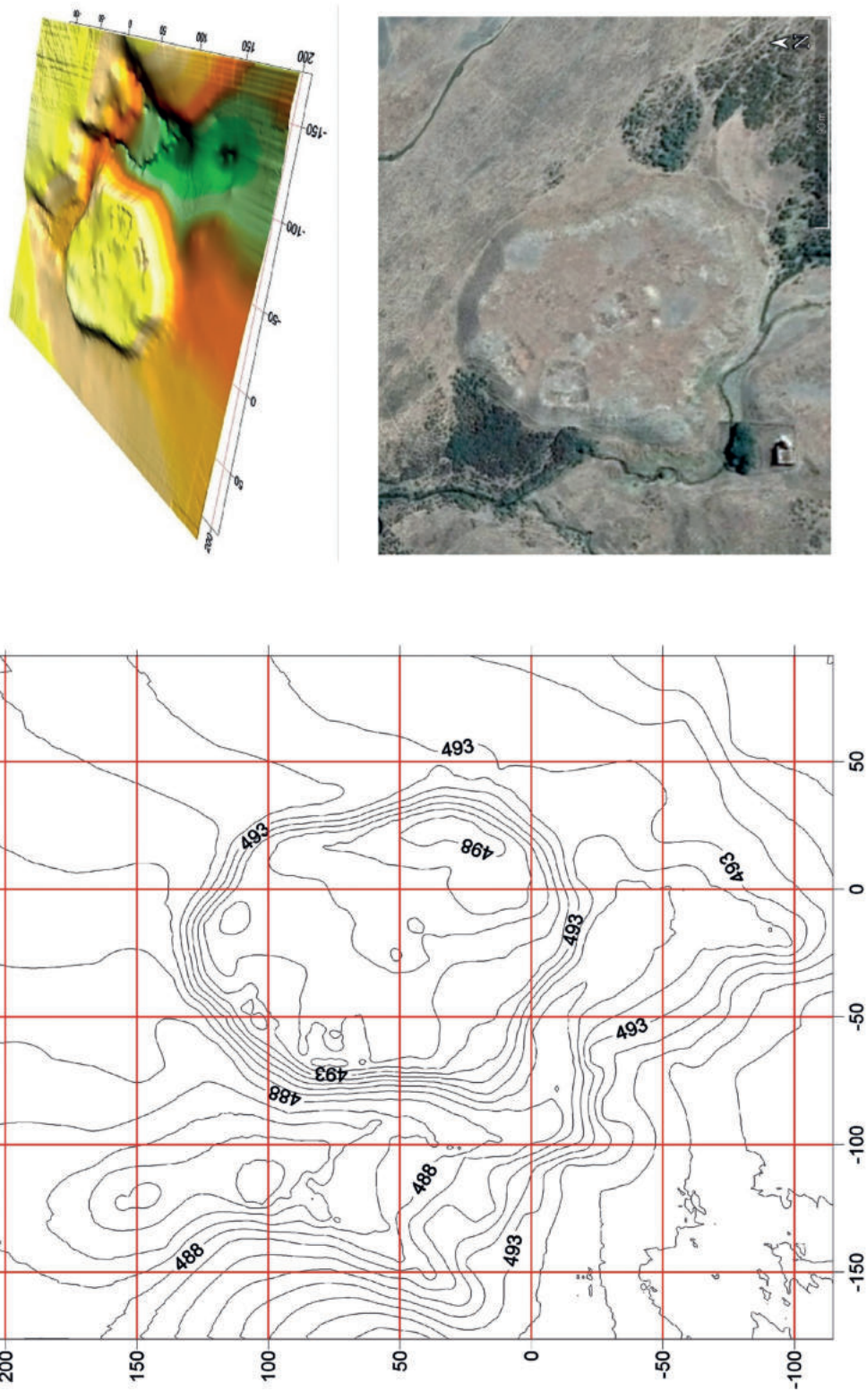
Мұхаммед Шайбани ханның тарихнамашысы Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани Түркістан өңірін сипаттай келе оның Сейхун өзенін жағалай орналасқан 30 бекіністен тұратындығын айтады [Фазлаллах ибн Рузбихан 2007: 124]. Осы қалалар үшін екі хандық арасында болған соғыстар ғасырға жуық уақытқа созылды. Бірқатар қалалар алма кезек, бірде қазақтардың, бірде шайбандықтардың қолы астына ауысып отырды. Деректерде келтірілген мәліметтерді салыстыра сараптау Түркістан өңіріне Қаратаудың теріскей бетіндегі Созақ пен оның маңындағы бекініс, мекендер де кіргенін байқатады.

Ал XV–XVI ғғ. деректерде Созақ қаласынан басқа Теріскейде болған екі бекініс жайлы (Кара-Курун және Йилан-Караул) мәлімет кездеседі. Солардың алғашқысы Кара-Курун қамалы.

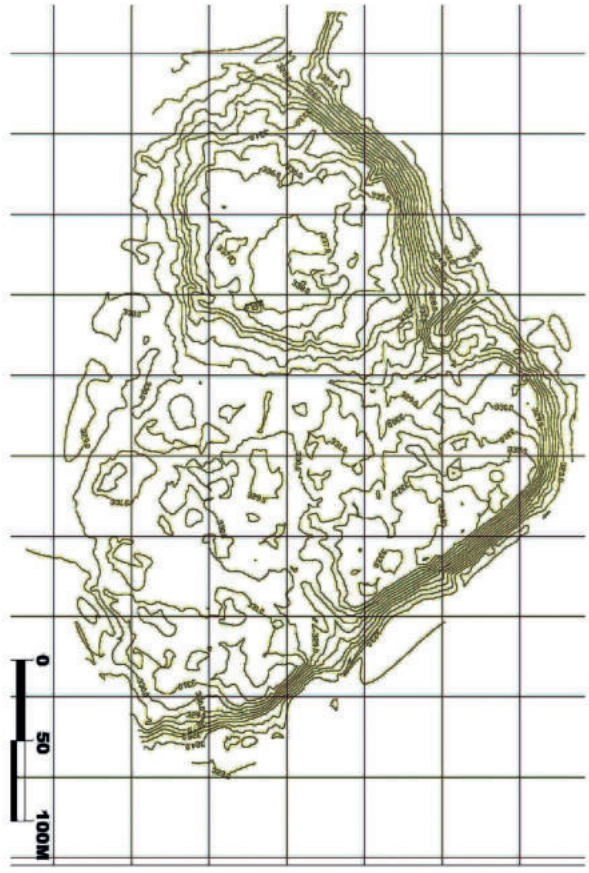
Кара-Курун. Камал ад-Дина Бинаи “Шайбани-Наме” атты шығармасында Бұрындық ханның өзбектерге қарсы соғысқа дайындығын сипаттай келе: «Созақ пен оның маңындағы Кара-Курым айналасы адамдарынан жаяу және атты әскер жинап, оларды үлкен қолға біріктірді»,-деп жазады [Шайбани-Наме 1969: 106]. Дерек мәтіні сипатына сай Кара-Курым Қаратаудың теріскейінде Созақ маңында орналасқан. Осы өңірде 1970 ж. жүргізілген археологиялық барлаулар Созақтан солтүстік-батысқа қарай 25 км жерден Күлтөбе қалашығын ашты. Қалашық тау шатқалынан ағып шығатын Қарақұр өзенінің оң жағалауында орналасқан [Акишев и др. 1972: 179–180].

Қарақұр шатқалынан шыға берісте, өзеннің жағасында жатқан Күлтөбеде қалашығында 1971–1973 жж. Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының (К.А. Ақышев) С. Жолдасбаев басқарған тобы қазба жүргізген. Зерттеуші қазбадан қыш ыдыстар мен басқада археологиялық олжаларды сараптау нәтижесі бойынша қалашықты XV–XVIII ғғ. аралығымен мерзімдеген [Жолдасбаев 2016: 77–78].

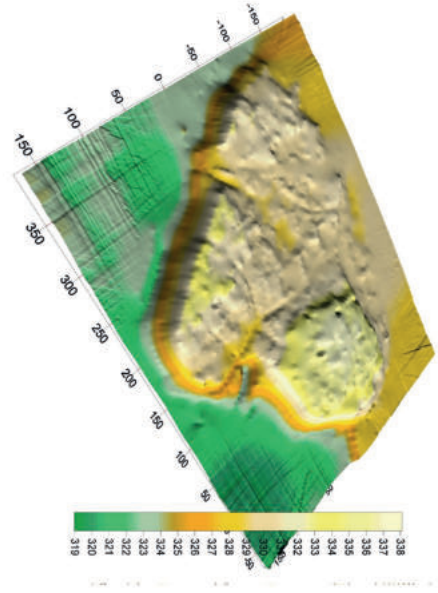
Күлтөбеде 2008 ж. қайта зерттеу жүргізген проф. М. Елеуов жетекшілік еткен Тұран археологиялық экспедициясы оның жобасын кәсіби тәсілмен түсіріп, ескерткіште қайта өлшеу жүргізді (1-сур.). Арнайы салынған барлау шұңқыры мен бетінен табылған заттай деректер негізінде қалашықты X–XVIII ғғ. аралығымен мерзімдеді. М. Елеуов бойынша солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа қарай созылып жатқан шахристанның көлемі 130×100 м, биіктігі 3–5 м, оның солтүстік-батыс бөлігінде орналасқан цитадельдің көлемі 50×30 м, биіктігі 3 м. Шахристанның төңірегінде Қарақұр өзенін жағалай жеке үй кешендері, әр түрлі құрылыс орындары сақталған. Күлтөбенің солтүстік-батыс бөлігінде жүргізілген 2000 м^2 қазбадан екі көше ашыла бастады: олардың бірі (ені 2 м) қалашықты қоршаған қамалдың түбінде орналасқан, ені 2,5 м орталық көше қалашықты екіге бөліп жатыр. Үйлер көшелердің бойына салынған. Үйлердің есіктері көшеге қараған бітеу қабырғада орналасқан. Қазба кезінде екі және төрт бөлмелі үйлер ашылды. Олардың көлемдері: 5,2×4,5; 4,7×3,2 және 2×1,5 м. Үйлер жобасына қарай екі түрлі: бірінші үлгідегі үйлердің бөлмелері бір-біріне жалғаса бір сызықтың бойында орналасқан; 2-ші үлгідегі үйлердің

2-сур. Ран қалашығының әуеден көрінісі мен жобасы (М. Елеуов бойынша)

3-сур. Созақ қалашығының әуеден көрінісі мен жобасы (М. Елеуов бойынша)

бөлмелері + тәрізді болып орналасқан. Әр үйде асхана бөлмесі бар. Олардың үлкен бөлігін үстінде таңдыр орналасқан сыпа алып жатыр. Тандырлардың диаметрі 0,3–0,55 м, тереңдігі 0,45 м. Тандырлардың ауызы ташнау бар тастан қаланған алаңға қараған. Тандырдың түтіні шығатын қуыс сыпаның астымен өткен канға жалғасқан. Кейбір бөлмелердің ішіндегі ошақтан түтін шығатын тесіктер де канға қосылған. Шаруашылық бөлмелеріндегі тастан, кесектен қаланған төртбұрышты қамбалардың қабырғалары сыланған. Тұрғын үйлердің үстіне бөрене салып, бұтақ, қамыс тастап, оның үстін күл аралас балшықпен сылаған.

Күлтөбе қалашығын Қазақ хандығы тұсындағы деректерде айтылатын Қара-Құрымның орны болуы мүмкін деген пікірді айтқан К.М. Байпақов болатын [Байпаков 1977: 207]. Қалашықта 1971–1973 жж. қазба жүргізген С. Жолдасбаев оны Хафиз Таныштың «Шараф-наме-йи шахи» атты еңбегінде айтылатын Йлан-Караул бекінісінің орны деп болжаған [Жолдасбаев 2016: 13]. Біз бұл жаңсақ болжам деп ойлаймыз. Өйткені деректе айтылған Йлан-Карауыл орналасқан аймақтың жер жағдайының сипаттамасы Күлтөбе орналасқан жермен сәйкес келмейді. Оның үстіне Күлтөбе жатқан жердегі тау шатқалы мен одан ағып шығып жатқан өзенді жергілікті тұрғындар Қарақұр деп атайды. Біздің ойымызша Қара-Құрым мен Қарақұр топонимі мен гидронимінің дыбыстық үндестігі бұл қалашықтың деректегі Кара-Құрым екендігіне шек келтірмейді. Олай болатын болса қазақ хандарының Сыр бойындағы қалалар үшін Шайбандықтарға қарсы соғыста Қара-құрым бекінісі маңызды роль атқарғаны анық.

Созақ қаласы маңында болған Йлан-Карауыл бекінісі жайлы Абдаллах ханның Түркістан мен Дештіқыпшаққа жасаған жорығы жайлы жазылған деректе айтылады. Хафиз Таныштың шығармасында Йлан-Карауыл бекінісін пайдаланған қазақтардың Созақтан Сауранға баратын жолды тосқауылдағаны жайлы баяндалған. Онда Ибалах сұлтан бастаған Абдаллах әскерлерінің Сауранға қарай жіберілген бір бөлігі жол бойы Йлан-Карауыл аталған мықты қамалға тап болған. Онда бекінген Дештінің сансыз қолы оларға тосқауыл болғаны жазылған [Шараф-нама-йи шахи 2007: 313].

К. Байпақов өзінің ілгерідегі бір мақаласында Бәжі асуы арқылы Созақтан Түркістан мен Сауранға қарай ежелден-ақ керуен жолы өтетін. Бәжі асуында аса үлкен емес тастан қаланған қамалдың орны ашылған. Ол XVI–XVIII ғғ. мерзімделеді. Илан-Қарауылға сол аты белгісіз бекініс сәйкес келуі мүмкін деген [Байпақов 1977: 208]. Біз 2010 ж. Суындықтың асуы арқылы Түркістанға қарай нива көлігімен өттік. Асудың алдындағы Бәжінің белі деген жердегі кішігірім тас қамалды көрдік. Біздің ойымызша ол қамалдың аумағы аса үлкен емес, оны көп әскер сиятын орын болған деп айту қиын. Суындық өте қиын да қауіпті асу екен. Оның ең биік тұсындағы Жаманқаратас деп аталатын бөлігі керуен немесе көп көлік өтуге қауіпті аймақ. Кеңес дәуірінде жергілікті малшылар жиі жүріп, әбден із салған асудан осы күннің өзінде жүру аса қиын.

К. Байпақов соңғы еңбектерінде Йлан-Караул Қырық-Қыз (Қыз-Қорған) бен Бала-Қорған қамалына сәйкес келуі мүмкін деген болжам айтады. Бірақ, бұл екі қамалдың орналасқан жері жайлы толық сипаттама көрмедік. Қамалдардың тау асуларының қай тұсында орналасқаны жайлы мәлімет жоқ. Сондықтан мен бұл болжам жайлы жеке пікір айта алмаймын.

К.М. Байпақовтың сипаттауы бойынша сопақша келген Қырық-Қыз қамалының диаметрі 80–85 м қабырғалары тақта тастармен қаланған. Қорғаныс қабырғаларының қалыңдығы 1,5–2 м, 4 м дейін биіктікте сақталған. Қабырғасының бойында оқ ататын қуысқа ұқсас тесіктер байқалады. Қамалдың ортасында бірнеше бөлмелерден тұратын едәуір үлкен құрылыстар бар. Үйлер 2–3 және одан көп бөлмелерден тұрады [Байпаков 2014: 107].

Қырық-Қыздан солтүстікке қарай 1 км жерде Бала-Қорған қамалы тұр. Оның солтүстік-батыс қабырғасы тік жардың шетіне тақалып салынған, жақын бару өте қиын. Солтүстік-шығыс жағын – тау қалқалап тұр. Қамалдың едәуір қолжетімді оңтүстік-батыс және оңтүстік-шығыс шеті тік бұрышты және оның алдыңғы жағында тұрған дөңгелек мұнарамен нығайтылған. Қамалдың көлемі 75×37 м, қабырғасының биіктігі 3–3,5 м. бөлмелердің бірінің қорғаныс қабырғасында оқ ататын қуыс бар. Ол Қызылсай шатқалының аузына бағытталған. Қамалдың тұрғын үйлер орналасқан бөлігінде алты бөлме қазылды. Олардың бесеуі солтүстік-батыс, біреуі – солтүстік-шығыс қабырға жалғастыра салынған. Бөлмелердің көлемі 4–5×2×2,5 м, қабырғаларының қалыңдығы 1 м. Әрқайсысы 8–10 м^2 тұратын бөлмелер біртектес. Казарма тәріздес бұл бөлмелер қамалдың жауынгерлері жататын жайына ұқсас. Бала-Қорған Қырық-Қыз қамалын солтүстік жағынан қорғаған құрылысқа ұқсайды. Екі қамалдың қазылған бөлмелерінен табылған бірнеше құмыра сынықтарынан басқа мәдени қабат болмады. Қазбадан табылған екі теңге XV–XVIII ғғ. мерзімделеді. Ескерткіштерді осылай сипаттағанК. Байпақовтың пікірі бойынша Бала-Қорған мен Қырық-Қыз қамалдары далалық

аймақтан Қызылсай шатқалы арқылы Түркістан оазисіне қарай өтетін жолды қорғаған және бұл қамалдарда тіршілік бірнеше ғасыр бойы жалғасқан [Байпаков 2014: 107]. Автор осы Қырық-Қыз бен Бала-Қорған жайлы сипаттамаларды өзінің соңғы еңбегінде келтірген. Бірақ, олардың қашан зерттелгені, олар туралы зерттеу материалдары қайда сақталғаны жайлы сілтеме қалдырмаған. Сондықтан осы қамалдарда жүргізілген зерттеу нәтижелері жайлы мәліметтер менің қолымда болмағандықтан, бұл қамалдардың Йлан-Қарауыл бекінісіне қаншалықты сәйкес келетіні жайлы жеке пікір айта алмаймын.

Созаққа жақын маңдағы тау бөктерінде болған тағы бір көне қаланың орны белгілі. Ол 1947 ж. Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясы (А.Н. Бернштам) ашып, зерттеген Ран қалашығы [Бернштам1949: 88]. Созақ қаласынан оңтүстік-батысқа қарай 40 км жерде орналасқан қалашықта 1973–1974 жж. Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының С. Жолдасбаев басқарған тобы қазба жүргізген [Жолдасбаев 1975: 88–89]. 2008 ж. қалашықты қайта зерттеген Тұран археологиялық экспедициясы (М. Елеуов) Ран қалашығының жобасын лазерлі теодолитпен түсіріп, оның көлемін қайта өлшеп шықты (2-сур.). Оңтүстік-шығыстан, солтүстік-батысқа қарай созылып жатқан қалашықтың көлемі 150×110 м, биіктігі 10 м, төбенің батыс жағындағы көлемі 25×20 м келетін биік бөлігінің биіктігі 0,5–0,6 м тас қабырғамен қоршалған. Тастан қаланған құрылыс қалдықтары қала қамалының ішкі жағына салынған. Қақпаның орны оңтүстік қабырғада. Көлемі 625 м^2 қазба шахристанның цитадельге іргелес бөлігінде жүргізіліп, XVI–XVIII ғғ. кезіндегі 8 бөлмеден тұратын бір үйдің құрылыс кешені ашылды. Қазба барысында ашылған үйлер мен басқа да құрылыс орындарынан табылған ыдыстар мен археологиялық олжалар Отырардан табылған XVI–XVII ғғ. материалдарымен ұқсас. Менің пікірімше Йлан-Карауыл (Жыланқарауыл) қамалының орны осы болуы мүмкін. Өйткені Созақтан Сауран, Сығанақ тарапына өтетін Ақсүмбе асуына осы жол арқылы ғана баруға болады. Сырдария бойынан теріскей Қаратауға қарай өтетін негізгі асу Ақсүмбе болғаны деректерде бірнеше дүркін айтылған. Тіпті XIII ғ. монғол еліне барған армян патшасы Гетум да осы асу арқылы өткені белгілі. Кейіннен Абдаллах хан да осы асудан өткені жайлы Хафиз Таныштың шығармасында айтылады [Шараф-нама-йи шахи 2007: 283]. Олай болса Созақ маңынан Сығанаққа қарай аттанған Абдаллах әскерінің бір бөлігі осы Ранға (Йлан-Қарауылға) соқпай өтуі мүмкін емес. Менің пікірімше Йлан-Қарауыл бекініс қамалы Күлтөбеде, Қырық-Қызда емес Ран қалашығы деп болуы керек. Әрине келешекте жүргізілетін археологиялық зерттеулер бұл пікірімді қайта қарауға әкелер. Дегенмен, қазіргі қолда бар мәліметтер осындай болжам айтуға негіз болды.

Созақ қаласы жазба деректерде алғаш XIII ғ. ортасында армян патшасы Гетумның монғолдың ұлы ханы Мөңкеге кездесу үшін жасаған елшілік сапарымен байланысты аталады. Елшілік монғолдың астанасы Қарақорымнан қайтқан сапарында Хутухчин, Пергант, Сухул-хан, Уросо-хан, Кайкант, Хузақ, яғни Харчух тауы арқылы Сгнах пен Совран, Харчух, Асон, Отрар, Зернух арқылы Дизаққа жеткені жайлы жолжазбада көрсетілген [Гандакеци 1976: 222]. Ортағасыр археологиялының белгілі маманы К.М. Байпаков бұл атаулар басқа жазба деректерден белгілі Сугулкент, Кумкент, Сузах, Карачук, Ясы, Сауран, Отырар, Зернук екендігіне күмән жоқ және олардың орындары нақты анықталғандығын айтады (3-сур.) [Байпаков 2014: 103].

Қаратаудың теріскей беткейінде тауды жағалай тізбектеле орналасқан қалалардың XI–XIII ғғ. аралығында ерекше гүлденуі Жібек жолының осы бағыттағы тармағының жандануымен тікелей байланысты. Сауда керуендеріне ілесіп түрлі елшілер де өткендігін көптеген деректер растайды. Алдын Плано Карпини (1246–1247 ж.), артынан Гильом де Рубрук (1253–1255 ж.) монғолдың ұлы ханына барғанда осы бағытпен жүріп өткен.

Созақ қаласы осы аймақтағы басты қалалардың бірі болды. Қала көшпелі, жартылай көшпелі тіршілік кешкен малшылар мен ірі өзен-көлдердің жағалауларын, тау бөктерлерін мекендеген егіншілік пен сауданы басты кәсіп еткен отырықшы мәдениеттің түйісетін белдеуі саналған Қаратаудың солтүстік беткейіндегі жолақта орналасқан. Ел ішінде сақталған аңыз-әңгімелерде малдарын сатып, азық-түлік, киім-кешек тұрмысқа қажетті заттар мен бұйымдар алып қайту үшін далалық малшылар (Сарыарқа мен Бетпақдаладан) Созақтың базарына жиі келетін болған. Керісінше Қаратаудың арғы бетіндегі ірі оазистерді мекендеген егіншілер, қолөнері шеберлері мен зергерлер өз тауарларын мал өнімдеріне айырбастау үшін Созақтағы жәрмеңкеге келеді екен. Бастапқыда тауары алмастыру үшін нақты теңгенің қажеттілігі де болмаса керек. Көпшілік жағдайда сатушы мен алушы еркін айырбаспен сауда жасаған. Қазақ жерінде ақша айналымы пайда болып, сату, сатып алу үрдісі қалыптасқан кейін қаланың сауда орталығы ретіндегі беделі біртіндеп арта берді.

Қаланың монғол шапқыншылығы қарсаңындағы және одан кейінгі жай-күйі туралы жазба мәлімет жоқ. Тіпті, Шыңғысхан әскерлерінің осы өңірдегі қалай бағындырғаны да ешбір деректерде айтылмайды. Жалғыз дерек жоғарыда айтылған Гетум патшаның елшілігі жайлы тарихшы К. Гандаецидің жазбалары.

Қаланың сауда-экономикалық орталық ретінде көркейу уақыты Қазақ хандығының құрылуымен тұспа-тұс келеді. Қазақстан археологиялық мектебін қалыптастырушы белгілі археолог К.А. Ақышевтың межелеуі бойынша Созақ орталасқан аймақ Қазақ хандығының XV ғ. иелігінің кіндік тұсында [Акишев 2013: 136–137] болған. Қаратаудың күнгейі бетіндегі Түркістан, Отырар, Сауранға және басқа да Сыр бойында орналасқан ірі қалалық орталықтарға апаратын негізгі асулар да (Суындықтың асуы, Ақсүмбедегі асу, т. б.) Созақтың тұсында жатыр.

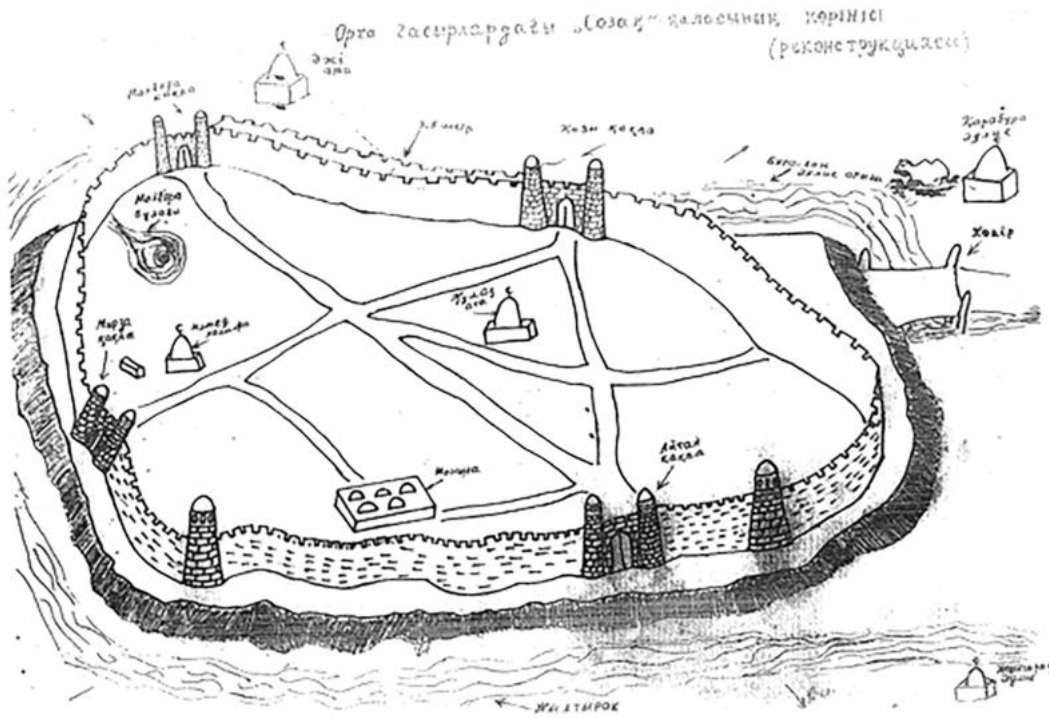
XV ғ. екінші жартысы мен XIX ғ. аралығындағы жазба деректерде Созақ Дешті қыпшақ даласынан оңтүстіктегі Түркістан, Сығанақ, Сауран, Отырар, Сайрам қалаларына апаратын, Арал маңындағы қалалардан шығыста Шу-Талас өңіріндегі қалаларға Қаратаудың теріскей беткейі арқылы апаратын жолдың түйіскен жерінде орналасқан қала ретінде жиі айтылады. Тіпті Қыпшақ ханның ұлы Қожамқұли-бек Балхидің «Қыпшақ тарихы» атты еңбегінде Әбілхайыр хан Созаққа жерленген (1469–1470) деген мәлімет кездеседі [Талеев 2015]. Созақтың Қазақ хандығы үші аса бір маңызды орын болғандығын Қазақ хандары мен Шайбандықтар арасында бірнеше дүркін жанқияр қантөгіс соғыстардың болғандығынан байқаймыз. Ол туралы Рузбиханның, Масуд бен Оспан Кукистанның, Хафиз Таныштың еңбектерінде айтылған.

Қазақ хандығы мен одан кейінгі уақыттағы Созақ қаласы жайлы орыс деректерінде бірқатар маңызды мәліметтер кездеседі. Мәселен, 1743–1745 жж. Түркістан, Сауран, Отырармен бірге Созақ қаласы да Әбілмамбет ханның иелігінде болғаны жайлы орыс деректерінен оқимыз [История Казахстана в русских источниках 2007: 386]. Түркістанды Әбілмәмбет хан билеп тұрғанда Созақта 40 түтін бар екен. XIX ғ. Оңтүстік Қазақстан Қоқан хандығының билігіне өткен кезде Созақ әскери бекініс қала ретінде тіршілігін жалғастырды. Ресейдің XIX ғ. басында Ферғана мен Қоқанға жіберген елшісі Ф. Назаровтың мәлімдеуінше еңсесі биік жерде орналасқан Созақ қаласы 500-ге тарта тастан қаланған үйлерден тұрған. Қала сыртынан биік тас қамалмен қоршалған, ішінде бұлақ суы мол. Қаланы 200-ге жуық жауынгерден тұратын гарнизон қорғайды. Оның айналасында кедей қазақтардың киіз үйлері мен егіс даласы жатыр. Тұрғындары еңбекқор, егін егумен айналысып, Сарысу мен Шу бойынаның көшпелілерімен айырбас саудасын жасайды [Назаров 1968: 31].

Созақтың сол Назаров айтқан сыртқы қамалының іздері және онда болған төрт қақпаның (Қазы қақпа, Малғазы қақпа, Мырза қақпа және Айтай қақпа) орны XX ғ. ортасына дейін көрініп жатқан. Созақта тұрған тарих пәнінің мұғалімі, өлкетанушы Сәді Насырлаұлы өзі көрген қамал қалдығының ізі бойынша қаланың сыртқы қорғаныс қабырғасының сызба жобасын қағазға түсірген. Сол жоба бойынша қағаздан жасалған қамалдың макеті Созақтағы орта мектептің музейінде сақтаулы тұр.

Жергілікті қариялардың айтуынша Созақта екі ханның мазары болған. Бала күндері ескі қаланың көшелерінің бірінің бойында болған басында көгілдір құбасы бар екі мазарды көрдім деген бірнеше кісі болды. Олар туралы Созақ өңірінің тарихы жайлы кітап жазған, белгілі өлкетанушы Сүлеймен Тәбірізұлы ақсақал өзінің еңбегінде былай жазады: Біздің сұрауларымызға көп жылдар бойы ұстаздық еткен Абдужалилов Майюсуп: «Өрқақпаның (Созақтың қираған орнында жатқан төбені жергілікті халық осылай атайды. Т.Д.) тау жақ шетінде, қамалдың дуалының түбінде “қос мазар” болатын. Қамал құлағанда мазарлар да тегістеліп кетті. Қабірдің басындағы зумруд тәрізді жасыл түсті шошақ белгіні балалар ұрып сындырғанын немесе біреу алып кеткенін білмеймін. Осындай адам тығыз тұратын жерге тегін адамды жерлемейді» - дейді. Сүлеймен ақсақал тағы бір қарияның мәліметін келтіреді. Ол былай: Осы кезде жасы 92-ге келген ғұлама молда Батыр Қожамқұлұлы: «Өрқақпаның үстінде екі мешіт болатын, біреуі “Мәмбет Халпе” мешіті, имам Абдали дамулла, екіншісі оның шығыс жағындағы Жақыпбай салдырған, имамы Қарамағзұмның баласы Жалалиддин еді. Осы екі мешіттің арасында жөлек-жол болатын. Сол жолдың бойында дуал түбінде “Хан мазары” болатын – деп, қабірдің орнын қалайша анықтауды түсіндірді <...>» [Тәбірізұлы 2007: 15]. Өкінішке орай кейіннен құлап, топырақ астына көміліп қалған мазарды бұрын көргендер ұмытып кеткен.

Ол мазар туралы кезінде М. Әуезов та естіген. 1960 ж. Созақта болған Мұхтар Әуезов бұрынғы қамал іргесінде тұрып: «Бұл жерлер жатқан тарих қой, – депті. – Мынау Созақта қазақтың екі ханы жатыр. Қарт Қаратаудың әр қойнауы толған сыр ғой. Анау Баба ата, Құмкент, Шашты Әзиз әулие – бәрі-бәрі

Соңғы Созақ қамалының сақталған бедері бойынша сызылған жобасы.
Жобаны сызған жергілікті өлкетанушы С. Насырлаұлы

құпиясын ішке бұғып жатқан тылсым дүниелер. Ашып қалсаң, талай тарихқа қанығар едің, шіркін, қолды бір босатып алып зерттер ме еді» деп армандаған екен. Қазақтың әрбір жәдігеріне ыждағаттылықпен қарап, халқымыздың жоғын түгендеуге үлкен үлес қосқан мемлекет қайраткері Өзбекәлі Жәнібеков 1993 ж. Созаққа келгенінде қасындағы ғалым Мұхтар Қожаға: «Түбінде қазақ хандарын іздейтін, зерттейтін уақыт туады. Халқымыздың тарихы қалпына келеді. Тарихи болжамдарға қарағанда, қазақтың қос ханының қабірі осы Созақта делінеді. Соны зерттеңдер», деп аманат айтқан екен [Тайжан 2015]. Созақтағы «Хан мазары» жайлы мәлімет Қазақ Совет энциклопедиясына да енген.

Елімізге ғана емес алыс-жақын шет елдерге белгілі, білім-ғылым хәм мемлекет қайраткерлері айтқан Созақ жайлы армандардың орындалар уақыты келді. Қазақ мемлекеттігінің саяси-экономикалық ғана емес мәдени, рухани және әлеуметтік орталығына айналған Түркістан қалаларын зерттеу ата тарихымыздың әлі талай таныс емес сырларын ашатыны анық.

Қазақ хандығының қалалары атты ғылыми жоба бойынша 2010 ж. Созақта қазба жүргізген кезде біз де ауыл қарттары айтқан әңгімелерге куә болдық. Ауыл ақсақалдары М. Мадияруұлы мен Р. Тоқтамысұлы көрсеткен аймаққа салынған қазба жұмыстары ешқандай нәтиже бермеді. Мазар табылмады. Есесіне, қаланың Қазақ хандығы тұсында болған сыртқы қорғаныс қабырғасының бір бөлігі ашылды. Қазба барысында оңтүстік шеттен цитадельді қоршаған қабырғаның бір шеті ашылды. Пақса мен қам кесек кезектесіп қаланған қабырғаның қалыңдығы 2,66 м, сақталған биіктігі 2,2 м. Қиманың қалған бөлігінен үш құрылыс қабатынан тұратын мәдени қыртыс анықталды. Олардың жоғарғысы XIX ғ., төменгісі XV ғ. жатады. Құрылыс қабатының мерзімделуі қимадан шыққан заттай деректер арқылы анықталды [Қазақ Хандығы қалалары 2010: 24]. Өте сәтті басталған зерттеу жұмыстары жалғаспай қалды. Мәдени мұра бағдарламасы басқа жобаларға ауысуына байланысты Созақтағы қазба тоқтады. Созақтың тарихына қатысты көптеген құпиялар Өркақпаның астында құпия күйінде жатыр.

ӘДЕБИЕТ

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата: Наука, 1972. 215 с.

Акишев К.А. Древние и средневековые государства

на территории Казахстана (Этюды исследования). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 192 с.

Байпаков К.М. Локализация позднесредневековых городов Казахстана // СА. 1977. № 2. С. 200–209.

Байпаков К.М. Урбанизация Казахского ханства во второй половине XV–XVIII вв. / Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Кн. III, часть II. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 534 с.

Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1949. № 67. Вып. 2. С. 3–88.

Гандакеци К. История Армении. М.: Наука, 1976. 356 с.

Жолдасбаев С. Қаратаудың солтүстігіндегі соңғыортағасырлық қалалар. Түркістан: ЖК «Сейт», 2016. 115 б.

Елеуов М. Қарақұр ескерткіштері. Алматы: «АБДИ Компани» АҚ, 2008. 70 б.

История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. / Мажитов С.Ф. (сост.). Т. VI. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 516 с.

Қазақ Хандығы қалалары. 2010 // Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының архиві, д. 2994.

Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землых средней части Азии. М.: Наука, 1968. 79 с.

Пищулина К.А. Присырдаринские города и их значение в истории казахских ханств в XV–XVIII вв. // Казахстан в XV–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 5–49.

Талеев Д.А. Созақ Қазақ хандығының тірек қаласы // «edu.e-history.kz» электрондық ғылыми журналы, 2015. № 2. URL: https://edu.e-history. kz/kz/ publications/ view/253

Тайжан Б.Созақтағы хан мазары // «Егемен Қазақстан» газетінің телеграм арнасы. 15 қаңтар, 2015. URL: egemen.kz›article/36506-sozaqtaghy

Тәбірізұлы С. Созақ өңірі. Алматы: Дәуір, 2007. 432 б.

Шайбани-Наме // Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 91–128.

Шараф-нама-йи шахи // История Казахстана в персидских источниках. Извлечения из сочинений XIII–XIX вв. Т. 5. Алматы: «Дайк-Пресс». 2007. С. 249–335.

Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-нама-йи Бухара // История Казахстана в персидских источниках. Извлечения из сочинений XIII–XIX вв. Т. 5. Алматы, «Дайк-Пресс». 2007. С. 113–215.

Б.С. СИЗДИКОВ
К.М. ЖЕТІБАЕВ
С.С. МУРГАБАЕВ
М.М. БАХТЫБАЕВ
Қ.С. АРЫНОВ
М. ГУРСОЙ
М.Қ. АМАНТУРОВ
Л.Ж. МАЛДЫБЕКОВА
А. СЕРАЛИЕВ

Бағдәулет Сапарбайұлы Сиздиков,
bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz,
Көпжасар Мұстафаұлы Жетібаев,
kopzhasar.zhetibayev@ayu.edu.kz,
Сағынбай Серікбайұлы Мұрғабаев,
sagynbay.murgabayev@ayu.edu.kz,
Мэлс Маратұлы Бахтыбаев,
mels.bakhtybayev@ayu.edu.kz,
Қуаныш Сүйіндікұлы Арынов,
kuanish.arynov@ayu.edu.kz,
Музаффер Гурсой,
muzaffer.gursoy@ayu.edu.kz,
Маралбек Қасымбекұлы Амантуров,
maralbek.amanturov@ayu.edu.kz,
Ляззат Жұмағұлқызы Малдыбекова,
lazzat.maldybakova@ayu.edu.kz,
Али Сералиев,
ali.seraliev@ayu.edu.kz,
Қожа Ахмет Ясауи атындағы
Халықаралық қазақ-түрік университеті,
Археология ғылыми-зерттеу институты,
Түркістан қ., Қазақстан

СЫҒАНАҚ ҚАЛАШЫҒЫНДА 2021 жылы ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ ЖҰМЫСТАРЫНЫҢ НӘТИЖЕЛЕРІ*

Аннотация. Ұлы Жібек жолы бойындағы ірі саяси және экономикалық орталықтардың бірі ретінде танылған Сығанақ қалашығы, ортағасырларда ғылымы мен мәдениеті, сауда мен өнері, егіншілігі мен мал шаруашылығы қатар дамыған Қазақ хандығының маңызды қалаларының бірі болды. Сығанақ қалашығының материалдық және рухани мәдениетінің негізгі элементтерін қайта жаңғырту, Ұлы Жібек жолы бойындағы Қазақ хандығының көрнекті қалалары арасындағы экономикалық және әлеуметтік-мәдени байланыстар туралы мәліметтерді тереңдету мақсатында «Тарихи-мәдени мұра нысаны – ортағасырлық Сығанақ қалашығында кешенді археологиялық зерттеулер жүргізу» тақырыбындағы бағдарлама аясында, Сығанақ қалашығының цитадель бөлігінде археологиялық ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізіп, ғылыми айналымға енгізуді жөн санадық. Мақалада, 2021 ж. аталмыш қалашықта жүргізілген археологиялық ғылыми-зерттеу жұмыстарының нәтижелеріне тоқтала отырып, қалашықтың Қазақ хандығы тұсындағы маңыздылығы және XVII-XVIII ғғ. тұрғын үй құрлымдарының ерекшелігі анықталып, салыстырмалы түрде талданды.

Түйін сөздер: Сығанақ қалашығы, Қазақ хандығы, Ұлы Жібек жолы, ортағасырлық қалалар, археологиялық деректер, мәдени қабаттар

Результаты археологических исследований на городище Сыганак в 2021 г.

Аннотация. Средневековый Сыганак – крупнейший политический и экономический центр на Великом Шелковом пути, один из значимых городов Казахского ханства, где процветали культура и наука, торговля и искусство, хорошо развивались земледелие и скотоводство. Для реконструкции основных элементов материальной и духовной культуры, включения в научный оборот новых сведений об экономических и социально-культурных связях между городами Казахского ханства, расположенных на Великом Шелковом пути, в рамках научной темы:

© 2022 Сиздиков Б.С., Жетібаев К.М., Мургабаев С.С., Бахтыбаев М.М., Арынов Қ.С., Гурсой М., Амантуров М.Қ., Малдыбекова Л.Ж., Сералиев А.

**Мақала ҚР Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің 2021–2023 бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру, ЖТН BR10965310 жобасы аясында шығарылды*

«Комплексное археологические исследование объекта историко-культурного наследия – средневековое городище Сыганак», были проведены археологические исследования на цитадели городища Сыганак. В статье рассматриваются результаты исследовании городища в 2021 г. Определены основные особенности планировок жилых помещений XVI–XVII вв. и проведен сравнительный анализ.

Ключевые слова: городище Сыганак, Казахское ханство, Великий Шелковый путь, средневековые города, археологические источники, культурный слой

The results of archaeological research carried out in 2021 at the Syganak settlement

Abstract. The Syganak is known as one of the largest centers along the Great Silk Road and was one of the most important cities of the Kazakh Khanate in the Middle Ages, where science and culture, trade and art, agriculture and animal husbandry developed simultaneously. The cultural layers of Syganak under the Kazakh Khanate have yet to be studied. In this context, the main elements of the material and spiritual culture of Syganak should be revived and the information about the economic and socio-cultural relations between the important cities of the Kazakh Khanate along the Great Silk Road should be deepened. Within the framework of this program we decided to carry out archaeological research in the citadel part of the town of Syganak and to process it scientifically. The article deals with the history of Syganak settlement exploration and the results of archaeological researches in the town in 2021, the importance of the settlement under the Kazakh Khanate and the peculiarities of living in the 17th–18 th centuries.

Keywords: Syganak settlement, Kazakh Khanate, Great Silk Road, medieval cities, archaeological data, cultural layers

Сығанақ қалашығы Жаңақорған ауданы Сунақ ата ауылынан солтүстік батысқа қарай 1,5 км жерде орналасқан. XIV ғ. Ақ Орданың астанасы болған бұл қалашық қазіргі кезге төбе ретінде келіп жеткен. Ауыл тұрғындары қалашықтың бір кездері айтарлықтай биік екендігін, 1960-шы жж. кейін шаруашылық саясат негізінде қолға алынған күріш егістігі салдарынан төбе маңында жер асты суларының көтеріліп шөге бастағандығын айтады.

Қалашықта ең алғаш болып 1867 ж. П.И. Лерх [Лерх 1970: 15–25], 1898 ж. В.А. Каллаур [Каллаур 1900: 9–11], 1907 ж. И.А. Кастанье [Кастанье 1911: 189–192], 1927 ж. А.Ю. Якубовский [Якубовский 1929: 123–159], 1947 ж. А.Н. Бернштам [Бернштам 1949: 59–99], XX ғ. 40–шы жылдарының аяғы 50-шы жылдардың басында ОҚАЭ-сы (жетекшілері Е.И. Агеева мен Г.И. Пацевич) зерттеу жұмыстарын жүгізген [Агеева, Пацевич 1958]. Бұл жұмыстардың тізгінін 2003 ж. бастап Қожа Ахмет Ясауи ат. Халықарылық қазақ-түрік университетінің САЭ-сы (жетекшісі С.Ж. Жолдасбаев) зерттеу жұмыстарын одан әрі жандандыра түседі. Бұл жұмыстар әлі күнге дейін осы мекеме тарапынан жүргізіліп келеді [Жолдасбаев 2010; Жолдасбаев және т. б. 2016; Zholdasbaev 2013; Syzdykov 2021].

2021 ж. зерттеудің негізгі мақсаты: қалашықтың орталық бөлігінде, магистралды көшенің бойындақазба жұмыстарын жүргізу болып табылады.

Белгіленген мақсаттарға сәйкес 2021 ж. оңтүстік-шығыс қақпадан батысқа қарай 130 м жерде, оңтүстік-шығыс, солтүстік-батыс бағыты бойынша жатқан магистральды көшенің сол жақ жиегіндегі биік төбеге 40×25 м көлемінде қазба салынды.

Негізгі көше – бұл қаланың белгілі бір қақпасынан бастау алып орталық бөлігімен байланысып жатқан. Қазіргі кездегідей ортағасырда да негізгі көшенің қызметі орасан зор болды десек қаталеспейміз. Бас көше арқылы адамдар қалаға түрлі жүк көліктерімен кіріп тұрғындарды азық түлік, отын, шикізат және т.б. зарттармен қамтамассыз еткен. Негізгі көше бойына қоғамдық орындар, сауда қатарлары мен шеберханалар салынған. Бұл нысандарға жету үшін қала халқы тарам көшелер, махәллә аралық және махәллә ішіндегі көшелерді пайдаланып, осы көшелер арқылы жүріп өткен.

Қазба салу үшін таңдап алынған аймақтың бастапқыдағы бедері қос төбе түрінде еді. Бетін сексеуіл және қарабарқын ағашы көмкеріп жатты. Төбенің теңіз деңгейінен биіктігі 154 м.

Қазба шартты түрде № 20 қазба болып белгіленді. Жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижесінде жердің беткі қабатынан 1,3 м тереңдікке дейін қазылып, Қазақ хандығы тұсына жататын құнды деректер алынды. Сонымен қатар екі құрылыс қабаты анықталып толық сипатталды (1-сур.).

Археологиялық ғылыми-зерттеу жұмыстарының нәтижесінде жердің беткі қабатынан 0,3 м тереңдіктен бірінші құрылыс қабатына жататын он үш бөлме ашылып, толық сипаттамасы жасалынды. Бірінші құрылыс қабатына жататын құрылыс нысандардың пішіні төртбұрышты, бұрыштары дүниенің төрт тарапына бағыттала орналасқандығы анықталды. Бөлмелер бір-біріне жалғастыра квартал түрінде салынған. Маусамдық далалық зерттеу жұмыстары барысында аталмыш кварталдың магистральды көшені бойлай

1-сур. Сығанақ қалашығындағы № 20 қазба орнының әуеден көрінісі

тұрғызылған солтүстік-шығыс бөлігі ғана ашылды. Зерттеу жұмыстарының нәтижесінде бөлмелердің есігі магистральды көшені бойлай орналасқан аулаға ашылғандығы, яғни тұрғын үй бөлмелеріне аула арқылы кіретіндігі белгілі болды. Тұрғын үйлер бір немесе екі бөлмеден құралған анфиладты жоспар түрінде салынған (2-сур.). Мұндай үлгідегі тұрғын үйлерді Отырар және Түркістан қалаларының XVIII ғ. жататын құрылыс қабаттарынан кездестіруге болады [Байпақов 2007: 112–118; Тұяқбаев және т. б. 2020: 55–61]. Тұрғын үй құрылысында 30×20×6 см көлеміндегі қи және сабан аралас қам кесектерді, көлемдері 27×27×6, 25×25×5, 23×23×5 см болып келетін күйдірілген кірпіштерді, тау тастары және ағаш қолданылғандығы анықталды. Сонымен қатар, зерттеу жұмыстары барысында бөлме едендерінен анықталған қамыс шірінділерін негізге ала отырып, тұрғын үй бөлмелерінің шатыры қамыс және саз балшықпен жабылған. Пайымдауымызша бөлме терезелері аулаға ашылған. Себебі бөлмелерге жарық үсті ашық аулалар арқылы жақсы түсетін болған.

Қазба жұмыстары барысында бірінші құрылыс қабатына жататын тұрғын үй бөлмелерінен және аладан кең ауызды құмыралар, кеселер, қазандар, табақтар және бірнеше мыс теңгелер алынды. Саздан жасалған ыдыстар сырлы және сызсыз болып келуде. Сырлы ыдыстардың негізгі бөлігі ақшыл түсті сырға қоңыр түсті сырмен өрнектелген, аздап көкшіл түсті сырмен өрнектелгендері де кездеседі, ыдыстардың басым көпшілігі аздап шыңылтырланған. Сырсыз ыдыстарға келер болсақ, ауыз ернеуінің төменгі жағы және иық тұсы толқын іспеттес өрнектелген. Саз ыдыстардың кейбірінің ернеуінің сыртқы жиегіне батырма өрнек түсірілген. Аталмыш саз ыдыстардың үлгілері Отырар, Күлтөбе және Түркістан қалаларының XVIII ғ. жататын құрылыс қабаттарынан көптеп табылған [Акишев и др. 1981: 1–4; Хазбулатов и др. 2020: 73–105; Туякбаев және т. б. 2018: 132–133].

Далалық зерттеу жұмыстары барысында, жердің беткі қабатынан 0,7–1,3 м тереңдіктен екінші құрылыс қабаты ашылды. Құрылыстарды аршу барысында кейбір үйлердің үстіне уақыт өте келе (мысалға кейбір бірінші құрылыс қабатындағы бөлмелер екінші құрылыс қабатындағы бөлмелердің үстіне тұрғызылған) алғашқы жоспар бойынша бөлме тұрғызылғандығы

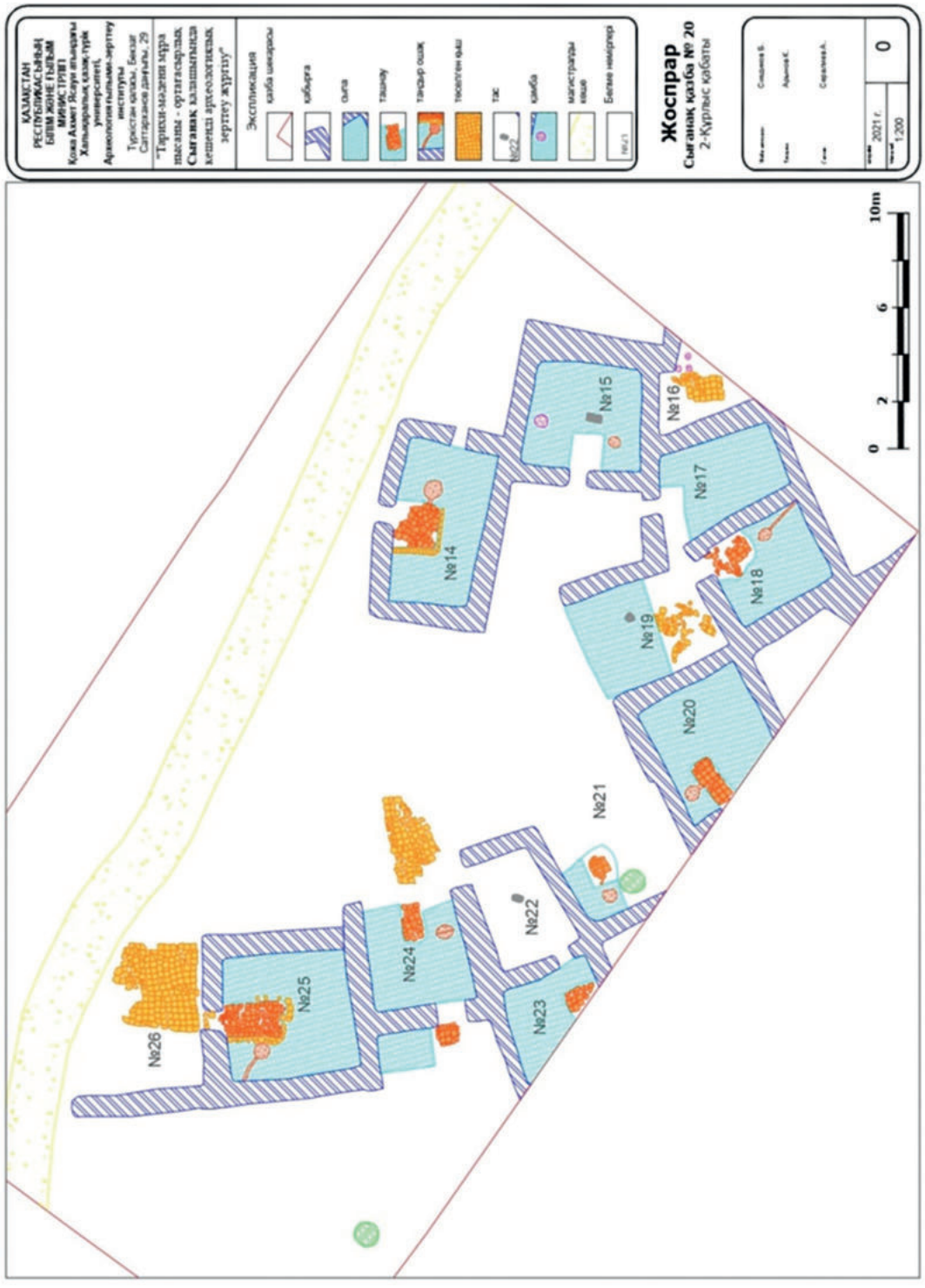
2-сур. Сығанақ қалашығындағы № 20 қазба орнындағы бірінші құрылыс қабатының жоспары

3-сур. Сығанақ қалашығындағы № 20 қазба орнының әуеден көрінісі

белгілі болды. Аталмыш құрылыс қабатына тиесілі он үш бөлме, екі бастырма және екі аула ашылып, толық сипаттамасы жазылды, бөлмелердің қандай мақсатта пайдаланғандығы жөнінде ғылыми тұжырымдар жасалынды (3-сур.).

Екінші құрылыс қабатына жататын құрылыс нысандар бір-біріне жалғастыра квартал түрінде салынған тікбұрышты бөлмелерден тұрады. 2021 ж. жүргізілген қазба жұмыстары барысында аталмыш кварталдың магистральды көшені бойлай тұрғызылған солтүстік-шығыс бөлігі ғана ашылды. Тұрғын үй бөлмелерінің негізгі бөлігі қазба алаңының оңтүстік-батысында, қазба шекарасының сыртында жалғасып жатыр. Қазба жұмыстарының нәтижесінде бөлмелердің есігі магистральды көшеге және көшені бойлай орналасқан аулаға ашылған. Тұрғын үйлер бір, екі немесе үш бөлмеден тұратын анфиладты және «Г» іспеттес жоспар түрінде салынған (4-сур.). Мұндай үлгідегі тұрғын үйлер Отырар, Күлтөбе және Түркістан қалаларында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында XVII–XVIII ғғ. жататын құрылыс қабаттарынан анықталған [Байпақов 2007: 112–118; Тұяқбаев және т. б. 2020: 55–61]. Тұрғын үй құрылысында 40×20×10 см көлеміндегі сабан аралас қам кесектерді, көлемдері 27×27×6, 25×25×5, 23×23×5 см болып келетін күйдірілген кірпіштерді, тау тастарын және ағаш қолданылғандығы белгілі болды. Бөлме едендерінен анықталған қамыс шірінділерін және шатыр тіреуішінің астына қойылған тау тастарын негізге ала отырып, тұрғын үй бөлмелерінің шатыры қамыс және саз балшықпен жабылғандығын айтуға болады. Тұрғын үйлердің жатын бөлмесінен, кіреберіс дәліз бөлмесенен немесе алды ашық бастырмадан, кейбіреулерінің қосымша қойма қызметін атқарған бөлмелерден тұрады. Жатын бөлмелерінің «П» іспеттес сыпадан, есік аузының астында ташнауы бар кірпіш

4-сур. Сығанақ қалашығындағы № 20 қазба орнындағы екінші құрылыс қабатының жоспары

төсенді еденнен және бөлме жылытуға арналған тандыр ошақтан тұратындығы анықталды (5-сур.). Бөлмелер аталмыш тандыр ошақтар арқылы жылытылған. Ошақтың түтіндігі сыпаның астымен жүргізіліп, бөлме қабырғасы арқылы жоғарыға шығарылған. Сыпаның 5–10 см астымен жүргізілген ошақтың түтіндігі арқылы сыпаның үсті жылытылған. мұндай үлгідегі сыпалар мен бөлме жылытуға арналған түтіндігі сыпаның астымен жүргізілген ошақтарды Қаратаудың терiскейіндегі кейінгі орта ғасырлық Күлтөбе және Ран қалаларынан кездестіруге болады [Жолдасбаев 2012: 23]. Қазақстан археологиясының дамуына айтарлықтай үлес қосқан әйгілі археолог Сайден Жолдасбаев аталмыш Күлтөбе және Ран қалаларында жүргізген археологиялық қазба жұмыстары барысында XV–XVIII ғғ. жататын тұрғын үй құрлымының ерекшеліктерін, түтіндігі сыпаның астымен жүргізілген ошақтардың орнын көптеп ашқан болатын.

Екінші құрылыс қабатына жататын тұрғын үй бөлмелерінің едендерін тазалау барысында тар ауызды құмыралар, кеселер, қайрақ тастар және үш дана күміс теңгелер алынды. Саздан жасалған ыдыстар сырлы және сызсыз болып келуде. Сырлы ыдыстардың негізгі бөлігі ақшыл және ашық көкшіл түсті сырға көк және қоңыр түсті сырмен гүл дестелері және толқын іспеттес бейнелер түсірілген, кейбір ыдыстар көкшіл түспен толықтай көмерілген, ыдыстардың басым көпшілігі шыңылтырланған. Сырсыз ыдыстарға келер болсақ, иық тұсынан төмен қарай қызыл ангоп ағызылған. Ауыз ернеуі немесе иық тұсынан төмен қарай ағызылған ангоптарды зерттеуші ғалымдар берекенің символы ретінде қарастырады. Яғни, ыдыстан берекенің асып

5-сур. Сығанақ қалашығындағы № 20 қазба орнынан анықталған жатын бөлмесінің көрінісі

тасып жатқандығы бейнелеген болуы мүмкін деген тұжырым қалыптасқан. Аталмыш саз ыдыстардың үлгілері Отырар, Күлтөбе және Түркістан қалаларының XVII–XVIII ғғ. жататын құрылыс қабаттарынан табылған [Акишев и др. 1981: 1–4; Хазбулатов и др. 2020: 73–105; Туякбаев және т. б. 2018: 132–133]. Сонымен қатар, аталмыш құрылыс қабатынан Қазақ хандығының туында бейнеленген өрнекпен безендірілген қыш қаптама табылды. Екінші құрылыс қабатынан табылған күмістен соғылған теңгелерге талдау жұмыстарын жүргізе отырып, аталмыш теңгелердің II Абдуллах ханның (1557–1598 жж.) тұсында соғылғандығы анықталды. Аталмыш күміс теңгелердің үлгілері Отырар және Түркістан қалаларында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында XVII ғ. жататын құрылыс қабатынан табылған.

Қорытындылай келе Сығанақ қаласының X–XI ғғ. Ұлы Жібек жолы бойындағы ірі орталықтардың бірі ретінде танылa бастағандығы, XI–XIII ғғ. Қыпшақ хандығының, XIV–XV ғғ. Ақ Орданың, XV–XVI ғғ. Қазақ хандығының астанасы болғандығы анықталды. Бұл тұжырымымызды тарихи жазба деректермен қатар археологиялық деректер де растауда.

2021 ж. қалашықтың Қазақ хандығы тұсына жататын мәдени қабаттарын зерттеп, ғылыми айналымға енгізуді жөн санадық. Ғылыми-зерттеу жұмыстары барысында қалашықтағы магистральды көшенің сол жақ қапталында орналасқан шағын төбеде 46×25 м көлемінде қазба салынып, жоғарыда баяндағанымыздай Қазақ хандығы тұсына жататын екі мәдени қабат анықталып толық сипаттамасы жасалынды. Қазба жұмыстары барысында алынған саз ыдыстарды, мыстан соғылған тиындарды және тұрғын үйлердің архитектуралық құрылымын, жоспарын негізге ала отырып, бірінші құрылыс қабатының XVIII ғ. жататындығы анықталды. Сонымен қатар, тұрғын үй құрлысында саз, күйдірілген кірпіш, ағаш, қамыс, сабан және тас пайдаланылғандығы анықталды. Анықталған құрылыс нысандарды және табылған тарихи жәдігерлерді негізге ала отырып, аталмыш құрылыс қабатының Сығанақ қалашығының сонғы құрлыс қабаты болғандығын айтуға болады. Себебі аталмыш құрылыс қабаттан кейін, яғни XVIII ғ. соңында қалада тіршілік тоқтаған.

Қазба жұмыстары барысында алынған саз ыдыстарды, күмістен соғылған тиындарды және тұрғын үйлердің жоспары мен архитектуралық құрылымын негізге ала отырып, екінші құрылыс қабатының XVI–XVII ғғ. жататындығы белгілі болды. Бұл тұжырымымызды аталмыш құрылыс қабатынан табылған II Абдуллах ханның (1557–1598 жж.) тұсында қолданыста болған күміс тиындар қуаттай түсуде.

Археологиялық қазба жұмысы барысында бірінші және екінші құрылыс қабаттарына тиесілі бөлмелер мен аулалардан ірілі-ұсақты мал сүйектері толық алынып, алынған жеріне байланысты жеке-жеке топтастырылды. Алынған остеологиялық материалдарға А.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының «Археологиялық технология» зертханасында сараптама жасалынуда. Сараптама нәтижесінде XVII–XVIII ғғ. қалашық тұрғындарының қолға үйреткен жануарларының түрлері белгілі болды. Екінші құрылыс қабатының абсолюттік хронологиясын анықтау мақсатында ағаш шіріндісінен, жартылай жанған ағаш және шөп қалдықтарынан, қамба орындарынан C14 анализі үшін сынама алынды. Алынған сынамаларға Түркия Республикасындағы «ТУБИТАК МАРМАРА» зертханасында сараптама жасалынуда. Сараптама нәтижесінде екінші құрылыс қабатының нақты абсолюттік хронологиясы анықталады. Сонымен қатар, бірінші және екінші құрылыс қабаттарынан алынған саздан жасалған ыдыстардың құрамын, жасалу технологиясын анықтау мақсатында Түркия Республикасындағы «REDEVIO AR-GE Bilgi ve Operasyon Teknolojileri» зертханасында сараптама жасалынуда. Атқарылып жатқан ғылыми-зерттеу жұмыстарының барлығы қалашықтың Қазақ хандығы тұсынағы тарихы жайында құнды деректер жинақтап, ғылыми айналымға енгізуге бағытталған.

ӘДЕБИЕТ

Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН Каз ССР. 1958. Т. 5. С. 3–215.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата: Наука, 1981. 343 с.

Байпақов К.М. Ежелгі және орта ғасырлардағы Отырар. Алматы: Қазығұрт баспасы, 2007. 248 б.

Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН Каз ССР. Сер. археол. 1949. Вып. 2. 59–99-бб.

Жолдасбаев С. Ортағасырлық Сығанақ қаласы (X–XVIII ғғ.). Түркістан: Тұран баспасы, 2010. 246 б.

Жолдасбаев С., Жетібаев К., Бахтыбаев М., Мургабаев С. Сығанақ жәдігерлері. Түркістан: Тұран, 2016. 182 б.

Жолдасбаев С. Позднесредневековые города на северных склонах Каратау. Туркистан: Туран, 2012. 109 с.

Каллаур В.А. Древние города Саганакъ (Сунакъ), Ашнасъ или Эшнасъ (Асанасъ) и другие вь Перовско-

мъ уезде, разрушенные Чингисъ-ханомъ въ 1219 году // ПТКЛА, год V. 1900. С. 6–16.

Кастанье И.А. Надгробные сооружения киргизских степей / Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1911. Вып. 26. 28 л.: ил.

Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб.: Типография императ. акад. наук, 1870. 39 с.

Тұяқбаев М.К., Егеубаева А.М. Түркістан жазирасының қыш ыдыстары. Түркістан: Изд-во «Золотая Книга», 2018. 176 б.

Тұяқбаев М.Қ., Мургабаев С.С., Бахтыбаев М.М., Арынов Қ.С., Сиздиков Б.С. Ескі Түркістан қалашығының шахристанында орналасқан Жеті Ата көшесі бойында ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізу, жалпы ұзындығы 660 м. Есеп. Түркістан: Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті, 2020. 400 б.

Хазбулатов А., Петров П., Шайгозова Ж., Ержігітова А. Күлтөбе қазынасы. Нұр-Сұлтан: Қазақ ғылыми-зерттеу мәдени институты, 2020. 192 б.

Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака // Сообщения ГАИМК. 1929. Т. 2. С. 123–159.

Syzdykov B., Zhetibayev K., Bahtybayev M. Research of the system of protection of the medieval city of Syganak // Journal of history. 2021. No. 4 (103). P. 42–52. DOI: 10.26577/JH.2021.v103.i4.05

Zholdasbaev S., Aldabergenova M. The medival town of Kazakhstan // Asian Social Science. 2013. Vol. 9, iss. 5. P. 73–82.

Ділдәш Өтжанқызы Мұстапаева,
Mdilda@mail.ru,
Қожа Ахмет Ясауи ат.
Халықаралық қазақ-түрік университеті,
Түркістан қ., Қазақстан

ҚОЖА АХМЕТ ЯСАУИ КЕСЕНЕСІ, ЯСЫ ҚАЛАСЫНЫҢ ЗЕРТТЕЛУІ

Аннотация. Мақалада XII ғ. Ясы қалашығының даму жағдайы және сол кезеңдегі Қожа Ахмет Ясауи кесенесінің салыну құрылымы мен орналасу ерекшеліктері қарастырылады. Ясы-Күлтөбені зерттеген археологиялық экспедициялар, Күлтөбені көптеген жылдар зерттеп, зерделеген Е.А. Смағұловтың зерттеулері туралы баяндалады. Ясы-Күлтөбе орнын археолог ғалымдардың XX–XXI ғғ. жүргізген ғылыми зерттеулерінің нәтижелері, қазба нәтижелерінде табылған түрлі материалдар сипаты, нумизматикалық материалдар туралы ғалымдар тұжырымдары айтылады. Көне қаланың, Ахмет Ясауи кесенесінің Қарахандар дәуірінің және оның алдында өмір сүрген мәдениет ескерткіштермен үндестігін дәлелдеп, түсіндірген ғылыми тұжырымдарға тоқталып, Қожа Ахмет Ясауи өмір сүрген қала «Ясы» атының шығуы, Шауғардың жанындағы кішігірім қоныстың XII ғ. екінші бөлігінде аумақтың саяси орталығына айналуы туралы айтылады. Кесене құрылымының XII ғ. көне бөлігінің зерттелуіне, бұл бағыттағы ғалымдар зерттеулеріне тоқталады.

Түйін сөздер: Қожа Ахмет Ясауи, Ясы, Күлтөбе, қала, кесене, құрылыс, қабат

Исследование мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави и городища Ясы

Аннотация. В статье рассматриваются исследование городища Ясы (XII в.) и особенности строения и расположения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави того времени. Рассказывается об археологических экспедициях, исследовавших Ясы-Культобе, и о многолетних исследованиях Е.А. Смагулова, изучавшего Культобе. Приводятся результаты научных исследований городища Ясы-Культобе, обнаруженном археологами в XX–XXI вв., характеристика найденных при раскопках материалов, выводы ученых о нумизматических материалах. Излагаются научные выводы исследователей, которые раскрывают последовательность развития и взаимосвязи древнего города, мавзолея Ахмеда Ясави с культурой эпохи Караханидов и более ранними памятниками культуры. В статье рассматривается вопрос о происхождении названия городища «Ясы», в котором жил Ходжа Ахмед Ясави, о превращении небольшого поселения близ Шавгара в XII в. в политический центр. Приводятся научные исследования ученых, изучавших древнюю часть конструкции мавзолея в XII в.

Ключевые слова: Ходжа Ахмед Ясави, Ясы, Культобе, городище, мавзолей, строительство, слои

Research of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi and ancient settlement of Yasy

Abstract. The article deals with the studies of the ancient settlement of Yasy of the 12th century and the features of the structure and location of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi of that time. It tells about the archaeological expeditions that explored Yasy-Kultobe, and about the long-term research of E.A. Smagulov, who studied Kultobe for many years. The results of research by scientists of the ancient settlement of Yasy-Kultobe, discovered by archaeologists in the 20th–21st centuries, the characteristics of the materials found during excavations, the conclusions of scientists about numismatic materials are given. The scientific conclusions of researchers, which establish and reveal the sequence of development and the relationship of the ancient city, the mausoleum of Ahmed Yasawi with the culture of the Karakhanid

© 2022 Мұстапаева Д.Ө.

era and earlier cultural monuments are presented. The article tells about the origin of the name of the ancient settlement «Yasy», where Khoja Ahmed Yasawi lived, about the transformation of a small settlement near Shalgar in the 12th century into a political center. The scientific research of scientists who studied the ancient part of the mausoleum construction in the 12th century is provided.

Keywords: Khoja Ahmed Yasawi, Yasy, Kultobe, settlement, mausoleum, construction, layers

Түркістан оазисіндегі қалалар мен қоныстардың сипаттамасын, орналасуын археолог ғалымдар жан-жақты зерттеген. Орналасу кеңістігі, дамуы туралы XX ғ. және XXI ғасырдың ғылыми зерттеулері, археологиялық зерттеулер нәтижесінде жан-жақты зерделенді.

XIX ғ. екінші жартысында бірқатар орыс ғалымдары, әскери адамдар, орыс саяхатшылары Түркістанда болып, Қожа Ахмет Ясауи кесенесі, қаланың географиялық, әлеуметтік-экономикалық жағдайы, тарихы т. б. туралы жазды. М-С. Бекчурин, П.И. Пашино 1866 ж. жарияланған зерттеулерінде Түркістан қаласы, Ахмет Ясауи кесенесі туралы жазды. П.И. Лерх «Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году» атты еңбегінде, П.Н. Ахмеров «Археология, тарих және этнография қоғамының Хабаршысы» журналында 1896 ж. жариялаған мақаласында зерделеген болатын [Добромыслов 1912: 140].

А.И. Добросмысловтың XIX ғ. екінші жартысындағы қалалар тарихына байланысты еңбегінде Қожа Ахмет Ясауи кесенесінің жанында Түркістан шейхтары көрсеткен Ахмет Ясауи оңашланып, өмір сүрген орны туралы баяндайды [Добросмыслов 1912: 150]. Бұл жер Қожа Ахмет Ясауи 63 жас, Пайғамбар с.а.а жасына келіп, жер астына түсіп, қалған ғұмырын өткізген жер болатын. Бұл орынды археологтар жан-жақты зерттеп, ғылыми айналымға енгізді.

XIX ғ. Түркістанның өткен тарихын зерттеуге назар аударған ғалымдардың алғашқылары П.И. Рычков болды. Жоғарыда аталған П.И. Лерх 1867 ж. Орыс археологиялық қоғамының тапсыруымен Ясының орнын зерттеп, ғылыми негіздеді.

1928 ж .алғашқы археологиялық қазба жұмыстарын М.Е. Массон жүргізген болатын [Массон 1929: 39].

Күлтөбені, Түркістанды ғылыми зерттеген ғалым Е. Смағұлов өз зерттеуінде ерте ортағасырлық қоныс XII–XIV ғғ. Ясы деген атпен белгілі болғанын айтқан [Смагулов 1998: 84]. Отырар–Қаратау мәдениетінің екінші кезеңінде Сырдың орта бөлігінде көптеген, өзендер бойында пайда болған қоныстармен сабақтастықта болған. Түркістан археологиялық отряды 1981-1984 жж. Күлтөбені зерттеп, бірнеше мәдени қабатты ашты. X XII ғғ. мерзімделген керамикалық ыдыстар, қайық сипатындағы дән үккіштер, бірінші құрылыс қабатынан табылған, VIII–XII ғғ. мерзімделген керамикалық заттар кешені сол кезеңдегі Мың Өрік, Ақтөбе, Отырар оазисіндегі, Түркістан аумағында, Сырдың орта ағысында орналасқан ескерткіштердегі керамикаларға ұқсас болып келген [Смагулов 1998: 97].

XII ғ. Қожа Ахмет Ясауи өмір сүрген қала «Ясы» атының шығуын ғалымдар IX–X ғғ. Сырдың орта ағысын мекендеген тайпалар атымен байланыстыра отырып, «жер атауының осылай аталуына ықпал еткен» деп атайды. Сыр бойын мекендеген тайпалар мал өсіру, жер өңдеу шаруашылығымен кешенді түрде айналысқан [Толстов 1947: 97].

1957 ж. В.А. Левина археологиялық қазба жұмыстарында табылған керамика негізінде XII–XIV ғғ. мерзімделген қабатты тапты.

1972–1973 жж. Т.Н. Сенигованың жетекшілігімен жүргізілген археологиялық зерттеулері төменгі құрылыс деңгейін XIII–XIV ғғ. мерзімдеген [Смагулов 1998: 110].

Ясы аумағы туралы археологиялық зерттеулерде, Е. Смағұловтың еңбегінде XIII–XIV ғғ. қала тек Күлтөбе және оның жанындағы жерлермен шектелген болу керек. Шауғардың жанындағы кішігірім қоныс XII ғ. екінші бөлігінде аумақтың саяси орталығына айналады. Оңтүстік Қазақстандағы ақша айналымы туралы зерттеулер XIII ғ. басында Ясыда күміс теңгелер шығарғанын айтады [Настич 1983: 145].

XIII ғ. басында Шауғар округын басып алған Хорезм шах ибн Текеш Ясыда күміс теңгелер шығарған. Ясыда ақша сарайының болуы сол кезеңдегі қаланың саяси беделінің, маңызының артқанын көрсетеді.

XII ғ. екінші жартысы және XIII ғ. басында Қожа Ахмет Ясауи кесенесі орналасқан аумақ қаланың цитаделі қызметін атқарған [Смагулов 1998: 112].

Ясыда Мұхаммед ибн Текеш теңге шығару себебін ғалымдар түрлі саяси, идеологиялық жағдайлармен байланыстырған [Байпаков 1998: 62]. XII ғ. ортасында Гутумның маршрутында Ясы – «Ясон» деген атпен аталады.

Ясы-Күлтөбенің құрылыс горизонтын ғалымдар жеті бөлікке бөлген. Төртінші, бесінші және алтыншы құрылыс қабаттары IX–XII ғғ., XIV ғ. мерзімделген. IX–

XII ғғ. мерзімделген бесінші құрылыс қабатында сол кезеңге тән едендегі ошақтар мен тандырлар табылған [Туякбаев 2009: 74]. Бесінші құрылыс қабаты материалдарын Отырар оазисіндегі Құйрық төбе материалдарымен салыстыра отырып IX–XII ғғ. деп мерзімдеген.

XII ғ. үйлерде ошақ сандалдар орналастырыла бастаған. Ғалымдар зерттеген Құйрық төбеден табылған археологиялық материалдар ошақ-сандалдардың түрлі өрнектер, өсімдіктер сағақтарымен әрленгенін көрсетеді [Байпаков 1990: 68].

Орта ғасырда Шауғар аумағында қолданыста сырсыз керамикалық хумдар, су таситын, құятын ыдыстар, асханалық құмыралар, саптыаяқтар, керамикалық дастарханлар болған [Байпаков 1990: 71]. Олардағы өрнектер сипаты өсімдік тектес, киіз, кілем өрнектеріне ұқсас болып келген. Ахмет Ясауи кесенесінен 400 м жерде орналасқан Күлтөбе қаласының онын археолог ғалымдар Ясы орны екенін дәлелдеген [Алдабергенов және т. б. 2017: 118].

X–XIII ғғ. Қараханидтер мемлекеті құрамында Сыр бойында жатқан жерлер, Шауғар-Ясы, Исфиджаб қамтылғаны белгілі.

1928 ж. кесененің төбесін жөндеу кезінде бірнеше шыңылтырсыз XII ғ. сай келетін кірпіш тақталар табылған. Кесенені жөндеу кезінде табылған дәлелдер бұрын ғимарат орнында мола, көне құрылыстар болғанын айғақтайды. Кешен құрылысы екі кезеңмен жүргізілген, Әмір Темір кезеңінде қазандық жанындағы ғимараттар біріктіріліп, күмбезбен жабылады. Бұған дейінгі кезеңде қазандық аумағы ашық аула түрінде болған [Маньковская 1998: 22]. 1938–1939 жж. жүргізілген жөндеу кезінде құрылыс материалдары-терракота сынықтары табылған.

1952 ж. жүргізілген жөндеу және қайта қалпына келтіру жұмыстарына Т.Н. Карумидзе жетекшілік етеді. XX ғ. 50-жылдары жүргізілген жөндеу жұмыстары кезінде, XIV ғ. іргетасымен қатар XII ғ. құрылыс материалдары табылған. М.Е. Массон, Б.Н. Засыпкин, Н. Карумидзе, Л.Ю. Маньковская Ахмет Ясауи кесенесінің орнында ерте кезде мола және құрылыстары болғанын, Әмір Темір кезеңінде қас бет және ауланың үстінен күмбез орнатылғаны баяндады. 1950-ші жылғы зерттеулер нәтижесі, Л.Ю. Маньковская зерттелері XIV ғ. екінші жартысында Әмір Темір бұйрығымен салынған құрылыс бұрын, XII ғ. болған ішкі ауласы бар құрылыстар жиынтығына ұластырылып салынғанын, бұл, «XIV ғ. бұрын аула болған тұсы Қазандық күмбезімен жабылған» деген тұжырымға алып келді [Елгин 2013: 14].

1957 жылғы Л.Ю. Маньковскаяның жүргізген зерттеуі кезінде XII ғ. тән қаптама қыш қабырғасы кесененің солтүстік қас бетінің батыс тұсындағы 1 кв. м. аумағынан табылды [Маньковская 1998: 34].

Ахмет Ясауи кесенесінің қабірхана бөлмесінің көне қабырғасына «тарихи стратиграфия» деп аталған реставрация әдістерінің бірі қолданылып, құрылыстың бұл бөлігін зияратқа келушілердің көруіне мүмкіндік жасалған. XII ғ. Қожа Ахмет Ясауидің басына тұрғызылған ең алғашқы кесененің қабырғасын келушілерге осылай көру мүмкіндігі жасалды. Көне кесене сыртынан XIV ғ. салынған кесене қабырғалары қапталып қаланып кеткен [Тұяқбаев 2008: 30].

Л.Ю. Маньковская мұндай қаптама тақта кірпіштердің XII ғ. ғимараттарды салуда территориялық және тарихи ерекшеліктеріне байланысты әр түрлі нұсқалары болғанын айтады. Қожа Ахмет Ясауи кесенесінің Қабырхана бөлмесінің сақталып қалған көне қабырғасы сол кезеңнің алдыңғы қатарлы сәулет жетістіктері мен ұсталардың ерекше шеберлігін дәлелдеген құрылыс материалы болды. Көне мазар, ханака, медіресе және басқа да киелі жерлерде болатын құрылыстармен сол кезеңде ғимарат қоршалуы мүмкін. Кейін мазар қайта құрылып, оған жаңа бөлмелер салынған. Кесенеден табылған керамикалық құрылыс материалдары XII ғ. салуда қолданылған материалдар деуге болады [Маньковская 1998: 63].

1997 ж. Түркістан археологиялық экспедициясының ғалымдарының зерттеулері, атап айтқанда Қазандық бөлмесіндегі археологиялық қазба жұмыстары бұл мәселені деректермен дәлелдеді. Ғалымдар Қожа Ахмет Ясауи кесенесі орналасқан аумақ бірнеше ғасырлар некрополь болғанын дәлелдеп, ол жердегі жерлеу орындарын, жерлену әдістері мен заттарына қарай талдап, некропольдің дамуын төрт кезеңге бөлген [Смагулов және т. б. 1998: 3].

Төрт кезеңнің екінші және үшінші кезеңдері ерте исламдық кезең, IX -XII ғғ екінші кезеңі, мавзолейдің бірінші кезеңі XII–XIV ғғ. деп бөлінген. 1997 ж. кесененің қазандық бөлмесінде жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарында ғалымдар осы жерде, бөлме құрылысы жоқ кезде жерленгендер Ясауи ілімі таралған аймақтардың мәйіт жерлеуде қолданған жерлеу құрылыстарын қолданып жерлегенін айтады [Тұяқбаев 2000: 18].

Кесененің батыс тұсында орналасқан асхана бөлмесі де, онда дүйсенбі, жұма күні таратылған халім асы XII ғ. Ахмет Ясауи кесенесінде орындалған діни рәсімнің жалғасы болған болар деген тұжырым айтуға болады.

Сәулеттік ғимараттарды салуда жергілікті материалдар қолданылды. Саз балшық, пахса, шикі кірпіш т. б. XI–XII ғғ. олардың құрылымы үш бөлікке бөлінгені белгілі. Кейінгі кезеңдерде күйдірілген кірпіштер кең қолданылған. Қаптама көркем тақталар қолдану Қожа Ахмет Ясауи кесенесінде өз көрінісін тапқан. Орта ғасырлық Отырар, Түркістан қалалары құрылысындағы діни ғимараттар, ондағы ерекше қала мәдениетінің дамуын көрсетеді [Қожа 2019: 148]. Кесенелер қас бетті, күмбезді, мұнаралы болып салынып, жерлеу орындарында сағаналар, төртқұлақтар орнатылды [Ажигали 2002: 654].

XII ғ. Ясы қаласы және Қожа Ахмет Ясауи кесенесі сол кезеңнің талабына сай дамыған деуге болады.

Ясы-Түркістан тарихын зерттеуге өзінің бар ғұмырып арнаған ғалым Е. Смағұловтың Түркістан тарихы мен көне қаланы зерттеудегі алар орны ерекше. 2010 ж. Күлтөбе қалашығының көне қабатын ашуы жаңа зерттеулерге негіз берді. Ғалым кезінде Түркістан тарихы осы Күлтөбеден басталатынын айтқан болатын.

Түркістан археологиялық экспедициясының жоспар құрылымы төрт құлақ сипатындағы құрылысты, түрлі бөлмелерді тауып, зерттеуі Күлтөбе-Ясы-Түркістанды зерттеудің жаңа бір кезеңін бастады. 2000 ж. Түркістан қаласының 1500 жылдығы тойланған болатын. Сол кезеңде ғалымдар, ел азаматтары Түркістан тарихы одан да ілгері деген пікірлер айтқа еді. Түркістан археологиялық экспедициясының ғалымдары бұл пікірлерді археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесінде дәлелдеді. Ғалымдар бұл жерде салынған алғашқы құрылыстар б.д.д. II–I ғғ. болуы мүмкін деген тұжырым айтады.

Е.Ә. Смағұловтың 2015–2017 жж. «Көне Түркістан цитаделі: қала мәдениетінің генезисі (сәулеті, жоспары, стратиграфиясы)», 2018–2019 жж. «Түркістан археологиясы: көнеден Қожа Ахмет Ясауиге дейін» тақырыптарындағы жобалары ғалымның көне қаланы зерттеудегі ерекше еңбегін көрсетеді [Нуржанов, Ержигитова 2019: 118]. Е. Смағұловтың Күлтөбе қалашығы туралы тапқан кешенді материалдары Қазақстандағы көне қалалардың пайда болу жолдары туралы ғылыми түсініктерді қайта қарауға мүмкіндік берді [Нуржанов, Ержигитова 2019: 120].

2017 ж. жарық көрген «Древний Туркестан: штрихи к историческому портрету» атты зерттеуі, 2019 ж. жарияланған Түркістан қаласының жасына байланысты мәселені қамтыған ғылыми зерттеулері, басқа да жарияламдары Түркістан тарихының әлі ашылмаған жаңа қырларына терең ғылыми саралау жүргізген зерттеулер. Соңғы жарияланған мақаласында ортағасырлық Түркістан қаласының жасын айқындау мәселесін қарастырған болатын. Ғалымның Ясы қалашығынан тапқан ғылыми зерттеулері нәтижелері қаланы мерзімдеуді жаңа көзқараспен қарауға негіз берген еді.

2020 ж. Күлтөбені зерттеу материалдарына, жаңа археологиялық материалдарға шолу берілген жарияламдар жарық көрді. Қазіргі кезде Түркістанды туризм саласына енігізіп, сол бағытта жүргізіліп жатқан ғылыми жобалар жұмыс істеуде.

ӘДЕБИЕТ

Алдабергенов Н.О., Құлымбетов О.Б. Қожа Ахмет Ясауи маңыдағы көне ескерткіштердің зерттелу тарихынан // «Түркістан аймағындағы археологиялық ескерткіштердің сабақтастығы» атты Халықар. ғыл. конф. м-ры (Түркістан, 24 ақпан 2017 ж.). Түркістан: ИП «Сейт», 2017. 18–20-бб.

Ажигали С.Е. Архитектура кочевников-феномен истории и культуры Евразии (Памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: НИЦ «Ғылым», 2002. 654 с.

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковым Пути. Алматы: Ғылым, 1998. 216 с.

Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана: (Отрарский оазис). Алма-Ата: Наука, 1990. 208 с.

Добросмыслов А.И. Города Сырдарьинской области: Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент. Ташкент: Эл.-пар. типо-лит. О.А. Порцева, 1912. 204 с.

Елгин А. Археологические и архитектурные исследования мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави: вторая половина XIX в. – середина 1950-х годов (очерки и материалы). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 225 с.

Қожа М. Ортағасырлық Отырар тарихы. Нұр-Сұлтан: «Өрнек баспасы», 2019. 424 б.

Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). Ташкент: «Фан», 1980. 161 с.

Маньковская Л.Ю. Некоторые архитектурно-археологические наблюдения по реставрации комплекса Ходжи Ахмеда Ясеви в г.Туркестане // Загадки древнего Туркестана. Алматы: Санат, 1998. 176 с.

Массон М.Е. О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда в городеТуркестане // Известия Среднеаз. географ. обва. 1929. Т. 19. С. 39–40.

Настич В.И. Новые данные из истории монетного производства и денежнего обращения в Южном Казахстане XIII–XVII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии: м-лы всесоюз. совещ. (г. Алма-Ата, 13–15 мая 1981 г.) / Гл. ред. Б.А. Тулепбаев. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 149–150.

Нуржанов А.А., Ержигитова А.А. Памяти Ербулата Смагулова // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2019. № 4 (6). С. 116–125.

Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П., Итенов А.А. Средневековая археология города Туркестана. Туркестан: Мирас, 1998. 228 с.

Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Новое в ранней истории некрополя г. Туркестана // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 1998. № 1. С. 18–25.

Смагулов Е.А. Древний Туркестан: штрихи к историческому портрету. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 342 с.

Смагулов Е.А. К вопросу о возрасте города Туркестана // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 17–31.

Толстов С.П. Города гузов // СЭ. 1947. № 3. С. 55–102.

Туякбаев М. Историческая топография и развитие городов и поселений Туркестанского оазиса (XIII–XIX вв.). Алматы: ТОО «Эффект», 2009. 208 с.

С.С. МУРГАБАЕВ
М.М. БАХТЫБАЕВ
Қ.С. АРЫНОВ
Б.С. СИЗДИКОВ
М.Қ. ТҰЯҚБАЕВ

Сағынбай Серікбайұлы Мұрғабаев,
sagynbay.murgabayev@ayu.edu.kz,
Мэлс Маратұлы Бахтыбаев,
mels.bakhtybayev@ayu.edu.kz,
Қуаныш Сүйіндікұлы Арынов,
kuanish.arynov@ayu.edu.kz,
Бағдәулет Сапарбайұлы Сиздиков,
bagdaulet.sizdikov@ayu.edu.kz,
Қожа Ахмет Ясауи атындағы
Халықаралық қазақ-түрік университеті,
Археология ғылыми-зерттеу институты,
Түркістан қ., Қазақстан;
Марат Қымызұлы Тұяқбаев,
marat_tuiakbayev@gmail.com,
«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік
тарихи-мәдени музейі-қорығы,
Түркістан қ., Қазақстан

ЕСКІ ТҮРКІСТАН ҚАЛАШЫҒЫНДА 2021 жылы ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ ЖҰМЫСТАРЫ

Аннотация. Елдің мәдени мұрасын зерделеуге, сақтауға, қалпына келтіруге және тиімді пайдалануға бағытталған шаралар кешенін іске асыру мақсатында, Ескі Түркістан қаласында орналасқан магистралды көшеге 2021 жылы «Мәдени мұра» ғылыми-зерттеу орталығы археологиялық зерттеу жұмыстарын жалғастырды. Магистралды көше Ахмет Ясауи кесенесінен Жеті ата қақпасына баратын басты көше болып табылады. Археологиялық зерттеу жұмыстарының басты міндеті көше мен оның бойында орналасқан тұрғын үйлер мен қоғамдық орындарды анықтау болып табылды. Жеті ата қақпасы мен солтүстік мұнараға дейінгі аралықта тұрғын үйлер мен дүкендер орны 2009 жылы ашылып зерттелген. Ал, 2020 жылы Жеті ата көшесінің бойында ашылып зерттелген нысандарда 2021 жылы ғылыми-зерттеу жұмыстар жалғастырылып (қазба № 1) және жаңа № 5 қазба салынды.

Түйін сөздер: Ескі Түркістан қалашығы, қазба, кесік, керамика, мәдени қабаттар

Археологические исследования в 2021 г. на городище Ески Туркестан

Аннотация. В 2021 г. были продолжены археологические исследования магистральной улицы городища Ески Туркестан с целью реализации задач по сохранению, изучению, реконструкции и использованию культурного наследия страны. Магистральная улица Жети ата тянется от городских ворот Жети ата до мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. Раскопками вскрыта улица и прилегающие по ее периметру объекты (жилые и общественные). Жилые помещения и торговые лавки у городских ворот Жети ата были исследованы еще в 2009 г., а в 2021 г. был заложен раскоп № 5 и продолжены раскопки, начатые в 2020 г. (раскоп № 1).

Ключевые слова: городище Ески Туркестан, раскоп, разрез, керамика, культурный слой

The results of the archaeological research carried out in 2021 at the Eski Turkistan settlement

Abstract. In 2021, archaeological research continued on the main road of the settlement of Eski Turkestan to fulfil the tasks of preservation, exploration, reconstruction and use of the cultural heritage of the country. The main street of Zheti ata begins at the city gates of Zheti ata and ends at the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi. The task of the study is to develop the street and adjacent objects (residential buildings and public facilities) along its perimeter. The objects of residential buildings and retail stores at the city gate of Zheti Ata were already explored in 2009, excavation No. 5 was laid out in 2021 and the excavations laid out in 2020 were continued (excavation No. 1).

Keywords: settlement Eski Turkestan, excavation, section, ceramics, cultural layer

© 2022 Мургабаев С.С., Бахтыбаев М.М., Арынов Қ.С., Сиздиков Б.С., Тұяқбаев М.Қ.

Қазақстан тарихында қазақ мемлекеттігінің қалыптасуы мен дамуында ерекше орын алатын аймақтардың бірі Түркістан өңірі. Түркістан өңірі ежелгі және ортағасырлық Қазақстан тарихының аса маңызды аймағы ретінде және сол замандардағы тарихи-мәдени ескерткіштер өте тығыз орналасқан өлке ретінде ерекшеленеді. Қаратау мен Сырдария өзенінің аралығында орналасқан бұл өңір адамзат баласына сонау төменгі палеолиттен бастап қызмет етіп келеді. Түркістан өңірінің ортағасырлық қалалары мен елді мекендерінің Ұлы Жібек жолы бойында орналасуы бұл өңірдің экономикалық, саяси-әкімшілік, әскери-стратегиялық орталыққа айналғандығын көрсетеді. Сауданың дамуы Түркістан өңіріне адамдардың тығыз орналасуына және ондаған ортағасырлық қалалардың пайда болып өркендеуіне, сонымен қатар, сол кездегі тарихи кезеңдерде көрші мемлекеттермен мәдени байланысқа түсуіне септігін тигізді. Осы себептерге байланысты Түркістан өңірінің ортағасырлық тарихына деген қызығушылық пайда болып, өңірдегі көптеген ортағасырлық қалалар мен елді мекендерде үздіксіз зерттеу жұмыстары жүргізіліп келген болатын.

Ұлы Жібек жолының тарихи орындары негізінде мәдени туризмді дамыту, олардың мемлекет тарихындағы халықты біріктіретін құндылықтар ретіндегі рөлін ашып көрсететін жүйелі іс-шаралар өткізу мемлекеттің негізгі стратегиялық бағыттарының бірі. Бүгінгі күнге дейін біздің мол рухани қазынамыз әлемдік қауымдастық назарына жеткілікті ұсынылмай отыр, сол себептен, мәдени туризм де белсенді дамымай келеді.

Егеменді Қазақстанның бүгінгі өмірі мен оның жан-жақты даму перспективаларын мәдени мұрасыз елестету мүмкін емес. Мәдени мұра сана-сезімді қалыптастыру негіздерінің бірі, ізгілік пен отаншылдық құндылықтар сабақтастығын орнықтыруда зор әлеуетке ие. Қазақстан өз экономикасының маңызды саласы бола алатын және болуы қажет туризм индустриясын дамыту үшін қуатты мәдени әлеуетке ие. Туризм тарих және мәдениет ескерткіштерін кең танытуға септігін тигізеді, республикамыздың ел ішіндегі, сондай-ақ шет елдердегі биік беделін нығайтады.

Елдің мәдени мұрасын зерделеуге, сақтауға, қалпына келтіруге және тиімді пайдалануға бағытталған шаралар кешенін іске асыруды қамтамасыз ету мақсатында, Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2007 жылғы 10 желтоқсандағы № 1203 қаулысымен 2007-2009 жылдарға арналған «Мәдени мұра» салалық бағдарламасы бекітілді [Қаулы 2008].

Ескі Түркістан қаласында орналасқан магистралді көшеге 2020 ж. «Жеті ата» археологиялық экспедициясы (жетекшісі М.Қ. Тұяқбаев) археологиялық зерттеу жұмыстарын бастады. Магистралді көше Қ.А. Ясауи кесенесінен Жеті ата қақпасына баратын басты көше болып табылады. Археологиялық зерттеу жұмыстарының басты міндеті көше мен оның бойында орналасқан тұрғын үйлер мен қоғамдық орындарды анықтау. Көшеде алғаш 2009 ж. Жеті ата қақпа маңында тұрғын үйлер мен дүкендер (сауда орындары) аршылып зерттелген [Смағұлов және т. б. 2009]. Сонымен қатар осы көше бойында орналасқан Хан мешіті мен Хан ордасына баратын көшені аршып зерттеу жұмыстары жүргізілген [Тұяқбаев және т. б. 2009].

Жеті ата қақпасы оған қарсы орналаскан (қала сыртындағы) «Жеті ата» мазарының атымен аталған, бұл жерде Ахмет Ясауидің (өз өтініштері бойынша) бір молаға жерленген жеті мүридінің кесенесі орналасқан. Бір кездері мұнда қалың тұт бағы мен орасан үлкен мазарат болғандығын Нәрікбай ақсақал (қала тұрғыны-70 жаста) айтады. Қақпаның сыртындағы ор үстінде Бабырат ата көпірі болған. Қақпа алдындағы ордан «Бабырат ата көпірі» деп аталған көпір арқылы өткен керуендер мен сапаршылар Теке (Текке) қонысы арқылы Үшқайық өткеліне барып Сырдан өткен соң өзеннің сол жағалауындағы елді мекендер Бұзұқ, Артық ата, Қаратөбе қалашықтарына соғып әрі қарай Қуаңдария, Жаңадарияны бойлап Хорезмге, немесе Оңтүстікке қарай бұрылып Қауған, Ақтөбе, Шүлембайтөбе қоныстарына соғып Өзбекстанға сапар шеккен [Тұяқбаев 2009: 112–117].

Ескі Түркістан қаласында орналасқан магистралды көшеге 2021 ж. «Ескі Түркістан қалашығының шахристанында орналасқан Жеті ата қақпасы кіреберіс жанында ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізу, жалпы көлемі 900 м^2» атты ғылыми жобасы аясында екі нысанда қазба жұмыстары жүргізілді. магистралді көше Қ.А. Ясауи кесенесінен Жеті ата қақпасына баратын басты көше болып табылады. Археологиялық зерттеу жұмыстарының басты міндеті көше мен оның бойында орналасқан тұрғын үйлер мен қоғамдық орындарды анықтау болып табылды.

Қазба барысында 2020 ж. салынғын № 1 қазба кеңейтілді және Жеті ата қақпасының қарама-қарсы жерде № 5 қазба салынды. № 1 қазба Жеті ата көшесінің солтүстігінде орналасқан. Осы нысанда қазба жұмыстары 2019 жылы басталып, 0,3–0,45 м тереңдікке дейін қазылып, жоғарғы құрылыс қабаты

1-сур. № 1 қазбаның жобасы

(1-құрылыс қабаты) ашылған. 2020 ж. № 1 нысанға көлемі 100×25–30 м болып белгіленген қазба салынып, көше бойындағы тұрғын үйлер, аулалар мен бастырмалардың планиграфиясы, мұнара құрылымы анықталды. 2021 ж. көшенің оң және сол жақ бөліктерінде қазба кеңейтіліп 2020 ж. ашылмай қалған нысандары толық ашылды (1-сур.).

№ 5 қазба Жеті ата қақпасының қарама-қарсы бетінде, Жеті ата көшесінің сол жақ бойында орналасқан төбеге салынды. Қазба жұмыстарының нәтижесінде үлкен тұрғын үй бөлмелері мен бастырмалар ашылды. Анықталып отырған бұл тұрғын үйлер тығыз орналасып, өзіндік құрылымдық жағынан бір махалләны құрайды. Мұнда орналасқан тұрғын үйлер сыртқы беті жабық, өзіндік құрылысымен ерекшеленеді. Сонымен қатар, ашылып зерттелген тұрғын үйлер негізінен өзіндік ауласы бар бірнеше бөлмеден тұратындықтары анықталды (2-сур.). Ортағасырлық қалалардағы тұрғын үйлер негізінен қам кірпіштен, яғни, саз кесектен тұрғызылған. Қабырғалары тым қалың болатын дуалдарды тұрғызуға пахса мен кесекті кезектестіре қалау тәсілі қолданылған. Қарапайым тұрғын үйлердің қабырға қалындығы 40–50 см, ал қоғамдық құрылыстар (керуен сарай, мектеп, мешіт, базар және т. б.) қабырғаларының ені 60–90–100 см-ге дейін жеткен. мұндай қалың қабырғалы тұрғын үйлерді қаланың шахаристаны мен рабадын мекен еткен бай да ауқатты жанұялар да салдыратын болған. Қарапайым тұрғын үйлер - екіден беске дейінгі бөлмелерден тұрады.

Негізгі бөлмеде сыпаның (суфа) денесін ойып ошақ-тандыр орнатылған. Сыпа көбіне бөлменің 50–80% алып жатқан, тек кіреберіске көлемі 2 м 2 еден күйген қыштан төселіп, оның ортасында – еден астына – ташнау (суағар) орналасқан. Суағар – ташнаудың резервуары түбі тесілген хұмша, хұмнан жасалған, кейбірінде күйген қыштан құбыр сияқты қаланған түрлері де кездеседі. Тандыр-ошақтың түтіні кен арқылы сыпаның ішімен бөлменің бір бұрышына дейін созылып, сондағы қабырға ішімен жоғары қарай кеткен мұржаға жалғастырылған. Тандырға нан да жапқан, қазан орнатып тамақ та пісірген, үй ішінде жылытқан, сыпа ішімен кеткен түтін тартатын кен де, мұржа да үйді жылытуға қызмет еткен. Үйдің дәліз бөлмесінде, немесе қосалқы бөлмелерінде бидай, т. б. астық түрлері, ұн, ет т. б. тағам түрлері, отын сақтаған. Отынға сексеуіл, жыңғыл, жусан, сексеуіл көмірі, мақтаның қозыпаясы (сабағы), тезек т. б. пайдаланған. Қыста негізінен тұрғындар ғана тұратын орталық бөлме ғана жылытылған. Сенек бөлмесінде жаңа туған қозы-лақ, жем-шөп сақтаған, бастырмалар, қоралар бірді-екілі уақ мал ұстауға пайдаланылған. Кішігірім ауланың бір жағы бастырмамен жабылып астына жазғы асхана – жер ошақтар, тік тандырлар орналастырылған, мұнда малға арналған шөп, жантақ т. б. жиналып қойылатын [Свод... 1994: 20–21; Акишев и др. 1981; Жилище народов... 1982]. Бай да, ауқатты тұрғындар да, кедей-кепшіктер де негізінен бірнеше жанұя топтасқан үлкен үйлерге орналасқан, әр жанұяға жаз айларында 4–5 бөлме қажет болса, қыста 2–3 бөлмемен шектелген. Мұның себебі үйді жылыту аса қымбатқа түскен, отын тапшылығы, сексеуіл көмірін тек сатып алу арқылы ғана пайдалануға болатындықтан тұрғындардың барлығы көмірді пайдалана алмаған. Ағаш отынды да сатып алуға болатын, бір есек көтеретін отын бір «харвар» жүк деп есептелген, ол 83,2 кг тең, бір үйге бір қысқа кемі 20 харвар отын қажет болған. Тұрғындар отынды үнемдеу мақсатында мақтаның сабағын – қозапаяны да жағатын болған, сонымен бірге тандырдағы шоқты сыпаның үстін ойып қыштан қаланған сандалдарға салып, үстін тақтаймен жауып, оның үстіне бөстек (ешкінің жүні қырқылған терісі) төсеп, аяқтарын сандалға қарай созып, оны айнала жатып ұйықтайтын болған. Есікті ашқанда даладағы суық лап етіп кірмес үшін іш жағынан киізден перде сияқты жаппа іліп қойған. Күн сәулесі көлемі 50×40 см кішкене терезеден ғана түскен, терезе шынысы ретінде көбіне қойдың қарыны тартылған, тек XIX ғ. екінші жартысында ғана Ресейден шыны көптеп келе бастағанда бай тұрғындар үлкен де биік шыны терезелер қоя бастады. Шыны өндіру XII–XIII ғғ. бері (Шойтөбе-Шауғарда) жолға қойылғанымен ол аса қымбат және тым жұқа, нәзік болатын [Смағұлов және т. б. 1996].

Кейінгі ортағасырлық қала шахаристаны биікте қалың қамал-қорғанмен қоршалған, оның қақпаларын арық (цитаделмен) жалғастыратын бас (магистральді) көшелер қаланы бернеше бөлікке бөліп тастайтын. Ол бөліктердің де атаулары болды, оларды кішігірім көшелер, тұйық айналмалар бірнеше махалләға (квартал) бөліп тұратын. Махалләларда негізінен қол өнері, түрлі кәсіпшілікпен айналысатын жанұялар бірігіп тұратын, яғни, қыш ыдыс-аяқ жасаушылар, тері-жүн өңдеушілер, қасапшылар, ағаштан есік-терезе, ұстын (бағана) жасаушылар т.б. түрлі кәсіпкерлер бірігіп тұратын. Көшелердің ені 3–4 м (бас көшелер), 2–2,5 м (қосалқы және тұйық көшелер) шамасында болатын, алайда бас көшелердің екі жағын түгел – дүкендер,

2-сур. № 5 қазбаның жобасы

жайма базар, қонақ үйлер (мәнзел), асханалар, шайханалар алып жатқандықтан және екі көшенің қиылысқан жерлерінде үлкен алаңдар болғандықтан көше аса тар болып көрінбейтін. Көшелердің үстіне көлденең ұзын терек сияқты ағаштар тасталып, олардың үсті қамыстан тоқылған бойралармен (мат), алашалармен т.б. жабылып тасталатын, тым болмағанда көлденең арқандар тартылып үсті жергілікті сары мақтадан тоқылған бөз маталармен жабылатын. Көшелерге су себіліп, сыпырылып тұратындықтан таза да, қоңыр салқын ауа-райы қалыптасатын.

2021 ж. археологиялық маусымда «Мәдени мұра» ғылыми-зерттеу орталығы «Қазқайтажаңғырту» республикалық мемлекеттік мекемесінің тапсырмасымен Жеті ата қақпасына қарама-қарсы, Жеті ата көшесінің солтүстік-батыс бетінде орналасқан қаланың бай жанұясына тиесілі тұрғын үйі зерттеді. Қазба барысында 10 бөлме толық, ал 5-і жартылай ашылды және екі жартылай бастырмамен жабылған аулалар ашылды. Қабырғаларының қалындығы 1 м мен 1,2 м аралығында ауытқиды. Бір-бірімен есік арқылы жалғасқан жанұялық тұрғын үйлердің қазба ішіне 4-і енген, олар екі бөлмеден тұрады (тұрғын үй 1 (1–2 бөлмелер), тұрғын үй 2 (1 бөлме), тұрғын үй 3 (1–2 бөлмелер), түрғын үй 3 (1–2 бөлмелер; 3–4 бөлмелер), қалған бөлмелер жартылай ғана ашылған, аулалардағы бастырмаларда жер ошақтар бар, сонымен қатар ашық аула мал ұстауға арналған болуы мүмкін. Аулалардағы тандырлар мен жер ошақтардың көптігі мұнда тұрған бір атаның балаларының ата кәсібі наубайшылық, самса, күлше жабушылық болғандығынан хабар береді және самсаға арналған етті де өздері аулада бордақылаған ұсақ малдан дайындаған сияқты.

Зерттеу жұмыстары магистралды көшенің бойында орналасқан тұрғын үйлерді қазу барысында табылған керамикалық кешенді талдау жасай отырып, ашылған мәдени қабаттар XVIII–XIX ғасырлар аралығына жататындығы анықталды. Алдағы уақытта Ескі Түркістан қаласында орналасқан махалләларды археологиялық зерттеу жұмыстары арқылы тереңірек зерттеп, соңғы ортағасыр кезіңінде өмір сүрген тұрғындардың шаруашылығы жайлы тың деректер алуға болады.

ӘДЕБИЕТ

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Поздносредневековый Отрар (XVI–XVIII вв.). Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. 343 с.

Жилище народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Е.Е. Неразик, А.Н. Жилина. М.: Наука, 1982. 240 с.

Қаулы. «Мәдени мұра» стратегиялық ұлттық жобасының 2009–2011 жылдарға арналған тұжырымдамасы туралы Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2008 жылғы 6 қарашадағы N 1016 Қаулысы.

Свод памятников истории и культуры Казахстана. Т. 1. Южно-Казахстанская область. Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 1994. 368 с.

Смағұлов Е.А., Тұяқбаев м.Қ., Өсеров Т., Күмісбаева Ұ., Мұсабаев Қ., Мүташев Е. Ескі Түркістан қаласының Жеті ата қақпасының тарихи орынында 2009 ж. жүргізілген археологиялық зерттеу жұмысының есебі. Түркістан 2009 [Қолжазба]. «Әзірет Сұлтан» мемлекеттік қорық мұражайының мұрағаты. № 14. 2 б.

Смағұлов Е.С., Тұяқбаев М. Түркістан археологиялық экспедициясының 1996 ж. жұмыс есебі. (қолжазба) / «Әзірет Сұлтан» қорық-музейінің ғылыми архиві. № 1. 200 б.

Тұяқбаев М.Қ., Өсеров Т.О. Хан мешіті мен Хан ордасына баратын көшені аршып зерттеу жұмыстарының Есебі. Түркістан, 2009 [Қолжазба]. «Әзірет Сұлтан» мемлекеттік қорық мұражайының мұрағаты.

Тұяқбаев М.Қ. Түркістанның төрт қақпасының тарихи негіздері // «Түркістан нұры» әдеби-мәдени, тарихи журнал. Түркістан, 2009. № 3. 112–117 бб.

М.А. ХАМИТОВА

Марван Арынқызы Хамитова,
marvan59@bk.ru,
Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар
және әлем тілдері университеті,
Алматы, Қазақстан

Ә. МАРҒҰЛАННЫҢ XX ғасырдың 40-50 жылдары БҮГІНГІ ҰЛТТЫҚ РУХАНИ КИЕЛІ НЫСАНДАР ТІЗІМІНЕ ЕНГЕН ЕСКЕРТКІШТЕРДІ ЗЕРТТЕУІ

Аннотация. Бүгінгі Қазақстанның киелі географиясына қатысты тылсым сырлы, киелі деп танылатын нысандардың тізімі, классификациясы жасалып, замана талабына сай тұжырымдамасы дайындалды. Мақалада осы тізімге енген киелі нысандардың біразын кезінде академик Ә. Марғұлан зерттеп, түсініктемелер дайындап, энциклопедиялық мақалалар жазып кеткені туралы айтылады. Археологиялық қазба жұмыстарымен қатар Ә.Х. Марғұлан сәулет өнері (архитектура) мен өнер саласын терең зерттеді. Сәулеткерлік ескерткіштерді зерттеу мақсатындағы зерттеулер: Шу өзенінің төменгі етегі, Сарысудың жағалауы, Нұра өзені бойы, Қорғалжын маңы, батысында Сағыз, Ембі өзендерінің бассейнін қамтыды. VIII–X ғғ. тастан жасалған архитектуралық ескерткіштер мен орта ғасыр қалаларын, XIII–XIX ғғ. қазақ күмбездерін ашты. Кеңгір өзені бойының ортағасырлық кесенелерін зерттеді.

Түйін сөздер: Ә. Марғұлан, рухани нысан-ескерткіштер, экспедиция, Сарайшық, қазба жұмыстары, ұлттық сәулет өнері, күмбезді архитектура

Исследования А. Маргулана в 40-50 гг. XX в. памятников, вошедших в список общенациональных сакральных объектов Казахстана

Аннотация. В статье описываются некоторые широко известные в народе памятники, которые были изучены в свое время академиком А.Х. Маргуланом, им были подготовлены справочные материалы, разработаны статьи для энциклопедии. Эти памятники были систематизированы учеными в соответствии с требованиями времени и вошли в список сакральных обьектов Казахстана. Наряду с археологическими раскопками А.Х. Маргулан глубоко исследовал и архитектурные памятники. Круг исследованных им архитектурных памятников охватывал низовья реки Шу, побережье реки Сарысу, русла рек Нура и Коргалжын, на западе республики – бассейны рек Сагыз и Емба. Им были изучены каменные архитектурные памятники VIII–X вв., средневековые города, а также открыты купольные мавзолеи XIII–XIX вв. Он исследовал средневековые мавзолеи на реке Кенгир. Первые археологические раскопки в городе Сарайчик, который вошел в список сакральных обьектов Казахстана, были проведены академиком А. Маргуланом в 1950-е годы.

Ключевые слова: А. Маргулан, историческая география, памятники, экспедиция, Сарайчик, археологические раскопки, народное зодчество, купольная архитектура

Researches of A. Margulan in 40-50th of the 20th century of monuments included in the list of National sacral objects of Kazakhstan

Abstract. The article describes some of the monuments widely known among the people, which were studied at the time by Academician A. Margulan, he prepared reference materials, and developed articles for the encyclopedia. These monuments were systematized by scientists in accordance with the requirements of the time and entered the list of sacred objects in Kazakhstan. Along with the archaeological excavations, A. Margulan deeply investigated architectural monuments. The circle of architectural monuments he studied covered the lower reaches of the Chu River, the coast of the Sarysu River, the beds of the Nura and Korgalzhyn rivers, and in the west of the republic the basins of the Sagyz and Emba rivers. He studied stone architectural monuments of the 8th–10th centuries, medieval cities, and also opened domed mausoleums of the 13th–19th centuries. He explored medieval mausoleums on the Kengir River. The first archaeological excavations in the city of Saraishyk, which was included in the list of sacred objects in Kazakhstan, were conducted by Academician A. Margulan in the 1950s.

Keywords: A. Margulan, historical geography, monuments, expedition, Saraishyk, archaeological excavations, folk architecture, dome architecture.

© 2022 Хамитова М.А.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты ғалымдары Қазақстан бойынша 200-ден астам киелі нысандардың тізімін дайындап ұсынды, және олардың ең маңыздыларына жан-жақты сараптама жасалуда. Олардың қатарында кезінде академик Ә.Х. Марғұлан зерттеулерінен таныс Жанкент V–XV ғғ., Сығанақ VI–XIX ғғ., Тараз I–XIX ғғ., Сарайшық секілді ортағасырлық қалалар, Алаша хан, Жошы хан кесенелері, Домбауыл мазары да бар. Әрине бұл тізімде Ә. Марғұлан ашқан Беғазы археологиялық кешені де бар.

Академик Ә.Х. Марғұлан Қазақстан жеріндегі археологиялық ескерткіштер кешенін іздестіру, табу және зерттеу істерін алғашқылардың бірі болып бастағаны белгілі. 1946–1975 жылдар аралығында Ә.Х. Марғұлан басқарған экспедиция мүшелері мыңдаған этноархеологиялық ескерткіштерді тауып, зерттеп, жүздеген мұраларды қазды. Ғалымның зерттеулері Батыста Сағыз, Жем өзендерінің бассейнін, Қаратаудың солтүстік беткейін, шығыста Шыңғыс тауларын қамтыды. Оңтүстік Қазақстандағы Сыр, Талас және Шу өзендерінің бойынан көне қола мәдениетінің іздерін ашты. Отырар, Тараз, Сайрам және Сығанақ қалаларына археологиялық қазба жұмыстарын жүргізді.

Мақаланы жазудағы мақсат – «Қазақстанның киелі жерлері» және «Туған жер» бағдарламалары аясында жасалған жобаларды іске асыруда академик Ә.Х. Марғұлан еңбектерінің ғылыми әрі дереккөздік маңызын көрсету. Ғалымның көзі тірісінде 400-ден аса ғылыми еңбегі жарияланған екен. Ал тек қана Қазақ совет энциклопедиясына енгізілген 100-ден аса ғылыми мақалалары бүгінгі күні елімізде «Рухани жаңғыру» мәселесінде таптырмайтын дерек көзі болып табылады. Сонымен қатар: а) Ә. Марғұланның Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясының жетекшісі ретінде 1950 жылғы Сарайшық қаласының орнына жүргізілген қазба жұмыстарының барысы туралы есебін тыңдауға арналған ҚазКСР ҒА Тарих, археология және этнография институтының Ғылыми кеңесі отырысының 22 қыркүйек 1950 ж. Хаттамасы; б) КСРО ҒА Материалдық мәдениет тарихы институты Пленумының Орталық Азия археология секциясының 1951 жылғы 24 сәуірдегі «Раскопки в Сарайчике» атты Ә.Х. Марғұланның баяндамасы және оған қатысты ғалымдар пікіріне арналған отырысының хаттамасының көшірмесі алғаш рет ғылыми айналымға енгізіліп отыр. Сол себепті тақырыпты ашу барысында тарихи индукциялық, яғни жаңа құжаттық және мұрағаттық деректерді жинақтап, сараптай, салыстыра қарастыру әдісі қолданылды.

Қазақ КСР Ғылым академиясының Тарих, археология және этнография институтының Орталық Қазақстанға ұйымдастырған археологиялық экспедициясы осы мәселені шешудегі алғашқы қадам болғаны белгілі. Сарысу, Кеңгір өзендері мен Бетпақдаланы қамтып, Ұлытауға дейінгі аумақтағы ескерткіштерді зерттеген экспедиция бұрын ешбір әдебиеттерде көрсетілмеген ертедегі архитектуралық құрылыстарды – көптеген кесене, мешіттерді ашты. Орталық Қазақстанның көп жылдар зерттеусіз, беймәлім күйде қалған көне тарихындағы олқылықтардың орнын толтыру осы археологиялық ескерткіштерді зерттеу барысында ғана мүмкін болғанын атап айту керек. ОҚАЭ ежелгі керуен жолының бойында жатқан отырықшы мәдениет қалдықтарын зерттеу мақсатымен Қаратаудың солтүстік беткейі мен Шу өзенінің төменгі ағысында барлау жүргізіп, Тарсатөбе, Созақ, Бабата, Шолаққорған, Құмкент, Саудакент, Күлтөбе, Ақтөбе, Ақсүмбе атты көне қалаларды және атақты Ақсүмбе мұнарасын зерттеді. Ә.Х. Марғұлан қалалардың тарихи топографиялық жобасын түсіріп, Құмкент қаласын қазба деректегі Кинкат қаласымен балама-лады. Жүргізілген зерттеу кезінде Ә.Х. Марғұлан ежелгі отырықшы мәдениеттің шекарасы Қаратаудың солтүстігінде, Шу, Сарысу өзендерінің төменгі ағысына және Жетіқоңыр төңірегіне дейін созылып жатқанын көрсетті.

Археологиялық қазба жұмыстарымен қатар Ә.Х. Марғұлан сәулет өнері (архитектура) мен өнер саласын терең зерттеді. Ә.Х. Марғұлан басқарған Орталық Қазақстан экспедициясы бірнеше мәселені мақсат етіп қойса, солардың бірі – ортағасырлық сәулеткерлік ескерткіштерді де зерттеу болатын. Алғашқы адам жауын-шашыннан, жыртқыштардың шабуылынан қорғану үшін тас үңгірлерді пайдаланса, Ә.Х. Марғұлан жазуынша, олардың ең белгілілері – бүгінгі Қазақстанның киелі жерлері тізіміндегі Қазығұрт, сонымен қатар, Қаратау, Баянауыл, Қарқаралы, Ұлытау үңгірлері[Марғұлан, Бәсенов, Меңдіқұлов 1959: 56].

«Ерте дәуірдің архитектурасы» атты еңбегінде Ә.Х. Марғұлан: «Қазіргі Қазақстан аумағындағы құрылыс ісінің мыңдаған жылдық тарихы бар. Бұл өнер Қазақстанның таулары мен жазықтарын ертедегі адам бірте-бірте игеріп, бұлар алғашқы қоғамның өндіргіш күштерін дамыту үшін негіз болған заманда туған», - дейді [Марғұлан 2010].

1946–1956 жж. аралығындағы сәулеткерлік ескерткіштерді зерттеу мақсатындағы зерттеулер Шу өзенінің төменгі етегі, Сарысудың жағалауы, Нұра өзені бойы, Қорғалжын маңы, батысында Сағыз,

Ембі өзендерінің бассейнін қамтыды. VIII–X ғғ. тастан жасалған архитектуралық ескерткіштер мен ортағасыр қалаларын, XIII–XIX ғғ. қазақ күмбездерін ашты. Ұлы ғалым Кеңгір өзені бойындағы ортағасырлық кесенелерді зерттеуді бірден қолға алды. Домбауыл дыңының тарихи орны, архитектуралық мәні, дәстүрлі негізі туралы ғылыми пікір айтты. Ә. Марғұлан бастаған экспедиция 1946 ж. Жошы хан кесенесі орнына, 1947 ж. Алаша хан күмбезі орнына археологиялық қазба жұмыстарын жүргізді. 1947 ж. археологиялық экспедиция шығыс Бетпақдаланы, Сарысу, Нұра, өзендері ағыстарынының бойын, Балқаштың солтүстігі, Қарағанды облысының Жаңа-Арқа, Шет, Ақтоғай, Қарқаралы аудандарына барлау жұмыстарын жүргізді. Зерттеу жұмыстары нәтижесінде Сарысу, Нұра, Есіл, Тоқырауын өзендері бойынан қола дәуірі ескерткіштері көптеп табылды. Беғазы I, II, III; Қызыларай I, II; Саңғыру I, II, III; Ақсу-Аюлы, Айбас-Дарасы I, II; Ортау т.б. кешендер зерттелді. Атасудағы – Атасу I, II; Дарат, Бұғылы I, II; Қарқаралы I, II, III елді мекендері; Баянауылда – Шақпақтас, Тағыбай-бұлақ; Шерубай-Нұра өзендері бойынан – Ақсу, Ахметауыл елді мекендері; Талды-Нұра өзені өңірінен – Аққезең, Шортандыбұлақ, Байбала елді мекендері зерттелді. ҚР Білім және ғылым министрлігінің біріккен ведомстволық мұрағатында сақталған Ә.Х. Марғұланның 1947 ж. Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының есебінде зерттеу жұмыстары барысындағы ерекшесі – Көрпетай тауларындағы «мұртты қорғандар» деп көрсетеді [ҚР БҒМ БВМ: 11 қор].

Сонымен қатар, 1947 ж. кіші плиталы Беғазы мавзолейі, 1948 ж. кіші плиталы Беғазы II, III мавзолейлері зерттелді. 1948 ж. археологиялық барлау жұмысы нәтижесінде көптеген архитектуралық ескерткіштердің қалдықтары, кесенелер мен мешіттер есепке алынды. Барлау нәтижесінде мақала жарияланды.

1949 ж. Шерубай-Нұра өзенінің құймасы, Соқыр өзені өңірінен және Ақшатау маңынан қола дәуірі ескерткіштері табылып, зерттелді.

1950-жылдарда репрессия толқынына тап болған Ә. Марғұлан көптеген қиындықтармен бетпе-бет келді. 1950 ж. Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясын басқару тапсырылды. 1950 ж. Ә.Х. Марғұлан басқарған Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясы XIII–XIV ғғ. қыпшақтардың материалдық және әлеуметтік құрылымын зерттеді. Қазақстанның киелі географиясы тізіміндегі Сарайшық қаласына алғаш рет қазба жұмыстарын жүргізіп, Дешті-Қыпшақтың керуен жолдарының қиылысында тұрған саяси, сауда орталықтарының бірі – Сарайшық қаласының сұлбасын жасады. Бірінші рет Сарайшық қаласынан Үргеніш қаласына, Торғай және Ұлытау далаларына қарай керуен жолдарының іздері табылды. Мұндай ой түйіндеуімізге мұрағат деректері дәлел.

1950 ж. 22-қыркүйегінде Қазақ КСР Ғылым академиясының Тарих, археология және этнография институтының Ғылыми кеңесінің отырысында Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясының бастығы Қазақ КСР Ғылым академиясының корреспондент мүшесі Ә.Х. Марғұланның және Шығыс Қазақстан археологиялық экспедициясының бастығы С.С. Черниковтардың Есебі тыңдалған [Протокол Заседания 1950].

Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясының бастығы, Қазақ КСР ҒА корреспондент мүшесі Ә.Х. Марғұлан өз есебінде зерттеу барысында алған нәтижелерін төмендегідей баяндайды.

Алтын Орда ыдырағаннан кейін Сарайшық қаласы Ноғай Ордасының орталығы болып XVI ғ. дейін өз алдына дербес күн кешкен. XVI ғ. қиранды күйге түскен Сарайшық қаласын XVIII ғ. Паллас, Рычков т. б. ғалымдар зерттеген. Ол уақытта қираған қала маңында күйген кірпіштен салынған көптеген архитектуралық құрылыстар, сарай қалдықтары әлі сақталған болатын. Кейін мұның бәрін жергілікті тұрғындар талан-таражға салып, қиратып, тіпті өз беттерінше қазба жұмыстарын да жүргізген.

Экспедицияның міндеті қаланың қираған жұртын алдын ала тексеру болған. Экспедиция солтүстік бағыт бойынша Жезқазған арқылы, Торғай даласы, Шалқар темір жол бекетіне шығады. Осы бағыт бойынша экспедиция әсіресе Торғай даласынан оғыздар кезеңіне қатысты көптеген материалды мәдениет қалдықтарын тапқан. Шалқар темір жол бекеті арқылы барлау жұмыстарын бастап,Ембі өзені жоғары ағысынан Байғалы ауданына дейін зерттеген. Ескі керуен жолдары Сарайшықтан Үргенішке, Сырдарияға дейін Сағыз жәнеЕмбі өзендері бассейні арқылы өткені себепті, Сағыз өзені бойындағы жүргізілген зерттеулері де қызықты болған. Экспедиция зерттеу барысында Жайық өзенінің сол жақ жағалауынан көне керуен сарайының қалдықтарын тапқан. Кезінде Ибн-Батутта суреттеген көпір осы керуен сарайдың қарсысында болғанға ұқсайды деп болжайды ғалым. Сарайшықтың қираған жұқанасының оңтүстік бөлігі ең биігі 2 метрге дейін жететін жекелеген төбелерден тұрған. Сарайшықтың керуен жолдарының бағытына сәйкес, батыс жағынан және оңтүстік батыс жақтан ашылатын екі қақпасы табылған.

Экспедиция 5 рет қазба жұмыстарын жүргізген. № 1 қазба жұмыстары кезінде сарайдың қирандыларына ұқсас үлкен бір ғимараттың орнына тап болған. Орта Азия мен Сырдария бойындағы қалаларға ұқсас күйдірген кірпіштен салынған ғимараттың зерттелген бөлігі төрт бөлмеден тұрған. Көңіл аударарлық мәселе – қыш құбырлардан жасалған жылыту жүйесінің болуы. 2,28 метр тереңдікке дейін жететін түтіндік, оңтүстік шығыс бөлігінен ротондаға ұқсас дөңгелек ғимараттың орны табылған.

№ 2 қазба жұмыстары барысында үш бөліктен тұратын көне қыш күйдіргіш пеш табылса, үшінші қазба жұмыстары кезінде шеберхана орны табылған. Шаршы пішіндес алаңның сол жағында қыштан жасалған су жүретін трубамен қосылған екі пеші болған. Бұл бөлмеде металл, темір балқытылған.

Төртінші қазба жұмыстары кезінде үш қабаттан тұратын тұрғын үй-жай орнын анықтаған. Жоғары қабаты – қазақ-ноғай, екінші қабаты – алтынорда кезеңі, үшінші қабаты – моңғол ұлыстарына дейінгі ерте кезең. Экспедицияның қазба жұмыстары барысында Алтынорда кезеңіне тән емес көне материалдың табылуы Сарайшықтың моңғол ұлыстарына дейінгі ерте замандарда-ақ болғанына дәлел еді. Ә.Х. Марғұлан қала Еділ мен Жайық өзендерінің төменгі ағысы бойында ірі қыпшақ тайпалары өмір сүрген кезеңде, шамамен XII ғ. пайда болған және бұл қала Дешті Қыпшақтың саяси, сауда және мәдени орталығы болған деген болжам жасаған. Сонымен қатар, экспедиция барысында Ембі, Сағыз өзендері бойынан «Ұшқан», «Айгелді», «Таш кешу» секілді т. б. бірнеше керуен жолдарын ашқан.

Бұл деректер Қазақ КСР ҒА Тарих, археология және этнография институтының Ғылыми кеңесінің 1950 ж. 22 қыркүйектегі хаттамасында сақталған.

КСРО Ғылым академиясының Материалдық мәдениет тарихы институтының Пленумы 1951 ж. 24 сәуірінде өткен отырысында Орта Азия археологиясы секциясы отырысында Ә.Х. Марғұланның «Сарайшықтағы қазба жұмыстары» атты баяндамасын тыңдаған және баяндамаға байланысты ғалымдардың пікірлері отырыс хаттамасында сақталған.

Баяндама бойынша тарих ғылымдарының кандидаты С.С. Черниковтың пікірі тыңдалған. Жайық өзенінің жыл сайын арнасынан асуы Сарайшық қаласының жоғалып, шайылып кету қаупін туғызып отырғанын айта келіп, С.С. Черников оны зерттеу алғашқы орында болуы керек деген пікірді айтады. «Сарайшық – Хорезмнің колониясы болғандықтан, ондағы ең көне қабат – хорезмдік қабат» деген профессор Толстовтың пікірі көпшілікке таныс, ал Ә.Х. Марғұлан қазба жұмыстары нәтижесінде Сарайшықтың ең көне қабаты қыпшақ кезеңіне жататындығына өз дәлелін ұсынып отырғандықтан, шындықты айқындау мақсатында Сарайшықтағы қазба жұмыстарын жалғастыруды ұсынған. Тарих ғылымдарының докторы А.Н. Бернштам да өзінің профессор С.П. Толстовтың пікірін қолдайтынын, дегенмен Сарайшықтың орнында Алтынорда кезеңіне дейін де қоныс болды деген Ә.Х. Марғұланның пікірімен келісетінін және Сарайшықтағы қазба жұмыстарын жалғастыру қажеттігін баса айтады.

Орта Азия археологиясы секциясының төрағасы, тарих ғылымдарының докторы М.М. Дьяконов та Ә.Х. Марғұлан жасаған баяндаманың өте қызықты болғанын атап өтіп, 1950 жылғы қазба жұмыстары аса ауқымды болмағандықтан, алдағы жылдары кең көлемде жалғастырудың қажеттігін көрсетеді [КСРО ҒА ОА археологиясы секциясының хаттама көшірмесі 1951].

Қалай десек те, 2004 жылы шыққан ғалымның биобиблиографиясында: «Марғұлан болса Сарайшықтан келе жатып Қызылордада ұсталды, одан емханаға түсті, қазақ ғылымын осыншама қорлаған үкімет саясатын түсіне алмай-ақ қойды», жазыпты.

Ә.Х. Марғұланның 1950 жылы жарық көрген «Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана» атты монографиясы – ортағасырлық Қазақстан қалалары туралы жазылған алғашқы еңбек [Маргулан 1950]. Ә.Х. Марғұлан Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясы тапқан материалдарға сүйене отырып, Отырар мен оның айналасындағы қалашықтар қирандыларын сипаттайды. Еңбекте Отырар сұлбасының сызбасы, керамика суреттері берілген. «Қазақ халқы – көшпелі, жабайы халық» деген пікірге қарсы шыққан Ә.Х. Марғұлан қазақ жерінде мал шаруашылығы, егіншілік, сауда, темір қорыту, қолөнер дамығанын, көне қалалардың болғанын, сәулет өнерінің дамығандығын, қазақ халқы таза көшпенді халық болмағанын және қазақта отырықшылық дәстүрдің ертеден келе жатқанын археологиялық, этнографиялық және сәулеткерлік материалдар негізінде көрсетті. Әлкей Хақанұлы Сырдария бойындағы қалалардың пайда болуын, дамуын қаңлы, оғыз, қыпшақ тайпаларының тарихымен, көшпелілікті отырықшылықпен ұштастыра отырып қарастырады.

Бұл еңбегінде ғалым тұңғыш рет ғылыми негізде Қазақстандағы қала өркениетінің негізгі орталықтарына толық әрі жан-жақты ғылыми сипаттама беріп, терең талдау жасаған.

Ә.Х. Марғұлан 1951 жылы Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясымен Көрпетай тауының солтүстік-батысы мен шығысында, Нұртай өзенінің шығыс жақ аңғарында орналасқан Былқылдақ I, II, III; Қарасай, Темірбастау, Қарабие, «37 жауынгер» қорғанында зерттеу жұмыстарын жүргізді. 1952 жылы Атасу және Шерубай-Нұра өзенінің жоғары жағындағы зерттеу жұмыстарын жүйелеп, тұңғыш рет ғылыми-зерттеу объектісін жасады.

Одан кейінгі жылдарда Саңғыру I, III; Атасу I қоныстары зерттелді, Айшырақ, Елгезек, Беласар ескерткіштері, Байбала, Беғазы мавзолейлері, Бұғылы, Дандыбай, Кент, Былқылдақты ашты. Ә.Х. Марғұланның Орталық Қазақстаннан қола дәуіріндегі қуатты мәдениет ошағын ашуы әлемдік археологияның зор жетістіктерінің бірі болды. Ол: «Орталық Қазақстандағы қола дәуірінің мәдениеті орасан бай. Оларды әйгілі түрде суреттейтін белгілер «Беғазы», «Дәндібай», «Бұғылы» II, III; «Санғыру» (Атасу), «Ақсу-Аюлы» (Нұра өзені), «Қызыл-Арай», «Бала-Құлболды», «Беласар» (Бетпақдала), «Көктас» (Мыңбұлақ), Құсақ өзенінің бойында», – деп жазды. Археология саласында жүргізген жанкешті еңбегі мен ұшан-теңіз жаңалық ашқанына қарамастан, ғалым 1953 жылы бірнеше жылға жұмыстан шеттетілді.

1953 жылғы 13 қарашадағы институт директоры И.С. Горохводатский Қазақ КСР ҒА-ның вице-президенті Н. Сауранбаевқа жазған хатында: «Ә.Марғұланның 1949-1950 жж. далалық экспедиция есебі толық емес, институттың қолжазбалар қорына Ә.Х. Марғұлан тек 1947 жылдың күнделігін ғана тапсырған. Тапсырылған – Пацевич пен Қызласовтың күнделіктері. Сонымен қатар, Орталық Қазақстанның археологиялық картасы дайындалмаған», деп Ә.Х. Марғұланның жұмысына баға береді. Ал, 1951–1952 жж. экспедиция материалдары толығымен Ғылыми Кеңестің шешімімен институт аспиранты К.А. Ақышевқа берілген. К.А. Ақышев осы материалдар негізінде «Эпоха бронзы Центрального Казахстана» атты монографиясын жазған және қараша айында бұл еңбек қорғалады. И.С. Горохводатский хатында Орталық Қазақстан экспедициясы материалдарын басқа да тарихшылар пайдаланатын болады деп жазады. Ал институт Ә.Х. Марғұланға экспедиция материалдарымен уақытша пайдалануға мүмкіндік береді деп баяндаған. Сөйтіп, жоғарыда И.С. Горохводатский көрсеткен кемшіліктер негізінде 1953 жылы наурыз айында Ә.Х. Марғұлан жұмыстан шығарылған.

Қарап шығу үшін 15 қарашада хат Ә.Х. Марғұланға жіберілген екен. Хатты оқыған ғалым: «Составлена большая карта. Подлинник исчез из вида, у меня сохранились лишь фотокопии. В 1952–1953 г. уничтожен весь материал Центрально-Казахстанской экспедиции. Этой подлости Горохводатский и Агеева прибегнули только для того, чтобы доказать, что я не способен к работе и лишить меня возможности. Я уволен с работы 14 марта 1953 г.», – деп, хаттың жиегіне өз қолымен жазған. Осы орайда ҚР ҰҒА академигі О. Ысмағұловтың «Особо следует подчеркнуть, что научные стремления А. Маргулана в условиях коммунистического режима фактически олицетворяли борьбу казахского народа за собственную многовековую национальную историю», деп пікір білдіруіне себептер әрине, болған.

Академик Ә.Х. Марғұланның «Археология» және «Қазақстанның ерте заман өнері» атты екі сала бойынша профессор атанғанын біреу білсе, біреу біле бермейді. КСРО Жоғары және арнайы орта білім министрлігінің Жоғарғы аттестациялық комиссиясының шешімі бойынша берілген профессорлық аттестатында «Маргулан Алкей Хаканович утвержден в ученом звании профессора по специальности «Археология и древнее искусство Казахстана» деп көрсетілген. [Аттестат профессора. МПР № 001621. Москва, 14 октября 1960 г. Решение высшей аттестационной комисии от 28 сентября 1960 г., протокол № 46/ II].

Ғалымның сәулет өнері туралы «Кеңгір бойындағы сәулет өнерінің белгілері», «Сарысу мен Кеңгір бойындағы архитектура белгілері», «Из истории городов и строительного искусства», Т. Басенов және М. Меңдіқұловпен бірлесіп жазған «Архитектура Казахстана», «Доисламская архитектура Казахстана», «Древнейшая архитектура Казахстана из каменных исполинов», «Архитектура средневекового Казахстана» еңбектері ғалымның шығармалар жинағының «История архитектуры Казахстана» атты сегізінші томында жарық көрді[Марғұлан 2010]. Қалай десек те, Ә.Х. Марғұланның археологияға қайта оралып, 1960 жылы қола, темір дәуірі ескерткіштеріне қазба жұмыстарын жүргізіп, телегей-теңіз жаңалықтар ашып, тұтас концепциялар енгізуі ғалымның тарих үшін істеген ерен еңбектерінің санатынан бекем орын алады.

1961 жылы Ұлытау қонысы, Жанайдар қорымдары, ал 1962 жылы Қарқаралы қоныстары мен Кент, Темірші, Сораң, Боқты, Абыралы таулары, Түндік өзені, Талды өзендері бойы зерттеліп, қоладан жасалған құралдар, қару-жарақтар табылды. Қола дәуірінде жасалған су қоймалары, тоғандар табылып зерттелді. Ә.Х. Марғұлан оннан аса тоғанның сипаттамасын беріп, сызбаларын (чертеж) және Нұра өзенін суландыру жүйесінің

де сызбасын жасаған. Көп жылдық археологиялық зерттеулер негізінде академик Ә.Х. Марғұлан Орталық Қазақстанда қола дәуірінде металлургия, оның ішінде, мыс, қола және тағы басқа түсті металл өндіру жоғары дәрежеде дамығанын дәлелдеп көрсете білді. Ғалым 3000–3500 жыл бұрын қазіргі Қазақстан жерінде бай металл кен орны, төл мәдениеті бар мәдени орталық болғанын дәлелдеді. Бүгінгі Жезқазған, Успенск, Саяқ, Атасу, Степняк кен орындары заманның бозқырау шағында-ақ ата-бабаларымызға металлургия ошағы ретінде қызмет жасағанын байламды түйіндермен ашып көрсетті.

Дешті Қыпшақ даласындағы отырықшылық мәдениетті іздестіру мен зерттеу арқылы ғылымда жаңалық ашылды. Қаратаудың солтүстік беткейінен (Тарсатөбе, Баба-ата, Құмкент, Шолақ Қорған, Саудакент қалашықтары) дамыған қала мәдениетінің қалдықтары табылып, зерттелді. Бұл қалашықтардың арасынан Құмкент пен Саудакент қана жазба деректерде кездеседі. Қала мәдениетінің ескерткіштері Бетпақдаланың батысы мен солтүстік бөлігінен табылды. Бетпақдала шөліндегі моладағы күмбез, қоршау, сәулет ескерткіштері (пирамида тәрізді тас қорғандар), мазар, сондай-ақ қоныстар мен тастағы бейнелерді қазу мен қалпына келтіруге көп мән берілді. Ғалымның басқаруымен 1968 жылғы нәтижелі зерттеулердің бірі Беласар, Елшібек кешендері, онда өзіндік мәні бар және әртүрлі керамикалық материалдар орта қола кезеңінен Беғазы Дәндібай мәдениеті кезеңінің мерзімін көрсетті. 1969 ж. Қарағанды далалы алқабынан ең үлкен, әр кезеңнің ескерткіштері бар Балақұлболды кешені зерттелді. 70-жылдарда да ғалымның басқаруымен Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы үздіксіз зерттеу жұмыстарын жүргізді. 1971 ж. Тоқырауын өзенінің жоғары ағысындағы ерте скифтер кезеңінің қорғандары зерттелсе, 1972 ж. Беғазы Дәндібай ескерткіштерінің батыс бөлігі зерттелді. Осы жылы ортағасырлық қорғандарға да зерттеу жүргізілді.

Археолог-ғалымдар – К. Ақышев пен К. Байпақовтардың біріге жазған «Қазақ археология ғылымының атасы» атты мақалада: «Ғұлама ғалым көптеген ортағасырлық көшпенділер ескерткішін бірінші болып ғылыми айналымға енгізсе, соның бірі – XIV ғасырдың бірінші жартысы деп танылған – Нұрадағы қыпшақ қабірі болып саналады», деп көрсетілген [Естеліктер 2004: 165].

Ә.Х. Марғұланның этноархеологиялық бағыттағы үлкен қызметінің бір қорытындысы «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана» (1979) атты монографиясы екені белгілі [Маргулан 1979]. Бұл еңбегінде Әлкей Марғұлан 1947 жылдан бастап барлық экспедициядан жинаған материалдарын талдаған. Беғазы-Дәндібай секілді қола дәуірінің бай мәдени мұрасының орталық Қазақстаннан табылуы дүниежүзілік ғылымда үлкен маңызға ие болып, ғалымның аталмыш монографиясымен танысқан Лондон археология институтының профессоры А. Хатто: «С глубоким вниманием ознакомился с содержанием книги «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана». Она имеет огромное значение в расширении диапазона нашего знания об истории древних насельников этого региона. Проводимые Вами исторические известия в книге открывают новые горизонты изучения древней истории Центральной Азии», – деп жазады.

«Соңғы кезде жүргізілген зерттеулерге қарағанда, Қазақстандағы құрылыс өнерінің түп тамыры сонау көне ғасырларда жатқаны анықталды. Оның кейбір үлгілері тіпті қола дәуірінің тұсында-ақ жасалғандығы байқалды. Оңтүстік және Орталық Қазақстанда соңғы кезде жүргізілген археологиялық қазбалар өте ерте заманғы құрылыс мәдениетінің көптеген ескерткіштерін тауып, олардың түрлері мен құрылымдарын анықтады. Мұның өзі Қазақстан аумағында қола дәуірінен бастап орта ғасырлардың соңына дейінгі архитектураның құрылыс әдістерін белгілеуге мүмкіндік берді»,–деп көрсетеді ғалым. Ә.Х. Марғұлан қола дәуірінен жеткен құрылыстың үш түрін атап өтеді. Олар: тұрғын үй құрылыстарының негізі (іргетасы), мемориативтік құрылыстар және қабір басына қойылатын ескерткіштер.

Ғалымның сәулет өнеріне арналған зерттеу еңбектерінде қазақ халқы сәулет өнерінің ең таңдаулы үлгілері Оңтүстік және Орталық Қазақстанда, Каспий маңында Маңғыстауда, Сағыз және Ембі өзендерінің бойында көбірек сақталғаны көрсетіледі. Олар өздерінің композициялық ерекшеліктері, әсіресе, формасы және конструкторлық шешімінің өзгешелігімен көзге түседі. Қазақтың ұлттық архитектурасының басты айырмашылығы, ерте кездегі салынған қандай құрылыстар болмасын барлығы да тек қана тас немесе кірпіштен қаланған. Олардың күмбездері де тек кірпіштен немесе тастан ғана қиылып қаланған.

Қазақстандағы халықтық сәулет өнері X–XII ғғ. барынша дамиды. Сөйтіп, олар Орта Азия мен Қазақстан халықтары мәдениетінің қайта өркендеу заманының елеулі табыстары болып саналады. Бұл кезде елдің саяси

си өмірінің тізгіні Карахандар әулетінің қолында болған. Карахандар мемлекетінің аса маңызды саяси-мәдени орталықтарының бірі Жетісу жері мен Талас қаласы (қазіргі Жамбыл) болған. Сондықтан да ғалымның жазуында архитектура мен қала құрылысы бұл кезде, ең алдымен, осы Жетісу жерінде, Оңтүстік Қазақстанда, оның ішінде Сырдария өзенінің бойы мен оның сағаларында, Талас, Шу өзендерінің аңғарларында және Қаратау етектерінде барынша дамыған. X–XII ғғ. Оңтүстік Қазақстанда көптеген қалалар пайда болған. Олардың ішінде, әсіресе, Баласағұн, Талас, Отырар, Сайрам, Түркістан, Баба ата қалаларының мәдениет пен өнерді өркендетуде елеулі маңызы болған. Қазір бұлардың көпшілігі қирап, бүлініп, жермен-жексен болып, топырақ астында қалған.

X–XI ғғ. өмір сүрген араб географтарының айтуына қарағанда, бұл кезде Қазақстанның барлық ірі қалаларында (Баласағұн, Талас, Отырар) тамаша қоғамдық үйлер салынған. Олардың ішінде тамаша сәулетті сарайлар, керуен-сарайлар, моншалар, мешіттер, медреселер, мейманханалар (ханахи) және басқалар болған. Үлкен қалаларда су құбыры жүргізілген. Су көтергіш және су таратқыш алып қондырғылар жұмыс істеген. Әсіресе ірі феодалдардың қорған үйлері өздерінің салтанатты қақпасы, сәулетті қабырғасы және биік көркем күмбездерімен ерекше көзге түскен. Мұның мысалы ретінде Ә. Марғұлан Баба атаны атап көрсетеді.

Ғалым X–XII ғғ. біздің заманымызға жеткен ескерткіштерінің ішінен Айша-бибі және Бабаджа Хатун мавзолейлерінің ерекше маңызын атап көрсете отырып, өз дәуірінде бұл екі ескерткіш ескі Талас қаласының әсем ансамблінің әдемі құрылыстарының бірі болғаны туралы жазады. Ал, Қазақстан жерінде моңғолдар үстемдігі дәуірінде (XIII–XV ғғ.) салынған бірнеше архитектуралық ескерткіштер де сақталғаны белгілі. Марғұлан пікірінше олардың ішіндегі ең көрнектісі жоғарыда аталған – Қарағанды облысы, Кеңгір өзенінің бойындағы Шыңғыс ханның үлкен баласы – Жошы ханның мавзолейі [ҚСЭ 1974: 481].

Академик Әлкей Марғұлан жазуында Аягөз бойындағы Қозы Көрпеш–Баян сұлудың шошақ кешені – толып жатқан дың, діңгектердің бір түрі. Мұндай дың, үйтастардың ерекшелігі – олардың барлығы ислам діні Орта Азияға тарамай тұрған кезде (VI–X ғғ.) жасалған ескерткіштер. Қазақ совет энциклопедиясына дайындаған зерттеу мақаласында ғалым: «Дың түрік қағанаты мен қыпшақ мемелекетінің алғаш құрылған кезінде (VIII ғ.) көп тараған. Дың тұрғызуды оғыз қыпшақтар, қарлұқтар, басқа да тайпалар кеңінен қолданған. Дыңды тастан, кірпіштен, балшықтан қалап, үстіңгі еңсесін күмбезге, не шошақ мұнараға айналдырады. Дыңның бұл екі түрі де өлген адамдарды қабірлеуге арналған. Құрылыстың киіз үй сияқты түрі кейін күмбез жасауға үлкен әсер еткен»,–деп жазған. Ә.Х. Марғұлан осындай ескерткіштердің қатарына 1862 жылы түсірілген фотосы сол кезде «Түркістан альбомында» сақталған Қорқыттың күмбезі, Торғай бойындағы Бақсы мола, Кеңгір бойындағы Домбауыл сияқты сәулет өнері үлгілерін жатқызады. Олардың қабырғаларының мейлінше қалың, екі метрге жуық, сырт пішіндері киіз үйге ұқсайтынын жазды [Марғұлан 1985: 193].

Ғалымның пікірінше, бұл ескерткіштерді күмбездеп салу әдісі Орта Азиядағы, Ирандағы, Араб жеріндегі күмбездерден басқаша. Күмбез қалау әдісі мұнда «жалған еңсе», яғни «ложный свод» тәсілімен орындалған. Осындай «жалған еңсе» тәсілімен тұрғызылған құрылыстар – Жаманқара Тоқсанның күмбезі және Бақсы мола күмбезі. Ә. Марғұланның пікіріне сүйенсек, сыртқы жағы күйдірген кірпіштен қаланған Бақсы моланы Қорқыт күмбезінің бір түрі деуге болады [Энциклопедия 2002: 193].

Жалпы Қорқыт туралы, оның заманында Сырдария бойында жасалған қалалар, күмбездер, кешендер туралы айтылатын қария сөз, аңыздар өте көп. Қорқыт өмірімен байланысты айтылатын сондай тарихи хикаяның бағалысы Жанкент қаласы туралы аңыздар. Ә.Х. Марғұлан жазуынша, Жанкент қаласының орнын бірінші рет қазып зерттеген археолог, ресейлік шығыстанушы ғалым – П.И. Лерх.

Сол ескі дәуірлерде әдемі заттар жасайтын шеберхана орны ғалымды ерекше таңқалдырған. Шеберханада сілтілік металдар ерітіндісін қорытатын пештің орны және пештің үстінде шойын қазан сақталған, оның ішінде қатып қалған глазурьдің қалдығы табылған. «Олардың бірталайы XIII–XIV ғғ. Алтын Орда (Дешті-Қыпшақ) заманы мәдениетінен хабар береді», – деп жазды Ә.Х. Марғұлан. Жанкентте мыстан, күмістен жасалған, XIII–XIV ғғ. теңгеліктер табылған. Кеңес дәуірінде Жанкентті толық зерттеп, қала орнынан көп нәрселер тапқан Орта Азия халықтарының тарихын зерттеуші тарихшы, этнограф, археолог-ғалым С.П. Толстов екенін білеміз [Марғұлан 1985: 195].

Қала мен көшпелі дала өмірі бірін-бірі толықтырған және бірін-бірі қажет еткен шаруашылық құрылымы

болды. Қалалар мол сулы өзендер қойнауларында бой көтерді. Іле, Сырдария бойларында Жібек жолының өтуіне байланысты қалалар санының тез өскенін атап көрсетті. Сырдария бойындағы алғашқы отырықшы кенттердің ең үлкені Шірік-Рабат, екінші ірі кент – Күйік қала аталатын [Марғұлан 1985: 80]. Сырдарияның орта ағысындағы б.д.д. 650–350 жылдары пайда болған Жетіасар, Отырар, Қаратау қалалары – сақ және қаңлы мәдениетінің туындылары. Қазақ жерінде ежелгі мәдениет орталықтары ретінде тек Отырар мен Сайрам, Түркістан ғана емес, Сыр бойындағы – Жент, Баршынкент, Жанкент, Сығанақ, Талас-Шу алабындағы – Тараз, Құлан, Аспара, Баласағұн қалалары да тарихта белгілі болған.Құлан қалашығының макеті ҚР МОМ-нің Археология залына қойылған. Ә.Х. Марғұлан сол кезеңдегі белгілі қалалар – Тараз, Құлан, Сайрам, Отырар, Баласағұн сияқты қалалардың салыну, жоспарлау жағынан ұқсас болғандығын айтады.

Ә.Х. Марғұлан жазуынша, араб географы әл-Мақдиси X ғ. өзінде Қазақстан аумағында 200-ден аса қала болғанын баяндаған. Бүгінгі Жамбыл облысы, Шу ауданы жеріндегі VI ғ. іргесі қаланып, түркі тектес тайпалардың орталығы болған Баласағұн қаласы ортағасырлық отырықшы мәдениеттің ошағы болған. 1212 ж. қарақытайлар басып алғанда, Баласағұнда қырыққа жуық жұма намазы оқылатын мешіт, он медресе болыпты. Қазақ қалалары архитектуралық үйлесімділігі, сәнділігі жағынан өзге елдердегіден кем түспеген. Алтын Орда мемлекеті өзі өмір сүрген екі ғасырға жуық уақыт аралығында 150-дей қала тұрғызған. Солардың ішіндегі сәнділері Еділ бойындағы Бату Сарайы, Берке Сарайы және Жайық бойындағы Сарайшық қалалары болса керек. Сарайшық – соңғы жылдарға дейін елімізде, академик Ә.Х. Марғұлан болмаса, басқа ғалымдар аса көңіл бөле қоймаған және зерттеу еңбектерінде кездеспеген қала.

Жатжұрттық саяхатшы-зерттеушілер қалдырған мәліметтері бойынша және өз байқауларынан қорытындылай келе, академик Ә.Х. Марғұлан ғылымда Сарыарқаның қалалық мәдениеті жайлы жаңалық ашты. Мәселен, Ақсу өзенінің Қаракеңгірге құяр сағасындағы Хан Ордасы; Нұра өзеніндегі ортағасырлық елді мекен; Сарысу өзеніндегі Қарағаш, Қарасақал, Белен-ана, Жұбан-ана; Жезді өзеніндегі Басқамыр, Аяққамыр сынды елді мекендер зерттелді.

«Ғұндар – мыңдаған жыл сахараны қоныстап, өздерінен көп ұрпақ, бай мәдениет қалдырған ел. Олардан ұрпақ болып қалған елдер – үйсіндер, қаңлылар, оғыздар, қыпшақтар, арғындар, қоңыраттар, найман-дар, керейлер, уақ-үңгіттер, дулаттар», – деп жазды Ә.Х. Марғұлан. Ал бұлар мұра етіп қалдырған қалалар Сыр бойында, Жетісуда, Орталық Қазақстанда, Маңғыстауда да өте көп. Олардың ішінде ең үлкендері – Сайрам, Сүткент, Отырар, Түркістан, Сауран, Сығанақ, Қорған ата, Артық ата, Баршынкент, Жент, Оғыз-Дабан, Хорасан ата тағы басқалары. Бұлардан өзге Сыр бойы мен Қаратауда толып жатқан ескі қалалардың үлкен үйіндісі Субанкент, Атакент, Баба ата, Құмкент, Кенжек тағы басқалары. Жетісуда – Шу, Баласағұн, Талас, Мерке, Отлық (Атлах), Шельжі, Құлан, Ашпара, Куяш, Екіөгіз, Қаялық, Қапал тағы басқалары. Баба ата қалашығының үлкейтілген суреті ҚР МОМ-нің Археология залында көрсетілген. Ә.Х. Марғұлан жазуынша, бұл қалалардың барлығы өте берік, басқа елдердің жауларына қарсы тұра алатындай мықты етіп жасалған. Олардың сыртқы қамалдары берік, қабырғаларын, бұрыштарын мұнара тізбегімен бекітіп, кіретін қақпасын мықты бағаналармен биікке көтерген. Олардың ішінде әдемілеп салынған қонақүйлер мен керуен-сарайлар бар. Бұл қалаларды кейбір зерттеушілер сахараны қоныстанған тайпаларға көпсініп, оны жасаушылар ауып келген елдер деп түсінген. «Бірақ бұл шындыққа келмейтін қате ойлар» деген пікір айтады ғалым [Марғұлан 2007: 40]. Осы қалаларды мекендеген тайпалардың әдет-ғұрпы, мәдениет түрі, қолөнерінің қалдығы, ою-өрнектері тегісімен көшпелі не жартылай көшпелі тайпалардың қалдығы. Ә. Марғұлан жазуынша, Қазақстан өлкесінде күрделі цивилизация, алтын-күмістен жасалған әдемі бұйымдар, әдемі көзелер, тас мүсіндер, тас жазулар, тас-тұнжырлар, таулы жер мен өзен бойын сұлулыққа бөлеген сәулетті күмбездер, тас сарайлар, шулы қалалар болған. Бірақ олар бірде көркейіп, бірде түрлі себептермен жойылып отырған.

Ә.Х. Марғұлан Қазақстанның мәдениет тарихын зерттеу мәселесін өз назарынан тыс қалдырған емес. 1959 жылы Т. Бәсенов, М. Меңдіқұловпен бірлесе жазған Қазақстанның орта ғасырлық архитектурасының тарихы туралы «Қазақстан архитектурасы – Архитектура Казахстана» атты ғылыми монографияны бастырып шығарды [Маргулан, Басенов, Мендикулов 1959]. Сәулет өнерінің өзіндік үлгілері – Қожа Ахмет Иассауи, Айша бибі, Алаша хан, Сырлытам, Жошы хан, Қарахан ескерткіштері неше ғасырлар бойы жаңбыр мен желге, күн сәулесі мен температуралық өзгерістерге сырын да, сынын да жоғалтпастан шыдаған ғимараттар, нағыз шебердің қиялынан туған, ұрпаққа мақтаныш

боларлық ұлттық мұралар екенін бүгін мақтанышпен айтамыз. XII–XIII ғғ. қыпшақ заманында тұрғызылған Айболат күмбезі, Қаракеңгір өзенінің оң жағасында қарахан не оғыз-қыпшақ заманында X–XI ғғ. сахаралық сәулет өнерінің үлгісінде салынған Алаша хан күмбезі, XVIII ғ. Тарақты Алтыбай батырға арнап салынған, кірпішін жүн, май араластырып илеген – Алтыбай күмбезі, Кеңгір өзені бойындағы XIX ғ. салынған Асанқожа күмбезі, Жошы хан күмбезі, Орталық Қазақстанда Домбауыл кешені, Қаракеңгір өзені бойындағы Жансейіт күмбезі, Дүзен күмбезі, Ұлытаудағы Ерден күмбезі, Ерубай күмбезі, Сарысу өзені бойындағы Жұбан-ана күмбездері туралы, қыпшақ заманынан келе жатқан көне архитектуралық ескерткіш – Аяққамыр туралы да Әлкей Марғұлан еңбектерінен оқып білеміз [Хамитова 2010: 50].

Ә.Х. Марғұлан археологиялық экспедициялар кезінде үнемі күнделік жазғаны белгілі. 1961 жылы жазылған күнделігінде: «Біз 6 тамыз күні кешкі сағат 6-да Кеңгірден шығып, Ұлытауға тарттық. Қасымда суретші Власов бар. Жол Жыланды өзенін кесіп өтіп, Бас қағылға қарай созылып жатады екен. Сағат кешкі сегізде Жүзден тамның (Кеңгір өзені) қасынан өттік. Сағат сегіз жарымда Ерден тамынан өтіп, тоғыз жарымда Ұлытауға келдік», – деп жазылған. Келесі күні, яғни жетінші тамызда Ұлытау Кеңгір бойындағы көп қызыл үйлердің архитектурасы, олардың сақталуы, жасаған шеберлер, үйшілер туралы дерек жинайды. Терiскейдегі шеті ғана Бағаналы еліне қарағанқызыл кірпіштен салған үйлердің картасы Қаракеңгірдің Сарыкеңгір басынан бастап құятын жеріне дейін мына түрде суреттелді деп, ғалым сексен үйді тізіп, кімдердің үйі болғанын атауларымен, оларды салған сәулетші-үйшілердің аты-жөнін, үйлердің сол сәттегі хал-жайын суреттеп жазады [Марғұлан. Күнделік дәптер. Ғалымның жеке мұрағаты].

Әлкей Марғұлан жазуынша бұл үйлерді күйдірген кірпішпен өрнектеп өруші XVIII–XIX ғ. өмір сүрген қазақ сәулетшілері – Серәлі Елеманұлы (1803–1902), Тобақабыл Тілеуқабылұлы (1824–1920), Ахмет Көтібаруұлы (1819–1870), Бодық сәулетші, Данияр Кәрібаев, Әбіш Жандыбайұлы Құнанқара, Сатыбалды Қошқаруұлы, Тілеубай үйші, Арыстанбек Жанабайұлы, Тайшық үйші, Бейсен Мәжікеев, Талпақ Байсарыұлы, Қойкелді Талпақұлы (1868–1940).

Олардың ең атақтысы – Серәлі Елеманұлы. XIX ғ. қазақтың атақты сәулетшілерінің бірі, қағазға түсірілген үлгі бойынша ғимараттар тұрғызған халық шебері. Сарысу өзенінің Кеңгірге құятын сағасындағы Жандәулеттің қызыл үйі, кірпішті ақ, қоңыр, қызыл түспен күйдіре білген Еламанұлы Серәлі үй қабырғасын ілулі кілем түріне ұқсатып нақыштаған. Ә.Х. Марғұлан зерттеуінде, Ұлытау іргесімен ағатын Жанғабыл өзені бойындағы Төртқараның күмбезі, Қаракеңгір өзені бойындағы Дүзеннің күмбезі осы Серәлі шебердің қолынан шыққан. Ал осы күмбездердің ішкі қабырғасына өрнектеп сурет жасаушы (бейнелі фреска) – Ахмет Көтібаруұлы.

Кеңгір өзенінің оң жағасында орналасқан, XIX ғ. тұрғызылған мазарлардың бірі – Жаманқара Тоқсан күмбезінің авторы сәулетші Әбіш Құнанқараұлы екенін де Ә.Х. Марғұлан жазды. Сыртқы белдеулері (фриз) басқұр өрнегімен тартылған бұл күмбездің планы «крест» түрінде жасалғандықтан төрт беті бір қалыптас, қай жағынан қараса да бірдей болып көрінетін, композициялық жағынан өзге күмбездерге ұқсамайтын ерекше шығарма деп көрсетеді.

«Осылардың бәріне қарағанда, халқымыз ерте заманнан мемлекеттік іске белсене қатынасып, Орта Азия көлеміндегідей үй салу, қызыл күмбез тұрғызу істеріне ерекше көңіл аударған, қала мәдениетінен де зор хабары бар, сәулет істерін жақсы түсінген ел екенін көрсетеді. Сарысудың төменгі жағы – Жетіқоңыр, Шудың аяқ кезіндегі, Ұлытау төңірегіндегі, екі Кеңгір бойындағы толып жатқан сұлу күмбездердің барлығын салған бір ғана Бағаналы шеберлері. Қазақстанның өзге жерлерінде мұндай сәулет өнері жоқ. Халықтың искусствосына ірге болатын сәулет өнерінің белгілері бір ғана осы Ұлытау төңірегінде бар. Бұл – сәулет өнері», – деп жазды ғалым.

Осы орайда, Ә.Х. Марғұлан 1965 ж. шыққан Қазақ КСР Жоғарғы Советі Президиумының «Қазақ ССР-інде мәдениет ескерткіштерін қорғаудың жайы туралы» қаулысын ерекше қабылдаған [Ведомости 1965: 22–25]. «Бұл қаулыны іс жүзінде бұлжытпай орындап отырсақ, мәдениет пен өнер ісінің сан алуан сәулетті түрін көп уақыт сақтап, келесі заманға мирас етіп отыруға болады», – деп жазды [Қадыров, Нұрмұқамбетов 1966: 68–78].

Қорыта келсек, «Қазақстанның киелі жерлері» және «Туған жер» шеңберінде қолға алынып жатқан жобаларды іске асыруда Ә. Марғұлан еңбектерінің ғылыми әрі дереккөздік маңызы зор. Қазақстан жеріндегі тас дәуірінен бастап, бүгінгі уақытқа дейінгі тарихи сананы жаңғыртуға қатысты тарихи нысандардың тізімге алынып, жүйеленуі – халықты рухтандырып, баршамыздың рухани дамуымызға зор үлес қосатын жоба болып отырғаны анық. Бұл жерде ескеретін мәселе – әрбір қасиетті орын сол жердің жергілік-

ті халқының өмірімен байланысты болғандықтан, ең алдымен оған әр өңірдің тұрғылықты халқы атсалысатыны белгілі. Дегенмен,жергілікті өлкетанушылар өз беттерінше зерттеу жүргізіп, дәйектерін баспасөз беттерінде көпшілікке ұсынып жатады. Нәтижесінде бұрмалаушылықтар орын алуы мүмкін. Сол себепті өлкетанушылар тарихи жазба деректерді, және танымал ғалымдардың зерттеу еңбектерін зерделей отырып, тарихшы, ғалымдармен біріге жұмыс жасауы қажет.

ӘДЕБИЕТ

Ақышев К., Байпақов К. Қазақ археология ғылымының атасы // Ә. Марғұлан туралы естеліктер (Құраст. Марғұлан Д.Ә.). Алматы: Білім, 2004.

Ведомости Верховного Совета КазССР. 1965. С. 22–25.

Выписка из протокола заседания секции археологии Средней Азии пленума Института истории материальной культуры АН СССР 24 апреля 1951 года. Выступления по докладу А.Х. Маргулана «Раскопки в Сарайчике».

Қазақ өнері. Энциклопедия. Алматы: Білік, 2002. 195–209-бб.

ҚР БҒМ БВМ 11 қор, 1 тізбе, 104 іс.

Қадыров М., Нұрмұқамбетов Б. Ертедегі Орталық Қазақстан тайпаларының мәдениеті мен өнері // Ежелгі мәдениет куәлары. Алматы: Қазақстан, 1966. 68–78-бб.

Маргулан А.Х., Басенов Т., Мендикулов М. Архитектура Казахстана. Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. 172 с.

Марғұлан Ә.Х. Шығармалар жинағы. Алматы: Алатау, 2010. Т. 8. 250 б. илл.

Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1950. 122 б.

Маргулан А.Х. Беғазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алматы: Наука, 1979. 360 с.

Марғұлан Ә. Жошы, Жұшы (1187-1227). Жошы хан күмбезі. Қазақ совет энциклопедиясы. Алматы: Полиграфия, 1974. 481 б.

Марғұлан Ә.Х. Күнделік дәптер. / Қолжазба. Ғалымның жеке мұрағаты.

Марғұлан Ә.Х. Шығармалар жинағы. Алматы: Алатау, 2007. Т. 3. 488 б.

Протокол Заседания Ученого совета Института истории, археологии и этнографии. АН КазССР, гор. Алма-Ата. 22 сентября 1950 г. (Ғалымның жеке мұрағатынан).

Хамитова М. Академик Ә.Х. Марғұланның ғылыми мұрасының Қазақстан музей ісіндегі маңызы: тарих ғыл. канд. ... дис. 07.00.07 – Этнография, этнология және антропология. Алматы, 2010.

Хамитова М.А. Әлкей Марғұлан және мәдени мұра. Ғылыми танымдық зерттеу / Проф. Х.М. Әбжановтың жалпы редакциясымен. Алматы: Орхон баспа үйі, 2019. 488 б.

ПОДУШКИН А.Н.
ДОНЕЦ А.Г.
АСАДЧЕВА Е.А.
КЕСМАН А.В.

Александр Николаевич Подушкин,
p_a_n_alex@mail.ru,
Южно-Казахстанский государственный
педагогический университет, г. Шымкент, Казахстан;
Андрей Геннадиевич Донец,
foto-ad@mail.ru,
Туркестанский областной
историко-краеведческий музей, г. Шымкент, Казахстан;
Екатерина Михайловна Асадчева,
asadcheva02@bk.ru
Ангелина Владимировна Кесман,
angelinakesman246@gmail.com,
Центр археологии Южно-Казахстанского
государственного педагогического университета,
г. Шымкент, Казахстан

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ в УРОЧИЩЕ СИЛЬБЕЛИ (по материалам работ 2020–2021 гг.)

Аннотация. Статья посвящена результатам исследования новых памятников археологии в урочище Сильбели (Южный Казахстан). В ходе раскопок поселения Сильбелитобе и кургана № 1 близлежащего некрополя получен археологический комплекс (керамика, орудия труда из камня, артефакты из кости, железа), близкий по своему историко-культурному содержанию материалам каратобинского этапа арысской культуры Южного Казахстана (I в. до н.э. – IV в. н.э.). Полученные артефакты говорят о том, что жители поселения Сильбелитобе занимались добычей, выплавкой и обработкой железа, а в этнокультурном аспекте памятник связан с государством Кангюй, которое располагалось на территории Южного Казахстана в первые века до н.э. – первые века н.э.

Ключевые слова: могильник, поселение, археологический комплекс, государство Кангюй, керамика

Сілбелі шатқалындағы археологиялық зерттеулердің кейбір қортындылары (2020-2021 жж. жұмыстардың материалдары бойынша)

Аннотация. Мақала Сілбелі трактіндегі (Оңтүстік Қазақстан) жаңа археологиялық ескерткіштерді зерттеу нәтижелеріне арналған. Сілбелітөбе қалашығы мен жақын жердегі қорымның 1-қорғанын қазу кезінде тарихи-мәдени мазмұны жағынан Қаратөбе материалдарына ұқсас археологиялық кешен (керамика, тастан жасалған құралдар, сүйектен, темірден жасалған артефактілер) алынды. Оңтүстік Қазақстанның Арыс мәдениетінің кезеңі (б.д.д. I ғ. – б.д. IV ғ.). Алынған жәдігерлер Сілбелітөбе қонысы тұрғындарының темір өндірумен, балқыту мен және өңдеумен айналысқандығын, ал этномәдени аспектіде ескерткіш Оңтүстік Қазақстан аумағында орналасқан Қаңлы мемлекетімен байланысты екенін көрсетеді, бұл б.д.д. I ғасыр мен б.д. алғашқы ғасырлары.

Түйін сөздер: қорым, қоныс, археологиялық кешен, Қаңлы мемлекеті, керамика

Some results of archaeological research in the Silbeli tract (based on the materials of works of 2020-2021)

Abstract. The article is devoted to the results of the study of new archaeological sites in the Silbeli tract (South Kazakhstan). During the excavations of the settlement of Silbelitobe and mound 1 of the nearby necropolis, an archaeological complex was obtained (ceramics, tools made of stone, artifacts made of bone, iron), similar in its historical and cultural content to the materials of the Karatobe stage of the Arys culture of South Kazakhstan (1st century BC – 4th century AD).The obtained artifacts indicate that the inhabitants of the Silbelitobe settlement were engaged in the extraction, smelting and processing of iron, and in the ethno-cultural aspect, the monument is associated with the state of Kangju, which was located on the territory of South Kazakhstan in the 1st centuries BC –1st centuries AD.

Keywords: burial ground, settlement, archaeological complex, Kangju state, ceramics

© 2022 Подушкин А.Н., Донец А.Г., Асадчева Е.А., Кесман А.В.

Рис. 1. Поселение Сильбелитобе: 1 – вид сверху;
2 – внешний вид цитадели

Рис. 2. Поселение Сильбелитобе. Вид раскопа сверху, маркировка помещений

Урочище Сильбели расположено в 20 км на восток от пос. Каскасу (Толебийский р-н Туркестанская обл.), в среднегорной ландшафтной зоне хребта Каржантау (южные отроги горного массива Таласский Алатау), рельеф которой имеет перепад высот от 1500 до 2200 м над уровнем моря. Долина урочища Сильбели включает на севере гребневидные возвышенности водораздела рек Сайрамсу и Аксу, на юге – склоны Каржантау, которые формируют водораздел рек Сайрамсу и Сильбели. Облик долины подчеркивает река Сильбели, правый приток реки Сайрамсу, впадающая у выхода последней из одноименного горного ущелья.

Поселение Сильбелитобе находится на завершении острого языкового гребневидного лёссового останца, который является водоразделом бассейнов рек Сильбели и Каинды. Типологически относится к поселениям-убежищам. Главный холм поселения (цитадель) представляет собой вытянутое по линии В–З овальной трапециевидной формы пятиугольное возвышение с крутыми склонами и выраженным понижением в центре. К востоку от цитадели Сильбелитобе отмечены двеовально-прямоугольной формы площадки, которые, судя по всему, представляют собой отдельные рабады памятника (на них фиксируется подъемный керамический материал). Отметим, что со всех сторон, кроме южной, имеющей самый крутой склон, цитадель окружают рвы (рис. 1, 1, 2).

В 2020 г. на цитадели памятника, в его юго-западной части, был заложен раскоп размерами 3×2 м. При углублении раскопа по всей площади на первом штыке последовали в большой массе фрагменты посуды различного функционального назначения, а на глубине яруса от уровня дневной поверхности (0,5 м) обнаружились контуры первого строительного горизонта в виде стен, выполненных из пахсы и кирпича-сырца.

В полевом сезоне 2021 г. в ходе раскопок на цитадели поселения в северо-западной части цитадели был заложен раскоп площадью 6×5 м (в т. ч. с раскопом 2020 г.), доведенный до глубины 1,3–1,4 м, что соответствует первому (верхнему) строительному горизонту памятника. Зафиксировано четыре помещения квадратно-прямоугольной формы, стены которых сложены комплексной кладкой из кирпича-сырца, камня средних размеров и пахсы. Между помещениями № 3 и 4 фиксируется дверной проем, на уровне пола во всех помещениях отмечен бой керамической посуды различного функционального назначения, каменные выкладки, остатки очагов открытого типа, орудия труда из камня, зольники (рис. 2).

Внутри открытой части помещения № 1 на уровне глиняного пола, на котором отмечены зольники, фиксируются: наземный очаг, часть ладьевидной зернотерки с двумя рабочими поверхностями и терочники, фрагмент донца от сосуда типа хума со следами древней реставрации, альчики-астрагалы с высверленными отверстиями, миниатюрный кубический каменный терочник и высокообогащенная железом крица (рис. 2, помещение 1).

В помещении № 2 на уровне пола и на длинной относительно узкой стене, а также вблизи нее отмечены: части раздавленного жженого кирпича и фрагменты керамики горловин кувшинов, части венчиков, тулова и донцев от хумов, ручка от столового горшка, функциональные камни (лощила) и крупный астрагал, деревянные фрагменты балки-перекрытия, каменные выкладки и керамические напрясла (пряслица; рис. 2, помещение 2). В юго-западной части помещения № 2 зафиксированы раздавленный столовый кувшин, керамические обломки посуды типа столового горшка, кувшина, кружки (рис. 2, помещение 2).

В юго-восточной части помещения № 3 на уровне пола и каменной выкладки найдены разрозненные фрагменты столовой посуды (горшки) и раздавленный сосуд типа водоносного кувшина или хумчи (рис. 2, помещение 3). Наконец, на уровне пола помещения № 4 обнаружены орудия труда и изделия из кости (в том числе срединная накладка на «М»-образный рефлексирующий сложносоставной лук), фрагменты кухонной и столовой керамики (горшки, кувшины, кружки; рис. 2, помещение 4).

В целом, археологический комплекс поселения Сильбели достаточно выразителен и информативен, содержит керамику, орудия труда из камня, артефакты из железа и кости. Керамика включает все группы посуды (хозяйственно-бытовая, столовая, кухонная); в основном она представлена фрагментами, не позволяющими реконструировать форму сосудов, однако их функциональное назначение, декор, некоторые приемы изготовления воссоздаются достаточно хорошо. Так, отпечатки ткани грубой текстуры на донцах хумов (хумчи) дают основание говорить о том, что такие большие сосуды формовались на тканевой подкладке. Кроме того, факт использования ткани в керамическом производстве свидетельствует о развитии ткачества у древних насельников поселения Сильбели, об этом же говорят находки пряслиц.

Кухонная керамика включает фрагменты сосудов типа плоскодонного горшка и котла с горизонтальными петлевидными ручками на тулове, небольшие кружки (рис. 3, 1–3, 7–10, 12). Вся кухонная керамика сделана вручную из грубого теста с большими примесями шамота, песка и растительности, носит следы исполь-

Рис. 3. Поселение Сильбелитобе. Кухонная керамика

Рис. 4. Поселение Сильбелитобе. Хозяйственно-бытовая керамика:
1–4 – хумы, хумчи; 5–8 – водоносные кувшины

зования на открытом огне (сильно закопчена). Часть сосудов украшена рельефно-выпуклыми налепами и валиками (рис. 3, 4–6, 11). Обнаружен также фрагмент редкого по форме стаканообразного сосуда с прямыми вертикальными стенками (форма восстанавливается; рис. 3, 14).

Хозяйственно-бытовая керамика представлена фрагментами от хумов, хумчи (части венчиков; рис. 4, 1–4; 5, 1, 2), крупных водоносных кувшинов (донца; рис. 4, 5–8; 5, 3, 4). Сосуды хозяйственно-бытового назначения сделаны вручную из качественного теста, формовались на песчаной и тканевой основе, хорошо обожжены (рис. 5, 5, 6). Хумы украшены пальцевыми бороздами и вдавлениями под венчиком (рис. 4, 1; 5, 1–2). Хумы и кувшины также покрывались ангобом коричневого цвета и украшались ангобными потеками и рифлением (рис. 4, 7–8). Также найдены керамические напрясла конической формы с нижним кольцевым вырезом (рис. 3, 13, 15).

Столовая керамика включает фрагменты кувшинов (рис. 6, 1–8, 10, 11), кружек (рис. 4, 9; 6, 9) и миниатюрных сосудов типа плошки (рис. 6, 12). Столовая посуда выполнена вручную из качественного теста, хорошо обожжена, покрыта ангобами коричневого оттенка и украшена ангобными потеками, имеет кольцевые рельефно-выпуклые валики (каннелюры) под венчиком, станковое и прочерченное рифление (рис. 6, 1–12).

Следует отметить факт древней реставрации керамических изделий в поселении Сильбелитобе – высверленные парные отверстия по линии излома на различных сосудах (рис. 5, 3, 6; 6, 5, 10).

Каменный инвентарь включает классические ладьевидные зернотерки (рис. 7, 1–3), лощила (рис. 7, 4, 5, 7, 8) и оселки-кайраки (рис. 7, 9). Отдельно отметим правильной кубической формы миниатюрный шестигранный терочник, на поверхности которого фиксируются следы использования, возможно, в ритуальных целях (рис. 7, 6).

Рис. 5. Поселение Сильбелитобе. Хозяйственно-бытовая керамика:
1, 2 – хумы; 3, 4 – водоносные кувшины; 5, 6 – отпечатки ткани на донцах хумов

Изделия из кости представлены несколькими игральными овечьими альчиками-астрагалами (некоторые из них имеют высверленные отверстия; рис. 8, 9–11), срединными накладками на деревянную рукоять сложносоставного «М»-образного лука (накладки носят следы обработки краев и обратной поверхности; рис. 8, 1), изделием из ребра лошади непонятного назначения с полированными поверхностями и тамгообразным знаком (судя по всему, это личное лощило мастера-гончара; рис. 8, 2), хорошо обработанным и полированным лощилом вытянутой трапециевидной формы (рис. 8, 3), инструментом гончара в виде полированного остроконечника (рис. 8, 4), амулетом из клыка собаки (волка; рис. 8, 5).

Артефакты из железа представлены высокообогащенной крицей (рис. 8, 8), заготовкой в виде иглы с утолщением посередине (рис. 8, 6) и частью перстня с небольшой печаткой (рис. 8, 7).

Работы на некрополе поселения Сильбелитобе

В полевом сезоне 2021 г. археологический отряд ЮКГПУ начал работы на некрополе поселения Сильбелитобе, расположенного в 600 м к востоку от поселе-

Рис. 6. Поселение Сильбелитобе. Столовая керамика (кувшины, горшки, кружки)

Рис. 7. Поселение Сильбелитобе. Орудия труда из камня

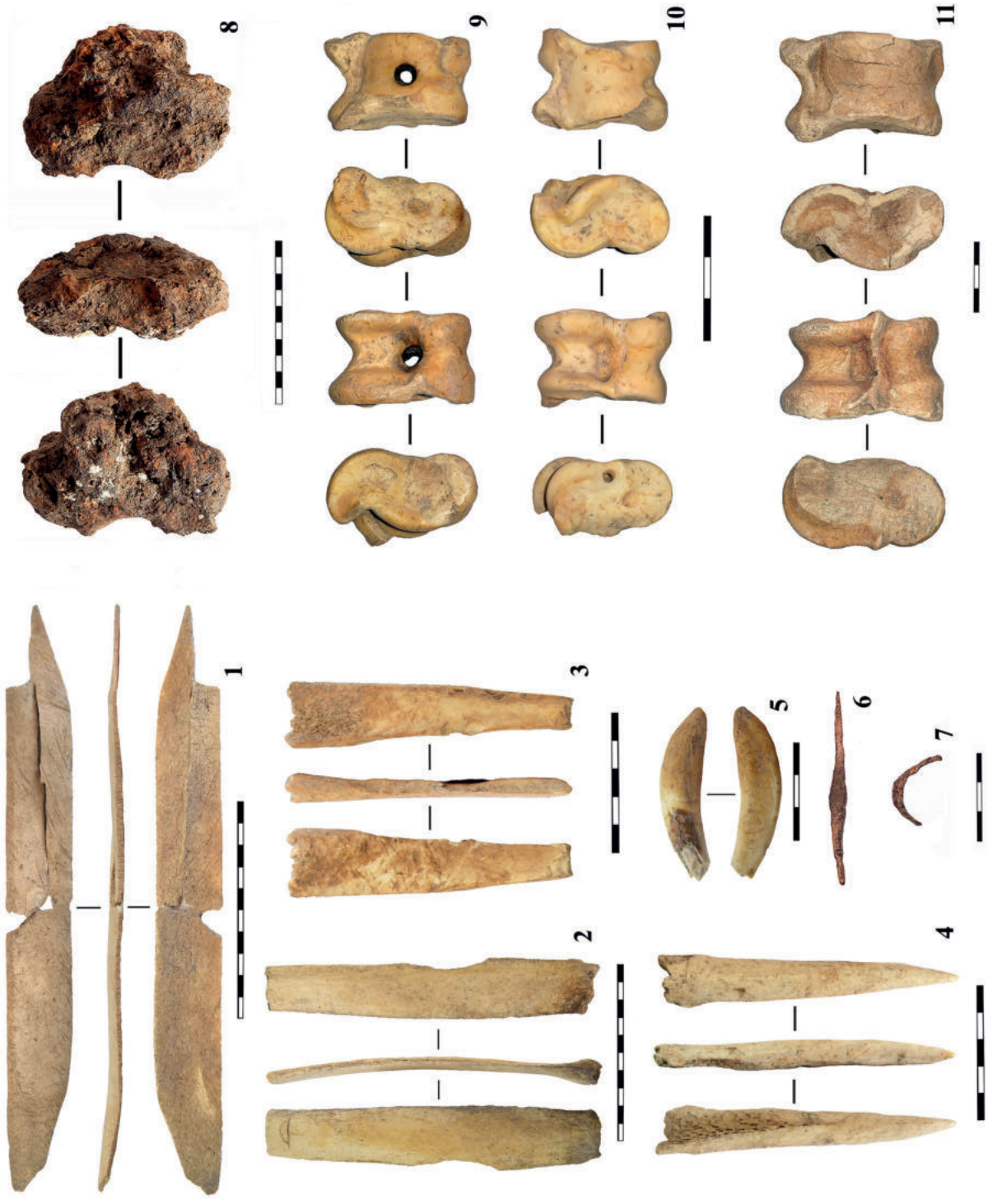

Рис.8. Поселение Сильбелитобе. Изделия из кости и металла

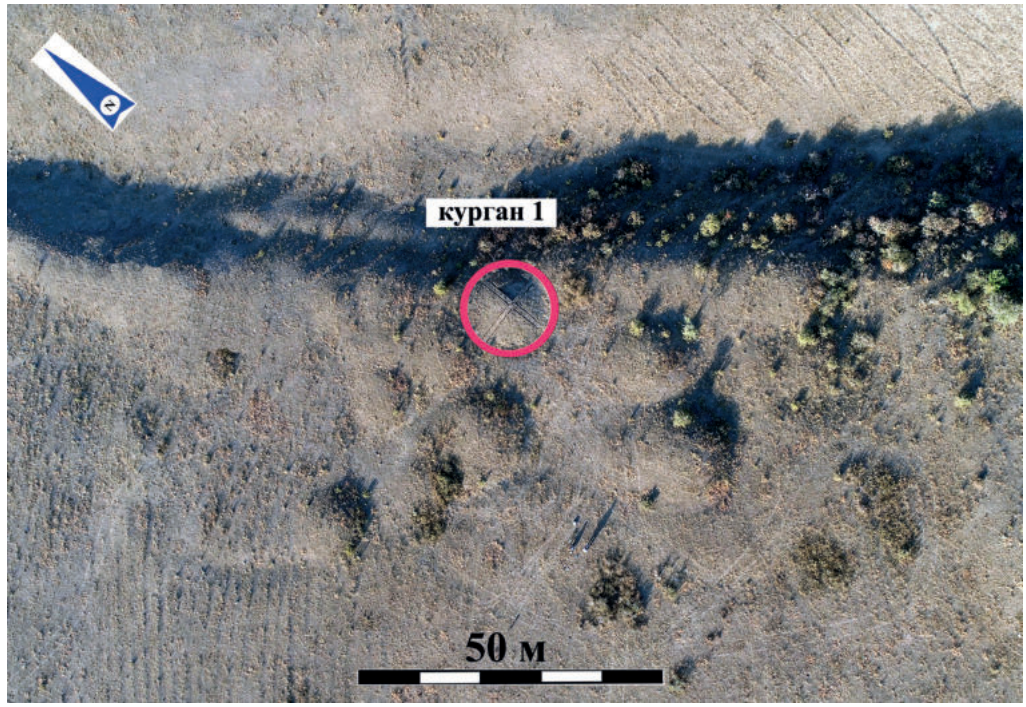

Рис. 9. Курганная группа некрополя поселения Сильбелитобе. Вид сверху и маркировка кургана № 1

ния Сильбелитобе, на кромке невысокого левого возвышения сухого сая, который почти под прямым углом примыкает к левому берегу реки Сильбели. Представляет собой компактную группу из 16 бессистемно расположенных рельефных насыпей, сооруженныхиз лессовилессовидныхгрунтов; у большинства курганов в основании фиксируются кольцевые ровики. Средние размеры насыпей: диаметр основания равен 6–8, 10–12, 14–16 м при высоте от 0,8 до 1,6 м (рис. 9).

Раскопкам подвергся курган № 1.

Курган № 1. Насыпь правильной, слегка овальной формы, хорошо профилирована; ее параметры: диаметр основания 13–14 м, высота 1,3 м. В южной части по кромке насыпи фиксируется ровик шириной 0,8–1 м, который явился результатом усилий устроителей по приданию кургану горизонтального положения, поскольку склон сая имеет достаточно приличный уклон (порядка 12–15˚).

В ходе работ в северо-западном секторе насыпи, ближе к центру кургана, на глубине 2,4–2,6 м было обнаружено классическое катакомбное трехчастное погребальное сооружение, которое представляет собой «Г»-образную катакомбу с дромосом траншейного типа и пандусным уклоном. Конструкция катакомбы в кургане № 1 включает в себя узкотраншейный дромос с пандусным уклоном в глубину по направлению к лазу и погребальной камере; прямоугольный в разрезе лаз, заложенный с внутренней стороны кладкой из крупных каменных валунов овально-вытянутой и плоской формы; правильную овально-прямоугольную в плане полую погребальную камеру. Вся конструкция вытянута почти в правильном направлении С–Ю (рис. 10,1).

Катакомба в кургане № 1 некрополя поселения Сильбелитобе была основательно ограблена в древности: в камере не обнаружено ни одного артефакта и следов костяков, только в дромосе, ближе к лазу, на уровне пола удалось зафиксировать слой сгоревшего органического топлива (угли), останки одного костяка (бедренная и части тазовых костей), а также кость крупного рогатого скота.И только при входе в дромос практически на уровне древней поверхности, на небольшой площадке удалость найти раздавленные части трех плотно стоящих друг к другу сосудов в вертикальном положении – одного кувшина и двух сосудов кухонного назначения; видимо, эти изделия предназначались для использовали их при совершении обряда тризны (или освящения) перед осуществлением погребальных действий (рис. 10, 2, 3).

Воссоздать удалось форму только столового кувшина и кухонного горшка. Кувшин грушевидной формы с выраженной горловиной, петлевидной горизонтальной желобчатой ручкой, верхнее основание которой

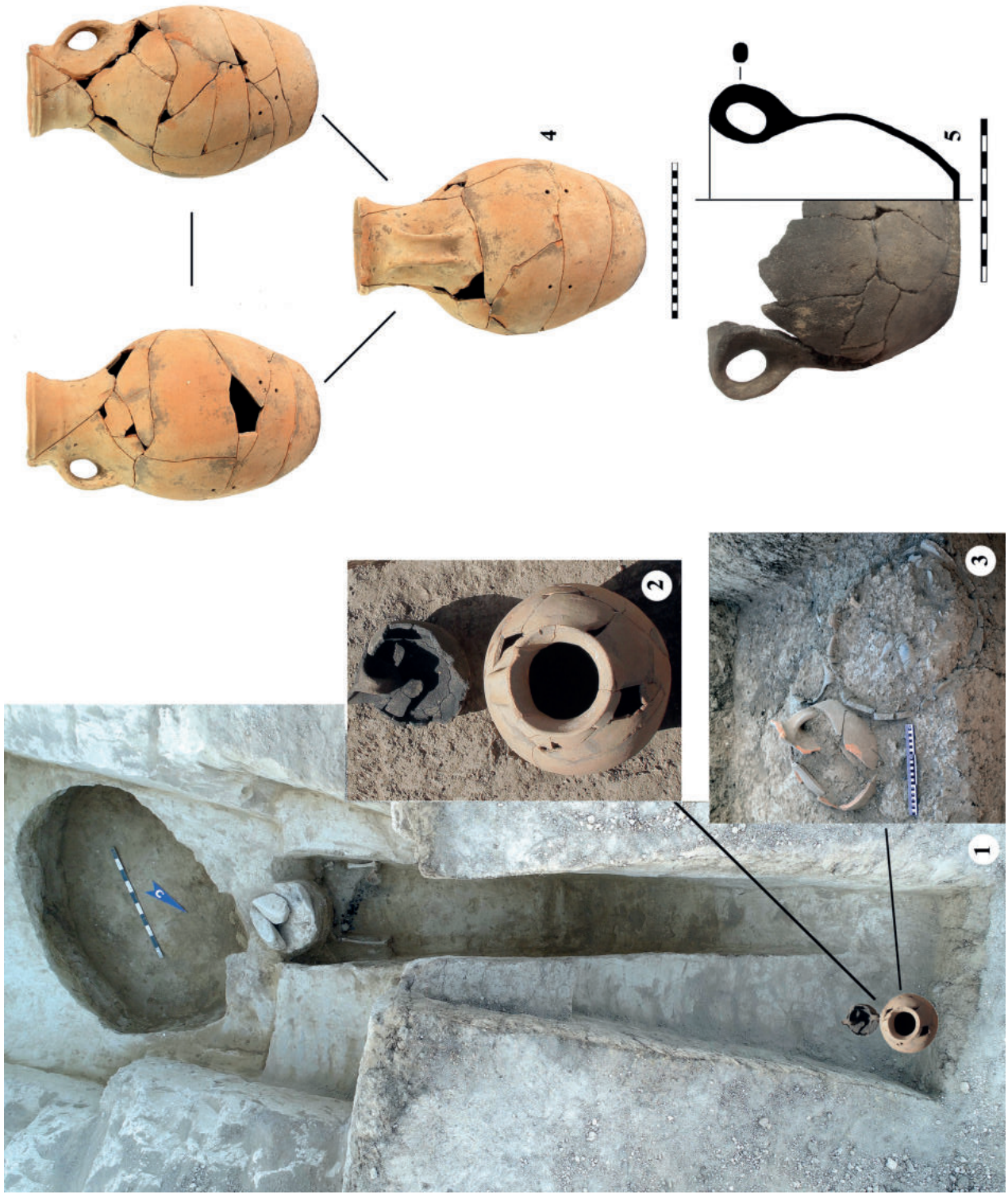

Рис. 10. Курганная группа некрополя поселения Сильбелитобе. Курган № 1: 1 – внешний вид катакомбы; 2, 3 – керамические сосуды у входа в дромос катакомбы; 4, 5 – керамический столовый кувшин и кухонный горшок

крепится к горловине и выпуклому концентрическому каннелюру, верхнее – к плечику сосуда. Выполнен вручную из качественного теста, хорошо обожжен, покрыт ангобом светло-коричневого цвета с желтоватым оттенком; имеет также на боковине ангобные пятна более темного коричневого цвета (рис. 10,4). Кухонный двуручный плоскодонный горшок шаровидной формы, не декорирован, сделан вручную из грубого теста с примесями шамота, песка и растительности, имеет снаружи закопченную поверхность (рис. 10, 5).

В качестве резюме по материалам из некрополя поселения Сильбелитобе отметим, что керамика катакомбы в кургане № 1 (столовый кувшин и кухонный горшок) находит прямые аналогии в керамическом комплексе поселения Сильбелитобе первого (верхнего) строительного горизонта, которому соответствует хронологически и в культурно-историческом контексте.

Историко-культурные и хронологические интерпретации

Отметим, что вариантов привлечения аргументированных надежных историко-культурных и хроно-индикаторов в составе археологического комплекса поселения Сильбели не так уж много, поскольку, например, такие артефакты, как каменные ладьевидные зернотерки (и терочники), игральные асыки-альчики часто упоминаются в археологических материалах многочисленных поселений, погребальных комплексов в Центральной Азии и Казахстане в длительный хронологический период (I в. до н.э. – X в. н.э.). По этой причине приемлемым будет использование в качестве историко-культурного и хронологического индикатора керамики поселения Сильбелитобе, а точнее – приемов декора и иных особенностей в контексте керамического производства. В частности, декор хумов в виде пальцевых вдавлений, как и отпечатки тканей на донцах таких сосудов, встречаются на предметах арысской культуры Южного Казахстана I–IV вв. [Байпаков, Подушкин 1989: 126, табл. VI, 7;Подушкин 2000: 111; табл. на с. 106: 145, 148]. Кувшины с аналогичным оформлением, способом крепления ручки известны в материалах городища Ушбастобе (I–IV вв.)[Подушкин и др. 2014: 67, рис. 1, 5]. Заслуживает внимания в качестве хроно-индикатора и станковое рифление как элемент декора столовой керамики: такой прием характерен исключительно для посуды из городищ, поселений и могильников каратобинского этапа арысской археологической культуры Южного Казахстана I в. до н.э. – IV в. н.э. [Подушкин 2000:72, 116; рис. на с. 71, 3, 1–2, 4].

В рамках приведенной выше относительной хронологии можно предварительно обозначить границы верхнего строительного горизонта поселения Сильбелитобе в пределах I–III вв., возможно, IV в. Следует отметить, что по нескольким показателям (керамика, каменные орудия труда, артефакты из кости, металла) археологический материал Сильбелитобе достаточно близок археологическому комплексу городища Ушбастобе в долине реки Угам, в этнокультурном плане связанного с государством Кангюй, в которое входил Южный Казахстан в первые века до н.э. – первые века н.э.

Учитывая установленную специализацию жителей Ушбастобе (добыча железной руды, выплавка железа, железообработка[Донец и др. 2019: 168–171]), относительно небольшое расстояние между двумя объектами (около 50 км), общие ландшафтные, хозяйственно-экономические условия и известное сходство археологического материала, обнаружение в обоих памятниках высокообогащенных железом криц, можно предположить, что древние жители Сильбелитобе также занимались экономической деятельностью, связанной с добычей, выплавкой и обработкой железа.

Таким образом, первые исследования региона в урочище Сильбели свидетельствуют в пользу того, что перед нами новый памятник кангюйского времени – перспективный во всех отношениях в контексте археологического изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тыс. н.э.). Алма-Ата: Наука, 1989. 160 с.

Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан: Изд. Центр МКТУ им. Х.А. Яссави, 2000. 201 с.

Подушкин А.Н., Раев Б.А., Донец А.Г. Керамика городища Ушбастюбе (к вопросу о связях Южного Казахстана с Причерноморьем) (по материалам раскопок 2013 г.) // Из истории культуры народов Северного Кавказа / Отв. ред. Ю.А. Прокопенко. Ставрополь: Графа, 2014. Вып. 6. С. 65–76.

Донец А.Г., Подушкин А.Н., Раев Б.А. Городище Ушбастобе – новый центр железоплавильного производства в Южном Казахстане // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): м-лы Междунар. конф. (г. СПб., 18–22 ноября 2019 г.) / Отв. ред. А.В. Поляков, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. 1. С. 168–171.

Bruno Genito,
bruno.genito@gmail.com,
Dipartimento: Asia, Africa e Mediterraneo,
Universitàdegli Studi di Napoli,
L'Orientale, Italy

LANDSCAPE and URBANSCAPE: SETTLING the STEPPES[1]

Abstract. In addition to climatic and environmental impacts, socio-economic circumstances that have made nomadic pastoralism the most common means of production in the steppe regions, and despite the complex nature of political and state formations, the tradition of studying trade in the steppes includes an area where scientists research less. Various types of life and activity in a given area, which, although seemingly homogeneous, is characterized by variables and conditions that have yet to be explored. The author tries to dwell on this topic in more detail.

Keywords: archaeology, Central Asia, Urbanscape, Steppe, Nomadism

Ландшафт және қалалық пейзаж: даланы қоныстандыру

Аннотация. Көшпелі мал шаруашылығын далалық аймақтарда ең көп таралған өндіріс құралына айналдырған климаттық және экологиялық әсерлерден, әлеуметтік-экономикалық жағдайлардан басқа, және саяси және мемлекеттік құрылымдардың күрделі сипатына қарамастан, ғалымдар аз саяхаттайтын жер – далалық сауданы зерттеу дәстүрі бір аумақты қамтиды. Біртекті болып көрінгенімен, әлі зерттелмеген айнымалылар мен жағдайлармен сипатталатын белгілі бір аймақтағы өмір мен қызметтің әртүрлілігін зерттеу қажет. Автор бұл тақырыпқа толығырақ тоқталуға тырысады.

Түйін сөздер: археология, Орта Азия, қалалық пейзаж, дала, көшпенділік

Ландшафт и городской пейзаж: заселение степей

Аннотация. Помимо климато-экологических воздействий, социально-экономических обстоятельств, сделавших кочевое скотоводство наиболее распространенным средством производства в степных районах, и, несмотря на сложный характер политико-государственных образований, традиция изученияторговли в степях включает в себя область, малоизученную исследователями. Различные типы жизни и деятельности на данной территории, которая, хотя и кажется однородной, характеризуется переменными и условиями, которые еще предстоит изучить.Автор пытается более подробно остановиться на этой теме.

Ключевые слова: археология, Средняя Азия, городской пейзаж, степь, кочевничество

The steppe, as it is very well known, is a terrestrial biome, typical of the continental climate regions, with cold winters and hot and moderately rainy summers. The vegetation consists of a prairie made up of grasses and shrubs; trees are almost absent, except in more humid areas nearby rivers and lakes. The fauna consists of ungulates, rodents, reptiles and insects.

The belt of grassland in Eurasia stretches for some 5,000 miles (8,000 km) westward, starting from Hungary, covering Ukraine and Central Asia, up to Manchuria. The steppe is interrupted by mountain ranges which divide it into distinct segments, but people (mostly horsemen) could easily cross such barriers, so steppe populations did interact across the entire breadth of the Eurasian grassland, as history records. Nonetheless, the entirety of steppe history is difficult to grasp: steppe peoples left very little writing for historians to rely on, and Chinese, Central Asian, Near Eastern and European records only tell what happened within a restricted range of their respective steppe frontiers. Archaeology helps, though limitately: grave relics from chieftains' tombs are abundant, but of course they say little about everyday life, leaving any political, military

© 2022 Genito B.

[1]Before starting, I really wish to thank the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Science Committee Margulan Institute of Archaeology and the organizing committee for accepting my paper in this International, Scientific and Practical conference "Margulan Readings". I will start from some theoretical basis about "settling the steppe", supporting them with comparisons and examples.

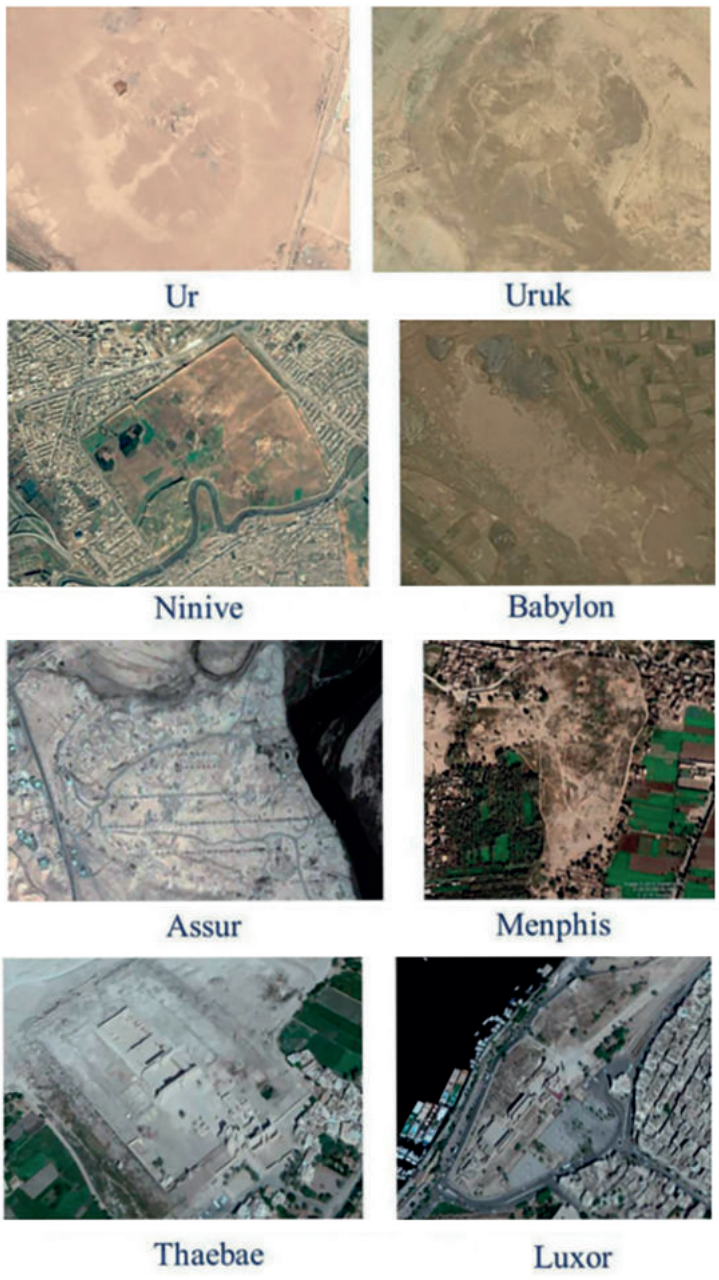

Fig. 1. Ur, Uruk, Ugarit, Nineveh, Babylon, Assur, Dur Sharrukin) in Egypt (Memphis, Thebes and Luxor), Photo-satellite images by Google-Earth 2020, elaborated by the author

or linguistic alignments to inferences. As a result, until about 1000 CE, information concerning the rise and fall of steppe political formations remains fraught with great uncertainty, and so does the relation between events in the eastern and western portions of the steppe.

The lay of the land divides the steppes into two major segments. The first one may be called Western Steppe. It extends from the grassy plains at the mouth of the Danube river along the northern shore of the Black Sea, across the lower Volga, and eastward to the Altai Mountains. The conventional division between Europe and Asia marked by the Urals is completely meaningless in steppe history and geography. The grasslands extend south of the Urals on either side of the Ural river. The Western Steppe, therefore, constitutes one enormous region, going some 2,500 miles from east to west, and between 200 and 600 miles from north to south. Within its bounds, a vast sea of grass made cross-country movements easy for anyone riding a horse. Rivers and streams cut through the grasslands, with trees growing along their banks. Streams flow slowly, mostly trending either north or south, thus allowing an easy transport by boat in summer and by sleigh in winter. As a consequence, animal caravans and river transport made the steppe accessible to commerce even before travel conditions were improved by modern roads and railroads.

The second segment is constituted by the vast semi-deserts and grasslands expanse of the inner Mongolian Plateau, which intersect with a habitat necessary for the snow leopard: the Gobi GurvanSaixan National Park. Across the border, in China, the Ulansuhai Nur Nature Reserve stands as both an important habitat for migrating Baer's pochard and a breeding ground for great bustards, Pallas's fish-eagles and relict gulls.

This ecoregion covers an area of 282,369 km2, spanning from the inner Mongolian Plateau to northern China and Mongolia. In the west there are the semi-deserts of the Alashan Plateau. In the east and in the north, the landscape mostly consists of grasslands. Its elevation ranges from 696 m to 2,825 m, with an average of 1,218 m. The highest peak is Dund Sayhni Nuru in Mongolia, 2,825 m high. In the grasslands, Stipa and Festuca grass species are dominant.

Beyond the climatic-environmental influences, the socio-economic circumstances that made the pastoral nomadism the most widespread means of production in the steppe areas, and in spite of the complex nature of the political-state formations, the tradition of studies on the increasing of trade in the steppes includes a domain which is less travelled by scholars: I am referring to the different types of lives and activities in a given territory which, although apparently homogenous, is characterized by variables and conditions that are still to be explored.

I had the idea of studying the urbanscape in relation to steppes when I read - with great curiosity and greed, I must admit - the volume of the outstanding Italian scholar Professor Mario Liverani, fascinatingly and provocatively titled ImmaginareBabele[2013]. It is a scientific, intense and important work spread from the efforts and the intellectual depth of a master of ancient Near East studies. I was quite struck by the use of a geographical-cultural concept almost muted in the preface, but particularly meaningful in my opinion: “Mesopotamia and surroundings”. It was not clear whether the author used this terminology to also include Iran and/or Central Asia.

The main questions about the story and urban characteristics of the city in ancient Central Asia have always been raised by several scholars [Kohl 1984; 1992a, b; de Planhol 1992]. However, it is unavoidable to start from the assumption that historians and archaeologists tend to use the expressions “urban revolution” and “Neolithic revolution” introduced by Vere Gordon Childe over the last century [1936; 1950]. The most recent general contributions, like Gates [2003; 2011], deal with this subject chronologically and geographically. However, the unanswered questions about the comparison between different models still stand. Within those processes during which, on the threshold of the 10th millennium BCE, many human communities gave up hunting and gathering to take up productive economies, it is quite difficult to place all the different and salient moments of urban history in Europe and Asia, both concerning a sedentary context and a nomadic one.

In his book, Liverani also wanted to underline how much decisive the “urban” characterization had been for anyone who approached it to study, interpret and better understand the history, the economy and the culture of the Mesopotamian civilizations.

The western point of view about the city goes back to Aristotle: in his book Τὰπολιτικά he considers the city as a qualified arrival point, which presupposes both a

Fig. 2. Sparta, Athens, Rome and Pompeii, Photo-satellite images by Google-Earth 2019, elaborated by the author, vue maquette du Gismondi, J.-P. Dalbéra after wikipedia

Fig. 3. Mundigak (Afghanistan), Susa, Shahr-i Sokhta, Persepolis, Pasargadae, Takht-e Suleyman (Iran), Photo-satellite images by Google-Earth 2020, elaborated by the author

simple idea of greatness, extension and monumentality, and one of functional grouping, organised around a centre and inside of a perimeter. Greek civilization gradually developed the Mesopotamian model of the “city-palaces”, but in a more contained size: small fortified centres protected a limited area of territory and were essentially configured as defensive structures for food supplies. Only in the 8th-6th centuries BCE a change was verified. Villages became urban centres, and small fortress cities turned into complex and socially stratified structures that controlled larger areas of the surrounding territory. During the bright ages of the Roman Empire, the complex social stratification, the craftsmanship specialization, the economic surpluses accumulated with the exploitation of huge agricultural territories, the rich trans-Mediterranean trade and the systematic use of slave labor, all allowed to achieve marvellous public works and to beautify cities with pieces of art of all kinds. Rome, the capital of the empire, reached one million inhabitants, and it was rapidly enriched with sumptuous buildings and structures, such as the Circus Maximus, the Flavian Amphitheatre, the Baths of Caracalla or the thirteen aqueducts that supplied the city. For its wealth and complexity, the imperial residence takes on the characteristics of a city inside a city. Though still very problematic, it is clear that this short outline can (and must) relate to whether and what models the inhabitants of Central Asia actually proposed to define and concretize the idea of city[Biscione 1977; Košelenko ed. 1985; Francfort 1994; 2001; Hiebert 1997], and to the practical achievements in comparison to the Mesopotamian, Minoan-Mycenaean, Pharaonic, Greek-Roman and Chinese world. It seems fair to wonder what, of all this long and infinite “urban” tradition, could have been absorbed, reworked and flowed –in a deeply innovative and modern way – into the Medinas, Sharestans and Citadels of the first Islamic era, as we can perceive in the late Parthian and Sasanian world [Huff 1993]. In the Arab world the city keeps a fundamental role: the intense maritime and land commercial network (which largely superseded the Roman one) remains hinged on urban nuclei and their markets. Many Arab cities developed on pre-existing important nuclei of the former Roman-Hellenistic era, such as Alexandria, Damascus or Jerusalem. This is also true for several newly founded cities, such as Baghdad, Cairo or Samarkand, whose richness and liveliness made them enter the imagination of western fiction and the mercantile world [Bernard 1995; 1996]. By keeping the formal aspect of many cities of the ancient Near East, these centres

appear as dense agglomerations of houses protected by high walls. The presence of mosques, to which Koranic schools are often connected, is peculiar, as well as public baths and caravanserais, resting places for caravans of merchandise moving from one city to another. Baghdad, which is the proof of the growth and importance of many of these cities, probably reached one million inhabitants in the 12th century.

To sum up, the "urban" experiences from the Mediterranean Sea to Africa and Mesopotamia as well, from the Iranian plateau [Hole 1987; Hole ed. 1987; Tosi 1986; Salvatori, Tosi 1997; Voigt, Dyson 1992; Wright 1998] to the lands of the great Central Asian rivers of the Amu Darya and Syr Darya [Kohl 1984; 1992a, b] and to China [Creel 1936; Chang 1980; 1986; Murowchick 1994; Needham 1986], are structurally very different in the available archaeological documentation (even to a amateur) and especially starting from the last millennia BCE. Hence, the "urban" patterns that would be widely consolidated and conceptually identifiable in the ancient Near East in Mesopotamia (Ur, Uruk, Ugarit, Nineveh, Babylon, Assur, Dur Sharrukin) in Egypt (Memphis, Thebes and Luxor) (Fig. 1) and in the Greek-Roman world (Sparta, Athens, Rome and Pompeii) (Fig. 2), certainly drew an evolutionary line, somehow predetermined, since it is older, more monumental and macroscopic. Along this line, other more "Asian urban" models can not be easily compared: Mundigak (Afghanistan), Susa [Perrot 1980; Boucharlat 1990], Shahr-iSokhta[Tosi 1986], Persepolis, Pasargadae, Takht-e Suleyman (Iran) [Sumner 1972; Stronach 1978] (Fig. 3), Namazga, Altin, NisaParthica, the new and the old, Merv (southern Turkmenistan)[Usmanova 1963] (Fig. 4), Sarazm (Tadžikistan), MarakandaSamarkanda-Afrasiab, Toprak Kala (Uzbekistan) (Fig. 5), the ancient capitals of Anyang (Henan)[Li Chi et al. 1929; Li Chi 1975], and Chan'gan (Shaanxi) [Schafer1963; Siren 1927; Steinhardt, Shatzman 1999; Xiong 2000] in China (Fig. 6). The geomorphological characterizations of Central Asia have constituted decisive factors for the origin and development of particular urbanization phenomena. It is in this region, however, that modalities, mechanisms and concepts relating to the occupation of a territory had been elaborated and developed, making those experiences absolutely incomparable to each other [Genito 2018: 13-38].

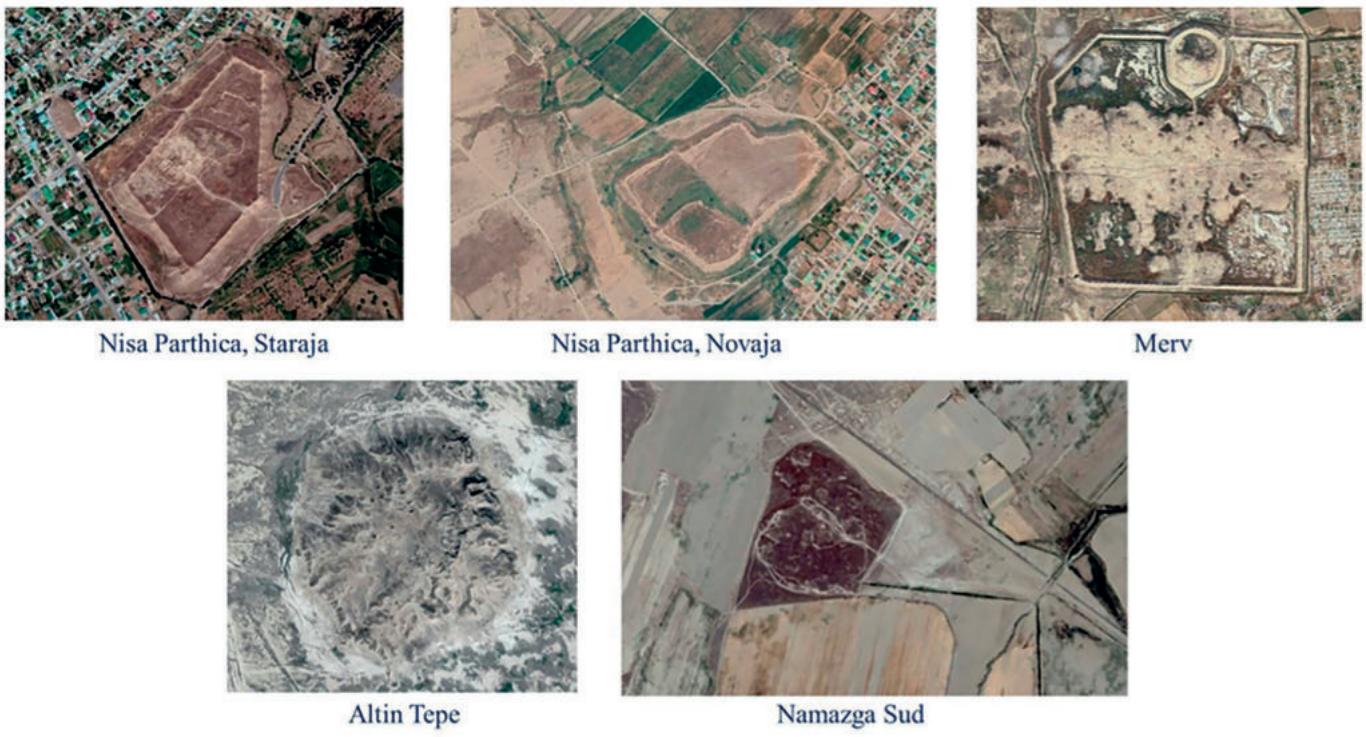

Fig. 4. Nisa Parthica (the new and the old) Merv Gyaur Kala and Erk Kala, Altip Namazga, Altin (south Turkmenistan), Photo-satellite images by Google-Earth 2020, elaborated by the author

The first known cities were in Mesopotamia, like Uruk and Ur, or along the Nile, the Indus valley and in China. Before them, settlements that reached significant sizes were rare, in spite of some exceptions: Jericho in the West Bank; Çatalhöyük in Anatolia (Fig. 7); Mohenjo Daro (2500 BCE), characterised as a large administrative centre (the population seems to have reached 40,000 inhabitants) with spas, warehouses, sewers, two-storey houses, often with wells and private bathrooms (Fig. 8); Harappa in present-day Pakistan (40,000 residents) which has two cemeteries, an elevated citadel, small houses arranged in an orthogonal pattern, some circular platforms and other large buildings arranged in two rows and equipped with holes for ventilation, probably meant for the storage of cereals. The urban models showed and proposed by the Mesopotamian, Pharaonic, Minoan and Mycenaean cultures, with their sumptuous templar, tomb and palatial remains, keep on making us have a great, mythical, sometimes misleading vision of the of the city, which has not always been fully confirmed by concrete achievements and in the possibility of defining immense spaces such as those of Festos, Knossos, Nimrud (Fig. 9): huge expanses, often of a few hundred hectares, apparently devoid of common architectural evidence, and dotted with temples and palaces. The first cities developed mainly in fertile areas, along great rivers and big agricultural plains, or in places which constituted obligatory passages on the commercial routes. The earliest urban settlement of which archaeological evidence has been found so far dates back to 8000 BCE, 4,500 years before the great river civilizations in Mesopotamia and Egypt: it is Jericho, near the Dead Sea, probably born thanks to the mercantile activities connected to the use of salt and local minerals. The mighty walls and the remains of a tower are proof of a defensive necessity that puts the city into a complex system of relationships with the surrounding area.

Terminological issues weighed of course, and from the mercantile colonies of the Karun (Kanesh / Kültepe in southern Anatolia, for example) of the Paleo-Assyrian era, to the urban centres of Assur, Nineveh, Nimrud, Khorsabad etc., to Persepolis, Pasargade, and also Hasanlù, Dahāne-ye Gholāmān, Seleucia, Ctesifonte, Firuzabad, Bishapur and the other urban settlements of the Sasanian era (Fig. 10), it is possible to see how the urban concept changed

Fig. 5. Marakanda Samarkanda (Afrasiab) Toprak Kala (Karakalpakstan, Uzbekistan), Sarazm (Tadžikistan), Photo-satellite images by Google-Earth 2020, elaborated by the author

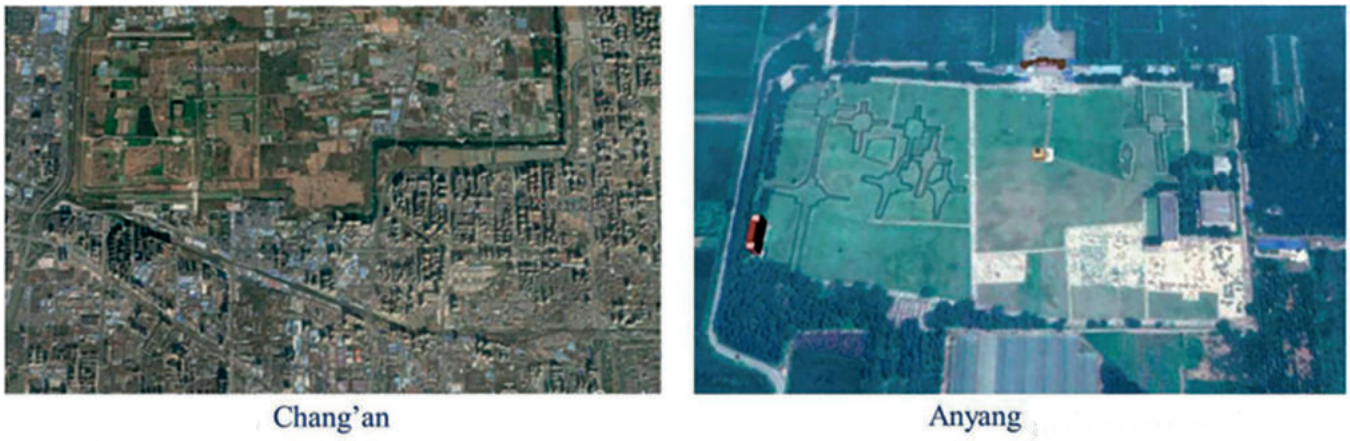

Fig. 6. Anyang (Henan), Chan'gan (Shaanxi) in China,
Photo-satellite images by Google-Earth 2020, elaborated by the author

Fig. 7. Jericho in the West Bank; Çatalhöyük in Anatolia,
Photo-satellite images by Google-Earth 2020, elaborated by the author

according to the extent and size of the centres and in relation to those of the political-state units of reference.

Apart from the cities of the sedentary civilizations described so far, the steppic areas clearly present different landscape characteristics which suggest more or less widespread urban landscapes as well. It must be remembered that a landscape is a portion of land or territory which extends as far as the eye can go, including all the objects within it, and a urbanscape is exactly the same, except for the fact it concerns a city: a "urban" landscape.

The steppe's aridity conditions in which many people live were probably not very different in the past. This is recorded by many archaeological remains excavated and analysed. The steppe zone receives between 100 and 300 mm rainfall per year and is essentially treeless. Dry-farming is usually not possible in this area, as this can be carried out successfully only when precipitation is excessive for 250 mm per year. Permanent habitation in this climatic-environmental condition would have required a significantbigger effort than the same habitation in the zone. The general aim of talking about "settling the steppe" is to investigate the related phenomena in order to contribute to the global archaeological debate on inhabiting drylands.

[2]*Arkaim is a Bronze Age archaeological site located in the steppes of the Southern Urals in Čeljabin'sk oblast' in Russia. The site is generally dated to the 17th century BCE, even if earlier dates have been proposed, up to 2000 BC. The settlement belonged to the Sintašta-Petrovka culture.*

Fig. 8. Mohenjo Daro, Pakistan, Photo-satellite images by Google-Earth 2020, elaborated by the author

Archaeology has focused on themes like climatic change and diachronic differences in settlement distributions.

Sociological and anthropological studies of modern societies in drylands have shown that complex relationships exist between individuals, their society and the environment in which they live. This approach aims at shedding light on these relationships in order to understand why people came to live in the steppe and what were the means by which they were able to sustain their society through time in such an arid region. To pursue this intent, the following research tries to answer these questions:

• Why did people come to live in the steppe zone? And why did they abandon it?

• How did people keep society alive and functional? Which were its characteristics?

• What was the relationship between the societies of the steppe zone and their neighbours in the most favourable area?

Nonetheless, the archaeological evidence and remaining documentation on the nomadic societies, is rather difficult to interpret, especially as far as the ethno-cultural characterization of the related material culture concerns.

At the beginning, the traditional Soviet school and the neo-evolutionary interpretation of the early states and chiefdoms [Service, 1962; Fried, 1967; Claessen and Skalnik, 1980] ruled the studies on this matter. Then, the role that other scholars assigned to dependency/ independency factors in the birth and evolution of pastoral nomadic society [Khazanov 1978a; 1978b; 1984; Barfield 1993; Kradin 2002; 2014; Di Cosmo 2002; 2009; Honeychurch 2010; 2013; 2014] dramatically widened the conceptual system of reference used up to that moment.

With strong criticism about the role played by the political formations of the chiefdoms, some scholars [Yoffee 2005; Pauketat 2007; Sneath 2007] contributed to the development of the debate. Finally, over the last decades, conceptual alternatives to the key role of chiefdoms, the ideas of hierarchy (settlements, burials, concentration of long distance prestige grave goods in elite burials and

their reflection in ideological systems) and heterarchy (standardised mode of life in architecture; absence of rank in mortuary practices, dispersal distribution of long distance prestige grave goods, universalized cosmology and religious cults)[Crumley 1995; Kradin,Bondarenko Barfield, eds. 2003; Honeychurch, Amartuvshin 2006; Hanks,Linduff 2009; Houle 2010; Golden 2011; Legrand 2011; Frachetti 2012], have represented further steps in this long archaeological and socio-anthropological debate. A macroscopic and spectacular archaeological evidence of these people are the remains in sintašta, in southern Russia in Arkaim[2], near the town of Čeljabin'sk, where kurgans, horse and char burials were found.

Between the various forms of pastoral nomadism identified so far in Central Asian steppes – competently summarised more than 40 years ago by Khazanov [Khazanov 1978a: 119–125] – there is the one characterised by the mobility of the entire population during spring, summer and autumn, with winter quarters in permanent settlements (a nomadism characterised by the predominance of cattle raising and ancillary agriculture). When a rudimental permanent bureaucracy was set up with functionaries, orderlies and administrators, these contributed to guarantee the existing social order. The transformation of socio-political systems of the complex chiefdom type to early states had some immediate effects: an enlargement of the settlements' territory, the presence of extra-urban communities and areas for specialist craftsmen, the increasing use of labour in the construction of celebrative buildings (temples?), the luxurious nature of grave goods and a strong long-distance trade.

Furthermore, the latter stage was attained only when nomads took on urban-type farming societies. On such occasions, the state-type entities established basically represent the political effect of the struggle between the conquering pastoral societies and the conquered

Cnossos

Festos

Nimrud

Fig. 9. Festos, Knossos (Crete), Nimrud (Iraq), Photo-satellite images by Google-Earth 2020, elaborated by the author

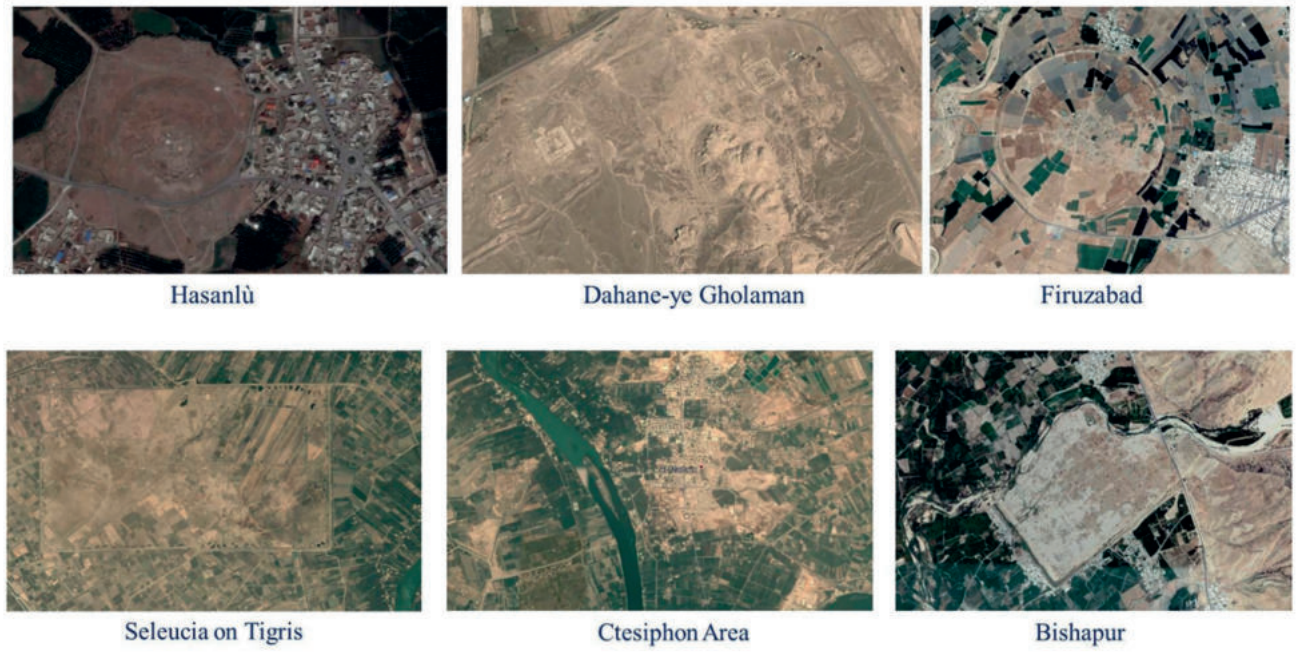

Fig. 10. Hasanlù, Dahāne-ye Gholāmān, Seleucia, Ctesifonte, Firuzabad, Bishapur, Photo-satellite images by Google-Earth 2020, elaborated by the author

agrarian ones. They have been divided by researchers [Hazanov1975] into two main kinds: the first one based on a tributary type relationship, where integration between nomads and the agrarian population essentially takes place in the political field; the second one is characterised by a full integration of shepherds and nomads in the infrastructures of the sedentary-type socioeconomic structure. The first kind of state has been compared with the so-called second Scythian Kingdom, with the Hun Empire, or the Kaganate of the Khazars, and the Golden Horde. It has been then subdivided into two variants: in the first one, development of the entity comes to an end with the actual occupation of the farmlands, which takes the nomads backwards in social development, as for instance in the case of European Huns and, much later, in that of the third Scythian Kingdom and the Uighurs. A second type of state, albeit uncodified, which is thought to have subsumed the first one, has been related to the establishment of a social relationship between the conquerors and the conquered. This relationship allows the nomadic component to be rapidly transformed into the dominant class of the sedentarized population or to rapidly merge with it. The remainder of the nomadic population in this case retains a special status as supplier of military contingents, though it then disappears completely. This third type of state, although owing its very existence to the presence of nomads, is thought to have its dominant socio-economic relationships determined by the socio-political level attained in the regions highly characterised by farming (Parthia, the Kushan State, the Seljuk Empires, the Osmans and the Khulagids). The peculiarly “mobile” nature of the main goods possessed by the nomads, that were cattle, did not prevent them from representing the essence of the nomads’ individual and private family property. It must be pointed out that the private ownership of land does not only seem to have preceded the advent of pastoralism, but also to have somehow represented one of the essential prerequisites. The ties of territorial property are not originally related to forms of nomadic life, but they appear with the first forms of sedentary settlement, where the relationship between man and territory undergoes a deep change.

The methodological misunderstanding that has always affected the studies on the steppes and their inhabitants, is based on the assumption that the spread of steppes and nomadism are historical-geographical and historical-economic phenomena that overlap each other typologically, diachronically and geographically. The settlement modes

of nomadic peoples are not always based on their "mobile" nature: instead, they find their balance in a sort of semi-nomadic attitude that leads them to live for a long time in contexts of movement, but then to be partially sedentary for another long period. Even the architectural remains often show ambiguous characteristics by which it is not always easy to identify the movable type and those fixed on the ground.

It is difficult to determine to what extent these concepts can be applied to the archaeological remains of mediaeval time found in the steppe areas, because the relationships between landscape, sociality and political hyerarchies systems are always intertwined. The landscape looks "social" when the tribal groups live it and represent it even in their mind; it can also become "urban" when work specialisations find an adequate reflection in the architectural dimension.

Certainly, up to the late Middle Ages, the lack of cities as monumental architectures and administrative and ritual buildings in nomadic residential contexts, makes us hypothesise socio-economic realities very far from a contextual urban-type. However, the settlement agglomerations of nomadic communities could also appear similar to them, if they are seen from a different perspective: that is, coming off thinking about nomad life as the opposite of sedentary life, and starting to consider them ways of settling and living a territory which are simply different, and that go back to a diametrically different way of perceiving the present and the future of one's community.

The coexistence between the great civilizations of Eurasia and nomads of the steppes was constant and characterised by a rhapsodic and diversified trend over time, largely determined by changing convergence (or divergence) of interests and objectives. Mass migrations of nomadic peoples that moved from the interior Asia to all directions and, above all, from east to west, caused landslides in the consolidation; these migratory flows were frequent in the Middle Ages, and they came in succession with extraordinary regularity throughout the 1st millennium of the Christian era. These migrations were characterised by several factors, difficult to hierarchize. It is known that in the steppes between Eastern Europe and Central Asia, east of the Caspian Sea, cycles of abundant rainfall alternated with drought, humidity and heat that caused serious problems to the populations, who struggled to get essential resources. At the same time, there were periods of growth – demographic excesses too heavy for the productive capacity of nomads. The conflicts that alternated with periods of peace between China and its nomadic neighbours in the north represented another reason that determined the movement of peoples from east to west. These migrations often resulted in unequal flows, with small nuclei that the neighbours (who had been sedentarized and politically complex, organised in villages of farmers or nomads) were not always able to absorb. The outcome was often a confrontation, especially in the former phases of contact and coexistence. Over the centuries, nomadism has settled in close to the sedentarized productive communities: it was an element of disturbance, infiltrating the social fabric of neighbours. It is quite evident in border areas where interactions were more frequent, like shared spaces which were less controlled by the hegemonies. However, the sources never show a monovalence of relationships. If it is true that nomads were a cumbersome presence for the neighbours– and it could not be otherwise – it is equally true that the relationship between nomads and sedentaries was mainly forced by some strong needs, especially since the quality of handicrafts of the steppes' nomads (precious metals, metals in general, weapons, chariots and more) was high and it was appreciated by Asian merchants. The raid as a response to the most urgent needs of nomads was a means of providing themselves the resources they needed, but these sources show also tha the armies of Rus' robbed the nomadic camps and took everything they thought had a spendable value and could be useful. By migrating, the nomads came into contact with a political and social context in great change. In the 1stmillenium, the political equilibrium suffered real upheavals, from east to west: succession of Chinese dynasties, an alter birth of crisis and a growth that lasted for centuries; the fall of the Western Roman Empire; the rise of the Byzantine Empire; birth and widespreading of Islam. All these great phenomena helped to literally move the nomadic peoples of the steppes. Nomads became a contiguous and sometimes organic element of this great change; in fact, it involved the entire Eurasian continent during the 1st millennium of the Christian era: the migratory flow from east to west was almost constant, and small groups of peoples moved towards the settled societies of farmers. The migratory progression was so intense that organised states were able to challenge black flows on the borders, granting benefits to clan leaders and involving the barbarians in military activities. However, in the history of relationships between sedentary and nomadic societies there is a moment of breakdown, a turning point that influenced the collective perception of movements and dynamics of interaction between the two models in the following centuries: the invasion of the Huns. These well known ferocious destroyers led by Attila were actually a very heterogeneous set of different peoples of Siberian, Altaic, Iranian, Germanic origin, fleeing bad environmental conditions and unsustainable

historical contingencies. The migration of the Huns was not a phenomenon of unity, but a series of flows unequal in quantity and intensity which spread over a relatively long period of time. It was an event that hit all the others, like a billiard ball set in motion, calling for the migration of other clans and tribes, from East Asia to Europe following unexpected and unpredictable tajectories. At the end of the 4th century, probably after a disastrous famine, the Huns poured into Pannonia, on the western border of the steppe corridor, and they encountered the Roman Empire, then in crisis. Germanic peoples and Alans, as well as other nomads of the steppes recorded by the descriptions of ancient authors, moved mostly in search of protection and resources. States whose economies were based on agriculture, manufacturing and trade often represented the last hope for nomads in difficulty. The relationships they built with their sedentary neighbours were characterised by a plexus of opposing needs. Nonetheless, they differed over time and space. Most of the time, the nomads put their military prowess at the disposal of the great empires. More often, they traded with them.

Sometimes they threatened empires to extort the resources they needed, but rarely mind constituted a structural and lasting danger. The history of relations between the nomads and the sedentary states of Asia and Europe is always contradictory, faded by this polyvalence of attitudes. On the one hand there are the empires, and their necessary to keep the borders safe, to protect the countryside and the cities; on the other, the nomads, looking for resources they were unable to produce by themselves, or simply attracted by the high possibilities of profit offered by the richest economies in the “middle areas zone” or in the oases where, thanks to the most popular communication routes travelled by merchants, they could run businesses.

It is not always possible to understand with accuracy the causes that led to the great migrations of the 1st millennium: environment, climate, lack of resources due to demographic changes, conflicts with neighbours. These are all elements that, after being triggered by some other external causes, often turned into internal dynamics: social stratification and the need to self-feed hegemonies. In the case of the Huns, the desire for a Roman imitatio is evident in the 5th century, while it is not so clear for other peoples, such as the Avars.

Nomads found it difficult to establish organised hegemonic power centres because, as it was said above, they did not really feel the need to do it; moreover, they were ethnically fragmented, as it was typical of nomadic unions, and their territories were scarce and with not fixed borders. According to the internal dynamics acquired, they almost always entered into crisis when imposing themselves on economically developed civilizations owning complex administrative ratios and advanced communication tools (writing mainly). The need to rule such structured organisms put nomadic ruling classes – the military elites – in condition of reinventing themselves by adapting to a new reality, foreign to them.

REFERENCES

Barfield, T. The Nomadic Alternative. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1993. 230 p.

Bernard, P. Le cittàfondate da Alessandro in Asia Centrale// Alessandro Magno. Storia e mito (Catalogodellamostra). Roma, 1995. Pp. 97-103.

Bernard, P. Maracanda-Afrasiab colonie grecque // La Persia e l’Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Atti del Convegno (Roma, 912 novembre 1994).Roma, 1996. Pp. 331-365.

Biscione, R. The Crisis of Central Asia Urbanization //The 2nd Millennium B.C. and Villages as an Alternative System / J. Dehayes (ed.) Le Plateau iranien et l’Asie centrale, des origines à la conquête islamique.Paris, 1977. Pp. 113-127.

Boucharlat, R. Suse et la Susiane à l’époque achéménide. Données archéologiques //Achaemenid History. Vol. IV / H. Sancisi-Weerdenburg A. Kuhrt (eds.). Centre and Periphery. Leiden, 1990. Pp. 149-168.

Chang, K.C.Shang Civilization. New Haven & London: Yale University Press, 1980. 417 p.

Chang, K.C.Archaeology of Ancient China (Fourth ed). New Haven and London: Yale University Press, 1986. 450 p.

Childe, G.V. Man Makes Himself. Watts and Co., London, 1936. 275 p.

Childe, G.V. The Urban Revolution // The Town Planning Review. Vol. 21, No. 1 (Apr., 1950). Liverpool, 1950. Pp. 3-17.

Claessen, H.J.M. and P. Skalnik. The Early State. The Hague: Mouton, 1978. 689 p.

Creel, G.The Birth of China, Londra. 1936. 15 p.

Crumley, C.L. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Archaeological Papers of the American Anthropological Association, January: 1-6. Washington: American Anthropological Association, 1995. 135 p.

de Planhol, X. s.v. Cities, Encyclopaedia Iranica. 1992. V. Pp. 603-607.

Di Cosmo N. Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Powers // East Asian History. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 369 p.

Di Cosmo N. The Cambridge History of Inner Asia.

Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 488 p.

Frachetti M.D. Multiregional Emergence of Mobile Pastoralism and Nonuniform Institutional Complexity across Eurasia // Current Anthropology. Vol. 53, no. 1 (February 2012). 2012. Pp. 2-38.

Francfort H.-P. Fondations de Bactriane et de Margiane protohistorique// S. Mazzoni(ed.). NuovefondazioninelVicinoOriente antico: realtà e ideologia.Pisa, 1994. P. 269-297.

Francfort, H.-P. The Archaeology of Protohistoric Central Asia and the Problems of identifying Indo-European and Uralic-Speaking Populations // (hrsg.) Christian Carpelan, AskoParpola, Petteri Koskikallio. Early Contacts between Uralic and Indo-European. Linguistic and Archaeological considerations (= SuomalaisUgrilaisenSeuranToimituksia. Bd. 242). Papers presented at an International Symposium held at the Tvärminne Research Station of the University of Helsinki, 8-10 January, 1999. Suomalais-Ugrilainen Seura.Helsinki, 2001. Pp. 151-168.

Fried Morton, H. The evolution of political society an essay in political anthropology. Random House studies in anthropology, AS 7. New York: Random House, 1967. 270 p.

Genito, B. Modelli e linee di sviluppourbanotra Iran, Asia centrale e Cina // La città in Asia. Letture critiche degli spazi urbani antichi e moderni a cura di Gala Maria Follaco e Giulia Rampolla.Viella, Roma, 2018.Pp. 13-38.

Golden, P.B. Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes /ed. by Cătălin Hriban. Bucureşti;Brăila: Editura Academiei Romane: Editura Istros a muzeului Brăilei, 2011. 424 p.

Hanks, B., Linduff, K. (eds.) Social Complexity in Prehistoric Eurasia: Monuments, Metals and Mobility. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 417 p.

Hiebert, F.T. Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia. Cambridge, MA: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University; 1994. 200 p.

Hole, F. Chronologies in the Iran Neolithic // (eds.) O. Aurenche, J. Evin, F. Hours. Chronologies du Proche Orient Chronologies in the Near East. Relative Chronologies and Absolute Chronology 16.000-4.000 B.P.Oxford, 1987. P. 353-381.

Hole, F. (ed.) The Archaeology of Western Iran: Settlement and Society from Prehistory to the Islamic Conquest (Smithsonian Series in Archaeological Inquiry). Smithsonian Institution Press, Washington, DC, 1987. 332 p.

Honeychurch, W. Pastoral Nomadic Voices: a Mongolian Archaeology for the Future // World Archaeology. Vol. 42. Issue 3: Archaeology and Contemporary Society. 2010. Pp. 405–417.

Honeychurch, W. The Nomad as State Builder: Historical Theory and Material Evidence from Mongolia // Journal of World Prehistory.2013. Vol. 26, N 4.Pp. 283–321.

Honeychurch, W. Alternative Complexities: The Archaeology of Pastoral Nomadic States // Journal of Archaeological Research.2014. Vol. 22, N 4. Pp. 277–326.

Honeychurch, W., Amartuvshin, Ch. States on Horseback: the Rise of Inner Asian Confederations and Empires //Archaeology of Asia / M.T. Stark (ed.). 2006. Pp. 255-278.

Houle J.-L. Emergent Complexity on the Mongolian Steppes: Mobility, Territoriality, and the Development of Early Nomadic Polities. Unpublished PHD Thesis. Pittsburg: University of Pittsburgh, 2010.

Huff, D.Villes // Splendeur des Sassanides (Catalogo della mostra). Bruxelles. 1993. Pp. 56-57.

Khazanov, A.M.Characteristic Features of Nomadic Communities // The Eurasian Steppes / Weissleder, W. (ed.). The Nomadic Alternative. Modes and Models of Interaction in the African-Asia Deserts and Steppes. The Hague-Paris, 1978a. Pp. 119-126.

Khazanov, A.M.The Early State among the Scythians // The Early State / Claessen, H.J.M. and Skalnik, P. (eds.). The Hague, Mouton Publishers, 1978b. Pp. 425-440.

Khazanov, A.M. Nomads and the Outside World. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 366 p.

Kohl, P.L. Central Asia. Palaeolithic Beginning to the Iron Age. Paris: Recherche sur les Civilisations, 1984. 313 p.

Kohl, P.L. Central Asia (Western Turkestan): Neolithik to the Early Iron Age // Chronologies in Old World Archaeology / R.W. Ehrich (ed.). Vol. I. Chicago-London, 1992a. Pp. 179-195.

Kohl, P.L. Central Asia (Western Turkestan): Neolithik to the Early Iron Age // Chronologies in Old World Archaeology. Vol. II /R.W. Ehrich (ed.). Chicago-London. 1992b. Pp. 154-162.

Košelenko, G.A. (ed.) Drevnej šie gosudarstva Kavkaza i Srednej Azii. Moscow: Nauka, 1985. 496 p.

Kradin, N.N. Nomadism, Evolution, and World-Systems: Pastoral Societies in Theories of Historical Development // Journal of World-System Research.2002. Vol. 8. Pp. 368-338.

Kradin, N.N. Nomadic Empires in Inner Asia, Complexity of Interactionalong the Eurasian Steppe Zone // The First Millennium CE (eds). By J. Bemmann, and M. Schmauder. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universitat Bonn,

2015. Pp. 11-48 (Bonn Contributions to Asian Archaeology, Vol. 5). Bonn, 2014.

Kradin, N.N., Bondarenko, D.M., and T. Barfield (eds.). Nomadic Path way sin Social Evolution. Moscow: Center for Civilizational Studies, 2003. 181 p.

Legrand, J. Mongoles et Nomades: Société, Histoire, Culture, Textes, Communications, Articles. Ulaanbaatar, 1973-2011. 2011.

Li Chi et al ii. Preliminary Reports of Excavations at Anyang. I-IV. Peking-Shanghai, 1929.

Li Chi. The Beginnings of Chinese Civilisation (three lectures). Seattle, Univ. of Washington Press, 1957. 123 p.

Liverani, M. Immaginare Babele. Due secoli di studisullacittà orientale antica. Laterza, Roma/Bari, 2013. 530 p.

Murowchick, Robert E. Cradles of Civilization-China: Ancient Culture, Modern Land. Robert. E. Murowchick, gen. ed. Norman: University of Oklahoma Press, 1994. 192 p.

Needham, J. Science and Civilization in China. Vol. 4:Physics and Physical Technology. Part 2: Mechanical Engineering. Caves Books Ltd. Taipei, 1986. 229 p.

Pauketat, T. Chiefdom and Other Archaeological Delusions. NewYork-Walnut-Canyon-California: Alta Mira Press, 2007.

Perrot, J. L'architecture militaire et palatiale des Achéménides à Suse // 150 Jahre Deutsches Archäologisches Institut1829–1979. Mainz a. Rh., 1980. Pp. 79-94.

Salvatori, S., Tosi, M. Postscriptum. Some Reflections on Shahdad and Its Place in the Bronze Age of Middle Asia // Shahdad. Archaeological Excavations of aBronzeAge Centre in Iran /HAKEMI A. (ed.). Roma: IsMEO, 1997 (Reports and Memoirs XXVII). Pp. 121-138.

Schafer, E.H. The Last Years of Ch'ang'an // Oriens Extremus. 1963. Vol. X. Pp. 133-179.

Service, E. Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. Elman R. Service. New York: Random House, 1962. 211 p.

Sneath, D. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. NewYork: ColumbiaUniversityPress, 2007. 288 p.

Sirén, O. Tch'angngan au temps des Souei et des T'ang" // Revue des Arts Asiatiques. Paris, 1927. Vol. 4. Pp. 46-104.

Steinhardt, N. Shatzman. Chinese Imperial City Planning. Honolulu: University of Hawaii Press, 1999. 240 p.

Stronach, D. Pasargadae. A report on the excavations conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963. Oxford: Clarendon Press, 1978. 326 p.

Sumner, W.N. Cultural Development in the Kur River Basin Cultural Development in the Kur River Basin, Iran: an archaeological analysis of settlement patterns. PhD, Pennsylvania, 1972.

Tosi, M. The Archaeology of Early State in Middle Asia // Oriens Antiquus.1986. Vol. 25. Pp. 153-186.

Usmanova Z.I. E`rk-kala (po materialam YuTAKE` 19551959 gg.) // Trudy` YuTAKE`. T. XII / Materialy` po arkheologii Merva. Ashkhabad: «Y`ly`m», 1963. S. 20-94.

Voight, M., Dyson R.H. The Chronology of Iran, ca. 8000-2000 BC // Chronologies in Old World Archaeology. Vol. I. / R.W. Ehrich (ed.). 1992. Pp. 122-178.

Wright, H. The Uruk States in Southwestern Iran// Archaic States / G. Feinman - J. Marcus (eds.). Santa Fé, 1998. Pp. 173-197.

Xiong, V.C. Sui-Tang Chang'an: A Study in the Urban History of Mediaeval China. University of Michigan Center for Chinese Studies. Ann Arbor, 2000. 416 p.

Yoffee, N.Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States and Civilizations. New York: Cambridge University Press, 2005. 277 p.

Наби Олимович Хушваков,
hushnab@mail.ru,
Государственный музей-заповедник «Шахрисабз»,
г. Шахрисабз, Узбекистан

МУКАННА и о ЕГО КРЕПОСТИ в КЕШЕ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос локализации крепости лидера антиарабского движения VIII в. н.э. Муканны. Крепость, упоминаемая в различных арабо- и персоязычных источниках, до настоящего времени не была обнаружена. Авторы на основе археологических наблюдений северных отрогов Гиссарского хребта обнаружили обнесенную каменной стеной территорию, расположенную на вершине холма, в виде хорошо укрепленной крепости. Предполагается, что здесь до самой гибели обитал вождь движения с приближенными и домочадцами. Локализуются также и другие историко-географические пункты, упоминаемые в письменных источниках.

Ключевые слова: Средняя Азия, Мавераннахр, Кашкадарья, Кеш, Кала Муканны, Наршахи, ал-Хараши

Мұқанна және оның Кештегі бекінісі туралы

Аннотация. Мақала VIII ғ. Муканна арабқа қарсы қозғалыс жетекшісінің бекінісін оқшаулау мәселесіне қатысты. Әр түрлі араб және парсы дереккөздерінде айтылып жүрген бекініс осы уақытқа дейін табылған жоқ. Авторлар Гиссардың солтүстік жоталарының археологиялық бақылауларына сүйене отырып, төбенің басында орналасқан мықты қоршалған бекініс тәрізді тас қабырғамен қоршалған аумақты тапты. Болжам бойынша, бұл жерде қозғалыс көсемі жақын адамдарымен және үй қызметшілерімен қаза болғанға дейін тұрған. Жазбаша дереккөздерде айтылған басқа да тарихи-географиялық пункттер де болған.

Түйін сөздер: Орталық Азия, Мавераннахр, Кашкадарья, Кеш, Кала Муканна, Наршахи, ал-Хараши

Mukanna and the Kesh castle

Abstract. The article concerns the issue of localization of the fortress of Mukanna, the leader of anti-Arab movement in the 8th century AD. The castle mentioned in various Arabic and Persian sources has not been found yet. On the basis of the archaeological exploration of the northern spurs of the Hissar ridge, the authors found an area enclosed within a stone wall and situated on a hilltop, having the form of a well-fortified fortress. It is assumed that the leader of the movement lived there together with his wives until his death. Other geographical and historical points mentioned in the written sources are also localized.

Keywords: Central Asia, Transoxiana, Kashkadarya, Kesh, Kala of Al-Mukanna, Narshakhi, al-Kharashi

Восстание, во главе которого стоял Муканна, началось во второй половине VIII в. н.э. и вскоре охватило почти весь Мавераннахр. Интерес к Кале Муканны у археологов присутствовал всегда. С одной стороны, он был вызван яркостью исторической личности Муканны, исполненной мистицизма и таинственности, неординарностью человека, чья деятельность подвигла население Мавераннахра на борьбу против халифата. Вторая сторона вопроса связана с особенностями самой крепости – ее сложную планировку источники описывают в туманных выражениях. Почти во всех публикациях, касающихся археологии и истории Кеша, авторы непременно упоминали крепость Муканны, находящуюся в труднодоступной высокогорной местности, однако конкретное место ее расположения оставалось в области догадок и предположений.

В одном из ранних исследований по топографии Кеша В.В. Бартольд, анализируя топоним Кешк-руд, связывает его с названием реки и отмечает, что это же название носила (по Хаукалю) волость, где находились истоки реки. Ас-руд – другой рукав реки, вытекавший из гор Сиам или Синам; близ его русла находились Южные ворота Кеша; такое же название носили горы, из которых вытекает Каратаг-Дарья. Название это распространялось на всю северную часть Гиссарского кряжа; в горах Сиям, по мнению Бартольда, находилась крепость, «где в 70-х годах VIII века заперся со своими приверженцами пророк Муканна, в течение нескольких лет успешно отражавший нападения арабов» [Бартольд 1963: 188].

В результате разведочных работ по исторической географии древнего Кеша и Нахшаба были отмечены

© 2022 Хушваков Н.О.

памятники, расположенные в высокогорной части, представлявшие собой руины различных крепостей, основной период обживания которых приходится на VII–IX вв., т. е. эти памятники синхронны времени Муканны [Ртveладзе, Сагдуллаев 1986: 76].

Среди других городов, захваченных людьми Муканны, упоминается и Навакет. О.Г. Большаков связывает этот топоним с Навакет Курайшем, правда, под знаком вопроса. Локализация этого пункта, как и других городов и селений Кеша, покоренных Муканной, пока не может считаться окончательной. Уже в 1963–1967 гг. археологическая экспедиция, руководимая М.Е. Массоном, обследовала в восточной части долины Кашкадарьи крупные средневековые памятники. Так, городище Камайтепа площадью 24 га, находящееся недалеко от кишлака Чим, было отождествлено М.Е. Массоном с Наукат-Курайшем; Ходжа-Бузруктепа, что в 9 км к северу от Гузара, – с Иски-фагном; а городище Уликтепа, также расположенное в Гузарском районе, – с Субахом. Интересно в этой связи сообщение Гардизи (XXXV), в котором говорится, что «они (люди Муканны – авт.) пришли в округу Кеша, захватили дороги и взяли крепость Невакес у Сиама и Сенгердих»[1] [Ибн Хордадбех 1986: 172, прим. 36; Бартольд 1963: 124].

Следует сказать, что крепость Муканны в археологическом отношении до настоящего времени не являлась предметом специального изучения, хотя предпринимались попытки ее обнаружения. Как отмечалось выше, главными причинами были труднодоступность и отсутствие каких-либо точных координат и привязок к местности. Было известно лишь то, что крепость была сооружена близ Кеша–Шахрисябза. Учитывая современное расположение этого города, окруженного со всех сторон горами за исключением западного направления к современному Карши (древний Несеф), ареал поиска представлялся весьма широким. С северной и восточной сторон Шахрисябз-Кеш окружен горами Зеравшанского хребта, между тем как южная часть охвачена кольцом западных и северных отрогов Гиссарского хребта.

О времени постройки крепости каких-либо точных сведений в источниках не имеется. Есть все основания предполагать, что оно укладывается в общие хронологические рамки выступления лидера движения и его миссионеров и последующего восстания. Хронология восстания Муканны – аспект противоречивый в источниках и дискуссионный в литературе. Временем post quem может служить отъезд Муканны из селения близ Мерва, где он прятался после приказа правителя Хорасана Хумайда ибн Кахтаба арестовать его. Этому событию предшествовала кампания араба Абдаллаха ибн Амра, который выдал за Муканну свою дочь, переправился через Окс и пришел в Нахшаб и Кеш, пропагандируя учение Муканны и вовлекая народ в новую веру. Наршахи сообщает, что много народу «было совращено с истинного пути. В Кеше и окрестностях этого города последователи Муканны были особенно многочисленны» [Frye 1954: 113]. По времени это произошло, скорее всего, после приезда Муканны в Кеш, где население этой части Мавераннахра составляли преданные и надежные сторонники движения. Возведение крепости, по всей вероятности, можно связать с прибытием Муканны в Кеш, превратившийся к тому моменту в надежный оплот его учения. Хронологически этот этап можно отнести к подготовительной фазе перед восстанием, т. е. времени бегства Муканны из Мерва в Мавераннахр после 769 г. Теоретически уже 769 г. мог быть годом строительства крепости. Далее, опуская ряд событий, развернувшихся в Мавераннахре, остановимся на важнейшем из них. Начало 880-х гг. знаменуется покорением долины Кашкадарьи Саидом ал-Хараши и Мусаййабом. В это же время происходит осада крепости Муканны, однако она была прекращена или отложена из-за наступления зимы. Скорее всего, строительство домов вблизи осажденных по приказу ал-Хараши относится к этому же времени (возможно, осень 782 г.). Командование войском полностью переходит в руки ал-Хараши, между тем как Мусаййаба отъезжает в Мерв. Сложность в определении начальной даты строительства крепости заключается в отсутствии точного хронологического репера. Так, например, ат-Табари в своей предельно краткой хронике относит начало восстания к 161/777–778 г.: «Среди того, что произошло в этом году, было выступление Хакима ал-Муканна в Хоросане, он говорил о переселении (душ – авт.), относя это к себе. Он ввел в заблуждение множество народу, усилился и перебрался в Мавераннахр. Для борьбы с ним ал-Махди послал несколько военачальников, и среди них Му'аза б. Муслима, который был тогда наместником Хорасана, а с ним укбу б. Муслима, Джабраила б. Йахйу и лайся, мавлю ал-Махди. Потом ал-Махди поручил с ним одному Са'иду ал-Хараши, придав ему этих военачальников и начал ал-Муканна собирать продукты, готовясь к осаде в замке около Кеша»[Наршахи 1897: 19].Время гибели Муканны ат-Табари относит к 163/779–780 г.: «Среди

[1]У авторов это название читается по-разному: по Ибн Хордадбеху – Санкардар – горное село в 10 фарсахах от Нишапура; В.В. Бартольд читает это географическое название как Сангардак (указывает также его чтение по Макдиси Сенгердих) и помещает его на расстоянии одного дня пути от Термеза, на месте слияния реки Сангардак (см. Ибн Хордадбех 1986: 172, прим. 36; Бартольд 1963: 124.)

того, что произошло в этом году – гибель ал-Муканны. Дело было так; Са'ид ал-Хараши осадил его под Кешем, и стало ему тяжко в осаде. Когда он почувствовал свою гибель, то выпил яду и напоил им своих жен и близких, умер сам, и, как сообщают, умерли все они. Мусульмане вошли в его крепость, отрубили ему голову и послали ее ал-Махди, который был тогда в Халебе» [Tabari 1892: 48]. Приведенные выше хронологические рамки ат-Табари, как это очевидно, не охватывают всей длительности событий, во всяком случае подготовительного и начального этапов. Время окончательной сдачи крепости и гибели Муканны, как мы видим, определяется в источниках по-разному. Источники обычно дают 163/779 г., между тем как Салами помещает эту дату в 166/782, другие предлагают 167/783 г. или даже 169/785[Crone 2012: 221]. Для установления времени сооружения крепости есть и другая возможность, если принять во внимание упоминание Наршахи здесь мы передаем его слова о Муканне в переводе Ричарда Фрая: «He stayed in the castle with his women. He had the custom of eating and drinking wine every day with those women. Sohepasse dfourteenyearsinthismanner» [Frye 1954: 74]. В переводе Н. Лыкошина этот фрагмент заканчивается следующим образом: «Так он выдерживал осаду 14 лет, пока амир Герата не стеснил его и пока его войско не расстроилось» [Наршахи 1897: 19].

Однако вряд ли можно представить возможность 14-летней осады, тем более что сам же Наршахи пишет далее, что Саид ал-Хараши, расположившись у ворот крепости, стоял там лето и зиму, т. е. непосредственно осада самой крепости длилась не более года – до следующей весны и наступления тепла. Интересно, что цифра 14 присутствует и у ал-Бируни: «<…> он разбил рати аль-Махди и владычествовал четырнадцать лет, пока его не осадили и не убили в сто шестьдесят девятом году хиджры<…>» [Бируни 1957: 217]. Более вероятным нам представляется то, что период в 14 лет подразумевает общее пребывание Муканны в крепости от начала и до последних дней. Если рассуждать в логической последовательности, то дата возникновения крепости должна относиться ко времени после 768 г., т. е. после приказа Кахтабы об аресте Муканны и бегства последнего в Мавераннахр. Если мы берем во внимание вышеназванную цифру пребывания, то дату сооружения крепости мы получаем в зависимости от вышеперечисленных версий времени гибели Муканны.

Наиболее вероятной представляется дата гибели его в 167/783 г., и тогда соответственно годом постройки крепости можно считать 769, если учесть тот факт, что Муканна какое-то время прятался недалеко от Мерва. «Хумей, сын Кахтаба, который был амиром Хоросана, приказал схватить Муканну, но он убежал из своего селения и скрывался до тех пор, пока узнал, что в Мавераннахре много народа перешло в его веру и что эти люди стали открыто исповедовать новую веру». Это в какой-то мере вдохновило лидера движения перебраться поближе к своим приверженцам. Несмотря на охрану берегов Джайхуна (Амударья) 100 всадниками, специально высланными Кахтабой, Муканне со своими 36 людьми удается переправиться через реку и достигнуть области Кеш.

Теоретически временем строительства мог быть и 768 г. (после месяца шабана, т. е. августа) при вступлении Кахтабы в свои обязанности, когда первостепенной задачей для него был захват лидера запрещенного движения. В этом случае для постройки крепости оставалось короткое время, так как во второй половине октября и в начале ноября в этой горной местности выпадают осадки и наступают холода.

Точной информации, близ какого селения или города была построена крепость, в источниках не имеется, но почти все сходятся на том, что крепость была построена в окрестностях Кеша. Одним из первых селений, которое присоединилось к Муканне и приняло его учение, было селение Субах; лидером здесь был Амр из Субаха (они подняли восстание и убили своего амира, благочестивого человека происхождением из арабов). Такое чтение мы встречаем у Самани и Якута. Селение Субах, по словам Самани, находилось в окрестностях Гузара, в 6 фарсахах от Несефа (Карши).

В.В. Бартольд, ссылаясь на Истахри, размещает Субах на главной дороге из Несефа в Балх, на расстоянии 1 перехода от первого, а по Ибн Хаукалю – на расстоянии 2 фарсахов от Кеша. Однако, по мнению ученого, «второе определение, несомненно, ошибочно, и вместо "2 фарсаха" следует читать "2 перехода" как у Истахри» [Frye 1954: 74]. Таким образом, Субах локализуется в окрестностях Гузара.

Для выбора места немаловажное значение имело географическое расположение, с независимым обеспечением питьевой водой и продовольствием. Наршахи говорит, что «в горах Сам была очень сильная крепость и в ней канал с проточной водой, деревья и пашни» [Наршахи 1897: 94]. Название «Сам» варьируется у средневековых авторов, например, Гардизи передает его как Сийям. Интересно, что Ибн Хаукаль среди волостей Кешской области приводит название Сиям. В своем предельно кратком описании крепости Наршахи отмечает, что «в ней были ручей, деревья и возделанные поля» [Наршахи 1897: 93]. В следующем сообщении содержится не менее важная для нас информация, на которую не всегда обращают внимание:

«Была еще одна крепость, более сильная, чем эта, которую он приказал перестроить. Там он собрал много богатства и бесчисленное количество вещей и разместил охранников» [Наршахи 1897: 93]. Однако располагалась ли вторая крепость также в горах Сама (Сиама), не уточняется. Теоретически, если название «Сам» могло означать горную местность (район – рустак), то, по нашему мнению, вторая крепость находилась тут же, но речь могла идти и о другой горе. Описывая вторую крепость, в которой обосновывается Муканна со своими приближенными, Наршахи упоминает снова, что «внутри крепости имелись источник воды, деревья и посаженные поля. Его (Муканны – авт.) приближенные и генералы вместе с мощной армией располагались в крепости»[2] [Наршахи 1897: 87]. Интересно отметить, что об источнике, деревьях и пашнях, расположенных внутри крепости, Наршахи пишет дважды: в первый раз вначале при описании постройки и второй раз – осады крепости Саидом ал-Хараши: «Саид, который был амиром Герата, расположился у ворот крепости с большим войском. Он построил дома и бани и стоял там лето и зиму. Внутри крепости были родник воды, деревья и посевы. Приближенные и военачальники с сильным войском были в крепости. Внутри крепости была еще другая крепость на вершине горы. Никто не мог войти в эту цитадель. Муканна с теми женщинами был в крепости (цитадели)» [Наршахи 1897: 93].

Однако возникает вопрос: насколько независимым в экономическом отношении было положение обитателей крепости, несмотря на повтор о кажущемся изобилии крепости? Наршахи сам дает повод для сомнения в этом. Во внутренней крепости (цитадели) находились женщины – жены Муканны (дочери дихканов Согда, Кеша, Нахшаба) и приближенный раб – в другом месте он называет его имя – Хаджиб: «Что касается необходимого продовольствия, то ежедневно один раз отворялись ворота крепости, а вне крепости был один доверенный человек, который приготовлял все необходимое. Раб призывал этого человека, приносил в крепость продукты и снова запирал ворота крепости до следующего дня»[Наршахи 1897: 93]. Сообщение ат-Табари о том, что «начал ал-Муканна собирать продукты, готовясь к осаде в замке около Кеша», свидетельствует о том, что крепость зависела от внешнего снабжения; её собственных ресурсов было недостаточно, чтобы содержать то количество обитателей, что находилось в ней [Tabari 1892].

Выбирая наиболее удобное место для строительства, Муканна руководствовался вполне резонными соображениями, главными из которых были безопасность и стратегическое положение места, о которых мы упоминали выше. Но только ли фортификационные задачи и стратегическая целесообразность повлияли на выбор места для крепости в высокогорной долине?

Нам не известно, обладал ли Муканна знаниями мифологии и религии древних народов, хотя даже такой его беспощадный оппонент, как Наршахи, вынужден был признать его за человека довольно образованного и сведущего в науках, хотя эти науки носят специфический характер: «он предался изучению наук и собрал сведения всякого рода. Он изучил фокусничество, науку о способах обманывать и о талисманах; хорошо изучив фокусы, он начал также выдавать себя за пророка» [Наршахи 1897: 93]. Такого рода действия и познания предполагают неплохое знакомство с психологией, умение манипулировать сознанием людей, дар убеждения. Вполне логично предположить, что действия такого человека были тщательно продуманы вплоть до мельчайших подробностей. Вероятно, принимались в расчет и аспекты психологического характера.

Можно предположить, что к моменту начала активной деятельности Муканны уже сложился и был популярен среди населения Хорасана культ Абу-Муслима, и были широко известны легенды о нем. Возможно, что это обстоятельство в определенной мере могло повлиять на формирование программы Муканны вообще и в выборе места для постройки укрепления в частности. Предпочтение горной местности и вершины горы не было случайным, и в полной мере соответствовало его религиозно-пропагандистской программе. Вполне вероятно, что резиденция на вершине горы должна была, по замыслу Муканны, восприниматься населением как обиталище бога. Возможно, что частью этой же программы «обожествления» была и задумка с покрывалом, которое постоянно носил новоявленный «бог».

Скрытый под покрывалом «лик бога», который не дано было узреть взгляду человеческому, создавал вокруг личности вождя ореол таинства и святости. Интересную мысль высказывает Бируни, когда отмечает, что «аль Муканна притязал на божественное достоинство и [говорил], что он воплотился по той причине, что никому не дано видеть [божество] прежде воплощения»[3] [Бируни 1957: 217].

Это обстоятельство вынуждает нас вновь возвратиться к эпизоду гибели Муканны. По Наршахи, после

[2]В переводе Ричарда Фрая это действие обозначается словом rebuilt (перестроил) [Frye 1954: 74], между тем как в переводе Н. Лыкошина см. Наршахи [Наршахи 1897: 87] это же место переводится как «исправил».)

того как «военачальник Муканны, который был в наружной крепости, открыл ворота и вышел из крепости с изъявлением покорности и принял ислам, мусульмане овладели крепостью, Муканна понял, что он не будет в состоянии удержаться во внутренней крепости» [Наршахи 1897: 95]. Далее, ссылаясь на рассказ одной из жен Муканны, ставшей впоследствии бабушкой одного из дихкан Кеша Абу-Али Мухаммада, сына Харуна, Наршахи повествует о том, как Муканна, по обыкновению, совершая трапезу со своими женами, добавил яд в вино, все женщины выпили вино и упали замертво. Осталась в живых лишь та, от лица которой идет рассказ, она вылила вино за ворот и притворилась мертвой. «Муканна встал, посмотрел, счел всех женщин мертвыми и пошел к своему рабу. Он ударил его саблей и отрубил ему голову. Муканна подошел к печи, снял свое платье и бросился в огонь. Когда он бросился, из печи пошел дым. Я подошла к печи и не заметила никаких признаков Муканны и ни одного человека живого не было в крепости. Причиной его самосожжения было то, что он всегда говорил: “Когда мои рабы возмутятся, я вознесусь на небо и оттуда приведу с собой ангелов, чтобы наказать людей”. Поэтому и он сжег себя, чтобы народ подумал, что Муканна вознесся на небо, чтобы привести оттуда ангелов и подать им помощь с неба и чтобы таким образом вера его осталась в мире» [Наршахи 1897: 95].

Надо признать, что многое в этом рассказе выглядит неправдоподобным (о том как, например, три дня разжигали печь и др.) и легендарным, однако в акте самосожжения с этой точки зрения можно увидеть еще один аспект, а именно то, что Муканна хотел остаться неразоблаченным и после смерти.

Мы приводили уже тот факт, что почти все без исключения источники рисуют облик преследуемого вождя безобразным или уродливым. Покрывало, скрывающее лицо, давало простор фантазии и провоцировало такую негативную портретную характеристику, хотя создается впечатление, что воинам халифа так и не удалось увидеть лица «пророка».Интересную и в то же время вполне убедительную версию эпизода гибели дает Бируни: «Окруженный со всех сторон, он сжег себя, чтобы его тело исчезло и приверженцы его поверили бы его словам. И сгорел он, но то, чего желал, не удалось: [его тело] не исчезло и было найдено в печи. Ему отрубили голову и отослали ее аль-Махди, повелителю правоверных, который тогда находился в Халебе» [Бируни 1957: 217].

Несколько иная версия гибели Муканны содержится в сочинении Абу Са’ида Гардизи «зайн ал-Ахбар», однако и в ней вождь восстания стремится остаться неузнанным. По словам Гардизи (XXXVIII): «Когда Муканна отчаялся в своем положении, он собрал всех своих жен, приготовил яду и всем им обещал рай, когда они выпьют того яда. Все тотчас же умерли. Муканна тоже выпил яду и умирал дольше. Он приказал, чтобы один из его товарищей отрубил Муканне голову и завещал сжечь его тело в огне, дабы его не нашли. Некоторые из тех заблудших, которые следовали его примеру, говорили: он-де ушел на небо» [Абу Са’ид Гардизи 1991: 230].

Среди приверженцев Муканны всегда присутствовало неудержимое желание увидеть лицо своего новоявленного «бога». По словам Наршахи, около «50000 человек из войска Муканны, из жителей Мавераннахра, из тюрков и прочих, собрались к воротам крепости Муканны и с земными поклонами просили, чтобы он удостоил их своего лицезрения, но не получили никакого ответа» [Наршахи 1897: 93].

Настойчивая просьба приверженцев увидеть лицо своего бога, пусть даже ценой жизни, вынудили Муканну назвать день, когда бы все они могли прийти. Далее Наршахи передает остроумный прием, примененный лидером движения, которое зачлось ему как совершение чуда, которого так жаждал преданный ему народ. «Он приказал тем женщинам (женщины Муканны – авт.), чтобы каждая из них взяла по зеркалу и вышла на вершину крепости и чтобы они держали зеркала одно против другого. Когда лучи солнца упали на землю и все женщины взяли в руки свои зеркала и держали их ровно, одно против другого, народ уже собрался; когда солнце осветило зеркала, то вследствие отражения, вся окрестность была залита светом. Тогда Муканна сказал рабу: “Скажи моим рабам, что Бог покажет им свое лицо, – пусть смотрят”. Посмотрели они и увидели, что весь мир как бы залит светом; они испугались и все разом упали ниц, восклицая: “О Господи! Этой силы и этого величия, что мы видели довольно; если больше того увидим, то сердца наши разорвутся (от страха)” и так они лежали распростертые ниц, пока Муканна приказал тому рабу: “Скажи моим приверженцам, чтобы они подняли свои головы от поклона, потому что Бог доволен ими и простил их прегрешения”» [Наршахи 1897: 94]. Весьма любопытным в данном эпизоде является расстановка женщин с зеркалами – они должны были стоять друг против друга. День был назначен самим Муканной, но ничего не говорится о времени суток. Однако выражение «ког-

[3]*Почти все мусульманские авторы объясняют ношение покрывала Муканной страшными изъянами – плешивостью, одноглазием и т. д.*

да лучи упали на землю» явно указывают, что это были утренние часы. Более того, когда первые лучи солнца, коснулись вершины холма, где стоял замок вождя, его подножие между тем оставалось не освещенным и находилось в тени гор. Мы еще вернемся к этому важному обстоятельству при описании археологического памятника, здесь же хотелось отметить, что прием, рассчитанный на эффект яркой, как бы ослепляющей вспышки света, был возможен лишь при определенных условиях. Восходящее с востока солнце первым освещает расположенный на высоте замок, соответственно, прилегающее к горе пространство с западной стороны остается еще в предрассветных сумерках и чтобы осветить эти сумерки, понадобилось двойное отражение солнечных лучей. Поймав луч восходящего солнца, его отражали в противоположном зеркале, т. е. в восточном направлении, а уже второе зеркало било своим лучом в западном направлении, т. е. в толпу собравшихся у западной стороны у основания холма, на котором стоял замок.

Этот эпизод, если он имеет под собой какую-то реальную основу, дает нам ориентацию ворот крепости, которые должны были располагаться с западной стороны с возможным отклонением на север или юг. Войско и прочее население соответственно ожидало появление Муканны в прилегающем к воротам пространстве, т. е. с запада.

Гардизи (XXXV. 126) отмечает, что Муканна избрал для себя крепость Сийам, расположенную в округе [города] Кеша, и ту крепость обнесли оградой. По всей вероятности, под «оградой» следует понимать стену, так как другое ограждение в случае осады вряд ли могло выполнять защитную функцию. В другом отрывке, описывающем ситуацию, когда люди Муканны после столкновений с отрядами ал-Хараши потерпели значительный урон, а оставшаяся часть двинулась к Муканне в сторону Кеша, Гардизи отмечает, что Муканна засел в крепости Сийаме, окружил ее рвом и вступил в бой с мусульманами.

Дела у сторонников Муканны пошли плохо, но они терпели, пока не дошло до того, что они «<…>стали поедать кожу друг с друга. Они запросили у Хариши мира без ведома Муканны, и Хариши дал согласие. Тридцать тысяч человек вышли из-за рва и ушли, а Муканна остался с двумя тысячами человек мужчин и женщин-невольниц, его последователей» [Абу Са'ид Гардизи 1991: 126].

Более всего в этом отрывке нас интересует упоминание рва. Ров упоминается и у другого автора, а именно у Ибн ал-Асира, который говорит, что во время осады «мусульмане во главе с Раджа преодолевают ров цитадели» [Большаков 1976: 90–98]. Практически такой тип обороны в горной местности, а особенно учитывая, что крепость находилась на горе, возможен лишь в том случае, если структура скалы – грунт, поддающийся обработке. Трудно представить, что возможно выкопать ров в скалистом грунте, кстати, характерном для большинства гор этого края. Рвом могли называть и углубление естественного характера, но в любом случае наличие рва или его следов, становится одной из примет той крепости, о которой говорят источники.

Кызылтом представляет собой небольшое селение (кишлак), расположенное по обоим берегам реки Турнасай и южнее с небольшим отклонением на восток от горы Майданак. Высота горы Майданак чуть более 2900 м над уровнем моря. От Кызылтома путь лежал в северо-западном направлении вдоль Турнасая. С этого места была сфотографирована местность, называемая Дарваза-Ворота (рис. 1). Дарваза представляют собой расщелину, образованную крутыми склонами – отрогами Гиссара; по дну этого ущелья протекает вышеупомянутая река. Дорога пролегала по склону правого берега Турнасая (другой вариант названия Тирнасай, иногда употребляется еще более краткий вариант – Тирна). Местность эта покрыта можжевеловым лесом, некоторые из кустарников имеют довольно толстый ствол и пышную крону. В конце сентября почва здесь покрыта пересохшей травой, местами довольно высокой, весной и ранним летом эти места напоминают альпийские луга – очень удобные и богатые пастбища для скота. Зимой эти места покрываются, по словам местных жителей, толстым (более 1 м) слоем снега и практически непригодны для проживания и выпаса скота. По словам пастухов, на противоположном от Турнасая склоне горы имеется озеро, которое пересыхает к поздней осени, и после этого, за неимением воды в зимнее время, весь скот сгоняется вниз на равнину.

Примерно в 5 км к северу с небольшим отклонением на запад от селения Кызылтом находится урочище под названием Котов. Место это представляет собой плато относительно ровного рельефа с небольшими депрессиями и всхолмлениями, вполне пригодное для запашки под пшеницу и картофель, чем и занимаются сезонно поселившиеся здесь жители селения Туток. Это селение расположено к северо-западу от урочища Котов, дорога следует туда по пойме реки Турнасай (рис. 2). В качестве жилья в Котов используется шатер, а также небольшие глинобитные сооружения. Расстояние от Котов до археологического памятника примерно 1,5–2 км, но дорога в этой части очень трудная – крутой спуск и такой же крутой подъем.

К памятнику можно подняться с его южной стороны от дна сухого русла сая, образованного селевыми во-

дами; отсюда круто вверх тянется овраг, вымытый стекающими с холма водами. При восхождении по склону оврага с левой стороны была зафиксирована стена, выложенная из рваного камня. Впоследствии она была изучена более детально. Начало этого оврага примыкает к южной части городища; вся накопившаяся влага, стекающая с городища, течет отсюда в южном направлении и, сливаясь с вышеупомянутым саем во время дождливого сезона, соединяется с Турнасаем. Памятник с северной и северо-западной стороны примыкает к обрывистой части холма. Городище имеет форму неправильного круга, к которому в его юго-восточной части примыкает как коридор, вытянутый с севера на юг. Городище делится на две части: шахристан и так называемая цитадель, имеющая в плане округлую форму, укрепленная крепостной стеной по гребню возвышенной части с северной и северо-западной стороны. С южной стороны цитадель также отгорожена от коридора стеной, которую мы условно называем шахристаном. Сам шахристан укреплен стеной вдоль правого берега оврага (ориентация по течению стекающей воды) и имеет подтреугольную форму с острой вершиной, обращенной к югу. Следует отметить, что с точки зрения защиты от врага – это единственная уязвимая часть городища. Соответственно, вторая линия обороны могла проходить по стене, отгораживающей шахристан от цитадели. В южной и юго-восточной части городище неприступно в силу природных особенностей. В этой части холм, на котором расположено городище, имеет крутой обрывистый характер.

Стена, сложенная из крупных рваных камней и следующая от начала оврага в западном направлении, как бы отгораживающая цитадель от шахристана, сохранилась на высоту от 60 см до более чем 1 м. У основания стена имеет ширину более 1,5 м, однако следует отметить множество беспорядочно раскиданных по обе стороны аналогичных камней, некогда составлявших единое целое со стеной, но в результате многовековых естественных разрушительных процессов – выветривания, осадков, температурных перепадов и т. д. – потерявших с нею связь. Камни покрыты ярко-красным налетом, напоминающим «ржавчину». В самой западной оконечности этой стены из ее толщи проросли деревья можжевельника, как бы разорвав стену. Толщина стволов этих деревьев, доходящих порой до 50 см, также в некоторой мере служит временным показателем (рис. 3).

В северной и северо-западной части стена цитадели, следующая по гребню холма в направлении Ю–ЮВ, прослеживается на расстоянии более 260 м. Она значительно разрушена и в более сохранившейся части имеет высоту в 1,2 м, а в разрушенной, низкой части около – 30–40 см. Стена была выложена из крупных кусков камней неправильной формы, доходящих до 50–60 см вперемешку с более мелкими камнями размером 20–25 см.Стена шахристана, следующая вдоль правого берега оврага по направлению С–Ю, тоже значительно разрушена. У основания она имеет ширину 3–3,5 м, в некоторых местах явно видны следы крушения стены в виде куч хаотично упавших камней, примыкающих к линии крепостной стены. В наиболее сохранившейся части высота стены доходит до 1,5 м (рис. 4).

Внутри пространства цитадели не выявлено следов каких-либо архитектурных сооружений за исключением одного, расположенного в 150 м от угла, образованного крепостными стенами южной и северо-западной части памятника. Остатки архитектурного сооружения представляют собой длинную стену, выложенную из крупных камней. По основанию ширина разрушенной стены достигает 4,7 м, высота около 0,5 м. Она тянется по направлению С–Ю на расстояние 33,4 м. На расстоянии 9,4 м с южной ее оконечности перпендикулярно к ней примыкает другая стена, идущая по направлению З–В на расстояние 8,2 м.

Как уже отмечалось выше, городище находится на отроге-холме, разделенном глубоким ущельем, вдоль которого протекает река Турнасай, точнее, на ее правом возвышенном скалистом берегу. Вдоль этой реки следует дорога в северном направлении к селениям Туток (расположено западнее, с небольшим отклонением на север) и Ишкент, расположенному северо-западнее от городища на расстоянии около 5 км. Эта дорога хорошо просматривается с вышеописанного памятника. С высоты цитадели вдалеке, в северном направлении, хорошо видны зеленые оазисы Китаба и Шахрисабза, еще далее на север эти оазисы замыкаются отрогами зеравшанского хребта, за которыми простирается Самаркандский Согд. По свидетельству местных жителей, в юго-восточном направлении за горами, которые виднеются через долину Турнасая, дорога ведет в Сангардак, расположенный на территории современной Сурхандарьинской области (рис. 5).

Хотелось бы чуть подробнее остановиться на селении Ишкент. На некоторых старых картах конца XIX – начала XX в. название селения дается как Ичкент. Такой географический пункт упоминается у Махмуда Кашгари (Махмуд Кашгари Б. 442) как «инч кенд – город, в котором проживали люди Муканны. Впоследствии был разрушен» [Қошғарийент 1963: 245].

Еще одним пунктом, расположенным недалеко от городища, является селение Зармас. Напомним, что в числе селений и замков, население которых еще долго

продолжало придерживаться учения Муканны, называется именно это селение. «Ахмад, сын Мухаммада, внук Насра, говорит, что и теперь секта Муканны осталась в области Кеша и Нахшеба и в некоторых селениях Бухары, каковы, например, замок Улара, замок Хыштыван, селение Зармас» [Наршахи 1897: 95]. В переводе Н. Лыкошина в примечании относительно Зармас говорится, что это «вероятно ошибка, вместо Зарман» [Наршахи 1897: 95, прим. 1].Зарман с Арбинджаном упоминаются у Наршахи в другом месте и располагаются на дороге между Самаркандом и Бухарой. Название же Зармас явно передает другой географический пункт. Селение с таким названием существует до настоящего времени и находится недалеко от предполагаемой крепости Муканны к востоку с небольшим уклонением на юг и восточнее кишлака Кызылтом. Оно значится и на старых картах XIX – начала XX в.

При сопоставлении данных письменных источников о крепости Муканны и открытого нами археологического памятника обнаруживается масса совпадений, как-то: удобное и в то же время труднодоступное для неприятеля положение на высокой скале, как бы выдвинутой вперед, что позволяло обозревать все подступы и держать под контролем дороги. В наиболее высокой северной части, по всей видимости, располагалась цитадель. Она была отгорожена, судя по остаткам сохранившейся стены, от шахристана в южной части. Шахристан располагался на естественном оплыве, вытянутом с севера на юг и укрепленном по периметру каменной стеной. При поверхностном обзоре ров, наличие которого отмечают некоторые авторы (Гардизи, Аль Асир), не виден, хотя за таковой можно принять овраг, который тянется с севера на юг на большом протяжении, и, как отмечалось при описании памятника, имеет вид естественного образования. Не исключено, что именно эту часть средневековые авторы могли счесть за ров, и, несомненно, сам ров за истекшие 12 веков должен был значительно видоизмениться. Таким образом, памятник Курганча открытый нами является «крепостью Муканны».

ЛИТЕРАТУРА

Абдиримов Р. Новые данные о городище Наршахтепа // История материальной культуры Узбекистана. 1983. Вып. 18. С. 148–153.

Абу Са'ид Гардизи. Украшение известий. Зайн ал-Ахбар / Пер. А.К. Арендса. Ташкент: Фан, 1991. 146 с.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. В 9-ти т. М.: изд-во вост. лит., 1963.Т. 1. 760 с.

Бируни Абу Рейхан. Памятники минувших поколений / Пер. М.А. Салье. Ташкент: «Фан» УзССР, 1957. 516 с.

Большаков О.Г. Хронология восстания Муканны // История и культура народов Средней Азии / Под ред. Б.Г. Гафурова, Б.А. Литвинского.М.: Наука, 1976. С. 90–98.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с арабского, коммент., исслед., указатели и карты Наили Велихановой. Баку: "Элм", 1986. 428 с.

Кадырова Т. Из истории крестьянских восстаний в Мавераннахре и Хорасане в VIII – начале IX в. Ташкент: Наука, 1965. 240 с.

Қошғарийент. муд. Туркий сўзлар девони. (Девони луғатит турк). III жилд. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. Муталлибов. Тошкент: Фан, 1963. 164 б.

Лунина С.Б. Города Южного Согда в VIII–XII вв. Ташкент: Фан, 1984. 150 с.

Наршахи Мухаммад. История Бухары / Пер. с перс. Н. Лыкошина; под ред. В.В. Бартольда. Ташкент: типолит. т. д. "Ф. и Г. бр. Каменские", 1897.124, II с.; 22.

Ртвеладзе Э., Сагдуллаев А. Памятники минувших веков. Ташкент: Узбекистан, 1986. 134 с.

Якубовский Ю.А. Восстание Муканны – движение «людей в белых одеждах» // Советское востоковедение. 1948. Т. V. С. 35–54.

Crone, P., Jazi M. The Muqannaʿ narrative in the Tārīkhnāma: Part I, Introduction, edition and translation // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2010a. Vol. 73(2). P. 157-177. DOI: 10.1017/S0041977X10000030

Crone, P., Jazi M. The Muqannaʿ narrative in the Tārīkhnāma: Part II, Commentary and analysis // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2010б. Vol. 73 (3). P. 381-413. DOI: 10.1017/S0041977X10000388

Crone, P.The Nativist Prophets of Early Islamic Iran.Rural Revolt and Local Zoroastrinism.Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 585 p.

Frye, R.N. History of Bukhara.Translated from Persian Abridgment of the Arabic Original by Narshakhi.Cambridge, Massachusetts: The Medieval Academy of America, 1954. 206 p.

Tabari. Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at Tabari / M.J. De Goeje (ed.). Lugduni Batavorum.1892.

Б.Х. МАТБАБАЕВ
Х.Б. ХОШИМОВ
ДЖУ ЯНГШИ
ЛУИ ТАО

Бокижон Хошимович Матбабаев,
Хикматулла Бокижонович Хошимов,
bokijon@mail.ru,
Институт археологии им. Я. Гулямова АН РУз,
г. Самарканд, Узбекистан;
Янгши Джу,
Тао Луи,
Институт археологии АОН КНР,
г. Пекин, Китай

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ на ГОРОДИЩЕ МИНГТЕПА в ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ (УЗБЕКИСТАН)

Аннотация. Статья посвящена археологическому изучению самого крупного античного городища Мингтепа (Эрши, по китайским письменным источникам). Приведены результаты работ 2019–2021 гг. Памятник состоял из трех частей: арка, внутреннего и внешнего города. Выявлен городской некрополь, где обнаружены 42 погребения. Получены материалы, освещающие особенности урбанизационных процессов в античной Фергане. Рассматриваются вопросы эволюции городских центров в древнеферганском государстве Давань (Древнеферганское царство).

Ключевые слова: Ферганская долина, Мингтепа, Давань, Эрши, городской некрополь, ямное погребение, городские ворота

Ферғана жазығындағы Мыңтепе қаласындағы археологиялық зерттеу (Өзбекстан)

Аннотация. Мақала ең ірі антикалық қала Мыңтепеде (Қытай жазба деректері бойынша Ерші) жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарына арналған. 2019-2021 жж. жұмыстардың нәтижелері ұсынылды. Ескерткіш үш бөліктен: арка, ішкі және сыртқы қаладан тұрады. 42 жерлеу орны табылған, қала қорымы анықталды. Көне Ферғанадағы урбанизация процестерінің ерекшеліктерін көрсететін материалдарға қол жеткізілді. Ежелгі Ферғана мемлекеті Давандағы (Ежелгі Ферғана патшалығы) қала орталықтарының эволюциясы мәселелері қарастырылады.

Түйін сөздер: Ферғана аңғары, Мыңтепе, Даван, Ерші, қалалық қорым, шұңқырлы жерлеу орны, қала қақпасы

Archaeological research at the Mingtepa settlement in the Fergana Valley (Uzbekistan)

Abstract. The article is devoted to the archaeological study of the largest ancient city of Mingtepa (Ershi, according to Chinese written sources). The results of the work of 2019-2021 are given. The monument consisted of three parts: an arch, an inner city and an outer city. An urban necropolis has been unearthed, where 42 burials have been found. Materials have been obtained that highlight the features of urbanization processes in ancient Fergana. The issues of the evolution of urban centers in the ancient Fergana state Davan (Old Fergana kingdom) are considered.

Keywords: Fergana Valley, Mingtepa, Davan, Ershi, urban necropolis, pit burial, city gates

Городище Мингтепа (иногда Мархаматское городище) находится в восточной части Ферганской долины (рис. 1), на территории Мархаматского района Андижанской области (восточнее от современного административного центра района – г. Мархамат). Оно является крупнейшим памятником Ферганской долины периода античности (общая площадь, по нашим новым данным, составляет 272 га). Внутреннее городище в плане имеет форму параллелограмма площадью 42 га (рис. 2).

© 2022 Матбабаев Б.Х., Хошимов Х.Б., Джу Янгши, Луи Тао

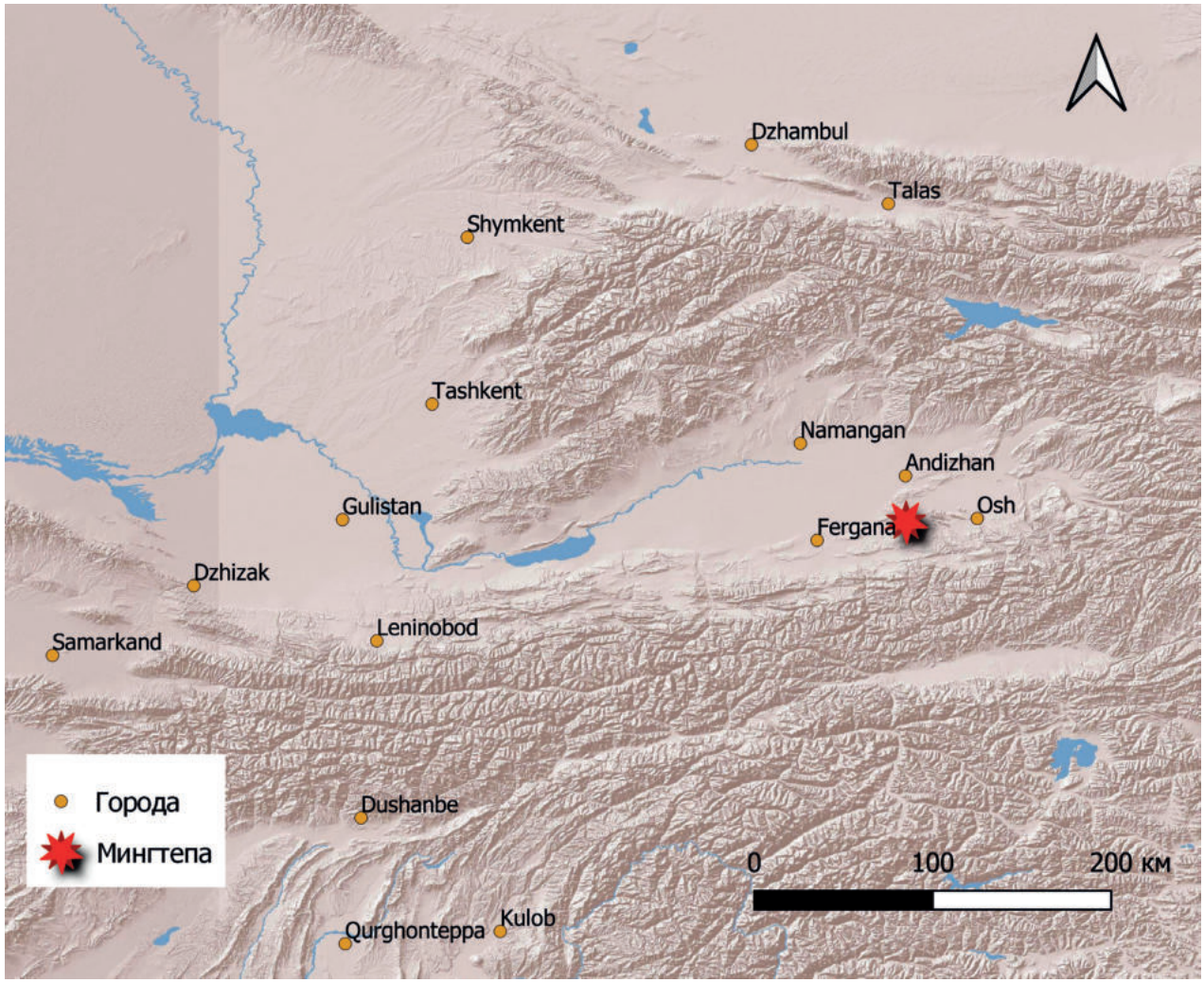

Рис. 1. Местонахождение городища Мингтепа

Из письменных (китайских) источников известно, что главный город Эрши – Мингтепа являлся крупным населенным пунктом на пути из Китая в Фергану. Он состоял из трех частей – внутреннего с цитаделью и внешнего городов. В Эрши находилась резиденция правителя. Прямых данных для локализации Эрши в источниках нет. По этому поводу существуют разные мнения [см.: Матбабаев 2009; Матбабаев и др. 2011: 99–103]. Более аргументированную локализацию Эрши на месте городища Мингтепа впервые предложил А.Н. Бернштам [Бернштам 1952: 228–230]. Возникает естественный вопрос: «Почему именно городище Мингтепа (Мархамат) локализуется с Эрши?». Во-первых, по китайским источникам, город Эрши находился в восточной части Ферганской долины. Во-вторых, Мингтепа имеет мощную фортификационную систему (внутренняя и внешняя стены с башнями) с площадью внутреннего города 42 га и внешнего, по плану А.Н. Бернштама, – более 150 га [Бернштам 1952: рис. 70]. В-третьих, второго такого крупного памятника, как Мингтепа с мощными античными культурными слоями эпохи царства Давань, в долине пока не обнаружено. Необходимо также добавить, что изображения прославленных китайцами «небесных коней» были выявлены на скале недалеко от Мингтепы, они по времени своего создания также совпадают с периодом расцвета Эрши, а именно – относятся к II–I вв. до н.э. и первым векам н.э. Поэтому, исходя из вышесказанного, большинство исследователей признают локализацию Эрши на месте руин Мингтепы (А.Н. Бернштам, Ю.А. Заднепровский, Н.Г. Горбунова, Б. Абдулгазиева, Х. Ташбаева, Б.Х. Матбабаев и др.).

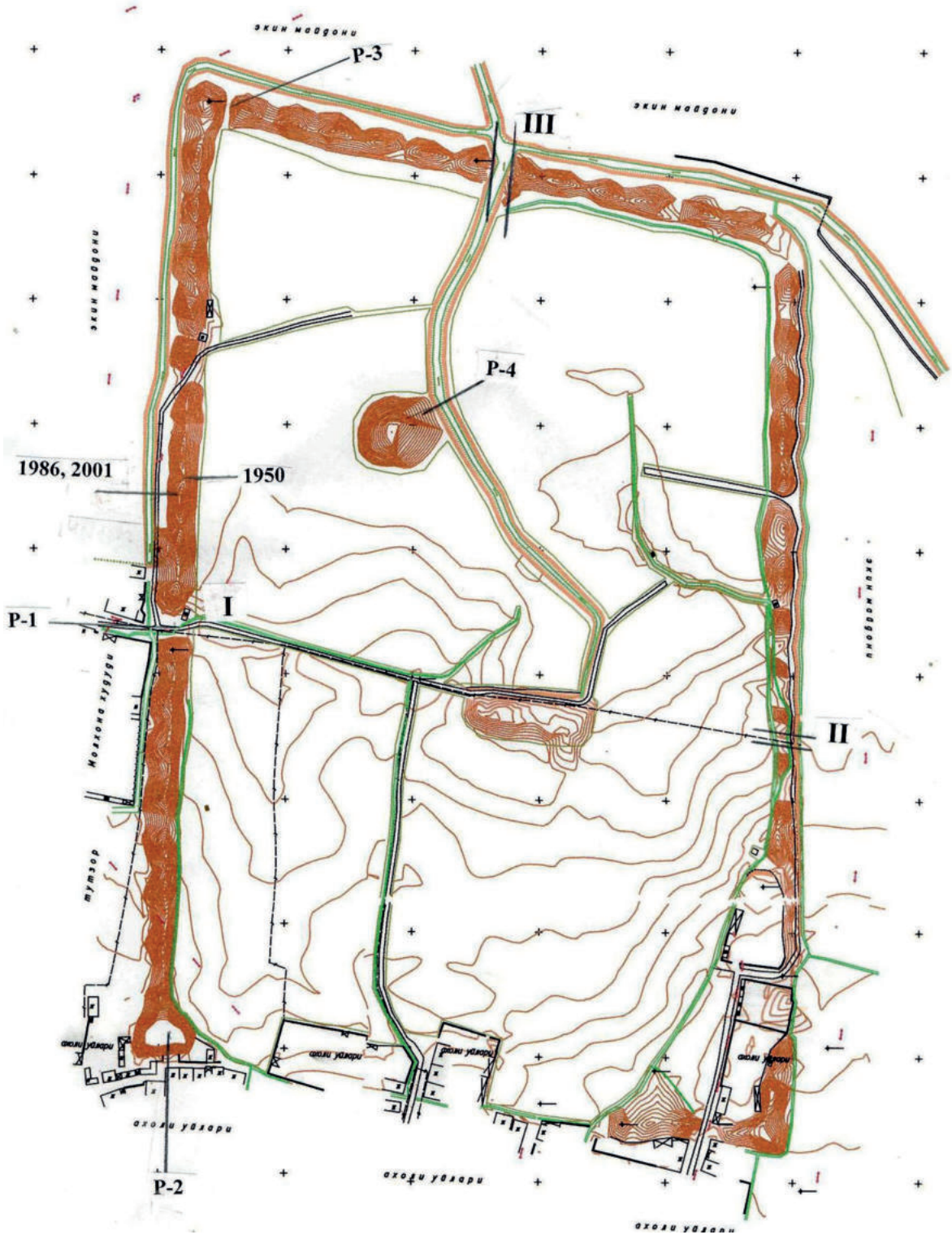

Рис. 2. Городище Мингтепа. Топографическая съемка с нанесением раскопов
(Р-1, Р-2 – номера раскопов, римскими цифрами обозначены предполагаемые городские ворота)

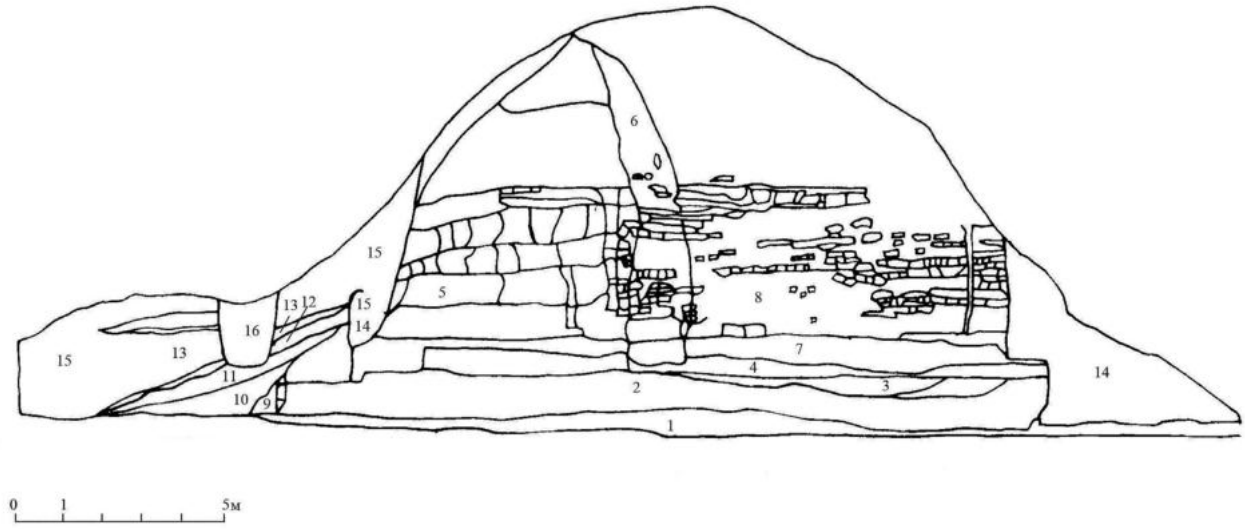

Рис. 3. Городище Мингтепа. Разрез стены раскопа-1

Столичный центр античной Ферганы – городище Мингтепа, безусловно, считается уникальным памятником для периода царства Давань и вот уже около 70 лет периодически изучается разными поколениями ученых, археологов. В 1939 г. впервые городище осмотрел М.Е. Массон, далее здесь были осуществлены небольшие работы в 1946, 1947, 1950 гг. А.Н. Бернштамом, в 1973 г. – Ю.А. Заднепровским, в 1986–1987, 2001 гг. – Б.Х. Матбабаевым [Массон 1976; Бернштам 1947; 1952; Заднепровский и др. 1991; Матбабаев и др. 2011: 68, рис. 47].

Однако археологические работы на городище Мингтепа проводились еще недостаточно, и многие вопросы остаются не до конца решенными. Например, у нас отсутствуют археологические данные о внешней стене (первая оборонительная линия) и конструкциях башен памятника, а также о цитадели. Учитывая исключительную важность городища Мингтепа, созданная в 2012 г. совместно с Институтом археологии Академии общественных наук КНР (ИА АОН КНР) узбекско-китайская археологическая экспедиция начала работу на этом памятнике (руководители: с узбекской стороны д.и.н. Б.Х. Матбабаев, с китайской стороны доктор Чен Линг, с 2013 г. – профессор Джу Янгши). Предыдущие работы касались в основном исследования центрального холма внутреннего города. Поэтому в 2019–2021 гг. археологические исследования проводились на четырех раскопках, где главное внимание уделялось стратиграфическому изучению культурных наслоений и выявлению строительных остатков. К этим направлениям примыкает также исследование конструктивных особенностей фортификационных сооружений городища.

Раскоп-1, руководитель работ М.Х. Исамиддинов при участии Б.Х. Матбабаева, А. Алиохунова (ФерГУ) (рис. 2–4). Оборонительные стены древнего города были слишком мощными и ремонтировавшимися несколько раз. Место, выбранное для дальнейших раскопочных работ, – на западной крепостной стене, где, предположительно, были ворота древнего города. Это место, отмеченное в топографическом плане А.Н. Бернштама, расположено между девятой и десятой башней от юго-западного угла городища. Данный участок хорошо виден на плане начала 50-х гг. XX в. От этих ворот дорога вела напрямую к восточным воротам, расположенным в центре восточной стены. Видимо, по нашему мнению, еще в начале строительства города его зодчие достаточно четко представляли симметричное расположение четырех ворот по центру четырех стен. Необходимо отметить, что месторасположение ворот на северной и восточной части внутреннего городища предстоит определить в следующем полевом сезоне.

Таким образом, раскоп-1 заложен в центральной части западной оборонительной стены в виде зачистки разрушенной половины оборонительной стены. Зачистка длиной 26 м, шириной 2 м ориентирована по линии З–В. Вся нижняя часть стены в основном «лежала» на одной вертикальной линии. Это позволило нам сфотографировать разрез и перевести снимок на графический разрез. Этот же разрез переведен на графику и ручным способом выделены более точные

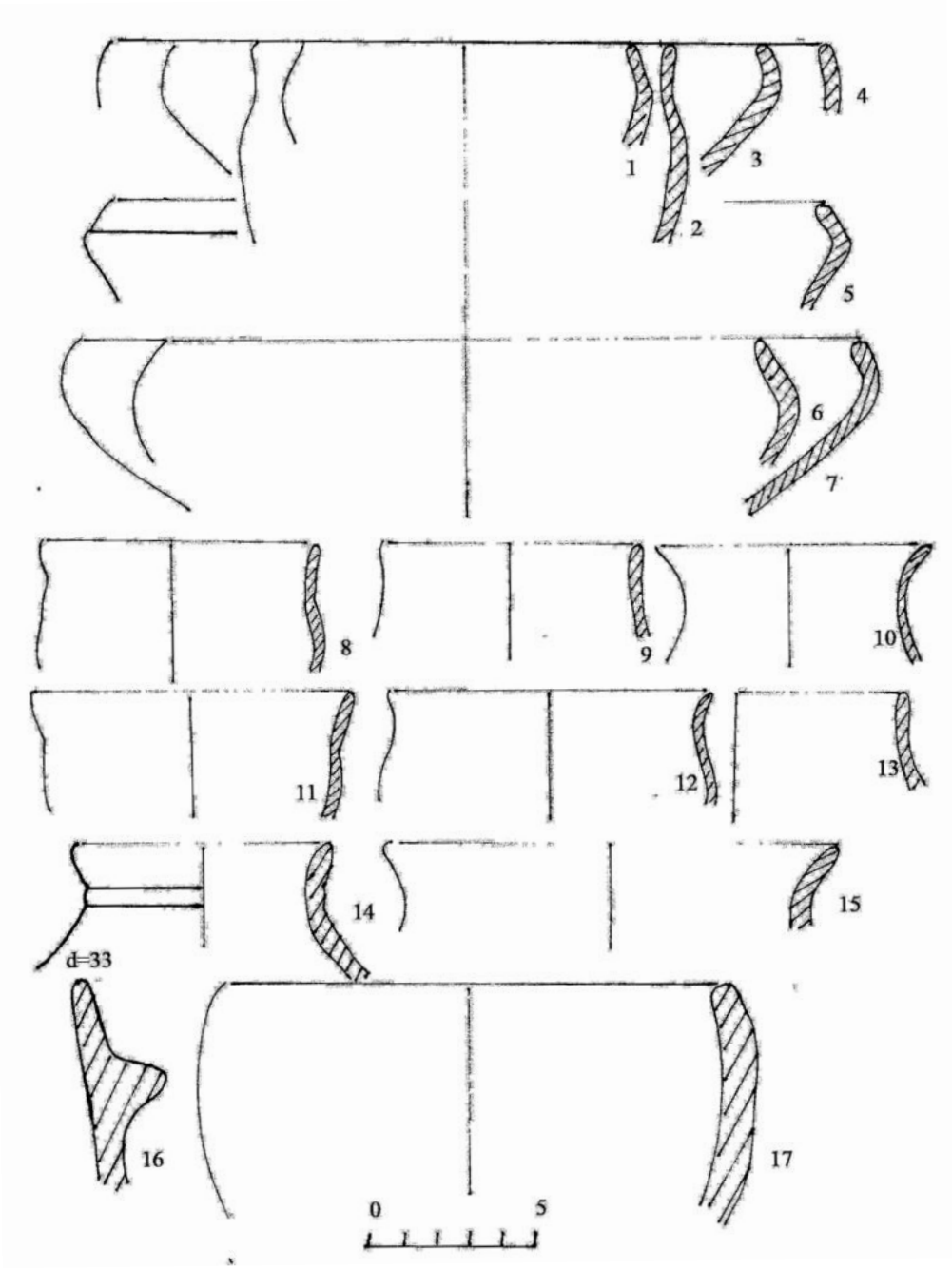

Рис. 4. Городище Мингтепа. Керамика из слоев 9-12 раскопа-1

Рис. 5. Общий вид раскопа-1

этапы как строительства, так и ремонтных работ. Было выявлено более 20 культурных слоев.

По разрезу выявлено, что первоначально была построена пахсовая стена (слой 6), позже ее с наружной стороны укрепили ремонтной кладкой (слой 7), усилившей общую толщину стены до 9 м толщины. Нижние три ряда ремонтной кладки были пахсовыми блоками, а остальные – верхние – не были похожи на стандартные кирпичные ряды. Восьмой слой состоит из сплошной кирпичной кладки башни, при сооружении которой были использованы разноформатные нестандартные кирпичи.

Зачистка разреза оборонительной стены была продолжена и с внутренней стороны, при этом заложена траншея в восточном направлении. Видимо, этот участок стены всегда был пунктом скопления мусора, поскольку заложенный небольшой шурф на этом месте дал очень богатый набор керамики. Слои, сконцентрированные здесь, лежат в основном наклонно. Жители города выбрасывали мусор с верхней части стены вниз, из-за чего образовались наклонные прослойки земли, чередующиеся с зольными пластами. В разрезе стены эти прослойки шурфа были пронумерованы

Рис. 6. Раскоп-3. Погребение 1. Станковый сосуд

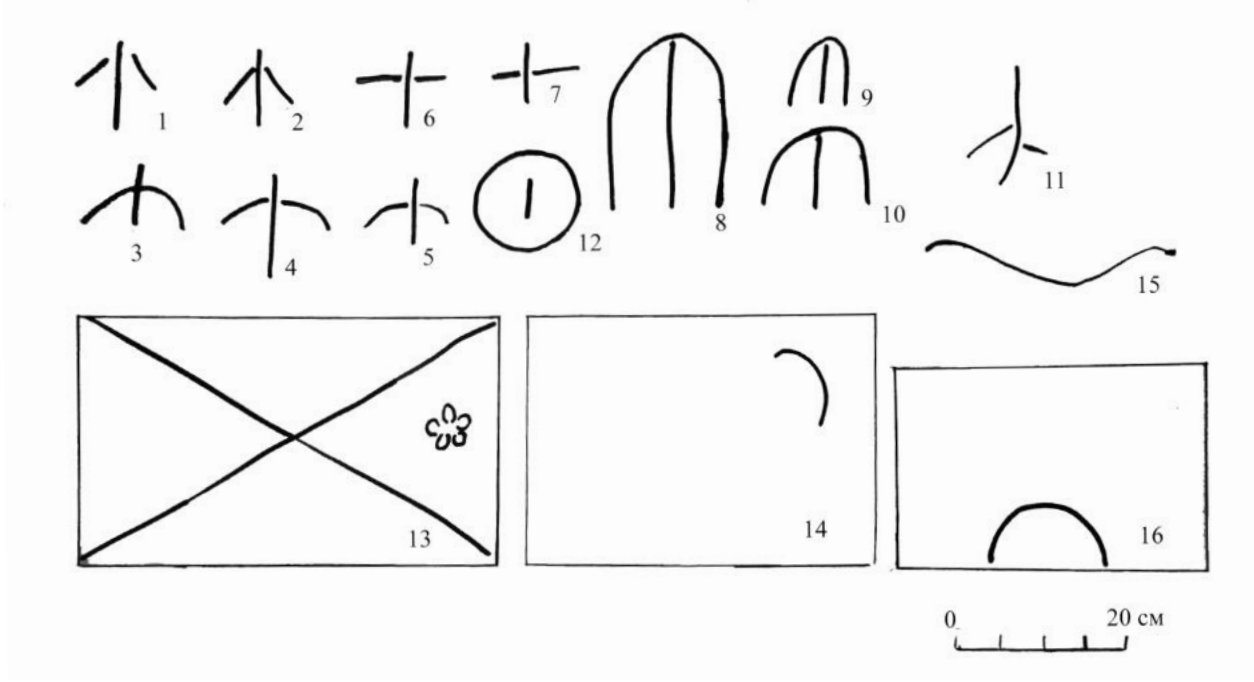

Рис. 7. Раскоп-4. Знаки на кирпичах

от 9 до 16. Однако они не были до конца изучены, поэтому необходимо исследовать их вплоть до основания мусорной ямы, даже до материкового слоя. Слой 16 – это мусорная яма, видимо, выкопанная 30–40 лет тому назад.

Керамика, собранная из этих прослоек, была поделена на три комплекса:

1. Керамика из слоев 13–15.
2. Керамика из слоев 11–12.
3. Керамика из слоев 9(?)–10.

Таким образом, керамика, полученная из этих слоев, накапливалась в течение функционирования оборонительной стены и относится к II–I вв. до н.э. Следует отметить, что среди материалов раскопа-1 встречаются фрагменты керамики более раннего периода, то есть IV(?)/III–II вв. до н.э.

Раскоп-2, руководитель работ С.Р. Ильясовапри участии Б. Абдулгазиевой, Б. Абдуллаева, Н. Камбарова (ФерГУ). Заложен в юго-западном углу внутреннего городища для выявления и изучения конструктивных особенностей «западной центральной башни». Вскрыты верхние слои (от 50 до 120 см). Раскопаны центральное помещение и примыкающие к нему две комнаты.Как отмечает С.Р. Ильясова, вскрытая постройка в верхних слоях северо-западной угловой башни могла быть внутрибашенным помещением с первоначальным размером 8×8 м. На следующих этапах оно было разделено на две части – № 3 (коридор) и № 2. К самому верхнему периоду можно отнести помещение № 1 и кирпичную кладку к востоку от него.

Использование в строительстве прямоугольного сырцового кирпича, соотношение длины и ширины которого 1:2, зафиксировано в памятниках Юго-Западной Ферганы и бассейна Сырдарьи с первых веков I тыс. н.э. и середины I тыс.

На кирпичах отмечены следующие типы тамг;

1) в виде овала с широкой вертикальной полосой по центру;

2) в виде пальцевых вдавлений;

3) в виде овала с горизонтальной полосой;

4) в виде стрелочки.

Впервые знаки на кирпичах из Мингтепы были обнаружены в основании платформы цитадели. Использование знаков в Фергане имеет глубокие традиции. Они проставлены на кирпичах эпохи поздней бронзы на Дальверзинском (XII–VII вв. до н.э.) и Эйлатанском (VII–III вв. до н.э.) городищах [Заднепровский и др. 1991: 71].

Раскоп-3, руководитель работ Чен Лингпри участии Лиу Тао, Куанг Лин (ИА АОН КНР), Сиянг Танг (университет Сорбонна), Х. Хошимова, З. Зайнобиддиновой. Раскоп заложен в северо-западном углу

внутреннего городища Мингтепа, где при проведении хозяйственных работ бульдозером была разрезана оборонительная стена. Здесь также осуществлена зачистка разрушенного участка оборонительной стены в северо-западном углу внутреннего городища.

На этом раскопе обнаружено одиночное погребение очень плохой сохраннсти. Оно ямное, ориентировано по линии З–В, человек лежал головой на запад. Около кисти правой руки, видимо, на специальной подставке, находился керамической сосуд (рис. 5). Светлого цвета, без ангоба, плоскодонный, с вогнутым венчиком (ср.: [Gorbunova 1986: Pl. X]). Железные ножи лежали около кисти левой руки поверх тазовых костей. Этот обряд нам известен по могильникам эйлатанской культуры, датируемым серединой I тыс. до н.э. многие признаки напоминают нам обряд, зафиксированный в погребениях Актамского и Кунгайского могильников [Горбунова 1961; 1962].

Раскоп-4, руководитель работ Б. Абдулгазиева при участии сотрудника Национального центра научных исследований Франции Арнольда Бертранда (рис. 6). Раскоп заложен на северо-западной половине внутреннего городища, это место предполагаемой цитадели на центральном холме. В 1986–1987 гг. Б.Х. Матбабаевым был заложен стратиграфический шурф, где получены материалы IV в. до н.э. – III–IV вв. н.э. В основном осуществлена зачистка предыдующих работ и получены материалы финального этапа городища Мингтепа.

Керамический материал по большей части относится к верхним слоям, за исключением раскопа-1, где в нижнем слое выявлено несколько фрагментов керамики шурабашатского облика. Полученные материалы дополняют и обогащают известные нам керамические комплексы Ферганы этого периода. Отметим, что в небольшом количестве встречается керамика с процарапанным орнаментом.

Впервые вскрыто погребение эйлатанского периода, которое на основе сопроводительного материала датируется V–IV вв. до н.э. На основании сходства обряда и инвентаря (западная ориентация покойного, наличие станкового сосуда и железных ножей) предварительно можно допустить версию о принадлежности погребения в Мингтепе к памятникам земледельческого населения Ферганы раннего железного века [Gorbunova 1986; Заднепровский 1990]. Поэтому далее необходимо выяснить особенности культурных слоев на этом участке городища. Не исключено, что на том месте, где зафиксировано погребение эйлатанской культуры, в дальнейшем могут быть выявлены и другие могилы. Ближайшей аналогией погребению в Мингтепе служат материалы Ниязбатырского могильника (Андижанская обл.). Однако последний отличается по топографическому условию [Козенкова 1959: 57, 58].

Таким образом, в период совместных археологических исследований столичного города Мингтепа получены материалы, освещающие особенности урбанизационных процессов в античной Фергане. Они, несомненно, помогут реконструировать эволюцию городских центров в древнеферганском государстве Давань (Древнеферганское царство).

ЛИТЕРАТУРА

Бернштам А.Н. Древняя Фергана (тезисы докл.) // КСИИМК. 1947. Вып. XXI. С. 86–88.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. М.; Л.: АН СССР, 1952. № 26. 347 с.

Горбунова Н.Г. Кунгайский могильник // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 171–194.

Горбунова Н.Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСГЭ.1962. Вып. 5. С. 91–122.

Заднепровский Ю.А. Погребальные памятники эйлатанской культуры Ферганы // КСИА. 1990. Вып. 199. С. 87–95.

Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х. Городище Мархамат (некоторые итоги изучения) // ИМКУ. 1991. Вып. 25. С. 62–72.

Козенкова В.И. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г. // КСИИМК. 1959. Вып. 76. С. 56–63.

Массон М.Е. Из вспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1976. 176 с.

Матбабаев Б. Отчет мархаматского археологического отряда // Архив ИА АН РУз. Ф. 8. Д. 140. 1986. 34 л.

Матбабаев Б. Ферганское государство Давань // История государственности Узбекистана (вторая половина IIтыс. до н.э. – III в. н.э). Т. I. Ташкент. 2009. С. 185–193.

Матбабаев Б.Х., Абдуллаев Б.М. Оборонительные сооружения древней Ферганы (конец II тыс. до н.э. – первая пол. I тыс. н.э.). Ташкент. 2011. 176 с.

Gorbunova N.G. The Culture of Ancient Ferghana VI century B.C.– VI century A.D. British archaeological Reports. International Series 281. Oxford. 1986. 366 p.

АРАЛ-КАСПИЙ МЫҢЖЫЛДЫҚТАР КӨРІНІСІНДЕ

АРАЛО-КАСПИЙ В ПАНОРАМЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

С.Р. КУАНДЫК
Т.Б. МАМИРОВ

Самрат Русланулы Куандык,
s.r.kuandyk@mail.ru,
Талгат Базарбаевич Мамиров,
tmamirov@mail.ru,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВЫХ РАБОТ в РЫН-ПЕСКАХ (НАРЫНКУМ) в 2021 г.*

Аннотация. В статье приводятся предварительные итоги работ Прикаспийского отряда Института археологии им. А.Х. Маргулана в полевом сезоне 2021 г., которые стали продолжением работ 2020 г. по выявлению и локализации памятников каменного века в Рын-песках (Нарынкумы) в Западном Казахстане. В 2021 г. работы были сосредоточены на территории Индерборского и Исатайского районов Атырауской области; было обнаружено и локализовано 30 новых археологических объектов, среди которых имеются и крупные стоянки. Основная концентрация памятников каменного века сосредоточена на восточных окраинах песков, они приурочены к сорам и солончакам. Памятники представлены подъемным материалом, преимущественно с хронологически смешанными комплексами с разнородным сырьем. Выявлены также и «чистые» комплексы, предположительно датируемые мезолитическим временем.

Ключевые слова: археология, Рын-пески, каменный век, неолит, дюнные стоянки, каменные орудия

2021 жылғы Рын-құмдағы (Нарын құм) далалық жұмыстардың бастапқы қортындылары

Аннотация. Мақалада Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының Каспий маңы тобының Батыс Қазақстанның Нарын құмдарындағы тас ғасыры ескерткіштерінің орнын анықтау бойынша 2020 ж. жұмыстардың жалғасы болып табылатын 2021 ж. далалық маусымының жұмыстарының алдын ала нәтижелері келтірілген. 2021 ж. жұмыстар Атырау облысының Индербор және Исатай аудандарында жүргізілді және ішінде ірі тұрақтар бар 30 жаңа археологиялық нысан анықталды. Тас ғасыры ескерткіштері негізі құмдардың шығыс шеттерінде шоғырланған

© 2022 Куандык С.Р., Мамиров Т.Б.
**Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК 2020–2022, ИРН проекта AP08052885.*

және сорлар мен сортаңдарға тән. Ескерткіштер негізінен әртүрлі шикізаттан жасалған хронологиялық жағынан аралас кешендерден тұратын көтерме материалмен көрсетілген. Сонымен қоса шамамен мезолиттік уақытқа жататын «таза» кешендер де анықталған.

Түйін сөздер: археология, Нарын құм, тас ғасыры, неолит, дөң тұрақтары, тас құралдары

Preliminary results of field work in Ryn Desert (Naryn kum) in 2021

Abstract. The article presents the preliminary results of the Caspian team of the Margulan Institute of Archaeology in the field season of 2021, which was a continuation of the work in 2020 on identification and localization of monuments of the Stone Age in Ryn Desert (Naryn kum) in Western Kazakhstan. In 2021 works were concentrated in Inderbor and Isatai districts of Atyrau region, 30 new archaeological sites were discovered and localised, among them there are large sites. The main concentration of monuments of the Stone Age is concentrated on the eastern outskirts of the sands and confined to the sors and salt soils. The sites are represented by lifting material, mainly with chronologically mixed complexes with heterogeneous materials, also "pure" complexes presumably dating from the Mesolithic period have been found.

Keywords: archaeology, Ryn Desert, Stone Age, Neolithic, dune sites, stone tools

В полевом сезоне 2021 г. Прикаспийским отрядом Института археологии им. А.Х Маргулана были продолжены работы по исследованию песчаных массивов Рын-песков (Нарынкумы) в Западном Казахстане [Мамиров и др. 2021]. Археологические работы велись в Индерборском и Исатайском районах Атырауской области. В ходе разведочных работы были осмотрены котловины выдувания вдоль берегов соров. Обнаружено 30 археологических памятников (рис. 1).

На территории Индерборского района выявлено 22 памятника; наиболее интересными являются стоянки Карамола 1 и Кызылбархан.

Стоянка Карамола 1 расположена на окраине песчаного бархана, в 0,5 км к ССВ от зимовки Бестобе, к северу от солончака. Площадь песчаного выдува, откуда производился сбор археологического материала, составила около 600 кв. м. На дневной поверхности памятника было собрано 343 каменных артефакта. На памятнике в местах наибольшего скопления каменных артефактов были заложены шурфы, которые не показали наличия культурного слоя.

В качестве сырья использованы кремнистые породы бежевого, светло-серого и темно-серого цветов и серый кварцитовидный песчаник темных и светлых оттенков. Изделий из кремнистых пород насчитывается 337 экз., или 98,2% от всей коллекции, из кварцитовидного песчаника – 6 экз., или 1,8% от всей коллекции.

Техника первичного расщепления представлена 10 техническими сколами: сколами оживления ударной площадки с нуклеуса для пластин (2 экз.), ребристыми сколами (5 экз.), сколами оживления плоскости раскалывания с нуклеусов для пластин (3 экз.).

Орудийный набор представлен 53 экз. (15,4% от всей коллекции), преимущественно изготовленными из пластин (90,5% от всех орудий). К орудиям отнесены следующие категории изделий: пластины с лицевой, обратной и противолежащей ретушью по одному и обоим краям (14 экз.), пластины с усеченным концом (7 экз.), пластины с ретушью утилизации (6 экз.), резцы на ретушированных пластинах (10 экз.), трапеция на пластине (1 экз.), изделия с выделенным острием на пластине (2 экз.), скребки на пластине (6 экз.), скребок на пластине с шипом (1 экз.), скребок-резец на пластине (1 экз.).

Орудия на отщепах представлены скребками и одним скребловидным орудием. Также в коллекции присутствует одно долотовидное орудие.

Стоянка Кызылбархан была обнаружена на окраине песчаного бархана, в 1 км к востоку от зимовки Жарыкбас и в 3,5 км к юго-западу от стоянки Карамола, на противоположном берегу солончака. Площадь песчаного выдува, откуда производился сбор археологического материала, составила 100 кв. м. Западная часть выдува окаймлена песчаными дюнами высотой от 1,5 м (рис. 2). На дневной поверхности памятника было собрано 1119 каменных артефактов. На памятнике в местах наибольшего скопления каменных артефактов были заложены шурфы, которые не показали наличия культурного слоя. Собранная на стоянке каменная коллекция по типу сырья представлена полупрозрачным кремнем темно-серого, бежевого, серого цветов.

Технику первичного расщепления демонстрируют одноплощадочные призматические нуклеусы для пластин и микропластин (5 экз.), ребристые сколы (11 экз.), сколы оживления плоскости скалывания нуклеусов для пластин и микропластин (8 экз).

К орудиям отнесены 156 экз., или 13,9% от общего числа изделий, преимущественно из пластин (142 экз. или 91% всех орудий). Также к орудиям причислены следующие категории изделий: пластины и фрагменты

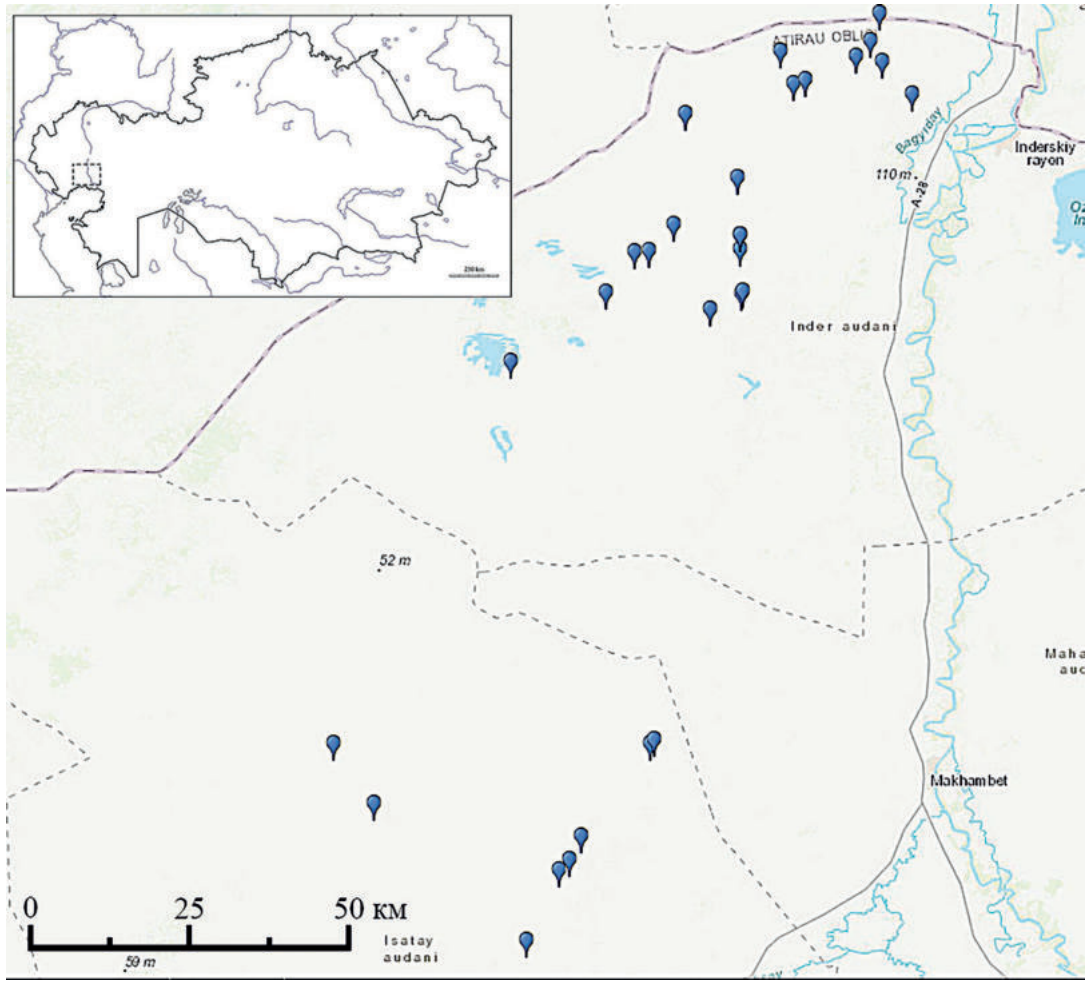

Рис. 1. Карта памятников каменного века, обнаруженных в ходе полевых работ в Индерборском и Исатайском районах Атырауской области в 2021 г.

пластин с ретушью (75 экз.), пластины с ретушью утилизации (51 экз.), сегменты (5 экз.), резцы (6 экз.), концевые скребки (5 экз.). Орудия на отщепах представлены концевыми (10 экз.) и боковыми (2 экз.) скребками. Также в коллекции имеются одно долотовидное орудие и обломок отбойника.

В Исатайском районе в ходе работ было обнаружено 8 археологических памятников, представленных стоянкой и семью местонахождениями каменного века.

На стоянке Мукашмола зафиксировано 515 каменных артефактов, практически все они выполнены из кремнистых пород различных оттенков.

Технику первичного расщепления демонстрируют нуклеусы для пластин (2 экз.), ребристые сколы (7 экз.), сколы оживления оснований, ударной площадки и плоскости скалывания (10 экз.)

Орудийный набор состоит из 41 изделия (7,9% от каменной коллекции). Орудия, изготовленные из пластин, составили 38 экз., или 92,6% от орудийного набора. Среди них представлены следующие типы орудий: резец (1 экз.), ретушированные пластины (30 экз.), концевые скребки (3 экз.), геометрические микролиты (3 экз.), проколка (1 экз.). Орудия на отщепах единичны: клювовидное орудие, резец и сколы с ретушью.

Местонахождение Кызылуй 1 было обнаружено в 15,6 км к ССВ от одноименного поселка. Памятник представлен котловиной выдувания, расположенной на юго-западной окраине песчаного бархана. Площадь выдувания составила около 400 кв. м.

На дневной поверхности памятника было обнаружено 82 каменных артефакта, преимущественно выполненных из кремня темно-серого и бежевого цветов и кремнистого светло-серого алевролита.

Технику первичного расщепления демонстрируют два одноплощадочных нуклеуса для пластин каранда-

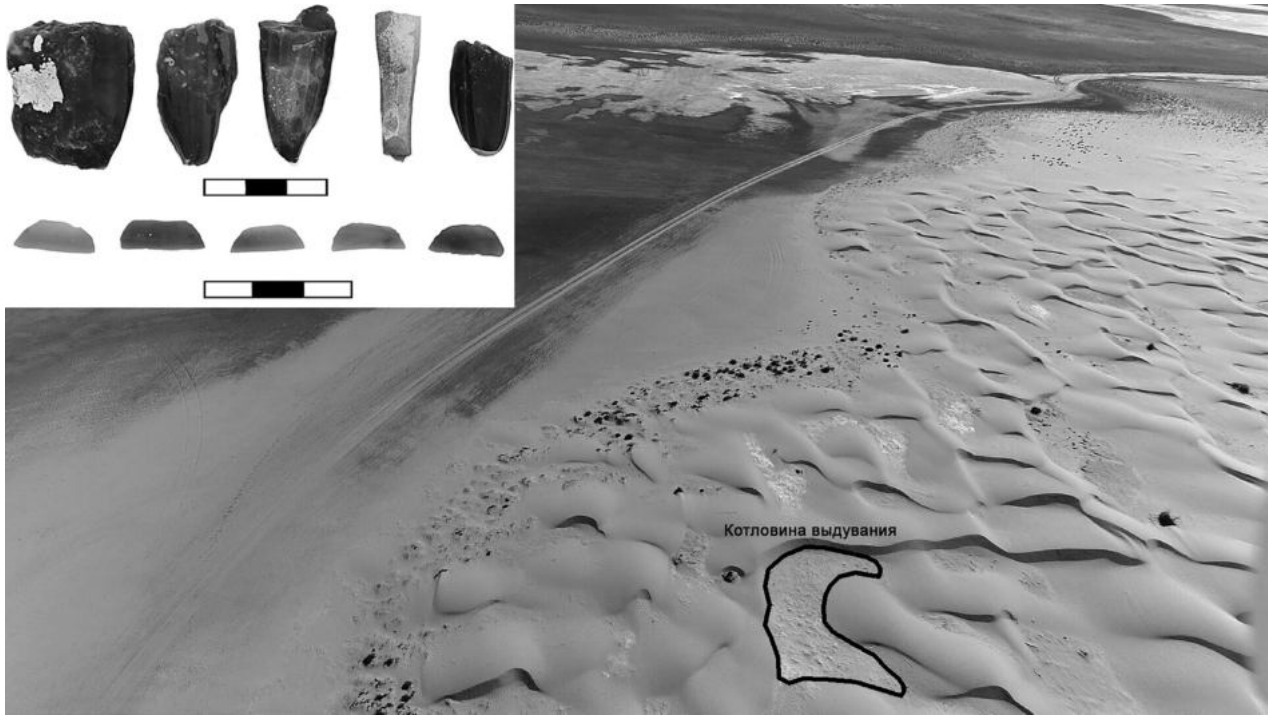

Рис. 2. Месторасположение стоянки Кызылбархан, каменные артефакты

шевидной и призматической формы, а также два ребристых скола.

Орудийный набор немногочисленный, представлен изделиями, изготовленными из пластин: резец на дистальном фрагменте пластины (1 экз.), пластина с лицевой ретушью по двум краям (1 экз.), пластина с противолежащей ретушью (1 экз.), пластина с обратной ретушью по одному краю изделия (1 экз.).

Отходы производства представлены пластинами и фрагментами пластин без вторичной обработки (33 экз.), вторичными отщепами без вторичной обработки (3 экз.), полукраевым отщепом без вторичной обработки с желвачной коркой белесого оттенка (1 экз.), обломками и осколками (37 экз.).

Анализ полученных каменных коллекций с памятников в Рын-песках в полевом сезоне 2021 г. демонстрирует ярко выраженную пластинчатую индустрию. Об этом свидетельствуют элементы первичного расщепления: нуклеусы для пластин призматических, конусовидных и карандашевидных форм, сколы оживления ударных площадок и плоскостей скалывания с нуклеусов для пластин и микропластин, а также отходы производства, в значительной степени представленные пластинами и микропластинами.

Орудия также в большинстве случаев изготавливались из пластин и микропластин. Среди них широкое распространение получили следующие категории орудий: пластины с ретушью по одному из краев и усеченным концом, пластины с обратной и лицевой ретушью, нанесенные на один из краев изделия, пластины с ретушью утилизации, пластины с обратной и лицевой ретушью по двум краям, пластины с противолежащей ретушью, пластины с ретушированным основанием. Также довольно часто встречаются резцы на пластинах и концевые скребки. Единичны геометрические микролиты в виде сегментов и трапеций, а также бифасиально обработанные изделия (наконечники стрел и дротиков).

Хронологически наиболее ранние коллекции (мезолит) представлены на стоянке Кызылбархан, Кызылуй 1 и (мезолита и неолита) Карамола 1, Мукашмола. В настоящее время ведется подробное изучение коллекций памятников по сырьевому признаку, что позволит выделить места сосредоточения памятников, включающих «чистые» комплексы мезолита, неолита, а также памятники, содержащие смешанные коллекции от мезолита до энеолита, и определить перспективные районы для дальнейших сборов материалов.

ЛИТЕРАТУРА

Мамиров Т.Б., Клышев Е.Е. Поиск памятников каменного века в Рын-песках в 2020 году (Западно-Казахстанская область) // Кушаевские чтения: м-лы междунар. науч.-практ. конф. (Орал, 27 января 2021 г.). Орал: ЗКУ им. М. Утемисова, 2021. С. 11–16.

А.Е. ЕРЖАНОВА
Т.Н. ЛОШАКОВА

Альбина Ергешбаевна Ержанова,
erjanova_a@mail.ru,
Татьяна Николаевна Лошакова,
loshakovat@mail.ru,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ с ПОСЕЛЕНИЯ АЙТМАН*

Аннотация. Данная работа посвящена трасологическому изучению каменных орудий, полученных при раскопках поселения Айтман (Бейнеуский р-н, Мангистауская обл.). Поселение исследовалось Западно-Казахстанской археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана. В 2022 г. в лаборатории археологических технологий Института трасологом была исследована коллекция каменных орудий с поселения. Выделены категории изделий: абразив для металлических предметов, лощила для керамических сосудов, оселки, молотки для дробления, скребки и др. Выявлены технологические особенности изготовления и обработки изделий из различных пород камня.

Ключевые слова: Айтман, поселение, бронза, каменные орудия, трасологические исследования

Айтман қонысынан табылған тас құралдар

Аннотация. Берілген жұмыс Айтман қонысын (Маңғыстау обл., Бейнеу ауд.) қазу барысында алынған тас құралдарға жасалынған трасологиялық зерттеу нәтижелеріне арналған. ҚоныстыӘ.Х. Марғұлан ат. Археология институтының Батыс Қазақстан археологиялық экспедициясы зерттеген. 2022 ж. институттың археологиялық технология зертханасында трасолог қоныстан алынған тас құралдар коллекциясын талдады. Құралдар: метал бұйымдарға арналған абразив, қыш ыдыстарға арналған тегістегіштер, қайрақ, бөлшектеуге арналған балға және әртүрлі тас минералдарын үгітуге арналған деп қарастырылды.

Түйін сөздер: Айтман, қоныс, қола, тас құралдар, трасологиялық зерттеу

Stone tools from the Aitman settlement

Abstract. This work is devoted to the trace study of stone tools obtained during the excavations of the Aitman settlement (Beineu district, Mangistau region). The settlement was studied by the West Kazakhstan Archaeological Expedition of the Margulan Institute of Archaeology. In 2022, in the Laboratory of Archaeological technologies of the Margulan Institute of Archaeology, a trasologist examined a collection of stone tools from the settlement. Categories of products are: abrasive for metal products, polishers for ceramic vessels, touchstones, hammers for crushing, scrapers, etc., technological features of manufacturing and processing products from different types of stone have been revealed.

Keywords: Aitman, settlement, bronze, stone tools, trace studies

Восьмидесятые годы XX в. привнесли на археологическую карту Казахстана несколько поселений эпохи бронзы, открытых на территории Северо-Восточного Прикаспия Западно-Казахстанской археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством З. Самашева [Лошакова 2020]. Одно из них – поселение Айтман. В 1997 г. на поселении была проведена инструментальная съемка, а археологические исследования с разной интенсивностью и большими перерывами проводились с 2006 по 2017 г. [Самашев и др. 2001: 347–352; Лошакова 2011: 297–301; 2012: 45–48; 2014: 77–81].

Даты, полученные по С14, определяют бытование поселения XVIII–XVII вв. до н.э. Поселение Айтман возводилось и обустраивалось в одно время с поселением Токсанбай. В ходе исследований с поселения была

© Ержанова А.Е., Лошакова Т.Н.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта OR11465466*

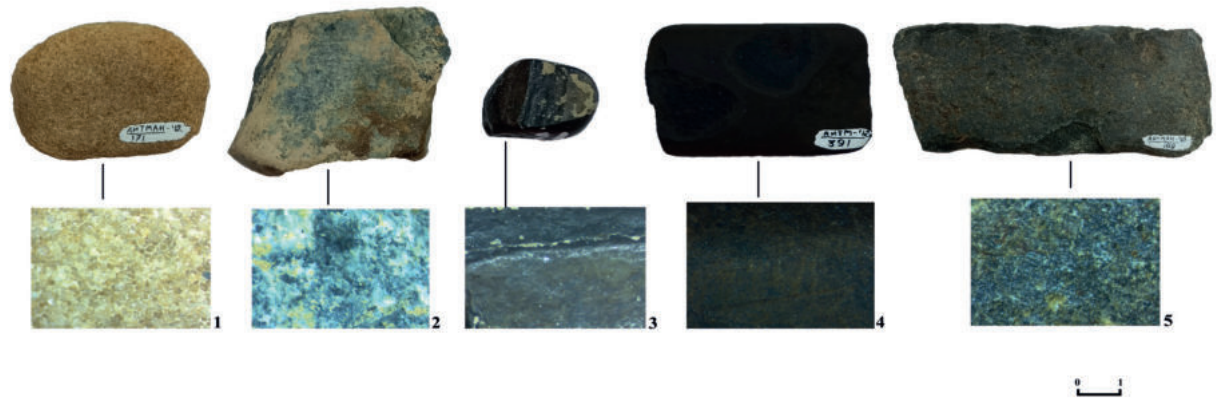

Рис. 1. Поселение Айтман. Абразивы. Следы утилизации на рабочем участке абразивов для обработки металлических изделий. Макросъемка с увеличением 10-200х

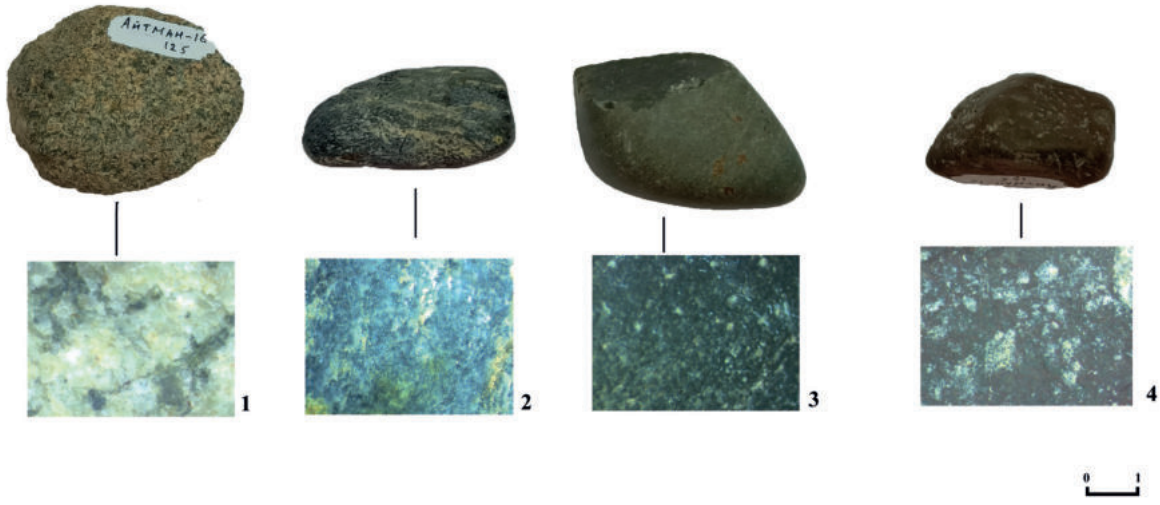

Рис. 2. Поселение Айтман. Следы утилизации на рабочей поверхности лощила для керамики. Макросъемка с увеличением 10-200х

получена небольшая коллекция артефактов, в основном представленная сбором с поверхности поселения и со склонов: мелкие фрагменты керамики, изделия из кремня и камня, немногочисленна коллекция и палеозоологического материала.

Объектом настоящего исследования стали каменные орудия с поселения Айтман.

Исследователем-трасологом были отобраны образцы, на поверхности которых визуально отмечались следы сработанности (различного рода деформация поверхности). В лабораторных условиях все выделенные каменные орудия подверглись трасологическому изучению с целью установления комплекса следов, имеющихся на их поверхности. Выявление микроследов изготовления и использования производилось с помощью микроскопа Discovery.V8, steREO, имеющего увеличение до 200 раз. При работе с коллекцией применялось следующее программное обеспечение:

– Adobe Potoshop 7.0;

– Microsoft Excel.

Изучение всей поверхности предмета под металлографическим микроскопом позволило зафиксировать микроследы функционального характера, а также микроизнос, ассоциируемый с аккомодацией технологических следов и оттисков неутилитарного характера. Для интерпретации следов и обработки полученной информации используются фотографии с рабочим увеличением, определением на рисунке и фотографии исследуемого предмета места расположения следов.

Описание следов изношенности, образующихся на лезвиях каменных инструментов в процессе работы, технологических следов, а также следов неутилитарного износа детально разработано и отражено в зарубежной литературе [Plisson 1985; Коробкова, Щелинский 1996; Волков 2020]. При описании микроизноса на каменных орудиях и характеристике наблюдаемого комплекса следов используется терминология, предложенная Г.Ф. Коробковой и В.Е. Щелинским, составленная на основании обширного анализа результатов трасологического изучения следов воздействия на поверхность предмета, наработок и экспериментальных данных [Коробкова, Щелинский 1996: 34–56].

Современное развитие трасологических исследований [Коробкова 1987; 2004], в том числе по изучению орудий из камня эпохи бронзы Казахстана, дает возможность не только получить новую информацию о технологических особенностях изготовления орудий, хозяйственной деятельности человека, но и осуществить палеоэкономические реконструкции.

После проведения трасологического анализа и определения функции орудий устанавливались метрические показатели артефактов. Затем все полученные сведения заносились в специально разработанную базу данных, в которой информация сформирована и распределена по нескольким блокам. Первый блок содержит основные сведения об изделии и включает название памятника, шифр находки, положение находки в квадрате, привязку предмета к объекту, материал изготовления, категорию изделия. Второй блок содержит метрические данные предметов. В зависимости от формы изделия и его размеров для точности получаемых данных метрические показатели замерялись в нескольких точках. Последний (трасологический) блок содержит в себе отметки о месте изношенности на поверхности изделия, об ориентировке направленности следов, о деформации, характере заполированности, об области применения орудия. На основе результатов, полученных в ходе трасологического исследования, была произведена систематизация исследуемых орудий.

Материалы исследований и результаты. Из 30 предметов, представленных в коллекции с поселения Айтман, следы искусственного воздействия выявлены на 21 образце. Для этих артефактов проведено типологическое описание (табл. 1). Ниже описание приводится по выделенным группам.

Абразивы (5 экз.). Найденные на поселении Айтман абразивы имеют неправильную подпрямоугольную форму. Все они обработаны методом обивки с применением техники пикетажа, грани округленные. На рабочей поверхности отмечены следы от поступательного движения, полученные при заточке металлического предмета, хорошо видны нитевидные микроследы от обработки металлических орудий. В качестве абразивов использовались плоские плитки песчаника и гальки длиной 1,8–11 см, шириной 1,3–5,7 см, толщиной 0,8–1,8 см, с прошлифованной поверхностью. Металлическое лезвие располагается поперек продольной оси орудия, движение вперед-назад также производилось поперек оси. Поверхность абразива в процессе сильно стачивалась и приобретала некоторую поперечную «ступенчатость» (рис. 1).

Коллекция **лощил** (4 экз.). Среди орудий выделены два, использовавшихся для обработки стенок керамических сосудов после сушки. На рабочей поверхности лощил прослежена ярко выраженная матовая заполированность. В отличие от вышеизложенного описания, два других экземпляра применялись в работе по слегка подсохшей глине (А-14, п/м 111). Выступающие участки орудий в процессе работы были сработаны, а отмеченные признаки износа расположены хаотично. Это обуславливается направленностью движения орудия при заглаживании поверхности уже просохших сосудов (рис. 2). Размеры лощил для сухих стенок сосуда: 3,2×2×2,5 и 3,2×1,5×1,5 см (п/м 135, 126); лощила слегка подсохших стенок сосуда: 5,2×2×1,6 см и 3×2×1,5 см (п/м 111, 127).

В коллекции выделены два лощила для обработки костяных изделий (рис. 3, 1, 2), которые были изготовлены из гальки. Одно орудие изготовлено из гальки черного цвета (п/м 136), другое имеет форму треугольника (п/м 129). Размеры изделий: 4,5×3×1,2 см и 2,5×2×1,5 см.

Обработка кости оставляет на орудии иные признаки износа. При визуальном осмотре каких-либо изменений визуально не фиксируется. Кость является материалом достаточно твердым, поэтому в ходе работы следы износа образовываются только на выступающих частях микрорельефа плоскости гальки.

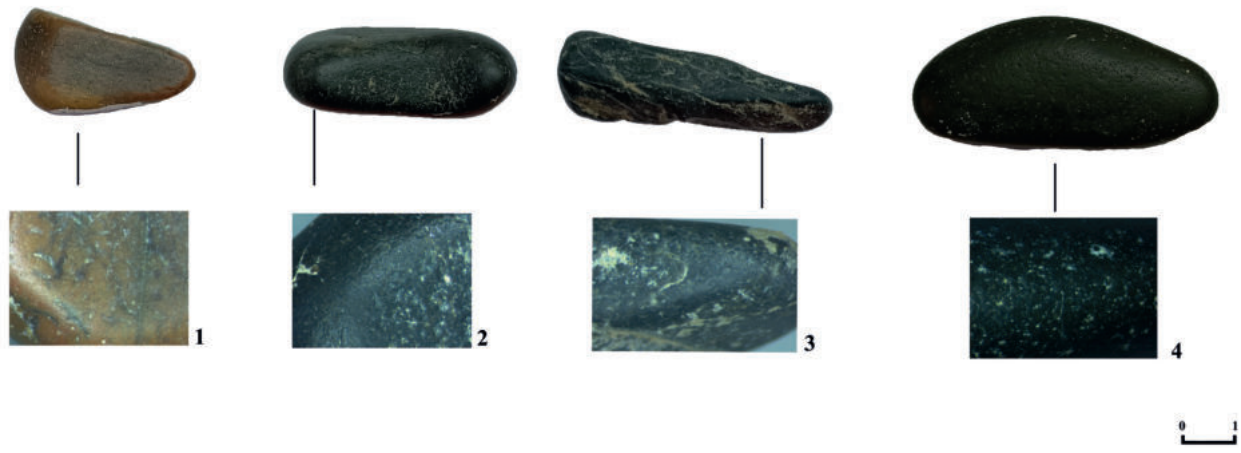

Рис. 3. Поселение Айтман. Следы утилизации на рабочих участках лощил (1, 2, 4) и сверла (3) для костяных изделий. Макросъемка с увеличением 10-200х

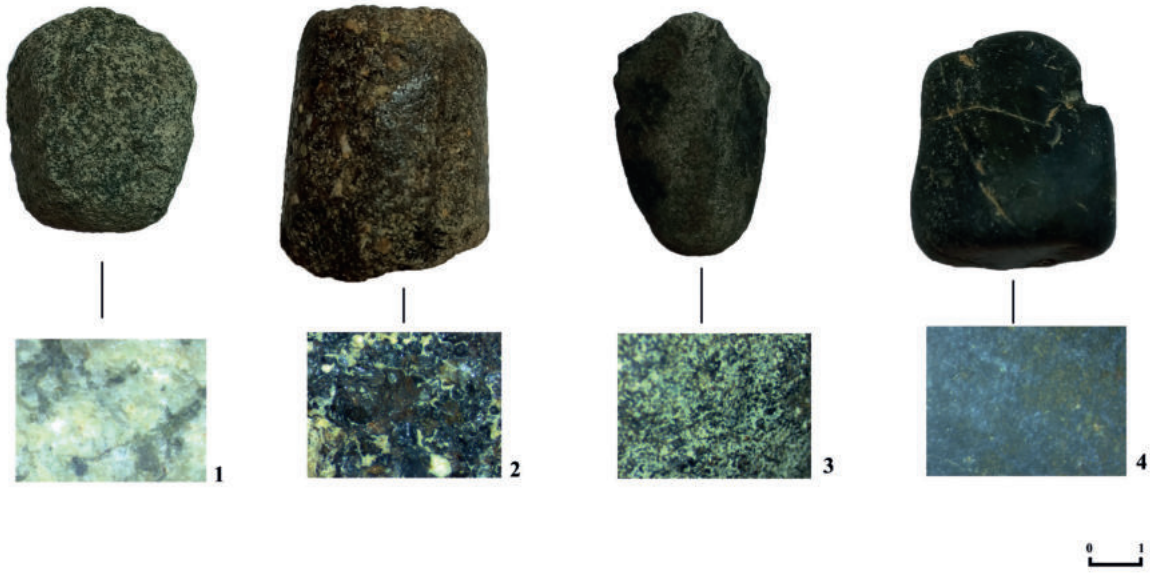

Рис. 4. Поселение Айтман. Следы утилизации на рабочих участках молоточка (1) для дробления на мелкие фракции минерала и пестах (2–4) для измельчения до порошкообразного состояние минерала. Макросъемка с увеличением 10-200х

Песты (3 экз.) (рис. 4). На поверхности всех орудий видны следы забитости в виде выщерблин. Выделена группа пестов, применяемая для растирания минеральной краски, о чем свидетельствуют обнаруженные микролинейные следы. Линейные следы от растирания минералов представлены хаотично пересекающимися линиями под различными углами, на некоторых отмечены следы растирания, оставившие дугообразные риски. Песты массивные, для их изготовления использовались конусовидной формы естественные куски песчаника или гальки. В одном случае орудие имеет две рабочие поверхности, одна из которых несет следы разрушения. Размеры пестов: 5,1×4,1×3 см (п/м 123), 8,1×5 см (п/м 162), 5,8×4 см (п/м 106). На рабо-

чих поверхностях фиксируются линейные следы рисок, имеется матовая жирная заполировка.

Сверло для костяных изделий (1 экз.) представляет собой предмет конической формы трехгранного сечения, длиной 3,5 см, шириной граней 0,9 см, толщиной 0,6 см. Ребра боковых граней в средней части обработаны техникой пикетажа, скруглены в процессе утилизации. Рабочим являлось острие конуса, которое имело плоскости. Довольно большой диаметр рабочей части инструментов исключает использование их для сверления отверстий в изделиях из кости. Орудие изготовлено из песчаника (рис. 1).

Скребок для снятия мездры (1 экз.) характеризуется хорошо выраженной заполировкой рабочей кромки лезвия, которая отчетливо видна в складках микрорельефа, а также на прилегающих к кромке лезвия боковых участках. На орудии четко видна заполировка с матовым блеском. Судя по следам аккомодации, орудие использовали для обработки сухих шкур. На поверхности орудия и на кромке лезвия в результате использования образовались однонаправленные линейные следы (рис. 3, 4).

Молоточек ручной среднего действия (1 экз.). Орудие имеет массивное рабочее основание, сужающее-

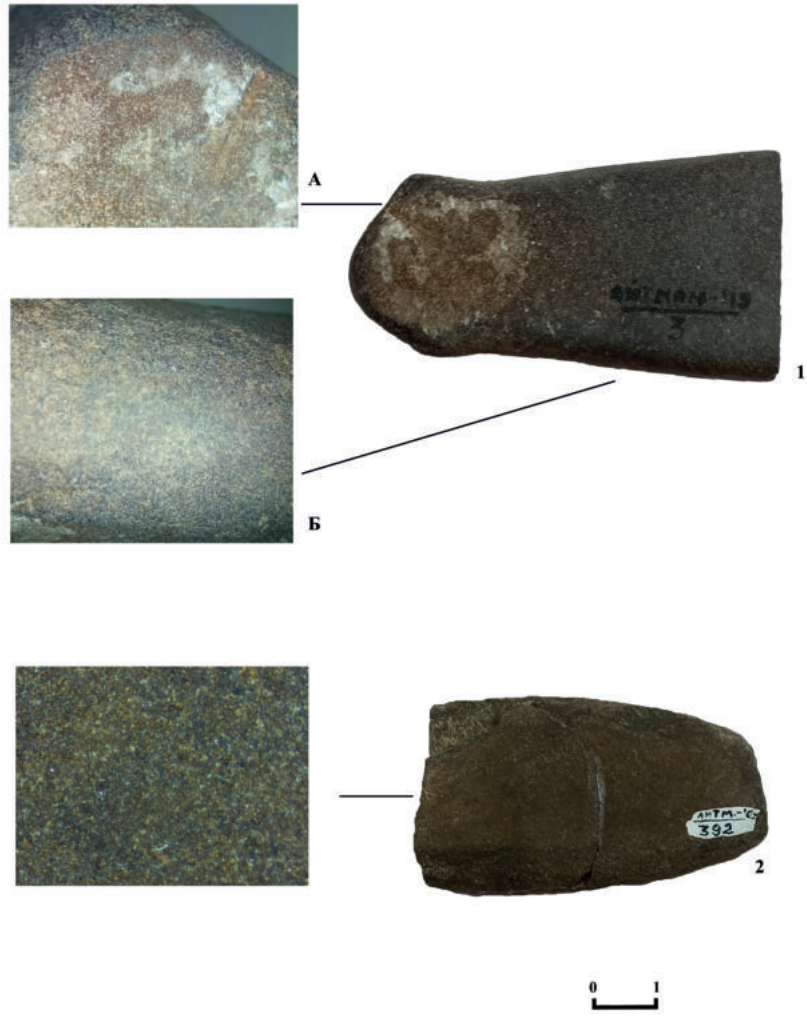

Рис. 5. Поселение Айтман. Следы утилизации на рабочих участках оселков для заточки металлических изделий. Макросъемка с увеличением 10-200х

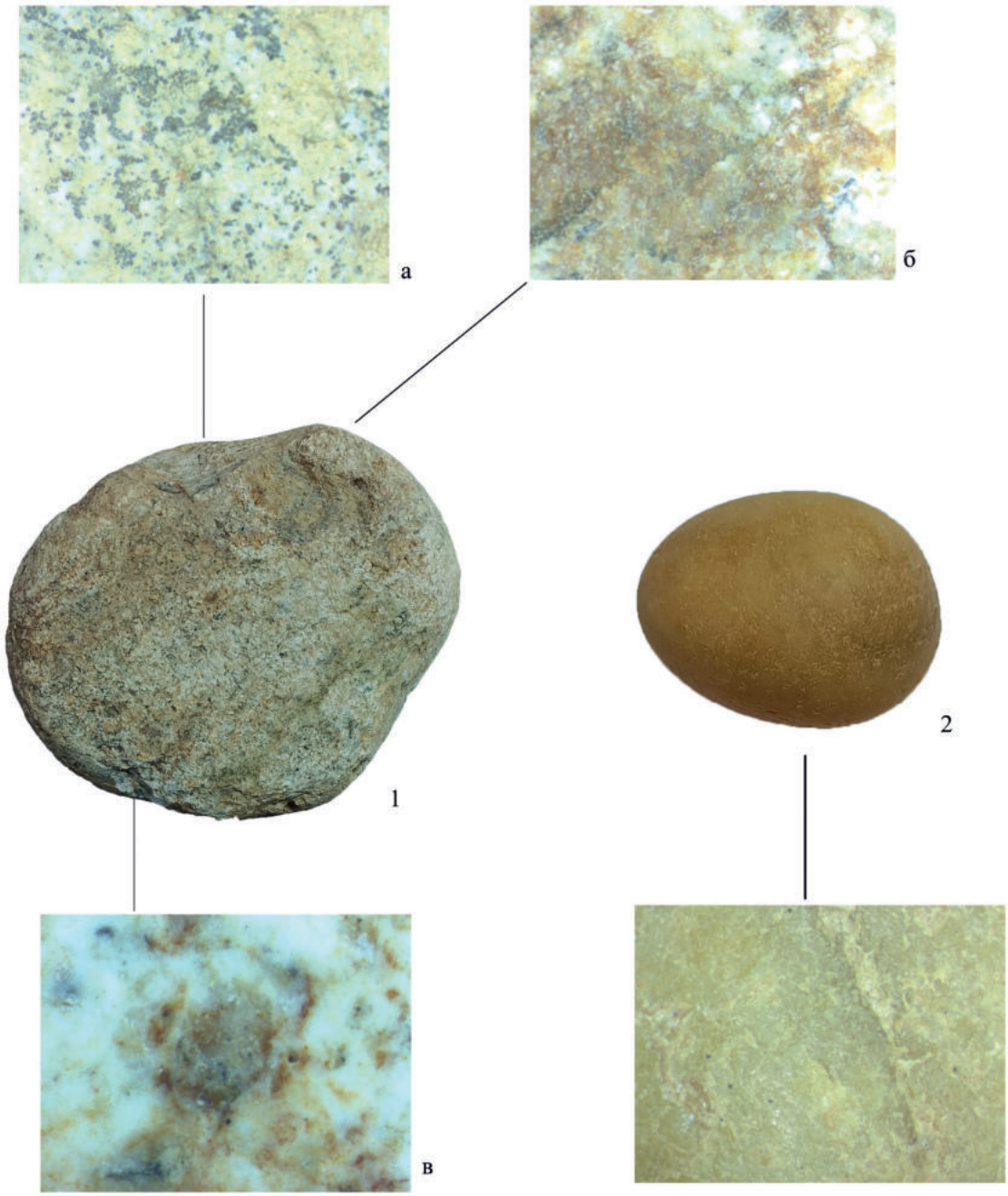

Рис. 6. Поселение Айтман. Следы утилизации на рабочих поверхностях куранта для растирания зерна и каменном шаре. Макросъемка с увеличением 10-200х

ся к пятке. В поперечном сечении орудие уплощенно-овальное. Основные технические приемы обработки – техника пикетажа и последующая пришлифовка поверхностей. Наиболее тщательно оформлен боек орудия, форма и характер обработки которого являются функциональными признаками. Длина – 8 см, ширина – 5,8 см, толщина – 5,4 см Рабочие участки орудия шероховатые, покрыты глубокой забитостью с выбоинами, трещинами и выщерблинами разной ширины и глубины, которые накладываются друг на друга (рис. 4, 1).

Оселок (2 экз.). Орудия трапециевидной формы, обработаны методом оббивки, техникой пикетажа. Размеры изделий: 6×4,3×1,3 см и 5,8×3,4×1,4 см. Использовалась боковая плоская часть орудия. На рабочей поверхности видны следы заполированости. Оселок в работе применялся кратковременно. На сильно заполированной поверхности видны нитевидные следы, направленные поперек орудия. Оселок использовался для окончательной доводки поверхностей и режущих кромок металлических изделий после заточки (рис. 5).

Каменный шар яйцеобразной формы изготовлен из окатанной гальки (бровка м/д кв. Е7-Е8, гл. 45 см). Орудие размером 2×2 см, изготовлено методом оббивки с последующей зашлифовкой поверхности на абразиве (рис. 6, 2).

Курант (п/м 113) имеет округлую форму и эллипсовидные сечения в поперечнике. Диаметр изделия 15 см, высота 8 см Обработан методом оббивки, техникой пикетажа. Видны следы затертости. Поверхность орудия неровная, все выступающие участки покрыты заломами и выщерблинами. На рабочей части имеется неглубокая выемка. Использовался для растирания зерна (рис. 6, 1).

Таким образом, из 30 каменных орудий, представленных с поселения Айтман, только 21 имело следы сработанности и использовалось в ремесленных работах.

Несмотря на малочисленность коллекции, можно уверенно выделить песты для приготовления краски, зернотерку для перемалывания зерна, точилки для заточки ножей и луков, лощила для гончарного производства. Исследования на поселении не закончены, и, возможно, в будущем, по завершении раскопок, станет возможным предоставить более обширную информацию, позволяющую выделить доминирующую отрасль поселения.

ЛИТЕРАТУРА

Волков П.В. Человек за камнем. Археология в последнее время. 2-е изд., испр. СПб.: Платоновское философское общество, 2020. 280 с., ил.

Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л.: Наука, 1987. 320 с.

Коробкова Г.Ф. Хозяйственно-производственная деятельность населения Алтын-Депе (по данным комплексного изучения каменных орудий) // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии (по материалам эпох палеолита и бронзы): сб. науч. статей / Отв. ред. Г.Ф. Коробкова. СПб.: Европейский Дом, 2004. С. 92–136.

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика макро- и микроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 80 с.

Лошакова Т.Н. Поселение Айтман // Маргулановские чтения 2011: м-лы междунар. науч. конф. (Астана, 20–22 апреля 2011 г.) / Гл. ред. М.К. Хабдулина. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 297–301.

Лошакова Т.Н. Начало полевых исследований на поселении Айтман на Устюрте // Труды ФИА. Астана: ФИА, 2012. Т. 1. С. 45–48.

Лошакова Т.Н. Айтман қонысын зерттеудің кейбір мәселелері // Маргулановские чтения 2014: м-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию академика А.М. Маргулана / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы; Павлодар: ЭКО, 2014. С. 77–81.

Лошакова Т.Н. История изучения памятников эпохи бронзы северо-восточного Прикаспия // Археология Казахстана. 2020. № 4 (10). С. 47-69.

Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Североустюртский очаг культуры эпохи палеометалла. Проблемы, поиски и раскопки // Бронзовый век восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: м-лы. междунар. науч. конф. «К 100-летию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» (г. Самара, 23–28 апреля 2001 г.) / Отв. ред. Ю.И. Колев. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 2001. С. 347–352.

Plisson H. Etude fonctionnelle d'outillages lithiques préhistoriques par l'anal yse des micro-uses: recherche méthodologique et archéologique. These: Universite de Paris 1, 1985. 357 p.

А.А. БИСЕМБАЕВ
А.М. МАМЕДОВ
Г.А. АХАТОВ
Р.Ж. ЖАНУЗАК

Арман Ауганович Бисембаев,
abissembaev@mail.ru
Аслан Маликович Мамедов,
mamedovaslanv@mail.ru,
Газиз Аманжолович Ахатов,
g_akhatov@mail.ru,
Рамазан Жаксыбайулы Жанузак,
rzhanuzak@gmail.com,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ЖАГАБУЛАК I в БАССЕЙНЕ р. ЖЕМ (ЭМБА)*

Аннотация. Статья посвящена результатам исследования могильника Жагабулак I, расположенного в бассейне среднего течения р. Жем (Эмба). Данная территория по природно-географическим аспектам относится к границе перехода от степной к полупустынной зонам и входит в Темиро-Эмбенский локальный микрорайон Приаральско-Мугалжарского региона (Актюбинская обл.). Памятники ранних кочевников данной территории обладают своеобразной спецификой. При исследовании трех курганов обнаружены яркие предметы кочевой элиты: изящный каменный прямоугольный жертвенник, плакированный золотом кинжал-акинак, богатые уздечные и сбруйные наборы из бронзы и железа, разнообразный керамический комплекс, предметы быта и украшения. Исследование памятников кочевников раннего железного века в Актюбинской области имеет свою историю и требует определенного подведения итогов.

Ключевые слова: бассейн р. Жем (Эмба), ранние кочевники, элитные памятники, жертвенник, акинак, Южное Приуралье, Западный Казахстан

Жем өзені бассейніндегі Жағабұлақ I қорымын зерттеудің алдын ала қортындысы

Аннотация. Мақала Жем өзенінің орта ағысы бассейнінде орналасқан Жағабұлақ I қорымында жүргізілген зерттеу жұмыстарының нәтижелеріне арналған. Бұл аймақ Арал маңы-Мұғалжар (Ақтөбе облысы) өңіріндегі Темір-Жем атты ықшам ауданының құрамына кіреді, табиғи-географиялық тұрғыдан далалық белдеу мен жартылай шөл даланың шекарасында жатыр. мұнда шоғырланған ерте көшпенділер ескерткіштерінің өзіндік ерекшеліктері бар. Зерттеу жұмыстары жүргізілген үш обадан келесідей заттар мен бұйымдар табылды: төртбұрышты пішіндегі құрбандық тас, алтынмен қапталған қанжар-акинак, қоладан және темірден жасалған ат-әбзелдері, әр-түрлі керамикалық ыдыстар, тұрмыстық және әшекей бұйымдары. Ақтөбе облысындағы ерте темір дәуірі көшпенділері ескерткіштерінің зерттелу тарихы терең, сол себепті кейбір нақты қортындылар жасауды қажет етеді.

Түйін сөздер: Жем өзенінің бассейні, ерте көшпенділер, элиталық ескерткіштер, құрбандық тас, акинак, Оңтүстік Орал маңы, Батыс Қазақстан

Preliminary results of the study of the burial ground of Zhagabulak I in the Emba river basin

Abstract. The article is devoted to the results of the study of the burial ground of Zhagabulak I located in the basin of the middle course of the Zhem River (Emba). This territory, according to natural and geographical aspects, belongs to the border of the transition from steppe to semi-desert zones, and is included in the Temir-Emba local microdistrict of the Aral-Mugalzhar region (Aktobe region). The monuments of the early nomads of this territory have a peculiar specificity. During the study of three mounds, bright objects of the nomadic elite were discovered – an elegant rectangular stone altar, a gold-clad akinak dagger, rich bridle and harness sets made of bronze and iron, a diverse ceramic complex, household items and jewelry. The study of monuments of nomads of the early Iron Age in the Aktobe region has its own history and requires a certain summing up.

Keywords: Emba basin, early nomads, elite monuments, altar, akinak, Southern Urals, Western Kazakhstan

© 2022 Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Ахатов Г.А., Жанузак Р.Ж.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта OR11465466.*

Рис. 1. Могильник Жагабулак I. Курган № 1. Общий вид сверху

В 2022 г. археологическая экспедиция Института археологии им. А.Х. Маргулана продолжила исследование памятников по разработанной программе, связанной с изучением элитных объектов раннего железного века и поддержанной руководством Актюбинской области. Основное направление сотрудничества – изучение объектов ранних кочевников периода середины – второй половины I тыс. до н.э.

Актюбинская область – самая крупная административная единица Западного региона, являет собой классический пример сосредоточия и последовательной смены природно-географических зон – от лесостепной до пустынной. Кроме того, с севера на юг по области проходят отроги Уральских гор – Мугалжар, делящие материк на европейскую и азиатскую части, что очень отчетливо проявляется в смене биот и биомов. Относительно этой значительной территории авторами ранее разрабатывалась концепция о применимости термина «Приаральско-Мугалжарский регион» с делением на локальные микрорайоны, привязанные к бассейнам наиболее крупных рек.

При достаточно развитой гидросети в северной и центральной частях области присутствие большого количества памятников раннего железного века вполне объяснимо. Территория Устюрта и прилегающих районов с бесснежными зимами являлась идеальным местом для зимовок при подвижном кочевом скотоводстве. Также для зимовок были вполне пригодны песчаные массивы, которых на западе Казахстана достаточно – в пределах области это пески Баркын, Кумжарган, Оркаш и др. Природно-географические характеристики области были подробно рассмотрены ранее [Ахатов, Бисембаев 2015: 503–505]. Работы в 2019–2020 гг., проводимые в Уило-Кобдинском локальном микрорайоне, дали хорошие результаты [Бисембаев и др. 2020: 29–39], позволившие создать реконструкцию таскопинских находок, значительно пополнить фонды Актюбинского областного историко-краеведческого музея [Бисембаев и др. 2020: 889–902; 2021: 180–191].

Перенос акцента в исследованиях в Темиро-Эмбенский локальный микрорайон в 2021 г. был связан с выяснением специфики и основных характеристик расположенных здесь памятников. В качестве объектов исследования была выбрана группа могильников Жагабулак I, II в Мугалжарском районе, на левом берегу р. Жем, в 5 и 5,9 км к ВЮВ от одноименного населенного пункта, расположенная вблизи участков нефтяных контрактных территорий. Работы проводились согласно договора между Институтом археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК и ГККП «Актюбинский областной историко-краеведческий музей» по реализа-

Рис. 2. Могильник Жагабулак I. Курган № 1, погребение 2. Общий вид погребальной камеры

ции проекта «Археологические исследования элитных памятников ранних кочевников на территории Актюбинской области».

Главная задача, стоявшая перед исследовательской группой, – это изучение памятников элиты раннего железного века Темиро-Эмбенского локального микрорайона. Исследованные памятники представляют собой небольшие могильники, включающие как курганы, так и святилища. На могильнике Жагабулак I раскопом охвачены курганы № 1–3, на Жагабулак II – курганы № 1, 2. Основной материал, полученный при изучении памятников, датируется эпохой раннего железа. В ходе раскопок были выявлены и погребения эпохи Средневековья.

Рис. 3. Могильник Жагабулак I. Курган № 1, погребение 2. Каменный жертвенник

Могильник Жагабулак I состоит из четырех земляных курганов и семи объектов (грунтовые и каменные ограды, небольшие насыпи и т. д.). Курганы № 1–3 образуют дуговидную цепочку, вытянутую с северо-востока на юго-запад на расстояние 142 м и обращенную выпуклой стороной к северо-западу.

Курган № 1 располагался в юго-западной части могильника. Насыпь кургана земляная, в плане округлой, в разрезе – полусферической формы (рис. 3–5). Диаметр 31 м, высота 1,8 м. По основанию прослеживается круговой ров шириной 6 м и глубиной 0,2–0,6 м. В ходе снятия насыпи под дерновой толщей был расчищен тонкий слой колотых камней, образующий пан-

цирь. Грунт под панцирем залегал в несколько слоев суглинка светло-коричневого и светло-серого цветов с включением гравия, образовавшихся в результате постепенного переноса выкида и грунта со рва. Под насыпным слоем был расчищен органический настил, покоившийся на погребенной почве. Настил доходил до глиняного вала, зафиксированного по основанию кургана, также устроенного на погребенной почве. Вал в плане имел округлую, в разрезе – полусферическую форму. По центру кургана вокруг могильной ямы фиксировался еще один вал (могильный выкид) из суглинка коричневого цвета, на котором лежали плахи от деревянного перекрытия. Над центральной могилой прослеживалась воронка. Погребенная почва представлена суглинком коричневого цвета, материк – светло-серым суглинком (рис. 1).

В кургане исследованы три погребения, из которых одно (№ 1) было безынвентарным. В насыпи над погребением № 2 обнаружен костяк, лежавший на левом боку в сильно скорченном положении и с юго-восточной ориентировкой.

Погребение № 2, расположенное в юго-восточной половине кургана, представляло собой могильную яму неправильной вытянутой формы, протянутой по оси ВСВ–ЗЮЗ. С юго-западной стороны над могильной ямой зафиксирован вал. В восточной половине могилы был расчищен провалившийся в нее органический настил. Ее размер на уровне погребенной почвы составил 7,17×2,40 м. Стенки могилы местами немного скошены. В восточной части находилась отдельная погребальная камера в виде прямоугольной ямы, ориентированной по оси ССЗ–ЮЮВ. Размер по дну 2,12×1,22 м. У торцевой восточной стенки устроен заплечик (рис. 2).

В дромосе был расчищен костяк верхового коня, уложенного на живот, головой на ВСВ, морда опущена вниз. Во пасти коня и на его черепе находились предметы конской узды. В комплект входили железные двукольчатые удила, бронзовые двудырчатые псалии с окончаниями в виде стилизованных голов птиц, три бронзовые пряжки в виде фигур кошачьего хищника, бронзовый чумбурный блок из семи бронзовых пронизок. В засыпи у южного угла входной ямы-дромоса также находились детали узды из двух бронзовых нащечных бляшкек, трех обойм для перекрестных ремней и чумбурного блока.

К категории находок, характеризующих погребение как элитарное, относится бронзовый котел с петлевидными ручками, чашевидным туловом и воронковидным поддоном. Венчик котла отогнут наружу. Котел подвер-

Рис. 4. Могильник Жагабулак I. Курган № 1, погребение 3. Общий вид погребения сверху

Рис. 5. Могильник Жагабулак I. Курган № 1, погребение 3. Парадный акинак

гался ремонту: с внешней стороны тулова наблюдаются швы и припаянные листы бронзы. Практически на всей поверхности тулова сохранились темные пятна от сажи. В двух-трех местах тулова имеются отверстия, бока смяты. Общая высота – 34,5 см, диаметр тулова – 34,4 см.

Еще одним предметом, подчеркивающим социальный статус, является великолепно выполненный каменный прямоугольный жертвенник с прямыми бортиками (рис. 3), на четырех ножках, оформленных в виде головы волка с оскаленной пастью, а также золотые изделия – нашивные полусферические бляшки в количестве 139 штук и серьга. Высота жертвенника – 12,20 см, длина – 28,1 см, ширина – 20 см. Остальные находки представлены железными ножами, акинаком, колчанным крюком из железа, комплектом стеклянных глазчатых бус, разнообразным керамическим набором посуды. Среди инвентаря представлен большой комплект бронзовых и железных наконечников стрел.

Интересен бронзовый набор украшений снаряжения верхового коня, состоящий из двух пар железных удил, пары бронзовых двудырчатых псалиев с окончаниями в виде головок волка и травоядного (?) животного, двух железных псалиев «S»-видной и «С»-видной формы, шести бронзовых ворворок, одного бронзового колесика, бронзовой и костяной пронизок, шести бронзовых пряжек и блоков в виде фигуры верблюда. Под предметами узды находились бронзовое зеркало с плоской длинной ручкой, отлитой вместе с диском, и оселок. По краю диска зеркала наблюдается утолщение, которое образует слегка выпуклый концентрический валик. Длина зеркала – 24,5 см, диаметр диска – 15,6 см, длина ручки – 10,5 см.

Основное погребение № 3 находилось в центральной части кургана. Воронка могилы фиксировалась в процессе снятия насыпи кургана. Пятно могильной ямы прямоугольной формы, выделялось суглинком желтоватого цвета. У края могилы прослеживались остатки надмогильного перекрытия, концы которого опирались на глиняный вал (могильный выкид). Центральная часть перекрытия провалилась в могильную яму (рис. 4).

Могильная яма имела прямоугольную форму, ориентированную с ВСВ–ЗСЗ. Стены могилы отвесные. Ее размеры: длина 3,4 м, ширина 2,9 м, глубина 3,9 м. Погребение ограблено в древности. Кости скелета практически не сохранились, что не позволяет установить ориентировку погребенного. Дно покрыто органическим настилом.

В засыпи могилы подобраны костяная ворворка, две бронзовые пронизки, два бронзовых фрагмента с железной накипью, вероятно, от умбона или чаши. В центре могилы находился короткий кинжал-акинак с брусковидным перекрестьем и бабочковидным навершием. Клинок в сечении линзовидный. Навершие, перекрестье и ножны кинжала плакированы листовым золотом. Общая длина кинжала 36,6 см (рис. 5).

Вдоль стен могилы не замеченными грабителями остались:

– у юго-восточной стенки, ближе к восточному углу, вверх дном стоял бронзовый котел с колоколовидным туловом и воронковидным поддоном. Тулово котла деформировано, поддон имеет разрыв. В верхней части тулова просматриваются следы швов. Высота котла – 26,5 см, диаметр тулова – 23,6 см;

– здесь же рядом были разбросаны бронзовые предметы от снаряжения верхового коня, включающие подпружные пряжки, ворворки, пряжки от перекрестных ремней, наносник;

– в южном углу расчищены колчанный набор № 1 с бронзовыми и железными наконечниками стрел, железные удила, псалии, ременные обоймы от узды и

другие элементы снаряжения верховой езды. Наконечники со сгнившими деревянными древками остриями были направлены на восток (к стенке). Все они в основном довольно массивны, представлены двухлопастными, трехлопастными и трехгранными со сводчатыми и треугольными головками, внутренней и выступающей втулками. Железные наконечники плохой сохранности, в основном втульчатые.

Комплект снаряжения верхового коня разнообразен. Удила железные кольчатые, псалии нестандартные и массивные, по форме напоминают «У»-образные. Длина звеньев удил около 14,5 см, псалиев – 23,2 см. В комплект узды входили железные пронизи, украшавшие ремни и другие предметы;

– севернее колчанного набора находились умбон и колчанный крючок. Умбон бронзовый, чашевидной формы, по центру имеет отверстие. Изделие плохой сохранности, снаружи плакировано листовым золотом. Выполнено в виде изображения хищника. Высота умбона – 3,4 см, диаметр – 6,6 см. Колчанный крючок массивный, длиной 11,3 см. Изготовлен из железного штыря с согнутым окончанием и приваренной петлей на широкой спинке;

– у юго-западной торцевой стенки выявлен еще один колчанный набор (№ 2) с бронзовыми наконечниками стрел. Наконечники с деревянными древками, остриями направлены на юго-восток, сверху покрыты фрагментами кожи от колчана. По форме головки и насада наконечники стрел различны;

– остальные предметы инвентарного набора представлены железной пластиной, каменной плиткой, развалом трех лепных сосудов, железным черешковым ножом.

Курган № 2 был сооружен по центру могильника, в 80 м к северо-востоку от кургана № 1. Насыпь кургана земляная, в плане округлой, в разрезе – полусферической формы. Диаметр кургана 19 м, высота 0,7 м. На вершине кургана наблюдалась западина диаметром около 3,5 м. Вокруг кургана визуально прослеживался ров глубиной 0,14 м. Насыпь снималась вручную

Рис. 6. Могильник Жагабулак I. Курган № 2, погребение 2.
Общий вид. Горизонт 1

Рис. 7. Могильник Жагабулак I. Курган № 3. Общий вид впускного средневекового захоронения

с оставлением двух параллельных бровок по линии С–Ю шириной 0,5 м. В ходе снятия насыпи были обнаружены кости животных. У северо-западного основания кургана, в 9,1 м к западу и в 3,9 м к северу от «0» на глубине 1,03 м находился череп лошади. В центральной траншее в 2 м к западу и в 3,1 м к северу от «0» на глубине 0,5 м обнаружена лопатка лошади.

Погребение№ 1 основное, находилось по центру кургана. Могильная яма на уровне погребенной почвы выделялась в виде суглинка темно-коричневого цвета, имела форму широкого прямоугольника, ориентированного по линии СВ–ЮЗ и разрушена неоднократными поздними грабительскими лазами и норами животных. Засыпь могилы – плотный суглинок, включает мелкие колотые камни.

Могила полностью ограблена, кости скелета не сохранились. В ходе выборки грунта были обнаружены железное кольцо диаметром 8,6 см и обломок каменного жертвенника в виде части бортика с ножкой, выполненной в форме головы животного. Жертвенник, вероятно, в плане имел округлую форму диаметром около 36 см, высотой 16,8 см.

Погребение № 2 впускное, совершено в 4,8 м к северо-востоку от центра. На уровне погребенной почвы могильная яма имела неправильную форму. Выборка засыпи показала, что, возможно, в северо-восточной половине кургана были устроены две могилы. Скорее всего, первоначально была выкопана широкая прямоугольная яма, длинной осью ориентированная ЗСЗ–ВЮВ. Ее примерные размеры на уровне погребенной почвы 1,3×2 м, глубина 1,45 м. Стенки скошены. Западная часть разрушена при совершении подбойной могилы, выкопанной ближе к центру кургана (рис. 6).

Входная яма подбойной могилы имела прямоугольную форму, длинной осью вытянутую по линии СЗ–ЮВ, размером 1,84×2,17 м, глубиной 2,14 м. Вдоль юго-восточной стенки устроена погребальная камера (подбойная ниша). В плане имела прямоугольную форму размером 1,14×2,0 м. Длинная ось ниши была параллельна оси входной ямы. Дно погребальной камеры углублено на 139 см по отношению к уровню дна входной ямы. Потолок обрушен, его сохранившаяся высота 0,5–0,6 м.

Зачистка производилась послойно в три этапа, условно обозначены горизонты 1–3. На первом этапе уровень снятия засыпи был доведен до дна северо-восточной могилы. При этом частично до глубины 0,7–0,8 м произведена выборка грунта внутри входной ямы и погребальной камеры. На первом уровне беспорядочно лежали череп, ребра, трубчатые кости человека. Здесь же размещались череп, лопатка и иные кости лошади. Все находки концентрируются в основном в

засыпи входной ямы и погребальной камере подбойной могилы. Рядом с костями обнаружен лепной плоскодонный сосуд № 1 с короткой отогнутой горловиной, яйцевидным туловом и носиком-сливом. Поверхность сосуда серая, темно-серая. Тесто в изломе темно-серое. Высота сосуда 24,2 см, диаметр горловины 14,6 см, тулова – 20,3 см, дна – 11 см; лезвие железного ножа; развал черноглиняного плоскодонного сосуда № 2 с шаровидным туловом и слабо отогнутым венчиком. После реставрации стало заметно, что тулово сосуда украшено волнистым орнаментом, нанесенным палочкой, поверхность темная, в изломе темно-серая. Высота сосуда 12,9 см, диаметр горловины 8,6 см, тулова – 11,8 см, дна – 8,2 см. Рядом с сосудом фиксировались угольки. Фрагмент еще одного черноглиняного сосуда № 4 находился у длинной северо-восточной стенки входной ямы.

На втором этапе уровень расчистки доведен до глубины 1,25 м от уровня погребенной почвы. На глубине 2,14 м было выявлено дно входной ямы. Внутри камеры на разном уровне находились кости скелета человека (череп, крестец, ребра, позвонок) и трубчатая кость лошади.

В процессе снятия грунта были найдены раковина Gryphea, сосуд № 3 очень плохой сохранности, плоскодонный, с яйцевидным туловом, отогнутым венчиком и носиком-сливом. Поверхность сосуда красная, темно-серая и коричневая. Тесто в изломе темно-серое. Высота сосуда 26,5 см, диаметр горловины 11,8 см, тулова – 20,5 см, дна – 11,6 см. Под западным сводом погребальной камеры на глубине 2,3 м найдены железный двудырчатый (?) псалий в виде прямого стержня и фрагмент железного колчанного крючка.

Рис. 8. Могильник Жагабулак I. Курган № 3, погребение 3. Бронзовый котел в погребении

На третьем этапе была зачищена погребальная камера, внутри которой на разном уровне и беспорядочно лежали человеческие кости (ребра, трубчатые кости, фаланги и т.д.). Только в средней части камеры в сочленении находились переотложенные кости нижних конечностей левой ноги. В западном углу камеры расчищены ребра лошади.

Внутри камеры обнаружены следующие предметы:

– у западной торцевой стенки – бронзовое зеркало в виде округлого диска и отлитой вместе плоской длинной ручкой. Диск зеркала в одном месте имеет слом. Диаметр диска 15,2 см, длина ручки 11,2 см;

– у юго-восточной стенки среди костей – два железных изделия плохой сохранности.

Кроме указанных выше находок в засыпи могилы (во всех трех уровнях зачистки) найдены следующие изделия:

– восемь бронзовых трехлопастных наконечников стрел со сводчатыми головками, с внутренними и выступающими втулками;

– два браслета с несомкнутыми окончаниями. Изготовлены из бронзового в сечении округлого и подпрямоугольного прутика. Диаметр браслетов 8 и 8,5 см;

– два бронзовых височных кольца в один оборот. Диаметр изделий около 2,4 см;

– фрагмент небольшого железного ножа, подтреугольного в сечении. Сохранившаяся длина 4,5 см;

– фрагменты глиняного плоскодонного сосуда № 4. Фрагмент сосуда был подобран еще на первом горизонте. Форма тулова не восстанавливается. Горловина короткая, с отогнутым венчиком. Ниже венчика фиксируются защипы. Диаметр горловины 12,4 см, дна – 10 см;

– фрагменты сосуда № 5. Форма сосуда не восстанавливается. Горловина невысокая, с отогнутым венчиком. Тулово сосуда украшено ногтевидными вдавлениями. Среди фрагментов отсутствует донная часть, возможно, сосуд имел округлое дно. Диаметр горловины 9,9 см;

– три фрагмента железного прута.

Курган№ 3 располагается в 142 м к северо-востоку от кургана № 1. Насыпь кургана земляная, в плане округлой, в разрезе – полусферической формы. Диаметр кургана 30 м, высота 1,6 м. На вершине кургана наблюдается западина. Севернее западины установлен триангуляционный знак, от которого сохранилось основание. На вершине кургана наблюдалась запади-

на диаметром около 5 м. По периметру насыпь кургана окружал ров глубиной 0,4–0,5 м. Северо-восточное основание насыпи кургана разрушено техникой. С целью сохранения триангуляционного знака насыпь снималась с оставлением двух параллельных бровок по линии З–В. Ширина бровок: северная 2 м, южная 1 м, расстояние между ними равно 5 м.

После удаления верхнего дернового горизонта мощностью от 5 до 10 см был выявлен слой камней, залегавший поверх насыпи. Насыпной слой толщиной от 0,5 м на периферии и до 1,1 м по центру представлял собой суглинок светло-коричневого цвета с включением крупнозернистого гравия и светло-серый суглинок. У основания насыпи наблюдался глиняный вал, насыпанный из серо-желтого суглинка. Внутри грунтового вала на погребенной почве находились органический настил и плахи перекрытия центрального захоронения. Над могильной ямой фиксировалась грабительская воронка. Погребенная почва представлена суглинком коричневого цвета, материк – светло-серым суглинком.

В ходе снятия насыпи в центральной части кургана найдена подвеска из клыка кабана. Одна из сторон изделия, где находилось отверстие для подвешивания, повреждена. На другой стороне изображен хищник с оскаленной пастью, возможно, волк.

Курган содержал три погребения – два впускных и основное. Погребение № 1 впускное, выявлено в 3,5 м к западу от «0». На глубине 0,6 м находился скелет взрослого человека, лежавшего вытянуто на спине, головой на ССЗ, лицом на запад. Руки погребенного покоились вдоль туловища, ноги вытянуты прямо. Рядом с погребенным находок не обнаружено.

Второе впускное погребение находилось в северо-западной части кургана, в 6,5 м к северу и 5,9 м к западу от центра. Оно фиксировалось еще в ходе снятия насыпи. На стратиграфическом профиле засыпь могилы выделялась суглинком серого цвета. На глубине 0,7 м от «0» расчищено захоронение огузо-печенежского времени с «чучелом» лошади, железными удилами и стременами, кремнистыми отщепами, железным кресалом, железной пряжкой и железным наконечником стрелы. Также имелись предметы более ранних эпох – бронзовый трехлопастной наконечник стрелы и бусина из стекловидной массы. Ориентировка погребенного на ЗСЗ (рис. 7).

Основное погребение № 3 находилось по центру кургана. Пятно могильной ямы округлой формы, на уровне погребенной почвы выделялась суглинком светло-коричневого цвета. В могиле расчищены деревянные плахи перекрытия. На уровне погребенной почвы яма имела округлую форму размерами 4,4×4,79 м, а на глубине 2,97 м от «0» она приобрела прямоугольную форму, ориентированную ВСВ–ЗЮЗ. Размеры могилы на уровне дна: 2,75×3,19 м, глубина 3,38 м.

Погребение ограблено в древности, на дне ямы были разбросаны кости скелета и артефакты. Что касается инвентарного комплекса, то в центре ямы обнаружены фрагменты лепного плоскодонного сосуда с вытянутым яйцевидным туловом, отогнутым наружу венчиком и носиком-сливом. По горловине и тулову параллельно прочерчены по две вертикальные линии, в одном месте ногтевидными вдавлениями нанесен орнамент. Тулово сосуда также украшают сигмообразные налепы. Тесто в изломе темно-серое, поверхность красная. Высота сосуда 35 см, диаметр горловины 15,2 см, тулова – 24,3 см, дна – 11,6 см. У северной стенки среди керамики обнаружены бронзовый трехлопастной наконечник стрелы со сводчатой головкой и выступающей втулкой и бронзовые обоймы от уздечного набора.

У юго-восточного угла на боку лежал бронзовый котел с бокаловидным туловом и воронковидным поддоном. На венчике тулова имеются две вертикальные петлевидные ручки с выступом. Верхнюю часть тулова украшает орнамент в виде двух параллельных валиков, имитирующих «веревочку». Высота 30,5 см, диаметр горловины 26 см (рис. 8).

Оригинальный бронзовый предмет в виде литой цилиндрической трубки с замкнутым концом и каплевидным орнаментом в верхней части может быть как навершием древка флага, так и скипетром. В сечении округлой формы. Внутри изделия сохранились остатки дерева. Длина 21,6 см, наибольший диаметр 3,5 см. На дне также найдены несколько фрагментов от лезвия железного кинжала. Сохранившаяся длина – 20,5 см.

Несмотря на ограбление, комплексы могильника Жагабулак I представляют собой самобытный и оригинальный материал по культуре населения бассейна среднего течения Эмбы. Данная территория, входящая в Темиро-Эмбенский локальный микрорайон, на границе перехода от степной к полупустынной зоне ранее исследовалась эпизодически. В 1958 г. по берегам Эмбы работал отряд Е.Е. Кузьминой, ориентированный на поиск и исследование памятников андроновской культуры [Кузьмина 1958].

В 2004 г. археологический отряд Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством Ж.Е. Смаилова в данном районе исследовал два могильника.

Работы удалось осуществить за счет достигнутого соглашения между руководством Института и нефтедобывающими компаниями. На могильниках Каратобе I и II были исследованы семь курганов позднесарматского и средневекового времени [Смаилов, Книсарин 2005а]. Материалы отложились в отчетной документации, не получили полного опубликования. Вторым объектом исследования тогда же стала группа могильников Мортык, находящихся уже на правобережье р. Эмба, выше по течению, севернее песков Кокжиде. Исследовались могильники с нумерацией I и IV. Они дали артефакты середины I тыс. до н.э.: предметы вооружения, быта, религиозных культов [Смаилов, Книсарин 2005б].

В 2013 г. после слияния областного центра истории, этнографии и археологии с областным историко-краеведческим музеем археологическая экспедиция музея проводила раскопки аварийного могильника Кокжиде на территории Темирского района, в пределах контрактной нефтяной территории, северо-западнее могильника Жагабулак I. Исследование небольших курганов № 1 и 2, расположенных наиболее близко к трассе нефтепровода, дало четыре погребения с пятью захоронениями [Китов, Мамедов 2014: 24] середины – второй половины I тыс. до н.э.

Таким образом, большая территория среднего течения р. Эмба при наличии нескольких песчаных массивов, скоплении разнообразных памятников различных археологических эпох продолжает оставаться белым пятном на карте Актюбинской области (Приаральско-Мугалжарского региона). Поэтому изучение в 2021 г. групп Жагабулак I и II позволило прояснить многие вопросы о роли и месте памятников проживавшего здесь населения в ряду синхронных культур Южного Приуралья, Южного Приаралья и более отдаленных территорий.

Инвентарный комплекс и погребальный обряд изученных объектов дает возможность определить время их сооружения второй половиной VI – IV в. до н.э. Особенностью рассматриваемых памятников является сооружение земляной насыпи со сложной структурой подкурганных конструкций. Ранее рассматривался вопрос о том, что курганы населения раннего железного века Западного Казахстана представляют собой руинированные архитектурные постройки по типу мавзолеев Тагискена и Уйгарака [Сдыков и др. 2003].

Обязательными элементами курганов второй половины VI – IV в. до н.э. является наличие рвов, подкурганных валов, настилов. Могильные ямы отличают в первую очередь большие размеры, деревянные перекрытия. Отличительной чертой погребения № 2 кургана № 1 является длинный вход-дромос с захоронением взнузданного коня. Данный тип могильных конструкций уже не раз встречался в погребальных комплексах рек Жем и Илек (Уркач-I, Бесоба). Ранее захоронение боевого коня фиксировалось в погребальных комплексах могильников Пятимары I и Илекшар I [Гуцалов 2007: 75–92].

Изящный жертвенник, оригинально выполненный в общей иконографической традиции, присущей западноказахстанским номадам, и парадный кинжал-акинак, плакированный золотом, представляют собой уникальные предметы, подчеркивающие элитный статус погребенных. Жертвенники на трех или четырех ножках, оформленные в виде изображения оскаленной головы волка, рассмотрены в обобщающей работе С.Ю. Гуцалова и отнесены в таблице к VI–V вв. до н.э. [Гуцалов 2004: 66]. Вопрос о роли и семантическом значении основательно прорабатывался в археологической литературе [Васильев 1998: 25–43]. Стилистически схожие предметы происходят из комплексов Бесоба [Кадырбаев, Курманкулов 1978: 65–69], Лебедевка V, Кураша I [Бисембаев и др. 2018: 102–123]. Не противоречит этой дате и бытование парадного акинака вкупе с колчанными наборами, яркими уздечными и сбруйными наборами. Бронзовые котлы в погребениях также являются отличительной чертой социальной верхушки общества.

Подводя определенные итоги, можно сказать, что на памятниках из Актюбинской области, в частности новых материалах Жагабулака I, в погребальной обрядности и инвентарных комплексах прослеживается влияние южноприуральских и южноприаральских номадов, определенные моменты связаны с более отдаленными территориями Алтая, Сибири, Причерноморья. Расположение Приаральско-Мугалжарского региона (Актюбинская обл.) в центре Евразии, практически в середине Великого пояса степей, оказывает свое влияние на симбиоз и синкретичность памятников не только раннего железного века, но и других археологических эпох.

Характерными чертами рассматриваемого региона являются природно-географические факторы, представляющие собой исторический фон, обусловивший в конечном итоге расположение, количественный состав и специфику памятников раннего железного века. Важность и необходимость анализа региональных особенностей, возникающих из территориального фактора – значительных размеров и, соответственно, различных природно-географических условий Казахстана, для этой эпохи приобретают особую актуальность [Бисем-

баев 2009: 217]. Дальнейшие исследования по выделенным локальным микрорайонам позволят выявить внутрирегиональные различия, носящие, вероятно, родоплеменной характер.

ЛИТЕРАТУРА

Ахатов Г.А., Бисембаев А.А. Характеристика природно-географических условий Западного Казахстана как экониши кочевого населения раннего железного века и средневековья // Казахское ханство в потоке истории: сб. науч. ст., посвящ. 550-летию образования Казахского ханства / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 503–513.

Бисембаев А.А. Заметки к аспектам региональной истории: общее и особенное Западно-Казахстанского региона // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2009. № 3 (70). С. 217–222.

Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н., Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., Уразова А.Б. Новые памятники ранних кочевников Илекского локального микрорайона // Мир Большого Алтая. 2018. № 1 (4). С. 102–123.

Бисембаев А.А., Жамбулатов К.А., Хаванский А.И., Ахатов Г.А., Калменов М.Д., Уразова А.Б., Жанузак Р.Ж. Предварительные итоги исследования элитных памятников ранних кочевников в Актюбинской области // Кадырбаевские чтения 2020: м-лы VI междунар. науч. конф. (г. Актобе, 27–28 ноября 2020 г.) / Отв. ред. А.Б. Уразова. Актобе: Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2020. С. 29–39.

Бисембаев А.А., Жамбулатов К.А., Хаванский А.И, Ахатов Г.А, Жанузак Р.Ж. Новые памятники кочевой элиты раннего железного века Актюбинской области (предварительные итоги) // Мир Большого Алтая. 2020. № 6 (2). С. 889–902.

Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Мамедов А.М., Ахатов Г.А. Элитные археологические памятники кочевников раннего железного века Актюбинской области: книга-альбом. Алматы; Актобе: Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2021. 200 с., ил.

Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Уфа: НМ РБ, 1998. Вып. 1. С. 25–43.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Полиграфсервис, 2004. 136 с., ил.

Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тысячелетия до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2 (30). С. 75–92.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 65–69.

Сдыков М.Н., Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Сокровища западноказахстанских скифов. Уральск: [б./и.], 2003. 128 с.

Смаилов Ж.Е., Книсарин Б.А. Археологическое изучение территории освоения ТОО «Казахтуркмунай» (по линии нефтепровода Каратобе–Лактыбай). Байганинский район Актюбинской области. 2005а // Архив ИА КН МОН РК. Д. 2778.

Смаилов Ж.Е., Книсарин Б.А. Археологическое изучение территории освоения CNPC «Актобемунайгаз» (газопровод Жанажол – Кенкияк). Мугоджарский район Актюбинской области). 2005б // Архив ИА КН МОН РК. Д. 2680.

Ж. КУРМАНКУЛОВ
С.Б. БОЛЕЛОВ
Ж.Р. УТУБАЕВ

Жолдасбек Курманкулов,
kurmankulov@gmail.com,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан;
Сергей Борисович Болелов,
bsb1958@yandex.ru
Государственный музей Востока,
г. Москва, Россия;
Жанболат Раймкулович Утубаев,
utubaev_z@mail.ru,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ на ГОРОДИЩЕ БАБИШ-МОЛА: НОВЫЕ ДАННЫЕ*

Аннотация. В статье публикуются итоги раскопок последних лет – исследования цитадели городища, в первую очередь дворцового комплекса «Большой дом». За три сезона полевых исследований частично открыты помещения и участок обводного коридора в северо-западной части здания. В результате проведенных работ по стратиграфическим данным удалось выявить два относительно разновременных периода существования комплекса: ранний – строительство и кратковременное обживание здания и более поздний – вторичное освоение уже оставленного обитателями и пришедшего в упадок дворца. В ходе исследований получен немногочисленный, но достаточно выразительный археологический комплекс, преимущественно фрагменты керамики, на основании которого время жизни памятника можно предварительно датировать в пределах IV–I вв. до н.э.

Ключевые слова: чирикрабатская археологическая культура, городище Бабиш-мола, цитадель, дворцовый комплекс, строительный период, стратиграфия, керамический комплекс

Бәбіш мола қалашығындағы археологиялық зерттеулердің жаңа нәтижелері

Аннотация: Мақалада Бәбіш мола қалашығының цитаделі болып саналатын «Үлкен үй» сарай кешенінде жүргізілген соңғы жылдардағы қазба материалдары жарияланды. Үш маусым бойы жүргізілген далалық зерттеулер барысында ғимараттың солтүстік-батыс бөлігіндегі бөлмелер мен айналма дәліздің орыны жартылай ашылды. Жүргізілген жұмыстардың нәтижесімен алынған стратиграфиялық мәліметтер бойынша кешеннің екі кезеңде өмір сүргендігі анықталды. Ерте кезеңде ғимарат салынып, онда қысқа мерзімде қоныстанса, кейінгі кезеңде жергілікті тұрғындардан қалған сарайды қайта пайдаланғандығын көреміз. Зерттеу барысында аз болсада, нәтижелі археологиялық кешен анықталды, ондағы жиналған керамика фрагменттерінен ескерткіштің өмір сүру уақытын болжам бойынша б.д.д. IV-II ғғ. мерзімдеуге болады.

Түйін сөздер: Шірік рабат археологиялық мәдениеті, қалашық, цитадель, сарай кешен, құрылыс кезеңі, стратиграфия, керамикалық кешен

Archaeological research at the Babish-mola settlement: new data

Abstract. The article publishes the materials of the excavations of recent years, which were the citadel of the settlement, primarily the palace complex – the "Big House". During the three seasons of field research, the premises and the section of the bypass corridor in the north-western part of the building were partially opened. As a result of the work carried out on stratigraphic data, it was possible to identify two relatively different periods of the existence of the complex:

© 2022 Курманкулов Ж., Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта OR11465466.*

the early one – the construction and short–term habitation of the building and the later one - the secondary development of the palace already abandoned by the inhabitants and fallen into disrepair. In the course of the research, a small, but quite expressive archaeological complex was obtained, including mainly fragments of ceramics, on the basis of which the lifetime of the monument can be tentatively dated within the 4th–2nd centuries BC.

Keywords: Chirikrabat archaeological culture, ancient settlement, citadel, palace complex, construction period, stratigraphy, ceramic complex

Памятники чирикрабатской культуры на территории нижнего и среднего течения Сырдарьи были открыты и впервые обследованы в 1946 г. в ходе масштабных авиаразведок, которые были предприняты Хорезмской археолого-этнографической экспедицией [Толстов 1948а: 53–58]. Раскопки на городище Бабиш-мола были начаты в 1957 г. Тогда основным объектом исследований стало отдельно стоящее здание – Бабиш-мола 2, которое было раскопано полностью и определено как погребальное сооружение [Толстов и др. 1960: 46–51]. Археологические исследования на городище проводились в течение 4-х полевых сезонов (1957–1960 гг.) в основном на цитадели памятника. За это время полностью был раскопан входной комплекс цитадели, так называемый донжон. Кроме того, полностью была вскрыта восточная часть «Большого дома» цитадели (рис. 1, Б), как можно предполагать, дворца, где по стратиграфическим данным выявлено три строительных периода [Толстов 1962: 158–165; Толстов и др. 1963: 58–64].

Археологические исследования на памятнике были возобновлены силами Чирикрабатской археологической экспедиции (ЧРАЭ) в 2018 г. [Курманкулов и др. 2019: 301–314] и продолжены в 2020–2021 гг.; основным объектом был избран «Большой дом» на цитадели городища.

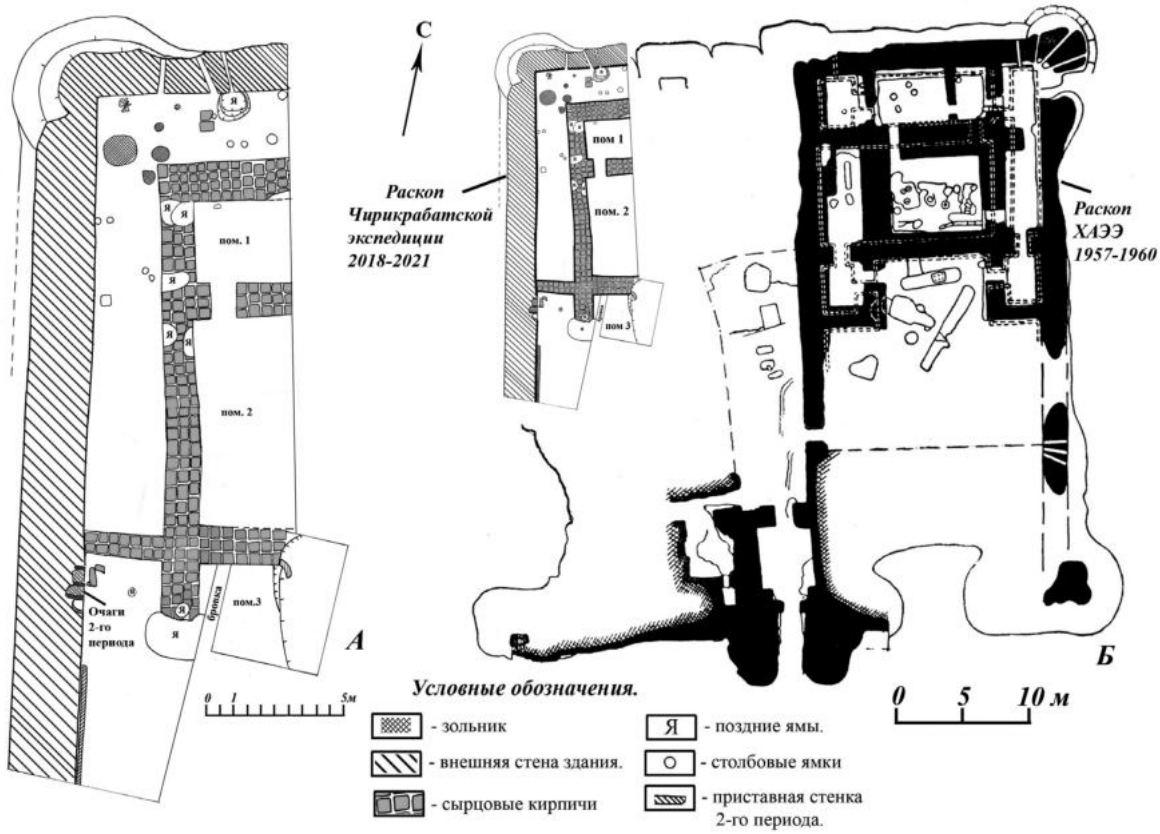

Рис. 1. Городище Бабиш-мола. Цитадель: А – западная часть «Большого дома»; Б – восточная часть «Большого дома»

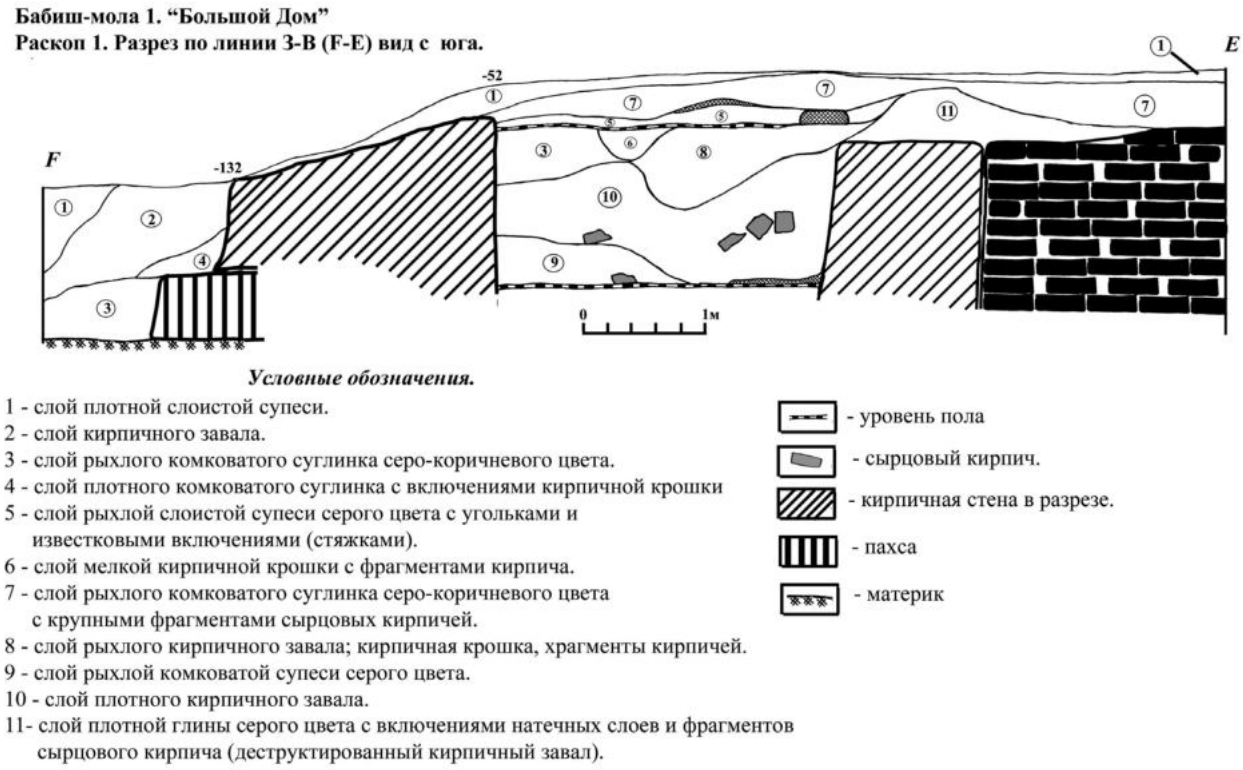

Рис. 2. Городище Бабиш-мола. «Большой дом». Раскоп 1. Разрез по линии З–В, вид с юга

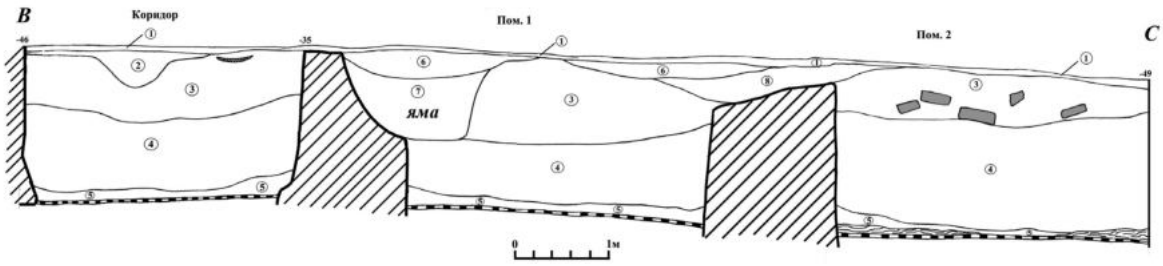
В 2018 г. раскопки были начаты в северо-западной части памятника. Была открыта часть, надо полагать, обводного коридора – западный и северо-западный отрезки, а также частично два помещения в северо-западной части здания – № 1 и 2, которые соединялись проходом. В 2020 г. и в августе 2021 г. работы велись в пределах юго-западного сектора здания. Таким образом, в настоящее время выявлена планировка части помещений вдоль западной внешней стены «Большого дома», общая площадь раскопа равна 200 кв. м. В ходе работ открыт значительный по площади отрезок обводного коридора, а также частично три помещения. В пределах всей площади раскопа по внутренней грани прослежена западная внешняя стена здания (рис. 1, А).

На северном отрезке оборонительной стены здания четко определились контуры трех бойниц. Одна из них шириной 20 см, ориентирована строго перпендикулярно относительно линии стены, расчищена на расстояние 2,2 м от внутреннего северо-западного угла здания. Две другие бойницы (ширина 20 см), обнаруженные на расстоянии 4,2 и 4,8 м от угла здания, были ориентированы под углом к линии внешней стены. Можно предполагать, что на этом участке стены были три бойницы, расположенные веерообразно. Сохранились только нижние их части, по этой причине высоту установить невозможно; ложе у всех бойниц было горизонтальным. Аналогичное расположение бойниц было зафиксировано и на крепостной стене цитадели, и на восточной стене дворца [Толстов и др. 1963: 60, рис. 26].

Все стены здания сложены из крупноформатного сырцового кирпича: 42×42×12–13 см; 39×40×12 см; 38×39×12 см; 43×44×12–13 см. Следует отметить, что наряду с квадратными кирпичами использовались и прямоугольные: 47×38×13 см; 45×35×12 см; 49×37×12 см. Кладка регулярная, ряды уложены в перевязку, при этом сдвиг верхнего ряда относительно нижнего составлял полкирпича.

В процессе раскопок по стратиграфическим данным предварительно выделяются два периода существования здания: основной период жизни (более ранний) и период частичного обживания. Судя по стратиграфической ситуации, их разделяет определенный промежуток времени, в течение которого частично были разрушены стены некоторых помещений. По всей площади раскопа стены опустились до уровня пола, соответствующего основному – первому перио-

Бабиш-мола 1. “Большой Дом”
Раскоп 1. Разрез по линии С-Ю (В-С) Восточная бровка.

Условные обозначения.

1 - слой плотного слоистого суглинка красно-коричневого цвета.
2 - слой рыхлого комковатого суглинка серо-коричневого цвета.
3 - слой кирпичного завала.
4 - слой плотного кирпичного завала.
5 - слой рыхлой комковатой супеси с кирпичной крошкой (эллювиальные отложения).
6 - плотного слоистого суглинка коричневого цвета с супесчаными натеками
7 - слой рыхлого комковатого суглинка серого цвета с включениями крупной кирпичной крошки.
8 - слой плотного суглинка светло-коричневого цвета с крупными фрагментами сырцового кирпича.

- слой плотной слоистой супеси с высоким содержанием песка (натек).
- уровень пола
- сырцовый кирпич.
- кирпичная стена в разрезе.

Рис. 3. Городище Бабиш-мола. «Большой дом». Раскоп 1. Разрез по линии С–Ю, восточная бровка

ду жизни здания. На разных участках раскопа они зафиксированы на отметках -198–210 от реперной точки[1]. Обводной коридор в пределах раскопа вскрыт до уровня нижнего пола, который соответствует первому периоду существования здания. В ходе раскопок выявлены детали интерьера, или обустройства внутреннего пространства коридора. На расстоянии 4,45 м от западного угла коридора, вплотную к его северной стене открыта овальная в плане яма (1,2×1 м) глубиной 0,4–0,55 см, спущенная непосредственно с уровня нижнего пола и заполненная слоем рыхлой комковатой супеси серого цвета. Борта ямы пологие, сужающиеся в нижней части. Рядом с ямой, также на уровне пола, выявлена система столбовых ямок, которые образуют неправильный полукруг вокруг нее. Две столбовые ямки наибольшего диаметра расчищены к востоку от ямы. Одна ямка диаметром 31 см и глубиной не более 7–10 см обнаружена на расстоянии 1 м от борта ямы, у северной стены коридора. Вторая ямка диаметром 36 см и глубиной не менее 20 см обнаружена на расстоянии 1,1 м от борта ямы и 30 см от южной стены коридора. Еще два столбовых углубления меньшего диаметра зафиксированы к югу от ямы на расстоянии 0,7 м от борта и также в 30 см от южной стены коридора; их диаметр равен 18–22 см, глубина – 20–25 см. Наконец, еще одна ямка расчищена практически у западного борта ямы на расстоянии 0,7 м от северной стены коридора (рис. 1, А).

Назначение описанной выше ямы определить довольно сложно, безусловно, она не была мусорной или хозяйственной. Не вызывает сомнения тот факт, что она функционировала на протяжении основного периода существования здания, так как она спущена с жилого уровня и не перекрыта обмазками пола. Очень может быть, что в этой яме стационарно был установлен крупный тарный сосуд – хум. В этом случае особый интерес представляют столбовые ямки, расположенные вокруг нее. Очень осторожно можно предположить, что столбы, установленные здесь, поддерживали плоское перекрытие коридора по периметру отверстия в кровле, устроенного над хумом. Тогда вполне вероятно, что в хумы собирали дождевую воду, стекавшую с крыши.

На западном отрезке обводного коридора также обнаружены несколько столбовых ямок. На расстоя-

[1] *За условный репер на раскопе была принята высшая точка на северо-западной части здания. Отметки указаны в сантиметрах от репера.*

Рис. 4. Городище Бабиш-мола. «Большой дом». Раскоп 1.
Помещение 3: А – обводной коридор. Южная бровка; Б – восточная бровка

нии 4,40 м от северо-западного угла, у западной стены коридора зафиксированы две столбовые ямки диаметром 17 и 20 см, которые расположены рядом друг с другом. На расстоянии 6,60 м от северной стены коридора расчищены еще две спаренные столбовые ямки, также диаметром 17 и 20 см Они расположены практически вплотную друг к другу (рис. 1, А). Эти ямки на уровне верхнего пола глубиной не более 8–12 см являются следами от нижних концов вертикальных столбов, которые могли поддерживать балки перекрытия. Вполне вероятно, что эти столбы были поставлены на заключительном этапе основного периода жизни памятника, когда по какой-то причине нужно было укрепить кровлю.

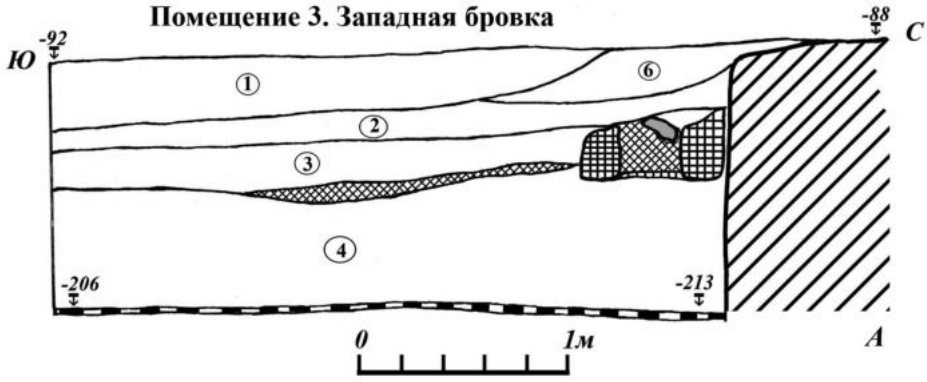
Еще одна прямоугольная в плане столбовая ямка обнаружена на расстоянии 7,3 м от северной стены коридора, в 20 см от западной стены. В отличие от всех остальных эта ямка была квадратной в плане – 40×40 см, глубиной немногим более 30 см Она была заполнена рыхлой супесью серо-коричневого цвета с довольно высоким содержанием органики (возможно, древесный тлен).

Ранее предполагалось, что сквозной обводной коридор, ширина которого колеблется от 2,7 до 3 м, огибал всю группу помещений, во всяком случае, в западной части здания. Однако в результате раскопок 2020 г. оказалось, что это не так. На расстоянии 15,2 м от северо-западного угла коридора обнаружена поперечная глухая стена, перегораживающая этот коридор (рис. 1, А). Стена была построена из прямоугольного и квадратного сырцового кирпича на уровне пола первого периода, который зафиксирован на этом участке раскопа на отметках от -198 до -204 от репера. По сути, эта стена является продолжением южной стены помещения № 2, но ширина ее немного меньше. Ширина южной стены помещения № 2 – 1,30 м (три кирпича), а ширина стены, перегораживающей коридор, – 0,9 м (два кирпича). Это дает основание осторожно предположить, что стена в коридоре была построена не одновременно со стеной помещения, но, безусловно, в первый период жизни здания. Однако это предположение требует дополнительной аргументации.

В процессе раскопок полностью выявлена стратиграфическая ситуация на западном отрезке обводного коридора. Здесь нижний пол в виде плотных глиняных обмазок толщиной 2–3 см зафиксирован на отметках -212–209 от реперной точки. Непосредственно на уровне пола у западной стены залегает слой рыхлой комковатой супеси серого цвета с небольшим количеством мелких фрагментов керамики. Максимальная мощность этого слоя составляет 40 см, отмечается у западной стены. В центральной части коридора он практически сходит на нет, во всяком случае, у восточной стены коридора этот слой не прослеживается. Вместе с тем у восточной стены, непосредственно на уровне пола, в поперечной бровке четко фиксируется небольшой зольник длиной по линии бровки 74 см Толщина зольного слоя не более 7–8 см. По всей видимости, это следы напольного очага (рис. 2). Эти слои перекрываются слоем кирпичного завала, толщина которого у восточной стены не менее 1 м. Завал довольно плотный, но не однородный. Так, у западной стены он более рыхлый и представляет собой слой кирпичной крошки с мелкими вкраплениями сырцового кирпича.

Поверх этих слоев отмечен жилой уровень, соответствующий позднему периоду частичного обживания здания, который фиксируется на отметках -66–72 от реперной точки (рис. 2). По сути, это верхний уровень кирпичного завала, который соответствует финальной стадии жизни здания. Непосредственно на этом уровне залегает слой рыхлой слоистой супеси с мелкими древесными угольками и карбонатными включениями. На некоторых участках в этом слое отмечены зольные линзы.

С уровнем позднего обживания памятника связан напольный очаг, обнаруженный на расстоянии 2 м от западной стены обводного коридора (рис. 1, А) Это небольшое углубление диаметром 70–75 см, заполненное золой. Дно очага, прокаленное до красно-оранжевого цвета, зафиксировано на отметках -83–84 от репера. Рядом с очагом на уровне позднего пола обнаружен небольшой зольник (диаметр не менее 1 м) в виде скопления золы и мелких древесных угольков. Приблизительно в 40 см к югу от очага, также на уровне позднего обживания памятника, была расчищена небольшая, овальная в плане ямка диаметром не более 50 см и глубиной 40–45 см. Она была заполнена рыхлой супесью с кирпичной крошкой и незначительным содержанием золы в слое. В этой ямке найдены 60 бараньих астрагалов, рядом с ней обнаружено еще одно скопление астрагалов, уложенных кучкой; здесь их было не менее 20. Следует заметить, что скопления астрагалов с подшлифованными боковыми поверхностями (в одном месте 42 экз., в другом – 63) были найдены во время раскопок в восточной части здания. Примечательно, что рядом с этими скоплениями, как можно предполагать, in situ, обнаружены два черепа баранов. По мнению С.П. Толстова, астрагалы были игральными костями, а в игре какую-то роль играл бараний череп [Толстов 1962: 165].

Условные обозначения.

1 - слой рыхлой комковатой супеси серого цвета
2 - слой рыхлой комковатой супеси серого цвета с небольшим количеством древесных угольков и включениями карбонатов.
3- слой рыхлой супеси темно-серого цвета с незначительным содержаним золы.
4 - слой кирпичного завала
6- слой рыхлой пылевидной супеси серо-коричневого цвета (супесчаный надув).

- кирпичная кладка стены здания.
- обожженный до красно-оранжевого цвета сырцовый кирпич.
- зольные слои
- отметки уровня от реперной точки.
- уровень пола

Условные обозначения.

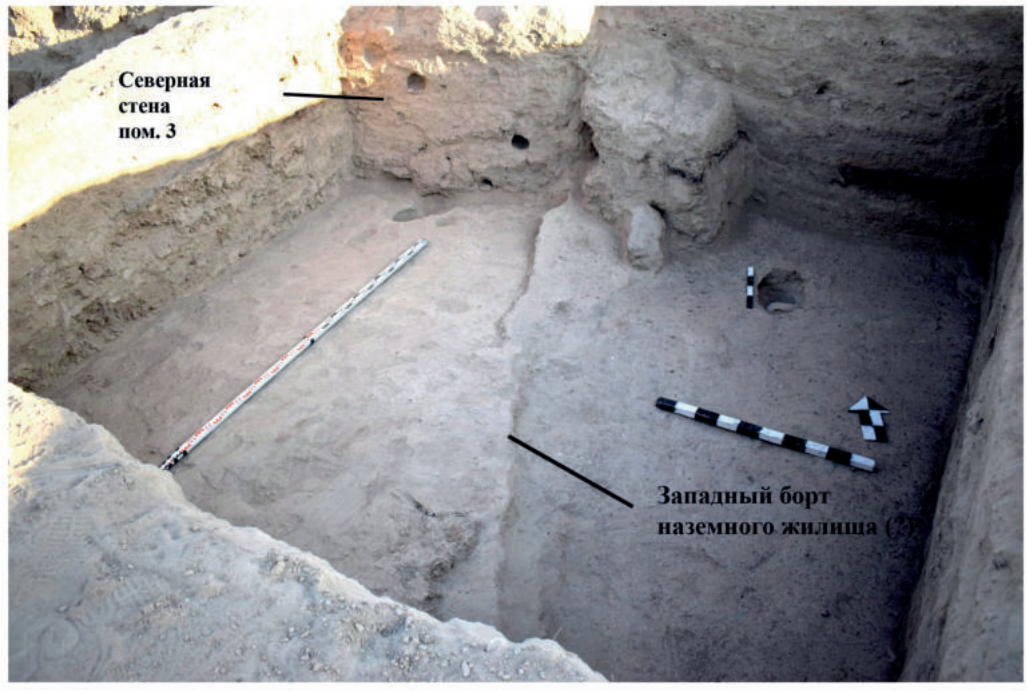
1 - слой плотной супеси серо-зеленого цвета (органо-минеральные отложения).
2 - слой плотного суглинка серого цвета.
3 - слой комковатого суглинка серого цвета.
4 - слой рыхлой супеси коричневого цвета с высоким содержанием органики.
5 - слой плотного слоистого суглинка серого цвета.

- зольные слои
- уровень пола
- древесные угольки

Рис. 5. Городище Бабиш-мола. «Большой дом». Раскоп 1. Помещение 3: А – западная бровка; Б – южная бровка

А

Б

Рис. 6. Городище Бабиш-мола. «Большой дом». Раскоп 1. Помещение 3: А – очаги; Б – нижний пол помещения

В западной части раскопа, за пределами здания, вплотную к внешнему фасу западной стены с целью определения ширины внешней стены и характера культурных напластований за пределами здания был заложен шурф до самого материка. В результате проведенных раскопок точно определена толщина западной стены здания – 2,2 м. Кроме того, установлено, что она была построена на пахсовом цоколе высотой 52–54 см, возведенный непосредственно на материке, уровень которого в шурфе зафиксирован на отметке -262 от реперной точки. Общая мощность культурных напластований за пределами здания равна 1,28 м. Непосредственно на поверхности материка залегает слой сравнительно рыхлого комковатого суглинка серо-коричневого цвета с небольшим количеством керамики и костей животных мощностью 37–50 см. Этот слой перекрывается кирпичным завалом различной плотности, образовавшемся в результате разрушения стены. Толщина слоя завала, вплотную примыкавшего к внешней стене, составляет 50–70 см (рис. 2).

В пределах раскопа частично открыты западные части трех помещений, которые были отделены от обводного коридора кирпичной стеной шириной 1,2–1,4 м.

Помещение 1. Пока установлена только его ширина по линии З–В – 3 м. Уровень пола в виде многочисленных, последовательно наслоенных глиняных обмазок (зафиксировано не менее 4) толщиной 2–3 см, зафиксирован на отметках -198–200 от реперной точки. В юго-западном углу помещения расчищен проход шириной 0,9 м, соединявший его с помещением 2, расположенным южнее. Стены были тщательно оштукатурены. Слой глиняной штукатурки толщиной 10–12 см (не менее 8 9 слоев) четко фиксируется на всех стенах. На некоторых из них хорошо видны следы побелки.

Стратиграфическая ситуация в этом помещении мало отличается от того, что было зафиксировано на западном отрезке коридора. Непосредственно на уровне пола залегает слой рыхлой комковатой серо-коричневой супеси толщиной 10–20 см, который перекрывается кирпичным завалом мощностью 1,4–1,5 м, также неоднородным: нижняя часть более плотная, верхняя более рыхлая (кирпичная крошка, мелкие фрагменты и целые сырцовые кирпичи). В восточной бровке раскопа отчетливо прослеживается довольно большая поздняя яма, диаметр по линии бровки 1,35–1,45 м (рис. 3). Заполнение ямы представляло собой слой рыхлого комковатого суглинка серого цвета с кирпичной крошкой и небольшим количеством керамики и костей животных. Яма глубиной 60 см была спущена с верхнего уровня кирпичного завала. Дно ее зафиксировано на отметке -135 от реперной точки. Следует отметить, что она частично уничтожила северную стену помещения 1. И слой завала, и поздняя яма были перекрыты слоями глинисто-песчаных натеков толщиной 30 см.

Помещение 2 располагалось к югу от помещения 1 и соединялось с ним проходом в северо-западном углу, шириной 0,9 м. Ширина (длина?) этого помещения по линии С–Ю 6,6–6,7 м. Таким образом, если оно было квадратным в плане, то площадь составляла немногим менее 50 кв. м.

Уровень пола в юго-западном углу помещения зафиксирован на отметке -206 от реперной точки. Ширина стен этого помещения равна 1,2–1,25 м. Так же, как и в помещении 1, стены были тщательно оштукатурены, на них сохранились следы побелки. Стратиграфическая картина, выявленная в помещении 2, немного отличается от той, что зафиксирована в помещении 1. Здесь на уровне пола, у северной стены и в центральной части отмечен плотный слой суглинисто-песчаных коричневых и красно-коричневых натеков толщиной 10–12 см (рис. 3). Кроме того, нижняя часть западной стены помещения явно была подмыта. Во всяком случае, четко прослеживается сравнительно глубокая (не менее 20–25 см) выемка в кирпичной кладке; подобные углубления образовываются тогда, когда в помещении долгое время стоит вода. Поверх этого слоя отмечен незначительный по мощности слой рыхлой супеси с кирпичной крошкой, максимальная толщина которого не более 12–14 см, который перекрывается слоем плотного кирпичного завала мощностью 1,6–1,7 м.

К югу от помещения 2 открыта часть помещения 3. В 2021 г. был выявлен его северо-западный угол. Расстояние между западной стеной этого помещения, ширина которой 1,3–1,35 м, и внешней стеной здания составляет 2,9–3 м, что соответствует ширине обводного коридора. Таким образом, западная стена помещения № 3 является внутренней стеной коридора, вернее, его юго-западного отрезка (рис. 1, А). Уровень нижнего пола в коридоре в этой части раскопа зафиксирован на отметках -209–212 от реперной точки. Непосредственно на уровне пола, представляющего собой плотную глиняную светло-серую обмазку толщиной не более 3–4 см, залегает слой кирпичного завала мощностью 40–45 см (рис. 4, А). Верхний уровень кирпичного завала, который зафиксирован на отметках -165–170 от репера, является жилым уровнем более позднего – второго – периода жизни памятника. С этого уровня в центральной части раскопа была спущена большая яма, точные размеры которой пока не определены, так как восточная ее часть уходит за линию центральной

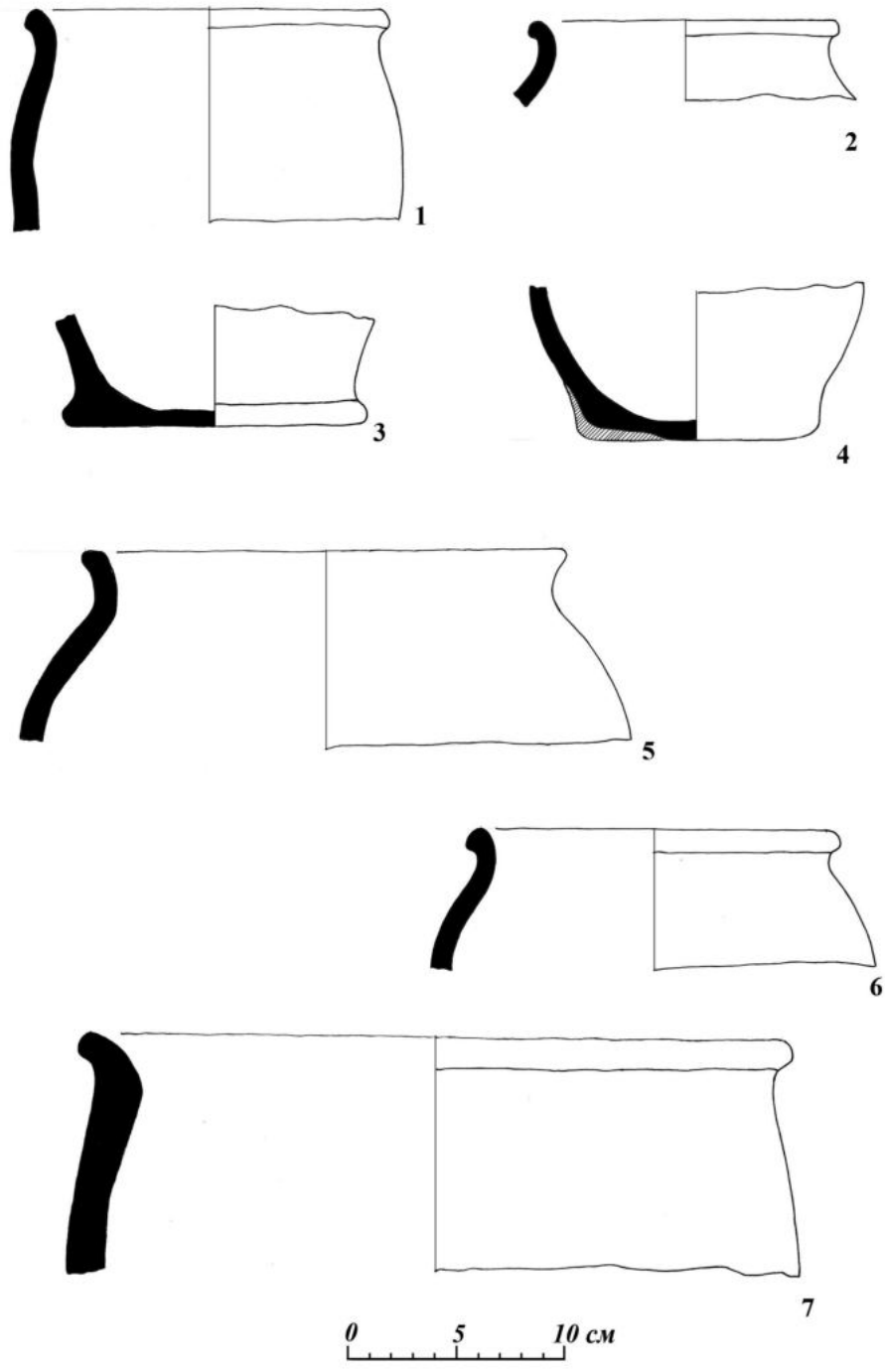

Рис. 7. Городище Бабиш-мола. Керамика

меридиональной бровки. При этом полностью был снесен юго-западный угол помещения № 3. Западная стена, верхняя часть которой была срублена в поздний период жизни здания, прослеживается на расстояние 0,8–0,85 м. Остатки южной стены помещения в пределах раскопа не зафиксированы, но в меридиональной центральной бровке раскопа, кажется, прослеживаются следы этой стены, сохранившейся на высоту не более 0,2 м. По линии широтной бровки яма прослеживается на расстоянии 2,65–2,78 м по линии 3–В. Заполнение ямы представляет собой слой рыхлого комковатого суглинка с невысоким содержанием золы и мелких древесных угольков (рис. 4, А).

Северную стену помещения № 3 (южная стена помещения № 2) удалось проследить на расстоянии 1,2–1,25 м от северо-западного угла помещения. Восточная часть этой стены также, как и культурные слои первого периода в восточной части помещения, была уничтожена поздней конструкцией. Возможно, здесь было каркасное (?) жилище, которое можно отнести к позднему, возможно, второму этапу первого периода жизни памятника.

Нижний уровень пола первого периода на отметках -203–208 от репера зафиксирован только в центральной части помещения, так как в восточной части он не сохранился. Нижний уровень каркасного жилища (?) зафиксирован на 10 см, а в северо-восточной части раскопа – на 20–25 см ниже уровня пола первого периода (рис. 4, Б). Непосредственно на нижнем уровне пола, довольно четко фиксирующегося в западной и центральной части помещения № 3 в виде плотной глиняной светло-серой обмазки толщиной не более 3–4 см (рис. 6, Б), залегает слой кирпичного завала, мощность которого на разных участках колеблется от 0,4 до 0,65–7 м (рис. 5, А, Б) и который соответствует этапу запустения и разрушения стен первого периода. Следует заметить, что, по всей видимости, каркасная (?) конструкция[2] была построена здесь до окончательного разрушения здания первого периода. Об этом, в частности, можно судить по стратиграфической ситуации, зафиксированной в восточной бровке раскопа, где культурные слои, залегающие на нижнем уровне поздней постройки (второй этап первого периода), перекрываются слоем кирпичного завала, соответствующего периоду разрушения стен здания (рис. 4, Б).

На уровне пола поздней постройки залегают слои рыхлой и плотной супеси серого цвета с достаточно высоким содержанием золы и мелкими древесными угольками, которые перемежаются зольными прослойками толщиной от 5–6 до 10–12 см. Общая мощность культурных напластований, которые по стратиграфическим данным можно отнести ко второму этапу первого периода, достигает 0,5–0,6 м (рис. 4, Б). Надо полагать, что поздняя конструкция была или круглой, или овальной в плане, но размеры ее пока не определяются. Во всяком случае, по всей видимости, ее северо-западная граница четко фиксируется по борту, который прослеживается в восточной части раскопа. Надо полагать, что на позднем этапе первого периода, когда строилось наземное жилище (если это действительно жилая постройка), частично была срублена восточная часть северной стены помещения № 3 и немного подрублен нижний пол помещения (рис. 1; 6, Б).

Следы жизни, относящиеся ко второму периоду жизни памятника, фиксируются по всей площади в южной части раскопа. Совершенно очевидно, что между первым и вторым периодом был некоторый временной перерыв. Во всяком случае, жилые уровни, относящиеся к позднему периоду, зафиксированы поверх слоя кирпичных завалов, образовавшихся в результате разрушения стен раннего здания. Так, в обводном коридоре (западная часть раскопа) самый нижний жилой уровень второго периода четко прослеживается на отметках -166–160 от реперной точки, в центральной части раскопа –на отметках -144–154 от репера. Самый поздний жилой уровень второго периода, на котором отмечены зольники и линзы органо-минеральных отложений, зафиксирован у внешней стены здания, в пределах обводного коридора на отметках -117–130 от реперной точки (рис. 4, А).

Безусловно, ко второму периоду, возможно, к самому позднему его этапу, относятся очаги, устроенные на внешней стене здания (рис. 1, А; 6, А). Это расположенные вплотную друг к другу два очага, которые представляют собой вырубленные в кладке стены небольшие прямоугольные углубления, обложенные по краям сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро. Размер северного очага составляет 45×40 см, южного – 30×65 см. Перед северным очагом in situ зафиксирована «Г»-образная в плане конструкция из постав-

[2]Каркасным жилищем эта конструкция пока названа условно, т. к. следов вертикальных столбов на этом участке раскопа не зафиксировано. Можно предполагать, что это была какая-то легкая наземная конструкция, возможно навес, но об этом можно будет говорить более конкретно только после расширения площади раскопа в восточном направлении

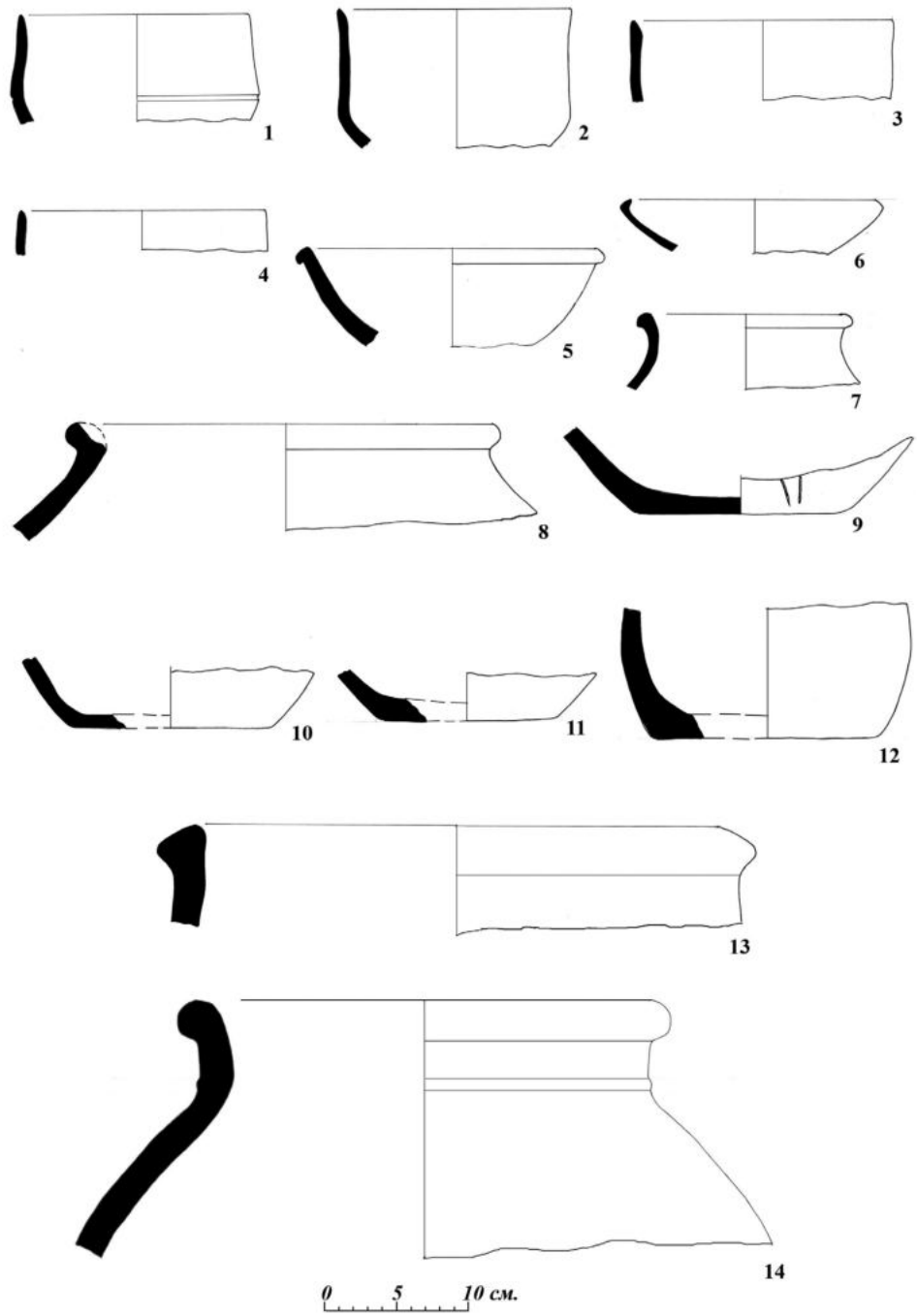

Рис. 8. Городище Бабиш-мола. Керамика

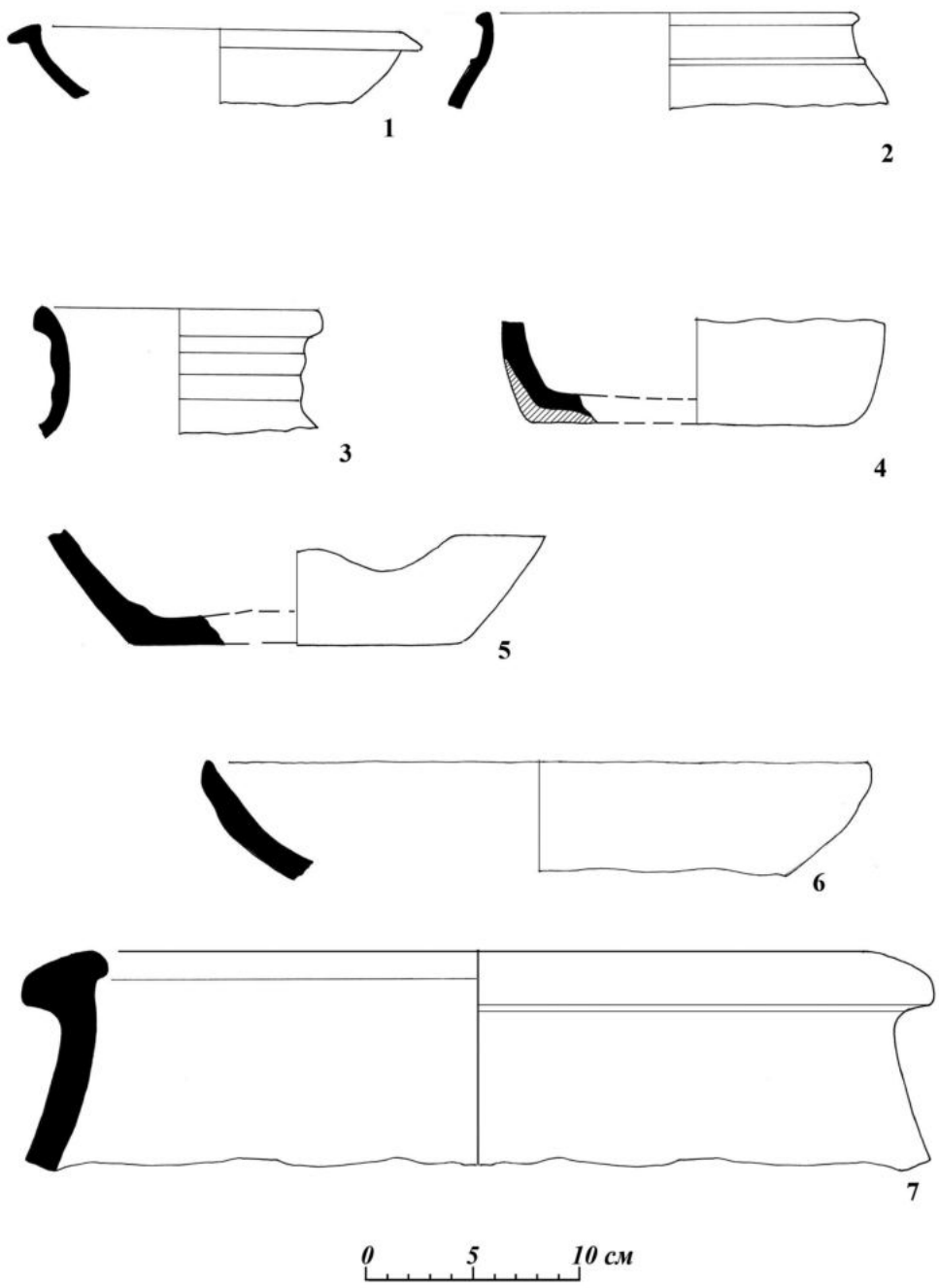

Рис. 9. Городище Бабиш-мола. Керамика

ленных на ребро сырцовых кирпичей, которую можно трактовать не иначе, как отражающий экран (рис. 1, А; 6, А). Уровень пола очагов зафиксирован на отметках -124–130 от реперной точки, то есть на самом жилом уровне второго периода. Весьма вероятно, что в этот период внешняя стена здания была уже основательно разрушена и очаги были устроены уже на развалинах.

Еще один очаг, относящийся к позднему периоду жизни здания, отрыт в помещении № 3 на уровне нижнего пола второго периода, который зафиксирован на отметках -150–152 от реперной точки, что соответствует верхнему уровню слоя кирпичного завала, образовавшегося в результате разрушения стен первого периода. Очаг зафиксирован в центральной меридиональной бровке раскопа. План его пока не выявлен. Судя по всему, это был прямоугольный напольный очаг шириной 58–60 см по линии бровки с боковыми стенками в виде поставленных на ребро сырцовых кирпичей (рис. 5, А).

В помещении № 3 выявлено по крайней мере два жилых уровня второго периода. Нижний, который зафиксирован на отметках -142–156 от репера, представляет собой хорошо утоптанную поверхность кирпичного завала, соответствующего этапу запустения и разрушения стен первого периода. На этом уровне залегает слой рыхлой комковатой супеси серого цвета с невысоким содержанием золы и мелкими древесными угольками. На этом же уровне отмечены незначительные зольники и зольные прослойки (рис. 5, А, Б), которые, вероятно, связаны с очагом у северной стены помещения. Верхнюю границу слоя комковатой супеси, которая зафиксирована на отметках -132–138 от реперной точки, условно можно считать верхним жилым уровнем второго периода. Во всяком случае, поверхность слоя на этом уровне не столь плотная, как на нижнем, но все-таки граница в бровке прослеживается достаточно отчетливо. На этом уровне залегает слой рыхлой комковатой супеси серого цвета с включениями карбонатов и небольшого количества мелких древесных угольков (рис. 5, Б).

Никаких капитальных построек второго периода в пределах раскопа не обнаружено. Надо полагать, что в этот период жизни памятника в юго-западной части здания был обширный двор с устроенными здесь же очагами. Северной стеной этого двора была капитальная южная стена помещения № 2 первого периода. Во второй период частично была срублена западная стена помещения № 3 (рис. 1, А), а поздняя яма, спущенная с нижнего пола второго периода, практически полностью уничтожила юго-западный угол этого помещения. Срубленная южная стена помещения № 3, кажется, прослеживается в западном фасе центральной меридиональной бровки раскопа. По всей видимости, к этому же периоду или, возможно, к позднему этапу второго периода относятся многочисленные ямы, вырубленные в стенах, которые отмечаются на всей площади раскопа (рис. 1, А).

Также ко второму периоду относится, по всей видимости, приставная стена с внутренней стороны внешней стены здания, толщиной в полкирпича (ширина не более 30 см), которая прослежена на расстоянии немногим менее 5 м в юго-западном секторе раскопа (рис. 1, А).

Таким образом, по стратиграфическим и планиграфическим данным, на основании исследований, проведенных в 2020–2021 гг., подтвердилась высказанная ранее гипотеза о по крайней мере двух периодах жизни дворцового комплекса на цитадели городища Бабишмола 1. Достоверно установлено, что между первым и вторым периодом обживания здания был некоторый, возможно, даже значительный, временной перерыв, за этот период основательно разрушились стены раннего здания. Здесь следует заметить, что в первый период существования памятника здание, безусловно, обживалось. Иначе трудно объяснить наличие нескольких слоев лессово-саманной штукатурки на стенах первого периода, причем на некоторых сохранились следы побелки (рис. 12).

О том, что между периодами обживания здания был определенный перерыв, красноречиво свидетельствует тот факт, что нижние полы или жилые уровни второго периода соответствуют верхней границе кирпичных завалов, образовавшихся в результате разрушения стен. Не вызывает также сомнения и тот факт, что в юго-западной части дворцового комплекса во второй период существования памятника был обширный двор, внутри которого имелись хозяйственные очаги. Причем жилой уровень двора был предварительно снивелирован. Об этом, в частности, можно судить по тому, что западная стена помещения № 3, которая, по всей видимости, возвышалась над верхним уровнем кирпичных завалов, была частично срублена.

В ходе работ 2021 г. удалось также – пока предварительно – установить, что на каком-то этапе первого периода, когда раннее здание было уже покинуто обитателями, но стены еще стояли, жизнь здесь не прекратилась. Об этом можно говорить, учитывая наличие какой-то легкой конструкции, возможно, каркасного жилища (?), часть которого открыта в восточной части раскопа (помещение № 3). О том, что эта конструкция

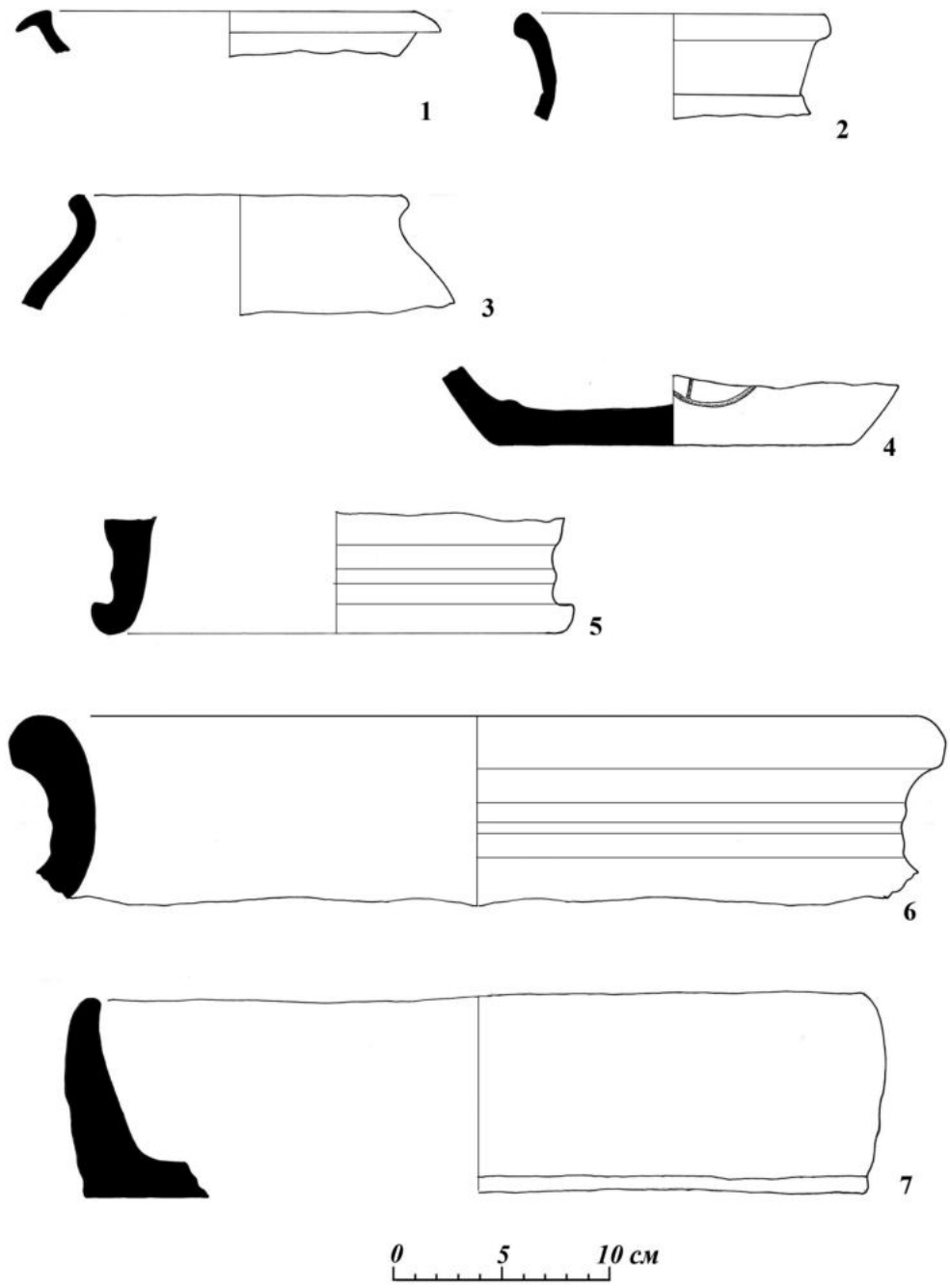

Рис. 10. Городище Бабиш-мола. Керамика

относится к финальному этапу первого периода, свидетельствуют стратиграфические данные. При сооружении этой постройки была частично срублена северная стена помещения № 2, и, что более существенно, кирпичные завалы, соответствующие времени окончательного разрушения стен раннего здания, залегают на культурных слоях, относящихся к периоду существования этой легкой постройки.

Таким образом, при условии дальнейшего расширения раскопок на памятнике есть возможность доказать, что первый период существования здания мог быть разделен на два этапа: первый этап – строительство здания и время интенсивного обживания всего комплекса; второй этап – запустение «Большого дома» и уход первых его обитателей, после чего комплекс частично заселяется уже другими людьми, и здесь строятся уже легкие постройки, навесы или, может быть, каркасные жилища. После этого здание окончательно забрасывается на неопределенный период, но спустя какое-то время развалины дворца обживаются вновь. Все эти события происходили в пределах двух – двух с половиной столетий в последней трети I тыс. до н.э. Здесь можно провести параллель с укрепленной усадьбой Баланды 1, где в ходе раскопок ЧРАЭ в 2014 г. были открыты остатки монументального кирпичного здания, строительство которого по каким-то причинам было прервано. Позднее рядом со зданием были возведены легкие каркасные постройки.

Единственным материалом, полученным в ходе раскопок памятника, на основании которого можно более или менее объективно датировать период его существования, является керамика. В ходе раскопок получен немногочисленный, но достаточно выразительный керамический комплекс, который включает в себя как керамику, изготовленную от руки (кухонная посуда), так и посуду, сформованную на гончарном круге (столовая, хозяйственная и тарная керамика). Следует заметить, что в 2021 г. основная часть фрагментов была найдена в культурных слоях, залегавших поверх кирпичных завалов, образовавшихся в результате разрушения стен первого периода. Небольшое количество невыразительных фрагментов керамических сосудов происходит из слоя завала. Таким образом, на основании этих данных можно с определенной степенью уверенности датировать второй период жизни памятника.

В группе лепной кухонной керамики в основном представлены горшки (рис. 7). Найден лишь один фрагмент довольно крупной глубокой жаровни (рис. 10, 7). Все эти сосуды являются характерными формами чирикрабатской кухонной посуды, в достаточном количестве представленной в керамических комплексах поселений Баланды, Бабиш-мола 7, 8 и других памятников чирикрабатской археологической культуры, обследованных ЧРАЭ.

В группе посуды, изготовленной с применением гончарного круга, также представлены фрагменты сосудов, по морфологическим и технологическим признакам, безусловно, являющимися характерными формами чирикрабатского керамического комплекса. К таковым, прежде всего, следует отнести крупные кувшиновидные сосуды и хумчи со сравнительно высокой горловиной, декорированной горизонтальным рифлением (рис. 9, 3; 10, 6), а также крупные кувшины без ручки со сравнительно низкой горловиной в виде раструба (рис. 10, 2). В то же время в комплексе выделяются формы столовой посуды, которая находит себе прямые аналогии в керамических комплексах эпохи эллинизма в южных областях Средней Азии [Шишкина 1975: 60–78]. Прежде всего, обращают на себя внимание небольшие тонкостенные красноангобированные столовые чаши с приостренным, загнутым внутрь резервуара верхним краем (рис. 8, 6), а также столовые чаши с резервуаром полусферической формы и резко отогнутым наружу верхним краем, который в археологической литературе часто называется «Г»-образным венчиком (рис. 9, 1). Кроме того, следует отметить фрагмент крупного, по всей видимости тарного, сосуда с массивным венчиком в виде уплощенного валика, верхний край которого оттянут внутрь сосуда (рис. 9, 7). Подобные сосуды достаточно хорошо известны в керамических комплексах III–I вв. до н.э., полученных в ходе раскопок на территории Согда, например, в комплексе Афрасиаб II. Также вызывает интерес фрагмент нижней части красноангобированного сосуда (возможно, поддона), который очень похож на нижнюю часть кратеровидного сосуда. В комплексах чирикрабатской керамики фрагменты кратеров, в общем, практически не встречаются. В то же время эта форма довольно хорошо представлена в древнехорезмийских керамических комплексах, например, в коллекции керамики культового комплекса Калалы-гыр 2, который датируется III–II вв. до н.э. [Болелов 2004: 134].

Учитывая приведенные выше параллели, а также присутствие в коллекции сосудов явно эллинистического облика, этот керамический комплекс и, соответственно, второй этап обживания памятника вряд ли можно датировать периодом ранее начала или первой половины III в. до н.э. Принимая во внимание это предположение, время строительства комплекса и, надо полагать, первую, возможно, кратковременную фазу

обживания здания следует отнести к более раннему периоду. Однако для установления абсолютных дат начального этапа существования «Большого дома» необходимо получить более представительный археологический комплекс, безусловно, происходящий из культурных слоев первого периода.

ЛИТЕРАТУРА

Болелов С.Б. Керамика // Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э. М.: Вост. литература, 2004. 286 с., илл., карты.

Курманкулов Ж., Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. Археологические исследования на городище Бабиш-Мола 1 в 2018 году // Маргулановские чтения 2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Гл. ред. Б.А. Байтанаев, отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 301–316.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 328 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Вост. литература, 1962. 324 с.

Толстов С.П., Воробьёва М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 году // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 году. МХЭ. М.: изд-во АН СССР, 1960. Вып. 4. С. 3–63.

Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. МХЭ. М.: изд-во АН СССР, 1963. Вып. 6, I. С. 3–91.

Шишкина Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2. С. 60–79.

Ж.Р. УТУБАЕВ
М.С. ШАҒЫРБАЕВ

Жанболат Раимқұлұлы Утубаев,
utubaev_z@mail.ru,
Мамбет Сапарбекұлы Шағырбаев,
mambet__87@mail.ru
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

БӘБІШ МОЛА 7 АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ КЕШЕНІНЕН ТАБЫЛҒАН ЖАНУАР СҮЙЕКТЕРІН ЗЕРТТЕУДІҢ КЕЙБІР НӘТИЖЕЛЕРІ

(2021 ж. қазба материалдары бойынша)*

Аннотация. Мақалада 2021 ж. Бәбіш мола 7 археологиялық кешеніндегі қазба жұмыстары кезінде табылған жануар сүйектерін зерттеудің кейбір қорытындылары беріледі. Остеологиялық материалдарды зерттеу археозоологиялық әдістерге сай жүргізіліп, жануар түрі, қаңқа элементтері мен бөліктері және жас ерекшеліктері анықталды. Жалпы саны 717 дана сүйек зерттеліп, 600-ге жуығы нақты түрге ажыратылды. Остеологиялық материалдардың ішінде үй жануарлары басым және бірнеше жабайы жануар сүйектері де кездесті. Бәбіш мола қаласының остеологиялық материалдары 2019 ж. бастап тұрақты зерттеліп, ғылыми жарияланымға ұсынылып келе жатқандықтан, соңғы төрт жылда жиналған материалдарға салыстырмалы/қорытынды талдау жасалды. Зерттеу нәтижесінде, ескерткіш тұрғындарының шаруашылығында уақ мал негіз орын алса, жылқы мен ірі қараның мөлшері өзара ұқсас екендігі белгілі болды. Зерттеу барысында Сырдария өңірінің фаунасы сипатталып, олардың ерте темір дәуіріндегі мекендеу ареалдары анықталады. Жас ерекшелігі бойынша бірнеше топ (жас, ересек және кәрі жануарлар) байқалады. Қаңқа элементтерінің ішінде модификациялауға ұшыраған сүйектер әрбір жануар түрі бойынша жеке қарастырылады.

Түйін сөздер: Сырдария, Жаңадария, ерте темір дәуірі, Бәбіш мола 7 кешені, остеология, археозоология, ежелгі фауна

Некоторые результаты исследование костных остатков животных, найденных в археологическом коплексе Бабиш мола 7 (по материалам раскопок 2021 г.)

Аннотация. В статье приводятся некоторые результаты по изучению костей животных, обнаруженных во время археологических раскопок, проведенных в 2021 г. на археологическом комплексе Бабиш мола 7. Исследование костных остатков проводилось методами археозоологии: определялся видовой состав животных, состав элементов и отделов скелета, возрастные особенности. Всего изучено 717 костей и около 600 экз. костей определено до вида. Среди остеологических материалов доминировали домашние животные, а также были найдены костные остатки диких животных. Остеологические материалы из городища Бабиш-мола с 2019 г. систематически изучались и были опубликованы. По этому проведен сравнительный анализ собранных материалов за последние 4 года. В результате выяснилось, что в хозяйстве жителей памятника преобладает мелкий рогатый скот, а число лошадей и крупного рогатого скота сходно между собой. В ходе исследования была описана фауна Сырдарьинского региона, выявлены ареалы их обитания в ранном железном веке. Проанализирован возраст забитого скота среди домашних животных. Среди элементов скелета кости, подвергшиеся модификации, рассматривались индивидуально по каждому виду животного.

Ключевые слова: Сырдарья, Жанадарья, ранний железный век, комплекс Бабиш-мола 7, остеология, археозоология, фауна

© 2022 Утубаев Ж.Р., Шағырбаев М.С.
**Жұмыс Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің гранттық қаржыландыруы бойынша № AP09260367 жобасы аясында орындалды.*

Some results of the study of bone remains of animals found in the archaeological complex Babish Mola 7 (based on the materials of excavations in 2021)

Abstract. The article presents some conclusions from the study of animal bones found during the archaeological excavations in 2021 in the archaeological complex Babish Mola 7. The study of the bone remains was carried out using the appropriate methods of archaeozoology: the species composition of the animals, the composition of the elements and divisions of the skeleton, and the age characteristics were determined. A total of 717 bones and about 600 specimens were examined, determined according to their shape. Domestic animals dominated among the osteological material, but some bones of wild animals were also found. Since 2019, the osteological material from the Babish mola settlement has been systematically studied and published. Accordingly, a comparative analysis of the collected materials from the last four years was carried out. It was found that the agriculture of the inhabitants of the monument is dominated by small livestock, and the number of horses and cattle is approximately balanced. As part of the study, the fauna of the Syrdarya region was described, its habitats in the early Iron Age were identified. For domestic animals, the age of the slaughtered cattle is analysed. For skeletal elements, the bones that underwent a change were considered separately for each animal species.

Keywords. Syrdarya, Zhanadarya, early Iron Age, Babish-mola 7 complex, osteology, archaeozoology, ancient fauna

Кіріспе. Сырдария өңірінің ерте темір дәуіріндегі палеоэкономикасы, тұрғындардың шаруашылығы мен аңшылығы туралы мәліметтер соңғы жылдары Шірік рабад мәдениетіне тиесілі ескерткіштердің остеологиялық материалдарын зерттеу нәтижелерімен толығып келеді. Шірік рабад мәдениетіне тиесілі археологиялық ескерткіштерден табылған жануар сүйектерінің жүйелі түрде зерттелуі, ежелгі тұрғындардың шаруашылығы мен аңшылық дәстүрлері туралы дұрыс тұжырымдар жасауға мүмкіндік береді.

Зерттеу жұмысының мақсаты 2021 ж. анықталған жануар сүйектерін соңғы төрт жыл (2018–2021 жж.) көлемінде табылған остеологиялық материалдармен бірге қарастыру арқылы, Сырдария өңірінің ежелгі дәуірдегі шаруашылығына салыстырмалы талдау жүргізу.

Қазба туралы мәлімет. Сырдариядан бөлініп шыққан Жаңадария арнасының оң жағалауында орналасқан Бәбіш мола елді мекенінде 2021 ж. зерттеу жұмыстары жалғасын тапты (1-сур.). Аталған елді мекенде, қала орталығы болған Бәбіш мола 1 қалашығы, өндіріс ошағы деп есептелетін Бәбіш мола 7 қонысы және т. б. ескерткіштер орналасқан.

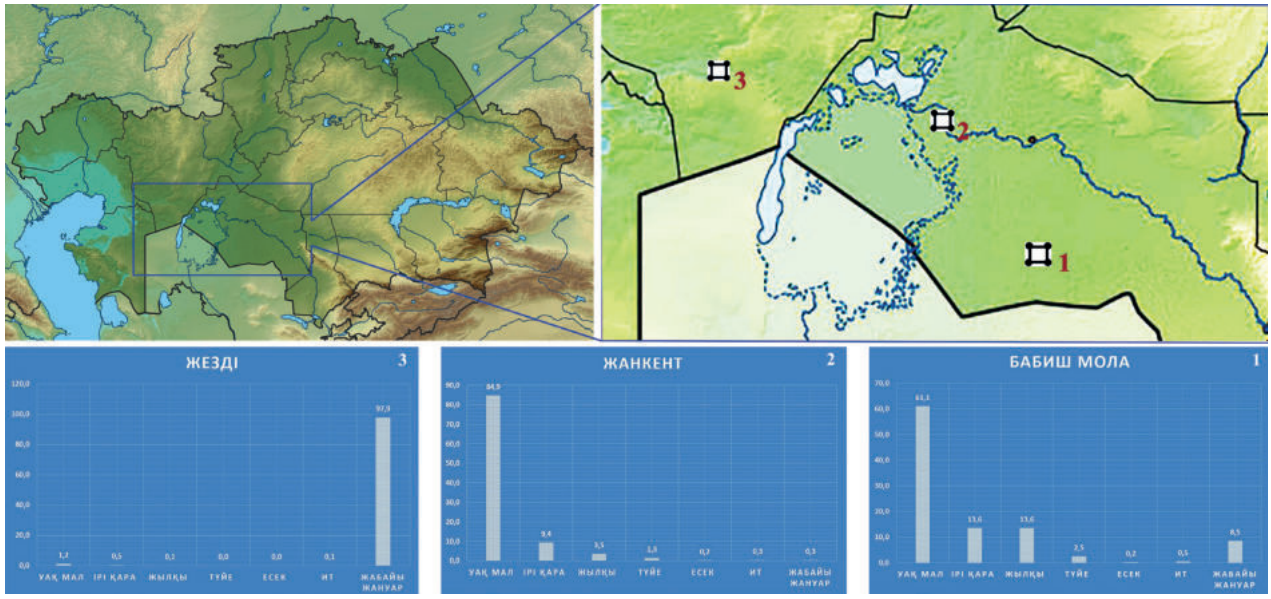
Алғашқы қазба жұмыстары Бәбіш мола қалашығындағы цитадельдің орталығында орналасқан «Үлкен үй» деп аталатын сарайда жүргізілді. Бастапқы зерттеулерді, 1960-шы жылдарының басында Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы (отряд жетекшісі М.Г. Воробьева) жүргізген [Толстов и др. 1960: 40]. Сол уақытта бірнеше маусымда монументалды ғимараттың шығыс бөлігі толығымен ашылған болатын. 2018 ж. Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты Шірік рабат археологиялық экспедициясы ғимараттың солтүстік-батыс бөлігінде қазба жұмыстарын жалғастырып келеді.

2021 ж. жалпы ауданы 70 шаршы метр болатын зерттеу жұмыстары ғимараттың оңтүстік-батыс бөлігінде жүргізілді. Қазбаның тереңдігі 0,5 м-ден 2 м-ге дейін жетеді. Жұмыс барысында № 2 бөлменің оңтүстік-батыс бөлігі және осы бөлмеден оңтүстікке қарай тағы бір № 3 аталатын бөлме тазартылды, сондай-ақ батыс және оңтүстік-батыс учаскелерінен айналма дәліз ашылды. Бөлмелер мен айналма дәлізде ошақ орындары сақталған. Стратиграфиялық мәліметтер бойынша, қазбаның солтүстік-батыс секторындағы ескерткіштің өмір сүруінің екі негізгі кезеңі анықталды. Қазба барысында керамикалар мен жануар сүйектері кездесті.

Келесі ескерткіштің бірі – Бәбіш мола 7 қонысында 2015 жылдан бері қазба жұмыстары жүргізіліп келеді [Утубаев, Болелов 2016: 56–63].

Ескерткіш Бәбіш мола қалашығынан оңтүстік-шығысқа қарай 5 км жерде, кеуіп қалған арнаның бойында орналасқан. Жалпы аумағы 1,6 га – 450×350 м жерді алып жатыр. Қоныстың орнын жіті зерттеу барысында 9 пештің орны мен бірнеше тұрғын үйлер мен шеберханалардың орны анықталған болатын.

2021 ж. маусымда № 8 деп берілген жаңа қазба салынды. Қазба жұмыстары барысында екі құрылыстың орны анықталды. Салыстырмалы түрде ерте кезеңге жататын бірінші құрылыстан қабырғалары пахсадан тұрғызылған тұрғын бөлмелер (№ 1–2, 6) және жер үсті типтегі шаруашылық үй-жайлар (№ 3) анықталды. Ал, екінші құрылыс горизонтына жер үсті типіндегі үй-жайлар жатады. Бөлмелерден баған шұңқырлары

1-сур. Үш ескерткіштегі үй және жабайы жануарлардың өзара қатынасы (%)

көптеп кездесті. Бұл ерте құрылыс горизонтындағы үйлерді тұрғындар тастап кеткеннен кейінгі, жер үсті типіндегі үйлердің орны болды деп болжауға негіз болып отыр. Құрылыс горизонттары керамикалық материалдармен ерекшеленбейді, бұл екі горизонтты бөлетін көп емес хронологиялық аралықты білдіреді.

2021 ж. Бәбіш мола 7 қонысына жүргізілген археологиялық зерттеулердің нәтижелері бойынша қазба ішінде тұрғын және өндірістік үй-жайларды біріктіретін ірі тұрғын үй өндірісінің бір бөлігі ашылды деп болжауға болады. Бұл Бәбіш мола 7 қонысындағы өмір өте ұзақ уақытқа созылды деп болжауға негіз береді, ал кейінгі кезеңде көзешілер қонысы ретінде жұмыс істемеген болуы мүмкін, алайда тұрғындар көзешілер қалдырған күрделі тұрғын үйлер мен өндірістік үй-жайларда жай ғана мекендеген болса керек.

Үйлердің орнындағы ошақтар мен шаруашылық шұңқырларын тазарту барысында ас үйлік, шаруашылық ыдыстар және жануар сүйектері табылды.

Бәбіш мола қаласының остеологиялық материалдары туралы алғашқы деректер С.П. Толстовтың зерттеулерінде көрініс табады. Автор Бәбіш мола қаласындағы шартты түрде «Үлкен үй (Большой дом)» деп аталған құрылыстың бөлмелерінің бірінен қойдың бас сүйектері мен 105 дана асық табылғанын жазады [Толстов 1962: 165]. Осы құрылыс орнының басқа нысанынан 2018 ж. 90-ға жуық ақбөкен асықтарының жиыны анықталды [Шагирбаев, Утубаев 2019а: 79–116].

Бәбіш мола қаласынан 2017 ж. табылған 507 дана жануар сүйегіне палеозоолог Д.О. Гимранов талдау жүргізген. Зерттеу барысында остеологиялық материалдардың басым бөлігі үй жануарларына тиесілі болса, аздаған бөлігі арқар, ақбөкен және қоян сүйектері екендігі анықталған [Гимранов 2017].

2018–2020 жж. анықталған жануар сүйектеріне М.С. Шағырбаев археозоологиялық зерттеулер жүргізіп, бірқатар нәтижелері ғылыми айналымға енді [Шагирбаев, Утубаев 2019б: 382–391; Байшашов, Шагирбаев 2019: 100–107; Утубаев, Шагирбаев 2020: 354–363; 2021а: 83–93].

Материал және зерттеу әдістері. Остеологиялық материалдар Бәбіш мола қаласындағы «үлкен үйде» және «көзешілер елді-мекенінде» жүргізілген қазба жұмыстары кезінде жинап алынған.

2021 ж. қазба жұмыстары кезінде анықталған 717 дана жануар сүйегі зерттеліпі, оның ішінде 568 данасы (79,2%) нақты түрге ажыратылды (1-кесте). Өте қатты ұсақталған сүйек қалдықтардың ішінде жануар түрін анықтауға келмейтін элементтердің таксономиялық рангі сипатталды (мысалы: құс және үйрек сүйектері – М. Шағырбаев).

2021 ж. табылған остеологиялық материалдардың басым бөлігі үй жануарларына тиесілі болғанымен, материалдардың ішінде бірқатар жабайы жануарлар

да кездесіп отыр: ақбөкен (Saiga tatarica), арқар (Ovis ammon), қабан (Sus scrofa), құлан (Equus hemionus) және қоян (Lepus tolai). Сонымен қатар, құс (Aves in.) сүйектерінің ішінде тауық (Gallus gallus) және үйрекке (Anas in.) тиесілі қаңқа элементтері анықталды.

Тұяқты жануарлардың қаңқа қалдықтары мен анықтауға келмейтін сүтқоректі жануарлардың қаңқа элементтері де қазбаның барлық кезеңінен табылған. Бұл мәліметтер біздің ортақ остеологиялық кешенмен жұмыс жасап отырғанымызды көрсетеді.

Жануар сүйектерін талдау археозоологиялық зерттеулердің стандартты әдістеріне сай жүргізіліп, остеологиялық материалдар жануар түрлеріне, қаңқа элементтеріне, жас ерекшеліктеріне қарай топталды.

2-ші суретте көрсетілген жануарлардың қаңқа элементтерінің құрамында «бас бөлігіне»: мүйіз, жоғарғы жақ сүйек, төменгі жақ сүйек, жеке тістер енеді (2-сур.). «Омыртқа» бөлігіне: атлант, эпистрофей, мойын, кеуде, бел омыртқалары мен құйымшақ енеді. «Тарза-карпальды» сүйектерге: өкше сүйегі, асықтар мен буын сүйектерінің барлығы кіреді. Қалған элементтер жеке сүйек атауымен көрсетілген (жауырын, тоқпан жілік, кәрі жілік, жамбас, сан жілік, асықты жілік, метаподия, фалангалар).

Үй жануарларының қаңқа бөліктерінің өзара қатынасын талдауда «мүйіз», «бас», «кеуде», «аяқтың жоғарғы бөлігі» және «аяқтың төменгі бөлігі» деп жүйеленді (2-кесте). «Бас» бөлігіне бас сүйектің фрагменттері, төменгі жақ сүйек, тіл асты сүйегі (os hyoideum) жатады. «Тіс» бөлігіне барлық жеке сақталған тістер енді. «Кеуде» бөлігіне негізінен ось бойындағы омыртқалар, төс, құйымшақ және

1-кесте – Бәбіш мола 7 кешенінің мәдени қабатынан 2018–2021 жж. анықталған жануар сүйектерінің таксономиялық құрамы

Таксон	Қазба жүргізілген жылдар				Барлығы
	2018	2019	2020	2021	
Уақ мал– *Capra et Ovis*	0	22*/2**	1/1	277/20	300/23
Қой– *Ovis aries*	41/11	5/1	241/18	113/10	400/40
Ешкі – *Capra hircus*	68/13	2/1	28/4	21/5	119/23
Ірі қара– *Bos taurus*	24/5	9/1	71/7	78/5	182/17
Жылқы– *Equus caballus*	9/2	2/1	138/9	33/5	182/17
Түйе– *Camelus bactrianus*	0	5/1	19/3	9/2	33/6
Есек – *Equus asinus*	0	3/1	0	0	3/1
Ит – *Canis familiaris*	0	0	1/1	6/2	7/3
Ақбөкен – *Saiga tatarica*	0	5/1	27/3	16/2	48/6
Арқар – *Ovis ammon*	0	0	0	1/1	1/1
Қабан – *Sus scrofa*	0	0	0	1/1	1/1
Құлан– *Equus hemionus*	0	7/1	10/2	4/1	21/4
Түлкі – *Vulpes vulpes*	1/1	0	8/1	0	9/2
Қарсақ – *Vulpes corsac*	0	0	3/1	0	3/1
Қоян – *Lepus tolai.*	0	0	0	9/3	9/3
Ірі сүтқоректі	0	0	19	59	78
Ұсақ сүтқоректі	0	4	38	70	108
Тауық – *Gallus sp.*	0	0	0	6	6
Үйрек – *Anas in.*	0	0	0	2	2
Құс – *Aves in.*	1	0	1	12	14
Жиыны (дана)	144/32	64/10	605/50	717/58	1530/150
Ескерту: *сүйек саны; **жануар саны					

қабырғалар жатқызылды. «Аяқтың жоғарғы бөлігіне» жануардың «етті» бөлігі болып есептелетін жауырын, жамбас, тоқпан жілік, кәрі жілік, шынтақ сүйегі, сан жілік, асықты жілік және тобық сүйектері кіреді. «Аяқтың төменгі бөлігіне» жануардың «етсіз» бөлігі саналатын аралық сүйектер немесе карпальды және тарзальды сүйектер, сесамоидты сүйектер, сирақ және фалангалар (тұсамыс, топай, тұяқ) енеді.

Сүйектерді жануар түрлеріне қарай ажыратуда А.И. Акаевскийдің жануарлар анатомиясына арналған еңбегі [Акаевский 2005: 103–124], жеке қаңқа элементтерін сипаттауда К. Жаңабеков және Е. Мақашевтің жануарлар анатомиясына арналған әдістемесі [Жаңабеков, Мақашев 1996: 18–58] басшылыққа алынады. Үй жануарларының сүйектеріндегі эпифиздердің диафиздермен бірігуі жағдайын анықтауда және жануар жасына қатысты тұжырым жасауда В.И. Цалкиннің зерттеулеріндегі [Цалкин 1967: 114–119] мәліметтер салыстырмалы түрде қолданылады.

Кейбір уақ мал сүйектері модификацияға ұшырау үдерістері бойынша зерттелді. Зерттеу сүйектегі остеофагия белгілерін анықтау бойынша жүргізілді. Остеофагия – бұл көбіне тұяқты үй жануарларында сүйекті кеміру тәжірибесі. Негізгі себебі, жануарлардың қорегі болып табылатын өсімдіктерде фосфат жеткілікті мөлшерде болмағанда, жануарлар өзіне қажеті фосфор мен кальцийдің жетіспеушілігін болдырмау үшін, сүйектерді шайнап, үгітіп жібереді [Рассадников 2017: 163]. Бұл үй және жабайы жануарларда туа біткен мінез құлық деп саналады.

Жануар түрлеріне сипаттама

Уақ мал – Ovis aries et Capra hircus. 2021 ж. табылған материалдың ішінде 113 сүйек – қойға, 21 сүйек – ешкіге және 277 сүйек – уақ малға (қой-ешкі) тиесілі деп анықталды (1-кесте). Жануарлар анатомиясында қой ешкі сүйектерін анықтаушы белгілер болғанымен, оларды көп жағдайда байқауға мүмкіндік бола бермейді. Сонымен қатар, археологиялық қазба барысында табылған жануар сүйектерінің басым бөлігі сынып, бөлшектенген күйі кездесетіндіктен, жоғарыда айтқан белгілер сақталмайды. Мұндай жағдайда сүйек тіні (костная ткань), элемент атауы, қаңқа бөлігі деңгейіне дейін анықталып, нақты жануар түріне (қой-ешкі) емес, жалпы атаумен «уақ мал» деп көрсетіледі.

Уақ малға тиесілі сүйектердің басым бөлігі (76,6%) бөлшектенген. Қаңқа бөліктері біркелкі емес, «кеуде» және «аяқтың жоғарғы бөлігі» яғни нағыз «етті» бөліктерге тиесілі сүйектер саны басым (2-кесте). Аяқтың төменгі бөлігіне тиесілі сүйектер (сирақ, фаланга) саны жағынан үшінші орында. «Бас бөлігі» мен «жеке тістер» сирек кездеседі.

Сойылған жануарлардың арасында 4 түрлі жас ерекшелігі анық байқалады (3-сур.). Саны жағынан ең көбі кәрі жануарлар, екінші орында ересек қой-ешкі, үшінші жас жануарлар, соңғы орында жас қозы-лақ сүйектері. Нақты эмбрионға тиесілі элементтер санаулы ғана анықталды. Бұл мәліметтер бәбішмолалықтардың уақ малды ет және жүн-тері өнімдерін алу үшін кешенді түрде пайдаланғанын көрсетеді.

Модификацияланған сүйектер. Уақ малға тиесілі қаңқа элементтерінің бірқатарында өзгерістер бар екені анықталды. 3 дана сүйек өртенген, алайда толық ақ/ақ-сұр түсті кальцинацияға айналмаған. 1 дана қойға тиесілі жоғарғы жақ сүйектің альвеолярлы қатарында тістердің дұрыс шайнамаудан қалған патологиялық белгілері байқалды (тіс қатары бір деңгейде емес – Ш.М.). Альвеолярлы қатардағы патологияның шығу себептері түрлі факторға негізделуі мүмкін. Алайда, көп жағдайда жануардың қорегінде қатты өсімдіктер мөлшері артқанда тіс қатарында өзгерістер қалыптасады. 3 сүйекте жыртқыш жануардың немесе иттің мүжуінен қалған іздер сақталған. 3 дана сүйекте коррозия іздері бар, әдетте мұндай белгілер топырақ қабатындағы ылғал мөлшерінің өзгеруінен көбірек болады. 6 сүйекте өңдеуден қалған іздерді көруге болады. Оның ішінде, уақ малға тиесілі 2 дана кәрі жілік диафизі проксимальды бөлігіне жақын жерден тесілген. Қойға тиесілі 3 дана асықтың каудальды және латеральды бетінде жіңішке сызықтар түсірілген. мұндай белгілер Бәбіш мола ескерткішінен бұрын да анықталған [Шагирбаев, Утубаев 2019: 98, 100]. Онда ақбөкен асықтарының каудальды бетінде әртүрлі сызықтар мен белгілер салынған. 1 дана ешкінің артқы сирағының диафизінде арнайы тесік жасалған. 1 дана уақ мал сүйегінде тұяқты жануарлардың шайнауынан (остеофагия) қалған іздер байқалады.

Салыстырмалы талқылау. Бәбіш мола қаласы мен оның аумағындағы көзешілер елді-мекеніндегі қазба жұмыстары барысында уақ мал сүйектері саны бойынша ең көп табылып отыр. 2018 ж. уақ мал сүйектерінің ішінде ешкі сүйектері басым болды. Біздің ойымызша, бұл қазба жұмыстарының тек белгілі бір нысанды қамтуымен байланысты. Себебі, одан кейінгі жылдары жүргізілген зерттеулерде ешкі сүйектері қой сүйектеріне қарағанда аз анықталды. Мұндай мысалды қой сүйектеріне қатысты да көруге болады. Мысалы, 2020 ж. зерттеуде қой сүйектері басқа жануарларға қарағанда ең көп анықталған элементтер болып табылады.

Ежелгі тұрғындардың шаруашылығында уақ мал негізгі орын алған болса, оның ішінде қойға көбірек мән берген. Ешкінің «отардағы» мөлшері аса көп болмаған. Мысалы 2018–2021 жж. материалдарды жалпы алып қарайтын болсақ, 819 дана уақ мал сүйегі кемінде 86 бас қой мен ешкіге тиесілі болса, оның ішінде ешкінің үлесі 26,7% құрайды. Алайда, уақ мал сүйектерінің ішінде ешкіге тиесілі элементтер болуы мүмкін екендігін жоққа шығармаймыз. Қазіргі таңда соңғы 4 жылда жинақталған уақ мал сүйектерінің мөлшерін репрезентативті деп атауға болады. Яғни, археозоологиялық түсінікпен алғанда, жиналған материалдың көлемі кемінде 400 анықталған сүйектен асса, келтірілген пайымдаулар шындыққа жақындай түседі. Әрине, бұл пікіріміз салыстырмалы түрде айтылып отырғанын ескертеміз. Дегенмен, Бәбіш мола кешеніндегі алдағы зерттеулерде де уақ мал сүйектерінің ішінде қойға тиесілі элементтердің басымдығы сақтала беруі әбден мүмкін.

Ірі қара – Bos taurus. Аталған түрге кемінде 5 жануардан тарайтын 78 дана сүйек тиесілі (1-кесте). Ірі қара сүйектері жалпы үй жануарларының ішінде 13,7% құрайды. Остеологиялық материалдың басым бөлігі (79,4%) бөлшектеніп, сындырылған. Ірі қараға тиесілі бүтін сүйектер көбіне – жеке тістер, асық, өкше сүйегі, карпальды/тарзальды және фаланга секілді ұсақ, «куб» тәріздес сүйектер. Үшінші бөлім (autopodium) сүйектерінің ішінде 3 дана алдыңғы сирақ (metacarpus) бүтін күйінде анықталды.

Ірі қара сүйектерінің қаңқа бөліктері бойынша қатынасы біркелкі емес. Қаңқаның 3 бөлігі (кеуде, аяқтың жоғарғы және төменгі) басқа сүйектердің шамамен 80% құрайды (2-кесте). Мүйіз фрагменттері мүлдем кездеспесе, «бас бөлігі» мен жеке тістер өте сирек анықталды. Бұл мәліметтер тұрғындардың ірі қараның негізгі «етті» бөлігі саналатын: жамбас (os coxae), сан жілік (femur), асықты жілік (tibia), жауырын (scapula), тоқпан жілік (humerus), кәрі жілік (radius), омыртқа (vertebra) мен қабырға (costae) секілді элементтерін көбірек тұтынғанын көрсетеді. Ал, аяқтың төменгі бөлігіне тиесілі сирақтар (Mc III IV / Mt III IV) мен топай (Ph1-3) сүйектерінің көп кездесуін, жұптұяқты (Artiodactyla) жануарлардың аталған бөліктегі еті мен сіңірлері тағам ретінде тұтынуға өте қолайлы болуымен түсіндіреміз. Мұндай ерекшеліктер жұптұяқтылар отрядына жататын уақ мал сүйектерінен де байқалады.

Сойылған жануарлардың ішінде 2 жас ерекшелігі анық көрінді: жас және ересек жануарлар (3-сур.). Ірі қара сүйектерінің арасында эмбрион, жаңа туған төл немесе кәрі сиырдың қаңқа элементтері кездеспеді. Қолда бар материалдар бойынша, «ежелгі тұрғындар ірі қараны «ет өнімін алу» мақсатында қолда ұстаған» деп тұжырым жасауға болады.

Модификацияланған сүйектер. Ірі қара сүйектерінің арасында модификацияланған сүйектер өте сирек кездесті. Жалпы материалдардың ішінде 4 дана ірі қара сүйегінде жыртқыш жануардың немесе иттің кеміруінен қалған тіс іздері байқалады. 1 дана бірінші топай сүйегі (Ph1) отқа өртенген. Төменгі жақ сүйекке тиесілі азу тістің қабысу бетінде (смыкательная поверхность) патологиялық белгілер сақталған. Тістегі бұл өзгерістің этиологиясын нақты айту қиын.

Салыстырмалы талқылау. Бәбішмолалықтардың шаруашылығында үй жануарларының ішінде екінші орында нақты қандай жануар болғанын айту қиын. 4 жылдық (2018–2021 жж.) остеоматериалдар саны репрезентативті деп айтуға келмейді. Ірі қараға тиесілі 182 дана қаңқа элементтері кемінде 17 бас сиырға тиесілі. Жануар санының аздығы ежелгі тұрғындардың ірі қараны қаншалықты пайдаланғанын сипаттауға жеткіліксіз. Салыстырмалы түрде, ірі қара сүйектері қазба жүргізілген жылдардың барлығында да анықталып отырды. Ал, саны жағынан алғанда жылқыдан аса көп айырмашылықтарға ие болған жоқ. Тек 2020 ж. қазба жұмыстары кезінде жылқы сүйектері басым болғанымен, жануар санына шаққанда, сиыр мен жылқы саны өзара ұқсас. 2018, 2019 және 2021 жж. жүргізілген зерттеулерде ірі қара сүйек саны бойынша уақ малдан кейінгі екінші орында, ал жануар саны бойынша көбіне жылқымен бірдей мөлшерде анықталды. Әзірге Сырдария өңіріндегі ескерткіштерден үй жануарлары ең көп анықталғаны тек ортағасырлық Жанкент қаласы ғана болып отыр (1-сур.). Ондағы жануарлардың ішінде ірі қара сүйек және жануар саны бойынша уақ малдан кейінгі екінші орында [Гайдученко 2014: 162].

Жануардың жас ерекшелігінде барлық уақытта (2018-2021 жж.) ересек жануардың сүйектері негізгі орын алып отыр. Тек соңғы екі жылда (2020-2021 жж.) ересектер тобына аз мөлшерде жас сиырлар (сүйектер) қосылады. Бұдан шығатын қорытынды, бәбішмолалықтар ірі қараны жас (1-1½ жас) және ересек (2 3 жас) аралығында көбірек сойған. Жалпы 2018 2021 жж. анықталған 17 бас ірі қараның 11-і ересек сиырлар болса, 6-ы жас сиырлар. Қазіргі материалдар бойынша, бәбішмолалықтар ірі қараны көбіне ет өнімдерін алу үшін қолда ұстаған деп тұжырым жасауға негіз бар.

Жылқы – Equus caballus. Аталған түрге кемінде 5 жануардан тарайтын 33 сүйек тиесілі (1-кесте). Басқа үй жануарлары секілді жылқы сүйектерінің де басым

(84,8%) бөлігі бөлшектеніп, сындырылған. Жалпы материалдардың ішінде тек 5 дана сүйек бүтін кездесті: тұрақты азулар (m1-3), күрек тіс (dentes incisivi), атлант (atlas), карпальды сүйек және 1-ші фаланга.

Қаңқа бөліктері бойынша «кеуде» (омыртқа және қабырға) және «аяқтың жоғарғы» бөлігіне тиесілі элементтар басым (2-кесте). Бас сүйек пен жеке тістер саны өте аз. Жас ерекшелігі бойынша жылқылар екіге бөлінеді: ересек және кәрі жануарлар (3-сур.). Жылқы сүйектерінің ішінде эмбрион, құлын немесе жас жылқы сүйектері кездеспеді. Кәрі жылқының біреуі төменгі жақ сүйектегі азу тісіне қарап жыныстық диморфизмі анықталды, яғни – аталық жануар. Шамасы бәбішмолалықтар жылқыны ұзақ уақыт мініс және ауыр жұмыс көлігі ретінде көбірек пайдаланған тәрізді.

Модификацияланған сүйектер. Жылқы сүйектерінің саны аз болғандықтан, ерекше элементтер анықталмады. Тек 1 дана төменгі жақ сүйектің альвеолярлы қатарында орналасқан m2 азу тісінде қатты затты (шөп) тістеуден қалған «қате егелу» белгісі байқалды.

Салыстырмалы талқылау. Жылқы сүйегі жануар саны бойынша ірі қарамен бірдей. Тек әр жылдары әртүрлі мөлшерде анықталуымен ғана ерекшеленеді. 2020 ж. қазба жұмыстары кезінде жылқы сүйектері басым болып шықты. Мұның себебі, жылқының қаңқа элементтерін жерлеу орындарында «құрбандық шалу» немесе түрлі «еске алу» шаралары кезінде қолданумен байланысты. Мысалы, Бәбіш мола оазисінде, Бәбіш мола қаласынан оңтүстікте 20 км жерде орналасқан Егістік кесенесінен 2 жылқыға тиесілі көпшілігі бүтін сақталған 66 дана қаңқа элементі анықталған [Утубаев, Шагирбаев 2021б: 199].

Жылқы саны (сүйек саны/жануар саны) ірі қарамен тең болғанымен, жас ерекшелігінде айырмашылықтар байқалады. 2018-2021 жылғы материалдардың ішінде жас жылқылар 23,5% болса, ересек жылқылар 58,8% құрайды. Ал кәрі жылқылар 17,6%. Яғни ірі қараға қарағанда, жылқылардың ішінде ересектері басым болумен қатар, кәрі жылқылар да кездеседі. Олай болса, жоғарыда 2021 ж. материалдар бойынша жасаған тұжырымымыз алдыңғы жылдары табылған материалдар бойынша толықтырылып, нақтылана түсті. Яғни жылқыларды шаруашылықта мініс және жүк көлігі ретінде көбірек пайдаланған.

Түйе – Camelus bactrianus. Түйеге кемінде екі бас жануардан тарайтын 9 дана сүйек тиесілі (1-кесте). Қаңқа элементтерінің ішінде жоғарғы жақ сүйегі (maxilla), төменгі жақ сүйегі (mandibula), тұрақты азулар (dentes molares), өкше сүйегі (calcaneus) және фалангалар (Ph 1-3) анықталды. Қаңқа бөліктерінің ішінде «бас бөлігі» мен «жеке тістер» кездеседі. Жас ерекшелігі бойынша екі топ анық байқалады: жас және ересек түйе (3-сур.). Жануардың қаңқа элементтері өте аз болғандықтан, шаруашылықтағы ролі туралы пікір айту қиын.

Салыстырмалы талқылау. Түйе сүйектері репрезентативті емес, сүйек және жануар саны бойын-

2-кесте – Үй жануарларына тиесілі сүйектердің қаңқа бөліктері бойынша қатынасы (2021 ж. қазба материалдары бойынша)

Отдел скелета	Жылқы		Ірі қара		Қой-Ешкі		Түйе	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Мүйіз	0	0	0	0	4	0,9	0	0
Бас	5	15,1	3	3,8	54	13,1	3	33,3
Тістер	6	18,1	5	6,4	37	9,0	4	44,4
Кеуде	9	27,2	22	28,2	108	26,2	0	0
Аяқтың жоғарғы бөлігі	9	27,2	24	30,7	119	28,9	0	0
Аяқтың төменгі бөлігі	4	12,1	24	30,7	89	21,6	2	22,2
Барлығы	33	100,0	78	100,0	411	100,0	9	100,0
	531							

ша өте аз. Барлық жылдарды қосқанда жалпы 33 дана сүйек белгілі бір қорытынды жасауға жеткіліксіз. Үй жануарларына қатысты археозоологиялық қорытынды, олардың (сүйек/жануар) санына тікелей байланысты болатындықтан, қазіргі жағдайда, бәбішмолалықтардың шаруашылығында түйе үй жануары ретінде пайдаланылғанымен, саны өте аз болғанын көріп отырмыз. Алайда, түйенің жас ерекшелігіне қарап, қандай мақсатта пайдаланғаны туралы алдын-ала қорытынды жасауға болады. Мысалы, 2019 ж. анықталған түйе сүйектері ересек жануарға тиесілі екендігін көрсетті. 2020 ж. материалдың ішінде 3 бас түйенің де ересек жануар екендігі анықталды. Олай болса, 2019–2021 жж. аралығында анықталған 6 бас түйенің 5-і ересек жануарлар болса, тек біреуі ғана жас түйе. Біздің ойымызша, бәбішмолалықтардың шаруашылығында түйені «жүк көлігі» ретінде де, ет өнімі үшін де пайдаланған.

Ит – Canis familiaris. Аталған жануарға тиесілі 6 дана қаңқа элементі анықталды. Барлық сүйектер кемінде 2 жануардан тарайды (1-кесте). Жеке сүйектердің ішінде бас сүйек фрагментінен басқалары (төменгі жақ сүйек, азу тістер және алдыңғы сирақтар) бүтін сақталған. Остеологиялық материалдардың бірқатарында тістің мүжуінен қалған іздер мен жеке ит сүйектерінің кездесуі, Бәбіш мола тұрғындарының шаруашылығында иттің тұрақты қолданыста болғанын көрсетеді.

Ақбөкен – Saiga tatarica. Жалпы ақбөкен сүйектері Шірік рабад мәдениетіне тиесілі ескерткіштерден үздіксіз табылып келеді. Бұрынғы зерттеулерімізде (2019 2020) де ақбөкеннің қаңқа элементтері (1-кесте) мен топталған асықтары кездескен. 2021 ж. анықталған ақбөкен сүйектерінің 68,7% бөлшектенген. Бәбішмолалықтардың шаруашылығында аңшылық кәсібі болғаны анық. Ал ақбөкен сүйектері аңшылықтың маусымдық түрі болғанын толық растайды. Мәселен, Үстіртте орналасқан ортағасырлық Жезді қаласынан да өте көп мөлшерде ақбөкен сүйектері кездескен [Отчет... 2019: 65–66, прил., с. 225; табл. на с. 1]. Жезді қаласы Үстірттегі шың-құздарына жақын орналасқан және жақын аумақта бірнеше үлкен «аран» орындары сақталған. Бұл ақбөкенді ортағасырлық тұрғындар аранға қаумалап кіргізіп, құздан құлатып ұстағанын дәлелдейді. Ал, бәбішмолалықтардағы ақбөкенді «аулау механизмдері» әзірге белгісіз.

Арқар – Ovis ammon. Аталған түрге 1 дана жамбас сүйегінің фрагменті тиесілі (acetabulum). Жамбас сүйегінің ұршық ойысы өте ірі, массивті және әдеттегі қойдың жамбас сүйегіне қарағанда біршама дөрекілеу келген. Арқар сүйегі алдыңғы зерттеулермен салыстырғанда алғаш рет кездесіп отыр. Сонымен қатар, Шірік рабад мәдениеті орналасқан аймақта немесе Сырдарияның ескі арналарының бойы аталған жануардың мекендеу ареалына кіреді.

Қабан – Sus scrofa. Аталған түрге тиесілі 1 дана бүтін асық табылды. Алдыңғы зерттеулерде қабан сүйектері кездеспеген болатын. Бұл ежелгі тұрғындардың аңшылығында жұптұяқтылар отрядының өкілдері негізгі орын алғанын көрсетеді.

Құлан – Equus hemionus. Бәбіш мола тұрғындарының аңшылығының ерекше түрі – құлан аулау. Аталған түрге тиесілі 4 дана сүйек анықталды: жамбас сүйегі, грифельді сүйек және 2 дана 1-ші фаланга. Анатомиялық тұрғыдан құлан мен жылқы және есек сүйектері өзара ұқсас болғанымен, өлшемдері мен морфологиялық белгілерінде айтарлықтай айырмашылықтар бар. Құлан сүйектері бұған дейінгі зерттеулерімізде де бірнеше мәрте табылған болатын. Жоғарыда сөз болған Үстірттегі ортағасырлық Жезді қаласынан да құлан сүйектері көп анықталған [Отчет... 2019, Прил., с. 225; табл. на с. 1]. Жалпы құлан және ақбөкен сүйектерінің Сырдария өңірі мен Үстірттегі ескерткіштерден көп табылуы аталған жануарлардың бұл аймақта бірнеше мың жыл тұрақты түрде өмір сүргенін көрсетеді.

Қоян – Lepus tolai. Жалпы 3 жануардан тарайтын 9 дана қоян сүйегі анықталды. Жануар сүйектерінің пішіні, көлемі және сүйек тіндеріне қарап, ересек қоянға тиесілі екендігін байқауға болады. Ал нақты түрі бойынша, Қазақстан территориясында қоян тұқымдастырының ішінде жабайы қоянның 3 түрі мекендегенімен, ор қоян (Lepus europaeus) мен ақ қоянның (Lepus timidus) мекендеу ареалына Сырдария өңірі кірмеуіне байланысты, Бәбіш моладан табылған қоян сүйектері шөлді аймақта мекендейтін құм қоянға (Lepus tolai) тиесілі деп болжаймыз.

Тауық – Gallus sp. 2 дана құс сүйегінің (жамбас және сан жілік) бірқатар белгілерін зертханадағы коллекциямен салыстыру арқылы кәдуілгі үй тауығына жақын екендігін байқап отырмыз. Алайда бұл пікіріміз әлі де дәлелдеуді қажет етеді.

Үйрек – Anas sp. Жалпы 2021 ж. қазба жұмыстары барысында бұрынғы материалдарға қарағанда құс сүйектері көбірек табылды. Бірқатар қаңқа элементтерін салыстырмалы түрде мрофологиялық талдау барысында, жоғарыда жазғанымыздай үй тауығы мен

үйректің қаңқа элементтеріне өте жақын екендігін байқадық. «Үйрек тәрізділерге» тиесілі тоқпан жілік пен сан жілік анықталды.

Құс – Aves in. Нақты түрі анықталмаған 12 дана сүйек жалпы «құс» тобына жатқызылды. Барлық сүйектер фрагмент түрінде кездесіп отыр. Әрі сүйектердің барлығы да түтікшелі қаңқа элементтерінен тарайды.

Эмбрион немесе жаңа туған жануар сүйегі. 2021 ж. анықталған жануар сүйектерінің ішінде тек қой-ешкі сүйектерінде ғана жаңа туған төлдерге тиесілі қаңқа элементтері анықтылды. Ірі қара сүйектерінің ішінде бірқатары жас жануарға тиесілі болғанымен, жас төл немесе эмбрион сүйектері кездеспеді. Үй жануарларының ішінде жылқы мен түйе сүйектерінде де осы көрініс байқаймыз. Тағам рационында ірі тұяқты жануарлардың төлдері кездеспейді. Керісінше уақ малдың төлдері тағам рационында жиі кездеседі. Әзірге мұндай ерекшеліктердің себебі белгісіз.

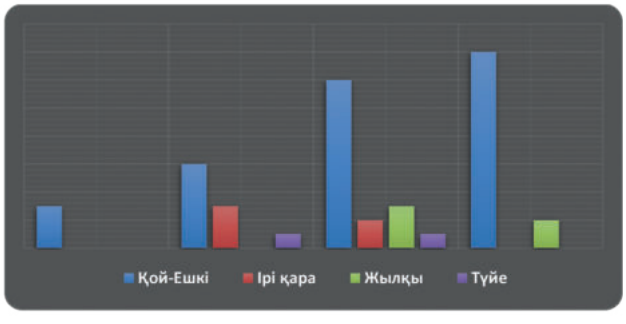
Сүйектердің бөлшектену үдерісі. 1-кестеде көрсетілген «ірі сүтқоректілер» және «ұсақ сүтқоректілер» деген ұғымдар, жалпы материалдардың ішінде анықтауға келмейтін, қатты ұсақталған фрагменттерге қатысты. Археозоологиялық тұрғыдан алғанда, остеологиялық материалдар қатты ұсақталып, нақты жануар түрі анықталмағанымен, сүйектердің тіні (костная ткань), пішіні, морфологиялық құрылымы, қабырғасының қалыңдығы секілді белгілеріне қарап, шартты түрде «ірі сүтқоректілер» және «ұсақ сүтқоректілерге» тиесілі деп бөлінеді.

Қабырғасы қалың, ірі сүйектер – анықтауға келмейтін «ірі сүтқоректілер» тобына, қабырғасы жұқа сүйектер – анықтауға келмейтін «ұсақ сүтқоректілер» тобына жатқызылады. Бірінші топтағы сүйектер ірі тұяқты жануарларға (ірі қара, жылқы, түйе, құлан, бұғы) тиесілі болуы мүмкін. Екінші топтағы сүйектер ұсақ тұяқты жануарлар (қой, ешкі, арқар, ақбөкен, қабан) және қасқырға тиесілі болуы мүмкін.

«Ірі сүтқоректілер» және «ұсақ сүтқоректілер» тобының қатынасында 2020 және 2021 жылғы материалдар ғана өзара салыстыруға келеді. Себебі 2018 жылы материал аз болғандықтан, барлығы толық анықталса, 2019 ж. бар жоғы 4 дана сүйек жануар түріне қарай анықталмады. Соңғы 2 жылда (2020–2021 жж.) анықталмаған сүтқоректілердің сүйектерінде ұсақ жануарларға тиесілі элементтер саны басым болып отыр (1-кесте).

2-сур. Бәбіш мола 7 кешеніндегі үй жануарларының қаңқа элементтерінің құрамы (2021 ж. қазба материалдары бойынша)

3-сур. Бәбіш мола 7 кешеніндегі үй жануарларының жас ерекшеліктері (2021 ж. қазба материалдары бойынша)

Қорытынды

2021 ж. туыстары (Genus) мен түрлері (Subgenus) анықталған сүйектердің басым бөлігі (94,1%) үй жануарларына тиесілі. Оның ішінде негізгі бөлігін (72,1%) уақ мал (қой-ешкі) сүйектері құрайды. Уақ мал сүйектерінің ішінде қойға тиесілі элементтер басым (қой-19,8%; ешкі-3,6%; уақ мал/қой-ешкі-48,7%). Сүйек саны бойынша ірі қара екінші орында (13,7%), ал, үшінші орында жылқы сүйектері (5,8%). Аздаған мөлшерде түйе мен ит сүйектері кездесті. Жабайы жануарлардың түрі көп болғанымен, сүйек саны аз. Олар пайдалану мақсатына қарай «ет» (ақбөкен, арқар, қабан, құлан) және «тері» (қоян) өнімдерін алу үшін ауланған деп екіге бөлінеді.

Жануар сүйектері қатты бөлшектенген (77,4%) және әдеттегі «ас үйлік» қалдықтар болып табылады. Жануарлардың қаңқа бөліктерінің қатынасындағы айырмашылықтар жануар сүйектерін (етті бөліктеріне қарай – М.Ш.) әртүрлі мақсатта пайдаланылғанын көрсетеді. Үй жануарларының ішінде жас және ересек жануарлардың басым екендігі байқалады. Бұл ежелгі тұрғындардың мал шаруашылығында

үй жануарларының көпшілігін «ет өнімі» үшін пайдаланғанын растайды.

Остеологиялық материалдардың ішінде бірқатар сүйектерде тістің мүжуден/кеміруден қалған іздерінің кездесуі (8 дана сүйек) және жеке ит сүйектерінің анықталуына қарап, бәбішмолалықтардың шаруашылығында ит тұрақты өмір сүрген деп пайымдаймыз. Алайда, зерттеудің қазіргі деңгейінде олардың мөлшерін/санын нақты көрсету мүмкін емес.

1 дана уақ мал сүйегінде тұяқты жануардың шайнауынан (сиыр және/немесе қой-ешкі) қалған белгілер (остеофагия), аталған жануар(лар)ды ескерткіш аумағында белгілі бір уақытта тұрақты ұстағанын білдіреді. Уақ мал сүйектерінің ішінде эмбрион мен жаңа туған төлдерге тиесілі элементтердің анықталуы, жануарларды ескерткіш аумағында қыстың соңы – көктемнің басына дейін ұстағанын жанама түрде растайды.

Сырдария өңіріндегі мал шаруашылығында жануар түрлері бойынша бірқатар айырмашылықтар байқалды. Жалпы, шаруашылықта барлық кезеңде уақ мал негізгі орында болған. Мұны ерте темір дәуірімен мерзімделетін Бәбіш мола кешенінен және ортағасырмен мерзімделетін Жанкент қаласынан табылған остеологиялық материалдар растайды. Жылқы мен ірі қараның саны шаруашылықта біркелкі емес. Бәбіш мола кешенінен табылған жануар сүйектерінің ішінде ірі қара мен жылқы көлемі бірдей мөлшерде, ал ортағасырлық Жанкент қаласында ірі қара жылқыға қарағанда басым екені байқалады. Түйе саны ерте дәуірде аса көп ерекшеленбесе, ортағасырда саны артады. Керісінше жабайы жануарлар саны ерте темір дәуірінде басым болып отыр. Бұл аңшылықтың ерте кезеңде ет өнімін қамтамасыз етудің негізгі көздерінің бірі болғанын, ал ортағасырда маңыздылығын жолғалта бастағанын көрсетеді. Алайда, аңшылықтың табиғи-климаттық ерекшеліктерге байланысты өзгеретінін көріп отырмыз. Үстіртте орналасқан ортағасырлық Жезді қаласынан табылған остеологиялық материалдардың шамамен 98% жабайы жануарлар құрайды (1-сур.).

ӘДЕБИЕТ

Акаевский А.И., Юдичев Ю.Ф., Селезнев С.Б. Анатомия домашних животных. М.: Аквариум-Принт, 2005. 640 с.

Байшашов Б.У., Шагирбаев М.С. Көне дәуірдегі мал шаруашылығы мен аңшылықтың маңызы (остеологиялық материалдар негізінде) // Ақынжанов оқулары–2019 (Алматы қ., 16–17 қазан 2019) / Бас ред. Б.Ә. Байтанаев. Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2019. 100–107-бб.

Гайдученко Л.Л. Остеологические материалы из раскопок городища Джанкент (2009–2012 гг.) // Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011–2014 гг.) / сост.: И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев. Алматы: Арыс, 2014. С. 161–177.

Гимранов Д.О. Об изучении археозоологической коллекции из памятника Бабиш-Мулла 7. В: Отчет о научно-исследовательской работе по теме: Становление и развитие оседло-земледельческой культуры Приаралья в античную эпоху. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 211 с. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана.

Жаңабеков К., Мақашев Е. Жануарлар анатомиясы. Алматы: Білім, 1996. 336 б.

Косинцев П.А., Гимранов Д.О., Ломан В.Г. Костные остатки животных из поселения финального бронзового века Донгал (Центральный Казахстан). Новые исследования // История и культура Великой степи: м-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 26–27 августа 2020 г.) / Ред. М.Х. Абусеитова. Алматы: «Шығыс пен Батыс», 2020. С. 200–205.

Отчет о НИР за 2019 год по теме: История и культура Великой Степи // Архив ИА КН МОН РК, ф. 11, оп. 61, д. 3386, 503 л.

Рассадников А.Ю. Остеофагия домашних копытных на поселениях бронзового века Южного Зауралья (по археозоологическим и этнозоологическим материалам) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2 (37). С. 163–168.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта / Отв. ред. Ю.А. Рапопорт. М.: Восточная литература. 1962. 322 с.

Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // Материалы Хорезмской экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Вып. 4. С. 3–63.

Утубаев Ж.Р., Болелов С.Б. Новые археологические открытия в низовьях Сырдарьи // Вестник КемГУ. 2016. Вып. 1 (65). Т. 4. С. 56-62.

Утубаев Ж.Р., Шагирбаев М.С. Остеологические материалы античного памятника Бабиш-мола 7 в низовьях Сырдарьи (по материалам 2019 года) // Вестник КазНПУ им. Абая, сер. «Историч. и соц.-полит. науки». 2020. № 4 (67). С. 354–363.

Утубаев Ж.Р., Шагирбаев М.С. Бәбіш мола қалашығынан табылған жануар сүйектерінің

археозоологиялық талдаулары (2020 жылғы материалдар бойынша) // XIII Оразбаев оқулары: «Орталық Азияның ежелгі және дәстүрлі қоғамдарының тарихи-мәдени мұрасы: жаңа ашылымдар мен пәнаралық зерттеулер» атты халықар. ғыл.-әдіст. конф. м-ры / Жауапты ред. Р.С. Жуматаев. Алматы: Қазақ университеті, 2021а. 83–93-бб.

Утубаев Ж.Р., Шагирбаев М.С. Остеологические материалы из мавзолеев Бабишмолинского оазиса // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Сер. историч. 2021б. № 3 (102). С. 195-205.

Цалкин В.И. Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень московского общества испытателей природы. Отдел биологии. 1967. Т. 72 (1). С. 114–129.

Шагирбаев М.С., Утубаев Ж.Р. Жануар асықтарының археозоологиялық зерттелуі (Бәбіш мола қаласының материалдары бойынша) // Қазақстан археологиясы. 2019а. № 4 (6). 79–116-бб.

Шагирбаев М.С., Утубаев Ж.Р. Бәбіш мола қаласынан табылған остеологиялық материалдардың сандық және морфологиялық құрамы (2018 жылы табылған материалдар негізінде) // Абай ат. Қазақ ұлттық пед. ун-ті Хабаршысы. «Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар» сер. 2019б. № 3 (62). 382–391-бб.

O. DOSPANOV
A. EMBERGENOVA

Oktyabr Dospanov, oktyabrd@gmail.com,
Amina Embergenova, museum_savitskiy@mail.ru,
State Museum of Art of the Republic of Karakalpakstan
named after I.V.Savitsky,
Nukus c., Republic of Karakalpakstan

ARCHAEOLOGICAL EXPEDITIONS OF THE STATE MUSEUM of ARTS of THE REPUBLIC OF KARAKALPAKSTAN NAMED AFTER I. SAVITSKY

Abstract. The article is devoted to materials from the research of the Department of Archaeology stored in the funds of the State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan named after I.V.Savitsky. As a result of stationary excavations and field work, unique material was collected, which testifies to the high material culture of the peoples of the South Aral Sea region. Information about urban planning and numismatic finds provide information about the political and social economic structure of the state of Khorezmshahs in the 10th–14th centuries.

Keywords: Southern Aral region, Khorezmshahs, museum, Igor Savitsky

И. Савицкий атындағы Қарақалпақстан Республикасы Мемлекеттік өнер музейінің археологиялық экспедициялары

Аннотация. Мақала И.В.Савицкий атындағы Қарақалпақстан Республикасы Мемлекеттік өнер музейі қорында сақталып тұрған, археология бөлімінің ғылыми-зерттеу материалдарына бағытталған. Стационарлық қазбалар мен дала жұмыстарының нәтижесінде Оңтүстік Арал бойы халықтарының жоғары материалдық мәдениетін айғақтайтын бірегей материал жинақталды. Қала құрылысы туралы мәліметтер мен нумизматикалық олжалар X-XIY ғасырлардағы Хорезмшахтар мемлекетінің саяси және әлеуметтік-экономикалық құрылымы туралы мәліметтер береді.

Түйін сөздер: Оңтүстік Арал теңізі, Хорезмшах, музей, Игорь Савицкий

Археологические экспедиции Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан им. И. Савицкого

Аннотация. Статья посвящена материалам из исследований отдела археологии хранящихся в фондах ГМИ РК им. И.В. Савицкого. В результате стационарных раскопок и полевых работ получены уникальные данные, свидетельствующие о высокой материальной культуре народов Южного Приаралья. Сведения о градостроительстве и нумизматические находки дают информацию о политическом и социально экономическом строе государства Хорезмшахов в X–XIV вв.

Ключевые слова: Южное Приаралье, Хорезмшахи, музей, Игорь Савицкий

Today the collection of archaeological artifacts of the State Museum of Art of the Republic of Karakalpakstan named after I.V. Savitsky has 9,000 items. These are materials from archaeological sites (settlements, fortresses, burial grounds). Chronologically, the collection represents the archaeology of Karakalpakstan from the Bronze Age to the late Middle Ages. The beginning of the formation of the archaeological collection dates back to the 1960. The bulk of archaeology fund was formed thanks to the materials obtained during archaeological excavations of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition led by S. Tolstov. Subsequent replenishment of funds was carried out through expeditions conducted by Karakalpakstan branch of Uzbekistan Academy of Sciences, as well as by the museum itself.

Archaeology Fund of the State Museum of Art of the

© 2022 Dospanov O., Embergenova A.

Republic of Karakalpakstan named after I.V. Savitsky contains about 1800 ceramic materials, of which 23 ceramic objects were given to balance of the city Bustan and the school of M. Nurmukhammedov. In addition to household ceramics, the collection includes alabaster, stone, bone, wood, metals, glass, leather, fabrics, glass objects.

It should be noted that among the materials and objects of archaeology there the most unique in their significance, sometimes providing valuable information not only about the material culture of the peoples of the South Aral region, but also about economic and cultural ties with the countries of the East and West. First of all, these are numismatic materials. To date, more than 1000 coins have been found with the names of the rulers of Khorezm, Muhammed Khorezmshah (1200–1220), the Khans of the Golden Horde of Uzbek Khan (722/1322), Janibek Khan (744/1343 1344), Berdibek Khan (759/1357–1358), Navruz Khan (761/1359 1360), Khyzyr Khan (761/1359–1360), and numerous anonymous coins.

From imported materials, painted ceramic products with glaze such as «Minay», «Rice grain», «Lustro» are known. Bronze Chinese mirrors with corrugated stylized decorations depicting fish, deer, hieroglyphs, flower buds.

In 1937, the Khorezm expedition under the leadership of S.P. Tolstov began its work in the territory of Khorezm.

As a result of archaeological surveys of Khorezm, conducted especially intensively in recent years, a large and diverse ceramic material related to different periods was obtained, which needs detailed scientific investigation. These archaeological finds are stored in the funds of the Khorezm expedition at the Institute of Ethnography under the Academy of Sciences of Uzbekistan and also in the Museum of Anthropology and Ethnography in Leningrad and in thecollection of the State Museum of Art of the Republic of Karakalpakstan named after I.V. Savitsky

During the period from 1971 to 1992 the State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan named after, I.V. Savitsky carried out stationary archaeological excavations on the sites of Dzhanpyk-Kala, Narindzhan bobo, Bolshoy Guldursun, Eres kala, Kyat. The archaeological study of these monuments is associated with the names of the archaeologists of Karakalpakstan, I. Savitsky, E. Nerazik, Yu. Manylov, G. Kurochkin, A. Aliakberova, G. Khodzhaniyazov, O. Dospanov.

One of the well-studied monuments is Janpyk Kala. This is one of the largest and most interesting fortifications of the right-bank Khorezm that existed in the era of the Great Khorezmshahs. Sergey Pavlovich Tolstov described this monument as follows: “This is the most picturesque of the Khorezm fortresses” [Толстов 1948].

Since 1971, stationary archaeological excavations by the Department of Ancient Art of the State Museum of Art of the Republic of Karakalpakstan named after I. Savitsky have begun in the settlement of Dzhanpyk-Kala. It should be noted that before the museum’s archaeologists began their work on the site, back in 1940 the settlement had been examined by the Khorezm archaeological and ethnographic expedition under the leadership of S. Tolstov.

In 1965, archaeologists from the Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan worked in the monument and outlined a program for its study.

In 1983 excavations were attended not only by archaeologists, but also by art historians. The head of the archaeological expedition was the archaeologist A. Aliakberova. As a result of excavations in the settlement of Dzhanpyk-kala, 15 rooms were uncovered, a large number of fragments of ceramics were found, as well as hums, jugs, round hearth, an eight-shaped hearth, bone, copper, glass jewelry [Aliakberova 1983].

In the course of excavations held at the settlement of Dzhanpyk-kala, a large number of glazed ceramic products were found. A thin-walled kashin vessel of a pot-like shape is of a great interest. The inner surface is not ornamented, the outer side of the straight corolla is decorated with an ornamental line, embossed with Arabic inscriptions. The shoulders of the vessel are decorated with symmetrically arranged cones, the base of which is framed with blue circles. The lower half is ornamented with arched shapes. O. Bolshakov, a researcher of Arabic inscriptions on glazed ceramics of Central Asia, notes that “in the 10th–12th centuries trunks of letters, which are put to each other, turning into an epigraphic ornament, perhaps, are already an ornament.

The 1984 expedition to Dzhanpyk-kala is interesting because in addition to the museum’s scientific staff, restorers of the All-Union Scientific Research Institute of Restoration named after I. Grabar, V.I. Cheremkhin and V.K. Dubikhin took part in it. As a result of field studies of this season, three main cultural layers were studied [Aliakberova, Dospanov 1984]. The main assistance consisted in the training of local personnel and in carrying out work on the restoration of ceramic material and textile finds on medieval sites.

As a result of excavations in 1985 in the northwestern half of Dzhanpyk-kala, 29 residential, household, and craft premises were discovered, which enabled to assume that a quarter of craftsmen was located in the 11th–13th centuries where artisans produced various crafts and

decorations from ceramic, glass, metal and semiprecious stones [Доспанов 1986].

In 1987, the museum's archaeologist O. Dospanov led the work on the fortress; Gayraddin Khodzhaniyazov, an archaeologist from the Karakalpak branch of the Academy of Sciences, also took part in the study.

The result of the excavations in 1987 at the settlement of Dzhanpyk-kale was the discovery of a large number of gray clay non glazed and glazed ceramics belonging to the 13th 14th centuries, stone and bronze items, individual finds. The richest numismatic collection found during excavations became a sensation: copper coins of the Golden Horde period [Доспанов 1987].

Potters used a stylized floral pattern in decoration of bowls. The ornament is mainly in the form of large leaves or plant rings. Fragments of cups and a stand of a vessel with a high goblet shape were discovered in Dzhanpyk-kala. One of the kashin bowls has a circular stand. Large concentric circles are drawn in a narrow line in the center and along the white engobe. But this is a geometric ornament. Inside and in the outer circle of the "rings", a schematic drawing of anbloomed bud painted in turquoise, dark green colors. The image is as simplified as possible, but quite expressive thanks to the somewhat exaggerated transmission of the main details on a white "kashin" background.

Work on this site was carried out in 1988 and 1989. 22 residential and utility rooms, 3 medieval mounds were revealed. The finds of these years were abundant in a large amount of gray clay household ceramics, wood, bone, glass, bronze, iron and talc.

As a result of many years of research in the settlement of Dzhampyk Kala, rich material has been obtained, which indicates that the city was a major craft center. The Iranian pottery in the "Minay" style, found on the monument, witnesses the close trade ties of the settlement with the cities of the Golden Horde, Eastern Europe and the Middle East [Доспанов 1988]. A deep and comparative analysis of the architecture of the period of the state of Khorezmshahs 10th–12th and 13th–14th centuries was carried out.

Judging by the methods of construction, it was clear that in the era of the conquest of the state by the Mongols and the division of power of the Khorezm kings, urban architecture had a lot of distinctive building character.

For example, at that time there were no large decorative elements of the interior elements of the interior of the room. Ovens for cooking in the 10th 12th centuries had a traditional design of carved fired bricks. There were separate baths equipped with sewer pipes. The nature of the exposed ceramic materials also had special distinctive features. For example, objects from the period before the Mongol conquest are of the character of elegance and high quality and testify to close contacts with other states of Central Asia and the Eastern countries.

In 1989–1992, the archaeological group of the State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan named after I. Savitsky conducts archaeological research on the site of the Bolshoy Guldursun. The settlement is located in the territory of Ellikkala district of Republic of Karakalpakstan. It has the shape of an irregular quadrangle with dimensions 280 230 m. Work began in the fall of 1989. The archaeological expedition included members of the Department of Archaeology O. Dospanov, D. Samekeev, M. Abdullaev, as well as artists A. Shpady, Z. Gasanova, R. Matchanov.

The ancient settlement was first discovered in 1937 by the archaeologist Ya. Gulyamov and dated to the 2nd 1st centuries BC. Then, in the 1940s, it was partially examined by the participants of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition. The widespread expansion of the Kushans in Khorezm near the beginning of 1st century AD featured to the development of a new irrigation network.

By this time, the construction of the Kyrkyz and Toprakkala canals with a large water diversion structure was being completed. The settlement was erected at the branching of large canals. The defense of the heads of both canals, as well as the control of the central authority over the distribution of water, were concentrated in the Bolshoy Guldursun fortress. This is evidenced by the facts of the defensive system of the settlement and its location.

As a result of field work, a large number of objects' remains ceramic products, household utensils, jewelry, about 300 items of various items were discovered [Dospanov 1989].

Speaking about the results of the study at the settlement of Bolshoy Guldursun, it should be noted that the medieval material culture is represented by a wide range. These are items made of ceramics, glass, metal, fabrics, and various decorations testifying to the time of the existence of townspeople from the era of antiquity (4th–1st centuries BC), inclusive until the era of the conquest of Khorezm by the Mongol troops at the beginning of the 13th century.

The mechanism of the uniqueness of urban development also has a special feature. Already in the Middle Ages, on the site of the ancient fortress walls, the construction of medieval defensive walls and towers along the outer and inner parts of the fortress adjoined. The corner towers are especially strengthened, in the place of arrow-shaped loopholes around the entire circumference of the walls, special tear-shaped niches appear for firing

at the enemy. This is a unique case and examples in the construction of fortress walls throughout the Southern Aral Sea region. The so-called «Kaptar xana» or «Dovecote» continues to exist, a special corridor-shaped room with numerous recessed niches for keeping pigeons. The time of the last times of the existence of life in the city can be judged by coin finds. This is a treasure trove of copper coins inside a jug glazed with lemon watering. Probably, the sudden invasion of the Mongol influenced the fact that the owner of the coins was forced to hide his valuables in the eastern corner tower under a large accumulation of cotton bolls, in the hope that they might still be useful in later life. Coins of good preservation, with the name of the ruler of Khorezm Muhammed Khorezmshah. On the front side of these coins, Kalima is a symbol of faith and the name of Caliph Nasir, and on the reverse side is the title and kunya of Khorezmshah «The greatest Sultan, the height of the world and faith, conquering Muhammed».

The study of the settlements of Dzhanpyk-Kala, Bolshoy Guldursun, Narindzhan baba, provide additional information for studying the art, construction, life and material culture of the medieval population of the right-bank Khorezm.

In general, the results of archaeological expeditions conducted by the State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan named after I.V. Savitsky, gave the richest archaeological finds. These materials are currently stored in the archaeology fund of the museum and are waiting for their researchers.

REFERENCES

Aliakberova A. Report on the archaeological excavations in the settlement of Dzhanpyk kala for 1983 // Kept in the archaeology fund of the State Museum of Arts named after Igor Savitsky of the Republic of Karakalpakstan (Fund #1).

Aliakberova A., Dospanov O. Report on the archaeological excavations in the settlement of Dzhanpyk kala for 1984 // Kept in the archaeology fund of the State Museum of Arts named after Igor Savitsky of the Republic of Karakalpakstan (Fund #1).

Dospanov O. Report on the archaeological excavations in the settlement of Dzhanpyk kala for 1985–1986 // Kept in the archaeology fund of the State Museum of Arts named after Igor Savitsky of the Republic of Karakalpakstan (Fund #1).

Dospanov O. Report on the archaeological excavations in the settlement of Dzhanpyk kala for 1987 // Kept in the archaeology fund of the State Museum of Arts named after Igor Savitsky of the Republic of Karakalpakstan (Fund #1).

Dospanov O. Report on the archaeological excavations in the settlement of Dzhanpyk kala for 1988 // Kept in the archaeology fund of the State Museum of Arts named after Igor Savitsky of the Republic of Karakalpakstan (Fund #1).

Dospanov O. Report on the archaeological excavations of the Guldursun site in 1989. // Kept in the archaeology fund of the State Museum of Arts named after Igor Savitsky of the Republic of Karakalpakstan (Fund #1).

Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948. 439 с.

Октябрь Турганбаевич Доспанов,
oktyabrd@gmail.com,
Государственный музей искусств им. И.В. Савицкого,
г. Нукус, Республика Каракалпакстан

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ к ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ в ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (СТЕКЛОДЕЛИЕ)

Аннотация. Статья посвящена вопросам стекольного производства в эпоху Средневековья. Данные собраны на основе археологических исследований последних лет, а также некоторого сходства при анализе и синтезе с более поздними этнографическими мотивами каракалпаков и казахов, проживающих на территории Южного Приаралья. Статья представляет собой выборку результатов исследования стеклодувного производства у племен дельты Амударьи и Южного Приаралья в Средние века.

Ключевые слова: Южное Приаралье, стеклоделие, дельта Амударьи, каракалпаки, украшения, стеклянная посуда, парфюмерная посуда, лощило

Ортағасырлардағы Оңтүстік Арал бойы материалдық мәдениетін зерттеудің кейбір мәселелері

Аннотация. Мақала ортағасырлардағы шыны өндірісі мәселесіне арналған. Соңғы жылдардағы археологиялық зерттеулер негізіндегі материалдар, сонымен қатар Оңтүстік Арал бойы территориясында тұрып жатқан қазақ және қарақалпақтардың кейінгі этнографиялық сарынын сараптау мен синтездеу кезіндегі кейбір ұқсастықтар жиналды. Ортағасырлардағы Оңтүстік Арал бойы және Амудария сағасындағы тайпалардың шыны жасау өндірісін зерттеу нәтижелерінен таңдап жазылған мақала болып табылады.

Түйін сөздер: Оңтүстік Арал бойы, шыны жасау, Амударья сағасы, қарақалпақтар, әшекейлер, шыны ыдыс, парфюмерлік ыдыс, жылтыратқыш

Some questions to the study of the material culture of the Southern Aral Sea region in the Middle Ages (glassmaking)

Abstract. The article is devoted to the issues of glass production in the Middle Ages. The data are collected on the basis of archaeological studies of recent years, as well as some similarities in analysis and synthesis with later ethnographic motifs of the Karakalpaks and Kazakhs living in the Southern Aral Sea region. The article is a sample of the results of a study of glass-blowing production among the tribes of the Amu Darya Delta and the Southern Aral Sea region in the Middle Ages.

Keywords: Southern Aral Sea region, glassmaking, Amu Darya delta, Karakalpaks, jewelry, glassware, perfumery, polisher

К настоящему времени вопросам археологического и этнографического изучения и классификации ремесленного производства в целом как вида деятельности племен различных эпох уделено большое внимание. Однако исследование такой древнейшей технологии в Центральной Азии, как стеклоделие, не столь глубоко изучено с учетом того, что мы имеем на сегодняшний день. И в этом плане великолепными источниками информации являются труды ученых А. Абдуразакова, М.А Безбородова, Ю.А. Заднепровского [Абдуразаков и др. 1963: 119, рис. 10, 13], Е.И. Агеевой [Агеева 1970: 7], Т.С. Дощановой [Дощанова 2003: 165–172].

Изучение предметов из стекла или стеклодувного производства у племен, проживавших у дельты Амударьи, представляет немалый интерес для воссоздания картины их экономического развития. Однако разрешение этого важного вопроса для синтеза археологии и этнографии наталкивается на крайнюю скудость археологического материала. Плохая сохранность стекла, зачастую его фрагментарность создают большие затруднения для его изучения. К примеру, до настоящего времени нет полного представления о стеклодувном производстве как отдельном виде ремесла у каракалпаков. Поэтому данная публикация ставит своей

© 2022 Доспанов О.Т.

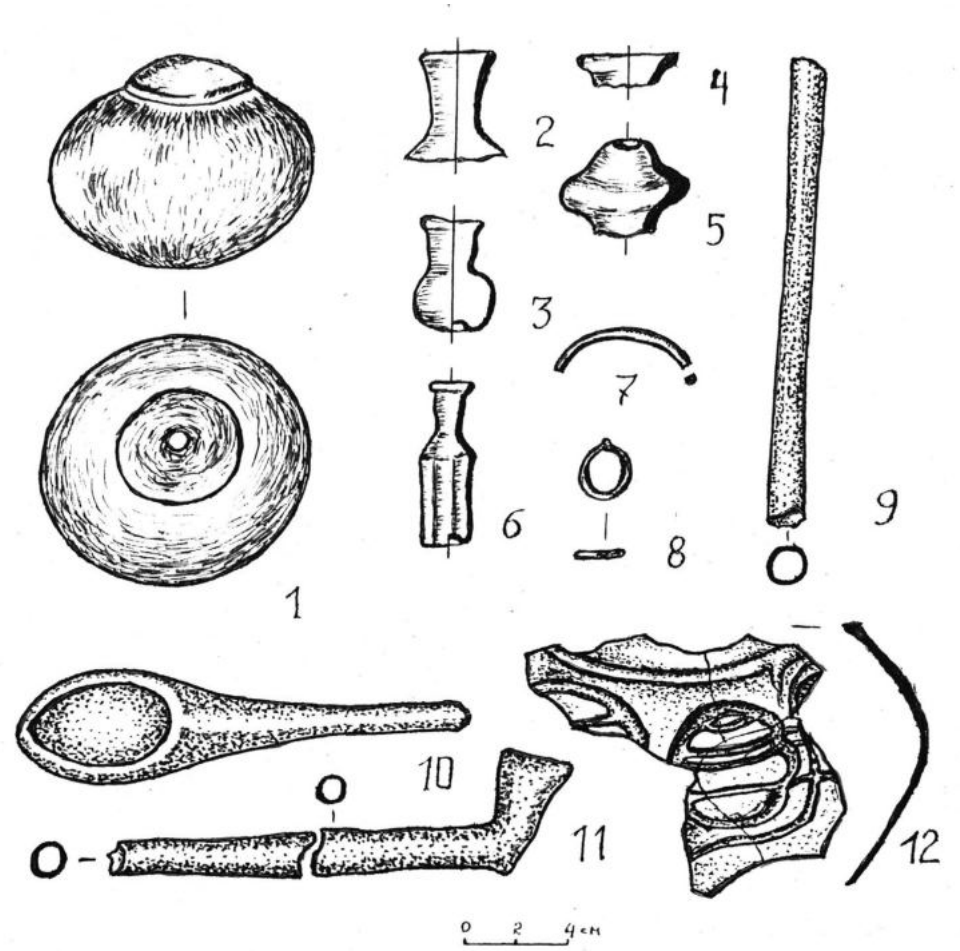

Рис. 1. Изделия из стекла

целью введение в научный оборот нового материала и не претендует на окончательное разрешение этого вопроса.

Сборы предметов из стекла дают материалы, позволяющие выявить особенности этого ремесла, и зачастую они характерны как для античности, так и для эпохи Средневековья.

К настоящему времени наиболее изученными в вопросах развития ремесленного производства средневековыми памятниками правобережной части Амударьи остаются Джанпык кала, Кават кала, Миздахкан, Гульдурсун, Наринджан, сельские поселения в системе канала Гавхоре близ Каваткалинского оазиса [Толстов 1948]. В каждом из них при исследованиях в разные годы собрана большая коллекция материалов из стекла. И конечно же, нельзя отрицать того, что раскопанные ремесленные комплексы на Джанпык кале, Гульдурсуне и Миздахкане смогут помочь в более глубоком изучении процесса развития стеклодувного ремесла [Алиакберова 1988: 91–93; Доспанов 1991: 47; 1992: 2–70; 1993: 2–50; Кдырниязов 1989: 106–111]. Проведенные масштабные работы на этих памятниках и, вероятно, в дальнейшем систематические исследования смогут пролить свет на многие вопросы становления и развития материальной культуры.

Среди находок стеклянные изделия по функциональному назначению делятся на четыре группы: столовые, парфюмерно-аптекарские, бытовые и украшения. Изредка встречаются фрагменты оконного стекла.

Столовые сосуды представлены фрагментами донных частей кружечных и бутылочных форм, сделанных в технике свободного выдувания, и кольцевидных поддонов из стекла бутылочно-голубого и желтоватого тонов. Зачастую стенки покрыты рельефным орнаментом в виде лепестков, пальцевых вдавлений и волнообразных линий. Представлены стенки и ручки кружек цилиндрических и полусферических форм (рис. 1).

Поиски аналогий в археологических материалах

из раскопок показывают, что подобные стеклянные изделия цилиндрических и полусферических форм в X–XII вв. были одной из наиболее характерных и широко распространенных форм [Кдырниязов 1989: 106–110, рис. 26–27].

Парфюмерно-аптекарская посуда зачастую представляется двумя формами: 1) с узкой и длинной шейкой и вытянутым туловом, 2) с более коротким и широким горлом и вздутым туловом (рис. 1).

Сосуды первого типа изготовлены из желтовато-грязного стекла, тулово, отлитое в специальной форме, приняло многогранную конфигурацию. Венчик вертикально вытянутый. Венчик сосуда второго типа округлый. Учитывая их сравнительно малую емкость, на наш взгляд, они более приспособлены для хранения лекарственных или ароматических препаратов.

Следующий тип – кувшиновидные сосудики (рис. 1, 2, 3, 6). Стекло прозрачное, с легким голубоватым оттенком, с очень малым количеством пузырьков. Тулово сферическое, с раструбчатой горловиной высотой 4–5 см. В Средней Азии аналогичные сосуды имеют широкое применение [Алиакберова 1988: 91–93].

Из бытовых стеклянных изделий обычной находкой являются сумаки (сумек), изготовленные из голубоватого прозрачного стекла (рис. 2, 9–11). Сумаки являются неотъемлемым атрибутом детской колыбели (бесик) и по настоящее время. Бытование стеклянных форм сумаков широко известно по материалам золотоордынских погребений XIII–XIV вв. Экономическая форма развития ремесленного производства в более позднее время непосредственно была взаимосвязана с историко-политическими событиями, что повлияло на изменение состава материалов. Сумаки, которые продолжали изготавливать из более простого сырья, такого как камыш, дерево, дошли и до наших дней.

Наряду с этим уместно вспомнить и о редких экземплярах чернильниц из Джанпык калы и Миздахкана (рис. 1, 4, 5), также датируемых XIII–XIV вв. Обычно сосуды толстостенные, поверхность шероховатая. Форма коническая, расширенная к середине. Венчик с загибом внутрь. Судя по найденным фрагментам, донца являлись плоскодонными. Средний диаметр был равен 5,2 см.

Огромный интерес представляет найденный в 1985 г. в западной части ремесленного квартала (раскоп 7, п-28) Джанпык калы стеклянный предмет шаровидной формы (рис. 1, 1). Он известен в археологической литературе под названиями «утюг-лощило», «гладилка» или «море». Это массивный предмет полусферической формы, диаметром 19,2 см, высотой 8 см, весом 364 г. Его верхняя сторона выпуклая, матовая, в мелких «насечках», расположенных радиально. Нижняя сторона плоская, матовая, имеет глубокие «морщины» в виде спирали, завершается плоским сколом. Находка из Джанпык калы датируется XII – началом XIII в.

«Гладилка-море» изготовлена, очевидно, путем литья в каменную форму, из которой она высекалась с помощью понтии, о чем и свидетельствует след в виде скола. Известно, что в Средней Азии такие изделия использовались в качестве наконечника лощильного станка «море», представляющего собой вертикальный тяжелый брус с ручками. За пределами Средней Азии подобные находки известны со времени раскопа Х. Арбмана в Бирке [Arbman 1940: 182]. Все «гладилки» были найдены в женских могилах, относящихся к началу эпохи викингов. Кроме Бирки, они найдены в Шварце-Эрде, Уппланде, Нидерландах, Дании, Германии [Arwidsson 1984: 144], к этому списку можно добавить болгарскую находку в Стырмане [Dekowna 1980: 255] и Новгородскую [Щапова 1989], по 4 экз. найдено в Англии и во Франции [Есбергенов 1980: 192, рис. 40]. Все археологические находки относятся к X в., артефакт в Стырмане – к рубежу IX–X вв.

Функция «гладилок» X в. также была определена с помощью изобразительных материалов и каталогов норвежских, немецких и английских стекольных мастерских XVI – начала XVII в. [Neumann 1925]. Очевидно, что изделие, найденное на Джанпык кале, действительно связано со стеклоделием Западной Европы.

Приводя аналогии сходства археологических материалов с этнографией и материалами более позднего времени населения дельты Амударьи, необходимо отметить и то, что идентичные лощила – «мореташи» содержатся в коллекции предметов ремесла XIX–XX вв. Особняком в этом вопросе выступает то, что в городе Хива вплоть до начала 30-х гг. XX в. было живо традиционное ремесло мастеров-лощильщиков «моречи», живших в обособленном квартале наряду с мукомолами, чеканщиками, ткачами, красильщиками, торговцами фруктами и другими представителями населения Хивы [Мухамеджанов 1988: 197]. Среди каракалпакских племен подобный станок «море» известен по материалам этнографических исследований сотрудников музея антропологии и этнографии АН СССР в 1929 г. в поселке Халкабад (Кегейлинский р-н, Республики Каракалпакстан) [Толстов 1948: рис. 40]. Свидетельство тому – у каракалпаков бытуют термины «морели шапан» и «мисек шапан» – мужской халат из домотканой лощеной материи в полоску и женский халат из полушелковой лощеной материи в лиловую,

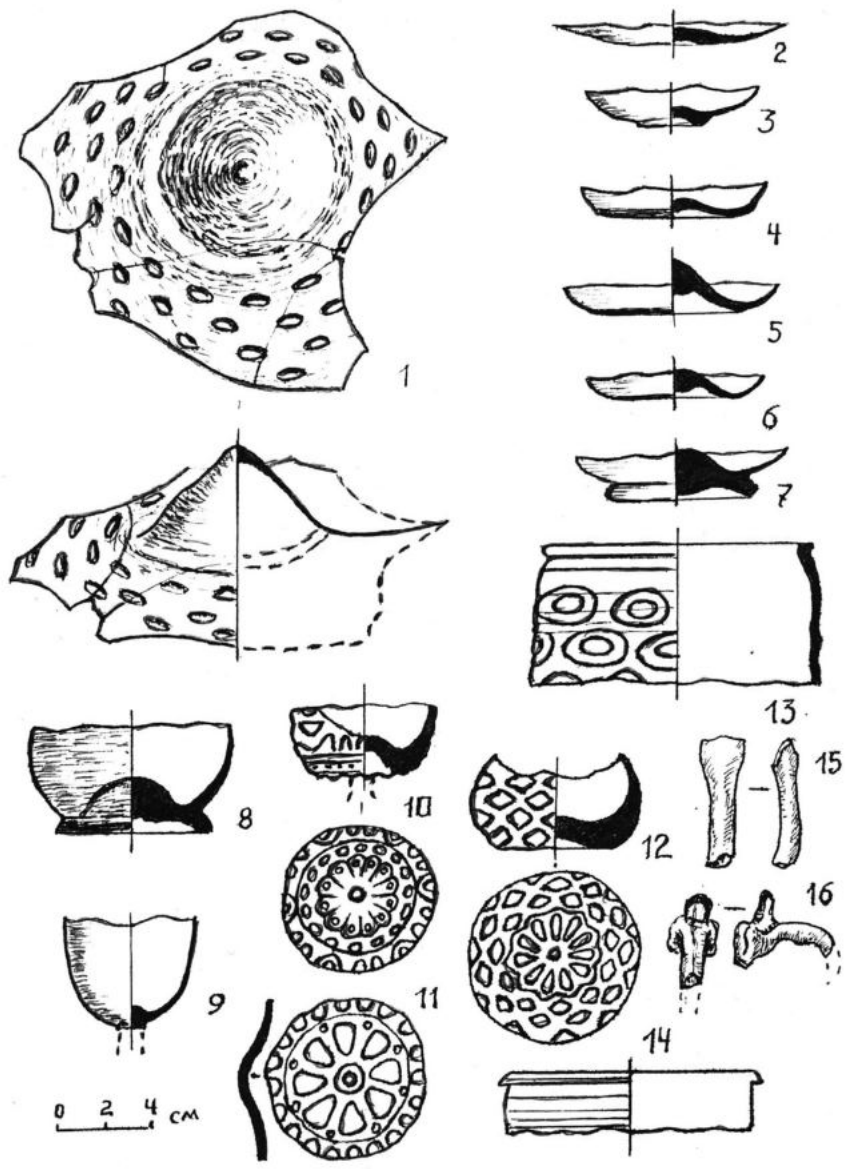

Рис. 2. Изделия из стекла

зеленую и малиновые полосы [Толстов 1948: рис. 23, 25]. В кондиционном производстве этих халатов были использованы стеклянные лощила «море».

Тем самым указанные аргументы дают основание предполагать, что подобные стеклянные изделия и станки для лощения тканей бытовали у каракалпакских племен в качестве традиционного вида ремесла еще в X–XIV вв. и дожили по первой половины XX в. Из аналогии ясно, что этот вид ремесла был характерен не только для народов Средней Азии, но бытовал и в Европе. Его традиционность среди каракалпакских племен Южного Приаралья, аналогичность станков и техника применения говорят о широких торгово-экономических связях с различными странами. И нельзя игнорировать тот факт, что эти связи имели широкий размах не только в эпоху Средневековья, но и в XIX–XX вв.

Результаты поиска аналогий приводят к мысли о

том, что осуществлялся постоянный экспорт, и данные предметы проникали в Скандинавию, Британию, Приуралье, Причерноморье, Среднюю Европу, Кавказ, Западную Сибирь, Китай и, несомненно, достигали побережья Приаралья. Роль Великого шелкового пути в этом процессе весьма значительна.

Говоря о предметах из стекла и стекольном ремесленном производстве, нельзя не отметить и археологические находки, представленные в виде стеклянных браслетов и кольца (рис. 1, 7, 8), различных форм бус и подвесок. О подобного рода стеклянных украшениях мы знаем из многочисленных публикаций о материальной культуре городов и поселений как Средневековья, так и более позднего времени. Среди многочисленных раскопанных и исследованных ремесленных кварталов XI–XIV вв. Джанпык калы и Миздакхана выявлены предметы, специально предназначенные для стеклодувов, – это плавильные печи, большое количество стекольного шлака и формы для отлива.

В более позднюю эпоху хозяйственная форма стеклодувного ремесла уходит на второй план и теряет свою значимость как отдельный вид мастерства. Но, несмотря на это, при изучении этнографических материалов племен каракалпаков дельты Амударьи XIX–XX вв. заметно, что у населения продолжали бытовать стеклянные бусы и подвески. Зачастую вставки-глазки из полудрагоценных камней, украшавшие традиционные серебряные «хайкели», «жалпак туйме», «тумары», стали заменяться простыми стеклянными вставками. Это было связано с естественным спадом добычи и переработки минеральных и драгоценных камней. Культурные слои исследованных археологических памятников эпохи Средневековья указывают на значительное сокращение стеклодувного производства, особенно оно было заметно в период монгольского завоевания в XIII–XIV вв. Хотя нельзя сказать, что слои данного периода совершенно пусты, однако они очень скудны. Говоря о синтезе стеклоделия Средневековья с этнографическими мотивами народов Южного Приаралья, надо отметить, что, безусловно, большинство элементов декоративного характера, назначения, технологии сохраняют свои традиционные корни.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1963. 246 с.

Агеева Е.И. Средневековое стекло из Тараза // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 11–14.

Алиакберова А. Ремесленный комплекс Джанпык калы // Вестник ККФАН. 1988. № 4. С. 91–93.

Доспанов О.Т. Жампык кала орта асирлер естелиги. Нукус: Изд-во «Каракалпакстан», 1992. 102 с.

Доспанов О.Т. О некоторых результатах раскопок Джанпык калы в 1987–1989 годы. // Новые открытия в Приаралье (Материалы к археологической карте) / Отв. ред. М.Г. Воробьева. М.: Ин-т этнологии и антропологии АН СССР, 1991. Вып. 2. С. 73–95.

Доспанов О.Т. Эйймги Гулдирсин каласы. Нукус: Изд-во «Каракалпакстан», 1993. 47 с.

Дощанова Т.С. Новые коллекции стекла из городищ Куйрук-тобе и Койлык // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. 2003. № 1. С. 165–172.

Есбергенов Х. Этнография каракалпаков. XIX – начало XX века. Ташкент: Изд-во «ФАН», 1980. 204 с.

Кдырниязов М.Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII–XIV веках. Нукус: Изд-во «Караклпакстан», 1989. 176 с.

Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкенд (к проблеме изучения средневекового города Средней Азии) / Отв. ред. А.А. Аскаров. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1988. 196 с.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1976. 256 с.

Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948. 352 с.+87 табл.

Щапова Ю.А. Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных («Гладилка» из Новгорода) // СА. 1989. № 4. С. 103–114.

Arbman H. Birka I. Lie Graber.Tafeln. Uppsaia, 1940. 282 taf.

Arwidsson G. Birka II. 1 Systematische Anaiysen der Graberfunde. Stokholm, 1984. 144 p.

Dekowna M. Szklo w Europie wczesnosredn I owiecznej. Ossolineum, 1980. 255 p.

Neumann B. Antike Glaser, ihre Zuzammenzetzung und Farbung // Zeitschrift fur angewandte Chemie B.36. Lpz, 1925. 471 p.

С.А. КОТЕНЬКОВ
Д.С. СОЛОВЬЁВ

Сергей Анатольевич Котеньков,
s_kotenkov@mail.ru,
Институт океанологии им П.П. Ширшова РАН,
Астрахань, Россия;
Дамир Сергеевич Соловьёв,
arheocentr@bk.ru,
ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник»,
Астрахань, Россия

ИТОГИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ на СЕМИБУГОРИНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ

Аннотация. Статья посвящена итогам комплексных исследований на «Семибугоринском археологическом комплексе» (Камызякский р-н, Астраханская обл). На основании выявленных находок нумизматического материала, изделий из металла, многочисленных фрагментов кухонной, столовой, тарной лепной керамики с горизонтальным линейным, линейно-волнистым орнаментом, а также круговой столовой посуды, покрытой лощением, аналогичные находкам салтово-маяцкой культуры и на городищах хазарского времени Дона и Дагестана VIII–X вв., авторами делается вывод об обнаружении в данном регионе первого хазарского поселенческого объекта. Найденные фрагменты шлака и бракованной керамики свидетельствуют о наличии на поселении в хазарское время гончарного производства. Геоморфологические исследования, выявившие аллювиальные слои, перекрывающие культурные слои, позволили сделать вывод о затоплении территории поселения в середине X в. На основании полученных в ходе исследований данных удалось выяснить границы археологического объекта и установить, что в его окрестностях располагались разновременные поселения эпохи Хазарского каганата и золотоордынского времени.

Ключевые слова: Хазарский каганат, грунтовый могильник, средневековое поселение, фрагменты керамики, бронзовая пряжка

Семибугоринск археологиялық кешенінде жүргізілген пәнаралық зерттеудің қортындысы

Аннотация. Мақала «Семибугоринск археологиялық кешенінде» (Астрахан облысы Камызяк ауданы) жүргізілген кешенді зерттеулердің нәтижелеріне арналады. Анықталған олжалар нумизматикалық материал, металл бұйымдар, асүйлік, асханалық ыдыстардың көптеген сынықтары, көлденең сызықты, сызықты толқынды оюөрнегі бар жапсырылып жасалған керамикалық ыдыстар, сондай-ақ VIII–X ғасырлардағы Дон мен Дағыстанның хазар заманы қалаларынан табылған және салт-маяк мәдениеті заттарына ұқсас дөңгелек ыдыстар негізінде, авторлар алғашқы хазар қоныстық нысаны осы аймақта ашылған деген қорытындыға келеді. Табылған қож қалдықтары мен ақаулы керамикалық бұйымдар қоныста хазар заманында көзе өндірісінің болғанын айғақтайды. Мәдени қабаттарды басып қалған аллювиалды қабаттарды анықтаған геоморфологиялық зерттеулер X ғасырдың ортасында қоныстағы су тасқыны туралы қорытынды жасауға мүмкіндік берді. Зерттеу барысында алынған мәліметтерге сүйене отырып, археологиялық ескерткіштің шекарасын анықтауға және оның маңында Хазар қағанаты мен Алтын Орда дәуірінің әр кезеңдегі қоныстарының орналасқанын анықтау мүмкін болды.

Түйін сөздер: Хазар қағанаты, топырақты жерлеу, ортағасырлық қоныс, қыш сынықтары, қола тоға

Results of interdisciplinary research at the Semibugorinsky Archaeological Complex

Abstract. The article is devoted to the results of comprehensive research at the "Semibugorinsky archaeological complex" of the Kamyzyaksky district of the Astrakhan region. On the basis of the revealed finds of numismatic material, metal products, numerous fragments of a kitchen, dining, container molded ceramics with a horizontal linear, linear-wavy

© 2022 Котеньков С.А., Соловьёв Д.С.

ornament, as well as circular tableware covered with burnishing, similar to the finds of the Saltovo-Mayak culture and on the settlements of the Khazar period of the Don and Dagestan of 8th–10th centuries, the authors conclude that the first Khazar settlement object was discovered in this region. Found fragments of slag and defective ceramics testify to the presence of pottery production in the settlement in the Khazar time. Geomorphological studies, which revealed alluvial layers overlying cultural layers, led to the conclusion that the territory of the settlement was flooded in the middle 10th century. Based on the data obtained during the research, it was possible to find out the boundaries of the archaeological site and establish that in its vicinity there were ground settlements of different times from the era of the Khazar Kaganate and the Golden Horde time.

Keywords: Khazar Kaganate, ground burial, medieval settlement, ceramic fragments, bronze buckle

В 2019–2021 гг. совместная экспедиция Астраханского музея-заповедника и Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН проводила археологические исследования на «Семибугоринском археологическом комплексе». Памятник расположен в окрестностях сел Семибугры и Бараний Бугор по правому и левому берегам реки Болда (рис. 1).

Работы проводились в рамках проекта «Маршрутами Льва Гумилёва: в поисках Хазарии», целью которого является изучение и сохранение археологических памятников, выявленных ученым в степных зонах и дельте Волги [Котеньков 2019: 494].

Реализация данного проекта началась в окрестностях с. Семибугры, в междуречье рек Болда и Большая Черная, где археологические изыскания Л.Н. Гумилёвым проводились в 1962–1963 гг. В его отчете имеется запись: «У села Семибугры (их действительно семь), осмотрен бугор – Сарай-тюбе. Обнаружена разнообразная керамика: серая лощеная; черная с лощением, прочерченным решеткой; красная с бороздчатым орнаментом и лепная, черная в изломе с красным обжигом (гузская)» [Гумилёв 1962: 6–7]. В этом же районе в урочище Собачья Тоня им были выявлены фрагменты лепных сероглиняных и красноглиняных сосудов и разрушенное погребение с западной ориентировкой костяка [Гумилёв 1963: 3, 4]. В 6 км к северо-востоку от с. Семибугры, в Бараньем Бугре им была найдена хазарская, гузская и золотоордынская керамика, погребения хазарского времени [Гумилёв 1966: 187, 188; 1962: 7–9].

В своих работах Л.Н. Гумилёв сообщал о находках у с. Семибугры «большого количества фрагментов ке-

Рис. 1. Местоположение Семибугоринского археологического комплекса (Камызякский р-н, Астраханская обл.)

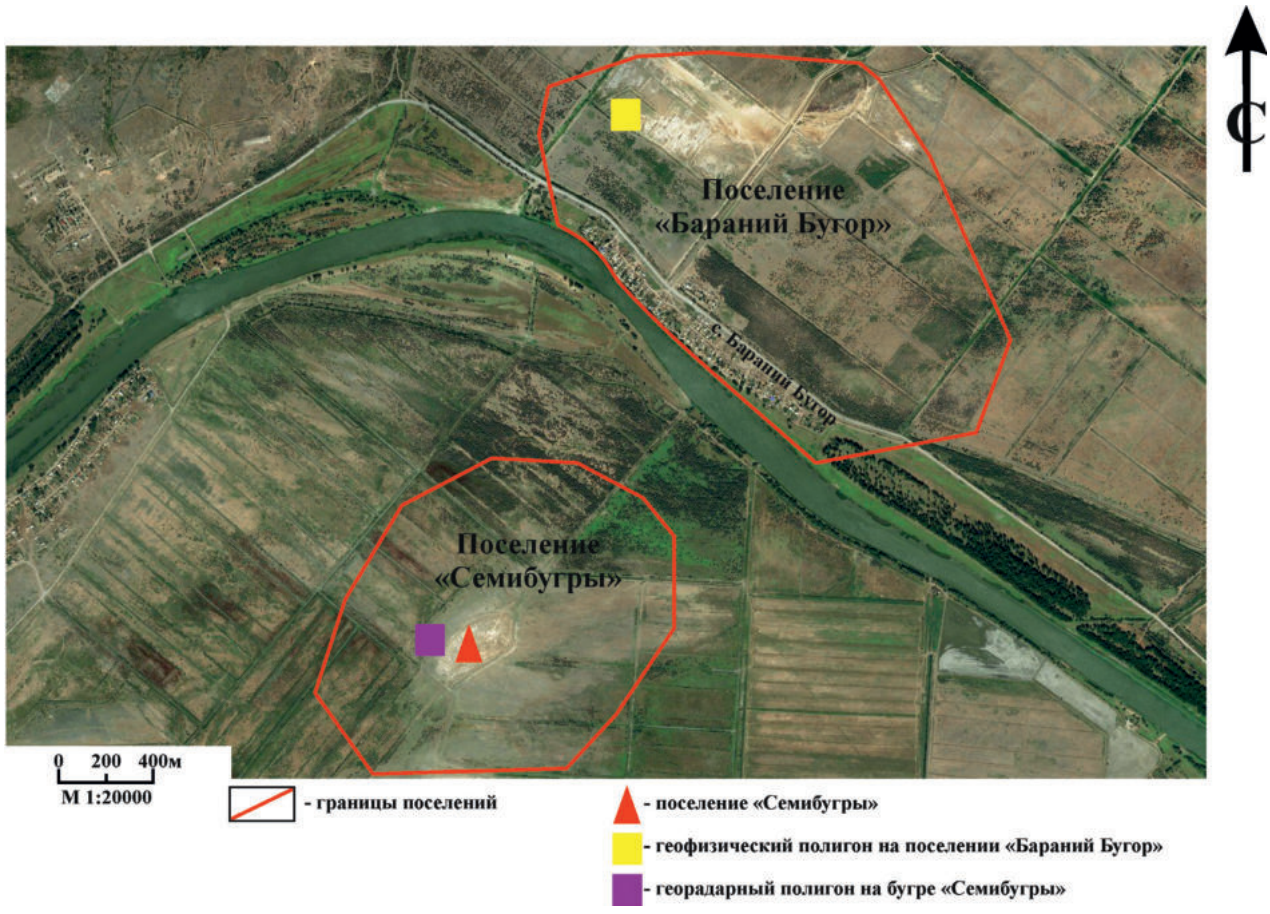

Рис. 2. Местоположение поселений «Семибугры-1» и «Бараний Бугор» у с. Семибугры (Камызякский р-н, Астраханская обл.)

рамики хазарского времени, превышающее все раннее обследованные места» [Гумилёв 1966: 187]. Ссылаясь на записки арабского путешественника Абу Хамид ал-Гарнати (XII в.) о городе Саксин, располагавшемся на огромной реке «больше Тигра», рядом с «тысячью рек», ученый предположил, что средневековый автор в своем повествовании представлял волжскую дельту. А место Саксина, по его мнению, «удовлетворяющее описанию Ал-Гарнати, – находится у села Семибугры» [Гумилёв 1974: 168]. Указанные сведения позволяли авторам предположить наличие на данной территории крупного доордынского поселения.

Опираясь на данные отчетов Л.Н. Гумилёва было принято решение произвести разведочные работы на бугре Семибугры-1 и в его окрестностях (рис. 2).

Исследования, проведенные в 2019 г., свидетельствовали о наличии в границах памятника двух разновременных поселений. Зафиксированы материалы как салтово-маяцкой культуры, так и более позднего времени. Были найдены пять монет: аббасидские наместники Северной Африки, Йазид ибн Хатим, (ал-Аббасийа), 160–170-е гг. х. Дирхем (рис. 3, 1); Золотая Орда. Хан Джанибек, Сарай ал-Джедида, последняя цифра года обломана, 746–747 гг. х. Данг; Золотая Орда. Хан Узбек, Сарай, 726 г. х. Пул. («Сокол»); Золотая Орда. Хан Узбек, Сарай, 2-я половина 710-х гг. х. Пул («Барс вправо»); Золотая Орда. Хан Джанибек, Сарай ал-Джедида, 743–750 гг. х. Пул. («Двуглавый орел») [Соловьев 2020: 45, 46]. Среди подъемного материала следует выделить уплощенную бронзовую пряжку с обоймой, украшенную по боковым частям фестонами (рис. 3, 2), фрагмент изделия из белого металла с растительным орнаментом в виде трилистника и расходящимися позади него влево и вправо ветвями (рис. 3, 3), бронзовый оконечник ремня с орнаментом из 12 сходящихся колец, расположенных в ряд (рис. 3, 4) [Соловьёв 2019: 51, 54].

Красноглиняные фрагменты керамики с линейным и линейно-волнистым орнаментом, изготовленные из хорошо промешанного теста с примесью песка, с

высококачественным горновым обжигом, вероятно, относятся к эпохе Золотой Орды. Это подтверждают и монеты, датируемые XIV в. н.э. Однако материалы золотоордынской эпохи малочисленны и локализуются лишь в северо-западной части бугра. Это позволяет сделать вывод о том, что в XIV в. на бэровском бугре Семибугры-1 располагалось небольшое поселение [Соловьёв 2020: 47–50].

Керамика салтово-маяцкой культуры, обнаруживаемая повсеместно в границах поселения в качестве подъемного материала, а также при локальных земляных работах, объединяется в группы по назначению в использовании, по типологии, составу теста, технологии изготовления и обжига. В настоящее время выделяются три основные группы:

1. Столовая посуда. Является наиболее многочисленной группой керамики. Изготовлена из глины без каких-либо видимых примесей. Сосуды равномерно обожжены, предположительно, в горне. Основная часть фрагментов имеет серый, серо-бурый и бурый цвета. Часть керамики представлена фрагментами красноглиняной керамики. Сосуды, по всей видимости, изготавливались с применением гончарного круга, при этом формовка сосуда производилась ленточным способом. Орнаментальные композиции представлены линейным, косым и решетчатым лощением. На внешних стенках сосудов по окружности наносились желобки – каннелюры, как одинарные, так и сдвоенные (рис. 4, 7). В некоторых случаях между каннелюрами наносился орнамент в виде косых насечек (рис. 1; 8) либо косых наколов, нанесенных зубчатым штампом (рис. 4, 6), одинарной волной-синусоидой (рис. 4, 3).

Также обнаружены фрагменты сосудов с налепными валиками, украшенными косыми насечками либо пальцевыми вдавлениями (рис. 4, 5). Венчики сосудов в большинстве случаев имеют уплощенную закраину, оформленную по внешней (рис. 4, 4) либо внутренней части. Часть венчиков прямые, скруглены по верхней части. На некоторых фрагментах фиксируется оформление слива. Ручки сосудов в сечении как подовальной, так и округлой формы. Прикрепление ручки к стенке сосуда в большинстве случаев производилось при помощи глиняного «шипа», продетого в отверстие в стенке и тщательно разглаженного по внутренней части. Все элементы керамических форм данной группы в большей степени находят сходство со столовыми кувшинами салтово-маяцкой культуры [Плетнёва 1999: 20, 21].

2. Кухонная посуда. Фрагменты представлены керамикой, изготовленной из глины с примесью толченых раковин моллюсков и органики, а также фрагментов с примесью песка в тесте. Все они выполнены с применением гончарного круга, как медленного, так и быстрого вращения. Обжиг сосудов преимущественно неравномерный. Часть сосудов высокого качества, обожжена в горне, в бескислородной среде. Реконструируемая форма сосудов яйцевидная. Орнаментальные композиции представлены сплошным линейным орнаментом, а также зонированным линейным орнаментом, выполненным гребенкой. В некоторых случаях

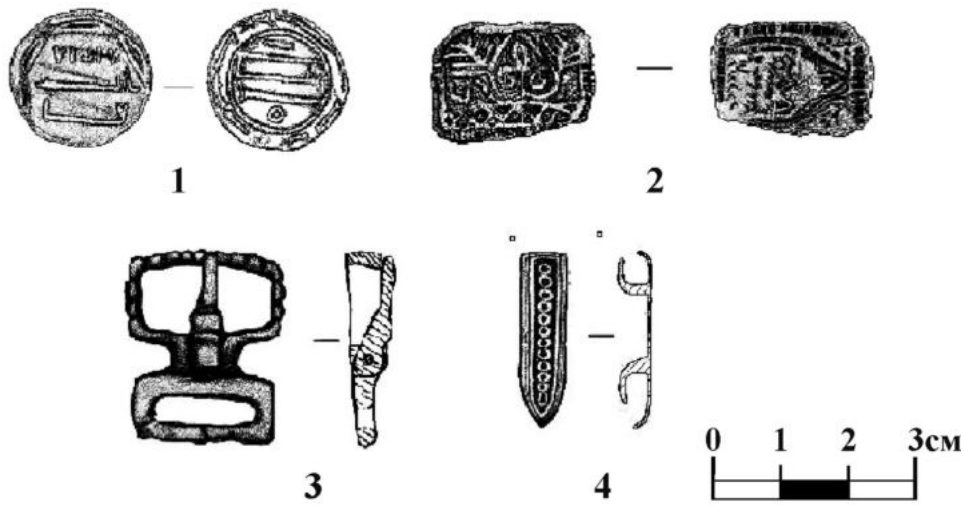

Рис. 3. Предметы, обнаруженные на бугре «Семибугры-I»: 1 – серебряный дирхем (реверс, аверс); 2 – бронзовая пряжка с обоймой; 3 – изделие из белого металла; 4 – бронзовый оконечник ремня. Рисунки выполнены Д.С. Соловьёвым

линейный орнамент комбинируется с волнистым орнаментом, нанесенным гребенкой, либо волнистым орнаментом, нанесенным поверх линейного орнамента. Яркими морфологическими элементами сосудов являются венчики (рис. 4, 1). Во всех случаях они скруглены и сильно отогнуты наружу. Под венчиком располагается невысокая шейка, лишенная орнаментов и тщательно заглаженная. Зона нанесения орнамента начинается от перехода шейки на плечико. В некоторых случаях на венчиках наносился орнамент, представленный косыми оттисками – наколами гребенки либо косыми насечками (рис. 4, 2). Донца сосудов уплощены. На одном из них нанесена тамга, образующая крест, вписанный в круг (рис. 4, 10). Данная кухонная посуда имеет широкие аналогии в древностях салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата [Плетнёва 1999: 18, 19]. Стоит также отметить небольшое количество фрагментов керамики, происходящих от лепных сосудов. Тесто с примесью значительного количества органики и шамота. Обжиг неравномерный костровой. Венчики этих сосудов отогнуты и украшены пальцевыми вдавлениями.

3. Тарная керамика. Сосуды больших объемов, предназначенные для хранения и перевозки сыпучих продуктов и жидкостей. Все они представлены фрагментами крупных сосудов, изготовленных из красножгущихся и серожгущихся глин. Часть из них является

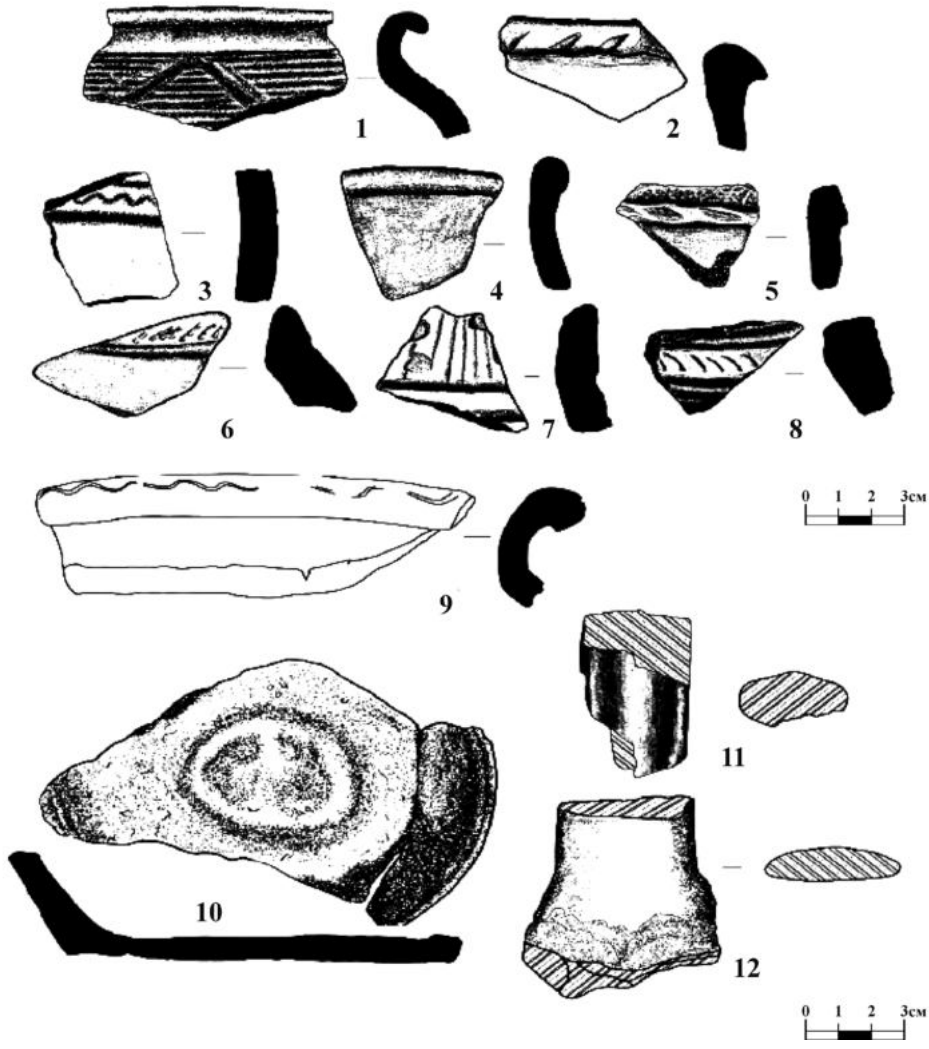

Рис. 4. Керамические материалы, обнаруженные на бугре «Семибугры-I». Рисунки выполнены А.Г. Жировой

фрагментами амфор, изготовленных из глины с примесью мелкой толченой извести, шамота и дресвы (пироксен). Ручки амфор имеют характерное ребро по внешней части (рис. 4, 11). Стенки как прямые, так и рифленые [Чхаидзе 2008: 144–161], некоторые из них украшены зондированным линейным орнаментом. Стоит отметить, что в настоящее время «Поселение Семибугры» – это единственный археологический объект в дельте Волги, на котором представлены амфоры. Вероятно, амфоры являются изделиями импорта из Причерноморского региона и связывают поселение Семибугры с основной территорией салтово-маяцкой культуры.

Фрагменты корчаг по своей морфологии, рецептуре и технологии изготовления близки кухонной посуде, но более крупных форм (рис. 4, 9). Реконструируемый диаметр венчиков отдельных экземпляров сосудов достигает 28 см. Кроме того, в общем массиве выделяются красноглиняные фрагменты керамики, происходящие от толстостенных сосудов (более 1 см), а также керамический брак толстостенных сосудов, предположительно, пифосов.

Вся вышеописанная керамика демонстрирует единство комплекса, имеет широкие аналогии в салтово-маяцкой культуре Хазарского каганата VIII–X вв. Большое количество керамического шлака и брака керамического производства свидетельствует о том, что на территории поселения Семибугры действовали производственные комплексы, выявление которых поможет более детально изучить весь спектр и технологии гончарного производства на данном археологическом объекте.

Для подтверждения наличия на данной территории бугра Семибугры-1 культурного слоя или же отдельных жилых построек в границах участка наибольшего сосредоточения подъемного материала был заложен шурф № 1 размером 2×2 м (рис. 5). В результате полевых работ в данном шурфе было обнаружено свыше 5000 фр. керамики, кости, кирпича, шлака, изделий из металла и кости [Соловьёв 2020: 48–58]. Данные находки зафиксированы в двух слоях, перекрытых аллювиальными наносами, образованными в результате затопления участка пресноводными водами и делювиальными осадками, сформировавшимися при размыве бугра. Артефакты были сильно повреждены и имели признаки длительного пребывания в прибойной зоне (окатаны).

Рис. 5. Поселение «Семибугры-1». Шурф № 1. Фото северного борта. 2020 г. Снято с юга. Фото Д.С. Соловьёва

Обнаруженные фрагменты керамики, датируемые IX–X вв., имеют прямые аналоги с керамикой салтово-маяцкой культуры этого периода. Проведенные в 2021 г. геоморфологические исследования слоев на данном шурфе позволили установить, что культурный слой залегает непосредственно над палеопочвой[1]. Вышележащие отложения в шурфе отложились в условиях периодического подтопления как на территории бугра, так и на межбугровых пространствах речными потоками и ингрессионными морскими водами. Об этом могут свидетельствовать находки раковин пресноводных Unio sp., Dreissena polymorpha, солоновато-водных моллюсков Didacna ebersini [Макшаев и др. 2021]. Фрагменты керамики, обнаруженные в шурфе, датируются временем не позднее X в. можно предпо-

[1]*Авторы выражают благодарность сотрудникам МГУ им. М.В. Ломоносова Р.Р. Макшаеву, Е.Н. Бадюковой, Д.М. Лобачёвой, Е.И. Штырковой, Н.А. Тюнину за проведение геоморфологических исследований*

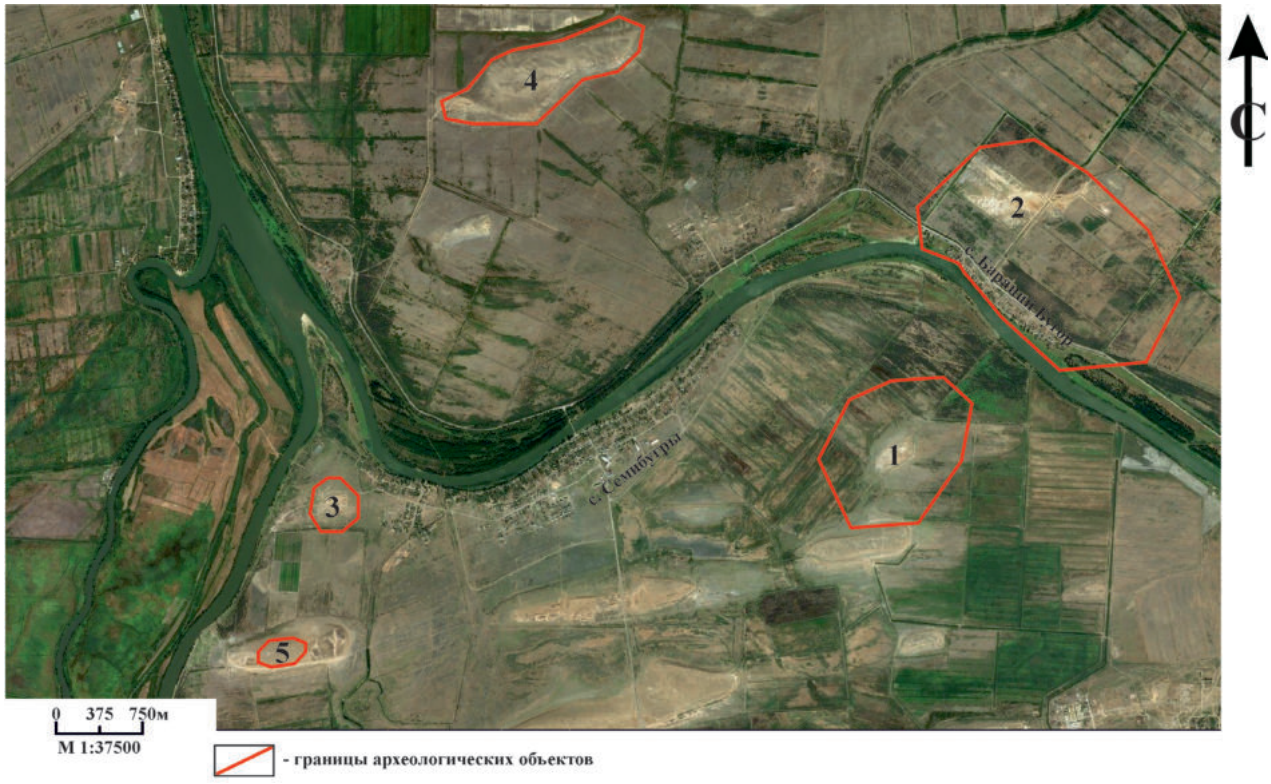

Рис. 6. Объекты «Семибугоринского археологического комплекса»: 1 – поселение Семибугры-1; 2 – поселение Бараний бугор; 3 – поселение Старый Хуторской; 4 – грунтовый могильник Шатлы; 5 – курганный могильник Сарай-Тобе

ложить, что окатанность данной керамики объясняется подъемом уровня Каспийского моря в середине X в., когда морем могли затапливаться участки не только околобугрового пространства, но и подошвы бугра, находившиеся в зоне морского прибоя.

Полученные материалы подтверждают теорию Л.Н. Гумилёва о существовании «Хазарской Атлантиды» или «Прикаспийских Нидерландов». По мнению ученого, трансгрессия Каспийского моря в X в. привела к подъему его уровня и многоводью Волги. Ученый отмечал: «С юга неуклонно наступала морская вода. Она медленно заливала плоский берег – «Прикаспийские Нидерланды», губила посевы и сады, нагонами разрушала деревни. К середине X в. уже две трети хазарской территории оказалось под водой, и жители принуждены были тесниться на склонах бэровских бугров центральной дельты, где они расположены в непосредственной близости друг от друга» [Гумилёв 1966: 92, 93]. По нашему мнению, в работах ученого следует выделить главное: исследователь выбрал верный вектор поисков следов Хазарии в дельте Волги. Именно там впоследствии и были выявлены уникальные археологические объекты, к числу которых следует отнести и Семибугоринский археологический комплекс. На сегодняшний день это единственный поселенческий объект салтово-маяцкой культуры в дельте Волги, который с уверенностью можно связать с Хазарским каганатом.

Материалы, выявленные в 2019–2020 гг. в окрестностях бугра Семибугры-1 (рис. 6, 1), подкрепляют факты о наличии на бугре и в его окрестностях поселений первоначально хазарского (VIII–X вв.), а впоследствии золотоордынского (XIV в.) времени. Работы 2019-2020 гг. позволили даже на начальном этапе изучения говорить об археологическом объекте как о памятнике VIII–X вв., население которого представлено салтово-маяцкой культурой – государственной культурой Хазарского каганата. Изучаемый объект сходен с археологическими памятниками Дона, Приазовья, Крыма, Кавказа.

В процессе археологического изучения поселения Семибугры от местных жителей поступала информация о находках керамических материалов и на прилегающих территориях. Так, в с. Бараний Бугор (рис. 6, 2), расположенном относительно поселения Семибугры на противоположном берегу реки Болда, местные жители при рытье хозяйственных ям на глубинах от 1,5

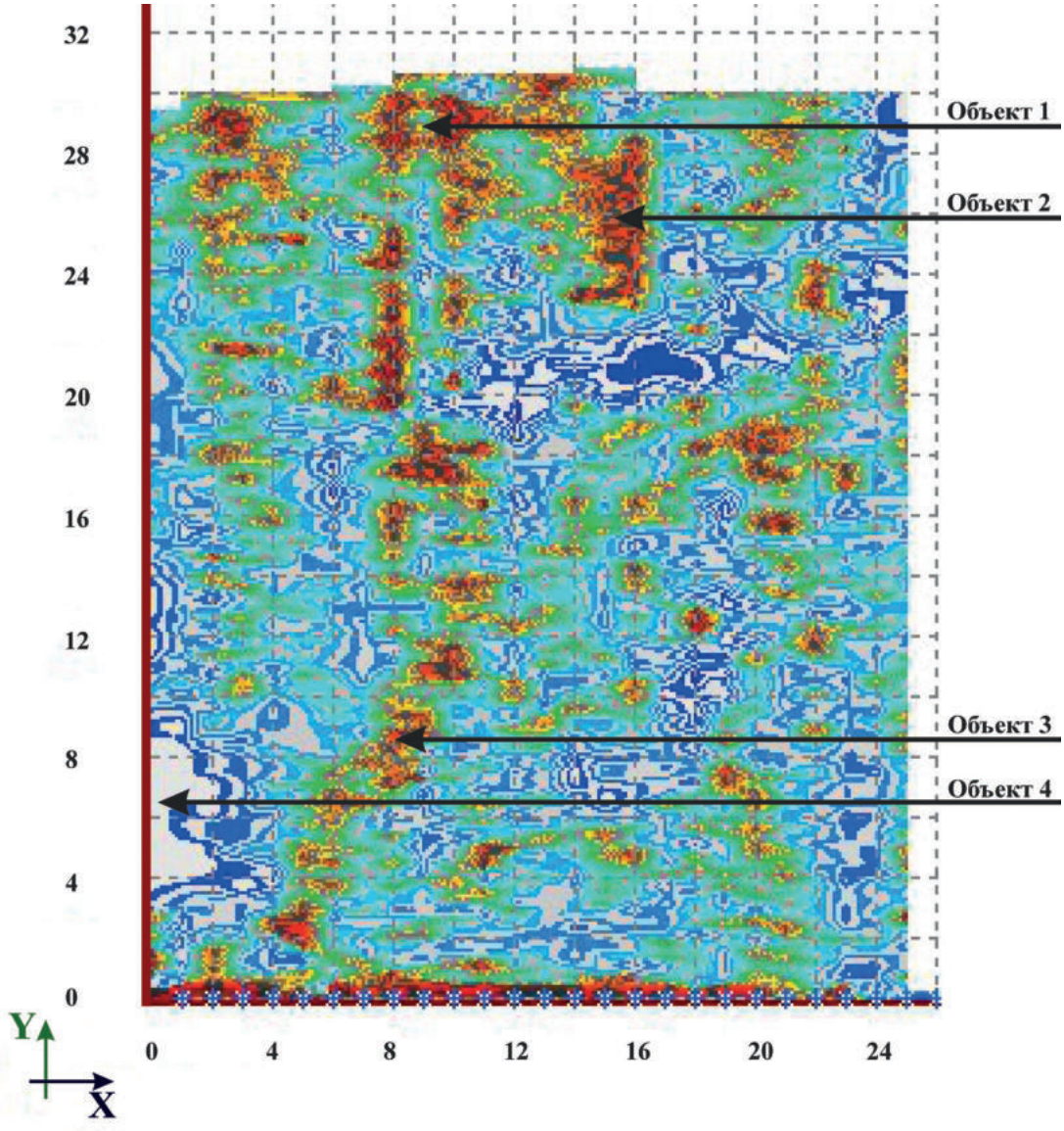

Рис. 7. Объекты, выявленные в ходе георадарных исследований на полигоне № 2. Бэровский бугор «Семибугры-1». 2021 г. Работы выполнены П.В. Хлебопашевым

до 2 м обнаруживали фрагменты сероглиняной и красноглиняной керамики, фрагменты кирпичей, глиняной обмазки. На юго-восточной окраине села, на территории взлетно-посадочной полосы также в большом количестве найдены фрагменты серожженных кувшинов салтовского облика. Указанные артефакты позволяют предположить наличие в окрестностях с. Бараний Бугор поселенческого объекта, синхронного Семибугрям.

На южной окраине с. Семибугры располагается бугор Старый Хуторской (рис. 6, 3), сильно разрушенный в результате хозяйственной деятельности. Обнажения культурного слоя в стенках котлованов и характер подъемного материала представляют возможным соотнести этот объект с памятниками хазарского (VIII–X вв.) и золотоордынского периодов.

Также интерес представляет и бугор Кирпичный, на котором в настоящее время располагается сельское кладбище. На вершине бугра в результате археологических разведок выявлена курганная группа, состоящая из двух курганов и получившая название по

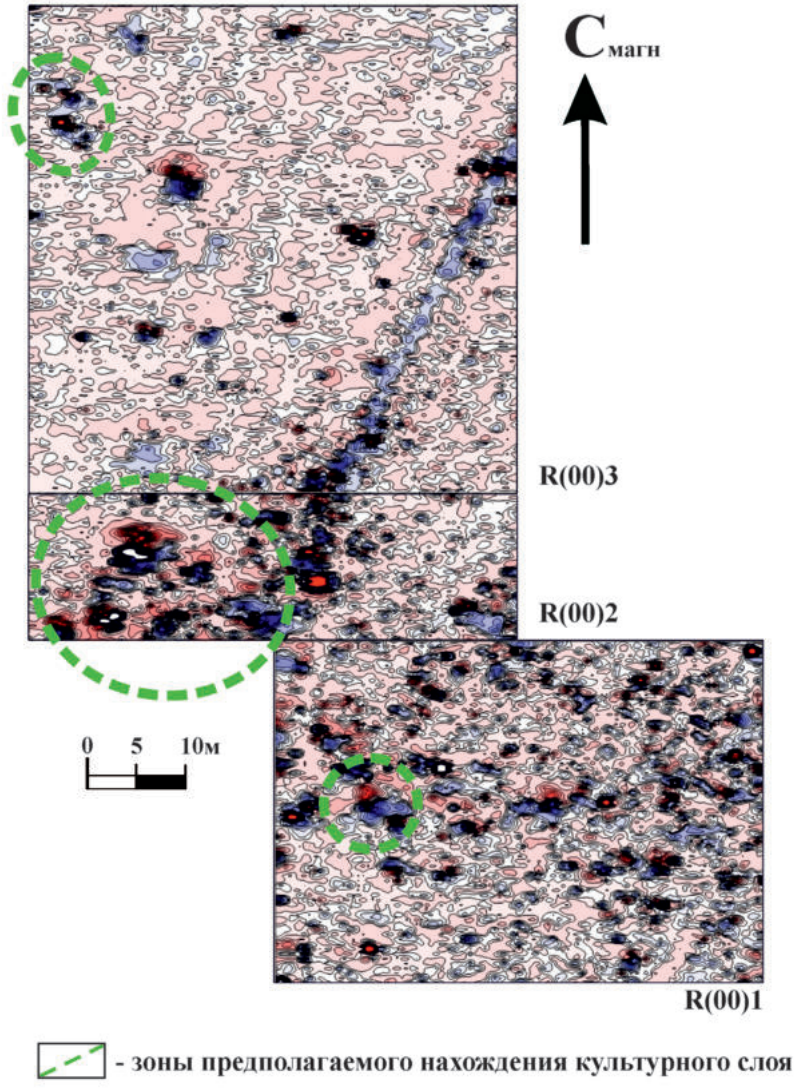

Рис. 8. Зоны всплесков магнитного поля, выявленные на полигоне геофизических исследований на участке взлетно-посадочной полосы у с. Бараний Бугор. 2021 г. Работы выполнены В.Г. Бездудным

старому наименованию бугра – Сарай-Тюбе (рис. 6, 4). На дневной поверхности обнаружены фрагменты сероглиняной керамики салтовского облика. К этому комплексу объектов хазарского периода следует отнести и грунтовый могильник Шатлы (рис. 6, 5), где обнаружены фрагменты керамики и захоронения эпохи раннего Средневековья [Котеньков 2001: 46].

Для уточнения границ поселения Семибугры, в 2021 г. были проведены георадарные исследования на одноименном бэровском бугре[2]. Работы проводились георадаром «ЛОЗА-В» – переносным импульсным радиолокатором подповерхностного зондирования повышенной мощности с отображением радиолокационных профилей в процессе измерения. Наибольший интерес представляет полигон № 2 площадью 750 м^2, расположенный к северу от шурфа № 1, где были зафиксированы четыре объекта: две зоны уплотненного грунта, имеющие подквадратную форму, одна структура уплотненного грунта, одна зона более рыхлого, чем окружающий, грунта (рис. 7). Указанные данные позволяют предположить наличие под толщей грунта культурного слоя и, возможно, строений.

В этом же году были проведены геофизические исследования на участке к северо-востоку с. Бараний

[2]Авторы выражают благодарность П.В. Хлебопашеву, научному сотруднику Института океанологии им. П.П. Ширшова, за проведение георадарных исследований

Бугор[3]. Работы проводились магнитометром ПОС-2 в режиме вертикального градиента. Территория полигона исследования представляет собой ровный участок поверхности, практически лишенный растительности, снивелированный под строительство взлетно-посадочной полосы для нужд сельскохозяйственной авиации. На дневной поверхности обнаружены фрагменты костей, кирпича (плинфы), керамики, фрагменты изделий из цветных металлов. Керамические материалы представлены фрагментами керамики салтово-маяцкой археологической культуры – серолощеных столовых кувшинов, кухонных горшков с линейным орнаментом, красноглиняных сосудов, амфор.

В результате проведенных изысканий были зафиксированы три зоны, представляющие интерес в плане выявления археологических объектов (рис. 8). Зоны выделены на основании расположения и концентрации всплесков магнитного поля. Возникновение таких резких изменений магнитного поля характерно для участков с интенсивной человеческой деятельностью. Визуально верхний приповерхностный слой в основном содран и снивелирован практически до стерильного состояния (для строительства аэродрома). Это наблюдение позволяет предполагать, что современные причины всплесков магнитного поля («колхозный металл, в первую очередь») убраны и магнитометром фиксируются более ранние остатки человеческой деятельности. Требуется проверка археологическими методами (бурение, шурфовки), чтобы попытаться определить их датировку и функционал.

Междисциплинарные исследования, проведенные в окрестностях сел Семибугры и Бараний Бугор, позволяют ввиду синхронности их бытования в VIII–X вв. объединить вышеназванные археологические объекты (поселения Семибугры, Бараний Бугор, Старый Хуторской, курганный могильник «Сарай-Тюбе», грунтовый могильник «Шатлы») в единый археологический комплекс – «Семибугоринский». Геоморфологические исследования, выявившие в шурфах аллювиальные слои, перекрывающие культурные, позволили сделать вывод о затоплении территории поселения в середине X в. и где в XIV в. возник золотоордынский поселок. На основании данных геофизических и георадарных изысканий уточнены границы памятника и намечены участки для дальнейших археологических работ.

ЛИТЕРАТУРА

Гумилёв Л.Н. Отчет по Астраханской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1962 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 2575.

Гумилёв Л.Н. Отчет по Астраханской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1963 года. Пояснительная записка к историко-географической схеме «Волжская Хазария VI–XII вв.» // Архив ИА РАН. Р-1. № 2784, а.

Гумилёв Л.Н. Открытие Хазарии: (Историко-географический этюд). М.: Наука, 1966. 191 с.

Гумилёев Л.Н. Сказание о хазарской дани. Опыт критического комментария летописного сюжета // Русская литература. 1974. № 3. С. 160–174.

Котеньков С.А. Бэровские бугры – потенциальные археологические памятники Северного Прикаспия // Маргулановские чтения 2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Гл. ред. Б.А. Байтанаев, отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 483–496.

Котеньков С.А. Новые памятники древних болгар в Астраханском крае // Диалог культур Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: Изд-во Татарского гос. гум. ин-та, 2001. Вып. 2. С. 53–57.

Макшаев Р.Р., Бадюкова Е.Н., Лобачёва Д.М., Штыркова Е.И., Тюнин Н.А., Котеньков С.А., Соловьёв Д.С. Строение голоценовых отложений центральной части дельты р. Волги // Пути эволюционной географии: м-лы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти профессора А.А. Величко (г. Москва, 23–25 ноября 2016 г.). М.: Институт географии РАН, 2016. С. 217–220.

Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 1999. 375 с.

Соловьёв Д.С. Отчет об археологических разведках на территории Харабалинского и Камызякского районов Астраханской области в 2019 г. (рук. Д.С. Соловьёв) // Фонд археологии Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника, б/н. 2020.

Соловьёв Д.С. Отчет об археологических раскопках на поселении «Семибугры» в Камызякском районе Астраханской области в 2020 г. (рук. Д.С. Соловьёв) // Фонд археологии Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника, б/н. 2021.

Чхаидзе В.Н. Таматарха: Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 328 с.

[3]Авторы выражают благодарность В.Г. Бездудному, руководителю лаборатории археологической геофизики, за проведение геофизических исследований

ЖЕТІСУДЫҢ ТАУЛЫ ЖӘНЕ ТАУ ЕТЕГІНДЕГІ КЕҢІСТІГІНІҢ ӘРТҮРЛІ КЕЗЕҢДЕРДЕГІ ИГЕРІЛУІ

ОСВОЕНИЕ ПРЕДГОРНЫХ И ГОРНЫХ ПРОСТРАНСТВ ЖЕТЫСУ В РАЗЛИЧНЫЕ ЭПОХИ

Г.Р. МУХТАРОВА
Е.А. ДЖАСЫБАЕВ
Б.А. ЖЕЛЕЗНЯКОВ
Т.Ж. ТУЛЕГЕНОВ
Б.Е. САТАЕВА

Гульмира Раиловна Мухтарова,
Государственный историко-культурный
музей-заповедник «Есік»,
г. Есик, Казахстан; railovna@mail.ru,
Ермек Аманжолович Джасыбаев,
Центральный государственный
архив кино-фотодокументов и звукозаписи РК,
г. Алматы, Казахстан; ormik80@mail.ru
Борис Анатольевич Железняков,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан; boriszheleznyakov@mail.ru
Турали Жаксылыкович Тулегенов,
Государственный историко-культурный
музей-заповедник «Есік»,
г. Есик, Казахстан; tur4ik_kz@mail.ru
Ботакоз Ерболовна Сатаева,
Университет Хажы Байрам Вели,
Анкара, Турция; sataeva-94@inbox.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА РАХАТ В 2020 г.

Аннотация. Археологические исследования памятника Рахат, культурного ландшафта ущелья Рахат проводятся в течение целого ряда лет сотрудниками музея-заповедника «Есік». Были проведены также совместные международные археологические исследования с археологами из Китая и Кореи. Памятник был открыт в результате исследований археологической экспедиции под руководством Б.Н. Нурмуханбетова, который обратил пристальное внимание на явную «необычность» горных прилавков этой местности, которая, безусловно, использовалась в разные периоды человеческой истории как некий «замок правителя», возвышаясь над Иссыкским могильником. В статье изложены результаты полевых исследований, проводившихся в юго-восточной части памятника Рахат в 2020 г. В результате был получен значительный объем информации, расширяющей познания в области материальной и духовной культуры средневекового населения северных склонов Иле Алатау. Собран материал не только в виде артефактов. Были задокументированы определенные показатели, характеризующие

© 2022 Мухтарова Г.Р., Джасыбаев Е.А., Железняков Б.А., Тулегенов Т.Ж., Сатаева Б.Е.

Рахат как сакральный памятник; это условные изображения, символы, образующие знаковую систему, использующуюся человеческой цивилизацией в религиозных и социальных отношениях, в частности, народонаселением данной территории в период от эпохи саков до XIII в.

Ключевые слова: Жетысу, Иле Алатау, музей-заповедник «Есік», археология, керамика, Средние века, историческая топография, погребальный обряд

2020 жылы Рахат ескерткішінде жүргізілген археологиялық зеттеудің нәтижелері

Аннотация. Рахат шатқалының мәдени ландшафтын, Рахат ескерткішін археологиялық зерттеуді «Есік» музей-қорығының қызметкерлері көптеген жылдар бойы жүргізіп келеді. Сонымен қатар Қытай және Кореяның археологтарымен бірлескен халықаралық археологиялық зерттеу жұмыстары да жүргізілді. Ескерткіш Б.Н. Нұрмұханбетовтың жетекшілігімен жүргізілген археологиялық экспедиция зерттеулерінің нәтижесінде ашылды. Ол осынау мекендегі тау белдеуінде орналасқан төбелердің Есік қорымынан жоғары жатқан «билеушілер қамалы» ретінде адамзат тарихының сан алуан дәуірінде пайдаланылған «әдеттен тыс» орын екеніне назар аударды. Мақалада Рахат ескерткішінің оңтүстік-шығыс бөлігіне 2020 жылы жүргізілген далалық зерттеу жұмыстарының қорытындылары берілген. Зерттеу нәтижесінде Іле Алатауының солтүстік баурайларында орта ғасырларда өмір сүрген тұрғындардың материалдық және рухани мәдениеті саласындағы түсініктерді кеңейтетін ақпараттардың едәуір көлеміне қол жеткізілді. Материалдар артефакттар түрінде ғана жинақталған жоқ. Рахатты киелі ескерткіш ретінде сипаттайтын белгілер құжатталды: бұлар сақ дәуірінен XIII ғ.-ға дейінгі кезеңдегі аталған аймақтағы адамзат өркениетінің діни және әлеуметтік қатынасында, оның ішінде тұрғылықты халықтарда қолданылатын шартты суреттер, белгі жүйесін құрайтын символдар.

Түйін сөздер: Жетісу, Іле Алатауы, «Есік» музей-қорығы, археология, керамика, ортағасыр, тарихи топография, жерлеу салты

The results of archaeological research of the Rakhat monument in 2020

Abstract. Archaeological studies of the Rakhat site, the cultural landscape of the Rakhat gorge, have been carried out for a number of years by employees of the “Esik” Museum-Reserve. Joint international archaeological research was carried out with archaeologists from China and Korea. The site was unveiled as a result of research on an archaeological expedition led by famous archaeologist B.N. Nurmukhanbetov drew close attention to the obvious "unusual" mountain shelves of this area, which were certainly used in different periods of human history, as a certain "Ruler's Castle" towering above the Issyk burial ground. The article presents the results of field research conducted on the southeastern part of the Rakhat archaeological site in 2020. As a result of the research, a significant amount of information was obtained that expands knowledge in the field of material and spiritual culture of the medieval population of the northern slopes of Ile Alatau. The material was collected not only in the form of artifacts. Certain features were documented that reveal it as a sacred monument and ritual complexes on the territory of the Rakhat archaeological complex, structural symbols of iconic systems of religious and social relations from the Saka era to the 13th century were revealed.

Keywords: Zhetysu, Ile Alatau, museum-reserve "Esik", archaeology, ceramics, Middle Ages, historical topography, funeral rite

Введение. Результаты исследований, проведенных до 2020 г., говорят о том, что памятник является многофункциональным (и пока трудно выделить однозначно его типологию). Возможно, продолжение исследований приведет к выделению нового типа памятников в классификации исторических объектов Средних веков. В определенной мере будут стерты резкие грани между преимущественно кочевым и оседлым населением, а основное предназначение его будет иметь новую типологию – «культурный ландшафт», включающую разнообразные памятники, в том числе и временные.

Для проведения комплексных археологических исследований, которые ведутся уже несколько лет, была выбрана территория ущелья Рахат, та ее часть, которая по целевому назначению относится к категории «земли историко-культурного назначения». Ущелье, разделенное саями (сухими руслами временных водотоков), оказалось в значительной степени заполнено разнообразными и разновременными археологическими объектами. Поселения, построенные в различные периоды, имели постоянный источник воды, в основном это речка Рахат. Однако учитывая изменения климата, памятники могли располагаться рядом с многочисленными родниками, которых сейчас нет. Могли быть и другие памятники, функционировавшие на определенном удалении от источников воды, в частности,

Рис. 1. Памятник Рахат. Разметка площади раскопа

Рис. 2. Пятна подпрямоугольной формы в раскопе 4а

наблюдательные пункты, в том числе для подачи сигналов. Такая ситуация, по-видимому, наблюдалась в местности (горы) Басбатыр, расположенной на прилавках хребта Жетыжол. Там горные прилавки, скальные выходы сложены из камней, на которых были выбиты петроглифы в различное время – от эпохи бронзы до современности [Железняков, Херманн 2014].

Известно, что сакральные места, некрополи всегда устраивали в сухих возвышенных местах. Кроме того, культурные ландшафты, расположенные на границе, в данном случае гор и равнины, безусловно, наделялись значительной сакральной функцией. На плоской вершине и с небольшим уклоном поверхности увалов находятся разнотипные и разновременные памятники. К погребальным конструкциям, как правило, примыкают оседлые поселения и зимовки, неподалеку, но на разных высотных уровнях, обеспечивавших сухость почв.

О количестве и плотности памятников можно судить на сегодняшний день по размерам увалов, имеющих природное происхождение. Это мягко очерченные с пологими склонами лессовые возвышенности, вытянутые в длину от нескольких десятков метров до 1–2 км. Они возвышаются над окружающей поверхностью на высоту примерно 30–50 м.

Не менее интересны расположения памятников и по вертикали; подразумеваем при этом пояса русловых, прируслових, пойменных и надпойменных террас, а также конусов выноса реки Рахат до выхода ее на равнину. Все они содержат отмеченные выше типы объектов историко-культурного наследия. Есть и новые: водосборные сооружения, водопроводные каналы, водоотводные ирригационные системы.

Вопросы изучения исторической топографии памятников городской цивилизации и оседлой культуры (городов, поселений, других памятников, например, некрополей, относящихся к этой культуре) сопровождают археологию урбанизации с момента ее зарождения для выявления особенностей социальной и экономической жизни их обитателей.

К истории изучения Рахата. На сегодняшний день в Талгаро-Шелекском междуречье обнаружены десятки разновременных поселений, в том числе несколько средневековых укрепленных и неукрепленных. Ближайшее поселение – Кайназар, к сожалению, полностью распаханное и попавшее в зону отвода земель под дачные участки и иные крупные землеустроительные проекты последних десятилетий советского периода. Эти поселения – своеобразная сельская округа городов, развивавшаяся на направлениях торгового маршрута, проходившего недалеко от подножия гор, были, по-видимому, и весьма удаленные от городских центров поселения, жители которых занимались различными видами сельскохозяйственного производства. Там располагался и нынешний памятник Рахат, где несколько лет ведутся археологические исследования, каждый год извлекаются новые данные, артефакты. Проведенные научно-изыскательские работы свидетельствуют о наличии культурного слоя, связанного с ведением хозяйства: много очагов и тандыров, попадаются значительные по размеру фрагменты стен, обнаруживаются отверстия от опор (для навеса). Накоплен определенный керамический материал, укладывающийся в два культурных слоя Средних веков: IX–XI и XII – начало XIII в. [Айткул и др. 2021]. У исследователей данной проблемы перерыв между культурными слоями этого периода определяется в 60–90-е гг. XI в. [Копылов, Керекеша 1993: 125].

Показательны в этом плане работы казахстанско-китайской археологической экспедиции, длившейся с 2017 по 2019 г. [Ян и др. 2017; 2020], в которой совместно участвовали сотрудники музея-заповедника «Есік» и специалисты Института археологии провинции Шаньси КНР. Новые, более точные методы проведения документации (тахеометрическая съемка микрорельефа памятника, плановая и перспективная аэро- и ортофотосъемка) в изучении исторической топографии археологического ареала дали возможность не только уточнить многие достигнутые ранее результаты, но и позволили извлечь дополнительную информацию. Подробная топографическая съемка в сочетании с аэрофотосъемкой дали также надежный материал для определения границы памятников оседлой культуры. Всё это, бесспорно, расширяет круг источниковедческой базы истории памятников городского типа Рахат и Өрікті, оседлых поселений городской округи, святилищ Таукелы и Тургень.

Но наряду с этим имеются еще существенные пробелы в изучении исторической топографии памятников. При этом за пределами центральных бугров поселений и их округи вне поля зрения исследователей оставались и продолжают оставаться еще немало объектов, составляющих комплекс городских древностей, в том числе некрополи. Реализация совместных проектов исследований выявила необходимость расширения площади раскопок для получения информативного материала и выявления более ранних культурных пластов городской культуры, следов взаимодействия с традиционной культурой номадов Жетысу.

Памятник Рахат расположен у подножия отрогов гор Иле Алатау (на плоской вершине и прилегающем,

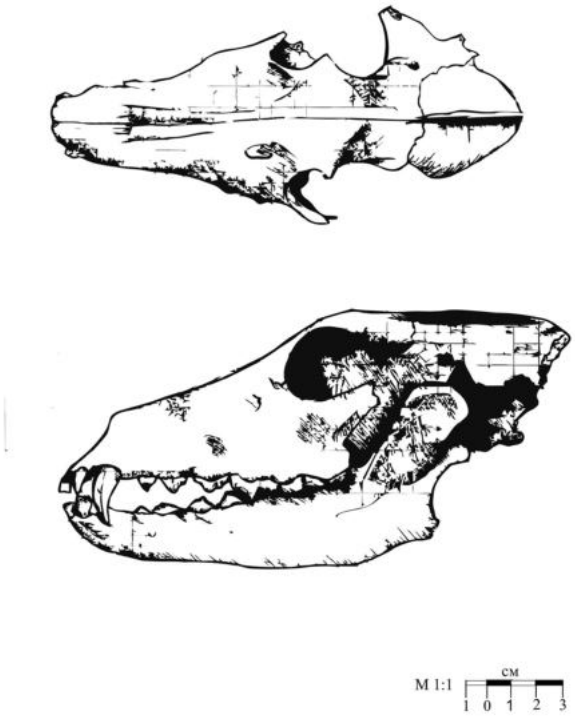

Рис. 3. Раскоп 4а. Череп животного из семейства псовых

почти горизонтальном пространстве нижнего лессового прилавка), в 3 км к ЮЮЗ от Иссыкского некрополя и непосредственно примыкает к с. Рахат, находящемуся в 5 км к западу от г. Есик (Енбекшиказахский р-н, Алматинская обл.), чуть выше трассы Есик–Талгар.

Описание раскопов 2020 г. В этом сезоне археологические работы на памятнике Рахат были проведены на одном из южных земляных валов; в юго-восточной его части был заложен раскоп площадью 6×10 м (раскоп 4а) по оси С–Ю (рис. 1), вблизи раскопанных площадей полевого сезона 2019 г.

Раскоп 4а. В процессе разметки раскопа была оставлена бровка, отделяющая прежние вскрытые площади от намеченных нынешних, шириной 50 см. Площадь раскопа составила 60 кв. м.

В процессе удаления дернового слоя были выявлены фрагменты керамики (венчики, стенки, ручки, донца сосудов), кости животных, отдельно лежащие камни. В процессе дальнейшего углубления также встречались керамические обломки и остеологический материал. В восточной части раскопа на глубине 35 см, ниже выявленного плоского камня подпрямоугольной формы было обнаружено изделие из кости, представляющее собой шарик на призматической подставке (возможно, деталь на вершине другого изделия). Дальнейшее исследование артефакта по аналогиям идентифицировало его как шахматную фигуру.

При последующей зачистке раскопа 4а на глубине 50 см были выявлены пятна в северной его части: два подпрямоугольной формы размерами 3,4×1 м (углубление 1), 4,2×1,1 м (углубление 2) (рис. 2), одно округлой формы у самой стенки раскопа размером 1×1,4 м; обследование его на глубину 40 см выявило наличие хозяйственной ямы, в заполнении которой в основном находилась битая посуда.

Углубление 1. При раскопе на глубину 50 см обнаружены костные останки животных, среди них лопатка – в юго-восточной части. При исследовании площади на глубине 70 см найден череп животного из семейства псовых (рис. 3). Передняя и затылочная его части залегали по оси СЗ–ЮВ.

Углубление 2. Раскоп на глубину 50 см выявил разрозненно лежащие камни, фрагмент сосуда, мелкие фрагменты костей животных. Общая зачистка пола южной половины раскопа 4а на 20 см определила наличие пятна округлой формы у восточной стенки размером 96×75 см (углубление 3).

Углубление 3. При зачистке на глубину 5 см были найдены фрагменты двух ручек сосудов и фрагмент кости. Дальнейшее углубление по контуру на 5 см выявило скопление камней (обломков и окатанных) вместе с фрагментами костей животных. В последующем, нивелируя основание пола раскопа 4а, в южной его половине, углубившись на 65 см, обнаружили скопление фрагментов человеческих костей на площади 5 кв. м. Кости залегали в разбросанном состоянии вперемешку с битой посудой (рис. 4). Продвинувшись вниз на 10 см от скопления костей, зафиксировали пятно подовальной формы размером 3×1,7 м (углубление 4).

Углубление 4. Изъятие грунта по контурам всей площади на глубине 10–15 см выявило скопление человеческих останков. В северной части находилась масса следующих костных фрагментов: два обломка верхней части черепной коробки, нижняя челюсть, две ключицы, три позвонка, одна лопатка, два зуба, два фрагмента ребра. В юго-восточной части находились преимущественно трубчатые кости рук и ног, фрагмент тазовой кости и ребра, два керамических осколка. У восточной стенки обнаружены два костных фрагмента.

Последующее исследование углублений 1 и 2 указало на их единое цветовое заполнение и определило

наличие единой площади Г-образной формы размером 180×300 см (углубление Г) (рис. 5).

Углубление Г. Изъятие грунта на глубину 1 м обнаружило наличие остатков золы. Видимо, это следы прокала (зольника) округлой формы диаметром 114 см и мощностью 5 см (рис. 6). Зачистка выявила обломки камней и фрагменты керамики. Немного южнее, фактически вплотную к нему примыкало пятно округлой формы размером 1,14×66 см, в заполнении которого выявлены небольшие камни и фрагмент кости животного. Дальнейшее изъятие грунта западной части углубления Г по контурам ямы, примыкающей к прокалу на 65 см, обнаружило наличие двух жерновов (рис. 7, 8). Они залегали вплотную друг к другу по оси СВ–ЮЗ, у северо-восточных краев каждого находились окатанные камни продолговатой формы, напоминающие песты. Восточная часть ямки Г на глубине 80 см не выявила каких-либо материалов. По внешней части углубления Г, в северо-восточном углу находился грунт рыжеватого цвета. При его расчистке были обнаружены следы прокала мощностью до 5 см, размером 10×15 см.

Вблизи углубления Г, северо-западнее от него, было замечено пятно подпрямоугольной формы размером 135×155×75×170 см (углубление 5). С северо-запада вплотную к нему примыкало еще одно пятно овальной формы размером 81×65 см. В нем на глубине 40 см были найдены фрагменты битой керамики и кости; это была хозяйственная яма (рис. 9).

Углубление 5. Изъятие грунта на 25 см вскрыло наличие донцев сосудов; один находился в северо-восточной части, другой – в северо-западной. Характерным для обоих является одинаковая техника изготовления на гончарном круге. Дальнейшая зачистка на глубину 75 см не выявила каких-либо материалов.

В последующем углубления Г и 5 были расширены в восточную сторону до стенок раскопа 4а, однако не выявило культурных отложений, исходя из чего было принято решение о закладке вдоль восточной стены раскопа 4а разведывательного стратиграфического шурфа-траншеи площадью 7×1 м. Продвижение вдоль границ траншеи на 4 м не выявило культурных слоев. На восточной стене раскопа 4а и траншеи по всему профилю была нанесена разметка в виде прочерченных квадратов размером 50×50 см для чтения стратиграфии (табл.), в том числе северных и южных стенок траншеи, и фиксации ее в графическом виде.

Таблица – Литолого-стратиграфическая колонка разрезов северной, восточной, южной стенок траншеи

№	Наименование заполнения слоя	Толщина слоя (в см)		
		Северная стенка	Восточная стенка	Южная стенка
1	Лессовидные суглинки светлого цвета	80	120	82
2	Лессовидные суглинки темно-серого цвета	50	60	49
3	Косоволнистые и волнистые лессовидные суглинки темно-серого цвета	40	45	42
4	Почвенный горизонт	35	54	44
5	Лессовые породы	59	70	59

Раскоп 4б. С целью доисследования оставшейся юго-восточной площади упомянутого земляного вала памятника был заложен дополнительный небольшой раскоп размером 5×4,4×6,6 м. Раскоп имел треугольную форму, поскольку его южная часть уходила в склон вала, общая площадь составила 12 кв. м. В процессе вскрытия вновь заложенного раскопа по всей его площади также встречались фрагменты керамики, костный материал. На глубине 65–70 см в юго-западном углу раскопа было обнаружено скопление костных останков животных (возможно, лошади и овцы) вперемешку с битой керамикой. Правее обнаруживалось пятно округлой формы, частью уходящей в стенку раскопа размером 60×70 см Расчистка его на глубину 1,30 см выявила большое количество битой керамики. Последующее углубление вдоль границ пятна на глубину 30–35 см определило наличие камней и разрозненных костных останков животных. Зачистка западной

Рис. 4. Южная половина раскопа 4а. Скопление человеческих костей

стенки пятна выявила круглые пятна необожженной глины светло-коричневого цвета. Углубившись еще на 30 см, ничего больше не зафиксировали.

При удалении бровки, отделяющей раскопы 4а и 4б, по центру на глубине 50 см было обнаружено пятно подпрямоугольной формы размером 45×65 см, в заполнении которого найдено скопление битой посуды, там же найдены обломки ручек и венчиков. Удаление бровки по контуру упомянутого пятна еще на 10 см помогло выявить венчик хума, а раскоп бровки по указанному контуру до основания раскопов на 25 см – череп из семейства псовых, залегавший строго по оси З–В (рис. 10).

Выход на материковый слой в раскопах 4а и 4б, полевое обследование разведывательно-стратиграфической траншеи раскопа 4а определили завершение цикла археологических работ на памятнике Рахат в сезоне 2020 г.

Керамическая коллекция, полученная как из раскопок Рахата, так и как подъемный материал, представлена в основном неоднородным собранием большого количества керамических фрагментов (рис. 11), типологическая направленность которого позволяет подразделить его на две группы: лепная и станковая. Обращают на себя внимание котлы, имеющие две стандартные горизонтальные петлевидные ручки, округлые в сечении, часто скрученные в виде жгута. На отдельных из них в местах крепления к тулову имеются пальцевые вдавления или насечки. Встречаются ручки в виде ушка. Стенки толстые, изготовлены из огнеупорной керамики со значительными включениями и порами.

Анализ керамики позволяет углубиться в суть исторического процесса и реконструировать его на конкретных артефактах. Керамический комплекс поселения, или, скорее, культового места памятника Рахат, характеризуется достаточно типичным для караханидской эпохи набором форм [Мұхтарова және т. б. 2018; Тулегенов и др. 2020: 65–78; Мухтарова и др. 2020: 82–93; Айткул и др. 2021].

Необходимо отметить, что подавляющее большинство находок в раскопах на памятнике связано именно с периодом X–XII вв. Небольшой по площади участок дневной поверхности рядом с «цитаделью» Рахата, которая относится к периоду X–XII вв., перекрыт к настоящему времени слоем около 25–30 см поздних напластований, в основном почвенного слоя, а также возможных временных стоянок, связанных с постоянным присутствием здесь кочевой, даже скорее полукочевой культуры. Необходимо отметить, что территория

Рис. 5. Углубление Г раскопа 4а

Рис. 6. Углубление Г, раскоп 4а. Следы прокала (зольника)

памятника, пригодная для хозяйственных, жилых, а самое главное – ритуальных нужд и захоронений, очень ограничена. Памятник возвышается над окружением, и доставка воды к жилью являлась бы особой проблемой или привилегией для особой прослойки людей, несущих службу правителю; это можно связывать с периодом расцвета сакской культуры, строительством некрополя Иссык. Поэтому визуальное обследование территории Рахата, прилегающей к квадратной возвышающейся «цитадели», говорило о возможном его использовании именно под погребения и ритуальные нужды, о чем явно свидетельствуют вскрытые захоронения животных из семейства псовых (возможно, двух собак), где находятся только их черепа.

Находки человеческих костей в углублении 4 раскопа 4а на памятнике Рахат, в культурном слое, который хорошо датируется керамикой караханидского периода, сначала вызвали некоторые вопросы. Кости были зачищены и зафиксированы. Необходимо отметить их явное «упорядочивание»: подобное по форме к подобному, разъединенные отдельные кости позвоночника в одном месте вкупе с фрагментами лопаток и различного размера фрагментами костей двух черепов; длинные кости ног, рук; на некотором расстоянии ребра, также совместно и компактно уложенные, зафиксированы еще дальше от места, где позвонки и отдельные кости черепа явно разделены и «утилизированы». Расположение костей, вероятно, указывало либо на «временность» такого их размещения, либо на известный ритуал, где происходило отделение костей умершего от плоти, в том числе на площадках, выложенных камнями, на глиняной «подушке». Возможно, что последовавшие затем события изменили ход ритуала, который был достаточно продолжителен по времени, мог зависеть и от сезона года. Человеческие кости были разложены в определенном порядке. Принадлежали они двум захороненным, судя по фрагментам двух черепов. Ребра были компактно сложены в кучку, чуть поодаль – черепа, на них следы трепанации: в теменной части высверлены отверстия по окружности свода диаметром чуть более 10 см.

Кости были аккуратно разложены служителем или родственником, на непросвещенный взгляд неспециалиста. Создавалось впечатление, что был совершен некий обряд, напоминающий один из возможных маздеистских, в ходе которого происходил один из вариантов «утилизации» человеческих останков. Очевидно, что многометровая толща лессовых напластований могла интерпретироваться служителями как некая подушка, совершенно изолирующая от земли,

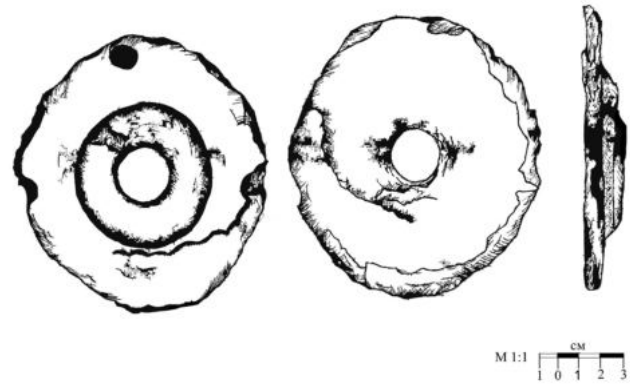

Рис. 7. Углубление Г, раскоп 4а. Каменные жернова

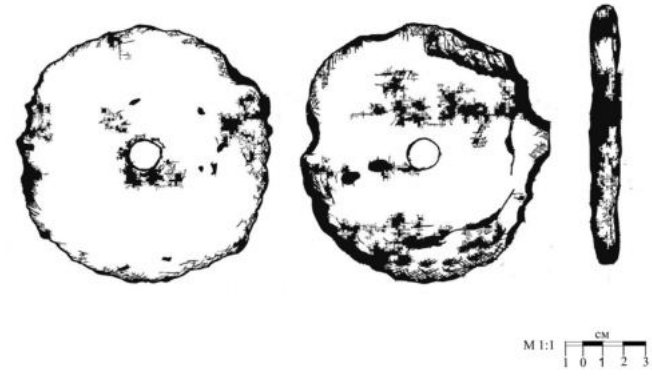

Рис. 8. Углубление Г, раскоп 4а. Каменные жернова

контакт с которой был бы невозможен. В любом случае проведение обрядов диктовалось возможностями данной общины или группы.

Сопоставив полученные данные, нами была определена наиболее логичная версия находкам и их положению в пространстве. Зороастризм назван «первой экологической религией», поскольку предусматривал максимально щадящую для природы модель захоронения (без контакта с разлагавшейся плотью и занимавшую компактное место при окончательном захоронении только крупных костей). А это, безусловно, интересовало древних людей, исповедовавших традиционную духовную культуру городского населения; среди многих религий зороастризм занимал значительное место. У приверженцев зороастризма на относительном удалении от жилых построек имелась

общественная дахма, где происходило «ускоренное» отделение костей от тела (разными способами), или, как это происходило в Южном Казахстане в проветриваемых наусах, в течение относительно длительного периода естественным путем. Большой семье принадлежал один или несколько соседних наусов [Смагулов 218: 246]. В основе обряда лежало представление, о том, что живые, не испытывая к трупу никакого почтения, воспринимали тело умершего только как оскверняющую материю, «символ временной победы Ахримана в земном мире» [Мейтарчиян 2001: 127].

Способом захоронения, имевшим значительное распространение и зафиксированным при раскопках города и некрополя Тараза, был зороастрийский – маздеистский. Он предусматривал окончательное захоронение костей, предварительно отделенных от плоти умершего, в керамических костехранилищах различных форм. Далеко не все могли позволить захоронить останки умершего в специально созданном оссуарии, чаще производились захоронения в хумах, иногда индивидуальных. В них были предусмотрены ушки на плечиках, чтобы привязать керамическую крышку, также с ушками. В странах, где захоронения проводились массово, кости могли «утилизироваться» в огромных ямах рядом с дахмами и внутри этих башен молчания. Например, в Йезде сохранилась дахма – башня больших размеров круглой формы, с вымощенной камнем поверхностью, в центре имелось отверстие, куда закидывались кости, объеденные хищными птицами-падальщиками. Дахмы были для мужчин и женщин – специально возведены на двух соседних горах. В городах выявлены некрополи, где совершались обряды их жителями.

Обряд захоронения и у населения преимущественно кочевого, полукочевого хозяйственно-культурного типа, столетиями ведшего традиционный и «завещанный» образ жизни, имел разные формы в раннем Средневековье, и различия накапливались. Вскрытые Ф.Х. Арслановой курганы с кремированными (на стороне) останками [Арсланова 1972: 56, 57], фактически так же «изолировали» почву от контакта с «тленом», но сохраняли традицию захоронения в кургане. Исследователь датировала данные захоронения IX в. [Арсланова 1972: 75]. Ф.Х. Арсланова усмотрела явные связи и взаимовлияние кочевников Прииртышья (кимаков) и населения Тувы и Хакасии (куда все активнее проникали проповедники, в том числе манихейства), о чем много писали Л.Р. Кызласов и И.Л. Кызласов. О погребениях манихеев на Ак-Бешиме писал Л.Р. Кызласов. Правда, он отмечал, что все захоронения костей в хумах являются манихейскими [Кызласов 2006: 150]. Хотя понятно, что манихейское учение, возникнув в III в. н.э., восприняло этот обряд от зороастрийцев, хорошо фиксируемый в Хорезме еще с IV в. до н.э. [Рапопорт 1971: 16], в Согде – лишь с IV в. н.э., по-видимому, веком позже – в Южном Казахстане.

Исследовательские работы на памятнике Рахат в полевом сезоне 2020 г. подтвердили выводы раскопок 2019 г. Так, очевидным стало наличие погребально-поминального комплекса на памятнике Рахат с захоронениями зороастрийского типа в период прихода мусульманства в Южный Казахстан и Жетысу. Регион Иле Алатау географически ближе к Южному Казах-

Рис. 9. Раскоп 4а. Углубление 5 и хозяйственная яма

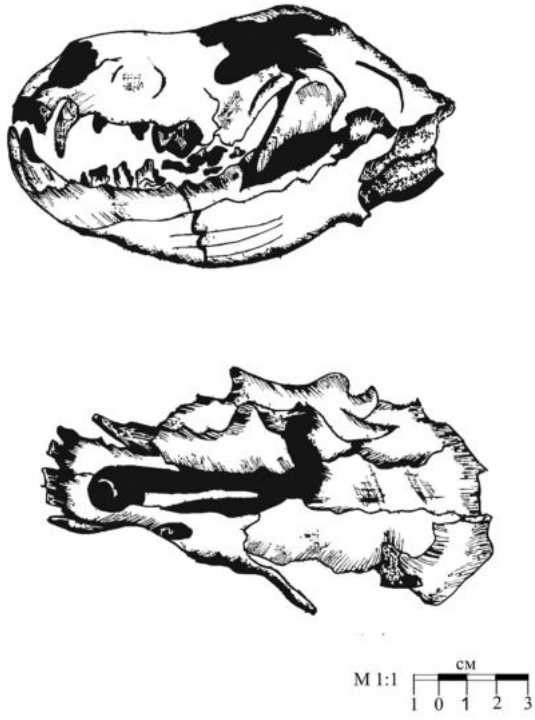

Рис. 10. Череп животного из семейства псовых в разрезе бровки между раскопами 4а и 4б

стану, где лишь недавно был зафиксирован первый оссуарий с человеческими костями, черепом и сопровождающим кувшином [Байтанаев, Железняков 2020]. Тем самым подтверждается предположение о том, что в Южном Казахстане зороастрийский – маздеистский обряд совершался с соблюдением определенных действий, говорящих об очевидном почтении к умершему («по-родственному»). Ранее отмечались редкие случаи окончательного захоронения в хумах, в том числе в специально изготовленных для погребения местных зороастрийцев [Байтанаев, Железняков 2020: 126–128]. Особенно это относится к Таласской долине, где погребальный обряд, связанный с зороастризмом, фиксируется еще в раннеисламском периоде, по мнению Г.И. Пацевича, проводившего полевые исследования едва ли не до раннего периода монгольской империи [Пацевич 1948: 98–104]. По оживленному отрезку Великого шелкового пути, от Тараза до Койлыка (и Восточного Туркестана) передвигались представители самых разных религий, целые общины, в том числе и совершавших обряды. Естественного происхождения нижние прилавки гор могли использоваться и как поселения-убежища, места совершения захоронений и каких-то небольших ремесленных производств.

Безусловно, в этой культуре погребально-поминального цикла подготовки умершего к окончательному захоронению периода раннего Средневековья были свои локальные особенности. Антропологический материал углубления 4 свидетельствует об одном из вариантов зороастрийского погребального обряда, бытовавшего на памятнике Рахат у населения, которое обитало в этом микрорегионе, у места выхода реки Рахат из ущелья на Илейскую долину, в X–XII вв. Дополнительные исследования, в том числе, возможно, и антропологические, позволят уточнить датировку бытования подобного обряда у значительной части населения региона северных склонов Иле Алатау. Но, как отмечала Т.Н. Сенигова, приводя конкретные примеры из практики Жамбылского района [Сенигова 1968: 53–55], пережитки зороастрийских обрядов спокойно существовали практически до конца XIX в.

Таким образом, остеологический материал (человеческие захоронения) вкупе с керамическим предварительно датируют раскопанные площади на памятнике Рахат, в том числе полевого сезона 2019 г., тюрко-согдийским периодом и совмещают в себе признаки наличия жилых и погребально-поминальных помещений. Дальнейшие археологические исследования на памятнике дополнят и уточнят данные выводы, полученные по фрагментам двух костяков, подготовленных к утилизации, но так и не захороненных в оссуарии или сосуде в укромном месте.

Керамика из культурного слоя раскопа Рахат может свидетельствовать о том, что она относится ко времени наибольшего расцвета средневековой городской культуры в регионе – к эпохе Караханидов (X – начало XIII в.). Очевидно, что тогда было освоено практически все наиболее удобное подгорное пространство Иле Алатау. Численность населения росла, и оно было занято различными видами сельскохозяйственного, в том числе и земледельческого, производства. Вдоль прилавков значительно уплотнилась сеть дорог локального значения, связывавшая города, отрезки Великого шелкового пути с весьма отдаленными подгорными территориями, где выращивалась продукция. Вероятно, это был процесс, не только связанный с функционированием трасс Великого шелкового пути, но с целым комплексом синхронных процессов, о которых, в частности, пишут Н.М. Зиняков и Т.В. Савельева [Зиняков, Савельева 2020: 279–297]. Крайне малое число фрагментов керамики (сравнительно со всем ее объемом, происходящим из культурных слоев памятника Рахат) имеет орнаментацию, и отсутствует штампованная керамика, которую массово производили, например, в Отрарском оазисе [Железняков 2008:

200–217]. По-видимому, сами гладкие формы сосудов, сделанных на «быстром» круге и покрытых ангобом и лишь изредка дополнительной орнаментацией, явились достаточно новыми для населения региона. Однако донца сосудов/кувшинов с внутренней стороны содержат спираль (от пальцев изготовителя на круге), схожую по своей семантике с «вихревой» розеткой – центральным элементом орнамента, которым украшались блюда с подглазурной росписью того времени из Отрара и Тараза.

Как известно, у «солнцеворота» были и другие символы. Даже по таким отрывочным источникам, как несколько десятков фрагментов керамики, можно судить о том, что гончары караханидского времени подгорной зоны Иле Алатау владели привнесенными из Южного Казахстана способами изготовления керамической посуды. Итоги лабораторных исследований, в частности палинологический анализ, указывают на то, что пыльца и споры растений из культурных слоев памятника Рахат, датируемого X–XII вв., фактически не отличаются от современной растительности урочища Рахат. Они представлены травянисто-кустарничковыми формами, очень характерными в целом для степного пояса Иле Алатау.

Заключение. Изучение археологического комплекса Рахат находится все еще на начальной стадии, несмотря на определенные успехи можно уверенно свидетельствовать, что ранее подобные памятники не изучались. Имеющийся накопленный материал за последние годы лишь наметил общие контуры в реконструкции исторических процессов, происходивших на его территории. Необходимо проведение дальнейших масштабных исследований, имеющих междисциплинарный характер, что позволит дополнить, а возможно и скорректировать этапы в развитии древней и средневековой культуры насельников региона Жетысу. Это позволит максимально уточнить типологию данного памятника, которая, скорее всего, дополнит традиционную дифференциацию средневековых памятников региона. Ранее памятники карлукского и караханидского времени относились к поселениям-убежищам, могильникам, ритуальным площадкам или святилищам. Похоже, что на ограниченной площади есть все подобные памятники. Кроме того, найдены и следы, возможно, ювелирной ремесленной мастерской, но требуется больше археологических свидетельств.

Вполне вероятно, что традиция «утилизации» костных останков по некоему «маздеистскому» обряду,

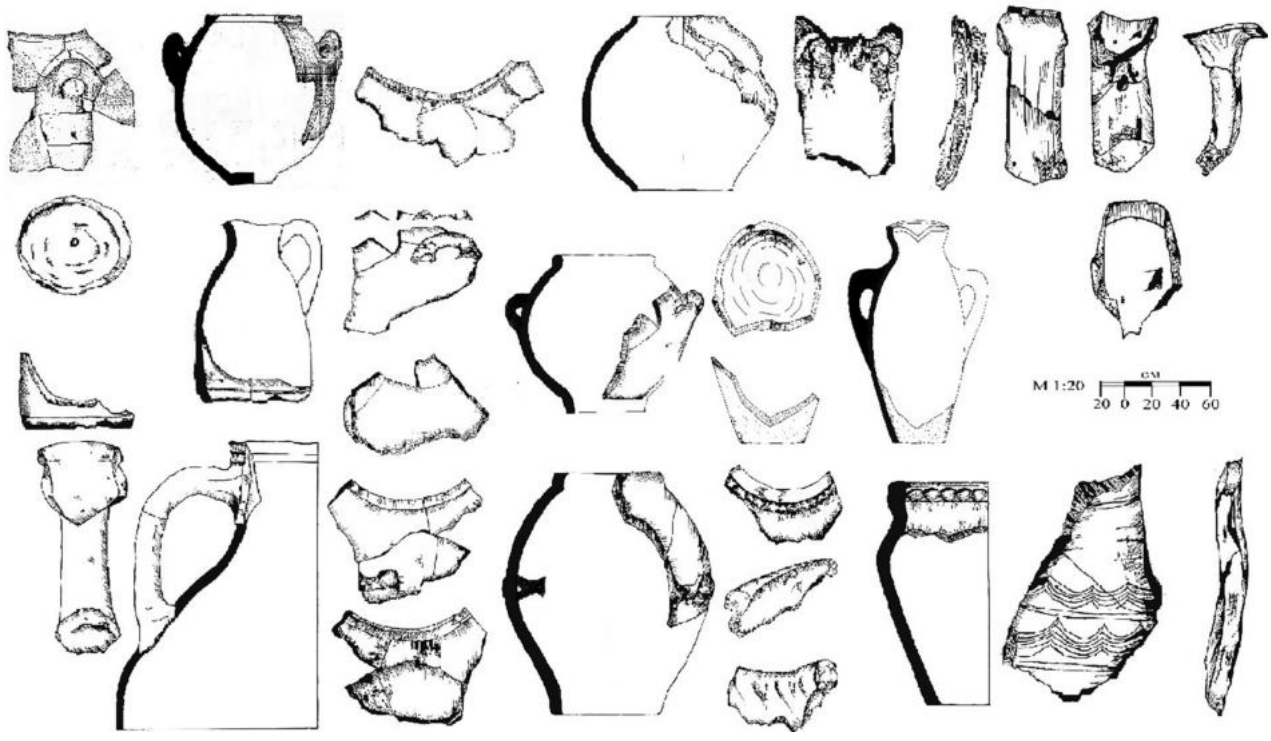

Рис. 11. Раскопы 4а и 4б. Фрагменты керамики

исключавшему попадание тлена в почву и землю, берет начало из региона, судя, например, по материалам Борижарского могильника, где в наусах глиняная поверхность поля выкладывалась камнями средних размеров. В начале 1970-х гг. на Средней Арыси раскопками могильника, являющегося самым крупным в Южном Казахстане, занимался Б.Н. Нурмуханбетов. Но такая спокойная жизнь маздеистских общин к началу I тыс. н.э. уже прекратилась на большей части территории Южного Казахстана. Вполне возможно, что в период XI – начала XIII в. здесь осуществляли захоронения выходцы из южного региона Казахстана, где подобные обряды процветали как минимум с V в. н.э.

Однако приверженцы «экологической» религии в исследуемой местности не располагали подобными наусами – предтечами мавзолеев, по крайней мере, они не зафиксированы. Кроме того, например, в Иране зороастрийская обрядность значительно отличалась от Хорезма и его оссуарного обряда, распространившегося по всему региону от Каспия до Памира и Тянь-Шаня, то есть не только на территориях легендарных Ирана и Турана. Кроме того, было обнаружено и захоронение собаки, по-видимому, ритуальное. Тем самым все более подтверждается предположение (на основании выявленных в культурных слоях артефактов, следов захоронений и ритуальных действий) об обрядовом использовании территории памятника Рахат.

ЛИТЕРАТУРА

Айткул Х., Железняков Б.А., Зікірия Д.Қ. Керамика поселения Рахат IX – начала XIII в. (предварительные результаты полевых исследований в ущелье Рахат в 2021 г.) // Хабаршы «Тарих сериясы». 2021. № 4 (103). С. 101–111.

Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 56–76.

Байтанаев Б.А., Железняков Б.А. Погребальные зороастрийские сосуды из Южного Казахстана // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 119–129.

Железняков Б.А. Орнамент на керамике в караханидское время: о природе культурных взаимодействий территории Южного Казахстана // Известия НАН МОН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1. С. 200–217.

Железняков Б.А., Херманн Л. Петроглифы Басбатыра // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2014. № 5 (297), сентябрь – октябрь. С. 30–39.

Зиняков Н. М., Савельева Т. В. Палеоэкономика средневековых городов Илийской долины VIII–XIV вв. (по археологическим источникам). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. 520 с.

Копылов И.И., Керекеша Л.И. Талкир (Девний Талгар) – развилка Великого шелкового пути // Археологические памятники на Великом шелковом пути. Алматы: АГУ им. Абая, 1993. С. 122–136.

Кызласов Л.Р. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2006. № 2. С. 138–150.

Мейтарчиян М. Погребальные обряды зороастрийцев. М.: ИВ РАН; СПб.: «Летний сад», 2001. 242 с.

Мұхтарова Г.Р., Тулегенов Т.Ж., Құрбанәлі Ж., Ян Д., Ифей М., Ханчин Д., Рахат қалашығындағы 2017 жылы жүргізілген археологиялық ізденіс жұмыстарының кейбір қорытындылары // Электрондық ғылыми журналы «edu.ehistory.kz». 2018. № 2 (14). URL: http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/837 (дата обращения 31.01.2020 г.).

Мухтарова Г.Р., Железняков Б.А., Тулегенов Т.Ж. Средневековая керамика поселения Рахат (по материалам исследований 2019–2020 гг.) // Археология Казахстана. 2020. № 3 (9). С. 82–93.

Пацевич Г.И. Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасе // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1948. Вып. I. № 46. С. 98–104.

Рапопорт Ю.А. Из истории религии Древнего Хорезма (оссуарии) // Труды ХАЭЭ. VI. М.: Наука, 1971. 128 с.

Сенигова Т.Н. Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI–VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 51–67.

Смагулов Е.А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Средней Азии // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей: Труды ИИМК РАН. СПб.: ИИМК РАН, ГЭ, 2018. Т. 47. С. 241–249.

Тулегенов Т.Ж., Чекин А.Г., Курбанали Ж. Археологические раскопки городища Рахат в полевом сезоне 2019 г. // Археология Казахстана. 2020. № 2 (8). С. 65–78.

Ян Д., Ифей М., Ханчин Д., Юн Л.Д., Мухтарова Г.Р., Тойбаев Т.Н., Тулегенов Т.Ж. Рахат қалашығындағы барлау және қазба жұмысы туралы // Археология и культурное наследие. 2017. № 6 (239). С. 121–123.

Ян Д., Ифей М., Ханчин Д., Юн Л.Д., Мухтарова Г.Р., Тойбаев Т.Н., Тулегенов Т.Ж., Құрбанәлі Ж. Қазақстан Есік-Рахат оңтүстік-шығысындағы ерте темір дәуіріне жататын № 1 қорғанының қазба есебі // Археология и культурное наследие. 2020. № 3. С. 3–12.

А.Н. ПОДУШКИН
Н.Ж. ТОРЕЖАНОВА
О.А. МЯКИШЕВА

Александр Николаевич Подушкин,
p_a_n_alex@mail.ru,
Набира Жанузаковна Торежанова,
nabi2nabi@mail.ru,
Ольга Александровна Мякишева,
myakishevao@mail.ru,
Центральный государственный музей РК,
г. Алматы, Казахстан

ИТОГИ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ в УРОЧИЩЕ АКТЕРЕК ЗА 2021 г.*

Аннотация. В статье представлены результаты полевых исследований, проведенных археологической экспедицией Центрального государственного музея Республики Казахстан в полевом сезоне 2021 г. в урочище Актерек. Целью исследования является комплексное археологическое изучение урочища Актерек (Алматинская обл.), выявление особенностей и связей между разновременными археологическими памятниками. В ходе исследования проведены картографирование курганных могильников раннего железного века, раскопки четырех курганов, обнаружены ранее неизвестные места скопления петроглифов и следы жилищ – святилищ, которые предварительно можно датировать временем от эпохи бронзы до Средневековья.

Ключевые слова: археология, Актерек, курганы, поселения, петроглифы, памятники, ущелье

2021 ж. Ақтерек шатқалындағы археологиялық далалық зерттеудің қортындылары

Аннотация. Мақалада 2021 ж. Қазақстан Республикасы мемлекеттік Орталық музейінің археологиялық экспедициясының Ақтерек шатқалына жүргізген далалық зерттеу нәтижелері берілген. Зерттеу мақсаты Ақтерек шатқалына кешенді археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізу (Алматы облысы), әртүрлі археологиялық ескерткіштер арасындағы ерекшеліктер мен байланыстарды анықтау. Зерттеу барысында ерте темір дәуіріне жататын обалық қорымдар картографияланды, 4 обаға қазба жүргізілді, бұрын белгісіз петроглифтердің шоғырланған орны және қола және орта ғасыр кезеңдеріне жататын үй құрылысы – ғибадатхана орны анықталды.

Түйін сөздер: археология, Ақтерек, обалар, қоныстар, петроглифтер, ескерткіштер, шатқал

The results of field archaeological research in the Akterek tract for 2021

Abstract. The article presents the results of field research conducted by the archaeological expedition of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan in the field season of 2021 in the tract Akterek. The purpose of the study is a comprehensive archaeological study of the Akterek tract (Almaty region), identification of features and connections between archaeological sites of different times. In the course of the study, the mapping of burial mounds of the early Iron Age, the excavation of 4 mounds were carried out, previously unknown places of accumulation of petroglyphs and traces of dwellings – sanctuaries were discovered, which can be dated from the Bronze Age to the Middle Ages.

Keywords: archaeology, Akterek, mounds, settlements, petroglyphs, monuments, gorge

В полевом сезоне 2021 г. археологической экспедицией Центрального государственного музея Республики Казахстан (далее – ЦГМ РК) в рамках реализации научно-прикладного исследования «Археологические памятники урочища Актерек: вопросы топографии, типологии и музеефикации» был проведен комплекс научно-исследовательских работ в урочище Актерек. В ходе исследования проведены топографическое и геоморфологическое картографирование археологических памятников, раскопки четырех курганов раннего железного века, а также проведены предварительные исследования жилищ поселения, расположенного в ущелье Жарты-ай; зафиксированы 20 групп петроглифов. С помощью квадрокоптера были выявлены и зафиксированы новые археологические объекты, размещенные около пос. Актерек (Жамбылский р-н,

© 2022 Подушкин А.Н., Торежанова Н.Ж., Мякишева О.А.
**Статья подготовлена в рамках реализации научно-прикладного исследования ИРН программы BR08555277, финансируемой бюджетной программой, администрированной МКС РК, 2020–2022.*

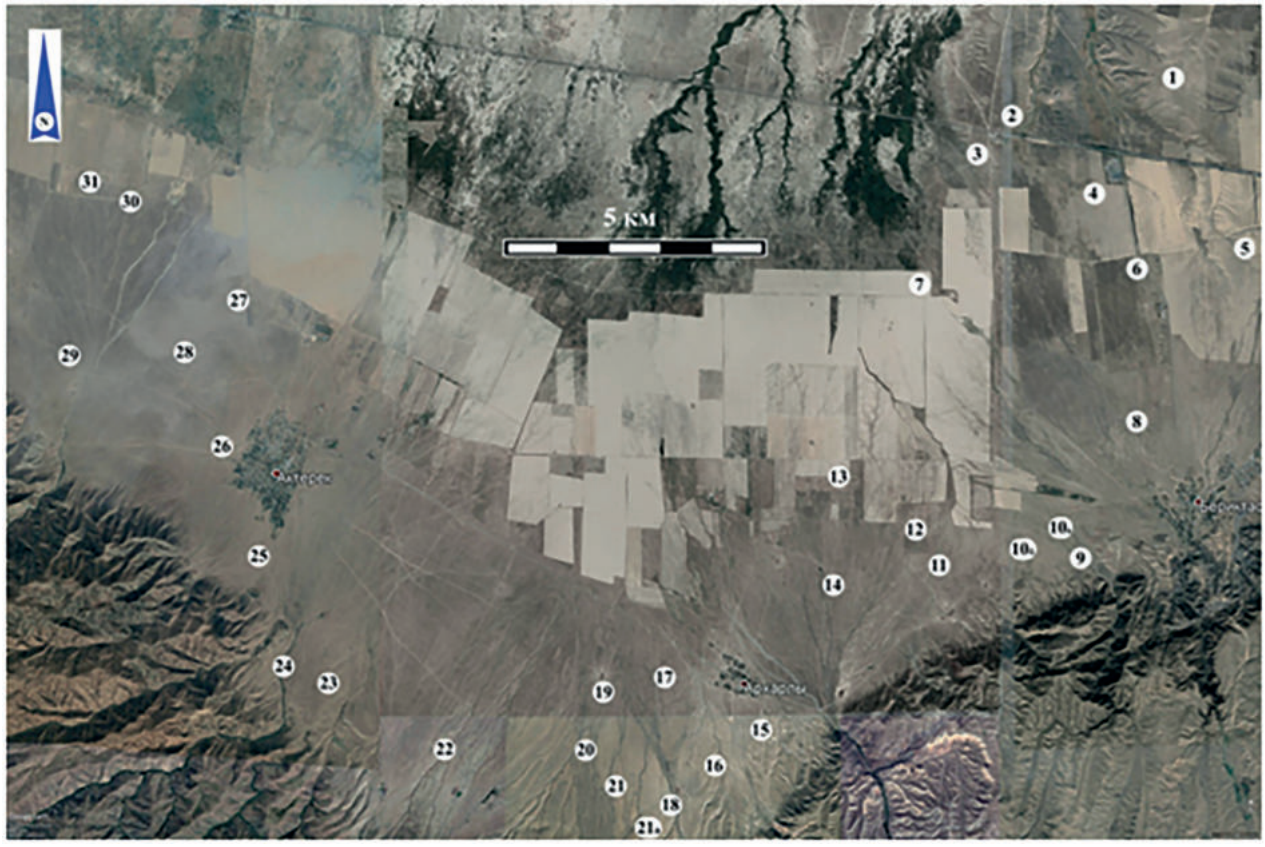

Рис. 1. Археологическая карта региона «Актерек – Архарлы – Бериктас»

Алматинская обл.): курганные могильники, состоящие из цепочек курганов, одиночные курганы, поселения, городища (или усадьбы), святилища (скопления петроглифов). Целью исследования являлось получение наиболее полной картины местонахождения археологических объектов на территории указанной зоны, предварительно определить их историко-культурную принадлежность, хронологию и перспективу научного исследования в будущем.

Исследуемый регион расположен на северо-западных склонах горной системы Илейского Алатау и восточных отрогов Шу-Илейских гор, общая его площадь составляет порядка 230–250 кв.км. В административном плане он представляет собой территорию Жамбылского района Алматинской области. Заметим, что основная масса археологических памятников изучаемого региона концентрируется на участках, примыкающих к выходу небольших рек из горных ущелий, располагаются в непосредственной близости от них или на небольшом расстоянии (несколько километров), на равнине. При этом археологические объекты фиксируются на обоих невысоких надпойменных террасах указанных рек.

Основным результатом картографических работ стала археологическая карта региона «Актерек – Архарлы – Бериктас» (рис. 1), на которой помещены и отмечены все исследуемые на данный момент археологические объекты общим количеством 31. Информация приведена в следующем порядке: местонахождение памятника (группы памятников) на местности (с привязкой к современному населенному пункту); типология и топография объекта (курганы, оградки); количество в группе; краткое описание памятника, его размеры; предварительная историко-культурная идентификация; фиксация в формате GPS.

Археологические памятники представлены курганными могильниками, одиночными курганами, расположенными около сел Актерек, Бериктас и Архарлы. Курганы сложены из лёсса, мелкого камня, некоторые имеют кольцевые рвы вокруг основной насыпи. Могильник относится к памятникам, чьи насыпи протянулись цепочкой почти в направлении С–Ю. Все курганы

имеют следы ограбления в древности (грабительские воронки в верхней части насыпей).

Предварительная историко-культурная идентификация и хронология памятника: сако-усуньский период III в. до н.э. – II в. н.э. (рис. 2, 3).

В результате комплексных картографических работ в зоне Актерек–Архарлы–Бериктас, которые планомерно осуществлялись методом сплошного обследования предгорных и равнинных ландшафтов с последующим созданием полной картины картографического наполнения выявленных памятников археологии, удалось сделать следующее:

1) общее количество археологических объектов, которые подверглись обследованию, – одиночные курганы «царского» типа, курганные могильники (фиксация квадрокоптером, фото- и видеофиксация, первоначальное описание в контексте типологии памятников, параметры объектов, их предварительная историко-культурная идентификация и хронология), и нанесенных на карту составляет 33 единицы;

2) общее количество археологических объектов, в основном курганов, в составе могильников – 381 единица;

3) статистические данные в контексте типологии курганов и курганных могильников:

– одиночные крупные каменно-насыпанные курганы «царского» типа – 5;

– крупные курганы «царского» типа в составе могильников – 16;

– курганы с кольцевым рвом по кромке насыпи – 28;

– курганы с кольцевым рвом на значительном расстоянии от курганной насыпи – 16;

– курганы с простой каменно-лёссовой насыпью – 316.

В целом археологическая картография изучаемого региона демонстрирует подавляющее доминирование объектов (курганов и курганных могильников) сако-усуньского исторического периода. Этот факт наглядно иллюстрирует преобладание в этой аридной зоне в период первых веков до н.э. – первых веков н.э. кочевого экономического уклада жизни.

В ходе исследовательских работ проведены археологические раскопки на четырех курганах, заложены разведывательные шурфы на трех объектах (жилище или храм), выявлено и зафиксировано святилище в комплексе с петроглифами.

Курган № 1 расположен на южной окраине пос. Актерек. По поверхности памятника проходит автомобильная грунтовая дорога, которая связывает современный аул с урочищем Актерек по ущелью Сулу-коян. Находится в крайне плохом состоянии из-за постоянного разрушения паводками. Визуально выделяется кольцевидной двойной каменной выкладкой диаметром 9 м; кольцо имеет вход-выход-разрыв шириной

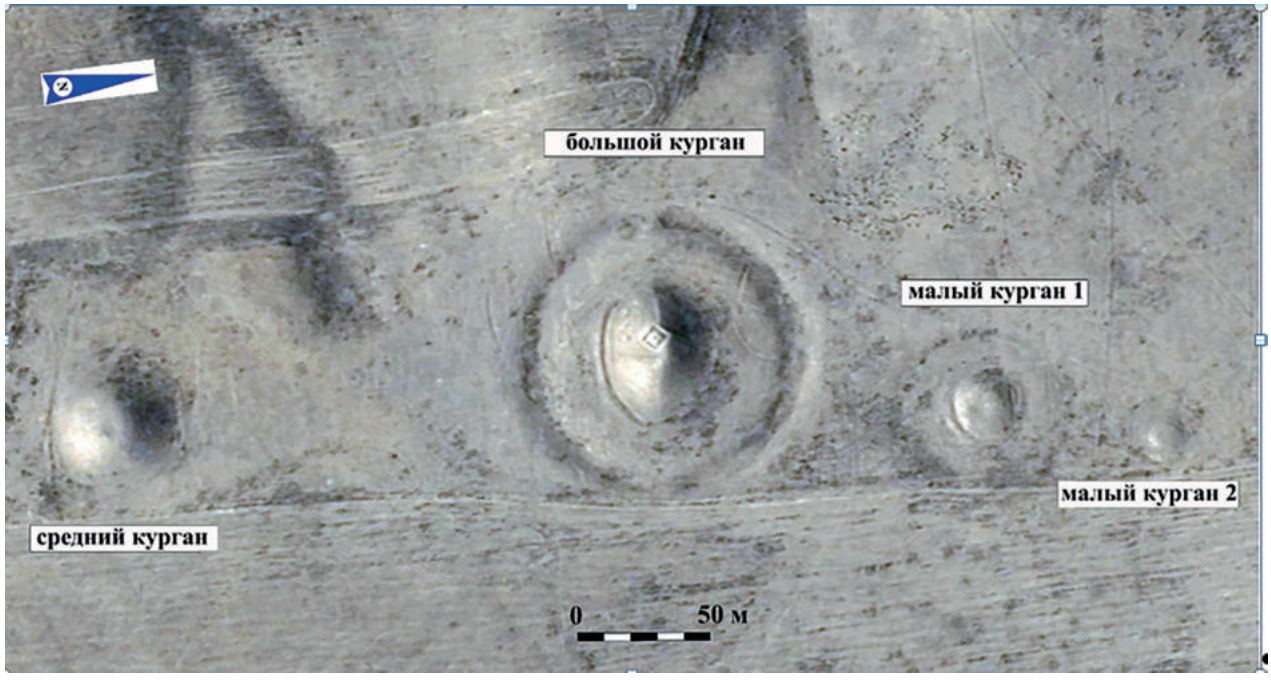

Рис. 2. Карта курганного могильника № 1

Рис. 3. Карта курганного могильника могильника № 10а

75–77 см в юго-восточной и северо-западной частях.

При исследовании объекта были приняты меры по сохранению элементов каменной конструкции. Поэтому первоначально был снят верхний слой грунта с растительностью. Курган округлой формы, диаметром около 5 м. Высота сооружения вместе со слоем земли достигала 0,6 м. Высота только каменной насыпи равна 0,5 м.

Насыпь объекта сооружена преимущественно из камней крупных и средних размеров: 53×35 см; 60×40 см. Крупные валуны, располагающиеся по центру, размерами примерно 63×38 см, образуют схематический круг. При этом камни были уложены достаточно плотно, создавая цельную поверхность насыпи. После удаления камней центральной части ограды выявлен зернистый песок белого цвета с небольшим вкраплением мелкого щебня. После расчистки всей поверхности кургана было установлено, что камни не образуют сложных конструктивных элементов, а представляют собой сплошную плотную каменную наброску над могильной ямой. Последующий разбор каменной конструкции показал наличие схематического каменного круга из крупных камней под наброской из более мелких. Каменный круг из крупных камней имеет диаметр около 4,6 м, высоту 54 см (рис. 4).

Рис. 4. Каменный круг кургана № 1

После снятия каменного круга был заложен раскоп размером 4,2×3,2 м, глубиной 30 см. Ниже выявилась многослойная кладка из крупных камней и более мелких и крупных валунов, располагавшихся на восточной части, размером примерно 60×50 см (рис. 5).

Под кладкой выявился еще один слой из крупных плоских скальных обломков, уложенных горизонтально, размером 90×50 см Этот пласт располагался непосредственно на перекрытии могилы. Камни образуют примерно прямоугольную в плане форму длиной 2,2 м, шириной 1,4 м. Под плитами обнаружена погребальная камера – каменный ящик ладьевидной (трапециевидной) формы (рис. 6), стенки выложены крупными камнями красного цвета (11 шт.), поставленными на ребро в материковом слое. В западной части на уровне головы погребенного человека установлена на ребро плоская плита, входившая в основание конструкции.

В юго-западной части камеры отсутствовал крупный камень, видимо, здесь был пробит грабительский лаз.

Камера заполнена колотыми валунами и крупной галькой вперемешку с песчаным грунтом. При зачистке погребения снимали слой грунта на 5 см На глубине 55 см обнаружен скелет человека, ориентированного головой на запад, уложенного вытянуто на спине, тело было прижато к северной стенке. Череп отсутствует, найдена только нижняя челюсть. Сохранность костей плохая. Под скелетом отмечена тонкая прослойка темного грунта, вероятно, это древестный слой от подстилки. Также в области пояса и ступней фиксировался спрессованный грунт коричневого цвета с зелеными вкраплениями, возможно, это остатки кожаных сапогов с бронзовыми бляшками и пояса. Других находок не было.

Одна из примечательных черт погребального обряда данного захоронения – это конструкция погребальной камеры в виде каменного ящика, стенки которого выложены крупными камнями. По основным характеристикам погребального обряда курган № 1 находит полную параллель с некоторыми памятниками сакского периода Жетысу, например, с курганным могильником Кара-Арша (Жамбылский р-н, Алматинская обл.). Погребения данной группы ориентированы по линии З–В. Здесь были зафиксированы погребальные конструкции; стенки погребальной камеры составлены из массивных каменных плит, которые были несильно углублены в почву [Бексеитов и др. 2018: 533]. Наибольшее количество аналогий данной погребальной конструкции обнаруживаются в курганах сакского времени долины реки Тон (Прииссыккулье) [Археологические памятники Прииссыкулья 1975: 52–83].

Еще одна характерная конструктивная особенность – наличие в кольце-ограде двух разрывов в южной и западной частях кургана. Аналогичная деталь встречается среди курганных памятников Тянь-Шаня. Так, сходные кольца из двойной каменной выкладки с разрывами отмечены у больших курганов могильника Жапырык в Центральном Тянь-Шане [Ташбаева 2011: рис. 16–18; Торгоев и др. (рукопись)]. По мнению А. Торгоева, у курганных памятников Тянь-Шаня такая деталь встречается сравнительно редко. Конструктивно близок к кургану № 1 могильника Актерек курган № 2 могильника Катартобе. Там был найден керамический материал, относящийся к III–II вв. до н.э. [Чотбаев и др. 2012: 124, рис. 2]. Также А. Торгоевым было отмечено, что в кургане № 15, входящем в погребально-поминальный комплекс Каркыра, очевидно, тоже имелась ограда со «входом» и «выходом» с востока и запада [Торгоев и др. (рукопись)]. Сопроводительный инвентарь, обнаруженный в этом кургане, скорее все-

Рис. 5. Курган № 1. Многослойная кладка

Рис. 6. Курган № 1. Погребальная камера

Рис. 7. Курган № 2. Сосуды

го, датируется в пределах двух последних веков до н.э. [Маслов 2016: 175, рис. 1, 2].

Таким образом, проведенный анализ всех известных на сегодняшний день погребальных комплексов позволил нам получить новые данные о погребальных традициях Жетысу в эпоху ранних кочевников.

Курган № 2 находился в 3 м западнее первого кургана. Представляет собой кольцевидную ограду с каменными выкладками, диаметром 4,2 м, сам курган диаметром 2 м. Первоначально был снят верхний слой грунта с растительностью, чтобы сохранить элементы каменной конструкции памятника. В западной части кургана под насыпью обнаружен выступающий камень удлиненной формы, длиной 95 см, шириной 15 см После снятия камней и щебнисто-плотной земляной насыпи раскоп был углублен на 35 см. Под насыпью по центру кургана выявлен еще один большой камень овальной формы, длиной 95 см, шириной 30 см После снятия насыпи до глубины 60 см обнаружены фрагменты костей человека и трубчатые кости МРС. Внутри конструкции обнаружена могильная яма. Она имела подпрямоугольную форму, вытянутую по оси З–В с небольшим смещением. В процессе углубления могильной ямы в западной части на глубине 95 см обнаружены два лепных сосуда (рис. 7):

1) сосуд округой (шаровидной) формы, стенки тулова к горловине сужаются, венчик слегка отогнут наружу, в сечении овальной формы. Дно округлое. Сбоку на тулове расположена петлевидная вертикальная ручка. В двух местах имеются сквозные отверстия для крепления (ремонта). Поверхность изделия покрыта ангобом светло-бежевого цвета. Размеры сосуда: высота 13 см, диаметр венчика 10 см, диаметр дна 7,5 см, диаметр ручки 3,8 см;

2) сосуд кубковидной формы, тулово со слегка выпуклыми стенками, расширяющимися от придонной части и сужающимися к венчику, венчик прямой, в сечении овальной формы. Дно плоское. Поверхность сосуда покрыта ангобом светло-бежевого цвета. Размеры сосуда: высота 10,5 см, диаметр венчика 12 см, диаметр дна 10 см.

Кости погребенного полностью отсутствуют. Можно предположить, что погребение неоднократно подвер-

Рис. 8. Курган № 3

галось ограблению. Сосуды из кургана № 2 можно отнести к характерной керамике усуньского периода II–I вв. до н.э. Аналогичные предметы найдены Илийской археологической экспедицией в 1954 г., хранятся в археологическом фонде ЦГМ РК.

Курган № 3 занимает крайнее восточное положение холма. Имеет округлую насыпь диаметром 6,4 м, высотой 0,25 м. Поверхность кургана хорошо задернована. Насыпь земляная с отдельными включениями камней крупных и средних размеров (рис. 8).

После снятия насыпи до глубины 0,6 м с юго-западной стороны были выявлены камни, которые укладывались в вертикальном и горизонтальном порядке. По завершении удаления выступающих камней выделился слой белой глины с вкраплениями мелкого щебня. После расчистки всей поверхности раскопа были выявлены две могильные ямы, заполнение которых состояло в основном из супеси.

Погребения размещены друг от друга на расстоянии примерно 50–60 см. Первое погребение, расположенное в южной части раскопа, имело подпрямоугольную форму, его размеры: длина 2,3 м, ширина 60 см, глубина 25 см Размеры северного погребения: длина 2,5 м, ширина 70 см, глубина 34 см По мере углубления яма приобрела более неправильную форму.

Первое южное погребение ограблено. Здесь были обнаружены остатки скелета, кости ног, в основном сосредоточеные в юго-западной части ямы, вдоль стенки. В южной части на уровне руки погребенного обнаружены фрагмент пронизи из трубчатой кости со сквозным отверстием в центре, внутренняя, наружная поверхности и края отшлифованы (длина 2,4 см, диаметр 1,2 см) и металлический предмет, возможно пряжка.

В северном погребении скелет лежал головой на запад, лицом на юг. Череп имел явные следы деформации, лицевая часть его разрушена, правая рука погребенного была прижата к южной стенке. У погребенного отсутствуют левая плечевая кость, локтевая кость, правая тазовая кость, фаланги руки, ноги, некоторые ребра, позвонки (рис. 9).

Курган № 4. Объект, разрушенный в результате функционирования карьера у подножия горы. Кординаты: 4301415311 с.ш., 7502813911 в.д., высота н.у.м. 930 м. До раскопок представлял собой оплывший земляной курган. В насыпи зафиксированы камни кольцевого ограждения диаметром 4 м. Насыпь земляная с отдельными включениями мелкого щебня.

После снятия насыпи до глубины 0,7 м была выявлена каменная наброска. По завершении удаления выступающих камней в северо-восточном секторе обнаружено могильное пятно размерами 165×40 см, было вытянуто по оси СЗ–ЮВ, имея очертания подпрямоугольной формы со скругленными углами. Глубина кургана до материковой поверхности составила 40 см Само погребение было неоднократно ограблено, кости погребенного отсутствуют.

В ходе исследования в небольшом ущелье Жарты-ай (малозаметном даже для местных жителей пос. Актерек) было обнаружено скопление петроглифов. В нескольких местах ущелье перекрыто крупными скальными породами, которые образуют подобие зала. На поверхности скал имеются петроглифы эпохи бронзы, раннего железного века и древних тюрков. Вокруг крупных скал с петроглифами расположены площадки и отдельные помещения, выложенные из камней (кольцевые и прямоугольные выкладки). Это место можно отнести к святилищу – храму, священному месту или к алтарю, месту отправления религиозных культов. Изображения выбиты на патинированных поверхностях скальных выходов, большей частью на южном и западном склонах ущелья, ближе к верхней точке хребта, но есть и в средней и нижней частях склона. В ущелье Жарты-ай обнаружено около 120 петроглифов и примерно 20 групп (108 изображений).

Также были заложены разведывательные шурфы на трех объектах святилища (жилища или храма). В святилище зафиксированы петроглифы.

Шурф № 1. На поверхности памятника сложены камни разного размера, имеются следы современного кострища. Растительность редкая: полукустарники с колючками (тобылғы) и многолетнее травянистое лекарственное растение гармала, обладающее лечебными свойствами. В северной части святилища заложен разведочный раскоп длиной 2 м, шириной 1 м, глубиной 90 см В верхнем слое до глубины 50 см встречается зола. Почва весьма рыхлая. Ниже культурного слоя в песке попадаются включения перита. В южном углу западной стены обнаружена яма глубиной 85 см, шириной 1,17 см. Северная часть ямы выложена крупными камнями длиной 30, 32 см, шириной 15 см. В северо-восточном секторе раскопа на материковой поверхности прослеживается зольное пятно размером 1,5 м. Предварительный разведочный шурф доведен до конца, законсервирован. Инвентарь отсутствует.

Шурф № 2. Кординаты: 43014138 с.ш., 750281381 в.д., высота н.у.м. 980 м.

Перед входом в святилище прослежена архитектурная планировка жилого комплекса (поселение,

Рис. 9. Курган № 3, погребение № 2

усадьба), вход обращен почти на восток. Планировка представляет собой прямоугольное помещение, разделенное на две части, со скругленными углами, полуземляночного типа. Большое помещение длиной 6,6 м, шириной 5 м примыкает к маленьким помещениям, соединены проходами. На площади четко выделяются контуры стены в виде плоских бугров, округлых в плане. В восточной части большого помещения был заложен новый разведочный шурф длиной 2 м, шириной 1 м. С внутренней стороны восточной части стены имеются выкладки, уложенные плоскими камнями подквадратной и овальной формы, длиной 75 см, шириной 25 см. Углубились до 1 м. У юго-восточной стенки была найдена возвышенная платформа, поверхность которой сохранила следы обмазки глины. Нижняя часть платформы до материковой поверхности (высота 25 см) заполнена мелкими камнями. Таким образом, можно предположить, что это сооружение было предназначено для временного пребывания людей с целью совершения определенных ритуалов на святилище. Инвентарь отсутствует.

Шурф № 3. Кординаты: 430141391 с.ш., 750281351 в.д., высота н.у.м. 990 м. Расположен в восточной части от скоплений петроглифов на расстоянии 14 м, площадью 3,2×4 м. На поверхности были достаточно плотно уложены камни; растительность представлена полукустарниками с колючками (тобылғы) и многолетним травянистым растением гармала.

После снятия насыпи до глубины 35 см с западной стороны были выявлены камни, вертикально врытые в землю. Внутри помещения произведена тщательная расчистка, после которой более четко проявился абрис площадки. Внутренняя конструкция помещения: зафиксирован пол, обмазаный слоем глины, ниже находилась возвышенная платформа, которая заполнялась плотным суглинисто-супесчаным слоем в один ряд кладки из мелких камней, нижняя часть кладки до материковой поверхности была заполнена песком черного цвета. На поверхности платформы почти по центру находится камень, вертикально врытый в землю, длиной 114 см, шириной 60 см. К востоку от камня обнаружено мощное пятно пережженной глины длиной 108 см. Также на этой площадке выявлена яма глубиной 50 см, заполненная золой. При расчистке помещения на площадке найдены кости животных и челюсть лошади, а в заполнении ниже каменной кладки – фрагмент керамического сосуда.

Итоги археологической разведки 2021 г. позволили выяснить, что архитектурная планировка и устройство временного жилья в ущелье Жарты-ай имели свои особенности. Располагались как внутри, так и на выходе из ущелья. Поверхность участков для обустройства домов в горной местности, представляет собой достаточно ровные площадки. Жилища были полуземляночного типа, имели прямоугольную планировку. Основные строительные материалы: глина с примесью извести, камни, щебень.

В результате планомерных и целенаправленных исследований памятников проявились актуальность и значимость изучения территории Жетысу для выяснения вопросов культурогенеза эпохи Великого переселения народов. Были изучены различные типы объектов (курганные могильники, состоящие из цепочек курганов; отдельно стоящие курганы с кольцевой и безкольцевой оградкой, с двумя кольцевыми рвами; поселения, усадьбы, «святилища», петроглифы).

Данные памятники требуют основательного изучения, так как имеющиеся сведения являются лишь первым шагом по введению их в научный оборот. Мы

надеемся, что комплексные исследования археологических памятников урочища Актерек позволят выявить сведения о сезонной, хозяйственной и/или производственной деятельности человека, а также хронологию погребений в курганах. Дальнейшее изучение этих объектов на основе современных методов исследования и анализа (лабораторные исследования) позволит более полно и достоверно характеризовать хозяйственную, бытовую и социальную-духовную жизнь древнего населения Жетысу.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники Прииссыкулья / Под ред. П.Н. Кожемяко, Д.Ф. Винника. Фрунзе: Илим. 1975. 176 с.

Бексеитов Б.Г., Тулегенов Т.Ж. Иванов С.С., Китов Е.П., Китова А.О. Могильник раннего железного века Кара-Арша в Семиречье // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20. № 3. С. 527–536.

Маслов В.Е. К вопросу о происхождении М-образных нашивных бляшек // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: м-лы конф., посвящ. 70-летию Б.А. Раева (с. Кагальник, Ростовская обл., 20–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2016. С. 172–177.

Онгар А., Киясбек Г., Чотбаев А., Кожахметов Б., Рахманкулов Е., Бесетаев Б., Толгенов Е., Айткали А. Предварительные итоги исследования погребально-поминального комплекса Каркара // Труды ФИА. Астана: ФИА, 2012. Т. 1. С. 49–53.

Ташбаева К.И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. Бишкек: Илим, 2011. 274 с.

Торгоев А.И., Кисель В.А., Кулиш А.В., Султанов Э.К., Борсунбаев М.К., Жумабаев А.Т. Археологические памятники урочища Кок-Жар в Киргизском Ала-Тоо (рукопись).

Чотбаев А., Онгар А., Киясбек Г., Жунисханов А., Рахманкулов Е., Кожахметов Б., Бесетаев Б. Начало исследования на Катартобе // Труды ФИА. Астана: ФИА, 2012. Т. 1. С. 118–124.

А.А. ГОРЯЧЕВ
Т.А. ЕГОРОВА

Александр Анатольевич Горячев,
aga.2805@mail.ru,
Татьяна Александровна Егорова,
ega.0108@mail.ru
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ НАСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА у СЕВЕРНЫХ СКЛОНОВ ИЛЕ АЛАТАУ

(по материалам кургана № 17 могильника Тургень-I)*

Аннотация. В настоящей работе представлены результаты археологических исследований кургана № 17 могильника раннего железного века Тургень-I, расположенного на выходе из одноименного ущелья северных склонов Заилийского (Иле) Алатау. Рассмотрено положение объекта в памятнике, представлены материалы погребальных конструкций и реконструированы отдельные детали обряда захоронения умерших. Произведен культурно-хронологический анализ погребальных традиций и вещевого материала из кургана. На этой основе определено время функционирования комплекса в позднесакский период раннего железного века в пределах рубежей IV–III вв. до н.э. – III–II вв. до н.э. В культурном отношении данный могильник имеет ряд региональных особенностей Тургенского культурно-ландшафтного комплекса, которые проявляются в устройстве погребальных сооружений, традициях обряда захоронения и материальной культуре. Материалы комплекса характеризуют погребальные памятники региона как яркое явление среди раннекочевнических культур Казахстана.

Ключевые слова: река Тургень, ранний железный век, саки и усуни, курган, погребальный обряд, вещевой материал

Іле Алатауының солтүстік баурайындағы ерте темір дәуірі тұрғындарының жерлеу салттары туралы мәселелер (Түрген-I қорымының № 17 обасының материалдары бойынша)

Аннотация. Бұл зерттеу жұмысында Іле Алатауының солтүстік баурайындағы Түрген шатқалына кіре берісте орналасқан ерте темір дәуірінің Түрген-I қорымының № 17 обасында жүргізілген археологиялық зерттеулер нәтижелері ұсынылған. Ескерткіштегі нысанның орналасуы бағамдалып, жерлеу құрылымдарының материалдары ұсынылды және қайтыс болғандарды жерлеу дәстүрінің жекелеген салттары реконструкцияланды. Обаның жерлеу дәстүрлері мен заттай материалдарына мәдени-хронологиялық талдау жүргізілді. Осы жұмыстардың негізінде кешеннің б.д.д. IV–III ғғ. – III–II ғғ. шегіндегі ерте темір дәуірінің кейінгі сақ кезеңінде өмір сүргендігі анықталды. Мәдени тұрғыдан алғанда, бұл қабір Түрген мәдени-ландшафтық кешеніне тән бірқатар аймақтық ерекшеліктерге ие, олар жерлеу құрылыстарының құрылымынан, жерлеу дәстүрі мен материалдық мәдениетінен көрінеді. Кешен материалдары өңірдің жерлеу ескерткіштерін Қазақстанның ерте көшпелі мәдениеттері арасындағы жарқын құбылыс ретінде сипаттайды.

Түйін сөздер: Түрген өзені, ерте темір дәуірі, сақтар мен үйсіндер, оба, жерлеу ғұрпы, заттай материалдар

On the question of the burial traditions of the population of the Early Iron Age near the northern slopes of the Ile Alatau (based on the materials of the burial mound No. 17 of the Turgen-I burial ground)

Abstract. This paper presents the results of archaeological studies of the burial mound No. 17 of the early Iron Age burial ground Turgen-I, located at the exit of the gorge of the same name on the northern slopes of the Ili (Ile) Alatau. The position of the object in the monument is considered, materials of funerary structures are presented and individual details of the burial rite of the deceased are reconstructed. A cultural and chronological analysis of funerary traditions and stock material from the mound was made. On this basis, the time of functioning of the complex in the Late Saka period of the

© 2022 Горячев А.А., Егорова Т.А.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта OR11465466.*

Early Iron Age within the boundaries of the 4th–3rd centuries BC – 3rd–2nd centuries BC is determined. Culturally, this burial ground has a number of regional features of the Turgen cultural and landscape complex, which are traced in the burial structures, traditions of the burial rite and material culture. The materials of the complex characterize the funerary monuments of the region as a striking phenomenon among the early nomadic cultures of Kazakhstan.

Keywords: Turgen river, early iron age, Sakas and Wusun, burial mound, funeral rite, stock material

Северные склоны Заилийского (Иле) Алатау заселялись первобытными людьми с глубокой древности. Их стоянки на территории края устраивались еще с каменного века [Таймагамбетов 2008: 34–40; Джасыбаев и др. 2018: 215–223]. Практически все крупные горные ущелья вплоть до высокогорных плато, включая Тургенское, и предгорная полоса северных склонов хребта были активно освоены древним населением эпохи бронзы [Горячев, Сараев 2015: 5–18; 2016: 94–110]. Но наиболее значительное количество археологических памятников, фиксируемых в регионе, относится к раннему железному веку. На выходах из крупных горных ущелий Тургень, Есик, Талгар, Большое и Малое Алматинские могильники этого времени составляют до 90% состава объектов. Среди них выделяются так называемые царские погребальные комплексы, наиболее крупные из которых расположены на территории города Есик, сел Тургень и Каракемер [Алматинская область... 2018: 304–309, 390–396].

Древние памятники на выходе из ущелья Тургень (Енбекшиказахский р-н, Алматинская обл.) были отмечены во второй половине XIX в., в последующем веке уже фиксировались в археологических реестрах как могильники Каракемер (правобережье реки Тургень) и Тургень (левый берег реки) [Агеева 1961: 21]. Археологическое изучение предгорной полосы и устьев ущелья Тургень было начато Алматинской новостроечной археологической экспедицией (АНАЭ) в 1984 г. (рук. Б.Н. Нурмуханбетов). Результаты этих работ позволили Б.Н. Нурмуханбетову выделить Тургенский культурно-ландшафтный комплекс, основанный на сочетании уникальных природных условий микрорайона и особенных памятников истории и культуры, расположенных в предгорной зоне на конусе выноса из ущелья Тургень [Нурмуханбетов 1997]. Основу комплекса составляли царские курганы раннего железного века, частично обследованные в 1985 и 1997 гг. Последующие исследования в рамках различных проектов в дан-

Рис. 1. План расположения курганов раннего железного века на выходе из ущелья Тургень: 1 – могильники Тургень-I и Каракемер-I на космоснимке; 2 – курганы северо-восточной группы могильника Тургень-I на аэрофото

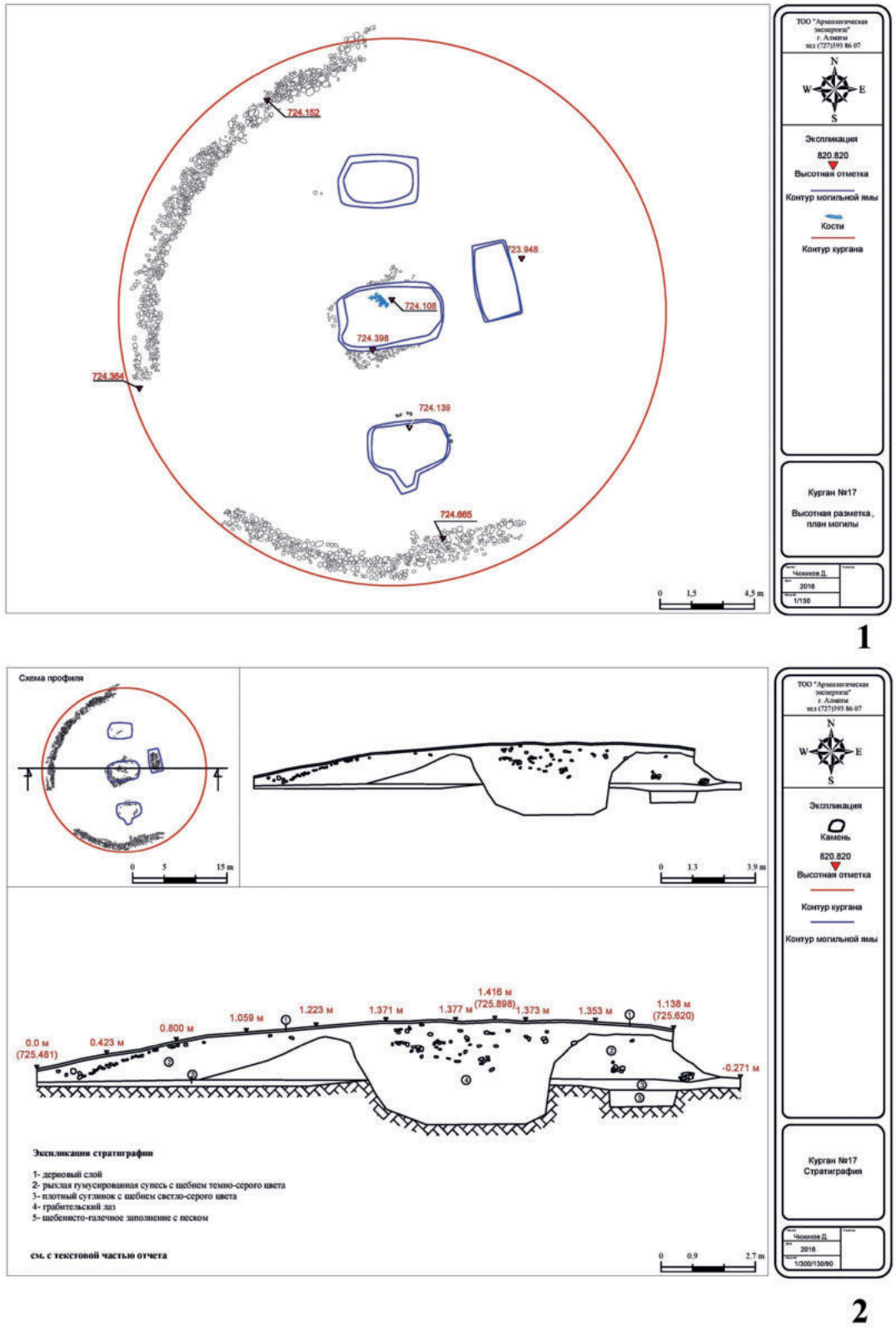

Рис. 2. Могильник Тургень-1. Курган № 17, планы раскопа:
1 – общий план с высотными разметками; 2 – стратиграфия

ном микрорайоне показали, что могильник Тургень-I, расположенный в 3–7,5 км к северу от одноименного села, является ключевым памятником в общей структуре Тургенского культурно-ландшафтного комплекса. Изучение древних курганов этого столь значимого объекта позволяет существенно расширить представления о погребальных традициях населения раннего железного века всего региона.

Полная разведка на территории могильника Тургень-I, произведенная в 2016 г. археологической экспедицией ТОО «Археологическая экспертиза» (рук. Д.А. Воякин), выявила более 65 курганов раннего железного века (рис. 1, 1). Существенная часть объектов в северо-восточной и восточной части памятника была распахана, а их насыпи нивелированы. Та часть курганов, которая вошла в зону хозяйственного строительства, исследовалась в аварийном порядке. Одними из наиболее информативных в ходе этих работ оказались захоронения в кургане № 17, расположенном в северо-восточной части могильника (рис. 1, 2). Его изучение дало возможность атрибутировать погребальный комплекс в целом и реконструировать отдельные особенности традиций захоронения умерших у населения раннего железного века региона.

Северо-восточная группа курганов могильника Тургень-I находится в 6,5 км к северу от одноименного села на предгорной равнине, у пашни по левому борту обрывистого берега реки. Группа состоит из пяти сооружений диаметром 20–30 м, вытянутых в цепочку, ориентированную в общем направлении по оси С–Ю и серии малых диаметром 8–15 м к западу от основных. Курган № 17 расположен севернее основной цепочки группы по берегу р. Тургень, в результате чего восточный край его насыпи частично обрушился по склону (рис. 2, 1). Видимая часть насыпи до начала работ составляла в диаметре 26 м, высота 1,6 м. Диаметр уплощенной верхней части насыпи ~12 м (рис. 2, 2).

Рис. 3. Могильник Тургень-1. Курган № 17, погребальные конструкции: 1 – захоронение собаки в верхних слоях мог. 1; 2 – мог. 3, вид на юг до расчистки; 3 – мог. 3 вид на восток после расчистки

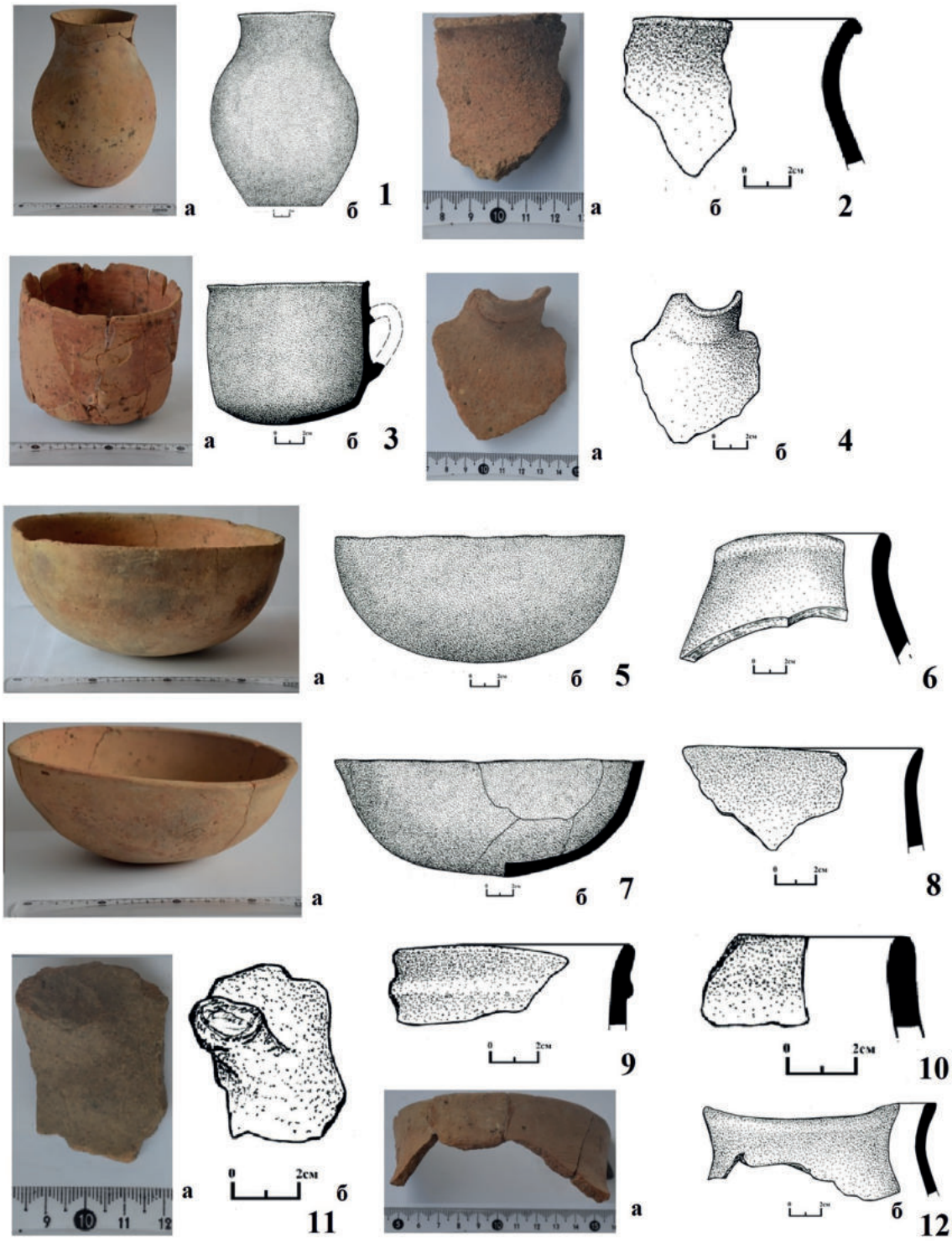

Рис. 4. Могильник Тургень-1. Курган № 17, керамика: 1, 5, 7 – мог. 3 (а – фото, б – прорисовка); 2, 4 – фр. сосудов из верхней части мог. 3 (а – фото, б – прорисовка); 3 – мог. 2, кружка с ручкой (а – фото, б – прорисовка); 6, 8 – мог. 1; 9, 10 – фр. венчиков керамических сосудов из профиля земляной насыпи; 11 – фр. боковой стенки сосуда из профиля земляной насыпи (а – фото, б – прорисовка); 12 – мог. 3, фр. горловины сосуда

После снятия насыпи обнажились верхние части центральной погребальной камеры и трех боковых сооружений в виде надмогильных каменных набросок. По периметру насыпи (вплоть до обрыва берега реки) прослеживается кольцевая каменная крепида диаметром по осиС–Ю – 23,5 м, З–В – 22 м. Часть крепиды в западной части кургана отсутствовала. Структурной особенностью кургана является наличие нескольких погребальных сооружений под одной насыпью. Здесь обнаружены четыре конструкции с каменными набросками над могилой высотой 20–30 см. Устройство курганной насыпи показывает, что все могилы были закрыты практически одновременно. Однако тот факт, что могила № 3 существенно отличается по глубине захоронения и деталям погребальных конструкций и обряда, позволяет предположить, что данный объект оказался под единой курганной насыпью с тремя другими в результате подзахоронения.

Наиболее крупная по параметрам могила № 1 расположена в центральной части кургана. Она представляла собой контур каменной наброски размером 5×4 м, ориентированный, как и могила, по оси ЮЗ–СВ (45°). Размер могильной ямы овально-прямоугольной формы составлял 4×2,8 м. При расчистке погребальной конструкции по контуру отмечены отдельные бруски деревянных плах перекрытия могильной ямы, в центральной и западной частях – фрагменты керамики. По центру могилы обнаружен дополнительный каменный заклад размером 2×1,2 м, ориентированный по оси З–В, внутри которого зафиксировано захоронение собаки, по внешним признакам определяемая как породы тазы, уложенной на правом боку, головой на юго-восток (рис. 3, 1). Коленные сочленения передних и задних лап слегка согнуты. Остальные участки верхней части могилы содержат следы провалов и грабительских лазов. В заполнении могильной ямы и в грабительском лазе отмечены кости скелета и фрагменты керамики, которые принадлежали двум сосудам кувшинообразной и чашевидной форм.

В 3 м к югу от центрального захоронения располагалась могильная яма № 2. Четко обозначен контур прямоугольной могильной ямы с деревянными бревнами перекрытия, размером 3,5×2,4 м, ориентированной по оси ЮЗ–СВ (45°). Размер могильной ямы составлял 3,3×2,2 м, в ходе вскрытия которой выяснилось, что ее внутреннее заполнение по центру перемешанное и содержало каменную забутовку, щебенисто-галечное заполнение с песком и фрагменты деревянных плах, костей скелета и керамики.

При зачистке погребальной камеры размером 2,9×2 м на глубине 70 см по центру обнаружена золотая серьга из витой проволочки с подвеской из поделочного камня белого цвета в виде кубика. У юго-западной стенки на глубине 70–85 см находились кости скелета, собранные в кучу. Фиксируются перемешанные длинные кости рук, ребра, позвонки. У северо-западной стенки сохранились бревна перекрытия, рухнувшие вниз, под ними найдена бронзовая колоколовидная подвеска. На дне на глубине 90 см в западной части могилы зафиксированы фрагменты керамики и бронзового изделия. В ее юго-восточной стенке прослеживается «грабительский лаз» с глиняной заливкой, шириной 1 м, длиной 1,1 м, который пробил дно погребения в этой части на 20–30 см. Внутри выявлены отдельные кости скелета, а в глиняной заливке – крупные фрагменты керамической кружки.

В 2 м к востоку от могилы № 1 зафиксирована плотная каменная забутовка могильной ямы № 3 овальной формы, размером 3,2×1,8 м, ориентированная по оси С–Ю. Высота каменной наброски на погребальную камеру здесь составила 50–60 см. После снятия камней до уровня древней поверхности выявился контур погребения (in situ) размером 3,2×1,6 м, ориентированный по оси С–Ю с небольшим отклонением к востоку (10°). Могила представляла собой грунтовую яму, по краям которой сооружена каменная выкладка из речных камней, уложенных плашмя в два-три слоя. Пустоты выкладки были заложены щебнем. Толщина каменных стенок 30 см. Дно могильной ямы зафиксировано на глубине 70 см.

В верхней части ее заполнения обнаружены фрагменты битой керамической посуды. Поверх каменной выкладки поперек ямы уложены 14 бревен перекрытия из тянь-шаньской ели от 15 до 25 см в диаметре (рис. 3, 2). Часть из них была подтесана до состояния бруса. В результате их оседания некоторое количество камней выкладки провалилось в могильную яму по ее контуру. Размер могилы по дну составил 3×1,3 м, высота погребальной камеры 40 см. Внутри погребальной камеры перед каменной кладкой установлена деревянная рама, оконтурившая настил из досок. Контуры деревянной рамы погребальной камеры составили 2,9×1,25 м. В западной стенке у изголовья зафиксирован венчик горшковидного сосуда.

После расчистки погребальной камеры у северной стенки было выявлено захоронение человека, лежавшего в вытянутом положении на спине головой на юг (рис. 3, 3). К востоку от первого был уложен второй

умерший в положении на левом боку, ноги подогнуты в коленях. В их изголовье обнаружен горшковидный сосуд в положении на боку. Рядом с горшком стоял кувшин, за которым установлены две керамические чаши. Вся посуда обложена камнями-подпорками для устойчивости и находилась к юго-востоку от изголовий погребенных. К югу от них на деревянной дощечке из коры лежало бронзовое зеркало.

В 3 м к северу от центрального захоронения прослеживается контур каменной забутовки четвертой могилы. Погребальная конструкция овальной формы размером 3,8×2,4 м ориентирована по оси ЮЗ–СВ (30–35°). Могила № 4 в виде грунтовой ямы выявлена по крупным речным валунам в верхней части надмогильной конструкции и фрагментам деревянных бревен перекрытия на юго-восточной и северо-западных стенках могилы. В ходе расчистки по центру погребальной камеры обнаружен контур грабительского лаза, в котором найдены мелкие фрагменты керамики и перемешанные кости скелета (ребра, позвонки, трубчатые кости).

Дно могильной ямы зафиксировано на глубине 110 см от уровня древней поверхности. Второй грабительский лаз диаметром ~1 м отмечен со стороны юго-западной стенки грунтовой ямы. Погребальная камера размером 2,9×1,1 м и глубиной до 40 см. Бревна рамы помещали на каменную кладку, состоящую из трех-четырех слоев и выстроенную на дне могильной ямы. Основание (пол) ямы представляло собой плотный суглинок мощностью 15–20 см. В заливке пола в северо-западном углу зафиксированы длинные кости рук, фаланги пальцев и фрагменты позвонков скелета человека. В центральной и северо-восточной частях могилы найдены сильно сгнившие фрагменты длинных костей ног. Остальной костяк, как и вещевой материал, отсутствовали.

Представленные выше погребальные конструкции и материалы характеризуют типичные элементы обряда захоронения умерших в раннем железном веке у северных склонов Заилийского (Иле) Алатау. Их основу составляют кольцевые каменные крепиды, оконтуривающие грунтовые курганные насыпи. Внутри кольцевой каменной конструкции сооружались несколько захоронений в грунтовых ямах, перекрытых сверху бревнами из тянь-шаньской ели. Дромос от кольцевой крепиды к могильным ямам отсутствовал. Для совершения захоронения в кургане № 17 выкапывались прямые грунтовые ямы овально-прямоугольной формы и глубиной 0,9–1,2 м. Параметры могильных ям варьируются от 3×1 м до 4,5×2,8 м. На дне устраивались погребальные камеры из бревен тянь-шаньской ели, как правило, на 10–30 см меньше их параметров, перекрытые плахами-горбылями. Дно погребений заливали глинистым раствором, застилали кошмой или деревянными досками. На такие подстилки помещали умерших в вытянутом положении, головой на юго-запад, реже – на юг. Основной вещевой материал представлен керамической посудой, выставленной обычно в изголовье умерших.

Практически все элементы данной погребальной традиции в той или иной степени присутствуют как в материалах других захоронений могильника, так и в погребальных комплексах предгорной и горной зоны не только Заилийского Алатау, но и всего региона Жетысу. Эти конструктивные особенности погребальной обрядности прослеживаются в ряду могильников близлежащих предгорий, и объект Тургень-1 является подобным в числе памятников с «царскими» курганами, расположенных по берегам горных рек, выходящих на равнину из ущелий Заилийского Алатау. К ним относят известный Иссыкский могильник, а также погребальные комплексы раннего железного века – Новоалексеевский по берегу реки Талгар, по берегам рек Большая и Малая Алматинка, Кеген, Каскелен, Курты, Узынагаш, предгорного прилавка – Молалы, низины Шубарат, Каратума на левобережье р. Иле, в зоне дельты р. Чилик, а также памятники, широко распространенные от предгорий Джунгарского/Жетысу Алатау вплоть до Каратау [Копылов 1958: 158–177; Акишев 1978: 5; Байпаков и др. 2016: 30–31; Максимова 1972: 123–138]. Исследователи отмечают, что все эти могильники объединяет «единство основных компонентов культуры», что объясняется «одним уровнем социально-экономического развития, одинаковым образом жизни и этнической близостью племен» [Акишев 2006: 182].

Каменные кольцевые выкладки (крепиды) зафиксированы по подкурганным площадям под насыпями большинства вскрытых курганов могильника Тургень-I. Округлые каменные выкладки, образующие основания насыпи курганов, некоторые исследователи связывают с культом солнца [Бернштам 1952: 213; Брыкина 2001: 109] или рассматривают как определенный знак сакральной территории у номадов, что символически разделял мир мертвых от мира живых [Литвинский 1972: 135–137; Акишев К.А., Акишев А.К. 1981: 144–153; Полосьмак 2001: 265]. Так, возможно, представления о символической значимости возводимого каменного кругового сакрального пространства вокруг

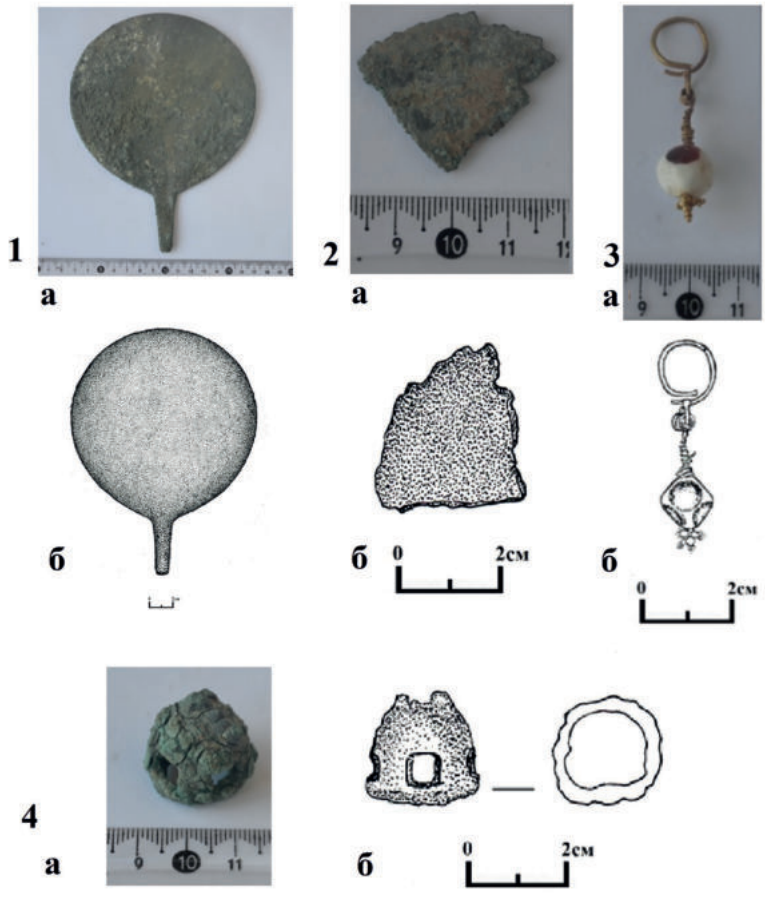

Рис. 5. Могильник Тургень-1. Курган № 17, находки: 1 – мог. 3, зеркало с ручкой (а – фото, б – прорисовка); 2 – мог. 2, фр. изделия (а – фото, б – прорисовка); 3 – мог. 2, серьга из золотой проволоки с каменной бусиной (а – фото, б – прорисовка); 4 – мог. 2, колоколовидная подвеска (а – фото, б – прорисовка). 1, 2, 4 – бронза

погребений данного могильника, восходят к ранним индоиранским воззрениям, что также находит отражение в текстах Ригведы:

Эту преграду я устанавливаю для живых.

Пусть же никто другой среди них не отправится к этой цели! (…)

[Ригведа, 1999, X, 18]

Отдельным элементом погребальных традиций на могильнике Тургень-I являются жертвенники с захоронением животных. В верхних слоях могилы № 1 кургана № 17 устроена каменная выкладка с захоронением собаки. Примечательно, что погребение было дважды или трижды ограблено, но скелет животного не тронут. Подобных фактов в крупных курганах региона еще не встречалось. Примечательно, что в материалах данного могильника захоронения собак встречаются регулярно (могила № 3 кургана № 12; могила № 1 кургана №20; могила № 1 кургана № 25). Помимо этого, в могиле № 1 кургана № 24 обнаружен жертвенный заклад с костяком крупного рогатого скота без позвонков и головы.

В верховьях ущелья Тургень известны факты погребения двух особей собак на выходе из ритуального помещения, а также мелкого рогатого скота и черепов лошади в жертвенниках курганов раннего железного века [Горячев 2020: 45, 59, 60, 95, 96]. В могильнике Молалы отмечены сопроводительные захоронения собак внутри двух центральных могил, а в двух найдены кальцинированные кости при обычной ингумации умершего, что объясняется исследователями «хронологическими и этносоциальными причинами» [Нурмуханбетов, Трифонов 2016: 16]. Жилые и погребальные конструкции, где отмечены жертвенные захоронения животных, на комплексе Тургень-II датируются VI–V вв.

до н.э. (ритуальное помещение) и III–I вв. до н.э. (курганные захоронения). Аналогии материалам кургана № 17 в погребальном комплексе Молалы относятся к IV–III вв. до н.э.

Прямые грунтовые ямы овально-прямоугольной формы с погребальными камерами из бревен тянь-шаньской ели наиболее традиционны среди могильных конструкций раннего железного века данного могильника. Подобные сооружения в пределах Тургенского культурно-ландшафтного комплекса впервые обнаружены в высокогорной зоне ущелья в памятниках кульсайского типа поздней бронзы региона [Гасс, Горячев 2016: 89; Горячев 2020: 122]. Данная традиция получает развитие и в курганных захоронениях раннего железного века той же зоны [Горячев 2007: 7, 11; 2020: 75, 96]. Вероятно, погребальные конструкции из бревен тянь-шаньской ели с плахами-горбылями в качестве перекрытия обусловлены местными природно-географическими особенностями. Но наиболее близкие аналогии погребальным сооружениям могильника Тургень-I обнаруживаются в материалах Иссыкского могильника и памятниках долины реки Или, датируемых V–IV вв. до н.э. [Акишев К.А., Кушаев 1963: 179; Акишев К.А. 1978: 4–10].

Вещевой материал кургана № 17 могильника Тургень-1 представлен керамической посудой (кувшинами, чашами, кружкой), а также металлическими изделиями (осколком и целым бронзовым зеркалом, золотой проволочной серьгой с каменной бусиной, бронзовым колоколовидным изделием). Характеризуя керамическую коллекцию кургана № 17, надо отметить, что в археологически целом состоянии обнаружены четыре сосуда: две чаши, один кувшин и одна керамическая кружка. Их формы и способы изготовления (лепные) характерны для широкого круга керамики сако-усуньских племен раннего железного века (рис. 4).

В целом сосуды и керамические фрагменты характерных форм кургана № 17 находят ряд соответствий в сакском керамическом комплексе, определенном К.А. Акишевым, наиболее близки глиняным сосудам из кургана Иссык [Акишев К.А. 2006: 185–192]; отдельные кувшинообразные сосуды по формам сродни изделиям из могильника Шубарат [Нурмуханбетов, Трифонов 2016: 18], находят аналогии в материале некрополя Каратума [Байпаков и др. 2016: 581–591]. Однако если иссыкские материалы датируются преимущественно V–III вв. до н.э., то материалы могильников Шубарат и Каратума – в пределах IV–III вв. до н.э. Схожий керамический комплекс могильников Илийской долины определяется еще шире – VI–II вв. до н.э. [Акишев К.А., Кушаев 1963: 104, табл. XI: 3–5, 8, 25–28, 33, 35, 29, 41].

При датировке объекта в рамках относительной хронологии наиболее определяющим материалом можно назвать вещевой комплекс из захоронений. Бронзовое зеркало округлой формы с ручкой хорошей сохранности, диаметром 15,5 см изготовлено методом литья в форме (рис. 5, 1). Подобные изделия фиксировались в памятниках правобережья р. Или, относящихся к III–II вв. до н.э. [Акишев К.А., Кушаев 1963: табл. XI, рис. 34, 37]. В горах Кулжабасы изображение на скале зеркала с ручкой, датируемого ранним железным веком, имеет соответственные пропорции [Марьяшев и др. 2013: 110, рис. 32].

Бронзовая колоколовидная подвеска, изготовленная методом литья в специальной форме (рис. 5, 4), имеющая по четырем сторонам в нижней его части отверстия квадратно-прямоугольной формы (три – по 7×5 мм, одно – 7×7 мм), напоминает предмет конского убранства как распределителя ремней. Подобные формы изделий зафиксированы в материалах могильников Западного Казахстана и трактуются как детали конского снаряжения, датирующиеся VI–V вв. до н. э. [Тасмагамбетов 2002: 103, 155].

Ярким примером совершенства ювелирного искусства служит найденная в заполнении могильной ямы проволочная серьга с каменной бусиной (рис. 5, 3), изготовленная из золотого стержня тонкого сечения (1 мм). Мастерство ювелира выразилось не только в работе с мягким металлом – золотой проволокой, но и в обработке поделочного камня белого цвета, которому была придана форма многогранного кубика со сглаженными углами и сторонами 8–9 мм. На одной из его сторон приклеен округлый «глазок» из поделочного камня красно-коричневатого оттенка, диаметром 6 мм. На выходе из бусины к стержню припаяна «гроздь винограда» в виде зерни из четырех мелких спаянных шариков.

Подобный технический принцип изготовления изделия, где с оборота кольца на стержень сразу надет минерал, обнаружен в Иссыкском комплексе и синхронном могильнике Шубарат (V–III вв. до н.э.) [Акишев К.А. 2006: 191; Самашев и др. 2005: 91]. Похожие серьги с напаянными мелкими колечками, на которые нанизывался камешек, а снизу декорировались пирамидками зерни, известны в поздних материалах. Аналогичные серьги, найденные при раскопках Ю.А. Мотовым в Нижней Каменке, датируются II в. до н.э. – II в. н.э. [Байпаков, Таймагамбетов 2006: 162–163].

Анализируя данные при определении ряда характеристик погребального обряда этого кургана как при-

мера захоронений отдельной цепочки могильника, следует назвать следующие особенности: умерших хоронили головой в юго-западном (южном) направлении в погребении, сооруженным в глубокой яме. Пол погребальных камер заливался глинистым раствором, в некоторых случаях по ее периметру застилались доски, на которых размещались умершие. Сопровождающий материал устанавливался в изголовье. Заполнением могильных ям традиционно становились речные окатанные валуны и грунт, содержащий значительное количество песка, речной гальки и щебня. Сверху могильная яма перекрывалась бревнами поперек. После совершения захоронения над могилой сооружался невысокий каменный сферический холм овальной формы, на 10–20 см превышающий параметры могильных ям. Важной составной частью погребального ритуала являлись обряды жертвоприношения животных (в данном случае собаки). Но этот вопрос находится вне рамок настоящей работы.

На следующем этапе сооружалась земляная насыпь кургана, которая перекрывалась каменной наброской из речных валунов больших и средних размеров. По периметру насыпи сооружалась кольцевидная каменная крепида. Богатый вещевой материал и параметры погребального сооружения позволяют отнести захороненных в данном кургане умерших к социально престижной группе древнего населения данного региона.

Таким образом, культурно-хронологическая атрибуция материалов кургана № 17 могильника Тургень-I позволяет отнести его к кругу памятников иссыкской культуры раннего железного века на территории Жетысу. Многочисленные аналогии среди погребальных конструкций и вещевого материала, соотносимые как с позднесакскими, так и с раннеусуньскими памятниками ущелья Турген и всего региона северных склонов Заилийского Алатау, позволяют предположить, что сам курган, как и вся цепочка в северо-восточной части могильника, относится к наиболее позднему этапу развития сакских культур региона. Это позволяет датировать их в пределах рубежей IV–III вв. до н.э. – III–II вв. до н.э.

Следует признать, что в культурном отношении данный могильник своеобразен, имеет ряд региональных особенностей Тургенского культурно-ландшафтного комплекса, проявляющихся в устройстве погребальных сооружений, традициях обряда захоронения и материальной культуре. Это отличает его от некрополей раннего железного века сопредельных территорий, характеризуя погребальные памятники Жетысу как яркое явление среди раннекочевнических культур Казахстана. Поэтому лишь последующие археологические изыскания, вероятнее всего, помогут дать более четкий ответ на вопрос об их позиции как локального варианта более масштабной культурно-исторической общности.

ЛИТЕРАТУРА

Агеева Е.И. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Труды ИИАЭ. 1961. Т. 12. С. 21–40.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 320 с.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство. 1978. 132 с.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана // Евразийский народ саки. Алматы, 2006. С. 179–225.

Акишев К.А., Акишев А.К. Интерпретация Иссыкского погребального отряда // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981. С. 144–153.

Алматинская область. Историко-культурное наследие. Алматы: «Қос-Қос», 2018. Т. 1. 776 с.

Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. Алматы: Өнер, 2006. 256 с.

Байпаков К.М., Воякин Д.А., Амиров Е.Ш., Антонов М.А. «Цветной» курган могильника Тургень. Результаты первичного обследования // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2009. № 1 (268). С. 16–21.

Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: «Археологическая экспертиза», 2016. 672 с.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА СССР. М.; Л.: АН СССР, 1952. № 26. 348 с.

Брыкина Г.А. Погребальные сооружения и обряды Ферганы // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М-лы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию действит. члена АН Таджикистана, академика РАЕН, д.и.н., проф. Б.А. Литвинского (г. Москва, 14–16 октября 1998 г.) / Отв. ред. А.В. Седов. М.: Вост. литература, 2001. С. 102–111.

Гасс А., Горячев А.А. К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 5: Археология и этнография. С. 85–123.

Горячев А.А. Могильник раннего железного века археологического комплекса в верховьях ущелья Тургень // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2007. № 1 (253). С. 3–14.

Горячев А.А. Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Тургень. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. 260 с.

Горячев А.А., Сараев В.В. К вопросу о хозяйственно-культурном развитии древнего населения Алматы // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум наук. 2015. № 6 (304). С. 5–18.

Горячев А.А., Сараев В.В. Древний археологический комплекс ущелья Тургень // Актуальные проблемы археологии Евразии: сб. м-лов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию Независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 18–19 октября 2016 г.) / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 94–110.

Джасыбаев Е.А., Ожерельев Д.В., Мамиров Т.Б. Полевые исследования многослойной стоянки Рахат в 2018 г. // Археология Казахстана. 2018. № 1–2. С. 215–223.

Копылов И.И. Пирамидальные курганы Новоалексеевского могильника Илийской долины // Ученые записки КазПИ им. Абая. 1958. Т. 15 (3). Вып. 2. С. 158–177.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 270 с.

Максимова А.Г. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 123–138.

Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кулжабасы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 150 с.

Нурмуханбетов Б.Н. Тургенский культурно-ландшафтный комплекс. В: Отчет совместной казахско-итальянской экспедиции за 1997 г. // Архив ИА КН МОН РК. 17 с.

Нурмуханбетов Б.Н. Трифонов Ю.И. Курганные могильники Шубарат и Молалы (краткая характеристика, культурно-хронологический анализ) // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур: сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога Б. Нурмуханбетова / Отв. ред А. Онгарулы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 10–19.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Ригведа. Мандалы IX–X / Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999. 560 с.

Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. Алматы: «Археология», 2005. 184 с.

Таймагамбетов Ж.К. Древнейшая стоянка первобытного человека вблизи г. Алматы // Алматы. История тысячелетия. Алматы: Credo, 2008. Вып. 1. С. 34–40.

Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. Алматы: ОФ «Берел», 2002. 336 с.

Владимир Васильевич Сараев,
saraev.53@mail.ru
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

ПОСТСКРИПТУМ к ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КАРГАЛИНСКОГО КЛАДА*

Аннотация. В работе представлена гипотеза происхождения на территории северных склонов Заилийского (Иле) Алатау необычного захоронения усуньского периода раннего железного века под Каргалинским камнем. На базе историографических материалов по изучению Каргалинского клада, рассмотренных автором ранее, и результатов археологических исследований Каргалинского историко-географического микрорайона, установивших его местонахождение, делается предположение о возможности захоронения в ущелье Ерменсай китайской принцессы Лю Сицзюнь, выданной замуж за усуньского правителя. Данное предположение основывается на специфических условиях горной части реки Узын-Каргалы и сведениях, собранных автором, которые позволяют предполагать существование в то время практики отшельничества отдельных людей даосистского мировоззрения, занимавшихся в том числе и врачеванием. Сделан вывод, что принцесса могла обратиться к ним во время своего заболевания, но все же умерла и была похоронена близ крупного поселения раннего железного века Жылысай, в соседнем ущелье. Условия захоронения под Каргалинским камнем соответствуют похоронным правилам фэншуй, практиковавшимся в период династии Хань Древнего Китая среди представителей царствующей династии.

Ключевые слова: Каргалинский клад, река Узын-Каргалы, ущелье Ерменсай, поселение Жылысай, принцесса Лю Сицзюнь, ранний железный век

Қарғалы қазынасын зерттеу тарихына постскриптум

Аннотация. Жұмыста Іле Алатауының солтүстік баурайында Қарғалы тасының астынан табылған ерте темір дәуірінің үйсін кезеңінің өзгеше жерлеу орнының пайда болуы туралы гипотеза ұсынылған. Автор бұған дейін қарастырған Қарғалы қазынасының зерттелуі бойынша тарихнамалық материалдар және жерлеу орны орналасқан Қарғалы тарихи-географиялық шағын ауданында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстары нәтижелері негізінде осы Ерменсай шатқалында үйсін билеушісіне тұрмысқа берілген Қытай ханшайымы Лю Сицзюньдің жерленуінің мүмкіндігі туралы болжам жасайды. Бұл болжам Ұзын Қарғалы өзенінің таулы бөлігінің нақты жер жағдайына байланысты және автордың жинаған сол уақытта даосизмдік дүниетанымдағы, сонымен қатар емдеу ісімен айналысқан жекелеген адамдардың тәжірибеде болғандығын болжауға болатын мәліметтер. Ханшайым науқастанған кезде осы адамдарға жүгінуі мүмкін деген тұжырым жасалды, дегенмен ханшайым қайтыс болған соң, көрші Жылысай шатқалындағы ерте темір дәуірінің ірі қонысының жанында жерленді. Қарғалы тасының астында жерлеу орнын ерекшелігі – Хань әулеті кезінде билік еткен ежелгі қытай мемлекетінің Фен-Шуй әулеті өкілдерінің жерлеу ережелеріне сәйкес келеді.

Түйін сөздер: Қарғалы қазынасы, Ұзын Қарғалы өзені, Ерменсай шатқалы, Жылысай қонысы, Лю Сицзюнь ханшайым, ерте темір дәуірі

Postscript to the history of the study of the Kargaly treasure

Abstract. The paper presents a hypothesis of origin in the territory of the northern slopes of Ile Alatau of an unusual burial of the Wusun period of the early Iron Age under the Kargaly Stone. On the basis of historiographical materials on the study of the Kargaly treasure, considered by the author earlier, and the results of archaeological research of the Kargaly historical and geographical microdistrict, which established its location, assumption is made about the possibility of burial in the Ermensay gorge of a Chinese princess Liu Xijun, married to the Wusun ruler. This assumption is based on the specific conditions of the mountainous part of the Uzyn-Kargaly river and the information collected by the author,

© 2022 Сараев В.В.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта OR11465466.*

which allow to assume the existence at that time of the practice of hermitage by certain people of Taoist worldview, engaged in healing among other things. It is concluded that the princess could have turned to them during her illness, but still she died and was buried near a large early Iron Age settlement Zhylysay in a nearby gorge. The conditions of burial under the Kargaly stone correspond to the Feng Shui funeral rules practiced during the Han dynasty of ancient China among members of the reigning dynasty.

Keywords: Kargaly treasure, Uzyn-Kargaly river, Ermensay gorge, Zhylysay settlement, princess Liu Xijun, early Iron Age

Я не признаю никакого измышления и никакой гипотезы,
какой бы вероятной она ни казалась, без точных доказательств.
М.В. Ломоносов

Авторы, касающиеся значимого вопроса истории Казахстана, связанного с темой каргалинской диадемы, в статьях и фильмах, освещающих вопросы относительно Каргалинского клада, отвечают каждый по-своему на неозвученный вопрос. Любопытно, что вопрос не задается, но ответ на него пытаются дать. Чаще всего, особенно в фильмах, авторы либо привлеченные персонажи делают творческий «вброс» на тему, как эти сокровища смогли оказаться высоко в горах в необитаемом ущелье. Они говорят о шаманке, колдунье, невесте, принцессе, воровке и т. д. Все было бы проще, если бы сотни ювелирных изделий из золота были бы найдены сами по себе, но наличие человеческого скелета усложняет ситуацию. Что, вероятно, и понуждает их привлекать творческие догадки Ю.О. Домбровского, автора произведения «Факультет ненужных вещей»: «А где-то там, верст за двадцать, в глухом урочище, на берегу грязной речонки, под голубыми валунами спала уже второе тысячелетие та, которая была первой красавицей, принцессой, невестой, а может быть, еще и колдуньей <…>. Она не была похоронена и оплакана, над ней не возвели погребальной насыпи, не поставили надгробного камня» [Домбровский 1989: 192].

Однако это всего лишь творческие предположения писателя, в какой-то степени фантомная попытка ответить на то, как эти вещи смогли оказаться в глухом горном ущелье. В этих соображениях больше эмоциональных фантазий, чем отдаленной связи с реальными историческими данными. Но чувствуется попытка ответить все на тот же простой вопрос «Почему эти вещи оказались здесь?». Не задавая этого вопроса и не расследуя причин, люди сразу пытаются ответить на него, изначально подразумевая, что как бы

Рис. 1. Женский парадный головной убор - «фэнгуань»
(по: [Головные уборы…])

и так всем понятно, что далеко в горах естественным, нормальным образом большого количества золотых изделий оказаться не может. Далее, как правило, все переходят на реально предметный объект и начинают истолковывать персонажи, изображенные на диадеме.

Опираясь на существующие фактические данные, ответить на этот вопрос попытался в свое время А.Н. Бернштам. Произвел описание места находки диадемы: «<…> условия находки Карагалинского погребения. Характерно, что оно было обнаружено там, где, вообще говоря, в Семиречье мы не знаем древних погребений. Обычно могилы знати и родовых членов общества находятся на родовых кладбищах, расположенных в виде вытянутых в цепочку курганов возле горловин горных ущелий. Эта обособленность захоронения в горном ущелье, под скалой, наводит на мысль о том, что мы здесь имеем дело с особым видом погребения, с погребением шамана. В таких местах, где было обнаружено это погребение, обычны находки предметов культового порядка и, как правило, нет небольших могильников, нет и следов поселений» [Бернштам 1940: 29]. И предположил, что это захоронение человека, имеющего отношение к шаманству: «Мы здесь имеем дело с особым видом погребения, с погребением шамана» [Бернштам 1940: 29]. И тем самым как бы закрыл вопрос о причине появления драгоценностей в отдаленном глухом ущелье.

Александр Натанович Бернштам, хорошо зная регион, довольно точно описал местонахождение захоронения по документам, полученным от В.Ф. Шахматова, присланным из Алма-Аты (ныне Алматы. – прим. авт.), о чем он сообщает читателю во второй сноске своей статьи [Бернштам 1940: 23]. Обследование места находки вещей проводил археолог Б.Н. Дублицкий в течение одного дня [Дублицкий 1939]. Из этого времени необходимо вычесть время, потраченное на дорогу туда и обратно, это приблизительно 25–26 км. Основное время работ было потрачено на просмотр отвалов земли после охотников, о чем записано в отчете Б.Н. Дублицкого. Детальное изучение места захоронения археолог запланировал на будущий год. Осень 1939 г. была дождливой и холодной. Исследовательские планы на 1940 г. Б.Н. Дублицкий осуществить не смог, поскольку в марте того года он был арестован.

А.Н. Бернштам обследовал место захоронения уже после того, как написал известную статью «Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке». Сопровождал его туда Н.С. Есипов. Их поход к захоронению, со слов Николая Сергеевича, занял один день. Остальное время А.Н. Бернштам на машине, выделенной комбинатом, объезжал окрестности поселка [Сараев 2021: 61–86].

Вот, собственно, и весь объем научных исследований места уникального захоронения на его первоначальном этапе. Далее началась Великая Отечественная война, и на протяжении 80 лет никто из ученых не бывал на этом месте. Более того, по сложившимся обстоятельствам за прошедшее время для ученых данное место оказалось потерянным. По сохранившимся в архивах документам и описаниям места находки отыскать его стало невозможным. Найти человека, который мог бы его показать, тоже оказалось неисполнимым. На протяжении более двух десятилетий, с конца прошлого века, большой и активный интерес к месту находки Каргалинского клада проявлял археолог Юрий Аркадьевич Мотов. Но данный исторический объект удалось обнаружить и обследовать только в 2020 г. [Сараев 2021: 61–86; Горячев и др. 2021: 87–119].

Значит, все, что имелось у авторов исследований до этого времени относительно Каргалинского клада, основывалось на информационной базе, добытой археологом Б.Н. Дублицким в 1939 г. и описавшим его А.Н. Бернштамом. Все остальное так или иначе опирается на толкования и трактовки персонажей каргалинской диадемы либо техники ее изготовления [Кузьмина 1987: 158–181; Самашев и др. 2005: 54–55; Чернов 2015: 376–384; 2016: 110–130; Яценко 2017: 143–155].

Исследование большого объема доступного фактического материала и изучение работ ученых, сведущих в этнокультурных вопросах, позволило академику А.Н. Бернштаму говорить о том, что «<…> Расцвет такого искусства в Китае падает на Ханьскую эпоху», а изделия, сходные с диадемой и ее персонажами, характеризовать как «в общем относящихся к III в. до н.э. – II в. н.э.» [Бернштам 1940: 29]. Современные исследователи придерживаются тех же позиций, соотнося возникновение Каргалинского погребального комплекса с периодом существования на данной территории государства усуней (II в. до н.э. – II в. н.э.). Остается дискуссионным вопрос о культурных параметрах комплекса (ханьский либо усуньский), для чего необходимо рассмотреть возможные варианты подобного взаимодействия между двумя разными древними традициями, бытовавшими в регионе в те времена.

Династия Хань продержалась на китайском троне с 202 г. до н.э. по 220 г. н.э. Китай в это время переживал экономический и социальный кризис, вызванный потерей управляемости и войнами военачальников циньских армий с элитами уничтоженных ранее царств, пытавшихся восстановить свою государственность. Из-за

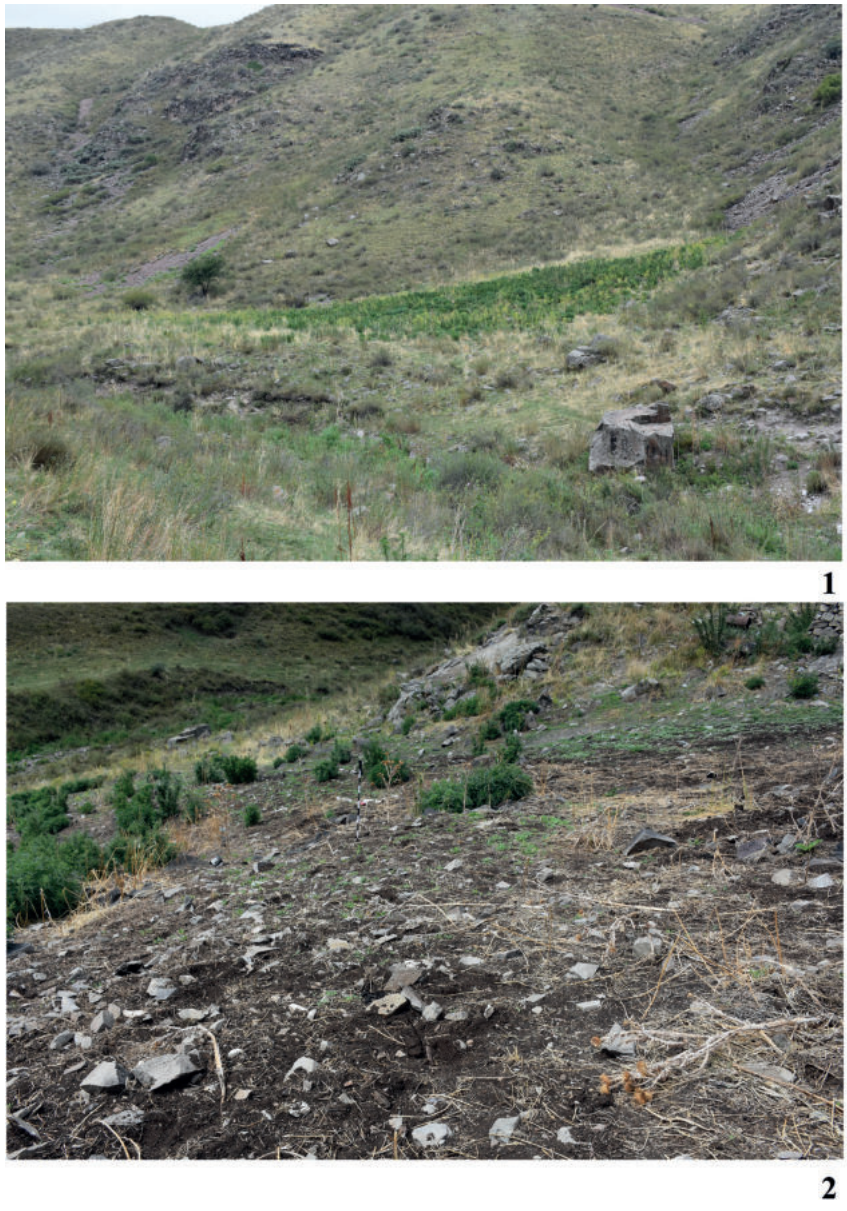

Рис. 2. Древнее поселение в ущелье Жылысай: 1 – общий вид на запад; 2 – площадка древнего жилища. Фото А.А. Горячева

переселений и войн значительно сократилась численность сельского населения в аграрных районах.

С правления Гао-цзу (206–195 гг. до н.э.) начинается новый период китайской истории, который получил название «Западная Хань». В Китае распространилась новая философия – восстановленное и реформированное конфуцианство. Складывалось это учение постепенно (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). Оно представляет собой собрание узаконенных традиционных семейнородовых обрядов Китая. Конфуций принципиально не выдумывал для своего учения ничего нового. Для него важно соблюдение древних законов и обычаев, поэтому основой учения стал один из древнейших культов – культ предков. За короткое время оно превратилось в господствующую официальную идеологию. Конфуцианство – это система частной и политической этики, касающаяся чисто практических норм поведения, философско-религиозное учение о правильной жизни, об управлении на всех уровнях – от государственного до семейно-бытового. Основателем этого учения является Конфуций. Главной опорой и правилом жизни философии Конфуция считают именно строгое соблюдение обрядов.

Но конфуцианство появилось не вдруг, не в чистом поле – оно наложилось на уже существующий в Китае даосизм. Согласно источникам и фактам, его основы появились еще в VI в. до н.э., хотя появление религии даосизма датируется II в. до н.э. В основе учения даосизма лежало мнение, что все вещи во Вселенной рождаются, развиваются и видоизменяются благодаря пути (Дао). Главная задача даосизма состоит в том, чтобы открыть людям глаза на цели их появления на свет, научить различать добро и зло, открыть секреты мироздания, научить жить в гармонии с природой и Вселенной. В наши дни практически всем известно о женском и мужском начале в китайской философии – инь и ян. Еще в IV в. до н.э. даосские монахи сумели изобразить круг, состоящий из двух начал: темного (инь) – женского, светлого (ян) – мужского. Каждый человек должен соблюдать естественные законы, что не будет противоречить его пути. В целом даосы считали, что метаморфозы, которые

происходят с людьми в процессе социализации, негативно отражаются на личности, заставляя человека сбиться с предназначенного жизненного пути [Основные идеи даосизма: Интернет-ресурс].

В очень обобщенном виде даосизм предлагает все видимое окружение понимать как результат действия невидимых сил. Человеку надо познать их и удачно вписаться в их действия. Вечный путь – это также и вечное движение, поскольку в природе ничто не бывает в состоянии покоя, все постоянно течет и изменяется. По этим же законам живет человек. Величайшее счастье, по мнению Лао-Цзы и его последователей, заключается в познании Дао и вечном слиянии с ним. Человек, постигший Дао и подчиняющийся его законам, обретаетбессмертие [Основные идеи даосизма: Интернет-ресурс].

«Высшая цель Дао-Цзяо – достижение физического бессмертия. Идеограмма «Бессмертный» (сянь), включающая в себя рисунок человека и горы, наводит на мысль об отшельнике, удалившемся в горы <…>» [Элиаде 2009: 41]. Большое количество отшельников и практиков, которые уединялись от социума, также было характерно для раннего даосизма. Конфуцианство и даосизм конкурировали в доминировании, но, например, такая позиция в конфуцианстве, как призыв соблюдать «древние обычаи и законы», позволяла им сосуществовать совместно.

Таким образом, легко видеть, что расцвет искусства, при котором изготовили диадему, и этапы развития философии, «в общем относящиеся к III в. до н.э. – II в. н.э.» [Бернштам 1940: 29], совпадают со временем существования в Китае достаточно развитого конфуцианства и даосизма. Вместе с тем в это же время происходило и внедрение на уровне архетипа, то есть бессознательно, в представление народа Китая постулатов одного и другого течений мировоззрения. Понятно, что в зависимости от социального положения люди были знакомы с этими представлениями в разных объемах и вариациях. Кто-то о них вообще ничего не знал. Люди, занимающие сравнительно высокое положение в обществе, естественно, хотели быть более знакомыми с «передовыми достижениями».

Так, условно говоря, в Ханьскую эпоху алхимики пришли к определенному умозаключению и верили в трансмутацию металлов в золото. Связь «Во II в. до н.э. между получением алхимического золота и достижением долголетия/бессмертия отчетливо осознается

Рис. 3. Петроглифы с изображением всадников на верблюде: 1 – ущелье Узын-Каргалы; 2 – ущелье Актерек. Фото В.В. Сараева

<…>» [Элиаде 2009: 40]. Золото – металл, не поддающийся окислению, светлого цвета, считался металлом, достигшим бессмертия в результате ряда трансмутаций. Это представление о золоте сформировало понимание о нем как о возможности и способе продлить долголетие человеку и приблизиться к бессмертию по принципу «подобное порождает подобное». В результате появились призывы изготавливать сосуды для еды и питья из золота, изобретать пилюли долголетия и т. д. Ценность золота была велика, прежде всего, по причине таких представлений.

В истории Китая Ханьская эпоха (III в. до н.э. – II в. н.э.) была достаточно сложной. Китай в это время переживал экономический и социальный кризис. Помимо решения внутренних проблем (войны военачальников циньских армий с элитами уничтоженных ранее царств), необходимо было решать и внешнеполитические вопросы. С этой целью китайский император выдал замуж за правителя усуней (гуньмо) китайскую принцессу Лю Сицзюнь. «В 107 г. до н.э. ханьский император отправил в страну Усунь (Асман) принцессу замуж за усуньского владетеля. Она была юна, а владетель стар годами. Они виделись лишь изредка, ей было скучно, и она сочинила песню, начинавшуюся словами: «“Выдали меня родственники в страну неба (Тянь)” [Бань Гу, гл. 966, с. 1167, л. 3а]» [цит. по: Зуев 2002: 23].

1

2

Рис. 4. Традиционный китайский головной убор «доули» (по: [Китайская шляпа])

Однако в таком решении китайского императора есть некоторые нюансы. Лю Сицзюнь была дочерью правителя Лю Цзяня, внучкой Лю Фэя, брата ханьского императора У-ди. Но ее отцу пришлось покончить с собой, когда на него пали подозрения в том, что он замышляет переворот. В том же году казнили ее мать по обвинению в колдовстве. Дочь опальных родителей, она была не в почете при императорском дворе. Статус принцессы ей вернули в 105 г. до н.э., когда император У-ди захотел выдать ее за гуньмо усуней. Усуни отдали за нее калым в 1000 лошадей, а после этого она в сопровождении примерно 100 слуг была вынуждена уехать за много километров от родных мест. Понятно, что Лю Сицзюнь император использовал для решения своих (государственных) проблем – и довольно удачно. Он избавил территорию государства от человека, который при случае мог проявить недовольство управлением, при котором она лишилась родителей. С другой стороны, это будет с правителем соседнего государства «союз, скрепленный кровью», – тоже удачный вариант. Естественно, помимо того, что Лю Сицзюнь вернули статус принцессы, весь процесс выдачи ее замуж (действие государственного уровня) необходимо было оформить на достойном уровне и сообразно лучшим имеющимся представлениям. Так китайская принцесса Лю Сицзюнь оказалась в местах, где для нее жизнь осложнялась еще и тем, что она не могла породниться с обычаями и людьми не только по плоти, но и по душе.

Согласно правилам этикета, принятым в Древнем Китае, голова мужчин всегда должна быть покрыта. В связи с этим было придумано много различных головных уборов, каждый из которых соответствовал определенному возрасту и случаю. Юноши, не достигшие совершеннолетия, надевали на голову маленькие металлические колпачки, у молодых людей из знатных семей колпачки могли быть украшены драгоценными камнями или сделаны из золота. Среди китайских

1

2

Рис. 5. «Каргалинский» камень в ущелье Ерменсай. Фото Т.А. Егоровой

женщин носить головные уборы было не принято. Дамы могли себе позволить надеть только один головной убор – фэнгуань (рис. 1, 1, 2), да и то лишь по торжественному случаю, например, в день свадьбы.

Фэнгуань (в переводе «корона феникса») – парадный женский головной убор, ставший популярным во времена династии Мин. В стародавние времена его надевали высокопоставленные особы для проведения официальных церемоний и торжеств. Кроме того, «корона феникса» стала элементом свадебного наряда невесты. До наших дней сохранились старинные головные уборы этого типа – тончайшей работы, причудливые и богато украшенные. Наиболее изысканные из них весят до 3 кг и состоят из сотен элементов: филигранных фениксов с инкрустацией из пера зимородка, драконов из золота, жемчужных нитей и драгоценных камней. «Короны феникса» носили императрицы, императорские наложницы, принцессы и аристократки. Богатство украшений и наличие образов мифических существ строго регламентировалось и показывало статус обладательницы. Например, фэнгуань, принадлежавший императрице Сяодуаньсянь (1565–1620 гг.), содержит шесть драконов, три феникса, 5449 жемчужин, 71 рубин и 57 сапфиров. Естественно, что идея об изготовлении фэнгуань как свадебного головного убора для знатных китаянок зародилась в древности. Поэтому можно предположить, что и для Лю Сицзюнь была изготовлена «корона феникса». Это было бы броско, красиво, представительно для невесты от имени государства. А потратить на такое событие около 300–400 г золота для государства не великая потеря.

Гуньмо взял ее младшей женой. Усуни относились подозрительно к китаянке. Ей построили отдельный дворец в китайском стиле, и она видела своего мужа один раз в три месяца, когда он приходил к ней на пир (и за императорскими подарками). Учитывая огромную разницу в возрасте и незнание гуньмо китайского языка, Лю Сицзюнь чувствовала себя одинокой. В своем стихотворении «Скорбные строки» Лю Сицзюнь выражает тоску по родным местам, грустит, что пришлось уехать далеко от отчего дома. Теперь ее окружают

чужие люди, чужие нравы, чужие обычаи, чужая речь. «Вот бы лебедушкой прочь улететь – думаю только об этом!» – так заканчивается ее стихотворение. Для Китая она стала в некотором смысле символом тоски по родине.

Гуньмо, будучи в преклонном возрасте, намеревался ненужную ему младшую молодую жену отдать в жены своему внуку и наследнику Цэньцзоу. Так, вероятно, и произошло. Далее Лю Сицзюнь родила девочку, заболела и умерла. Отчего умерла принцесса, неизвестно.

Лю Сицзюнь оказалась в ситуации, при которой произошел ее сильнейший психологический слом, суть которого в том, что она, в отличие от других молодых людей, не охвачена мыслями и фантазиями о будущем, о перспективах своей будущей жизни, все ее мысли – о прошлой жизни. Такая смена психологического восприятия существования свойственна людям, прожившим большую часть жизни, когда в перспективе осталось пожить неизвестно сколько, но немного, и лучшее, что было, оказывается, уже прошло. Молодежью такой формат жизни воспринимается как способ «влачить существование» и может оказаться благоприятной почвой для возникновения болезней.

Теперь вернемся к ситуации с Лю Сицзюнь. Понятно, что семья, в которой она родилась, была не в чести у императора, однако находились люди, которые любили Лю Сицзюнь. За ней ухаживали, воспитали, дали образование (она писала стихи – прим. авт.). Будет естественным предположить, что когда император У-ди захотел выдать Лю Сицзюнь за гуньмо усуней, то в составе сопровождающих ее, весьма вероятно, были и те люди, воспитанные в лучших традициях Китая того времени, которые ранее жили с ней в доме ее родителей. Таким образом, не приемля традиции, условия жизни и даже еду простых степняков, принцесса и ее окружение, естественно, с неприятием относились и к их методам лечения людей от разных болезней. Поэтому, когда Лю Сицзюнь заболела, они решили лечить ее согласно своим представлениям, более «просвещенных людей».

В Китае в Ханьскую эпоху, как об этом говорилось ранее, был расцвет даосизма. Согласно китайской медицине того времени, человек живет между небом и землей и сам являет собой маленькую Вселенную. Болезнь воспринимается как указание на то, что в нем нарушен баланс энергий начала Инь и начала Ян. И, надо полагать, для излечения необходимо восстановить нарушенный баланс. Восстановить баланс этих сил на должном уровне мог только специалист, хорошо разбирающийся в таких вопросах. Ехать за тысячи километров в Китай к такому знатоку было проблематично.

Однако для раннего даосизма характерно и большое количество затворников и практиков, которые уединялись от социума. Люди, отрекшиеся от цивилизации, отшельники, жившие в единении с природой, верили в так называемый Путь. Суть этого учения заключается в том, что всё в этой жизни идет по пути, составляющему основу Вселенной, вещей и высших законов, которых придерживаются даосисты. Только в слиянии с силами природы мы снова достигнем гармонии, считали они. Человек, постигший Дао и подчиняющийся его законам, обретает бессмертие. Естественность и простота – вот что лежит в основе философии даосизма.

Особо рьяные последователи учения уходили в горы и выкладывали себе каменные кельи, чтобы в полном уединении добиться бессмертия. В качестве кельи могла служить примитивная постройка, укрывающая человека от негативных природных воздействий. Вход в это жилище обращен к югу, как и в храме. В них не бывает окон или дверей на трех других сторонах. В ограниченном количестве личных вещей (8 предметов – прим. авт.). Монаха присутствует монашеская чаша для подаяний (монахи зависели от щедрот мирян, от общества). Чтобы не забывать о благодарности, взамен монах становился поводырем, показывающим путь к мудрости, покою и счастью. Помимо этого, монах не имел никаких связей с мирянами. Даосизм акцентирует внимание главным образом на природном аспекте дао. Поскольку горы ближе всех к небу, они и привлекали отшельников. В горах, особенно в высокогорье, видя их величие под ясной синью безбрежного неба, можно ощутить, что все заботы и печали ничтожны и скоротечны, что нужно жить здесь и сейчас. Страсти, волнения, тревоги уже не кажутся столь важными, заботы уходят куда-то на дальний план. Возможно, поэтому множество монастырей построены именно в горах, в скалах, там, где можно слиться с ясностью и чистотой. Именно это побуждало многочисленных приверженцев даосизма уединяться на многие годы или до самой смерти, ведя отшельнический образ жизни. Способствовало уединению в даосизме и представление о вечной жизни.

Помимо сугубо личных вещей и предмета для кон-

такта с человеческим сообществом – чаши для подаяний, у отшельников был еще один предмет – колокол. История китайского колокола насчитывает 5000 лет. Первые, самые старые колокола изготавливались из керамики. И только с развитием технологии литья в эпоху Шан (XVI–XI вв. до н.э.) появились бронзовые ковши-колокола. Их держали в руках или подвешивали и ударяли по ним палкой. Самые крупные из них имеют высоту до 7 м и весят по нескольку десятков тонн, а самые маленькие, величиной всего со стакан, весят до 500 г [Ближе к Богу: Интернет-ресурс].

Колокола предназначались не для того, чтобы извещать окружающий мир о своем существовании, у него было другое принципиальное назначение. В момент, когда раздается колокольный звон, мозг освобождается от мешающих мыслей о быте. Обычно люди постоянно заняты своими мыслями, простыми бытовыми проблемами, поэтому необходимо переключаться. Внешний звук колокола выполняет функцию такого переключателя. Интенсивные внешние звуки на мгновение освобождают разум от всех мыслей и пробуждают его для божественного присутствия. Это состояние транса едино с духовным осознанием. Преданные, посещающие храм люди обычно звонят в колокол, установленный в храме. Звон колокола заглушает любые неблагоприятные или неуместные шумы, которые могут мешать в набожных помыслах, концентрации и внутреннем покое. Естественно, что колокол как инструмент, легко переключающий сознание человека от бытовых проблем к полной тишине внутри, усилению развития интуиции, творчества и возникновению состояния восприятия божественного, должен быть и у отшельника. Конечно, если колокол отшельника будет размером больше, чем стакан, то его логично было бы подвесить. А если на улице, то подвес лучше сделать на цепи.

В 1980-х гг. будучи крайне увлеченным поисками наскальных изображений и совместной работой с Б.Н. Нурмуханбетовым по паспортизации исторических памятников, довелось много поездить по горам региона пос. Фабричный (ныне с. Каргалы – прим. авт.). В одной из таких поездок молодой чабан рассказал, что недавно он с друзьями ходил смотреть на цепь, которая висит на скале. В многочисленных поездках о цепи, висящей на скале, много раз доводилось слышать. Об этой цепи рассказывали чабаны, обитающие в верховьях ущелья Узын-Каргалы, охотники и рабочие, живущие в пос. Фабричный, знали о ней. Охотники поселка говорили о ней как о «цепи динозавра». Горная гряда по пути к озеру Жасылколь кому-то напомнила изображение шипов на спине динозавра из учебника по зоологии, вот и повелось эти скалы так называть.

О цепи, подвешенной к вертикальной скале, среди местных чабанов ходит много всевозможных легенд, но все они в основе своей содержат повествование о том, как богатый хан хотел в качестве калыма за свою дочь получить птенца беркута либо орла, гнездо которого находилось высоко на скале. Чтобы добраться до гнезда, один юноша прикрепил к скале цепь. Далее варианты разнятся. В одном случае он исполнил свое желание, и цепь больше не потребовалась, в другом – цепь оборвалась, и юноша разбился. В настоящее время пересказывают как своеобразный вариант греческого мифа о Прометее. Однако цепь была, и только один из чабанов рассказал, что его очень старый дедушка говорил ему, что то место считалось священным. К нему люди ходили лечиться, и там на скале была цепь, на которой висел колокол. На вопрос «Зачем в пустынных горах колокол?» он ответил, ссылаясь на деда: «Для того, чтобы люди не сбивались с пути». «В сильный туман, наверное <...>» – добавил рассказчик свое предположение. Чтобы не обижать человека, пришлось попридержать свою иронию и представление о том, насколько неуместны подобные соображения в такой топоситуации. Тем более о необходимости колокола в таком диком месте, где голые скалы окружены вечными снегами и никаких дорог. Поскольку полученные сведения не имели отношения к петроглифам, не было необходимости и паспортизировать это место. Со временем люди из поселка, обещавшие показать цепь, умерли.

Здесь по совокупности соображений и информации вновь приходит на ум «цепь динозавра». Более подходящего места для отшельников даосского восприятия мира, чем южная экспозиция скал «динозавра», трудно найти в ближайшем окружении. Вот где можно слиться с ясностью и чистотой. Выше только небо. Под ясной синью безбрежного неба можно ощутить, что все заботы и печали ничтожны и скоротечны, нужно жить здесь и сейчас. По низине ущелья протекает ручей с чистейшей водой, недалеко красивое небольшое озеро, все окружено вершинами с лежащими на них вечными снегами. В окружении природной завораживающей красоты ниже за бортом ущелья Четынды (4,5–5 км – прим. авт.) расположено семейное кыстау. На его подворье и в настоящее время лежит древняя зернотерка. Далее

ниже по ущелью (порядка 10 км – прим. авт.) в месте, называемом Жылысай, расположено древнее поселение (рис. 2). На скалах близ него отмечена серия петроглифов раннего железного века. Поселение занимает участок склона с южной экспозицией между двух скальных групп. Оно состоит из серии хозяйственных и жилых площадок, устроенных в три яруса. Контуры каменных конструкций хозяйственно-жилых комплексов занимают центральные площадки ярусов подпрямоугольной формы размерами 15×10 м, 14×5 м и 6×3 м. К востоку от них прослеживаются следы еще четырех полуземлянок размером 7×5 м. К северу от жилых строений просматриваются конструкция загона для скота и хозяйственный двор общим размером 15×12 м.

На их территории обнаружены фрагменты керамической посуды, по технологии производства и формам схожие с керамикой раннего железного века. Здесь же по берегу ручья Жылысай зафиксирован могильник из 13 курганов с каменно-земляными насыпями диаметром от 2 до 6 м и кольцевыми выкладками по периметру [Горячев и др. 2021: 87]. Поселение долговременное. Детально не обследовалось, но в плоскости рассматриваемого интереса дает понимание, что монашеская чаша отшельника для подаяний была уместна. Далее от поселения Жылысай, вниз по ущелью Узын-Каргалы проходит пешеходная тропа, спускающаяся до выхода из горного массива к предгорной равнине северных склонов Заилийского/Иле Алатау. Многолетние целенаправленные исследования предгорных территорий позволяют уверенно говорить о том, что эти земли в рассматриваемое время были задействованы поливным земледелием. Естественно, что между земледельцами низин и скотоводами верховий происходил обмен товарами, «излишками выработанной продукции». Материальным доказательством такого обмена может служить зернотерка в верховьях ущелья Четынды.

В целом среди жителей низинных (предгорных) поселений сложилась такая обстановка, что они без труда могли знать о том, что высоко в горах живет какой-то отшельник либо отшельники. Ну а если человек, ведущий отшельнический образ жизни высоко в горах, сумел каким-то образом проявить себя хорошим делом, то тем более о нем в народе ходили бы слухи. Вероятно, неслучайно о тех местах, у «цепи у динозавра», у людей надолго сохранилось в памяти представление как о местах особенных. Пример тому чабан, пересказывающий рассказ своего прадеда, услышанный от деда о святом месте – о колоколе на цепи, даже несмотря на то, что смысл слов был переиначен под современное понимание ситуации. Колокол отшельников, предназначенный для освобождения разума от проблем быта и пробуждения его для божественного присутствия «Пути Дао», стали считать нужным для того, чтобы в тумане люди не сбивались с дороги.

В целом, вероятно, обстановка была такой, что сама Лю Сицзюнь либо близкие, озабоченные ее здоровьем, могли узнать о существовании в горах человека либо отшельников даосистского склада восприятия окружающего мира. Естественно, что обратиться к нему за помощью значительно доступнее, чем ехать за тысячи километров в Китай. От низины предгорья до конечной точки к озеру и «цепи у динозавра» не более 35 км по горному ущелью с проторенной тропой. Помимо того, наличие в верховьях большого поселения (Жылысай) гарантировало возможность получить пропитание даже сравнительно большой группе людей.

В конце 1950-х и начале 1960-х гг. через пос. Фабричный (ныне с. Каргалы – прим. авт.) в начале летнего сезона прогоняли многочисленные стада овец в горы, на высогорные пастбища. Улицы были сплошь заполнены овцами. Дети выходили посмотреть, когда пойдут верблюды. К концу передвижения овец по улице шли 1–2 верблюда. Мальчишки потом собирались и рассказывали друг другу, сколько и каких верблюдов они видели. Чабаны, мужчины на лошадях ездили по улице, подгоняя животных, а на верблюдах степенно ехали пожилые женщины в красивых одеждах. В детстве сложилась полная уверенность, что верблюд – это транспортное средство для женщин. В предгорье таких животных не было.

Из разговора с профессиональным верблюдоводом выяснилось, что верблюд – сильное животное, способное переносить до 400 кг груза. Верблюды стоически переносят отсутствие пищи, воды и высокую температуру, но у них очень нежная физиология организма. Они очень тяжело воспринимают укусы оводов, слепней и других кровососущих насекомых. Болеют очень сильно и даже умирают от их укусов. Поэтому, сказал он, здесь в предгорье, где много источников воды, верблюды не живут. Хорошее знание петроглифов на скальных плоскостях в ущельях предгорной зоны Иле Алатау позволяет говорить, что фигуры верблюдов в них большая редкость. В древности люди изображали на скалах то, что по их представлениям было необходимо и то, что произвело яркое впечатление. Похоже, что верблюды для них и были редкими животными, и в памяти закрепились эти события, вы-

зывавшие определенные эмоции.

Из тысяч наскальных рисунков ущелий северных склонов Иле Алатау изображений верблюдов на сегодняшний день наберется около 10. На всем протяжении ущелья Узын-Каргалы есть два петроглифа с фигурами верблюдов, и в 120 км западнее, в Актерекском ущелье, есть несколько изображений кораблей пустыни. Любопытно отметить, что оба этих ущелья проходные, то есть через них по проторенной дороге можно выйти на высокогорные пастбища. На художника Каргалинского ущелья сильное впечатление, похоже, произвел не только редкостный верблюд, но и всадник на нем. На рисунке из Каргалинского ущелья (рис. 3, 1) седок значительно более впечатляющ, чем символический наездник из Актерека (рис. 3, 2). Художник отобразил стройную фигуру верхового, его важную позу, детально показал занятость рук. Одной рукой он управляет животным, но верблюда под уздцы ведет также пеший проводник. На рисунке показан даже головной убор наездника – широкополая шляпа. Это не кочевнический головной убор типа башлыка – это шляпа. Не принцесса ли Лю Сицзюнь, едущая к отшельнику, привлекла внимание художника? Такой взгляд на ситуацию легко объясняет и нетрадиционный головной убор для местного населения всадника на верблюде.

Как уже отмечалось, среди китайских женщин носить головные уборы не было принято. Но в Китае шляпы конусообразной формы с широкими полями из тростника, соломки, бамбука были обыденными в жаркую погоду (рис. 4). Их носили и мужчины, и женщины. Средние и низшие сословия в основном носили шляпы из тростника или рисовой соломки. В материковой части Китая и на Тайване они называются «доули»; в переводе с китайского означает «шляпа на десять литров», так как в прошлом головной убор использовался не только для защиты от палящих солнечных лучей, но и в качестве вместительной емкости для воды.

Конечной точкой прибытия наездника на верблюде, как и сопровождавших его людей, было место, где можно приобрести пищу и найти укрытие от непогоды, а это могло быть только поселение Жылысай (по результатам археологической разведки). Что, если Лю Сицзюнь там и умерла? Сомнительно, чтобы остро стоял вопрос о необходимости транспортировать ее туда, где ее не особо чествовали. Предавать чужеземную китаянку земле на кладбище предков жителей Жылысая? Местные жители не могли дать на это согласие – она чужая. Кроме того, захоронением принцессы занимались ее соотечественники, прибывшие с ней. Для погребения принцессы было выбрано место на расстоянии 1,5 км севернее поселения и несколько в стороне от дороги общего пользования.

В Китае в Ханьскую эпоху был пик развития искусства фэн-шуй. Для использования энергии окружающей среды и выбора благоприятного места для погребения фэн-шуй был признан императорским двором в качестве основной даосской практики. Образованные представители китайской элиты интересовались фэн-шуй, были знакомы с его основами и ключевыми принципами. Они также знали и об обязанностях, которые возлагаются в этой практике на близких покойного: похороны надо устраивать по правилам, дабы помочь умершему достойно встретить загробную жизнь. В китайской культуре культ предков и уважение к покойным имеют особое значение, поэтому похоронный ритуал фэн-шуй практиковался повсеместно.

Место, выбранное для захоронения принцессы, очень точно соответствует канонам даосской практики. В идеале перед могилой должна быть вода, позади гора, пышная растительность вокруг. Камень, под которым были найдены золотые вещи (и останки человека в 1939 г. – прим. авт.) в ущелье Ерменсай, находится именно в такой ситуации. Более того, место захоронения с трех сторон окружено горами, защищающими от ветра, и «поднято» в глубь ущелья, в сторону от ветров Каргалинского ущелья. Согласно правилам фэн-шуй, правильно выбранное место могилы помогало молодому поколению: вода приносит потомкам богатство, горы – власть. Для знати чем выше горы, тем лучше. С династии Хань, к которой относится Лю Сицзюнь, пошла мода хоронить представителей элиты, высокопоставленных чиновников и членов императорской фамилии под камнями в форме черепахи (информация получена от востоковеда Санжара Баимбетова, который в частной переписке предложил рассмотреть предметы Каргалинского клада как вещи принцессы Лю Сицзюнь).

Камень, под которым был похоронен человек с золотыми вещами, имеет природное образование, вероятно, воспринимаемое как образ черепахи (рис. 5), входящей в состав каноничных животных в Китае. Это животное особо почитается в религии. В частности, в индуистской традиции она является символом духовной сосредоточенности и возвращения в первозданное состояние. Китайцы свято почитают черепаху; в каждом жилом доме или на рабочем месте есть символ этого животного, защищающий хозяина от недоброжелательности окружающих, дурной энергетики и

неурядиц. Черепаха, спрятавшаяся в панцире, является символом существа, которое самодовольно, самодостаточно и надежно защищено. По сути, это то, чего не было в жизни Лю Сицзюнь.

Захоронение под этим камнем, обнаруженное в 1939 г. охотниками, не является местом, где лежал случайно погибший человек, которого зверь затащил под камень и растерзал там, как об этом писал в отчете обследования места археолог Б.Н. Дублицкий. Под этим камнем было помещение, тщательно обустроенное для погребения. В почве под ним было вырыто ложе для покойника. По сторонам от ложа из мелких камней выложены стены, перекрывающие доступ в погребальную камеру. Изнутри они были тщательно обмазаны глинистым раствором. Углубление, в котором лежал(-а) умерший(-ая), устлано смягчающей подстилкой из местной растительности – эфедры. Также там были непонятные фрагменты конструкции из дерева. Встречаются обломки обструганных веток кустарника. С наружной стороны центральный вход был перекрыт большим камнем, как рассказывал один из охотников.

Если эту конструкцию сооружали соотечественники Лю Сицзюнь, то сделали они эту работу достаточно хорошо. Почти 2000 лет погребение было защищено от внешнего воздействия. При захоронении принцессы Лю Сицзюнь близкие к ней люди обязательно должны были надеть на нее ее дорогие вещи и свадебный головной убор фэнгуань, который принцесса, по всей вероятности, всегда имела при себе [Культура саков и усуней... 2011: 175–196], а также положить необходимые в таком случае вещи.

В истории культуры Китая упоминается музыкальный инструмент – пипа. Самые первые упоминания об инструменте относятся к временам правления династии Хань. По легенде, пипа была создана для принцессы Лю Сицзюнь. В дороге девушка использовала его, чтобы уменьшить свои страдания. Естественно, если это захоронение принцессы, то и пипу положили рядом с ней.

При второй встрече с Н.С. Есиповым, на которую он нас пригласил сам, Николай Сергеевич доверительно сообщил, что он всю жизнь считал, что под камнем был захоронен богатый казах, так как там еще была и домбра, которую они тоже сожгли. Возможно, что охотники сожгли в костре не старую домбру, а пипу Лю Сицзюнь вместе с частью сухой смягчающей подстилки.

Совокупное изучение информации и фактического материала о месте нахождения Каргалинского клада позволяет теоретико-вероятностно ответить на вопрос: «Как большое количество золота могло оказаться в глухом ущелье, далеко в горах?». Обследование территории, прилегающей к месту находки каргалинской диадемы в 2020 г. и ранее, свидетельствует о том, что на данной местности есть следы проживания скотоводов в древности. На основании опыта многолетних исследований древних поселений в ущельях и высокогорьях Жетысу можно говорить о том, что они практически мало чем отличаются, из чего следует, что в свое время на этих территориях проживали скотоводы, приспособившиеся к конкретным условиям существования.

Среди этих поселений древности нет ювелирных мастерских, нет дворцов и т. д. Носить на себе одежду, обшитую дорогими ювелирными украшения из золота, было бы неуместно и непрактично. Предполагать, что человека, умершего где-то в низине, подняли высоко в горы и захоронили в богатых одеждах, неразумно. Обследованный способ захоронения под камнем на сегодняшний день можно считать единственным из известных погребальных обрядов раннего железного века в Жетысу. На основании изложенного выше можно считать, что теоретическое предположение о том, что Каргалинский клад есть место захоронения принцессы Лю Сицзюнь, имеет право на существование.

ЛИТЕРАТУРА

Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке // КСИИМК. 1940. Вып. 5. С. 23–31.

Ближе к Богу: самые красивые горные монастыри. URL: https://fishki.net/2369563-blizhe-k-bogu-samye-krasivye-gornye-monastyri.html (дата обращения: 17.01.2022).

Головные уборы, прически, украшения. URL: https://www.melina-design.com/china_7.html (дата обращения: 17.01.2022)

Горячев А.А., Сараев В.В., Егорова Т.А., Чернов М.А. Новые материалы древнего археологического комплекса Каргалинского историко-географического микрорайона // Археология Казахстана. 2021. № 2 (12). С. 87-119. DOI: https://doi.org/ 10.52967/akz2021.2.12.87.119.

Домбровский Ю.О. Факультет ненужных вещей. М.: Советский писатель, 1989. 720 с.

Дублицкий Б.Н. Заключение по осмотру места залегания костяка человека с золотым инвентарем в долине р. Каргалинки близ Алма-Атинской суконной фабрики. В: Хроника археологических разведок и находок на территории КазССР (1928–1938 гг.). Алма-Ата, 1939

г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 11, оп. 2, д. 36, л. 24, 25.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк Пресс, 2002. 333 с.

Китайская шляпа. URL: https://tkaner.com/golovnye-ubory/shlyapy/kak-nazyvaetsya-kitajskaya-shlyapa/ (дата обращения 01.03.2022).

Китайский национальный головной убор, прически, украшения. URL: https://www.melina-design.com/china_7.html (дата обращения 01.03.2022).

Кузьмина Е.Е. Дионис у усуней (о семантике каргалинской диадемы) // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука; Гл. ред. вост. литературы, 1987. С. 158–181.

Культура саков и усуней Казахстана в археологических коллекциях Центрального государственного музея Республики Казахстан: научный каталог [каз., рус., англ. текст]. Алматы: Өнер, 2011. 320 с.

Основные идеи даосизма (кратко). URL: https://mychinaexpert.ru/daosizm/ (дата обращения: 17.01.2022).

Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. Алматы: ТОО «Археология», 2005. 184 с.

Сараев В.В. Каргалинский древний историко-географический микрорайон // История и археология Семиречья: сб. статей и публикаций. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. Вып. 5. С. 69–90.

Сараев В.В. Каргалинская диадема под флером Юрия Домбровского // Археология Казахстана. 2021. № 2 (12). С. 61-86. DOI: 10.52967/akz2021.2.12.61.86

Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т. II. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М.: Академический проект, 2009. 282 с.

Чернов М.А. Композиционный строй каргалинской диадемы. Опыт реконструкции // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. науч. статей, посвящ. памяти археолога К.А. Акишева / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 376–384.

Чернов М.А. К вопросу о семантическом прочтении композиции каргалинской диадемы // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района. Алматы: Заповедник-музей «Танбалы», 2016. С. 110–130.

Яценко С.А. Золотая пластина из усуньского погребения в гроте ущелья Каргалы // История и археология Семиречья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. Вып. 5. С. 143–155.

Е.М. КАРИЕВ
Б.Б. БЕСЕТАЕВ

Елдос Максатович Кариев,
eldos.05.82@gmail.com,
Международный университет «Астана»,
г. Нур-Султан, Казахстан;
Бауыржан Берканович Бесетаев,
besetaev86@mail.ru,
Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан

МОНИТОРИНГ СОСТОЯНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ШУБАРАТ И МОЛАЛЫ в 2021 г.*

Аннотация. В статье представлены результаты мониторинга современного состояния одного из ярких памятников сако-уйсунского культурного горизонта Жетысу – могильников Шубарат и Молалы в 2021 г. Последние непосредственные исследования этих ярких памятников древних захоронений проводились в 1980-х гг. и привнесли вклад в науку в виде ряда ценных материалов по широкому кругу вопросов истории и археологии Жетысу I тыс. до н.э. Результаты исследованных объектов культурного наследия (Шубарат 1, 2, 3 и Молалы) в указанном году отражены в научных работах, также дана оценка состоянию памятников этнографического времени в пределах самих могильников и на сопредельной территории, предварительно отнесенных к XIX – первой половине XX в. Итоги работ показали, что значительная часть памятников разрушается и подвержена угрозе уничтожения вследствие техногенных и антропогенных факторов. В то же время позитивным моментом является то, что не зафиксировано следов современных ограблений.

Ключевые слова: Алматинская область, археология, Шубарат, Молалы, памятники, мониторинг

Шұбарат және Молалы археологиялық ескерткіштерінің 2021 ж. жағдайының мониторингі

Аннотация. Мақалада Жетісу сақ-үйсін мәдениетінің көрнекті ескерткіштерінің бірі – Шұбарат және Молалы қорымдарында 2021 ж. жүргізілген қазіргі жағдайының мониторингінің нәтижелері назарға ұсынылуда. Аталмыш нысандардың соңғы зерттеулері 1980-ші жылдарында жүзеге асырылып, ғылымға б.д.д. I мыңж. Жетісудың тарихы мен археологиясының бірқатар маңызды мәселелері бойынша құнды мәліметтер әкелгені белгілі. Мәдени мұраның (Шұбарат 1, 2, 3 және Молалы) объектілерінде көрсетілген жылғы зерттеу нәтижелері ғылыми жұмыстарда көрсетілген, алдын ал XIX –XX ғасырдың бірінші жартысына жатқызылған сол қорымдардың жаны мен жапсарлас территориялардағы этнографиялық кезеңінің ескерткіштерінің жағдайына баға берілді. Жұмыстар қорытындылары ескерткіштердің айтарлықтай көлеміне техногенді және антропогенді әсерлердің салдарынан бұзылу және жойылу қауіпі төніп тұрғанын айқындады. Сондай-ақ, жағымды бір жәйт – ескерткіштердің қазіргі заманда тоналу фактілері тіркелмегендігін анықтады.

Түйін сөздер: Алматы облысы, археология, Шұбарат, Молалы, ескерткіштер, мониторинг

Monitoring of the state of the archaeological sites of Shubarat and Molaly in 2021

Abstract. The article presents the results of monitoring the current state of one of the brightest monuments of the Saka-Wusun cultural horizon of Zhetysu – the burial grounds of Shubarat and Molaly in 2021. The last direct studies of these striking monuments were carried out in the 80s of the 20th century and brought to science a number of valuable materials on a wide range of issues of Zhetysu's history and archaeology of the first millennium BC. According to the results of scientific works of the specified year, the burial grounds of Shubarat 1, 2, 3 and Molaly were examined, and the state of the monuments of ethnographic time within the burial grounds themselves and in the adjacent territory, previously correlated to the 19th – first half of the 20th centuries, was also assessed. The results of the work showed that a significant part of the monuments is being destroyed and is subject to the threat of destruction due to man-made and anthropogenic factors. At the same time, it is a positive fact that there are no traces of modern robberies.

Keywords: Almaty region, archaeology, Shubarat, Molaly, monuments, monitoring

© 2022 Кариев Е.М., Бесетаев Б.Б.

**Исследования выполнены в рамках грантовой темы «Мониторинг археологических памятников Ушконырского микрорегиона Иле Алатау» общенационального проекта «Birgemiz: Asyl Mura»*

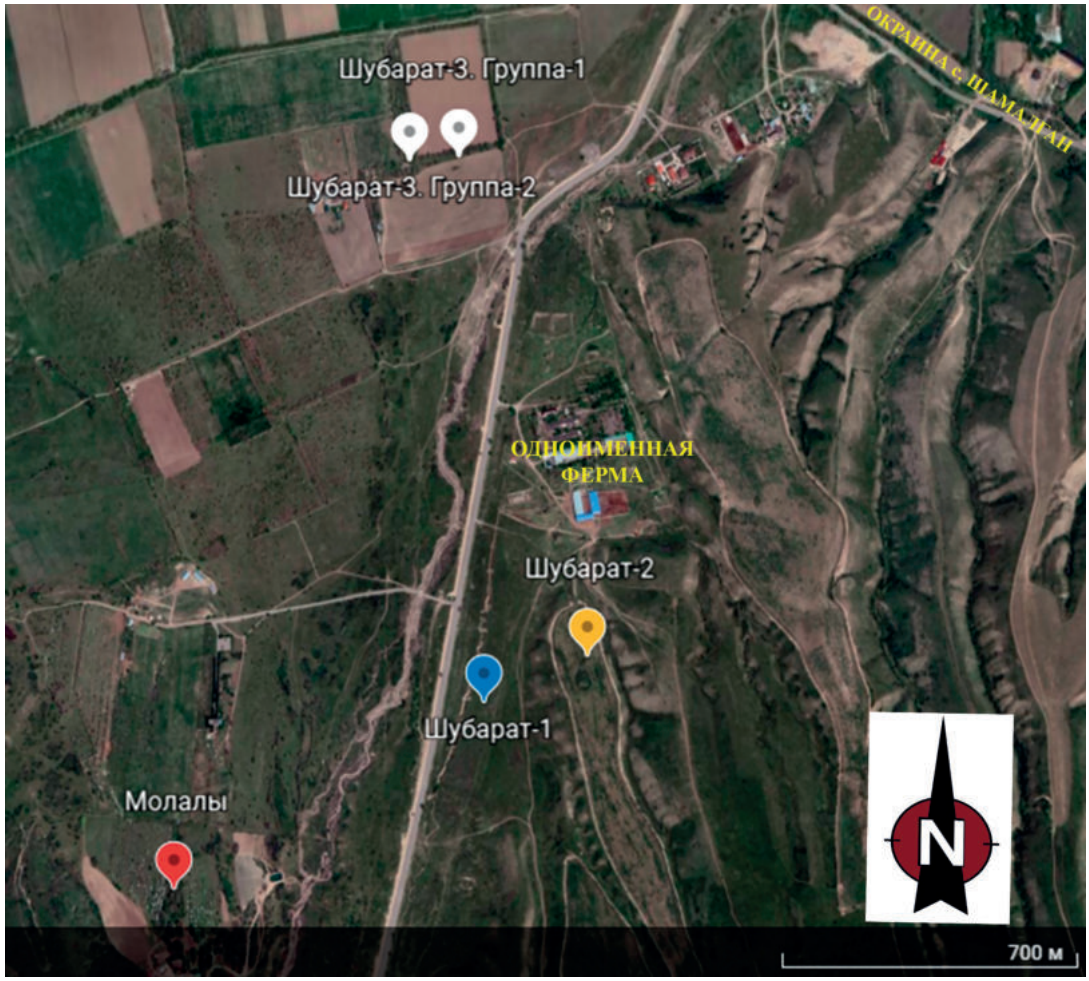

Рис. 1. Местоположение археологических памятников Шубарат и Молалы

В сентябре 2021 г. были проведены научные работы по анализу текущего состояния археологического наследия в пределах Шамалганского сельского округа (Карасайский р-н, Алматинская обл.).

Данный участок предгорной зоны Иле Алатау, как и другие подобные территории хребта, отличается обилием разного рода объектов историко-культурного наследия широкого хронологического диапазона, которые в той или иной степени привлекают внимание ученых. Впервые памятники в районе с. Шамалган взяты на учет Семиреченской археологической экспедицией под руководством Е.И. Агеевой в 1956 г. [Агеева 1956], а введены в широкий научный оборот К.А. Акишевым в «Археологической карте Казахстана» 1960 г. [АКК 1960: 320–322].

К настоящему времени единственные раскопки археологических памятников указанной местности проводились в 1985–1986 гг. Алма-Атинской археологической экспедицией ИИАЭ АН КазССР и Республиканским обществом охраны памятников истории и культуры, под руководством Б.Н. Нурмуханбетова и Ю.И. Трифонова. Учеными были исследованы объекты могильников Шубарат и Молалы, давшие поистине ценнейшие материалы по сакскому культурному горизонту Жетысу [Нурмуханбетов, Трифонов 1989; 2016]. Из других рекогносцировочных изысканий следует отметить разведочно-поисковые работы, проведенные Карасайским отрядом разведочной археологической экспедиции свода археологических памятников Карасайского и Жамбылского районов Алматинской области под руководством Ю.А. Мотова [Мотов 2006].

В ходе работ 2021 г. осуществлен мониторинг могильников Шубарат, Молалы к ЮЮВ от с. Шамалган. Также проведен мониторинг нескольких объектов археологии, изученных в 2005 г. отмеченным выше разведочным отрядом под руководством Ю.А. Мотова, к северу и северо-западу от указанного населенного пункта. Помимо всего, в районе вышеуказанных мо-

Рис. 2. Ортофотоплан могильников Шубарат-1 и Шубарат-2

гильников обследованы памятники этнографии в виде казахских поселений-зимовок первой половины XX в.

Могильник Шубарат-I расположен в районе одноименного фермерского хозяйства (в основном к югу от него), вдоль автотрассы на плато Ушконыр, к востоку от шоссе (рис. 1). Объекты, располагавшиеся на территории фермы, исследованы Б.Н. Нурмуханбетовым и Ю.И. Трифоновым в вышеуказанное время [Нурмуханбетов, Трифонов 1989; 2016]. Памятники могильника относятся к сако-уйсунскому периоду, также имеются объекты поселенческого характера поздних периодов.

В общей сложности на могильнике было обследовано 77 разновеликих объектов, расположенных по линии С–Ю. Прослеживаются 3–4 отдельные курганные цепочки, наиболее крупные объекты могильника находятся в пределах восточной линии, у «прилавков», и, можно сказать, образуют отдельные группы (рис. 2). Наземные сооружения многих объектов могильника и прилегающая территория покрыты густым кустарником, значительное число наземных конструкций сильно задерновано (рис. 3, 4).

В целом основная часть памятников имеет удовлетворительную степень сохранности: нет фактов современных ограблений, этому в значительной мере способствует то, что они расположены на территории частных охраняемых владений; здесь запрещен выпас коллективного скота, доступ ограничен шлагбаумом.

Однако на западной части имеется довольно глубокий природный овраг-промоина, который также препятствует свободному проходу (рис. 2). И этот естественный овраг наносит огромный вред объектам могильника – четко прослеживается интенсивный размыв конструкций ряда памятников в период сезонного половодья (рис. 2, 3). По свидетельствам местных пастухов, весной в овраге можно увидеть вымытые и беспорядочно разбросанные кости и фрагменты керамики. Заметно расширяющаяся промоина представляет существенную угрозу для пока еще непотревоженных объектов к востоку и западу от нее. Следует отметить, что на территории могильника также прослеживается сеть более мелких промоин и рытвин, которые со временем однозначно расширятся и будут представлять угрозу для памятников.

Из других поврежденных объектов могильника можно назвать крупный курган в южной части восточной цепочки могильника – наземная конструкция практически снесена, сохранился небольшой отрезок северной части. Со слов местных жителей, курган был разворочен в 80-е гг. XX в. бульдозером при прокладке автодороги на вышеупомянутое плато, грунт и камни

Рис. 3. Размываемый оврагом один из объектов могильника Шубарат-1

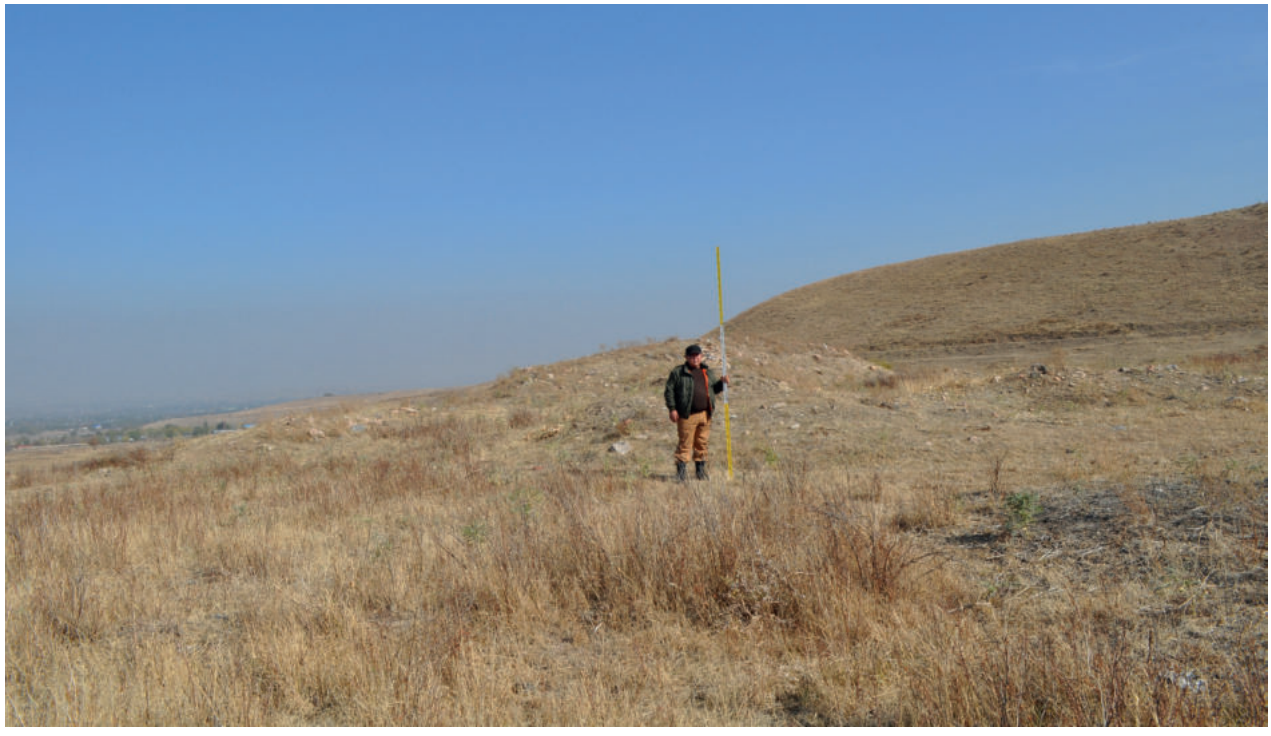

Рис. 4. Элитарный курган с разрушенным наземным сооружением

Рис. 5. Могильник Шубарат-3

Рис. 6. Могильник Шубарат-3. Группа 1

были использованы для подасфальтного полотна (рис. 2, 4). Также, по всей вероятности, определенный вред памятникам в свое время был нанесен поздними строениями жилищно-хозяйственного характера, которые расположены к северо-западу от крупных курганов (рис. 2).

Одним словом, отмечая сравнительно удовлетворительную сохранность основного числа памятников могильника, можно констатировать, что ряд объектов подвергается опасности повреждения и уничтожения, некоторые нуждаются в срочных аварийно-спасательных исследованиях, и необходимы меры охранного и превентивного характера по сохранению пока еще целых погребений.

Могильник Шубарат-II находится в северной части гребня крайнего с запада «прилавка», расположенного в 100 м к югу от фермы «Шубарат». Зафиксирован Б.Н. Нурмуханбетовым, но точное количество памятников не указано [Нурмуханбетов, Трифонов 1989; 2016: 12]. В настоящее время здесь фиксируется два разноразмерных объекта: крупный курган диаметром 30 м и высотой порядка 1,7 м, имеет повреждения в северной части. В 50 м к северу от этого кургана расположен второй, который имеет меньшие размеры: диаметр 18 м, высота около 1 м, также несет на себе следы повреждений (рис. 1, 2). Оба памятника расположены в пределах пашни, и вследствие этого площади памятников, а именно периферия подвергается ежегодной распашке, и со временем наземные конструкции могут быть снивелированы или попросту снесены для увеличения посевной площади. Поэтому совершенно очевидна необходимость их срочного исследования.

Могильник Шубарат-III. Нумерация присвоена в ходе работ 2021 г. В опубликованных материалах Б.Н. Нурмуханбетова данных об этих памятниках как об отдельном могильнике нет, хотя в пределах второй группы данного могильника имеется один раскопанный спецтехникой методом центральной траншеи объект, который, по словам местных жителей, «был раскопан в 80-е годы теми же археологами». Возможно, ученые включили этот памятник в состав могильника Шубарат-I или же имело место ограбление.

Могильник расположен в 600–700 м к ССЗ от фермы «Шубарат», в 200–300 м к северо-западу от крутого поворота автотрассы с. Шамалган – плато Ушконыр, в 300–400 м к западу от современной Workout-площадки у дороги. Включает в себя две группы памятников с разным количеством объектов (рис. 1, 5).

Группа № 1 – крайняя с востока, состоит из двух объектов, расположенных по линии С–Ю на расстоянии 17 м друг от друга. Сохранность южного объекта (№ 1) неудовлетворительная, так как практически снивелирована северная часть, и имеющаяся здесь густая поросль кустарника – следствие этого или маркер грабительского вторжения. Памятник находится на пашне – и это также наносит систематический вред наземному сооружению. По окружности объекта просматривается полукруг, возможно, это ров.

Сохранность северного объекта (№ 2) также недостаточно удовлетворительна: на наземной конструкции имеются поперечные борозды разной глубины, по всей вероятности, это следствие распашки, часть оросительного канала или, возможно, старая межа пашен. Значительная часть наземного сооружения находится в пределах пашни, вся остальная площадь – на территории лесополосы, своего рода межпашенной межи. Наземная конструкция имеет выпуклую форму (рис. 5, 6).

К востоку от северного объекта установлена охранная табличка.

Размеры объектов: диаметр 11–13 м, высота 0,4–0,8 м.

По всей вероятности, расположенные к югу объекты данной группы были снивелированы и на данный момент практически не просматриваются.

Группа № 2 находится в 100 м к ЗСЗ от первой. Наиболее хорошо сохранились объекты, расположенные в пределах межпашенного раздела – лесополосы, в количестве трех курганов средних и малых размеров (рис. 5, 7). К западу от кургана № 3 находится вышеописанный объект, раскопанный траншейным методом. Курган № 1 сравнительно малого размера, находится на краю лесополосы и частично в пределах пашни, по этой причине имеет повреждения на северо-восточном краю наземного сооружения. Курганы № 2 и 3 средних параметров, достаточно хорошей сохранности. На всех трех объектах явных следов ограблений не просматривается.

Южная часть группы расположена на территории пашни, и, к сожалению, наземные конструкции всех памятников практически полностью уничтожены – едва можно различить следы порядка 4-х объектов по оси С–Ю (рис. 5). Видимые размеры всех объектов этой группы от 10 до 20 м, высота в районе 0–1,3 м, форма непотревоженных наземных сооружений характерна для памятников сако-уйсунского круга – выпуклые и в виде усеченного конуса.

Вполне очевидно, что в первую очередь требуются срочные исследования расположенных на пашне объектов. Также относительно целых памятников сущест-

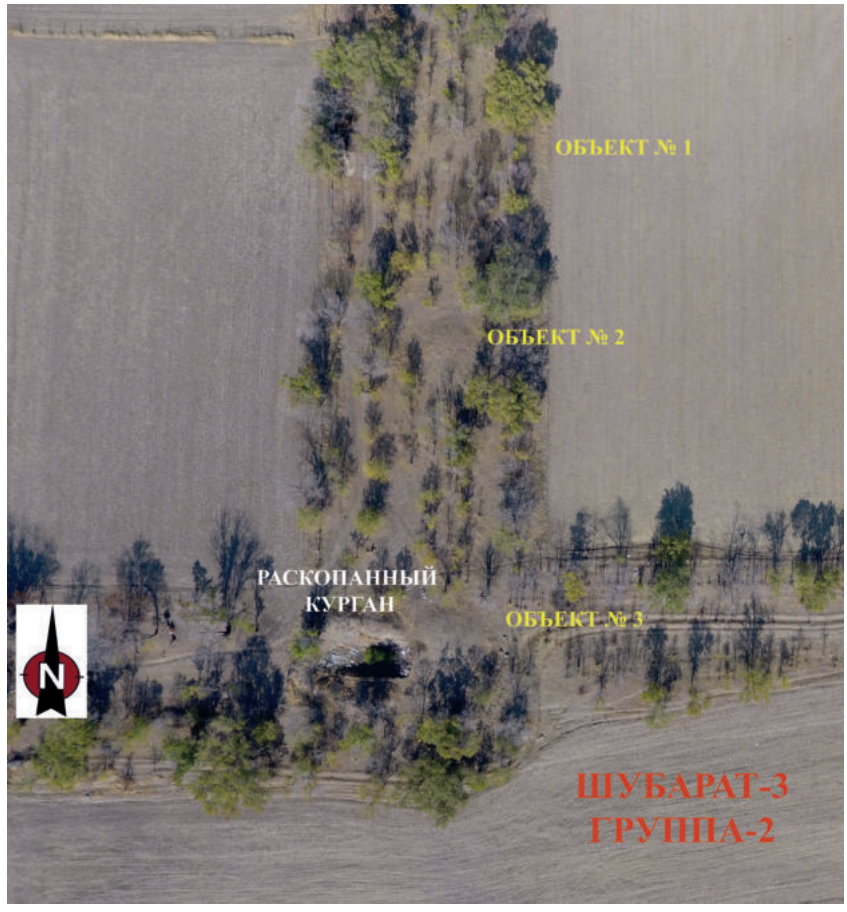

Рис. 7. Могильник Шубарат-3. Группа 2

Рис. 8. Могильник Молалы. Вид с запада

Рис. 9. Сохранившиеся объекты могильника Молалы

Рис. 10. Руины жилищно-хозяйственных строений этнографического времени в пределах могильника Шубарат-1

вует вероятность того, что посевные площади могут быть объединены, и в этом случае межа-лесополоса будет удалена, а курганы снивелированы.

Могильник Молалы расположен в 500 м к западу от автодороги Шамалган – плато Ушконыр (участок въезда из долины в горную часть), в 0,7 км к северу от информационно-туристического центра, к югу от современного казахского кладбища рода «Көшек», в северо-западной части крестьянского хозяйства П. Немилостева (рис. 1, 8).

Основная часть объектов могильника исследована Б.Н. Нурмуханбетовым [Нурмуханбетов, Трифонов 1989; 2016: 15–17]. К данному времени уцелели два кургана. Курганы хорошей сохранности, огорожены по периметру, каких-либо инородных строений и других объектов, нарушающих целостность памятников, не зафиксировано. Территория охраняется, доступа к объектам у посторонних лиц нет (рис. 8, 9).

Памятники этнографии. Помимо описанных могильников, к западу и востоку от отмеченной автодороги на плато Ушконыр осмотрено несколько объектов этнографического времени; по словам старожилов, это руины жилищно-хозяйственных построек первой половины XX в. (рис. 1, 10). Состояние этих памятников этнографии удовлетворительное, следов разрушений и вторжений не зафиксировано. Существует определенная угроза для ряда памятников из-за вышеописанного оврага (значительный размыв конструкций памятников в паводковый сезон) и воздействия антропогенных факторов.

Резюмируем, что в силу крайне негативных техногенных факторов и определенной доли антропогенного влияния значительное количество памятников археологии подвергается угрозе постепенного уничтожения. Для предотвращения этой катастрофы необходимо прибегнуть к скорейшим аварийно-спасательным операциям и скрупулезно изучать объекты культурного наследия нашего народа. К тому же, как показали исследования предыдущих лет, археологические объекты данной местности весьма перспективны в плане научной информативности [Нурмуханбетов, Трифонов 1989; 2016; Трифонов 1989; Нурмуханбетов и др. 2019].

ЛИТЕРАТУРА

Агеева Е.И. Отчет Семиреченской археологической экспедиции 1956 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Фонд 11, опись 2, связка 27, дело 390. Инв. № 45. 98 л.

ААК – Археологическая карта Казахстана / Отв. ред К.А. Акишев Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 449 с.

Мотов Ю.А. Отчет Карасайского отряда Алматинской разведочной археологической экспедиции по программе Свода археологических памятников Карасайского и Жамбылского районов Алматинской области в 2005 г. // Архив ИА КН МОН РК. Д. 2744.

Нурмуханбетов Б.Н., Трифонов Ю.И. Новые памятники сакского времени близ г. Алма-Аты // Проблемы археологии скифо-сибирского мира: сб. тр. Всесоюзн археол. конф. (Москва, 5–7 мая 1989 г.). Кемерово: КемГУ, 1989. Ч. 1. С. 57–61.

Нурмуханбетов Б.Н., Трифонов Ю.И. Курганные могильники Шубарат и Молалы (краткая характеристика и культурно-хронологический анализ) // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур / Отв. ред. А. Онгарулы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 10–19.

Нурмуханбетов Б.Н., Тулегенов Т.Ж., Иванов С.С. Коллекция предметов вооружения сакского времени из могильников Молалы и Шубарат // Теория и практика археологических исследований. 2019. Т. 25, № 1. С. 99–108.

Трифонов Ю.И. К вопросу об археологических критериях социальной стратификации восточносемиреченских саков (по материалам могильника Молалы I) // Проблемы археологии скифо-сибирского мира: сб. тр. Всесоюзн археол. конф. (Москва, 5–7 мая 1989 г.). Кемерово: КемГУ, 1989. Ч. 1. С. 45–49.

Ералы Шардарбекұлы Ақымбек,
Мамбет Сапарбекұлы Шағырбаев,
Несіпбай Бекболатұлы Нұрғали,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан; eraly_a@mfil.ru

2021 ж. ТАЛАС ӨҢІРІНДЕГІ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ТӨРТКҮЛДЕРГЕ ЖҮРГІЗІЛГЕН ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР*

Аннотация. Мақалада 2021 жылы Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясы Талас отрядының (жетекшісі Е.Ш. Ақымбек) Талас өңіріндегі төрткүлдерге жүргізген зерттеулерінің алдын ала қорытындылары беріледі. Зерттеу жұмыстары барысында аталған аумақтағы 28 ортағасырлық ескерткіштің бүгінгі жай-күйі анықталып, сипаттамасы қайта қаралды. Оның ішінде 10 төрткүл 2021 ж. археологиялық барлау жұмыстары барысында анықталды. Осы жылы 16 ескерткішке далалық зерттеу жұмыстары жүргізілді. Жаргүл-2–3, Арна және Талапты төрткүлдеріне қазба жұмыстары, Көшеней (Қоралас), Зылиха, Көделі, Қызылқорған-1, Талдысу төрткүлдерінің сыртқы (қорғаныс) қабырғаларына траншея жұмыстары, Бағара, Қарабақыр, Аққұм, Балта, Қызылқорған-2–3 төрткүлдеріне шурф жұмыстары, Жаргүл-1 (қала) төрткүліне шағын кесік қазба жүргізіліп, археологиялық материалдар алынды. Қазба жұмыстары жүргізілген ескерткіштер X–XI (Талапты) және XI–XII ғғ. (Жаргүл-2, Арна) жататыны белгілі болды.

Түйін сөздер: Талас өңірі, орта ғасыр, төрткүл, қазба, траншея, шурф

Полевые исследования средневековых торткулей Таласской долины в 2021 г.

Аннотация. В статье приводятся предварительные итоги исследований Таласского отряда Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана (рук. Акымбек Е.Ш.), проведенных на торткулях Таласской долины в 2021 г. В ходе исследовательской работы произведен мониторинг современного состояния 28 средневековых памятников региона. Из них 10 торткулей были выявлены в ходе археологических разведочных работ в 2021 г. В том же году были проведены полевые исследования на 16 памятниках. Раскопки осуществлены на торткулях Жаргуль-2, 3, Арна и Талапты, траншейные работы – на наружных (оборонительных) стенах торткулей Кошеней (Коралас), Зылиха, Кодели, Кызылкорган-1, шурфовочные – на торткулях Талдысу, Багара, Карабакыр, Аккум, Балта, Кызылкорган-2, 3, небольшой разрез заложен на торткуль/городище Жаргуль-1, получены археологические материалы. Памятники, на которых проводились раскопки, относятся к X–XI вв. (Талапты) и XI–XII вв. (Жаргуль-2, Арна).

Ключевые слова: Таласская долина, средневековье, торткуль, раскопки, траншея, шурф

The field research of the medieval tortkuls of the Talas Valley in 2021

Abstract. The article contains the preliminary results of the investigations of the Talas Detachment of the South Kazakhstan complex archaeological expedition of the Margulan Archaeology Institute (leader: Akymbek E.), which was carried out on the tortkuls of the Talas Valley in 2021. During the research, a description of the current state of 28 medieval sites of this area was revised. Ten tortkuls of these were identified during the archaeological exploration in 2021. The fieldwork was carried out at 16 sites in the same year. Excavation work was carried out at the tortkuls of Zhargul-2–3, Arna and Talapty, and trenching work was carried out at the outer (defensive) walls of the tortkuls of Kosheney (Koralas), Zylikha, Kodeli, Kyzylkorgan-1, and pit works at the tortkuls of Taldysu, Bagara, Karabakyr, Akkum, Balta, Kyzylkorgan-2–3, a small section was excavated at the tortkul/settlement of Zhargul-1 and archaeological materials were obtained. The sites where the excavations were carried out belong to the 10th–11th centuries (Talapty) and 9th–12th centuries (Zhargul-2, Arna).

Keywords: Talas Valley, Middle Ages, tortkul, excavations, trench, test-pit

© 2022 Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С., Нұрғали Н.Б.
**Жұмыс Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің гранттық қаржыландыруы бойынша № AP09260358 жобасы аясында орындалды.*

1-сур. Жарғұл-3 төрткүлі. Қазба. Жоғарыдан түсірілген көрінісі (түсірген: М. Шағырбаев)

Ортағасырлық ескерткіштердің ішінде жоспарлануы бойынша төртбұрышты немесе шаршылы болып келген, қабырғалары, я болмаса бұрыштары әлемнің төрт тарабына бағытталған төрткүлдерді Талас өңірінен жиі кездестіруге болады. Олар Талас өзенінің және оған келіп құятын бұлақ суларының немесе өзен және олардың ескі арналарының бойында орналасқан. Тіпті, төрткүлдердің тау шатқалдарының аузы мен тау алды жазық беткейлерде, құм басталатын жағалауларда орналасқандары да бар. Бүгінгі күнге дейін төрткүлдердің басым бөлігі анықталып, ғылыми айналымға енгізілді. Ескерткіштің осы түрлері жарияланған жинақтардың барлығында кездеседі. Олардың бірқатары «төрткүл» деген атаумен берілген.

Алғаш рет 1960 ж. шыққан Қазақстанның археологиялық картасына төрткүл типтес ескерткіштердің 1950 ж. аяғына дейін белгілі болғандары енген [АКК 1960]. Кейбірінің атауы тізілімде «Тортколь», «Торткольтобе» деп жазылған. Ескерткіштер тізілімінде өңірде зерттеу жүргізген В.В. Бартольд, В.А. Каллаур, В.П. Панков, А.Н. Бернштам, Г.И. Пацевич, Л.Н. Рempель, Ә.Х. Марғұлан және т. б. зерттеушілердің еңбектерінен алынған қысқаша мәліметтер беріледі. Мәліметтер авторлардың ұсынған ескерткіш атаулары бойынша әртүрлі берілгенін байқауға болады.

Одан кейінгі жылдары жүргізілген жұмыстарды 1976–1982 жж. ҚазКСР-і Жамбыл облыстық тарих және мәдениет ескерткіштерін қорғау қоғамдық кеңесі шешімімен Жамбыл облыстық тарихи-өлкетану музейі экспедициясының (К. Байбосынов) зерттеулері толықтырады. Нәтижесінде 1982 ж. Жамбыл облысының тарих және мәдениет ескерткіштері жинағы жарыққа шығады. Жинаққа облыстағы 540-қа тарта әртүрлі ескерткіштер енген [Алипчеев, Байбосынов 1982]. Жинақта ортағасырлық ескерткіштерді «қала», «қоныс», «үй-жай», «құрылыс», «бекініс», «бекіністі қоныс» және т. б. деп атаумен қатар, санаулы ескерткіштерді орыс тілінде «турткуль», «торткуль» деп атаған. Мұнда ескерткіштердің атауы жоспарлану ерекшеліктеріне қарай берілмей, әртүрлі берілгенін көруге болады.

1978 ж. К.М. Байпақовтың «Городища типа торткуль» атты мақаласы жарияланады [Байпаков 1978: 80–97]. Мақалада ортағасырлық ескерткіштердің бір түрі тек «төрткүл» деп аталып қана қоймай, олардың жоспарлануында ерекшеліктерінің бар екендігі, соған орай аталатындығы айтылады. Осыдан кейін, ғылыми

еңбектерде Қазақстанның оңтүстігіндегі және көрші жатқан аймақтардағы кейбір ескерткіштер, жергілікті халықтың берген атауы бойынша «төрткүл», «төрткүл типтес ескерткіштер» деп жазыла бастағанын көреміз.

1983–1984, 1990, 1997 жж. Талас өңіріндегі орта ғасырларға жататын қоныстар мен қалаларды ҚазМУ-дің (қазіргі әл-Фараби ат. ҚазҰУ) Университет археологиялық экспедициясының (УАЭ) барлау тобы (жетекшісі М. Елеуов) зерттейді [Елеуов 1999: 55]. Ұзақ жылдар Шу-Талас өңірлеріне зерттеу жұмыстарын жүргізген М. Елеуов ортағасырлық ескерткіштерді жоспарлану ерекшеліктеріне, топографиясына, стратиграфиясына және т. б. қарай топтастырып, сол бойынша ескерткіштердің аталуын біршама түсінікті етеді. Алдыңғы зерттеулерде кездесетін көптеген атауларын біршама жинақтап, орта ғасырларға жататын ескерткіштердің көлемдері мен ерекшеліктеріне қарай нақты бірнеше атауын береді. Соның ішінде төрткүлдерді жеке алып қарастырумен қатар, көлемдеріне қарай алғаш рет топтастырады [Елеуов 1998: 102].

2002 ж. Қазақстан Республикасы Мәдениет, ақпарат және қоғамдық келісім министрлігі Мәдениет комитеті жанындағы Қазақстан Республикасы тарихи-мәдени мұраларды сақтау және пайдалану бойынша Ғылыми-әдістемелік кеңестің тапсырысымен материалдық мәдени ескерткіштерді ғылыми-зерттеу және жобалау институты, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты және Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты бірлесіп Жамбыл облысының тарихи және мәдени ескерткіштерінің тізімін толықтырып, қазақ және орыс тілдерінде жинағын басып шығарады [Свод памятников... 2002: 99–280]. Кітапқа алдыңғы шыққан археологиялық карта мен тізілімдегі мәліметтермен қатар, 2000 ж. дейін өңірде зерттеу жұмыстарын жүргізген барлық ғалымдардың деректері кіреді. Мұнда көпшілік ескерткіштердің географиялық координаттары, суреттері мен жоспарлары қамтылған. Бұрынғы жинақтарға қарағанда жаңадан ашылған ортағасырлық ескерткіштермен қатар, сол кездегі ескерткіштердің жай-күйлері, қазба жұмыстары жүргізілген ескерткіштер туралы толық ақпарат беретін сипаттамалары беріледі. Ортағасырлық ескерткіштердің саны артып, бірқатарын «төрткүл» деп атап көрсеткен.

2009–2014 жж. Жамбыл облысы әкімдігі мәдениет басқарамасының «Тарихи-мәдени ескерткіштерді қорғау және қалпына келтіру дирекциясы» ММ-сі тапсырысы бойынша «Археологическая экспертиза» ЖШС-нің Ескерткіштер жинағы экспедициясы Жамбыл облысының территориясында археологиялық барлау жұмыстарын жүргізіп, тарих және мәдениет ескерткіштерінің жинағын аудандар (10 аудан және Тараз қаласы аумағы жеке) бойынша жеке-жеке жарыққа шықты. Оның ішінде Талас өңіріне қарасты аудандардағы (Жамбыл, Байзақ, Талас, Сарысу және Жуалы) ортағасырлық ескерткіштердің (төрткүлдер) толық сипаттамалары беріледі [Жамбыл ауданы 2010; Байзақ ауданы 2010; Талас ауданы 2010; Сарысу ауданы 2014; Жуалы ауданы 2013]. Жекелеген аудандардың жинағында әр жылдарда зерттеу жүргізілген жұмыстардың нәтижесінде алынған мәліметтерді қоса беріп өткен. Алдыңғы шыққан ескерткіштер жинағынан айырмашылығы карталары, толық сипаттамалары (сақталу жағдайы, мезімделуі мен зерттелу мәселесі), нақты деректері (географиялық координаттары, фотосуреттері (бірқатарының әуеден түсірілген фотосуреттері, арнайы құрал арқылы алынған жоспарлары) және т. б. жан-жақты беріледі.

2-сур. Арна төрткүлі. Қазба. Жоғарыдан түсірілген көрінісі (түсірген: М. Шағирбаев)

3-сур. Талапты төрткүлі. Қазба. Жоғарыдан түсірілген көрінісі (түсірген: М. Шағирбаев)

Кейбір төрткүлдер алғашқы шыққан жинақтарда берілген болса, кейінгі жинақтарда берілмеген немесе басқа атаумен берілген. Мұның бірнеше себебі болуы мүмкін: 1) кезінде ескерткіштердің орналасқан жері нақты, яғни географиялық координаты көрсетілмей берілгендіктен, кейінгі зерттеулерде дәл сол ескерткіш екендігі дәлелденбеуі; 2) төрткүлдердің сипаттамаларының нақты берілмеуі шатастырушылыққа алып келуі; 3) ол төрткүлдер кеңестік уақытта ауылшаруашылық жұмыстары барысында жойылып кетуі; 4) қабырғасы көмескі байқалатын төрткүлдер уақыт өте жер деңгейімен бірдей болып кетуі; 5) алғашқы жинақтармен немесе ғылыми есептермен таныс болмағандықтан, жаңа атаулармен берілуі. Дегенмен, жыл өткен сайын төрткүлдердің саны артып келеді. Кейінгі шыққан жинақтарда да олардың саны көбейген.

Жинақтарда барлық тарих және мәдениет ескерткіштер қамтылғандықтан, төрткүлдер басқа да ортағасырлық қоныстық ескерткіштерден ерекшеленбеген. Көптеген төрткүлдер бекініс, қоныс, елді мекен, мекенжұрт және т. б. атаулармен берілген. Әйтсе де, ескерткіштің осы түрін өңірдегі жергілікті халықтар «төрткүл» деп атайды.

Төрткүлдердің бірлі-жарымына жүргізілген қазба жұмыстары бойынша олардан анықталған құрылыстар мен табылған материалдар ғылыми есептерде жазылған. Қазба жұмыстары жүргізілген санаулы төрткүлдерден анықталған құрылыс қалдықтары нәтижесінде жазылған мәліметтерден олардың қандай қызмет атқарғандығы туралы пікірлерді көруге болады.

Жалпы төрткүлдер топтастырылған түрде, яғни көлемдері мен ерекшеліктеріне, тіпті құрылымына қарай қарастырылған еңбектер жоқтың қасы. Дегенмен, көлемдеріне қарай топтастырған еңбектер де бар. Солардың бірі М. Елеуов өзінің докторлық диссертациясында төрткүлдерді көлемдеріне қарай топтастырған [Елеуов 1999: 126–131]. Жинақтарда көбінде төрткүлдердің сипаттамалары ғана берілуін, арнайы зерттеу жұмыстарының жүргізілмеуімен түсіндіруге болады. Осы тұрғыдан алғанда төрткүлдерді зерттеу, қазба және барлау кезінде олардан табылған археологиялық материалдарға пәнаралық зерттеулер жүргізу өте маңызды болып табылады.

2021 ж. ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының Талас археологиялық отряды (жетекшісі: Е.Ш. Ақымбек) ҚР БҒМ ҒК гранттық қаржыландыруы бойынша № AP09260358 «Талас өңірінің ортағасырлық төрткүлдері және мәдени ландшафты» жобасы аясында Талас өңіріндегі ғылымға белгілі ортағасырлық

төрткүлдердің бүгінгі жай-күйі бойынша сипаттамасын қайта қарау және жекелеген төрткүлдерге далалық зерттеу жұмыстарын жүргізу, белгісіз болып келген төрткүлдерді, жалпы ортағасырлық қоныстық ескерткіштерді анықтау, табу бойынша барлау/іздестіру жұмыстарын жүргізді.

Далалық археологиялық қазба жұмыстары төрт түрлі зерттеу әдісі бойынша жүзеге асырылды. Сырты қорғаныс қабырғасы анық байқалатын, сонымен қатар ішкі бөлігінің мәдени қабаты қалың төрткүлдерге қазба жұмыстары, ішкі бөлігінде мәдени қабаты білінбейтін, керісінше сыртқы қорғаныс қабырғасы қалың және биік келген төрткүлдердің қабырғасына траншея жұмыстары, ал қабырғасы білінетін немесе анық байқалмайтын, ішкі бөлігінде құрылыс қалдықтары қалың болып қатпарланған төрткүлдердің ішкі бөлігіне шурф жұмыстары, ал апатты жағдайда тұрған немесе кеңестік дәуірде ауылшаруашылық жұмыстары жүргізілген ескерткіштің мәдени қабатын анықтау барысында шағын кесік жұмыстары жүргізілді. Сонымен, 16 ескерткіште далалық зерттеу жұмыстары атқарылды. Жаргүл-2, 3, Арна және Талапты төрткүлдеріне қазба жұмыстары, Қоралас, Зылиха, Көделі, Қызылқорған-1, Талдысу төрткүлдерінің сыртқы (қорғаныс) қабырғаларына траншея жұмыстары, Бағара, Қарабақыр, Аққұм, Балта, Қызықорған-2, 3 төрткүлдерге шурф жұмыстары, Жаргүл-1 (қала) төрткүліне кесік қазба жүргізіліп, археологиялық материалдар алынды. Осы күнге дейін жарияланған бірқатар еңбектерде төрткүлдердің кейбіреулеріне атау берілмеген. Олар тек «төрткүл» немесе «төрткүлтөбе» деп аталған. Сондықтан, сипаттамасын беруде бірбіріне өте ұқсас болғандықтан, әрі шатасып кетпеу үшін, оларды сол жердің тарихи атауымен немесе жер-су атауларымен қайта атауымызға тура келді. Ал, жаңадан ашылған төрткүлдер, сол орналасқан жерінің атауымен берілді.

Қазба жұмыстары жүргізілген Жаргүл-1 3, Арна және Талапты төрткүлдеріне қысқаша тоқталып өтсек.

Жаргүл төрткүлдері (қаласы). Жамбыл облысы Тегістік ауылынан 4 км оңтүстікте, Сарыөзек пен Көшеней өзен арналарының Талас өзеніне қосылатын жерінің аралығында, Талас өзенінің сол жағасынан 100 м жерде орналасқан.

Ескерткіштер кешені 3 төрткүлден тұрады. Кешеннің батысында ең үлкені – Жаргүл-1 төрткүлі және шығысында қатарынан, бір сызық бойында Жаргүл-2 (солтүстігінде) және Жаргүл-3 (оңтүстігінде) төрткүлдері орналасқан.

Жаргүл-1 төрткүлінің қабырғалары әлемнің төрт тарабына бағытталып орналасқан. Солтүстіктен оңтүстікке болмашы созылып жатқан төрткүлдің етегінен есептегенде көлемі 280×270 м, биіктігі 2-3 м, жайылып кеткен жалының ені 8–10 м, биіктігі 0,05–0,2 м. Бұрыштары мен қабырға бойларынан мұнара іздері байқалады. Бір-бірінен 20 м арақашықтықта орналасқан мұнараларының диаметрі 10 м, биіктіктері 0,1 0,2 м. Төрткүлдің қабырғаларының ортасынан басталған шағын сай қақ ортасында қосылып, төрткүлді төртке бөліп тұр. Бұл бұрынғы көшенің орны деп есептесек, төрт қабырғасының ортасында қақпа болғандығын аңғаруға болады. Сыртын айнала ені 8–14 м, тереңдігі 0,4–2 м болатын ор қоршап жатыр. Солтүстігіндегі табиғи сайдан өткен ор терең келсе, оңтүстігінде біршама жайылып кеткен. Ескерткіштің ортасын кесіп өткен каналдың жағасына ұзындығы 6,2 м, ені 1 м кесік (разрез) салынды. Жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижесінде бірнеше құрылыс горизонтынан тұратын қалыңдығы 2,5 м мәдени қабат анықталды.

Жаргүл-2 төрткүлі Жаргүл-1 төрткүлінен 140 м шығыста орналасқан. Жоспарында төртбұрышты келген төрткүлдің қабырғалары сәл ауытқып әлемнің төрт тарабына бағытталып жатыр, бұрыштары мен қабырғаларының ортасынан мұнаралардың қалдықтары білінеді. Көлемі 90×90 м, биіктігі 0,5–1,2 м, қабырға жалдарының ені 6–8 м, биіктіктері 0,1–0,2 м, мұнараларының диаметрі 10–12 м, биіктіктері 0,2–0,5 м. Биіктеу және қатты жайылып кеткен шығыс қабырғасының ортасынан қақпа орны аңғарылады. Осы жағынан кейінгі жерлеу орындары байқалады. Ордың ізі тек оңтүстік қабырғасының сыртында ғана болмашы тереңдікте сақталған. Төрткүл кешенінің ішінде көлемі мен биіктігі жағынан біршама шағын және аласа болып келген. Қазба жұмыстары ескерткіштің орта тұсына, солтүстік қабырғасына жақын жерге салынды. Көлемі 5×4 м (20 м^2) болатын қазба ескерткіштің орналасуына қарай, қабырғаларына параллель, бірақ шығыстан батысқа қарай шамалы созыла түсірілді. Тереңдігі 1 м дейін түскен қазба нәтижесінде шикі саздан салынған құрылыстың қалдықтары мен едені анықталды. Жер бетінен 0,35 м тереңдіктен бастап анықтала бастаған құрылыстың қалың келген қабырға қалдықтары солтүстік-шығыстан оңтүстік-батыс бағытында орналасқан. Қазбаның оңтүстігінен анықталған, біршама жақсы сақталған қабырғасының қалыңдығы 0,9 м, биіктігі 0,4 м.

Жаргүл-3 төрткүлі Жаргүл-2 төрткүлінен 50 м оңтүстікте орналасқан. Солтүстік қабырғасы Жаргүл-2 төрткүлінің оңтүстік қабырғасына параллель жатыр.

Жоспарында шаршы түрінде келген төрткүлдің көлемі 100×100 м. Қоршап жатқан жалының ені, жоғарғы жағында 3 м, түбінен есептегенде ені 10–12 м, биіктігі 2,5 метрге дейін барады. Бұрыштары мен қабырлары бойында қабырға сызықтарынан сыртқа қарай шығып тұрған мұнараларынан қалған төбешіктердің диаметрі 15-20 м, олар қабырға-жалынан 0,5 метрге дейін биік. Шығыс қабырғасының ортасында сыртқа қарай шыққан «Г» тәрізді қақпа жолы сақталған. Қақпа жолынан төрт мұнараның ізі байқалады. Яғни, төрткүлдің шығыс қабырғасы ортасында екі және алдындағы қақпа құрылысының бұрыштарында тағы екі мұнарадан қалған төбешік жатыр. Төрткүлді айнала қоршап жатқан ордың ені 10–12 м, тереңдігі кей жерлерінде 1,5 метрге дейін барады. Төрткүлдің сыртқы солтүстік-батыс қабырғасына (жалына) жақын, орта тұсына көлемі 5×4 м (20 м^2) қазба салынды (1-сур.). Қазба жұмыстары төрткүлдің жатысына қарай, қабырғаларына параллель, солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа қарай жүргізілді. Нәтижесінде шикі саздан салынған екі құрылыс горизонтының қалдықтары шықты. Негізінен пакса және кірпіштен салынған. Үстіңгі құрылыс қазбаның тек солтүстік бұрышынан анықталды. Жер бетінен 0,2 м тереңдіктен бастап анықтала бастаған құрылыс қалдығының едені 0,6–0,7 м тереңдікте. Қабырғасының қалыңдығы 0,55 0,7 м, сақталған биіктігі 0,5 м. Астыңғы құрылыстың қалдықтары, жер бетінен 0,7 м тереңдіктен анықтала бастап, едені 1–1,1 м тереңдіктен шықты. Құрылыс төрткүлдің жатысына қарай орналасқан. Құрылыстан бірнеше бөлмелерді бөліп тұрған қалың қабырғаның қалдықтары анықталды. Қабырғаларының қалыңдығы 0,5–1 м аралығында ауытқиды, сақталған биіктіктері 0,2–0,5 м.

Арна төрткүлі Жамбыл облысы Байзақ ауданы Сарыбарақ ауылынан 7 км батыста, ортағасырлық қаланың солтүстігінде орналасқан. Төрткүлдің шығысынан 100 м жерден Талас өзенінің Қарабақыр саласы өтеді. Жоспары бойынша шаршылы келген төрткүлдің бұрыштары әлемнің төрт тарабына бағытталған. Көлемі 96×96 м, биіктігі 1,5–2 м, сыртын айнала қоршап жатқан жалы әлсіз білінгенімен, бұрыштары мен қабырға ортасындағы мұнара іздері анық байқалады. Қабырға сыртына дөңгеленіп шыққан мұнараларының диаметрі 10–15 м, олар қабырғасынан 0,2–0,4 м биік жатыр. Солтүстік-шығыс қабырғасы ортасындағы мұнара қалдығы биіктеу әрі ортасы біршама сай болып жатыр. Соған қарағанда, қақпа осы жағында болса керек. Себебі, өзен арнасына қарай осы жағынан сай кетеді. Осы қабырғасы басқа жағына қарағанда биік, биіктігі – 3 м. Төрткүлдің қақ ортасындағы төбешіктің диаметрі 22 м, биіктігі 1,2 м. Ескерткішті айнала ор қоршап жатыр. Жайылып кеткен ордың ені 10–12 м, тереңдігі 0,2–0,4 м.

Төрткүлді қоршап жатқан болмашы биіктікте сақталған жалдың биіктігі мен қалыңдығын анықтау мақсатында оңтүстік бұрышына жақын, оңтүстік-батыс қабырғасына етегінен бастап жалдың үстіне дейін қазба салынды. Қабырғасына көлденең салынған, жіңішке келген қазбаның ұзындығы 15 м, ені 2 м (2-сур.). Қазба жұмыстары 1,5 м тереңдетіліп, нәтижесінде екі құрылыс горизонты анықталды. Үстіңгі құрылыс өте нашар сақталған. Ұзақ уақыт өмір сүрмегенге ұқсайды. Сыртқы қабырғасына параллель қабырғаларының қалыңдығы 0,5–1 м, биіктігі 0,2 м. Сонымен қатар, астыңғы құрылыс қабатын кесіп өткен жоғарғы қабаттың шұңқырлары ішкі жағынан тазаланды. Астыңғы құрылыс қабатынан сыртқы қалың қорғаныс қабырғасы және оның ішкі жағынан бөлме қалдықтары анықталды. Сыртқы қабырғасының қалыңдығы 3,5 м, биіктігі 0,8 м. Толық ашылмаған қабырғаларының қалыңдығы 0,8–1 м, сақталған биіктігі 0,5 м-ге дейін барады. Екі кезеңнің де қабырғалары пакса және қам кірпіштен (40–42×19-20×10–12 см) тұрғызылған. Бөлменің сыртынан, яғни ескерткіштің ішкі жағынан жер ошақ шықты.

Талапты төрткүлі (қаласы) Жамбыл облысы Талас ауданы Талапты ауылынан 4,5 км оңтүстік-шығыста, Тараз-Бостандық тас жолының сол жағында, Талас өзенінің сол жағалауынан 1,5 км қашықтықта орналасқан. Ескерткіш маңынан 200 м жерден Талас өзенінің тағы бір ескі арналарының бірі – Қарабақырдың бір арнасы өтеді. Төрткүл осы арнаның сол жағалауына параллель, оңтүстік-шығыстан солтүстік-батыс бағытында созыла жайғасқан. Сыртын білінер-білінбес қабырға/дуал (жал) қоршап жатқан төрткүлдің көлемі 300×250 м, биіктігі 0,1–1 м, шөгіп, кей жерлері бұзылып кеткен жалының ені 8–10 м, биіктігі 0,2–0,3 м. Төрткүлдің ортасында, солтүстік-батыс жарты бөлігінде негізгі, шаршылы келген құрылыс орналасқан. Айнала қабырға/жал қоршап жатқан құрылыстың көлемі 100×100 м, биіктігі 1,5 2 м. Бұрыштарынан және қабырғаларының ортасынан мұнара іздері байқалады. Жалының ені 10–12 м, сыртқа дөңгеленіп шығып тұрған мұнараларының диаметрі 14-18 м, биіктіктері 0,3–0,5 м. Құрылыстың оңтүстік-шығыс бөлігінен басқа жағын сыртынан ор қоршап жатыр. Ескерткіштің айналасынан, бірнеше ондаған метрге дейін құрылыс қалдықтарының ізі байқалады.

Ескерткіштің ішкі бөлігінің мәдени қабаты қалың екендігін сыртындағы жер деңгейімен салыстырғанда-ақ анық байқалады. Керісінше, сыртқы қорғаныс

қабырғасы анық ерекшеленбеген. Төртқүлдің құрылысы мен мәдени қабатының қалыңдығын анықтау бойынша орта бөлігіне көлемі 7×4 м (28 м^2) (3-сур.). Шығыстан батысқа қарай созылған қазбаны 0,3 м түскенде анықтала бастаған құрылыс қалдықтары 0,5-1,1 м тереңдіктен толық ашылды. Шағын келген үш бөлменің біреуі толық, қалғандары жартылай ашылды. Пақса блоктары (60×36×20–22; ?×30×28 см) мен қам кірпіштен салынған (34–35×18×9; 27×14×6 см) қабырғаларының қалыңдығы 0,5–0,7 м, сақталған биіктіктері 0,2–0,4 м. Едендері қатты тапталған, кей жерлері сыланған.

Бірінші бөлменің ашылған ұзындығы 3,5 м, ені 2 м. Бөлменің солтүстік қабырғасы сыртындағы жартылай ашылған екінші бөлменің ұзындығы 3 м, батыс қабырға жағына орнатылған сыпа нашар сақталған. Бірінші бөлменің батыс қабырғасы сыртындағы үшінші бөлме дәліз секілді келген.

Жаргүл-1–3, Арна және Талапты төртқүлдеріне жүргізілген қазба жұмыстары барысында археологиялық материалдар (остеологиялық материалдар, керамика, шыны сынықтары) анықталды.

Қорытындылай келсек, төртқүлдерге жүргізілген далалық археологиялық зерттеулер барысы олардың алуан түрлі болып келетіндігін көрсетті. Сырт көзбен қарағанда олардың жер бедеріне немесе жағдайына қарай орналасулары, жоспарлары бойынша төртбұрышты немесе шаршылы болып келген ескерткіштердің қабырғалары мен бұрыштарының әлемнің төрт тарабына байланысты бағытталуы, топографиялық жоспарлануы, көлемдері, жалпы құрылымдары, яғни қақпаларының саны, оның құрылымдары, мұнараларының саны мен жайғасуы әртүрлі болып келетіндігі белгілі болды. Сонымен қатар, бір-бірінің жоспарлануын сәл ғана ауытқып қайталайтын, қабырғалары мен мұнараларының, қақпасының орналасуы ұқсас келетіндері де жоқ емес.

Төртқүлдердің тағы бір ерекшеліктеріне жататын, әрі маңызды болып табылатын, тіпті осыған қарап оның тіршілігі мен қандай қызмет атқарғанын да біршама дәлдікте айтуға мүмкіндік беретін негізгі қатпары – құрылысы мен мәдени қабатында да айырмашылықтар бар. Бірқатар төртқүлдердің көлемі тым үлкен, олардың саяси-экономикалық орталық ретінде қызмет атқарғандығын қалың мәдени қабаты мен бірнеше қатарлы (қорғаныс) қабырғаларының барын, келесі біреулерінің сыртқы қорғаныс қабырғасы биік және жалпақ болуы мен ішкі бөлігінде құрылыстардың іздері байқалмайтындығын, тағы біреулерінің сыртқы қабырғасы мен ішкі бөлігінде құрылыстың іздері анық көрінетіндігін, тағы бір тобында қорғаныс қабырғасы ішкі бөлігімен бір деңгейде жатқандығын байқауға болады. Осындай бірнеше түрде кездесетін төртқүлдердің құрылысы мен мәдени қабатын, я болмаса қандай мақсатта салынғанын анықтау бойынша зерттеулер жүргізіліп жатыр.

Төртқүлдердің басым көпшілігі Қарахан мемлекеті тұсында салынғандығын қазба жұмыстары жүргізілген ескерткіштерден алынған материалдар дәлелдеп берді. Алынған материалдарға жүргізілген салыстырмалы және пәнаралық зерттеулер төртқүлдердің X–XI (Талапты) және XI–XII ғғ. (Жаргүл-2, Арна) жататындығын көрсетті. Келешекте төртқүлдерге кешенді зерттеулер жүргізу, өңірдегі ортағасырлық ескерткіштердің даму динамикасы туралы құнды мәліметтер берері анық.

ӘДЕБИЕТ

Алипчеев С., Байбосынов К. Свод памятников истории и культуры Джамбулской области. Джамбул: Облтипография, 1982. 208 с.

АКК – Археологическая карта Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 498 с.

Байпаков К.М. Городища типа «торткуль» // Археологические памятники Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1978. С. 80-97.

Елеуов М. Шу мен Талас өңірлерінің ортағасырлық қалалары (VI–XIII ғ. басы). Алматы: Қазақ университеті, 1998. 207 б.

Елеуов М. Шу-Талас өңірлерінің ортағасырлық қалалары мен мекендері (VI–XIII ғ. басы): тарих ғыл. докт. дис. ... . Алматы, 1999. 360 б.

Жамбыл облысы тарих және мәдениет ескерткіштерінің Жинағы. Байзақ ауданы. Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. 204 б.

Жамбыл облысы тарих және мәдениет ескерткіштерінің Жинағы. Жамбыл ауданы. Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. 212 б.

Жамбыл облысы тарих және мәдениет ескерткіштерінің Жинағы. Талас ауданы. Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. 223 б.

Жамбыл облысы тарих және мәдениет ескерткіштерінің Жинағы. Жуалы ауданы. Алматы: Жамбыл облысы әкімдігі Мәдениет басқармасының "Тарихи-мәдени ескерткіштерді қорғау және қалпына келтіру дирекциясы", 2013. 209 б.

Жамбыл облысы тарих және мәдениет ескерткіштерінің Жинағы. Сарысу ауданы. Алматы: Жамбыл облысы әкімдігі Мәдениет басқармасының "Тарихи-мәдени ескерткіштерді қорғау және қалпына келтіру дирекциясы", 2014. 184 б.

Свод памятников истории и культуры. Республики Казахстан: Жамбылская область. Алматы: РГП «НИПИ ПМК», 2002. Т. 2. 350 с.

Б.М. ХАСЕНОВА

Бакыт Мулдашевна Хасенова,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Нур-Султан, Казахстан; alicar@inbox.ru

ТОРЕВТИКА КАРЛУКОВ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ в XX – начале XXI в. *

Аннотация. История Караханидского каганата (X – начало XIII в.) реконструируется преимущественно на основании письменных источников. Важнейшим источником для изучения истории и культуры этого государства иявляется торевтика. Торевтика, как отрасль прикладного искусства, представляет собой социокультурный феномен. Художественная обработка металла использовалась в оформлении пояса, конской упряжи, предметов вооружения, украшений, бытовых предметов. Древние мастера фиксировали таким образом приоритеты данного общества, нацеленного на демонстрацию воинской доблести и силы, на осуществление защитных мер. В статье представлена история изучения торевтики карлуков на протяжении XX – начала XXI в.

Ключевые слова: карлуки, Караханиды, торевтика, история изучения

Қарлұқтардың торевтикасы: XX – XXI ғ. басындағы зерттеу тарихы

Аннотация. Қараханидтер қағанатының тарихы (X – XIII ғ.басы) негізінен жазбаша деректер негізінде қайта құрылады. Бұл мемлекеттің тарихы мен мәдениетін зерттеудің маңызды көзі-торевтика. Торевтика қолданбалы өнер саласы ретінде әлеуметтік-мәдени құбылыс болып табылады. Металды көркемдеп өңдеу белбеу, ат әбзелін, қару-жарақ заттарын, әшекейлерді, тұрмыстық заттарды безендіруде қолданылды. Ежелгі шеберлер осылайша әскери ерлік пен күшті көрсетуге, қорғаныс шараларын жүзеге асыруға бағытталған осы қоғамның басымдықтарын белгіледі. Мақалада XX–XXI ғғ. басындағы қарлұқтардың торевтикасын зерттеу тарихы берілген.

Түйін сөздер: қарлұқтар, Қараханидтер, торевтика, зерттеу тарихы

Toreutics of Karluks: the history of study in the 20th – early 21st century

Abstract. The history of the Karakhanid Khaganate (10th – early 13th centuries) is reconstructed mainly on the basis of written sources. The most important source for studying the history and culture of this state is the Toreutics. Toreutics, as a branch of applied art, is a socio-cultural phenomenon. Artistic metalworking was used in the design of belts, horse harnesses, weapons, jewelry, household items. The ancient masters thus fixed the priorities of this society, aimed at demonstrating military prowess and strength, and at implementing protective measures. The article presents the history of the study of the toreutics of the Karluks during the 20th– beginning of the 21st century.

Keywords: Karluks, Karakhanids, toreutics, history of study

Одним из важных направлений научного поиска в средневековой археологии является изучение торевтики степных государств. Торевтика является важнейшим источником при изучении социальной истории и мировоззрения людей прошлого. Особый интерес представляет торевтика карлуков – племен, создавших в X в. Караханидский каганат. История карлукских племен наглядно отобразилась в художественном металле, который представлял собой детали украшений костюма, культовые изделия, предметы быта. В статье представлена история изучения торевтики карлуков на протяжении XX – начала XXI в.

Важность изучения памятников эпохи Средневековья стала причиной их целенаправленных исследований в казахстанской археологии. Уже в 1946 г. при организации сектора археологии в составе Института истории, археологии и этнографии АН КазССР была поставлена задача по изучению рассматриваемой эпохи.В объяснительной записке к плану сектора патриарх казахстанской археологии А.Х. Маргулан пи-

© 2022 Хасенова Б.М.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК2021–2022, ИРН проекта OR11465466.*

шет, что одной из двух узловых проблем в исследовании прошлого является «изучение городской культуры древних племен (огузов, кипчаков, карлуков, уйсуней, канглы) на фоне чередования кочевого скотоводства» [Маргулан2017: 53–54].

А.Н. Бернштам в своем масштабном исследовании «Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая», посвященном результатам археологических исследований в 1941, 1944–1949 гг., посвятил эпохе средневековьянесколькоглав и озвучил важные выводы по искусству раннего средневековья. Художественный металл карлуков рассмотрен им на примере великолепных предметов торевтики из серебра и золота, полученных из грабительских раскопок конца XIX в. в Кочкорской долине (Центральный Тянь-Шань). Автором рассмотрена история изучения этой коллекции, состоящей из крупных поясных ажурных накладок из серебра с позолотой, округлых блях и пряжек из серебра, золотых серег, зеркал, выполнено детальное описание, включающее в себя и технологию изготовления: «на металле сначала отжималась форма бляхи, пробивались (и довольно грубо) отверстия, обжимались края, о чем свидетельствуют “морщины” металла, а затем наносился рисунок» [Бернштам 1952: 92–93]. Встречаются изображения барсов, козлов, уток, фениксов. Судя по аналогиям, эти предметы датируются VIII–X вв. [Бернштам 1952: 93].

Сходство в оформлении ажурных поясных накладок с декоративными элементами на вещах из Копенского чаатаса позволили исследователю прийти к выводу, о том, что их появление на территории Тянь-Шаня связано с проникновением енисейских кыргызов [Бернштам 1952: 94].

Впечатляет искусствоведческая характеристика этих накладок. «Первое – это исключительная изобретательность в плетениях линий, говорящая о большой искусности мастера. Второе – это изощренная моделировка зверей: среди изображений можно наблюдать животных, фигура которых дана в трех поворотах (ноги, туловище, голова). Это искусство рисунка, знание тела изображаемого животного говорят об исключительно высокой технике мастера-профессионала. Гармоничная композиция разнохарактерных элементов рисунка – дополнительное свидетельство высокого мастерства художника» [Бернштам 1952: 94].

В главе «Искусство и культура Тянь-Шаня и Семиречья» А.Н. Бернштам подробно рассмотрел, какие изменения происходят в искусстве в карлукский и караханидский периоды. Новая линия развития принесла линейные формы, прежде всего, растительные мотивы, ставшие господствующими во всех направлениях художественной деятельности, и содействовала практически полному исчезновению реалистических образов и их замене орнаментальными формами [Бернштам 1952: 157]. Неслучайно раздел, посвященный искусству эпохи господства карлуков, исследователь назвал «Победа орнаментализма в карлукский период». Но именно образы животных, например в металле, позволили предположить ему о том, что прежние традиции не исчезли безвозвратно: «сквозь растительные вязи и геометрически полосы проглядывала (и неоднократно) тематика былого реализма» [Бернштам 1952: 158].

Также автор останавливается кратко на ассортименте предметов из металла, получивших распространение в рассматриваемое время. Так, он отмечает среди детских украшений подвески из бронзы с мотивами солярного цикла и со стилизованным изображением фазана, которые сохранились вплоть до этнографического времени [Бернштам 1952: 168].

Искусство Средней Азии XI–XIII вв., то есть в период господства тюркских династий, в том числе Караханидов, рассмотрено в монографии Г.Г. Пугаченковой и Л. Ремпеля. Начиная раздел, посвященный изобразительным и прикладным искусствам этого времени, они делают важное замечание: «скульптура и монументальная живопись выключились из обихода, передав свои художественные свойства искусству вещи и узора» [Пугаченкова, Ремпель 1965: 206]. Получили распространение мелкие фигуры из металла, камня, пасты, «скульптура выродилась в мелкие металлические и костяные поделки, служившие для украшения и в качестве амулетов» [Пугаченкова, Ремпель 1965: 207].

По мнению исследователей, в искусстве данного времени изображения людей потеряли динамику, а «в облике зверей нет ничего звериного». Они пришли к выводу, что произошла победа орнаментализма: «Масштаб фигур, их анатомическая правильность стали давно уже стеснительной обузой для художника, все помыслы которого направлены на то, чтобы вписать фигуру в уготованное место, уравновесить части рисунка в композиции и выявить организующий построение ритм» [Пугаченкова, Ремпель 1965: 213]. Далее они добавляют к этому предложению: в прикладных искусствах «образ человека и животный мир растворялись все чаще в орнаменте» [Пугаченкова, Ремпель 1965: 215]. Эти изменения детально показаны на примере образов птиц, кошачьих хищников, воинов, Сэнмурвов.

Художественная обработка металла в X–IX вв. по материалам городища Тараз рассмотрена Т.Н. Сениго-

вой в монографии «Средневековый Тараз» в разделе «Ремесла». Автором рассмотрена богатая коллекция металлических курильниц, связанных с отправлением религиозных культов. В первую очередь исследовательница акцентирует внимание на технике изготовления данных изделий. По ее мнению, детали сначала отливались, потом обтачивались на токарном станке и орнаментировались. Интересно отметить мысль о том, что прототипом таких предметов были сакские бронзовые светильники [Сенигова 1972: 163]. Орнамент на поверхности курильниц имеет аналогии в керамике и архитектуре надмогильных сооружений Тараза.

Многие из этих предметов являются шедеврами декоративного искусства. Автор описывает художественное оформление таких изделий [Сенигова 1972: 164, рис. 34]. Более подробно она останавливается на украшении бронзового водолея, верхняя часть которого выполнена в виде головы волка [Сенигова 1972: 165, рис. 35].

Помимо литья и гравировки, мастера Тараза применяли инкрустацию медных предметов серебром. Т.Н. Сенигова отмечает, что такая техника «считалась большим мастерством и применялась для украшения особо ценных предметов, предназначеных для знати» [Сенигова 1972: 165].

Исследовательница приходит еще к одному важному выводу: судя по находкам в одном из слоев городища Тараз трех каменных разъемных форм для отливки украшений с геометрических орнаментом, которые напоминают узоры кимако-кипчакских женских украшений VII–IX вв., можно заключить, что «таразские ювелиры производили эти изделия на широкий рынок» [Сенигова 1972: 165–166, рис. 37].

О распространении ислама среди населения Тараза и его округи свидетельствуют, по мнению Т.Н. Сениговой, находки значительного количества изделий из бронзы, камня, глины с благожелательными и религиозными надписями на арабском языке, изображениями символа веры – льва, а также архитектурные памятники [Сенигова 1972: 178]. В то же время исследовательница отмечает, что, несмотря на запрет в исламе использовать посуду, изготовленную в виде фигур, у жителей Тараза и его округи такие предметы имелись, например, бронзовый сосуд в виде фигуры волка, глиняные светильники с головкой женщины-птицы, кувшины с зооморфными головками [Сенигова 1972: 177–178]. Заканчивая главу «Проникновение ислама», Т.Н. Сенигова пишет, «что если ислам оказывал влияние на мировоззрение оседлого населения Тараза и городов его округи, то этого нельзя сказать о кочевом населении края», погребальный обряд которого не претерпел никаких изменений в связи с влиянием этой мировой религии [Сенигова 1972: 186].

Детальное изучение поясной накладки, обнаруженной в 1969 г. при исследовании городища Отрар, было осуществлено нумизматом В.Н. Настичем. Внимание исследователя привлекла надпись на ней, выполненная в две строки куфическим письмом на арабском языке. Надпись переведена им следующим образом: «от Аллаха степень» [Настич 1975: 97, рис. 1–2]. Автор подробно рассматривает аналогичные надписи, выполненные в стиле куфи, и приходит к выводу, что наиболее близкой по манере исполнения букв является надпись на бронзовом зеркале, обнаруженном в погребении из Унгерлисая. «Все вместе, в том числе сплав металла и способ изготовления зеркала, дает основание полагать, что оба предмета изготовлены примерно в одно и то же время и если не в одном и том же ремесленном центре, то во всяком случае в традициях одной художественно-каллиграфической школы» [Настич 1975: 99]. Исходя из обозначенного круга аналогий, В.Н. Настич датирует накладку первой половиной XI в. [Настич 1975: 100].

Далее автор подробно рассматривает значение поясов в рассматриваемое время и отмечает, что пояса с эпиграфическим оформлением встречаются редко [Настич 1975: 101]. На основании формы, размера, соотношения длины и ширины, а также расположения надписи, можно сделать вывод, что данная накладка была предназначена для подвесного ремешка, а содержание надписи на ней трактуется «как напоминание воину о его месте и обязанностях в мусульманском обществе»[Настич 1975:103].

Автор останавливается и на художественной характеристике этой поясной накладки. Он отмечает «удачное орнаментально-эпиграфическое оформление и высокое каллиграфическое мастерство исполнителей надписи» [Настич 1975: 104]. Также он пишет, что в ее оформлении можно проследить антропоморфные черты, а высокая степень стилизации, видимо, связана с известным запретом в исламе на изображение человека [Настич 1975: 104–105]. Предположительно, местом производства поясов, украшенных такими накладками, были ремесленные центры восточнокараханидского государства [Настич 1975: 105].

Изображения многих предметов торевтики карлукского и караханидского времени, обнаруженных на территории Кыргызстана, в хорошем качестве были представлены впервые в каталоге выставки «Памятники истории и культуры Киргизии». Каталог опубли-

кован в 1989 г. Во введении А.К. Абетеков представил описание предметов торевтики эпохи средневековья, которые экспонировались на данной выставке. Он кратко характеризует исторический фон, в условиях которого происходило формирование различных видов искусства в государствах, образованных тюркскими династиями. Также исследователь отмечает художественные особенности предметов торевтики, которые в большинстве своем представлены деталями поясной и конской гарнитуры. Они украшались изображениями зверей, птиц, растительным орнаментом [Памятники истории и культуры… 1987: 16–17].

Значительный интерес, по мнению автора, для характеристики технологии производства великолепных и искусно выполненных металлических предметов представляет клад, найденный в пос. Кара-Куль, и коллекция из краеведческого музея г. Ош. Он делает важный вывод, что некоторые из этих находкок (чаши полусферической формы, кувшины, изготовленные, судя по оттискам на них, в мастерской Ахмада) «имеют определенные черты, отличающие их от иранских» [Памятники истории и культуры… 1987:18].Характеризуя искусство эпохи Караханидов, А.К. Абетеков подчеркивает: «экономический подъем и политическое усиление династии Караханидов повлекли за собой оживление культурной жизни. Получили развитие почти все виды искусства»[Памятники истории и культуры… 1987:18].

В энциклопедическом издании «Степи Евразии в эпоху средневековья» из серии «Археология СССР» автор раздела «Карлуки» В.И. Могильников отмечает, что в их погребениях представлены бляхи и пряжки от конской сбруи, поясных наборов и отдельные другие вещи и украшения, эти материалы были наглядно проиллюстрированы [Могильников 1981: 46, рис. 20, 46, 47, 59;26, 71, 74].

В результате исследования городища Актобе известному ученому У.Х. Шалекенову удалось его идентифицировать с одним из столичных городов государства Караханидов – Баласагуном, материальный комплекс которого был представлен в одной из публикаций автора[Шалекенов 2008]. Разнообразные предметы украшений, обнаруженные в результате изучения Таразской археологической экспедицией в 1984–1994 гг. памятников Таласской долины, представлены в книге М.С. Касенова [Касенов 2015: 38–39, сүр.].

Энциклопедический формат многотомной серии «Археология», являющейся продолжением «Археологии СССР», обусловил публикацию сведений об археологических памятниках Семиречьяэпохи раннего средневековья в томе «Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье» в кратком, но емком виде. Ювелирное искусство этого времени К.М. Байпаков и В.Д. Горячева охарактеризовали следующим образом. Судя по находкам, сделанным на территории Семиречья, они пришли к выводу о том, что в рассматриваемое время ювелирное искусство было распространено повсеместно. Получили распространение такие технические приемы, как фигурное литье, чеканка, тиснение, инкрустация, зернь, скань, гравировка, позолота [Байпаков, Горячева 1999: 161]. Важно отметить, что была осуществлена публикация значительного количества украшений этого времени. Авторы отмечают, что изготовлялись разнообразные украшения [Байпаков, Горячева 1999: табл. 104, 1–3, 11–17, 27–30], предметы женского туалета, пояса [Байпаков, Горячева 1999: табл. 104, 4–8, 12–15, 18–24, 31–35].

В статье А.И. Торгоева были рассмотрены вопросы происхождения и эволюции зооморфных образов на ременной гарнитуре из городищ Акбешим, Красная Речка (восточная часть Чуйской долины). Предметы датируются автором IX – началом XIII в.[Торгоев 2004: 338]. Звери на ременной гарнитуре Семиречья изображены с разной степенью реализма, в разной манере, поэтому все имеющиеся изделия можно распределить по четырем группам, «на основе двух основных критериев: реалистичности изображения и близости стиля в изображении животного» [Торгоев 2004: 339]. Исходя из данной группировки, исследователю удалось выявить исходные территории формирования тех или иных образов животных, а также, что очень важно, местные варианты.

Свой особый стиль в изображении животных у ремесленников Жетысу вырабатывается, по мнению А.И. Торгоева, к X–XI вв. [Торгоев 2004: 341]. В качестве доказательства он рассматривает предметы с изображением больших кошачьих хищников, напоминающих тех, что получили распространение в тюхтятской культуре Минусинской котловины. Образцы из Жетысу менее реалистичны, а части тел животных изображены отделенными друг от друга. Исследователь также обращает внимание на важный декоративный элемент этих изделий: под изображением встречается фигура, имитирующая фигурноскобчатую прорезь. Такой элемент не был встречен ранее и не имеет аналогий в других культурах [Торгоев 2004: 340]. Имеется еще одна группа стилизованных изображений, возможно, она датируется Караханидским временем (XI – начало XIII в.) и сосуществует с вышеописанной группой

[Торгоев 2004: 340]. Стиль реалистических изображений близок к изделиям ремесленников Согда, Танского Китая, енисейских кыргызов и киданей [Торгоев 2004: 341].

Наибольшее на данный момент количество предметов торевтики на территории Кыргызстана было обнаружено при исследовании городища Красная Речка. Эта коллекция неоднократно становилась объектом изучения и анализа. Коллектив авторов из Казахстана и Кыргызстана в 2007 г. подготовил монографию, посвященную изучению торевтики раннего средневековья [Байпаков и др. 2007]. Выполнена классификация, включающая в себя самый разнообразный репертуар металлических изделий, осуществлены поиски аналогий, особое место занимают рассуждения авторов по поводу символики этих предметов, воплотивших в себе проявление культа предков, влияние со стороны религий – христианства, ислама, буддизма.

Более развернуто ременные украшения Семиречья были рассмотрены в А.И. Торгоевым в диссертации на соискание ученой степепи кандидата исторических наук (2011 г.) Основное количество материала было получено в результате изучения городища Красная Речка. Выполнена классификация всех имеющихся типов ременных гарнитур, историко-культурная интерпретация, рассмотрены технология изготовления, хронология, вопросы происхождения ременных гарнитур разных стилей и их связи с восточной торевтикой [Торгоев 2011: 5]. Выделены семь хронологических групп, к карлукскому времени относится пятая группа, к караханидскому – шестая, именно в это время появляются изделия с арабскими благожелательными надписями и псевдоэпиграфикой [Торгоев 2011: 13–16]. По мнению исследователя, орнамент на металлических изделиях в эпоху государства Караханидов «отражает тенденции политического развития государства: появляется большое количество надписей религиозно-благожелательного характера, необходимых для укрепления новой религии в среде тюрков. Начинает преобладать “ковровый” геометрический орнамент» [Торгоев 2011: 18].

Частью проекта «Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв.», инициированного МИЦАИ в 2012 г., стала книга, посвященная торевтике. Коллективом авторов были подготовлены разделы, где был рассмотрен художественный металл стран, входящих в данную выборку. Издание снабжено большим количеством качественно выполненных фотоиллюстраций.

Раздел, в котором рассмотрены предметы торевтики, происходящие с территории Казахстана, был подготовлен К.М. Байпаковым. Интересующий нас период представлен различными изделиями. Ученым были выполнены описание, поиск аналогий таким вещам, как кувшины, светильники, зеркала, поясная накладка с надписью на арабском языке, о которой уже раньше велась речь в статье В.Н. Настича, медальоны, чернильница, муфты. Они поделены на три группы исходя из места, где были обнаружены – это Южный Казахстан, Юго-Западное и Северо-Восточное Жетысу [Байпаков 2012: 29–68].

Изменения в художественном металле, связанные с распространением ислама, детально рассмотрены в разделе, посвященном Кыргызстану. Принятие этой религии стало причиной формирования новой эстетики орнаментального стиля, проявившейся в том, что в уже устоявшиеся формы и декоративные приемы согдийского и тюркского ремесла начали проникать эпиграфические мотивы, новые варианты растительного и зооморфного орнамента [Камышев 2012: 98–99]. Описаны разнообразные предметы: детали мужского и женского костюма, бытовые предметы, показан круг аналогий. Исследователь неоднократно отмечает, что многие предметы, обнаруженные на территории Кыргызстана, имеют местное происхождение. Обнаружение патриц и матриц для изготовления различных вещей, рамок для отливки мелких изделий, а также соединенных литником предметов свидетельствует о местном производстве таких изделий [Камышев 2012: 103, 110].

Источником для изучения художественного металла эпохи Караханидов и других тюркских династий является также раздел, посвященный Узбекистану [Ильясов, Хакимов 2012: 216–265].

Важные выводы о различных аспектах в изучении торевтики были озвучены во введении к данной книге, написанным А. Хакимовым. «В середине XI века в прикладном искусстве Хорасана и Мавераннахра наступает смена художественного стиля – господствует декоративно-орнаментальное начало» [Хакимов 2012: 6]. На территории Кыргызстана и Казахстана общемусульманские стандарты в характере орнаментики и стилевой трактовки проявились позже. Рассмотрены техника, материал, форма изделий. Более подробно исследователь сосредоточился на декоре изделий. Он отмечает, что «прежние описательные темы и реалистические изображения переходят в разряд ритмического узора» [Хакимов 2012: 8, 18]. На примере некоторых образов и мотивов показано (например, птицедева, львогрифон, Сэнмурв) как происходит пе-

реосмысление древних образов [Хакимов 2012: 9–24].

В одном из бадрабов городища Туркестан в 2011 г. был найден неполный комплект бронзовых накладок конского снаряжения, украшенных растительным орнаментом [Смагулов, Ержигитова 2013: 96, рис. 10]. Авторы публикации выполнили описание и привели аналогии, которые позволили датировать его второй половиной IX–X в. [Смагулов, Ержигитова 2013: 97]. На основании анализа вещей, обнаруженных в этом и других бадрабах, сделан вывод, что они были устроены во второй половине IX в. и «этим временем, а скорее началом или первой половиной X в., мы можем датировать капитальную реконструкцию фортификации цитадели Ясы» [Смагулов, Ержигитова 2013: 98].

Предметы торевтики были использованы также для датировки мечети, исследованной в 2008 г. на городище Тараз в третьем (западном) рабаде недалеко от мавзолея Карахана [Торгоев 2013: 127]. В углублениях под колонны раннего здания были обнаружены детали ременной гарнитуры: два поясных наконечника и пряжка [Торгоев 2013: рис. 2]. Приведено подробное описание этих предметов. Найденные аналогии позволили автору прийти к выводу о том, что они датируются второй половиной IX–X в., тем самым к этому времени следует относить строительство мечети второго строительного горизонта и, соответственно, время разрушения более ранней постройки [Торгоев 2013: 130]. Таким образом, предметы торевтики стали важнейшим аргументом для того, чтобы стало возможным осуществить датировку этого интересного архитектурного объекта, являющегося, по мнению А.И. Торгоева, самым ранним из достоверных мусульманских культовых сооружений в Семиречье [Торгоев 2013: 131].

Великолепные образцы декоративно-прикладного искусства, обнаруженные на территории Средней Азии, были прекрасно представлены в каталоге выставки «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара», посвященной культурам народов, по землям которых в 921–922 гг. прошла миссия багдадского халифа ко двору царя Волжской Булгарии. Выставка включала в себя более 500 экспонатов, большинство из которых экспонировалось впервые [Путешествие Ибн Фадлана… 2016].Художественный металл караханидского времени представлен в каталоге статьей А.Д. Притулы и А.И. Торгоева «Хорасан и Мавераннахр при Саманидах и последующих тюркских династиях». Следует отметить, что предметы, опубликованные на страницах каталога, снабжены детально выполненными аннотациями, включающими в себя различные аспекты изучения древних артефактов. Значительный интерес представляет публикация различных металлических предметов украшений, бытовых изделий – кувшинов, чаш, кубков, свидетельствующих о сложении особого искусства в государствах, созданных тюркскими династиями.

Предметы поясной и сбруйной гарнитуры средневековых племен Тянь-Шаня и Семиречья, имеющие в своем оформлении зооморфные изображения, подробно проанализированы З.Р. Кечиевой. Осуществлен анализ образов, сюжетов и композиций, которые состоят из зооморфных элементов, их группировка по видовой принадлежности [Кечиева 2016: 160]. Основное количество изделий было обнаружено на городище Невакет (Красная речка), также использованы материалы из могильников Беш-Таш-Короо II, Таш-Тюбе, Боз-бешик, случайные находки из Чуйской долины [Кечиева 2016: 160].

Встречаются следующие образы – лев, изображаемый в различных позах, тигр, барс, неидентифицируемые кошачьи хищники, волк, рыба, различные копытные, такие, как горный козел, бык, ягненок, верблюд, кабан, лань, як, лошадь [Кечиева, 2016: 160–163]. Выполнено описание изображаемых животных, приведены аналогии. Автор считает, что мотив с изображением кошачьих хищников представлен наиболее разнообразно и является излюбленным в декоре прикладного искусства средневековых племен Тянь-Шаня [Кечиева 2016: 161]. В заключение статьи З.Р. Кечиева отмечает наличие вариативности в проработке образов некоторых животных, а также реалистичность, присущую зооморфным сюжетам. Также она делает вывод, что «перечень зооморфных персонажей на предметах торевтики, их роль в мифологии определяют вектор культурных связей, синтез наиболее близких мотивов и их отражение в декоративно-прикладном искусстве» [Кечиева 2016: 163].

Историографический обзор, посвященный исследованию торевтики карлуков в XX – начале XXI в., отражает направления и этапы эволюции научной мысли. Задача изучения памятников средневековой эпохи стала программной в отечественной археологии, начиная с ранних этапов ее профессионального становления. Благодаря этому довольно быстро произошло накопление источниковой базы, позволившее перейти к всестороннему анализу, исторической интерпретации археологического материала. Торевтика является ценным источником для реконструкции социальной истории, духовной и материальной культуры. Особый интерес представляет использование искусствоведческого метода, который позволил исследователям детально

охарактеризовать как через призму искусства преломлялись события политической жизни средневековых племен. Также с его помощью оказалось возможным осветить многообразные культурные связи, пронизывающие все пространство Евразийского материка.

ЛИТЕРАТУРА

Байпаков К.М. Казахстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. / Ред. К.М. Байпаков, Ш. Пидаев, А. Хакимов. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2012. Т. 3. С. 29–96.

Байпаков К.М., Горячева В.Д. Семиречье // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье / Отв. ред. Г.А. Брыкина. М.: Наука, 1999. С. 151–163.

Байпаков К.М., Терновая Г.А., Горячева В.Д. Художественный металл городища Красная Речка (VI – начало XIII вв.). Алматы: Гылым, 2007. 303 с.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы по археологии СССР. Вып. 26. М., Л.: АН СССР, 1952. 340 с.

Ильясов Дж., Хакимов А. Узбекистан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. / Ред. К.М. Байпаков, Ш. Пидаев, А. Хакимов. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2012. Т. 3. С. 216–265.

Камышев А. Кыргызстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. / Ред. К.М. Байпаков, Ш. Пидаев, А. Хакимов. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2012. Т. 3. С. 97–122.

Касенов М.С. Талас өңірінің отырықшылық мәдениеті (VI–XIII вв.). Атырау: Х. Досмұхамедов ат. Атырау мем. унив-нің баспасы, 2015. 182 б.

Кечиева З.Р. Зооморфные образы на средневековой торевтике Тянь-Шаня // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2016. Т. 15, № 5: Археология и этнография. С. 159–165.

Маргулан А.Х. Объяснительная записка к плану сектора археологии. В: Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской Академии наук. Приложение 2 // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. статей, посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана. В 2-х т. / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 53–54.

Могильников В.А. Карлуки // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. Сер. Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 46.

Настич В.Н. Поясная накладка из Отрара // Древности Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1975. С. 97–105.

Памятники культуры и искусства Киргизии: древность и средневековье: каталог выставки / Сост. А.К. Абетеков и др. Л.: Искусство, 1979. 80 с.

Притула А.Д., Торгоев А.И. Хорасан и Мавераннахр при Саманидах и последующих тюркских династиях // Путешествие Ибн Фадлана: волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки / Науч. ред. А.И. Торгоев, И.Р. Ахмедов. М.: Изд. дом Марджани, 2016. С. 70–78.

Пугаченкова Г.А., Рempель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М.: Искусство, 1965. 688 с.

Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. 219 с.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Цитадель древнего Туркестана: некоторые итоги археологического изучения. 2011–2012 гг. // Известия НАН РК. 2013. № 3. С. 82–100.

Торгоев А.И. Звериные образы на ременной гарнитуре Семиречья // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. М-лы тематич. науч. конф. (г. СПб., 1–4 декабря 2004 г.). СПб.: СПбГУ, 2004. С. 338–341.

Торгоев А.И. Ременные украшения Семиречья V – начала XIII вв. (вопросы хронологии): автореф. … канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 2011. 27 с.

Торгоев А.И. К датировке мечети в Таразе // Известия НАН РК. 2013. № 3. С. 127–132.

Шалекенов У.Х. Баласағұн жұмбағы шешілді. Алматы, 2008. 320 с.

Хакимов А. Торевтика как феномен художественной культуры // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. / Ред. К.М. Байпаков, Ш. Пидаев, А. Хакимов. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2012. Т. 3. С. 6–28.

АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ДЕРЕКТЕР БОЙЫНША ҚАЗАҚ АЛТАЙЫ МЕН ТАРБАҒАТАЙДАҒЫ МӘДЕНИГЕНЕЗ ПРОЦЕСІ

ПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА В КАЗАХСКОМ АЛТАЕ, ТАРБАГАТАЕ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Г.Г. ПЕТЕНЕВА

Галина Геннадьевна Петенева,
Восточно-Казахстанский областной
архитектурно-этнографический и
природно-ландшафтный музей-заповедник,
г. Усть-Каменогорск, Казахстан; peteneva63@mail.ru

КЛАД МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ из ТАРБАГАТАЯ

Аннотация. В статье рассматривается комплекс изделий из бронзы, найденный в предгорьях Тарбагатая ВКО в 2019 г. В его состав входят: серп, пластинчатый нож с выделенной рукоятью, тесло с расширяющимися гранями (пальстаб), тесло с уступом и кельтообразный молоток. Комплекс определен как клад и датирован периодом поздней бронзы.

Ключевые слова: клад, Тарбагатай, бронза, пальстаб, серп, тесло

Тарбағатайдан алынған кейінгі қола кезеңінің металдан жасалған заттар қазынасы

Аннотация. Мақалада 2019 жылы Шығыс Қазақстан облысының Тарбағатай тау бөктерінен табылған қола бұйымдар кешені қарастырылады. Оның құрамына мыналар кіреді: орақ, бөлінген сабы бар пышақ, кең қырлы шотбалта (пальстаб), ойығы бар шотбалта және кельт тәрізді балға. Кешен қазына ретінде анықталды және кейінгі қола дәуірімен мерзімделген.

Түйін сөздер: қазына, Тарбағатай, қола, пальстаб, орақ, балта

A treasure trove of metal products from the Late Bronze Age from Tarbagatai

Abstract. The article discusses a complex of bronze items found in the foothills of the Tarbagatai East Kazakhstan region in 2019. It consists of a sickle, a plate knife with a distinguished handle, an adze with expanding edges (palstab), an adze with a ledge and a celt-like hammer. The complex was identified as a treasure and dated to the Late Bronze Age.

Keywords: treasure, Tarbagatai, bronze, palstave, sickle, adze

© 2022 Петенева Г.Г.

В фонды Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника в мае 2019 г. были сданы изделия из бронзы, обнаруженные в предгорьях Тарбагатая, на территории Теректинского сельского округа (Кокпектинский р-н, ВКО) (рис. 1). Кроме того, что предметы были найдены все вместе, об обстоятельствах их находки больше ничего неизвестно. Комплекс вещей был определен как клад, состоящий из пяти предметов: серпа (КП-84-38794), ножа с выделенной рукоятью (КП-84-38795), тесла с расширяющимися гранями (КП-84-38796), тесла с уступом (КП-84-38797) и кельтообразного молотка (КП-84-38798).

Бронзовый серп (рис. 2, 1)[1] длиной 25,3 см, шириной 5,5 см, в сечении клиновидной формы, толщиной 0,6–0,2 см. Отлит в односторонней форме, прокован по лезвию. Орудие представляет собой широкую массивную пластину, изогнутую дугообразно. Спинка шириной 0,6 см, утолщенная, с небольшим бортиком высотой 0,1 см, шириной 0,3 см. Наибольшая ширина лезвия 5,5 см, смещена к пятке. Пятка закруглена, в верхней части по центру сквозное круглое отверстие диаметром 0,6 см. Конец серпа закруглен, плавно загнут кверху в сторону спинки. Серп был разломлен на две части длиной 15,8 см и 9,5 см. Поверхность серпа покрыта темной патиной, коррозией зеленого цвета и серым налетом. На пятке край лезвия деформирован.

Очень близкими аналогиями тарбатайской находке являются два серпа, входящие в состав клада XII–VIII вв. до н.э., обнаруженного на берегу реки Борохудзир [Джумабекова, Базарбаева 2003: Приложение 1 (1, 3)], три серпа из Шамшинского клада (Киргизия) XII–IX/VIII вв. до н.э. [Кожомбердиев, Кузьмина 1980: рис. 17–19], два серпа из Турксибского клада (VIII–VII вв. до н.э.) и серп из Новоалексеевского клада (VI–IV вв. до н.э.) [Акишев, Кушаев 1963: 106–108, рис. 83]. Пять экземпляров аналогичных серпов являются случайными находками из окрестностей Большого Чуйского канала [Бернштам 1950: табл. XXXV, 5; XXXVI, 1–3; Кузьмина 1966: табл. XI, 22]. К числу случайных находок относятся 10 серпов аналогичной формы из Минусинской котловины [Гришин 1971: 60, табл. 9, 1]. Аналогичная форма серпов зафиксирована на поселениях Новоникольское I, Петровка II [Агапов и др. 2012: 51, рис. 3, 3, 4] и на поселении Кент (бегазы-дандыбаевская культура, кентский этап, XII–X вв. до н.э.) [Варфоломеев и др. 2017: 314, рис. 1; см. также с. 162, рис. 1].

Рис. 1. Клад металлических изделий из Тарбагатая, Восточно-Казахстанская область (ВКО)

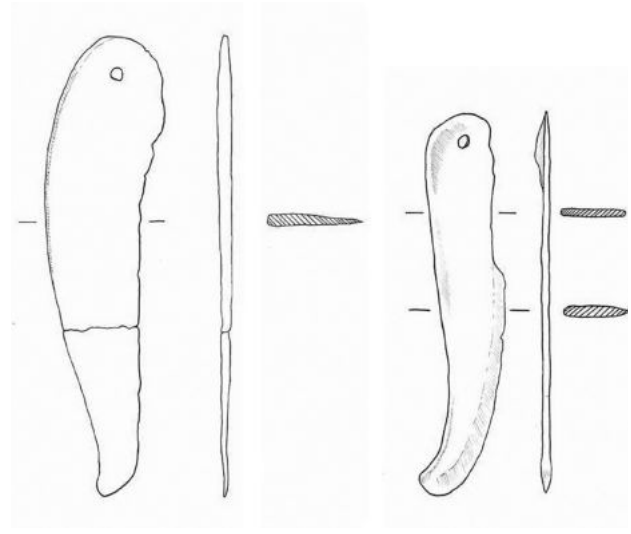

Рис. 2. Клад металлических изделий из Тарбагатая, ВКО: 1 – серп; 2 – пластинчатый нож с выделенной рукоятью

У С.С. Черникова в группе орудий общеандроновских форм (серпы с отверстием) представлен серп из Семипалатинской области, достаточно близкий тарбагатайской находке [Черников 1960: табл. LXIII, 5]. К карасукским серпам Н.А. Членова относит серп из улуса Карабилек [Членова 1972: табл. 10, 53]. По типологии Е.Е. Кузьминой, данный тип серпов относится к II типу

[1] *Графические прорисовки предметов из Тарбагатайского клада выполнены Н.М. Ахмеровым, студентом 2-го курса факультета архитектуры, строительства и дизайна Восточно-Казахстанского технического университета им. Д. Серикбаева*

«серпов-косарей» [Кузьмина 1966: 54, 55; табл. XI]. В качестве их прототипа, но без скоса и отверстия на рукояти, исследовательница отмечает орудие из могильника Ягодное, курган № 2 погребения № 5 в Поволжье, относящееся к срубной культуре [Кожомбердиев, Кузьмина 1980: 145].

Н.А. Аванесова в своей классификации металлических изделий эпохи бронзы вполне обоснованно разделила понятия серпов и серповидных орудий, обратив внимание на то, что очень часто серпы отождествляются с серповидными орудиями. В своей типологии она выделила крупные, массивные серпы с прямым ножевидным лезвием в тип Г – «секачи-косари» [Аванесова 1991: 21, рис. 17, Г; 21, 55–60, 64]. Большинство исследователей относит данный тип серпов к периоду поздней бронзы, отмечая их близость к серпам сосново-мазинского типа, которые действительно представлены значительной серией находок. В классификации В.А. Дергачёва и В.С. Бочкарёва учтено 87 экз., большая часть которых происходит из клада Сосновая маза, обнаруженного в 1901 г. в Саратовской области (42 серпа в коллекции ГИМ), а также с поселений и случайных сборов [Дергачёв, Бочкарёв 2002: 48]. На этой основе определены следующие формообразующие признаки серпов сосново-мазинского типа: почти прямая кромка лезвия, сравнительно широкий клинок, в среднем 5,0 см, асимметрично изогнутая спинка, вершина дуги спинки смещена ближе к концу клинка, наличие отверстия на пятке, край спинки может быть укреплен валиком, прямой или круглый край обуха. На некоторых экземплярах небольшим уступом выделена ручка. Конец клинка обычно заострен. Длина серпов сосново-мазинского типа определена в пределах 13,0–26,0 см [Дергачёв, Бочкарёв 2002: 47–48; табл. 8–12]. В свое время О.А. Кривцова-Гракова датировала Сосново-Мазинский клад X–VIII вв. до н.э. и относила к хвалынскому этапу срубной культуры [Кривцова-Гракова 1948: 107; Мерперт 1954: 48, рис. 3, 6].

Действительно, серп из Тарбагатайского клада очень близок к данному типу серпов. Однако его вершина дуги спинки смещена к пятке, и максимальная ширина клинка приходится на верхнюю часть орудия. Конец лезвия плавно закруглен и загнут в сторону спинки. Конечно, его можно рассматривать как вариант сосново-мазинских серпов, и все-таки отличия достаточно значительные.

Одной из наиболее распространенных категорий археологических находок эпохи бронзы являются ножи. В состав клада из Тарбагатая входит бронзовый цельнолитой пластинчатый однолезвийный нож (рис. 2, 2). Длина ножа 21 см, спинка прямая, шириной 0,4 см. Рукоять массивная, плоская, в сечении прямоугольной формы, толщиной 0,35 см. Верх рукояти закруглен, здесь имеется сквозное круглое отверстие диаметром 0,6 см, максимальная ширина рукояти равна 3,5 см, находится в верхней части орудия. Длина рукояти 9 см. Рукоять у перехода к лезвию слегка сужается и образует небольшой уступ 1 см. Лезвие длиной 12 см. Его ширина при переходе от рукояти составляет 3,7 см, внизу – 1,9 см, сечение клиновидной формы, толщиной 0,4 см. Конец клинка закруглен и оттянут кверху в сторону спинки. Поверхность ножа покрыта темной патиной, коррозией зеленого цвета и серым налетом. Рукоять в верхней части слегка погнута. На клинке и одной из сторон рукояти несколько неглубоких зазубрин. Данный нож по форме очень близок к серпу, который, вероятно, после отливки прошел кузнечную обработку, изменившую форму заготовки. В верхней части орудия со стороны клинка был удален небольшой сегмент и таким образом выделена рукоять.

Единственной наиболее близкой аналогией данному предмету является орудие, которое в классификации металлических серпов поздней бронзы (II – начало I тыс. до н.э.) В.С. Бочкарёва и В.А. Дергачёва определено как серп и отнесено к варианту «В» серпов типа «Сосновая маза» Волго-Уральской серии [Дергачёв, Бочкарёв 2002: табл. 12, 188; с. 54]. Находка происходит с поселения бронзового века Еланский Ручей в Саратовской области. Длина орудия всего 14 см, максимальная ширина 4,5 см. У находки с поселения отсутствует выделенная со стороны лезвия рукоять.

Ножи отличает характерный изгиб со стороны спинки, что делает лезвие выпуклым, на конце оно закругляется, поднимается кверху, образуя так называемый хвост. Это обстоятельство делает проблематичным использование такого типа орудия, например, в качестве серпа. Возможно, что его использовали в качестве оружия. В сохранившихся до настоящего времени практиках использования аналогичной формы короткого клинкового оружия различной модификации (джамбия, сабак, гузби, ханджар – в арабских странах Ближнего Востока, кирпан – у сикхов, бебут – на Кавказе) высокая эффективность сочетается с очень простой техникой ударов. При разных хватах удары наносятся по круговой траектории, что предполагает их секуще-режущий, а не проникающий характер. При ударе острием вниз оружие действует по принципу когтя животного, нанося рваные разрывающие раны.

Именно у ножей по всей Евразии в период поздней бронзы распространяются «хвосты» и загнутые или слегка оттянутые кверху со стороны спинки концы лезвий. Такая особенность встречается практически у всех типов ножей. У пластинчатых ножей «хвосты» мо-

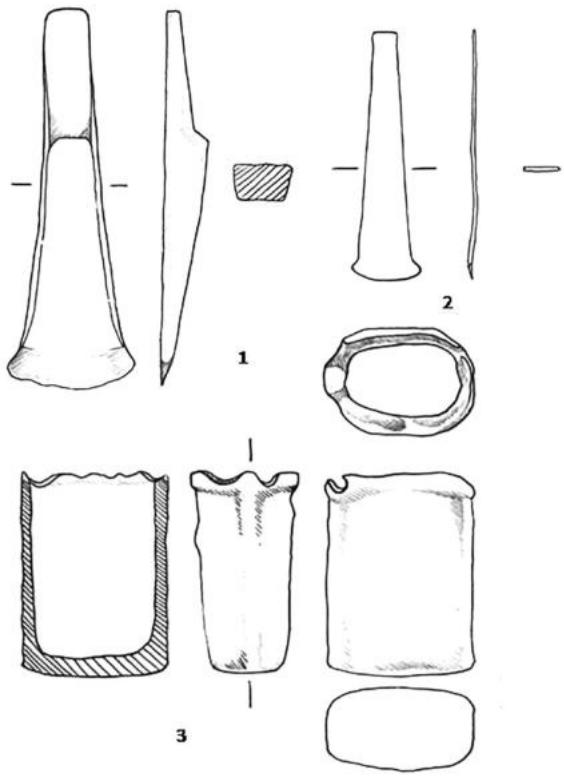

Рис. 3. Клад металлических изделий из Тарбагатая, ВКО: 1 – тесло с уступом; 2 – тесло с расширяющимися гранями; 3 – кельтообразный молоток

гут быть у изделий как с прямыми спинками [Аванесова 1991: рис. 33, 1, 23; Дегтярёва, Костомарова 2011: рис. 8, 1], так и с изогнутыми (выпуклыми) [Аванесова 1991: рис. 33, 26, 27]. В Восточном Казахстане три ножа с «хвостами», два из которых с изогнутыми спинками, были найдены в Зевакинском могильнике, ограды № 35, 47, 49, датированные VIII–VII вв. до н.э. [Арсланова 1974: табл. I, 5; II, 4, 5].

Н.А. Аванесова считает однолезвийные ножи хронологическим индикатором памятников эпохи поздней бронзы и относит к типу В1 – плоско-рукояточные, выделяя характерную особенность – оттянутый вверх конец клинка. Такой признак особенно отличает карасукские «хвостатые» ножи. По этому признаку тарбагатайский нож близок к ножам из клада Преображенское (Кыргызстан, берег оз. Иссык-Куль) и с поселения Каунды I (Приаралье) [Аванесова 1991: 28, рис. 33, 26, 27]. Однако по изгибу спинки и лезвия, форме рукояти эти ножи от него отличаются.

Е.Е. Кузьмина, обращаясь к «хвостатому» ножу из Преображенского клада, делает попытку сопоставить его с ножами из Тепе-Гияна (Иран) и допускает возможность сложения среднеазиатской формы ножа от иранских прототипов, ее дальнейшего распространения на восток и север, где происходит формирование разных вариантов «хвостатых» ножей, в том числе в карасукской культуре. К концу эпохи бронзы, в начале раннего железного века однолезвийные «хвостатые» ножи широко распространяются в Передней Азии, Закавказье и Юго-Восточной Европе [Кузьмина 1966: 48–49; табл. X, 21]. Очень интересной является форма ножа из Тегерман-су (Памир), курган № 1, достаточно близкая к тарбагатайскому [Членова 1972: табл. 8, 27].

Близкие «преображенскому» ножи найдены на поселениях петровской, алакульской, алексеевско-саргаринской, бархатовской культур, в погребениях ирменской культуры, комплексах черноозерского типа [Дегтярёва, Костомарова 2011: 41, рис. 8, 1; Дегтярёва 2007: рис. 6, 1, с. 57, 58]. Интерес представляют два ножа с поселения Кент, один из которых с «хвостом» [Варфоломеев и др. 2017: 314, рис. 4, 5; см. также: 208, рис. 1; 258, рис. 10].

Э.А. Новогородова в своих исследованиях также выделяет тип вогнуто-обушковых (хвостатых) ножей, отмечая при этом, что наибольшее количество «хвостатых» ножей найдено во Внутренней Монголии. Монгольские ножи имеют значительный изгиб клинка, это отличает их от забайкальских и южно-сибирских со слабоизогнутым обушком. Ею прослеживается близость формы вогнуто-обушковых ножей из Аньяна с дугообразно-обушковыми с широким лезвием китайскими ритуальными ножами. Автором сделано предположение, что вогнуто-обушковые ножи появляются в степях Центральной Азии, оттуда они распространяются на юг в Китай и на север через Монголию в Забайкалье [Новгородова 1970: 91, 92, рис. 17, 25–39].

Еще один формообразующий признак тарбагатайского ножа – широкий закругленный обух с отверстием, который позволяет привлечь в качестве аналогии орудие, случайно найденное в окрестностях Казанчункура в Восточном Казахстане, отнесенное С.С. Черниковым к орудиям общеандроновских форм и обозначенное как серп, хотя оно имеет абсолютно прямую спинку и лезвие, сужающиеся к концу [Черников 1960: табл. LXIII, 4], что больше напоминает нож или кинжал, если бы имела место двусторонняя заточка. Практически такую же форму, но с более широкой и круглой пяткой имеют два орудия, отнесенные Н.А. Членовой к карасукским серпам из с. Бейское и погребения № 2 могильника Абаканский мост [Членова 1972: табл. 10, 54, 57].

Е.Е. Кузьмина, рассматривая нож с поселения Каунды I, отмечает, что закругленная рукоять с отверстием делает его гораздо ближе к ножам из Восточного Казахстана, Жетысу и Южного Зауралья и может определять его принадлежность к андроновским племенам на позднем этапе их развития [Кузьмина 1966: табл. X, 23; с. 49].

На Алтае близкое по форме орудие зафиксировано в кургане № 4 могильника Элекмонар II, датированного аржано-майэмирским временем [Степанова 1996: рис. 6, 4]. Данная форма продолжает существовать в раннем железном веке, однако в это время начинают преобладать ножи, изготовленные из железа [Кубарев 1991: 69–72, рис. 15, 1–3; 1992: 53–55, рис. 17].

К числу аналогий можно отнести находку из Минусинской котловины [Гришин 1971: табл. 9, 2]. Орудие определено как дырчатый серп, при этом отмечается очень широкая рукояточная часть, дугообразная форма обуха, прямое или слабоизогнутое лезвие и выемка при переходе от рукоятки к лезвию. Длина предмета равна 12,6 см, ширина 3,6 см. В публикации содержатся данные еще по 14 аналогичным орудиям из числа случайных находок [Гришин 1971: 17–18, 60]. При описании дырчатых серпов Минусинской котловины автор также проводит параллели с карасукскими ножами.

В состав клада из Тарбагатая входят два тесла. Тесло с уступом (рис. 3, 1) представляет собой массивный предмет длиной 14,3 см с плавно расширяющимися к закругленному рабочему краю гранями. Ширина тесла у пятки 1,4 см, у рабочей части – 4,8 см. Уступ расположен на расстоянии 10,0 см от края лезвия. Толщина уступа 1,7 см, слабо скошен в сторону пятки на расстояние 0,5 см. Тыльная сторона предмета плоская, в средней части сделана неглубокая выемка длиной 8,3 см с закругленными концами. Тесло отлито в односторонней закрытой форме, после отливки рабочая часть прокована. На лицевой стороне просматриваются косые линии, иногда перекрещивающиеся между собой. Могут быть как дефектами отливки, так и элементами декора. Поверхность предмета покрыта темной патиной, коррозией зеленого цвета и серым налетом. На рабочем крае зазубрины.

Тесла с уступом или тесла с поперечной гранью по Е.Е. Кузьминой довольно часто встречаются в составе кладов периода поздней бронзы [Кузьмина 1966: 18, 19]. В Восточном Казахстане аналогичное тесло входит в состав клада из Зайсана [Кущ и др. 2016: 201, рис. 5]. В целом в Восточном Казахстане данная форма тесел насчитывает порядка 10 экз. из окрестностей Усть-Каменогорска, Семипалатинска, Нарымского хребта, а также с поселения Мало-Красноярка [Черников 1960: табл. XXXVI, 9; LXIV, 9; приложение 3, с. 164]. В кладах Казахстана аналогичное тесло с уступом зафиксировано в кладе Борохудзир из района с. Кайтынь [Джумабекова, Базарбаева 2013: Приложение 1, 17], в Новоалексеевском кладе, с левого берега р. Или, кладе с Каменского плато в окрестностях г. Алматы [Акишев, Кушаев 1963: рис. 84, с. 108, 109]. Найдены они и на поселениях эпохи бронзы Северного Казахстана и Урало-Иртышского междуречья – Петровка II [Зданович 1988: табл. 10, 18], в районе г. Степняка [Черников 1954: рис. 23, 4].

Тесла с уступом встречаются в кладах Киргизии: в Шамшинском кладе [Кожомбердиев, Кузьмина 1980: 141, рис. 1, 25], в кладе из Каракола [Кузьмина 1968: рис. 4, 2], Сукулукском кладе [Бернштам 1941: табл. 1], в кладе у с. Садовое [Кибиров, Кожемяко 1956: рис. 1, 13]. На территории Киргизии также была найдена каменная литейная форма для одновременной отливки двух пальстабов с уступом, что вполне может свидетельствовать о местном их производстве [Бернштам 1950: табл. XXXVIII, с. 98, 106].

Тесла с уступом представляют собой значительную группу находок, которая неоднократно рассматривалась и анализировалась в работах многих археологов [Аванесова 1991; Карабаспакова 2011; Кузьмина 1966 и др.]. Распространение и бытование тесел с уступом связывается с территорией Казахстана, Киргизии и Ферганы. Единичные находки фиксируются в Западной Сибири, Южном Урале и на Волге. Датируются тесла с уступом XII–IX/VIII вв. до н.э.

Второе тесло в Тарбагатайском кладе с расширяющимися гранями (рис. 3, 2) плоское, в сечении прямоугольной формы, толщиной 0,2 см. Длина 10 см. Ширина у пятки 0,9 см, у рабочей части – 2,7 см. Грани топорика расширяются к рабочему краю. Лезвие закруглено и дополнительно выделено небольшими плечиками (уступчиками). Пятка прямая, внешний контур слегка выпуклый. Поверхность тесла покрыта темной патиной. Одна из сторон сплошь покрыта серым известковым налетом, вторая сторона покрыта налетом в меньшей степени. Ближе к лезвию тесло слегка прогнуто. В верхней части тесла на одной из сторон на гранях следы свежего соскоба патины и налета до металла.

Бронзовые плоские тесла (пальстабы) относятся к группе орудий, в различных модификациях встречающиеся в широком географическом и хронологическом диапазоне. Среди плоских тесел эпохи бронзы, аналогичным как по форме, так и по размерам теслу из Тарбагатайского клада, является тесло из Андреевского клада (Алматинская обл.) XIII–IX вв. до н.э. [Карабаспакова 2011: табл. 58, 11, с. 152]. В Восточном Казахстане подобное тесло происходит из района Майкапчагая

(Калбинский хребет) [Черников 1960: табл. LXVII, 5]. Три экземпляра тесел с расширяющимися гранями обнаружены на поселении Челкар (Северный Казахстан) [Оразбаев 1958: табл. XI, 9–11]. Плоские тесла с узкой пяткой и широким лезвием зафиксированы в могильнике Каменный Амбар-5 в Южном Зауралье, в могилах 5 и 12 кургана № 2, датированных финалом средней бронзы, но у них отсутствуют уступчики [Епимахов 2005: рис. 20, 2, рис. 42, 6; см. также: 155, ил. 114, 2, 4].

Близкое по форме тесло происходит из Ташкентского оазиса [Кузьмина 1966: табл. I; II, 12]. В классификации Е.Е. Кузьминой такой тип тесел отнесен ко II типу тесел с параллельными гранями, прямой пяткой и слабо изогнутым лезвием [Кузьмина 1966: 16, 17]. В срубной культуре Поволжья наиболее близким по форме является тесло из кургана в Волгограде; оно с четко выделенными уступчиками при переходе к лезвию, а также два тесла с верховьев реки Самарки и Царёва кургана [Кривцова-Гракова 1955: рис. 13, 3–5].

Среди инструментов, которыми пользовалось население Кубани во второй половине II тыс. до н.э., А.А. Иессен отмечает несколько плоских тесел из Боргустанского, Бекешевского кладов, клада из Костромской станицы и относит к переходному варианту к бронзовым теслам колхидо-кобанской группы [Иессен 1951: рис. 20, 2; 21, 7, рис. 54; 1950: 171–172, табл. III, IV]. А.Д. Дегтярёва считает основной зоной распространения плоских тесел трапециевидной формы с округлым обушком и постепенно расширяющимися к лезвию боковыми гранями Предкавказье (катакомбные памятники), а также Южное Зауралье и Приуралье. Именно с влиянием катакомбных традиций металлопроизводства связывается появление данного типа орудий в памятниках синташтинской культуры. А.Д. Дегтярёвой отмечено, что в позднеабашевских, сейминско-турбинских, петровских, потаповских памятниках они представлены в единичных экземплярах и, скорее всего, являются импортом из синташтинского центра металлургии. Модифицированные орудия данного типа появляются в Балкано-Карпатской и Циркумпонтийской металлургических провинциях [Дегтярёва 2007: 53, 54, рис. 4].

В состав клада из Тарбагатая входит кельтообразный молоток (рис. 3, 3), который представляет собой литое массивное орудие вытянуто-прямоугольной формы, размером 6×4,4×3 см. По нижнему краю предмета идет валик шириной 0,7 см, в сечении прямоугольной формы толщиной 0,15 см. С внутренней стороны валик оттянут наружу, и по всей его длине идет неглубокий желобок. Это может говорить о том, что валик был не припаян, а отлит в общей форме. Стороны боковых граней закруглены, сверху вниз расширяются – от 2 см вверху до 3 см в нижней части. На боковых гранях хорошо просматриваются литейные швы. На одной из широких граней чуть выше валика по центру имеется налеп в виде горошины диаметром 0,6–0,7 см. На другой грани очень плохо, но просматривается рельефный знак – «N» или «Z». Орудие имеет втулку овальной формы, размером 2,4×3,4 см, глубиной 5,5–4,8 см. Рабочая часть молотка слегка выпуклая, овальной в плане формы, размеры бойка 4,4×2,5 см. Поверхность молотка шероховатая, покрыта коррозией зеленого цвета и серым налетом. В нижней части втулки имеются повреждения с утратой металла и мелкие зазубрины.

Аналогичные предметы были найдены в составе клада из Зайсанского района ВКО [Кущ и др. 2016: 204; рис. 3, 4, с. 20], Шамсунского клада эпохи поздней бронзы с северных склонов Заилийского/Иле Алатау [Сараев, Горячев 2001: 43; рис. 2, 4, с. 39], в кладе Борохудзир из Илийской/Илейской долины [Джумабекова, Базарбаева 2013: Приложение 1 (18)]. В Киргизии в кладах у с. Садовое [Кузьмина 1966: табл. IV, 8] и в Шамшинском кладе [Кожомбердиев, Кузьмина, 1980, рис. 1, 27]. Оба последних кельтообразных молотка на гранях имеют орнамент в виде косой сетки. На шамшинском молотке сетка на одной из граней дополнена знаком в виде зигзага. Аналогичный знак имеется на поверхности молотка из района с. Кайтынь (Борохудзир) [Джумабекова, Базарбаева 2013: 14]. Возможно, это знак мастера. Все кельтообразные молотки из кладов входят в хронологические рамки XII–IX/VIII вв. до н.э.

В целом предметы клада из Тарбагатая по своему составу и типологическим особенностям инструментов близки случайным комплексам периода поздней бронзы Восточного Казахстана, Жетысу и Кыргызстана, особенно к орудиям из клада с берега реки Борохудзир, датированного XII–IX вв. до н.э. [Джумабекова, Базарбаева 2013: Приложение 1]. По общей датировке кладов эпохи бронзы все они относятся к позднебронзовому времени. Необходимо отметить, что, несмотря на достаточно широкий круг привлеченных аналогий, предметы из Тарбагатайского клада имеют свои особенности, отличающие их от подобных инструментов из других регионов.

Значительно больше информации о них мог бы дать химико-металлургический анализ бронзы. Развитие металлургии в древности в разных местах было разным, имело свои особенности и непосредственно зависело от рудной базы. В свое время С.С. Черников отметил, что бронзовые орудия Восточного Казахстана в своем химическом составе имеют более высокое содержание олова по сравнению с другими регионами, в которых не было крупных месторождений олова, за исключением мелких рудопроявлений, поэтому там в основном полу-

чали сплавы меди с сурьмой, свинцом и цинком [Черников 1960: 131]. Рудная база Восточного Казахстана объединяет медные и полиметаллические месторождения Юго-Западного Алтая, Калбинского и Нарымского хребтов. Здесь выделен Рудно-Алтайский горно-металлургический центр [Берденов и др. 2004: 155].

Исследования А.С. Ермолаевой металлических предметов из погребальных памятников левобережья реки Иртыш Шульбинского микрорайона показали, что для федоровского этапа (XVI–XII вв. до н. э.) характерны две группы сплавов – оловянные и оловянно-свинцовые. На финальной стадии по-прежнему преобладают оловянные бронзы, но уже с большим количеством вариантов – оловянно-свинцовые, оловянно-мышьяковые, оловянно-сурьмяные и с более сложными составами. Материалы поселения древних металлургов Ново-Шульбинского микрорайона (VIII–VII вв. до н.э.) свидетельствуют о довольно крупных масштабах горно-металлургического производства. Анализ шлаков и слитков подтвердил плавку меди и бронзы. Находки тиглей и литейных форм указывают на изготовление непосредственно самих предметов [Ермолаева 2012: 77–79].

В недрах Восточного Казахстана сосредоточены богатейшие залежи руд цветных металлов, которые были способны обеспечить не только местную металлургию, но и снабжали рудой и оловом многие центры Евразийской металлургической провинции (с XVIII–XVI до X–IX вв. до н.э.) Однако, как считает С.А. Берденов, вероятно, существовала проблема металлургической переработки руд казахстанских месторождений, поскольку самые крупные центры металлургии находились в аридной зоне и, скорее всего, испытывали дефицит в топливе и водных ресурсах, необходимых для металлургии. Таким образом, весомая часть медной руды и олова с казахстанских месторождений отправлялась на переплавку в соседние регионы. Будучи лишенными собственной рудной базы, такие центры функционировали исключительно на привозном сырье [Берденов 2008: 55]. Но бронза могла возвращаться обратно в регион в виде готовых изделий. Поэтому так важно наряду с типологическим методом использовать химико-металлографический анализ и попытаться понять, как морфологические признаки сочетаются с составом, из которого предмет изготовлен. Поэтому изделия, входящие в состав кладов, содержат важную и даже уникальную информацию об их производстве и перераспределении.

Вероятнее всего, что клады эпохи бронзы представляют собой не стихийно возникшие комплексы из случайных предметов, а сознательно составленную последовательность. Безусловно, любой из предметов вполне себе может выполнять конкретную функцию, связанную с бытовой, хозяйственной или даже военной деятельностью. Но эта же вещь, помещенная в определенный контекст или обрядовую практику, приобретет уже иной смысл, значение и статус. Причины появления кладов в эпоху бронзы, их функциональное предназначение – отдельная большая тема в их исследовании. В зависимости от ассортимента и количества входящих в состав кладов предметов чаще всего выделяют клады сырья, торговцев, индивидуальных ценностей, клады-жертвоприношения и т. д. Рассматривая клад как комплекс, важное значение приобретает семиотика и семантика артефактов. Включение в состав кладов того или иного предмета отражает не столько его сокрытие, сколько утверждение его символической и материальной ценности [Иванова 2011: 66]. Именно при вхождении вещи в ритуальный контекст как в некую семиотическую систему они начинают осознаваться знаками. Семиотический статус предметов в таком комплексе отражает конкретное соотношение его символических и утилитарных функций. В свою очередь, их интерпретация позволяет подойти к некоторым аспектам реконструкции мировоззренческих систем древних обществ [Байбурин 1981].

Для любого музея иметь в своем собрании такой клад – редкая удача, ведь каждый предмет, входящий в его состав, представляет собой как научный интерес, так и может являться ярким экспонатом в экспозиции.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: «ФАН» УзССР, 1991. 200 с.

Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 44–58.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 320 с.

Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII вв. до н.э. из Восточного Казахстана // В глубь веков: сб. науч. статей / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 46–60.

Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология: сб. МАЭ / Отв. ред. Б.Н. Путилов. М.; Л.: Наука, 1981. Вып. XXXVII. С. 215–226.

Берденов С.А. Казахстанские месторождения меди и олова и их разработка в бронзовом веке // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1. С. 42–55.

Берденов С., Самашев З., Штолльнер Т., Черны Я., Ермолаева А., Кущ Г. Древнее горное дело и металлур-

гия Восточного Казахстана (начало работ по казахско-германскому проекту) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана / Ред. М.Н. Сдыков. Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2004. Вып. 3. С. 154-171.

Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе: Изд. ком. наук СНК КиргССР, 1941. 112 с.

Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» // МИА. М.; Л.: АН СССР, 1950. № 14. 160 с.

Варфоломеев В., Ломан В., Евдокимов В. Кент – город бронзового века в центре казахстанских степей // Материалы и исследования по культурному наследию / Ред. З. Самашев. Астана: КазНИИК, 2017. Т. XI. 338 с.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // САИ. М.: АН СССР, 1971. Вып. В 3-12. 110 с.

Дегтярёва А.Д. Металлические орудия труда синташтинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 7. С. 49–75.

Дегтярёва А.Д., Костомарова Ю.В. Металл позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 30–45.

Дергачёв В.А., Бочкарёв В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Художественные бронзы Жетысу. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 120 с.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Учебное пособие. Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. 172 с.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск: Институт истории и археологии УрО РАН, 2005. Кн. 1. 192 с.

Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахстанского Алтая (эпоха бронзы – раннего железа). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. 238 с.

Иванова С.В. Клады бронзового века: функции артефактов и семиотика дискурса // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса: Печатный дом «Фаворит», 2011. Вып. 12. С. 62–85.

Иессен А.А. К хронологии «Больших кубанских курганов» // СА. 1950. Т. XII. С. 157–201.

Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. М.: АН СССР, 1951. № 23. С. 75–124.

Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. 220 с.

Кибиров А., Кожемяко П.Н. Новые памятники эпохи бронзы // Труды Института истории АН Киргизской ССР. 1956. Вып. II. С. 37–45.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. 1948. Вып. XVII. С. 57–172.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. М.: АН СССР, 1955. № 46. 162 с.

Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. 1980. № 4. С. 140–152.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. М.: АН СССР, 1966. Вып. В 4-9. 149 с.

Кузьмина Е.Е. Клад эпохи бронзы из Каракола // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 13–15.

Кущ Г.А., Джумабекова Г.С., Демиденко С., Базарбаева Г.А. Клад эпохи поздней бронзы с клепанным сосудом из Восточного Казахстана // Tyragetia. 2016. Vol. X [XXV]. № 1. С. 201–210.

Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. М.: АН СССР, 1954. № 42. С. 39–156.

Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: ГРВЛ, 1970. 192 с.

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ. 1958. Т. V. С. 216–294.

Сараев В.В., Горячев А.А. Шамсунский клад эпохи поздней бронзы у северных склонов Заилийского Алатау // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2011. № 3 (282). С. 37–47.

Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая: сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1996. С. 54–69.

Черников С.С. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане // КСИА. 1954. № 53. С. 29–49.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. М.; Л.: АН СССР, 1960. № 88. 272 с.

Членова Н.А. Хронология памятников карасукской эпохи // МИА. М.: АН СССР 1972. № 182. 248 с.

Бұлбұл Аронқызы Сиражева,
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Алматы қ., Қазақстан, bsirazheva@gmail.com

ҚАЗАҚ АЛТАЙЫ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ КӨШПЕЛІЛЕРІНІҢ МӘДЕНИЕТІНДЕГІ СҮЙЕК пен МҮЙІЗДЕН ЖАСАЛҒАН БҰЙЫМДАР*

Аннотация. Қазақ Алтайын мекен еткен ортағасырлық көшпелілерден қалған археологиялық жәдігерлердің бірқатары сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдар. Бұлардың арасында күнделікті тұрмыста қолданылған заттармен қатар, иесінің дәулеті мен дәрежесін білдіретін бірегей сәндік дүниелер де бар. Сақталған іздер оларды жасауда пышақ немесе пышақ тәріздес өткір жүзді құралдардың, диаметрі әртүрлі қол бұрғыларының қолданылғанын көрсетіп отыр. Алайда, әлі күнге Қазақ Алтайы көшпелілеріндегі сүйек ұқсату кәсібі, оның шикізат көздері, технологиясы, мамандары туралы мәлімет беретін жазбаша дерек кездесе қоймағандықтан, жерлеу орындарынан шыққан дайын бұйымдарды немесе олардың қалдықтарын түрлі заманауи әдістермен зерттеу арқылы алынған нәтижелерді ғана жариялау мүмкін болып отыр. Шынтуайтында, сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдардың түрі мен саны бізге белгілісінен әлдеқайда көп болуы, бірақ міндетті түрде қоса жерленуі тиіс бұйымдардың қатарына енбей қалған болуы әбден мүмкін. Дегенмен қолда бар деректердің өзімен-ақ Қазақ Алтайын мекен еткен ортағасырлық көшпелілерде сүйек ұқсату кәсібінің болғандығын, оның көркемдік деңгейінің жоғарылығын, қай жағынан болмасын басқа да қолөнер түрлерінен кем түспейтіндігін дәлелдеуге болады.

Түйін сөздер: Қазақ Алтайы, көшпелілер, орта ғасыр, сүйек ұқсату өнері, сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдар

Изделия из кости и рога в культуре средневековых кочевников Казахского Алтая

Аннотация. Среди археологического наследия средневековых кочевников Казахского Алтая изделия из кости и рога занимают особое место. Наряду с вещами ежедневного пользования имеются декоративные изделия, показывающиематериальный и социальный статус обладателя. Сохранившиеся следы указывают на использование при их изготовлении ножевидного острого орудия и ручного сверла разного диаметра. Все еще неизвестны письменные источники, отражающие сведения о состоянии косторезного дела средневековых кочевников Казахского Алтая, а также о сырье, об инструментариях и о специалистах данного промысла. В связи с этим все научные выводы базируются на результатах, полученных с помощью исследования имеющихся предметов или их фрагментов, обнаруженных среди погребального инвентаря. На самом деле перечень использовавшихся изделий и их количество может быть намного больше, онимогли просто не попасть в список обязательного погребального инвентаря того времени. Однако полученные материалы доказывают существование и распространенность косторезного дела у средневековых кочевников Казахского Алтая, и предметы, изготовленные ими, – это высокохудожественные вещи, ничем не уступающие изделиям других видов ремесел.

Ключевые слова: Казахский Алтай, кочевники, Средневековье, косторезное дело, изделия из кости и рога

Bone and horn products in the medieval nomad cultures of the Kazakh Altai

Abstract. Bone and horn products take a special place among the archaeological heritage of the medieval nomads of the Kazakh Altai. There are decorative items reflecting the material and social status of the owner of these artifacts. Now not all written sources reflecting information about the state of bone carving of medieval nomads, as well as about raw materials, tools and specialists of this craft are known. All scientific conclusions are based on the results received by means of research of available objects or their fragments found among the burial inventory by various methods. The real name of the items and their number may be much larger, they not have been included in the list of obligatory funerary inventory of that time. The materials prove the existence and prevalence of bone carving among the medieval nomads, and the objects are highly artistic things, not inferior to the products of other types of crafts.

Keywords: Kazakh Altai, nomads, Middle Ages, bone carving, bone and horn products

© 2022 Сиражева Б.А.
**Мақала AP09260487 ҚР БҒМ 20212023 жж. арналған гранттық қаржыландыруы шеңберінде жазылды.*

Кіріспе

Қазақ Алтайы қойнауы тарихқа тұнған өлке. Жыл сайын өңірден адамзат өркениетінің барлық сатысын қамтитын ескерткіштер анықталып, қазба барысында тың, тіпті ғажайып деуге келетін дүниелер табылып жатады. Бұған алдымен аймақтың табиғи-жағырафиялық жағдайының адамзат тұрмысына қолайлы болуы, сондай-ақ Еуразия аумағында орын алған маңызды деген тарихи үдерістердің күре жолында жатуы себеп. Бұл аумақ тіпті ерте темір дәуірінің өзінде-ақ (бәлкім кейінгі қоладан бері), біртұтас тарихи-мәдени қауымдастық жері болған деуге негіз бар. Қазіргі уақытта, отандық археологияда Қазақ Алтайы анықтамасына қай жерлер енетіні белгіленіп қойған [Самашев 2008: 8–9] және тарихи-мәдени тұтастығын дәлелдейтін деректер қоры әрбір қазба маусымы сайын толығу үстінде. Бүгін біз қарастырғалы отырған Қазақ Алтайы ортағасырлық көшпелілерінің сүйек ұқсату ісі үлкен бір ғылыми мәселенің бір парасы ғана. Кейбір археолог ғалымдар әлі күнге сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдарға сын көзбен қарап, ескерткішті мерзімдеуге келмейтін, ежелгі тұрғындардың шаруашылық әрекеттері, еңбек пен қолөнердегі технологиялары туралы дерек беруге дәрменсіз «пайдасыз» жәдігерлер тобына жатқызса да, бұларды ғылыми айналымға жан-жақты зерттеп енгізген жағдайда қарастырылып отырған уақыт пен аумақтағы ежелгі адамдардың шаруашылығы, күнделікті тұрмыстіршілігі, рухани өмірі мен наным-сенімдеріне қатысты мәліметтерді толықтыруға әбден қабілетті екендігін жоққа шығаруға болмайды.

Осы тұрғыдан алғанда мақаланың мақсаты – отандық археологиядағы сүйек пен мүйіз жәдігерлердің тереңірек зерттелу мәселесіне назар аударту болса, міндеті – ортағасырлық Қазақ Алтайы көшпелілерінен бізге жеткен сүйек пен мүйізден жасалған жәдігерлерді топтастырып, олардың бүтіндей бір кәсіп саласын құрайтындығын көрсету, сондай-ақ, оларды тұтынушылардың материалдық және рухани мәдениеті туралы мәліметтерді толықтыра түсу.

Әдістер

Әртүрлі жылдардағы археологиялық қазбалар кезінде табылып, ғылыми айналымға енгізілген (бұлардың ішінде отандық музейлердің экспозицияларында тұрғандары да бар) жәдігерлер трасологиялық, энергодисперсиялық, фотограмметриялық зерттеу әдістерін қолдану арқылы зерттелді. Нәтижесінде бұйымдардың материалы, жасалу технологиясы, оларды жасау құралдарынан қалған іздер, бұйымдардың бетіндегі бояуы және т. б. деректер алынды. Бұйымдар қолданылу аясына қарай топтар мен типтерге бөлінді.

Негізгі бөлім

Қолда бар, ғылыми айналымға енгізілген археологиялық деректердің негізінде орта ғасырлық көшпелілердің мәдениетіне тиесілі сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдарды үш топқа бөлуге болады: қару-жарақ және ат әбзелдері; тұрмыстық бұйымдар; халықтың рухани өмірімен байланысты бұйымдар.

Алдымен сүйек пен мүйізден жасалған немесе көмкерілген қару-жарақ түрлеріне тоқталайық. Бұл топтың басында садақ бөлшектері тұрады. Қашықтан ұрыс салу қаруы болып табылатын садақтың әртүрлі өлшемдегі жапсырмаларын сүйектен немесе мүйізден жасаған. Орта ғасырлықкөшпелілерде б.д. V–VI ғғ. пайда болған садақтың жаңа түріне заманауи зерттеушілер шартты түрде «түркілік» деген атау берген және ғұн садағының біраз жетілдірілген түрі болып саналады (1-сур.).

1-сур. Берел № 25 қорғанынан табылған садақ жапсырмалары

Қ. Ахметжанның пікірінше «түркі садағының ұң садағынан айырмашылығы – оның иінінің артқы бетіне де сүйек салына бастағаны» [Ахметжан 1996: 53]. Ю. Худяков барлық түркі садақтарын біріктіріп күрделіқұрамдас садақтар тобы деп белгілейді де жеті түрін атап көрсетеді [Худяков 1986: 139], ал Г.В. Кубарев болса мүйіз жапсырмалы садақ қалдықтарын негізге ала отырып бес түрін келтіреді [Кубарев 1997: 125–126].

Қазіргі уақытта табылған археологиялық деректер жалпы Қазақстан аумағын орта ғасырларда мекен еткен көшпелілердің күрделіқұрамдас садағының төрт типі болғандығын көрсетіп отыр: 1) жапсырмалары көп, күрделіқұрамдас садақ, яғни сүйек жапсырмаларының саны онға жететін садақ; 2) бір жұп ортаңғы жапсырмалары бар садақ; 3) орта тұсында үш жапсырмасы бар садақ; 4) екі ортаңғы, екі шеткі жапсырмалары бар садақ.

Бірінші типке жатқызылатын садақ «мұрттылар» қатарына кіретін Зевакино обасының 1 қорғанынан шыққан. Ф.Х. Арсланованың келтіруінше садақтың ұзындығы 130 см болған және сүйектен/мүйізден жасалған он жапсырмасы бар, олардың жетеуі ұштарында, үшеуі орта тұсында орналасқан. Бұл садақты Ф.Х. Арсланова былай суреттейді: «Бізге белгілі жеті сүйек жапсырмалы болып келетін ұң садағымен салыстырғанда зевакиндік үлгідегі садақтың он сүйек жапсырмасы бар. Садақтың бір ұшында төрт сүйек жапсырмасы болған, олардың қысқа болып келген екеуі (ұштарында садақбау кигізуге арналған кертіктері бар) екі ұзын әрі имек пластиналардың үстіне жапсырылған. Екінші ұшында қысқарақ, әрі кертіктері жоқ екі сүйек пластиналары бар, сынып қалған болуы да ықтимал. Олардың арасында сына тәріздес үшінші қысқа пластина орналасқан. Ортаңғы жапсырмалар трапеция пішіндес болып келген, ұштары өткірленген, жалпақ жағын садақтың ішкі жағына қарата жапсырған екі пластинадан, сондай-ақ, осы қос пластинаның қысқа жағын бойлай жапсырылған, ұштарына қарай жалпая түскен түзу әрі жіңішке үшінші пластинадан тұрады. Барлық жапсырмалардың іші-сыртына ағаш негізге мықтап бекіту (жапсыру) мақсатында параллель кертіктер жасалған немесе ромб тәріздес штрихтар түсірілген» [Арсланова 2013: 245, 247].

Ф.Х. Арсланова бұл садақты кеңкөлдік және ақтөбелік садақтарға ұқсас деп санайды және жапсырмалар санының көп болуын алысыраққа ұша алатындай және жайпап салатындай етіп садақ құрылымының жетілдірілуімен байланыстырады. Ол өз пікірін садақпен бірге осы қабірден сол дәуір үшін ерекше ірі болып келген темірден жасалған жебе ұштарының табылуымен дәйектейді [Арсланова 2013: 248].

Садақтың осы типі қолда бар материалдардың ішіндегі ең ертесі болып саналады, себебі Ф.Х. Арсланова бұны III–V ғғ. мерзімдейді [Арсланова 2013].

Екінші типке жатқызылатын садақтар барлық типтердің ішіндегі ең жиі кездесетіні болып шықты. Осындай садақтардың біреуі Зевакино обасының 145 қорғанынан табылды; оның тек трапеция пішіндес, ұзындығы 15,3 см, ені 2,4 см болатын бір жұп ортаңғы жапсырмалары ғана сақталған. Жапсырмалардың ішкі жағы ағаш негізіне мықтап бекіту үшін жасалған қисық сызықтармен кертілген. Ф.Х. Арсланова бұл садақты суреттеу барысында А.А. Гаврилованың мұндай садақтар Сібір жерінде VIII ғ. шамасында пайда бола бастайды деген пікіріне жүгінеді және осыған ұқсастары Алтай, Шығыс Қазақстан және Тува жерлерінде кездеседі деп хабарлайды [Арсланова 2013: 29].

Осыған ұқсас тағы бір садақтың қалдығы Зевакино обасының 38 қорғанынан шықты; садақтың ағаш негізінің ұзындығы 65 см-лік (ортаңғы жапсырмаларына дейінгі) жартысы табылды. Садақтың сүйек жапсырмаларының ішкі жағында бойлата жасалған, ал сыртқы жағының төменгі бөлігіне қисық және ромб тәріздендіре салынған кертіктері бар. Ф.Х. Арсланованың берген анықтамасы бойынша бұл жапсырмалардың пішіні сросткиндік үлгілерге ұқсас болып келген және VII ғ. аяғы – VIII ғ. басымен мерзімделеді [Арсланова 2013: 194].

Қызылқайың шатқалынан табылып, 1972 ж. зерттелген қабірден шыққан садақтың да ортаңғы жапсырмасы екеу. Ф.Х. Арсланова қабірдің ашылу орны садақтың сақталуына ықпал еткендігін атап өтеді. Жапсырмалары өте нашар, қалдық түрінде ғана сақталған, өңделген ағаштың қалдығы бар, бұл бәлкім садақтың иіні шығар деп болжам жасалған. Ф.Х. Арсланованың пікірінше қызылқайыңдық жапсырмалардың пішіні IX–X ғғ. мерзімделетін қимақ үлгілеріне жақындайды

2-сур. Берел № 25 қорғанынан табылған сүйек ысқырық

[Арсланова 2013: 135].

Ортаңғы жапсырмалары бар садақ Бобровский II обасының 11 қорғанынан да анықталған. Жалпақтау келген бір жұп ортаңғы бүйір жапсырмаларының ішкі бетіне (ал кейде сыртқы бетінің төменгі жағына) крест тәріздес және ромб тәріздес кертіктер жасалған [Арсланова 2013: 185] мерзімделуі VIII–IX ғғ.

Екінші типке жататын ортаңғы сүйек жапсырмалардың жұбы Шемонайха ауданындағы Орловка ауылына қарама-қарсы тұстан, Үлбі өзенінің оң жағалауынан, оның Ертіспен қосылатын тұсынан 30 км жерден анықталған обаның 1 қорғанынан табылды. Осы қорғаннан басқа типке жататын екінші садақ та табылды, осы себепті бұл заттарды Ф.Х. Арсланова VII ғ. аяғы – VIII ғ. басы деп мерзімдеген [Арсланова 2013: 191, 194].

Жартас обасының 6 нысанынан пішіні трапеция тәріздес болып келген, ұзындығы шамамен 15–17 см болатын, мүйізден жасалған екі дана бүйір жапсырмалары бар садақтың қалдығы табылды [Археологические памятники… 1987: 121]. Сондай-ақ, аталған обаның 80 нысанының 1 жерлеу орнынан садақтың ортаңғы бүйір және сыртқы сүйек жапсырмаларының екі сынығы шыққан [Арсланова 2013: 128].

Сондай-ақ, бір жұп ортаңғы жапсырмасы бар садақ үлгісі Берел обасының № 25 қорғанынан [Самашев 2011: 107] және Қарақаба II обасының №5 қорғанынан да табылып отыр [Самашев 2016: 407].

Ортаңғы жапсырмалары үшеу болып келетін садақтың үшінші типі Зевакино обасының 254 қорғанынан табылған. Тағы да Ф.Х. Арсланованың пікіріне жүгінер болсақ, мүйізден жасалған ортаңғы жапсырмалар трапеция тәріздес болып келген, ұштары жұмырланған, ішкі беті айқыш-ұйқыш кертілген, кертіктер сыртқы бетіне де түсірілген – ұзына бойына және ұштарына жіңішке сызық қылып, бірақ тереңдеу әрі қысқа-қысқа етіп оймышталған. Үшінші жапсырма бүйір жапсырмаларының арасына қойылған және садақтың белін сыртқы жағынан мықтап тұрған. Ол мүйізден жасалған және білеуленіп келген, өлшемі: 5×1,1×0,2 см Ф.Х. Арсланованың хабарлауынша құрылымы осындай, күрделіқұрамдас садақ Бобровка ауылының маңынан табылған, VII–IX ғғ., мерзімделген обадан шыққан, сонымен қатар Туваның VIII–IX ғғ. мерізмеделетін материалдарының ішінде де кездеседі [Арсланова2013: 38–39].

3-сур. Қарақаба I обасының 12 қорғанынан табылған тоға (а) және мүйіз сулық (ә)

Көрсетілген типтегі садақ Бобровский II обасының 6 қорғанынан қабымен шыққан, ұзындығы – 1,4 м. Ф.Х. Арсланованың суреттеуінше ортаңғы жапсырмалары түрінде табылған, жапсырмалардың ортасында айыр тәріздес болып келген екінші жартысына мықтап кіріктіріліп, ағаш тығынмен бекітілген тақтайша түріндегі ағаш негізі – иіні де сақталған. Пішіні төртбұрыш, ұзындығы 3 см, ені 1,2 см үшінші жапсырма ортаңғы жапсырмалардың арасына қойылған. Ф.Х. Арсланова үшінші жапсырманың өлшемдеріне назар аудартып, оларды ертіс бойы қимақтары үшін ерекше дүние деп санайды. Оның түсіндіруінше үшінші төменгі жапсырма әдетте ортаңғы жапсырмалармен өлшемдес немесе шамалас болып келеді және бұл жағдай осы садақтың өз ерекшелігі болып табылады [Арсланова 2013: 182]. Мерзімделуі: VIII–IX ғғ. [Арсланова 2013: 185].

Садақтың төртінші типі Бобровский II обасының 6 қорғанынан табылған. Ол ұзындығы 1,5 м, ені 0,35 м болатын қайыңның қабығынан жасалған қапта болған. Оның екі ортаңғы және шеткі сүйек жапсырмалары сақталған. Ф.Х. Арсланованың суреттеуінше адырнасы бойынша садақтың ұзындығы 1,3 м болады [Арсланова 2013: 152].

Осы типтес садақ жоғарыда аталып өткен Шемонайха ауданындағы Орловка ауылына қарама-қарсы тұстан, Ульба өзенінің оң жағалауынан, оның Ертіспен қосылатын тұсынан 30 шақырым жерден анықталған обаның 1 қорғанынан табылды. Садақтың бір жұп ортаңғы, бір жұп шеткі (бір ұшында ғана) жапсырмалары болған. Ф.Х. Арсланованың айтуынша бұндай құрылым А.А. Гаврилованың жіктеуіне сәйкес (садақтардың дамуының II сатысы) Алтайда VI–VII ғғ. қолданыста болған. Атап өткеніміздей, осы обадан басқа типке жа-

4-сур. Берел обасының № 25 қорғанынан табылған шідер/тұсамыс тиегі

татын екінші садақ та шыққан болатын. Бұл жағдайды Ф.Х. Арсланова өтпелі, яғни садақ құрылымының жаңа үлгісі енді пайда болып жатқан, бұрынғысын әлі ығыстырып үлгермеген кезеңі деп қарастырады. Осының негізінде ол бұл заттарды VII ғ. аяғы – VIII ғ. басы деп мерзімдейді [Арсланова 2013: 91, 194].

Ішінара жерлеу орындарынан ортаңғы жапсырмасы біреу ғана болып келетін садақтар да табылып жатады. Мұндай жапсырмалар Зевакино обасының 9 қорғанынан [Арсланова 2013: 47], Ақши II обасының 2 нысанының 1 жерлеу орнынан [Археологические памятники… 1987: 161] және Қарашат I ескерткішінің 9 нысанынан шыққан [Арсланова 2013: 182]. Бұл жөнінде қандай да бір нақты шешім шығару қиын. Егер бұл тек сақталған қалдықтары ғана, қалғандары уақыт өте келе жойылып кеткен дейтін болсақ, онда аймақтың барлық ескерткіштері қазылып үлгермегендігін ескеру қажет. Оның үстіне неліктен үнемі тек ортаңғы жапсырмалары ғана жақсы сақталатыны түсініксіз болып қалып отыр. Дегенмен бұл мәселені аса бір күрделендірудің қажеті жоқ, бұл шамасы келтірілген ескерткіштердің жеткілікті суреттелмегендігімен байланысты болуы да мүмкін деп болжаймыз.

Г.В. Кубарев қазбалардан анықталған ортағасырлық археологиялық жәдігерлер садақтың дамытылуы барысында жапсырмалар саны кеми түсетіндігі туралы, сондай-ақ түрлі типтегі садақтардың болғандығы жөніндегі гипотезаны растай түседі деп жазады. Біз оның бұл пікірімен келісеміз; қазақстандық нұсқаларында да жапсырмалар саны кеми түседі және ұзындығы мен жапсырмаларының саны жағынан ерекшеленетін бірнеше типтегі садақтар кездеседі [Кубарев 1997: 127].

Жебе ұштары. Ю.С. Худяков түркі дәуірінің жебе ұштарын ұңғылы және сағақты деп екіге бөледі. Ұңғылы жебе ұштарын төртқырлы деп бір топқа және ұзынша-бесбұрышты және ұзынша-ромбтәрізді деп екі типке бөледі. Сағақты жебе ұштары үшқырлылар тобын құрайды және ұзынша-ромбтәріздес деген бір типке жатады[Худяков1986: 147].

Негізінде ортағасырлық көшпелілер ескерткіштерінен табылған сүйек пен мүйізден жасалған жебе ұштарының саны шектеулі. Бұған мысал ретінде Ф.Х. Арсланованың хабарламасын келтіруге болады ол зерттеген Зевакино обасынан табылған 253 дана жебе ұштарының арасынан тек біреуі ғана сүйектен жасалған болып шыққан, қалғандарының барлығы темір жебелер. Осы жалғыз сүйек жебе – ұңғылы томар жебесі, бітімі жұмыртқа тәріздес жұмыр, ұштығы үшқырлы болып келген, әр қырына тікбұрыш тәріздес тесіктер тесілген. Оның пікірінше, бұндай ұштығы бар жебелер терісі бағалы аңдарды аулауға қолданылған [Арсланова 2013: 60].

Одан ертерек анықталған ескерткіштердің деректерінде сүйек пен мүйізден жасалған жебе ұштары суреттелмейді, авторлар көбіне табылған заттарды атап өтумен ғана шектеледі. Жалпы алғанда, ортағасырлық қазақстандық көшпелілердің ескерткіштерінен табылған археологиялық материалдардың ішінде сүйек пен мүйізден жасалған ұңғылы да, сағақты да жебе ұштары кездесіп жатады. мысалы, А. Жданов атындағы ұжымшардың маңынан табылған обаның 5 және 28 қорғандарынан қимасы ромб тәріздес болып келген және жалпақ сағақтарына үшкір құралмен ұзынша және көлденең сызықтар салынған екі сүйек жебе табылған [Арсланова 2013: 167]. Ал 2012–2015 жж. қазылған Қарақаба ортағасырлық қорғандар кешенінен табылған заттардың арасында мүйізден жасалған үш жебе ұшы бар [Отчет Филиала… 2015: 55]. Үшеуі де ұңғылы бөліміне жатады, үшқырлы, мұнара пішіндес. Екеуі жасырын ұңғылы жебелер.

Біздіңше ортағасырлық көшпелілер ортасында сүйек пен мүйізден жасалған жебе ұштарының маңызы қаншалықты болғаны туралы талдау жасау әлі ертерек, себебі осы кезеңнің ескерткіштері әлі де болса жете зерттелмегендер қатарында.

Ортағасырлық көшпелілер қабірлерінен сүйек ысқырықтардың екі типі табылған. Бірінші типке жататын ысқырық үш тесікті, тіреуі шығыңқы біткен пішінде. Ол Шығыс Қазақстан облысы Ұлан ауданы Сағыр ауылының төңірегінен темір жебе ұшымен бірге табылған. Ф.Х. Арсланованың айтуынша бұл үлгіге ұқсастары Кубан жеріндегі Белореченск қорғандарынан табылған және XIV ғ. мерзімделеді [Арсланова2013: 326].

Екінші типтегі сүйек ысқырықтардың өзіне тән көлденеңінен-сопақша келген тесігі болады. Олар Тарбағатай ауданындағы Шілікті ауылының маңындағы 2 қорғаннан [Черников 1961: 6–7], сондай-ақ Қарашат I обасының 26 нысанынан табылған [Археологические памятники…1987: 210], Берел обасының № 25 қорғанынан

(2-сур.) табылған [Самашев 2011: 107].

Қылшан бөліктері сүйек және мүйіз жапсырмалар түрінде, сонымен қатар, пластина-құрсау түрінде болып келеді. Қылшанның сүйек жапсырмалары Жартас обасының 6 нысанынан табылған. Бірінші жапсырма – тікбұрыш пішіндес, ортасында ұзынынан тесілген сопақша келген тесігі бар. Қазба авторлары бұл бұйымды қылшанның белдігімен, атап айтқанда жоғарғы салпыншақ бауымен байланыстырады. Ол қылшанның оң жақ бүйірінің орта тұсына бекітілетін және екінші бау өткізілетін құрсау қызметін атқарған. Қазба авторының пікірінше, алдыңғы бұйымға тек пішіні мен көлемі жағынан ғана емес, тесігінің үстіңгі жағының үйкеліп қалғандығымен де ұқсас келеді [Арсланова 2013: 119–121].

Қылшанның тағы бір сүйек жапсырмасы Жартас обасының 37 нысанының 1 қабірінен табылған. Доғалдана біткен жапсырманың биіктігі 6,5 см болады. Жапсырманың сол жақ шетіне қарай екі сүйек пластина-құрсау бекітілген, осылардың тесігі арқылы салпыншақ бау өткізіп қылшанның ішкі жағына бекіткен. Қазба авторының суреттеуінше осылардың ішіндегі өз орнында жақсы сақталғаны құтының сол жақ бүйірінің төменгі жағын бойлай үшкір жағын жоғары қатара бекітілген. Қалдық түрінде сақталған, әрі өз орнынан жылжып кеткен екінші құрсау осы бүйірінің орта тұсына, болмаса оң бүйірінің төменгі жағына бекітілген болса керек [Арсланова 2013: 124–125].

Ақши II обасының 2 нысанының 1 қабірінен өрнектелген сүйек жапсырмалардың бірнешеуі табылған. Жапсырмалардың ешқайсысы бүтін күйінде табылмағанына қарамастан қазба авторы оның бастапқы пішінін жаңғыртқан және қылшанның қай жерінде орналасқандығын анықтаған. Сәйкес келетін жапсырмаларға қарағанда қылшанның аузының ені 14 см, негізі 19 см тең болған [Арсланова 2013: 160–161].

Қылшандардың астынан табылған сүйек тоғаларды да осы қылшандардың бөліктері деп танымдық. Екі тоға табылған. Біріншісі Жартас обасының 37 нысанының 1 қабірінен шыққан, тілшігі темірден, өзі мүйізден жасалған тоға. Қазба авторының пікірінше осы тоғаның көмегімен (егер оның төменгі ойығы арқылы бау құтының ағаш түбіне бекітілген болса) ерге бекітілетін болған, жіңішке істікке, ілмекке ілінген [Археологические памятники… 1987: 124–125].

Осыған ұқсас бірақ тілшіксіз мүйіз тоға Қарашат I обасының 21 нысанының 2 қабірінен, қылшаннан төменірек жерден шыққан [Археологические памятники… 1987: 199].

Геометриялық өрнектермен безендірілген сүйектен (бәлкім мүйізден) жасалған қылшан жапсырмасы Елеке Сазы ескерткішіндегі «қаған» жерлеу орнынан табылған [Самашев 2021: 30].

Ат әбзелдеріне жататын бұйымдар қатарына сүйек пен мүйізден жасалған сулықтар, айылбастар, ердің қастары, шідер/тұсамыс тиектері және қамшы бөлшектері кіреді. Бұлардың кейбір түрлері көптеп табылса, келесі түрлері әзірше бір-бір данадан, бірақ жапсарлас аумақтардың синхронды ескерткіштерінен олардың барлығына теңдес бұйымдар шыққандығы анықталған.

5-сур. Қарақаба I обасының 13 қорғанынан табылған жер қазуға арналған құрал

Сүйектен және мүйізден жасалған тоғалар қоса жерлеу заттарының ішіндегі ең жиі кездесетін бұйымдар және Г.В. Кубаревтың пікірінше көне түркілер оларды тек айылдарды тартуға ғана қолданған. Ол сүйек пен мүйізден жасалған тоғаларды белдіктерге және т. б. жерлерге қолдануға негіз жоқ деп санаса да [Кубарев 1997: 58] біз оны қылшанның бөлігі деп қарастыруға тәуекел еттік (жоғарғы жақтан қараңыз).

Сүйек пен мүйізден жасалған тоғалардың нақты айылбас түрінде қолданылғандарына келер болсақ, Г.В. Кубарев оларды үш типке бөледі [Кубарев 1997: 202–203]. Бұл

6-сур. Берел обалар кешеніне кіретін № 81 хұн-сяньби жерлеу орнынан табылған тарақ

типтердің ішінде бірнеше нұсқалары бар. Бірінші типтің үш нұсқасы бар: 1а, 1б, 1в; екінші типтің екі нұсқасы бар: 2а, 2б; үшінші типтің де екі нұсқасы бар: 3а және 3б.

Біз қазақстандық материалды Г.В. Кубарев ұсынған типтермен сәйкестендіріп көрдік. Нәтижесінде бізде әрқайсысы екі нұсқадан тұратын екі типке сәйкес келетінін анықтадық. Бірінші тип: 1а және 1б нұсқалары; екінші тип: 2а және 2б. Сонымен қатар екінші типке 2в нұсқасын да жатқыздық, бұл нұсқа Г.В. Кубаревта қарастырылмаған. Қазақстан аумағынан үшінші типтегі айылбастар табылмаған немесе біздің назарымызға ілікпеген.

Г.В. Кубарев келтірген бірінші типке қалқанша немесе жақтауша құрайтын қармауы бар тікбұрышты-созылыңқы пластина түріндегі (немесе жақтауы анық білінетін деп саналатын) айылбастар жатқызылады [Кубарев 1997].

Осы типтің 1а нұсқасына Қарашат I обасының 23 нысанының 1 қабірінен табылған, жоғарында Т-тәріздес, ал төменінде көлденең ойықтары бар айылбас кіреді [Археологические памятники… 1987: 206]. Бұл – темір тілшігі бар, сүйектен жасалған жалпақ келген айылбас.

Ал 1б нұсқасына Ақши I обасының I нысанының 2 қабірінен табылған, тұтас ойығы бар түрі жатады [Археологические памятники… 1987: 149]. Бұл – темір тілшігінің қалдықтары сақталған мүйізден жасалған айылбас. Қабір әйел адамға тиесілі, мүрденің жасы 40–50 жас аралығы. Сондай-ақ, Трофимовка I обасының 3, 6 және 11 қорғандарынан табылған төрт дана айылбас та осы қатарға қосылады [Арсланова 2013: 188].

Г.В. Кубарев белгілеген екінші типке тікбүйірлі, кей кездері жоғары жағына қарай жалпая түскен (немесе жақтауы анық білінбейтін деп саналатын) айылбастар жатады [Кубарев 1997: 202].

Бұл типтің 2а нұсқасына Зевакино обасының 145 қорғанынан табылған, жоғарында Т-тәріздес, ал төменінде көлденең ойықтары бар айылбас кіреді. Бұл – жебе тәріздес болып бітетін, сүйектен тікбұрыш пішіндес етіп жасалған айылбас. Оның жылжымалы сүйек тілшесіне арналған Т-тәріздес ойығы бар, негізгі бөлігінде айылға бекітуге арналған көлденең тесігі бар [Арсланова 2013: 31].

Осы нұсқаға жататын өте қызықты сүйек айылбас Қарақаба II қорымының 5 қорғанынан шыққан. Айылбас пішіні жағынан жақтауы анық білінбейтіндер қатарына кіреді, анық төртбұрыш түрінде, жылжымалы сүйек тілшесі және жоғарғы жағында екі «құлақшасы» бар. Өте жақсы сақталған [Отчет Филиала… 2015: 195].

Ал 2б нұсқасына Қарашат I обасының 26 нысанынан табылған тұтас ойығы бар айылбас жатады [Археологические памятники… 1987: 213]. Айылбас сүйектен жасалған, темір бөліктерінің – тілшесінің және осьтік біліктің қалдықтары сақталған. Өте жақсы сақталған.

Бұл нұсқаға Қарашат II обасының 5 нысанының 1 қабірінен шыққан мүйіз тілшелі мүйізден жасалған айылбас та кіреді [Археологические памятники… 1987: 228]. Сонымен қатар бұндай бұйым Бобровский II обасының 11 қорғанынан да табылған [Арсланова 2013: 188].

Березовский ұжымшарының аумағында орналасқан обаның 6 қорғанынан табылған жылжымалы темір тілшесі бар сүйек тоғаны да осы нұсқаға жатқызуға болады. Қазба авторларының хабарлауынша осыған ұқсас тоғалар Шығыс Қазақстан аумағынан, Кудыргеден және Қурай ауылының маңынан анықталған, VI–VIII ғғ. мерзімделетін көшпелілер қорғандарынан шыққан [Агеева, Максимова 1955: 48],В.В. Радловтың «Сібір жәдігерлері»

жинағына енген деректер қатарында суреттелген [Радлов 1896: 5–6].

Осы нұсқаға жататын тағы бір бұйым Қарақаба I обасының 12 қорғанынан (3а-сур.) табылған [Самашев 2016: 397].

Бөлек-бөлек үш тесігі бар бұйым түріндегі 2в нұсқасына Зевакино қорымының 254 қорғанынан табылған айылбасты жатқызуға болады. Бұны Ф.Х. Арсланова жылжымалы тілшікке арналған Т-тәріздес ойығы бар (тілшігінің өзі жоқ), бір басы қырланған және екінші басы аздап жұмырлана келген сүйек тоға деп суреттейді [Арсланова 2013: 42]. Алайда Ю.С. Худяков Ф.Х. Арсланованың берген суреттемесіне түзету енгізеді, пішінінен гөрі өрнегіне мән беру керектігіне тоқталады және бұндай бұйымның Қазақстан аумағынан ғана емес шекаралас өңірлерден де бұрын-соңды кездеспегендігін атап өтеді [Худяков, Сиражева 2015: 433–436].

Осы нұсқаға жататын екінші тоға да Зевакино обасынан табылған. Жоғарыда аталған тоғамен пішіндес келген, сонымен қатар, оның жылжымалы сүйек тілшесі сақталған. Өрнексіз [Арсланова 2013: 84]. Кейде тоғаның өзі жоқ, бірақ сүйек тілшесі табылатын кездері де болады.

Сүйек пен мүйізден жасалған сулықтары бар ауыздықтар. Г.В. Кубарев мүйіз сулықты ауыздықтарды екі топқа бөледі: бірінші типті ол жай ғана «мүйіз сулықты ауыздықтар» деп атаған, екіншісіне «білікті, қос тесікті мүйіз сулықтары бар ауыздықтар» деген анықтама береді [Кубарев 1997: 179].

Қазақстан жерінен де сүйек пен мүйізден жасалған сулықтары бар ауыздықтың екі түрі табылған: біріншісі иіліңкі келген сүйектен жасалған сулығы бар сегіздік тәріздес темір ауыздықтар, екіншілері – қостесікті мүйіз сулықтары бар темір ауыздықтар.

Бірінші типке жататын ауыздықтар Зевакино қорымының 145 қорғанынан табылған. Бұйымды Ф.Х. Арсланова былай суреттеген: «екі бөліктен тұратын темір ауыздықтардың шеттері сегіздік тәріздендіре жасалған және қосымша сыртқы сақиналары бар; иіліңкі келген сүйек сулықтар ауыздықтың ішкі сақиналарына бекітілген, сулықтың бір ұшы етік тәрізді болып келген, ал қарсы жағының екі шеті «қашау» етіп үшкірленген; орта тұсында темір тоғындар кигізуге арналған екі кішкентай тесігі бар, тесіктердің ішкі жағынан соның тотығы қалған» [Арсланова 2013: 31].

7-сур. Берел обасының № 16С қорғанынан табылған белдік салпыншағы

Сүйектен жасалған сулығы бар тағы бір сегіздік тәріздес темір ауыздық Зевакино обасының 3 қорғанынан шыққан. Ф.Х. Арсланованың пікірінше сүйек сулықты ауыздықтардың бұл түрі Шығыс Қазақстан ғана емес көршілес аймақтардан да көптеп табылады [Арсланова 2013: 53].

Сүйек сулықты ауыздықтардың екінші типіне Шығыс Қазақстан облысы Тарбағатай ауданындағы Шағаноба обасының 4 қорғанынан табылған ауыздықтар жатады. Ф.Х. Арсланова бұйымның бұл түрін кудыргэ ауыздықтарын талдаған А.А. Гавриловаға сілтеме жасай отырып VI–VII ғғ. мерзімдейді [Арсланова 2013: 324].

Осы типке жататын тағы бір ауыздық Зевакино қорымының 253 қорғанының 2 қабірінен шыққан. Бұл – қос тесікті сүйек сулығы бар, екі бөліктен тұратын темір ауыздық, сулығының бір басы «қашау» түрінде үшкірленген, екінші басы екіге айырылған («балық құйрық») [Арсланова 2013: 42].

Осындай, иіліңкі келген басын балық құйрығы тәріздендіре жасаған мүйіз сулығы бар ауыздық Ақши III обасының 2 нысанының 2 қорымынан шыққан жылқының тісінде болған [Археологические памятники… 1987: 58], сонымен қатар Қарақаба I обалар кешенінің 9 қорғанынан да анықталған [Отчет Филиала… 2015: 145].

Зевакино обасының 254 қорғанынан табылған ауыздықты да осы типке қосуға тәуекел етіп отырмыз. Нашар сақталғандықтан ауыздықтың пішінін қалпына келтіру мүмкін емес. Ф.Х. Арсланованың суреттеуінше сүйек сулықтар аздап иіліңкі келген білік түрінде болған бір басы үшкірленген, екінші басы екіге айырылған; орта тұсында бекіткіш тоғынды өткізуге арналған қосарлы тесіктері бар болғандықтан бұл ауыздық алдыңғыларына ұқсас болған деп болжауға мүмкіндік береді [Арсланова 2013: 42].

Екінші типке жататын бұйымдар қатарына Қарақаба I обасының 12 қорғанынан (3ә-сур.) табылған мүйіз сулық та кіреді [Самашев 2016: 397].

Ердің қастарының сүйек жапсырмаларының екі түрі белгілі. Екеуі де Жданов обасының 19 және 25 қорғандарынан табылған [Арсланова 2013: 167]. Он тоғызыншы қорғаннан табылған сүйек жапсырма циркульдік өрнекпен безендірілген сүйек пластина түрінде,

ал 25 қорғаннан табылған жапсырманың өрнектері жоқ. Оларды қазба авторы жақсылап суреттемегендіктен оларға дұрыс талдау жасап, ұқсас дүниелерді анықтау қиынға түседі. Дегенмен ердің қастарын мүйізден жасалған жапсырмалармен безендіру қарастырылып отырған кезеңде Алтайдан Қырғызстанға дейін кеңінен таралған, арасында ерекше мәнерлі бұйымдар да кездеседі.

Шідер/тұсамыс тиектері ат-әбзелдеріне қатысты бұйымдардың ішінде жиі кездесетіндер қатарына жатады және жылқыны шідерлеуге/тұсауға қолданылған [Кубарев 1997: 208], алайда қазақ жерінің ортағасырлық көшпелілері олардың ағаштан жасалған түрін анағұрлым жиі пайдаланған. Г.В. Кубарев Алтайда олардың бірнеше пішіні кездеседі деп жазады: арқасы тік немесе доғал түрі, үшбұрыш тәріздестері, шеттері томпақтау келген теңбүйірлі түрлері және т. б. Сондай-ақ ол бұларды ескерткішті мерзімдеуге қолдануға жарамсыз деп санайды және де Б.Б. Овчинниковаың шідер/тұсамыс тиектерін типтерге бөлуін жөнсіз деп келтіреді [Кубарев 1997: 208].

Сүйектен жасалған шідер/тұсамыс тиектерінің үш данасы Қарашат I обасының 9 нысанынан, сондай-ақ, Берел обасының № 25 қорғанынан (4-сур.) және Қарақаба I обасының 9 қорғанынан анықталған [Археологические памятники… 1987: 182; Самашев 2011: 107; Отчет Филиала… 2015: 146].

Кейде ортағасырлық көшпелілер қабірінен не зат екені белгісіз сүйек пластиналар шығып жатады. Осындай бұйымдардың бірі – мүйізден трапеция тәріздендіріп жасалған пластина Жартас обасының 7 нысанынан шыққан [Археологические памятники… 1987: 122]. Сондай-ақ Ақши II обасының 2 нысанының 1 қабірінен шыққан қимасында дөңгелек келген, ортасынан майыстырылған білік өткізілген жұқа пластинаның да қандай қызмет атқарғандығы беймәлім [Археологические памятники… 1987: 161].Тағыда осындай не екендігі әзірше түсініксіз үш бұйым Қарақаба II обасының№ 5 қорғанынан табылып отыр [Отчет Филиала… 2015: 198]. Бірінші бұйым – диаметрі дөңгелек болып келген, ұзынша конус түріндегі, өлшемдері: ұзындығы – 6,5 см, диаметрі – 2×3–1,8×2,5 см болатын мүйіздің сынығы; екінші жәдігер – олақтау етіп өңделген мүйіздің үшкірлене біткен жағы, бұл шамасы алдыңғы бұйымның құрамдас элементі болар. Өлшемдері: ұзындығы – 5,2 см, диаметрі – 0,72 см Табылған заттардың үшіншісі – бүйірінің орта тұсында үшбұрышты ойықтары бар, қырланып, тікбұрыш пішін берілген мүйіздің немесе жіліктің шағын фрагменті, өлшемі: ұзындығы – 5,2 см, ені – 1,6×1,8 см, қалыңдығы – 90 мм. Олардың бұрын-соңды бұзылмаған қорғандардан жылқының жанынан немесе үстінен табылуына қарап ат-әбзелдерінің бір бөлшегі болуы мүмкін деп болжаймыз. Бәлкім сулықтың сақталып қалған бөлшегі болар, сондай-ақ, жүгеннің белгілі бір элементтерін бекітуге арналған бұйымдар болуы да мүмкін.

Тұрмыстық құралдар, киім бөлшектері, сондай-ақ культтік бұйымдар мен ойынға арналған заттар. Қазақ Алтайы ғана емес, жалпы Қазақстан бойынша да ортағасырлық көшпелілер ескерткіштері жеткілікті дәрежеде зерттеле қоймағандықтан және осы уақытқа дейін табылып, ғылыми айналымға енгізілген жәдігерлердің арасында жоғарыда аталған топқа жататын сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдар саны өте аз болғандықтан оларды біріктіріп, жалғыз-жарымы ғана кездесетін бұйымдардан бастап келтіргенді жөн көрдік.

Біз тәріздес етіп сүйектен жасалған білік, орта тұсы аздап қырланған, Қарашат II обасының 5 нысанының 1 қабірінен шыққан [Археологические памятники…1987: 228]. Бұндай бұйым әзірше біреу ғана.

Жер қазуға арналған мүйіз құрал Қарақаба I обасының 13 қорғанынан табылған (5-сур.). Ерте ортағасырлармен мерзімделетін бұл бұйым ерте темір дәуіріндегі осыған ұқсас құралдармен салыстырғанда қарапайымдау өңделгенгенімен ерекшеленеді және сүйек ұқсату ісіндегі технологиялық жаңашылдықты көрсетуге қауқарсыз архаикалық дүние болып саналады. Ғылыми айналымға жан-жақты талданып енгізілген жәдігерлер қатарына жатады [Бородовский 2017: 112–123].

Сүйектен жасалған тарақтың сынығы Жданов обасының 14 қорғанынан шыққан, «бокка» бас киімінің ішкі, етек жағынан табылған [Арсланова 2013: 189]. Сондай-ақ, Берел обалар кешеніне кіретін №81 хұнсяньби жерлеу орнынан (6-сур.) мүйізден жасалған тарақ анықталған [Самашев 2019: 389]. Соңғысы – мүйізден жасалған тарақ ортағасырлық көшпелілер тұрмысына алдыңғы буыннан сабақтасып жеткен деп болжам жасауға мүмкіндік беріп отыр.

Біздің білуімізше Қазақстан аумағынан бұлардан басқа мұндай жәдігер табылған жоқ, тіпті қазба барысында сүйектен немесе мүйізден жасалған тарақ іздерінің кездескені туралы жазбаша болса да мәлімет жоқ. Бұл Г.В. Кубаревтың тарақтарды сирек кездесетін жәдігерлер қатарына жатқызуының орынды екендігін көрсетеді. Ол бұндай бұйымдардың әйелдердің де, ерлердің де қабірлерінен шыға беретіндігін, ескерткішті мерзімдеуге жарамды заттар қатарына кірмейтіндігін келтіреді [Кубарев 1997: 119]. Г.В. Кубаревтың бұл пікірімен келісуге болады, сондай-ақ күнделікті тұрмыста сүйек пен мүйізден жасалған тарақ қолданылғанын ғана атап өте аламыз, алайда олар өте сирек жасалды және/

немесе қолданылды деп кесіп-пішіп айта алмаймыз; бәлкім бұл бұйым міндетті түрде қоса жерленетін заттар тізіміне енбеген болуы да ықтимал. Нақты табылып отырған жағдайға келетін болсақ, ол қабірге «бокка» бас киімін бекіту үшін қолданылған күйі түскен болуы мүмкін.

Сүйектен жасалған құрсау-шашбаудың цилиндр пішіндес түрі Қоғалы I обасының 9 нысанының 3 қабіріндегі мүрденің бас сүйегінің астынан шыққан [Археологические памятники… 1987: 239]. Сондай-ақ, Жданов обасының 16 қорғанындағы шашылып жатқан адам сүйегінің арасынан ұшында көлденең тесігі бар қуыс түтікше табылған [Арсланова 2013: 188]. Ф.Х. Арсланова шашбаулар қимақ әйелдерінің киім киісіндегі міндетті бұйым болған деп жазады [Арсланова 2013:330].

Сүйектен және мүйізден жасалған белдік салпыншақтары. Белдіктің мүйізден жасалған салпыншағы Жартас обасының 80 нысанының 1 жерлеу орнынан табылған [Археологические памятники… 1987: 128]. Мүйіздің ұшынан аздап иіп жасаған бұйым. Бұйымның жартысына жуығы ұзына бойына ішкі жағынан тесілген, сыртына түгелдей оймышталған өрнек түсірілген. Қазба авторының суреттеуінше өрнектің негізгі элементі тігінен түсірілген өсімдік сабағы, оның екі жағында симметриялы түрде жайылып барып түрліше бейнеленген (төменгісі – дөңгелектеу, жоғарғысы – кей жері сүйірлене біткен), төмен қарай салбырап тұрған үшқұлақ өскіндері бар. Осы екі өскіннің арасында симметриялы түрде жайылған екі жалпақ жапырағы, олардың ортасынан шығып тұрған гүлшанағы бар гүл бейнеленген. Осы композиция толығымен бұйымның өзара перпендикуляр төрт бетіне де түсірілген, жандары масақ тәріздес екі ұзын сызықтармен шектелген. Бұйымның жоғарғы бөлігі дөңгелене келген үшқұлақ түріндегі өскіндердің тағы екі жұбымен әрленген, ал төменгісі – ырғақты түрде қайталау арқылы «тәж» түзген енсіз сопақша өрнекпен безендірілген, онысы тесіктің төменгі жағына қарай бірігіп кеткен [Археологические памятники… 1987: 129].

Егер Прокопий Кессарискийдің: «патшаның рұқсатынсыз ешкімнің белдікте, тоға да тағуына болмайды» дегені (А.Г. Максимованың сілтемесі бойынша) [Максимова 1968: 151], онда бұл бұйымдар жоғары шенді біреуге тиесілі болса керек. Дегенмен, этнографиялық кезеңге дейін жеткен дәстүр бойынша әрбір салт атты көшпелінің белдігі болған және онысына бүкіл керек-жарағын іліп жүрген. Ал белдіктің өрнектелуі ол өз алдына жеке зерттеуді қажет ететін мәселе. Белдіктің неден жасалғаны, безендірілуі иесінің дәулетін көрсетіп тұратын болған.

Ер адам белдігінің сүйектен жасалған салпыншағы Берел обасының № 16С қорғанынан да [Самашев 2011: 114] анықталған (7-сур.).

Асықтар – қоса жерленетін заттардың ішіндегі ең жиі кездесетін бұйым. Ерлердің, әйелдердің және балалардың қабірлерінен бір данадан бастап бірнеше жүзге дейін жететін асықтар шығып жатады. Әдетте олар саны жағынан үлкендерге қарағанда балалардың қабірлерінде басымырақ болады.

Тесік жасалған және тесілмеген асықтар бір-бір данадан Жартас обасының 37 нысанының 1 және 2 қабірлерінен [Археологические памятники… 1987: 124, 126], Измайлов обасының 14 нысанының 1 қабірінен [Археологические памятники… 1987: 137], Қарашат I обасының 21 нысанының 2 қабірінен табылған[Археологические памятники… 1987: 198].

Шемонойха ауданындағы Орловка ауылына қарсы бетте жатқан 1 қорғаннан бір жерде үйіліп жатқан жиырма сегіз асық табылған, олардың екеуі – жабайы қабанның, қалғандары – қойдың асықтары. Ф.Х. Арсланованың пікірінше, 1 қорғаннан табылған асықтар ойыншық болса керек және күні бүгінге дейін жетіп отырған асық ойыны ортағасырлық ертіс бойының тайпаларында да болғандығын білдіреді [Арсланова 2013: 192].

Ақши I обасының 1 нысанында қоса жерленген асықтар назар аударарлық [Археологические памятники… 1987: 146]. Қазба авторының пікірінше бұны жерлеу салтының қызықты деталі деп тануға болады, себебі қорған қазбаның жалпақтау жиегінің шығыс жақ шетін тереңдете түсу барысында шұқыршаққа (0,25 м) 255 қой асығы шыққан. Шұқыршақ орталық қоршаудың сыртқы қабырғасынан 2,4 м жерде, қабірдің ұзынша осьтік сызықшасын жалғастыратын сызық бойында орналасқан.

Қазба авторы асықтарды келесідей суреттеген. Жеті асық әр жерінен тесілген. Біреуінің тесігі жанына қарай аздап ойылып кеңейтілген, екіншісінің де осындай ойығы бар және қарсы бетінде өрнек таңбасы бар. Он сегіз асық түрліше салынған түзу сызықтармен өрнектелген. Өрнек асықтың енді немесе енсіз беттерінің біреуіне, кей жағдайда екі бетіне де түсірілген. Тесілмеген, өрнектелмеген асықтардың бірінің бүйіріне, үстіне ойық жасалған.

Бізге белгілі этнографиялық деректер бойынша ересектер балаларының ойнайтын асықтарын түрліше безендіріп беретін болған, әртүрлі түстерге бояған; ертеректе қорғасын, күміс немесе алтын құйған. Өткен ғасырларда қазақтар баласы өлген жағдайда асықтарын балаларының жанына жерлеген. Нанымм-

сенімдерге байланысты басқа балаларға бергісі келмеген, нақтырақ айтқанда басқа адамдар алмаған және де әлі күнге дейін ырымдап өлген баланың киімдерін, ойыншықтарын немесе басқа да заттарын алмайды. Қазақ еркегі әйелі жүкті кезде ырымға сеніп асық жинаған, асықты жілікті мүжіген сайын асығын тазалап алып жинап қоятын болған, асық ұл бала шақырады деп сенген. Ал егер сәби шетінеп кетсе немесе анасы босана алмай дүние салса асықтарды солармен бірге жерлеген, бірақ мүрдемен бірге қабір шұңқырына қою міндетті болмаған; кей кездері оларды моланың басына апарып тастаған немесе қабірдің бас жағына көмген. Жоғарыда келтіріліп отырған жағдайда нысанның төрт қабірінің бірінде нәрестелі жас әйел жерленгендіктен біздің ойымызша бұл асықтар соларға тиесілі. Қазақтар арасында ортағасырлардан бері әлі күнге дейін әртүрлі нанымсенімдердің белгілері сақталғандықтан бұл қисынға келеді.

Қоса жерленетін бұйымдардың қатарындағы кәрі жілікті культтік заттарға жатқызуға болады деп санаймыз. Оны тек марқұмға бағышталған азық ретінде қарастыру жеткіліксіз, одан басқада бір үлкен мәнмағынасы болған. Бұл жағдай Ф.Х. Арсланованың назарынан да тыс қалмаған, ол С.М. Абрамзонның қырғыз малшылары кәрі жілікке бойтұмар ретінде үлкен мән беретіндігі туралы жазғанын алға тартқан [Арсланова 2013: 147]. Бірақ ол кәрі жіліктің қазақтар үшін әлі күнге тұмар есебінде екендігін ескермеген. Этнографиялық әдебиеттерде жиі жазылып жүрген жағдай. Біз тек бұл жерде дәл осы наным-сенімнің ерте ортағасырлардан келе жатқандығын көрсетеді деген болжам жасай аламыз.

Талқылаулар

Сүйек ұқсату ісі – ортағасырлық көшпелілердің материалдық мәдениетінде ағаш ою, тас қашау, ұсталық өнерлерімен, сондай-ақ әртүрлі жануарлардан алынатын шикізаттың басқа да түрлерін өңдеу кәсіптерімен қатар тұратын сала. Б.Б. Овчинникова осы жөнінде: «Көне түркі шеберлері сүйек өңдеудің мынадай бірнеше әдістерін білген: үлдірлі, бедерлі, көлемді және нақышты» деп жазады [Овчинникова 2003: 262–270]. Г.В. Кубарев бұл пікірді былайша нақтылай түседі: «Сүйекті мәнерлеп оюды өңдеу техникасына қарай көлемді, бедерлі және нақышты деп бөледі. Сүйек/мүйіз ұқсатудың бұл түрлері, сондай-ақ бір бұйымның бойынан осылардың бірнешеуінің кездесуі көне түркі дәуірінің оймышталған сүйек бұйымдарына да толығымен тән болып келеді» [Кубарев 2012: 40–45].

Г.В. Кубарев: «Қырық жыл бұрын Б.И. Маршак көне түркі дәуіріндегі далалық өнері әлі күнге белгісіз болып қалуда деген болатын. Өткен жылдары Оңтүстік Сібір мен Орталық Азия аумағындағы көне түркі жерлеу және аза тұту ескерткіштері көптеп зерттелді. Бұл деректердің көпшілігі ғылыми айналымға енгізілді, олардың біразында сүйек ұқсату өнерінің сәндік үлгілері кездеседі», дейді [Кубарев 2012: 40–45]. Шынымен де қазіргі уақытта қызметтік маңызы әртүрлі сүйек бұйымдардың оннан астам түрі/атауы белгілі болып қалды: садақ жапсырмалары, ердің алдыңғы қасының жапсырмалары, қылшанның әшекей бөлшектері, ұштықтар және қамшы саптары, инелер, тарақтар, жебе ұштары, тоғалар, асатаяқтың басы, егеу саптары, түйіншек жасауға арналған құралдар, әшекей бұйымдар, сондай-ақ, қандай қызмет атқарғанын анықтау әзірше мүмкін болмай отырған заттар [Овчинникова 2003; Кубарев 1997; Арсланова 2013; Иванов, Кригер 1988]. Бұл бұйымдар көне түркілердің жерлеу орындарынан, кей кездері, өте сирек жағдайларда аза тұту ескерткіштерінен табылып жатады және тек қана тұтынушылық маңызға ие болып келеді [Кубарев 2012: 40].

Дегенмен Қазақ Алтайын мекен еткен ортағасырлық көшпелілердің материалдық мәдениетінде сүйек ұқсату ісі алдыңғы немесе кейінгі кезеңдермен, сондай-ақ шекаралас аймақтармен салыстырғанда аса дамымағанын мойындау қажет.

Қазақ Алтайы ортағасырлық көшпелілерінің жерлеу орындарынан шыққан сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдардың түрлері өте аз, шамасы осы уақыттарда ортағасырлық көшпелілердің шаруашылық өмірінде әлдебір өзгерістер орын алған болуы мүмкін.

Жалпы, Еуразияның ортағасырлық көшпелілерінің шаруашылығын зерттеу мәселесі жаңа әдіс-тәсілдердің енгізілуін талап етеді. Себебі ол сүйек ұқсату ісінің дамуын анықтаушы негізгі фактор болып табылады. Бұл жөнінде Б. Көмековтың мына пікірі орынды: «шетелдіктердің ежелгі және ортағасырлық тарихнамасында Ұлы даланы мекен еткен түркі тілдес халықтар мен тайпалардың мал шаруашылығы мен аңшылықтан басқа кәсіпті білмейтіндей етіп сипатталуы міндетті трафарет болып кетті. Алайда, бір-бірімен еш байланысы жоқ ортағасырлық авторлар жазба деректерінің осы бөлігінде мүлдем басқа мәліметтер беріп, IX–XII ғғ. көшпелілердің қала мәдениетін меңгергені туралы хабарлайды» [Кумеков 2004: 87–92]. Зерттеушілер көбіне ортағасырлық көшпелілерді «Түркілер де көшпелі: олар шөл далаларда тұрып мал өсірумен шұғылданады. Олар араб еместердің бәдәуилері, сондай-ақ арабтардың ішіндегі күрдтердің бану хузай-

лы тәрізді. Қолөнер, сауда, медицина, егіншілік, инженерлік, бағбандық, құрылысшылық, су тарту және егін жинау тәрізді еңбектерден бас тартып, бар күштерін тек жаулап алуға, шапқыншылыққа, салт атты жүруге, батырлардың сайыпқырандығына, барымтаға және жерлерді басып алуға жұмсайды, өз әлеуеттерін тек осыған бағыттап, осымен шектеліп және біте қайнасып кеткен, әбден жетілдіргендері соншалықты осыны негізгі кәсіптеріне айналдырған, олардың саудасы да, ләззаты да, бар мақтанарлығы да, түнгі әңгімелеріне өзек етерлігі де осы» деп келтірілген «Түркілердің және халифтың өзге де әскерлерінің қасиеттері туралы әл-Фатх бен Хаканға жолдау» тәрізді деректердің жетегінде кетіп жатады [Асадов 1993: 92]* (*аудармасы автордікі – ред.). Қазіргі уақытта қолда бар жазба және археологиялық деректерді негізге ала отырып, көне түркілерді жағымсыз етіп суреттеген осы сыңаржақ деректі күмәнды деп тануға негіз бар.

Егер бұл дерекке сүйенер болсақ, онда түркілер күнделікті тұрмыс-тіршіліктеріне қажетті бұйымдарды әскери олжалар арқылы тауып отырған. Алайда Б. Көмеков Ә.Х. Марғұланның еңбектеріне сілтеме жасай отырып қимақ-қыпшақ тайпалары орналасқан аумақтарда бай мәдениет болғандығын, оның дәлелі Сарысу, Кеңгір, Торғай және Нұра өзендерін бойлай жатқан су арналарының, ауқатты адамдардың көпмұнаралы сарайларының қирандылары екендігін жазады [Кумеков 1972: 88].

Ал сол мезгілдерде Азия көшпелілерінің батысқа қарай жаппай қозғалуының уақытша үдеуі басталады, ол IX ғ. орта шенінен XI ғ. ортасына дейін созылады, Еуразия даласында печенег, оғыз, қыпшақ тайпалары көштерінің бірнеше толқыны жүріп өтеді. Бұл В.А. Иванов пен В.А. Кригердің бірлесіп жазған еңбегінде біршама қисынды түсіндіріледі [Иванов, Кригер 1988: 4]. Олар көшпелілердің қоныс аударуы тізбекті реакция, бір тайпалар көршілерінің жайылымдық жерлерін басып алған кезде кейінгілері басқа аумақтарға ығысуға мәжбүр болған деп жазады. Алайда көшпелілердің бұдан басқа да маңызды себептері болғанға ұқсайды. Зерттеушілердің пікірінше бұл жергілікті жердің шұрайлылығына, ал ол өз кезегінде климатқа тәуелді экстенсивті мал шаруашылығына тікелей тәуелділіктен туындаған жағдай. Бұдан әрі олар Л.Н. Гумилевтің зерттеулеріне сүйене отырып, Каспий теңізі деңгейінің құбылуы Арал теңізінің және Балқаш көлінің де құбылу деңгейіне сәйкескен деген тұжырымға келеді де осы арқылы Каспий мен Ертіс аралығындағы көшпелі тайпалар шамалас келетін климаттық жағдайда өмір сүргендігін дәлелдеді. Сонымен қатар мынадай заңдылықтың болғанын келтіреді: «X ғ. аридтік зона ақырындап құрғай бастауы және циклондар бағытының солтүстікке ауысуы Каспий теңізі деңгейінің көтерілуіне ықпал етеді, нәтижесінде оғыз тайпаларының Елек, Еділ өзендерінің бойына, ал печенег тайпаларының оңтүстік орыс далаларына жаппай қоныс аударуына алып келеді. Мұндай қоныс аудару көшпелілердің көшпеліліктің бірінші сатысына ауысқандығын білдіреді, бұны номадтардың жылжыған жерлерінде археологиялық ескерткіштердің аз болуынан байқауға болады» [Иванов, Кригер 1988: 5].

Зерттеушілердің жоғарыда келтірілген бақылаулары Қазақстан аумағында ортағасырлық көшпелілер ескерткіштерінің таралуының әркелкілігіне, яғни бір кезеңдерде бір жерлерде мүлдем кездеспеуіне, ал екінші кезеңде көптеп шоғырлануына түсініктеме бола алады. Осыған сәйкес сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдар да біресе көптеп табылады, біресе өте сирек кездесіп жатады.

Алайда ортағасырлық көшпелілер осы бұйымдарды өздері жасады ма, жоқ әлде отырықшы халықтардан алып отырды ма деген мәселе басы ашық күйінде қалып отыр. Б.Б. Овчинниковаңың сипаттауынша Саян Алтайын мекен еткен көне түркі шеберлері қажетті бұйымдарды түрлі әдістермен өздері жасап алатын болған: бөлшектеген, кескен, тескен, артық жерлерін қырнап алып тастап отырған [Овчинникова 2003: 267]. Бұл бұйымдардың бетін нақышты немесе бедерлі өрнектермен безендірген, ал басын немесе ұшын көлемді түйіншек, жануарлардың басы және т. т. түрінде оймыштаған [Кубарев 2012: 40].

Б. Көмековте әл-Джахизден алынды делінетін мынадай мәлімет бар: «Түрік қолөнер бұйымдарын жасау барысында барлық нәрсені өзі атқарады, жолдастарынан көмек, достарынан ақыл сұрамайды; олар (түркілер) қару-жарақ, жебе ұштары, ер-тұрман, қылшан, найза жасайды» [Кумеков 1972: 96].

Негізінде, ортағасырлық көшпелілерде сүйек және мүйіз шикізаттарын алудың барлық мүмкіндіктері болды, себебі олар үй жануарларының барлық түрін өсірді, аң ауламен де айналысты. Алайда қоғамдағы терең жіктеліс бір жағынан – көшпелі ақсүйектер тобының қалыптасуына, екінші жағынан – көшпелілердің едәуір бөлігінің кедейленуіне алып келді, соңғылары отырықшылық тұрмысқа бейімделді [Кумеков 1972: 119]. Б. Көмеков «Түркінің далалық өркениетіндегі жалпылық және жалқылық туралы» мақаласында қимақ мемлекеті далалық және қалалық халықтардан құралғанын жазады [Кумеков 2004: 87–92]. Нәтижесінде, көшпелілер

өздеріне қажетті бұйымдарды өздері жасап алған деп кесіп-пішіп айтуға да келмейді. Біріншіден, егер олар көшпелі ақсүйектер болса өздеріне лайықты емес, «қара» жұмыспен айналысу мүмкін бе; екіншіден, қажетті заттарды тұрақты түрде жасап отыратын, бұйымның түр-түрін ұсына алатын отырықшы халықтан алып отырған әлдеқайда тиімді емес пе?

Бірақ, тағы бір қырынан алғанда көшпелілер өздеріне аяқ астынан бірнәрсе қажет болып қалған сайын отырықшы қоңсыларына «базарға шапқылап» отыра ма? Олай болса қажетті бұйымды қолда бар нәрселерден жасап алған тиімдірек көрінетін тәрізді.

Бұл сұрақтарға нақты жауап беру үшін барынша көп археологиялық материалдарды қарастыру қажет, ал Қазақстанның ортағасырлық көшпелілерінің ескерткіштері әлі де болса толық зерттеліп үлгермей жатқандықтан дерек жағы шектеулі. Мәселенің басы ашық қалуы да осы себепті.

Қорытынды

Қазақ Алтайы ортағасырлық ескерткіштері әлі күнге толық зерттеліп болған жоқ. Оның үстіне ертеректе зерттелгендерінен шыққан сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдар археологтар тарапынан жете көңіл бөлінбеуі себепті сақталмаған не болмаса сипатталмаған болып келеді. Сол себепті осы мақала аясында қарастырылып отырған аумақ пен уақыт шеңберіне тән сүйек өңдеу ісі жәдігерлерін түгел қамтыдық деуден аулақпыз. Әзірше тек негізгі дегендеріне тоқталып, мәселенің ұшығын шығарып қою ғана мүмкін болып отыр.

Сонымен, сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдарды формальды белгілеріне қарай негізгі/жалпылама үш топқа бөлуге болатыны жоғарыда айтылып, мүмкіндігінше сипатталды. Сүйек ұқсату ісі жәдігерлерін зерттеу Қазақ Алтайының ортағасырлық ескерткіштерінің шекаралас жатқан Таулы Алтай, Оңтүстік және Батыс Сібір ескерткіштерімен синхронды екендігін нақтылай түсті.

Орта ғасырларда кәсіптің бұл түрі қалдықсыз шаруашылықтың бір бөлігін құрады. Әрбір үй жануары өз өнімін беретіндіктен, ал малшаруашылық өнімдері толығымен тұтынылып отырғандықтан бұл шын мәнісінде еш қалдықсыз өндіріс болды. Ортағасырлық көшпелілер сүйек пен мүйізден жасалған құралдарын тозығы жеткен сайын алмастырып отырған, оларды тұрмыстық қалдық есебінде көзін жойып, орнына басқа бұйымдар жасап алған. Бұл бір жағынан көшпелі өмір салтының талабына да сәйкес келеді. Сүйек шикізат жеткілікті болғандықтан, әр көшіп-қонған сайын жүк қылып тасып жүрмей, жаңасын жонып алған әлдеқайда оңтайлы болды. XX ғ. ортасына дейінгі қазақтардың тұрмыс салтын негізге алып айтар болсақ, көшпелілер сүйек бұйымдардың қалдықтарын қайта өңдеген (сабын және т. т. жасау кезінде қолданылған) немесе түбегейлі жойып отырған. Әйтпесе киесі ұрады деп санаған.

Жерлеу орындарынан табылған заттарды негізге ала отырып, көптеген түркі халықтарында әлі күнге дейін сақталған сүйек пен мүйізге қатысты кейбір наным-сенімдердің де осы орта ғасырларда қалыптаса бастағаны туралы айтуға болады.

ӘДЕБИЕТ

Агеева Е.И., Максимова А.Г.Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года // Труды ИИАЭ КазССР. 1959. Т. 7 (Археология). С. 32–58.

Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья / Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. III. Астана: Изд. гр. ФИА, 2013. 405 с.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1987. 280 с.

Асадов Ф.М.Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку: Элм, 1993. 204 с.

Ахметжан Қ.С. Жараған темір кигендер (Батырлардың қару-жарағы, әскери өнері, салт-дәстүрлері). Алматы: РГЖИ «Дәуір» АО «Томол», 1996. 256 б.

Бородовский А.П., Самашев З.С., Сиражева Б.А. Средневековое погребение с признаками первичной разделки рогового сырья на юго-западе Алтая // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 425. С. 112–123.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 96 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников): дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1997. 294 с. +прил.

Кубарев Г.В. Орнаментальные мотивы в косторезном искусстве древних тюрок Южной Сибири и Центральной Азии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 40–45.

Кумеков Б.Государство кимаков IX–X вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.

Кумеков Б. Об общем и особенном тюркской степной цивилизации. Об общем и особенном в развитии тюркской степной цивилизации // Journal of Turkic Civilization studies. 2004. № 1. С. 87–92.

Максимова А.Г. Средневековые погребения Семиречья // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 146–158.

Овчинникова В.В. Косторезное искусство древних тюрков Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье: м-лы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. Кн. II. СПб.: Изд-во ГосЭрмитажа, 2003. С. 262–270.

Отчет Филиала РГКП «Институт археологии им. А.Х. Маргулана» КН МОН РК в г. Астана, о научно-исследовательской работе по теме: «Древность и средневековье Казахских степей: изучение проблемы в контексте преемственности» (итоговый). Науч. рук.: Самашев З. Астана: ФИА, 2015. 226 с., с прил.

Радлов В.В. Сибирские древности: из путевых записок по Сибири / В.В. Радлов; пер. с нем. [и предисл.] А.А. Бобринского. СПб., 1896. [2], 70 с., 11 л. ил.

Самашев З., Ермолаева А., Кущ Г. Қазақ Алтайының көне қазыналары. Алматы: Өнер, 2008. 200 б.

Самашев З. Берел. Алматы: Изд. дом «Таймас», 2011. 236 с.

Самашев З. Памятники средневековых кочевников верховий р. Каракаба в Казахском Алтае // Алтай в кругу евразийских древностей: коллективная монография, посвящ. 70-летию В.Д. Кубарева / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2016. С. 379–409.

Самашев З., Кариев Е.М., Ерболатов С.Е. Хунну-Сяньбэйский культурно-хронологический горизонт Береля // Маргулановские чтения-2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Гл. ред. Б.А. Байтанаев, отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019.С. 385–393.

Самашев З.С. Древнетюркский культово-поминальный комплекс в Восточном Казахстане // II Есикские чтения: сб. м-лов междунар. науч.-практ. конф.: «Возникновение и развитие государственности степного пояса Евразии: предпосылки, этапы, последствия» (Иссык, 22 ноября 2021 г.) / Отв. ред. Г.Р. Мухтарова. Алматы: Қазақ университеті, 2021. С. 6–45.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С., Сиражева Б.А. Орнамент на подпружных пряжках из кимакских захоронений в Восточном Казахстане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2015. Т. XXI.С. 433–436.

Черников С.С. Отчет о работе Восточно-Казахстанской экспедиции ЛОИА АН СССР, 1961 г. // Архив ИИАЭ АН КазССР, д. 299.

А.К. АЙТКАЛИ
А.С. ЖУНИСХАНОВ

Азат Калыулы Айткали,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының
Нұр-Сұлтан қаласындағы филиалы,
Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан; azza_semsk@mail.ru
Айдын Сенгалиевич Жунисханов,
Л.Н. Гумилев атындағы
Еуразия ұлттық университеті,
Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан;
aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz

СЕМЕЙ ӨҢІРІНДЕГІ ЕРТЕ ТЕМІР ДӘУІРІ ЕСКЕРТКІШТЕРІН ЗЕРТТЕУДІҢ АЛҒАШҚЫ НӘТИЖЕЛЕРІ

Аннотация. Мақалада Алтай тау жүйесі мен қазақтың ұсақ шоқысы түйісер тұсындағы Семей өңірінде шоғырланған ерте темір дәуірінің жерлеу ескерткіштерінде жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының кейбір нәтижелері берілген.

Түйін сөздер: Семей, археологиялық зерттеу, ерте темір дәуірі, қорым

Первые результаты исследований памятников раннего железного века Семея

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты археологических исследований, проведенных на погребальных памятниках раннего железного века, расположенных в окрестностях г. Семей, на стыке горной системы Алтая и Казахского мелкосопочника.

Ключевые слова: Семей, археологическое исследование, ранний железный век, могильник

The first results of research on the monuments of the early Iron Age of Semey

Abstract. The article presents some results of archaeological research carried out on the burial sites of the early Iron Age, located in the vicinity of the city of Semey at the junction of the Altai Mountain system and the Kazakh hills.

Keywords: Semey, archaeological research, iron age, burial ground

Семей өңірі – археологиялық тұрғыдан аз зерттелген аймақтардың бірі. Бұл өңірдегі археологиялық ескерткіштер туралы алғашқы мәліметтер Семей облыстық статистикалық комитеттің мүшелері жинақтаған хабарламаларда кездеседі. Осы статистикалық комитеттің мүшесі Н. Коншиннің (18641937) «О памятниках старины Семипалатинской области» мақаласында өңір ескерткіштері туралы болмашы ғана ақпарат берілген [Коншин 1903]. Атап айтар болсақ, мақалада Семейтау тауларындағы Қарамола деген жерде тастан үйілген обалар туралы және Көкентаудың баурайында таста жазулар бар деген ақпараттар ғана келтірілген. Осы Н. Коншиннің келтірген мәліметі тура осы қалпында 1960 жылы жарыққа шыққан «Археологическая карта Казахстана» атты ұжымдық монографияда қайталанады [АКК 1960: 361].

Өңірдегі археологиялық ескерткіштерді зерттеуді 1991 жылы Кемеров мемлекеттік университеті ұйымдастырған Семей археологиялық экспедициясы бастады. Экспедиция бұрынғы Семей облысы территориясында шоғырланған ескерткіштерді құжаттау және тіркеуге алу мақсатында Жаңасемей ауданынан бастап барлау жұмыстарын жүргізеді. Барлау міндеті Семей қаласының маңында Ертіс өзенінің екі жағасында орналасқан ескерткіштерді анықтау, олардың ситуациялық жоспары мен сипаттамасын жасап және қазіргі күйін анықтау болды. Барлау жұмыстарының нәтижесінде түрлі кезеңдермен мерзімделетін 9 қорымнан 57 оба тіркелген [Сулейменов 1992: 2, 12].

Осы ретте археологиялық зерттеу жұмыстарын бұл өңірде жүргізудің маңыздылығы артуда. Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Нұр-Сұлтан қаласындағы филиалының қызметкерлері тарапынан 2014–2015 жылдардың далалық маусымында Семей қаласының әкімшілік территориясында археологиялық ескерткіштерді анықтау және тіркеу

© 2022 Айткали А.К., Жунисханов А.С.
**Мақала Қазақстан Республикасының Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің жобасы аясында дайындалды. Жоба ИРН OR11465466*

бойынша жұмыстар атқарылды. Барлау жұмыстары негізінен Семей қаласының батысында орналасқан Семейтау және Көкентау тау жүйелерінде жүргізілді. Екі тау жүйесінің өзара жақын орналасуы және ерте көшпелілердің мәдени кешендерінің ұқсастығы екі тау жүйесін бір тарихи-мәдени ауданға біріктіруге мүмкіндік береді.

Жүргізілген далалық археологиялық зерттеу жұмыстары нәтижесі өңірде соңғы мезолит дәуірінен бастап этнографиялық уақытқа дейінгі барлық тарихи кезеңдерді қамтитын ескерткіштер кешенінің (қоныстар, жерлеу орындары, жартас бетіндегі суреттер, тас мүсіндер, этнографиялық кезеңнің қоралары) қалың тобы шоғырланған. Мезолит дәуірінен басталатын ескерткіштер туралы зерттеу жұмыстарының нәтижесімен бұрыңғы жылдары жарияланған мақалалардан таныса аласыздар [Айткали и др. 2017; Doumani Dupuy, Rahmankulov2018; Доумани Дюпюй и др. 2020; Doumani Dupuy et al. 2021].

Семейтау мен Көкентау тауларының баурайларынан әзірше жеті «мұртты» оба тіркеліп отыр. Біздің ойымызша олардың саны бұданда көбірек болуы мүмкін. Себебі, тау массивінің тек 3/2 бөлігінде ғана барлау жұмыстары жүргізіліп, өңір толықтай зерттеліп болмады. Барлық анықталған «мұртты» обалардың екеуі Көкентауда тіркелді. Қалған бесеуі Семейтау тау массивінде тіркеліп отыр. Обалар негізінен Семейтау тауларының шығыс жағында орналасқан. Құрылымы жағынан «мұртты» обалардың біреуінен басқасы (Семейтау қорымы) біртекті. Кешен диаметрі 15 метрден аспайтын Шығыс-Батыс бағыты бойынша тұрғызылған кішігірім екі обадан тұрады. Шығыс жақтағы обадан доға тәрізді қаланған тас тізбектер шығады. Құрылымы өзгеше Семейтау қорымында тіркелген «мұртты» оба диаметрі 30 метр, биіктігі 2 метрге дейін жететін үлкен орталық обадан тұрды. Обаның ортасында тонаушылардан қалған терең шұңқыр бар. Орталық обадан ұзындағы 30 метрге дейін жететін тас тізбек тізілген. Тізбектің ұшы кішігірім қоршауға ұқсатылып үйілген.

Ерте ортағасырлық ескерткіштер қатарына қимақ кезеңінде тұрғызылған ғибадатхана жатады. Ғибадатхананың формасы тіктөртбұрышты, ор мен жалы бар. Шығыс жағына әйелдің және жас баланың бейнесі бейнеленген екі тас мүсін орнатылған. Ғибадатхана бірнеше рет тоналған. Соңғы тонау фактісі 2021 ж. жаз айында тіркелді.

Осылайша жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижесінде өңірді мекендеген ежелгі тұрғындардың мәдениетінен мәлімет беретін бірегей материалдар анықталды.

Ендігі кезекте мақаламыздың өзегі болып отырған ерте темір дәуірінің обаларына тоқталамыз. Бүгінге дейін өңірде бір уақытпен мерзімделетін 6 қорым мен обалар тобында жалпы жиыны 13 оба зерттелді: Қаратөбе қорымы-4, Қотырқора-2, Семейтау-1, Қотырбұлақ-1, Суықбұлақ-3, Қарасу-Үштөбе-2. Төменде жерлеу ескерткішінің негізгі архитектуралық және жерлеу ғұрпының ерекшеліктерін қарастырамыз.

Қаратөбе қорымы. Көкентау тауының солтүстік-батыс етегінде орналасқан Қаратөбе қорымында археологиялық зерттеу жұмыстары 2014 және 2018 жылдары жүргізілдіҚорым үш обалар тобынан тұрады. Меридианалды бағытта созыла орналасқан 17 оба тіркелді, оның төртеуі зерттелді, біреуі «мұртты» оба. Зерттелген 4 обаның үшеуі тоналмаған (№ 2, 3 және 6). Олардың қызықты археологиялық материалдар алынды [Айткали и др. 2014].

Қаратөбе қорымының обаларының басты ерекшелігі үймеден белгілі бір қашықтықта екі қатар етіліп шеңбер формасында тас қаланған. Шеңбердің шығысында кіретін есігі бар. Обаның үймесі таспен топырақты араластырып отырып тұрғызылған. Пішіні тіктөртбұрышты. Қимада тегістеу келген. Үйменің астында тас қоршау түріндегі конструкция анықталды. Қоршаудың ішінде Шығыс-Батыс бағытымен созыла орналасқан мола шұңқыры бар. Жерлеу құрылысы негізінен тігінен қазылған шұңқырдан тұрады, бір обада ғана тас жәшік анықталды. Қаратөбеде жерлеу ғұрпы бойынша адамдар шалқасынан жатқызылып, бастары батысқа және оңтүстік-батысқа қаратылып жерленген.

№ 2 обада мәйітті тас жәшікке жатқызған. Тас жәшіктің ішінен мәйіттің басынан жоғары қарай геометриялық және өсімдік тектес нақышта зерленген алтын тілім және басына алтын қапталған шар тәріздес ұштық кигізген темір түйреуіш, бас сүйектің екі жағының бойынан ақықтан жасалған ромбы пішіндес салпыншағы бар екі алтын сырға табылды. Алтын тілім бас киімнің элементі болуы мүмкін. Мәйіттің мойын омыртқасы тұсынан жартылай бағалы тастардан (ақық 4 дана, паста 2 дана, бор 1 дана) және ромбы пішіндес өрнегі бар алтын (4 дана) тазаланып алынды.

№ 2 обадан табылған сегіз пішіндес алтын сырға б.д.д. I мыңжылдықтың екінші жартысында пайда болған сырғалар тобына жатады. Геометриялық және өсімдік тектес нақышта зерленген алтын тілім сақ заманының аңдық өнерінің мәнерінен өзгеше дәстүрде жасалған.

Мола шұңқырының батыс жағында, күндізгі жер қабатынан сәл төменде қыш ыдыс табылды. Қыш ыдыстың технико-технологиялық сараптамасы

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының зертханасында ғылыми қызметкер Ж.С. Қалиева жасады.

Сарапатама қортындысы бойынша ыдыс ошақта күйдіріліп жасалынған. Ыдыстың пішіні шар тәріздес (?), үстіңгі бөлігі жоқ, түбі жалпақтау келген. Ыдыстың сырты қатты ағаш бұйыммен тегістелсе, іші қолмен тегістелген. Сондай-ақ, сараптама ыдыс күнделікті тұрмыста қолданылмай, жерлеу салтына арнайы жасалғандығын көрсетті.

№ 3 оба. Мәйіттің бас сүйегінің маңынан көптеген түрлі жартылай бағалы асыл тастардан жасалған (агат, ақық) ұсақ моншақтар (32 дана) және бас сүйектен сәл жоғары қарай темір түйреуіш анықталды.

Литва мемлекетінің астанасы Вильнюс қаласындағы Физикалық және технологиялық ғылымдар орталығы мемлекеттік ғылыми-зерттеу институтында Юлиус Паужолистің жетекшілігімен жасалған радиокөміртектік анализдің қортындысы бойынша ескерткіш шамамен б.д.д. IV–III ғғ. мерзімделеді (кесте).

Қотырқора қорымы Қаратөбе қорымынан батысқа қарай 1,5 шақырым жерде орналасқан. Қорымда археологиялық зерттеу жұмыстары 2014 жылдың далалық маусымында жүргізілді. Қорым аумағында

Кесте – Радиокөміртектік анализ нәтижесі

LAB CODE	MONU-MENT	14C BP	SAM-PLE	CALIBRATING DATE (1Σ)	CALIBRATING DATE (2Σ
FTMC RY88-11	Karatobe	2284±26	bone	68,3 % probability 396 (57,2%) 361 cal BC 272 (6,2%) 265 cal BC 241 (4,8%) 236 cal BC	95.4% probability 401 (60,4%) 352 cal BC 289 (33,6%) 227 cal BC 220 (1,5%) 210 cal BC

солтүстік-оңтүстік бағыты бойынша созыла орналасқан 16 жуық түрлі тарихи кезеңнің ескерткіштері анықталды. Зерттеу жұмыстары нәтижесінде № 1 және № 2 обалар зерттелінді. Қазбаға дейін обалардың пішіні шеңбер тәріздес болды, оба үймесінің беткі қабатын тазалағаннан кейін жоспарда төртбұрыш пішінде келген оба конструкциясы анықталды. Екі обаның да үймесі топырақтан үйілген, тек беткі қабаттары ғана бір қабат таспен жабылған. Үйме астынан тас қоршау түріндегі жер үсті конструкциясы анықталды [Айткали 2015: 348]. Қоршаудың ортасынан Шығыс-Батыс бағыты бойымен созылып жатқан мола шұңқыры анықталды. Қабірішілік құрылым тас жәшіктен және мола шұңқырынан тұрды. Мола шұңқырының бетін көлденеңінен қойылған тақта тастармен жапқан. Мәйіттер Б және ОБ бағытымен шалқасынан жатқызылған. Мәйіттердің қасына темір пышақ және темір түйреуіш қойылған [Айткали 2015: 349].

Қотырбұлақ обалар тобы Семейтау тауының шығыс беткейінде Қотырбұлақ бұлағының сол жағында 200 м қашықтықта, Семей-Суздаль қара жолының оң жағында 140 м қашықтықта орналасқан. Ескерткіш екі обадан тұрады. Ескерткіште археологиялық зерттеу жұмыстары 2015 ж. далалық маусымында жүргізілді. Бір оба зерттелінді. Зерттелген № 1 обаның үймесі тас аралас топырақтан үйілген, жоспарда төртбұрышты. Диаметрі Солтүстік-Оңтүстік бағыты бойынша – 11 м, Батыс-Шығыс бағыты бойынша – 14 м. Биіктігі – 0,8 м. Белгілі бір қашықтықта екі қатар етіліп шеңбер формасында тас қаланған. Шеңбердің шығысында кіретін есігі бар. Оба тоналып кеткен, мола шұңқырының ішінен қандай да бір заттар табылмады. Сүйектердің орналасу тәртібіне қарап мәйіт басы батысқа қаратылып шалқасынан жатқызылған тәрізді [Айткали и др.2016: 24–28].

Суықбұлақ қорымы. Қорым Семейтау тауының Шығыс – Солтүстік-Шығыс етегінде, Семей-Суздаль тас жолының оң жағында орналасқан. Ескерткіште археологиялық зерттеу жұмыстары 2015 жылдың далалық маусымында жүргізілді. Қорымда барлығы үш обалар тобынан тұратын барлығы 15 жерлеу ескерткіші тіркелді. Обалар Солтүстік – Солтүстік-шығыс – Оңтүстік Оңтүстік-батыс бағыты бойымен созыла орналасқан. Барлығы 3 (№ 3, 8 және 14) оба қазылды. Бір оба № 8 обадан ғана материалдар шықты. Бұл обаның үймесін техниканың күшімен жартылай сүріп тастағандықтан обаның барлық конструктивті элементтерін анықтау мүмкін емес болды. Обаның үймесі тас аралас топырақтан үйілген. Обаның диаметрі – 8 м, биіктігі – 0,5 м. Белгілі бір қашықтықта екі қатар етіліп шеңбер формасында тас қаланған. Шеңбердің шығысында кіретін есігі бар. Обаның ортасынан Солтүстік-батыс – Оңтүстік-шығыс бағыты бойынша созыла орналасқан мола шұңқыры анықталды. Мола шұңқырының қабірішілік конструкциясы бүлінген. Мола шұңқырының топырағынан төлкесі жасырылған

сүйектен жасалған үш қырлы жебе ұштары және қоладан жасалған екі қанатты, ұңғымалы бір жебе ұшы табылды [Айткали и др. 2016: 32].

Қарасу-Үштөбе қорымы. Қорым Көкентау (бұрыңғы Знаменка) ауылының солтүстік-батыс жағында Семей-Қайнар тас жолының 61 шақырымының оң жағында, Қарасу өзенінің оң жағында орналасқан. Ескерткіште археологиялық зерттеу жұмыстары 2018 жылдың далалық маусымында жүргізілді. Қорым 5 обадан тұрады. Обалар ССШ–ООБ бағыты бойымен созыла орналасқан. Барлығы 2 (№ 1 және 2) оба қазылды [Айткали и др. 2021: 124]. Екі обаныңда үймелері жоспарда шеңбер, қимада жалпақ. Қабір үсті құрылысы күмбез тәріздес үйілген тас қоршаудан тұрады. Обаның ортасынан Ш–Б бағыты бойынша созыла орналасқан мола шұңқыры анықталды. Обалар тоналған. Сақталған сүйектер негізінде мәйіт басымен батысқа қаратыла шалқасынан жатқызылған. Бір обадан Қаратөбе қорымының № 3 обасынан табылған моншаққа ұқсас моншақтың кіші формасы табылды.

Қотырбұлақ, Қотырқора және Қаратөбе қорымдарынан табылған антропологиялық материалдар Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының палеоантропологиялық зертханасында т.ғ.к. Е.П. Китов тарапынан жүргізілді. Қорымдардан табылған бас сүйектердің сақталуы нашар болуына байланысты, оларды өзара салыстыруға мүмкіндік болмады. Дегенмен, сарапатама нәтижесі бойынша бас сүйектер ерте темір дәуірінде аймақта өмір сүрген адамдардың антропологиялық кескін-келбеттерінен өзгешеліктер бар екені анықталды [Китов 2015].

Қортындылай келе зерттелген обалардың басым бөлігі тоналған болса да, алынған материалдар өңірді мекендеген ерте көшпелілердің оба архитектурасы, олардың жерлеу ғұрыптарына қатысты білімдерімізді толықтыра түсетіндігі сөзсіз.

Жекелеген қорымдардағы жерлеу құрлыстарын байырғы заманда осы өңірді қоныс еткен бір этникалық топ өкілдері қалдырғанымен6 олардың арасында үйменің мөлшері мен құрамына қатысты ерекшеліктер байқалады. Бұлардың бір этникалық топ өкілдері екендігін обаның ортасындағы тас қоршау, мола шұңқыры, мәйіттің жатқызылуы аңғартады. Ақыреттік заттардан мәйіттердің қасынан негізінен темір түйреуіштер мен қойдың құйымшағы жиі табылады. Сондай-ақ, үш жағдайда (Қаратөбе қорымы № 2 және № 3 оба, Қарасу-Үштөбе қорымы № 1 оба) жартылай бағалы асыл тастардан жасалған алқалар табылды. Қаружарақ кешенінен сүйектен жасалған жебе ұштары мен бір қола жебе ұшын айтуға болады.

Қолымызда бар материалдар ескерткіштердің этномәдени сипаттамасы туралы айтуға мүмкіндік бермейді. Жалпы зерттелген обаларға ұқсас баламаларды біз аймақтық жағынан жақын орналасқан Жоғары Ертіс бойындағы Құлажорға типіндегі ескерткіштердің (б.д.д. III – б.д. I ғғ.) және Іле өзені бойындағы үйсіндердің (б.д.д. III–II ғғ.) археологиялық мәдениеттерінен байқай аламыз [Черников 1975: 135–148; Акишев, Кушаев 1963: 194–202]. Сондай-ақ, жерлеу ескерткіштерінің құрылысы және заттай кешендердің ұқастықты Сарыарқадағы Қарамола типіндегі ескерткіштерден байқалады [Бейсенов 2014: 70, 72, рис. 1; 2].

Орталық Қазақстанда ашылып жатқан соңғы ашылымдар негізінде обаларды мерзімдеу б.д.д. I мыңж. екінші жартысы шеңберінде түзетілді [Айткали и др. 2019]. Қаратөбе қорымының № 2 обасында жерленген адамның сүйегіне жасалынған радиокөміртекті анализдер де осы мерзімді көрсетеді.

Көкентау мен Семейтау өңірінің ерте темір дәуірінің археологиялық ескерткіштері кешенді зерттеулерді талап етеді. Кешенді зерттеу арқылы таулы және далалық аймақтардың түйісер тұсында тұрған өлке ерте көшпелілер дәуіріндегі экономикалық, әлеуметтік және саяси байланыстар бойынша Еуразия археологиясында қордаланған мәселелердің жауаптарын табуға мүмкіндік береді.

ӘДЕБИЕТ

АКК – Археологическая карта Казахстана / Сост. К.А. Акишев, Е.И. Агеева, А.Г. Максимова, М.К. Кадырбаев, Г.А. Кушаев и др. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 450 с.

Айткали А.К., Жунисханов А.С., Каримов М.К., Исин А.И., Рахманкулов Е.Ж. Новые памятники эпохи бронзы горного массива Кокентау // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сб. науч. трудов XVI междунар. науч.-практ. конф. (г. Усть-Каменогорск, 28–29 сентября 2017 г.). Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2017. С. 1–23.

Айткали А.К. Предварительные результаты исследования курганов гунно-сарматского времени могильника Котыркора в микрорайоне Кокентау // VII Оразбаевские чтения: М-лы междунар. науч.-практ. конф. «Казахстанская археология и этнология: прошлое, настоящее и будущее», приуроч. к 550-летию образования Казахского ханства, 20-летию ассамблеи народа Казахстана (г. Алматы, 28–29 апреля 2015 г.) / Отв. ред. А.Б. Калыш. Алматы: Қазақ университеті, 2015. С. 348–350.

Айткали А.К., Жунисханов А., Бесетаев Б. Курганы второй половины I тысячелетия до нашей эры горного массива Семейтау // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур: сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога Б. Нурмуханбетова / Отв. ред. А. Онгарулы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 26–33.

Айткали А.К., Жунисханов А.С., Доумани Дупью П., Исин А.И., Рахманкулов Е. Новые данные о курганах с «усами» Восточного Казахстана // Маргулановские чтения2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Гл. ред. Б.А. Байтанаев, отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 208–222.

Айткали А.К., Жунисханов А.С., Каирмагамбетов А.М., Ахметов М.Г., Рахманкулов Е.Ж. Предварительные результаты исследования могильника Каратобе в микроархеологическом районе Кокентау в 2014 г. // Кадырбаевские чтения–2014: м-лы IV междунар. науч. конф. (г. Актобе, 9–10 октября 2014 г.) / Науч. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2014. С. 151–160.

Айткали А.К., Жунисханов А.С., Исин А.И. Рахманкулов Е.Ж. Курганы Карасу-Уштобе // XIII Оразбаев оқулары: «Орталық Азияның ежелгі және дәстүрлі қоғамдарының тарихи-мәдени мұрасы: жаңа ашылымдар мен пәнаралық зерттеулер» атты халықар. ғыл.-әдіст. конф. м-ры (Алматы қ., 20–21 мамыр 2021 ж.) / Жауапты ред. Р.С. Жуматаев. Алматы: Қазақ университеті, 2021. 124–129-бб.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алматы: Наука, 1963. 320 с.

Бейсенов А.З. О памятниках карамолинского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина I тыс. до н.э.) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 7: Археология и этнография. С. 68–79.

Доумани Дюпюй П.Н., Жунисханов А.С., Буллион Э., Рахманкулов Е.Ж., Киясбек Г.К., Ташманбетова Ж.Х., Исин А.И., Меркл Э., Гумирова О. Археологические исследования памятника Кокен (Восточный Казахстан): предварительные результаты // Маргулановские чтения–2020: м-лы междунар. научно-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). В 2-х т. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 2. С. 68–81.

Илиуф Х.Ш. Древности Кокентау. URL: https://pravsobor.kz/Kraevedenie/Koken-Tay.html дата просмотра 09.07.2022.

Китов Е.П. Отчет по итогам обработки палеоантропологической коллекции из могильников Котырбулак, Котыркора, Каратобе. Алматы, 2015. // Архив ИА КН МОН РК. Д. 3211, 120 л.

Коншин Н.Я. О памятниках старины в Семипалатинской области // Записки Семипалатинского подотдела Зап-Сиб. отдела ИРГО. 1903. Вып. I. С. 1–32.

Сулейменов М.Г. Отчет о разведке археологических памятников в Жанасемейском районе Семипалатинский области Республики Казахстана в 1991 году // Научный архив ИА КН МОН РК. Ф. 2355, оп. 1, д. 25.

Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А.М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 132–148.

Doumani Dupuy P.N., Rahmakulov E. Bronze age ceramics of the Koken Cemetery (Sary-Arka Region, Kazakhstan) // Алтай – Туркі әлемінің алтын бесігі / Бас ред. Д. Ахметов. Өскемен, 2018. С. 123-126.

Doumani Dupuy P.N., A.S. Zhuniskhanov, Elissa Bullion, G.K. Kiyasbek, Zh.Kh. Tashmanbetova, E.Z. Rakhmankulov, Amantay I. Isin. The newly discovered bronze age site of Koken: Merging micro-regions with major study zones in the high steppes of Kazakhstan // Archaeological Research in Asia. September 2021. Vol. 27.DOI: 10.1016/j.ara.2021.100292

З. САМАШЕВ
А. АЙТКАЛИ

Зайнолла Самашев,
archaeology_kz@mail.ru,
Государственный историко-культурный
заповедник-музей «Берел», Казахстан;
Азат Айткали,
a7471986103@gmail.com
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Нур-Султан, Казахстан

ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ХУННО-СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ НЕКРОПОЛЯ БЕРЕЛ*

Аннотация. В прошлом столетии в ходе первых полевых работ на Алтае был получен в большом количестве археологический материал, существенно заполнивший образовавшуюся лакуну между скифо-сакским и древнетюркским историческими периодами. Однако большинство материалов оказались неопубликованными, что существенно усложнило решение проблемы культурно-хронологического определения памятников. Дальнейшие исследования на территории соседнего государства позволили переосмыслить накопленные данные. На территории Казахского Алтая сложилась иная ситуация, при которой новые памятники хунно-сяньбийского времени почти не изучались. Период продуктивного изучения начался лишь с 2015 г., когда были открыты новые памятники изучаемого времени на территории некрополя Берел. Данная статья посвящена анализу материалов женских погребений, полученных при исследовании археологического памятников хунно-сяньбийского времени в Казахском Алтае. В научный оборот вводятся подробные результаты раскопок некоторых выкладок-оград.

Ключевые слова: Казахский Алтай, Берел, сяньби, ограды, женские погребения

Берел қорымының хунно-сяньби дәуіріндегі әйелдерге тиесілі жерлеу орындары

Аннотация. Өткен ғасырда Алтайдағы алғашқы дала жұмыстары барысында скиф-сақ және ежелгі түркі тарихи кезеңдері арасында пайда болған ақтандық беттерді айтарлықтай толықтыратын археологиялық материалдар жинақталды. Алайда, материалдардың көпшілігі жарияланбады, бұл дегеніміз ескерткіштерді мәдени-хронологиялық тұрғыдан анықтау мәселесін шешуді едәуір қиындатты. Көрші мемлекеттің аумағында одан әрі жүргізілген зерттеу жұмыстары негізінде жинақталған деректерді қайта қарастыруға мүмкіндік туындады. Қазақ Алтайының аумағында болса хунно-сяньби дәуірінің ескерткіштері белгісіз болатын жағдай қалыптасты. Сапалы зерттеу кезеңі 2015 ж., Берел қорымының аумағында жаңа ескерткіштердің ашылуымен байланысты боолды. Бұл мақала Қазақ Алтайындағы хунно-сяньби дәуірінің археологиялық ескерткіштерін зерттеу барысында жинақталған әйелдерге тиесіліматериалдарды талдауға арналған. Ғылыми айналымға кейбір қоршауларды зерттеу барысында алынған нәтижелер енгізіледі.

Түйін сөздер: Қазақ Алтайы, Берел, сяньби, тас қоршаулар, әйелдердің жерлеу орындары

Female burials of the Hun-Xianbian time of the Berel necropolis

Abstract. In the last century, during the first field work in the Altai, a large amount of archaeological material was obtained, which significantly filled the gap between the Scythian-Saka and ancient Turkic historical periods. However, most of the materials were not published, which significantly complicated the solution of the problem of cultural and chronological definition of monuments. Further research on the territory of a neighboring state allowed us to rethink the accumulated data. A different situation has developed on the territory of the Kazakh Altai, in which new monuments of the Hunno-Xianbian time were almost not studied. The period of productive study began only in 2015, when new monuments of the studied time were discovered on the territory of the Berel necropolis. This article is devoted to the analysis of the materials of women's burials obtained during the study of the archaeological monuments of the Hunno-Xianbian time in the Kazakh Altai. The detailed results of the excavations of some fence facing are introduced into scientific circulation.

Keywords: Kazakh Altai, Berel, Xianbei, stone fences, female burials

© 2022 Самашев З., Айткали А.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования МКС РК 2021–2023, ИРН проекта BR101642221.*

После распада империи сюнну огромное влияние на облик археологических культур древнего населения Алтая оказало кочевое объединение, в письменных источниках известное под названием «Сяньби» или «Сяньбэ». Полиэтническая общность сяньбийцев [Бичурин 1950: 149–167; Кюнер 1961: 142–150; Кычанов 1997: 54–59; Груссе 2005: 69–75] возникла на территории Забайкалья, Внутренней Монголии и Южной Манчжурии [Худяков, Юй Су-Хуа 2005: 8]. В начале I тыс. н.э. они совершили длительную военную экспансию на запад с целью контроля торговых путей и подчинили многие племена Южной Сибири. В письменных источниках китайского происхождения имеются краткие сведения о завоеванных западных рубежах сяньбийцев. На всем протяжении своей истории сяньбийцы находились в тесном контакте с Китаем, где создали несколько государств [Крюков и др. 1979].

Археологические памятники, принадлежавшие сяньби, исследователи долгое время не могли дифференцировать среди многих раскопанных археологических объектов. Позднее знакомство специалистов с китайскими материалами позволило вывести проблему выделения сяньбийских памятников на новый уровень [Худяков и др. 1999].

В настоящее же время памятники хунно-сяньбийцев хорошо изучены в Южной Сибири, Монголии и на территории Российского Алтая. Изначально на основе исследованных памятников гунно-сарматского времени в Минусинской котловине, Туве и Горном Алтае археологи констатировали влияние центральноазиатских кочевников на этнокультурогенез саяно-алтайских этнических групп. Как правило, мигранты единодушно отождествлялись исследователями с хунну или зависимыми от них племенами [Мандельштам, Стамбульников 1992]. Однако существующая проблема постепенно решается, и созданы условия для проведения сравнительного анализа. Наличие предметов материальной культуры, обнаруженных на изученных на Алтае памятниках, свидетельствует о существенном воздействии сяньбийцев на облик местных культур.

Наши исследования в данном направлении позволили обнаружить новые данные о наличии на территории Казахстана хунно-сяньбийского компонента и расширить границы этого круга памятников. Научно-исследовательские работы последних лет показывают, что после распада империи хунну (примерно в III–IV вв. н.э.) это объединение кочевых племен проникает в верховья реки Бухтарма и частично на юго-

Рис. 1. Берел. Погребально-поминальные выкладки-ограды хунну-сяньбийского периода

Рис. 2. Берел. Ограда № 81. Могильная яма

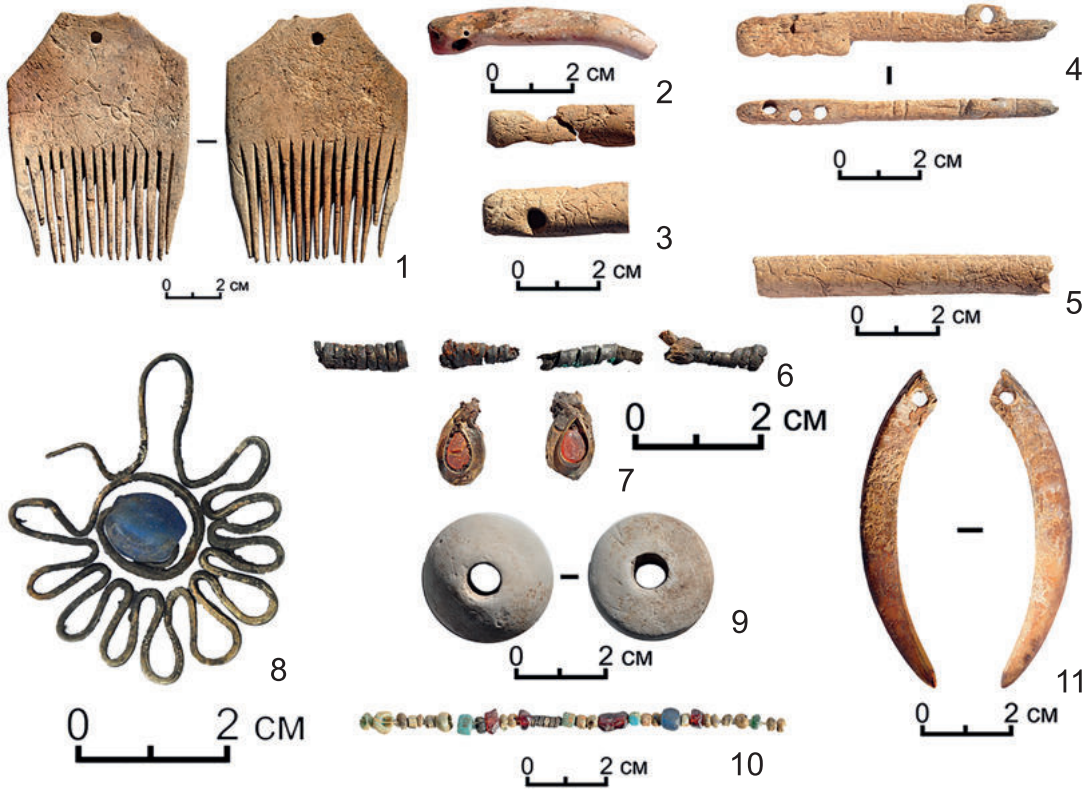

Рис. 3. Берел. Ограда № 81. Предметный комплекс из погребения

западную периферию Алтая. Так, впервые погребально-поминальные памятники хунно-сяньбийцев были идентифицированы в 2015 г. в ходе изучения курганов могильника Берел в Казахском Алтае [Самашев и др. 2019: 385–393]. Стоит отметить, что в середине прошлого века материалы подобного типа памятников, раскопанных еще в 1865 г. В.В. Радловым на территории некрополя, связывались с начальной фазой развития древнетюркской культуры и получили наименование «берельский этап» [Гаврилова 1965] в истории древних тюрков. Рассматриваемые материалы доселе широко используются в научных реконструкциях [Бобров и др. 2003].

По причине того, что в отечественной науке до сих отсутствовало направление поиска указанного культурно-хронологического периода, нами произведены исследования широкими площадями каменных выкладок-оград на могильнике Берел (рис. 1). Как выяснилось, основная масса погребально-поминальных памятников хунно-сяньбийцев расположена вокруг двух «царских» курганов пазырыкского времени, на самом острие третьей надпойменной террасы реки Бухтарма. В статье нами рассматриваются женские погребения хунно-сяньбийской эпохи, происходящие из этого комплекса. Использованы некоторые выводы антропологического изучения скелетов с половозрастными определениями, предоставленные антропологами [Китов, Китова 2018: 233–268].

Ограда № 76 до раскопа представляла собой округлой формы каменное сооружение из камней горного сланца с небольшим содержанием речного галечника. Размеры ограды: С–Ю – 3 м, В–З – 3,7 м, высота около 35 см. Во внутренней площади ограды овальной формы выявлен составной каменный ящик с перекрытием. Размеры каменного ящика: С–Ю – 75–95 см, В–З – 1,9 м. Конструкция была установлена на глубину 25–45 см от подошвы камней наземной конструкции. Зачистка внутреннего пространства ящика показала наличие непотревоженного костяка человека плохой сохранности. По определению антропологов, захоронена женщина в возрасте 25–35 лет. Погребенная была уложена на спину, ноги согнуты в коленном суставе, головой ориентирована на восток. В погребении сопроводительного инвентаря не зафиксировано.

Ограда № 76В овальная в плане, сложена из колотого сланца с редким включением окатанного речного галечника малых размеров. Ориентирована длинной осью по линии В–З с небольшим отклонением к СВ–ЮЗ. Размеры: В–З – 3,1 м, С–Ю – 2,2 м, высота около 17–25 см. Зачистка внутренней части ограды показала наличие на глубине 45 см от дневной поверхности непотревоженного костяка человека. Погребенная женщина 35–45 лет была уложена на спину, руки вытянуты вдоль туловища, головой ориентирована на восток. Вокруг костяка зафиксированы фрагменты древесины от внутримогильной конструкции. Предметов сопроводительного инвентаря не найдено.

Ограда № 80 до раскопок представляла собой каменную выкладку овальной формы. Наземная конструкция сложена из камней горного сланца с небольшим содержанием речного галечника. Зачистка внутреннего пространства ограды до глубины 0,4 м показала наличие погребения женщины 35 лет. Погребенная была уложена на спину, руки вытянуты вдоль туловища, головой ориентирована на восток. Предметов сопроводительного инвентаря не найдено.

Ограда№ 80Е до раскопок представляла собой овальную в плане выкладку из камней горного сланца. Размеры наземной конструкции: С–Ю – 2,4 м, В–З – 3,1 м, высота 0,35 м. В центре ограды на глубине 15 см от дневной поверхности выявлен составной каменный ящик, ориентированный длинной осью по линии В–З. Размеры каменного ящика: В–З – 1,75 м, юго-запад – 45–55 см. Зачистка внутреннего пространства ящика показала наличие непотревоженного костяка женщины 25–35 лет. Погребенная была уложена на спину, руки вытянуты вдоль туловища, головой ориентирована на восток. При погребенной предметов сопроводительного инвентаря не найдено.

Ограда № 81 расположена в 30 м к северу от Большого Берельского кургана № 1. До раскопа представляла собой небольшое рельефное возвышение, незначительно выделяющееся в окружающем ландшафте. В простой грунтовой яме под каменной выкладкой обнаружено женское захоронение. Погребенная лежала на спине, с ориентацией головы в восточный сектор (рис. 2). Сопроводительный инвентарь представлен интересным набором украшений костюма: серебряная пластина-диадема, орнаментированная по всему периметру с обратной стороны тиснением, серебряные проволочные серьги со вставными камнями, бусы из цветных камней, золотые шейные подвески, косметическая щетка, крупные диски из известнякового материала, гребень, амулеты из зубов хищников, серебряные диски с тиснением и др. (рис. 3–5).

Ограда № 90А расположена в 12 м к востоку от ограды № 90. Под наземной выкладкой из камней сланца и галечника, в грунтовой яме выявлено погребение женщины, лежавшей на спине, головой ориентирована на юго-запад (рис. 6). В числе сопроводительного

Рис. 4. Берел. Ограда № 81. Дисковидные изделия из погребения

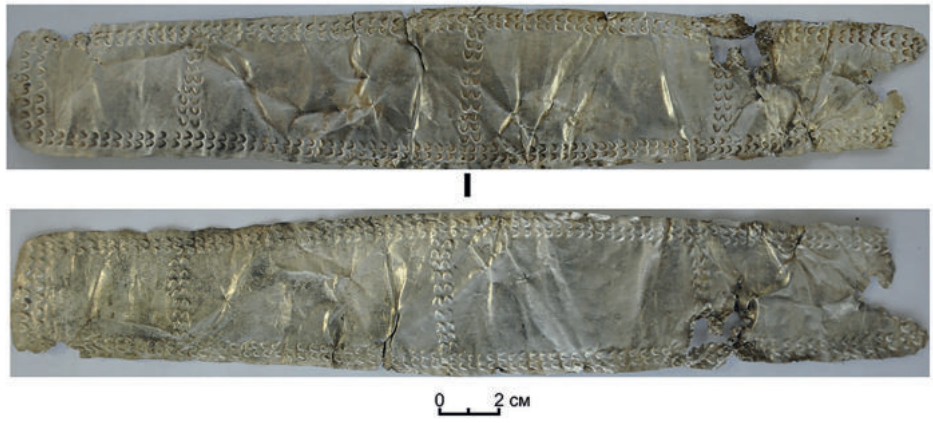

Рис. 5. Берел. Ограда № 81. Серебряная орнаментированная пластина

инвентаря зафиксированы небольшой железный нож (рис. 7), серьга и остатки заупокойной пищи в виде нескольких овечьих позвонков. По определению антропологов, захороненная была в возрасте 35–45 лет, черты лица монголоидные.

Ограда № 105 расположена в 2 м к югу от выкладки № 80, с юго-запада примыкает к объекту № 104. Выкладка сложена из камней колотого горного сланца с незначительным содержанием речного галечника, конструктивно близка к ранее изученным подобным объектам. Имеет продолговатую овальную форму, фиксируется, что по периметру выложена внешняя ограда, которая и придает памятнику указанный контур. Во внутренней площади овальной ограды выявлен составной каменный ящик с перекрытием. Объект длинной осью ориентирован по линии В–З. Общие размеры ящика:

В–З – 1,9 м, С–Ю – 50 см. Внутри ящика находился непотревоженный костяк человека. По определению антропологов, захороненная умерла в возрасте 35–45 лет. Погребенная была уложена на спину, возможно, с завалом на правую сторону, головой ориентирована на восток. В процессе расчистки в районе шеи найдена пастовая бусина со сквозным отверстием.

Ограда№ 108А имела овальную форму, вытянута длинной осью по линии В–З. Камни наземной выкладки ограды примыкали к ограде № 108 с юго-востока. Содержала двухуровневое погребение (рис. 8). Под костями лошади зачищены останки женщины в деревянной колоде. Предметный комплекс представлен бронзовыми бляшками шляповидной формы, каменными бусами и раковиной каури (рис. 9; 10). По определению антропологов, женщина умерла в возрасте 45–55 лет.

Объект № 109 – наземное сооружение прямоугольной формы сложено методом кладки камней сланца и галечника. Внутреннее заполнение ограды грунтовое вперемешку с камнями. В центре ограды выявлена неглубокая могильная яма с каменным ящиком на дне (рис. 11). Конструкция составлена из каменных плит, установленных на ребро, к ногам погребенного ящик сужался. Инвентарь представлен украшением овальной формы с золотым кулоном, обильно украшенным зернью и со вставкой из красного камня (разновидность граната?), фрагментами головного убора в виде остатков органики, серебряных пластин и нашивок (рис. 12). Кроме того, обнаружены бронзовые браслеты на обеих руках, раковина каури, клык животного, закрученный в серебряную проволоку, пастовые бусины и другие изделия из железа.

Таким образом, материалы оградок некрополя Берел пополняют немногочисленные данные о женских погребениях хунно-сяньбийской эпохи. Представленная серия из девяти погребений позволяет изучить специфические показатели, характерные для этих объектов, и обряд погребения. Наличие фактов трупоположения в простой грунтовой яме, в каменном ящике, в сопровождении коня и внутримогильные сооружения

Рис. 6. Берел. Ограда № 90А. Могильная яма

Рис. 7. Берел. Ограда № 90А. Железный нож

с использованием дерева, вероятно, говорят в пользу разнородности этнического состава женских погребений. Напротив, наземные сооружения, ориентировка и положение умерших демонстрируют однотипность и тем самым высокую степень унификации погребального обряда. Большинство описанных могил представительниц слабого пола не содержат сопроводительного инвентаря либо их количество минимальное, что затрудняет обнаружение признаков социального порядка. Из числа исследованных памятников богатством сопроводительного инвентаря выделяются лишь две ограды (№ 81, 109), где, вполне вероятно, могли быть захоронены представительницы элиты общества сяньби.

Из предметного комплекса ограды № 109 в культурно-хронологическом отношении интересен предмет, выполненный в полихромном стиле. Аналогично оформленные изделия найдены в ходе изучения круга памятников гуннского времени из Канаттаса в Сарыарке [Кадырбаев 1959: 193, 197], Борового [Бернштам 1951: 218–221], Атасу-2 [Бейсенов и др. 2018], Актасты в Жетысу [Акишев К.А., Акишев А.К. 1983: 180–182], Кызыл-Кайнар-тобе на юге страны [Мерщиев 1970], у Сибинских озер в Восточном Казахстане [Самашев 2013: рис. 363], Солончанки-I и т. д. [Любчанский 2009: 12]. В ряду вышеперечисленных аналогий рассматри-

Рис. 8. Берел. Ограда № 108А. Могильная яма

Рис. 9. Берел. Ограда № 108А. Каменные бусы

Рис. 10. Берел. Ограда № 108А. Бляшки шляповидной формы

Рис. 11. Берел. Ограда № 109. Могильная яма

Рис. 12. Берел. Ограда № 109. Предметный комплекс из погребения

ваемая находка может быть отнесена к ранней стадии развития полихромного стиля, исходный центр которого, возможно, связан с северокитайско-монгольскими регионами [Самашев 2021: 76].

Таким образом, немногочисленные женские захоронения (хунну) сяньбийского периода, выявленные на могильнике Берел, позволяют в перспективе использовать их в качестве источника по изучению социокультурных явлений в начале эпохи Великого переселения народов.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К., Акишев А. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: «Өнер», 1983. 264 с.

Бейсенов А.З., Торгоев А.И., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. Курган с «усами» Атасу-2 // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 103–117.

Бернштам А.Н. Находки у озера Борового в Казахстане // Сб. МАЭ, Т. XIII. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1951. С. 216–229.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950. Т. I. 382 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003. 224 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 145 с.

Груссе Рене. Империя степей. Аттила, Чингисхан, Тамерлан. Т. 1. Алматы: Санат, 2005. 286 с.

Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР, 1959. Т. 7. С. 162–203.

Китов Е.П., Китова А.О. Отчет об исследованиях костных останков из могильника Берел методами физической антропологии // Отчет по теме «Памятники саков и сяньбийцев Казахского Алтая» за 2018 год. Архив ГИКЗМ «Берел», 2018. 276 с.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 328 с.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 319 с.

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 392 с.

Любчанский И.Э. Материальная культура номадов Южного Зауралья во II – начале VI века н.э.: полихромные изделия // Вестник Челябинского гос. ун-та. История. 2009. № 41 (179). Вып. 38. С. 11–18.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. Т. 10. Сер. Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 196–205.

Мерщиев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 79-92.

Самашев З. История изобразительного искусства Казахстана. Древность и средневековье / Казахское искусство: В 5 т. Алматы: Елнур, 2013. Т. 1. 240 с.

Самашев З., Кариев Е.М., Ерболатов С.Е. Хунну-сяньбэйский культурно-хронологический горизонт Береля // Маргулановские чтения 2019: м-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Гл. ред. Б.А. Байтанаев, отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 385–393.

Самашев З. Еще раз об обьектах с каменными грядами // Вестник КазНУ. Сер. историч. 2021. Т. 102. № 3. С. 81–92.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Новые материалы по оружию дистанционного боя сяньби // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху: сб. науч. тр. / Под ред. Ю.С. Худякова, С.Г. Скобелева. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 7-18.

Худяков Ю.С., Алкин С.В., Юй Сухуа. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. № 4. С. 163–168.

Г.К. ОМАРОВ
Б.Б. БЕСЕТАЕВ
Е.М. КАРИЕВ

Гани Калиханович Омаров,
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан; gany_omarov@mail.ru
Бауыржан Берканович Бесетаев,
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан; bessetayev.b@kaznu.kz
Елдос Максатович Кариев,
Высшая школа социально-гуманитарных наук
Международного университета «Астана»,
г. Нур-Султан, Казахстан; eldos.82@mail.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИЗЫСКАНИЙ в ЖАРМИНСКОМ РАЙОНЕ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Аннотация. В полевом сезоне 2020 г. был осуществлен комплекс междцисиплинарных исследований на ряде раннекочевнических курганов первой половины I тыс. до н.э. в Жарминском районе Восточного Казахстана. Мультидисциплинарные исследования состояли из собственно археологических разведок и раскопок, съемки топографического плана могильников методами геодезии и картографии, электромагнитного глубинного зондирования подземных структур отдельных археологических памятников. Сравнительно-сопоставительный метод конструктивных особенностей раскопанного кургана № 1 могильника Шалабай 1 (надмогильное сооружение и погребальная камера) показал, что погребение относится к раннесакскому времени. Полученная научная информация была сопоставлена с результатами лабораторного радиоуглеродного датирования.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, Жарминский район, раннесакское время, курганы, электромагнитное зондирование

Шығыс Қазақстанның Жарма ауданындағы пәнаралық зерттеудің қортындысы

Аннотация. 2020 ж. далалық маусымда Шығыс Қазақстанның Жарма ауданында б.д.д. I мыңж. бірінші жартысымен мерзімделетін ерте көшпелілердің қорғандарына пәнаралық зерттеулер жүргізілді. Пәнаралық зерттеулер негізінен археологиялық іздеу-барлау, қазба жұмыстарынан, геодезия және картография әдістерімен қорымдардың топографиялық жоспарларынан, сонымен бірге, жекелеген археологиялық ескерткіштердің электромагнитті жерасты құрылымдарын барлаудан тұрады. Шалабай 1 қорымындағы № 1 қорғанның құрылымдық ерекшеліктерінің салыстырмалы-типологиялық әдісі (қабір үсті құрылысы және жерлеу камерасы) жерлеудің ерте сақ дәуіріне жататынын көрсетті.Зерттеу барысында алынған нәтижелер зертханалық радиокөміртекті мерзімдеу сараптамасы нәтижелерімен салыстырылды.

Түйін сөздер: Шығыс Қазақстан, Жарма ауданы, ерте сақ кезеңі, қорғандар, электромагнитті жерасты барлау

Results of interdisciplinary research in the Zharma district of East Kazakhstan

Abstract. In the field season of 2020, a complex of interdisciplinary studies was carried out on a number of early nomadic burial mounds of the first half of the 1st millennium BC in the Zharma district of East Kazakhstan. Multidisciplinary research consisted of archaeological surveys and excavations, surveying of the topographic plan of burial grounds using geodesy and cartography, electromagnetic deep sounding of underground structures of individual archaeological sites. A comparative method of the design features of the excavated burial mound no.1 of the Shalabay 1 burial ground (a tombstone structure and a burial chamber) showed that the burial belongs to the Early Saka time. The obtained scientific information was compared with the results of laboratory radiocarbon dating.

Keywords: East Kazakhstan, Zharma district, Early Saka time, mounds, electromagnetic sensing

© 2022 Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Кариев Е.М..

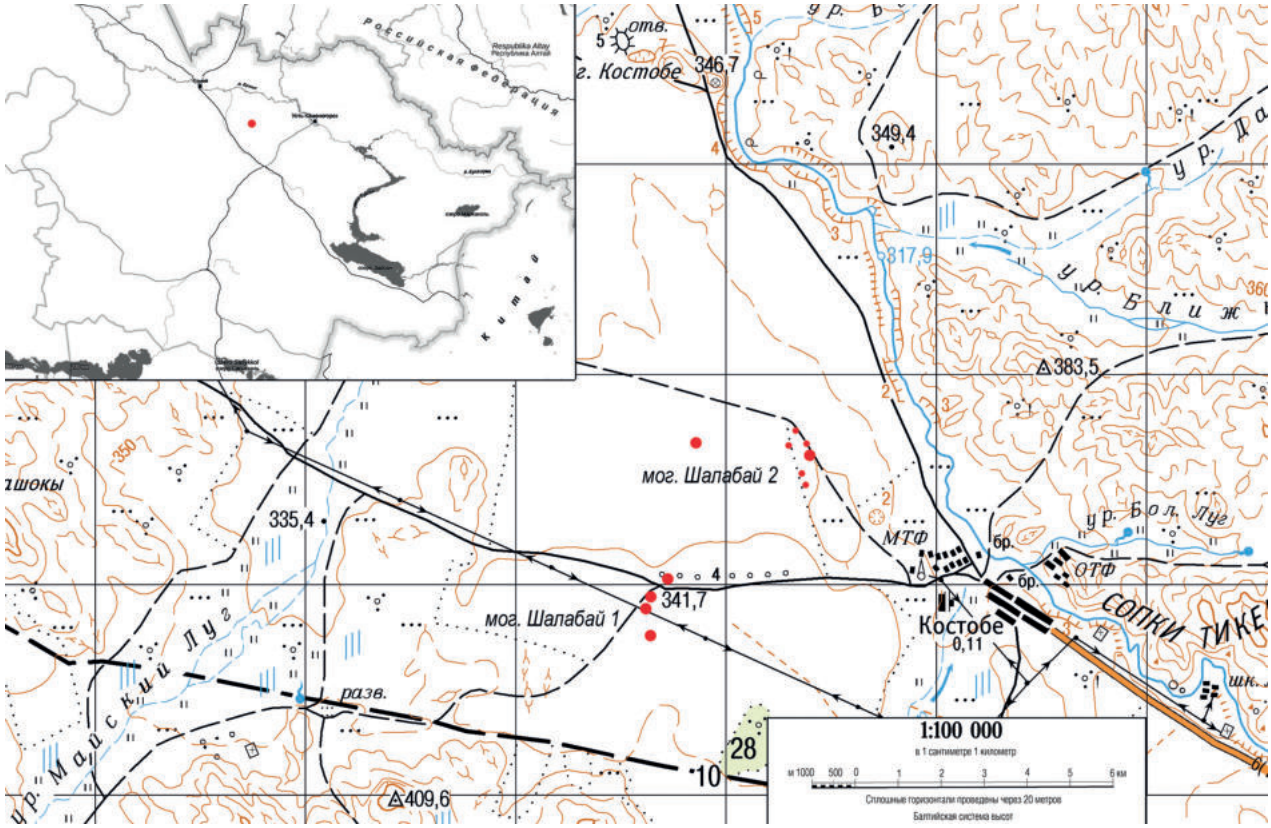

Рис. 1. Карта расположения объектов на могильниках Шалабай 1 и Шалабай 2

В 2020 г. Алтайской археологической экспедицией были исследованы расположенные в западной части Калбинского хребта, на левом берегу реки Кызылсу (рис. 1) памятники эпохи ранних кочевников. Административно объекты археологии относятся к Шалабайскому сельскому округу (Жарминский р-н, ныне – Абайская обл.). Для исследования были выбраны три кургана, два из которых находились в аварийном состоянии, третий – в удовлетворительном. Исследованные объекты расположены в двух могильниках: Шалабай 1 и Шалабай 2. В ходе проведенных в тот же год рекогносцировочных работ была осуществлена топографическая съемка местности, также были проведены геофизические работы по электромагнитному глубинному зондированию площади и примыкающей территории курганов могильника Шалабай 1. Предварительные результаты раскопок и электромагнитного сканирования памятников опубликованы в 2020 г. [Омаров и др. 2020].

Первые сведения историографического характера об этих памятниках мы встречаем в «Археологической карте Казахстана», они были исследованы в 1935–1937 гг. С.С. Черниковым [АКК 1960: 103].

Могильник Шалабай 1 расположен в 10 км к северо-западу от с. Шалабай, в 3,2 км к западу от фермы Костобе (бывшее с. Остриковка), на относительно ровной местности, в центральной части пахотных полей. В могильнике имеется четыре кургана, расположены цепочкой по оси С–Ю с небольшими широтными отклонениями. Расстояния между курганами небольшие – 70–100 м.

Курган № 1 имеет округлое в плане грунтовое с определенной примесью камней наземное сооружение, его высота 0,5 м, диаметр 16 м. На кургане имеется воронка в виде неглубокой выемки размером 1×0,6 м. Верхняя часть кургана подвергалась интенсивной распашке.

В процессе раскопок была оставлена бровка шириной 0,4 м по направлению С–Ю. При расчистке дернового слоя были выявлены камни панцирного покрытия, скорее всего, сползшие со временем к подножию курганного сооружения, образуя каменное кольцо. Изна-

Рис. 2. Могильник Шалабай 1, курган № 1

Рис. 3. Могильник Шалабай 1. Частичная реконструкция кургана № 1

чально эти камни, по всей видимости, были уложены поверх грунтовой насыпи.

При расчистке в центральной части наземного сооружения было найдено значительное количество железных деталей сельхозтехники. По итогам зачистки в середине объекта зафиксировано надмогильное сооружение из относительно крупных камней, уложенных плашмя ложковым и тычковым способом кладки в 3–4 ряда, образуя мощные стены толщиной 1,2–1,5 м. Размеры камней в среднем от 0,8×0,5×0,1 м до 1,6×0,6×0,2 м. По результатам полной расчистки зафиксирована прямоугольная в плане форма надмогильного сооружения размером 3×3 м (рис. 2). С восточной стороны надмогильной конструкции на уровне дневной поверхности были зачищены камни перекрытия дромоса, длина которого составляет 4,2 м, ширина 1,2 м. При расчистке дромоса в пространстве от кольца до захоронения каких-либо находок не было.

Такие конструктивные элементы, как дромос, по мнению А.З. Бейсенова, в большинстве случаев встречаются вкупе с элитарными курганными сооружениями, и согласно особенностям ландшафта, которые влияли на облик памятников того или иного культурного сообщества, представляют собой разного характера сооружения из дерева, камня, а также из грунтовых блоков [Бейсенов 2016а: 88].

При дальнейшей расчистке центральной части было зафиксировано могильное пятно с каменной забутовкой, ориентированное продольной осью с севера на юг, размером 2×1,3 м. Могильная яма имеет подпрямоугольную в плане форму с закругленными углами. В восточной части в плане отчетливо видны следы грабительского лаза. На глубине 0,6 м от дневной поверхности при расчистке камней была обнаружена верхняя часть черепа. На глубине 2 м в процессе углубления зафиксирован комбинированный тип каменного ящика – конструкция в виде цисты из относительно крупных необработанных камней, продольные стенки возведены горизонтальной кладкой в пять рядов, торцевые стенки имеют орфостатно установленные плиты высотой 0,7–0,8 м. В северной части ящика-цисты имеются каменные плиты перекрытия, уложенные плашмя поперечными рядами. Для сооружения памятника использовались камни скальных пород, изредка встречаются камни речного происхождения.

На дне каменного ящика были найдены лишь несколько костных останков: ребра и часть нижней челюсти. Скорее всего, памятник неоднократно подвергался ограблениям в последующие эпохи. После завершения раскопок памятник был частично реконструирован (рис. 3).

Аналогичные наземные конструкции в виде подпрямоугольных сооружений известны в памятниках раннего железного века. Подобного типа надмогильные сооружения фиксируются на памятниках Шиликты [Черников 1965; Толеубаев 2018], Солдатово [Черников 1971а; 1971б; Джумабекова, Базарбаева 2011], Елеке сазы [Самашев 2019; Толеубаев и др. 2019], Восточного Казахстана, а также на памятниках тасмолинской культуры Центрального и Северного Казахстана [Кадырбаев 1966; Хабдулина 1994; Бейсенов 2016б], что является одним из основных особенностей раннесакской погребальной культуры.

По мнению М.К. Хабдулиной, каменные конструкции, лежащие в основании малых курганов, сложенных из земли и камня, по целому ряду признаков перекликаются с деревянными надмогильными сооружениями, вскрытыми под земляными насыпями. О первоначальном внешнем виде каменных насыпей позволяют судить фрагменты сохранившейся кладки, форма, размеры оснований, а также объем камней, рухнувших в погребальную камеру. Анализ фактологических материалов свидетельствует о существовании в древности наземных каменных построек прямоугольных, круглых и многоугольных в плане [Хабдулина 1994: 21]. А.З. Бейсенов, анализируя уже исследованные комплексы бегазы-дандыбаевских памятников, приходит к мнению, что основные конструктивные характеристики погребального обряда раннесакской эпохи сложились еще в эпоху бронзы, и для сакской эпохи Казахстана являются местной традицией [Бейсенов 2016а: 88; 2016б: 123].

Каменные ящики в виде цисты встречаются в большинстве андроновских могильников. Аналогии таких конструкций имеются на памятниках Беткудук, Белокаменка, Малый Койтас в Восточном Казахстане [Ермолаева 2012]. По мнению Н.А. Ткачевой и А.А. Ткачева, погребенные в цистах при жизни отличались высоким социальным статусом в обществе. В период финальной бронзы ящики-цисты почти исчезают, в то же время они продолжают бытовать как исключение [Ткачёва, Ткачёв 2008: 222, 242].

Учитывая конструктивные особенности памятника и полученные нами результаты радиоуглеродного AMS-датирования (рис. 4), погребение датируется VIII–VII вв. до н.э.

Могильник Шалабай 2 расположен в 2,8 км к северо-западу от фермы Костобе, в середине пахотных полей. В могильнике насчитывается пять курганов

разных диаметров и один объект погребально-поминального характера – восьмикаменник, который расположен в северо-западной части большого кургана. Наземные части выбранных нами двух аварийных курганов были разрушены вследствие сельхозработ (рис. 5). В ходе исследования для определения могильного пятна были расчищены разрушенные части до уровня материка.

Курган № 3. Размер могильной ямы 2,4×1,15 м, заполнение с примесью мелких и средних камней отчетливо фиксируется на фоне дневной поверхности. Могильная яма ориентирована по линии оси З–В. При углублении по контуру ямы выявлена каменная забутовка. В восточной части могильной ямы на глубине 0,2 м от дневной поверхности были обнаружены мелкие угольки. При расчистке западной части могильной ямы на глубине 0,5 м камни забутовки отсутствуют (рис. 6), вероятнее всего, это результат ограблений. Средние размеры камней забутовки: 45×19×8 см, 49×29×5 см, 34×23×4 см, 38×12×9 см. Ко дну могильная яма существенно сужается.

На глубине 1,25 м был обнаружен скелет. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, голова отсутствовала (рис. 7, 1). Ориентация погребенного западная. Верхняя часть костей частично потревожена грабителями. При расчистке были зафиксированы фрагменты деревянного предмета (?) в незначительном количестве. Каких-либо других предметов не обнаружено.

Курган № 4. Размер могильной ямы 2,4×1,1 м, заполнение с примесью мелких камней. Могильная яма ориентирована по линии оси З–В. При углублении по контуру ямы выявлена каменная забутовка. Аналогично кургану № 3 в западной части могильной ямы на глубине 0,5 м камни забутовки отсутствуют. Средние размеры камней забутовки: 44×19×6 см, 34×29×7 см, 39×16×8 см, 31×21×4 см.

На глубине 1,35 м был погребен человек (рис. 7, 2), находился в вытянутом положении на спине, череп, как и в предыдущем кургане, отсутствовал. Остальные кости в положении in situ. Сохранность костей удовлетворительная. Погребальный инвентарь не обнаружен. Оба памятника ограблены ранее. После завершения раскопок была произведена рекультивация обоих курганов.

Что касается культурно-хронологического аспекта, то, учитывая топографические особенности расположения памятников и ориентацию погребенного в могильной яме, мы можем датировать курганы № 3 и 4 ранним железным веком. Дальнейшие исследования в этом направлении, а также получение серии радиоуглеродных дат позволят располагать новыми данными о верхних и нижних хронологических границах памятника.

Результаты электромагнитного профилирования. Полевые геофизические изыскания проводились при помощи аппаратуры электромагнитного профилирования (АЭМП-14), разработанной в лаборатории электромагнитных полей Института геофизики СО РАН (г. Новосибирск, РФ). Аппаратура реализует метод электромагнитного индукционного частотного зондирования и представляет собой трехкатушечный зонд. Генераторный контур излучает электромагнитное поле на 14 частотах в диапазоне 2,5–250 кГц [Балков, Манштейн 2001: 17]. Также аппаратура является автономным устройством с внутренним аккумулятором и постоянным запоминающим устройством и работает без гальванического контакта со средой, устойчива к воздействию внешних электромагнитных помех.

Данный аппарат глубинного зондирования предназначен для круглогодичных исследований приповерхностного пространства при решении широкого спектра задач, в том числе и археологии [Балков, Манштейн 2001: 18]. Аппаратура успешно использовалась при полевых археологических исследованиях на таких памятниках РФ, как городище Чича-1, Барсучий Лог, Умревинский острог в Новосибирской области, Денисова пещера, Усть-Канская пещера и палеолитические стоянки Алтайского края, памятники пазырыкской культуры Горного Алтая, а также на памятниках Монголии [Эпов и др. 2005: 503–508; Балков и др. 2006: 43–50].

В Казахстане аппаратура применялась на таких археологических памятниках, как Берел, Шиликты, Елеке сазы, Акбауыр в Восточном Казахстане, на памятниках Козыкош и Коктал близ г. Нур-Султана, на средневековом мавзолее Жанибек-Шалкар (Коргалжынский р-н, Акмолинская обл.).

Сканирование площади и сопредельной территории кургана № 2 могильника Шалабай 1. Площадь зондирования составила 20×20 м, что полностью охватывало участок наземного сооружения и примыкающую территорию. Зондирование проводилось по оси С–Ю, расстояние между пикетами (контрольными точками фиксации) составляло 1 м, расстояние между профилями также 1 м.

В общей сложности отработано 20 профилей и 400 пикетов на 14 частотах.

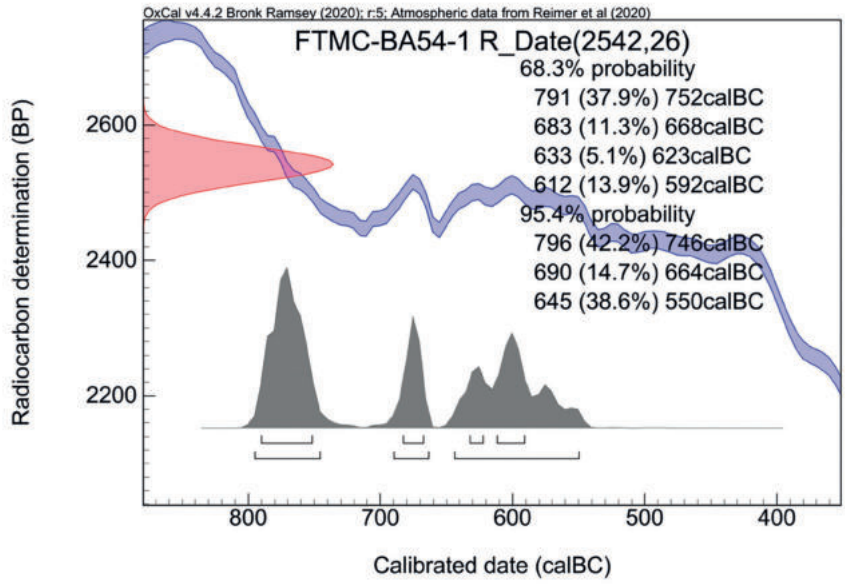

Рис. 4. Результаты радиуглеродного AMS-датирования кургана № 1 могильника Шалабай 1

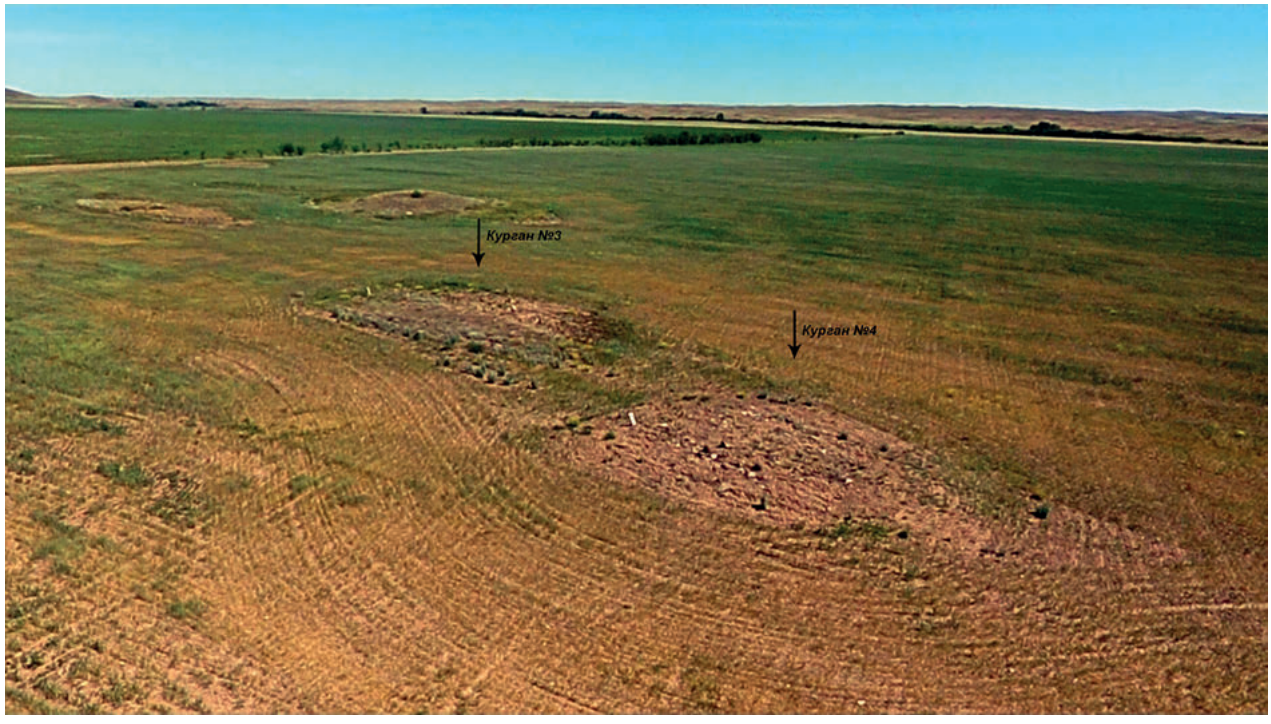

Рис. 5. Могильник Шалабай 2. Общий вид

Предварительные итоги обработки показали, что рабочие частоты зондирования 10–14, это в совокупности составляет порядка 5 м. Данный уровень вполне удовлетворителен для памятников этого круга. По существу, информативны только частоты 13 и 14.

По результатам поэтапного зондирования с помощью синхронизированных с прибором рабочих программ ISystems и Surfer 13 получена комплексная картина структуры кургана (рис. 8а).

Ситуация по частотам

Частота № 14, глубина порядка 1 м, на юго-юго-западной части наземного сооружения на отмеченной глубине фиксируются повреждения в виде продольных диагональных борозд разных размеров и протяженности, вероятно, это следы распашки и антропогенного присутствия (полевой стан и т. д.).

Остальные частоты 10–13 и разрезы по профилям показывают (рис. 8б), что курган имеет достаточно мощное панцирное покрытие, наименьшая проводимость которого в северной части, что вкупе с прослеживаемым в северо-западной части участком с высокой проводимостью может указывать на то, что памятник был ограблен и грабительский выкид сконцентрирован в северной части.

Сканирование площади и сопредельной территории кургана № 3 могильника Шалабай 1. Площадь зондирования составила 25×25 м, что полностью охватывало участок наземного сооружения и примыкающую территорию. Зондирование проводилось по оси С–Ю, расстояние между пикетами (контрольными точками фиксации) составляло 1 м, расстояние между профилями также 1 м.

В общей сложности отработано 25 профилей и 625 пикетов на 14 частотах (рис. 9а).

Предварительные итоги обработки показали, что рабочие частоты зондирования 10–14, это в совокупности составляет порядка 5 м. Данный уровень вполне удовлетворителен для памятников этого круга. По существу, информативны только частоты 13 и 14.

Рис. 6. Могильник Шалабай 2, курган № 3. Каменная забутовка в могильной яме

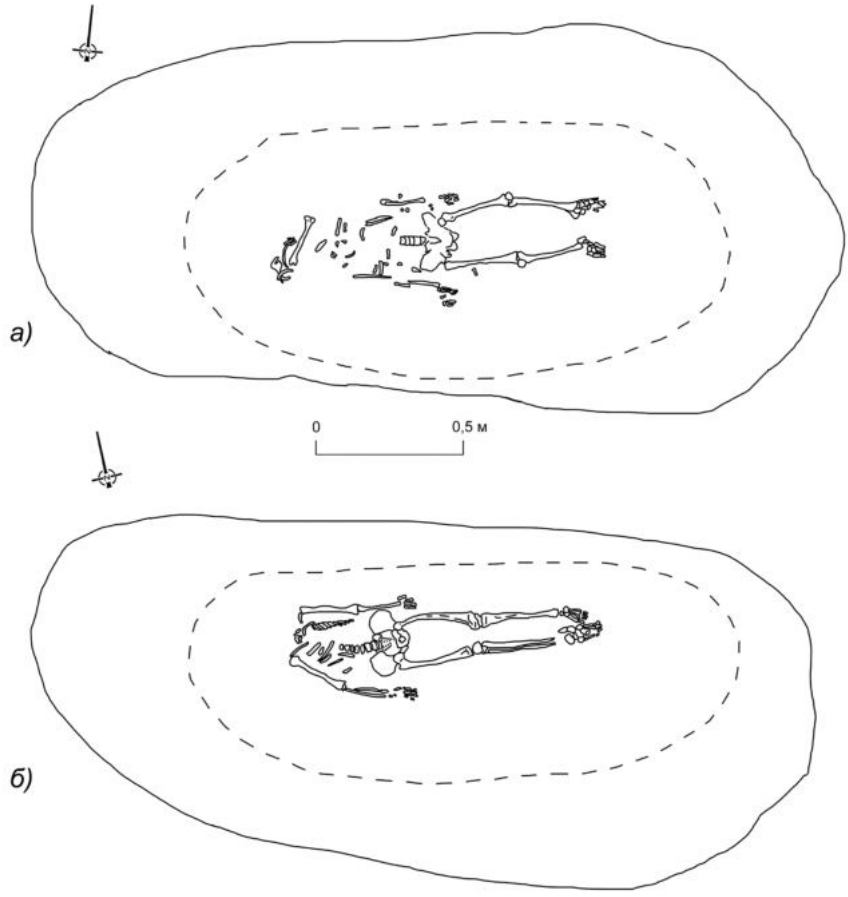

Рис. 7. Могильник Шалабай 2: а – погребение человека в кургане № 3; б – погребение человека в кургане № 4

По результатам поэтапного зондирования с помощью синхронизированных с прибором рабочих программ ISystems и Surfer 13 получена комплексная картина структуры кургана.

Ситуация по частотам

Частота № 14, глубина порядка 1 м, показала, что курган имеет мощную каменную структуру, вероятно, панцирь-покрытие; проводимость, начиная с приповерхностной частоты, практически нулевая. Четко прослеживаются повреждения в каменной структуре, по всей видимости, места грабительских вторжений; на частоте 14 считываются три таких участка с меньшей сопротивляемостью.

Частоты 12 и 13 показывают, что структур две, сравнительно объемное расположено в центральной части с отклонением к ССЗ (рис. 9б). Частоты 10–11, как и профильные разрезы, малоинформативны по причине явно читаемых аномалий и искажений вследствие мощного непроводящего пласта.

При помощи аппаратурно-программного комплекса АЭМП-14 были получены детальные карты в плане и профильные геоэлектрические разрезы, построенные с учетом рельефа земной поверхности. Как показали итоги зондирования, оба кургана ограблены. Вследствие мощного каменного покрытия каких-либо явных признаков погребальных камер и других подземных структур зафиксировать не удалось.

Использование подобных аппаратов для получения геоэлектромагнитных данных дает дополнительную информацию, позволяющую локализовать подземные объекты и составить представление о фронте предстоящих работ.

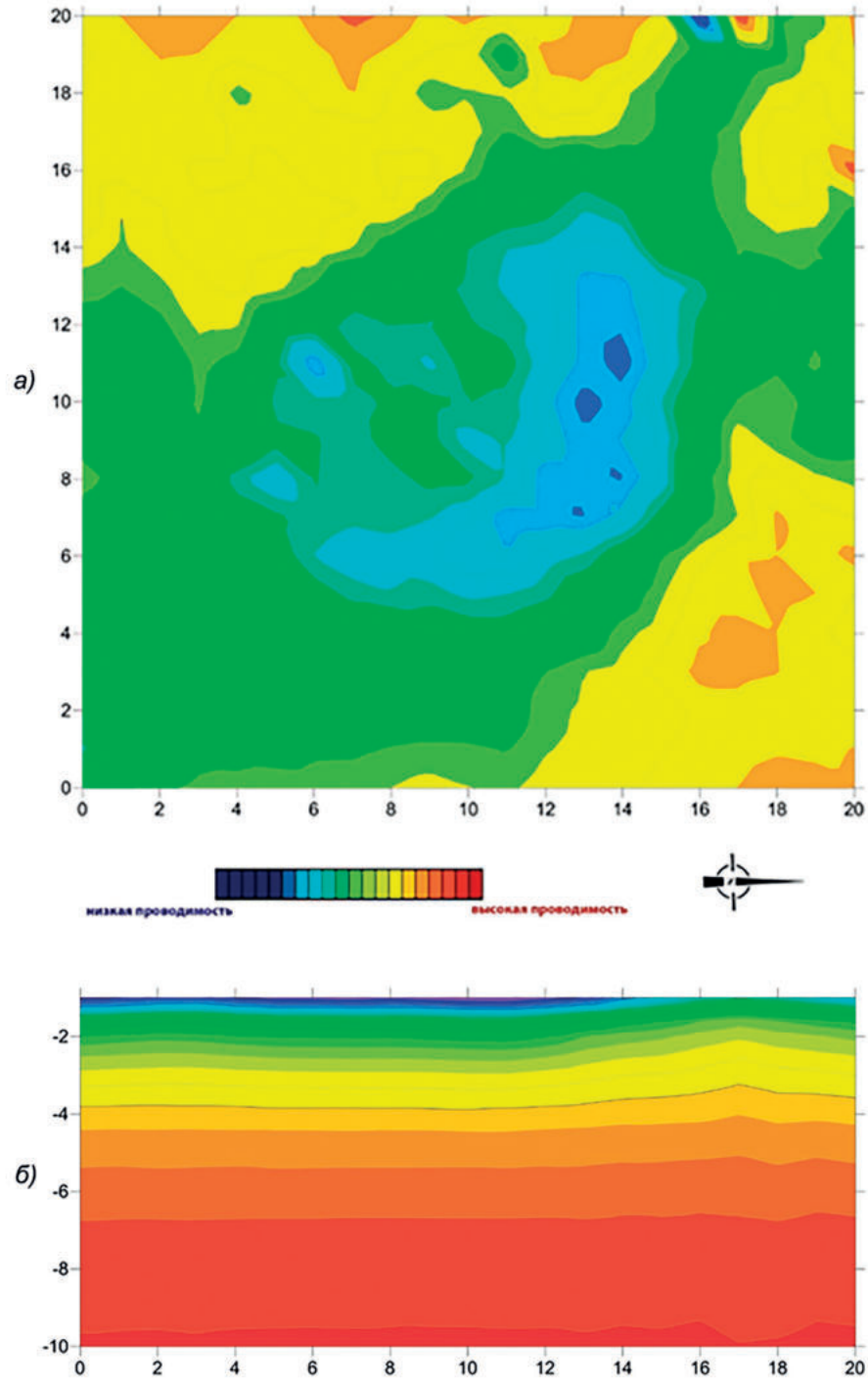

Рис. 8. Результаты электромагнитного профилирования объекта № 2 могильника Шалабай 1: а – результаты зондирования площади кургана на частоте 14 (1 м); б – профильный разрез площади кургана

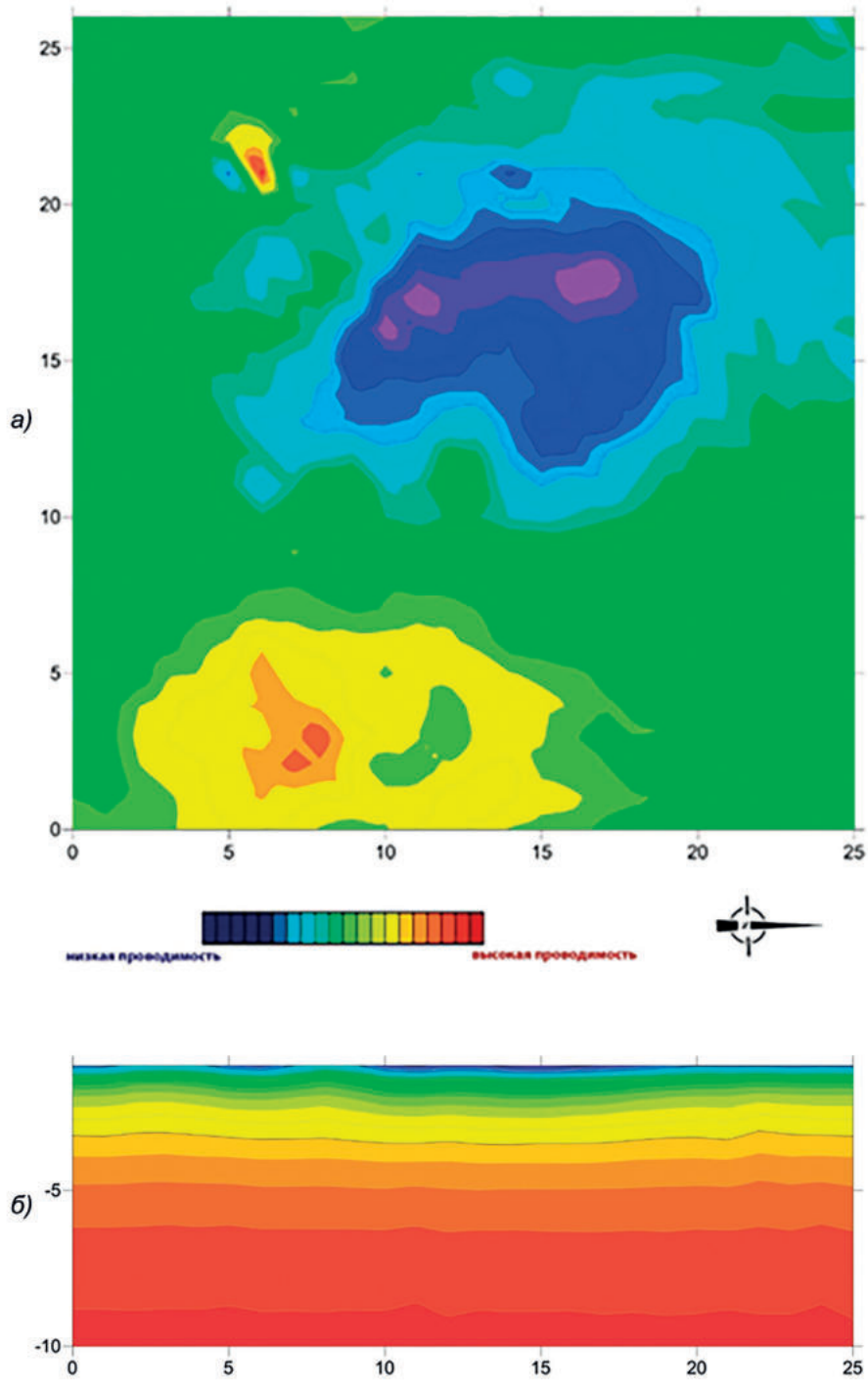

Рис. 9. Результаты электромагнитного профилирования объекта № 3 могильника Шалабай 1: а – результаты зондирования площади кургана на частоте 14 (1 м); б – профильный разрез площади кургана

ЛИТЕРАТУРА

АКК – Археологическая карта Казахстана: реестр / Сост.: Е.И. Агеева, К.А. Акишев (отв. ред.), Г.А. Кушаев, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 449 с.

Балков Е.В., Манштейн А.К. Трехкатушечный зонд в индукционном зондировании // Геофизический вестник. 2001. № 12. С. 17–20.

Балков Е.В., Манштейн А.К., Чемякина М.А., Манштейн Ю.А., Эпов М.И. Опыт применения электромагнитного частотного зондирования для решения археолого-геофизических задач // Геофизика. 2006. № 1. С. 43–50.

Бейсенов А.З. Дромосные курганы сакской эпохи урочища Назар (Центральный Казахстан) // Самарский научный вестник. 2016а. № 1 (14). С. 84–93.

Бейсенов А.З. Памятники раннего этапа тасмолинской культуры // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: История. 2016б. № 1 (39). С. 119–126.

Джумабекова г.С., Базарбаева г.А. В поисках следов свернувшейся пантеры: к изучению памятников Майемерской степи // История и археология Семиречья. Алматы: Фонд «Родничок», 2011. Вып. 4. С. 67–88.

Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. 238 с.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.

Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Кариев Е.М., Сагындыкова С.Т. Полевые исследования в Жарминском районе Восточно-Казахстанской области (результаты электромагнитного профилирования) // Естественнонаучные методы в современных археологических исследованиях: теория и практика. М-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 30 октября 2020 г.) / Отв. ред. Г.Т. Бексеитов. Алматы: Қазақ университеті, 2020. С. 49–56.

Самашев З. К вопросу о формировании раннесакского культурного комплекса в Восточном Казахстане // Turkic Studies Journal. 2019. № 1. Т. 1. С. 37–60.

Ткачёва Н.А., Ткачёв А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.

Толеубаев А.Т. Раннесакская шиликтинская культура. Алматы: ИП «Садвакасов А.К.», 2018. 528 с.

Толеубаев А.Т., Жуматаев Р.С., Омаров Г.К., Шакенов С.Т., Бесетаев Б.Б., Ергабылов А.Е. Результаты археологических исследований 2019 г. на могильнике Елеке сазы 2 // Маргулановские чтения 2020: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 2. С. 172–197.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука, 1965. 190 с.

Черников С.С. Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1971а г. // Архив ИА КН МОН РК, ф. 2, оп. 2, д. 1231, 6 л.

Черников С.С. Альбом Восточно-Казахстанской экспедиции ЛОИА АН СССР 1971б г. // Архив Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея, папка Арх-104: КПо43–15444, 1–22.

Эпов М.И., Молодин В.И., Манштейн А.К., Манштейн Ю.А., Балков Е.В., Чемякина М.А., Шурина Э.П., Ковбасов К.В. Геофизические исследования археологических памятников // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI. С. 503–508.

В.С. ВОЛОШИН

Валерий Степанович Волошин,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан; sania_a-49@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ из АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ПОЗДНЕГО ГОЛОЦЕНА

(по материалам памятников в верховьях р. Ишим)*

Аннотация. В статье дается описание целого ряда типов каменных изделий, полученных на памятниках каменного века (поздний голоцен): Вишнёвка-1 (верхний горизонт), Вишнёвка 7, 8 и Тургеневка-15 в верховьях реки Ишим (Северный Казахстан). Имеющиеся стратиграфические данные, радиоуглеродная дата (Тургеневка-15), а также технико-типологические аналогии с памятниками Шидерты-3, Экибастуз-17, Ижевский-8, Жуантобе-1 и Шокпартас указывают на хронологический интервал данных типов изделий – поздний неолит, энеолит и эпоха бронзы, то есть IV–II тыс. до н.э. В Тургеневке-15 засвидетельствовано уникальное явление – переживание каменной индустрии с бифасами в эпоху развитой бронзы (XIV в. до н.э.).

Ключевые слова: поздний неолит, энеолит, эпоха бронзы, бифас, бифасиальное изделие, кливер, тесак, топор, скребло

Кейінгі голоцендегі археологиялық кешеннен алынған тастан жасалған заттардың кейбір түрлері жайында (Есіл өзенінің жоғарғы ағысы ескерткіштері материалдары бойынша)

Аннотация. Мақалада Вишневка-1 (жоғарғы қабаты), Вишневка 7, 8 және Есіл өзенінің (Солтүстік Қазақстан) жоғарғы ағысындағы Тургеневка-15 секілді тас дәуіріне (соңғы голоцен) жататын ескерткіштерден табылған тас құралдар толығымен сипатталған. Қол жеткен стратиграфиялық деректер, радиокөміртекті кезеңдеу (Тургеневка-15), сонымен қатар Шідерті-3, Екібастұз-17, Ижевский-8, Жуантөбе-1 және Шоқпартас ескерткіштерінен табылған тас құралдармен техникалық және типологиялық ұқсастықтар бұл құралдардың хронологиялық шегі – кейінгі палоелит, энеолит және қола дәуіріне, яғни б.д.д. IV–II мыңж. тән екендігін көрсетті. Тургеневка-15-те ерекше құбылыс – дамыған қола дәуірінің (б.д.д. XIV ғ.) бифасты тас өнеркәсібінің сақталуы анықталды.

Түйін сөздер: кейінгі неолит, энеолит, қола дәуірі, бифас, бифасты құрал, жебе, кескіш, балта, қырғыш

About some types of stone products from archaeological complexes of the late Holocene (based on the materials of monuments in the upper reaches of the Ishim River)

Abstract. The article describes a number of types of stone artifacts obtained at the monuments of the Stone Age (Late Holocene): Vishnevka-1 (upper horizon), Vishnevka 7, 8 and Turgenevka-15 in the upper reaches of the Ishim

© 2022 Волошин В.С.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта OR11465466.*

River (Northern Kazakhstan). The available stratigraphic data, radiocarbon date (Turgenevka-15), as well as technical and typological analogies with the monuments of Shiderty-3, Ekibastuz-17, Izhevsk-8, Zhuantube-1 and Shokpartas indicate the chronological interval of these types of artifacts as late Neolithic, Eneolithic and Bronze Age, that is, 4th–2nd thousand BC. A unique phenomenon was witnessed in Turgenevka-15 – the stone industry with chippers in the era of the developed Bronze Age (14th century BC).

Keywords: late Neolithic, Eneolithic, Bronze Age, chipper, chipper artifact, cleaver, hatchet, axe, scraper

Как показывают археологические находки, обнажения горных пород девона в окрестностях пос. Аршалы (Вишнёвка) и с. Ижевское (верховья р. Ишим) в течение длительного времени (верхний плейстоцен и голоцен) служили постоянной сырьевой базой древним жителям данной территории. Залегающие здесь в толще конгломерато-песчаников прослои окремненных пород – ороговикованного алевролита и алевритового туффита при своем разрушении производили обильный материал в виде кливажированных блоков и плиток, обломков, которые в настоящее время местами сплошь покрывают поверхности сопок, образующих коренные склоны долины Ишима. Породы эти достаточно легко поддаются намеренному расщеплению, формируя раковистый излом, и вместе с этим – воздействию внешних агентов среды, будь то процессы химического выветривания, ожелезнения и водного окатывания или же эоловой корразии, оставляющей свои следы в более широких временных рамках.

Зафиксированные на памятниках Вишнёвка-1, 3, 4 и 6, Ижевское-8 многочисленные случаи суперпозиции фасов на каменных артефактах не оставляют сомнений в существовании среди этих материалов отдельных хронологических серий, в том числе более дробных, то есть более узкого хронологического интервала, чем это обычно принято делить в каменном веке Казахстана. Например, если для комплекса верхнего ашеля Вишнёвки-3 характерны артефакты с сильной степенью эоловой корразии фасов, предварительно испытавших интенсивное химическое выветривание, а для среднего палеолита Вишнёвки-4 – артефакты со средней степенью такой корразии, то в более поздних сериях на этих и других памятниках признаков эоловой корразии на поверхностях артефактов вообще не наблюдается – здесь при хронологическом расчленении материала «работают» уже другие факторы (химическое выветривание, водная окатанность). Образцы раннего верхнего палеолита в Вишнёвке-1 и 4 обычно сильно заглажены, либо сильно выветрены и ожелезнены; изделия времени позднего верхнего палеолита на этих же памятниках в открытом залегании заглажены и выветрены в средней степени, а в погребенном положении – почти «свежие» (Вишнёвка-1). Отличаются в этом отношении и артефакты более позднего времени: для выделяемого нами комплекса времени позднего неолита–энеолита в Вишнёвке-1, 4, 6, 8, а также Ижевском-8 характерна слабая степень химического выветривания поверхностей, а для предполагаемого более позднего комплекса (эпоха бронзы) в Вишнёвке-7 и Тургеневке-15 негативы сколов совершенно «свежие».

Ниже речь пойдет именно об этом позднеголоценовом пласте каменных индустрий в верховьях р. Ишим, представленном здесь рядом памятников. На памятнике Вишнёвка-1 перемешанный материал обоих комплексов включен в толщу ископаемой почвы, возраст которой предполагается как эпоха бронзы (II тыс. до н.э.) – расчленение этих комплексов по признакам выветривания и заглаженности артефактов здесь практически невозможно, возможно только соотнесение отдельных изделий с другими, более определенными памятниками на основании типологического сходства. Памятник Вишнёвка-8 – это небольшое местонахождение позднего неолита–энеолита на левом берегу Ишима, напротив Вишнёвки-1; материал собран в 1981 г. на поверхности современной почвы, венчающей разрез первой надпойменной террасы. Памятник Вишнёвка-7 – также небольшое местонахождение, расположено оно на правом берегу реки среди дачных огородов; небольшая коллекция артефактов «свежей» фактуры собрана в 1981 г. на распаханном участке почвы на поверхности высокой поймы.

Памятник Тургеневка-15, расположенный примерно в 20 км выше по течению реки от пос. Аршалы, в окрестностях одноименного села, является уникальным явлением – небольшой по площади (около 1,5 кв. м) «точёк», интенсивно насыщенный продуктами расщепления красного алевритового туффита (источник сырья – памятник Вишнёвка-6), представляющей собой почти исключительно мелкие сколы и чешуйки, реже – сколы, обломки и несколько двусторонне обработанных изделий «свежей» фактуры (всего 9785 экз.). Работы проведены в 1992 г. Археологический материал залегает в разрезе высокой поймы (высота около 4 м) на глубине около 40 см от поверхности, в ископаемой почве (суглинок темно-серый гумусированный), мощностью 25 см; поверх почвы здесь залегает слой светло-серого суглинка, который, в свою очередь, пе-

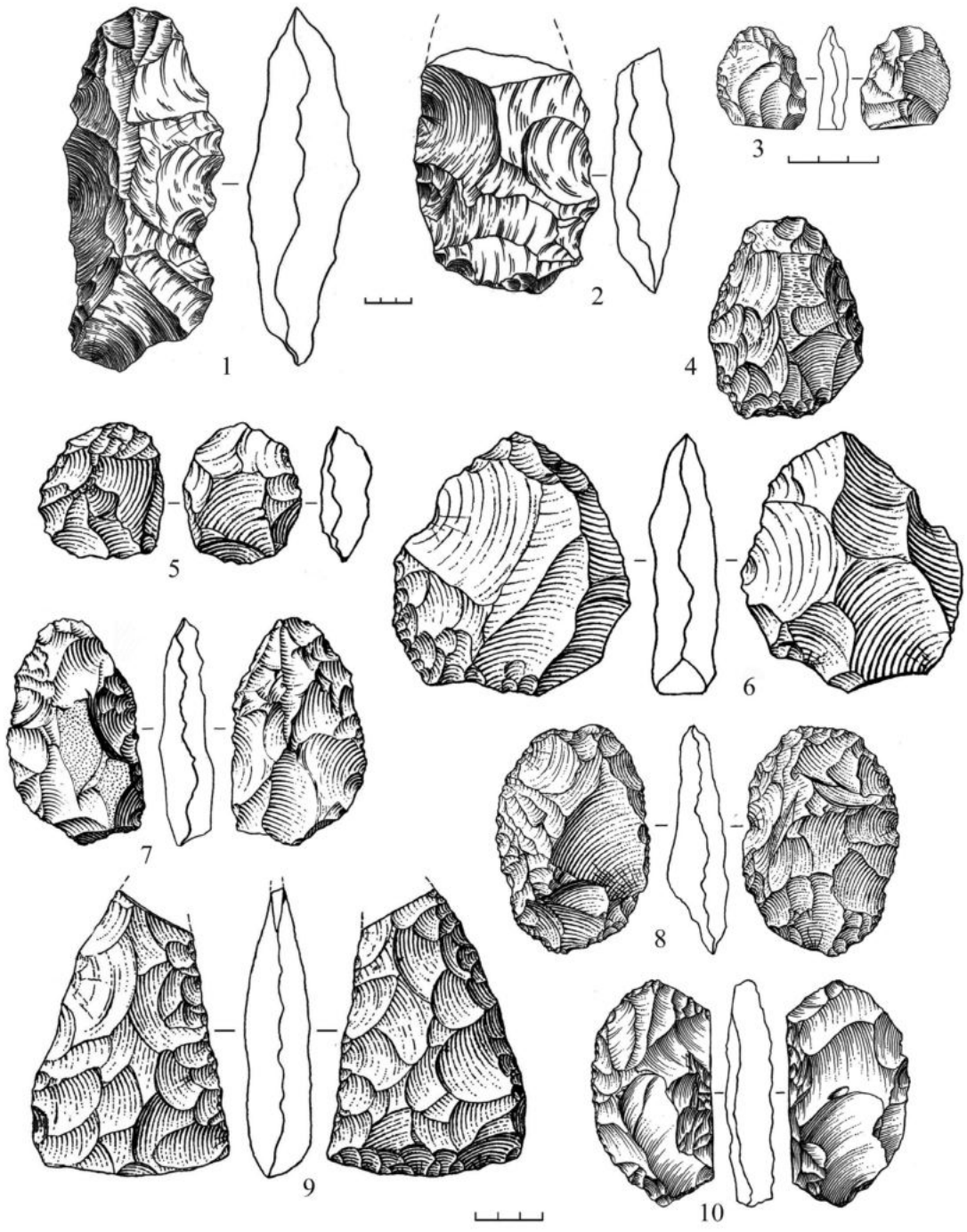

Рис. 1. Каменные изделия: 1 – крупный бифас-пика; 2 – фрагмент крупного бифаса; 3, 7, 8 – бифасные ножи; 4, 6 – бифасы-рубила; 5 – дисковидный бифас; 9 – подтреугольный бифас-нож; 10 – бифас с боковым ушком

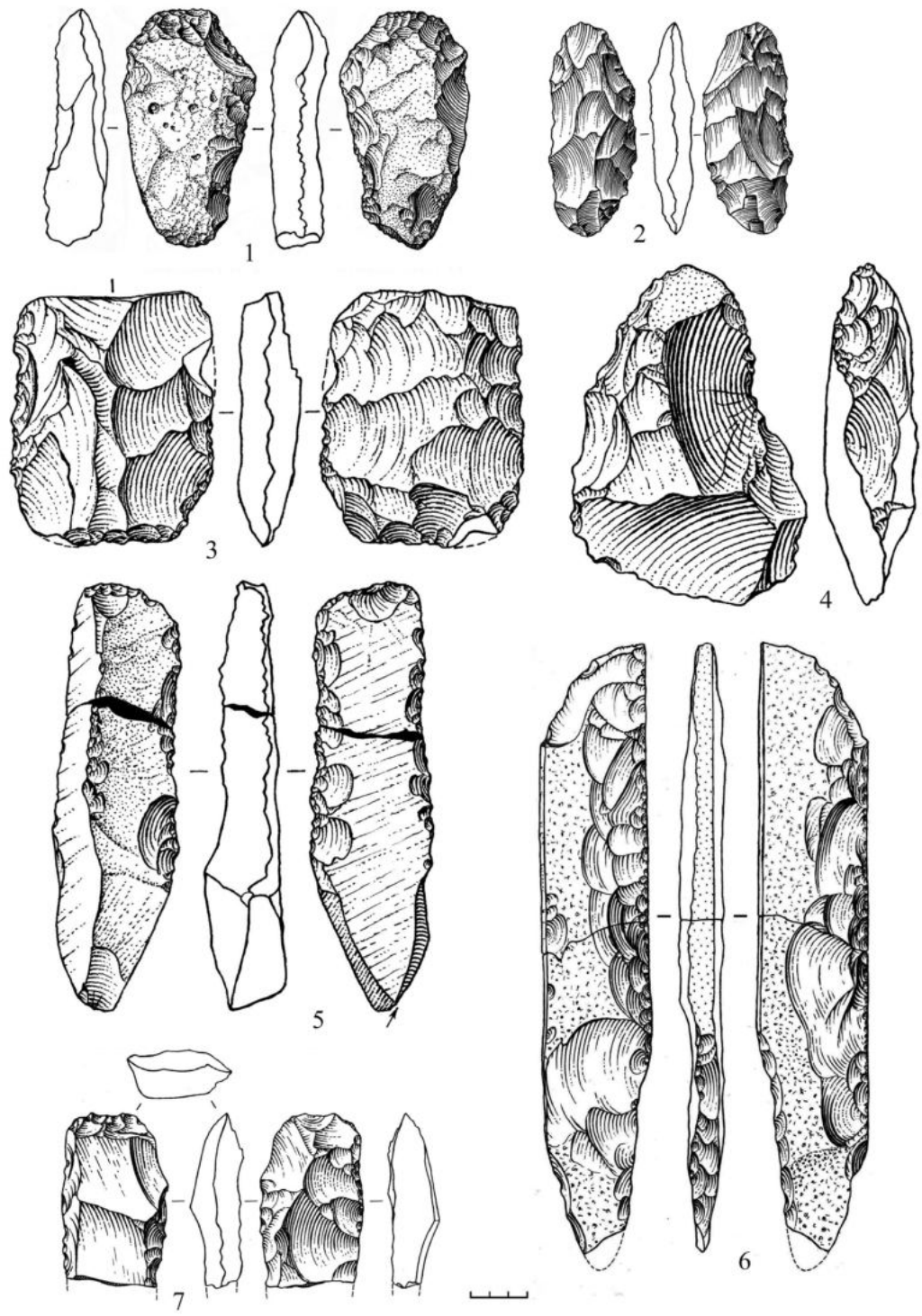

Рис. 2. Каменные изделия: 1 – топор; 2 – лавролистный бифас; 3 – бифас-топор; 4 – кливер; 5, 6 – тесаки; 7 – фрагмент тесака

рекрыт маломощной супесчаной современной почвой. Ниже почвы с находками прослеживаются еще два почвенных слоя, чередующихся с горизонтами серых суглинков; среди последних в нижней части разреза появляются линзы аллювиального песка. В основании разреза лежит толща косослоистого песка.

Среди материалов памятников позднеголоценового пласта каменных индустрий выделен целый ряд типов изделий с двусторонней (бифасы) и частично двусторонней (бифасиальные орудия) обработкой, которые заслуживают здесь особого внимания.

Крупный и массивный удлиненной формы бифас (рис. 1, 1) представляет собой вполне законченное обработкой изделие типа пики: верхнее окончание у него оформлено серией лицевых плоских и продолговатых фасов, боковые края в профиль изломаны, нижнее окончание утончено широким лицевых фасом. Размеры орудия 27,3×10,0×7,1 см Изделие найдено в поверхностном залегании на Вишнёвке-1, изготовлено из красноватого алевритового туффита, поверхности почти «свежие». Аналог этому бифасу нам известен среди кварцитовых материалов со «свежей» фактурой из местонахождения Таскудук-1 в Левобережном Прииртышье (обнаружено М.Н. Клапчуком).

Крупный бифас ашельского облика, представленный фрагментом из Вишнёвки-1, найденным в поверхностном залегании (рис. 1, 2). Изделие оформлено широкими фасами с обеих сторон, боковые края в профиль изломаны, шириной 11,1 см, толщиной 3,9 см Поверхности со слабой степенью химического выветривания. Орудие изготовлено из темно-серого ороговикованного алевролита; аналог – крупный и относительно плоский кварцитовый бифас со «свежей» фактурой из леваллуа-ашеля Кудайколь I [Медоев 1968].

Бифасиальное орудие асимметричной формы в виде ножа с выпуклым лезвием (рис. 1, 3). Изделие получено из раскопа Вишнёвки-1, изготовлено из темно-серого алевролита, имеет следы слабого химического выветривания. Противоположный лезвию край тщательно обработан двусторонними фасами и фасетками, основание наискось усечено и утончено двумя лицевыми фасами. Размеры орудия 7,0×5,1×1,7 см. Близкие по форме асимметричные ножи из кварцита найдены при раскопках стоянки энеолита – ранней бронзы Экибастуз-17 [Мерц 2005].

Изделие из темно-серого алевролита, найденное в поверхностном залегании на Вишнёвке-1 (рис. 1, 4), близко напоминает сердцевидные бифасы-рубила среднего палеолита. Его лицевая сторона несколько более выпуклая, оба края в профиль достаточно ровные, обработка отличается заметной тщательностью; размеры изделия 9,0×6,9×2,8 см. Поверхности со слабой степенью химического выветривания. Близкие аналоги имеются в энеолитическом слое 1а памятника Шидерты-3.

Небольшой дисковидный бифас из красного туффита, найденный в поверхностном залегании на Вишнёвке-1 (рис. 1, 5), представляет собой нуклеус для снятия мелких и плоских отщепов в радиальной системе расщепления. На верхнем его конце оформлена выпуклая фасетированная площадка, еще не использованная при расщеплении. Размеры орудия 6×5,5×2,3 см. Изделие имеет слабую степень химического выветривания. Близкие аналоги известны из энеолитических комплексов слоя 1а Шидерты-3, Экибастуза-17 и Шокпартаса [Варфоломеев 2021]. Нужно отметить, что на Вишнёвке-1, а также в Жуантобе-1 [Волошин 2021а; 2021б] найдены также более крупные и массивные дисковидные ядрища, некоторые из них имеют одну или даже несколько фасетированных площадок типа «chapeau de gendarme».

Бифас нуклеовидный с заостренным окончанием из темно-серого алевролита (рис. 1, 6) найден в поверхностном залегании на Вишнёвке-1. Изделие имеет в основании граненую пятку, верхний конец заострен небольшими лицевыми фасами и фасетками таким образом, чтобы острие пришлось как раз на рельефную грань между негативами сколов с обратной стороны; на одном из краев чешуйчатой ретушью оформлено выпуклое скребловидное лезвие. Размеры орудия 12×10,3×2,8 см. Изделие имеет слабую степень химического выветривания. Бифасы с заостренным окончанием и с пяткой в основании имеются в Ижевской-6 [Волошин 2017], Экибастузе-17 и Шокпартасе.

Бифасиальное орудие (нож) со скошенной привершинной площадкой, изготовленное из темно-серого алевролита (рис. 1, 7), происходит из раскопа Вишнёвки-1. В отличие от орудия (рис. 1, 3) здесь тщательному двустороннему оформлению подвергнуто именно лезвие, а площадка в виде скошенной грани в верхней части изделия лишь утончена рядом лицевых фасов. Размеры орудия 9,0×5,8×2,3 см. Фактура негативов практически «свежая».

Бифас овальный (нож) из красного туффита (рис. 1, 8) найден на памятнике Вишнёвка-7. Изделие отличается правильностью формы и тщательностью оформления различными фасами и фасетками с обеих сторон; создается впечатление, что лезвие его – дугообразно-выпуклое по своему очертанию – так до конца

и не было отделано фасетками ретуши (в профиль оно сохранило отдельные выступы-зубья). Размер орудия 9,7×6,6×2,4 см. Фактура негативов «свежая». Аналоги известны в слоях 1а и 2а Шидерты-3, в Экибастузе-17, Ижевской-6; в последнем памятнике имеются овальный бифас с долотовидным лезвием на конце и неправильно-овальный бифас [Волошин 2017: рис. 3, 5, 6].

Бифас подтреугольной формы из приносной серой окремненной породы, представленный фрагментом (рис. 1, 9), происходит из раскопа Вишнёвки-1. Изделие сплошь обработано с обеих сторон фасами, обе стороны относительно плоские, ширина 7,5 см, толщина 2,5 см. Слегка выпуклые основание и один из боковых краев в аккомодационных целях отесаны серией небольших крутых фасов (служили обушками); другой край – ровный прямой – тщательно обработан пологими двусторонними фасами и небольшими альтернативными фасетками, придавшими нити лезвия пильчатый характер (такое лезвие могло служить и как рубящее). Фактура негативов изделия практически «свежая». Бифасы подтреугольной формы известны в слое 2а Шидерты-3 (средний неолит) и Экибастузе-17 (энеолит–ранняя бронза) – и в том и другом случае они описаны как рубящие орудия с лезвием в основании, то есть топоры [Мерц 2005; 2019], а также среди подъемных сборов Вишнёвки-4, где эти орудия более разнообразны.

А.Г. Медоев относил бифасы «треугольного типа» из местонахождений Семизбугу и Бале к финальному ашелю среднего плейстоцена [Медоев 1982]. Сейчас, с учетом новых находок, такие формы изделий более правильным было бы отнести к бифасам-клевцам неолита. Крупный и плоский бифас подтреугольной формы из кварцита со «свежей» фактурой негативов сколов имеется также в коллекции Кудайколя – ранее он был отнесен к леваллуа-ашелю I среднего плейстоцена [Медоев 1982], сейчас же такая атрибуция представляется не совсем правдоподобной.

Бифас с боковым обушком из красного туффита (рис. 1, 10) получен из слоя ископаемой почвы в Тургеневке-15. Изделие тщательно обработано плоскими и широкими фасами и – по дугообразному лезвию – небольшими фасами и фасетками по типу скребла plano convex. Обушок утончен сколами с обеих сторон. Размеры орудия 10×5,3×2,1 см. Фактура негативов «свежая». Аналоги известны в Вишнёвке-4, где изделия подобного типа, имеющие, кстати, некоторый нуклеовидный облик, присутствуют в разных хронологических сериях, то есть среди «свежих» артефактов и артефактов с химическим выветриванием негативов сколов, а также в Семизбугу 10А среди артефактов «мустьерского» и «позднемустьерского» комплексов [Артюхова, Мамиров 2014: рис. 47, 1; 78, 1].

Крупное бифасиальное орудие в виде топора из приносной серой окремненной породы (рис. 2, 1) происходит из раскопа Вишнёвки-1. Изделие грубо обработано небольшими двусторонними фасами на вогнутом краю, противоположный слегка выпуклый край естественно-обушковый. Лезвие на конце толстое и крутое, в профиль слегка изломано, обработано небольшими фасами с двух сторон (забито от использования). Размер орудия 13,5×7,3×3,1 см. Фактура негативов «свежая». Аналоги известны в Экибастузе-17 и на многих памятниках неолита–энеолита.

Бифас удлиненной (неправильно-лавролистной) формы из красного туффита (рис. 2, 2) получен из слоя ископаемой почвы в Тургеневке-15. Функциональное назначение его непонятно. Размеры орудия 11,4×4,7×2,3 см Фактура негативов «свежая». Аналогичные изделия имеются в Вишнёвке-4 и 6, а также в Экибастузе-17. Близкие к нему формы – элипсовидные бифасы (limande) известны на этих же памятниках, а также в Жуантобе-1 [Волошин 2021а: рис. 3, 1], Шокпартасе [Варфоломеев и др. 2021: рис. 3, 5] и в «мустьерских комплексах» Семизбугу 10А [Артюхова, Мамиров 2014: рис. 55, 77].

Крупный и широкий бифас в виде топора с отсеченным верхним концом из темно-серого алевролита (рис. 2, 3) найден в Вишнёвке-8. Изделие оформлено широкими и плоскими фасами, края ровные и острые, прямое лезвие обработано небольшими фасами с заломами с обеих сторон. Размер орудия 12,2×10,0×3,2 см. Фактура негативов со слабой степенью химического выветривания. Аналог сходного широкого топора (рубящего орудия) имеется среди кварцитового материала Экибастуза-17.

Крупное и массивное рубящее орудие подтреугольной формы в виде кливера из темно-серого алевролита (рис. 2, 4) найдено также в Вишнёвке-8. Изделие изготовлено из обломка породы, в профиль двояковыпуклое, оформлено с одной стороны (унифас) и достаточно грубо: на одном краю – крутыми и притупливающими фасами с заломами, на другом – широким выемчатым фасом (отщеп данного негатива также был найден на площади памятника) и дополнительно несколькими чешуйчатыми фасетками. На окончании лезвие кливера было оформлено широким скошенным фасом и плоским фасом с заломом на углу. Размеры орудия 17,0×11,4×4,3 см. Фактура негативов со слабой степенью химического выветривания. Аналоги непо-

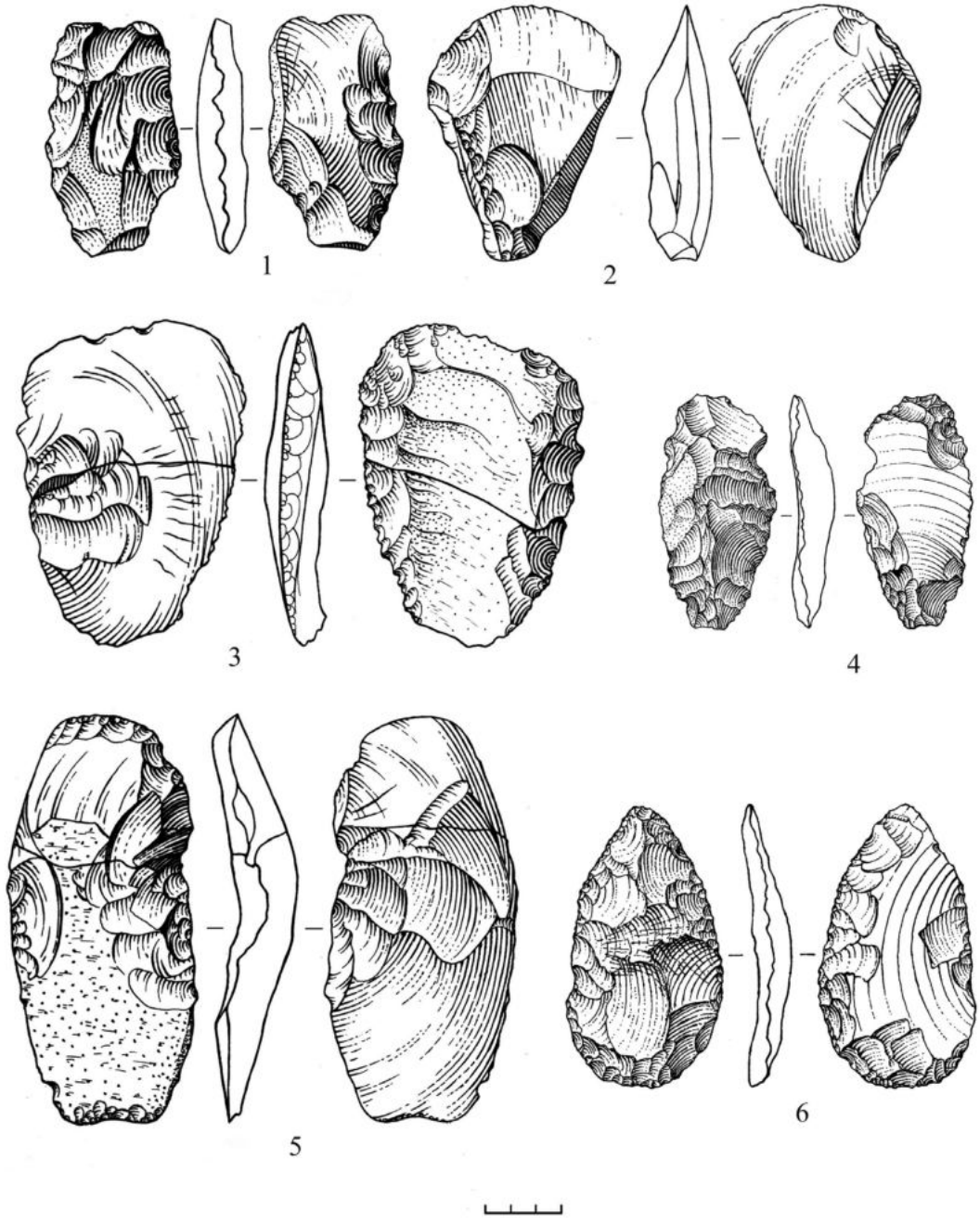

Рис. 3. Изделия из отщепов: 1 – скребло гребенчатое; 2 – кливер-колун; 3 – скребло; 4 – комбинированное орудие; 5 – мотыга; 6 – наконечник копья

средственно данной формы изделия нам неизвестны. Однако кливеры с двусторонней обработкой поверхности, овальной или подпрямоугольной формы имеются в Вишнёвке-4 – здесь они присутствуют в серии со слабой и средней степенью химического выветривания. Вероятно, они есть также и в Семизбугу 10А [Артюхова, Мамиров 2014: рис. 42].

Крупное и удлиненное орудие типа тесака с обушком из плитки приносного зеленовато-серого кремнистого алевролита (рис. 2, 5) получено из поверхностных сборов на Вишнёвке-1. Лезвие на краю обработано с двух сторон небольшими фасами и чешуйчатыми фасетками – его нить в профиль, как и у треугольного бифаса, носит пильчатый характер. Противоположный край и срединное ребро на лицевой стороне также подверглись обработке чешуйчатой ретушью; последняя наносилась таким образом, чтобы между отдельными фасетками формировались выступы (и целый ряд выступов в одном и другом ряду, скорее всего, позволял надежно захватывать орудие рукой во время использования при рубке или пилении). Верхний конец орудия транкирован ретушью, нижняя часть оформлена подобно срединному резцу двумя краевыми сколами. Размеры орудия 13,9×4,0×2,5 см. Фактура негативов со слабой степенью заглаженности и почти «свежая». Аналоги данному типу нам неизвестны.

Крупное и удлиненное орудие типа тесака с выделенной рукояткой из кливажированной плитки темно-серого алевролита (рис. 2, 6) получено из раскопа на Вишнёвке-1. Особенностью данного орудия является то обстоятельство, что оба края здесь обушковые (плоскости кливажа) – и мастер не стремился приострить их. Систематическая обработка плоскими фасами с заломами с обеих сторон преследовала цель утончения корпуса орудия, лезвие же располагалось на конце орудия в виде скошенного острого края, оформленного, подобно кливерам, широким боковым фасом. Рукоять в основании оформлена серией небольших притупливающих фасов на краях. Размеры орудия 33,2×5,8×2,3 см. Фактура негативов «свежая». Крупные бифасные ножи с выделенной рукояткой имеются в Экибастузе-17.

В коллекции из раскопа Вишнёвки-1 присутствует фрагмент (верхняя часть) еще одного тесака из темно-серого алевролита (рис. 2, 7), также специфической формы. Изделие оформлено фасами с двух сторон, имеет приготовленный обушок и лезвие на краю; на окончании двусторонними фасетками оформлено долотовидное лезвие; шириной 5,5 см, толщиной 2,7 см. Фактура негативов «свежая».

Скребло зубчато-гребенчатое поперечно-выпуклое из отщепа (рис. 3, 1) получено из раскопа Вишнёвки-1. Изделие изготовлено из темно-серого алевролита, имеет слабую степень химического выветривания. Особенностью данного типа орудия является характер оформления лезвия: сначала полукрутой отесывающей ретушью с верхней дорзальной стороны, затем глубокими и пологими чешуйчатыми фасетками, формирующими зубчатый в плане и профиле контур, с вентральной стороны; имеет также вентральную подтеску. Размеры орудия 9,0×5,1×1,9 см. Близкая форма – нуклеовидное «гребенчатое» скребло имеется в поздней серии Жуантобе-1 [Волошин 2021а: рис. 9, 4]. Сам прием «гребенчатого» оформления лезвия орудия, скорее всего, весьма архаичен, мы наблюдали его среди изделий раннепалеолитического комплекса памятника Каратау в Южном Таджикистане, он вполне органичен для индустрий клектон, тейяк, зубчатое мустье, имеется в Баршине-3 [Волошин 1982].

Кливер из отщепа (колун), изготовленный из темно-серого алевролита (рис. 3, 2), происходит из раскопа Вишнёвки-1. Изделие подтреугольной формы, приданной ему боковым сечением, с выпуклым лезвием (от пересечения вентральной поверхности с широким негативом бокового скола), подправленным небольшими фасетками; выпуклая лицевая сторона подверглась утончению систематическими фасетками от скошенного ребра. Размеры орудия 9,7×7,3×2,6 см. Фактура негативов со слабой степенью химического выветривания. Аналоги имеются в серии со слабой и средней степенью химического выветривания Вишнёвки-4, в которой присутствуют также орудия из бивентральных отщепов (техника combeva), зафиксированных ранее в «протолеваллуа-ашеле» Мангышлака [Медоев 1982].

Скребло из крупного отщепа укороченных пропорций – поперечно-выпуклое с притупленным обушком из темно-серого алевролита (рис. 3, 3) также происходит из раскопа Вишнёвки-1. Выпуклое лезвие здесь тщательно оформлено дорзальной отесывающей ретушью, ударный бугорок и площадка отщепа удалены вентральными фасами подтески и серией небольших крутых фасов, оформивших обушок. Размеры орудия 12,4×8,6×2,4 см. Фактура негативов со слабой степенью химического выветривания. Вентральная подтеска изделий – прием, весьма характерный для кварцитовой индустрии Экибастуза-17.

Бифасиальное комбинированное орудие из широкой пластины (красноватый алевритовый туффит) найдено в Вишнёвке-7 (рис. 3, 4). Изделие оформлено отесывающей ретушью: в дистальной части

под клювовидное острие (резчик), в базальной части – под долотовидное орудие с узким двусторонне обработанным вогнутым лезвием. Размеры орудия 9,9×4,9×1,4 см. Фактура негативов «свежая».

Бифасиальное крупное орудие из отщепа типа мотыги (темно-серый алевролит) происходит из раскопа Вишнёвки-1 (рис. 3, 5). Изделие очень выразительное, изогнутое в профиль, в центральной части на месте уже известных нам широких вентральных фасов подтески хорошо чувствуется перехват формы с намечающимися боковыми выемками. На нижнем тонком окончании орудия наблюдается ретушь утилизации. Верхний, более толстый конец орудия обработан крутой чешуйчатой ретушью под скребок. Размеры орудия 15,6×7,0×2,4 см. Фактура негативов почти «свежая». Близкие формы мотыг имеются в Экибастузе-17.

Бифасиальное листовидное острие (наконечник копья) из красноватого алевритового туффита найдено в Вишнёвке-7 (рис. 3, 6). Изделие изготовлено из отщепа укороченных пропорций, тщательно оформлено плоскими пологими фасами и фасетками с лицевой (дорзальной) стороны отщепа и на краю, а также в основании с обратной стороны. В профиль оно изогнуто подобно мотыге, однако ничего больше не свидетельствует в пользу того, что здесь имелась в виду подобная функция – утонченное основание и заостренное окончание изделия скорее указывают на возможность принадлежности его к наконечникам копий. Размеры изделия 10,8×5,6×1,2 см. Фактура негативов «свежая». Аналогичные листовидные бифасиальные острия из отщепов имеются в Экибастузе-17.

Среди описанных типов изделий обращает на себя внимание присутствие форм раннего и среднего палеолита. Сходная картина вырисовывается на кварцитовом материале со «свежей» фактурой (или близкой к таковой) из местонахождений в Старом Экибастузе и Кудайколе. Если в Вишнёвке-1 и 8, а также в Шокпартасе такой архаичный материал сопровождается кремневыми изделиями из пластинок, то в Вишнёвке-7, Тургеневке-15 и Экибастузе-17 – памятниках, вероятно, более поздних, подобные предметы отсутствуют. В 1993 г. из почвы с находками (Тургеневка-15) в НИИ географии Санкт-Петербургского университета (Х.А. Арсланов) были получены две радиокарбоновые даты по гумусу: 3000+40 лет (ЛУ-2985) из верхней части почвы и 3030+60 лет (Лу-2996) из средней части почвы (на уровне залегания артефактов) с расчетом календарного возраста [Aitchison et al. 1989], с доверительным интервалом в две сигмы (95%) – 1376–1168 гг. и 1402–1218 гг. до н.э. соответственно. Насколько адекватна, учитывая специфику археологического материала, такая, казалось бы, совсем омоложенная датировка? Почву с находками в Тургеневке-15 можно было бы коррелировать с ископаемой почвой А в разрезе памятника Шидерты-3 – две нижние почвы нашего памятника тогда логично «связались» бы с почвами Б и В шидертинского разреза [Мерц 2008]. Однако в разрезе высокой поймы в Тургеневке-15 отсутствуют шидертинские коричневато-бурые горизонты позднеледниковья – раннего голоцена, которые обычны в разрезах первой надпойменной террасы и никогда не встречались в разрезах высокой поймы региона; и в аллювии в нижней части разреза Тургеневки-15 присутствует пыльца дуба, вяза и липы, что указывает, скорее всего, на климатический оптимум атлантика (данные палинолога П.Е. Тарасова, изучавшего образцы грунта). Учитывая эти обстоятельства, более правильным будет, во-первых, согласиться с имеющейся датировкой почвенного слоя с находками (то есть принять возраст почвы – XV–XIII вв. до н.э. и, соответственно, возраст памятника – XIV в. до н.э.), во-вторых, вышележащий слой суглинка соотнести с засушливым периодом на рубеже II–I тыс. до н.э. [Таиров 2003; Ткачёв 2003], и, в-третьих, все ископаемые почвы в верхней части разреза высокой поймы в Тургеневке-15 отнести к суббореалу. В этом случае феномен Тургеневки-15 неизбежно приобретет особое значение как точно засвидетельствованный факт значительного переживания на территории Сарыарки – в эпоху развитой бронзы каменной индустрии с бифасами.

ЛИТЕРАТУРА

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Каменный век Сарыарки: эволюция культур от древнепалеолитических охотников до первых металлургов в свете новейших исследований. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 295 с.

Волошин В.С. Местонахождение каменного века Баршин-3 в Тенгизской степи // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана / Отв. ред. В.В. Евдокимов. Караганда: КарГУ, 1982. С. 42–56.

Волошин В.С. Стоянка-мастерская каменного века Ижевская-6 // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ АН Казахстана. В 2-х т. / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 130–136.

Волошин В.С. Жуантобе – галечное местонахождение каменного века в Бетпакдале // Археология Казахстана. 2021а. № 2 (12). С. 9–28.

Волошин В.С. Палеолитический материал памятника Вишнёвка-1 // Маргулановские чтения 2021: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в контексте этнокультурных исследований», посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26 27 октября 2021 г.). В 3-х т. / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Б.А. Байтанаев, Т.Б. Мамиров. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021б. Т. 1. С. 171–183.

Варфоломеев В.В., Мерц В.К., Мерц И.В. Шокпартас – новый энеолитический памятник Центральной Сарыарки // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Сер.: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2021. № 1 (134). С. 36–48.

Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Артюхова О.А., Зенин В.Н., Петров В.Г. Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу Пункт 2, ранний – поздний палеолит). Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1993. 114 с.

Медоев А.Г. Стоянка-мастерская у озера Кудайколь // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 128–134.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1982. 51 с.

Мерц В.К. Охранные раскопки стоянки Экибастуз-17 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: м-лы региональной науч.-практ. конф. / Гл. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2005. Вып. XIV. С. 131–138.

Мерц В.К. Краткая история развития материальной культуры Павлодарского Прииртышья: иллюстрированное научно-популярное издание. Павлодар: ПГУ им. С. Торайгырова, 2019. 142 с.

Таиров А.Д. Климат и становление номадизма в Урало-Казахстанских степях // Экология древних и современных обществ: м-лы конф. (г. Тюмень, 18–22 ноября 2003 г.) / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 2. С. 176–178.

Ткачёв А.А. Природная среда Центрального Казахстана и особенности расселения в эпоху энеолита и бронзы // Экология древних и современных обществ: м-лы конф. (г. Тюмень, 18–22 ноября 2003 г.) / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 2. С. 178–180.

Aitchison T.C., Morven Leese, Michczynska D.J., Bernard Weninger. A comparison of methods used for the calibration of radiocarbon dates // Radiocarbon. 1989. Vol. 31, no. 3, P. 846–864.

Виктор Карлович Мерц
v_merz@mail.ru,
Елена Даниловна Демидкова,
e.demid96@mail.ru
Торайгыров университет,
г. Павлодар, Казахстан

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ СТОЯНКИ ШОЛПАН 2*

Аннотация. В изучении неолита степной зоны Евразии сложились определенные стереотипы восприятия каменных индустрий, связанных с ними технологий расщепления камня и производства кремневых орудий, отражающих направления их происхождения и культурных связей. Как правило, это призматическая техника расщепления, направленная на получение пластинчатых заготовок, из которых изготавливались основные типы каменных орудий. Определенный процент в них составляют орудия из отщепов, но есть изделия на сколах и обломках, многие из которых не вписываются в обычную типологию и, как правило, не рассматриваются. Вопросы, связанные с этой категорией каменных орудий и определением их вероятных функций, будут освещены в данной работе.

Ключевые слова: неолит Казахстана, стоянка Шолпан 2, производственные площадки, попутные орудия

Шолпан 2 тұрағының тас индустириясының кейбір ерекшеліктері

Аннотация. Еуразияның дала аймағының неолитін зерттеуде тас индустриясын қабылдаудың белгілі бір стереотиптері, олармен байланысты тасты ыдырату технологиялары және олардың шығу тегі мен мәдени байланыстарының бағыттарын көрсететін кремнийлі құралдар өндірісі қалыптасты. Әдетте, бұл тас құралдарының негізгі түрлері жасалған тақтайшаларды алуға бағытталған призмалық бөлу әдісі. Олардың белгілі бір пайызы пышақтардан жасалған құралдар, бірақ сынықтар мен қоқыстарда бұйымдар бар, олардың көпшілігі әдеттегі типологияға сәйкес келмейді және әдетте қарастырылмайды. Тас құралдарының осы санатына және олардың ықтимал функцияларын анықтауға байланысты мәселелер осы жұмыста қамтылады.

Түйін сөздер: Қазақстанның неолиті, Шолпан 2 тұрағы, өндірістік алаңдар, ілеспе құралдар

Some features of the stone industry of the Sholpan 2 settlement

Abstract. In the study of the Neolithic of the steppe zone of Eurasia, certain stereotypes of perception of stone industries, related technologies for splitting stone and producing flint tools, reflecting the directions of their origin and cultural ties, have developed. As a rule, this is a prismatic splitting technique aimed at obtaining lamellar blanks from which the main types of stone tools were made. A certain percentage of them are tools made from flakes, but there are items on chips and fragments, many of which do not fit into the usual typology and, as a rule, are not considered. Issues related to this category of stone tools and the definition of their likely functions will be covered in this paper.

Keywords: Neolithic of Kazakhstan, Sholpan 2 settlement, production sites, associated tools

Основу неолитических индустрий степной зоны Евразии составляет пластинчатая заготовка, которая использовалась для изготовления ведущих типов каменных орудий. Её получение было связанно в основном с призматической техникой расщепления камня, направленной на производство микролитических изделий. Несколько иначе выглядит ситуация на северо-востоке ареала, включающего Северный, Центральный Казахстан и Прииртышье, где также широко представлена торцово-клиновидная техника расщепления камня. При обилии каменного сырья здесь также часто могли использоваться не только отщепы, но и отходы производства.

Как правило, технологические и типологические особенности каменных индустрий отражают их культурно-хронологическую направленность, связанную с

© 2022 Мерц В.К., Демидкова Е.Д.
**Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК 2020–2022, ИРН проекта AP08856925.*

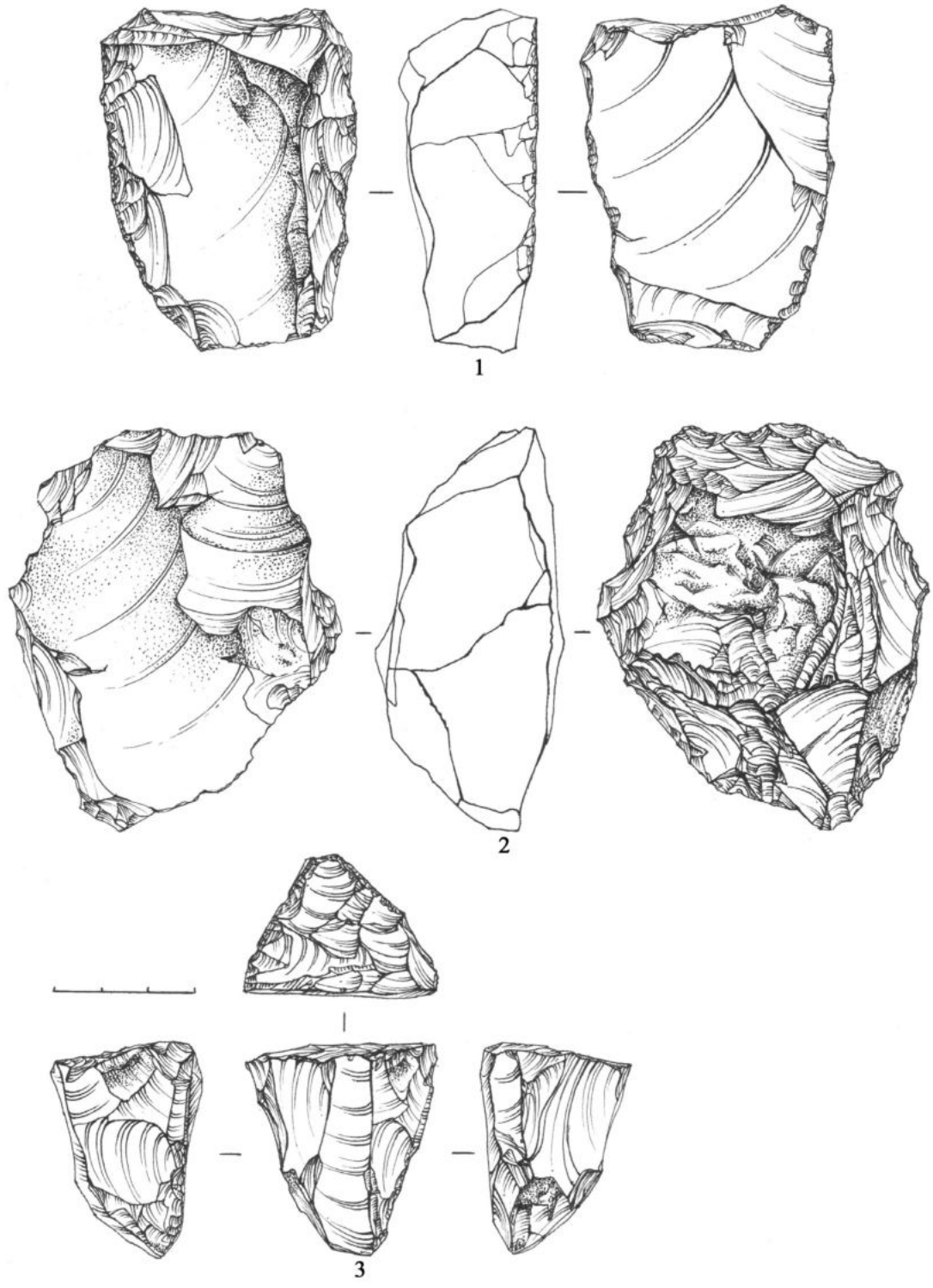

Рис. 1. Стоянка Шолпан 2. Заготовки нуклеусов

происхождением археологических комплексов, в которых они представлены. Хронология и культурные связи большинства изученных комплексов региона в целом определимы [Мерц 2008; 2021], необходима лишь их детализация и более глубокое понимание специфики материальной культуры и ее отношения к сырьевым ресурсам. Понять их позволяет изучение всей совокупности источников и кремневого материала, получаемого на отдельных участках стоянок с большой концентрацией продуктов расщепления камня. Несмотря на то что основной целью этих операций было получение пластинчатых заготовок, определенный процент в неолитических индустриях составляют орудия из отщепов, являвшихся побочным продуктом. Но, кроме этого, среди них есть также изделия на сколах и обломках, не вписывающиеся в номенклатуру основных типов каменных орудий, тем более неолитических, поэтому они идут в разряд ретушированных предметов и отходов производства, которые обычно не рассматриваются в публикациях.

В этой связи необходимо отметить, что такие орудия часто встречаются на казахстанских стоянках открытого типа, содержащих разновременный материал, поэтому бывает сложно определить их отношение к какой-либо индустрии. Решить эту проблему позволяет изучение закрытых комплексов, происходящих из стратифицированных объектов, синхронность материалов которых не вызывает сомнений.

Впервые такие комплексы были изучены нами на многослойной стоянке Шидерты 3, расположенной в среднем течении одноименной реки, на левом берегу. Здесь они встречаются в большом количестве среди отходов производства, на местах расщепления камня, где залегают в первоначальном положении вместе с множеством изделий из пластин слоя 2а [Мерц 2008: 17]. Подобные производственные площадки с массой расщепленного камня, так называемые точки, исследовались и на других памятниках Северо-Восточной Сарыарки [Волошин 1998: 47], изобилующей источниками сырья. Они отражают полный цикл производственной деятельности по изготовлению каменных орудий труда – от первичной обработки желвака и изготовления нуклеуса до изготовления вкладышей из пластин и замены их в костяных оправах, содержат от нескольких сот до тысячи и более артефактов.

Такая же площадка, содержащая большое количество аналогичных изделий, была исследована в 2021 г. на неолитической стоянке Шолпан 2, расположенной в 2,5 км к югу от многослойной стоянки Шидерты 3. Стоянка Шолпан 2 была обнаружена Павлодарской археологической экспедицией под руководством В.К. Мерца в 1997 г. и впоследствии периодически обследовалась до 2008 г. [Мерц 2010]. Она находится на краю первой надпойменной террасы правого берега реки Шидерты, в 12 км к северо-востоку от аула Шикылдак, в 400 м к северу от кладбища Шолпан и курганной группы Шолпан 1. Здесь в осыпях пологого края террасы на протяжении 30 м были обнаружены артефакты из светло-серой яшмовидной породы из группы новакулитов, так называемой боборыкинской яшмы, широко представленной в неолите Северного Казахстана [Зайберт 1992: 124] и Зауралья [Мосин, Никольский 2008: 34]. Использовался также местный коричневый кремень с темно-серыми разводами, легко покрывающийся патиной.

Во время зачистки края террасы был выявлен культурный слой, залегающий на глубине до 45 см. Материалы, собранные в осыпях и зачистке, дали солидную коллекцию кремневого инвентаря, среди которого было много отходов производства, но встречались и законченные орудия со следами использования. Это позволило поставить вопрос о необходимости проведения исследований данного памятника как однослойного объекта, содержащего закрытый комплекс каменных орудий, которые удалось осуществить в рамках проекта по изучению неолита Северо-Восточного Казахстана.

Исходя из поставленной цели, на месте наибольшей концентрации находок в осыпях террасы был выбран участок для закладки рекогносцировочного раскопа общей площадью до 12 кв. м. Предварительно проведя сборы подъемного материала вдоль края террасы и сделав зачистку склоновой части, где также находилось большое количество материала, за бровкой был заложен раскоп размером 3×3 м. Его вскрытие производилось путем тонкой горизонтальной зачистки, но первые артефакты появились лишь на глубине около 25–30 см в гумусированном суглинке. Весь грунт из раскопа просеивался через сито с ячейкой до 0,5 см Основная масса материала, представленная большими скоплениями расщепленного камня, залегала на глубине 45 см. Такой характер размещения материала – плотными скоплениями, содержащими обломки породы и продукты первичного расщепления, свидетельствовал о том, что здесь когда-то был производственный участок, находившийся на жилой площадке неолитической стоянки.

Стратиграфия и условия залегания археологического материала. В разрезе террасы археологический материал приурочен к гумусированному суглинку мощ-

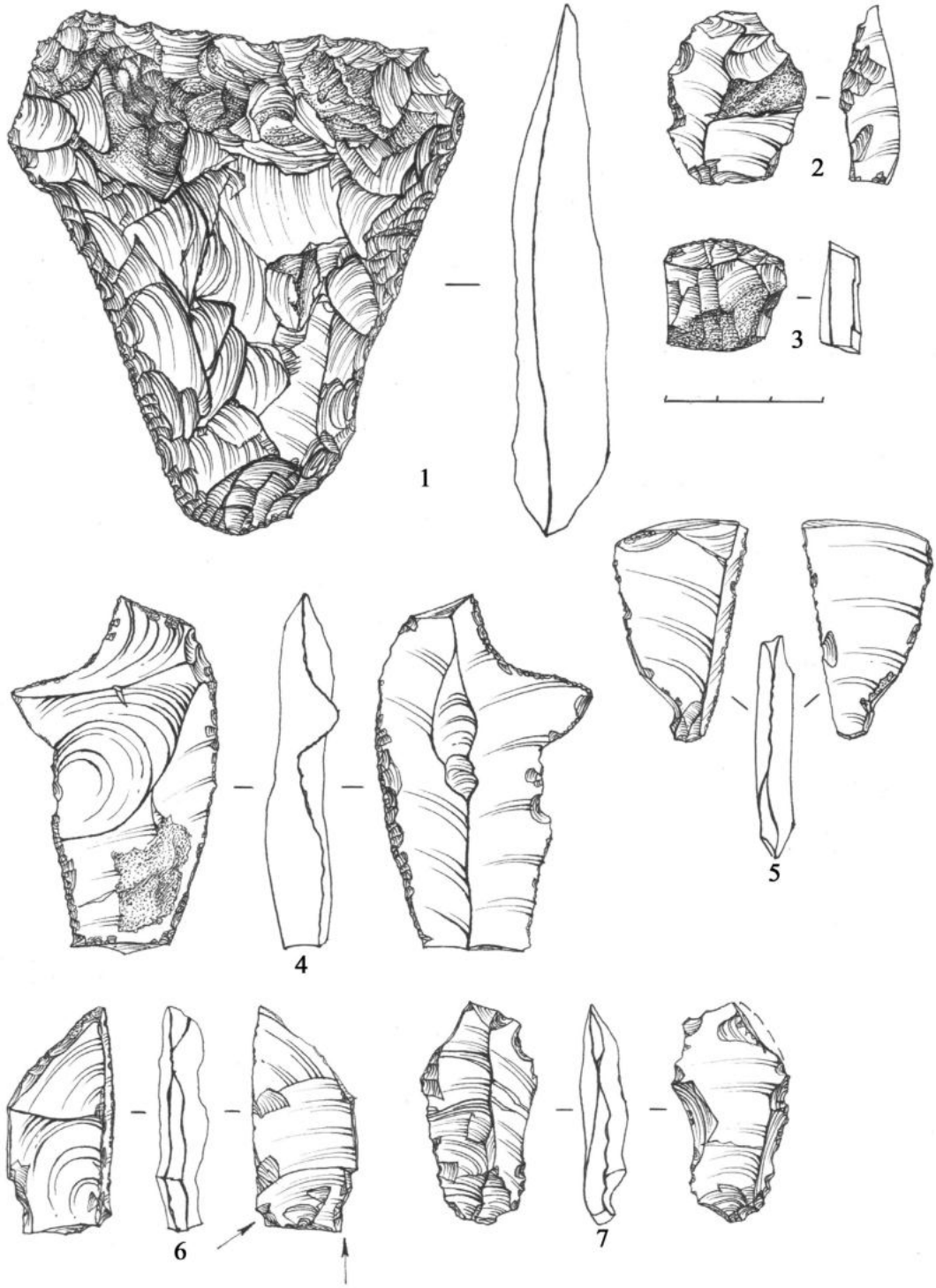

Рис. 2. Стоянка Шолпан 2. Орудия на отщепах, сколах и обломках

ностью до 25–30 см, залегающему в нижней части ее рыхлых отложений, перекрытому прослоем погребенной почвы до 5–7 см, над которой залегает прослой светло-серой супеси 6–8 см и современным гумусом не более 5 см Важно отметить, что между гумусированным суглинком и перекрывающей его погребенной почвой, видимо, аналогичной погребенной почве «б» в разрезе стоянки Шидерты 3 [Мерц 2004: 25; 2008: 8, 16], залегает тонкая песчано-гравийная линза. Она может свидетельствовать о сухом периоде и сильных эрозионных процессах, приводивших к выдуванию с поверхности почвенного слоя, оставляя на месте лишь крупную фракцию песка и гравия. В какое календарное время это происходило, пока сложно сказать, это покажут лабораторные исследования отобранных образцов почвы.

Гумусированный суглинок представляет собой мелкодисперсную лёссовидную массу светло-коричневого цвета с редкими вкраплениями мелкого гравия, происходящего из нижней части террасы, имеющей аллювиальное происхождение. Именно этот аллювий, содержащий песчано-гравийную массу с включением крупнообломочного материала из известняков девона, расположенного на правом берегу и коренных пород левого берега р. Шидерты, сложенных алевро-песчаниками и конгломератами, образует легкий чехол, покрывающий цоколь первой надпойменной террасы. По контакту этих систем в данном месте проходит русло реки, выработанное еще в плейстоцене. Строение нижней части террасы в данном месте специально не изучалось, но, вероятно, ее аллювиальная часть перекрывает цоколь, обнажения которого фиксируются на правом берегу у стоянки и чуть выше по течению. На этот аллювий и ложится гумусированный суглинок, что хорошо было заметно в его основании по выходам крупнообломочного материала в восточной части раскопа. Основание гумусированного суглинка чуть более темное и, видимо, свидетельствует о начале почвообразования, процесс которого, вероятно, не успевал за накоплением самого суглинка, сформировавшегося за короткое время в течение V тыс. до н.э., если сравнивать его со стратиграфией стоянки Шидерты 3 [Мерц 2008: 18] и других памятников, содержащих аналогичные комплексы. Сама индустрия, привязанная к основанию и нижней части суглинка, предварительно может датироваться не позднее первой половины V тыс. до н.э.

Решение данного вопроса связано с получением результатов радиоуглеродного анализа, для выполнения которого были взяты образцы почвы из основания гумусированного суглинка, его средней части и перекрывающей его погребенной почвы. Если удастся получить даты из этих отложений современными методами, тогда появится возможность более детального изучения стратиграфии памятника и расширения площади раскопа для получения как нового археологического материала, так и образцов для уточнения его датировки. В этой связи необходимо отметить, что кроме каменных орудий в культурном слое ничего не обнаружено. Гумусированный суглинок, вмещающий культурный слой, содержит большое количество карбонатов, не способствующих сохранению органики. Поэтому не удалось обнаружить ни одного обломка кости. Нужно сказать, что датировка этого комплекса как закрытого однослойного объекта имеет большое значение. Поэтому необходим поиск альтернативных методов его датирования, в том числе методом ЭПР по карбонатам, налипшим на нижнюю часть артефактов, которые были отобраны для получения дополнительной информации. Возможно, в результате дальнейшего изучения памятника, при расширении раскопа удастся найти костные остатки или другой датирующий материал.

Описание археологического материала. Ввиду того, что в коллекции изучаемого нами памятника не оказалось значительного набора изделий, характерных для неолитических индустрий, мы решили рассмотреть как раз ту категорию предметов, которая обычно остается за пределами внимания исследователей. В отличие от аналогичных комплексов многослойной стоянки Шидерты 3, содержащих весь типологический набор средненеолитических индустрий региона, основную массу археологического материала стоянки Шолпан 2 составляют отходы производства, а орудия и заготовки насчитывают не более 10%, при том, что общее количество полученного материала достигает более 2000 предметов. Но почти все они выполнены на случайных формах, не являвшихся специальными заготовками. Кроме того, здесь были найдены заготовки нуклеусов, отщепы оживления ударных площадок, реберчатые пластины и сколы, изделия на отщепах и пластинах, сколы и обломки. Все скребки выполнены из отщепов, пластин и орудий из них очень мало. Это объясняется тем, что данный памятник или его часть, вскрытая раскопом, является временной стоянкой-мастерской, где производилось первичное расщепление и ремонт орудий. Большой процент отходов так же высок в связи с плохим качеством сырья. Ядрища очень часто раскалывались, поэтому, чтобы получить хороший нуклеус, приходилось удалять большое количество поверхност-

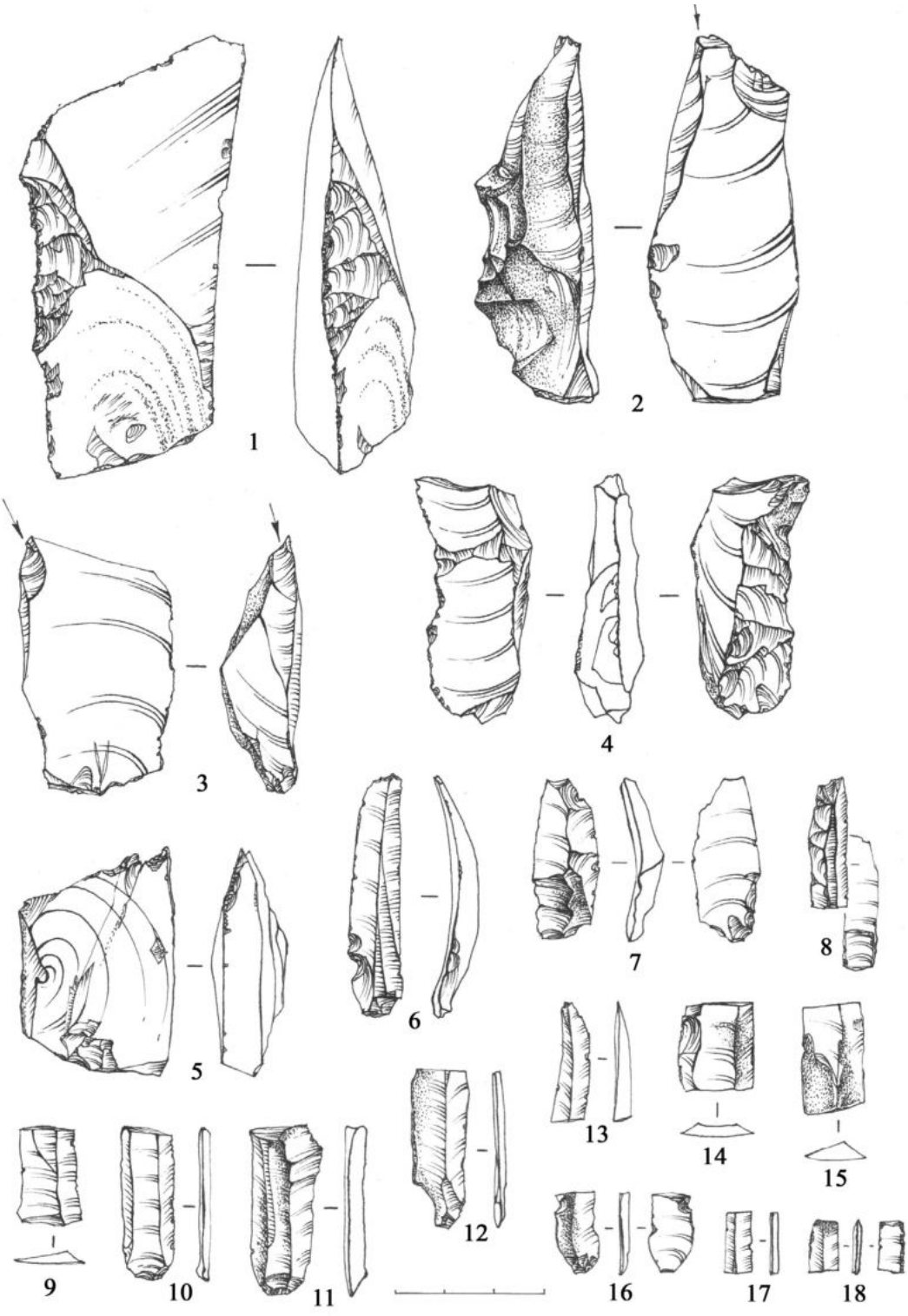

Рис. 3. Стоянка Шолпан 2. Орудия на обломках, сколах и пластинках

ной массы камня. Несмотря на это, многие сколы и обломки, имеющие острый край, часто использовались для изготовления орудий – скребков, скребел, скобелей и выемчатых орудий, то есть любой подручный материал без предварительной подготовки использовался для получения попутных или, как их называют некоторые исследователи, ситуационных орудий [Колобова и др. 2011]. Помимо остального материала, мы хотели бы обратить внимание на эти нетипичные попутные, или ситуационные, орудия данной индустрии.

Нуклеусы как таковые в завершенном виде на стоянке не обнаружены, но есть крупная «таблетка» – отщеп оживления ударной площадки призматического нуклеуса размером 6,3×4,3 см, отражающая технологию расщепления. Найдено также несколько различных заготовок ядрищ, подготовленных для расщепления. Рассмотрим два наиболее выразительных экземпляра. Первый представлен подпрямоугольной формой размером 7,2×5,5×3 см, выполненной из подтреугольного в сечении бруска светло-коричневой окварцованной породы, обработанной с трех сторон. Одна сторона, представляющая приостренный край, обработана пологой ретушью под скребло. Противоположный край, представляющий широкий торец, имеет высокую форму. Он тщательно обработан крупными сколами и ретушью по нижнему краю, образующему ребро, переходящее на слегка вогнутую и скошенную ударную площадку, обработанную по краю таким же образом. Обратная сторона, представляющая первоначальную поверхность бруска, не имеет следов обработки (рис. 1, 1; 5.1, 1).

Вторая небольшая заготовка размером 4,6×4,1×3 см имеет подтреугольную форму. Она выполнена на массивном куске породы и представляет собой небольшой трехгранный в сечении конус с ровной фасетированной ударной площадкой (рис. 1, 3; 5.3, 8). Остальные заготовки менее выразительны, они представляют формы, подобные первой заготовке (рис. 5.1, 2). Среди них выделяется еще одно ядрище размером 9,1×7,4×4 см, имеющее радиальную форму с уплощенным фронтом, на котором читаются следы крупных сколов. С другой стороны оно имеет выпуклую форму, по периметру обработано более мелкими сколами (рис. 1, 2; 5.1, 3), на спинке сохранилась желвачная корка. Подобные формы не типичны для неолитических комплексов Северо-Восточной Сарыарки, но встречаются и, видимо, связаны с возникновением отщепной технологии, получившей свое развитие на завершающем этапе каменного века в Северной Сарыарке [Мерц 2002: 84, 91].

В полученной коллекции имеется еще одно подобное изделие более мелкого размера, расколотое на части, которые удалось собрать. В связи с этим нужно отметить следующее: несмотря на то что индустрия является неолитической, значительную роль в ней играли отщепные заготовки, которые использовались в данном комплексе для изготовления нуклеусов и других ниже рассматриваемых орудий на сколах и обломках. Как уже указывалось, многие из них не вписываются в номенклатуру основных типов, поэтому мы относим их к категории случайных или попутных изделий, то есть для них использовались не специальные заготовки, а формы произвольно коловшегося по слоям и трещинам камня, на части которых были выполнены и вполне типичные изделия. Учитывая тот факт, что на данном участке стоянки, вероятно, изготавливались и ремонтировались каменные орудия, данные предметы применялись по мере необходимости и оставались на месте, так как не являлись конечным продуктом. Для них не делали специальные заготовки и не старались придать им определенную форму, а использовали уже готовые, более подходящие поверхности из отходов производства.

Среди таких орудий на случайных формах выделяется двойное боковое скребло, выполненное на крупном естественном сколе, образовавшемся в результате морозного выветривания. Оно имеет подтреугольную форму с двумя боковыми слегка вогнутыми конвергентными лезвиями, сходящимися в узкой части. Противоположная широкая сторона с тонким краем имеет следы нерегулярной ретуши. На левом угловом крае с вентральной стороны имеется рваная ретушь, сходящаяся с двух сторон у небольшого выступа (рис. 2, 1; 5.2, 1). Еще одно скребло (или скобель) выполнено на брусковидном обломке с острым боковым и торцовым краем. Рабочая часть в виде прямого лезвия с небольшими выступами по краям оформлена чередующейся ретушью на пологом боковом крае (рис. 3, 1; 5.2, 2).

Интересно одно комбинированное орудие, выполненное на продольном обломке с острыми обломанными краями, образующими необычные выступы. Выпуклый край предмета с нерегулярной рабочей ретушью использовался как скребло. Противоположный край с острым выступом, образовавшим широкую выемку, края которой покрыты мелкой рабочей ретушью, использовался в качестве скобеля. В таком же качестве, наверное, применялись вторая выемка и прямой край предмета с обратной стороны, на котором имеется регулярная рабочая ретушь (рис. 2, 4; 5.3, 1). Также в качестве скобеля, видимо, использовался продольный

скол с усеченной ударной площадкой и выступом, на дистальной части образующим вогнутый край, оформленный с вентральной стороны тонкой ретушью (рис. 3, 4). В качестве скребков и скобелей, вероятно, использовались изделия из отщепов и сколов с нерегулярной ретушью и выломанными краями (рис. 2, 2, 7; 5.3, 4, 5), ножей и других орудий (рис. 2, 5).

Обращает на себя внимание обломок орудия, выполненного на сечении отщепа или бокового скола с двусторонней нерегулярной обработкой по краям в виде продольных резцовых сколов по левому краю от ударной площадки и диагонального по углу сечения. Следы обработки и использования в виде мелкой ретуши имеются на торце и крае дистальной части (рис. 2, 6; 5.3, 3). Необычно изделие на угловой части первичного отщепа трапециевидной формы. Его угловой дистальный выступ выделен и приострен альтернативной конвергентной ретушью по типу перфоратора. Но ретушь с вентральной стороны имеется и на другом выступе, который должен был мешать при вращательных действиях, однако он не был удален и использовался в каких-то иных операциях (рис. 3, 5). Среди этих орудий имеются и крупные резцы. Один из них выполнен на массивном реберчатом сколе с ретушированным выступом. Резцовый скол нанесен по краю небольшой ровной ударной площадки, в результате чего образовалась угловая рабочая часть орудия (рис. 3, 2). Второй резец выполнен на углу дистальной части крупного подпрямоугольного отщепа с помощью небольшого плоского скола, нанесенного по торцу с вентральной стороны (рис. 3, 3).

Типичных скребков мало, один из них выполнен на мелком массивном отщепе и имеет слегка выпуклое лезвие высокой формы (рис. 2, 3). Но в данной коллекции есть еще группа орудий на отщепах, выполненных из кремня, представленная скребками и скреблами массивных форм, которые также необходимо рассмотреть в этой части статьи. Среди них выделяется крупное черешковое орудие с концевым лезвием высокой формы, выполненное на массивном продольном сколе. С правой стороны лезвия и боковой грани имеются широкие ретушированные выемки, видимо, образованные самой формой заготовки. Ее проксимальная часть также оформлена боковой ретушью для удобства захвата или закрепления в рукояти (рис. 4, 1; 5.4, 2). Подобным образом оформлены крупные скребки с концевым пологим (рис. 4, 2; 5.4, 3) и угловым высоким скошенным лезвием (рис. 4, 4). У последнего экземпляра вентральной подтеской также оформлен короткий черешок. Еще один крупный скребок с полукруглым лезвием средней высоты выполнен на овальном плоском отщепе, ретушированном с вентральной стороны на противоположных краях (рис. 4, 3). Концевые и боковые скребки с высоким пологим лезвием и лезвием среднего типа, оформленные отжимной и струйчатой ретушью, выполнены на сколах, целых и рассеченных отщепах (рис. 4, 5–10; 5.4, 4).

Такая методика использования заготовок орудий характерна для позднего неолита региона, но в данном случае она, видимо, не имеет хронологического значения, а отражает культурно-технологическую специфику данного комплекса орудий, в котором пока не найдено орудий из пластин и их заготовок. Интересно еще одно изделие на удлиненном кремневом сколе с отсеченной дистальной частью, торец которого подправлен ретушью, а боковые грани – продольными сколами. Левый край широкой части от ударной площадки ретуширован (рис. 4, 11). В целом данная группа изделий, выделяющихся по используемому сырью и типологии из основного комплекса, может представлять остатки иной синхронной или более поздней культуры, представители которой также останавливались на этом месте и, может быть, даже использовали часть ранее брошенного на стоянке материала из числа тех самых «попутных» орудий для своих нужд.

Немногочисленные изделия основного комплекса на пластинах (рис. 3; 5.5) представлены пластинками неправильной формы с зубчатой вентральной и дорзальной ретушью от ударной площадки (рис. 3, 6, 7), дистальными и медиальными сечениями и обломками пластинок с вентральной ретушью по краям (рис. 3, 8, 18; 5.5), нерегулярной, краевой, дорзальной микроретушью (рис. 3, 9, 14, 15, 17; 5.5). Такие же признаки имеют дистальные и проксимальные части пластинок (рис. 3, 10, 11, 13). Одна проксимальная часть пластинки имеет дорзальную ретушь по краям (рис. 3, 12) и одна – небольшую угловую выемку, оформленную мелкими сколами (рис. 3, 16). В качестве оформленного вкладыша, видимо, использовался обломок медиального сечения с регулярной вентральной и частичной дорзальной ретушью (рис. 3, 18).

Таким образом, из всей огромной коллекции, собранной на памятнике, пластинки и орудия из них представляют ничтожный процент. Это объясняется характером изученного участка стоянки, использовавшегося для первичного расщепления породы и изготовления нуклеусов, последующее расщепление которых могло производиться как на иных участках, так и за пределами стоянки по мере необходимости получения пластин для ремонта орудий и других операций, в том числе

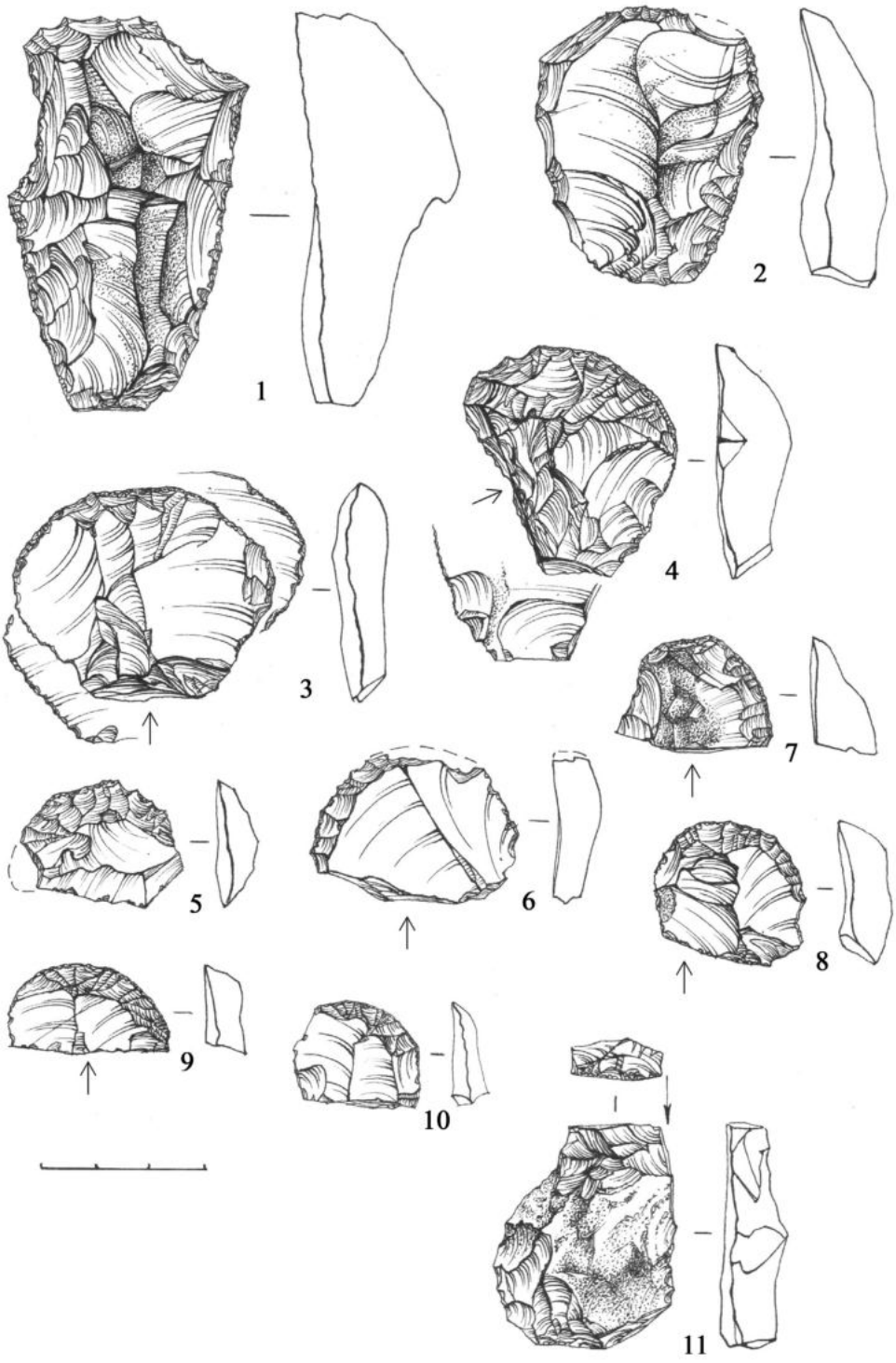

Рис. 4. Стоянка Шолпан 2. Орудия на отщепах из кремня

Рис. 5. Стоянка Шолпан 2. Находки: 1 – заготовки нуклеусов; 2 – скребла; 3 – орудия на отщепах, сколах и обломках; 4 – орудия из кремневых отщепов; 5 – сечения пластин и обломки орудий из них

обменных. Но именно это обстоятельство заставило вновь обратить внимание на нетипичные орудия, применение рабочей части которых зависело от их конфигурации без дополнительного оформления. В целом же по типу использовавшегося сырья, формам заготовок нуклеусов и орудий из пластин данный комплекс необходимо связывать с индустрией слоя 2а многослойной стоянки Шидерты 3 и аналогичными комплексами региона эпохи среднего неолита, которые мы соотносим с памятниками атбасарской культуры [Мерц 2008: 24]. Для индустрий данного типа в целом не характерны концевые скребки на пластинах. Как и в ранненеолитических комплексах региона, они делались из отщепов, что может говорить об их культурной преемственности.

ЛИТЕРАТУРА

Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург: Уральское отд-ние РАН, 1992. 220 с.

Волошин В.С. Памятник каменного века Талдыозек 21 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. Вып. 9. С. 47–50.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Павленок К.К., Исламов У.И. Виды модификации сколов в палеолитических индустриях Центральной Азии // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 5. Археология и этнография. С. 117–131.

Мерц В.К. Погребение каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья / Отв. ред. В.К. Мерц. Павлодар: ЭКО, 2002. Вып. 1. С. 75–100.

Мерц В.К. Об изучении голоценовых комплексов Северо-Восточного Казахстана // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2004. № 1. С. 23–33.

Мерц В.К. Периодизация и хронология голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2008. 26 с.

Мерц В.К. Стоянка Шолпан II // Свод памятников истории и культуры. Павлодарская область. Алматы: Аруна, 2010. С. 246.

Мерц В.К. К вопросу о культурно-исторических процессах в неолите Северо-Восточного Казахстана и сопредельных регионов // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Сб. ст., посвящ. 75-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2021. С. 102–112.

Мосин В.С., Никольский В.Ю. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 196 с.

E. COCO

Emily Coco,
Center for the Study of Human Origins, New York University,
New York, USA; ec3307@nyu.edu

RECYCLING OF DISCARDED ARTIFACTS AT SURFACE SITES: a CASE STUDY of ARTIFACTS FROM SEMIZBUGU 4 and 10A

Abstract. This article presents preliminary finds from a new analysis of the Semizbugu collection that focuses on identifying stone tool recycling. Recycling was identified primarily through the presence of double patina on artifacts from Semizbugu 4 and Semizbugu 10A. The recycled artifacts from these two sites differ in terms of morphology. Recycled artifacts from Semizbugu 4 are predominantly tools and lighter and thinner than non-recycled artifacts. At Semizbugu 10A, recycled artifacts are not a specific artifact type, but are heavier, longer, and thicker than non-recycled artifacts. These differences between Semizbugu 4 and Semizbugu 10A indicate possible variations in recycling behaviors across the landscape at the Semizbugu site complex.

Keywords: archaeology, Paleolithic, recycling, stone tools, surface sites

Ашық типтегі ескерткіштердегі артефактілерді реутилизациялау: Семізбұғы 4 және 10 А құралдарының мысалында зерттеу

Аннотация. Бұл мақалада тас құралдарындағы реутилизациялау (қайта пайдалану) іздерін анықтауға байланысты жаңа әдіс негізінде Семізбұғы кешенін талдаудың алдын-ала алынған нәтижелері келтірілген. Реутилизация қалдықтары негізінен Семізбұғы 4 және Семізбұғы 10А коллекцияларындағы артефактілерде қос зеңденудің болуымен анықталды. Осы екі тұрақтың артефактілерін қайта жасау морфологиясы бойынша ерекшеленеді. Семізбұғы 4 - тегі реутилизацияланған артефактілер негізінен қару-жарақ болып табылады және қайта өңделмеген қарулардан айырмашылығы жеңіл әрі жұқа болады. Семізбұғы 10А-да қайта қалпына келтірілген артефактілер олардың ерекше түрі емес, бірақ реутилизация ізі жоқ артефактілерге қарағанда ауыр, ұзын және қалың. Семізбұғы 4 және Семізбұғы 10А арасындағы бұл айырмашылықтар Семізбұғы тұрақ кешенінің ландшафтындағы реутилизация жүргізудің мүмкін болатын айырмашылықтарын көрсетеді.

Түйін сөздер: археология, палеолит, қайтара қолдану, реутилизация, тас құралдары, ашық типті ескерткіштер

Реутилизация артефактов в памятниках открытого типа: исследование на примере орудий из Семизбугу 4 и 10А

Аннотация. В данной статье приводятся предварительные результаты анализа коллекции Семизбугу на основе нового метода, связанного с выявлением следов реутилизации (переоформление, вторичное использование) на каменных орудиях. Следы реутилизации были определены в основном по наличию двойной патины на артефактах из коллекций Семизбугу 4 и Семизбугу 10А. Переоформленные артефакты из этих двух стоянок отличаются по морфологии. Реутилизированные артефакты из Семизбугу 4 – это преимущественно орудия, и в отличие от орудий без следов реутилизации, они легче и тоньше. В Семизбугу 10А реутилизированные артефакты не являются специфическим типом артефактов, но они тяжелее, длиннее и толще, чем артефакты без следов реутилизации. Эти различия между Семизбугу 4 и Семизбугу 10А указывают на возможные различия в поведении реутилизации в ландшафте комплекса стоянок Семизбугу.

Ключевые слова: археология, палеолит, реутилизация, каменные орудия, памятники открытого типа

© 2022 Coco E.

Stone tool recycling has occurred since nearly the beginning of stone tool manufacture across the globe [Amick 2007; Barkai et al. 2015]. Recycling is defined as any instance in which objects are scavenged and then reworked, with some period of discard between episodes of manufacture [Amick 2007; Vaquero 2011; Barkai et al. 2015]. The most reliable indication of recycling is evidence of knapping after some sort of surface alteration, such as a patina or rock varnish, has formed [Vaquero 2011; Vaquero et al. 2012, 2015; Turq et al. 2013; Peresani et al. 2015; Shimelmitz 2015]. This results in flake scars of different colors that demonstrate the discard period between use events. Other indications of recycling include artifacts with multiple technological or typological signatures, artifacts with removals on their ventral faces, and cores used as hammerstones or hammerstones used as cores. Surface accumulations would have been ideal locations for recycling. At surface sites, artifacts are exposed on the ground for long periods of time. This would make it more likely that ancient people could have found previously discarded artifacts at these sites to recycle.

In Kazakhstan, surface sites constitute the majority of the archaeological record [Derevianko et al. 1998; Davis, Ranov 1999; Vishnyatsky 1999; Dennell 2009; Glantz 2011; Artyukhova, Mamirov 2014; Iovita et al. 2020]. Some of the best-known surface deposits in Kazakhstan are those of the Paleolithic surface site complex, Semizbugu, which is located in the Saryarka region of Central Kazakhstan [Taimagambetov 1997; Derevianko et al. 1998; Osipova, Artyukhova 2019]. Previous research has identified instances of artifact reuse in these deposits [Artyukhova, Mamirov 2014], making Semizbugu ideal for investigating stone tool recycling.

From November 2021 to April 2022, approximately 700 artifacts from Semizbugu 4 and Semizbugu 10A from the collections at Al-Farabi Kazakh National University were analyzed. These artifacts were collected by A.G. Medoev during his work on the geological expedition of the Institute of Geology of the Kazakh SSR Academy of Sciences, when he discovered several Paleolithic sites in the Semizbugu mountains [Derevianko et al. 1993; Artyukhova et al. 2001; Artyukhova, Mamirov 2014]. Previous work on these materials has been done by many researchers, including O.A. Artyukhova and T.B. Mamirov.

The new analysis of artifacts from the Semizbugu collection focuses on identifying instances of double patina, where artifacts have been retouched after surfaces have weathered. Double patina indicates that the artifacts have been recycled. The new analysis recorded the length, width, thickness, weight, amount of cortex, and morphological characteristics of artifacts to understand what types of objects were recycled. The new analysis also recorded information on the weathering of artifacts, following the system used in previous analyses of materials from Semizbugu [Artyukhova, Mamirov 2014]. Artifacts were analyzed from two points at Semizbugu to get a preliminary idea of the spatial structure of recycling at Semizbugu.

For new analysis, 308 artifacts were analyzed from Semizbugu 10A and 281 artifacts were analyzed from Semizbugu 4. Based on data from previous papers, this comprises approximately 18% of the Semizbugu 10A collection and 5% of the Semizbugu 4 collection. Although these are small percentages of the collections, they are representative in terms of the types of stone tools analyzed. Given the focus on identifying recycling through differences in weathering, the artifacts analyzed were predominantly to be mildly or strongly weathered compared to the overall collections.

Only 50 of the analyzed artifacts from Semizbugu 10A displayed indications of recycling. 42 of these 50 recycled artifacts were identified based on the presence of double patina. These double patinated artifacts had flake scars or retouch of multiple weathering stages. Most recycled artifacts from Semizbugu 10A are cores, although the percentages of recycled flakes, tools, and cores are similar (Table 1). The recycled artifacts are also mostly mildly weathered; however, again, the percentages are similar between the three weathering categories (Table 2). Using two-sample Kolmogorov-Smirnov test, comparisons were made between the recycled and non-recycled artifacts to determine if there are differences in the sizes of recycled objects. At Semizbugu 10A, recycled objects are on average heavier than non-recycled objects (fig. 1). Additionally, recycled artifacts are slightly longer and thicker than non-recycled objects. This is consistent with findings of preference for thicker flakes at stratified cave sites in Israel [Belfer-Cohen, Bar-Yosef 2015].

Table 1 – Quantities and percentages of types of artifacts, Semizbugu 10A

Artifact type	Quantity	Percent	Quantity recycled	Percent recycled
Flake, complete	137	44.48%	13	26.00%
Flake, fragmented	26	8.44%	3	6.00%
Tool, complete	94	30.52%	14	28.00%
Tool, fragmented	6	1.95%	2	4.00%
Core, complete	43	13.96%	18	36.00%
Core, fragmented	1	0.32%	0	0.00%
Shatter	1	0.32%	0	0.00%
Total	308	100.00%	50	100.00%

Table 2 – Quantities and percentages of weathering categories, Semizbugu 10A

Artifact category	Quantity	Percent	Quantity recycled	Percent recycled
unweathered	11	3.57%	0	0.00%
weakly weathered	92	29.87%	10	10.87%
mildly weathered	148	48.05%	26	17.57%
strongly weathered	40	12.99%	5	12.50%

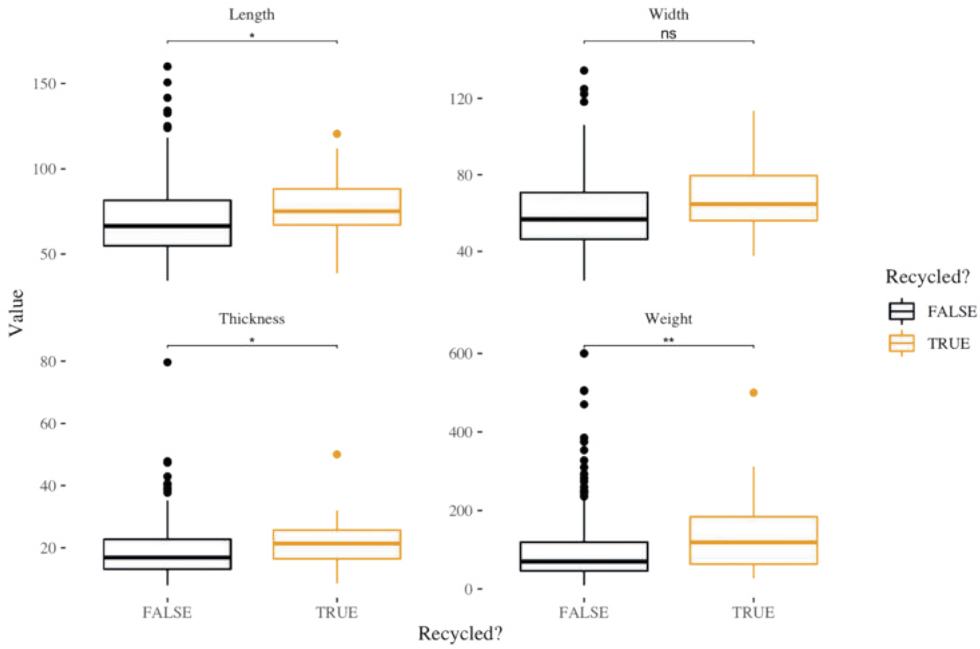

*Fig. 1. Distribution of artifact dimensions and weight. Comparisons between recycled and non-recycled artifacts made using Kolmogorov-Smirnov tests. Significance values: ns = not significant, * = p < 0.05, ** = p < 0.01*

There were comparatively more recycled artifacts from the Semizbugu 4 collection, with 136 of the artifacts displaying indications of recycling and 129 of those with double patina. Of the recycled artifacts, the majority are tools, as opposed to cores or flakes (Table 3). Most of the recycled artifacts are also mildly or strongly weathered

(Table 4). When comparing the size variables of recycled objects to non-recycled objects using two-sample K-S tests, a different pattern emerges for the artifacts from Semizbugu 4. Unlike the artifacts from Semizbugu 10A, the recycled artifacts at Semizbugu 4 are lighter and thinner, which contradicts preferences found at other sites [Belfer-Cohen, Bar-Yosef 2015]. There is no difference in terms of width or length between recycled objects and non-recycled objects at Semizbugu 4.

The results from the analyses of Semizbugu 4 and Semizbugu 10A indicate that there are differences in the

Table 3 – Quantities and percentages of types of artifacts, Semizbugu 4

Artifact type	Quantity	Percent	Quantity recycled	Percent recycled
Flake, complete	127	45.20%	50	39.37%
Flake, fragmented	20	7.12%	9	45.00%
Tool, complete	102	36.30%	63	61.76%
Tool, fragmented	11	3.91%	8	72.73%
Core, complete	19	6.76%	6	31.58%
Core, fragmented	2	0.71%	0	0.00%
Total	281	100.00%	136	48.40%

Table 4 – Quantities and percentages of weathering categories, Semizbugu 4

Artifact category	Quantity	Percent	Quantity recycled	Percent recycled
unweathered	25	8.90%	1	4.00%
weakly weathered	118	41.99%	50	42.37%
mildly weathered	62	22.06%	38	61.29%
strongly weathered	64	22.78%	39	60.94%

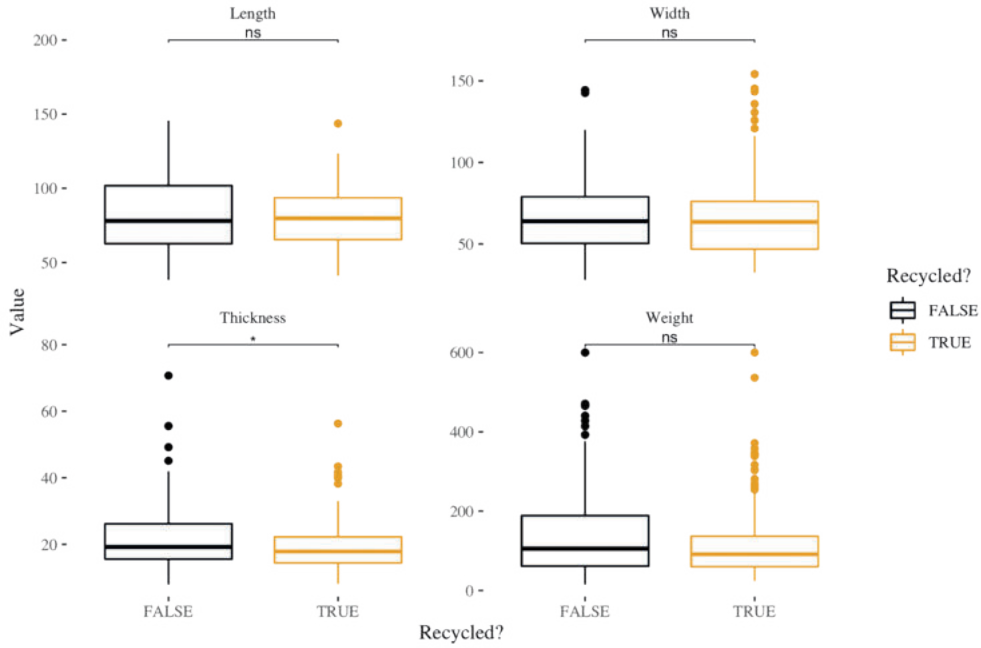

*Fig. 2. Distribution of artifact dimensions and weight. Comparisons between recycled and non-recycled artifacts made using Kolmogorov-Smirnov tests. Significance values: ns = not significant, * = p < 0.05*

patterns of recycling between the different sites within the Semizbugu site complex. These results are surprising because Semizbugu 4 and Semizbugu 10A are separated by approximately 15 km, which is within the range of measured and estimated daily ranges of hunter-gatherer populations [Binford 2001; Raichlen et al. 2014; Pontzer et al. 2015; Byrd et al. 2016]. This means that the same population could have feasibly visited both Semizbugu 4 and Semizbugu 10A within one day. Yet, there are significant differences between the distributions of length, thickness, and weight of recycled objects between these two points; this possibly indicates different preferences in the types of objects chosen for recycling at each of these locations.

What is consistent between the two sites, is recycling of predominantly mildly and strongly weathered objects. At surface sites characterized by geological stability such as Semizbugu, where all material stays on the surface from the moment of deposition, exposure corresponds to age and weathering stage. This means that the data from Semizbugu is consistent with the idea that stone tools which are exposed on the surface for longer have more opportunity to be recycled because they have more chances of being seen for scavenging over time [Camilli, Ebert, 1992].

The analysis of the Semizbugu 4 and Semizbugu 10A collection confirms the presence of recycling behaviors at this surface site complex. The analysis of the recycled objects in the Semizbugu collections indicates differences in where and how recycling occurred across the landscape of the Semizbugu complex. These patterns will be further explored by mapping the spatial distributions of specific artifacts at Semizbugu in the upcoming summer 2022 field season in order to fully explore the spatial signature of recycling behaviors at surface sites.

Acknowledgements: This material is based on work supported by the National Science Foundation under Grant No. 2133751. Funding for this work was also provided by the Leakey Foundation, the Fulbright U.S. Student program, and the Ranieri International Scholars Fund. Access to the collections was made possible with the help of T.B. Mamirov, O.A. Artyukhova, the Margulan Institute of Archaeology and the Museum of the Paleolithic of Kazakhstan at Al-Farabi Kazakhstan National University.

REFERENCES

Amick, D.S. Investigating the Behavioral Causes and Archaeological Effects of Lithic Recycling // Tools versus Cores: Alternative Approaches to Stone Tool Analysis / Ed. McPherron, S.P. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 223-252.

Artyukhova, O.A., Derevianko, A.P., Petrin, V.T., Taimagambetov, Z.K. Paleoliticheskie Kompleksy Semizbugu, Punkt 4 (Severnoe Pribalkhash'e) [Paleolithic Complexes of Semizbugu, Point 4 (Northern Pribalkhash)]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 2001. 120 p.

Artyukhova, O.A., Mamirov, T.B. Kamennyi vek Saryarki: evolutsiya kultur ot drevnepaleoliticheskikh okhotnikov do pervykh metallurgov v svete noveishikh issledovaniy [Stone Age of Saryarka: the evolution of cultures from ancient Paleolithic hunters to the first metallurgists in the light of the latest research]. Almaty: Institut arkheologii A.Kh. Margulana, 2014. 356 p.

Barkai, R., Lemorini, C., Vaquero, M. The origins of recycling: A Paleolithic perspective // Quaternary International. 2015. Vol. 361. P. 1-342.

Belfer-Cohen, A., Bar-Yosef, O. Paleolithic recycling: The example of Aurignacian artifacts from Kebara and Hayonim caves // Quaternary International. 2015. Vol. 361. P. 256-259.

Binford, L.R. Constructing Frames of Reference: An Analytical Method for Archaeological Theory Building Using Hunter-Gatherer and Environmental Data Sets. Berkeley: University of California Press, 2001. 583 p.

Byrd, B.F., Garrard, A.N., Brandy, P. Modeling foraging ranges and spatial organization of Late Pleistocene hunter–gatherers in the southern Levant – A least-cost GIS approach // Quaternary International, Late Pleistocene Eastern Levant: Landscape Strategies in Open Spaces. 2016. 396. P. 62-78.

Camilli, E.L., Ebert, J.I. Artifact Reuse and Recycling in Continuous Surface Distributions and Implications for Interpreting Land Use Patterns // Space, Time, and Archaeological Landscapes / Eds. Rossignol, J., Wandsnider, L. Boston: Springer US, 1992. P. 113-136.

Davis, R.S., Ranov, V.A. Recent work on the Paleolithic of Central Asia // Evolutionary Anthropology. 1999. 8. P. 186-193.

Dennell, R. The Palaeolithic Settlement of Asia, Cambridge World Archaeology. Cambridge University Press, Cambridge, 2009. 548 p.

Derevianko, A.P., Aubekerov, B.Zh., Petrin, V.T., Taimagambetov, Z.K., Artyukhova, O.A., Zenin, V.N., Petrov, V.G. Paleolit Severnogo Pribalkhash'ya (Semizbugu Punkt 2, Ranniy-Pozdniy Paleolit). Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 1993. 114 p.

Derevianko, A.P., Petrin, V.T., Taimagambetov, Z.K.

Palaeolithic sites of surface occurrence in the arid zone of Eurasia: Methods of studying and potential of information // Anthropologie. 1998. 36. P. 99-119.

Glantz, M.M. The History of Hominin Occupation of Central Asia in Review // Asian Paleoanthropology, Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology. Dordrecht: Springer, 2011. P. 101-112.

Iovita, R., Varis, A., Namen, A., Cuthbertson, P., Taimagambetov, Z., Miller, C.E. In search of a Paleolithic Silk Road in Kazakhstan // Quaternary International. 2020. 559. P. 119-132.

Osipova, E.A., Artyukhova, O.A. Le site paléolithique de Sémizbougou XI au Kazakhstan: nouvelle approche de l'étude techno-typologique // L'Anthropologie. Numéro spécial: Préhistoire de la Russie. 2019. 123. P. 319-332.

Peresani, M., Boldrin, M., Pasetti, P. Assessing the exploitation of double patinated artifacts from the Late Mousterian: Implications for lithic economy and human mobility in northern Italy // Quaternary International. 2015. 361. P. 238-250.

Pontzer, H., Raichlen, D.A., Wood, B.M., Emery Thompson, M., Racette, S.B., Mabulla, A.Z.P., Marlowe, F.W. Energy expenditure and activity among Hadza hunter-gatherers // American Journal of Human Biology. 2015. 27. P. 628-637.

Raichlen, D.A., Wood, B.M., Gordon, A.D., Mabulla, A.Z.P., Marlowe, F.W., Pontzer, H. Evidence of Lévy walk foraging patterns in human hunter–gatherers // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. 111. P. 728-733.

Shimelmitz, R. The recycling of flint throughout the Lower and Middle Paleolithic sequence of Tabun Cave, Israel // Quaternary International. 2015. 361. P. 34-45.

Taimagambetov, Z. Periods in the Development of Kazak Palaeolithic Industries: Their Chronology and Correlation with the Industries in Contiguous Territories // East and West. 1997. 47. P. 351-361.

Turq, A., Roebroeks, W., Bourguignon, L., Faivre, J.-P. The fragmented character of Middle Palaeolithic stone tool technology // Journal of Human Evolution. 2013. 65. P. 641-655.

Vaquero, M. New perspectives on recycling of lithic resources using refitting and spatial data // Quartär. 2011. 58. P. 113-130.

Vaquero, M., Alonso, S., García-Catalán, S., García-Hernández, A., Gómez de Soler, B., Rettig, D., Soto, M. Temporal nature and recycling of Upper Paleolithic artifacts: the burned tools from the Molí del Salt site (Vimbodí i Poblet, northeastern Spain) // Journal of Archaeological Science. 2012. 39. P. 2785-2796.

Vaquero, M., Bargalló, A., Chacón, M.G., Romagnoli, F., Sañudo, P. Lithic recycling in a Middle Paleolithic expedient context: Evidence from the Abric Romaní (Capellades, Spain) // Quaternary International. 2015. 361. P. 212-228.

Vishnyatsky, L.B. The Paleolithic of Central Asia // Journal of World Prehistory. 1999. 13. P. 69-122.

Қ.Ж. ӘУЕЗОВ

Қабдол Жанділдәұлы Әуезов,
Ө.А. Байқоңыров атындағы Жезқазған университеті,
Жезқазған қ., Қазақстан;
kabdol.auezov.78@mail.ru

ҰЛЫТАУ-ЖЕЗҚАЗҒАН ӨЛКЕСІНІҢ ЕЖЕЛГІ МЕТАЛЛУРГИЯ мен ТАУ-КЕН ІСІНІҢ ЗЕРТТЕЛУ ТАРИХЫ (XX ғ. 50–70-ы жж. материалдары бойынша)

Аннотация. Ұлытау-Жезқазған аймағындағы кен орындарының ошақтары мен ежелгі металлургиялық қоныстар орындары XX ғ. 50–70 жж. геологтар Қ.И. Сәтбаев, Г.Б. Жилинский, Г.Н. Щерба, В.И. Штефанов, Н.Б. Глоднов, Ш.Е. Есеновтардың еңбектерінде толық әрі нақтырақ көрсетілген. Жезқазған көне өндіріс орталығы екендігі жайындағы пікірлерді өңірде қазба жұмыстарын жүргізген академик Ә.Х. Марғұлан дәлелдеді. Ал зерттеуші ғалымдар Е.Д. Ділмұхамедов пен Е.Б. Бекмұхаметов мұрағат құжаттарының негізінде Орталық Қазақстан жеріндегі тау-кен өндіру өнеркәсібінің пайда болуы мен даму мәселелерін қарастырды.

Түйін сөздер: Ұлытау, Жезқазған, кен орындарының ошақтары, ежелгі металлургия

История изучения древней металлургии и горного дела Улытау-Жезказганского региона (по материалам 50–70-х гг. XX в.)

Аннотация. Очаги месторождения Улытау-Жезказганского региона и месторождения древних металургических поселений подробно отражены в 50-70-е гг. XX в. в работах геологов К.И. Сатпаева, Г.Б. Жилинского, Г.Н. Щербы, В.И. Штефанова, Н.Б. Глоднова, Ш.Е. Есенова. О том, что Жезказган является старейшим промышленным центром, свидетельствует академик А.Х. Маргулан, проводивший раскопки в регионе. А ученые-исследователи Е.Д. Дильмухамедов и Е.Б. Бекмухаметов на основе архивных документов рассмотрели проблемы возникновения и развития горнодобывающей промышленности на территории Центрального Казахстана.

Ключевые слова: Улытау, Жезказган, очаги месторождений, древняя металлургия

History of the study of ancient metallurgy and mining in the Ulytau-Zhezkazgan region (based on materials from the 50–70s of the 20th century)

Abstract. The pockets of the Ulytau-Zhezkazgan region deposit and deposits of ancient metallurgical settlements were reflected in detail in the 50–70s of the 20th century in the works of geologists K. Satpayev, G. Zhilinsky, G. Shcherba, V. Stefanov N. Glodnov, Sh. Esenov. The fact that Zhezkazgan is the oldest industrial center is evidenced by academician A. Margulan, who conducted excavations in the region. And research scientists E. Dilmukhamedov and E. Bekmukhametov on the basis of archival documents examined the problems of the emergence and development of the mining industry in Central Kazakhstan.

Keywords: Ulytau, Zhezkazgan, pockets of deposits, ancient metallurgy

XX ғ. басында геологтар мен зерттеушілер Қазақстанның ежелгі және ортағасырлық металлургиясының ірі орталығы ретінде Ұлытау-Жезқазған аймағының тарихи маңызын ашты. Бұл туралы Ұлытау және Жезқазған жер қойнауының ең ірі білгірі және зерттеушісі Қ.И. Сәтбаев өз еңбектерінде атап өтті. Уақыт өте Қ.И. Сәтбаевтың Жезқазған туралы тұжырымдары археологиялық қазбалармен расталды.

1943 ж. КСРО ҒА Қазақ филиалында құрылған Геология институтының 1946–1970 жж. геологиялық зерттеу тарихы екі кезеңді қамтиды: 1) республиканың бүкіл аумағы бойынша шұғыл барлау жұмыстармен орташа ауқымды геологиялық карта жасау кезеңі (1958–1960 жж.); 2) кешенді іздестіру жұмыстарының даму кезеңі, егжей-тегжейлі масштабтағы түсірілім жұмыстары, сондай-ақ аймақтық және арнайы тақырыптық зерттеулерді күшейту кезеңі [Елютин 1972: 21].

XX ғ. басында іске қосылып, жұмыс істей бастаған Қарсақбай мыс балқыту заводының маңындағы геологиялық барлау жұмыстары жүргізілді. 1952 ж. Ю.И. Половинкина Қарсакбайдың негізгі жыныстарын

© 2022 Әуезов Қ.Ж.

егжей-тегжейлі сипаттады және негізгі кварциттердің генезисін қарастырды. 1955 ж. Т.А. Сатпаева мен М.А. Яренская, ал 1956 ж. Ю.И. Половинкина мен Б.Б. Розина Қарсақпай кенінің минералогиясын сипаттады, Қарсақпай кен орнының кен түрлері барынша толық қарастырылады [Марков 1962: 10].

XX ғ. 50-жж. ортасында геологтар Орталық Қазақстан кен орындарының ерекшеліктері мен олардың ірі мөлшері, құрамының кешенділігін, салыстырмалы түрде оңай қол жетімділігін және олардың көпшілігінде ең тиімді ашық әдіспен кен өндіру мүмкіндігі болғандығын анықтады. Осының арқасында мұндағы ірі кен қорларының негізінде тау-кен және металлургия кәсіпорындары марганец, мыс, полиметалдар және сирек металдар дамуда деген шешімге келді [Жилинский, Щерба 1956: 13]

Орталық Қазақстандағы қола дәуірінің тау-кен ісі мен металлургия ескерткіштерін археологиялық зерттеу XX ғ. бірінші жартысынан бастап жүргізілуде. Өңір ескерткіштерін (Атасу, Мыржық, Ұлытау қоныстары, Үлкен Жезқазған ескерткіштері) зерттеудің негізгі нәтижелері Қ.И. Сәтбаевтың іргелі еңбектерінде көрініс тапты [Сатпаев 1956: 260, Сатпаев және т.б. 1956: 105–145].

Ұлытау-Жезқазған аймағының кен орындарының білгірі Қ.И. Сәтбаев Жезқазған мыс кенді ауданы Сарыарқаның батыс бөлігінде, Ұлытау тауларының оңтүстік бөктерінде орналасқандығын атап өтті. Жезқазған ауданының геологиялық құрылысына қазіргі ғылымға белгілі шөгінді, сондай-ақ атқылау және метаморфтық тау жыныстарының барлығы дерлік қатысады. Сондықтан Жезқазған қойнауындағы мыс қорының 90%-дан астамы сульфидті кендерге тиесілі, қалған 10%-ы тотыққан-сульфидті және тотыққан кендер екендігін көрсетті [Сатпаев 1961: 12–13]. Сонымен қатар, тотыққан және сульфидті кендерде рений сияқты сирек және қымбат металл тұрақты және салыстырмалы түрде қатысады [Сатпаев 1961: 14]. Тотығу аймағы негізінен жоғарғы бетке шығатын кен орындарына тән. Тотығу аймағының ең үлкен тереңдігі 60 м-ге жетеді, көп жағдайда ол 30–40 м-ден аспайды, кейде 10 м деген ғылыми ұсыныс жасалды [Штефанов, Гладков, 1961, с. 113]. Жезқазған аймағының кен бөлігінің минералогиялық құрамы әр түрлі. Кен минералдары: табиғи мыс, табиғи күміс, куприт, мыс-марганец шайырлы кені, малахит, азурит, хризоколла және т. б. [Сатпаев 1961: 174–175].

Академик Қаныш Имантайұлы Сәтбаевтың шәкірті Шаһмардан Есенов Жезқазған геологиялық барлау экспедициясының геологы ретінде 1949–1960 жж. жемісті еңбек етіп, Жезқазған мыс кені бірегей ауданын жүйелі және егжей-тегжейлі геологиялық зерттеудің ұзақ кезеңі ішінде жинақталған нақты материалдарды ғылыми талдау мен жалпылаудың негізгі нәтижелерін ғылыми айналымға енгізді. Қазақ КСР Геология министрлігінің Жезқазған кешенді геологиялық экспедициясының геологтар тобы құрамында Шаһмардан Есенов он жылдан астам уақыт жұмыс істеді және Жезқазған кен алаңының ресурстарын түбегейлі қайта бағалауға тікелей қатысты, барлық геологиялық барлау жұмыстарына, сондай-ақ геологиялық ғылымдар институтының Жезқазған кешенді зерттеулер зертханасының ғылыми зерттеулеріне ұзақ уақыт жетекшілік етті [Есенов 1968: 275].

1965 ж. бастап Ш. Есенов республикада жүргізген барлық геологиялық іздеу және барлау жұмыстарына жалпы басшылық етті. Ол республикадағы тау-кен ісінің пайда болу тарихымен және даму перспективаларымен танысып, оның жерасты көмбелері қайда және қалай орналасқанын, олардың ел экономикасы үшін маңызы қандай екенін кешенді түрде зерттеуге ден қойды [Есенов және т. б. 1968].

Жезқазған жеріндегі көне металлургия мен кен ісінің ескерткіштерінің мәселелерін қарастыруда археология нақты деректерді беретін ғылым саласы екені анық. Жезқазған көне өндіріс орталығы екендігі жайындағы болжамдарды екінші дүниежүзілік соғыстан кейін өңірде қазба жұмыстарын жүргізген академик Ә.Х. Марғұлан жан-жақты зерттеп дәлелдеді.

XX ғ. 60-жж. ортасында Ұлытау қоныстарын зерттеген ғалымдар мынадай дерек ұсынады: «Поселение находится у юго-восточного подножья горы Улутау, на юго-западной окраине районного центра Улутау, на левом берегу вторичного русла горной речки, между поселком и районной больницей. Судя по частично сохранившейся землянке и большому количеству керамики и костей животных, которые собраны на территории поселка, очевидно, что основной жилой площадью было все левобережье на протяжении 800 м. На поселении собрано много подъемного материала в виде обломков глиняной посуды, костей животных и орудий труда. В поисках остатков других поселений были обследованы оба берега речки на протяжении 3–4 км, но ничего не обнаружено, хотя местные жители здесь часто находят обломки керамики и каменных рудодробильных орудий» [Маргулан және т. б. 1966: 238].

Ортағасырлық жазба дереккөздерді терең білу және кең ауқымды барлау жұмыстарын жүргізу Әлкей Хақанұлына Сарыарқаның ежелгі тарихын зерттеу

бағыттарын көптеген жылдарға алға шығаруына мүмкіндік берді.

Ә.Х. Марғұлан ежелгі және орта ғасырлардағы Орталық Қазақстандағы тау-кен ісіне, түрлі-түсті және қара металдарға сипаттама береді. Археологиялық зерттеудің маңызды бағыттарының бірі Орталық Қазақстандағы тау-кен ісі мен металлургияның дамуын зерттеу болды. Ә.Х. Марғұлан 1955 ж. ежелгі металлургиялық қоныстар мен шеберханаларға археологиялық қазба жұмыстарын бастады [Маргулан 1972: 3–30]. Алғаш рет археологиялық материалдарды геологиялық мәліметтермен байланыстыра отырып, тау-кен ісін зерттеу бойынша бірегей ақпарат берді. Атасу ескерткіші мен өңірдің басқа да ескерткіштерін зерттеу Орталық Қазақстанды тау-кен ісі мен металлургияны дамыту орталықтарының бірі ретінде айқындауға мүмкіндік берді. Кейіннен бұл гипотеза қола дәуірінің археология ескерткіштерінің көптеген зерттеулерімен дәлелденді.

Ежелгі материалдық өндірістің іздері қола дәуіріндегі Орталық Қазақстанның ірі металлургиялық орталығы ретінде, Жезқазғанның экономикалық және мәдени маңызы туралы мәлімет береді.Кен өндірудің ашық әдісі Жезқазғанда ежелгі уақытта қолданылған. Бұған үлкен көлемдегі көптеген карьерлер мен биік қоқыс қалдықтары дәлел бола алады.

Жезқазған ескерткіштерінің бірқатар жергілікті ерекшеліктері болса да, Орталық Қазақстанның басқа аудандарымен көп ұқсастығы болған. Жезқазғанның қоныстарында үй-жайларының қабырғалары мықты тастан жасалған. Жерлеу алқаптары, кеніштер, карьерлер, өнімдер, таратқыштар, үйінділер, мыс балқытатын пештер, қождардың, кен құралдарының жиынтығы, көптеген шаруашылық және иррагациялық ғимараттар (бөгеттер, жасанды су қоймалары, қойма – шұңқырлар, құдықтар) және т. б. болған.

Өкінішке қарай, Жезқазғанның көптеген ежелгі металлургия мәдениетінің ескерткіштерінің арасында сақталғандары аз. Жезқазған қаласының шекарасында болған (Кресто, Златоуст) көне өндіріс орындарының қалдықтары қазіргі кезде жаңа ғимараттардың астында қалған.

XX ғ. 50-ы жж. инженер – геологтар осы өңірден көптеген заттарды, соның ішінде тас ожау, саз құман, қайрайтын тас, жұмысқа лайықталған басы қатты коррозияға ұшыраған мыс сүймен немесе дұрысы жұмысқа лайықталған басы үшкір төрт қырлы қайла тапты. Крестоның солтүстік бөлігінде кремний құралдарының қоймасы анықталды, оның ішінде жақсы өңделген жебе пен найзаның ұштары, керамиканың сынықтары болды. Оңтүстік бөлігінде тотыққан мыс кенінің, мыс балқыту үрдісінде пайда болған қож, саз балшықтан жапсырылған ыдыстардың үлкен үйіндісі анықталды [Маргулан 1972: 5–10].

Тарақ тәрізді таңбасы бар керамиканың сынығы опырғыштармен бірге Анненск карьерінде табылды. Ауыз жиегі тік және қолмен жапсырылып жасалған саз ыдыстарының бөлшектерінің көбісі Златоуст учаскесінен табылды. Керамикада өрнек шырша, меандр және “Z”-тәрізді пішіндегі қатарлар түрінде тарақ тәрізді ірі таңбамен жасалған [Маргулан 1973: 10].

Ежелгі Жезқазған қоныстарының топографиясы күрделі және көптеген кеншілер мен металлургтердің көп ғасырлық жұмыстарының, сонымен қатар әр түрлі дәуір мәдениеттерінің қабаттанып орналасуы нәтижесінде қатты шиеленіскен. Сонда да әрбір дәуір ескерткіштерінің сұлбасы мұқият зерттеу кезінде анық көрінеді [Маргулан 1973: 11–12].

«Кресто Центр» карьерлерінде 5 м тереңдікте, ауданы 30 м, биіктігі 1 м-ден асатын штольнялар сақталған. «Покро» II және III карьерінің түбінде тереңдігі 5–6 м штольнялар сақталған; әр штольняның ауданы 10×12 м, олардың ішінде екі шпилька және тақтатастан жасалған бір жасанды тірек бар. Адамның бойының биіктігімен бірдей [Маргулан 1973: 12].

Златоуст кен шоғырларының ауданы Покровка кенінен солтүстікке қарай 4 км жерде орналасқан. Златоуст кен орнындағы тотығу аймағының минералогиялық құрамы малахит, азурит, хризоколла, табиғи мыс болып табылады, ал тотыққан аймақтағы негізгі кен түзуші минералдың рөлін малахит алады. Сол жерде солтүстіктен оңтүстікке қарай, тереңдігі 5 м жүретін ашық карьерлер тізбегі кездеседі [Маргулан 1973: 13].

Қазақстанда тау-кен өнеркәсібінің пайда болуы және жұмысшы табының қалыптасу мәселелері бойынша маман, тарих ғылымдарының докторы Е.Д. Ділмұхамедов пен зерттеуші Е.Б. Бекмұхаметов, Солтүстік және Орталық Қазақстан аудандарында тау-кен өнеркәсібінің негізделуі мен даму мәселелерін монографияларында жан-жақты зерттейді [Дильмухамедов 1975: 78; Бекмухаметов 1964: 97]. Олар аз зерттелген мұрағаттық деректер негізінде әртүрлі кен орындарының, кеніштердің ашылу тарихын қарастырған.

Түйіндей келсек, көне металлургияның жылдам дамуының негізі мыс еді. Бұл металл қазақ жерін әлемдегі тау-кен, металлургия орталықтарының біріне айналдырды. Евразия аумағында көне металлур-

гия өндірісінің пайда болып, дамуы барысындағы ірі орталықтардың бірегейі – Ұлытау және Жезқазған жері болып табылады.Осы өңірді жан-жақты зерттеген ғалымдар оның экономикалық әрі саяси мәнін назардан тыс қалдырмай, өткен жүз жылдықтың ортасында ғылыми жұмыстарын кешенді сипатта жүргізді. Отандық индустрияландырудың тарихының негізгі мәселелерін объективті түрде қайта қарау үшін, қазақ жеріндегі ежелгі өндірістің даму жылнамасына кешенді зерттеу қажет. Бұл жұмыстар алдағы уақытта өлке тарихының «ақтаңдақ беттерін» толтырары анық.

ӘДЕБИЕТ

Бекмухаметов Е.Б. Цветная металлургия и горное дело дореволюционного Казахстана. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1964. 270 с.

Дильмухамедов Е.Д. Из истории горной промышленности Казахстана. Алма-Ата: Казахстан, 1975. 156 с.

Елютин Д.Н. История геологического изучения. Геология СССР. Т. XXV. Киргизская ССР. Геологическое описание. Кн. 1. М.: Недра, 1972. 21 с.

Есенов Ш.Е. Геолого-структурные особенности и методика разведки месторождений Джезказганского рудного поля. Алма-Ата: Наука, 1968. 245 с.

Есенов Ш.Е., Кунаев Д.А., Мухамеджанов С. Недра Казахстана. Алма-Ата: Казахстан, 1968. 552 с.

Жилинский Г.Б., Щерба Г.Н. Геология, редкометальные формации и оловоносные районы Центрального Казахстана. Материалы к металлогенической прогнозной карте Центрального Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. 200 с.

Маргулан А.Х. Горное дело в Центральном Казахстане древние и средние века // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 3–30.

Маргулан А.Х. Джезказган – древний металлургический центр // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 3–42.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 428 с.

Марков М.С. Тектоника южной части Карсакпайского синклинория. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 140 с.

Сатпаев К.И. Основные специфические особенности геологии и металлогении Джезказган-Улытауского района (Листы М-42-В и L-42-А) // Материалы к металлогенической прогнозной карте Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1956. 260 с.

Сатпаев К.И. Геология и металлогения / Большой Джезказган. Кн. 1. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. 471 с.

Сатпаев К.И., Русаков М.П., Сейфуллин С.Ш. и др. К вопросам генезиса руд Джезказгана: против надуманных и беспочвенных теорий в рудогенетической науке // Известия АН КазССР. Серия геологическая. 1956. Вып. 23. С. 105–145.

Штефанов В.И., Глоднов Н.Б. Разведанность и направление геологоразведочных работ по Джезказганскому месторождению / Большой Джезказган. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. С. 113–120.

Е.Ш. АМИРОВ
Д.Б. ҮМІТҚАЛИЕВ

Ерлан Шарефович Амиров,
amirov@archeoexpertise.kz,
Дамир Берікұлы Үмітқалиев,
umitkaliev@archeoexpertise.kz,
ТОО «Археологические исследования»,
Карагандинский университет им. Е.А. Букетова,
г. Караганды, Казахстан

АНТРОПОМОРФНОЕ ИЗВАЯНИЕ ИЗ КУРГАНА АРАЛКОЛ

Аннотация. В статье приводятся результаты исследований одиночного кургана Аралкол. Основной находкой является антропоморфное изваяние с шишкообразным навершием, характерным для изваяний Сарыарки.

Ключевые слова: Сарыарка, Улытау, ранний железный век, каменное изваяние, курган

Аралкөл обасындағы антроморфты тас мүсін

Аннотация. Мақалада Аралкөл жалғыз обасының зерттеу нәтижелері келтірілген. Басты олжа Сарыарқаның тас мүсіндеріне тән, басында антропоморфты түйін тәрізді шошағы бар тас мүсін.

Тұйін сөздер: Сарыарқа, Ұлытау, ерте темір дәуірі, тас мүсін, оба

Anthropomorphic sculpture from the Aralkol kurgan

Abstract. The article presents the results of an archaeological study of a single kurgan Aralkol. The main find is an anthropomorphic sculpture with a cone-shaped pommel, typical for the sculptures of Saryarka.

Keywords: kurgan, Saryarka, Ulytau, early Iron Age, stone sculpture, mound

В полевом сезоне 2021 г. ТОО «Археологические исследования» осуществило раскопки одиночного кургана Аралкол. Объект расположен на водоразделе рек Бала Жезды и Улкен Жезды (Улытауский р-н, Карагандинская обл.). В ходе раскопочных работ было обнаружено антропоморфное изваяние, обладающее признаками, характерными для изваяний раннего железного века Центрального Казахстана.

Целью настоящей работы является введение в научный оборот выявленного изваяния. В перечень поставленных задач входят: поиск артефактов, подобных аралкольскому скульптурному изображению; определение культурно-хронологической позиции находки; дополнение известной серии аналогичных изваяний и уточнение их территории распространения. При подготовке работы были применены методы сравнительного анализа, культурно-исторический метод, картографический метод.

Одиночный курган Аралкол расположен на уплощенной возвышенности. Высота кургана составляет 1,1 м, диаметр 17 м. На момент открытия памятника на его вершине фиксировалась воронка, которая является следом ограбления кургана. Диаметр воронки составляет 2,26 м, глубина 0,8 м. Курганная насыпь сложена из земли и камней. Насыпь кургана округлой в плане формы, первоначальная форма в профиль реконструируется как полусферическая. Поверхность кургана была слабо задернована. Под дерновым слоем на склонах насыпи был выявлен слой камней, образующих своего рода кольцо. Этот элемент конструкции, по всей вероятности, удерживал насыпь от расползания.

Поверхность кургана была покрыта тонким слоем дерна, под которым фиксировалась прослойка гумусированного суглинка. Толщина гумусированного слоя имеет минимальные значения ближе к вершине насыпи и возрастает у подножия. Центральная часть насыпи и могильные ямы в местах ограбления заполнены желтоватым затечным суглинком.

Большая часть насыпи сложена из мелкощебнистого грунта серовато-коричневого цвета. В профиле он фиксируется в виде двух массивов по обе стороны от могилы. Линзовидная прослойка этого грунта также отмечена над могильной ямой. Ближе к могиле в данном

© 2022 Амиров Е.Ш., Үмітқалиев Д.Б.

слое обнаружены включения крупнощебнистых фракций.

Щебнистый слой подстилает суглинок белесого цвета, им же заполнена могильная яма в тех местах, которые не были затронуты ограблением. На уровне древней дневной поверхности данный слой лежит над погребенной почвой, которая фиксируется в виде прослойки гумуса. Ближе к обоим краям насыпи найдены полусферические в поперечнике валики из очень твердой битой глины. Материковый (в археологическом понимании) грунт представлен желто-коричневым суглинком с включением щебня.

После разбора стратиграфической бровки и проведения горизонтальной зачистки в центре подкурганной площадки на уровне материка были выявлены верхние контуры могильной ямы овальной в плане формы размером 2,9×1,86 м. Могила ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Заполнение ямы неоднородное, что обусловлено ее ограблением. В ходе вскрытия могильной ямы на глубине 25 см от ее верхнего края зафиксирован фрагмент белемнита. В могильной яме на глубине от 40 до 70 см было обнаружено каменное изваяние, лежавшее наклонно головой вверх, лицевая часть обращена вниз. Общая глубина могильной ямы составляла 0,73 м.

Изваяние высечено из глыбы мелкозернистого гранита красноватого оттенка (рис. 1), размерами 114×29×22 см. В середине и нижней части видны следы сколов. Участок на стороне груди – от шеи до нижней части – разрушен неглубокими выбоинами. Детали скульптурного изображения выполнены контррельефом. В профиль передняя поверхность головы уплощена, а тыльная выполнена объемно. По бокам головы высечены уши в виде неглубоких дугообразных углублений. Личина изваяния имеет яйцевидную форму, острый конец обращен вниз. Детали лица: высота 20,5 см, ширина 12 см. Глаза выполнены в виде круглых углублений диаметром 1,5 см. Нос выполнен в

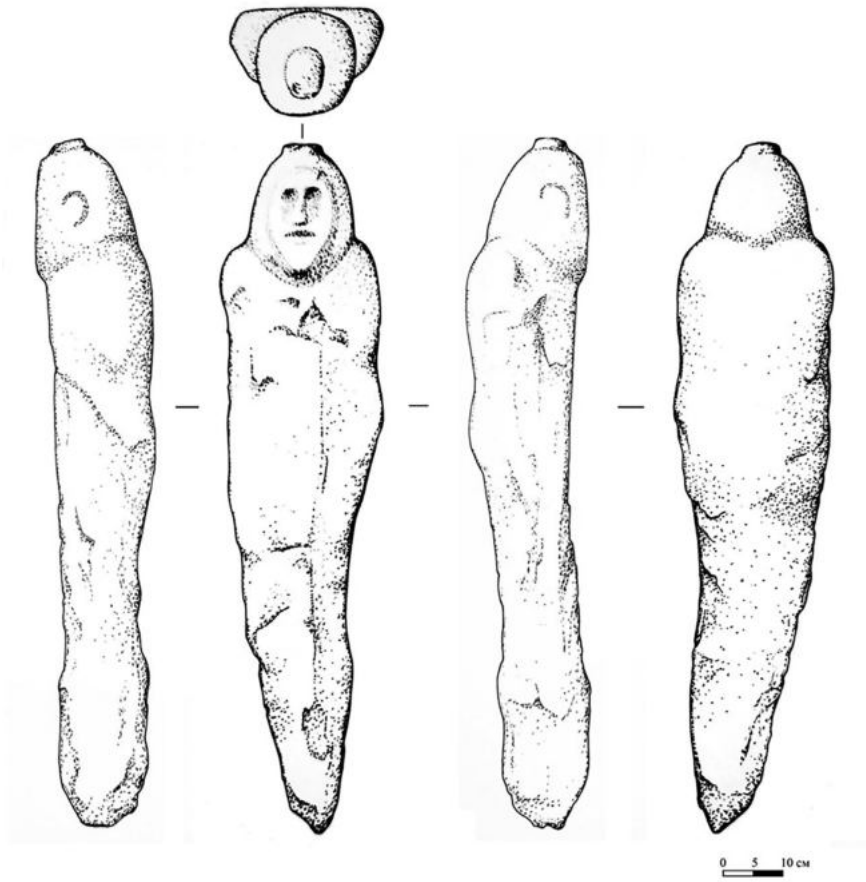

Рис. 1. Изваяние из кургана Аралкол

рельефе, его длина 4 см, ширина 2 см. Он подчеркнут слабовыраженными углублениями по бокам. На макушке головы имеется так называемый шишкообразный выступ. Данный элемент является устойчиво повторяющимся признаком, характерным для изваяний раннего железного века Сарыарки.

Раннекочевнические каменные изваяния Центрального Казахстана достаточно хорошо изучены. Можно отметить работы Л.Н. Ермоленко, Ж.К. Курманкулова, А.З. Бейсенова, А.Д. Касеновой. К моменту публикации данной статьи в регионе было известно 14 изваяний, харктеризующихся шишкообразным выступом:

Изваяние из могильника Талды 2 (рис. 2, 1) [Бейсенов, Ермоленко 2014: 37].

Изваяние из могильника Байдалы (рис. 2, 2) [Бейсенов, Ермоленко 2014: 38].

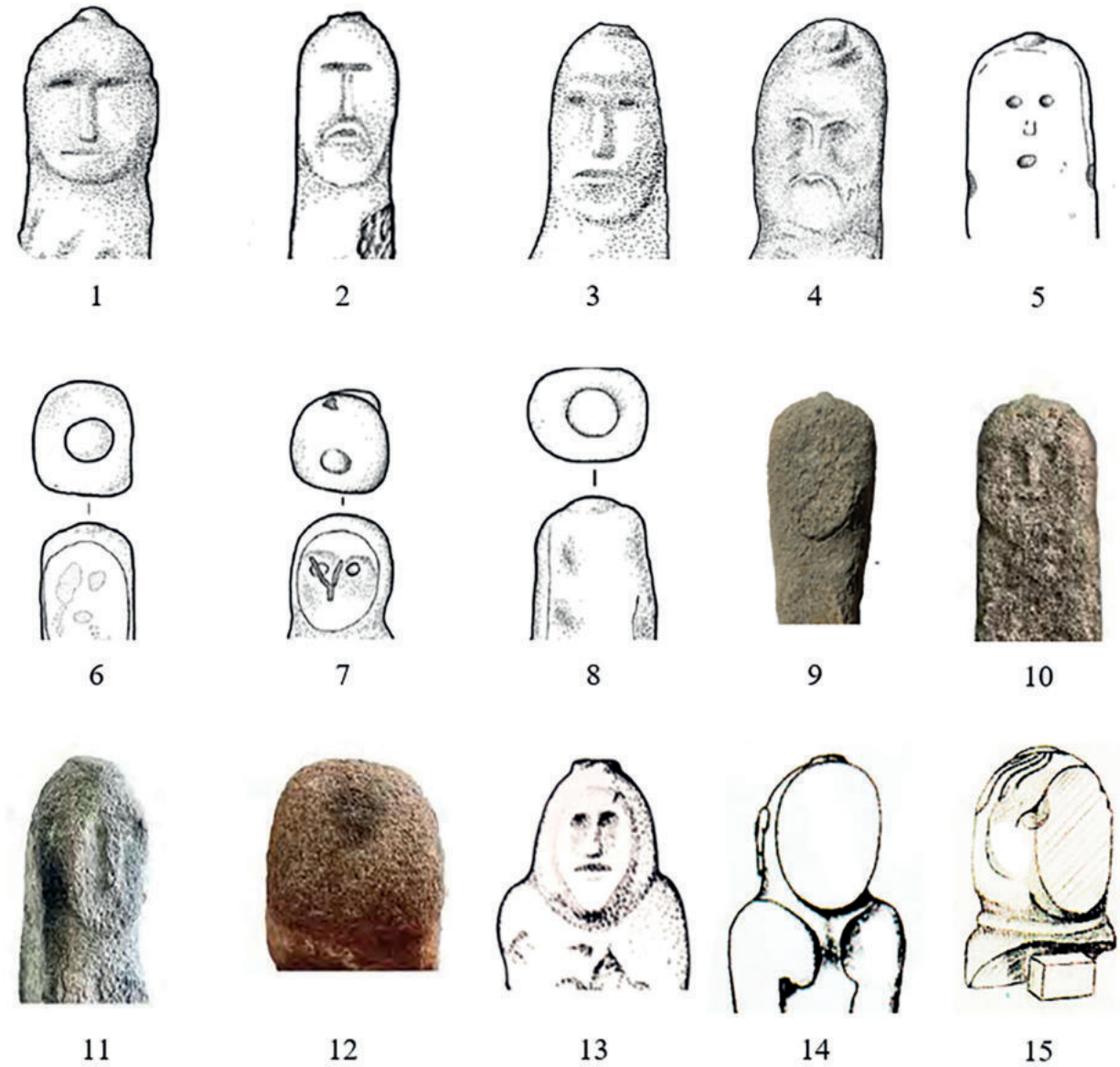

Рис. 2. Сарыаркинские изваяния с шишкообразным навершием: 1–3 – по: [Бейсенов, Ермоленко: 2014: 37–39]; 4–8 – по: [Ермоленко и др. 2015: 26–29]; 9 – по: [Бейсенов 2021б: 34]; 10–12 – по: [Бейсенов 2021а: 269–273]; 13–15 – по: [Марғұлан 1966: 45–46]

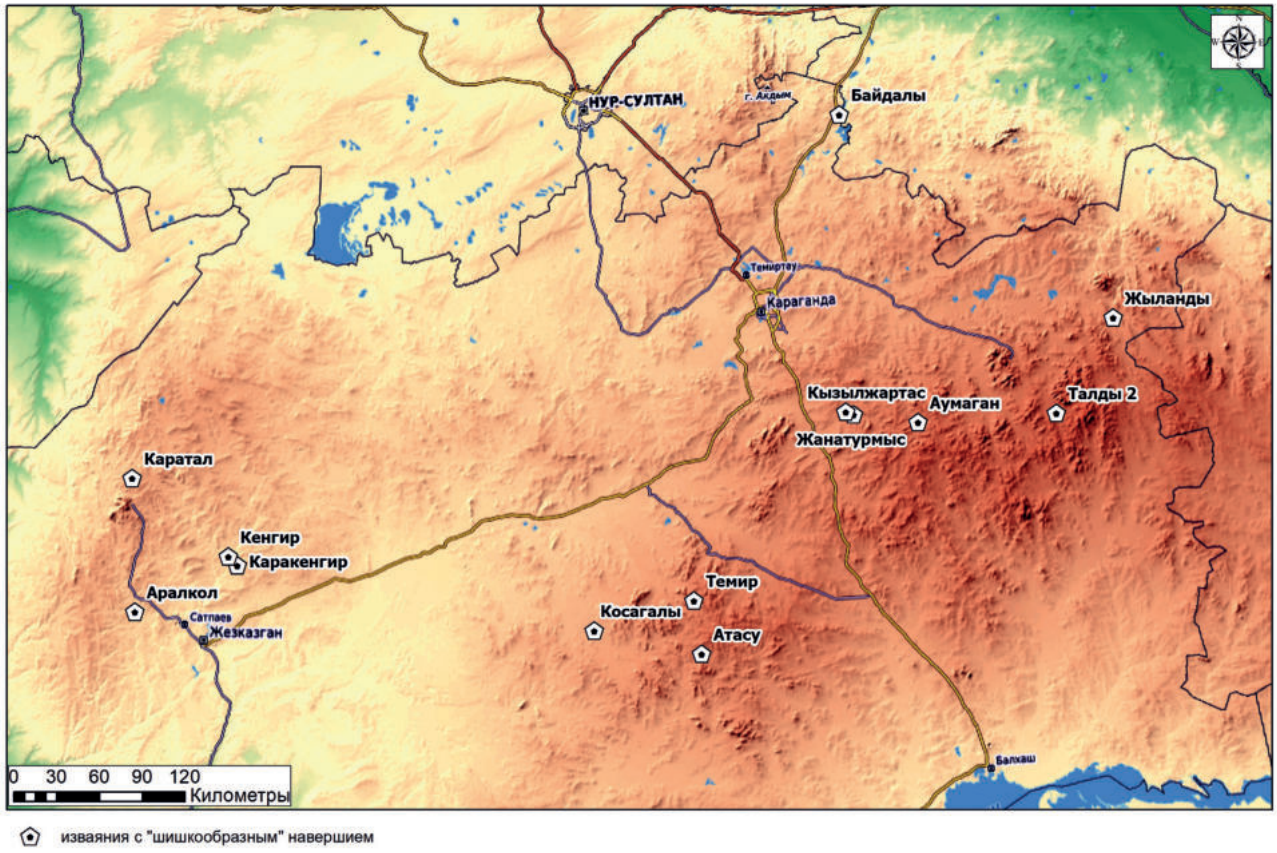

Рис. 3. Карта распространения изваяний с шишкообразным навершием на территории Сарыарки

Изваяние из кургана Жиланды (рис. 2, 3) [Бейсенов, Ермоленко 2014: 39].

Извание из могильника Атасу (рис. 2, 4) [Ермоленко и др. 2015: 29].

Извание из местности неподалеку от могилы Темира (рис. 2, 5) [Ермоленко и др. 2015: 26].

Изваяние из местности Косагалы (рис. 2, 6) [Ермоленко и др. 2015: 26].

Изваяние из с. Каракенгир (рис. 2, 7) [Ермоленко и др. 2015: 26].

Изваяние из урочища Жанатурмыс (рис. 2, 8) [Ермоленко и др. 2015: 28].

Изваяние из кладбища Аумаган (рис. 2, 9) [Бейсенов 2021б: 34].

Изваяние 1 из могильника Кызылжартас (рис. 2, 10) [Бейсенов 2021а: 269].

Изваяние 3 из могильника Кызылжартас (рис. 2, 11) [Бейсенов 2021а: 271].

Изваяние 4 из могильника Кызылжартас (рис. 2, 12) [Бейсенов 2021а: 273].

Изваяние на реке Каратал (рис. 2, 14) [Марғұлан 1966: 45].

Изваяние на реке Кара-Кенгир (рис. 2, 15) [Марғұлан 1966: 46].

А.З. Бейсенов не включает в эту серию изваяния 3 и 4 из могильника Кызылжартас. Он аргументирует это тем, что изваяние 3, по его мнению, является женским [Бейсенов 2021а: 272], а шишкообразный выступ изваяния 4 выражен очень слабо [Бейсенов 2021а: 273]. Не вступая в дискуссию с автором находок, отметим, что в настоящей работе приняты к учету все изваяния Сарыарки, обладающие выступом на макушке.

А.Д. Касенова, резюмируя опыт предшествующих исследований, принимает датировку изваяний подобного рода VII–V вв. до н.э. [Касенова 2020: 74]. А.З. Бейсенов, вводя в 2021 г. в научный оборот но-

вые изваяния, подтверждает эту датировку [Бейсенов 2021а: 274; 2021б: 37].

Таким образом, одиночный курган Аралкол датируется посредством аналогии с каменным изваянием VII–V вв. до н.э. и соотносится с тасмолинской археологической культурой. Выявленное изваяние дополняет существующую серию и является в ней 15-м по счету. Географически данную серию можно условно разделить на 4 группы: Улытауская, Атасуская, Шетско-Каркаралинская, Осакаровская (рис. 3).

Улытауская группа: изваяния из Каратала, Кенгира, Каракенгира, Аралкола. Это относительно компактная группа, привязанная к Улытауско-Жезказганскому региону.

Атасуская группа: изваяния из Атасу, Косагалы, Темира. Данная группа также проявляет относительную компактность и тяготеет к горным массивам верхнего и среднего течения реки Атасу.

Шетско-Каркаралинская группа: изваяния из Жанатурмыса, Кызылжартаса, Аумагана, Талды 2, Жыланды. Эта группа вытянута с запада на восток на значительные расстояния. Памятники, соотносимые с ней, расположены в речных долинах вдоль горных массивов Центральной и Восточной Сарыарки.

Осакаровская группа представлена единственным изваянием из могильника Байдалы.

Морфологические и стилистические расхождения между изваяниями четко не коррелируются с их географическим распределением. Единственную слабо выраженную закономерность удалось проследить в улытауской группе. Здесь в двух случаях обнаружены изваяния, у которых лицевая часть четко оконтурена, но при этом она оформлена в виде плоской поверхности без изображений элементов лица (Каратал и Кенгир).

Трактовка шишкообразного выступа традиционно сводится к предположениям о воинской прическе или футляре для волос. Исходя из этого, открывается перспективное направление для дальнейших исследований с целью дать обоснованный ответ на вопрос о природе данного элемента.

ЛИТЕРАТУРА

Бейсенов А.З. Тасмолинский курган с каменными изваяниями в могильнике Кызылжартас // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сб. науч. ст., посвящ. 80-летию профессора Д.Г. Савинова / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов (Труды ИИМК РАН. Т. LVII). СПб.: ИИМК РАН, 2021а. С. 261–277. DOI: 10.31600/978-5-907298-22-4.261-277

Бейсенов А.З. Тасмолинское каменное изваяние в урочище Аумаган, Центральный Казахстан // Уфимский археологический вестник. 2021б. Т. 21, № 1. С. 33–41. DOI: 10.31833/uav/2021.21.1.003

Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59). Т. 3. С. 34–40.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи // Вестник КемГУ. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 26–32.

Касенова А.Д. Каменные изваяния Сарыарки (история изучения). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. 196 с.

Марғұлан Ә. Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер // Ежелгі мәдениет куәлары. Алматы: «Қазақстан» баспасы, 1966. 8–52-бб.

Н.А. БЕРСЕНЕВА

Наталья Александровна Берсенева,
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Южно-Уральский
государственный университет,
Челябинск, Россия;
bersnatasha@mail.ru

МУЖСКОЕ/ЖЕНСКОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ в ОБЩЕСТВАХ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА (АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ)*

Аннотация. В статье обсуждается возможность изучения мужского/женского доминирования в обществах ранних сарматов Южного Урала по археологическим данным (конец VI – II в. до н.э.). Цели исследования видятся следующими: 1) исследование контекста мужских и женских погребений; 2) поиск археологических свидетельств мужского/женского доминирования в погребениях ранних кочевников.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние сарматы, погребения, мужское/женское доминирование

Оңтүстік Оралдың ерте көшпенділері қоғамындағы ер/әйел үстемдігі (археологиялық мәліметтерді сараптау)

Аннотация. Мақалада археологиялық мәліметтер бойынша (б.д.д. VI соңы – II ғ.) Оңтүстік Оралдың ерте сарматтары қоғамындағы ер/әйел үстемдігін зерттеу мүмкіндігі қарастырылады. Төмендегідей зерттеу мақсаттары көрінеді: 1) ерлер мен әйелдердің жерлеу орындары контекстін зерттеу; 2) ерте көшпелілердің жерлеу орындарындағы ер/әйел үстемдігінің археологиялық дәлелдерін іздеу.

Түйін сөздер: Оңтүстік Орал, ерте сарматтар, қорымдар, ер/әйел үстемдігі

Male/female dominance in the societies of the early nomads of the Southern Urals (analysis of archaeological data)

Abstract. The study concerns the Early Nomadic cultural groups (the Sarmatians). They are currently dated from the end of the 6th to the 2nd centuries BC. This paper has two purposes. The first goal is to investigate the context of male vs. female burials. The second is to answer the question whether there is archaeological evidence of male/female dominance/other gender systems in the Early Sarmatian burials.

Keywords: Southern Urals, Early Sarmatians, burials, male/female dominance

Социальные структуры ранних кочевников Евразии имеют длительную историю изучения, представленную в различных публикациях [Хазанов 1975; Социальная структура… 2005; Кочевые империи… 2019 и т. д.]. Кочевники господствовали в евразийских степях более 2000 лет, создав за этот период множество разнообразных обществ – от локальных конфедераций простых вождеств до огромных кочевых империй [Kradin 2020: 186–190]. Экономическая основа в виде подвижного скотоводства делала неизбежной организацию отличных от земледельческих политий, вертикальные структуры которых базировались в первую очередь на родстве. Мобильный образ жизни затруднял накопление иного богатства, чем то, которое можно увезти на лошади или в повозке. Движимое имущество в виде скота было подвержено различным опасностям: от голода и эпидемий до краж и угонов. Поэтому главы кочевых сообществ часто распределяли богатства и трофеи среди соплеменников для сохранения лояльности. Политические образования кочевников, соответственно, были нестабильны, и, по мнению специалистов, одни и те же общества могли переходить от иерархической формы управления к гетерархической и обратно в течение относительно коротких промежутков времени [Крадин 2019: 18–21].

Кроме вертикальной структуры, которая определяет положение индивидов и групп индивидов по отношению к власти и богатству, в обществах существует еще множество социальных структур, таких как горизонтальная (отношения родства), гендерная (взаимо-

© 2022 Берсенева Н.А.
**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-20253, https://rscf.ru/project/22-28-20253/*

отношения полов), возрастная, религиозно-конфессиональная, профессиональная и другие. Целью данной работы является исследование гендерных структур, в частности, мужского/женского доминирования в обществах ранних кочевников Южного Урала, по археологическим данным.

Термин «мужское или женское доминирование» в основном употребляется для характеристики взаимоотношений на семейном или межличностном уровне [см. подробнее: Goldberg 1973: 31–32] и связан с гендерными стереотипами и социальными ролями. По нашему мнению, археологический источник, в данном случае – курганные могильники ранних кочевников, дает возможность такого изучения. Основными направлениями исследования могут быть следующие: 1) количественное соотношение мужских и женских захоронений; 2) разница в энергозатратах на погребения мужчин и женщин; 3) наличие артефактов, маркирующих гендер или отражающих социальные роли умерших (вооружение, предметы культа, орудия труда); 4) антропологические свидетельства о характере травм и патологий на костях индивидов обоих полов; 5) свидетельства о различиях в диете.

В могильниках ранних кочевников Южного Урала (конец VI – II в. до н.э.), коллекции которых подверглись антропологической идентификации, захоронено примерно одинаковое количество мужчин и женщин (по данным автора, 142 и 154 соответственно). Гендерный состав погребенных в коллективных центральных усыпальницах также не демонстрирует явного дисбаланса в пользу одного из полов.

По богатству инвентаря и наличию импортных предметов женские погребения не уступают мужским [Яблонский 2011: 387]. Если же рассматривать трудозатраты, вопрос представляется более сложным, особенно для крупных «царских» курганов. Центральные усыпальницы в них, как правило, разрушены и почти не содержат человеческих останков [Пшеничнюк 2012: 26]. Непотревоженные могильные ямы под более скромными насыпями (коллективные и индивидуальные) не показывают серьезной разницы в «богатстве» инвентаря между мужскими и женскими захоронениями [Пшеничнюк 2012: рис. 91; 126]. Однако о богатстве впускных или периферийных погребений в «царские» курганы можно судить по уцелевшему женскому захоронению в кургане 1 могильника Филипповка I [Yablonsky, Treister 2019: fig. 1–3].

Специалистами допускается наличие человеческих жертвоприношений у сарматов. Однако среди определенных антропологически скелетов (или частей скелетов) предполагаемых «жертв» наличествуют и мужские, и женские останки [Яблонский 2011: 383].

Маркеры гендера и гендерно-стереотипный погребальный инвентарь. Для мужчин, таким маркером, безусловно, является оружие: железные мечи или кинжалы, колчан со стрелами, реже – наконечники копий или защитный доспех. Конская упряжь также чаще сопровождает мужчин. В целом, 69% от всех индивидов мужского пола были погребены с оружием. Этот факт отмечается также в недавней работе А.Х. Гильмитдиновой [Гильмитдинова 2021: 133].

Женский гендер маркировался в погребениях с помощью различных украшений, бусин из стекла и полудрагоценных камней, серег, перстней и гривен из железа, бронзы или драгоценных металлов. 70% от всех антропологически идентифицированных женщин были погребены с украшениями различного типа. Некоторые женщины (около 13%) были захоронены в сопровождении предметов вооружения, преимущественно с колчаном и стрелами, но иногда и с мечом, кинжалом или наконечником копья [Берсенева 2022: табл. 1]. При этом в погребениях женщин с оружием почти всегда присутствовали и украшения.

Рассматривая возможные социальные роли мужчин и женщин, следует отметить следующее. Мужчины выполняли довольно мало социальных ролей, отраженных в погребальном обряде. Можно предположить, что главными были роли воина, всадника или конного лучника, в царских курганах – воина, стоящего на верхушке социальной лестницы – военного вождя или лидера. Другие мужские социальные роли, которые, несомненно, имелись в реальной жизни [Таиров, Берсенева 2021], не получили отражения в погребальной обрядности.

В отличие от мужчин, у женщин было больше социальных ролей, отраженных в их погребальном инвентаре. Женский инвентарь более разнообразен благодаря наличию украшений, различной посуды, туалетных принадлежностей и культовых предметов [Гильмитдинова 2016].

Таким образом, мы можем предположить следующие социальные роли женщин (помимо выполнения хозяйственных и материнских обязанностей): 1) часть женщин может быть охарактеризована как «воины» (те, кто погребен с оружием) [Берсенева 2022: табл. 1]; 2) «ритуальные специалисты» (погребенные с каменными жертвенниками и другими, возможно культовыми, артефактами) [Сиротин 2017] и 3) татуировщицы (захороненные с наборами для нанесения татуировок) [Yablonsky 2017]. Л.Т. Яблонский отмечал, что «орудия

для татуажа были найдены только в женских погребениях, и это, вероятно, показывает, что нанесение татуировок было женской прерогативой и специальностью. Это предположение подкрепляется другими свидетельствами о том, что сарматские женщины отвечали за ритуальную деятельность в семье, клане и племени. Поскольку предполагаемые наборы для татуировки в могильнике Филипповка I были обнаружены в ассоциации с другими предметами культа, мы можем предположить ритуальный характер этих действий. Таким образом, сарматская культурная идентичность демонстрировалась через татуированную кожу человека и при жизни, и после смерти» [Yablonsky 2017: 230].

Независимым источником могут быть следы ранений и травм, зафиксированные на скелетных останках. Антропологическое исследование Е.П. Китова и соавторов продемонстрировало, что в раннесарматский период процент боевых травм (особенно фатальных), обнаруженных на костях индивидов обоего пола, был относительно низким. Согласно опубликованным данным, только 7% черепов из могильников Волго-Уралья (37 из 551) имели следы ранений. Травмы были отмечены преимущественно на черепах мужчин (86% всех следов), и только в пяти случаях повреждения были на женских черепах. На женских черепах не было зафиксировано ни одной травмы, приведшей к смерти. В одном случае это было залеченное отверстие от наконечника стрелы, в другом – от трепанации. В трех случаях были сломаны назальные кости [Китов и др. 2019]. Причины последних травм неизвестны, теоретически они вполне могут быть следствием домашнего насилия.

О различных формах мужского или женского доминирования может свидетельствовать также разница в диете обоих полов. По кочевникам Южного Зауралья такая работа ведется, но пока находится в стадии публикации. Доступны исследования, касающиеся диеты хунну Забайкалья и саков Центрального Казахстана (тасмолинская культура) [Kradin et al. 2021; Beisenov et al. 2020]. В первом случае было исследовано девять человеческих образцов, в результате сделан вывод о преобладании мясо-молочной диеты с небольшой долей продуктов земледелия (просо) и рыбы. На различия в диете между мужчинами и женщинами авторы не указывают [Kradin et al. 2021: 5]. В любом случае количества образцов недостаточно, чтобы судить об этом аспекте с уверенностью. Во втором исследовании зафиксирована подобная диета, за исключением наличия рыбы. Из приведенной таблицы можно судить, что диета мужчин и женщин существенно не отличалась, более того, авторы связывают употребление растительной пищи (проса) с высоким социальным статусом погребенных [Beisenov et al. 2020: 213, table 1].

На основании проведенного исследования можно заключить, что погребальные памятники ранних кочевников Южного Урала не содержат прямых свидетельств как мужского, так и женского доминирования в горизонтальных социальных структурах раннесарматских обществ. Погребальные памятники отражают в большей степени различия в вертикальной социальной позиции умерших. Общество имело выделенную элиту, которая включала и мужчин, и женщин. Тем не менее трудно предположить женское доминирование в достаточно агрессивном и воинственном обществе ранних кочевников, где почти три четверти мужчин и 13% женщин были погребены в сопровождении оружия. Мы полагаем, что мужчины должны были доминировать в сфере принятия военных и политических решений, выстраивать отношения в вооруженных формированиях и союзах. Определенная специализация (и право принятия решений) занятий мужчин (война, выпас скота) и женщин (домашнее хозяйство) была описана для «поздних» (Средние века и Новое время) кочевых обществ Евразии [Таиров, Берсенева 2021]. Однако в отсутствие мужчин, занятых войной и грабежами, женщины и подростки принимали на себя их обязанности, включая выпас животных. Случалось, что женщины принимали участие и в военных действиях [Крадин 2007: 209].

Возвращаясь к ранним кочевникам, можно уверенно предположить, что мужчины доминировали не во всех сферах жизни коллектива. Ритуальная сфера и домашнее хозяйство управлялись сарматскими женщинами. Мужское доминирование и не могло быть полным благодаря мобильному и динамичному образу жизни и особой форме собственности (подвижному стаду). Такой образ жизни предполагал для женщин определенную независимость от мужчин и право принятия решений как минимум в ритуальной и домашней сферах.

ЛИТЕРАТУРА

Берсенева Н.А. Женские погребения с предметами вооружения на памятниках ранних кочевников Южного Урала (конец V – II в. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. № 1. С. 99-105.

Гильмитдинова А.Х. Социальные роли женщин в обществе ранних кочевников Южного Урала // Константин Федорович Смирнов и актуальные проблемы сарматской археологии: м-лы IX междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории»,

посвящ. 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 66–69.

Гильмитдинова А.Х. Мужские погребения ранних кочевников Южного Урала второй половины VI – IV в. до н.э. // Археологические памятники Оренбуржья: сб. статей / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. Вып. 15. С. 124–136.

Китов Е.П., Хохлов А.А., Иванов С.С. Боевые травмы у ранних кочевников «савромато-сарматского» облика как отражение социально-политической обстановки в степной полосе Евразии в VI–II вв. до н.э. // Stratum Plus. 2019. № 3. Война и пир в кочевой степи. С. 169–182.

Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М.: Наука; Восточная литература, 2019. 503 с.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.

Крадин Н.Н. Введение в проблематику // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М.: Наука; Восточная литература, 2019. С. 9–21.

Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа: Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2012. 287 с.

Сиротин С.В. Женское раннекочевническое погребение с шаманским комплексом IV в. до н.э. на Южном Урале // КСИА. 2017. № 249. С. 202–216.

Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. тех. ун-та, 2005. 312 с.

Таиров А.Д., Берсенева Н.А. Хозяйственные обязанности мужчин и женщин в кочевых обществах Центральной Евразии XVIII – начала XX в. // Oriental Studies. 2021. № 6. Т. 14. С. 1267–1280.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 343 с.

Яблонский Л.Т. Некоторые итоги новейших раскопок могильника Филипповка 1 // «Terra Scythica»: м-лы междунар. симпозиума «Terra Scythica» (Денисова пещера, Горный Алтай, 17–23 августа 2011 г.) / Отв. ред. В.И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2011. С. 379–392.

Beisenov A.Z., Svyatko S.V., Duysenbay D.B., Akhiyarov I.K., Reimer P.J. New Isotopic Data on the Diet of the Saka Period Population from Central Kazakhstan // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 208–218.

Goldberg S. The Inevitability of Patriarchy. New York: William Morrow and Company Inc., 1973. 243 p.

Kradin N.N. Heterarchy and Hierarchy in Eurasian Steppes // The Evolution of Social Institution. Interdisciplinary Perspectives / Eds. D.M. Bondarenko, S.A. Kowalewski, D.B. Small. Springer, 2020. P. 185–204.

Kradin N.N., Khubanova A.M., Bazarov B.A., Miyagashev D.A., Khubanov V.B., Konovalov P.B., Klementiev A.M., Posokhov V.F., Ventresca Miller A.R. Iron age societies of Western Transbaikalia: Reconstruction of diet and lifeways // Journal of Archaeological Science: Reports. 2021. № 38. P. 1–7.

Yablonsky L.T. The Discovering of a Sarmatian Tattoo Toolkit in Russia // Ancient Ink. The Archaeology of Tattooing / Eds. L. Krutak, A. Deter-Wolf. Washington: University of Washington Press, 2017. P. 215–230.

Yablonsky L.T., Treister м. New Archaeological Data on Achaemenid Influences in the Southern Urals // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. № 25. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2019. P. 79–161.

Р. САЛА
Ж.-М. ДЕОМ

Ренато Сала,
Жан-Марк Деом,
Международная научно-исследовательская
лаборатория геоархеологии при
факультете истории, археологии и этнологии,
КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Казахстан; ispkz@yahoo.com

ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИБАЛХАШЬЯ

Аннотация. Геоархеологическое исследование Северо-Восточного Прибалхашья является одной из серий проектов Лаборатории Геоархеологии (ЛГА), посвященных исследованию северной пустыни Казахстана. В статье определяется его специфическое положение в ряду других пустынь, уделяется внимание его геологическим, геоморфологическим, гидрологическим, климатическим, экологическим аспектам и обитаемости. Выбран полигон 140×50 км для проведения детального исследования и документирования местных водных, литологических, минеральных и экологических ресурсов, а также распределения мест обитания человека от палеолита до современного периода. В целом Северо-Восточное Прибалхашье по сравнению с другими частями Балхашского региона наиболее обеспечено ресурсами влаги, поэтому автохтонные культуры могли обитать здесь длительное время. И все-таки засушливые условия и разрозненные ресурсы сказались на низкой плотности населения, высокой мобильности и смешанных стратегиях жизни, опиравшихся на охоту, рыболовство, сезонный перегон скота и добычу полезных ископаемых.

Ключевые слова: Северо-Восточное Прибалхашье, северная пустыня, геоархеология, природные ресурсы, среда обитания

Солтүстік-Шығыс Балқаш бойын геоархеологиялық зерттеу

Аннотация. Солтүстік-Шығыс Балқаш бойын геоархеологиялық зерттеу Қазақстанның солтүстік шөлін зерттеуге арналған Геоархеология зертханасының (ГАЗ) жобаларының бірі болып табылады. Мақалада бұл аумақтың басқа шөлдердің қатарындағы арнайы орнын анықтап, оның геологиялық, геоморфологиялық, гидрологиялық, климаттық, экологиялық аспектілері мен тіршілік ету мүмкіндігіне назар аударылады. Жергілікті су, тас, минералды және экологиялық ресурстарды, сондай-ақ палеолит дәуірінен қазіргі кезеңге дейінгі адамның мекендеу ортасының таралуын егжей-тегжейлі зерттеу және құжаттау үшін 140×50 км алаң таңдалды. Жалпы Солтүстік-Шығыс Балқаш бойы Балқаш өңірінің басқа аймақтарымен салыстырғанда ылғал ресурстарымен барынша қамтамасыз етілген, сондықтан автохтонды мәдениеттер мұнда ұзақ уақыт өмір сүруі мүмкіндігі зор болған. Дегенмен, құрғақ ауа райы мен шашыраңқы ресурстар тұрғындардың төмен тығыздығына, жоғары мобильділікке және аң аулауға, балық аулауға, маусымдық мал айдауға және тау-кен өндіруге негізделген аралас өмір салтына әкелді.

Түйін сөздер: Солтүстік-Шығыс Балқаш бойы, солтүстік шөл, геоархеология, табиғи ресурстар, тіршілік ету ортасы

Geoarchaeological study of the North-Eastern Pre-Balkhash

Abstract. The geoarchaeological study of Northeastern Pre-Balkhash is one of a series of projects of the Laboratory of Geoarchaeology (LGA) of Almaty dedicated to the investigation of the northern desert of Kazakhstan. The article defines the Northeastern Pre-Balkhash specific position within the other deserts, focusing on its geological, geomorphological, hydrological, climatic, environmental aspects and habitability. A polygon of 140×50 km has been selected for implementing detailed survey and documentation of the local water, lithic, mineral and environmental resources and the distribution of human habitats from the Paleolithic to the Modern period. As a whole, the Northeastern Pre-Balkhash is the moister among the other Pre-Balkhash regions and capable of supporting longstanding autochthonous cultures; but, due to the arid conditions and scattered resources, this could have worked only at the cost of high mobility patterns, low population density and mix living strategies based on hunting, fishing, pastoralist seasonal transhumances and mining.

Keywords: Northeastern Pre-Balkhash, northern desert, geoarchaeology, natural resources, habitats

© 2022 Сала Р., Деом Ж.-М.

Территория Северо-Восточного Прибалхашья (СВ-ПБ) представляет собой засушливый регион, малонаселенный по сравнению с большей частью Казахстана. Основной целью, мотивировавшей его исследование, была оценка доступности воды и исторической эволюции систем водоснабжения, разработанных человеческими культурами от палеолита до современного периода. Выбранный полигон был обследован Лабораторией Геоархеологии (ЛГА) в 2019 г. путем камеральных и полевых исследований в рамках проекта «Традиционные способы водоснабжения аридных зон Казахстана: этнологические и геоархеологические подходы (2017–2020 гг.)». Несмотря на слабую гидрологическую сеть и окружающую среду, СВ-ПБ сыграло важную доисторическую и историческую роль из-за использования местных литологических, металлических и пастбищных ресурсов.

Физико-экологические особенности Северо-Восточного Прибалхашья. Прибалхашье является самым восточным участком северной пустыни Центральной Азии, которая представляет собой экорегион, простирающийся в основном в Южном Казахстане, частично в Узбекистане, исключая бассейн Средней Сырдарьи, который классифицируется как часть южной пустыни Центральной Азии (рис. 1).

В пустынях, наряду с климатом и рельефом, играет роль и третий фактор гидрологической сети: помимо метеоритных осадков и разрозненных точек выхода воды (родников), наличие крупных озер (Каспийское, Аральское, Балхаш) и речных потоков (Сырдарья, Чу/Шу, Или/Иле) способствует формированию влажных берегов и коридоров, которые благоприятствуют сезонным и стационарным местам обитания человека. Особенно эффективным для увлажнения больших пустынных территорий является наличие сильно разветвленных внутренних дельт, какими являются дельта реки Сырдарья между пустынями Кызылкум и Приаральские Каракумы, дельта реки Иле в Южном Прибалхашье и – в меньшей степени ввиду малых размеров – дельты Нижней Шу. Отсутствие постоянных водотоков объясняет сходство и меньшую обитаемость пустынь Бетпак-Дала (правый берег Нижней Шу) и Северного Прибалхашья.

Северное Прибалхашье простирается на 250 км на север от озера до главного водораздела Сарыарки; это самая аридная полоса шириной 50–80 км, геологически определяется последовательностью пустынных, полупустынных и степных ландшафтов. Наклонный денудационный пенеплен Северного Прибалхашья пересекают всего четыре скудные реки (Мойынты, Токрау, Кусак, Баканас), теряющиеся за 50–150 км до впадения в озеро.

Река Токрау делит Северное Прибалхашье на северо-западное и северо-восточное Прибалхашья. Второе менее засушливо в силу особенностей местного рельефа; это, прежде всего большая высота соответствующего участка главного водораздела (гора Аксоран, 1565 м н.у.м.), который питает истоки относительно более крупных рек Токрау и Баканас, огибающих СВ-ПБ; затем от водораздела систем низких гор и скалистых холмов (вдоль русла Токрау на востоке до урочища Саяк-Семизбугу на западе), которые способствуют вы-

Рис. 1. Северная пустыня Средней Азии

Рис. 2. Северо-восточное Прибалхашье ограничено на юге оз. Восточный Балхаш, на севере – главным водоразделом Сарыарка, на западе – р. Токрау, на востоке – р. Баканас. Синяя линия – активное русло реки. Желтая линия – сухое русло реки. Красная рамка: 140×50 км полигон исследования. Зеленые точки – значимые места, где активные источники совпадают с местонахождением поселений, каменных орудий, фрагментов керамики, медных рудников и петроглифов

ходу воды из большего числа родников (а также поверхностному проявлению и минеральных отложений) (рис. 2).

При рассмотрении распределения культурных следов обитания человека экологические особенности становятся весьма значимыми и предполагают дальнейшее широтное деление региона на три ландшафтные (почвенно-растительные) широтные полосы, изменяющиеся с ростом высоты от берега озера до главного водораздела: 1 – пустыня, 2 – полупустыня и 3 – степь, соответственно шириной 0–80, 80–150 и 150–250 км.

Каждая полоса предоставляет различные возможности. Пустынная нижняя полоса – самая аридная, но здесь, благодаря близости озера, смягчаются зимние и летние экстремальные температурные градиенты, развита рыбная ловля, широко распространены поверхностные месторождения меди, а выход родников уступает лишь верхнему предгорью, благоприятствуя сезонному перегону скота на средние расстояния и охоте. Средняя полоса – это переходная полупустыня со скудными источниками воды. Верхняя полоса степей, граничащая с главным водоразделом, имеет довольно схожие зимние температурные градиенты, но июльская температура ниже на 4°C, а значит, здесь больше влаги: среднее количество осадков 300 мм/год против 150 мм в пустыне, а снежный покров 30 см

Таблица – Водопункты: гидрологические и археологические условия*

ВОДОПУНКТ		ГИДРОЛОГИЯ			АРХЕОЛОГИЯ				
№	GPS	родник всего 10	колодец всего 15	бассейн всего 12	дом всего 78		артефакты каменный инструмент, глиняные черепки	рудники всего 15	петрогл. места 6
					этног.	совет.			
1 – Итмурунды	76.135631-46.913593	–	руины	–	2	–	–	–	x
2 – Конысбай	76.467997-47.038991	соленый	руины	2	14	–	микро	–	–
3 – Тесиктас	76.487344-46.991374	соленый	–	–	12	–	микро, черепки Бр + РЖ	–	x
4 – Караунгур	76.462755-46.965572	соленый	–	–	6	1	микро, черепки Бр + РЖ	–	x
5 – Буйрек	76.549689-46.952477	сухой	–	–	–	–	микро, черепки РЖ	–	–
6 – Сусызкара	76.713563-46.907801	–	сухой	–	6	–	микро	–	–
7 – Курлакы	76.812687-46.909373	–	застойная вода	–	–	–	–	–	–
8 – Шат	76.957423-46.949921	–	сухой	–	8	–	–	–	–
9 – Кокрай	77.024723-46.917688	–	застойная вода	–	–	–	–	–	–
10 – Шагалы	77.008951-46.901340	–	сухой	–	5	–	–	–	–
11 – Кокдала-1	77.042890-46.823372	–	руины	–	–	–	–	–	–
12 – Кокдала-2	77.058746-46.817929	–	руины	–	–	–	микро	–	–
13 – Аркарсу	77.152437-46.791595	пресный	–	–	–	1	–	–	x
14 – Биркара-Ю	77.219064-46.981590	–	руины	–	–	–	палео	8	–
15 – Биркара-С	77.205432-46.993474	–	руины	–	–	–	палео	5	–
16 – Танбалытас	77.213320-47.015827	соленый	–	–	2	–	палео, микро	2	–
17 – Таскудык	77.216289-47.029917	пресный	–	–	2	1	–	–	x
18 – Узынжал	77.398902-47.022999	соленый	–	–	–	–	–	–	–
2619 – Булак	77.889139-47.023994	соленый	–	8	8	–	палео, микро, черепки РЖ	–	–
20 – Бесоба-Ю	77.901995-47.104219	соленый	застойная вода	–	4	1	палео, микро	–	x
21 – Семизбуга	77.834075-47.118345	соленый	застойная вода	2	5	–	палео, микро, черепки Бр-РЖ-СрВ Бр + РЖ + СрВ	–	–
22 – Бесоба-С	77.917300-47.122590	–	застойная вода	–	–	–	–	–	–

Примечание: *Синим цветом отмечены водопункты, связанные с низкими горами, где условия благоприятствуют трещинным родникам и влаге; все остальные расположены на равнинах со скудной поровой грунтовой водой. Серым цветом отмечены водопункты с полным отсутствием археологических находок.
Легенда: палео = палеолитическое орудие; микро = микролитическое орудие; Бр = бронзовый век; РЖ = ранний железный век; СрВ = Средневековье.

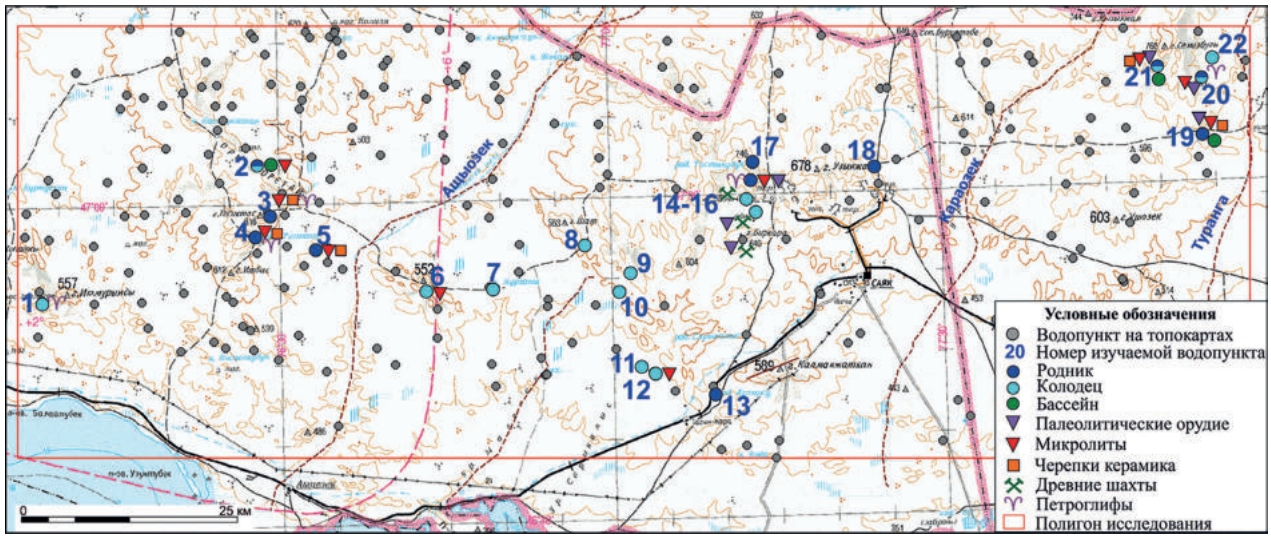

Рис. 3. Топографическая карта обследованных водных точек: Серые точки: 218 водопунктов, указанных на топографической карте. Цифры: коды 22 водопунктов, отобранных для полевого исследования. Цветные точки: см. легенду. Коричневая линия: сухое русло реки

против 10. В таких условиях наиболее выгодной пастбищной стратегией являются миграции диких и домашних копытных между зимними стоянками (зимовками) в пустынной полосе и летними стоянками (жайлау) в степной полосе [Федорович 1973].

В целом вышеупомянутые факторы создают условия для жизни в двух локациях: наиболее длительный и стабильный период проживания приходится на пустыню, а вторичный – на степную, что подтверждается географическим распределением памятников культуры, зафиксированных в существующей литературе.

Геоархеологическая разведка Северо-Восточного Прибалхашья. Для проведения детального исследования был выбран полигон, расположенный в пустынной полосе, по причине относительно большого количества родников (уступающих только источникам, размещенным вблизи подножий главного водораздела), что в таких засушливых условиях является показателем земле- и водопользования. Полигон площадью 140×50 км (7000 кв. км) сосредоточен в Саяке, в 30 км к северу от озера и простирается от Итмурунды на западе до Семизбугу на востоке (рис. 2). Здесь были задокументированы природные ресурсы воды, литоматериал и полезные ископаемые, а также следы обитания человека, датируемые от палеолита до современного периода.

Геоархеологическая разведка была проведена в 2019 г. сотрудниками ЛГА. Их основной задачей было систематическое изучение региона посредством камеральных и полевых исследований с целью сбора имеющихся данных о местных гидрологических, экологических и археологических условиях.

Сначала были зарегистрированы реки и все типы водных пунктов (родник, колодец, бассейн), обозначенные на картах масштаба 1:100 000 [Топографические карты,1978–1987], затем – все разрушенные (развалины) и действующие фермы. Для оценки текущих гидрологических условий эти пункты были экспортированы в другую картографическую программу, используя в качестве фона спутниковые снимки с хорошим разрешением (SAS. Планета). Для выявления сезонных различий были использованы различные спутниковые снимки (большинство доступных снимков Landsat датированы летом 09/08/2013 и зимой 31/12/2012).

Все отмеченные на картах водопункты (218) были классифицированы по шести категориям в соответствии с типом влажности: 1 – пресная (с расчетным дебетом); 2 – соленая; 3 – застойная с зеленым покровом; 4 – застойная с сухим покровом; 5 – сухая; 6 – разрушенная или с отложениями.

Сравнение топографических и спутниковых снимков показало, что значительное большинство родников и колодцев, обозначенных как активные на топографических картах, были сухими на спутниковых снимках, что было подтверждено в ходе полевых исследований.

Полевая экспедиция ЛГА была проведена на упомянутом полигоне в июле 2019 г., с фокусом на 218 отмеченных на топографических картах водопунктах

(родники, колодцы, бассейны). Анализ спутниковых снимков позволил выбрать 22 водопункта как наиболее значимые и заслуживающие тщательного полевого изучения. Через них был проложен маршрут исследования. Полевые работы проводились командой из четырех человек, обходивших эти объекты по трансектам, регистрируя водные ресурсы, поверхностные артефакты (литика, черепки, металл), жилища, медные рудники и петроглифы. Все находки фиксировались с помощью GPS, количественно оценивались и описывались в блокнотах. Отбор проб состоял из сбора диагностических артефактов (источников хронологической информации из ткани, формы, орнамента и т. д.) (рис. 3).

Документирование водных пунктов и археологических комплексов. Топографические карты полигона позволили обнаружить 218 водных пунктов – 29 родников и 189 колодцев. Картографические аннотации, спутниковые снимки и исследования позволили определить дополнительные классы свойств для источников и колодцев, в результате чего была составлена следующая подробная опись: 29 родников (пресных 2, соленых 11, сухих 16), все характеризуются слабым дебетом в интервале от 1000 до 50 л/ч); 189 колодцев (62 пресных и застойных, 8 соленых, 119 сухих и разрушенных).

На основе этой документации для пешего обследования были отобраны по значимости 22 водопункта. Пешие обследования, проведенные в радиусе 500 м от водопункта, выявили следующее распределение гидрологических (родник, колодец, бассейн) и археологических элементов (рис. 3, табл.). В каждой из 22 точек встречаются гидрологические ресурсы одного, двух или трех типов: 11 родников (пресные, соленые или сухие); 14 колодцев (пресные, застойные, сухие или разрушенные); искусственные бассейны в водопунктах 2, 19 и 21.

Что касается рельефа, 12 водопунктов расположены в горном рельефе, который способствует подъему воды из трещинных родников, строительству колодцев и бассейнов и отложению археологических остатков; 10 водопунктов расположены на равнинах, характеризуемых поровой инфильтрацией, где в основном находятся только колодцы и в половине случаев отсутству-

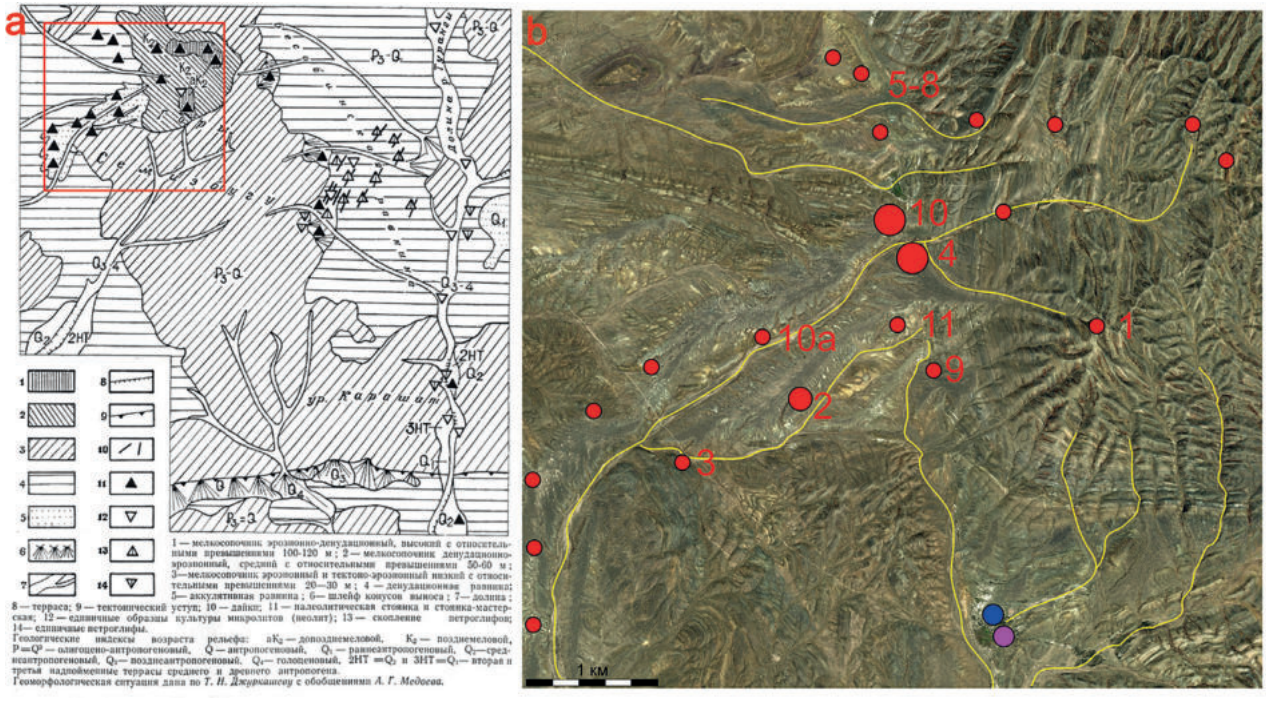

Рис. 4. a – Геоморфологическая карта с признаками стоянок каменного века, изученных А. Медоевым (разработан Т. Джуркашевым) (по: [Медоев 1979: 168]). Красная рамка: рис. б; b – вид со спутника на гору Семизбугу (760 м н.у.м.), вершина горы, совпадающая с площадкой Семизбугу 1. Желтая линия: сухой поток. Красные точки: палеолитические стоянки (три большие точки представляют 50% всей коллекции). Красные цифры: 11 скоплений палеолитических каменных орудий, задокументированных Медоевым. Фиолетовая точка: недавно обнаруженная палеолитическая стоянка. Синяя точка: водопункт 21

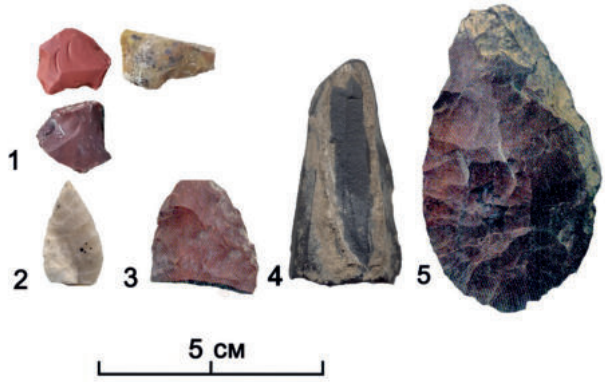

Рис. 5. Микролиты, найденные во время исследований ЛГА: 1 – скребки из яшмы и халцедона (Тесиктас, пункт 3); 2 – кремневый бифасиальный наконечник стрелы (Бесоба, пункт 20); 3 – сломанный наконечник дротика (Буйрек, пункт 5); 4 – конический нуклеус (Конысбай, пункт 2); 5 – бифас (возможно, нуклеус) из яшмы (Буйрек, пункт 5)

ют археологические остатки.

Археологические артефакты и поверхностные структуры обнаружены в 17 из 22 водопунктов: палеолитические орудия в пяти местах (14–16, 20, 21), эпипалеолит–неолитические микролиты – в 10 местах (2–6, 12, 16, 20, 21), фрагменты керамики – в пяти местах (Бр + РЖ в 3, 4; РЖ в 5; Бр + РЖ + Средневековье в 19, 21), этнографические или советские поселения – в 13 местах, среди которых только на одной (пункт 17) современной ферме еще живут люди.

На обследованном полигоне большая часть поверхностных находок в силу их расположения может быть классифицирована в качестве остатков зимних жилищ. Отсутствуют захоронения времен бронзового и раннего железа (только один курган неизвестного возраста был найден возле мавзолея Конысбай на пункте 2), но их относительно много на берегах Балхаша, который, очевидно, был самым комфортным жилым районом. Казахские кладбища встречаются не только рядом с озером, но и в окрестностях большинства поселений.

Западная и восточная части полигона отличаются по гидрологическим и археологическим особенностям и разделены 35-километровым аридным промежутком. Фактически они относятся к двум различным палеоречным бассейнам (Ащыозек на западе, Караозек и Туранга на востоке), очевидно, связанным с разными запасами подземных вод и обладающим различным потенциалом подъема воды. Восточная часть (район Семизбугу, пункты 19–22) сравнительно мала по площади – 10×20 кв. км (200 кв. км, то есть 3,3% всего полигона), но более увлажнена. Здесь протекает единственный на всем полигоне эфемерный ручей, а на небольшом расстоянии от него расположены водопункты: 4 – с колодцами, 2 – с родниками и 2 – с наибольшим количеством бассейнов, что представляет максимальное водное благоприятствование на всем полигоне. В этом месте также насчитывается наибольшее количество культурных памятников: здесь (в частности, в пункте 21 Семизбугу) отмечена самая высокая плотность палеолитических и микролитических орудий, фрагментов керамики всех эпох и этнографических поселений (18 из общего числа 213).

Каменные орудия. На территории Северо-Восточного Прибалхашья палеолитические стоянки документированы десятками, а микролитические – сотнями, большинство из которых расположены в южной и северной ландшафтных полосах. Они открыты А. Медоевым. В пределах полигона присутствуют две очень значительные палеолитические стоянки, обе расположены у отличного алевролитового каменного материала и наиболее богатых источников: древнейший Семизбугу и Саяк. Первая открыта и изучена А. Медоевым, вторая – А. Деревянко и В. Славинским. Микролитические стоянки гораздо более рассеяны: там использованы различные материалы твердых пород; эти стоянки расположены у всех лучших водопунктов внутри и за пределами полигона.

а – Палеолитические стоянки-мастерские Семизбугу (пункт 21)

Палеолитический комплекс Семизбугу расположен в 45 км к северо-востоку от с. Саяк и в 55 км к северу от озера Балхаш, вокруг горы Семизбугу (760 м н.у.м.)[1]. Гора занимает площадь 5×15 км, с вершины которой открывается вид на равнину Бесоба и бассейн эфемерного ручья Туранга, расположенного на 100 м ниже, у подножия восточного склона; гора сложена из девонского кремнистого алевролита и песчаника, рассеченного продольными увалами. Комплекс был открыт и документирован А. Медоевым в 1961–1962 гг. Он состоит из 11 палеолитических стоянок (мастерских и открытых поселений), содержащих каменные скопления, относящиеся к трем индустриям и периодам: ашельскому, мустьерскому (ранний–средний палеолит) и позднему палеолиту (саякская культу-

[1] *«Семіз бұғы» на казахском языке значит «упитанный олень», вероятно, подразумевая особую траву в этом районе и/или круглую форму холма*

ра). Коллекция Семизбугу насчитывает около 20 тысяч орудий, 50% из которых происходят со стоянок Семизбугу 2, 4 и 10 [Медоев 1965; 1982] (рис. 4).

В последние годы комплекс был изучен в рамках российско-казахстанского сотрудничества [Деревянко и др. 1993; Артюхова и др. 2001; Артюхова 2013; Артюхова, Мамиров 2014]. Согласно типологии Семизбугу 2, коллекция была разделена на три типа по состоянию эрозии и атрибуции индустрий: сильнодефлированный (25%), среднедефлированный (50%) и слабодефлированный (25%). Более подробная классификация и хронология выполнена по материалу Семизбугу 10: очень сильнодефлированный (ашельский), сильнодефлированный (ашельско-мустьерский), среднедефлированный (мустьерский), слабодефлированный (поздний мустьерский), очень слабодефлированный (поздний палеолит). Во время исследования Семизбугу 1, 4 и 10 сотрудниками ЛГА была найдена богатая коллекция заготовок, отщепов и, возможно, орудий, все еще лежащих на поверхности in situ. Исследование местной гидрологии и водопунктов привело к открытию еще трех неизвестных объектов.

1. Самая богатая коллекция вновь обнаруженных артефактов была собрана во время обследования родника и поселения, расположенного в 3 км к югу от Семизбугу 1 (пункт 21). Здесь, на террасе, расположенной в 150 м к югу от родника, по обе стороны от грунтовой дороги, было найдено несколько десятков палеолитических каменных орудий, относящихся к типичному мустьерскому и позднепалеолитическому инвентарю Семизбугу, несколько микролитов и около 50 фр. керамики, относящихся к бронзовому, раннему железному и средневековому периодам (рис. 4b).

2. Вокруг сухого родника, расположенного в 1 км к северу от Семизбугу 10 (пункт 22): несколько микролитов и несколько фрагментов керамики.

3. Вокруг родника Булак (пункт 19), от вершины Семизбугу 12 км на юг: два скопления палеолитических орудий из нескольких разноцветных кремней и микролитов.

b – Палеолитическая стоянка Саяк (пункты 14, 15, 16)

Палеолитический комплекс Саяк расположен в 9 км к северо-западу от с. Саяк. Открыт в 1999 г. российско-казахстанской археологической экспедицией и включает восемь стоянок, самая важная из которых – Саяк 1 (около 90% всех находок). Каменный материал разнесен в радиусе 10 км от центральной стоянки Саяк 1 (пункт 16) на четырех небольших скальных холмах (самая высокая вершина 746 м над у.м.) из карбонового кварцитового песчаника.

Коллекция состоит из 17000 артефактов, происходящих в основном из двух квадратов систематического сбора (Саяк 1a-b), выполненных из сильнодефлирован-

Рис. 6. Линии древних медных рудников на юге горы Биркара (11 км к северо-западу от Саяка) (пункты 14–15)

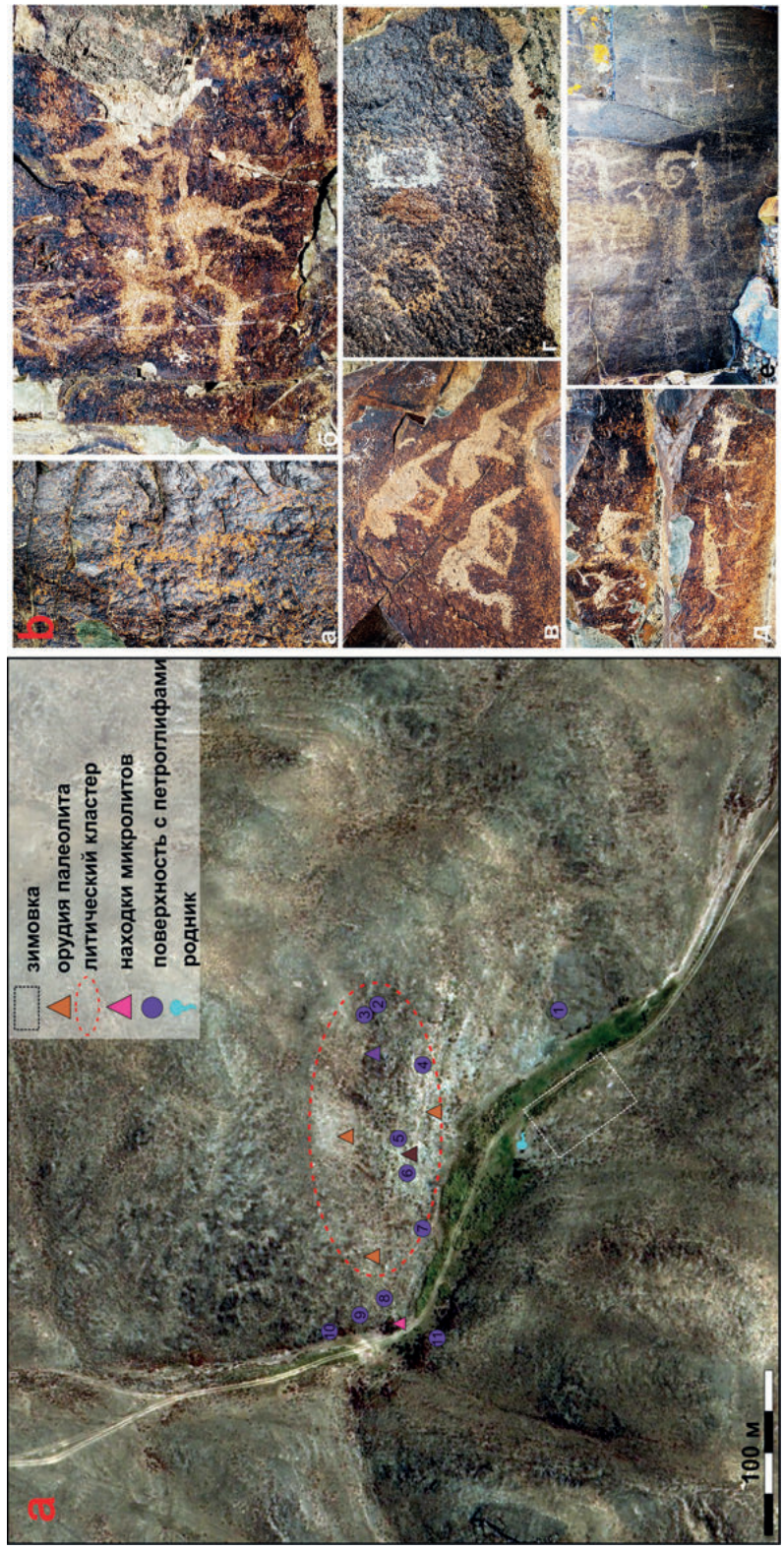

Рис. 7. а – расположение археологического комплекса Танбалытас (пункт 16); b – репрезентативные изображения петроглифов из данного местоположения

ных (поздний ашель, 0,01%), среднедефлированных (поздний мустьерский, 19%), слабодефлированных (ранний–средний, верхний палеолит, 40%) и недефлированных (финальный верхний палеолит, 40%) литических артефактов [Славинский 2004].

Во время обследования сотрудниками ЛГА древних медных рудников на юге и севере Биркары и Танбалытас (пункты 14, 15, 16) была собрана горсть палеолитических орудий с различной степенью дефляции, которые подлежат анализу в ближайшем будущем.

с – микролитические стоянки

В 1961–1962 гг. во время полевых исследований А. Медоев обнаружил, наряду с палеолитическими и петроглифическими стоянками, серию «стоянок открытого типа у родников с микролитическим инвентарем», предварительно отнесенных к эпипалеолит–неолиту. В его архивном отчете, недавно опубликованном и прокомментированном [Артюхова 2015], говорится о 66 микролитических памятниках, расположенных в восточном направлении от северо-запада Балхаша до хребта Чингизтау, из которых 17 отмечены А. Медоевым в районе полигона ЛГА. Согласно карте аналогичных неолитических стоянок, опубликованной в его посмертной работе [Медоев 1982: 23], стоянки микролитической культуры в два раза многочисленнее и распространяются на север до Каркаралинских гор, составляя в общей сложности около 200 стоянок [Артюхова 2014].

В ходе исследования микролитов сотрудниками ЛГА было найдено 10 из 22 водопунктов. Из них три уже были зафиксированы А. Медоевым, а семь – новые объекты. Добавление семи новых пунктов к 17 пунктам с микролитами подтверждает гипотезу о широком распространении микролитической культуры в регионе (рис. 5).

Медные рудники. В Саякском меднорудном районе (пункты 14, 15, 16), который эксплуатируется с 1960-х гг., М.К. Кадырбаев в 1980 г. обнаружил и задокументировал 98 древних карьеров вокруг основных шести современных Саякских рудников (Саяк 1–4, Тастау, Молдыбай). Эти карьеры представляют собой поверхностные узкие шурфы, протянувшиеся до 300 м вдоль намечающихся линий рудных тел. По его мнению, даже если нет следов печей, значит, добытая руда плавилась на месте, на гребнях окружающих холмов, где в большом количестве встречаются металлургические шлаки. В 1983 г., когда С.А. Берденов посетил эти места, большинство зафиксированных древних выработок уже исчезли [Берденов 2008: 47]. Документация об этих карьерах имела лишь краткие сообщения и никогда не публиковалась. Отсутствие данных побудило изучать и документировать их в ходе исследований ЛГА.

На основе спутникового наблюдения было выявлено более 50 древних траншей, распределенных на площади 5×8 км и сосредоточенных в трех местах (с юга на север): на юге горы Биркара, в 11 км к северо-западу от с. Саяк (пункт 14); на севере горы Биркара на расстоянии 3 км (пункт 15); на юге холма Саяк-1 (пункт 16) (рис. 6).

Во время экспедиции ЛГА было зафиксировано 15 древних траншей и также обнаружено, что многие из них разрушены современными контрольными рвами, перпендикулярными разрезами и шахтными стволами с деревянным каркасом. Остаточный каменный материал из местного алевролита и гранита, который, возможно, использовался рудокопами эпохи бронзы с целью извлечения руды, был задокументирован, а его образцы собраны для анализа.

На первом участке было задокументировано восемь древних траншей (пронумерованных с востока на запад), протянувшихся в продольном направлении на 30–300 м при среднем взаимном расстоянии 200 м. Несколько палеолитических каменных орудий было найдено рядом с траншеями 1 и 8. В профиле первой и самой короткой траншеи обнаружены фрагменты сосуда эпохи поздней бронзы, которые обеспечивают первую надежную хронологическую атрибуцию древних шахт.

Похожая ситуация была на втором участке, на севере горы Биркара: пять открытых карьеров, сопровождаемых поверхностными находками древней литики и, возможно, рудиментарных каменных инструментов.

Две шахты, исследованные на третьем участке к югу от палеолитической стоянки Саяк 1, отличаются расположением не на равнине, а на скалистых холмах, на высоте 700 м или 80 м над долиной.

Первая восточная траншея продольно рассекает оба склона холма на 250 м в длину; в долине на севере этого поперечного разреза был найден отвал (2 м в ширину, 1 м в высоту) обожженного шлака неизвестной древности. Вторая траншея длиной 400 м проходит в продольном направлении по гребню того же холма. В профиле обеих траншей были найдены медная руда и крупные трапециевидные каменные орудия.

Петроглифы. Полигон исследования включал шесть точек с уже известными петроглифами: Итмурунды (пункт 1), Тесиктас (пункт 3), Караунгур (пункт 4), Калмакжаткан-Карашат (пункт 13), гора Саяк (пункт 16), Бесоба (пункт 20). Во время исследования пункта

Рис. 8. Зимовка Булак (пункт 19): a – вид со спутника на поселение с культурным ландшафтом; b – 8 домов и 8 бассейнов (синие круги), вид с востока; c – деталь двух бассейнов, вид с севера

16 к северо-западу от с. Саяк был обнаружен дополнительный объект наскального искусства, названный «Танбалытас».

Четыре первых объекта и Бесоба были открыты А. Медоевым в 1960-х гг. Петроглифическая стоянка на горе Саяк, в 1 км к северу от пос. Саяк, с 284 рисунками была зарегистрирована в «Центре по сохранению историко-культурного наследия Карагандинской области» в процессе паспортизации [Бедельбаева и др. 2015: 29], но уже не включена в Археологическую карту Актогайского района [Кукушкин и др. 2017].

В результате нашего исследования было частично документировано и картировано удовлетворительно зафиксированное местонахождение Бесоба [Рогожинский 2011; Rogozhinskiy 2011] и полностью документированы три местонахождения: Тесиктас, Караунгур и Танбалытас. Два первых объекта были обнаружены и описаны А. Медоевым в 1960 г. [Медоев 1961], здесь мы сообщаем только о недавно открытом последнем.

Танбалытас (пункт 16)

Данный объект был обнаружен в 2019 г. в рамках нашей экспедиции. Он расположен в 16 км к северо-западу от с. Саяк, в 1,7 км к северо-западу от золотого прииска Саяк 4 и в 1,7 км к югу от родника Таскудук. Памятник находится у южного подножия палеолитической стоянки Саяк 1 [Славинский 2004], на скалах из неровного песчаника и алевролита со слабо патинированными поверхностями и состоит из трех групп с 11 кластерами поверхностей, всего около 150 рисунков, преимущественно относящихся к бронзовому (39%), усунь-хуннскому (23%) и сакскому (21%) периодам, за которыми следуют немногочисленные этнографические (9%) и средневековые (3%) изображения.

Характерными рисунками являются лошади бронзового века в сейминско-турбинском стиле (вероятно, гравированные строителями соседних медных рудников Саяк) и плоскость с человеком, стоящим с распростертыми руками среди животных, небольшие архары в сакском зверином стиле и линейные схематические изображения человека и козлов усуньского периода. Соотношение обновлений самое высокое среди трех участков, возможно, из-за близости к одному из крупнейших советских хозяйств на полигоне.

В окрестностях найдены многочисленные палеолитические каменные орудия из кремнистого песчаника, несколько микролитов и развалины двух домов недалеко от источника (рис. 7).

Этнографические и советские поселения. Данные о населении, проживавшем в регионе СВ-ПБ в XIX в., состоят из этнографических записей и статистических сведений 1831 г. [Коншин 1901; Султангалиева и др. 2018], 1855–1858 гг. [Омский областной архив, цит. по: Дулатбеков 2008] и 1884 г. [Коншин 1901].

В начале XIX в. регион населяли два племени – кереи и толенгуты (второе включало в свой состав роды мамадаиров, калмаков и кыргызов). В 1858 г. в отношении кереев и толенгутов зафиксировано следующее (соответственно) население: 3764 и 2896 человек, во владении которых было 1028 и 805 хозяйств, 133 000 и 60 000 голов скота (овец – 85%, лошадей – 12%, коров – 2 3%). Социальная структура и жизненные стратегии в регионе СВ-ПБ были более или менее такими же, как и в других пустынях Казахстана. Богатые и умеренно богатые хозяйства (более 4 лошадей) составляли 25% от общего числа. К зиме все хозяйства селились у берегов Балхаша; в жаркое время года 75% из них уходили с юртами на север или северо-восток до водораздела, на среднюю откочевку в 300 км [Хозяйство казахов 1980]. С 1858 по 1884 г. в районах зимовок к северу от Восточного Прибалхашья общая численность населения выросла на 76%, в результате чего плотность населения составила 0,7 чел./кв. км.

Карты размещении этнографических развалин и советских поселений (групп домов) дают важные сведения, позволяющие документировать их количество, а вкупе со спутниковой съемкой и пешим обзором – фиксировать использование водных ресурсов окрестностей.

Согласно советским топографическим картам 1984–1985 гг. (масштаб 1:100 000), полигон включает 213 разрушенных (этнографических) или обитаемых поселений (советских ферм), из которых 13 (с 78 домами) относятся к некоторым из выделенных 22 водопунктов (табл.). Наибольшая плотность поселений наблюдается в местах совпадения скалистых выходов и родников, обеспечивающих укрытие зимой и воду летом, с наибольшей концентрацией в гористой влажной местности Семизбугу. До перестройки совхозы поддерживали в порядке родники и колодцы (реже бассейны), а сегодня все они заброшены в неуправляемой аридной среде.

Снабжение питьевой водой этих поселений обеспечивалось из родника и/или близлежащего колодца. Согласно нашему исследованию, проведенному в начале лета, большинство из 13 зарегистрированных поселений могли рассчитывать только на стоячую воду и скудные луга. Дома построены из глинобитных кирпичей над каменным фундаментом высотой 1 м. В водопунктах 2, 19 и 21, в русле источника или на его террасе были вырыты бассейны для водопоя животных и

технического употребления. На исследуемой территории были подробно задокументированы три наиболее сохранившихся поселения, где пользовались гидравлическими методами (колодец и бассейны): Конысбай, Булак, Южный Семизбугу. Здесь мы сообщаем только о представительном объекте Булака.

Поселок Булак (пункт 19) расположен в 13 км к югу от вершины Семизбугу, вдоль русла эфемерного короткого ручья, стекающего с юго-восточных склонов горы Семизбугу (760 м н.у.м.), между двумя более низкими горами: Коян на западе (вершина 574,5 м) и Булак на востоке. Родник, пересыхающий уже в июле, находится в русле реки у подножия гор.

Поселение построено на правой террасе русла реки, включает ряд из восьми плохо сохранившихся домов. На той же террасе вдоль домов вырыто в линию восемь круглых бассейнов глубиной 1 м, скорее всего, для хранения до конца весны технической воды.

Другие зарегистрированные объекты: поверхностная находка черепков железного века, одно круглое углубление на левой террасе (возможно, землянка) и два сводчатых мавзолея в 100 м к юго-западу от поселения (рис. 8).

Выводы. Основным признаком пустыни является долгосрочный средний уровень сухости региона, что приводит к ограниченному или низкому содержанию воды в почве. Изредка встречаются оазисы с более влажной почвой в виде зеленых коридоров, пересекаемых внешними реками (или небольшими местными ручьями), или в виде пятен от поднимающейся воды. Частота и дебет родников зависят от рельефа и сезона. Неравномерный наклонный рельеф концентрирует подъем воды в определенных местах, создавая трещинные источники в горах и поровые источники на наклонных равнинах. В жаркое время года активность родников постепенно снижается вплоть до пересыхания, а в зимнее время любая форма воды превращается в лед и снег.

Главная особенность пустынь Северо-Восточного Прибалхашья и Бетпак-Далы в том, что там отсутствуют крупные ручьи и, кроме далекого русла Нижней Шу и соленого побережья озера Балхаш, единственным водным ресурсом являются родники, причем в основном трещинные.

Весенние оазисы являются средой обитания растений, животных и – потенциально – человека; малое заселение человеком и некоторая его мобильность позволяют млекопитающим питаться в окружающем сухом ландшафте. В условиях пустыни сезонные изменения климата и биотического покрова могут быть весьма значительными, вынужденно усиливая модели мобильности вплоть до превращения перекочевок в привычный характер жизненных стратегий животных и человека.

Что касается человека, то степень таких климато-экологических изменений определяет границы самодостаточной культуры. Территория самодостаточной культуры Северо-Восточного Прибалхашья по сравнению с пустыней Бетпак-Дала относительно компактна. Территория простирается с юга на север на 250 км с увеличением высоты до 1500 м н.у.м., от полосы пустыни у берега озера Балхаш через полупустынный, а затем степной ландшафт. Таким образом, это способствует лучшей возможности устойчивой адаптации к сезонным изменениям климата путем относительно коротких перекочевок. С древнейшего времени преобладающей формой расселения стало проживание в двух локациях.

На протяжении многотысячелетней истории культур Северо-Восточного Прибалхашья стратегии выживания человека зависели не столько от его мобильности и богатства растительных угодий, сколько от эволюций способов и технологий жизнеобеспечения. Палеолитические охотники, подобно диким животным, тяготели к водным источникам, в перекочевках следовали за животными, пересекая залежи лучшего каменного материала для изготовления орудий охоты: Семизбугу – палеолитическая «метрополия» Северо-Восточного Прибалхашья. Так же поступали позднее и микролитические культуры, сосредоточенные вокруг любых наилучших водных ресурсов с дичью помельче и разнообразными небольшими сложными орудиями труда. Бронзовый век знаменует собой начало одомашнивания и управления копытными, их кормления и избирательного воспроизводства; но эти сообщества выбирали для жизни те же увлажненные места и перемещались по тем же маршрутам. В регионе были открыты месторождения меди, которые эксплуатировались лишь поверхностно и, по-видимому, в умеренном количестве. Ограниченные водные ресурсы Северо-Восточного Прибалхашья, очевидно, фиксируют уровни обитаемости, потому что в течение последующих трех тысячелетий, вплоть до средневекового периода, археологические записи регистрируют лишь незначительные изменения в жизненных стратегиях, заданных преобразованиями скотоводов бронзового века. Однако скотоводческие стратегии, скорее всего, улучшались, лошадь была оседлана, медь сменилась

железом, и, по крайней мере, в некоторых оазисах численность населения увеличилась. Значительный демографический рост был задокументирован ясно лишь только во время этнографического периода, а его кульминация приходится на советское время. Затем внезапно после перестройки традиционная скотоводческая система Северо-Восточного Прибалхашья рухнула, и регион был полностью сведен к металлургической функции.

Перевод с английского С.М. Байбековой

ЛИТЕРАТУРА

Артюхова О.А., Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2001. 120 с., 41 ил.

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Каменный век Сарыарки: эволюция культур от древнепалеолитических охотников до первых металлургов в свете новейших исследований. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 356 с.

Артюхова О.А. А.Г. Медоев и «культура микролитов» Сарыарки // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое: сб. науч. ст., посвящ. 70-летнему юбилею В.Н. Логвина / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Костанай–Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 239–248.

Бедельбаева М.В., Новоженов В.А., Новоженова Н.В. Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. Караганды: САИ, 2015. 252 с.

Берденов С.А. Казахстанские месторождения меди и олова и их разработка в бронзовом веке // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1. С. 42–55.

Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Артюхова О.А., Зенин В.Н., Петров В.Г. Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу, пункт 2, ранний-поздний палеолит). Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1993. 114 с.

Дулатбеков Н.О. (ред.) Кояншы-Даулет-Танай (Кояншытагай) шежиресы [Генеалогическое древо аргынского рода Кояншы-Даулет-Танай)]. Караганда: Болашак, 2008.

Коншин Н. Заметки о киргизских родах и султанах в Каркаралинском уезде // Памятная книжка Семипалатинской обл. на 1902 г. Семипалатинск, 1901. Вып. IV. С. 44–50.

Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Жармаганбетов Т.К., Шохатаев О.С., Жусупов Д.С. Археологическая карта Актогайского района Карагандинской области. Караганда: САИ, 2017. 157 с.

Медоев А.Г. Наскальные изображения гор Тесиктас и Караунгур // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1961. Т. 120. С. 72–77.

Медоев А.Г. Топография стоянок каменного века в Северном Прибалхашье // Вестник АН КазССР. 1965. № 5. С. 86–88.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Алма-Ата: Жалын, 1979. 168 с.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1982. 64 с.

Рогожинский А.Е. Петроглифы Северного Прибалхашья // От Алтая до Каспия. Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана / Отв. ред. И.В. Ерофеева. В 3-х т. Алматы: КазНИИ по проблемам кульурного наследия номадов, 2011. Т. 1. С. 506-517.

Славинский В.С. Палеолит Северного Прибалхашья: По материалам местонахождений Саяка: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 26 с.

Султангалиева Г.С., Далаева Т.Т., Маликов Б., Тулешова У. (ред.). Институт волостных в системе управления Казахской степью (XIX – нач. XX в.): монография в документах // Алматы: Қазақ университеті, 2018. 287 с.

Топографические карты Генерального Штаба СССР, масштаб 1:100.000: L-43-45 до L-43-48; L-43-33 до L-43-36. 1978–1987.

Федорович Б.А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития их отраслей животноводства // Очерки аграрной истории народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1973. С. 207–222.

Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков: материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата: Наука, 1980. 256 с.

Rogozhinskiy A.E. Rock Art Sites in Kazakhstan // Rock Art in Central Asia. A Thematic Study / Clottes J. (ed.). Paris: ICOMOS, 2011. P. 9–42.

ЖАРТАСТАҒЫ ЖЫЛНАМАЛАР: ПЕТРОГЛИФТІ КЕШЕНДЕР ТУРАЛЫ ЖАҢА МӘЛІМЕТТЕР

ЛЕТОПИСИ НА СКАЛАХ: НОВЫЕ ДАННЫЕ О КОМПЛЕКСАХ С ПЕТРОГЛИФАМИ

А.А. ГОРЯЧЕВ
С.Э. ГАЛИМЖАНОВ
Е.С. КАЗИЗОВ
Т.А. ЕГОРОВА
О.Н. ГУМИРОВА

Александр Анатольевич Горячев,
aga.2805@mail.ru,
Саид Эдилевич Галимжанов,
said.galimzhanov@gmail.com,
Ерлан Сатыбалдыевич Казизов,
kazizov83@mail.ru,
Татьяна Александровна Егорова,
ega.0108@mail.ru,
Ольга Николаевна Гумирова,
ru.chey@mail.ru,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ ЗАПАДНЫХ ОТРОГОВ ГОР АРХАРЛЫ в 2021 г.*

Аннотация. Археологическая разведка 2021 г. западных отрогов гор Архарлы (Кербулакский р-н, Алматинская обл.) позволила документировать 194 древних и средневековых памятников и горные выработки. В результате исследований отмечено около 40 многослойных поселений, 38 скоплений разновременных петроглифов, 114 могильников и поминальных комплексов, три кладбища Нового времени. Из них к бронзовому веку относятся по пять поселений и могильников, свыше 20 стоянок и 86 курганных могильников датируются ранним железным веком. Значительная группа принадлежит поселениям (20) и кладбищам (12) Средневековья и Нового времени. Особенности структурной организации святилищ с петроглифами у западной оконечности хребта (около 20) позволяют утверждать, что здесь в древности и Средневековье располагался сакральный центр, доказательство тому – аномальное в соотношении с поселениями количество погребально-поминальных конструкций. Данный археологический комплекс маркирует все основные исторические этапы хозяйственного освоения гор Архарлы древними и средневековыми племенами и народами вплоть до периода сложения и развития на этой территории казахской нации.

Ключевые слова: Архарлы, эпоха бронзы, ранний железный век, раннее Средневековье, поселение, могильник, петроглифы

2021 ж. Арқарлы тауының батыс сілемдерінде жүргізілген археологиялық барлаудың нәтижелері

Аннотация. 2021 жылы Арқарлы (Алматы облысы Кербұлақ ауданы) тауының батыс сілемдерінде жүргізілген археологиялық барлау 194 ежелгі және ортағасырлық ескерткіштер мен көне кен орындарын құжаттауға мүмкіндік

© 2022 Горячев А.А., Галимжанов С.Э., Казизов Е.С., Егорова Т.А., Гумирова О.Н.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта OR11465466.*

берді. Зерттеу нәтижесінде 40-қа жуық көпқабатты қоныстар, 38 әртүрлі дәуірге жататын петроглифтер шоғыры, 114 қорымдар мен еске алу кешендері, жаңа дәуірге жататын 3 зират есепке алынды. Оның ішінде бестен қоныс пен қорымдар қола дәуіріне жатса, 20-дан астам тұрақ пен 86 обалық қорымдар ерте темір дәуіріне жатады. Едәуір елді мекендер (20) мен зираттар (12) ортағасыр мен жаңа дәуірге тиеселі. Тау жотасының батысындағы (20-ға жуық) петроглифтері бар ғибадатхананың құрылымдық ұйымдастырылуының ерекшеліктері – бұл жердің ежелгі дәуір мен ортағасырда киелі орталық болды деп айтуға мүмкіндік береді, қоныстарға қарағанда салыстырмалы түрде жерлеу-еске алу құрылыстарының көп болуы дәлел бола алады. Бұл археологиялық кешен Арқарлы тауының қазақ ұлтының қалыптасуы мен дамуы кезеңіне дейінгі уақытта осы аумақты мекендеген ежелгі және ортағасырлық тайпалар мен халықтардың шаруашылық дамуының барлық негізгі тарихи кезеңдерін айқындайды.

Түйін сөздер: Арқарлы, қола дәуірі, ерте темір дәуірі, ерте ортағасыр, қоныс, қорым, петроглифтер

Results of archaeological exploration of the western spurs of the Arkharly mountains in 2021

Abstract. Archaeological prospecting in 2021 of the western spurs of the Arkharly mountains on the territory of Kerbulak district of Almaty region allowed to document 194 ancient and medieval monuments and mine workings. As a result of the research about 40 multilayered settlements, 38 clusters of multi-temporal petroglyphs, 114 burial grounds and memorial complexes, 3 cemeteries of the New Age are marked. Among them 5 settlements and burial sites belong to the Bronze Age, more than 20 sites and 86 kurgan burial sites date back to the Early Iron Age. The considerable group belongs to settlements (20) and cemeteries (12) of the Middle Ages and new time. Features of the structural organization of sanctuaries with petroglyphs at the western extremity of a ridge (about 20) allow to assert that here in antiquity and the Middle Ages the sacral center was located; as a result, it is fixed abnormal in relation to settlements number of funeral-memorial designs. This archaeological complex marks all the main historical stages of economic development of the Arkharly mountains by ancient and medieval tribes and peoples, up to the period of formation and development of the Kazakh nation in this territory.

Keywords: Arkharly, bronze epoch, the Early Iron Age, early Middle Ages, settlement, burial mound, petroglyphs

Статья посвящена памяти нашего друга и волонтера, активно участвовавшего в открытии древних и средневековых памятников, – Ерлана Жагипарова (Ерлан Степняк), трагически погибшего в январе 2022 г.

Горы Архарлы находятся в северной части Илейской долины и являются западным отрогом хребта Жетысу (Джунгарский) Алатау. Это невысокая горная система (1126 м н.у.м.) протяженностью 50 км в меридиональном направлении и 5–10 км в широтном расположена на границе степной и полупустынных природно-географических зон с отрогами Шолак и Малайсары и их межгорными долинами.

Предварительные исследования данного региона в 1990-е – начале 2000-х гг. показали наличие здесь свыше 40 памятников, преимущественно курганных могильников раннего железного века и отдельных групп наскальных рисунков [Алматинская область… 2016а: 48–126]. Предпосылками для поиска археологических памятников здесь стали данные о наличии и разрушении уникальных петроглифов в ходе современного хозяйственного освоения данной территории. В частности, в связи с угрозой уничтожения петроглифов в западной части гор Архарлы, открытых А.Н. Марьяшевым в 2017 г., доказавшего их высокую историко-культурную значимость, возникла необходимость полного учета и систематизации этих памятников [Марьяшев, Гумирова 2017: 147–154]. Эпизодические исследования по общественной инициативе позволили выявить серию петроглифических комплексов в западной части хребта Архарлы. Это послужило основой для проведения полномасштабной разведки с целью обнаружения и документации других видов археологических памятников (поселений и могильников) во внутригорных долинах и ущельях данного микрорайона [Горячев и др. 2021: 66–97].

В полевом сезоне 2021 г. при поддержке и содействии мажилиса Парламента Республики Казахстан в лице депутата Ж.С. Ашимжана, Министерства культуры и спорта, а также областного управления культуры, архивов и документации Алматинской области (рук. М.К. Кольбаев) с Институтом археологии им. А.Х. Маргулана был заключен договор на научно-исследовательские изыскания по теме «Археологические памятники гор Архарлы: изучение и сохранение». Целью исследований стало составление документации на археологические памятники западной части гор Архарлы, подлежащие паспортизации. Районом полевых работ стала территория шириной 5–6 км, на расстоянии 20 км от станции Жоламан на западе и вдоль северных и южных склонов хребта до аула Архарлы на востоке. Основной задачей стало обнаружение и фиксация археологических памятников (поселения,

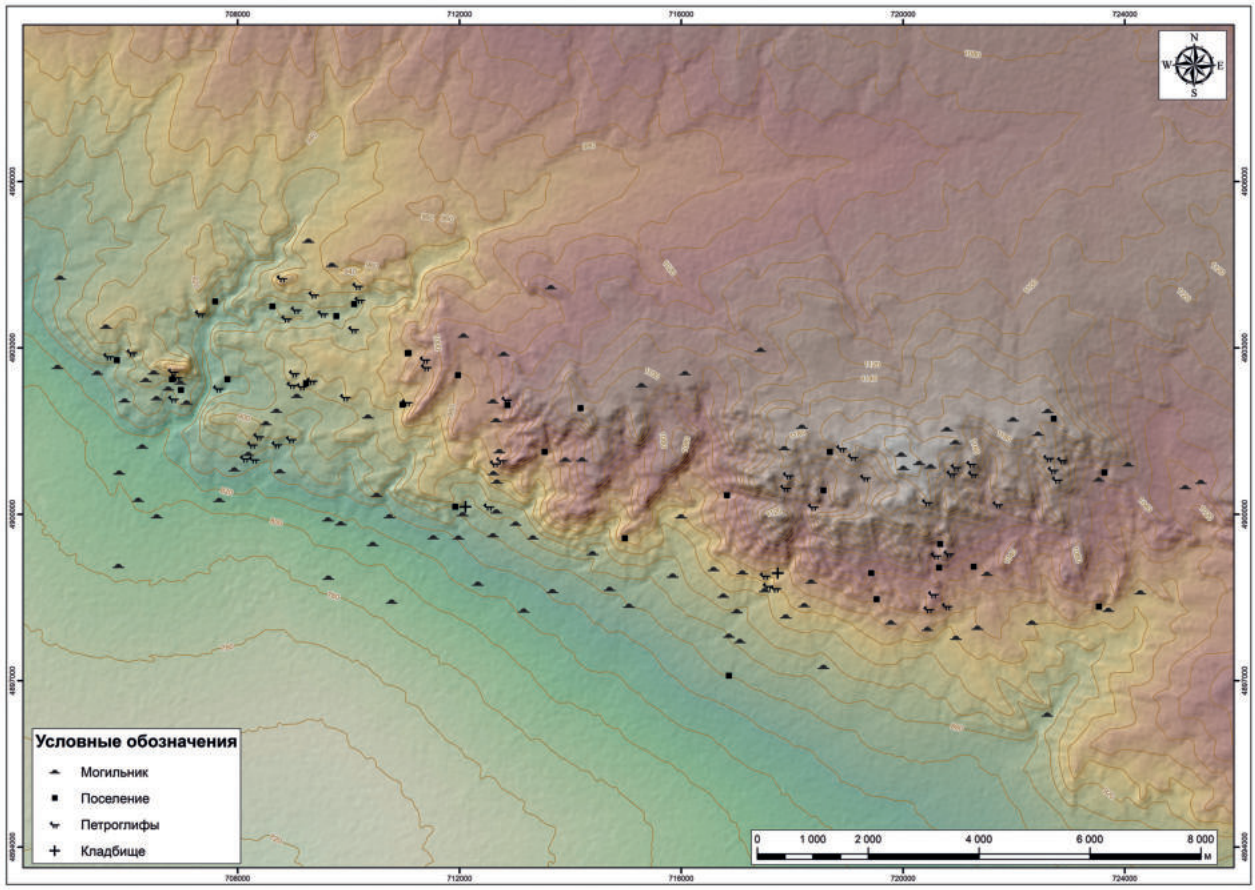

Рис. 1. План расположения археологических памятников в западной части гор Архарлы по итогам разведки 2021 г.

могильники, святилища с наскальными рисунками) этого участка, а также составление учетных карточек на каждый археологический объект с определением границ охранных зон. Научным результатам данных исследований посвящена настоящая публикация.

Археологическая разведка участка западных отрогов гор Архарлы общей площадью 120 кв.км производилась методом визуального осмотра признаков устройства жилых и погребальных конструкций и сбора подъемного вещевого и керамического материала, позволяющего производить первичные культурно-хронологические определения. Исходя из этого, опорными ориентирами при проведении разведочных работ стали следы устройства древних землянок и полуземлянок, наземные конструкции средневековых жилищ и следы хозяйственных сооружений рядом с ними (таганы, загоны для скота, небольшие хозяйственные помещения, зерновые ямы и т. д.). Погребально-поминальные объекты здесь были представлены фрагментами каменных оград и могил эпохи бронзы, насыпями курганов и каменными жертвенниками раннего железного века и Средневековья, надмогильными конструкциями кладбищ Нового времени и ритуальными сооружениями (стелы, менгиры). Наскальные рисунки различных эпох отмечены как на крупных каменных блоках, так и на небольших группах скальных выходов, зафиксированных, как правило, вблизи с археологическими памятниками других видов. На все памятники историко-культурного значения были составлены описание и научно-справочные статьи, произведены обмеры и топографическая съемка с GPS-координатами каждого объекта и определением охранных зон.

В результате археологических исследований западной части гор Архарлы документировано 194 памятника (рис. 1). Среди них отмечено 40 поселений, 38 скоплений с петроглифами, 114 погребально-поминальных комплексов и три кладбища Нового времени (не учитывая крупное кладбище с могилой Самен-ба-

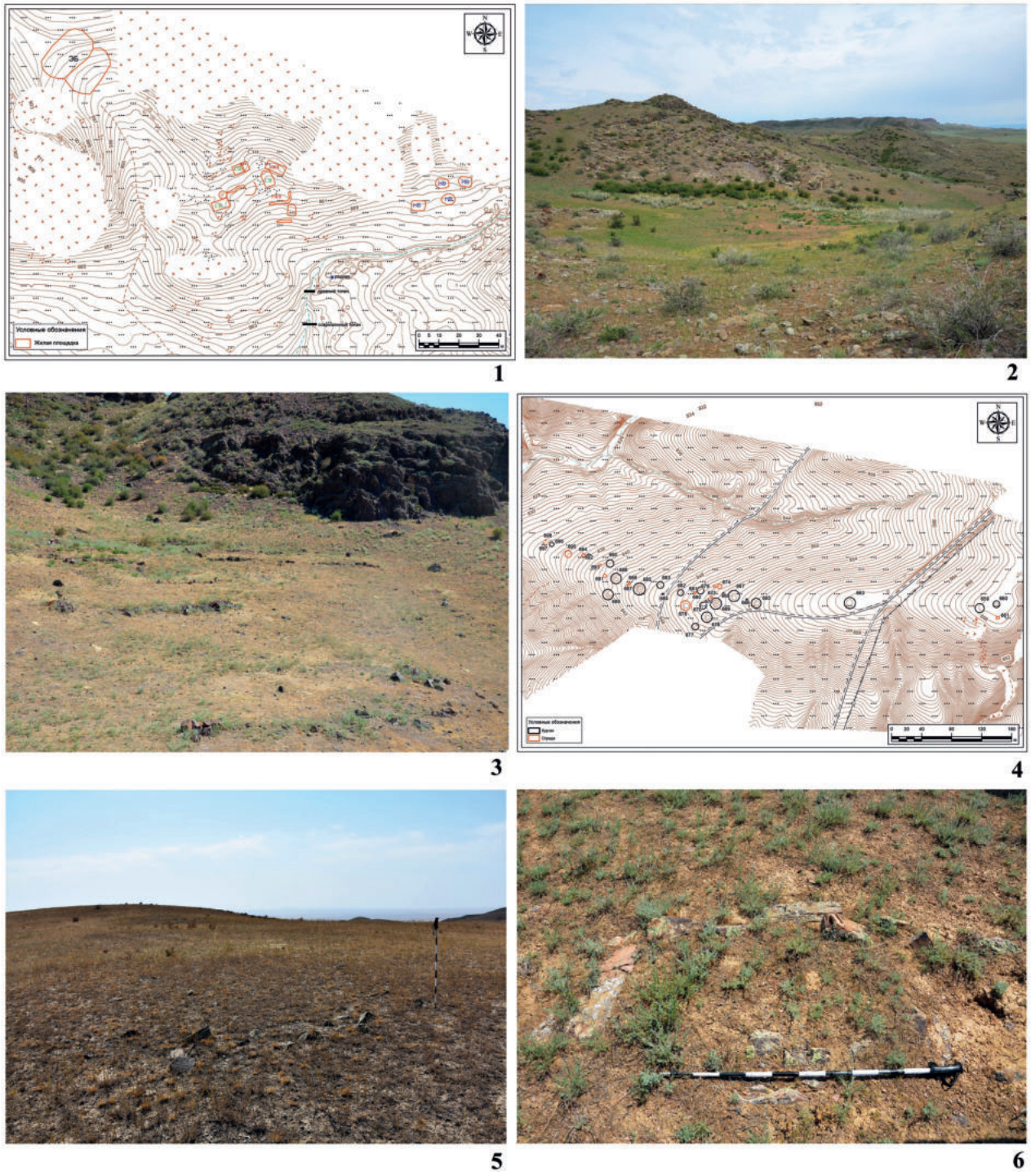

Рис. 2. Поселения и могильники эпохи бронзы в западной части гор Архарлы: 1 – план поселения Архарлы 5; 2 – Архарлы 5, площадки с жилыми конструкциями эпохи бронзы, фото; 3 – поселение к востоку от комплекса Архарлы 20 с жилыми конструкциями эпохи бронзы на переднем плане, фото; 4 – план могильника Самен 1 с оградами и ящиками бронзового века; 5 – ограда эпохи бронзы могильника на перевале близ аула Архарлы, фото; 6 – Самен 1, каменный ящик эпохи бронзы, фото

тыра на окраине одноименного аула). Помимо этого, на северных склонах хребта зафиксированы следы горных выработок, хронологические рамки которых выявить затруднительно. В 3 км к востоку от них по космоснимкам отмечены аналогичные следы выработок в труднодоступных местах южных склонов гор. Судя по распространенным вокруг них красным глиноземам, в древности или Средневековье тут производилась добыча железорудных пород.

Итоговые результаты разведки показали, что археологические памятники и артефакты в западной части гор Архарлы имеются практически в каждом ущелье северных и южных склонов хребта, что свидетельствует о регулярном использовании его в древности, Средневековье и Новом времени. Тем не менее поселения, могильники и петроглифы в горах распределены неравномерно. Основная часть поселений сосредоточена во внутригорных долинах и в ущельях южных склонов. Погребальные памятники здесь крайне редки, за исключением горных плато и долин близ крупных петроглифических комплексов Архарлы 3, 5, 20, 21, 22 и 25.

Подводя итоги археологической разведки, становится очевидным, что наиболее древнюю группу памятников в западной части гор Архарлы составляют поселения, могильники и петроглифы эпохи бронзы. Следы и артефакты поселений бронзового века, представленные жилыми площадками и фрагментами керамики, отмечены на шести многослойных комплексах (Архарлы 3, 4, 5, 20, 22, 30). Особенностью является их расположение в верховьях ущелий или внутри горных долин близ ныне действующих или пересохших родников (рис. 2, 1–3). Участки с жилыми конструкциями врезались в склоны с южной экспозицией и устраивались в 2–3 яруса. Они представляли собой выровненные площадки, на которых размещались полуземлянки прямоугольной и квадратной форм размерами от 6×5 м до 12×10 м. Места этих поселений использовались и в раннем железном веке, и в Средневековье, за исключением Архарлы 4, представленного только древними жилыми конструкциями. Аналогичная система расположения и устройства поселений бронзового века отмечена в Шу-Илейских горах в южной части Илейской долины [Горячев и др. 2020: 25–48; Воякин и др. 2020: 91–116]. На комплексе Архарлы 5 найдены многочисленные неолитические отщепы и нуклеус, что свидетельствует о более раннем освоении данной территории древними племенами.

Погребальные сооружения эпохи бронзы зафиксированы в районе древних поселений Архарлы 3 и 5. Еще два могильника обнаружены на перевалах меду северными и южными склонами гор в районе аула Архарлы. Наиболее многочисленная группа захоронений бронзового века (свыше 20) находится в структуре крупного погребального комплекса Самен 1, расположенного на вершине увала южных склонов, доминирующего над близлежащей равниной (рис. 2, 4). Могилы бронзового века представлены курганами-оградами от 5 до 8 м диаметром, оградами округлых форм в пределах от 3 до 6 м (рис. 2, 5). Погребения в виде отдельных каменных ящиков или цист, как правило, состояли из прямоугольных или овальных конструкций размерами от 1×0,5 м при захоронении детей и от 1,2×0,8 м до 2×1,2 м для взрослых (рис. 2, 6).

Петроглифы бронзового века зафиксированы по всей исследуемой территории в 35 скоплениях. Они отсутствовали только в трех комплексах, устроенных близ поселений исключительно позднего Средневековья и Нового времени. Наскальные рисунки этого периода практически не отличаются по цвету патины от скальной поверхности, на которой высечены. Большинство фигур животных этого времени выполнены в битреугольном или прямоугольном стиле, характерном для раннебронзовых сюжетов [Мартынов и др. 1992], реже в тамгалинской традиции [Марьяшев, Горячев 2002: 35]. Значительная группа древнейших рисунков высечена в миниатюрном виде, иногда с применением резьбы, как в петроглифах хребта Ешкиольмес [Байпаков и др. 2005: 46–50].

Репертуар петроглифов гор Архарлы в бронзовом веке представлен изображениями домашних и диких животных (козлов, архаров, верблюдов, быков, лошадей собак, волков, оленей), антропоморфными и полиморфными фигурами (пешие люди, всадники, лучники, антропоморфы с зооморфными признаками, фантастические животные), солярными и иными знаками (рис. 3). Среди наиболее ярких сюжетов встречаются образы женщины-роженицы, «священного брака», ритуальной охоты или жертвоприношения, а также крупные фигуры (до 70–80 см в высоту) козлов, архаров, оленей или быков (рис. 3, 1). Необычно выглядит сцена в группе 9а с многочисленными разными видами животных, но преимущественно козлов, окруживших крупную антропоморфную фигуру с рогами (рис. 3, 2). Редкими для этого времени сюжетами являются изображения всадников на конях (рис. 3, 5). Среди знаков выделяются солярные символы колесницы, так называемые очковидные и решетки (рис. 3, 6–8). Данный набор образов и их изобразительная традиция более близки петроглифам хребта Ешкиольмес этого региона

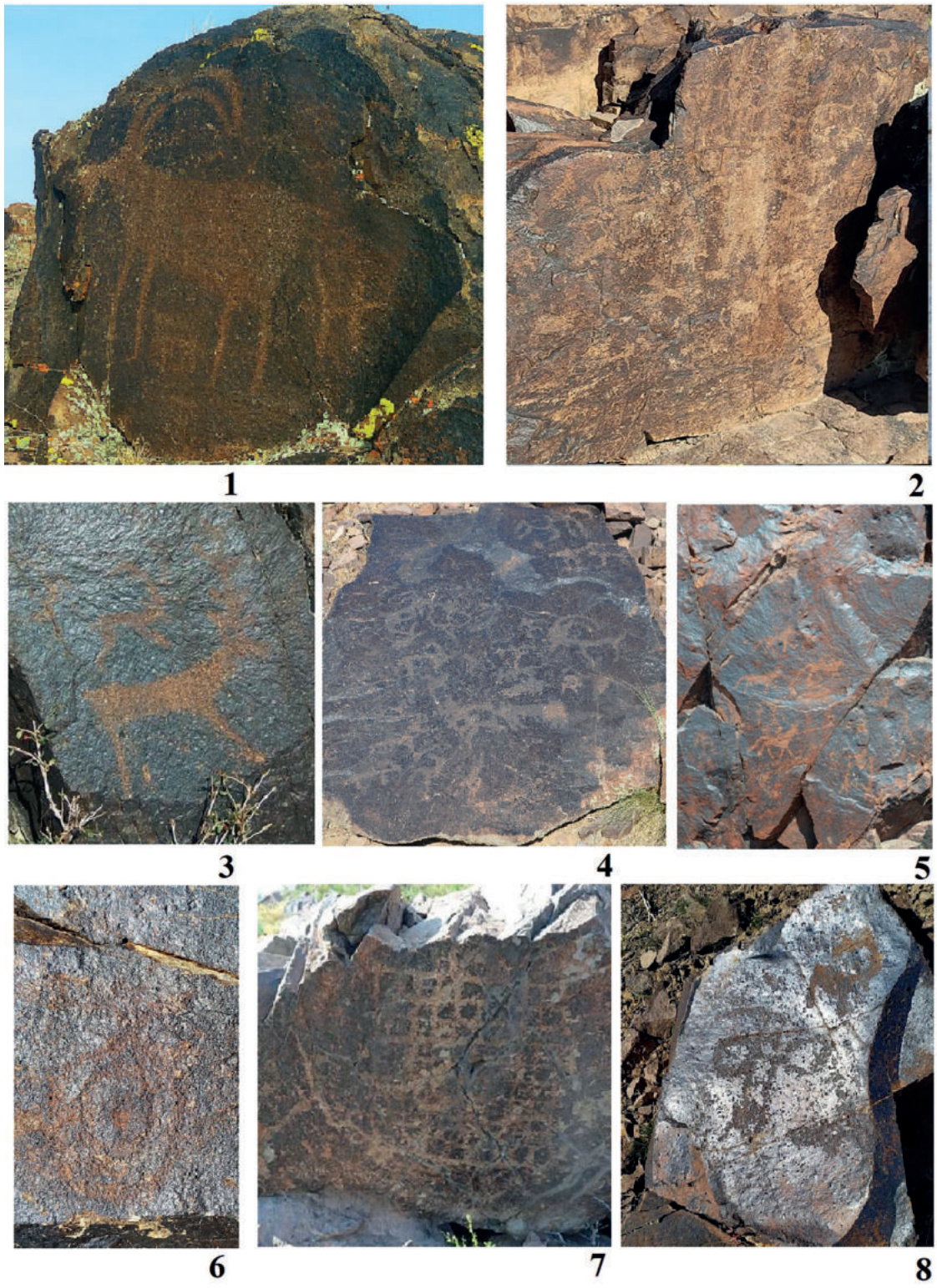

Рис. 3. Петроглифы бронзового века в западной части гор Архарлы: 1 – Архарлы 5; 2, 4, 6 – Архарлы 9а; 3, 7 – Архарлы 3; 5 – Архарлы 16; 8 – Архарлы 30

Жетысу, нежели сюжетам и манере исполнения рисунков южной части Илейской долины [Марьяшев, Горячев 2002].

В раннем железном веке численность памятников резко возрастает. К примеру, артефакты и следы конструкций древних жилищ отмечены на 20 стоянках и поселениях, расположенных внутри и в устье горных ущелий, преимущественно южных склонов хребта. Структурно они мало чем отличаются (кроме количества жилых площадок) от комплексов бронзового века (рис. 4, 1, 2). Среди конструкций этого времени встречаются как однокомнатные помещения размерами от 5×4 м до 6×5 м, так и двухкомнатные (от 7×5 м до 9×6 м). Подобные стоянки раннего железного века были массово зафиксированы нами при реализации предыдущего проекта изучения памятников эпохи палеометалла в Шу-Илейских горах и у северных склонов Илейского Алатау, в его западной части [Горячев и др. 2020: 25–48; Горячев, Сараев 2020: 117–134].

Самыми многочисленными среди археологических объектов гор Архарлы по итогам разведки являются курганные могильники (рис. 4, 3–7). Зафиксировано 105 таких памятников. Они представлены как отдельными курганами, так и небольшими группами (от двух до шести насыпей), и могильниками, насчитывающими до 30–40 курганов и жертвенников. Большинство исследованных могильников раннего железного века были устроены на выходе из горных ущелий южных склонов гор и на предгорной равнине по берегам речек и ручьев с этой же стороны хребта. На северных склонах погребальные комплексы встречаются только в районе проходных ущелий и расположены обычно на вершинах и в седловинах горных перевалов. Отдельные курганные группы (от 2 до 6) устроены на территории крупных святилищ с петроглифами Архарлы 1а, 3а, 5, 9, 16, 20–23, 30. Каменно-земляные насыпи их сложены либо у подножия сопок с петроглифами, либо в седловинах между отдельными сопками одного скопления.

Структура могильников и параметры курганов раннего железного века в горах Архарлы существенно отличаются друг от друга. Самые крупные погребальные сооружения этого времени (диаметром от 25 до 30 м) достаточно компактно сосредоточены по левому берегу реки Жоламан в районе аула Самен, напротив основной группы святилищ с петроглифами (20 скоплений) в западной части гор Архарлы. Параметры остальных курганов варьируются от 2 до 15 м в диаметре, реже до 20–22 м. Обычно они вытянуты в цепочку по оси ЮЗ–СВ. С западной стороны наиболее крупных курганов могильников устраивались каменные кольцевые выкладки диаметром от 1,5 до 3 м. Как правило, они состояли из восьми крупных камней-валунов. Их назначение пока не выяснено, но предполагается, что они исполняли роль своеобразных поминальных жертвенников. Среди курганных насыпей отмечены земляные и каменно-земляные сооружения с кольцевой каменной обкладкой, встречаются курганы со сплошной каменной наброской поверх нее. Формы насыпей столь же вариабельны: полусферические, с уплощенной верхней частью или плоские, где сама насыпь не превышает по высоте внешней каменной обкладки. Причем курганы разной формы и устройства могут быть расположены в структуре одного могильника, сосредотачиваясь группами в разных его частях.

Объяснением этого явления может служить предположение, что на разных исторических этапах раннего железного века на могильниках производились захоронения представителей разных родоплеменных групп региона. Так, в структуре трех разных могильников на горных перевалах и одном на берегу реки Жоламан устроены отдельные курганы с внешним рвом по периметру насыпи. Большинство таких курганов известны по материалам разведок гораздо севернее в Кугалинской, Коксуской, Каратальской и Аксуской долинах западной части Жетысу Алатау. В тоже время основная масса курганов по своему устройству более близка погребальным комплексам Илейской долины, причем как северного побережья, так и ее южной части в районе гор Узынкора, Бугуты и Шу-Илейского междуречья [Алматинская область… 2016а; 2016б].

Среди петроглифов раннего железного века на скалах встречаются ведущие образы скифо-сакского искусства, выполненные в традициях звериного стиля: козлы, архары, олени, верблюды и хищники (рис. 5). В отличие от других памятников региона здесь часто обнаружены изображения всадников на лошадях. Но наиболее характерными сюжетами этого времени остаются сцены охоты и терзания хищниками копытных. В их иконографии прослеживаются как фигуры животных, показанных стоящими на кончиках копыт (аржано-майемирская традиция), так и поздние рисунки, в которых они стилизованы или переданы условно (рис. 5, 1, 2). Следует выделить редкие в Жетысу изображения барсов или пантер в петроглифах святилищ Архарлы 5 и 17. В одном случае кошачьи хищники (нижний сохранил в своем изображении черты тамгалинской изобразительной традиции эпохи бронзы, два верхних подновлены в классическом варианте сакского звериного стиля) охотятся на козла (рис. 5, 3). В другом

Рис. 4. Поселения и могильники раннего железного века в западной части гор Архарлы: 1 – план древнего и средневекового поселения Архарлы 3; 2 – площадка с полуземлянкой раннего железного века по правому берегу ручья Жоламан, фото; 3 – могильник Каскабулак, аэрофото; 4, 5 – крупные курганы на предгорной равнине в районе аула Самен, фото; 6 – могильник на выходе из горного ущелья южных склонов, фото; 7 – могильник на горном перевале в районе аула Архарлы, фото

эпизоде хищник вписан в центральную многофигурную сцену с оленями, козлами и полиморфными изображениями в виде косуль с рогами оленя и козла (рис. 5, 4), выполненными в традициях сакского звериного стиля [Чернов 2019: 197–218].

Однако сквозным сюжетом, показанным во всех группах петроглифов Архарлы на ключевых скальных плоскостях древних святилищ, является изображение козы с козленком, овцы с ягненком или оленихи с олененком, либо парные фигуры мужских и женских особей этих животных (рис. 5, 5–7). Они символизируют культ плодородия, выраженный через зооморфный код.

Петроглифы раннего железного века этой территории отражают все основные этапы развития наскального искусства сако-усуньских племен Жетысу [Марьяшев, Горячев 2002: 37–47; Байпаков и др. 2005: 67–68]. Такие же по иконографии рисунки известны не только в близлежащих петроглифических комплексах, но и широко представлены в сопредельных регионах Центральной Азии [Шер 1980: 239–250; Марьяшев, Горячев 2002: табл. XII; Новоженов 2002; Кадырбаев, Марьяшев 2007; Самашев и др. 2014].

В средневековую эпоху хозяйственное освоение гор Архарлы заметным образом усилилось. Практически на каждом (кроме трех) древнем поселении была организована средневековая стоянка, состоявшая из 2–5 хозяйственно-жилых дворов. Все участки в ущельях или на выходе из них, пригодные для устройства жилья, вплоть до предвершинных склонов сопок были активно застроены. Отмечено около 35 таких поселков от раннего до позднего Средневековья (рис. 6, 1, 2). Для устройства жилых и хозяйственных помещений выравнивались площадки шириной до 10 м и длиной до 15–20 м. На некоторых из них такие домохозяйства располагались в 2–4 яруса. Хозяйственные подворья здесь состояли обычно из двух-, трехкомнатных жилищ, хозяйственных построек и загонов для скота. Основание фундамента и конструкции стен сложены из крупного плитняка, скрепленного глинистым раствором. Отдельные стенки сохранились на высоту 1–1,5 м. Наземные жилища (от 7×4 м до 12×5 м) с хозяйственными дворами (от 6×5 м до 8×6 м) перед ними располагались, как правило, в верхней части стоянок. Хозяйственные строения (от 3×3 м до 5×4 м) и следы загонов для скота (от 10×8 м до 20×15 м) занимали площадки нижних ярусов.

Подобные стоянки и жилые домостроения Средневековья типичны для региона Жетысу как в предгорной и горной зонах Жетысу и Иле Алатау, так и в Шу-Илейских горах. Как правило, они перекрывают слои более древних поселений, что отмечено в 60% поселенческих памятников и в горах Архарлы [Алматинская область… 2016а: 463–464; 2016б: 441; Байпаков и др. 2005: 54; Рогожинский 2011: 173, рис. 139; Горячев, Сараев 2020: рис. 2, 4–6]. Данная ситуация свидетельствует о единстве хозяйственно-культурных традиций средневековых скотоводов на территории столь обширного региона, как Жетысу.

Могильники раннего Средневековья обнаруживаются обычно на южных склонах хребта Архарлы и располагаются на вершинах увалов. Нередко подобные погребальные сооружения фиксируются в структуре петроглифических комплексов региона, в частности на территории святилищ Архарлы 1а, 2, 3 и 20 (рис. 6, 3, 6). Только три из 18 погребальных комплексов, где были зафиксированы курганы данного времени, оказались устроены на горном перевале близ аулов Жоламан и Архарлы. Эти могильники состояли из компактно устроенных или вытянутых в цепочку сооружений, выложенных крупными камнями-валунами (рис. 6, 4). Параметры их насыпей в диаметре составляли от 2 до 10 м, высотой от 0,3 до 1,5 м. Внутри одного такого разобранного кургана была зафиксирована погребальная камера в виде каменного ящика размером 2,2×0,8 м, вырубленного в скальном грунте (рис. 6, 5). Иногда каменные кладки частично разрушались для устройства обо.

Курганы на горных перевалах и среди скоплений наскальных рисунков сопровождаются поминальными оградами в 3–4 секции размером 2×2 м каждая. Интересно, что близ поминального комплекса на границе групп 1 и 1а фиксируются и другие средневековые объекты. В частности, отмечены две треугольные вертикально установленные стелы. По их периметру организованы площадки овально-прямоугольной формы размером 1,5×1 м. На южной грани одной из стел (1а) высечены небольшие фигурки козла и архара, а в верхней части имеются три тщательно заглаженных «роговых отростка» (рис. 6, 7).

Наиболее плотное скопление могильников раннего Средневековья (5) зафиксировано нами в структуре комплекса с петроглифами Архарлы 20 и на двух ближайших к нему сопках. Его вершина является наивысшей точкой западной части гор Архарлы. Окружающий ее пейзаж, образованный выветренными породами песчаника, достаточно живописен. Эти факторы, на наш взгляд, способствовали на определенном хронологическом промежутке раннего Средневековья организации здесь сакрального комплекса, связанного

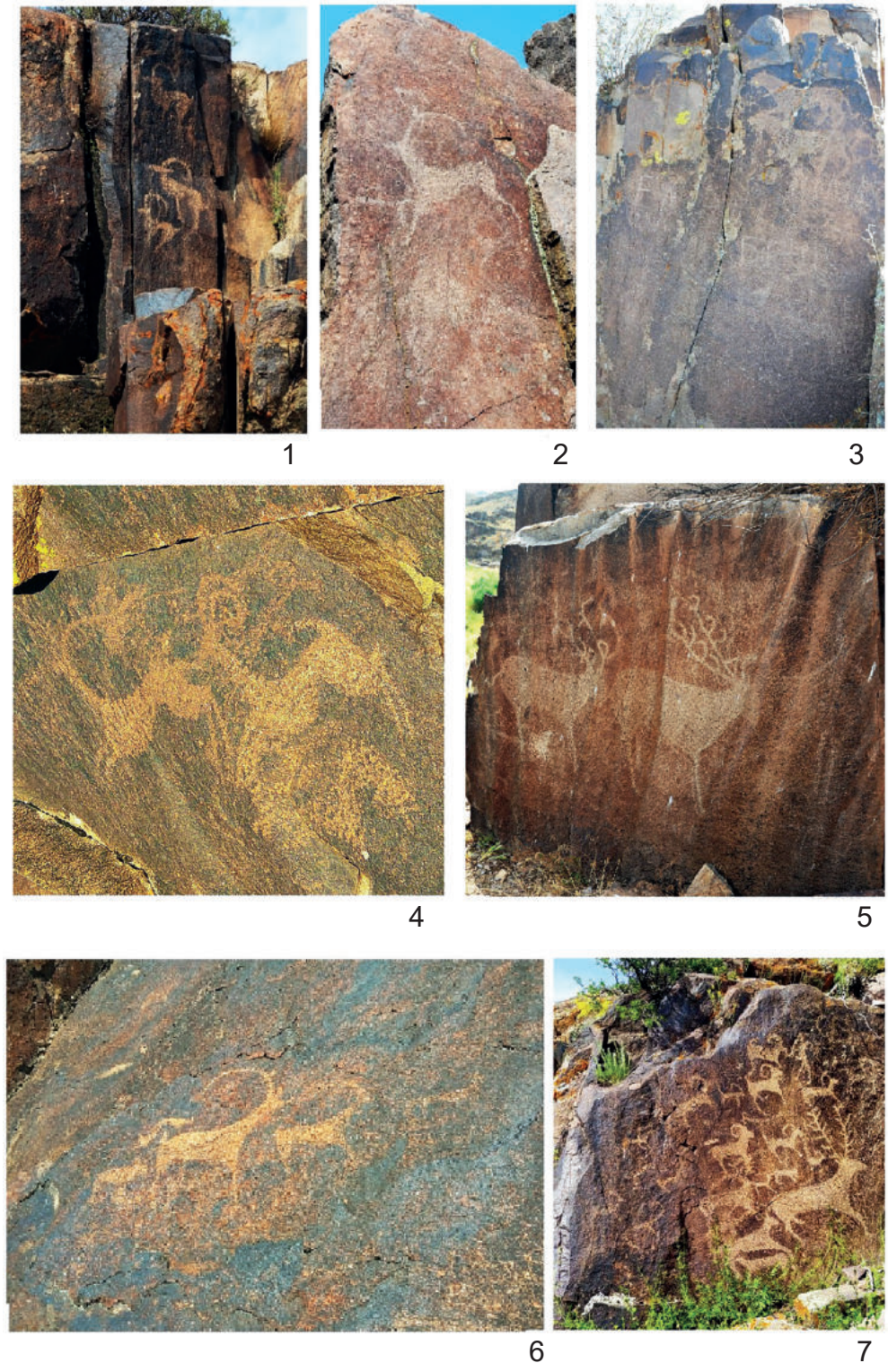

Рис. 5. Петроглифы раннего железного века в западной части гор Архарлы: 1, 5 – Архарлы 1; 2, 7 – Архарлы 7; 3 – Архарлы 17; 4 – Архарлы 5; 6 – Архарлы 2

с традициями захоронения умерших в данном микрорайоне.

К сожалению, исследования раннесредневековых захоронений Жетысу еще не систематизированы. Материалы для корректного сравнительного анализа отсутствуют. Но в ходе археологических разведок древних памятников региона нами отмечены схожие структуры из поселений и могильников этого времени. Документированные комплексы данных памятников известны на северных склонах гор Кулуктау, в районе аула Актасты (Райымбекский р-н, Алматинская обл.) и в урочище Ой-Джайляу (Кордайский р-н, Жамбылская обл.), исследованные А.К. Акишевым и Ю.А. Мотовым [Алматинская область… 2016б: 282, 429–430; Горячев, Сараев 2020: рис. 6].

Средневековые рисунки размещены обычно в предвершинных частях сопок, представляя внушительную серию (около 15% петроглифов). Они отличаются более светлой патинизацией, чем древние изображения. Среди основных сюжетов встречаются фигуры животных – козлов, архаров, верблюдов, лошадей, собак, реже хищников. Традиционны сюжеты с образами всадников на конях, пеших воинов, бытовые сцены выпаса скота либо охоты (рис. 7, 1–3). Знаковые символы представлены тюркскими родовыми тамгами, в частности племени карлуков в группе Архарлы 5 [Рогожинский 2019: 249–295], высеченными, как правило, на святилищах близ поселений (рис. 7, 4).

Характерной особенностью средневековых петроглифов группы Архарлы 3а являются многочисленные изображения верблюдов, которых ведут в поводу, всадников на лошадях, в том числе знаменосцев (рис. 7, 5–7). Дважды повторяется сюжет, в котором один всадник на низкорослой лошади (или осле?) ведет в одном случае на поводу лошадь, в другом – верблюда другого всадника. Интересен петроглиф с изображением на камне рядом с тропой двух верблюдов. Одна фигура ориентирована на юг, другая – на север (рис. 7, 8, 9).

Ярким сюжетом среди рисунков Средневековья является крупная панорама, включающая серию изображений воинов-всадников в центральной части святилища Архарлы 17 (рис. 7, 10–13). Однако плита с этой композицией была отколота заготовщиками плитняка и обнаружена на нижнем ярусе скального массива лицевой стороной вниз. После ее частичного восстановления при поддержке коллег из Института археологии им. А.Х. Маргулана (А. Онгар, Т.Б. Мамиров, И.В. Мерц и др.) и волонтеров общественных движений «Охотники за петроглифами» (Е. Жагипаров) и «Неономад» (А.Б. Нурмуханбетов) сложилось панно, «повествующее» о некоем эпическом сражении двух групп пеших и конных воинов с копьями, пиками, луками со стрелами. Посреди условного сражения присутствуют яркие образы наездника с охотничьим соколом и всадника-знаменосца. Ближайшим аналогом, но в меньших масштабах, данной композиции по ее культово-религиозному значению нам представляется знаменитая сцена из урочища Ой-Джайляу, названная А.Г. Медоевым «Слава древних тюрок» [Медоев 1979: рис. 62; Мотов 2011: 158–164].

Средневековый комплекс петроглифов в горах Архарлы достаточно выразительно представляет развитие древнетюркского художественного творчества, одним из наиболее колоритных персонажей которого являлся образ воина-героя. Стилистически и по технике выбивки эти рисунки имеют аналогии в наиболее ярких святилищах с древнетюркскими рисунками, такими как Ой-Джайляу, Каракыр, Кулжабасы, Тамгалы, Баянжурек и Ешкиольмес [Марьяшев, Горячев 2002: 122–123, 222–223; Самашев 2006: 127–131; Потапов 2007: 14, рис. 8.2; Байпаков, Марьяшев 2008: 190; Марьяшев, Железняков 2013; Егорова Т., Егорова К. 2014: 234–242; Горячев и др. 2015: 375–380].

Нетрадиционным явлением археологической разведки стала фиксация памятников Нового времени (XVII – начало XX в.), которые обычно выпадают из поля зрения исследований. По ее итогам было задокументировано около 20 поселений с усадьбами и пять кладбищ (рис. 8, 1, 2). Основная часть поселений зафиксирована на выходе и в устье горных ущелий южных склонов гор Архарлы. В отличие от других периодов в Новое время на месте каждого прежнего поселка устраивались 1–2 усадьбы, в структуру которых входили наземные 2–3-комнатные (размерами от 4×4 до 5×5 м) жилища прямоугольной формы с коридорообразным центральным помещением (5×3/2 м) или округлые юрты (до 6 м в диаметре). Выход устраивался обычно в подветренную восточную сторону или внутрь, вероятно, крытого двора (от 6×4 до 8×6 м). Хозяйственные постройки (сараи – от 4×3 до 5×4 м, загоны для скота – от 8 до 20–25 м в диаметре или по сторонам) пристраивались к ним с нижней или боковой стороны, образуя единое подворье. Аналогии подобным поселениям также сложно подобрать в связи с их недостаточной изученностью. В ходе наших специализированных работ по разным проектам была отмечена серия таких жилых конструкций в структуре древних памятников в долине реки Иле (в горах Шолак и близ комплекса Тамгалы-Тас), горах Киндыктас и Хантау Шу-Илейского

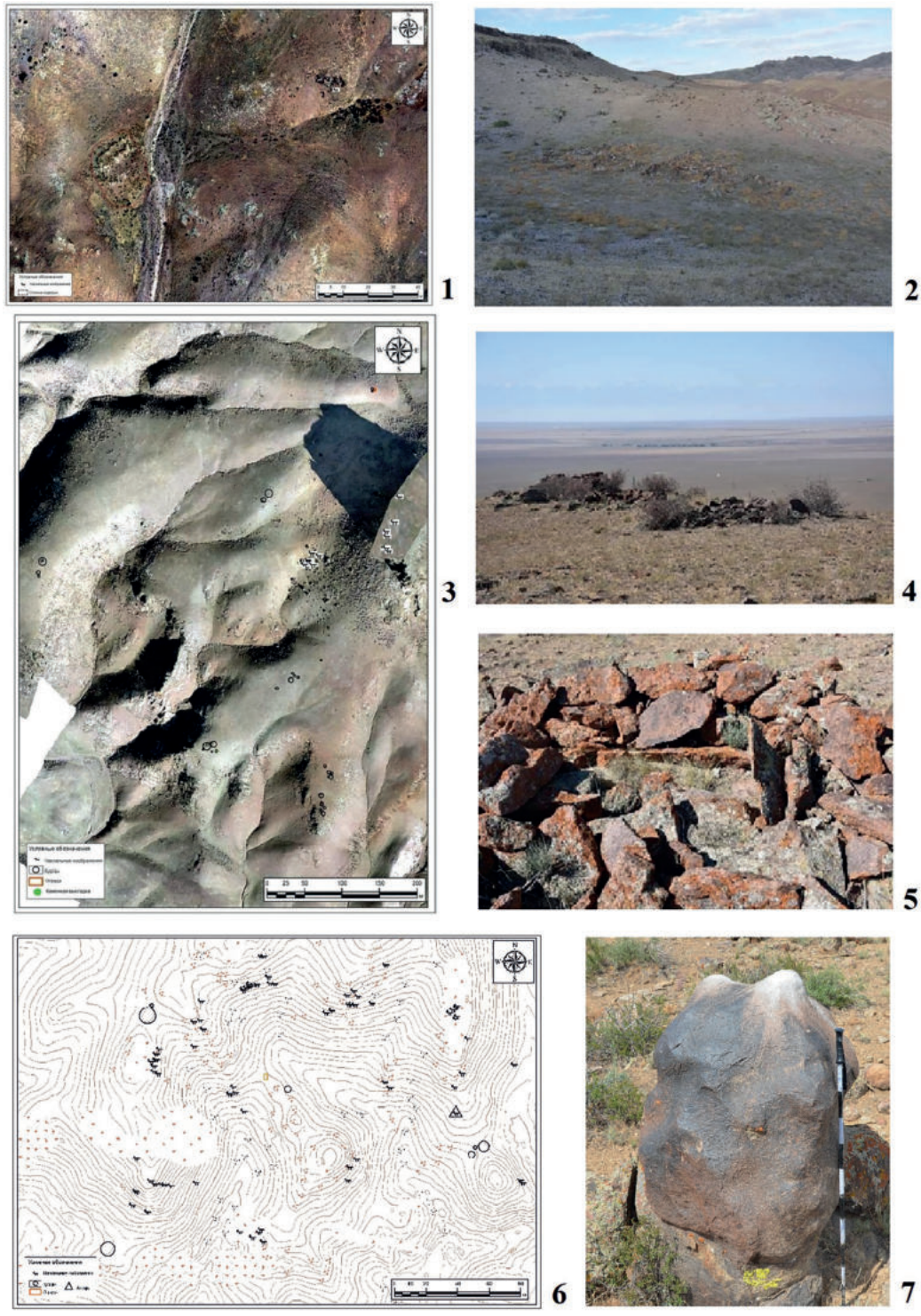

Рис. 6. Средневековые поселения и могильники в западной части гор Архарлы:
1 – средневековая стоянка близ аула Жоламан, аэрофото; 2 – средневековое поселение
у перевала Архарлы, фото; 3 – план археологического комплекса Архарлы 20;
4, 5 – курганы раннего средневековья в комплексе Архарлы 20; 6 – средневековые курганы и поминальные ограды в
комплексе Архарлы 1а, план; 7 – каменный алтарь в восточной части комплекса Архарлы 1а, фото

междуречья, а также в горах Торайгыр и высокогорных районах Иле Алатау и Кегенской долины [Алматинская область… 2016б: 320–321; Горячев, Сараев 2020: 117–134]. По зафиксированным материалам они датируются второй половиной XVII – началом XX в.

Кладбища Нового времени находились, как правило, в 1–1,5 км в глубине ущелий, близ 2–3 поселений этого времени. Их территория представляла собой сухой участок короткого сая или бокового ущелья. Они насчитывали обычно от 10 до 30 захоронений под каменно-земляными насыпями округлой и овально-прямоугольной формы диаметром от 1,5 до 3 м и размерами от 1,5×1 м до 4×2,5 м.

Интерес представляет традиция захоронения некоторых умерших в погребальном комплексе близ петроглифов Архарлы 10. Часть из них была погребена с западной стороны под крупными скатившимися валунами, а надмогильную выкладку составляли сплошные каменные наброски. Исключение также составляет кладбище в 500 м к северу от комплекса Архарлы 23, площадью около 600 кв. м, где обнаружено около 80 каменных надмогильных сооружений крупных размеров (рис. 8, 3). Некоторые из них имеют провалы в связи с обрушением могильных конструкций. По особенностям устройства надмогильных сооружений и аналогиям в регионе (кладбище с могилой Самен-батыра) памятник относится к концу XVII – началу XIX в. Подобные погребальные комплексы фиксировались близ поселений Нового времени в Райымбекском районе Алматинской области [Алматинская область… 2016б: 300, 301, 317–320].

В отличие от других петроглифы Нового времени расположены в различных группах гор Архарлы бессистемно. В некоторых случаях они дополняют, а порой и перекрывают более ранние сцены и композиции. Большинство таких петроглифов представляют собой одиночные или групповые фигуры животных – козлов, архаров, лошадей, верблюдов и т. д. Отмечены сцены охоты и повторение древних сюжетов с преследованием хищниками травоядных животных, показаны воины с оружием (луки, пики) и люди, ведущие животных в поводу. В Архарлы 5 встречаются изображения юрты или ступы [Марьяшев, Горячев 2002: фото 23, 24], людей в ритуальных позах (рис. 8, 4). В Архарлы 17 есть бытовой сюжет, где представлена целая семья (мужчина, женщина и ребенок). В петроглифах Архарлы 2 наиболее яркой сценой является изображение всадников и кабанов периода позднего Средневековья и Нового времени (рис. 8, 5, 6). В группе Архарлы 21 и на скалах у поселений Архарлы 3а и 5 отмечены орнаментальные знаки и родовые тамги казахских родов и племен (рис. 8, 7–9).

Древние петроглифы гор Архарлы выполнены обычно крупной и мелкой точечной выбивкой с последующей протиркой. Выявлены многочисленные и неоднократные дополнения к более ранним композициям с подновлением либо исправлением древних рисунков. Наскальные изображения поздних исторических этапов и периодов вписывались в них так, чтобы продолжить или скорректировать смысловой ряд ранних сюжетов. Петроглифы позднего Средневековья и Нового времени, как правило, исполнялись прочерчиванием или протиркой, вследствие чего достаточно резко контрастируют с древними рисунками.

Но и в это время часть древних композиций нередко дополнялась отдельными изображениями и тамгообразными знаками. Ярким тому подтверждением является центральное панно святилища Архарлы 21, сохранившееся до нашего времени. Оно состоит из трех скальных выступов высотой 2,5–3,5 м и длиной почти 16 м с широкой площадкой (2,5–4 м) перед ними. Все плиты здесь представлены многофигурными палимпсестами, в которых встречаются основные образы и сюжеты всех эпох, отмеченные в горах Архарлы (рис. 8, 5). Центральная группа святилища представлена двумя многофигурными многослойными композициями, высеченных на четырех плитах. На двух гранях одной из них в верхней части показаны люди, стрельба лучника по стаду животных, перекрытого сверху крупным изображением козы с козленком. В стаде присутствуют бык, козлы, архары, лошадь, верблюд, датируемые эпохой бронзы. С правой стороны композиции показаны два лучника на разных гранях, стреляющих друг в друга. Над ними лошадь и верблюд, а ниже расположены рисунки, подновленные в Новое время. На этой скале находится эротическая сцена, рядом с которой показан лучник, стреляющий в козлов. Под ними имеется сюжет охоты на козла, за спиной которого высечены верблюд и лошадь. Ниже и правее показаны древние изображения охотника и козлов, часть из них перекрыта фигурами двух архаров Средневековья и верблюда Нового времени. В стороне помимо лучника обозначены фигуры лошади и козлов периода Средневековья.

Другие многофигурные композиции (70 и 80 рисунков) размещены западнее, одна плита повреждена. Среди петроглифов эпохи бронзы присутствуют сцены охоты на козлов и архаров, боя с боевыми топорами двух воинов, рисунки людей в ритуальных позах и ведущих в поводу животных. Отмечены изображения

Рис. 7. Средневековые петроглифы в западной части гор Архарлы: 1, 3 – Архарлы 1а; 2, 7–9 – Архарлы 3а; 4 – Архарлы 5; 5 – Архарлы 32; 6, 10–13 – Архарлы 17

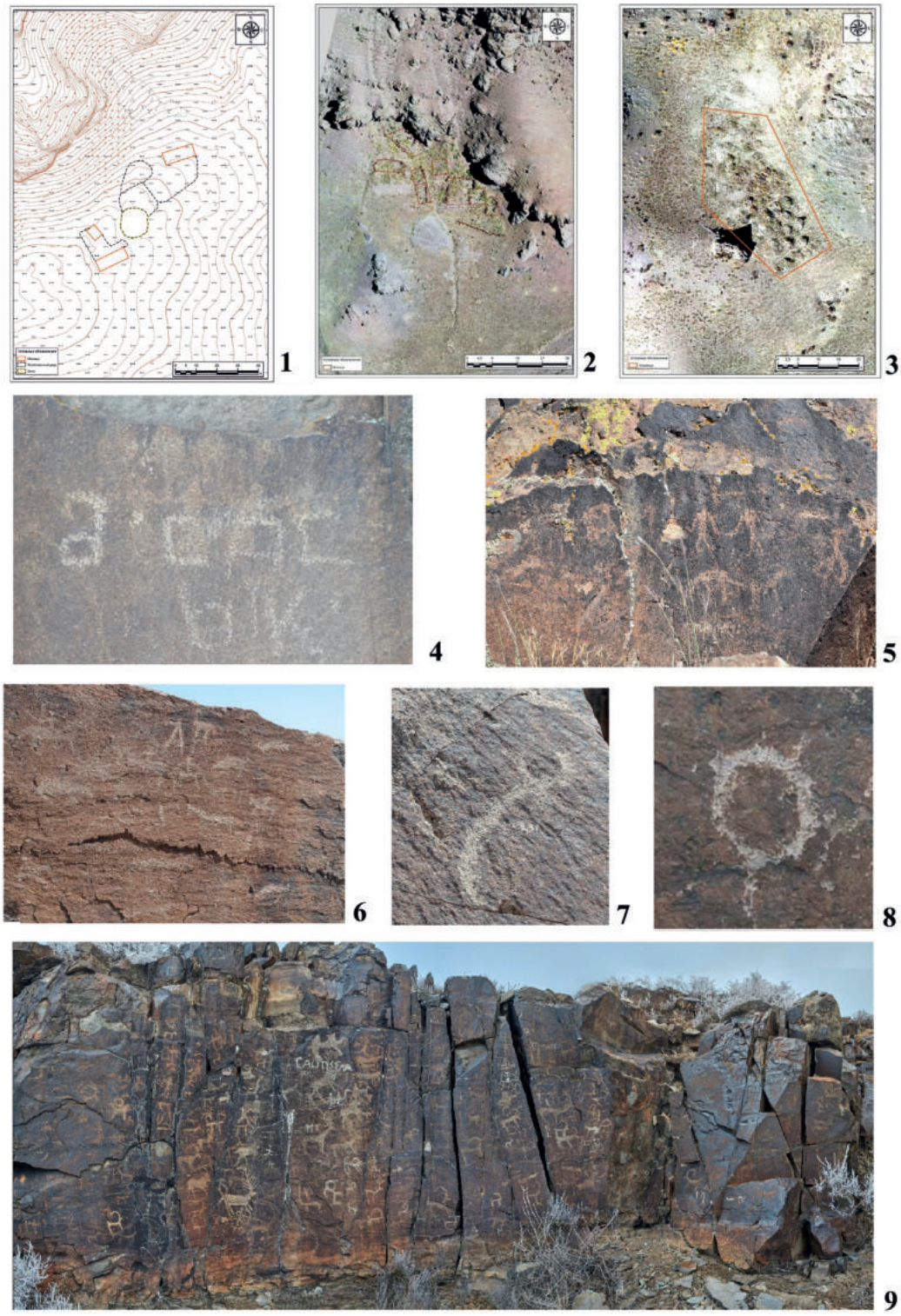

Рис. 8. Памятники Нового времени в западной части гор Архарлы: 1 – план поселения Нового времени; 2 – поселение Нового времени, аэрофото; 3 – кладбище Нового времени, аэрофото; 4–9 – петроглифы, фото (4 – Архарлы 5; 5 – Архарлы 17; 6 – Архарлы 2; 7 – Архарлы 3а; 8 – Архарлы 3; 9 – центральное панно группы Архарлы 21)

козлов, архаров, собак, хищников, быков. Наиболее яркими образами здесь являются олени, козлы и архары, выполненные в аржано-майемирской традиции. Динамичны сцены преследования воинами козлов.

К средневековым рисункам относятся многочисленные подновления фигур раннего железного века, сюжеты охоты лучника с конем на козла, с процарапыванием рисунков архара, оленя и козлов – в нижней части. К пласту раннего железного века относятся рисунки козлов с поджатыми ногами. В Новое время высечены знаки, изображения птиц, верблюдов, подновлена сцена охоты лучников на козлов. На главном скальном панно отмечена целая серия орнаментальных знаков поверх древних рисунков. Подобные палимпсесты свидетельствуют о том, что святилища с петроглифами действовали на протяжении длительного времени, их смысл и назначение были понятны или переосмыслены местным населением в разные исторические периоды.

Изучение археологических памятников гор Архарлы показало наличие значительного пласта историко-культурного наследия древности и Средневековья. В результате археологической разведки выяснилось, что структура древних археологических комплексов в горах Архарлы во многом идентична памятникам на западных отрогах горного массива Жетысу Алатау, таким как Ешкиольмес, Баянжурек, Шолак и т. д. [Марьяшев, Горячев 2002; Байпаков и др. 2005]. Анализ условий землепользования территории свидетельствует о скотоводческой форме хозяйства в древности и Средневековье. Наличие горных выработок представляет Архарлы как один из региональных центров добычи металлосодержащих руд. Аналогичная система использования гористой местности с природно-климатическими условиями полупустынь и степей зафиксирована в Жетысу на территории Шу-Илейского междуречья [Горячев и др. 2020: 25–48; Воякин и др. 2020: 91–116].

Анализ материалов древних памятников показывает, что количество и структура древних поселений и погребальных сооружений несоизмеримы. Численность, прежде всего курганных могильников раннего железного века, значительно превышает вероятное количество проживавшего здесь населения. Из этого следует, что южные склоны гор Архарлы были местом захоронения умерших для древнего населения ближайшей округи. Одним из признаков этого является плотное скопление у западной оконечности хребта святилищ с наскальными рисунками (20). Древние и средневековые петроглифы отражают характер и особенности религиозного мировоззрения древних людей, их традиции и ритуалы. Организация археологических комплексов в виде поселений, могильников и святилищ с петроглифами в горах Архарлы имеет перспективы для реконструкции хозяйственно-культурного развития древнего и средневекового населения региона.

ЛИТЕРАТУРА

Алматинская область. Историко-культурное наследие / Гл. ред. К.М. Байпаков. Алматы: ТОО «Қос-Қос», 2018а. Т. 1. 776 с.

Алматинская область. Историко-культурное наследие / Гл. ред. К.М. Байпаков. Алматы: ТОО «Қос-Қос», 2018б. Т. 2. 692 с.

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Баян-Журека. Алматы: Credo, 2008. 200 с.

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Потапов С.А. Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. Алматы: OST XXI век, 2005. 226 с.

Воякин Д.А., Горячев А.А., Потапов С.А., Ильин Р.В. Методика археологических исследований и маркировка маршрутов древних миграций на территории Хантауского транзитного коридора // «Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла» / История и археология Семиречья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Вып. 7. С. 91–116.

Горячев А.А., Галимжанов С.Э., Гумирова О.Н. Петроглифы западных отрогов гор Архарлы // Археология Казахстана. 2021. № 3 (13). С. 66–97. DOI: 10.52967/akz2021.3.13.66.97

Горячев А.А., Егорова Т.А. Егорова К.А. Тюркские петроглифы урочища Ой-Джайляу // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Сб. статей, посвящ. 70-летию Ю.Ф. Кирюшина / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: изд-во Алтайского гос. ун-та, 2015. С. 375–380.

Горячев А.А., Потапов С.А., Ильин Р.В. Результаты археологической разведки древних памятников в горах Хантау, Айтау и Киндыктас // Археология Казахстана. 2020. № 1 (7). С. 25–48.

Горячев А.А., Сараев В.В. Древние поселения Хантауского региона и вопросы хозяйственно-культурного развития населения эпохи палеометалла // «Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла» / История и археология Семиречья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2020. Вып. 7. С. 117–134.

Егорова Т.А., Егорова К.А. К вопросу об иконографических традициях изображений воинов-знаменосцев в петроглифах Жетысу // Кадырбаевские чтения-2014: м-лы IV археол.-этногр. конф., посвящ. памяти известного исследователя археологических древностей Западного Казахстана М.К. Кадырбаева (г. Актобе, 9–10 октября 2014 г.) / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: Актюбинский областной историко-краеведческий музей; типография «Мега принт» (Астана), 2014. С. 234–242.

Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Петроглифы хребта Каратау: 2-е изд. Алматы, 2007. 147 с.

Мартынов А.И., Марьяшев А.Н., Абетеков А.К. Наскальные изображения Саймалы-Таша. Алма-Ата: Изд-во КазГПУ им. Абая, 1992. 110 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья: 2-е изд. Алматы: Фонд «XXI век», 2002. 264 с.

Марьяшев А.Н., Гумирова О.Н. Новые петроглифы Восточного, Южного и Центрального Казахстана: открытия 2017 года // Металлические котлы ранних кочевников Жетысу: Коллективная монография / Отв. ред. Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 147–154.

Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кулжабасы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 150 с.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Алма-Ата: Жалын, 1979. Ч. 1. 176 с.

Мотов Ю.А. Петроглиф из урочища Ой-Джайляу // История и археология Семиречья. Алматы: Фонд «Родничок», 2011. Вып. 4. С. 158–164.

Новоженов В.А. Петроглифы Сары-Арки. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2002. 125 с., ил.

Рогожинский А.Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: «Signet Print», 2011. 342 с.

Рогожинский А.Е. Средневековые тамги-петроглифы Южного Казахстана и Семиречья // Тамги доисламской Центральной Азии / Отв. ред. Р.Х. Сулейманов. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 249–295.

Самашев З. Петроглифы Казахстана. Алматы: Өнер, 2006. 200 с.

Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М. Петроглифы Сауыскандыка. Астана: Изд. группа ФИА, 2014. 374 с.

Чернов М.А. Образы «маскированных коней» в петроглифах эпохи бронзы Южного Казахстана и Средней Азии // История и археология Семиречья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2019. Вып. 6. С. 197–218.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Б.А. ЖЕЛЕЗНЯКОВ
О.А. ЗОЛОТУХИНА
В.А. ЖЕЛЕЗНЯКОВА

Борис Анатольевич Железняков,
boriszheleznyakov@mail.ru,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК,
г. Алматы, Казахстан;
Ольга Александровна Золотухина,
krissa003@gmail.com,
краевед,
г. Алматы, Казахстан;
Вера Леонидовна Железнякова,
jeweller_22.06.05@mail.ru,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

ИЗОБРАЖЕНИЯ «ЛУНОГОЛОВЫХ» ЛУЧНИКОВ из ПАМЯТНИКА НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА БАСБАТЫР (хребет Жетыжол)*

Аннотация. Памятник расположен в горах Басбатыр – это северные отроги хребта Жетыжол, являющегося продолжением Иле Алатау на запад. В ходе полевых исследований, проведенных в 2021 г. по визуальному обследованию культурного ландшафта гор Басбатыр, расположенного приблизительно в 100 км к западу от г. Алматы, главное внимание уделялось проведению фотофиксации (документации) наскальных изображений, знаков-тамг. Были отмечены и места поселений – обычно верхний горизонт занимают полуразрушенные конструкции жилищ XVIII – начала XX в. Также зафиксированы петроглифы этого микрорегиона, в том числе относительно крупное сосредоточение изображений в восточной части гор Басбатыр. Среди них выявлен целый ряд интересных редких изображений (например, образы «луноголовых» лучников), выбитых на отдельной плоскости. Оба антропоморфных героя с луками с натянутыми тетивами, в напряженной позе полной изготовки для стрельбы. Тем самым, с учетом «солнцеголового» из Басбатыра-1 общее число «солнце- и луноголовых» было доведено до трех. В статье приводится статистика подобных антропоморфных образов в микрорегионе и регионе в целом.

Ключевые слова: Хребет Жетыжол, горы Басбатыр, наскальное искусство, эпоха бронзы, антропоморфные, «луноголовые», лучники

Басбатыр жартас өнері ескерткішінен алынған «ай басты» садақшы бейнесі (Жетіжол жотасы)

Аннотация. Ескерткіш Басбатыр тауларында орналасқан – бұл Іле Алатауының батысқа қарай жалғасы болып табылатын Жетіжол жотасының солтүстік сілемдері. Алматы қаласынан батысқа қарай шамамен 100 км жерде орналасқан Басбатыр тауларының мәдени ландшафтын шолып тексеру бойынша 2021 жылы жүргізілген далалық зерттеулер барысында жартастағы суреттердің, таңба-белгілердің фотофиксациясын (құжаттамасын) жүргізуге басты назар аударылды. Жоғарғы горизонтты XVIII–XX ғасырдың басындағы тұрғын үйлердің жартылай бұзылған құрылыстары алып жатқан қоныстардың орындары да атап өтілді. Сонымен қатар микроөңірдің жартас суреттері, оның ішінде Басбатыр тауларының шығыс бөлігіндегі суреттердің салыстырмалы түрде үлкен орналасуы тіркелді. Олардың арасында бір қатар қызықты, сирек кездесетін жеке тақтада орналасқан суреттер анықталды (мысалы «ай басты» садақшы бейнесі). Созылған садақтары бар, атуға толықтай дайын тұрған бейнедегі екеуі де антропоморфты батырлар. Осылайша, Басбатыр-1-ден "күнбасын" ескере отырып, "күн-" және "ай басты" жалпы саны үшке дейін жеткізілді. Мақалада микроөңірдегі және жалпы аймақтағы ұқсас антропоморфтық бейнелердің статистикасы келтірілген.

Түйінсөздер: Жетіжол жотасы, Басбатыр таулары, жартас өнері, қола дәуірі, антропоморфты, "ай басты", садақшылар

© 2022 Железняков Б.А., Золотухина О.А., Железнякова В.А.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта OR11465466.*

Images of "moon-headed" archers from the Basbatyr rock art monument (Zhetyzhol Ridge)

Abstract. The site is located in the Basbatyr Mountains representing the northern spurs of the Zhetyzhol ridge, which is a continuation of Ile Alatau to the West. During the field studies conducted in 2021 on the visual survey of the Basbatyr cultural landscape, located approximately 100 km west of Almaty, main attention was paid to the photographic recording (documentation) of rock paintings and tamga signs. The places of settlements were also noted, usually, the upper horizon is occupied by dilapidated structures of dwellings of the 18th - early 20th centuries. Rock carvings of this microregion have been recorded, including the relatively large location of the images in the eastern part of the Basbatyr Mountains. Several interesting rare images were revealed among them, including the image of "moon-headed" archers on a separate panel. Both anthropomorphic heroes with bows with stretched strings, in a tense pose of full readiness for shooting. Thus, taking into account the "subhead" from Basbatyr-1, the total number of "sun-" and "moon-headed" was raised to three. The article provides statistics of similar anthropomorphic images in the microregion and the region as a whole.

Keywords: Zhetyzhol ridge, Basbatyr Mountains, rock art, Bronze Age, anthropomorphic, "moon-headed", archers

Введение. В полном смысле сакральный культурный ландшафт гор Басбатыр располагается в 110 км от Алматы (по трассе), между аулами Дегерес и Бериктас – к северу от первого и к востоку от второго (Жамбылский р-н, Алматинская обл.) (рис. 1). Гора Козыбасы находится в нескольких километрах к востоку; это ближайшее к Алматы местонахождение петроглифов, наряду с Танбалытасом на р. Иле, за исключением горных труднодоступных локаций Иле Алатау, в большинстве своем небольших по числу изображений. Вполне возможно, что Иле Алатау, крайне малоисследованный на предмет петроглифов, принесет определенные результаты по мере его изучения, выявит значительное своеобразие изображений и стилей. В Жетысу имеется около 50 крупных и средних местонахождений наскального искусства. Результаты пространственного анализа сводятся к тому, что основная часть этих памятников значительно удалена от мегаполиса к западу и северо-востоку. Басбатыр по числу петроглифов (около 600) не относился даже к средним. Однако теперь известное число изображений было увеличено.

Памятник наскального искусства Басбатыр является локальным по площади, занятой местонахождением петроглифов и небольшой по количеству изображений на скалах. В 2021 г. в ходе проведенных разведок ранее необследованных площадей этого культурного ландшафта объем материала пополнился целым рядом новых уникальных изображений. Полевые исследования были проведены археологом Б.А. Железняковым и краеведом-любителем истории О.А. Золотухиной [Железняков, Золотухина 2021]. Работы, включившие данные по 35 разновременным изображениям, выбитым на одной из важнейших (центральной или алтарной) в этой части Басбатыра плоскостей, были переданы в музей-заповедник «Танбалы» для сборника материалов научной конференции 2021 г. В центре внимания той публикации – лучник-великан и лучник обычных размеров, направивший лук со стрелой в сторону великана. Это изображение занимает самую заметную часть плоскости в ее верхней части. Оно было выбито в эпоху на рубеже ранней и средней бронзы. Создать на поверхности скалы сцену с лучниками было невозможно без каких-то средств страховки или подпорок – изображение выбито достаточно высоко. Рядом имеется несколько изображений ранней бронзы, включая, по-видимому, и его самый ранний этап (рис. 2).

Краткая история исследования Басбатыра. Шестьсот наскальных изображений, выбитых на 160 плоскостях на гряде, понижающейся на запад к аулу Бериктас, были зафиксированы в 2013 г. Б.А. Железняковым и Л. Херманном. Важнейшие из них в прорисовках и черно-белых фото с приведением статистики по хронологическим периодам и основным сюжетам петроглифов местонахождения были опубликованы в 2014 г. [Железняков, Херманн 2014]. Тогда петроглифы, располагавшиеся на гребне сопки Басбатыр – фактически вытянутой гряды, плавно понижающейся к северо-западу, были показаны археологам известным биологом, фотографом и краеведом А.Б. Жданко [Hermann et al. 2014: 13–14], работавшем на тот момент в заповеднике-музее «Танбалы». Очевидно, что это местонахождение теперь будет называться «группа 1». В период 2014–2020 гг. предпринятые попытки обследовать вершину Суттигеншокы (высота 1164 м над у.м.), возвышающуюся над относительно плоской горой Басбатыр, с мягко изрезанным рельефом и близлежащими скальными выходами, привели к обнаружению около 150 новых изображений, но они были выбиты на плоскостях плохого качества

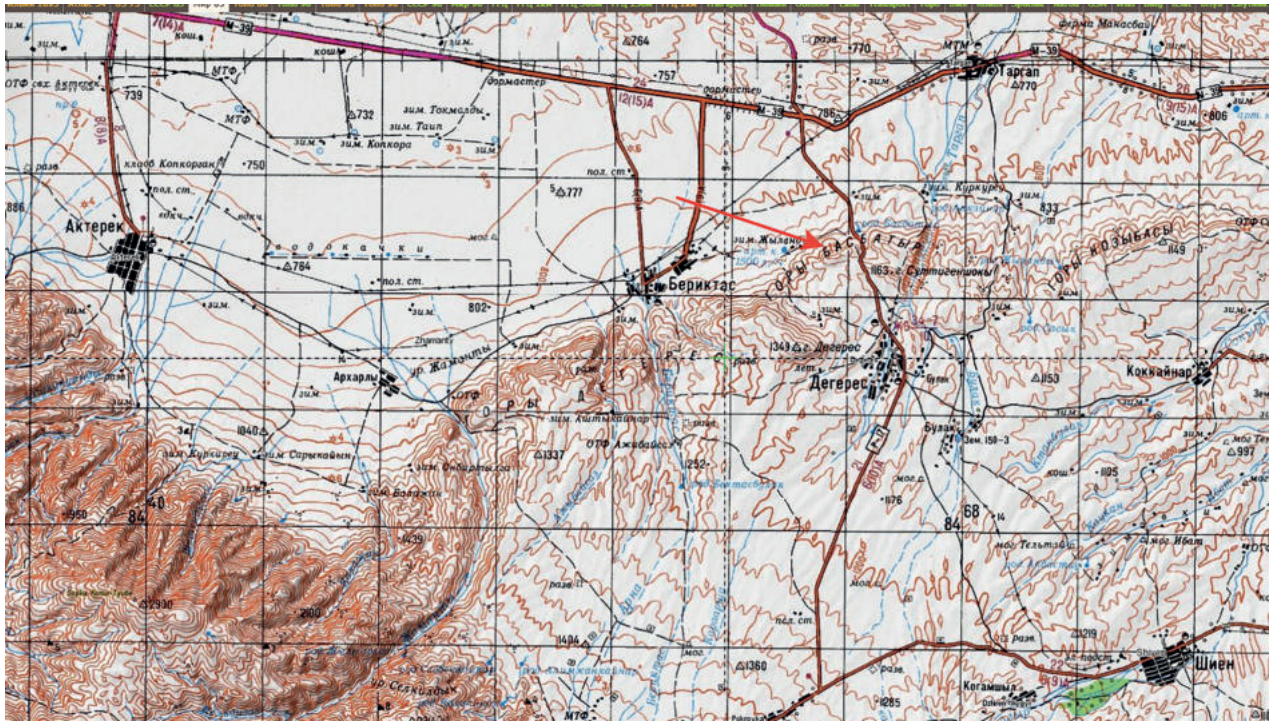

Рис. 1. Местонахождение памятника наскального искусства Басбатыр на топографической карте (указано стрелкой)

с разной патинизацией поверхности. Также обследованы ближайшие скальные выходы ее южного склона, на которых обнаружилось еще около 150 новых изображений. Однако они тоже выбиты на плоскостях неподходящего качества – их трудно публиковать в фото, необходимо делать прорисовки. При этом выделяются всего лишь несколько изображений этой локации. Этой группе присвоено название «Басбатыр-2». Общее число зафиксированных в ландшафте Басбатыра изображений было доведено до 750–800 (включая отдельные изображения, обнаруженные на северном склоне на скалах, расположенных вдоль дороги). Однако это значительно уступало соседнему Актереку, где нами было зафиксировано почти 1500 изображений [Hermann, Zheleznyakov 2016: 16–17].

Информация о памятнике Басбатыр публиковалась уже неоднократно, в том числе анализировалась в составе всего комплекса памятников наскального искусства хребта Жетыжол по известным данным на 2015 [Zheleznyakov, Devlet 2016: 119–121] и 2020 гг. [Zheleznyakov 2020]. Кроме того, были опубликованы иллюстрированные версии материалов по этому памятнику в 2014 [Железняков, Херманн 2014] и 2019 гг. [Амиргалиев и др. 2019], где размещалось несколько десятков наиболее ценных изображений этого комплекса. В их числе были совершенно уникальные изображения «солнцеголового» (публиковалось во всех первых публикациях) [Железняков, Херманн 2014], ведущего в поводу верблюда эпохи бронзы; сцена сакского времени с огромным кабаном и лошадкой (первоначально авторы полагали, что это две лошади, но позже мнения разделились) [Железняков, Херманн 2014: 37, рис. 8], над которой потрудился замечательный художник того времени, и многие другие интересные изображения, равнозначные аналоги которым трудно подобрать. Эти безусловные шедевры наскального искусства были выбиты великолепными мастерами, проделавшими долгий путь к горам ради творчества.

Перечисленными публикациями памятник Басбатыр неоднократно был введен в научный оборот и популяризировался. Он находится на северной оконечности хребта Жетыжол, в 7 км от пересечения трасс Алматы–Шымкент и Дегерес–Танбалы. Природный ландшафт вкупе с объектами сакрального ландшафта, петроглифические изображения, близость к современной инфраструктуре создают природно-ресурсный потенциал для сферы туризма.

Пространственный анализ расположения памятника Басбатыр в культурном ландшафте Шу-Иле – Жетыжол (рис. 3). Одним из важнейших, если не самым важным, географических регионов Жетысу по концентрации памятников наскального искусства

является его западная оконечность – невысокие горы, мелкосопочник Шу-Иле, горы Айтау. Крупные сосредоточия петроглифов, где в значительной степени представлены культовые сюжеты, большинством исследователей считаются древними храмами под открытым небом или святилищами. В то же время однозначных доказательств тому, что здесь отправлялись религиозные обряды, нет, кроме тех, что до самого последнего времени в местах распространения устойчивых традиционных культур подобные ландшафты считались сакральными. В них совершались, по-видимому, уже другие действия, являющиеся ритуальными для современного населения с его традиционными воззрениями, например, жертвоприношения под наиболее крупными многофигурными композициями с явно фантастическими и мифологическими сюжетами. В частности, в Танбалы до образования там заповедника регулярно проводились вполне ритуальные жертвоприношения, чему были многократными свидетелями участники археологических экспедиций. Теперь такие памятники с большим удовольствием посещают истинные ценители древности, пытаясь проникнуть в тайны, оставленные населением и посетителями Танбалы на протяжении веков и тысячелетий. Локальные скопления петроглифов в уютных ущельях Шу-Иле, вероятно, являются теми самыми храмами под открытым небом.

Располагаясь на путях между горными проходами и, как мы предполагаем, в те времена святилищами, а ныне – значительными художественными памятниками историко-культурного наследия, Басбатыр находится в 63 км по прямой от Танбалы (к юго-юго-востоку), где зафиксировано 30 «солнцеголовых», два «луноголовых» и один «быкоголовый», то есть всего 33 подобных антропоморфных образа [Железняков и др. 2016: 90, 91], в 45–50 км от Матыбулака и Танбалытаса (к юго-востоку), где отмечено 29 антропоморфных изображений «солнце- и луноголовых» в культурном ландшафте ручья Аккайнар [Херманн 2016: 102]. Данный ландшафт испытал значительные разрушения, и можно предполагать, что изображений на здешних скалах было больше, но теперь они разрушены в результате строительства. Местами сохранились небольшие по числу рощицы эндемичных ив. Раньше водные источники были обильнее, соответственно, ландшафт был иным, обладал тенистыми тугаями вдоль русел рек.

Кроме того, недалеко от перечисленных памятников находятся Каракыр-6 [Потапов 2007: 56] и Кулжабасы-8 [Садуакасулы и др. 2017: 56] с подобными, абсолютно сакральными для эпохи средней бронзы изображениями. Шесть изображений находятся в Актереке (также есть памятник, расположенный на хребте Жетыжол) [Железняков и др. 2017: 47]. Итого с учетом памятников на относительно небольшой территории южного Шу-Иле (4), северных склонов Жетыжола (2), Актерека (6) и Басбатыра (3 с учетом публикуемых) было обнаружено 85 изображений «солнцеголовых» и их аналогов – антропоморфных изображений с другой формой нимба – «луноголовых». На сегодняшний день наибольшее количество изображений с нимбами – на самом крупном по числу подобных изображений (и, как считается до сих пор, – изображений вообще) памятнике наскального искусства – Саймалыташе. Данные были опубликованы по результатам последних обследований конца 2010-х гг., проведенных в Саймалыташе Л. Херманном с кыргызстанскими коллегами: Саймалыташ 1 – 72 «солнцеголовых», Саймылыташ 2 – 17 аналогичных образов [Hermann 2000: 306], то есть общее количество явно сакральных антропоморфных образов ликов с нимбами над головой там достигло 89.

Рис. 2. Изображения лучников – великана и обычного размера из Басбатыра. Эпоха ранней бронзы, прорисовка

Регион к северу и югу от долины р. Копы, несущей воды в речку Курты, далее впадающей в полноводную р. Иле, является юго-западным водосбором притоков природного водотока. Очевидно, что в эпоху средней бронзы, к которому относится расцвет практики изображения «солнцеголовых» и «луноголовых» (и соответствующей традиции поклонения и других ритуальных действий). Об изображениях антропоморфов с посохами писали многие ученые, в частности, А.Н. Марьяшев и И.Н. Швец. Одни из ярких воспроизведений людей с посохами имеются в Актереке [Амиргалиев 2019: 74]. Вполне возможно, данный вид изображений в будущем также будет учтен. Пласт подобных антропоморфных фигур, исполненных в сходной манере, но обычно меньших размеров, чем «солнцеголовые», превратил эту местность в особый историко-культурный оазис. Отсюда можно было совершить путешествие в нескольких направлениях: в Шуйскую или Ферганскую долины, по р. Иле в Восточный Туркестан. Поехав в северном направлении, легко было достичь Центрального Казахстана, остававшегося важнейшим средоточием медеплавильного производства. Очевидно, что сакральный ландшафт юга региона Шу-Иле эпохи средней бронзы маркирует этот исторический этап.

Обнаруженное в 2021 г. третье собрание петроглифов – Басбатыр-3 находится к востоку от Басбатыра-1 и характеризуется тем, что рассредоточено по скальным выходам, в основном имеющим восточную

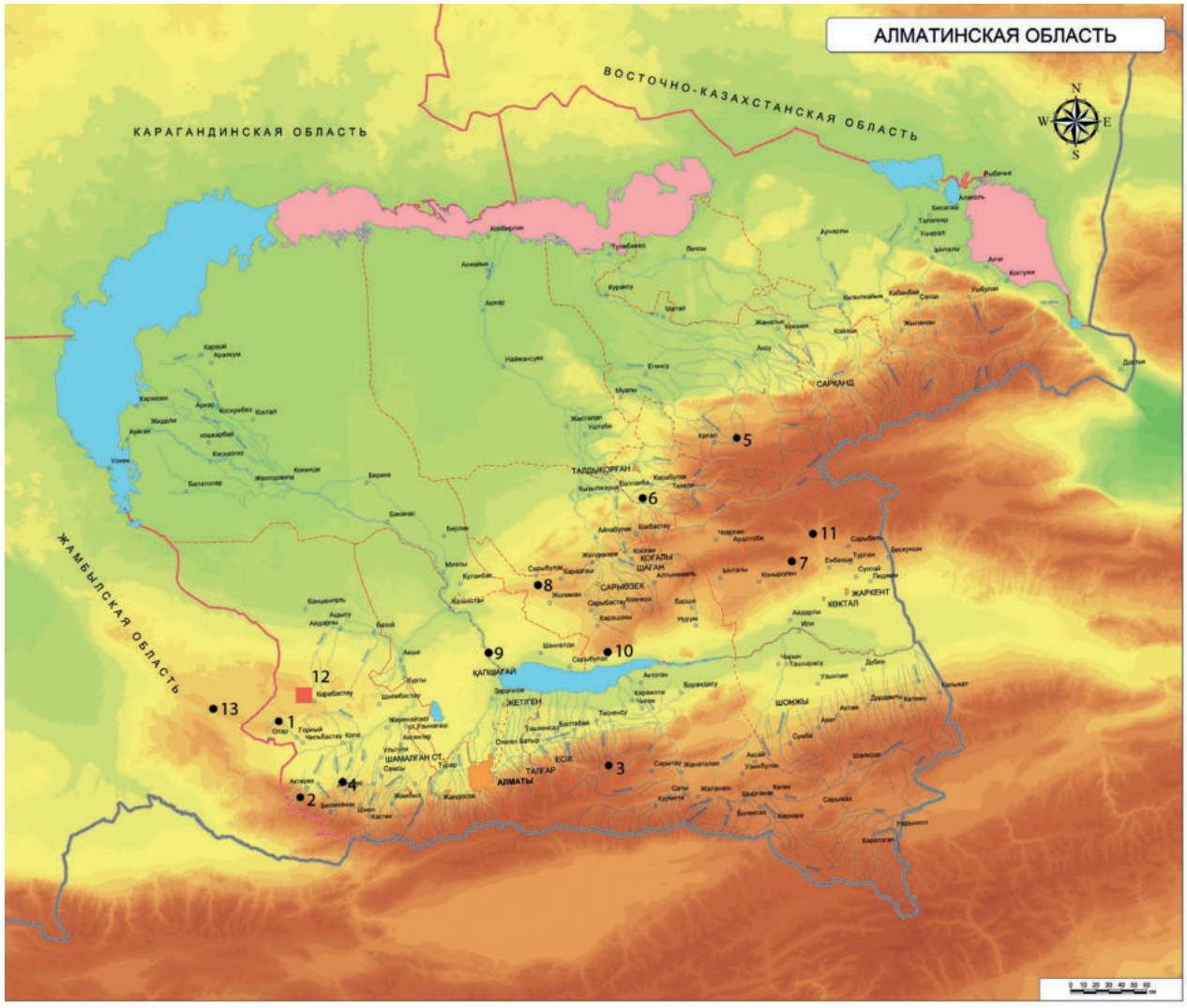

Рис. 3. Расположение памятников наскального искусства Алматинской обл. (цифрами указаны памятники): 1 – Аккайнар; 2 – Актерек; 4 – Басбатыр; 12 – Тамгалы; 13 – Кулжабасы

и западную экспозиции, разбросанным по нескольким сопкам, спускающимся к Таргапу в северном направлении. При тщательном обследовании массива нами было найдено неразборчивое (непосредственно на поверхности скалы) изображение «луноголового» (рис. 4, 5), то есть антропоморфного существа с широким нимбом, но без свечения. Художник показал его сбоку – и эта трактовка была новой. В дальнейшем при внимательном исследовании фотографии (при ее значительном увеличении на компьютере и предварительной обработке) проступили важные детали. Поза сидящего антропоморфа, изображенного в профиль, стала понятной. «Луноголовый» держит в вытянутых руках лук со стрелой. Тетива лука в натянутом положении, лук наготове. Подчеркнуто наклонное положение (доминирование в ландшафте) – лучник выбирает подходящий момент для выстрела. Изображение второго лучника небольшого размера, как бы в перспективе; он припал на одно колено и тоже держит лук наизготове, наконечник также обращен чуть вниз, тетива передана пунктиром. Любопытно, что два наиболее запоминающихся изображения в этой группе петроглифов Басбатыра – лучники. Однако между ними есть и определенная разница. В случае с великаном, по-видимому, воином, он держит явно усовершенствованный (составной) лук, в эпизоде с «луноголовыми» персонажами луки изображены либо без подобной детализации, либо как обычные луки, применявшиеся для охоты на некрупных животных. Скорее всего, данный рисунок маркирует место успешной охоты, обеспечивавшей определенный коллектив людей, проживавших в этой местности в эпоху средней бронзы, ценной пищей.

Антропоморфные изображения «солнцеголовых». Тематика, связанная с изображениями «солнцеголовых», в последнее время отступила на второй план, чаще публикуются сами памятники и дается общее представление о них, в том числе статистический анализ. Тема изучения «солнцеголовых» была одной из самой актуальных и часто дискутируемых (А.Е. Рогожинский, А.А. Горячев). Это и неудивительно, поскольку подобные образы с научной точки зрения, очевидно, являются вершиной группы антропоморфных изображений; с популярной точки зрения, стали наиболее загадочной символикой, универсальным ее воплощением после, может быть, «Золотого человека» Иссыка, или став его предшественником, поскольку оба символа зримо воплощают символику солнечного божества со все большей детализацией атрибутов и символов. В «Золотом человеке» она значительно усложнилась другой астральной и иной комплексной мифологической символикой. Сакские образы являются одним из этапов последующего развития образов «солнцеголовых», воплощенных с развитием технологий сакскими мастерами на самом высоком художественном уровне – в камне или в ювелирном ремесле.

Генезис сакральных образов эпохи древности проходил по определенной схеме, которая еще не в полной мере раскрыта. Образами бога Солнца были разные антропоморфные и зооморфные существа или различная символика. В их честь создавались новые святилища, выбивались условные знаки и обозначения. Наскальные изображения (сакральные) наделялись атрибутами первообраза [Evers 1994: 47], дополняясь представлениями о сакральном ландшафте, проявлявшемся в обустройстве микроландшафтов.

Вместе с тем, находя и публикуя новые памятники, исследователи отмечают в них число подобных антропоморфных изображений. Фактически это определенная отметка значимости данного памятника, на котором, как можно уверенно предполагать, проводились ритуальные действия в период средней бронзы, когда, по нашему мнению, развился обычай выбивать в значимых сакральных местах антропоморфных существ с нимбом. Как уверенно считают западные исследователи петроглифов, скорее всего, они представляли собой храмы, где жрецы выполняли подобные обряды. Первосвященник, переодеваясь в костюм «солнцеголового», олицетворял собой солнце. Безусловно, подобных образов в Центральной Азии значительно больше.

Едва ли не почти половина изображений – антропоморфы с нимбами, но без лучей свечения, условно пока называемые «луноголовыми». Почитание луны в древности было очень развито, ее влияние на природу и общество никогда не отрицалось. Однако можно и дистанцироваться от однозначно астральной попытки интерпретации образа «луноголового» в сторону зимнего и летнего полугодий солнцеворота. Таким образом, эта тема требует отдельной и специальной работы, возможно, и серии исследований. Ранее одним из авторов на этот счет было опубликовано небольшое теоретизирование, опиравшееся именно на распространенное среди европейских исследователей мнение [Марьяшев, Железняков 2014: 32–40]. Как известно, солярная тематика изображений эпохи бронзы в Центральной Азии и Северной Европе, по сути, весьма схожа.

Почитанию «летнего» и «зимнего» солнца, прослеженного по археологическим памятникам Средней Азии, посвящено не так много литературы. Подробный

Рис. 4. Фото выбитых на плоскости Басбатыра «луноголовых» с луками (с масштабом). Эпоха средней бронзы

Рис. 5. Прорисовка «луноголовых» с луками из Басбатыра

разбор выявленных ориентировок составляет значительную часть монографии по памятнику Хорезма Кой-Крылган-Кала. Многочисленными памятниками, которые явно должны соответствовать астрономическим и календарным ориентировкам, являются курганы с «усами». Попытка разобраться в особенностях ориентировок культовых построек начиная с IV в. до н.э. и вплоть до конца доисламского периода была проделана одним из авторов статьи и раскопок на одном из знаковых памятников Южного Казахстана – на городище Жуантобе позднеантичного и раннесредневекового времени [Железняков 2011]. Тем самым, исходя из опыта изучения археологического наследия, правда, относящегося к более позднему времени – от IV в. до н.э., из двух версий интерпретации нимба «луноголового» – зимнего солнца и луны – логичнее выбрать версию с солнцем. Из двух рисунков особо почитаемых персонажей антропоморфных с нимбами на Басбатыре – «солнцеголового» с верблюдом и «луноголовых» с луками – можно предположить, что преобладающей деятельностью в этой местности в эпоху среднего этапа бронзового века, к которому относится значительное число изображений, были проводка караванов, путешествие в летнее время и охота. Предполагаем, что основным временем было мирное, и луки применялись для охоты.

Заключение. В своей массе «солнце- и луноголовые» намного чаще изображены в полностью или относительно статичных позах. Это логично, поскольку эти рисунки, по-видимому, изображали жрецов, ряженых в соответствующие одежды и с важным видом исполнявших роли божеств в ходе мистерий и религиозных ритуалов. В Басбатыре изображены «солнцеголовый», ведущий верблюда в поводу, и два «луноголовых» с луками, целящимися в добычу. Эти сцены, скорее всего, можно интерпретировать как ситуацию, при которой божества, находясь на важном участке пути из Илейской долины в Шускую/Чуйскую, помогали людям осуществлять подъем в горы, а также освящали своим присутствием успешную охоту. То есть значительную часть сюжетов средней бронзы можно интерпретировать как важный узловой путь, прерывавшийся там, можно было остановиться отдохнуть, пополнить запасы продовольствия (охотой или обменом). Такие две картинки встают перед глазами исследователя.

В Басбатыре-3 было документировано порядка 800 изображений, тем самым этот памятник по числу изображений уравнялся с Актереком. Однако еще предстоит сделать статистический анализ изображений последней третьей группы. Количественный показатель 29 изображений Аккайнара достигнут благодаря именно «луноголовым».

Сцены охоты лиц, наделенных не только царственной, но и божественной властью (аристократы, верхушка воинства, жрецы), имеют огромное сакральное значение, сопровождены определенным ореолом «сияния славы». Мнение достаточно распространенное, сложившееся на основании анализа многочисленных изображений из разных регионов. Охота на конкретных (избранных) животных занимает важнейшее место в сюжетах, начиная с сакского времени, а также у поздних кочевников и оседлых жителей, например, Бактрии [Литвинский 2002: 200, 210]. Б.И. Маршак, анализируя эти изображения рубежа эр (включая все I тыс. н.э.), интерпретирует их как предназначенные для магического обеспечения мужества, верности и удачи [Маршак 1992: 210]. Свою короткую, но блестящую работу Борис Ильич завершает словами: «Произведения культового искусства Согда – образы богов демонстрируют целую серию влияний: эллинистическое, сасанидское, индийское, поскольку в древнеиранской и кочевой культуре антропоморфные образы богов первоначально отсутствовали» [Маршак 1992: 210]. Возможно, он не имел в виду столь древние слои, как средний этап бронзового века, когда «луноголовые» (сакрализированные божества) охотились на склонах Басбатыра. Рискнем предположить, что охотились они на тех же животных, которые впоследствии стали уже сакральными образами у тех же бакрийцев. Важной нам представляется следующая мысль того же исследователя: «От “клада Окса” до Орлата в Средней Азии можно показать постоянное взаимодействие оседлых и кочевых культур прежде всего во всем том, что было связано с воином-всадником» [Маршак 1992: 210].

Возможно, многое объясняет тот факт, что в эпических жанрах искусство раннесредневекового Согда опиралось на древнюю центральноазиатскую традицию. Эпические произведения поздней античности и раннего Средневековья берут свое начало в древности. К примеру, сцена «Лучники в позе наизготове» в Басбатыре свидетельствует о сакрализации подобных образов. Сакральный объект пусть и местного характера, но зато ясно датированный и локализованный. Действительно, поиски иконографического образа бога были длительными, и антропоморфные типы «теряются» в древности. Явно детализируется пласт изображений «солнце- и луноголовых», занимающихся некой деятельностью, которая, безусловно, сакрализируется самим фактом занятия ей божеством. «Луноголовый» – это антропоморфный образ, очевидно, божества с

нимбом, но без лучей. Вариантов интерпретации подобного образа может быть много: астральный – луна, гендерный – женщина, солярно-календарный – солнце в зимний период. Образ «луноголового» значительно оттеняет образ «солнцеголового». Могут быть и другие варианты его трактовки. На наш взгляд, однозначно освещать его пока нельзя – не хватает фактологических данных. В любом случае мифологическая значимость этого образа в структуре духовной культуры не должна подвергаться сомнению.

ЛИТЕРАТУРА

Амиргалиев М.О., Железняков Б.А., Херманн Л., Шарипов Р.К. Наскальное искусство Жетысу. Алматы: Заповедник-музей «Танбалы», 2019. 280 с.

Железняков Б.А. К вопросу о сакральных ориентировках архитектурных сооружений Средней Азии античности и средневековья // История и археология Семиречья. Алматы: «Родничок», 2011. № 4. С. 89–101.

Железняков Б.А., Садуакасулы А., Херманн Л. Петроглифы Актерека // IX Оразбаевские чтения: м-лы Междунар. научно-метод. конф. «Современные методы и подходы в изучении историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных стран», приуроченной к 95-летию А.М. Оразбаева (г. Алматы, 28–29 апреля 2017 г.) / Отв. ред. Г.К. Омаров. Алматы: Қазақ университеті, 2017. Ч. 1. С. 45–51.

Железняков Б.А., Садуакасулы А., Херманн Л. Новые петроглифы Тамгалы и Чу-Или // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района. Алматы: Заповедник-музей «Танбалы», 2016. С. 88–109.

Железняков Б.А., Херманн Л. Петроглифы Басбатыра // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2014. № 5 (297). С. 30–39.

Железняков Б.А., Херманн Л. Петроглифы Басбатыра // NOMADKazakhstan. 2014. № 1, 2. С. 146–153.

Железняков Б.А., Золотухина О.А. Изображение героя-лучника эпохи бронзы на плоскости Басбатыра //«Қазақстанның тарихи-мәдени мұрасы: зерделеу, түсіндіру және сақтау мәселелері» атты халықар. ғыл.-тәж. конф. м-ры / Жауапты ред. Қ.М. Нұрмақсұтов. Алматы: Қазақ университеті, 2021. С. 83–94.

Литвинский Б.А. Бактрийцы на охоте // ЗВОРАО. Новая серия. 2002. Т. I (XXVI). С. 181–213.

Маршак Б.И. Воины в искусстве Согда и Центральной Азии // Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конф. к 90-летию М.П. Грязнова) / Отв. ред. В.М. Массон. Вып. 2. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 203–211.

Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кульжабасы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 150 с.

Потапов С.А. Древнее святилище Каракыр. Алматы: [б./и.], 2007. 176 с.

Садуакасулы А., Железняков Б.А., Херманн Л. Наскальное искусство хребта Кулжабасы. Алматы: Танбалы, 2017. 240 с.

Сала Р., Деом Ж.-М. Наскальные изображения Южного Казахстана. Алматы: Лаборатория геоархеологии, 2005. 150 с.

Херманн Л. Петроглифы местности Аккайнар // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района. Алматы: Заповедник-музей «Танбалы», 2016. С. 88-109.

Evers D. The Magic of the Image. Warmsrouht, Germany: Pulsar-Vetlag, 1994. 47 p.

Hermann L. Zheleznyakov B., Zhanko A. Le site d'art rupestre de Degeres (oblysd'Almaty) au Kazakhstan // INORA. 2014. No. 70. P. 13–17.

Hermann L., Zheleznyakov B. The rock art site of Akterek in Kazakhstan (Almaty oblys). Situation and research history // INORA. 2016. No. 76. P. 14–21.

Hermann L. Les cult es du soleil et du taure au dans l'art rupestre del' âge du Bronze en Asie centrale (Kazakhstan et Kirghizstan) // Praehistoria. New Series. 2020. Vol. 1-2 (11-12) / Ed. by A. Ringer. P. 303–328.

Zheleznyakov B., Devlet E. Rock art studies, management and presentation in Central Asia (2010–2014) // News of Rock Art. Studies V. Oxford (Great Britain), 2016. P. 117–126.

Zheleznyakov B.A. Petroglyphs of Zhetyzhol Ridge (Western Zhetysu) // Rock Art Chronicles of Golden Steppe from Karatau to Altai. Vol. 2. Edited by E. Jacobson-Tepfer and V.A. Novozhenov. Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cutures, 2020. P. 110–125.

Luc Hermann,
Les Closures, Independent researcher Belgium
Amadeus DeKastle,
American University of Central Asia,
Bishkek c., Kyrgyzstan; dekastle_a@auca.kg

TAMGA PETROGLYPHS in the ROCK ART of the KARAKOL REGION (CHUY AND NARYN OBLASTS) in KYRGYZSTAN

Abstract. Research documented 3851 petroglyphs on 896 rocks in the Karakol Region south of Bishkek in Kyrgyzstan. Among them, 23 tamgas, or signs looking like tamgas, are described here for the first time. This paper presents this new material and its spatial distribution in the documented region without trying to interpret it. Some signs presented here are perhaps not tamgas but are published here for further discussion.

Keywords: Kyrgyzstan, Karakol Region, Turkic Medieval times, Kyrgyz ethnographic period, tamga

Қырғызстанның Қаракөл аймағының (Шу және Нарын облыстары) жартас өнеріндегі таңбалар

Аннотация. Зерттеу барысында Қырғызстан жеріндегі Бішкектің оңтүстігі Қаракөл аймағындағы 896 жартастағы 3851 петроглифтер құжатталды. Олардың ішінде 23 таңба немесе таңбаға ұқсайтын белгілер мұнда алғаш рет сипатталады. Мақалада осы тың материал мен оның құжатталған аймақтағы таралу кеңістіктігін түсіндірусіз-ақ ұсынылды. Мұнда ұсынылған кейбір белгілер таңба емес болуы да мүмкін, бірақ бұдан әрі ғалымдар осы бір тың дүниелерді көріп талқылау үшін осында жарияланып отыр.

Түйін сөздер: Қырғызстан, Қаракөл аймағы, түркі орта ғасыры, қырғыз этнографиялық кезеңі, таңба

Тамги в наскальном искусстве Каракола (Чуйская и Нарынская области) в Кыргызстане

Аннотация. В ходе исследований было задокументировало 3851 петроглифов на 896 поверхностях в Каракольском регионе (к югу от Бишкека, Кыргызстан). Среди них здесь впервые описаны 23 тамги или знака, похожих на тамги. В статье в научный оборот вводится новый материал и его пространственный анализ, распределение в документированной области. Некоторые знаки, представленные здесь, возможно, не тамги, но публикуются здесь для дальнейшего обсуждения.

Ключевые слова: Кыргызстан, тюркское средневековое время, киргизский этнографический период, тамга

A. Location and research history

The Karakol Region of Kyrgyzstan is located between 30 and 50 kilometers south of Bishkek, between 1,800 m and 4,800 m a.s.l. in the Tien Shan Mountains. The north of the region is part of the Kyrgyz Ala-Too chain, while the south is attached to the Jumgal Too chain. As several Kyrgyz valleys and towns are named Karakol, this region should not be confused with the town south-east of Lake Issyk-Kul nor with the valley in the Talas province in which rock art has also been documented [Hermann 2017].

The Karakol Region can be divided into two main parts due to the fact that the eastern part of the region is separated from the western zone by the Karakol Ashuu pass (at 3,485 m high). The western zone touches the frontier of two Kyrgyz provinces: the Chuy and Naryn oblasts. Both parts are crossed by a valley west-east oriented with the Karakol river called Zapadny (western) Karakol in the western part and Vostochny (eastern) Karakol in the eastern zone. Furthermore, the western and eastern parts can be divided into northern and southern zones: numerous valleys oriented north-south or south-north are located north and south of both parts of the Karakol river. These valleys are still used by shepherds in the summer.

The rock art was done on moraines situated along watercourses between 2,800 and 3,200 m a.s.l., as well as on summer pastures at the valley summits between 3,200 and 3,750 m just below glacial moraines. Ten main groups of petroglyphs were inventoried, as well as other disparate stones in different valleys.

© 2022 Hermann L., DeKastle A

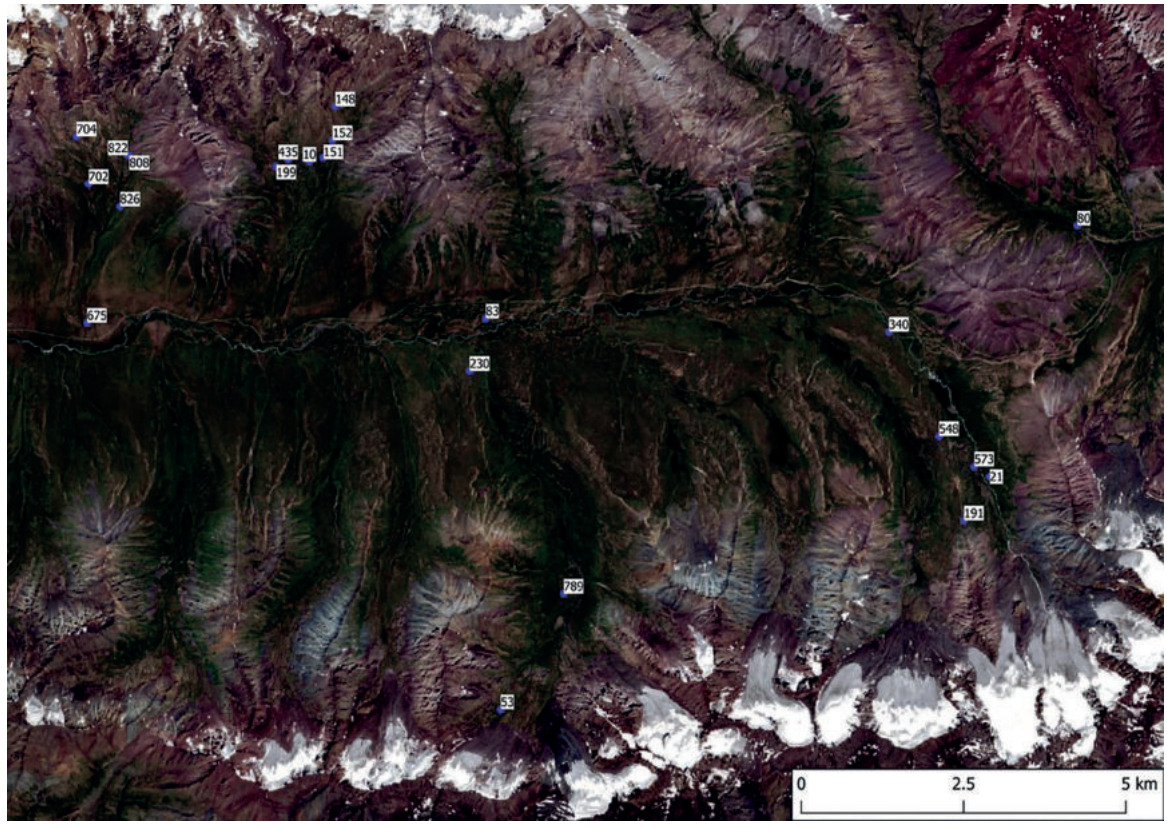

Fig. 1. Location map of the tamgas in the Karakol region

Even though the region's rock art was well-known to locals, no prospection had ever been carried out before a group of zoologists from Bishkek photographed and recorded with GPS many of the engraved rocks between 2015 and 2019. They recorded engraved rocks seen during expeditions carried out with the organizations Biosphere Expeditions and NABU in the Karakol Region while studying the snow leopard [Tytar et al. 2017]. For this rock art documentation, Amadeus DeKastle, together with his colleague Dr. Marc Foggin, developed a smartphone application ("Lapis Guides"), so that expedition members could document engraved rocks: each photo is thus added to a database with GPS coordinates. Even if the documentation is not perfect (for example, absence of a scale on many pictures, lack ofinformation on the orientation of the panels, or quality of the pictures), we should be grateful for their work to make local populations aware of the importance of preserving the rock art heritage, as well as the creation of a database. A preliminary report about the results of their efforts was published in the International Newsletter on Rock Art in 2020 [Hermann et al. 2020] and new results as well as analysis of animal depictions were published in 2022 [Hermann & DeKastle 2022].

The aim of this paper is to provide new material about tamgas in Kyrgyzstan in a newly documented region which is almost not published. Due to the fact that the authors do not have a specialized background in Turkic and Kyrgyz tamgas, the aim of this paper is only to publish this new material without trying to interpret it. Some of these signs look like tamgas but are perhaps not tamgas. However, they are presented here for further discussion.

B. Presentation of the petroglyph groups

895 engraved rocks with 3,851 petroglyphs were documented in the Karakol Region. The rock art is essentially concentrated in ten valleys.

In the western Karakol Region, the main valleys with rock art are Kashka-Suu, Chaar-Tash, and Chong Chikan in the northern part and Kashka Tor, Takyr Tor, and Iiri Suu in the southern part. In the eastern Karakol Region, the main valleys with rock art are Kara-Tor, Pyty, and Dunguruma in the northern part andJalak-Tor in the southern part.

The most important group is Iiri Suu with 229 rocks and 950 documented engravings located between 3,160 and 3,570 m altitude. Chong Chikan is the second largest group with 162 rocks and 665 rock carvings, most of them situated between 3,100 and 3,650 m altitude. Takyr Tor is

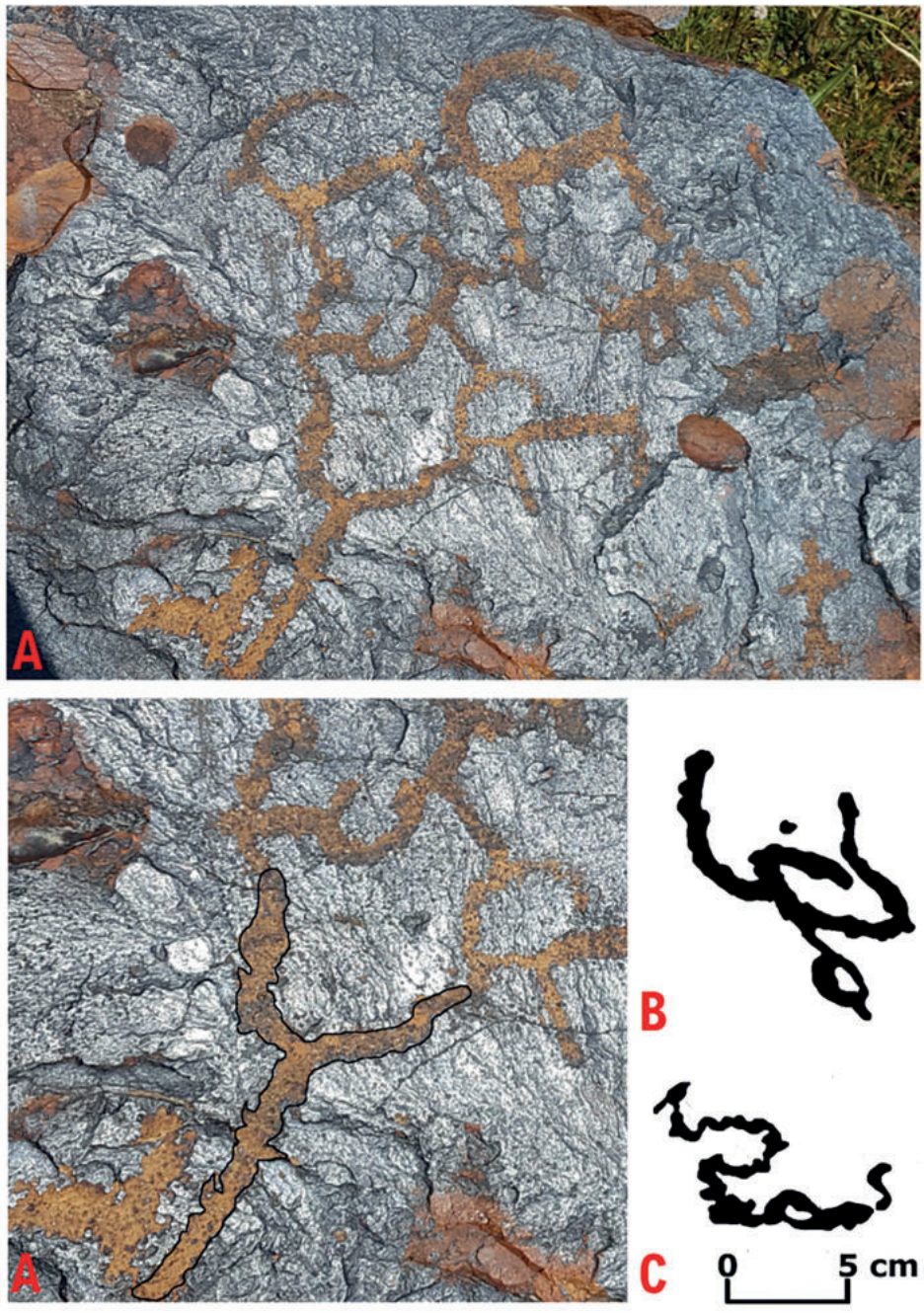

Fig. 2. Karakol Region: A: rock 435; B: rock 10; C: rock 826

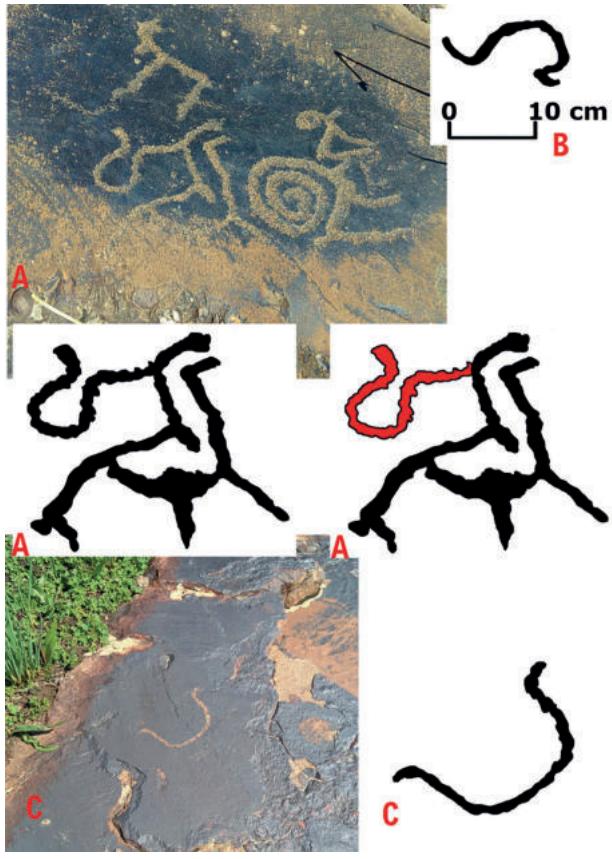

Fig. 3. Karakol Region: A: rock 340; B: rock 808; C: rock 199

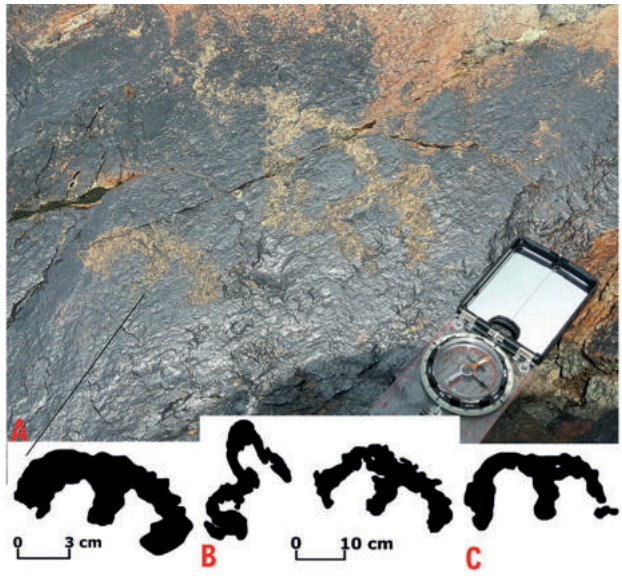

Fig. 4. Karakol Region: A: rock 789; B: rock 21; C: rock 83

the third group of importance with 113 engraved rocks and 523 drawings located between 3,180 and 3510 m altitude.

C. Tamgas from the Karakol Region

Among the 3,851 documented engravings, 2,140 engravings on 442 stones were attributed to the Turkic times and 129 engraved rocks with 295 petroglyphs to the Kyrgyz era (sometimes called “ethnographic period”). Most of the petroglyphs depict zoomorphs, essentially goats (domestic or wild ibex), but also wolves and dogs, camels, horses, as well as few deer and felines. Furthermore, 36 tamga-like-signs were identified. 13 of these signs are too unclear to be presented here and would need a new documentation. However, 23 are clearly tamgas or have patterns assimilating them to a kind of tamga.

These 23 signs were found on 22 rocks distributed in five valleys (fig. 1)*.

These 23 signs are presented here below. Some of them belongs to tamga types which are already known. For this reason, they are listed after their tamga-types based on the tamga typology elaborated by A. Rogozhinskiy [Rogozhinskiy 2012: 94].

- Type 1: one likely exemplar was found on rock 826 even if the pattern slightly differs from the canonical type (fig. 2C). This sign is isolated on the rock without any other engraving but is located in a valley with two other tamgas and another tamga-like-sign. This sign is perhaps not a tamga but should be described for its similarities with the type 1.

- Type 3: three exemplars of this tamga were found on rocks 199, 340 and 808 (fig. 3). It is a tamga with the pattern of the Greek letter “Omega”, and for this reason it is sometimes called the “omega-tamga”. The three exemplars of Karakol are clearly from this type, but the tamga from rock 199 is a variant without the curved extremities (Fig. 3C). On rock 340, this tamga is associated with a zoomorph, most probably a deer, forming the animal’s antlers or horns (fig. 3A)! The topic of the incorporation of a tamga in another drawing is not known by the author but should be analysed more deeply in the future. It opens new perspective for the comprehension of the mental world of Turkic tribes. These three tamgas are located in three different valleys, even if the rocks 199 and 808 are at the same height at ca 3370m altitude and 2270m distant of each other by crossing over a ridgeline.

- Type 6: this tamga is known on three rocks in three different valleys in the Karakol Region (rocks 21, 83 and 789) (fig. 4). However, two of them are quite near to each

**All pictures (without 9B) and maps: Amadeus DeKastle*
All drawings (after pictures) and picture 9B: Luc Hermann

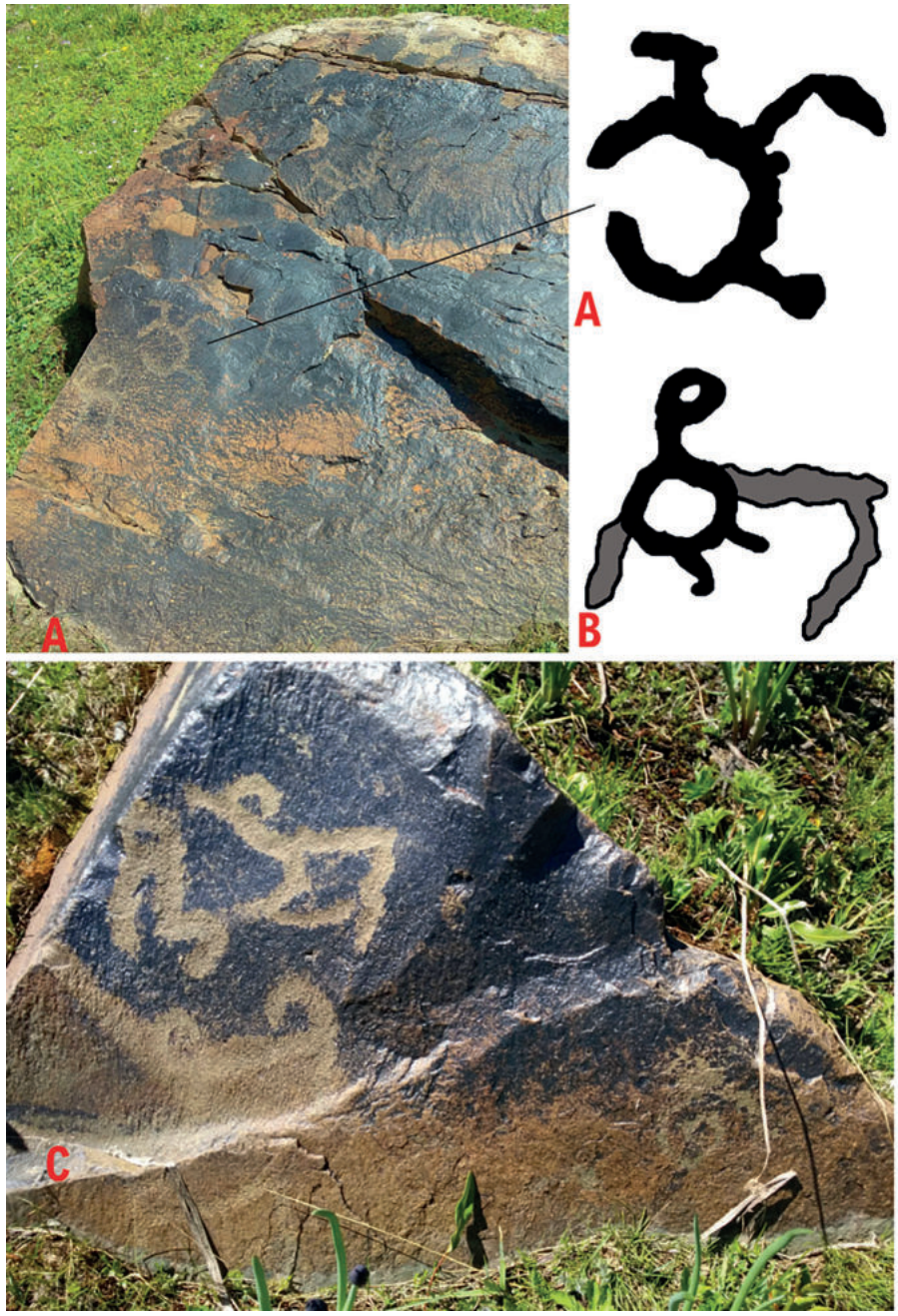

Fig. 5. Karakol Region: A: rock 230; B: rock 191; C: rock 152

Fig. 6. Karakol Region: A: rock 53; B: rock 573; C: rock 151

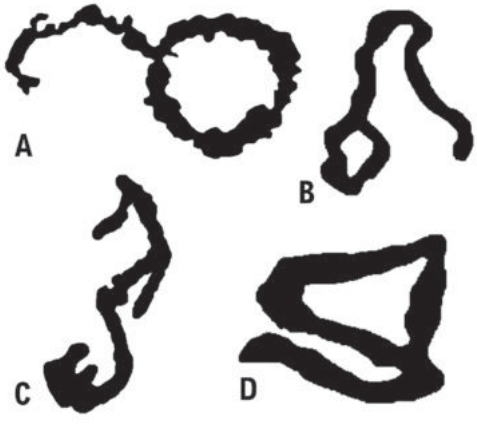

Fig. 7. Karakol Region: A: rock 80; B: rock 148; C: rock 548; D: rock 702

other, only 4410m distant: rock 83 was drawn along the Karakol river at the foot of the Kashka-Tor valley at 3015m a.s.l., whereas rock 789 is located at the summit of this valley at an altitude of 3303m. Many examples of this type are already known in Kyrgyzstan, more specifically in Chiim-Tash in the Talas Region [Hermann 2020: 188].

- Type 8: the tamga on the rock 435 most likely belongs to this type (fig. 2A). Two later drawn zoomorph petroglyphs disturb its clear visibility by its extremities.

- Type 14: a tamga on rock 230 looks like a variant of type 14 (fig. 5A). Furthermore, another sign on rock 191 partially covered by an unachieved goat probably belongs to a variant of the same type (fig. 5B). Both signs are in two different valleys.

- Type 16: a tamga on rock 151 shows some similarities with this type and is probably a variant of it (fig. 6C). However, due to the patina and to the general context of this rock, we interpret this petroglyph as a tamga from the so-called ethnographic period.

- Type 24: the tamga on rock 80 is on a flat stone with a goat (fig. 7A). It is the only tamga documented in the eastern part of the Karakol Region. Its pattern fits perfectly with the type 24.

Some other tamgas or tamga-like-signs not included in A. Rogozhinskiy's repertoire are described here below. We gave a letter for these types that are undescribed in Rogozhinskiy's typology:

- Type A: two examples of this tamga are known in Karakol on rocks 53 and 573, but it seems that this tamga was unknown until now (fig. 6A-B). They were found in two different valleys with a distance between them of 8195m, separated by multiple ridgelines. Furthermore, rock 53 is at 3567m high, whereas rock 573 is at an altitude of 3283m. On rock 53, the tamga is associated with an anthropomorph which is more recent than the three Turkic goats as shown by the patina (fig. 6A). We suggest that this type of tamga is from the 17th 19th centuries.

- Type B: an unclear sign is associated with a type-6-tamga on rock 21 (fig. 4B). Due to this association, it could be a tamga, but we do not know any similar sign and the pattern is dubious. However, an ancient Greek monogram published by S.A. Yatsenko and interpreted by him as a "possible prototype of a part of pre-Islamic Central Asian sign" exactly corresponds to this sign [Yatsenko 2019: 394, fig. 2]. We do not know if this is merely a coincidence.

Type C: two examples of this tamga are known in Karakol on rocks 675 and 822 (fig. 8). Both rocks are in the same valley (Chaar-Tash) at a distance of only 2660m of each other, but rock 675 is at the foot of the valley near the Karakol river at an altitude of 2923m, whereas

rock 822 is at the summit at an altitude of 3379 m. On rock 675, this tamga partially covers a former goat, using the animal's horns. We do not know any similar tamga in Kyrgyzstan, but with their pattern and their location in the same valley, it is doubtless that they are tamgas.

Type D: on rock 148, a sign among many goats is interpreted as a tamga (fig. 7B). Its pattern shows some similarities with other tamga types, such as the type A described above or with Rogozhinskiy's type 1, but this very type is not known. It is located in the Chong Chikan valley at 3558 m high, one of the highest altitudes for an engraved rock in the Karakol Region.

Type E: on rock 548, an unclear sign is in the middle of a panel with goats (fig. 7C). Furthermore, on rock 152, a sign associated with Turkic or Kyrgyz goats also looks similar to this sign, as if it would be a later variant of it (fig. 5C). We do not see any further explanation for both signs other than to interpret them as tamgas. Furthermore, these signs show some analogies with a sign from Almaly in Kazakhstan which is interpreted as a tamga [Rogozhinskiy & Tishin, 2018, p. 80, fig.1].

Type F: on rock 702, a sign is in the middle of a panel with goats (fig. 7D). A similar sign in Suuk-Döbö was interpreted as a tamga [Tabaldiev 2019: 381, fig. 11].

Type G: on rock 704, a half-circle with a point in the middle is interpreted as a tamga (fig. 9A). Furthermore, this sign shows a clear analogy with another sign from Kara-Too in Kyrgyzstan, which is also interpreted as a tamga (fig. 9B) [Hermann et al. 2020: 144]. The Karakol Region is located ca 100 km west-northwest of the Kara-Too site.

Type H: on rock 10, an unclear sign was interpreted as a possible tamga (fig. 2B). A couple of goats are on the same panel.

D. Analysis of the spatial distribution of the tamgas (fig. 1)

Among the ten valleys from the Karakol Region, the 22 rocks with tamgas or tamga-like-signs were only documented in five valleys. Four of them are in the western

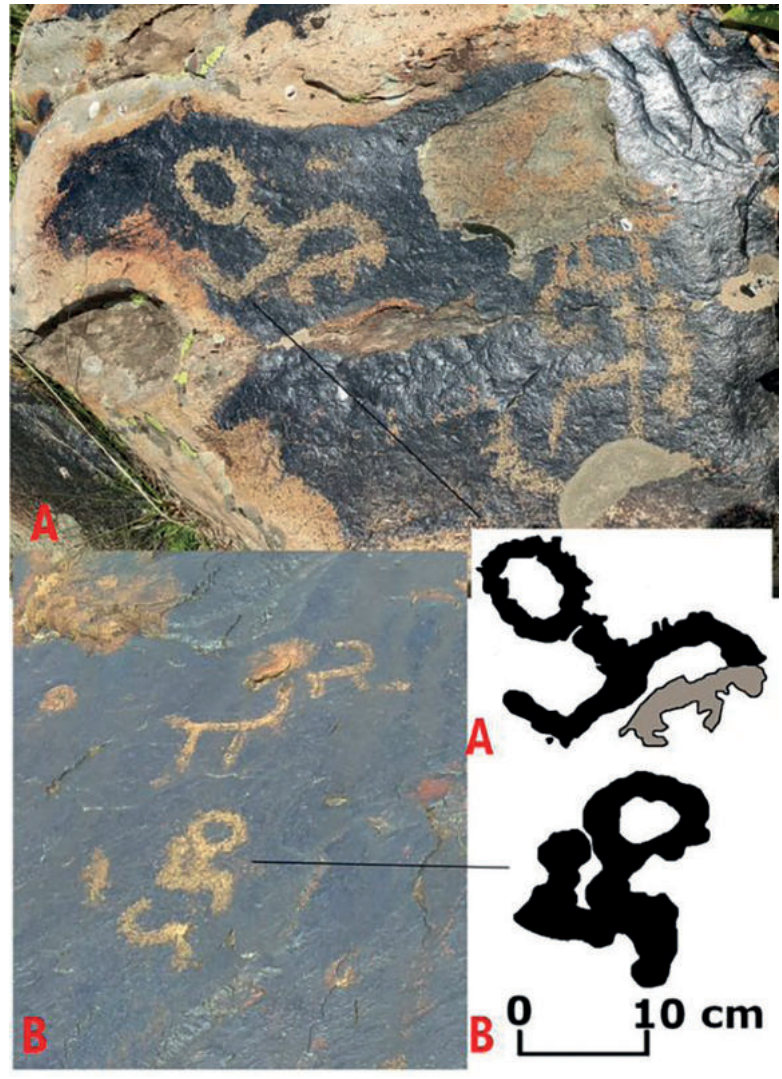

Fig. 8. Karakol Region: A: rock 675; B: rock 822

Fig. 9. A: rock 704, Karakol Region; B: Rock AB177, Kara-Too

part: Chaar-Tash and Chong Chikan each with six rocks, Kashka Tor with four rocks and Iiri Suu with five rocks. Only one rock in one valley (Kara-Tor, rock 80) was inventoried in the eastern part of the Karakol Region.

The majority of the tamgas are located in the high pasture (summer pasture) where the majority of petroglyphs were also found. Only four tamgas were done at the entrance of the valleys near the Karakol river (rocks 83, 230, 340 and 675). The same type than the tamga on rock 675 at the entrance of a valley was also found in the same valley at the summit (rock 822). The same can be said about the tamgas on rocks 83 and 789 with a correlation about the tamga-type found at the entrance of a valley and at the high pasture in the same valley.

The "Omega"-tamgas were found in three different valleys. We observe that tamgas are usually distributed in the valleys with the main concentrations of petroglyphs, meaning that they are probably present where shepherds spent the most of the time with their flocks. But there is one exception to this general remark: on the Takyr Tor valley, 319 petroglyphs from the Turkic times were documented, but there is no tamga among them. However, new prospections of this valley and of the others could reveal new clanic signs.

F. Conclusions

The Karakol Region presents a large number of petroglyphs essentially from the Iron Age and the Turkic era, but also some more recent engravings from the so-called ethnographic period. Among the drawings from the Turkic times and the ethnographic period, 23 signs are tamgas or could have been clanic signs. In any case, it is a very rich concentration of such signs in a newly documented region. Among these signs, many types were unknown until now and give for this reason new perspective for the research on tamgas. Furthermore, Karakol is also interesting because it is on the way between the Talas and the Kochkor Regions where many tamgas and runic inscriptions were found in the last decades. For this reason, the documentation of the tamgas from Karakol will allow us to undertake further analysis in order to understand the relationship and the diffusion of tamgas in Kyrgyzstan between the east and the west of the country.

REFERENCES

Castagné J. Les tamgas des Kirghizes (Kazaks) // Revue du monde musulman, vol. XLVII, Paris, 1921. P. 29–65.

DeKastle A.J.D., Foggin J.M. Cultural Heritage of Kyrgyzstan, 2019. URL: http://www.lapisguides.org/?page_id=3092

Hermann L. Sites d'art rupestre de la vallée de Karakol (oblast de Talas) au Kirghizstan // INORA. 2017. № 77. P. 1–6.

Hermann L. Repertory of the tamgas in the Talas region (Kyrgyzstan) // Jacobson-Tepfer E., Novozhenov V. A. (eds.). Rock Art Chronicles of Golden Steppe from Karatau to Altai, № 2. Almaty, 2020. P. 185–191.

Hermann L., DeKastle A., Foggin M. L'art rupestre de la vallée de Karakol (oblast de Tchouï et de Naryn) au Kirghizstan // INORA. 2020. № 86. P. 17–25.

Hermann L., Tishin V.V., Rogozhinskiy A.E. Ancient Turkic Runic Inscriptions and Tamga-Petroglyphs from the Kenkol Valley (Kyrgyzstan) // Utshenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya pisanitsa", № 12. Kemerovo, 2020. P. 142–153.

Hermann L., DeKastle A. Karakol Rock Art, Kyrgyzstan: the Relationship between Petroglyphs and Landscape // Expression, № 35, Capo di Ponte, 2022. P. 35–50.

Rogozhinskiy A.E. Tamgi-petrogliphy srednevekovych kotshevnikov Kazakhstana: itogi noveishich issledovanii i perspektivy dalneishego izutsheniya // Historic cultural heritage and modern culture: Proceedings of the International Scientific-Practical Seminar (Almaty, 30 November 2012). Almaty: "Service Press", 2012. P. 91–104.

Tabaldyev K.Sh. Medieval tamga-signs in Kyrgyzstan // Tamgas of pre-islamic Central Asia / Suleymanov, R.Kh. (ed.). Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 2019. P. 364–386.

Tytar V., DeKastle A. & Hammer M. Mountain Ghosts: Protecting Snow Leopards and other Animals of the Tien Shan Mountains of Kyrgyzstan, Biosphere Expeditions & NABU, 2017–2020. URL: https://www.biosphere-expeditions.org/reports#reports

Yatsenko S.A. General and special use of tamgas by the ancient people of Central Asia // Tamgas of pre-islamic Central Asia / Suleymanov, R.Kh. (ed.). Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 2019. P. 387–417.

ЭКСПОНАТ ЭВОЛЮЦИЯСЫ: КОНСЕРВАЦИЯ, РЕСТАВРАЦИЯ, МУЗЕЕФИКАЦИЯ МӘСЕЛЕЛЕРІ. АРХЕОЛОГИЯДАҒЫ БАҒДАРЛАМАЛЫҚ ҚЫЗМЕТ КӨРСЕТУЛЕР: ҚОЛДАНУ БОЙЫНША ҰСЫНЫСТАР

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКСПОНАТА: ВОПРОСЫ КОНСЕРВАЦИИ, РЕСТАВРАЦИИ, МУЗЕЕФИКАЦИИ. ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НА СЛУЖБЕ АРХЕОЛОГИИ: РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ

В.Ф. ЗАЙБЕРТ
К.К. АБИЛЬМАЛИКОВ
К.Ғ. ШАКШАКОВ
Ы.С. ҚҰРМАНИЯЗОВ
Ж.К. БАЯНОВА

Виктор Федорович Зайберт,
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
«Археология және Дала өркениеттері»
ғылыми-зерттеу институтының директоры,
Алматы қ., Қазақстан; zaibert_ku@mail.ru
Куаныш Кабдулович Абильмаликов,
«Ботай» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы
Солтүстік Қазақстан облысы, Қазақстан;
abilmalikov kuanysh@mail.ru
Куаныш Ғибадатұлы Шакшаков,
«Ботай» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы
Солтүстік Қазақстан облысы, Қазақстан;
rgkp.botai_museum@mail.ru
Ыслам Серікұлы Құрманиязов,
Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті,
Қызылорда қ., Қазақстан; yslam.kurmaniyazov@gmail.com
Жанар Колдасбаевна Баянова,
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
«Археология және Дала өркениеттері» ғылыми-зерттеу институты,
Алматы қ., Қазақстан; monti.zhanar@gmail.com

2021 жылғы БОТАЙ ҚОНЫСЫНДАҒЫ ҒЫЛЫМИ-ЭКСПЕРИМЕНТАЛДЫ ҮЙІНДЕГІ ҒЫЛЫМИ- ТӘЖІРИБЕЛІК ҚАЙТА ҚАЛПЫНА КЕЛТІРУ ЖҰМЫСТАРЫНЫҢ НЕГІЗГІ НӘТИЖЕЛЕРІ

Аннотация. Мақалада 2021 ж. «Ботай» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы аумағындағы ғылыми-эксперименталды тұрғын үй кешенінде жүргізілген реконструкциялық жұмыстар жайлы толық ақпарат беріліп отыр. 2019 ж. бой көтерген ғылыми-эксперименталды тұрғын үй кешенінде әр кезеңде жүргізілген зерттеу жұмыстарының нәтижелері қарастырылып, қазба жұмыстары барысында табылған ботайлықтардың өмір сүру салты мен дүниетанымы туралы мәліметтер алуға мүмкіндік беретін үйлердің орны мен артефактілер осы

© 2022 Зайберт В.Ф., Абильмаликов К.К., Шакшаков К.Ғ.,Құрманиязов Ы.С., Баянова Ж.К.

**Мақала Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігінің 2021–2023 жылдарға арналған ғылыми нысаналық қаржыландыру BR10162994 жобасы аясында шығарылды.*

ғылыми-эксперименталды тұрғын үй кешеніндегі безендіру жұмыстары барысында ескерілді. Ботай үйі кешенін ішкі безендіру барысында жергілікті шикізат пен жаңа заманауи құрылыс материалдары пайдаланылды. Солтүстік Қазақстан облысы Ботай қонысындағы ғылыми-эксперименталды үйі ашық аспан астындағы музейлендірудің алғашқы сатысы болып отыр.

Түйін сөздер: Солтүстік Қазақстан, энеолит кезеңі, Ботай, ғылыми-эксперименталды

Основные итоги научно-практической реконструкции научно-опытного жилища на поселении Ботай в 2021 г.

Аннотация. В статье представлена подробная информация о работах 2021 г. по реконструкции, выполнявшейся на территории государственного историко-культурного музея-заповедника «Ботай» и научно-экспериментального жилого комплекса. По результатам исследований, проведенных на каждой очереди возведения экспериментального жилого комплекса, построенного в 2019 г., проанализирована локализация найденных при раскопках артефактов, различные аспекты реконструируемого образа жизни и мировоззрения ботайцев. Во внутренней отделке научно-экспериментального жилища использованы местное сырье и новые современные строительные материалы. Возведение научно-экспериментального жилища на поселении Ботай в Северо-Казахстанской области является первым этапом музеефикации памятника.

Ключевые слова: Северный Казахстан, период энеолита, Ботай, научно-экспериментальный

The main results of scientific and practical reconstruction of the scientific-experimental house in Botay settlement in 2021

Abstract. The article provides detailed information about the reconstruction works carried out in 2021 on the territory of the state historical and cultural museum-reserve "Botay" and the scientific and experimental residential complex. Based on the results of research conducted at each stage of the construction of an experimental residential complex built in 2019, the localization of artifacts found during excavations, various aspects of the reconstructed lifestyle and worldview of the Botay people were analyzed. Local raw materials and new modern building materials were used in the interior decoration of the scientific and experimental dwelling. The construction of a scientific and experimental dwelling in the Botay settlement in the North Kazakhstan region is the first stage of the monument's museification.

Keywords: Northern Kazakhstan, Eneolithic, Botay, scientific and experimental

Ботай халықаралық археологиялық экспедициясының (жетекшісі В.Ф. Зайберт) 40 жыл бойғы үздіксіз жүргізілген зерттеу жұмыстарының барысында Ботай қонысынан өте бай археологиялық материал жиналды.Қазақ елінің ежелгі тарихына қатысты шетел ғалымдарының ғылыми ізденістері мен зерттеулері бірталай ғылыми жаңалықтар ашты. Ботай қонысында нағыз сәулетшілік тәсілдерменсалынған үйлердің орындары анықталды. Қазба жұмыстары нәтижесінде Ботай үйі құрылысы жайлы көптеген еңбектер қарастырылды және кішігірім ғылыми эксперминталды үйлер тұрғызылып, төзімділігіне сараптамалар жүргізілді. Ботай архитектурасына қатысты тұжырымдар пайда болды [Зайберт 1993: 15–20; 2009: 20; Зайберт и др. 2007: 45].

2019 ж. Ботай қонысында Ботай тұрғын үйінің ғылыми-эксперименталды кешені бой көтерген болатын (1–2-сур.). Бұл тұрғын үйі кешені 40 жылғы ізденістер мен қажырлы еңбектің арқасында қазіргі заманауи техникаларды пайдалана отырып, жауын-шашынға төзімді қылып Ботай қонысынан және табиғи қорғалатын қорықтан тысқары ескерткіштің қорғау аймағының сыртынан тұрғызылған. Құрылыс кезінде көп жылғы ізденістер барысында анықталған ботай үйлерінің стратиграфиясы және құрылыс қабаттары ескерілді.[Зайберт и др. 1983: 141–143; Зайберт 2018: 29–35].

Құрылыс жұмыстары барысында диаметрі 10 м, тереңдігі 1 м болатын шұңқыр қазылып, кіретін есігі шығысқа қарай қаратылды. Ботай үйін салу үшін 3–5 жыл бұрын кесілген ағаш бөренелер пайдаланылды. Бұл бөренелер арнайы кептіріліп, сырты қабықтарынан тазартылған. Үй қабырғаларына жаңа заманғы құрылыс материалдары цементтік блоктар, қалыңдығы 30 см болатын тастар қолданылды. Таңдалып алынған ботай үйінің жоспары сегіз бұрышты болып келген, жертетөленің қабырғаларының ұзындығы 80 см, кәдімгі жерден биікітігі 70 см. Бұл құрылыс Орта Азия мен Кавказ далаларында кеңінен тараған «Дарбаза» әдісімен салынды, яғни үйдің орталық тұсына бөрене қойылмай, бөренелер жатқызылып қойылып бүкіл ауырлық күш қабырғаларға қарай ауыстырлды. Құрылыс жұмыстары сәтті аяқталып ботай үйі ескерткіштің жанында бой көтерді. Тұрғызылған үй жа-

1-сур. Ботай қонысы, 2021 ж.

нына жылқы қамайтын қора соғылды [Зайберт 2020: 292–316; Gaunitz et al. 2018: 110–114].

2021–2023 жж. ҚР МСМ қаржыландыратын «Ботай қонысында археологиялық ғылыми-эксперементтік зерттеулер және қамтамсыз ету жүйелерін ботай мәдениеті тайпаларының дүниетанымдық-киелі контекстерін модельдеу» жобасы аясында Ботай қонысында археологиялық қазба жұмыстарымен қатар қайта қалпына келтіру шараларады жүргізілуде(3-сур.).

Ғылыми бағдарламаның 2021 ж. техникалық жоспарына сәйкес қайта қалпына келтіру жұмыстары жүргізілді:

1. Ботай тұрғын үйіндегі қайта құру жұмыстарының бірінші кезеңі-үйді дайындау және арнайы алынған жылқылардың 20 терісі дайындалып, олар тұзды ерітіндімен және мыс сульфатымен алғашқы өңдеуден өткізілді.

2. Бастапқы кезеңде тұрғын үйдің қабырғаларна ағаш бұтақтары және талдан жасалған тақтайша бекітілді, ол Ботай тұрғын үйін салудың қайта қалпына келтіру әдістеріне сәйкес жылқы көңімен араласқан сазбен сыланды (4-сур.).

3. Иман-Бұрлық өзенінің бойында өсетін жергілікті тал ағаш-өрме құрылымы тақтай үшін қолданылды. Ағаштан жасалған тақтайшаға 4 текше бұтақ дайындалды және өңделді. Батпақтың құрамы жергілікті ботай қызыл сазынан тұрады, 8 текше метр және 10 текше метр жылқы көңі әкелінді. Сондай-ақ, үйдің еденіне қамыс төселіп (гидрооқшаулағыш) жүргізілді. Содан кейін үйдің ішіне және кіре берісіне сазды сылақтың екінші рет жүргізілді. Үйдің жатын аймағықамыспен, содан кейін бір-бірімен байланған бұтақтармен және сазбен қапталды.

4. Саз балшықпен жылқы көңі араласқан еден үсті кепкен соң төсеніш қызметін атқаратын қолдан буылып жиналған қамыс қойылып,қабырғаларға жылқы терілері ілінді.

5. Ботай эксперименталды үйінің жанындағы жылқы қамайтын қораға өзен жағасынан әкелінген ағаш бұтақтары айналдыра байланды, үйге кіретін та-

2-сур. Ботай ғылыми эксперименталды тұрғын үйі, 2021 ж.

3-сур. Ботай ғылыми-эксперминталды тұрғын үйі жылуоқшалауға (теплоизоляцияға) дайындық жұмыстары

балдыры пен адам жүретін жолдарға тастар қаланды.

6. Үйдің сыртқы жағынан гидрооқшаулау үшін үйдің түбінде шымқабаты төселді. Бұл төселген шымқабат үйдің негізін ылғалдан жаңбыр суы мен қардан қорғайды.

Шымқабат төсеу процесі екі кезеңде өтті. Бірінші төсеудің кезеңі тамыз айының басында төселсе. Екінші кезең қосымша шымтезек қабаты төселіп арнайы ағаш бөренелермен тығыздалды. Шымқабат-50 м^2 ауданға төселді (5–6-сур.).

7. Жылу оқшаулау үшін үйдің бүкіл еденіне қызыл саз бен жылқы көңімен араласқан батпақ дайындалып төселді. Еденді төсеу алдында беті қамыспен, тал жапырақтарымен, бұтақтармен және өрілген төсеніштермен жабылып, еден арнайы кептірілді.

2021 ж. Ботай эксперименталды үйінде жасалған жұмыстар қатарында үйдің ішкі келбетін безендіру, оның ішіндегі гидрооқшаулау, жылу оқшаулау жергілікті шикізат пайдалана отырып жүргізілді. Бұдан сол заманғы ботайлықтардың тұрмыс тіршілігі, дүниетанымын осы қайта қалпына келтіру барысында байқауға болады. Археологиялық деректер бойынша ботайлықтардың ат ұстау өнерін үйдің қабырғаларына ілінген жылқы малының бас сүйектерінен, терілерінен көруге болады. Қазба жұмыстары барысында ботайлықтардың үйлерінен жылқы жануарының сүйектерінен басқа иттің сүйегінің кездесуі әсіресе оның табалдырықта жерленуі ғалымдарға өте қызықты болып отыр. Ит жануарының жерленуі әр халықта әр түрлі аңыз әңгемелер мен салт дәстүрлерінде кездеседі. Соның ішіндегі иттің аңшымен, үйге құт әкеледі деп немесе шамандық байланысы көп жазы-

лып жүр. Қазақ халқында ит жеті қазынаның бірі деп есептейді,ботайлықтарда итті қадыр тұтқанға ұқсайды. Осыны ескере отырып ғылыми эксперементалды ботай үйінде табалдырық жанынан 70×40 см болатын сөре жергілікті ағаш бұтақтарынан дайындалып, оған иттің анатомиялық сүйегі қойылды.

2021 ж. Ботай қонысындағы жұмыстар ауа-райының өте қиын жағдайларына (тұрақты жауын-шашын, жел, температураның төмендеуі) қарамастан жобаның техникалық жоспарында көрсетілген мақсаттар мен міндеттер орындалды. Эксперименттік ғылыми тұрғын үй кешені сәулет ғимаратының құрылысының безендіруі бойынша аяғына дейін жеткізілді.

Бүгінгі таңда бұл Ботай қонысы ғылыми-эксперименталды үйі Қазақстанның бірегей тарихи-мәдени объектісі болып табылады.

Ботай халықаралық археологиялық экспедициясының 2021 ж. Ботай қонысы мен Красный Яр қонысында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары нәтижесінде 300-ға жуық артефактілер алынды. Ботай музей қызметкерлері жоба аясында Қостанай облысы Амангелді, Жангелді аудандарында археологиялық барлау жұмыстарын жүргізіп, Торғай даласының энеолит дәуіріне тиесілі терсек мәдениетінің ескерткіштерін қатысты ескерткіштері зерттелді.

XX ғ. 70–80 жж. В.Н. Логвин ашып зерттеген Ағайдар, Құмкешу, Тоқанай тұрақтарына қайта барлау жұмыстары жүргізіліп [Логвин, Калиева 1986: 57–80; Калиева, Логвин 2017: 12–15] жаңадан Екпінді тұрағы ашылды. Зерттеудің мақсаты ботай мәдениеті мен терсек мәдениетінің ескерткіштерінің туыстық байланысын анықтау, салыстыру, анализ жасау болып табылады. 2021 ж. қазба жұмыстарынан және барлау жұмыстарынан алынған материалдар толық камералдық тәртіпке келтірілген-жуылған, шифрланған, сақтау үшін және Ботай қорық-мұражайының қорына тапсырылатын болады.

4-сур. Ботай ғылыми-эксперминталды тұрғын үйі қызыл саз бен жылқы көңі араласқан батпақ дайындау

5-сур. Ботай ғылыми-эксперминталды тұрғын үйі жылуоқшалау (теплоизоляция) жұмыстарынан кейінгі көрінісі

6-сур. Ботай ғылыми-эксперминталды тұрғын үйі гидрооқшаулау (гидроизоляция) жұмыстарынан кейінгі әуеден көрінісі

Бастапқы ғылыми типологиялық өңдеу ретінде 2021 ж. Ботай және бүкіл коллекциясын каталогтау бойынша үлкен жұмыс жүргізілді.

ӘДЕБИЕТ

Зайберт В.Ф. Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: Межвуз. сб. Челябинск: Изд-е Башкирского университета, 1985. С. 3–17.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Наука, 1993. 246 с.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы: «казак-парат», 2009. 566 с.

Зайберт В.Ф. Ботай. У истоков степной цивилизации. Книга-альбом. Алматы: Балауса, 2011. 480 с.

Зайберт В.Ф. Историко-культурное значение открытия и изучения ботайской культуры на современном этапе // Мәдениет. Культура. Culture. 2017. № 1–2. С. 59–66.

Зайберт В.Ф. Сакральные контексты ботайской культуры. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2018. 380 с.

Зайберт В.Ф. Ботай. Алматы: Балауса, 2020. 480 б. (қазақ, орыс ағылшын тілінде).

Зайберт В.Ф., Кисленко А.М., Иванов И.В. О реконструкции ботайских жилищ // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири: тез. докл. и сообщ. к науч. конф. (г. Барнаул, 6–8 апреля 1983 г.) / Отв. ред. Р.С. Васильевский.Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1983. С. 141–143.

Зайберт В.Ф., Тюлебаев А.Ж., Задорожный А.В., Кулаков Ю.В. Тайны древней степи. (Исследования поселения Ботай в 2004–2006 гг.). Коллективная монография. Кокшетау: Изд. Центр Кокшетауского ун-та, 2007. 163 с.

Калиева С., Логвин В.Н. Құмкешу 1 – қонысы терсек мәдениетінің бірегей ескерткіші. Астана: Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институтының баспа тобы, 2017. 320 б. (қазақша, орысша, ағылшынша).

Логвин В.Н., Калиева С.С. Терсекские памятники Тургайского прогиба // Древние культуры СевероногоПрикаспия: межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Куйбыш. гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева, 1986. С. 57–80.

Gaunitz Ch., Zaibert V.F., Hanghoj K., Alan K.Outram. Ancient genomes reveal the ancestry of modern domestic horses and the feral origins of Przewalski's horses // Science. 2018. Vol. 360, Issue 6384. P. 111–114.

Ә.Ә. ТӘЖЕКЕЕВ
Ж.К. СУЛТАНЖАНОВ
И.С. ҚҰРМАНИЯЗОВ
Л.С. БЕЙСЕМБАЕВА

Әзілхан Әуезханұлы Тәжекеев,
a.tazhekeyev@gmail.com,
Жетесби Канапияевич Султанжанов,
zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru,
Ыслам Серікұлы Құрманиязов,
Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті,
Қызылорда қ., Қазақстан;
egypet.993@mail.ru,
Ләззат Серікбайқызы Бейсембаева,
lazatka@bk.ru,
«Қазқайтажаңғырту» ШЖҚ республикалық
мемлекеттік кәсіпорны, Алматы қ., Қазақстан

2020–2021 жж. ЖАНКЕНТ және АЛТЫНАСАР ЕСКЕРТКІШТЕРІНДЕ ЖҮРГІЗІЛГЕН ҒЫЛЫМИ-ҚАЙТА ҚАЛПЫНА КЕЛТІРУ ЖҰМЫСТАРЫНЫҢ НӘТИЖЕЛЕРІ

Аннотация. Мақалада Сырдария өзенінің төменгі ағысында орналасқан Жанкент (Қызылорда обл., Қазалы ауд.) пен Алтынасар (Қызылорда обл., Қармақшы ауд.) ескерткіштеріндегі ғылыми-қалпына келтіру жұмыстарының нәтижелері көрсетілген. 2020–2021 жж. Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университетінің археология және этнография ғылыми орталығы қызметкерлері мен ҚР МСМ «Қазқайтажаңғырту» ШЖҚ мемлекеттік кәсіпорнының архитектор мамандары бірлескен экспедициясы Жанкент қалашығының шығыс қорған қабырғасында, цитадельдің солтүстік қорған қабырғасы мен мұнараларында; Алтынасар қалашығының керуен сарайы (бес бұрышты қамал) мен дөңгелек пішінді қамалында қайта қалпына келтіру жұмыстарын жүргізді. Жанкент пен Алтынасарда қолданылған кезеңімен ұйымдастырылған қайта қалпына келтіру әдісі ондаған жылдар бойы Қазақстан Республикасының басқа да тарихи-мәдени ескерткіштерін, соның ішінде Отырар, Сауран, Сығанақ қалашықтарын қалпына келтіру барысында сәтті қолданылып келеді. Бұл әдіс ескерткіштердің архитектуралық құрылымдарының жақсы сақталғанын қамтамасыз ете отырып, өзінің тиімділігін көрсетуде.

Түйін сөздер: Сырдарияның төменгі ағысы, Жанкент, Алтынасар, реконструкция, қайта қалпына келтіру

Итоги научно-реставрационных работ на памятниках Жанкент и Алтынасар в 2020–2021 гг.

Аннотация. В статье представлены результаты научно-реставрационных работ, проведенных на памятниках низовьев Сырдарьи – Жанкент (Кызылординская обл., Казалинский р-н) и Алтынасар (Кызылординская обл., Кармакшинский р-н). В 2020–2021 гг. совместной экспедицией Научного центра археологии и этнографии Кызылординского университета им. Коркыт Ата и специалистов-архитекторов РГП на ПХВ «Казреставрация» МКС РК были проведены реставрационные работы: на восточной крепостной стене городища и северной крепостной цитадели Жанкента; на караван-сарае (пятиугольная крепость) и круглой крепости городища Алтынасар. Поэтапный метод реставрации, использованный на Жанкенте и Алтынасаре, уже несколько десятилетий успешно применяется при реставрации памятников истории и культуры Казахстана, в том числена городищах Отрар, Сауран, Сыганак. Такой метод показывает свою эффективность, демонстрируя хорошую сохранность архитектурных конструкции памятников.

Ключевые слова: низовья р. Сырдарьи, Жанкент, Алтынасар, реконструкция, реставрация

Results of scientific-restoration works on the sites of Zhankent and Altynasar in 2020-2021

Abstract. The article presents the results of scientific-restoration work on the sıtes of Zhankent and Altynasar, located in the lower reaches of the Syr Darya River (in the Kazaly and Karmakshy districts of the Kyzylorda region).

© 2022 Тәжекеев Ә.Ә., Султанжанов Ж.К., Құрманиязов И.С., Бейсембаева Л.С.

In 2020–2021, a joint expedition of employees of the Scientific Center for Archaeology and Ethnography of the Korkyt Ata Kyzylorda University and specialists-architects of the RSE to the REM "Kazrestoration" of the MCS RK carried out restoration work: on the eastern fortress wall of town and the northern fortress citadel of Zhankent; on the caravanserai (pentagonal fortress) and the round fortress of the Altynasar town. The phased restoration method used in Zhankent and Altynasar has been successfully used for several decades in the restoration of historical and cultural sites of the Republic of Kazakhstan, including the towns of Otrar, Sauran, Syganak. This method shows its effectiveness, demonstrating the good preservation of the architectural structures of the sites.

Keywords: Lower Syr Darya River, Zhankent, Altynasar, reconstruction, restoration

Қазіргі уақытта Жанкент пен Алтынасар ескерткіштерінің зерттеу тарихы толықтай қарастырылған еңбектер жеткілікті. Бұл қалашықтардағы жаңа зерттеулердің нәтижелері де жыл сайын жарияланып жүр. Сол себепті зерттелу тарихына тоқталудың қажеттілігі жоқ деп есептейміз [Левина 1996; ҚР тарихи-мәдени... 2011; Аржанцева 2013; Комплексные исследования... 2014; Аржанцева и др. 2018; Arzhantseva, Gorshenina 2018; Harke et al. 2020; Harudaet al. 2020; Аржанцева 2020].

Жанкент қалашығы Сырдария өзенінің төменгі ағысында орналасқан оғыз кезеңінің ескерткіші. Оның қирандылары Қызылорда облысы, Қазалы ауданы, Жанкент ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 1,5 км жерде орналасқан (1-сур.). Қалашықтың пішіні төртбұрышқа жақын («Т» әрпіне ұқсас), жалпы ауданы 16 гектарға жуық. Қалашық жарты шеңберлі мұнаралары бар пахсадан тұрғызылған қабырғалармен қоршалған. Шығыс қабырғасы жақсы сақталған, оның ортасында екі тірек мұнарасы бар қақпасы орналасқан. Аэрофотосуреттерден көрініп тұрғандай, қала орталық көше арқылы бірдей екі бөлікке бөлінеді. Көшенің екі жағында шахристан, ал солтүстік-батыс бөлігінде көлемі 110×110 м цитаделі бар.

Соңғы жылдары, Жанкентте қазба жұмыстарымен қатар уақытша тұмшалау, қайта қалпына келтіру және реконструкция жұмыстары қолға алынғанын атап өту қажет. Сол жұмыстарға қысқаша тоқталайық.

Бүгінде Жанкенттің екі қазба нысаны темір және ағаш материалдардан құралған жабындымен жабылған және бұл жауын-шашыннан қорғау әдісі архитектуралық құрылыстардың жақсы сақталуын қамтамасыз етіп, өзінің тиімдігілін көрсетуде.

№ 1 қазба нысаны – ескерткіштің шығысында орналасқан тұрғын-үй кешенінде үш бөлмеден тұратын тұрғын үйге реконстуркция жұмыстары жүргізілді. Тұрғын үйдің ең үлкен бөлмесінің қабырғалары каркасты үй тұрғызу техникасы[1] арқылы тұрғызылды. Сыртынан үш

1-сур. Жанкент және Алтынасар ескерткіштерінің орналасу картасы

[1]*Каркас – Арал мен Қазалы аудандары тұрғындарының жергілікті үй тұрғызу техникасы болып табылады. Бұл техника бойынша үйдің қаңқасы ағашпен тұрғызылып, олардың аралары пашынмен өріледі. Сыртынан бірінші сазды лай – «қарабатпақ», сосын екінші қабат болып сабанмен араластырылған топан сыланады*

2-сур. Жанкент қалашығының шығыс қабырғасында жүргізілген ғылыми-қайта қалпына келтіру жұмыстары кезең бойынша: 1 – шығыс қабырғаның қайта қалпына келтіруге дейінгі көрінісі; 2 – 6 учаскедегі контрфорс көрінісі; 3 – қабырғаны сылау барысы; 4 – шығыс қабырғаның қайта қалпына келтірілгеннен кейінгі көрінісі

қабат сылақпен сыланды: біріншісі, «қарабатпақ» – сазды еріту арқылы дайындалатын сылақ; екіншісі – сабанмен араластырылған саз-топырақ сылақ; үшіншісі – күріш кебегімен араластырылған сылақ. Бөлменің төбесі пашындарды бір-біріне қосып өру арқылы жабылды және бөлменің ортасына ағашпен жасалған терезе орналастырылды. Негізінде Орталық Азия мен Қазақстан халықтарының этнографиясы бойынша осы халықтардың көп ғасырлық тарихи-мәдени байланыстарын көрсететін материалдар жинақталды. Белгілі бір шаруашылық қызметпен айналысатын «әке, шеше және бала» жанұясының мүсіндері тұрғын-үйге орналастырылды. Мүсіндер эпоксидті шайырдан жасалған.

Осылайша, профилактикалық тұмшалау, одан кейін тұрғын үй-жайларды ғылыми түрде қайта құру, қайта құрылған отбасы бірлігін көрсету арқылы жергілікті тұрғындарға Жанкент қаласының тұрғындарының тұрмыстық өмірін толығырақ елестетуге мүмкіндік береді. Дегенмен, археологиялық нысанға туристер мен тарих әуесқойларын тартудағы бар оң тәжірибе қазіргі уақытта жүйелі түрде пайдаланылмай келеді. Жанкент қалашығын музейлендіру бойынша жүйелі жұмысты жалғастыру қажет, бұл оны сақтап, тиімді пайдалануға ғана емес, сонымен қатар оны облыстың брендіне айналдыруға мүмкіндік береді [Тажекеев и др. 2020а; 2020б; 2021].

Осы мақсатта Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университетінің археология және этнография ғылыми орталығының археологтары мен ҚР МСМ «Қазқайтажаңғырту» мемлекеттік кәсіпорнының реставратор, архитектор мамандары бірлескен экспедиция Жанкент қалашығында қайта қалпына келтіру жұмыстарын жүргізді. 2020 ж. Жанкент қалашығында екі нысан қарастырылды.

1) Ескерткіштің шығыс қабырғасы (орталық қақпадан оңтүстікке қарай бөлігі). Бұл бөлікте қабырғалар-

1

2

3

4

3-сур. Жанкент қалашығы. Цитадельдің солтүстік қабырғасы мен мұнараларына жүргізілген тұмшалау жұмыстары:
1 – қабырға мен мұнаралардың қайта қалпына келтіруге дейінгі көрінісі; 2 – қабырға мен мұнараларды тазалау барысы;
3 – қабырға мен мұнараларды сылау барысы; 4 – қабырға мен мұнаралардың қайта қалпына келтірілгеннен кейінгі көрінісі

4-сур. Алтынасар қалашығы. Керуен сарай нысанында жүргізілген ғылыми-қайта қалпына келтіру жұмыстары кезең бойынша:
1 – керуен сарайдың қалпына келтіруге дейінгі көрінісі; 2 – тастан құралған түбірін бекіндеу;
3–4 – керуен сарайдың қалпына келтірілгеннен кейінгі көрінісі

дың көп бөлігі жауын-шашын әсерінен құлап, езілу үстінде. Қабырғалардың сақталған бөліктері төбе түрінде ғана қалған. Осы аумақта қайта қалпына келтіру жұмыстарына жалпы 12 нысан белгіленді (2-сур.). Атап өту қажет, 2019 ж. қабырғаның орталық қақпадан солтүстікке қарай бөлігінде «Қазқайтажаңғырту» кәсіпорнының Қызылорда облыстық филиалы жүргізген болатын.

2) Цитадельдің солтүстік қабырғасы мен мұнараларында археологиялық тазалау мен тұмшалау жұмыстары жүрді (3-сур.). Қазір уақытта цитадельдің солтүстік қорған қабырғасы мен оның бес мұнарасы, батыс қабырғасынан бір мұнара орны ашылды. Жалпы қабырғаның ұзындығы 100 м құрайды. Соның ішінде мұнаралардың диаметрлері 6–7 м, ал мұнара араларының арақышықтығы – 15–16 м. Қазба барысында мұнаралардың кейінгі жерлеу құрылыстары әсерінен бүлінгені белгілі болып, олардың орны тазаланып, қайта жабылды. Әрі қарай қабырға мен мұнаралары бірінші сабан араластырылған саз-топырақ сылағымен, екінші, кебек араластырылған сазды ерітіндідегі сылақпен сыланды. Болашақта бұл нысанда қабырғалар мен мұнараларды көтеру жұмыстары жоспарлануда.

Алтынасар қалашығы (№ 3 Жетіасар) Қызылорда облысы, Қармақшы ауданы, Жосалы кентінен оңтүстікке қарай 54 шақырым жерде орналасқан (1-сур.). Ескерткішті 1948, 1958 жж. С.П. Толстовтың жетекшілігімен ХАЭЭ-сы ашып, зерттеген. 1978–1986 жж. Хорезм экспедициясының қызметкерлері (С.Б. Болелов пен А.Н. Гертман) қазба жұмыстарын жүргізді. 2005 ж. Шірікрабат археологиялық экспедициясы географиялық координаттарын анықтап, суретке түсірді.

Қамал пішіні трапеция тәрізді, ауданы 17,4 га, кешен төрт қамалдан тұрады, олар әр кезеңде салынып, белгілі уақытта бір фортификациялық жүйеге біріктірілген.

Ескерткіш төрт құрылыстан: үлкен үй, кіші үй, керуен сарай, дөңгелек қамалдан тұрады.

Үлкен үй дөңгелек немесе сопақ пішінді екі қабатты төбеге өте ұқсас. Ішіндегі ең көнесі болып қалашықтың солтүстік-шығыс бұрышында орналасқан «кіші үй» мен оның екінші алаңы саналады. Орталық дөңгелек алаңның диаметрі – 48 м, сақталған биіктігі – 12 м. Бірқатар фактілер қамалдың б.д.д. I мыңж. ортасында тіршілік еткендігін дәлелдеп отыр. Бірнеше ғасырдан кейін «үлкен үй» салынған, алғашында ол екі қабаттан төмен болмаған. Жоғарғы алаңының өлшемдері 165×165 м, биіктігі – 15 м. Б.д. I мыңж. ортасында кешеннің солтүстік-батыс бұрышына қамал салынған, қабырғаларында (сақталған биіктігі 5 м шамасында) атыс ойығы, ол дұрыс дөңгелек пішінді, диаметрі 50 м. Алтынасар қамалдарының ең соңғысы бесбұрыш пішінді қамал салынады. Ауданы 800 м^2 болып келген ол «үлкен үйдің» екінші алаңының мәдени қабатына тұрғызылған. Бұл қалашықтың қорғаныс қабырғалары шаршы пішінді қам кесектерден (көлемдері 37–40×37–40×7–9 см) тұрғызылған, кіреберісі екі жақ қапталды және бұрыштық мұнаралармен күшейтілген, биіктігі – 7 м. Алынған материалдар ескерткішті Жетіасар мәдениетінің II және III кезеңдеріне жатқызуға мүмкіндік береді [Толстов 1958; 1962; Левина 1996].

Алтынасар қалашығында қайта қалпына келтіру жұмыстары 2020 ж. басталып, екі далалық маусымда екі нысанда жұмыстар жүрді.

1) 2020 ж. Керуен сарай нысаны қайта қалпына келтірілді. Жалпы керуен сарай бес бұрышты пішінді келеді. Алдыңғы қақпасының сақталған биіктігі 6–8 м. Нысанның артқы бөлігі нашар сақталған, қабырғалары бұзылып, биіктігі кішкене төбе түрінде ғана сақталған (4-сур.).

2) 2021 ж. экспедиция мүшелерімен дөңгелек пішінді қамал қайта қалпына келтірілді (5-сур.). Қамалдың диаметрі – 51 м, қабырғалардың қалыңдығы – 2,5 м, сақталған биіктігі шамамен 4,5–5 м-ді құрайды. Бұл қамалдың да қабырғалары бұзылып төбе ретінде сақталған. Қабырғалардың сақталу деңгейіне балаңысты қайта қалпына келтіру жұмыстарына 4 нысан белгіленді. Атап өту қажет, «Қазқайтажаңғырту» кәсіпорнының мамандары 2020 ж. жүргізген талдау жұмыстарында дөңгелек пішінде қамалда қайта қалпына келтіру жұмыстарына 5 нысан белгіленген болатын. Дегенмен, 2021 ж. жұмыстарды жүргізуге келгенде 5-ші нысан толығымен бұзылып, сақталмай қалған.

Ескерткіштердің сақталу жағдайын сараптау жұмыстары негізінде Жанкент пен Алтынасар қалашықтарында зақымданудың ортақ белгілері бар екені анықталды. Оларға: эрозия процестерінен бекініс қабырғаларының негізінің бұзылуы; жоғарғы жазық горизонталь учаскелерде сайлардың пайда болуы, тік жазықтықтардың бұзылуы; ірі фрагменттердің қабырғадан бөлінуі – атмосфералық және антропогендік факторлардың әсерінен пахса блоктары арасындағы байланыстың бұзылуы, жарықтардың пайда болуы, жарықтардың кеңеюі; өсімдіктердің өсуі, өсімдіктердің тамыр жүйесінің кері әсері жатады.

5-сур. Алтынасар қалашығы. Дөңгелек қамалда жүргізілген ғылыми-қайта қалпына келтіру жұмыстары кезең бойынша: 1 – қамалдың қалпына келтіруге дейінгі көрінісі; 2 – 2 учаскедегі контрфорс; 3 – қабырғаны сылау барысы; 4 – қамалдың қалпына келтірілгеннен кейінгі көрінісі

Осы белгілеріне орай, жоғарыда аталған нысандардың барлығында қайта қалпына келтіру жұмыстары бірдей әдіспен жүргізілді:

1. Қабырғалардың негізін сыртқы және ішкі бөлігінен тазалау.

2. Беткі қабатты тығыздау.

3. Тас жаю арқылы қабырғаның негізін бекіту. Тас іргетасы, біріншіден, ұлғайтылған нығыздалған аймақты құру үшін, екіншіден, іргетасқа қысымды төмендету үшін, үшіншіден, жер асты суларының консервация құрылымына капиллярлық сорылуын болдырмау үшін қолданылады. Тығыздалған қабаттың үстіне тас қойылады. Олардың ішіндегі кернеулерді жою үшін тастар тиісті өлшемдерде болуы керек (ені кемінде 50 см және қалыңдығы 6 см артық емес).

4. Қабырғалардың биіктігі 2 метрден асқан жағдайда ағаштан бекіту құрылғысын дайындау.

5. Қабырғалардың жұмыс бөліктерін ағаш байламдармен нығайту – ескі және жаңа қабырғаның байланысын нығайту үшін диаметрі 10 см, аралығы 0,5 м қадаммен ағаш тақтайлар салу. Бекіткіштер қаңқа қабырғаларындағы тозған тауашаларды толтыру үшін тас негіздің үстіне орнатылады. Жұмыс процесінде құрылыс материалы (шикі кірпіш және саз ерітіндісі) материалды жақсырақ жабыстыру үшін суға малынған болуы керек. Алдын ала нығайтылған бетті әлсіз жабысатын фрагменттерден тазалау жұмыстары жүрді.

6. Қабырғаның төменгі бөлігін өру – сазды ерітіндіге 40×20×10 см саз кірпіш дайындау. Осы мақсатта жергілікті топырақты пайдалану арқылы 7000–10000 аралығында саз кесектер дайындалды.

7. Алаңның жоғарғы бөлігіндегі апаттық қабырғаны сазды ерітіндіге дайындалған көлемі 40×20×10 см саз кірпішпен қаптау.

8. Сабанды қосу арқылы жаңа қабырғаны саздытопырақ сылақпен сылау.

9. Күріш қабығы бар сазды ерітіндімен қабырғаларды екінші рет сылау.

10. Эрозия барысында пайда болған шұңқырларды толтыру. Егер шұңқырдың диаметрі 15 см-ден үлкен болса қою сазды лаймен, ал егер кем болса сұйық сазды лаймен толтыру.

11. Қабырғаның үстіңгі бөлігін қою сазды ерітіндімен жабу.

12. Ақпараттық тақтайшалар орнату жұмыстары атқарылды.

Осылайша, соңғы жылдары қолға алынған Жанкент пен Алтынасар қалашықтарында жүргізілген қайта қалпына келтіру жұмыстары аталмыш ескерткіштердің сақталу мерзімін ұзартуға, сол арқылы тарихи бейнесін сақтап қалуға септігін тигізіп жатыр. Бұл бағыттағы жұмыстар еліміздің басқа өңірлеріндегі археологиялық ескерткіштерінде де жүргізілуде. Мысалы, Отырар, Сауран, Түркістан, Сығанақ және т. б. қалашықтарды атауға болады. Сырдарияның төменгі асығы бойында архитектуралық құрылыстары бар қалалардың 100-ден аса бар екенін ескерсек, қайта қалпына келтіру бағытындағы жұмыстарды жүйелі түрде жүргізуді қолға алу қажет.

ӘДЕБИЕТ

Аржанцева И.А. Имперская археология и археологические империи: Советская Хорезмская археологическая экспедиция // Этнографическое обозрение. № 4. 2013. С. 80–106.

Аржанцева И.А. Начальный этап работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Казахстане (архивные материалы 1946–1951 гг.) // Маргулановские чтения–2020: м-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 1. С. 67–80.

Аржанцева И.А., Болелов С.Б., Тажекеев А.А. Хорезм экспедициясының Сыр өңіріндегі зерттулерінің тарихы. История исследований Хорезмской экспедиции на землях Сыра. Ч. 1. / Отв. ред. М.Б. Лейбов. М.; Кызылорда: ОЛЕАБУК баспасы, 2018. 312 б.

Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011–2014 гг.) / Сост.: И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев. Алматы: Изд-во «Арыс», 2014. 320 с.

Қазақстан Республикасының тарихи-мәдени ескерткіштерінің жинағы. Қызылорда облысы. Алматы: Аруна, 2011. 504 б.

Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Назаров А.Ж. Полевая консервация и укрепление сырцовых памятников в Приаралье // Маргулановские чтения–2020: м-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в свете археологических и междислинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 1. С. 211–218.

Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Назаров А.Ж. Опыт консервации и музеефикации городища Джанкент: проблемы и перспективы // Маргулановские чтения–2021: м-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября, 2021 г.). В 3-х тт./ Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Т.Б. Мамиров, Б.А. Байтанаев. Алматы:Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. Т. 3. С. 125–131.

Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Султанжанов Ж.К.Организация охранной зоны и консервационные работы на городище Джанкент // Археология Казахстана. № 1 (7). 2020. С. 88–97.

Arzhantseva I., Gorshenina S. The Patrimonial Project of Dzhankent.Constructing a National Symbol in the longue duree.Ancient civilizations from Scythia to Siberia 24 (2018).P. 467–532.

Harke H., Arzhantseva I.A., Tazhekeev A.A., Bronnikova M., Modin I.N., Panin A.V. Interdisciplinary fieldwork at Jankent: Exploring early medieval urbanization on the lower Syrdarya. Margulan readings – 2020: proceedings of the international scientific practical conference “Great Steppe in the light of archaeological and interdisciplinary research” (Almaty, September 17–18, 2020). Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2020. Vol. 1.P. 219–229.

Haruda A.f., Ventresca Miller A.R., Paijmans J.L.A., Barlow A., Tazhekeyev A., Bilalov S., Hesse Y., Preick M., King T., Thomas R., Harke, H., Arzhantseva I. The earliest domestic cat on the Silk Road. Scientific Reports. 10:11241. 2020.doi:10.1038/s41598-020-67798-6.

М.А. РЕУТОВА

Марина Аркадьевна Реутова,
mreutova@gmail.com,
Национальный центр археологии Академии наук РУз,
Самаркандский Институт археологии,
г. Самарканд, Узбекистан

РЕСТАВРАЦИЯ УНИКАЛЬНЫХ НАХОДОК РЕЗНОГО ОБУГЛЕННОГО ДЕРЕВА из КАФЫРКАЛЫ

Аннотация. Описана методика полевой консервации обугленного резного дерева из древнего памятника Кафыркала (VII–VIII вв. н.э.). Консервация обуглившегося дерева – процесс специфический, требующий специального подхода. Методика обработки вытекает из характера и состояния найденных предметов, которые без закрепления на месте невозможно извлечь из завала. Вместо традиционного закрепления с использованием кипящего парафина поверхность обугленного дерева обработана растворами Paraloid B-66. Фрагменты декора смонтированы на специальные панели, отлитые из композиционной смеси на основе опилок и эпоксидного клея. Реставрация и монтирование обугленного резного дерева из Кафыркалы позволило сохранить этот уникальный памятник согдийского изобразительного искусства, выполнить графическую реконструкцию архитектурного декора тронного зала загородной резиденции самаркандских правителей, подготовить материал к экспозиции. Сюжеты композиций на панно и арке имеют культовый характер, связанный с великой богиней Наной – богиней плодородия и материнства.

Ключевые слова: Согд, реставрация, консервация, обугленное дерево, полимеры

Кафырқаладан алынған ерекше табылым өртенген оймышты ағашты реставрациялау

Аннотация. Қафырқала ежелгі ескерткішінен (б.д. VII–VIII ғғ.) алынған өртенген оймышты ағашты далалық консервациялау әдістері сипатталған. Өртенген ағашты сақтау – бұл ерекше тәсілді қажет ететін арнайы процес. Өңдеу әдісі табылған заттардың сипаты мен жағдайынан туындайды, оларды орнында бекітпей шығару мүмкін емес. Қайнаған парафинді қолданатын дәстүрлі бекітудің орнына, өртенген ағаштың беті Paraloid B-66 ерітінділерімен өңделді. Өрнек фрагменттері үгінділер мен эпоксидті желім негізіндегі композициялық қоспадан құйылған арнайы панельдерге орнатылды. Кафырқаладан табылған өртенген оймышты ағашты реставрациялау және бекіту соғдылық бейнелеу өнерінің осы бірегей ескерткішін сақтауға, Самарқанд билеушілерінің ел резиденциясының тақ бөлмесінің архитектуралық безендірілуіне графикалық реконструкция жүргізуге және көрмеге арналған материал дайындауға мүмкіндік берді. Панно мен аркадағы композициялардың сюжеті ұрпақ жалғастыру мен ана болудың ұлы құдайы Нанамен байланысты культтік сипатқа ие.

Түйін сөздер: Соғды, реставрация, консервация, өртенген ағаш, полимерлер

Restoration of unique finds of carved charred wood from Kafyrkala

Abstract. The technique of field conservation of charred carved wood from the ancient Kafyrkala site (7th–8th centuries AD) is described. Preservation of a charred tree is a specific process that requires a special approach. The processing method follows from the nature and condition of the found objects, which cannot be removed from the rubble without fixing in place. Instead of the traditional fixing using boiling paraffin, the surface of the charred wood was treated with Paraloid B-66 solutions. Decor fragments were mounted on special panels cast from a composite mixture based on sawdust and epoxy glue. Restoration and installation of charred carved wood from Kafyrkala made it possible to preserve this unique monument of Sogdian fine art, to carry out a graphic reconstruction of the architectural decor of the throne room of the country residence of the Samarkand rulers, and to prepare the material for the exhibition. The themes of the compositions on the panel and the arch have a cult character associated with the great goddess of fertility and motherhood Nana.

Keywords: Sogd, restoration, conservation, charred wood, polymers

Находки резного обугленного дерева при археологических раскопках – явление довольно редкое. На территории Узбекистана небольшие фрагменты были обнаружены на памятнике Талиссортепе (изображение Будды), Афрасиабе (кариатида) и Джумалактепа (голова персонажа). Наиболее широко известно рез-

© 2022 Реутова М.А.

Рис. 1. Кафыркала. Панно в раскопе

Рис. 2. Кафыркала. Тыльная сторона фрагмента панно

ное дерево из Пенджикента и Шахристана, которое выставлено в экспозиции Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург) и музея древностей (Душанбе). Отдельные фрагменты встречены при раскопках в Казахстане и Киргизии. Поэтому обнаружение крупных образцов резного обугленного дерева на раннесредневековом памятнике Кафыркала можно считать большим открытием для археологии Центральной Азии.

Интенсивное археологическое исследование памятника Кафыркала, расположенного в 18 км к юго-востоку от Самарканда, началось в 2001 г. сначала сотрудниками узбекско-итальянской экспедиции, а с 2013 г. – узбекско-японской экспедиции Института археологии Академии наук Республики Узбекистан. При раскопках цитадели был выявлен парадно-монументальный комплекс, богато украшенный росписями и деревянными деталями. Однако цитадель была разрушена сильным пожаром, который случился здесь, как предполагают исследователи, в период между 712 и 738 гг. [Бердимурадов и др. 2018: 11].

В результате раскопок обнаружены прокаленные и покрытые сажей фрагменты расписной штукатурки, а также куски обугленных деревянных балок и досок. В 2017 г. при изучении одного из помещений, которое, по-видимому, было небольшим тронным залом, обнаружены крупные части декора из резного обугленного дерева. Доска, арка, панно находились на полу помещения, аккуратно лежащими друг на друге. Поскольку комплекс погиб в результате мощного пожара, резной декор сгорел и был засыпан упавшим перекрытием. Обрушившаяся кровля и верхние части сырцовых стен как бы законсервировали фрагменты дерева, которые в таком состоянии пролежали века. Именно благодаря тому, что дерево сгорело – оно и сохранилось, хотя обычно древесина, фиксируемая в ходе раскопок, находится в истлевшем состоянии. Полевая расчистка показала, что довольно хорошо сохранились резное панно размером 141×124 см, арка размером 289×53 см, одна доска (вертикальная часть арки) размером 121×56 см и восемь палок с резным орнаментом. На них уцелели погрудные изображения фигурок персонажей.

Консервация обуглившегося дерева – процесс специфический, требующий специального подхода. Методика обработки вытекает из характера и состояния найденных предметов, которые без закрепления на месте невозможно было бы извлечь из завала.

Существует несколько способов консервации резного обугленного дерева. Один из них – с использованием кипящего парафина, которым заливают очищенный от лесса обугленный фрагмент. Этот способ хорош для предметов, имеющих значительную толщину и большие размеры. Он был использован при консервации резного обугленного дерева из Талиссортепа и Афрасиаба, Пенджикента и Шахристана (Таджикистан), городища Куйруктобе, кургана Таксай I (Казахстан) [Костров 1959: 177; Новикова 1977: 157–161; Чарлина и др. 2004: 254–255; Алтынбеков 2014: 88–89].

Второй способ – применение для закрепления изделия жидкого мономера бутилметакрилата (БМА), содержащего 1% катализатора (перекиси бензоила). Предмет помещают в ванну с мономером и выдерживают в ней от 40 до 60 часов. После того как резное обугленное дерево пропитается мономером БМА, проводится его полимеризация в термостате при температуре 90–106 градусов Цельсия. Такой способ закрепления можно использовать исключительно для небольших фрагментов обугленного дерева [Гаген и др. 1972: 82].

Третий способ консервации – с использованием растворов полибутилметакрилата в ацетоне. Раствор акрилата небольшой концентрации хорошо проникает в пористую структуру дерева, повышая его прочность.

Обугленное дерево – это особый тип археологического материала, это дерево, сгоревшее без доступа воздуха. Первоначальная структура древесины полностью разрушилась, и мы имеем хрупкие пористые угольки. В нашем случае полностью сохранились форма предметов и художественная резьба.

В процессе разборки завала тронного зала первой была обнаружена часть арки. Но дальнейшая расчистка показала, что на ней лежит панно, поэтому расчистку арки прекратили и начали расчистку лежащего выше панно (рис. 1).

Перед открытием фрагментов обугленного дерева рабочая поверхность защищалась от солнечных лучей зонтами, создававшими глубокую тень. Известно, что под воздействием ярких солнечных лучей начинается интенсивное испарение влаги, выдувание из трещин лесса, вызывающих процесс рассыпания угля, что может привести к безвозвратной утрате уникального творения древнего мастера, и потому удаление лёсса завала с поверхности фрагментов проводили на малых участках. Полевая расчистка панно, включавшая в себя удаление больших лёссовых налепов, кусков обожженной штукатурки и частей крупных углей от обуглившихся балок, показала, что оно очень тонкое; толщина резной доски колебалась от 0,4 до 1,0 см. Учи-

Рис. 3. Кафыркала. Фрагмент арки до реставрации

Рис. 4. Кафыркала. Фрагмент арки после реставрации

тывая такую толщину предмета, мы решили проводить консервацию с использованием растворов Paraloid B-66. Расчистку проводили небольшими участками, после которой каждый участок тут же пропитывался 10%-ным раствором акрилата в растворителе В-646. Он не такой летучий, как ацетон, и поэтому глубже проникает в обугленное дерево. Когда фрагмент был полностью расчищен и закреплен, наиболее разрушенные его места и утолщенные края заливались кипящим парафином для более прочного закрепления результата.

В процессе расчистки панно стало видно, что оно состоит из двух досок шириной 74 и 46 см, соединенных между собой железными скобами с мощными гвоздями длиной 15 см, загнутыми на тыльной стороне (рис. 2). Срезы на гвоздях, которые пришлось сделать для того, чтобы снять скобы при обработке оборотной стороны показали, что железо было хорошего качества. Его середина некорродирована. Однако скрепление досок было сделано не совсем деликатно: в одном месте гвозди пробили шею персонажа, на втором соединении они были вбиты в голову. Доски на панно были соединены четырьмя скобами.

Второй этап полевой консервации – это извлечение предметов из завалов. В целях сохранности панно извлекать его целиком было опасно по причине большой площади предмета и наличия металлических скоб. Поэтому было принято решение разрезать его на три части в наименее значимых местах, учитывая находящиеся в глубине дерева железные скобы.

Закрепленную лицевую сторону фрагментов проклеивали марлей на мучном клее с антисептиком. Предварительно по размеру каждого куска изготавливали щиты из фанеры. Подготовленный щит укладывался на фрагмент. Свободные полоски марли кнопками прикрепляли к рейкам щита. Таким образом, фрагмент обугленного дерева прочно был прикреплен к щиту и не мог соскользнуть с него при извлечении из завала. Последним этапом было отделение фрагмента от завала и его снятие. Под фрагменты делались подкопы сначала ножом, а затем длинной стамеской. Как видно из рис. 2, дерево с тыльной стороны равномерно обгоревшее, видна скоба, соединяющая доски.

Затем была проведена расчистка арки, которая также состояла из нескольких досок, скрепленных скобами как на плоскости, так и на боковой верхней поверхности валика, окаймляющего арку. Используя вышеприведенную технологию, были сняты все фрагменты резного обугленного дерева. Панно было раз-

Рис. 5. Кафыркала. Панель для монтирования фрагмента

делено на три части. Арка также была снята тремя кусками: два из них – с сохранившейся резьбой, третий кусок – разрушенная часть. Доска была извлечена целиком. Отдельно были сняты восемь резных палок, лежавших непосредственно на полу помещения. Снятые фрагменты были упакованы и перевезены в лабораторию реставрации для камеральной обработки. Тыльная сторона фрагментов очищалась от земли, закреплялась кипящим парафином и заклеивалась марлей.

В лабораторных условиях проводили окончательную расчистку резной поверхности от остатков лесса, пленки полимера и мучного клея, на котором была приклеена марлевая заклейка при извлечении фрагментов из завала. Для расчистки использовали смесь ацетона, загущенного целлюлозой (KlugelG). Этим составом последовательно покрывались участки поверхности фрагментов обугленного дерева. Для уменьшения скорости испарения состава поверхность прикрыли полиэтиленовой пленкой. Через 10 минут смесь удаляли скальпелем, при этом к нему прилипали консервант, остатки парафина и частички лесса. Иногда обработку пришлось повторять два или три раза в зависимости от степени загрязнения. Остатки мучного клея также размягчались и удалялись вместе с желеобразной смесью. Легко удалялся уже раскрепленный лесс из трещин на поверхности панно. После механического удаления загустителя расчищаемая поверхность покрывалась слоем фильтровальной бумаги и сверху кистью обильно пропитывалась ацетоном. На бумагу с поверхности фрагмента приклеивались частички лесса и неудаленная очищающая масса (рис. 3; 4).

Часто фрагменты обугленного дерева имеют деформации: смещение по уровню, по рисунку, сквозные трещины. В лаборатории, когда деревянный фрагмент уже закреплен и с ним можно работать не торопясь, эти деформации возможно выровнять. Для мастиковки трещин и утрат используется мастика из толченого угля и обессоленного просеянного лесса в соотношении 1:1.

Последний этап работы – монтировка обугленного резного дерева на стационарную основу. Это придает дополнительную прочность и позволяет экспонировать отреставрированные деревянные предметы вертикально. Для монтировки впервые была применена литая основа из деревянных опилок и эпоксидного клея (совместная работа с реставратором из Лувра). Предварительно тыльная сторона каждого фрагмента была оцифрована 3D-сканером. В лаборатории Лувра на каждый фрагмент была сделана панель, лицевая сторона которой являлась как бы негативом поверхности тыльной стороны соответствующего фрагмента (рис. 5). С тыльной стороны была снята профилактическая заклейка марлей и заменена на стекловолокно. Скрепление деревянного панно с монтировочной основой производится при помощи состава из 35%-ного раствора акрилата на ацетоне.

Окончательная расчистка фрагментов декора тронного зала позволила детально выявить резьбу и прочитать сюжет. На панно изображена композиция из 46 персонажей, размещенных в четыре яруса. В центре композиции на троне в виде лежащего льва изображена фигура богини Наны, которая весьма почиталась в раннесредневековом Согде. Божество связано с плодородием животного и растительного мира, материнством. Это прекрасная женщина, молодая, статная, весьма сильная, одетая в царскую одежду. Такой она изображена на наших находках. Согласно канонам изобразительного искусства, ее размеры вдвое больше остальных персонажей композиции – она занимает центральную часть двух верхних ярусов (рис. 6). Богиня сидит величественно, держа в левой руке древко с лентами, в правой – какой-то предмет типа жезла. На голове ее корона с крыльями и небольшим диском надо лбом. На шее богатое украшение в виде гривны.

На всех остальных ярусах изображены мужские фигуры, одетые в костюмы древних согдийцев. На поясах некоторых персонажей висят кинжалы. Ноги обуты в мягкие сапоги. В руках изображенных людей подарки богине: переносные алтари, курильницы, сосуды и подносы из драгоценного металла, венки и другие предметы, предназначение которых еще придется определить.

На левой части третьего яруса изображен ансамбль профессиональных музыкантов, которые, следуя традициям, сопровождают ритуал. В руках музыкантов различные инструменты, которые были популярны в раннесредневековом Согде: угловая арфа, лютня-уд, многоствольная флейта, рожок.

Большинство персонажей четвертого яруса показаны коленнопреклоненными. В центре яруса изображен алтарь. Персонаж, стоящий слева от алтаря, подсыпает в его чашу какое-то вещество. Другие «действующие лица» держат в своих руках драгоценные сосуды и переносные алтари. В целом, как предполагают ученые, на панно, возможно изображено празднование Навруза и чествование великой богини Наны [Богомолов, Бердимурадов 2019: 75–78].

Рис. 6. Кафыркала. Центральная часть панно

Резная арка украшала внутреннюю часть входа в аудиенц-зал. На сохранившейся части также изображена сцена поклонения богине Нане. Она сидит на троне из двух львов. Сама богиня четырехрукая. В двух верхних руках она держит луну и солнце (рука с солнцем утрачена). В нижней правой руке находится жезл, левая опущена на колено, придерживая складки платья. Вокруг головы изображен нимб с языками пламени. К богине с двух сторон идут персонажи с дарами. Поверхность арки с верхней и нижней стороны окаймлена выпуклым бордюром с изящным чешуйчатым орнаментом, имитирующим гирлянду.

Доска является продолжением вертикальной части арки. С одной стороны она окаймлена валиком с чешуйчатым орнаментом. На плоскости в четыре ряда сохранились изображения знатных особ с дарами. В нижнем ряду – две коленопреклоненные фигуры с драгоценными сосудами в руках. На остальных трех рядах изображено по три персонажа, несущих дары.

После проведения расчистки поверхности фрагментов резного дерева М. Султановой была сделана прорисовка сюжета. Проведенная реставрация обугленного резного дерева из Кафыркалы позволила сохранить этот уникальный памятник согдийского изобразительного искусства, изучить сюжеты, изображенные на обугленных досках, выполнить графическую реконструкцию архитектурного декора тронного зала загородной резиденции самаркандских правителей VII – начала VIII в. и подготовить материал для экспозиции в музее.

ЛИТЕРАТУРА

Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана. Алматы: EvoPress, 2014. 360 с.

Бердимурадов А.А., Богомолов Г.И., Бегматов А., Такао У. Уникальные находки с городища Кафыркала // Фан ва Турмуш. 2018. № 1, 2. С. 8–11.

Богомолов Г.И., Бердимурадов А.Э. Музыканты Согда (по материалам Кафыркалы) // Археология Узбекистана. 2019. № 2 (19). С. 75–88.

Гаген Л., Герасимова Н., Шейнина Е. Закрепление резного обуглившегося дерева // Сообщения ГосЭрмитажа. 1972. Т. XXXV. С. 80–83.

Костров П.И. Исследование, опыт реконструкции и консервации живописи и скульптуры древнего Пенджикента // Скульптура и живопись Древнего Пенджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 141–182.

Новикова Л.П. Реставрация резного панно из Шахристана // Художественное наследие. 1977. № 3 (33). С. 157–161.

Чарлина Л.Ф., Дубровская Л.В., Куземцева Р.В. Древние материалы памятников истории и культуры: опыт консервации в Казахстане // Сохранение и развитие историко-культурной среды в природных и городских условиях современной Центральной Азии: сб. науч. ст. междунар. научно-практ. конф. / Отв. ред. А.Б. Конусбаев, И.М. Азимов, М.М. Алдунгаров (г. Алматы, 11–12 мая 2004 г.). Алматы: РНИПИ ПМК, 2004. С. 253–264.

М.З. МУСАХАНОВА
Ж.М. МУСАХАНОВА

Мадина Зульпухаровна Мусаханова,
Казахская национальная
академия искусств им. Т.К. Жургенова,
г. Алматы, Казахстан; mussahanova@mail.ru
Жанель Мухтарбековна Мусаханова,
Казахстанский институт менеджмента,
экономики и прогнозирования,
г. Алматы, Казахстан; zhanel1990@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РЕСТАВРАЦИИ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ КАЗАХСТАНА

Аннотация. Статья посвящена вопросам реставрации музейных коллекций археологического происхождения из металла, керамики, дерева и текстиля. Для того чтобы обеспечить физическую сохранность фондов в музейных условиях, необходим комплекс мер, поддерживающих, с одной стороны, стабильность предметов, с другой стороны – оптимальные условия окружающей среды. Как особые направления работы по хранению выделяются консервация и реставрация музейных предметов.

Ключевые слова: музей, реставрация, консервация, центр реставрации, культурное наследие

Қазақстанның музейлік коллекциясын реставрациялаудың ерекшеліктері

Аннотация. Мақала археологиялық табылымдар металдан, керамикадан, ағаштан және тоқымадан жасалған музейлік коллецияны реставрациялау мәселесіне арналған. Музейдегі қорларды физикалық сақталуын қамтамасыз еті үшін кешенді шаралар қажет, бір жағынан заттың тұрақтылығы, ал келесі жағы қоршаған ортасының жағдайын жасау. Сақтау жұмыстары бойынша ерекше бағыт ретінде музей заттарын консервациялау және реставрациялау ерекшеленеді.

Түйін сөздер: музей, реставрация, консервация, реставрациялау орталығы, мәдени мұра

Features of restoration of museum collections in Kazakhstan

Abstract. The article deals with the restoration of museum collections of archaeological origin from metal, ceramics, wood and textiles. In order to ensure the physical preservation of collections in museum conditions, a set of measures is needed to maintain, on the one hand, the stability of the objects and, on the other hand, optimal environmental conditions. Conservation and restoration of museum objects are special areas of conservation work.

Keywords: museum, restoration, conservation, restoration centre, cultural heritage

Успешное развитие археологических работ способствует накоплению большого количества археологических экспонатов в музейных фондах. Поэтому проблемы, связанные с хранением, консервацией и реставрацией археологического наследия, являются актуальными и требуют к себе постоянного внимания.

В реставрационных мастерских крупных музеев Казахстана ведется большая работа по сохранению культурного наследия на основе глубокого научного подхода к вопросам консервации и реставрации музейных ценностей. Консервация – деятельность, направленная на обеспечение длительной сохранности музейных предметов. Консервация предполагает устранение причин разрушения музейных предметов, укрепление их материалов и ослабевшей структуры, снятие деформирующих и технических вредных налетов. Задачи консервации включают также определение норм освещенности предмета и температурно-влажностного режима его хранения и экспонирования [Арапова и др. 1986: 70]. Реставрация – одно из направлений музейной деятельности, имеющее целью сохранение музейных предметов, устранение их повреждений и восстановление первоначального вида [Арапова и др. 1986: 108].

Музейные предметы, особенно археологические, нуждаются в немедленной стабилизации. Поэтому не-

© 2022 Мусаханова М.З., Мусаханова Ж.М.

обходимые консервационные мероприятия проводятся уже в поле. Задача полевой консервации – сохранить предмет с момента изъятия из культурного слоя до прибытия в реставрационную лабораторию, придать им химическую стойкость и механическую прочность. Лабораторная консервация заключается в установлении правильного режима хранения вещей. Загрязнения на предметах: грунт, смешанный с жировыми наслоениями, продуктами коррозии, органическими веществами. Для расчистки предметов используются мягкие кисти, щетки, ножи и т. д. [Степанова 2018: 21].

Следует отметить особенности реставрации экспонатов, найденных во время археологических экспедиций, имеющих уникальную и историческую ценность. Изначально производится детальный осмотр и описание степени сохранности, выявляется первоначальный вид, определяется история процесса изменения состояния экспоната. На основании результатов химических, физических и биологических исследований устанавливается причина и характер разрушения. Кроме того, реставратор должен учитывать научные интересы археологов и сделать все возможное, чтобы обработка и консервация не помешали дальнейшему изучению вещевого материала как полноценного исторического источника [Mussakhanova 2018: 166].

Методы реставрации и консервации археологического и этнографического металла можно разделить на три группы:

– методы удаления поверхностных наслоений;
– методы стабилизации;
– методы консервации.

Каждую группу методов, в свою очередь, можно разделить на несколько видов реставрационной обработки в зависимости от целей и задач реставрации, а также исходя из применяемых материалов, инструментов и оборудования. Выстраивать стратегию реставрации и выбирать тот или иной метод реставрационной обработки следует только после всестороннего изучения состояния сохранности памятника [Буршнева 2019: 31].

Данные методы успешно используются в Центре реставрации Центрального государственного музея Республики Казахстан. Некоторые находки, по состоянию сохранности не выдерживающие реставрационных мероприятий, консервируются. Это комплекс временных мер по обеспечению физико-механической целостности археологических находок. Он включает в себя расчистку поверхности, укрепление и стабилизацию материала в необходимом объеме, упаковку и размещение в хранилище. Реставратор, учитывая климатические и почвенные условия на местах обнаружения материала, обработку и консервацию производит только по методикам, разработанным специалистами. К примеру, наконечник стрелы был подвергнут окислению, покрыт ржавчиной, патиной, разного рода наслоениями; общее сильное загрязнение, деформация. Поверхность экспоната была обеспылена, очищена от ржавчины. Сняты окисление, патина, обработана трилоном Б и промыта дистиллированной водой. Таким образом, экспонат был сохранен от дальнейшего разрушения основы [Мусаханова 2018: 166].

На реставрацию поступает также археологическая керамика, которая состоит из множественных деталей и фрагментов. Из-за неполного объема фрагментов не всегда удается восстановить первозданный вид экспоната. Реставратором керамики проводятся следующие виды работ: очистка, обессоливание, дезинфекция, укрепление, грунтовка, выполнение и отделка объемных восполнений, различные способы тонировок, изготовление приспособлений монтажного и конструктивного укрепления керамических изделий. Главной целью является максимальное выявление оригинальных, сохранившихся частей при явной узнаваемости привнесенных дополнений.

Следует учитывать, что керамические изделия разнообразны, и основное для реставратора – это разделение их на два вида: с пористым черепком и плотным. В зависимости от этого и строится процедура реставрации. Реставрироваться может не только керамика, но и изделия из глины, высушенные на солнце или обожженные при температуре ниже 600°С. Кроме того, поступающая на реставрацию керамика имеет разрушения, которые могут быть связаны с предысторией экспоната, или разрушения, вызванные неудовлетворительными условиями хранения в музее. Это могут быть поверхностные загрязнения: земля, пыль, солевые наслоения, копоть, пек (сгоревшие продукты питания). Также на поверхности керамики могут находиться записи красящими составами, различного вида пятна (жировые, ржавые), старые клеевые наслоения, различные смолы (олифа, битум, деготь, мазут, вар и др.).

Также керамические изделия могут находиться в разрушенном виде. Керамика может быть испорчена при производстве, когда нарушается технология ее изготовления, результатом этого являются трещины, взбугривание, утраты росписи, расслаивания. При хранении из-за резкой смены температуры и влажности на керамике могут появиться трещины, расслаивание, крошение, растрескивание и отслаивание глазури. При повышенной влажности под глазурью возможно появ-

ление темных пятен, это результат проникновения микроорганизмов. В силу разных причин керамика может иметь механические повреждения: предметы разбиты, имеют утраты, выбоины, царапины, сколы [Кимеева и др. 2009: 90].

При реставрации изделий из дерева реставраторы не заменяют основу древесины, если только она не слишком поражена древесными жучками. Когда утрачена деталь конструкции экспоната, возникает вопрос о ее восстановлении. При этом восстановленная утрата должна точно соответствовать оригиналу и выполняться в материале подлинника. В реставрации экспонатов из дерева используются казеиновый клей, клей марок ПВА (поливинилацетатная эмульсия), столярный клей, шеллак, масляный лак, воск [Мусаханова 2018: 166].

Консервация археологической древесины в сравнении с сухой древесиной музейных экспонатов имеет свои специфические особенности и требует применения специальных технологий и материалов. Прежде всего, это связано с тем, что археологическая древесина, пролежавшая в культурном слое или в воде в течение столетий, не является уже собственно древесиной, так как в ней происходят значительные химические и структурные изменения [Отчет... 2014: 3].

Следует отметить, что сильным разрушениям подвержены предметы из органических материалов, например, текстиль. Выделяются различные виды текстиля:

– полностью из одного материала;

– выполненные из волокон растительного и животного происхождения;

– с применением металлизированных нитей.

Текстиль из волокон животного происхождения и растительных волокон подвержен разным видам разрушений. Лен, конопля и другие растительные волокна разрушаются быстро, особенно в почве. Их находки при археологических раскопках очень редки. Разрушение шерсти и шелка происходит под воздействием окружающей среды, микроорганизмов, грибов и т. п., а также старения. В зависимости от условий ткани могут быть очень сухими, утратившими пластичность, или влажными – из влажного городского слоя. В первом случае ткань может крошиться, во втором – размазываться в руках. Встречаются такие виды текстильных остатков, как фрагменты, полностью или частично сохраняющие форму изделия и структуру волокон; спрессованные с грунтом остатки; минерализованные отпечатки на предметах, сохраняющие характер переплетения текстиля.

Методы, применяемые в реставрации текстиля, должны быть максимально обратимыми. При необходимости должна быть возможность отделить дублировочные материалы от оригинала. Важно сохранять физические свойства текстиля и восстанавливать их, если они утрачены.

Процесс реставрации текстиля состоит из следующих этапов:

– изучение сохранности предмета;

– первичная обработка, включающая первичную очистку;

– определение методики заключительного этапа реставрации;

– дублирование (наклейка на новую основу);

– реконструкция, включающая восполнение утраченных частей.

В число реставрационных мероприятий входят:

– восстановление гигроскопичности, эластичности, прочности текстиля;

– нанесение защитного слоя, изолирующего ткань от соприкосновения с окружающей воздушной средой;

– очистка от поверхностных и внутренних загрязнений;

– восстановление целостности изделий;

– наклейка на новую основу.

Для предотвращения развития микроорганизмов, плесневых грибов предметы из текстиля подвергаются антисептированию [Степанова 2018: 29].

Текстиль требует тщательной фиксации. В дальнейшем ткань подвергается очистке и пластификации. Фрагменты текстиля, сохранившиеся на металлических предметах, пропитываются укрепляющим раствором. Для этого применяются растворы, клеи, создающие поверхностную пленку. Закрепление волокна, образование защитной пленки и наклейку можно производить одновременно или раздельно в зависимости от качества тканей.

В реставрации текстиля применяются универсальные вещества (клейстеры), которые выполняют сразу несколько функций:

1) закрепление структуры волокна;

2) образование защитного поверхностного слоя;

3) приклеивание ткани к новой основе [Степанова 2018: 30].

В Центре консервации и реставрации Национального музея РК в г. Нур-Султане работают реставраторы по следующим видам материалов: ткани и ковровойлочных изделий, книг, бумаги, живописи, предметов из дерева, кожи, кости. Так, например, Турсункуль Жайлаубаева имеет дело с одеждой легендарных лич-

ностей в истории Казахстана более 30 лет. Она участвовала во второй реставрации «Золотого человека», в восстановлении убранства «Сакского вождя», «Пазырыкской девы», чапанов Абылай-хана и Казыбек-бия, множества скифских тканевых и кожаных изделий [Мусаханова 2019: 35].

Основателем и руководителем научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» является художник-реставратор Крым Алтынбеков. Под его руководством в мастерской работают высококвалифицированные специалисты, имеющие уникальный опыт в области реставрации. Лаборатория занимается научной реставрацией, консервацией и полной реконструкцией археологических находок и других памятников культуры. Здесь разрабатываются новые способы и методы реставрации, чтобы сохранить и донести до наших дней культурное наследие.

Отдельным направлением является научная реконструкция археологических объектов, древней одежды, костюма, вооружения, конского снаряжения и других компонентов, результаты которой успешно экспонируются на выставках в крупнейших музеях мира – в Австрии, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Вьетнаме, Германии, Китае, России, США, Украине, Чехии и в других странах, что служит формированию положительного имиджа независимого Казахстана. В числе наиболее известных работ «Острова Крым» – знаменитые реконструкции костюма «Золотого человека», «Собирательного образа сакского воина», «Сарматского вождя», «Берельских коней», «Воина по материалам могильника Талды 2», «Сарматской жрицы из комплекса Таксай I» и др.

Отечественные реставраторы добились успехов благодаря уникальной методике восстановления дерева и текстиля, которую казахстанские ученые сами изобрели и запатентовали. Крым Алтынбеков утверждает: «Благодаря этой уникальной методике мы смогли сохранить органические артефакты, которые очень быстро подвергаются разрушению. Наша технология оправдала себя, и сейчас с полной уверенностью можно сказать, что она отработана. Этой технологией мы делимся с коллегами из других стран. Это не коммерческий проект, чтобы извлекать из него прибыль. Мы на это по-другому смотрим. Археологические находки появляются в мире не так часто, поэтому мы просто помогаем их сохранить. Любые памятники истории принадлежат всему человечеству» [Мусаханова 2019: 36].

Таким образом, от сохранения культурного наследия как необходимой гуманистической акции в жизни современного общества зависит представление мирового сообщества о Казахстане как о стране, наследующей древнюю и самобытную историю и культуру.

ЛИТЕРАТУРА

Арапова Л.И., Годунова Л.Н., Лупало И.Г., Фомин В.Н., Шумная Т.Г. Терминологические проблемы музееведения: сб. науч. тр. сб. / Отв. ред. Т.Г. Шумная. М.: Изд-во Центр музея революции СССР, 1986. 134, [2] с.

Буршнева С.Г. Реставрация археологических и этнографических предметов из железа: Учебно-методическое пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. 88 с.

Кимеева Т.И., Окунева И.В. Основы консервации и реставрации археологических и этнографических музейных предметов. Кемерово: КемГУКИ, 2009. 252 с.

Mussakhanova M. Role of Restoration in Preserving Cultural Heritage Objects of Museums in Kazakhstan // Сохранение культурного наследия. Исследования и реставрация: м-лы II междунар. конф. в рамках V междунар. культурного форума (г. СПб., 1–3 декабря 2016 г.) / Сост. Ю.Г. Бобров. СПб.: Институт им. И.Е. Репина, 2018. С. 162–168.

Мусаханова М.З. Вклад реставраторов Казахстана в сохранение культурного наследия // Сохранение памятников изобразительного искусства и культуры. Исследования и реставрация: м-лы III междунар. науч.-практ. конф. в рамках VII Санкт-Петербургского междунар. культурного форума (г. СПб., 16–20 ноября 2018 г.) / Науч. ред. Ю.Г. Бобров; сост. А.И. Шаманькова. СПб.: Чистый лист, 2019. С. 32–37.

Отчет о НИР по теме «Разработка научно-методических основ консервации крупногабаритных археологических объектов из дерева». М.: ГосНИИР, 2014. 71 с.

Степанова Ю.В. Основы реставрации: Учебное пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. 56 с.

Михаил Александрович Антонов,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан; archaeology@live.ru

ИЗМЕРЕНИЕ ОБЪЕМА и ЦЕНТРА МАСС СИММЕТРИЧНЫХ СОСУДОВ с ПОМОЩЬЮ БЕСПЛАТНОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (САПР) МЕТОДОМ ПОСТРОЕНИЯ ТЕЛА ВРАЩЕНИЯ*

Аннотация. В данной статье автор, опираясь на свой опыт, кратко описывает возможности бесплатного программного обеспечения. И в виде инструкции более подробно описывает методы его использования для построения трехмерной модели сосуда и расчета его объема.

Ключевые слова: керамические сосуды, программное обеспечение, трехмерное моделирование, анализ, расчет объема

Тегін бағдарламалық қамтамасыз етудің көмегімен айналу құрылымы әдісімен симметриялы ыдыстың көлемі мен ортасын өлшеу

Аннотация. Берілген мақалада автор, өз тәжірибесіне сүйене отырып, тегін бағдарламалық қамтамасыз етудің мүмкіндіктерін қысқаша баяндайды. Және нұсқаулық түрінде ыдыстың үшөлшемді үлгісін құру мен оның көлемін анықтау үшін бағдарламаны пайдалану әдістерін толығырақ баяндайды.

Түйін сөздер: қыш ыдыстар, бағдарламалық қамтамасыз ету, үшөлшемдік үлгі, талдау, көлемді анықтау

Measurement of the volume and center of mass of symmetrical vessels using free software (CAD) by the method of constructing a body of rotation

Abstract. In this article, the author, based on his experience, briefly describes the possibilities of free software. And in the form of an instruction, he describes in more detail the methods of using it to build a three-dimensional model of a vessel and calculate its volume.

Keywords: ceramic vessels, software, 3D modeling, analysis, volume calculation

Для определения объемов керамической посуды существуют методы математических расчетов, которые зачастую подробно представлены в работах различных авторов [Генинг 1992: 53; Водолажская 2020: 47–59]. Важно отметить то, что многие методы, включая те, что описывает автор данной статьи, могут иметь погрешности, связанные с различными факторами. Самым лучшим вариантом является получение трехмерной модели, к примеру, методом фотограмметрии или лазерного сканирования, и, конечно же, методы эмпирического исследования. Однако по ряду причин такие методы могут быть невыполнимы.

Далее в тексте представлены подробные инструкции по использованию различного программного обеспечения (далее – ПО) для расчета объема сосудов. Другие виды анализа рассматриваются не в каждом случае, но они тоже могут оказаться полезными. На момент написания статьи большинство из представленного ниже ПО, доступного на веб-сайтах разработчиков, позволяет делать не только анализы, но также производить визуализацию объекта (рендеринг), что может пригодиться при работах, нацеленных на создание реконструкции внешнего вида сосуда.

Для начала необходимо подготовить чертеж; если его нет в цифровом варианте, то необходимо его сканировать или же конвертировать в растр (если чертеж векторный). Можно обрезать его в графическом редакторе так, чтобы линия сечения (или разреза) находилась точно по центру растрового изображения – это не обязательно, но в некоторых случаях облегчит работу.

© 2022 Антонов М.А.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта OR11465466.*

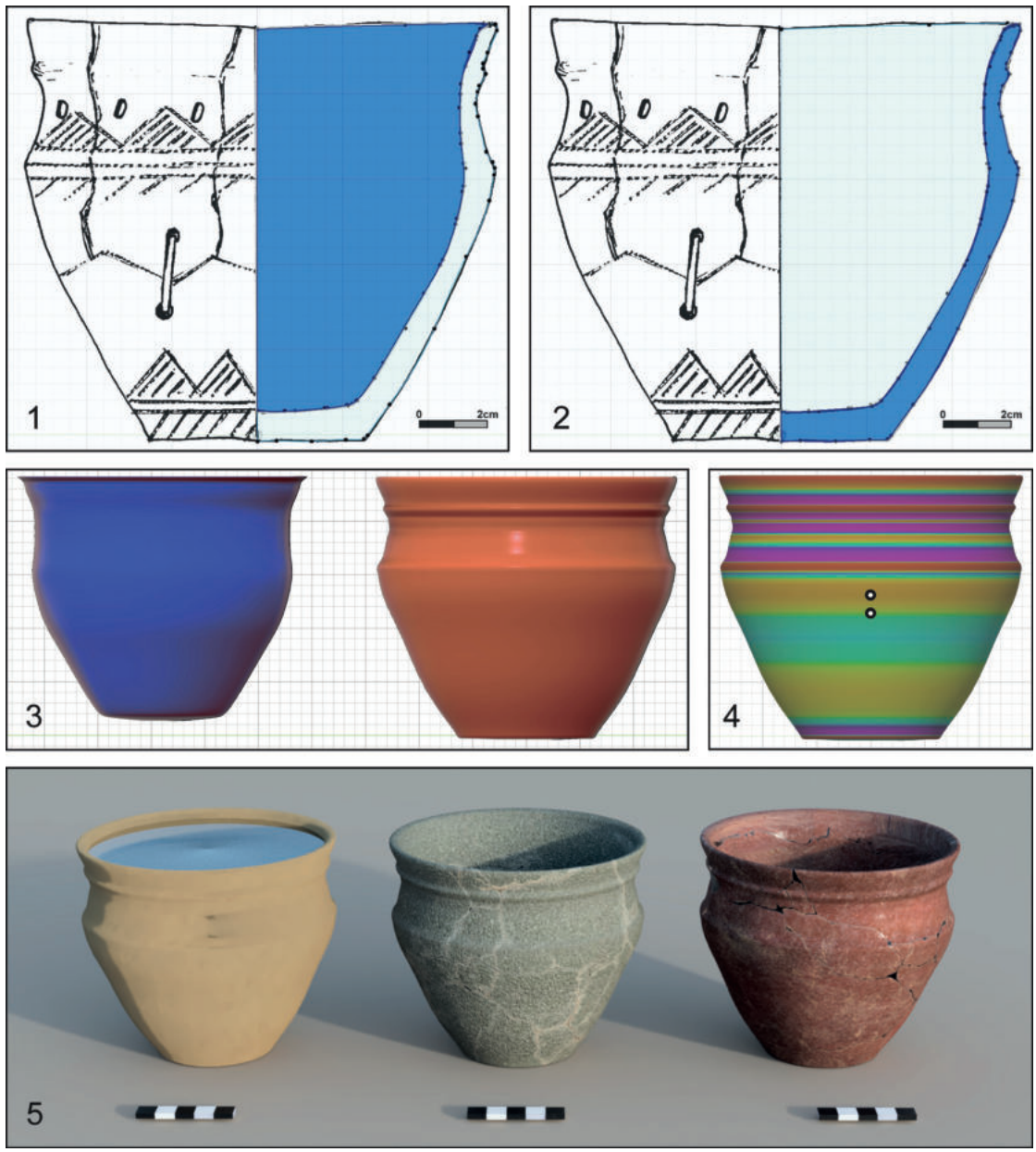

Рис. 1. Работы с трехмерной моделью керамического сосуда в САПР Autodesk Fusion 360: 1 – обрисовка внутреннего контура сосуда; 2 – обрисовка контура разреза стенок; 3 – трехмерные объекты (тело вращения): границы внутренней поверхности и тело сосуда; 4 – примеры анализа: кривизна поверхности и центр масс (нижний маркер пустой сосуд, верхний заполненный водой); 5 – пример визуализации сосуда

У разных ПО поддерживаемые форматы растров иногда отличаются. Также важно помнить, что результаты расчета объема опираются на качество выполненного чертежа и замеров в процессе его создания.

Рассматриваемое автором ПО (версии: AutodeskFusion 360: 2.0.12157, Solvespace: 3.0, FreeCAD: 0.19.3, Blender: v3.0.1) до момента публикации статьи может получить обновление, которое возможно изменить, добавить или исключить какие-либо функции. Также названия каких-либо операций, инструментов, панелей может быть изменено. Что касается бесплатных версий продаваемого ПО, то могут быть добавлены или исключены какие-либо ограничения. Сам список ПО в рамках статьи выложен в случайном порядке, и его преимущества и какие-либо недостатки вкратце описываются перед инструкциями. Также стоит отметить, что описываемые автором данной публикации минусы и плюсы ПО, несмотря на старания автора, могут быть субъективны.

Autodesk Fusion 360. Поддерживает операционные системы Windows и MacOS. Это коммерческий продукт, но есть в наличии и бесплатная (Personal, hobbyuse) версия. У программы Fusion 360 множество возможностей, но есть и свои минусы: интерфейс редактирования материала не совсем интуитивный. Сохранение проектов по умолчанию происходит на вебресурсе и ограничено 10 файлами, для сохранения на компьютере необходимо каждый раз использовать EXPORT в меню File (формат *.f3d). Открывать через FILE > Open > Open from my computer или обычным щелчком мыши по файлу проекта, хранящегося в папке на локальном компьютере.

Как образец чертежа использованы иллюстрации из публикации [Снитковская, Усманова 2019: 81, рис. 4, 1].

1. Используем рабочее пространство (workspace) "Dising", меню Solid.

Рекомендации: множество операций не срабатывают, пока не закрыто всплывающее окно предыдущего действия или меню, которое зачастую свернуто.

2. Создаем новый проект File>NewDESIGN (или Ctl+N).

3. Выбираем вид сверху ("Top").

4. Через INSERT>Canvas выбираем растровый чертеж, нажав "Insert from computer" (в любом из форматов PNG, JPG, TIF).

5. Щелкаем мышью по выделенной области и в появившемся меню "Canvas" жмем ОК.

6. В обозревателе (BROWSER) программы выделяем Canvases > "имя" загруженного изображения, щелкаем правой кнопкой мыши (далее ПКМ) и выбираем "Calibrate".

7. Нажатием левой кнопкой мыши (далее ЛКМ) отмечаем две точки известного расстояния на чертеже (в данном случае это мерная линейка).

8. Вводим известный размер, жмем ENTER.

9. В обозревателе (BROWSER) выделяем чертеж и через нажатия ПКМ выбираем "Edit Canvas".

10. С помощью появившихся стрелок (или же вводимыми цифрами) перемещаем чертеж так, чтобы нижняя часть донца прилегала к оси Y (необязательно), а центральная линия разреза к оси Z (желательно). Также можно вращать чертеж, если линия сечения (или разреза) не симметрична оси Z.

11. Теперь наш чертеж в масштабе 1:1 и готов для дальнейших работ. Сохраняем файл и начинаем обрисовку контура. Если создается 3D модель сосуда, то контур обрисовывается по разрезу стенок сосуда (рис. 2); если нам необходимо узнать объем сосуда, то контур обрисовывается по границам внутренней поверхности (рис. 1, 1).

12. В меню "Создать" (Create) выбираем "Создать эскиз" (Create Scetch) и ЛКМ, указываем плоскость, в которой находится чертеж.

13. В открывшимся меню выберем инструмент "Сплайн" (Fit point spline).

14. Обрисовываем контур, не замыкая его по линии сечения (или разреза), по завершении нажмите ENTER).

Рекомендации: по умолчанию при рисовании линии точки залипают к сетке, и линия зачастую получается не такая плавная. Залипание может пригодиться в начале и конце контура, основную часть обрисовки делаем, удерживая клавишу Ctrl, или же можно отключить залипание в навигационной панели (gridandsnap – в нижней части экрана). Также рекомендуется делать больше точек на участках крутых поворотов линии.

15. Выбираем инструмент "линия" (Line) и замыкаем обрисованный контур на линии сечения (или разреза) сосуда (если замыкание прошло успешно, то произойдет прозрачная заливка контура).

16. Нажимаем "Закончить эскиз" (Finish Scetch).

17. Теперь создание модели методом вращения. Выделяем заливку обрисованного контура ЛКМ, наружный или внутренний (заполняемой пространство,

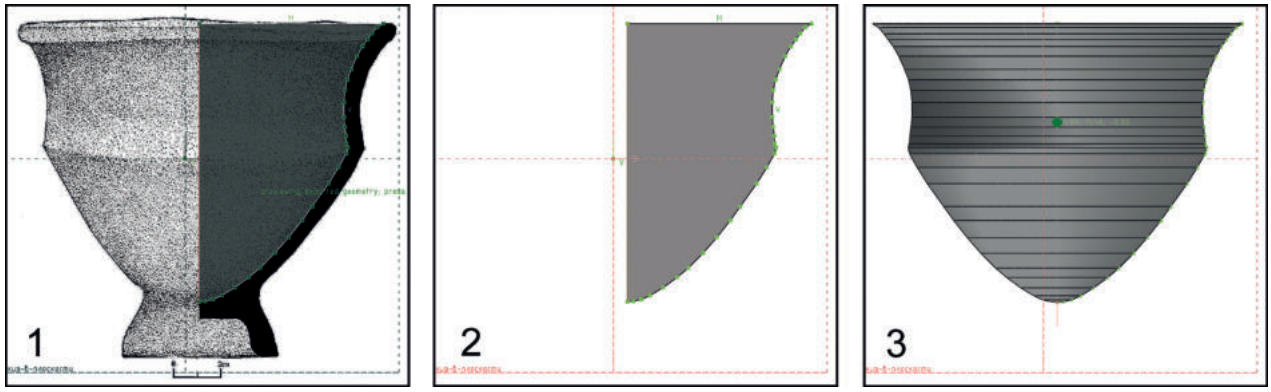

Рис. 2. Работы с трехмерной моделью керамического сосуда в САПР Solvespace: 1 – обрисовка внутреннего контура сосуда; 2 –полученный контур границ внутренней поверхности сосуда; 3 – трехмерный объект (тело вращения): границы внутренней поверхности и ее рассчитанный центр масс

с помощью которого будет высчитан объем) по мере надобности (рис. 1, 2).

18. В меню "CREATE" выбираем "Revolve".

19. Выбираем ось Z, в появившемся окне жмем ОК или просто ENTER.

Рекомендации: во всплывающем окне "Revolve" указывается профиль и ось вращения; если не происходит создание модели, убедитесь, что эти поля заполнены.

20. Получаем модель (границы внутренней поверхности) или сам сосуд (рис. 1, 3).

Чтобы измерить объем или площадь поверхности, выделяем полученную модель в разделе Тела (Bodies), в обозревателе (BROWSER), щелкаем ПКМ, выбираем свойства (Properties).

В данном случае объем сосуда составляет 1026 куб. см (1,026 л). Само керамическое тело сосуда 332 куб. см (0,332 л). А вот для измерения массы, плотности немного сложнее. Необходимо использовать применение функции программы – физический материал. Для этого выделите модель в обозревателе (BROWSER) программы, ПКМ > PHYSICAL MATERIAL. Сам материал можно перетаскивать на модель с помощью зажатой ЛКМ. Если к модели, полученной по внутреннему контуру можно легко применить такой материал, как "вода" (water), который даст точные расчеты, то к телу сосуда материалы не ограничены – в разделе "Ceramic" есть фарфор, оксидная керамика (Al2O3) и др. Расчеты массы можно производить вручную по полученному объему и удельному весу материала (если он известен), или же редактированием создать свой материал в библиотеке Fusion 360.

Также возможны анализы самого тела сосуда без использования данных о плотности или же об удельном весе материала. К примеру, анализ кривизны поверхности и определения центра масс сосуда (рис. 1, 4). Эти и другие анализы можно найти в меню INSPECT.

Для получения визуализации может быть полезным рабочее пространство "Render". Здесь есть возможность подобрать текстуры, настроить сцену, освещение и т. д. (рис. 1, 5). Также имеется возможность добавить накладываемые поверх материала растры (decal), к примеру, узоры и трещины.

Solvespace. С помощью этого бесплатного ПО легко определить объем симметричного сосуда, а также рассчитать центр масс. По мнению автора, Solvespace – самое простое в использовании среди всех перечисленных в данной статье, с поддержкой операционных систем Windows, Linux и MacOS.

Для того чтобы рассчитать объем сосуда, для начала в меню "Вид" выставляем единицы измерения: данная программа поддерживает миллиметры, метры и дюймы.

Как образец чертежа использованы иллюстрации из публикации [Горячев 2010: 148, рис. 6, 32].

1. Создаем новый документ (Ctrl+N).

2. Импортируем растровое изображение чертежа "Эскиз" > "Изображение" (кнопка на панели инструментов "Импортирование изображение из файла". На мо-

мент написания статьи поддерживаемый формат данным ПО растровых изображений один – PNG.

3. Двумя щелчками ЛКМ растягиваем изображение.

Рекомендации: важно, чтобы линия сечения (или разреза) была параллельна вертикально оси.

4. Для калибровки масштаба. Создаем отрезок линии, повторяющий масштабную линейку.

5. Выделив линию, используем кнопку "Ограничение расстояния" на панели инструментов или просто нажимаем клавишу "D" на клавиатуре.

6. Задаем длину линии, такую же, которая отмечена на чертеже. Нажимаем клавишу Enter.

7. Зажав клавишу SHIFT, используя ЛКМ на углах чертежа, уменьшаем (или же увеличиваем) размер чертежа так, чтобы визуально созданная линия была такого же размера, что и на чертеже.

8. Выделив ЛКМ и нажав Delete, удаляем калибровочную линию, созданную ранее.

9. С помощью инструмента "Начертить отрезок прямой" на панели (или просто нажатием клавиши "S" обрисовываем контур границ внутренней поверхности сосуда, замкнув вертикальной линией по оси сечения (или разреза) на чертеже (рис. 2, 1).

10. Сохраняем файл. Удаляем импортированный чертеж, выделив чертеж с помощью нажатия ЛКМ на угловую точку растра, затем клавиша Delete, оставив только обрисованный контур (рис. 2, 2).

11. Выделяем с помощью ЛКМ линию, замыкающую контур по оси сечения (или разреза). Нажимаем кнопку "Создать группу вращения текущего эскиза" на панели инструмента (или просто нажимаем сочетание клавиш на клавиатуре "SHIFT + L"). Модель готова.

12. Используем функцию объем в меню "Анализ" и (или) "Центр масс" (рис. 2, 3).

В итоге вместимость данного сосуда составляет 1070 куб. см (1,070 л).

FreeCAD. Нужно сказать, что данное ПО весьма удобно для тех, кто имеет опыт работы с САПР. Интерфейс весьма интуитивный и простой. Минусом является то, что процедуры анализа не являются инструментом на панели или частью отображаемых свойств объекта, так как сама операция вычисления происходит через консоль с помощью команд.

Как образец чертежа использованы иллюстрации из публикации [Самашев и др. 2009].

1. Создать новый (или Ctrl + N).
2. Переключаем "верстак" на "Sketcher", нажимаем на "Создать новый эскиз" на сменившейся панели инструментов.
3. Выбираем плоскость XY. В задачах на "Комбо панели" нажимаем "Закрыть".
4. Переключаем "верстак" на "Image", нажимаем на "Создать двухмерное изображение в трехмерном пространстве" на сменившейся панели инструментов.
5. Теперь на панели инструментов нажимаем "Масштабирует плоскость изображения…"
6. С помощью нажатий ЛКМ отмечаем первую точку, вторую (края на масштабной линейке растрового изображения), отмечаем сам чертеж (в рабочем пространстве) и вводим расстояние. Нажимаем OK.

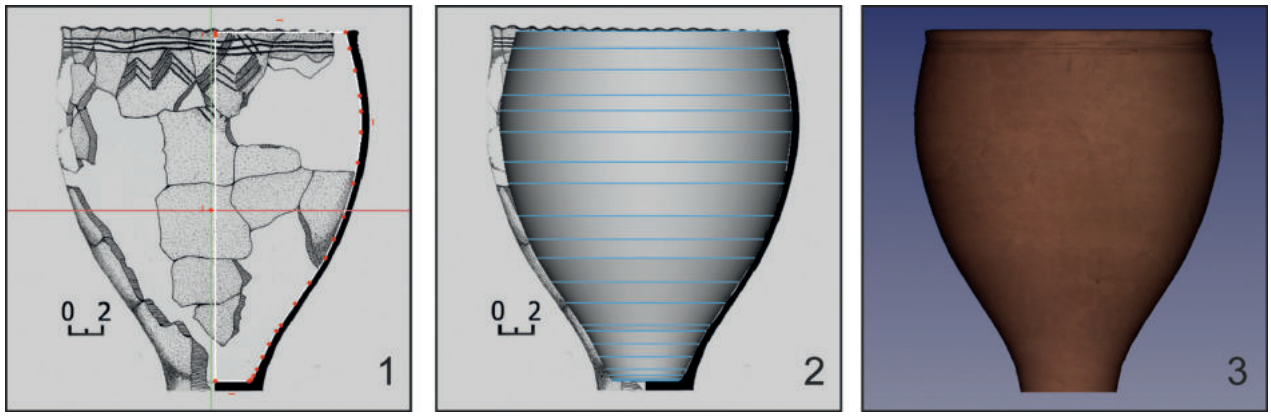

Рис. 3. Работы с трехмерной моделью керамического сосуда в САПР FreeCad: 1 – обрисовка внутреннего контура сосуда; 2 – трехмерный объект (тело вращения): границы внутренней поверхности сосуда; 3 – пример визуализации сосуда в САПР FreeCad

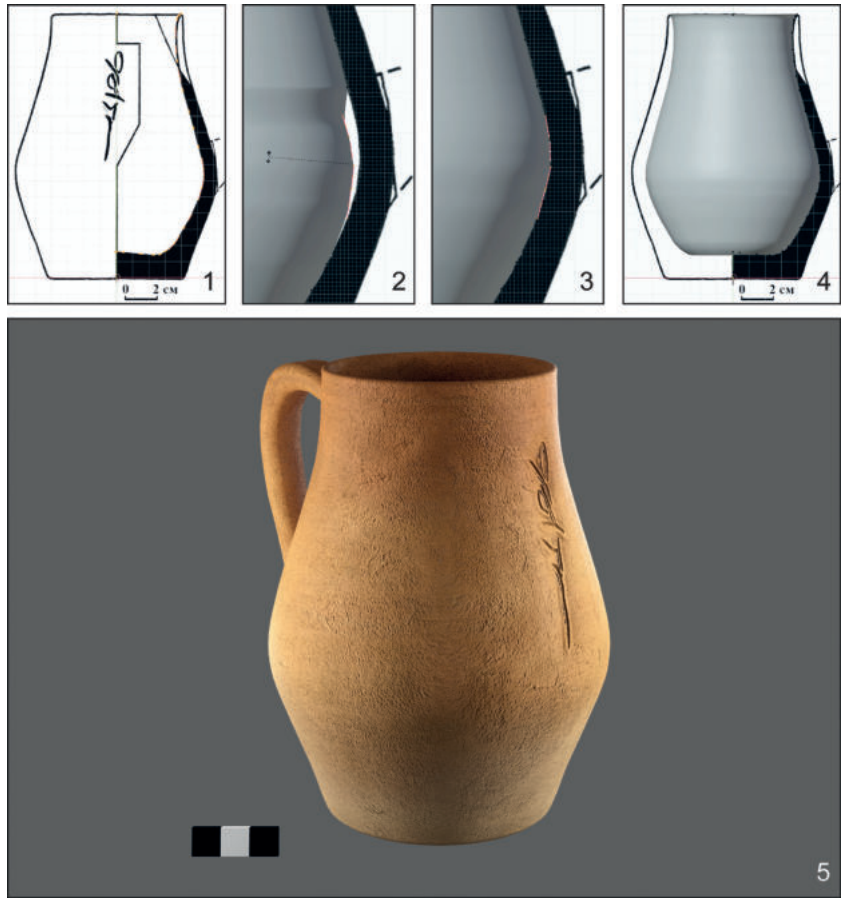

Рис. 4. Работы с трехмерной моделью керамического сосуда в редакторе трехмерной графики Blender: 1 – обрисовка внутреннего контура сосуда; 2, 3 – редактирование полученного тела вращения; 4 – трехмерный объект (тело вращения): границы внутренней поверхности сосуда; 5 – пример визуализации сосуда в Blender

Рекомендации: необходимо убедиться в том, что масштабирование прошло успешно, для этого воспользуйтесь инструментом "Измерить расстояние". Отметьте две точки на масштабной линейке растра.

7. Для начала обрисовки внутреннего контура нужно открыть редактирование с помощью двойного нажатия ЛКМ по "Sketch" на "Комбо панели" (или ПКМ "Sketch" выбираем "Редактировать эскиз").

8. С помощью "Создать полилинию на эскизе" на панели инструментов обрисовываем контур границ внутренней поверхности сосуда, замкнув вертикальной линией по оси сечения (или разреза) на чертеже (рис. 3, 1). По завершении в задачах на "Комбо панели" нажимаем "Закрыть".

9. Переключаем "верстак" на "Part", и выделив получившийся контур с помощью нажатия ЛКМ по "Sketch" на "Комбо панели", выбираем "Вращать выбранную фигуру" на панели инструментов.

Рекомендации: импортированное растровое изображение может сливаться с обрисованным векторным контуром. В закладке “Модель” на “Комбо панели” можно отключать видимость отдельных составляющих проекта с помощью ПКМ > Видимость или ЛКМ и клавиша “Пробел” на клавиатуре.

10. В задачах на "Комбо панели" используем "Выберите ориентир" и ЛКМ, отмечаем вертикальную линию, замыкающую внутренний контур сосуда (данная

процедура рассчитана на выбор оси вращения). Нажимаем OK. Модель тело вращения готова (рис. 3, 2).

11. Теперь для измерения объема вызываем консоль "Python" (если она отсутствует): меню Вид > панели > консоль Python.

12. Выделяем нажатием ЛКМ получившуюся модель на "Комбо панели". В консоли "Python" вводим следующую команду (в кавычках "Revolve" – это имя объекта по умолчанию):

target_object=App.ActiveDocument.getObjectsByLabel ("Revolve") [0].

Нажимаем клавишу "ENTER" на клавиатуре.

Рекомендации: если команда сработала верно, то сообщений красного цвета об ошибках на панели "Python" не должно быть. Если они присутствуют, то зачастую проблема состоит в выделении объекта и используемом имени в команде.

13. Далее для измерения объема используем команду:

target_object.Shape.Volume

14. Для определения центра масс команда:

target_object.Shape.CenterOfMass

В результате вычисленный объем 3291519 куб. мм (3,29 л), но так как симметрия объекта неидеальна, объем данного сосуда немного больше, чем вышеуказанный.

В FreeCAD возможна визуализация как с помощью встроенных функций, так и с помощью стороннего ПО (к примеру, приложение POV-Ray). Также доступно простое наложение текстур (рис. 3, 3) и настройки свойств материала.

Blender. Несмотря на то, что редактор трехмерной графики Blender не является САПР, пригоден он не только для работ по трехмерным реконструкциям и визуализациям, но и для анализа объема. Данное ПО очень распространено не только среди графических дизайнеров, но и в мире науки, в частности в археологии и антропологии. Для замера объема можно использовать встроенную функцию в Blender или с помощью бесплатного дополнения "3D-PrintToolbox". Данный редактор бесплатен, с открытым исходным кодом. Blender поддерживает различные операционные системы: Windows, Linux и MacOS.

Как образец чертежа использованы иллюстрации из публикации [Akymbek, Baibugunov 2014: 79, fig. 1, 2].

1. Через меню "Edit" откройте "Preferences" > "Add-ons", найдите и установите дополнение "3D-PrintToolbox". Если пользователь по каким-то причинам не использует дополнения, пропускаем этот пункт.

2. По умолчанию Blender использует метры как единицы измерения (с этим столкнулся автор статьи), и если сосуд небольшого размера, то оптимально использовать сантиметры. Чтобы изменить этот параметр, необходимо в закладке "Sceneproperties" (на панели свойств "Properties") изменить "Unitscale" с 1.0 на 0.001 (также убедитесь в том, что "Unitsystem" выставлена как "метрическая". После этого можно выставить сантиметровую сетку через "Overlays", в пункте "Scale" поменять 1.0 на 0.001 и сохранить файл.

Рекомендации: перед началом работ выставьте вид сверху (клавиша "7" на цифровой клавиатуре).

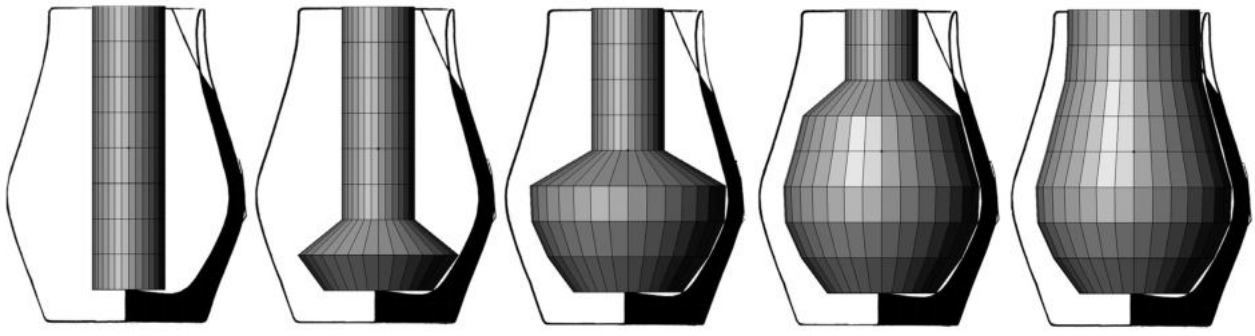

Рис. 5. Создание трехмерной модели внутренней поверхности сосуда, методом деформирования модели цилиндра

3. Импортируем растровое изображение чертежа сосуда, в режиме "Objectmode" выбираем "Add" > "Image" > "Reference".

4. Для масштабирования чертежа на фоне сантиметровой сетки нужно сделать его прозрачным. Для этого в закладке "Object data properties" (на панели свойств "Properties") выбираем "Opacity" и уменьшаем его значение (по умолчанию значение равно 1.0).

5. Перед началом убедитесь, что сетка рабочего пространства сантиметровая (сетка меняется при удалении или приближении вида с помощью колесика мыши), с помощью инструмента "Measure". Изменяя размер и положения чертежа, необходимо сделать так, чтобы масштабная линейка растрового изображения была тех же размеров, что и количество клеток фоновой сетки. Для этого можете использовать инструменты "Move", "Scale" или горячие клавиши "G" и "S" на клавиатуре.

6. Поместите чертеж так, чтобы вертикальная ось (Y) рабочего пространства Blender была единой прямой с линией сечения (или разреза) на чертеже.

Рекомендации: сравните результаты масштабирования с помощью инструмента "Measure".

7. Теперь нужно обрисовать контур границ внутренней поверхности сосуда. Для начала в режиме "Objectmode" выбираем "Add" > "Curve" > "Bezier", переходим в режим редактирования "Editmode". В закладке "Object data properties" (на панели свойств "Properties") выбираем "2D".

Рекомендации: использование кривых может показаться непривычным, потому как первый участок между двумя точкам будет создан не с помощью двух нажатий ЛКМ, а автоматически, его нужно переместить на растровый чертеж как начало рисуемого контура (рис. 4, 1). Для этого, выделив вершину (вертекс), нажимаем клавишу "G". Для продолжения кривой выделяем крайнюю вершину (вертекс) и нажимаем клавишу "E". Увеличить расстояние между управляющими точками можно с помощью клавиши "S". Вращать контрольные точки с помощью клавиши "R".

8. Замыкать контур по линии сечения (или разреза) необязательно. Отредактировав кривую, теперь необходимо создать тело вращения. В закладке "Modifier properties" (на панели свойств "Properties") выбираем модификатор Screw (через Add modifier) и ось "Y". В пункте "StepsViewport" выставляем значение от 60 и более (это количество граней, что отразится на результатах анализа; чем больше, тем точнее). Модель готова.

Рекомендации: редактирование положения точек, вращение контрольных точек все еще остается возможным. Изменяя точки кривой в режиме редактирования "Editmode", будет изменяться и сама модель (рис. 4, 2, 3). Перед следующим действием рекомендуется сохранить файл как копию на данной стадии работы, так как в дальнейшем тело вращения будет конвертировано, что сделает невозможным вышеописанное редактирование.

9. Когда модель готова (рис. 4, 4), для измерения объема необходимо конвертировать тело вращения в полигональную сетку. Для этого выделяем тело вращения (в режиме "Object mode"), нажав ПКМ, выбираем "Convertto" > "Mesh".

10. Для расчета объема можно использовать два варианта:

а) с помощью дополнения "3D-Print" (см. шаг 1). Выделив конвертированный объект, выбираем закладку "3D-Print" на боковой панели. Если она отсутствует, необходимо нажать клавишу "N". В разделе "Analyse" выбираем "Volume". Если все прошло верно, то объем отобразится там же – в строке "Result";

б) с помощью встроенных функций. Выделив конвертированный объект, выбираем "RigidBody" в закладке "Physics properties" (на панели свойств "Properties"). В режиме "Object mode" выбираем "Object" > "RigidBody" > "CalculateMass", из предлагаемого списка выбираем "Custom" (самый нижний). В открывшемся небольшом окне "CalculateMass", в пункте "Density" вносим значение "1000" (плотность воды 1000 кг/м3). После этого значение массы в закладке "Physicsproperties"обновится, если масса в килограммах, соответственно, объем в литрах имеет такое же значение.

По результатам анализа объем данного сосуда составляет 965 куб. см (0,96 л). Что касается визуализации, Blender является лучшим среди бесплатных редакторов трехмерной графики. Как продукт визуализации, автор приводит вариант реконструкции того же сосуда (рис. 4, 5).

В завершение стоит отметить, что рассмотренные выше программные обеспечения не совсем схожи между собой, независимо от того, что все они относятся к категории САПР, за исключением Blender. Разный интерфейс и разные возможности. Также описываемые автором функции встречаются и в других ПО. При выборе пользователем каких-либо других программ (которые есть в наличии у пользователя или ранее освоенные им) самым важным является наличие

функции измерения объема, а сам метод построения тела вращения необязателен. К примеру, внутреннюю часть симметричного сосуда можно смоделировать с помощью деформирования фигур. Установив модель цилиндра, можно выделять ребра или группы вершин (вертексов) и расширять их симметрично до границ внутренней поверхности сосуда (рис. 5). Автор надеется на то, что данный материал окажется полезным при выборе программного обеспечения как для профессиональных пользователей, так и для начинающих.

ЛИТЕРАТУРА

Водолажская Л.Н. К вопросу о методе расчета объема амфор // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2020. № 8 (1). С. 47–59.

Генинг В.Ф. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. Киев: Наукова думка, 1992. 188 с.

Горячев А.А. Погребальные комплексы бронзового века Хантауского транзитного коридора // История и археология Семиречья. Вып. 7. Алматы, 2020. С. 135–157.

Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Поселения токсанбайского типа на северо-восточном Устюрте // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2009. С. 159–167.

Снитковская П.А., Усманова Э.Р. Погребальная практика петровской культуры по материалам могильника Новоильиновский II // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2019. № 1 (44). С. 73–86.

Akymbek Ye., Baibugunov B. Inscriptions on ceramics of medieval city Aktobe // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2014. № 122. P. 77-81.

Blender. URL: https://www.blender.org/download/ (дата обращения: 12.02.2021 г.).

FreeCad. URL: https://www.freecadweb.org/ (дата обращения: 12.02.2021 г.).

Fusion-360. URL: https://www.autodesk.com/products/fusion-360/ (дата обращения: 12.02.2021 г.).

SolveSpace. URL: https://solvespace.com/download.pl (дата обращения: 12.02.2021 г.).

М.А. ЧЕРНОВ

Михаил Алексеевич Чернов,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан; mihalapych@yandex.kz

К ВОПРОСУ О ФАКТОРЕ СЛУЧАЙНОСТИ в ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ МОГИЛЬНИКА ТИЛЛЯ-ТЕПЕ (по материалам исследований В.И. Сарианиди) *

Аннотация. Данная работа написана с целью привлечь внимание исследовательского корпуса к причинам, способным повлиять на конечное положение человеческих тел и сопутствующего предметного материала в погребальном ритуале на примере статусного некрополя Тилля-тепе, раскопанного экспедицией под руководством В.И. Сарианиди в 1978–79 г. Захоронения производились в гробах/дощатых ящиках. Гробы опускались в могильные ямы на веревках. Это обстоятельство привело к случайному смещению тел покойных внутри конструкций. Устанавливается наличие подобных смещений по конечному положению костных останков погребенных относительно стенок гроба. В некоторых случаях имеется весьма высокая степень смещения. Подобные нарушения способны повлиять на процессы реконструкции, костюма в частности. Случайности подобного типа наиболее вероятны для захоронений в гробах, в отличие от трупоположения для катакомбных и срубных культур.

Ключевые слова: Тилля-тепе, захоронения в гробах, эффект случайности, положение костяка, реконструкция, анализ, in situ

Тилля-тепе қорымының жерлеу рәсімдеріндегі кездейсоқтық факторы туралы сұраққа (В.И. Сарианидидің зерттеу материалдары бойынша)

Аннотация. 1Бұл жұмыс 1978-1979 жылдары В. И. Сарианидидің басшылығымен экспедициясы қазған Тилл-тепе мәртебелік некрополінің мысалында адам денелерінің соңғы жатқызылуы және жерлеу рәсіміндегі ілеспе материалға әсер ететін себептерге зерттеушілердің назарын аудару үшін жазылған. Жерлеу табытта/ағаш жәшіктерде жүргізілді. Табыт қабір шұңқырына арқанмен түсірілді. Бұл құрылымның ішінде қайтыс болған адам денесінің қозғалып кетуіне әкеп соқтырды. Табыттың қабырғаларына жерленген сүйек қалдықтарының соңғы жатқызылуы бойынша осындай жылжулардың болуы анықталады. Кейбір жағдайларда қозғалып кету өте көп болады. Мұндай өзгеріске ұшыраулар реконструкция процесіне әсер етеді. Табытты қабірге түсіру кезіндегі адам мүрдесінің өзгеріске ұшырауы қалыптасқан in situ түсінігіне түзетулер енгізеді.

Түйін сөздер: археология, Тилля-тепетабытта жерлеу, кездейсоқтық жағдайы, сүйектердің орналасуы, реконструкция, талдау, in situ

On the question of the randomness factor in the burial rites of the Tillya-tepe burial ground (based on the research materials of V.I. Sarianidi)

Abstract. This work is written in order to draw the attention of the research corps to the reasons, capable of influencing the final position of human bodies and related subject matter in the funeral ritual on the example of the status necropolis of Tillya-tepe, excavated by an expedition led by V.I. Sarianidi in 1978-79. Burials were carried out in coffins/board boxes. Coffins were lowered into the grave pits on ropes. This circumstance led to the accidental displacement of the bodies of the deceased inside the structures. The presence of such displacements in the final position of the bone remains of the buried relative to the walls of the coffin is established. In some cases, there is a very high degree of bias. Such violations can affect the reconstruction processes, the costume in particular. Accidents of this type are most likely for burials in coffins, as opposed to corpse-laying for catacomb and srubnaya cultures.

Keywords: Tillya-tepe, burials in coffins, the randomness effect, the position of the backbone (the position of the bones of the skeleton), reconstruction, analysis, in situ

В 1978–1979 гг. Советско-афганской экспедицией проводились раскопки холма Тилля-тепе в Северном Афганистане, недалеко от г. Шибергана. В ходе работ был обнаружен и исследован статусный некрополь. Раскопано шесть погребений лиц высокого ранга. По мнению В.И. Сарианиди, руководителя экспедиции, могилы княжеского, если не царского уровня [Сарианиди 1987а: 168–181; 1989: 176]. Могилы оказались

© 2022 Чернов М.А.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта OR11465466.*

нетраблеными. Только захоронение № 3 было основательно потревожено грызунами. Во всех остальных случаях вещевой и предметный материал находился в позиции in situ, что явилось удачей для археологов. Как считал В.И. Сарианиди, своей сохранностью статусные погребения обязаны той скрытности, в которой проводился похоронный ритуал – «Не исключено, что на Тилля-тепе мы действительно имеем дело со скрытыми захоронениями, когда погребения лиц правящей династии совершались в глубокой тайне от рядовых горожан» [Сарианиди 1989: 46].

Особенностью этого могильника является то, что покойники в пяти случаях из шести (количество вскрытых погребений) были уложены в гробы – деревянные ящики без крышек. Гробы собирались из досок и скреплялись железными скобами. Скобы представляют собой удлиненные железные пластины, согнутые под прямым углом. В погребении № 5 металлических скоб обнаружено не было. На этом основании Сарианиди выразил предположение, что покойника захоронили в колоде. Хотя об останках колоды в книге «Некрополь Тилля-тепе…» упоминаний нет, эту версию возможно принять по той причине, что могильные ямы шахтного типа достаточно узки, и служители культа не могли туда спуститься и принять тело для уложения в могилу. Погребальные камеры своей длиной и шириной превосходили параметры собственно домовины ровно на столько, чтобы относительно беспрепятственно опустить на веревках дощатую конструкцию с телом в яму.

Во всех известных вариантах погребений, в срубной, или ямной культурах, тело доставлялось к ложу по дромосу. В кушанском варианте оно опускалось в могилу на веревках, уложенное в ящик. Во время этой процедуры могли происходить непредвиденные смещения тела внутри конструкции, исправить которые, без извлечения гроба на поверхность, было невозможно. То, что такое случалось во время церемонии захоронения и не подвергалось исправлению, красноречиво говорит положение костяков на дне погребальных ям. Тела, опущенные без эксцессов, сохраняют свое первоначальное положение и после разложения мягких тканей. Их скелеты продолжают оставаться в вытянутом положении, с руками, уложенными вдоль тела, как характерный элемент обряда захоронения [Сарианиди 1989: 48].

В тех случаях, когда во время спуска в могилу, гроб накренялся в сторону ног или головы, тела принимали неестественное, для первоначального, положение. Их конечности подгибались, скрещивались, а тела отклонялись от центральной оси и прогибались, либо в поясничном, либо грудном отделах позвоночника. В зависимости от степени наклона домовины происхо-

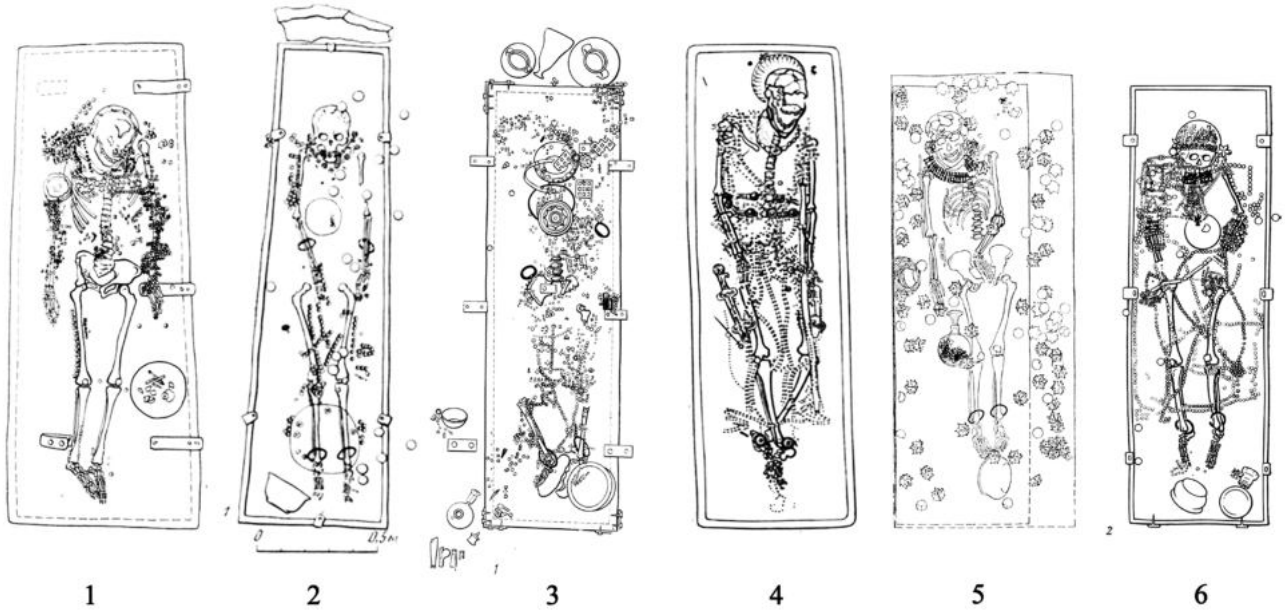

Рис. 1. Планы погребений могильника Тилля-тепе: 1 – по: [Сарианиди 1989: 50]; 2 – по: [Сарианиди 1989: 55]; 3 – по: [Сарианиди 1989: 68]; 4 – по: [Сарианиди 1989: 85]; 5 – по: [Сарианиди 1989: 111]; 6 – по: [Сарианиди 1989: 115]

дило смещение тела. В частности, при поперечном наклоне происходило смещение тела к одной из боковых стенок гроба. По окончании процесса распада плоти и другой органики, костяки и предметы оставались лежать в смещенном состоянии до обнаружения могилы специалистами.

Так по графическим материалам экспедиции В.И. Сарианиди, можно констатировать следующие признаки смещения тел по положению скелетов.

Могила 1 – нижние конечности покойной слегка отклонены влево. Голова, по отношению к левому плечевому суставу, выглядит втянутой в плечи без продольного смещения. Причиной этого мог быть высокий головной убор и кратковременность воздействия. Конический головной убор, вероятно, вершиной уперся в торец гроба и только «вдавил» голову в плечи (рис. 1, 1).

Могила 2 – смещение было незначительным и не повлияло в целом на положение тела. Но правая рука при этом оказалась наложенной на тело (кисть в области паха). Кости нижних конечностей сохранили параллельность, череп лежит прямо. Кости позвоночника и таза отсутствуют, что можно объяснить воздействием грызунов (рис.1, 2).

Могила 3 – большинство костей, и крупные в том числе, не сохранились, но по общему размещению предметов декора одежды и части позвоночника, можно констатировать – изменения положения тела при захоронении не было. Об этом также свидетельствует отслеживаемое расстояние от стоп и скопления предметов украшения головы до торцевых стенок гроба. Эти параметры сохранили пропорции размещения тела в домовине согласно двум первым случаям, которые были продиктованы, вероятнее всего формой и параметрами головных уборов погребального облачения. Посуда, размещенная в ногах покойной, несколько сдвинута от торцевой стенки гроба (рис. 1, 3).

Могила 4 –захоронение мужчины высокого роста (180–185 см по В.И. Сарианиди). Прослеживается сильное смещение тела вдоль продольной оси. Голова покойника, буквально уперлась в торец гроба так, что подбородок покойника уперся в грудную клетку. Крен домовины оказался настолько сильным, что головной убор не смог сдержать напора массы тела и подломился. Позвоночник оказался изогнут дугой влево, в сторону наибольшего воздействия. Левое плечо сместилось вверх по отношению к правому. Руки сохранили положение вдоль тела, но согнулись сообразно телу. Левая нижняя конечность подогнулась в колене, и ее щиколотка оказалась под икрой правой ноги. Расстояние от торца гроба до ступней намного превышает расстояние от противоположного торца до свода черепа (рис. 1, 4).

Могила 5 – захоронение в «колоде?». Тело покойника получило сильное диагональное смещение, что вряд ли было возможным в условиях захоронения в колоде. Колода, как погребальная конструкция, изготавливается из комлевой части ствола дерева. Дно колоды имеет желобообразную форму, которая не могла позволить телу внутри конструкции принять диагональное положение. Такое возможно только в пределах плоской прямоугольной поверхности, которую предоставляет внутреннее пространство дощатого гроба, типа ящика. Отсутствие металлических скоб можно объяснить несовершенством плотницкой технологии, либо иной технологией крепления. Доски могли скрепляться различными способами без использования металлических крепежных деталей, от шипового соединения, до использования деревянных гвоздей-нагелей и шкантов. В сочетании с клеем, такое соединение вполне надежно. Эти материалы, ясно, не могли оставить сколько-нибудь заметных следов в процессе разложения. При погружении в могильную яму, гроб испытал крен, способствовавший смещению тела покойной вдоль продольной оси и, отчасти, в поперечном направлении. В итоге, голова значительно приблизилась к торцевой стенке. В костях плечевого пояса возник перекос. Левая рука согнулась в локте, а кисть сместилась на корпус. Правая рука отошла от тела, сохранив продольное положение относительно боковых стенок гроба. Позвоночник принял диагональную ориентацию: от верхнего левого угла к нижнему правому (с позиции наблюдателя). В костях таза тоже произошел перекос, левое крыло поднялось выше правого. Ноги прижались к стенке гроба, но сохранили параллельность относительно друг друга. Посуда, уложенная в ногах покойницы, сдвинулась от торца гроба в продольном направлении. Под ногами образовалось избыточное пространство (рис. 1, 5).

Могила 6 – конечное положение тела свидетельствует о том, что покойник несколько сместился к головному торцу по продольной оси, со сдвигом плечевого пояса влево. При этом позвоночник и основная масса костей сохранили продольное положение. Единственно, левая рука оказалась согнутой в локте с размещением кисти на корпусе. Положение черепа оставляет впечатление небольшой вдавленности головы в плечи, что также можно объяснить кратковременным воздей-

ствием при наклоне гроба и сопротивлением материала конусного головного убора. Посуда в ногах покойника осталась возле торцевой стенки (рис. 1, 6).

Таким образом, по результатам анализа можно утверждать, что положение тел в могильных ямах формально соответствует понятию in situ, но далеко от того, в котором находились тела по окончании укладки в гроб. Фактически положение тел и предметного, вещевого материала на данный момент отвечает термину, который в переводе с латинского языка, означает «на месте». И только по той причине, что антропогенное воздействие на объекты будущих научных исследований на этом не завершилось, наука в результате получает заведомо искаженные данные. Если учесть в ходе исследования влияние фактора случайных перемещений внутри конструкции, то специалист получит более достоверную информацию для своих реконструкций.

По результатам раскопок, В.И. Сарианиди приводит возможные варианты восстановления внешнего облика костюмов и частично головных уборов [Сарианиди 1987б: 72–83; 1989: 49–131]. Но реконструкцию нельзя назвать полной, поскольку задействованы не все предметы, принадлежащие одеяниям. Так, в частности не были в полной мере воссозданы головные уборы для могил 4, 5 и 6. Единственный мужской персонаж, как правитель (статусное лицо) не мог быть погребен без соответствующего оформления головы. Тоже самое можно сказать и про погребенных в могилах 5 и 6. И хотя в шестой могиле обнаружена золотая корона, есть основания полагать, что убор этой женщины был сложнее по устройству и содержанию. Причину неполного объема реконструкций, при максимальной сохранности могил и объема изъятого сопровождающего материала, следует искать в выше указанных причинах, выразившихся в смещении тел в погребальных конструкциях. Именно в последних трех погребениях наблюдается наиболее сильная подвижка костяка. Так, В.И. Сарианиди не единожды брался за тему воссоздания головных уборов могил 4 и 6. Также он привлек к этой работе Е.Е. Кузьмину. Дана была более-менее точная атрибуция предметного материала по отдельности и предпринята попытка связать его в единую композицию [Кузьмина, Сарианиди 1982: 19–27]. Но результат не следует признать удовлетворительным, поскольку форма головного убора так и не была предложена. Нарушенный смещением головной убор расположил предметный материал в соотношении далеком от истинного. Это и привело исследователей к ошибочному решению, где металлический сосуд/фиал был воспринят как форма головного убора, к которому были приклеены металлические детали декора [Кузьмина, Сарианиди: 20–21; Сарианиди 1989: 90].

Учет фактора смещения тел в гробах при помещении в могилу позволяет внести коррективы в устоявшееся понятие in situ. Исходя из того, что графическая документация составлена достаточно точно и достоверно, а все размеры и параметры погребальных конструкций и сооружений приведены в работах В.И. Сарианиди [Сарианиди 1989: 49–131], то представляется возможным рассчитать размеры головных уборов, используя пропорциональные отношения элементов. Автор не ставил перед собой подобной задачи в формате данного сообщения. Основным посылом явилось желание привлечь внимание исследователей к причинам, способным повлиять на конечное положение человеческих тел и сопутствующего предметного материала в ритуале, а в целом к тем возможностям, которые могут содействовать восстановлению первоначальной картины.

ЛИТЕРАТУРА

Кузьмина Е.Е. Сарианиди В.И. Два головных убора из погребений Тилля-тепе и их семантика // КСИА. Вып. № 170. М.: Наука, 1982. С. 19–27.

Сарианиди В.И. Тилля-тепе и ювелирное искусство ранних кушан // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1987а. С. 168–181.

Сарианиди В.И. Бактрийский центр златоделия // СА. № 1. 1987б. С.72–83.

Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тилля-тепе. М.: Наука, 1989. 240 с.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
LIST OF ABBREVIATIONS

АГУ им. Абая –	Алматинский государственный университет им. Абая. Алматы
АН СССР –	Академия наук СССР. Москва
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
ВКО –	Восточно-Казахстанская область
ГАГУ –	Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск
ГАИМК –	Государственная академия истории материальной культуры. Москва
ГИКЗМ –	Государственный историко-культурный заповедник-музей
ГИМ –	Государственный исторический музей. Москва
ЗВОРАО –	Записки восточного отделения Российского археологического общества. Санкт-Петербург
ЗКУ им. М. Утемисова –	Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова. Уральск
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева –	Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. Астана, Нур-Султан
ИА АН РУз. –	Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан. Самарканд
ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы
ИА РАН –	Институт археологии Российской академии наук. Москва
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск
ИВ РАН –	Институт востоковедения Российской академии наук. Москва
ИИАЭ –	Институт истории, археологии и этнографии. Алматы
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. Алма-Ата

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург

ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, Самарканд

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук. Тюмень

КазНИИК – Казахский научно-исследовательский институт культуры. Алматы

КарГУ – Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова. Караганды

КемГУ – Кемеровский государственный университет. Кемерово

КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. Москва

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Санкт-Петербург

МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Санкт-Петербург

МГУ им. М.В. Ломоносова – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва

МИЦАИ – Международный институт центральноазиатских исследований. Самарканд

НГУ – Новосибирский государственный университет. Новосибирск

НИЦИА «Бегазы-Тасмола» – Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола». Алматы

НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан. Уфа

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург

ПГУ им. С. Торайгырова – Павлодарский музей им. С. Торайгырова. Павлодар

ПТКЛА – Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук. Екатеринбург

СА – Советская археология. Москва

САИ – Свод археологических источников. Москва

САИ – Сарыаркинский археологический институт. Караганды

СЭ – Советская этнография. Москва

Труды ИИАЭ – Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской Советской Социалистической республики. Алматы

ФИА – Филиал института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Нур-Султан

INORA – International News of Rock Art. Paris

••• МАЗМҰНЫ • СОДЕРЖАНИЕ • CONTENT •••

АЛҒЫСӨЗ 7
ПРЕДИСЛОВИЕ 8

УАҚЫТ ПЕН КЕҢІСТІКТЕГІ ДАЛА МЕН ҚАЛА: МӘДЕНИЕТТЕР ДИАЛОГЫ

СТЕПЬ И ГОРОД ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Хабдулина М.К.
Этнографическое поселение Козыкош конца XIX – начала XX в. 9

Ганиева А.С., Сакенов С.К., Хасенова Б.М.
Результаты исследования кыстау Бозок II (Акмолинское Приишимье) в 2021 г. 16

Тұяқбаев М.Қ., Бахтыбаев М.М., Мургабаев С.С., Сиздиков Б.С.
«Хан Ордасы» кешенінде 2020 ж. жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстары 24

Мұқтар Ә.Қ., Тұраруұлы А.
Сарайшықтағы «Хан моласын» іздеу және оның алғашқы нәтижелері 35

Лукпанова Я.А., Марыксин Д.В.
Мавзолей эпохи Золотой Орды (сообщение по итогам раскопок 2020–2021 гг.) 40

Бугарчев А.И., Исаев В.Ю., Купцов А.Е.
О булгарском дирхаме XIII в. с изображением солнца 45

Талеев Д.Ә.
Қаратаудың теріскей бетіндегі кейінгі ортағасырлық қалалар: Созақ, Қарақұрым және Иланбалық 48

Сиздиков Б.С., Жетібаев К.М., Мургабаев С.С., Бахтыбаев М.М., Арынов Қ.С., Гурсой М., Амантуров М.Қ., Малдыбекова Л.Ж., Сералиев А.
Сығанақ қалашығында 2021 жылы жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижелері 58

Мұстапаева Д.Ө.
Қожа Ахмет Ясауи кесенесі, Ясы қаласының зерттелуі 67

Мургабаев С.С., Бахтыбаев М.М., Арынов Қ.С., Сиздиков Б.С., Тұяқбаев М.Қ.
Ескі Түркістан қалашығында 2021 жылы жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстары 72

Хамитова М.А.
Ә. Марғұланның XX ғасырдың 40–50 жылдары бүгінгі ұлттық рухани киелі нысандар тізіміне енген ескерткіштерді зерттеуі 78

Подушкин А.Н., Донец А.Г., Асадчева Е.М., Кесман А.В.
Некоторые итоги археологических исследований в урочище Сильбели (по материалам работ 2020–2021 гг.) 88

Genito B.
Landscape and urbanscape in the steppe areas 101

Хушваков Н.О.
Муканна и о его крепости в Кеше 115

Матбабаев Б.Х., Хошимов Х.Б., Джу Янгши, Луи Тао
Археологические исследования на городище Мингтепа в Ферганской долине (Узбекистан) 123

АРАЛ-КАСПИЙ МЫҢЖЫЛДЫҚТАР КӨРІНІСІНДЕ

АРАЛО-КАСПИЙ В ПАНОРАМЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Қуандық С.Р., Мамиров Т.Б.
Предварительные итоги полевых работ в Рын-песках (Нарынкум) в 2021 г. 131

Ержанова А.Е., Лошакова Т.Н.
Каменные орудия с поселения Айтман 135

Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Ахатов Г.А., Жанузак Р.Ж.
Предварительные итоги изучения могильника Жагабулак I в бассейне р. Жем (Эмба) 142

Курманкулов Ж., Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р.
Археологические исследования на городище Бабиш-мола: новые данные 153

Утубаев Ж.Р., Шағырбаев М.С.
Бәбіш мола 7 археологиялық кешенінен табылған жануар сүйектерін зерттеудің кейбір нәтижелері (2021 ж. қазба материалдары бойынша) 170

Dospanov O., Embergenova A.
Archaeological expeditions of the state museum of arts of the Republic of Karakalpakstan named after I. Savitsky 181

Доспанов О.Т.
Некоторые вопросы к изучению материальной культуры Южного Приаралья в эпоху Средневековья (стеклоделие) 185

Котеньков С.А., Соловьёв Д.С.
Итоги междисциплинарных исследований на Семибугоринском археологическом комплексе 190

ЖЕТІСУДЫҢ ТАУЛЫ ЖӘНЕ ТАУ ЕТЕГІНДЕГІ КЕҢІСТІГІНІҢ ӘРТҮРЛІ КЕЗЕҢДЕРДЕГІ ИГЕРІЛУІ

ОСВОЕНИЕ ПРЕДГОРНЫХ И ГОРНЫХ ПРОСТРАНСТВ ЖЕТЫСУ В РАЗЛИЧНЫЕ ЭПОХИ

Мухтарова Г.Р., Джасыбаев Е.А., Железняков Б.А., Тулегенов Т.Ж., Сатаева Б.Е.
Результаты археологических исследований памятника Рахат в полевом сезоне 2020 г. 200

Подушкин А.Н., Торежанова Н.Ж., Мякишева О.А.
Итоги полевых археологических исследований в урочище Актерек за 2021 г. 213

Горячев А.А., Егорова Т.А.
К вопросу о погребальных традициях населения раннего железного века у северных склонов Иле Алатау (по материалам кургана № 17 могильника Тургень-I) 222

Сараев В.В.
Постскриптум к истории изучения Каргалинского клада 233

Кариев Е.М., Бесетаев Б.Б.
Мониторинг состояния археологических памятников Шубарат и Молалы в 2021 г. 246

Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С., Нұрғали Н.Б.
2021 ж. Талас өңіріндегі ортағасырлық төрткүлдерге жүргізілген далалық зерттеулер 255

Хасенова Б.М.
Торевтика карлуков: история изучения в XX – начале XXI в. 262

АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ДЕРЕКТЕР БОЙЫНША ҚАЗАҚ АЛТАЙЫ МЕН ТАРБАҒАТАЙДАҒЫ МӘДЕНИГЕНЕЗ ПРОЦЕСІ

ПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА В КАЗАХСКОМ АЛТАЕ, ТАРБАГАТАЕ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Петенева Г.Г.
Клад металлических изделий периода поздней бронзы из Тарбагатая 269

Сиражева Б.А.
Қазақ Алтайы ортағасырлық көшпелілерінің мәдениетіндегі сүйек пен мүйізден жасалған бұйымдар 277

Айткали А.К., Жунисханов А.С.
Семей өңіріндегі ерте темір дәуірі ескерткіштерін зерттеудің алғашқы нәтижелері 291

Самашев З., Айткали А.
Женские погребения хунно-сяньбийского времени некрополя Берел 296

Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Кариев Е.М.
Результаты междисциплинарных изысканий в Жарминском районе Восточного Казахстана 306

САРЫАРҚА МЕН ШЕКТЕС АУДАНДАРЫ ЖАҢА ЗЕРТТЕУЛЕР АЯСЫНДА

САРЫАРКА И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ РЕГИОНЫ В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Волошин В.С.
О некоторых типах каменных изделий из археологических комплексов позднего голоцена (по материалам памятников в верховьях р. Ишим) 316

Мерц В.К., Демидкова Е.Д.
Некоторые особенности каменной индустрии стоянки Шолпан 2 327

Сосо Е.
Recycling of discarded artifacts at surface sites:
a case study of artifacts from Semizbugu 4 and 10a 338

Әуезов Қ.Ж.
Ұлытау-Жезқазған өлкесінің ежелгі металлургия мен таукен ісінің зерттелу тарихы (XX ғасырдың 50–70 жылдардағы материалдары бойынша) 344

Амиров Е.Ш., Үмітқалиев Д.Б.
Антропоморфное изваяние из кургана Аралкол 348

Берсенева Н.А.
Мужское/женское доминирование в обществах ранних кочевников Южного Урала (анализ археологических данных) 353

Сала Р., Деом Ж-М.
Геоархеологическое исследование Северо-Восточного Прибалхашья 359

ЖАРТАСТАҒЫ ЖЫЛНАМАЛАР: ПЕТРОГЛИФТІ КЕШЕНДЕР ТУРАЛЫ ЖАҢА МӘЛІМЕТТЕР

ЛЕТОПИСИ НА СКАЛАХ: НОВЫЕ ДАННЫЕ О КОМПЛЕКСАХ С ПЕТРОГЛИФАМИ

Горячев А.А., Галимжанов С.Э., Казизов Е.С., Егорова Т.А., Гумирова О.Н.
Результаты археологической разведки западных отрогов гор Архарлы в 2021 г. 371

Железняков Б.А., Золотухина О.А., Железнякова В.Л.
Изображения «луноголовых» лучников из памятника наскального искусства Басбатыр (хребет Жетыжол) 388

Hermann L., DeKastle A.
Tamga petroglyphs in the rock art of the Karakol Region (Chuy and Naryn Oblasts) in Kyrgyzstan 397

ЭКСПОНАТ ЭВОЛЮЦИЯСЫ: КОНСЕРВАЦИЯ, РЕСТАВРАЦИЯ, МУЗЕЕФИКАЦИЯ МӘСЕЛЕЛЕРІ. АРХЕОЛОГИЯДАҒЫ БАҒДАРЛАМАЛЫҚ ҚЫЗМЕТ КӨРСЕТУЛЕР: ҚОЛДАНУ БОЙЫНША ҰСЫНЫСТАР

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКСПОНАТА: ВОПРОСЫ КОНСЕРВАЦИИ, РЕСТАВРАЦИИ, МУЗЕЕФИКАЦИИ. ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НА СЛУЖБЕ АРХЕОЛОГИИ: РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ

Зайберт В.Ф., Абильмаликов К.К., Шакшаков К.Ғ., Құрманиязов Ы.С., Баянова Ж.К.
2021 жылғы Ботай қонысындағы ғылыми-эксперминаталді үйіндегі ғылыми-тәжірибелік қайта қалпына келтіру жұмыстарының негізгі нәтижелері 405

Тәжекеев Ә.Ә., Султанжанов Ж.К., Құрманиязов Ы.С., Бейсембаева Л.С.
2020–2021 жж. Ортағасырлық Алтын-асар және Жанкент қалашықтарында жүргізілген ғылыми-қайта қалпына келтіру жұмыстарының нәтижелері 411

Реутова М.А.
Реставрация уникальных находок резного обугленного дерева из Кафыркалы 419

Мусаханова М.З., Мусаханова Ж.М.
Особенности реставрации музейных коллекций Казахстана 427

Антонов М.А.
Измерение объема и центра масс симметричных сосудов с помощью бесплатного программного обеспечения (САПР) методом построения тела вращения 431

Чернов М.А.
К вопросу о факторе случайности в погребальных обрядах могильника Тилля-тепе (по материалам исследований В.И. Сарианиди) 440

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS 444

Ғылыми басылым

Марғұлан оқулары – 2022:
халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары
(Алматы қ., 12–13 сәуір 2022 ж.).
Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022.

Научное издание

Маргулановские чтения – 2022:
материалы международной научно-практической конференции
(г. Алматы, 12–13 апреля 2022 г.).
Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022.

Компьютерлік беттеу және дизайн: А.А. Исмаилова
Компьютерная верстка и дизайн: А.А. Исмаилова

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды
050010, Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 31.08.2022 жылы қол қойылды. Пішім 84x108 $^{1}/_{16}$
Шартты б. т. 27,75. Arial гарнитурасы. Таралымы 100 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии имени А.Х. Маргулана
050010, г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 31.08.2022 г. Формат 84x108 $^{1}/_{16}$
Усл. п. л. 27,75. Гарнитура Arial. Тираж 100 экз.

«Хикари» баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
hikari.kz24.online